ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА—ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС

К. МАРКС
и
Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

Издание второе

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва • 1962

К. МАРКС
и
Ф. ЭНГЕЛЬС

ТОМ

27

ПРЕДИСЛОВИЕ
К ТОМАМ ПИСЕМ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

Двадцать седьмым томом Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса открывается серия томов, содержание которых составляет переписка между основоположниками марксизма, а также их письма к разным лицам.

Характеризуя общие черты международного рабочего движения эпохи домонополистического капитализма, к которой относится переписка между Марксом и Энгельсом, В. И. Ленин указывал, что это была «эпоха выделения рабочего класса из буржуазной демократии, эпоха возникновения самостоятельного рабочего движения, эпоха определения основ пролетарской тактики и политики» (В. И. Ленин. Соч., 4 изд., т. 19, стр. 502). Письма основоположников научного коммунизма с замечательной полнотой отражают важнейшие вехи истории формирования и развития марксизма и международного рабочего движения. Они наглядно иллюстрируют отличительные черты марксизма — его творческий характер, соединение революционной теории с революционной политикой, неразрывную связь научного коммунизма с практикой классовой борьбы пролетариата.

Составляя существенную часть литературного наследия основоположников марксизма, их письма дают яркое представление о теоретической и практической деятельности Маркса и Энгельса как учителей и вождей международного пролетариата. Письма показывают их многолетнюю борьбу за создание массовой революционной партии рабочего класса, за выработку правильной тактики международного рабочего движения, учитывающей как общие закономерности революционной

классовой борьбы пролетариата, так и особенности этой борьбы на разных исторических этапах и в разных странах. Отличительной чертой писем основоположников научного коммунизма является острая, принципиальная критика идеологических и политических противников пролетариата, борьба против всяческих разновидностей оппортунизма, сектантства и догматизма в рабочем движении. Глубокая партийность, беззаветная преданность делу пролетариата, горячие симпатии к освободительной борьбе угнетенных народов всех стран — вот что в первую очередь характеризует эту переписку.

Письма Маркса и Энгельса представляют собой огромное идейное богатство. Многие из них существенно дополняют произведения основоположников марксизма, содержат оригинальные и глубокие формулировки важнейших теоретических и тактических положений, первоначальную разработку многих проблем, получивших дальнейшее развитие в трудах Маркса и Энгельса. Переписка отражает развитие основоположниками научного коммунизма всех трех составных частей своего учения — диалектического и исторического материализма, политической экономии, учения о социализме и коммунизме, стратегии и тактике классовой борьбы пролетариата. Отдельные письма имеют особую научную ценность, так как они содержат мысли Маркса и Энгельса, которые по тем или иным причинам не получили развития в их трудах. В своих письмах Маркс и Энгельс нередко давали более острые политические оценки и характеристики различным событиям и лицам, чем в некоторых своих печатных выступлениях, поскольку в переписке они не были связаны цензурными и другими условиями и могли более откровенно высказывать свое мнение.

Исключительно велико историко-биографическое значение эпистолярного наследия Маркса и Энгельса как важнейшего источника для изучения их жизни и деятельности. Письма основоположников марксизма помогают проследить историю создания их произведений, освещают ряд мало изученных сторон их политической, организаторской и публицистической деятельности.

Переписка между Марксом и Энгельсом дает возможность воссоздать картину их постоянного духовного общения и творческого содружества, показывает энциклопедическую разносторонность интересов этих титанов революционной мысли.

Огромное внимание уделял письмам основоположников марксизма В. И. Ленин, о чем свидетельствует тщательно составленный им «Конспект «Переписки К. Маркса и Ф. Энгельса 1844—1883 гг.»», изданный Институтом марксизма-ленинизма

в 1959 году. Под редакцией и с предисловием В. И. Ленина было опубликовано русское издание писем Маркса Людвигу Кугельману, им было написано также предисловие к книге: «Письма И. Ф. Беккера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др.». Указания на письма Маркса и Энгельса В. И. Ленин включил в составленную им библиографию марксизма, приложенную к его статье «Карл Маркс». В. И. Ленину принадлежит глубокая характеристика переписки между Марксом и Энгельсом, данная им в специальной статье. Всесторонний анализ различных писем основоположников марксизма содержится во многих ленинских произведениях. По инициативе В. И. Ленина, основателя и организатора Коммунистической партии и Советского государства, после Октябрьской социалистической революции был выпущен в 1922 г. сборник писем Маркса и Энгельса, предпринято собирание рассеянного в разных местах эпистолярного наследия основоположников марксизма.

Все это свидетельствует о том, что вождь российского и международного пролетариата В. И. Ленин рассматривал письма Маркса и Энгельса как драгоценную составную часть сокровищницы марксистской мысли, как важнейшее идейное оружие коммунистических и рабочих партий в их борьбе за революционное преобразование мира.

Характеризуя идейное содержание переписки Маркса и Энгельса, В. И. Ленин писал: «Если попытаться одним словом определить, так сказать, фокус всей переписки, — тот центральный пункт, к которому сходится вся сеть высказываемых и обсуждаемых идей, то это слово будет *диалектика.* Применение материалистической диалектики к переработке всей политической экономии, с основания ее, — к истории, к естествознанию, к философии, к политике и тактике рабочего класса, — вот что более всего интересует Маркса и Энгельса, вот в чем они вносят наиболее существенное и наиболее новое, вот в чем их гениальный шаг вперед в истории революционной мысли» (В. И. Ленин. Соч., 4 изд., т. 19, стр. 503).

* * *

Переписка между Марксом и Энгельсом после их смерти оказалась в руках лидеров германской социал-демократии. Ее первое издание было осуществлено на языке оригинала только в 1913 году; оно вышло в четырех томах под общей редакцией Бебеля и Бернштейна. Однако фактически редактором этого издания был Бернштейн, Идеолог ревизионизма обеднил

и фальсифицировал эпистолярное наследие классиков марксизма. Как отмечал В. И. Ленин, «Бернштейну нельзя было браться, — после его печально-знаменитой «эволюции» к крайне оппортунистическим взглядам — за редактирование писем, насквозь проникнутых революционным духом» (В. И. Ленин. Соч., 4 изд., т. 19, стр. 501).

Фальсификаторская «обработка» Бернштейном текста переписки между Марксом и Энгельсом шла по нескольким линиям. Прежде всего его публикация является далеко не полной — им опущено около двухсот писем основоположников научного коммунизма. Что касается опубликованного текста писем, то он подвергся преднамеренному искажению путем купюр и тенденциозного «сглаживания» отдельных положений. Это грубое вторжение в текст писем основоположников марксизма имело своей целью -изъять из переписки важные в политическом отношении места, отражающие борьбу Маркса и Энгельса с различными представителями антипролетарских и оппортунистических направлений в социалистическом и рабочем движении, начиная с немецких «истинных социалистов» и кончая Лассалем и представителями оппортунистического течения в германской социал-демократической партии. Размеры такого рода купюр самые различные — от нескольких слов и фраз до целых страниц. Нередко опубликованные Бернштейном части писем представляют собой лишь отрывки подлинной рукописи. Следовательно, издание 1913 г. нельзя во многих случаях рассматривать как первую публикацию данных писем (в таких случаях в настоящем издании в концовках писем в качестве первой публикации указывается первое издание их в полном виде). Столь же тенденциозный характер носят и составленные Бернштейном предисловия и редакционные комментарии к переписке, которые содержат прямые выпады против тактической линии Маркса и Энгельса и сводятся к прикрытию и подкрашиванию оппортунизма.

Кроме этой публикации, издательствами германской социал-демократической партии была опубликована лишь весьма незначительная часть сохранившихся писем Маркса и Энгельса к различным лицам в виде отдельных журнальных публикаций, а также в форме сборников писем основоположников марксизма к отдельным их корреспондентам (Кугельману, Фрейлиграту, Зорге, Даниельсону). В некоторых из этих публикаций (например, в сборнике писем Маркса, Энгельса и других лиц к Зорге) текст подвергся столь же бесцеремонному и тенденциозному вмешательству, как и переписка между Марксом и Энгельсом. Купюры и здесь шли главным образом по линии сокрытия и

ослабления критики Марксом и Энгельсом оппортунистических ошибок ряда лидеров социал-демократических партий и деятелей рабочего движения.

После Великой Октябрьской социалистической революции открылись новые возможности для издания и массового распространения произведений основоположников научного коммунизма. Как указывалось выше, уже в первые годы существования Советского государства В. И. Ленин обратил особое внимание на необходимость издания для широкого читателя сборника избранных писем Маркса и Энгельса. В своих беседах и переписке с В. В. Адоратским, которому было поручено издание этого сборника, В. И. Ленин дал исчерпывающую характеристику основных принципов такого издания и неоднократно подчеркивал, что публикация писем основоположников научного коммунизма — важное международное дело. Большое значение имеет указание В. И. Ленина о необходимости снабдить письма Маркса и Энгельса обстоятельными комментариями, для того чтобы сделать их содержание доступным широким читательским кругам.

Первая наиболее полная публикация переписки между Марксом и Энгельсом была осуществлена Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в 1929—1931 гг. в первом издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса (томы XXI— XXIV), а также в издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на языке оригинала (Marx—Engels Gesaratausgabe. Dritte Abteilung, Bde 1—4). Переписка Маркса и Энгельса с разными лицами была впервые собрана и опубликована на русском языке — в том объеме, каким располагал в то время Институт марксизма-ленинизма, — в 1934—1946 гг. в томах XXV— XXIX первого издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса.

С тех пор фонды Института пополнились значительным количеством писем Маркса и Энгельса к разным лицам. Это дает возможность восполнить второе издание Сочинений Маркса и Энгельса многими письмами, не вошедшими в первое издание. Многие из этих писем впервые публикуются в настоящем издании; некоторые из вновь включаемых писем были после выхода первого издания Сочинений опубликованы за рубежом и в СССР.

Однако несмотря на значительное количество выявленных и собранных к настоящему времени писем Маркса и Энгельса, задачу разыскания всего их эпистолярного наследия еще нельзя считать завершенной. Ряд писем, о которых имеются более или менее точные сведения, до сих пор не удалось обнаружить.

Настоящее издание не является полным, академическим изданием произведений и писем Маркса и Энгельса; тем не менее

оно ставит себе задачу не только исправления неточностей в переводах, имевших место при публикации писем в первом издании, но также использования и включения всех важных эпистолярных материалов, обнаруженных после выхода первого издания Сочинений.

При публикации писем Маркса и Энгельса в настоящем издании соблюден хронологический принцип расположения материала. В отличие от первого издания, где переписка между Марксом и Энгельсом и письма их к разным лицам составляли две различные группы томов, в настоящем издании они публикуются в каждом томе вместе, причем первая часть тома содержит переписку между Марксом и Энгельсом за определенный отрезок времени, а вторая — их письма к разным лицам за те же годы. Тем самым облегчается систематическое и всестороннее изучение переписки основоположников марксизма за соответствующий исторический период. В основу расположения переписки по томам по возможности кладется принцип периодизации истории марксизма и международного рабочего движения. Хронологические границы отдельных томов переписки обусловлены также объемом корреспонденции, сохранившейся за тот или иной период.

Первый том переписки, том 27 второго издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, охватывает письма, которые относятся к периоду, предшествующему буржуазно-демократическим революциям 1848—1849 гг. в странах Европы, к периоду самой революции и первых лет после ее поражения (с 1842 по 1851 годы).

В 28 и 29 томы войдут письма 50-х годов XIX в., в основном относящиеся к периоду европейской реакции.

30 том охватывает письма начала 60-х годов XIX в., периода нового подъема рабочего и демократического движения, вплоть до основания Первого Интернационала (28 сентября 1864 г.).

31, 32 и 33 томы содержат переписку, отражающую деятельность Маркса и Энгельса как руководителей Первого Интернационала.

В 34 том включаются письма основоположников научного коммунизма после прекращения деятельности Первого Интернационала, вплоть до смерти Маркса в 1883 году.

В последующие томы войдут письма Ф. Энгельса, относящиеся к периоду его деятельности после смерти Маркса.

В приложениях к томам переписки К. Маркса и Ф. Энгельса помещаются письма, написанные по их поручению разными лицами, и некоторые письма жены и дочерей Маркса, в которых воспроизводятся отдельные мысли основоположников

марксизма. В этот раздел будут включены также и некоторые другие документы биографического характера, связанные с их эпистолярным наследием.

В отличие от первого издания Сочинений, письма снабжены примечаниями, которые содержат необходимые текстологические пояснения, исторические и биографические справки; этой же цели служат указатели цитируемой и упоминаемой литературы, периодических изданий и имен. В последнем томе Сочинений будет помещен также предметный указатель ко всей переписке.

Перевод писем заново сверяется с оригиналом и уточняется. В отличие от первого издания, где разноязычные вставки в письмах воспроизводились на языке оригинала, в данном издании они переводятся на русский язык. В концовках указываются все основные языки, на которых написано данное письмо.

При подготовке писем к печати заново проверяется и уточняется их датировка. В случае, если письма публиковались при жизни автора, рукописи писем сверяются с текстом прижизненных публикаций на языке оригинала. В ряде случаев Институт марксизма-ленинизма располагает только копиями писем или их печатными публикациями, с которых делается перевод, что также оговаривается в концовках.

Институт марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС

ПРЕДИСЛОВИЕ К ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОМУ ТОМУ

Двадцать седьмой том Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса содержит письма основоположников научного коммунизма за 1842—1851 годы.

Хронологические рамки настоящего тома переписки охватывают несколько этапов истории марксизма: переход Маркса и Энгельса от революционного демократизма к коммунизму (1842—1844 гг.), формирование научного коммунизма (1844— 1848 гг.), деятельность Маркса и Энгельса во время революции 1848—1849 гг., теоретическое обобщение основоположниками марксизма опыта революции и дальнейшая разработка тактики пролетариата в первые годы после революции (1849—1851 гг.).

Письма Маркса и Энгельса разным лицам за 1842— 1844 гг., помещенные во второй части тома, свидетельствуют о происходившем коренном перевороте в их мировоззрении — переходе от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму.

Уже в письмах Маркса 1842 г., относящихся к периоду сотрудничества и редактирования им «Rheinische Zeitung», обнаруживается критическое отношение его к гегелевской идеалистической философской школе, в том числе и к младогегельянцам.

В этих письмах находит свое отражение резкая критика Марксом группы младогегельянцев в Берлине, которые основное свое внимание направили на критику религии, назвав себя «Свободными». Молодой Маркс дает отрицательную характеристику младогегельянцам, которые стояли на позициях фило-

софского идеализма, отворачивались от актуальных политических вопросов и демагогически афишировали политический радикализм, сводившийся к расплывчатым рассуждениям и громким фразам (см. письмо Маркса Руге 30 ноября 1842 г.). В противовес взглядам «Свободных» Маркс выдвигает в своих письмах собственную программу, которую он отстаивал также в своих произведениях этого времени, в особенности на страницах «Rheinische Zeitung»: он считал необходимым последовательную критику религии и пропаганду передовой философии среди народа, а в области политики — глубокую и конкретную критику существующего политического строя. «Правильная теория должна быть разъяснена и развита применительно к конкретным условиям и на материале существующего положения вещей» (см. настоящий том, стр. 367).

В это время Маркс выступает как борец за передовое мировоззрение, как беспощадный критик реакционной философии, в частности взглядов Шеллинга, ставшего в те годы одним из глашатаев консервативно-монархических идей и религиозного мракобесия. В письме Фейербаху 3 октября 1843 г., полный текст которого впервые публикуется в настоящем томе, молодой Маркс подчеркивал политическую важность борьбы против Шеллинга и его философской школы, которая пользовалась официальным покровительством прусского правительства: «Критика Шеллинга является поэтому косвенным образом критикой всей нашей политики и в особенности прусской политики» (см. настоящий том, стр. 377). Высоко оценивая это письмо, В. И. Ленин писал, что «еще в то время Маркс с поразительной ясностью намечал коренные линии в философии» и «сумел через Фейербаха прямо встать на материалистическую дорогу против идеализма» (В. И. Ленин. Соч., 4 изд., т. 14, стр. 322). В. И. Ленин видел величайшую заслугу Маркса в том, что, встав на материалистические позиции, он и в дальнейшем шел вперед по резко определенному философскому пути, решительно отвергал всякие попытки примирить материализм и идеализм, затушевать противоположность двух философских лагерей.

Находясь в начале 40-х годов под значительным влиянием материалистических взглядов Фейербаха, Маркс вместе с тем в своих письмах подмечает основные недостатки фейербаховской философии, подчеркивая ее созерцательный, метафизический характер. Так, в письме к Руге 20 марта 1842 г. он сообщает, что в задуманной им работе вступает некоторым образом в коллизию с Фейербахом, а в письме тому же адресату 13 марта 1843 г. заявляет уже более определенно: «Афоризмы Фейербаха

не удовлетворяют меня лишь в том отношении, что он слишком много напирает на природу и слишком мало — на политику. Между тем, это — единственный союз, благодаря которому теперешняя философия может стать истиной» (см. настоящий том, стр. 374—375). Это высказывание Маркса о неразрывной связи философии с жизнью, с политической борьбой имеет исключительно важное значение; оно во многом предвосхищает мысли, выраженные им двумя годами позднее, весной 1845 г., в «Тезисах о Фейербахе».

Письма Маркса данного периода непосредственно перекликаются с его статьями, опубликованными в «Rheinische Zeitung». Эти письма рисуют молодого Маркса как убежденного противника прусского абсолютизма и бюрократии, сторонника революционных методов борьбы против феодально-абсолютистских порядков в Германии, горячего защитника интересов народных масс. Маркс не разделяет иллюзий немецких радикалов относительно конституционной монархии и критически отзывается об оппозиции рейнской либеральной буржуазии (см. его письма к Руге 5 и 20 марта и 9 июля 1842 г.). Интересны также его несомненные симпатии уже в то время к коммунистическим и социалистическим идеям, которые он называет новым мировоззрением (см. письмо к Руге 30 ноября 1842 г.).

Таким образом, письма 1842—1844 гг. наглядно иллюстрируют совершавшийся в этот период процесс формирования философских и политических взглядов Маркса, переход его

на позиции материализма и коммунизма.

В том же направлении развивались взгляды молодого Энгельса. Так, например, в письмах Энгельса к Руге за июнь — июль 1842 г. нашло свое отражение выступление против реакционных и религиозно-мистических взглядов Шеллинга и его последователей.

В конце августа 1844 г. произошла историческая встреча Маркса и Энгельса в Париже, во время которой обнаружилось полное единство их взглядов. С этого времени начинается их творческое содружество, совместная революционная борьба за освобождение рабочего класса.

Парижская встреча Маркса и Энгельса положила начало обширной переписке между ними, отражающей совместную разработку ими учения научного коммунизма, их борьбу за создание революционной партии пролетариата. Особенно интенсивным становится этот обмен письмами в 50-е годы, когда Маркс находился в Лондоне, а Энгельс был вынужден переехать в Манчестер. Почти ежедневная переписка между обоими осно-

воположниками научного коммунизма в эти годы отражает постоянный обмен мнениями между ними по важнейшим вопросам теории и тактики революционного пролетарского движения.

За период с 1844 по 1848 г. сохранились преимущественно письма Энгельса Марксу. Письма, написанные вскоре после их встречи в Париже, показывают участие Энгельса в пропаганде революционных коммунистических идей в Германии; в них дается яркая характеристика обстановки в стране. Рост оппозиционных настроений в буржуазных кругах Рейнской провинции, быстрое распространение социалистических и коммунистических идей, — вот что прежде всего отмечает Энгельс в своих письмах.

В условиях Германии 40-х годов, когда рабочее движение развивалось еще стихийно, находясь под влиянием домарксовского утопического социализма, когда под флагом коммунизма и социализма выступали люди с самыми путаными и неопределенными взглядами — буржуазные радикалы и авторы всевозможных систем и теорий мелкобуржуазного, мещанского социализма, — Маркс и Энгельс прежде всего считали необходимым ускорить всестороннюю разработку своих революционных коммунистических воззрений и выступить в печати с изложением и пропагандой этих взглядов. «Пока наши принципы не будут развиты в нескольких работах, — пишет Энгельс Марксу в начале октября 1844 г., — и не будут выведены логически и исторически из предшествующего мировоззрения и предшествующей истории как их необходимое продолжение, настоящей ясности в головах не будет, и большинство будет блуждать в потемках» (см. настоящий том, стр. 5).

Значительное место в переписке 1844—1848 гг. занимает обсуждение творческих планов основоположников марксизма. По письмам Энгельса можно проследить историю написания таких совместных произведений Маркса и Энгельса, как «Святое семейство», «Немецкая идеология», а также работы Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» и работы Маркса «Нищета философии». В письмах отражается интенсивная теоретическая деятельность Маркса и Энгельса, разработавших в то время в основных чертах философские основы научного коммунизма — диалектический и исторический материализм — и заложивших фундамент других составных частей марксистского учения.

Важным теоретическим документом научного коммунизма является публикуемое в томе письмо Маркса русскому литератору П. В. Анненкову 28 декабря 1846 г., непосредственно связанное с написанной вслед за этим работой Маркса «Нищета

философии» — одним из первых произведений зрелого марксизма. В этом письме Маркс с классической четкостью излагает разработанные им в содружестве с Энгельсом основные положения исторического материализма. В письме содержатся глубокие формулировки о диалектической связи и взаимодействии производительных сил и производственных отношений, о взаимоотношении материального базиса и политической и идеологической надстройки, об историческом, преходящем характере экономических категорий буржуазного общества, о роли народных масс — производителей материальных благ, о классовой борьбе как движущей силе истории.

Развитие вопросов теории было в то же время тесно связано с идеологической борьбой Маркса и Энгельса против различных форм домарксовского социализма. В. И. Ленин подчеркивал, что пробным камнем разного рода социалистических систем являлось их отношение к пролетариату, всемирно-историческая роль которого в революционном преобразовании мира и создании нового коммунистического общества была раскрыта Марксом и Энгельсом. «В противоположность общему страху перед развитием пролетариата, Маркс и Энгельс все свои надежды возлагали на беспрерывный рост пролетариата» (В. И. Ленин. Соч., 4 изд., т. 2, стр. 6).

Острие критики Маркса и Энгельса в это время направлено против мелкобуржуазного реформиста Прудона, взгляды которого пользовались значительным влиянием не только в кругах социалистически настроенной интеллигенции, но и среди полупролетарских элементов, в частности среди немецких ремесленников в Париже.

Глубокая критика прудонизма содержится в упомянутом выше письме Маркса Анненкову 28 декабря 1846 года. Маркс подчеркивает, что система философских и социально-экономических взглядов Прудона характерна для идеологии мелкой буржуазии: *«Мелкий буржуа* ... в силу самого своего положения, с одной стороны, делается социалистом, а с другой — экономистом, то есть он ослеплен великолепием крупной буржуазии и сочувствует страданиям народа. Он в одно и то же время и буржуа и народ» (см. настоящий том, стр. 411—412). Маркс показывает несостоятельность идеалистического и метафизического метода Прудона, полное непонимание им закономерностей исторического процесса.

Продолжая борьбу против прудонизма, начатую в 40-е годы, Маркс и Энгельс в 1851 г. подвергают в своих письмах критическому анализу книгу Прудона «Общая идея революции в XIX веке», которую они расценивают как «полемику против

коммунизма» (см. письмо Маркса Энгельсу 14 августа 1851 г.). В переписке за 1851 г. Маркс и Энгельс показали утопический характер и убожество философских и экономических воззрений Прудона, подвергли уничтожающей критике его попытки противопоставить революционной борьбе пролетариата за ниспровержение капиталистического строя жалкие проекты устранения «дурных сторон» капитализма, преобразования капиталистического общества в духе утопических идеалов мелкого буржуа. По просьбе Маркса Энгельс в августе—октябре 1851 г. написал критический разбор книги Прудона, который Маркс собирался использовать для большой полемической работы против этого провозвестника реформизма и анархизма.

Письма Маркса и Энгельса 1844—1848 гг. отражают также их борьбу против уравнительного коммунизма Вейтлинга, мещанского «истинного социализма» и других течений, тормозивших формирование классового сознания пролетариата. Письма, которые Энгельс посылал в Брюссель Марксу, а также Коммунистическому корреспондентскому комитету, свидетельствуют о той упорной разъяснительной работе, которую Энгельс вел среди немецких ремесленников в Париже. День за днем он в долгих дискуссиях разбивал доводы своих противников и в доступной, популярной форме излагал идеи научного коммунизма, борясь против взглядов- «истинного социалиста» Грюна, против идей прудонизма и вейтлингианства. В письме Марксу 14 января 1848 г. Энгельс, раскрывая причины распространения этих идей, указывает на неразвитость, отсталость экономических и социальных отношений того времени, на сохранившуюся еще связь тогдашних пролетариев с мелкобуржуазной средой. Во время одной из дискуссий, которая закончилась полным поражением сторонников Грюна, Энгельс кратко охарактеризовал позицию представителей научного коммунизма. «Я определил намерения коммунистов следующим образом: 1) отстаивать интересы пролетариев в противоположность интересам буржуа; 2) осуществить это посредством уничтожения частной собственности и замены ее общностью имущества; 3) не признавать другого средства осуществления этих целей, кроме насильственной демократической революции» (см. настоящий том, стр. 60). Характеризуя на основании этих писем деятельность Энгельса, В. И. Ленин писал в 1913 году: «Так в Париже 67 лет тому назад закладывались основы социал-демократической рабочей партии Германии» (В. И. Ленин. Соч., 4 изд., т. 19, стр. 506).

Формирование теории научного коммунизма во второй половине 40-х годов XIX в. было тесно связано с практической

революционной деятельностью Маркса и Энгельса, с их борьбой за пролетарскую партию. Именно в это время возникают и укрепляются связи Маркса и Энгельса с представителями рабочего и социалистического движения разных стран. Письма основоположников научного коммунизма за 1846—1847 гг. в значительной степени отражают их деятельность по организации в различных странах Европы (Германии, Бельгии, Франции и Англии) коммунистических корреспондентских комитетов. При этом преследовались цели сближения между участниками социалистического движения различных стран, борьбы против незрелых, утопических и сектантских взглядов и подготовки почвы для создания международной пролетарской партии на основе научного коммунизма. Центром сети корреспондентских комитетов должен был стать Брюссельский коммунистический корреспондентский комитет, который возглавляли Маркс и Энгельс. Планам создания и деятельности таких комитетов посвящена серия писем-сообщений Энгельса из Парижа Брюссельскому коммунистическому корреспондентскому комитету (19 августа, 16 сентября и 23 октября 1846 г.), а также письмо Маркса Прудону 5 мая 1846 года.

Письмо Энгельса Марксу 28—30 сентября 1847 г. показывает, что, наряду с организацией корреспондентских комитетов, Маркс и Энгельс ведут систематическую пропагандистскую работу в основанном ими в августе 1847 г. в Брюсселе Немецком рабочем обществе. Деятельность Маркса и Энгельса, направленная на политическое просвещение входивших в это общество рабочих, показывает, какое значение придавали основоположники марксизма установлению тесных связей с пролетарскими массами. В декабре 1847 г. Маркс читал в обществе свои знаменитые лекции о наемном труде и капитале.

Во второй половине 40-х годов усиливается влияние Маркса и Энгельса на деятелей международного рабочего и демократического движения. Осенью 1847 г. при активном участии Маркса и Энгельса в Брюсселе была основана Демократическая ассоциация. О ведущей роли основоположников научного коммунизма в деятельности этой организации, вскоре ставшей одним из международных центров сплочения демократических сил, свидетельствуют письма Энгельса Марксу 28—30 сентября 1847 г. и письмо Маркса Гервегу 26 октября 1847 года. Маркс и Энгельс поддерживали постоянный контакт с руководителем левого крыла чартистов Гарни, а также с основанным в Лондоне международным демократическим обществом «Братские демократы». 29 ноября 1847 г. Маркс и Энгельс приняли участие в международном митинге в Лондоне, организованном

этим обществом (см. письмо Энгельса Марксу 14—15 ноября 1847 г. и письмо Маркса Анненкову 9 декабря 1847 г.).

Развитие и отстаивание Марксом и Энгельсом идей научного коммунизма, их борьба против сектантства и реформизма оказывали большое влияние на эволюцию взглядов членов Союза справедливых — тайной организации рабочих и ремесленников, возникшей в середине 30-х годов. Маркс и Энгельс еще с 1843— 1844 гг. поддерживали сношения с лондонскими руководителями Союза справедливых К. Шаппером, И. Моллем и Г. Бауэром. В то же время письма Энгельса Марксу за 1846 г. содержат критику путаных взглядов и неустойчивой позиции лондонского руководства Союза справедливых (см. письма Энгельса Марксу 18 сентября и конца декабря 1846 г.). Маркс и Энгельс отрицательно относились и к организационным принципам Союза справедливых, основанного по образцу бланкистских тайных заговорщических обществ во Франции (см. письмо Энгельса Брюссельскому коммунистическому корреспондентскому комитету 23 октября 1846 г.).

В январе 1847 г., в ответ на предложение лондонских руководителей Союза справедливых, убедившихся в правильности идей научного коммунизма, Маркс и Энгельс соглашаются вступить в Союз, принять участие в его реорганизации и разработать программу Союза на основе провозглашенных ими принципов. Письма за 1847 г. содержат чрезвычайно важный материал о деятельности Маркса и Энгельса как основателей и руководителей Союза коммунистов — первой в истории международной коммунистической организации пролетариата. В них имеются сведения о подготовке первого конгресса, на котором произошла реорганизация Союза справедливых и новый союз получил наименование Союза коммунистов, об организации Марксом и Энгельсом новых общин Союза в Брюсселе и Париже (см. письмо Маркса Энгельсу 15 мая 1847 г., а также письма Энгельса Марксу 28—30 сентября и 25—26 октября 1847 г.).

Большой интерес представляют письма Энгельса конца .1847 г., относящиеся к подготовке второго конгресса Союза коммунистов. 26 октября Энгельс сообщает Марксу о своей работе над новым проектом программы Союза коммунистов, которую должен был принять конгресс. Речь идет о «Принципах коммунизма» — предварительном наброске первого программного документа научного коммунизма — «Манифеста Коммунистической партии». План «Принципов коммунизма» Энгельс сообщает Марксу в письме 23 — 24 ноября 1847 года. В этом письме Энгельс, не удовлетворенный формой катехизиса, в которой был составлен этот документ, предлагает Марксу

избрать иную форму изложения: «Подумай над «Символом веры». Я считаю, что лучше всего было бы отбросить форму катехизиса и назвать эту вещь «Коммунистическим *манифестом»*. Ведь в нем придется в той или иной мере осветить историю вопроса, для чего теперешняя форма совершенно не подходит» (см. настоящий том, стр. 102). В. И. Ленин называл это письмо Энгельса историческим, так как оно «показывает наглядно, что имена Маркса и Энгельса справедливо ставят рядом, как имена основоположников современного социализма» (В. И. Ленин. Соч., 4 изд., т. 19, стр. 507). Письмо Энгельса — свидетельство того, какие высокие требования предъявляли основоположники научного коммунизма к программе формирующейся пролетарской партии, где нашли бы сжатое и яркое выражение основные принципы мировоззрения рабочего класса, где были бы провозглашены и научно аргументированы его великие цели и показаны реальные пути их осуществления. Создание такого программного документа — «Манифеста Коммунистической партии», — в котором основы научного коммунизма были впервые изложены в цельном виде, венчало собой всю творческую деятельность Маркса и Энгельса до революции 1848—1849 годов. Выход в свет этого произведения в начале 1848 г. знаменовал собой новый этап в развитии всего международного рабочего движения.

Важное место в настоящем томе занимают письма Маркса и Энгельса 1848—1849 годов. По словам В. И. Ленина, «в деятельности... Маркса и Энгельса период их участия в массовой революционной борьбе 1848—1849 года выделяется, как центральный пункт» (В. И. Ленин. Соч., 4 изд., т. 13, стр. 22). Если в годы, предшествовавшие февральской революции во Франции и мартовской революции в Германии, Маркс и Энгельс сформулировали важнейшие теоретические положения научного коммунизма, то в революционную эпоху особую важность приобрела разработка политических идей марксизма, вопросы тактики пролетариата на всех этапах революции.

Сохранилась лишь очень незначительная часть переписки этих лет. Однако и те письма Маркса и Энгельса, которыми мы располагаем, содержат исключительно богатый материал о деятельности основоположников научного коммунизма в этот период.

Письма, относящиеся к марту 1848 г., когда Маркс находился в Париже, а Энгельс — в Брюсселе, свидетельствуют о том, что оба они с напряженным вниманием следили за развертыванием революции во Франции и Германии и откликами на нее в других европейских странах. Анализируя позиции основных

классов в ходе революционных событий, Маркс и Энгельс отмечают рост контрреволюционных настроений французской буржуазии и неизбежность нового революционного выступления пролетариата. «Здесь буржуазия становится опять отвратительно наглой и реакционной, но ей еще достанется», — пишет Маркс Энгельсу 16 марта 1848 г. (см. настоящий том, стр. 115). Энгельс в письме своему зятю Э. Бланку 28 марта 1848 г. также подчеркивает, что в Париже «крупные буржуа и рабочие прямо противостоят друг другу» (см. настоящий том, стр. 423).

Во время своего пребывания в Париже Маркс, Энгельс и их сторонники вели борьбу против мелкобуржуазных демократов Гервега и Борнштедта, формировавших в Париже вооруженный легион из немецких эмигрантов, с которым они намеревались вторгнуться в Германию, чтобы привнести туда революцию извне. Отмежевываясь от этой авантюристической тактики (см. письмо Энгельса Э. Бланку 26 марта 1848 г.), Маркс и Энгельс противопоставили ей свой план — возвращение в Германию поодиночке передовых немецких рабочих, главным образом членов Союза коммунистов для участия в революционных боях. Непримиримая позиция Маркса и Энгельса по отношению к упомянутым планам немецких мелкобуржуазных демократов, нашедшая свое выражение также в письме Маркса Энгельсу 16 марта 1848 г., в ответном письме Энгельса 18 марта и других письмах, свидетельствует о том, что основоположники марксизма были решительными противниками всяких идей о возможности «экспорта» революции.

В письмах Энгельса в апреле — мае 1848 г., написанных после возвращения в Германию, дается оценка положения, сложившегося в этой стране, и состояния местных организаций Союза коммунистов, то есть тех предпосылок, которые, по более позднему свидетельству Энгельса, оказали решающее влияние на выработку основоположниками научного коммунизма тактической линии пролетариата в германской революции. В своих письмах Марксу 25 апреля и 9 мая 1848 г., а также в письмах Э. Бланку 15 апреля и 24 мая того же года Энгельс отмечает контрреволюционную позицию немецкой буржуазии и ее лидеров — либералов Кампгаузена и Ганземана, возглавивших прусское правительство, а также неустойчивость и половинчатость буржуазных радикалов, составлявших левые фракции в прусском и общегерманском Учредительных собраниях, их страх перед революционным выступлением народных масс. С другой стороны, происходило пробуждение политической активности немецких рабочих, однако движение их носило еще

стихийный и незрелый характер. В такой обстановке прусская феодально-монархическая контрреволюция постепенно активизировалась, не встречая серьезного отпора со стороны революционных сил. В конце мая 1848 г. Энгельс дает меткую характеристику положения, сложившегося в Германии: «В Берлине Кампгаузен бездействует, а реакция, чиновничество и дворянская клика наглеют с каждым днем, раздражают народ; народ бунтует, и бессилие и трусость Кампгаузена прямым путем ведут нас к новым революциям. Так выглядит сейчас Германия!» (см. настоящий том, стр. 428).

При таком соотношении классовых сил, которое объяснялось социально-экономической отсталостью Германии, слабостью и неорганизованностью немецких рабочих, в этой стране не существовало в то время предпосылок для создания массовой пролетарской партии. Поэтому Маркс и Энгельс считали необходимым выступить сперва на крайнем левом, фактически пролетарском фланге демократического движения. Лишь весной 1849 г., в связи с изменением обстановки в Германии и Европе и возросшей политической сознательностью немецкого рабочего класса, Маркс и Энгельс предприняли шаги к созданию самостоятельной политической организации пролетариата. В. И. Ленин, подчеркивая в полемике с меньшевиками в период первой русской революции 1905—1907 гг. правильность тактики Маркса и Энгельса в германской буржуазно-демократической революции, указывал, что основоположники научного коммунизма определяли программу действий всей передовой немецкой демократии, в то же время не сливаясь с буржуазно-демократическим движением в Германии.

Большую роль в пропаганде идей демократии и социализма и в мобилизации народных масс на борьбу за последовательное разрешение задач революции в Германии сыграла издававшаяся Марксом, Энгельсом и их соратниками по Союзу коммунистов «Neue Rheinische Zeitung». Эту газету В. И. Ленин назвал «лучшим, непревзойденным органом революционного пролетариата» (см. В. И. Ленин. Соч., 4 изд., т. 21, стр. 64). В письмах Маркса и Энгельса нашла отражение огромная организационная работа для обеспечения выпуска газеты, проведенная ими при поддержке своих соратников и друзей. Из письма Маркса Энгельсу в середине ноября 1848 г., а также из его письма одному из членов редакции, Э. Дронке, 3 февраля 1849 г. видно, что Марксу как ответственному редактору газеты приходилось вести непрерывную упорную борьбу за издание газеты, постоянно сталкиваясь с недовольством буржуазных акционеров ее революционным направлением, преодолевать огромные

материальные трудности и препятствия, чинимые прусскими властями. Маркс подчеркивал в своих письмах большое политическое значение издания газеты, называя его партийным предприятием: «задача заключалась в том, чтобы при всех обстоятельствах удержать эту *крепость* за собой и не сдавать политической позиции» (см. настоящий том, стр. 123).

«Neue Rheinische Zeitung» сыграла большую роль в борьбе против контрреволюции, в сплочении всех демократических сил, в воспитании пролетарских революционеров; она пользовалась огромной популярностью далеко за пределами Рейнской провинции и самой Германии. Об этом свидетельствует письмо Маркса Энгельсу 29 ноября 1848 г., а также письмо Энгельса Марксу из Швейцарии 7—8 января 1849 года.

Боевой пролетарский интернационализм «Neue Rheinische Zeitung», проявившийся в мужественном выступлении Маркса и Энгельса на страницах газеты в защиту героических участников пролетарского восстания в Париже в июне 1848 г., отмечен самим Марксом в документе, впервые публикуемом в настоящем томе, — письме 30 июня 1850 г. на имя председателя собрания эмигрантов в Лондоне по случаю второй годовщины этого восстания. «В то время, как на июньскую революцию нападали все гончие псы буржуазии, — пишет Маркс, — я открыто защищал эти ужасные дни, которые я считаю самым великим проявлением борьбы рабочего класса против класса капиталистов» (см. настоящий том, стр. 471).

Публикуемые в настоящем томе письма и документы Энгельса, не входившие в первое издание Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, содержат интересный и в значительной степени новый для исследователей материал о его деятельности в Швейцарии с конца октября 1848 до середины января 1849- года. Вынужденный уехать из Германии вследствие полицейских преследований, Энгельс за время своего пребывания в различных городах Швейцарии, особенно в Лозанне и Берне, установил тесные связи с местными рабочими и демократическими организациями. Написанное Энгельсом около 25 декабря 1848 г. от имени Центральной комиссии — руководящего органа объединения немецких союзов в Швейцарии — письмо союзу в Веве свидетельствует о том, что Энгельс активно участвовал в борьбе передовых элементов рабочих союзов против местнических тенденций и разобщенности. Составленное им по поручению этой комиссии обращение к правлению Мартовского союза отражает борьбу Энгельса за установление единства действий всех демократических сил и в то же время содержит резкую критику этой организации немецких мелкобуржуазных демократов и ее

половинчатой, трусливой политики. Идеи, выраженные в этом документе, перекликаются с опубликованными на страницах «Neue Rheinische Zeitung» статьями Маркса «Мартовский союз» и «Франкфуртский мартовский союз и «Neue Rheinische Zeitung»».

В начале июня 1849 г., после вынужденного, в условиях наступления немецкой контрреволюции, прекращения издания «Neue Rheinische Zeitung», Маркс уехал во Францию, где в то время назревали революционные события. В своем письме Энгельсу из Парижа 7 июня 1849 г. Маркс сообщает, что поддерживает постоянную связь с руководителями французских демократических и революционных организаций. В ряде писем в июле — августе 1849 г. Энгельс упоминает о том, что он принимал активное участие в баденско-пфальцском восстании в защиту имперской конституции в составе одного из добровольческих отрядов (см. его письма Женни Маркс 25 июля 1849 г., Шабелицу 24 августа и Вейдемейеру 25 августа того же года). В письме к Женни Маркс Энгельс придает особое значение тому обстоятельству, что, после того как он проделал всю кампанию и участвовал в четырех сражениях, никто из лидеров мелкобуржуазных демократов не сможет утверждать, будто редакторы «Neue Rheinische Zeitung» стояли в стороне от непосредственных революционных боев.

Таким образом, переписка Маркса и Энгельса за 1848— 1849 гг. характеризует их деятельность как вождей революционно-демократического и пролетарского движения, которые все время находились в центре борьбы народных масс.

Деятельность Маркса и Энгельса в период революции 1848— 1849 гг., как и в предшествующие годы, протекала в условиях постоянных полицейских преследований, клеветы и травли со стороны буржуазных и мелкобуржуазных кругов. Наглядный материал об этом содержат письма вождей пролетариата, включенные в настоящий том.

Еще в середине 40-х годов XIX в. власти феодально-абсолютистской Пруссии лишили Маркса возможности пребывания в Германии под тем предлогом, что он утратил прусское подданство. Агенты и шпионы прусской полиции неусыпно следили за его деятельностью в эмиграции, и прусское правительство делало все, чтобы воспрепятствовать пребыванию Маркса и его семьи в какой-либо из европейских стран. В результате сговора прусских властей и французских реакционеров Маркс был выслан из Франции в январе 1845 года. Из Бельгии, где Маркс нашел временное убежище, его выслали в начале марта 1848 г, после незаконного ареста, которому подверглась также и его жена. В письмах Энгельса за март 1848 **г,** сообщается о волне

возмущения радикально-демократической общественности Бельгии этим произволом бельгийских властей.

Революционная деятельность Энгельса также проходила в обстановке полицейской слежки и репрессий. В конце 1846 г. префект парижской полиции добивался от министра внутренних дел высылки Энгельса за ведение коммунистической пропаганды среди рабочих (см. письмо Энгельса Марксу от декабря 1846 г.). В конце января 1848 г., по распоряжению правительства Гизо, Энгельс был выслан из Франции. Во время пребывания Маркса и Энгельса в Кёльне в 1848—1849 гг. они подвергались непрерывным полицейским и судебным преследованиям как редакторы «Neue Rheinische Zeitung» и руководители революционной борьбы народных масс. В результате Энгельс был вынужден эмигрировать из Германии в сентябре 1848 г., а Марксу, оставшемуся в Кельне, чтобы продолжать издание газеты, непрерывно угрожал арест (см. письма Маркса Энгельсу в середине ноября и 29 ноября 1848 г. и письмо Энгельса Марксу 28 декабря 1848 г.).

В августе 1849 г., во время пребывания Маркса во Франции, правительство Второй республики, в обстановке активизации контрреволюционных сил, отдает приказ о высылке Маркса в Морбиан, болотистую местность Бретани. В письме Энгельсу 23 августа 1849 г. Маркс называет эту меру «замаскированной попыткой убийства».

В конце августа 1849 г. Маркс вынужден был переехать в Лондон, где оставался до конца своих дней. Однако и в Англии пребывание Маркса оказалось далеко не безопасным. В мае 1850 г., в связи с арестами коммунистов в Германии и намерением прусского правительства организовать судебный процесс против руководителей Союза коммунистов, прусские власти оказывают давление на английское правительство с целью добиться изгнания Маркса из Англии (см. письма Маркса Вейдемейеру 8 июня и 27 июня 1850 г.). Энгельс также был вынужден эмигрировать в Англию, так как в Германии ему угрожала расправа со стороны прусских властей за активное участие в вооруженном восстании в Юго-Западной Германии (см. письмо Маркса Энгельсу 23 августа 1849 г.). Преследования великих вождей пролетариата со стороны международной реакции продолжались и в последующие годы.

Письма Маркса и Энгельса за 1849—1851 гг. отражают их деятельность в эпоху реакции, когда главными задачами являлись теоретическое обобщение опыта революций 1848—1849 гг., дальнейшее развитие революционной теории пролетариата, сохранение первых кадров пролетарских революционеров, их

воспитание и политическая закалка, отстаивание самостоятельности и чистоты идейных позиций формирующейся пролетарской партии, ограждение ее от влияния буржуазной и мелкобуржуазной идеологии.

В лондонской эмиграции Маркс вместе с другими членами Центрального комитета Союза коммунистов реорганизует Союз и его Центральный комитет, во главе которого он становится. В ноябре 1849 г. в Лондон приезжает Энгельс, который тоже вошел в состав Центрального комитета. Как показывают публикуемые в томе письма, основоположники научного коммунизма проделали огромную работу по восстановлению утраченных связей и по сплочению революционных элементов вокруг Союза коммунистов. Письма 1849—1850 гг., в частности письма Маркса и Энгельса Вейдемейеру за апрель 1850 г., содержат материал о деятельности возглавляемого ими Социал-демократического комитета помощи немецким эмигрантам, который активно содействовал объединению подлинно революционных элементов рабочего движения.

Придавая большое значение сплочению пролетарских революционеров всех стран, Маркс и Энгельс уделяли в этот период самое серьезное внимание укреплению связей между Союзом коммунистов и революционным крылом английского рабочего движения — чартизмом. Письма этого времени свидетельствуют о постоянной поддержке Марксом и Энгельсом стремлений революционных чартистских деятелей возродить это движение на новой, социалистической основе, о той помощи, которую оказывали им Маркс и Энгельс и их соратники по Союзу коммунистов в издании органов печати, в борьбе против реформистских и сектантских течений внутри чартизма, тормозивших его дальнейшее развитие. Из писем основоположников научного коммунизма явствует рост влияния их идей на передовых представителей чартизма, в первую очередь на Гарни и Джонса. В 1850—1851 гг. особенно укрепляется дружба Маркса и Энгельса с выдающимся английским пролетарским революционером, публицистом и поэтом Эрнестом Джонсом, который, после перехода Гарни в начале 1851 г. в лагерь мелкобуржуазной демократии, становится главным проводником идей научного коммунизма в английском рабочем движении. «Джонс, — отмечал Энгельс в письме к Дронке 9 июля 1851 г., — который вообще совсем другой человек, чем Гарни, — целиком на нашей стороне и в настоящее время пропагандирует среди англичан «Манифест»» (см. настоящий том, стр. 490).

Важное место в письмах основоположников научного коммунизма за 1849—1850 гг. занимает борьба за создание печат-

ного органа, который явился бы продолжателем боевых традиций «Neue Rheinische Zeitung» и содействовал бы укреплению пролетарской партии. Уже в письме Энгельсу в Швейцарию 23 августа 1849 г., накануне своего отъезда из Парижа в Лондон, Маркс приглашает своего друга приехать в Англию, чтобы совместно издавать собственный орган печати. Таким органом стал журнал «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue», издававшийся с января по ноябрь 1850 года. В этом журнале были опубликованы важнейшие произведения основоположников марксизма — «Классовая борьба во Франции» Маркса, «Германская кампания за имперскую конституцию» и «Крестьянская война в Германии» Энгельса и другие произведения, в которых на основе историко-материалистического анализа событий подводились итоги и обобщался опыт революции 1848—1849 гг., развивалась тактика революционной пролетарской партии.

Из писем Маркса и Энгельса за этот период видно, сколько сил и энергии они употребили на то, чтобы осуществить издание журнала. Они обращаются к своим сторонникам и друзьям в Германии и Швейцарии с просьбой содействовать распространению журнала. В письме Вейдемейеру 19 декабря 1849 г. Маркс просит его поместить в «Neue Deutsche Zeitung» объявление о выходе журнала. В письме Фрейлигграту 10 января 1850 г. Маркс сообщает о планах постепенного превращения журнала в двухнедельник и еженедельник и просит его как можно скорее собрать деньги, необходимые для продолжения издания этого органа.

Большое место в письмах Маркса и Энгельса занимают вопросы тактики пролетарской партии после поражения революций 1848—1849 годов.

Осенью 1850 г. Маркс и Энгельс пришли к выводу, что в связи с экономическим подъемом, а также ввиду упрочения реакционных режимов в странах Европы возможность революции в ближайшем будущем исключена. Поэтому они считали необходимым пересмотр тактики Союза коммунистов, изменение форм борьбы. Новая обстановка требовала проведения кропотливой работы по собиранию сил, по подготовке кадров пролетарских революционеров для будущих революционных боев. Однако некоторые члены Союза коммунистов во главе с Виллихом и Шаппером, игнорируя объективные исторические условия, выступили против тактической линии Маркса и Энгельса. В связи с этими разногласиями 15 сентября 1850 г. на заседании Центрального комитета Союза коммунистов произошел раскол, причем большинство

членов Центрального комитета выступило на стороне Маркса и Энгельса.

Борьба внутри Союза коммунистов заставила Маркса и Энгельса обратить особое внимание на разоблачение догматизма, сектантства и авантюризма в рабочем движении. В письмах Маркса и Энгельса за 1851 г. отмечается, что фракционная деятельность группы Виллиха — Шаппера отвлекала пролетариат от стоящей перед ним задачи собирания сил для будущей борьбы.

Маркс и Энгельс в своих письмах резко выступили против псевдореволюционных планов Виллиха, который осенью 1850 г. выдвинул авантюристический проект немедленной организации революции в Западной Германии, используя мобилизацию ландвера в связи с конфликтом между Пруссией и Австрией. Маркс и Энгельс, которые всегда осуждали игру в революционные заговоры, едко высмеяли бесплодную и вредную затею Виллиха (см. письмо Энгельса Дронке 9 июля 1851 г.). Письма Маркса и Энгельса за 1851 год содержат богатый материал, показывающий, что группа Виллиха — Шаппера после раскола Союза коммунистов сближается с мелкобуржуазной эмиграцией и по существу превращается в ее придаток. В письме Герману Беккеру 28 февраля 1851 г. и в ряде других писем Маркс на примере политической эволюции этой группы показывает, что фракционность и сектантство неизбежно ведут к сползанию на антипролетарские позиции, к идейной зависимости от буржуазии.

Маркс и Энгельс прилагали немало усилий для того, чтобы оградить пролетариат от буржуазного и мелкобуржуазного влияния и отстоять самостоятельность и чистоту идейных и тактических позиций пролетариата. Одним из проводников такого влияния в то время была мелкобуржуазная эмиграция. Поэтому не случайно, что в переписке Маркса и Энгельса за 1851 г. содержится также острая критика различных эмигрантских клик — Руге, Кинкеля, Гейнцена, Струве, Луи Блана и других. Маркс и Энгельс беспощадно разоблачают псевдореволюционную деятельность этих клик, которая сводилась к мелочным спорам и дрязгам, к демагогической спекуляции фразами о революции. Их действия, как показывают Маркс и Энгельс, причиняли серьезный вред демократическому и рабочему движению, мешали сплочению рабочего класса и могли лишь привести к утрате пролетарской организацией своей самостоятельности. Маркс и Энгельс разоблачают попытки лидеров мелкобуржуазной эмиграции оклеветать пролетарских революционеров и лишить их влияния на пролетариат.

Выразительная характеристика деятельности эмигрантских клик и их авантюристической возни дана в двух письмах Маркса франкфуртскому издателю Эбнеру, написанных в августе и декабре 1851 г. и впервые публикуемых на русском языке в настоящем томе. Материалы этих писем частично были использованы Марксом и Энгельсом для памфлета «Великие мужи эмиграции», который был создан ими в 1852 году.

Критикуя одного из лидеров эмиграции, итальянского буржуазного демократа Мадзини, Маркс развивает ряд важных положений по вопросу о национально-освободительном движении угнетенных народов. В письмах Вейдемейеру 11 сентября и Энгельсу 13 сентября 1851 г. он решительно осуждает Мадзини за игнорирование интересов эксплуатируемого помещиками итальянского крестьянства и за отказ от вовлечения крестьянских масс в борьбу за национальное освобождение и объединение Италии. Только широкое участие всех трудящихся в национально-освободительной борьбе, подчеркивает Маркс, может придать этой борьбе подлинную силу и размах и обеспечить ее победу. Маркс указывает в упомянутом письме Вейдемейеру, что «первый шаг к независимости Италии состоит в полном освобождении крестьян и в превращении испольной системы аренды в свободную буржуазную собственность» (см. настоящий том, стр. 507).

В ряде писем Маркса и Энгельса второй половины 1851 г. обсуждаются полученные из Германии сведения об арестах членов Союза коммунистов. Выражая тревогу за судьбу арестованных товарищей, Маркс и Энгельс обращали особое внимание на то обстоятельство, что авантюристические затеи фракционной группы Виллиха — Шаппера и других эмигрантских клик облегчали полиции осуществление всякого рода провокаций и раздувание дела о мнимых «коммунистических заговорах» (см. письмо Маркса Энгельсу 28 мая 1851 г.). Маркс и Энгельс предпринимали шаги к организации выступлений в печати с обличением действий прусских властей и защитой арестованных членов Союза коммунистов (см. письмо Маркса Энгельсу 1 декабря 1851 г.).

Переписка основоположников научного коммунизма в 1849— 1851 гг. показывает, какое огромное значение придавали они дальнейшему развитию своей революционной теории, рассматривая это как важнейшую партийно-политическую задачу. Главным предметом научных исследований Маркса становится теперь политическая экономия. Если до 1848 г. основным содержанием теоретической деятельности Маркса было философское обоснование научного коммунизма, а в 1848—1849 гг. —

разработка политических идей и революционной стратегии и тактики, то в 50-е годы на первый план выдвинулось развитие экономического учения. Изучая экономическую литературу, Маркс продолжил разработку своей экономической теории, начатую им еще в 40-е годы, когда им была задумана обширная работа «Критика политики и политической экономии» (об этом замысле см. письмо Маркса Леске 1 августа 1846 г.). Он ставит своей целью написание большого труда, содержащего критику существующего строя и буржуазной политической экономии. Переписка Маркса с Энгельсом за 1851 г. свидетельствует о титанической работе, проделанной Марксом по собиранию и обработке материала для своего научного труда. Как видно из переписки, он глубоко и всесторонне изучает историю народного хозяйства и современную ему экономику разных стран, особенно Англии, которая была тогда классической страной капитализма. В это время его преимущественно интересует история земельной собственности и теория земельной ренты, история и теория денежного обращения и цен, экономические кризисы. Так, в письме Энгельсу 7 января 1851 г. Маркс впервые подвергает критике теорию земельной ренты Рикардо и высказывает некоторые основные положения своей теории ренты, а в письме 3 февраля подробно излагает Энгельсу свои мысли в связи с теорией денежного обращения. Энгельс, в свою очередь, тоже занимался экономическими проблемами, старался помочь Марксу в решении ряда теоретических вопросов. Так, он писал Марксу 12 февраля 1851 г., что сообщенные ему Марксом новые соображения по вопросам денежного обращения чрезвычайно его заинтересовали, и он намерен серьезно их обдумать.

Занимаясь политической экономией, Маркс постоянно обменивается с Энгельсом соображениями о важнейших текущих явлениях экономической жизни Англии и других стран. Маркс и Энгельс приходят к выводу, что наступившее после революции «процветание» в промышленности носит временный характер, и предвидят наступление экономического кризиса.

Одним из основных предметов теоретических исследований Энгельса в 1851 г. стали военные науки, история военного искусства. Уже интересы революционной борьбы в 1848—1849 гг. заставили Энгельса приступить к изучению военных вопросов, в первую очередь тактики вооруженного восстания. После своего переезда в Манчестер в конце 1850 г. Энгельс приступил к систематическому и основательному изучению военного дела. В письме Вейдемейеру 19 июня 1851 г. Энгельс следующим образом определил причины, побудившие его к этому: «Огром-

ное значение, которое получит военная сторона дела в ближайшем движении, мои старые наклонности, мои венгерские военные корреспонденции в газете («Neue Rheinische Zeitung». — *Ред.*}, наконец, мои доблестные похождения в Бадене — все это побудило меня работать в этом направлении, и я хочу достигнуть в этой области того, чтобы я мог высказывать известные теоретические суждения и не очень осрамиться при этом» (см. настоящий том, стр. 483). Письма Энгельса показывают, какой широкий круг источников и литературы привлек он для изучения истории и теории военного искусства.

Большой интерес с военной точки зрения представляет письмо Энгельса Марксу 26 сентября 1851 г., в котором он критически разбирает статью мелкобуржуазного демократа Техова «Контуры грядущей войны». В письме содержится анализ вероятного соотношения вооруженных сил революции и контрреволюции в Европе в случае новых революционных событий. Энгельс высказывает здесь также важную мысль об особенностях формирования революционных армий и характере их боевых действий.

В ряде писем Энгельса даны оценки произведений видных военных писателей середины XIX века (Нейпира, Савари и др.) и характеристики деятельности ряда полководцев (например, Веллингтона).

В переписке основоположников научного коммунизма нашло свое отражение их многолетнее творческое содружество. Нередко Маркс подсказывал Энгельсу темы для новых произведений. Интересна в этом отношении история создания работы Энгельса «Германская кампания за имперскую конституцию». Из переписки между Марксом и Энгельсом видно, что эти очерки Энгельс написал по совету Маркса. «У тебя теперь имеется прекрасная возможность написать историю баденско-пфальцской революции или памфлет об этом», — писал Маркс Энгельсу около 1 августа 1849 года. «Ты можешь при этом великолепно выразить общую позицию «Neue Rheinische Zeitung» по отношению к демократической партии» (см. настоящий том, стр. 131 и 132). Энгельс сразу же откликнулся на предложение Маркса и уже 24 августа 1849 г. сообщал издателю Якобу Шабелицу, что пишет мемуары о баденско-пфальцском восстании.

Другим ярким примером сотрудничества Маркса и Энгельса является написание Энгельсом серии статей «Революция и контрреволюция в Германии». В начале августа 1851 г. один из редакторов прогрессивной буржуазной газеты «New-York Daily Tribune», Чарлз Дана, предложил Марксу сотрудничать в своей газете. Маркс, занятый исследованием проблем политической

экономии, в письме 8 августа 1851 г. просит Энгельса написать в эту газету работу о германской революции. До конца года Энгельс написал для «Tribune» три первые статьи из этой серии, которые публиковались газетой за подписью Маркса (остальные статьи были написаны в 1852 г.). При работе над этим произведением Энгельс постоянно обменивался мнениями с Марксом, который, кроме того, просматривал статьи перед отправкой их в газету. В свою очередь, замысел произведения Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» родился под несомненным влиянием письма Энгельса, написанного 3 декабря 1851 г. и содержащего меткую характеристику бонапартистского государственного переворота во Франции 2 декабря 1851 года. Переписка между Марксом и Энгельсом доказывает неразрывную связь их научной и революционной деятельности, неотделимость того вклада, который каждый из них внес в создание теории научного коммунизма.

Материал публикуемой в томе переписки рисует Маркса и Энгельса как руководителей и воспитателей первых пролетарских революционеров. Письма основоположников научного коммунизма показывают, что они придавали огромное значение теоретическому обучению и воспитанию партийных кадров, считая необходимым использовать для этого временный отлив революционной волны (см. письмо Энгельса Дронке 9 июля 1851 г.). В письме Марксу около 20 июля 1851 г. Энгельс с радостью встречает известие из Германии об образовании новых общин Союза коммунистов, так как в них растут новые кадры партии, ее будущий «генеральный штаб».

Переписка Маркса и Энгельса наглядно показывает, что с той поры как они вступили на путь революционной борьбы, основоположники научного коммунизма были окружены группой друзей, соратников и единомышленников. Именно на этих деятелей рабочего движения опирались Маркс и Энгельс в своей борьбе за построение пролетарской партии, рука об руку с ними протекала деятельность основоположников научного коммунизма в революционные годы и в трудную пору господства реакции.

Особое место среди соратников Маркса и Энгельса занимает Вильгельм Вольф («Лупус»), с которым основоположников марксизма связывала многолетняя тесная дружба. В письме Энгельса Марксу 23—24 ноября 1847 г. содержится высокая оценка Вильгельма Вольфа как одного из руководителей Союза коммунистов: «Лупуса надо решительно отучить от чрезмерной скромности. Этот славный малый — один из тех немногих, которых приходится *выдвигать* на первый план» (см. настоящий

том, стр. 105). В годы революции В. Вольф был членом редакции «Neue Rheinische Zeitung» и одним из наиболее выдающихся сотрудников этого революционного органа. После своего прибытия в Лондон летом 1851 г. В. Вольф решительно поддерживал Маркса и Энгельса в борьбе против интриг сектантов и вожаков мелкобуржуазной эмиграции (см. письмо Маркса Энгельсу 13 июля 1851 г.).

Из писем Маркса и Энгельса явствует, что во время своего пребывания в эмиграции они поддерживали тесные связи с деятелями Союза коммунистов в Германии — Даниельсом, Бюргерсом и другими. Даниельс, с которым Маркса связывала давняя дружба, играл руководящую роль среди коммунистов Кёльна, что явствует из письма Маркса к нему 7 марта 1847 г., а также из других писем. С этим революционером и выдающимся ученым Маркс обменивался мнениями по многим теоретическим вопросам, в частности по вопросу о роли науки и технического прогресса в будущем коммунистическом обществе. «Коммунистам предстоит показать, — писал Маркс Даниельсу в мае 1851 г., — что только при коммунистических отношениях уже достигнутые технологические истины могут быть осуществлены на практике» (см. настоящий том, стр. 483). Арест Даниельса прусской полицией в июне 1851 г. сильно встревожил Маркса и Энгельса (см. письма Маркса Энгельсу 16 июня и 13 июля 1851 г., а также его письмо жене Даниельса между 4 и 8 октября 1851 г.).

В переписке Маркса и Энгельса содержится значительный материал об их друзьях и единомышленниках, членах Союза коммунистов, входивших в 1848—1849 гг. в состав редакции «Neue Rheinische Zeitung» — Фердинанде Вольфе, Э. Дронке, Г. Веерте и Ф. Фрейлиграте. Из писем основоположников научного коммунизма за 1850—1851 гг. видно, что в момент размежевания между пролетарскими революционерами и мелкобуржуазной эмиграцией немецкие революционные поэты Веерт и Фрейлиграт поддержали Маркса и Энгельса (см., например, письмо Маркса Мюллеру-Теллерингу 1 января 1850 г. и письмо Маркса Энгельсу 28 мая 1851 г.).

Большое место в письмах 1848—1851 гг. занимает корреспонденция Маркса и Энгельса с выдающимся пролетарским революционером И. Вейдемейером. Отдав дань в середине 40-х годов увлечению «истинным социализмом», Вейдемейер еще до революции 1848—1849 гг. выступает как убежденный сторонник научного коммунизма, как верный соратник Маркса и Энгельса. В письме Марксу около 1 августа 1851 г. Энгельс пишет о Вейдемейере как об одном из наиболее надежных,

испытанных товарищей по партии: «относительно В[ейдемейера] можно быть уверенным, что он в случае необходимости явится тотчас же» (см. настоящий том, стр. 265). Не менее высокую оценку дает Вейдемейеру Маркс.

Оказывая постоянную поддержку передовым борцам пролетариата, воспитывая и обучая их, Маркс и Энгельс в то же время, как показывают их письма, сурово критиковали тех из них, кто допускал отступления от революционной пролетарской линии.

Письма Маркса 1850—1851 гг., а также публикуемые в приложениях письма его жены, Женни Маркс, рисуют обстановку жестоких материальных лишений и страданий, которые выпали на долю Маркса и его семьи в лондонской эмиграции. Постоянная материальная нужда, угроза быть выброшенным на улицу за неуплату долга домохозяину, преследования со стороны кредиторов, болезнь и смерть ребенка, — все это делало порой невыносимой жизнь Маркса и препятствовало его научным занятиям. К этому прибавлялись клевета и травля со стороны враждебного окружения многочисленных клик мелкобуржуазной эмиграции, которые не могли простить Марксу и Энгельсу их непримиримой идейно-политической линии (об этом см., например, письмо Маркса Вейдемейеру 2 августа 1851 г., а также письмо Женни Маркс Вейдемейеру 20 мая 1850 г.).

Материал переписки наглядно показывает, что в тяжелых условиях эмиграции огромную роль в жизни Маркса и его семьи сыграла испытанная, многолетняя дружба Энгельса. Именно в это критическое для Маркса время Энгельс пошел на подлинное самопожертвование — вернулся в контору отца и стал на долгие годы «вьючной скотиной торгашества», чтобы дать возможность Марксу продолжать свои экономические исследования. «Не будь постоянной самоотверженной финансовой поддержки Энгельса, — отмечал В. И. Ленин, — Маркс не только не мог бы кончить «Капитала», но и неминуемо погиб бы под гнетом нищеты» (В. И. Ленин. Соч., 4 изд., т. 21, стр. 32).

Вся переписка между Марксом и Энгельсом является замечательным свидетельством глубокой дружбы, связывавшей в течение нескольких десятилетий этих двух гигантов революционной мысли, «отношения которых, — по выражению В. И. Ленина, — превосходят все самые трогательные сказания древних о человеческой дружбе» (В. И. Ленин. Соч., 4 изд., т. 2, стр. 12).

* * *

В настоящий том включено 21 новое письмо Маркса и Энгельса; эти документы не входили в состав первого издания Сочинений. Некоторые из них, представляющие собой письма, адресованные различным организациям, по своему характеру должны были быть опубликованы в томах, содержащих произведения Маркса и Энгельса за определенный хронологический период; однако поскольку эти материалы были получены или обнаружены Институтом марксизма-ленинизма уже после выхода соответствующих томов, они печатаются в составе настоящего тома. Ряд вновь включаемых в Сочинения писем Маркса и Энгельса был опубликован в русском переводе в советских журналах. Другие публикуются на русском языке впервые, что оговорено в редакционных концовках к этим письмам.

Несколько вновь включаемых в настоящее издание документов относятся к 1843—1844 годам. Из них особый интерес представляет письмо Маркса Фрёбелю и его заявление в редакцию «Allgemeine Zeitung», которые касаются издания журнала «Deutsch-Franzosische Jahrbucher», а также письмо Маркса Фейербаху 11 августа 1844 г., которое содержит важное упоминание о связях Маркса с парижскими общинами Союза справедливых летом 1844 года. Новый материал о мало исследованном периоде биографии Энгельса содержится в двух письмах, написанных Энгельсом в конце декабря 1848 г. от имени Центральной комиссии объединения немецких союзов в Швейцарии. Большой интерес представляет письмо Маркса Блинду 17 июля 1850 г., в котором приводятся новые сведения о деятельности Союза коммунистов летом 1850 года.

Материалы приложений дополняют публикуемые в томе письма и представляют историко-революционный и биографический интерес. К числу этих документов относятся несколько писем жены Маркса, Женни Маркс, Энгельсу и Вейдемейеру, написанных по поручению Маркса. В раздел приложений включено письмо члена Союза коммунистов К. Шрамма И. Вейдемейеру 8 января 1850 г., написанное по поручению Маркса, а также прошение Маркса, относящееся ко времени его пребывания в Бельгии в 1845 году. Некоторые из этих материалов впервые публикуются на русском языке.

В состав настоящего тома не включены юношеские письма Маркса и Энгельса 1837—1841 гг., опубликованные в издании Сочинений Маркса и Энгельса на языке оригинала — «Marx —

Engels Gesamtausgabe» (MEGA) и частично вошедшие в первое издание Сочинений. Большая часть этих писем была опубликована в 1956 г. в сборнике: К. Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних произведений». По своему характеру и тематике эти письма Маркса и Энгельса непосредственно примыкают к их работам, включенным в указанный сборник.

Институт марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС

К. МАРКС
и
Ф. ЭНГЕЛЬС

ПИСЬМА

ФЕВРАЛЬ 1842—ДЕКАБРЬ 1851

Часть первая

ПЕРЕПИСКА
МЕЖДУ К. МАРКСОМ и Ф. ЭНГЕЛЬСОМ

ОКТЯБРЬ 1844 — ДЕКАБРЬ 1851

1844 год

1
ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ [1]

В ПАРИЖ

[Бармен, начало октября 1844 г.]

Дорогой Маркс!

Ты, вероятно, удивляешься, что я до сих пор не дал о себе знать, и ты совершенно прав. Однако я и теперь не могу еще сказать тебе ничего определенного относительно своего возвращения. Вот уже три недели, как я нахожусь в Бармене и развлекаюсь, насколько это возможно, в обществе немногих друзей и многочисленной семьи, в которой, к счастью, имеется несколько милых женщин. О работе здесь нечего и думать, тем более, что сестра моя* обручилась с лондонским коммунистом Эмилем Бланком — Эвербек его знает, — и поэтому теперь в доме у нас невероятная беготня и суета. Впрочем, я прекрасно понимаю, что мое возвращение в Париж еще встретит значительные препятствия и что мне, вероятно, придется провести в Германии полгода, а то и целый год. Я, конечно, сделаю все, чтобы избежать этого, но ты не можешь себе представить, какие мелкие соображения, какие суеверные опасения выдвигаются против моего отъезда.

В Кёльне я провел три дня и был поражен невероятными успехами нашей пропаганды. Люди там очень деятельны, но сильно сказывается отсутствие надлежащей опоры. Пока наши принципы не будут развиты в нескольких работах и не будут выведены логически и исторически из предшествующего мировоззрения и предшествующей истории как их необходимое продолжение, настоящей ясности в головах не будет, и большинство будет блуждать в потемках. Затем я был

* — Мария Энгельс. *Ред.*

в Дюссельдорфе, где среди наших тоже есть несколько дельных ребят. Больше всего, однако, нравятся мне мои эльберфельдцы, у которых гуманистическое мировоззрение действительно вошло в плоть и кровь. Они серьезно взялись за революционизирование своих семейных порядков и всякий раз отчитывают своих родителей, если те позволяют себе аристократическое обращение с прислугой или с рабочими, — а это уже немало для нашего патриархального Эльберфельда. Кроме этой группы, в Эльберфельде имеется еще одна очень неплохая, но недостаточно определившаяся группа. В Бармене полицейский комиссар — коммунист. Третьего дня был у меня старый школьный товарищ, учитель гимназии*; он тоже сильно заражен, хотя никогда не соприкасался с коммунистами. Если бы можно было воздействовать непосредственно на народ, то мы скоро заняли бы господствующее положение. Но это почти невозможно, особенно для нас, литераторов, — мы должны вести себя смирно, чтобы не угодить в тюрьму. Впрочем, тут совершенно безопасно, на нас обращают мало внимания, пока мы ведем себя спокойно, и я думаю, что Г[ессу] с его опасениями просто мерещатся всякие ужасы. Меня здесь до сих пор нисколько не беспокоят, и только один раз обер-прокурор справлялся обо мне у одного из наших. Это все, что до сих пор дошло до меня.

В здешней газете сообщалось, что прусское правительство привлекло Бернайса к суду в Париже и что его судили[2]. Напиши мне, правда ли это, а также сообщи, в каком положении брошюра**, — она, вероятно, уже готова. О Бауэрах тут ничего не слышно, никто о них ничего не знает. Напротив, на «Jahrbucher»[3] еще до сих пор огромный спрос. Моя статья о Карлейле*** имеет большой успех у «массы» — курьез! — тогда как статью о политической экономии**** читали только очень немногие. Да это и понятно.

В Эльберфельде господа пасторы, в частности Круммахер, тоже обрушились на нас в своих проповедях; пока они произносят проповеди только против атеизма молодых людей. Впрочем, я надеюсь, что за этим скоро последует филиппика против коммунизма. Прошлым летом во всем Эльберфельде только и разговору было об этих безбожниках. Вообще тут произошли замечательные перемены. С тех пор как я уехал[4], Вуппераль

---

* — Вурм. *Ред.*

** *К. Маркс и Ф. Энгельс*. «Святое семейство». *Ред*.

*** *Ф. Энгельс.* «Положение Англии. *Томас Карлейль. «Прошлое и настоящее»*». *Ред.*

**** *Ф. Энгельс.* «Наброски к критике политической экономии». *Ред.*

проделал во всех отношениях больший прогресс, чем за последние пятьдесят лет. Весь тон общественной жизни стал гораздо цивилизованнее, интерес к политике и оппозиционное возмущение стали всеобщими, промышленность сделала огромные успехи, выстроены новые кварталы, вырублены целые леса, и вся местность теперь стоит скорее выше, чем ниже среднего уровня немецкой цивилизации, тогда как еще четыре года назад она находилась намного ниже этого уровня; словом, тут создается прекрасная почва для наших принципов, и если нам удастся вовлечь в движение наших неистовых, пылких красильщиков и белильщиков, то наш Вуппераль тебя еще удивит. Рабочие уже года два как достигли последней ступени старой цивилизации, и их протест против старого общественного строя находит свое выражение в быстром росте преступлений, грабежей и убийств. Улицы вечером весьма небезопасны, буржуазию бьют, режут и грабят, и если развитие здешних пролетариев будет идти по тем же законам, что и в Англии, то они скоро поймут, что протестовать таким способом против старого общества — как *отдельные индивидуумы* и путем насилий — бесполезно, и тогда они будут протестовать против него в своем всеобщем качестве, как *люди,* путем коммунизма. *Если* бы только можно было указать им путь! Но это невозможно.

Брат мой* теперь солдат в Кёльне, и, пока он вне подозрений, можно пользоваться его адресом для писем Г[ессу] и др. Но я пока сам не знаю его точного адреса и поэтому не могу тебе его сообщить.

С тех пор как я написал предыдущие строки, я побывал в Эльберфельде и вновь натолкнулся на нескольких прежде мне совершенно не известных коммунистов. Куда ни кинь, куда ни повернись, везде натыкаешься на коммунистов. Один пылкий коммунист, художник, рисующий карикатуры и начинающий заниматься исторической живописью, фамилия его Зеель, едет через два месяца в Париж. Я дам ему явку к вам. Он вам всем понравится — энтузиаст, любит музыку и живопись, будет очень полезен как карикатурист. Возможно, что к тому времени я и сам приеду к вам, но это еще очень сомнительно.

«Vorwarts!»[5] получают здесь в нескольких экземплярах; я позаботился, чтобы и другие подписались. Пусть экспедиция пошлет пробные номера в Эльберфельд Рихарду Роту, капитану Вильгельму Бланку-*младшему,* Ф. В. Штрюккеру, баварскому

* — Герман Энгельс. *Ред.*

трактирщику Мейеру на Функенштрассе (кабачок, где собираются коммунисты) — все это в конвертах через посредство коммунистического книготорговца Бедекера там же. Когда эти люди увидят, что газета доходит, они станут постоянными подписчиками. В Дюссельдорф пошли В. Мюллеру, доктору медицины. В Кёльн можно, пожалуй, послать доктору медицины Д'Эстеру, трактирщику Лёльхену, твоему шурину* и т. д. Все это, конечно, через книготорговца и в конвертах.

Постарайся только, чтобы собранные тобой материалы скорее увидели свет[6]. Давно уже пора сделать это. Я тоже возьмусь как следует за работу и сегодня же снова начну писать. У всех германцев еще очень неясные представления о практической осуществимости коммунизма. Чтобы положить конец этому безобразию, я напишу маленькую брошюру, в которой покажу, что практически уже сделано в этом отношении, и в популярной форме расскажу о существующей практике коммунизма в Англии и Америке[7]. Это займет у меня дня три и поможет многое разъяснить нашим людям. Я уже убедился в этом во время моих бесед со здешней публикой.

Итак, надо приниматься энергично за работу и скорее печатать! Кланяйся Эвербеку, Бакунину, Герье и другим, а также твоей жене, и напиши мне скорее обо всем. Если это письмо дойдет нераспечатанным, то пиши по адресу «Ф. В. Штрюккеру и К°, Эльберфельд»; посылай письма в конверте, надписанном по возможности конторским почерком, а в противном случае по какому-либо другому адресу из тех, которые я оставил Эвербеку. Мне очень хочется знать, обманет ли почтовых ищеек чисто дамская внешность моего письма.

Ну, будь здоров, дорогой Карл, и отвечай поскорее. Ни разу еще я не был в таком хорошем настроении и не чувствовал себя в такой степени человеком, как в течение тех десяти дней, что провел у тебя.

Что касается затеваемого предприятия, то я не имел еще случая сделать в этом направлении какие-нибудь шаги.

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart. 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

* — Эдгару фон Вестфалену. *Ред.*

2
ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

В ПАРИЖ

Б[армен], 19 ноября 1844 г.

№ 2

Дорогой Маркс!

Недели две назад я получил от тебя и Б[ернайса] несколько строк, датированных 8 октября и с почтовым штемпелем: Брюссель, 27 октября. Почти в то самое время, когда ты писал мне, я послал тебе письмо, адресованное на имя твоей жены. Надеюсь, ты получил его. Чтобы впредь быть спокойным, что никто не перехватывает наши письма, я предлагаю их нумеровать. Итак, мое теперешнее письмо — второе, и когда ты будешь мне писать, сообщай, до какого номера ты получил письма и все ли они доходят. —

Несколько дней назад я был в Кёльне и Бонне. В Кёльне все идет хорошо. Грюн, наверное, рассказал тебе о деятельности тамошних людей. Гесс тоже собирается через две или три недели отправиться в Париж, если получит необходимые для этого деньги. У вас там теперь и Бюргерс, так что получилось настоящее сборище. Тем меньше вы нуждаетесь во мне, и тем более нужен я здесь. В настоящий момент я безусловно не могу приехать — иначе я должен буду поссориться со всей моей семьей. Кроме того, у меня тут роман, и в этом отношении я тоже должен сперва принять какое-то решение. К тому же один из нас во всяком случае должен теперь быть здесь, так как нашими людьми необходимо руководить, дабы они занимались надлежащим делом, не разменивались на мелочи и не сбились с пути. Так, например, Юнг и многие другие не хотят понять, что между нами и Руге существуют принципиальные разногласия[8], и все еще думают, что это только личные дрязги. Когда им говоришь, что Р[уге] вовсе не коммунист, они все-таки этому не верят и думают, что мы поступаем опрометчиво, отталкивая от себя такой «литературный авторитет», как Р[уге]! Что прикажешь с ними делать? Приходится ждать, пока Р[уге] опять не выкинет какую-нибудь колоссальную глупость, так что это станет ad oculos* ясно всем этим людям. Мне кажется, что на Ю[нга] надежда плоха: ему не хватает твердости.

---

* — воочию. *Ред.*

У нас теперь устраивают повсюду собрания, чтобы основать союзы для улучшения положения рабочих[9]. Это вносит большое оживление в ряды германцев и привлекает внимание филистеров к социальным вопросам. Собрания созываются явочным порядком, без оповещения полиции. В Кёльне комитет для выработки устава состоял наполовину из наших людей, в Эльберфельде среди членов комитета тоже был один из наших, и с помощью рационалистов мы на двух собраниях нанесли полное поражение святошам; огромным большинством голосов нам удалось выкинуть из устава все христианское[10]. Забавно было наблюдать, в каком смешном положении оказались эти рационалисты со своим теоретическим христианством и практическим атеизмом. В принципе они полностью признавали правоту христианской оппозиции, на практике же предлагали, чтобы о христианстве, которое, по их же собственным словам, составляло основу союза, совершенно не было упомянуто в уставе. Устав должен был содержать все, что угодно, только не жизненный принцип союза! Эти люди так упорно отстаивали свою смехотворную позицию, что мне совершенно не понадобилось выступать. Мы получили такой устав, лучше которого при настоящих условиях трудно пожелать. В ближайшее воскресенье опять назначено собрание, но я не смогу на нем быть — завтра я уезжаю в Вестфалию.

Я зарылся с головой в английские газеты и книги, на основании которых пишу свою книгу о положении английских рабочих[*]. К середине или к концу января я надеюсь закончить ее, так как с наиболее трудной работой, с приведением в порядок материала, я уже справился около двух недель тому назад. Я предъявлю англичанам славный перечень их грехов. Перед лицом всего мира я обвиняю английскую буржуазию в массовых убийствах, грабежах и других преступлениях. Я пишу на английском языке вступление к книге, которое напечатаю отдельно и разошлю английским партийным лидерам, литераторам и членам парламента[**]. Пусть они помнят обо мне. Впрочем, само собой разумеется, что хотя я и бью по мешку, но имею в виду осла, то есть немецкую буржуазию. Я достаточно ясно говорю ей, что она так же плоха, как английская, но далеко не так смела, последовательна и искусна в своем живодерстве. Как только я закончу эту книгу, я возьмусь за историю общественного развития Англии[11]. Это будет для меня еще легче, так как материал у меня уже собран

[*] *Ф. Энгельс.* «Положение рабочего класса в Англии». *Ред*
[**] *Ф. Энгельс*. «К рабочему классу Великобритании». *Ред*.

и мысленно приведен в порядок — вопрос мне совершенно ясен. В промежутке, как только у меня будет время, я постараюсь написать несколько брошюр, в частности против *Листа*[12].

Ты, вероятно, уже слышал о книге Штирнера «Единственный и его собственность»[13], а может быть даже она у тебя есть. Виганд прислал мне пробные оттиски; я взял их с собой в Кёльн и оставил у Гесса. Принцип благородного Штирнера — ты помнишь берлинца Шмидта, который в сборнике Буля писал о «Тайнах»[14], — это эгоизм Бентама, только проведенный в одном отношении более последовательно, в другом — менее. Более последовательно — потому, что Шт[ирнер], как атеист, ставит личность выше бога или, вернее, изображает ее как самую последнюю инстанцию, тогда как Бентам оставляет над ней в туманной дали бога; одним словом, потому, что Шт[ирнер] стоит на плечах немецкого идеализма и является идеалистом, превратившимся в материалиста и эмпирика, тогда как Бентам — простой эмпирик. Менее последователен Шт[ирнер] потому, что он желал бы, но не может избежать реконструкции распавшегося на отдельные атомы общества — операции, которую производит Б[ентам]. Этот эгоизм есть только осознавшая себя сущность современного общества и современного человека, последний аргумент современного общества против нас, кульминационный пункт всякой теории в пределах существующей нелепости.

Вот почему эта штука имеет большое значение, гораздо большее, чем думает, например, Гесс. Мы не должны отбрасывать ее в сторону, а наоборот, скорее использовать как наиболее полное выражение существующей нелепости и, *перевернув ее,* строить на этой основе дальше. Этот эгоизм доведен до такой крайности, до того нелеп и в то же время столь осознан, что в своей односторонности он не может удержаться ни одного мгновения и должен тотчас же превратиться в коммунизм. Во-первых, нет ничего легче, как доказать Шт[ирнеру], что его эгоистические люди просто из эгоистических побуждений неизбежно должны стать коммунистами. Вот что надо ему возразить. Во-вторых, нужно ему сказать, что человеческое сердце прежде всего, непосредственно является, именно в силу своего эгоизма, бескорыстным и способным на жертвы и что он, таким образом, возвращается к тому, на что нападает. С помощью таких тривиальностей можно опровергнуть его *односторонность.* Но мы должны воспринять и то, что в этом принципе является верным. А верно в нем во всяком случае то, что если мы хотим чем-то помочь какому-нибудь делу, оно должно сперва стать

нашим собственным, эгоистическим делом, — что, следовательно, мы в этом смысле, даже помимо каких-либо материальных чаяний, просто из эгоистических побуждений, являемся коммунистами и именно из эгоистических побуждений хотим быть *людьми,* а не только индивидами. Или, выражаясь иначе: Шт[ирнер] прав, когда он отвергает «человека» Ф[ейербаха], по крайней мере человека из «Сущности христианства». Фейербаховский «человек» есть производное от бога, Ф[ейербах] пришел от бога к «человеку», и потому его «человек» еще увенчан теологическим нимбом абстракции. Настоящий же путь, ведущий к «человеку», — путь совершенно обратный. Мы должны исходить из «я», из эмпирического, телесного индивида, но не для того, чтобы застрять на этом, как Штирн[ер], а чтобы от него подняться к «человеку». «Человек» всегда остается призрачной фигурой, если его основой не является эмпирический человек. Одним словом, мы должны исходить из эмпиризма и материализма, если хотим, чтобы наши идеи и, в особенности, наш «человек» были чем-то реальным; мы должны всеобщее выводить из единичного, а не из самого себя или из ничего, как Гегель.

Все это тривиальности, которые сами собой разумеются и которые, каждая в отдельности, уже сказаны были Фейербахом. Я не стал бы их повторять, если бы Гесс — как мне кажется, в силу своей старой приверженности к идеализму, — не подверг такой жестокой критике эмпиризм, в особенности Фейербаха, а теперь Штирнера. Во многом, что он говорит о Фейербахе, Гесс прав, но, с другой стороны, он, по-видимому, сохранил еще некоторые идеалистические повадки — когда он начинает говорить о теоретических вопросах, то всегда сводит все к категориям. Поэтому он и не умеет писать популярно, он для этого чересчур абстрактен. По той же причине он ненавидит также всяческий эгоизм и проповедует любовь к людям и т. д., что опять-таки сводится к христианскому самопожертвованию. Но если телесный индивид представляет истинную основу, истинный исходный пункт для нашего «человека», то, само собой разумеется, эгоизм — конечно, не *только* штирнеровский рассудочный эгоизм, но и *эгоизм сердца* — должен быть также исходным пунктом для нашей любви к людям, иначе последняя повисла бы в воздухе. Так как Гесс к вам скоро приедет, то ты сможешь с ним сам побеседовать на эту тему. Впрочем, вся эта теоретическая болтовня мне с каждым днем все больше надоедает, и всякое слово, которое еще приходится говорить о «человеке», всякая строка, которую приходится писать или читать против теологии и абстракции, а

равно и против грубого материализма, раздражают меня. Совсем другое дело, когда, вместо всех этих призраков, — ведь и не реализовавший еще себя человек остается до своей реализации таким призраком — занимаешься действительными, живыми предметами, историческим развитием и его результатами. Это, по крайней мере, лучшее, что нам остается, пока мы вынуждены прибегать только к перу и не в состоянии непосредственно воплощать наши идеи в действительность, пуская в ход руки, а если это необходимо, и кулаки.

Вместе с тем книга Штирнера вновь показывает, как глубоко укоренилась абстракция в умах берлинцев. Из всех «Свободных»[15] Шт[ирнер], несомненно, наиболее талантлив, самостоятелен и прилежен, но, несмотря на все это, он перескакивает от идеалистической абстракции к материалистической и не приходит ни к чему. Мы слышим об успехах социализма во всех частях Германии, только не в Берлине. Эти сверхумные берлинцы устроят у себя на Хазенхейде democratie pacifique[16] к тому времени, когда вся Германия уже отменит собственность, — дальше этого они, наверное, не пойдут. Вот увидишь, скоро в Укермарке явится новый мессия, который перекроит Фурье на гегелевский лад, сконструирует фаланстеры из вечных категорий и провозгласит вечным законом к себе возвращающейся идеи, что капитал, талант и труд должны получать определенные доли продукта. Это станет новым заветом гегельянства, старый Гегель станет ветхим заветом, «государство», закон станет «надсмотрщиком над христианством», и фаланстер, в котором отхожие места будут размещены в порядке логической необходимости, станет «новым небом», «новой землей», новым Иерусалимом, который спускается с неба, разукрашенный как невеста, о чем мы подробно прочтем в новом апокалипсисе. А когда все это будет закончено, тогда придет «критическая критика», заявит, что она есть воплощение всего, что она объединяет в своей голове капитал, талант и труд, что все, что произведено, сделано ею, а не бессильной массой, — и наложит руку на все. Таков будет конец берлинско-гегельянской [«мир]ной* демократии».

Если «Критическая критика»** готова, то пришли мне несколько экземпляров в запечатанных конвертах...* через книготорговца, иначе они мо[гут]* быть конфискованы. На тот случай, если ты [не полу]чил* моего последнего письма, я еще раз повторяю, что ты можешь мне писать либо по адресу...*

---

* В этом месте рукопись повреждена. *Ред.*

** *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Святое семейство». *Ред.*

Ф. Э. *junior*[*], *Бармен,* либо в конверте на имя Ф. В. Штрюккера и К°, Э[льберфельд][**]. Это письмо посылаю тебе кружным путем.

Пиши же мне скорее — вот уже больше двух месяцев, как я ничего о тебе не знаю. Что поделывает «Vorwarts!»? Кланяйся всем нашим.

Твой

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischenF. Engels und K. Marx». Bd, I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

[*] — младшему. *Ред*.

[**] В этом месте рукопись повреждена. *Ред.*

1845 год

3
ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ [17]

В ПАРИЖ

[Бармен, 20 января 1845 г.]

Дорогой Маркс!

Если я не ответил тебе раньше, то главным образом потому, что ждал обещанных тобой номеров «Vorwarts!». Но так как они до сих пор не получены, то я перестал их ждать, так же как и «Критическую критику»[*], о которой ничего больше не слышно. Что касается Штирнера, то я с тобой совершенно согласен. Когда я писал тебе, я все еще находился под непосредственным впечатлением книги, а теперь, когда я отложил ее и смог лучше подумать, я прихожу к тем же выводам, что и ты. Гесс, — он все еще находится здесь, и я говорил с ним две недели назад в Бонне, — после некоторых колебаний пришел к тому же заключению, что и ты. Он прочитал мне свою статью о книге, которую скоро опубликует и в которой он, еще до ознакомления с твоим письмом, говорит то же самое[18]. Я оставил ему твое письмо, так как он хотел кое-что оттуда использовать, и поэтому отвечаю тебе по памяти.

Что касается моего приезда, то не подлежит никакому сомнению, что года через два я буду в Париже; кроме того, я твердо решил, что будущей осенью во что бы то ни стало приеду туда месяца на полтора. Если здешняя полиция станет чинить мне препятствия, то я и раньше приеду, а при здешнем положении дел эти негодяи могут в любой день потревожить нашего брата. Мы увидим на примере «Burgerbuch»[19] Пютмана, как далеко можно зайти без риска быть арестованным или высланным.

[*] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. «Святое семейство». *Ред.*

Мой роман закончился печально. Избавь меня от скучных объяснений, теперь ведь ничем не поможешь, да и без того эта история уже причинила мне много огорчений. Я рад, что могу, по крайней мере, снова работать, а если бы я тебе написал обо всей этой ерунде, то испортил бы себе весь вечер.

Последняя новость: начиная с 1 апреля, Гесс и я будем издавать у Тиме и Буца в Хагене журнал «Gesellschaftsspiegel», в котором будем давать картины социальных бедствий и буржуазного строя[20]. Проспект и пр. — в ближайшие дни. А пока было бы хорошо, если бы поэтический «Ремесленник»[21] потрудился прислать нам материал о *тамошних* бедствиях, в особенности отдельные примеры, так как это сильнее всего действует на филистера, которого нужно еще подготовить к восприятию коммунизма. Редактирование журнала отнимет не много времени, а для того, чтобы ежемесячно обеспечить материал на четыре листа, найдется достаточно сотрудников; таким образом, у нас будет мало работы и широкое поле деятельности. Кроме того, Пютман будет издавать у Леске не подлежащий цензуре по своему объему трехмесячный журнал «Rheinische Jahrbucher»[22], где будут печататься только коммунистические работы. Ты мог бы также принять в нем участие. К тому же было бы неплохо, если бы мы часть наших работ публиковали дважды: сначала в журнале, а потом отдельно, в виде сборников; ведь запрещенные книги распространяются менее свободно, а таким образом мы имели бы двойную возможность воздействовать на читателей. Как видишь, у нас тут в Германии достаточно хлопот: надо снабжать материалом все эти журналы и, кроме того, подготавливать более крупные труды. Но нам приходится корпеть, если мы хотим добиться чего-нибудь, и хорошо еще, если работа захватывает. Моя книга об английских рабочих[*] будет готова через две — три недели, затем я около месяца посвящу более мелким вещам, а потом примусь за работу об историческом развитии Англии и английского социализма[23].

Что меня особенно радует, так это внедрение коммунистической литературы в Германии, которое стало теперь fait accompli[**]. Всего только год, в сущности, как она возникла и начала завоевывать себе место вне Германии, в Париже, а теперь она уже села на шею немецкому Михелю. Газеты, еженедельники, ежемесячные и трехмесячные журналы и подтягивающиеся резервы тяжелой артиллерии — все как следует. Чертовски быстро шло это развитие! Подпольная пропаганда тоже принесла свои плоды: всякий раз, когда я попадаю в Кёльн или

[*] *Ф. Энгельс.* «Положение рабочего класса в Англии». *Ред.*
[**] — совершившимся фактом. *Ред.*

в один из здешних кабачков, я замечаю новые успехи, новых прозелитов. Собрание в Кёльне* привело к поразительным результатам — мало-помалу обнаруживаются отдельные коммунистические группы, которые до сих пор развивались втихомолку, без нашего прямого содействия.

«Gemeinnutziges Wochenblatt», который прежде издавался вместе с «Rheinische Zeitung»[24], теперь также в наших руках; Д'Эстер взялся за него и постарается что-нибудь из него сделать. Нам теперь нужно прежде всего выпустить несколько крупных работ — они послужили бы основательной точкой опоры для многих полузнаек, которые полны добрых намерений, но сами не могут во всем разобраться. Постарайся скорее кончить свою книгу по политической экономии[25]; даже если тебя самого она во многом еще не удовлетворяет, — все равно, умы уже созрели, и надо ковать железо, пока оно горячо. Мои английские работы, конечно, тоже произведут впечатление — факты слишком красноречивы, — но все же я хотел бы иметь большую свободу действий и написать нечто такое, что произвело бы больший эффект в настоящий момент и нанесло бы более чувствительный удар немецкой буржуазии. Мы, немцы-теоретики...** — смешно, но это знамение времени, характеризующее разложение немецкой национальной мерзости, — никак не можем...** дать разработку нашей теории, мы все еще не опубликовали даже критику нелепости. Но теперь время не терпит. Постарайся поэтому кончить *до* апреля. Сделай, как я: назначь себе срок, к которому ты обязательно *должен закончить работу,* и позаботься, чтобы книга была скорее напечатана. Если ты не можешь сделать этого в Париже, то печатай в Мангейме, Дармштадте или где-нибудь еще. Важно, чтобы книга появилась как можно скорее.

Меня немало удивило, что ты растянул «Критическую критику» на двадцать листов. Это хорошо, по крайней мере появится многое из того, что иначе еще долго лежало бы в твоем письменном столе. Но если ты оставил на книге мое имя, то это произведет странное впечатление, — ведь я написал от силы полтора листа. Как я уже сказал, я ничего не слышал ни о Лёвентале, ни о выходе книги, которую, конечно, жду с большим нетерпением.

Вчера я получил «Vorwarts!», которого не видел со времени моего отъезда. Некоторые шутки Бернайса доставили мне большое удовольствие; этот парень умеет заставить посмеяться по-настоящему, что со мной обычно редко случается при чтении.

---

* См. настоящий том, стр. 10. *Ред.*

** В этом месте рукопись повреждена. *Ред.*

В общем же газета плоха, недостаточно интересна и из нее можно почерпнуть мало полезного, так что вряд ли многие немцы захотят выписывать ее постоянно. В каком положении она сейчас и правда ли, как я слышал в Кёльне, что ее собираются превратить в ежемесячник? Мы тут так завалены работой, что...* сможем посылать отсюда статьи только время от времени. Вам там тоже придется приналечь. И ты пиши раз в четыре— шесть недель статьи для газеты, да «не поддавайся» своему настроению. Почему не пишет ничего Бакунин и почему нельзя заставить Эвербека писать хотя бы тривиально? Бедный Бернайс сидит теперь, наверное, в кутузке; кланяйся ему от меня и посоветуй не принимать слишком близко к сердцу всей этой дряни — два месяца пройдут скоро, хотя это довольно противно. Что вообще поделывают наши ребята? Ты ничего не пишешь об этом. Приехал ли опять Герье, пишет ли Бакунин по-французски? Чем занимается теперь вся эта орава, которая в августе каждый вечер посещала набережную Вольтера? А что ты сам собираешься делать? Каково твое положение в Париже? Живет ли еще у вас в доме внизу Куница**? Он недавно опять разразился статьей в «Telegraph»[26] — само собой разумеется, о патриотизме. Курьезно, что он не слезает с этого конька: ему на все наплевать, только бы удалось уничтожить патриотизм. Вероятно, это и было главной причиной, почему он не хотел дать статью Фрёбелю. Немецкие газеты недавно сообщили, что Куница возвращается в Германию. Если это правда, я поздравляю его, но это слишком невероятно, иначе ему пришлось бы вторично приобрести себе омнибус с клозетом, а это ведь невозможно.

Я говорил недавно с человеком, приехавшим из Берлина. Разложение caput mortuum*** «Свободных», по-видимому, завершилось полностью. Кроме Бауэров, с ними прекратил, кажется, сношения и Штирнер. Оставшаяся ничтожная кучка, Мейен, Рутенберг и компания, продолжают, ничтоже сумняшеся, как и шесть лет назад, ходить ежедневно в два часа пополудни к Штехели и умничать по поводу газет. Теперь они уже добрались до «организации труда» и на этом застрянут. По-видимому, и г-н Науверк осмелился сделать этот шаг, так как он усердно выступает на многолюдных собраниях. Я ведь уже писал тебе, что все эти люди еще станут «democrates pacifiques»****. При этом все они весьма «ценят» ясность и т. д.

---

* В этом месте рукопись повреждена. *Ред.*

** — Руге. *Ред.*

*** — буквально: мертвой головы; в переносном смысле: мертвых останков. *Ред.*

**** — «мирными демократами» (ср. настоящий том, стр. 13). *Ред.*

наших статей в «Jahrbucher». Если меня снова как-нибудь попутает дьявол, я завяжу переписку с маленьким Мейеном, — быть может, удастся получить удовольствие, позабавившись *над* этой публикой, если уж нельзя получить удовольствие *от* них. А то здесь совершенно не представляется возможности хоть время от времени давать выход своему озорству.

Ведь я веду здесь жизнь, какую только может пожелать самый отъявленный филистер, — тихую и спокойную, благочестивую и почтенную, сижу в своей комнате и работаю, почти нигде не бываю, стал солиден, как истый немец. Если так будет продолжаться, то я боюсь, как бы господь бог не простил мне мои писания и не пустил меня на небо. Уверяю тебя, я тут, в Бармене, начинаю пользоваться хорошей репутацией. Но мне все это опротивело, и на пасху я хочу уехать отсюда, вероятно, в Бонн. Уступая настояниям моего зятя* и видя огорченные лица обоих стариков, я опять попытался взяться за коммерцию и...** дней немного поработал в конторе; отчасти меня побудила к этому и моя любовная история. Но мне это опротивело раньше, чем я начал работать, — торговля — гнусность, гнусный город Бармен, гнусно здешнее времяпрепровождение, а в особенности гнусно оставаться не только буржуа, но даже фабрикантом, то есть буржуа, активно выступающим против пролетариата. Несколько дней, проведенных на фабрике моего старика***, снова воочию показали мне...** всю эту мерзость, которую я раньше не так сильно чувствовал. Я, конечно, рассчитывал иметь дело с коммерцией только до тех пор, пока мне это будет удобно, а там написать что-нибудь предосудительное с полицейской точки зрения, чтобы иметь благовидный предлог перебраться за границу. Но я не выдержу так долго. Если бы я не должен был ежедневно регистрировать в моей книге отвратительнейшие картины из жизни английского общества, я, вероятно, уже успел бы прокиснуть, но именно это давало новую пищу моему бешенству. Можно еще, будучи коммунистом, оставаться по внешним условиям буржуа и вьючной скотиной торгашества, если *не заниматься литературной деятельностью,* — но вести в одно и то же время широкую коммунистическую пропаганду и занятия торгашеством, промышленными делами, этого нельзя. Довольно, на пасху я уеду. К тому же еще эта усыпляющая жизнь в семье, насквозь христиански-прусской, — я не могу больше этого вынести, я бы мог здесь

* — Эмиля Бланка. *Ред.*
** В этом месте рукопись повреждена. *Ред.*
*** — Фридриха Энгельса-старшего, отца Энгельса. *Ред.*

в конце концов сделаться немецким филистером и внести филистерство в коммунизм.

Не заставляй меня так же долго ждать твоего письма, как ты на этот раз ждал моего. Привет твоей жене, хотя я с ней и не знаком, и всем, кто этого заслуживает.

Продолжай пока писать сюда; если я к тому времени уеду, мне перешлют твои письма.

Твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

4

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ [27]

В БРЮССЕЛЬ

Бармен, 22—26 февраля, 7 марта 1845 г.

Дорогой Маркс!

Наконец, после длительной переписки, я только что получил из Кёльна твой адрес и сейчас же сажусь тебе писать. Как только пришло известие о твоей высылке[28], я счел необходимым тотчас же открыть подписку, чтобы по-коммунистически распределить между всеми нами твои непредвиденные расходы в связи с высылкой. Дело пошло хорошо, и недели три назад я послал свыше 50 талеров Юнгу; я написал также дюссельдорфцам, которые собрали столько же, а в Вестфалии поручил агитировать в этом направлении Гессу. Подписка здесь, однако, еще не закончена, так как художник Кётген затянул дело, и поэтому у меня еще нет всех денег, на которые я рассчитываю. Я надеюсь, однако, через несколько дней получить все деньги, и тогда я тебе вышлю вексель в Брюссель. Так как я не знаю, хватит ли этих денег, чтобы ты мог устроиться в Брюсселе, то, само собой разумеется, я с величайшим удовольствием предоставлю в твое распоряжение свой гонорар за первую английскую работу[*], который я скоро получу хотя бы частично и без которого я в данный момент могу обойтись, так как займу у своего старика[**]. Эти собаки не должны, по крайней мере, радоваться, что причинили тебе своей подлостью денежные затруднения. Верх мерзости, что тебя заставили еще заплатить

[*] *Ф. Энгельс.* «Положение рабочего класса в Англии». *Ред.*

[**] — Фридриха Энгельса-старшего, отца Энгельса. *Ред.*

за квартиру вперед. Боюсь, впрочем, что тебя не оставят в покое и в Бельгии и что тебе придется, в конце концов, переехать в Англию.

Но довольно обо всей этой подлой истории. Крите, наверное, уже успел побывать у тебя до прибытия этого письма. Этот парень — великолепный агитатор. Он расскажет тебе много о Фейербахе. На другой день после его отъезда отсюда я получил письмо от Ф[ейербаха1, которому мы писали. Ф[ейербах] говорит, что должен сначала основательно покончить с религиозной дрянью, прежде чем сможет в такой мере заняться коммунизмом, чтобы отстаивать его в своих трудах. Кроме того, он в Баварии слишком оторван от жизни, чтобы взяться за это. Впрочем, он-де коммунист, и для него дело лишь в том, как осуществить коммунизм. Возможно, он летом приедет на Рейн, и тогда он должен поехать в Брюссель — этого уж мы от него добьемся. —

Здесь, в Эльберфельде, происходят чудеса. Вчера в самом большом зале, в лучшем ресторане города, у нас было третье коммунистическое собрание. На первом — 40 человек, на втором — 130, на третьем — 200 — самое меньшее. Весь Эльберфельд и Бармен, начиная с денежной аристократии и кончая мелкими лавочниками, был представлен, за исключением только пролетариата. Гесс выступил с докладом. Читали стихотворения Мюллера, Пютмана и отрывки из Шелли, а также статью о существующих коммунистических колониях, опубликованную в «Burgerbuch»*. Потом дискутировали до часу. Успех колоссальный. Коммунизм является главной темой разговоров, и каждый день приносит нам новых приверженцев. Вуппертальский коммунизм стал действительностью и почти уже силой. Ты не можешь себе представить, насколько почва здесь благоприятна для этого. Самая тупая, самая ленивая, самая филистерская публика, которая ничем в мире не интересовалась, начинает прямо восторгаться коммунизмом. Как долго еще все это будут терпеть, я не знаю. Полиция, во всяком случае, в большом затруднении: она сама не знает, что ей делать, а главная скотина, ландрат, как раз теперь в Берлине. Но если наши собрания и запретят, мы обойдем запрет, а если не удастся, то мы, во всяком случае, уже настолько всех расшевелили, что все литературные произведения в нашем духе читаются здесь нарасхват. Так как я на пасху уезжаю, то хорошо, что Гесс собирается здесь поселиться и вместе с тем издавать

* *Ф. Энгельс.* «Описание возникших в новейшее время и еще существующих коммунистических колоний». *Ред.*

у Бедекера в Эльберфельде ежемесячник*, проспект которого, по-моему, имеется у Криге. Как я уже, кажется, писал тебе, я во всяком случае переезжаю в Бонн**. Моя предполагавшаяся поездка в Париж отпадает, так как мне теперь там нечего делать, зато я, наверное, приеду в Брюссель, тем более, что моя мать и обе сестры летом поедут в Остенде. Кроме того, я должен еще раз побывать в Билефельде у тамошних коммунистов и, если Фейербах не приедет, заехать к нему, а после, если будет время и деньги, я хочу еще раз съездить в Англию. Как видишь, у меня широкие планы. Бергенрот тоже говорил мне, что он, вероятно, через несколько недель будет в Брюсселе. Вместе с другими дюссельдорфцами он был на нашем втором собрании и выступал там. А знаешь, стоять перед настоящими, живыми людьми и проповедовать им непосредственно, ощутимо, открыто — это совсем другое дело, чем заниматься проклятой абстрактной писаниной, имея перед своим «духовным взором» столь же абстрактную публику.

От имени Гесса — и от моего также — я снова прошу тебя послать что-нибудь Пютману для его трехмесячного журнала***. Мы должны непременно появиться все вместе уже в первом выпуске, чтобы журнал приобрел определенный характер. Да и все равно без нас он не выйдет.

25 февраля

Вчера вечером пришло известие, что наше предстоящее собрание будет разогнано жандармами и ораторы будут арестованы.

26 февраля

Вчера утром обер-бургомистр**** запретил г-же Обермейер предоставлять свое помещение для подобных собраний, а я был уведомлен, что если, несмотря на это запрещение, собрание все же состоится, то последует арест и привлечение к суду. Мы, конечно, в настоящий момент от собрания отказались и ждем, привлекут ли нас к суду, что, впрочем, мало вероятно, так как мы были достаточно хитры, чтобы не давать им для этого никакого повода, и вся эта ерунда может кончиться только величайшим позором для властей. К тому же на собраниях присутствовали прокуроры и все члены окружного суда, а обер-прокурор сам принимал участие в дискуссии,

---

* — «Gesellschaftsspiegel». *Ред.*
** См. настоящий том, стр. 19. *Ред.*
*** — «Rheinische Jahrbucher». *Ред.*
**** — Карнап. *Ред.*

7 марта

С того времени, как я написал предыдущие строки, я провел неделю в Бонне и Кёльне. Кёльнцам разрешено теперь провести собрание по поводу союза[29]. По нашему эльберфельдскому делу пришло распоряжение окружного управления из Дюссельдорфа, согласно которому запрещаются дальнейшие собрания. Гесс и Кётген заявили протест. Это, конечно, не поможет, но по характеру протеста эта публика увидит, что с нами ничего нельзя поделать. Гесс опять в самом сангвиническом настроении, так как все идет удачно и наши успехи действительно огромны; добрый малый всегда полон иллюзий.

Наш журнал «Gesellschaftsspiegel» великолепен, первый лист уже благополучно прошел цензуру. Статей масса. Г[есс] живет в *Бармене* в гостинице *«Штадт Лондон».* Бергенрот, по всей вероятности, не так скоро попадет в Брюссель, зато приедет другой человек, которого я не хочу называть, так как это письмо, наверно, будет вскрыто. Если удастся, то и я постараюсь приехать еще в апреле. Самое главное для меня теперь — денежный вопрос, так как из-за собрания я имел семейную сцену, и в результате мой старик* заявил, что готов давать мне деньги для моих *«ученых занятий»,* но отнюдь не на какие-либо коммунистические цели.

Я написал бы тебе еще о многом, если бы имел надежный адрес в Брюсселе, который ты мне непременно должен достать. Многое из того, что здесь произошло, могло бы повредить кое-кому, если бы письмо было прочтено в «черном кабинете»[30]. Я остаюсь здесь еще на месяц и в начале апреля еду в Бонн. Во всяком случае напиши мне еще раз сюда, чтобы я знал, как твои дела. Деньги почти все уже собраны, я еще не знаю, сколько, они будут отосланы без промедления. Моя рукопись** будет отослана на днях.

«Критическая критика» *все еще не получена!* Новое название — *«Святое семейство»* — еще больше поссорит меня с моим благочестивым и без того уже сильно раздраженным стариком. Ты, конечно, не мог этого знать. Как видно из объявления, ты мое имя поставил первым. Почему? Я ведь почти ничего...*** не написал, и все ведь узнают [твой]*** стиль.

Напиши мне сейчас же, нужны ли тебе еще деньги. Виганд недели через две должен выслать мне кое-что, и тогда ты сможешь располагать этим. Я боюсь, что по подписке поступит дополнительно не более 120—150 франков.

---

* — Фридрих Энгельс-старший, отец Энгельса. *Ред.*

** *Ф. Энгельс.* «Положение рабочего класса в Англии». *Ред.*

*** В этом месте рукопись повреждена. *Ред.*

A propos*. Мы здесь собираемся переводить Фурье и, если удастся, вообще издавать «Библиотеку выдающихся иностранных социалистов». Лучше всего было бы начать с Фурье. Переводчиков мы уже нашли. Гесс сообщил мне только что о вышедшем во Франции словаре к произведениям Фурье, составленном каким-то фурьеристом. Ты, наверное, знаешь эту книгу. Напиши мне о ней тотчас же и, если возможно, пошли мне один экземпляр но почте. Порекомендуй также сочинения французов, которые, по твоему мнению, стоит перевести для «Библиотеки». Но поторопись, дело срочное, ибо мы уже ведем переговоры с одним издателем**. Как подвигается твоя книга***? Я должен заняться сейчас своей рукописью, — поэтому пока кончаю. Будь здоров и отвечай тотчас же по всем пунктам.

Твой ***Ф. Э.***

Кланяйся Криге и Бюргерсу. Бернайс в Брюсселе?

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

5

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

В БРЮССЕЛЬ

Бармен, 17 марта 1845 г.

Дорогой Маркс!

Вчера Гесс передал мне твое письмо. Что касается переводов, то это дело еще совсем не налажено. В Бонне я хотел поручить кое-кому из тамошних людей перевести под моим наблюдением и руководством Фурье, конечно без космогонической нелепицы[31], и, если бы издатель согласился, издать эту вещь как первый выпуск такой библиотеки. Я как-то говорил об этом с Б[едекером], издателем «Gesellschaftsspiegel», и он, по-видимому, был бы непрочь взяться за это, но для *большой* библиотеки у него нет необходимых средств. Если издавать ее в таком виде, то, пожалуй, лучше обратиться к Леске или к кому-нибудь другому, кто в состоянии финансировать это

* — Кстати. *Ред.*
** — Бедекером. *Ред.*
*** Имеется в виду работа Маркса «Критика политики и политической экономии». *Ред.*

предприятие. Взяться *самому* за перевод я в это лето не смогу, так как должен закончить английские вещи. Первая работа* отправлена на этой неделе Виганду, и так как я с ним договорился, что при получении рукописи он должен выслать мне 100 талеров, то дней через 8—12 я надеюсь получить деньги и послать тебе. Пока имеются 122 франка 22 сантима, которые должны быть переведены 26 марта в Брюссель**.

С этим письмом ты получишь остаток денег, собранных по подписке. Если бы эльберфельдцы не затянули так безобразно все дело, — они могли бы собрать среди своих друзей-буржуа еще по меньшей мере двадцать талеров, — то ты получил бы деньги раньше и в большем количестве.

Возвращаюсь к вопросу о «Библиотеке». Не знаю, будет ли *исторический* порядок этой серии наилучшим. Так как французы и англичане должны будут чередоваться, то ход развития все равно будет постоянно нарушаться. Кроме того, я думаю, что лучше было бы пожертвовать *теоретическими* интересами в пользу практических соображений и начать с тех произведений, которые дадут немцам больше всего материала и которые ближе всего к нашим принципам, то есть с лучших произведений Фурье, Оуэна, сен-симонистов и т. д. — Морелли тоже можно было бы дать одним из первых. Историю развития можно было бы изложить в кратком введении ко всему изданию, так что читателю было бы легко ориентироваться и при таком расположении материала. Это введение мы могли бы написать вместе: ты взял бы Францию, я — Англию. Мне кажется, это нетрудно будет сделать, если я, как предполагаю, приеду через три педели в Брюссель, — по крайней мере, мы могли бы обсудить этот план.

Во всяком случае необходимо, по-моему, сразу же начать с таких работ, которые оказали бы практическое, решающее воздействие на немцев и избавили бы нас от необходимости еще раз повторять то, что другие сказали до нас. Если бы мы захотели дать собрание источников по истории социализма или, скорее, историю социализма в документах и источниках, то мы, боюсь, не скоро справились бы с этой работой, да и наскучили бы читателю. Поэтому я за то, чтобы давать только такие вещи, позитивное содержание которых и теперь еще в значительной степени представляет интерес. «Политическая справедливость» Годвина[32], как. критика политики с политической и гражданско-общественной точки зрения, таким образом,

* *Ф. Энгельс.* «Положение рабочего класса в Англии». *Ред.*
** Слова: «122 франка 22 сантима», «26 марта в Брюссель» вписаны Ст. А. Наутом. *Ред.*

совершенно отпала бы, несмотря на многие прекрасные места, где Г[одвин] граничит с коммунизмом, так как ты ведь дашь *полную* критику политики. Тем более, что Г[одвин] в *конце* своей книги приходит к выводу, что человек должен по возможности эмансипироваться от общества и использовать его лишь как предмет роскоши («Политическая справедливость», II, книга 8, приложение к 8 главе), да и вообще он в своих выводах решительно анти*социален.* Впрочем, я делал выписки из этой книги очень давно, когда мне самому многое еще было неясно, и во всяком случае должен ее еще раз основательно перечитать. Возможно, что она дает больше, чем я тогда в ней нашел. Однако если мы включим Годвина, то не сможем обойтись без дополнения к нему — без Бентама, хотя последний полон скучных теоретических рассуждений.

Напиши мне об этом, и тогда видно будет, что можно сделать. Так как эта идея нам обоим пришла в голову, то ее нужно осуществить — я подразумеваю «Библиотеку». Гесс, наверное, с удовольствием примет участие в этом деле и я тоже, как только найду время. У Гесса времени достаточно, так как он теперь, кроме редактирования «Gesellschaftsspiegel», ничем не занят.

Если мы сойдемся в главном, то, когда я приеду в Брюссель, — а я теперь постараюсь ускорить свой приезд из-за всего этого, — мы сможем полностью договориться обо всем и сразу приступить к делу. —

«Критическая критика»[*] — я, кажется, уже писал тебе, что она получена здесь, — прямотаки великолепна. Твои рассуждения о еврейском вопросе, истории материализма и «Тайнах»[**] превосходны и произведут большое впечатление. Но, при всем том, книга слишком велика. Величественное презрение, с которым мы оба выступаем против «Literatur-Zeitung», очень мало гармонирует с 22 листами, которые мы ей посвящаем. Кроме того, значительная часть критики спекулятивного и вообще абстрактного философствования останется непонятной широкой публике и не всех будет интересовать. В остальном же вся книга прекрасно написана и заставляет смеяться до упаду. Б[ауэры] не смогут ничего ответить. Если Бюргере напишет о книге в первом выпуске журнала Пютмана[***], он мог бы указать причину, по которой я написал так мало и притом только о вещах, которые не требовали особо глубокого исследования, — мое короткое, всего лишь десятидневное пребывание в Париже. И без того производит забавное впечатле-

[*] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Святое семейство». *Ред.*
[**] *Э. Сю.* «Парижские тайны». *Ред.*
[***] — «Rheinische Jahrbucher». *Ред.*

ние, что я написал едва полтора листа, а ты больше двадцати. Абзац о «проституции» тебе следовало бы опустить. Он слишком мал и не содержит ничего существенного.

Интересно, что, кроме «Библиотеки», нам обоим одновременно пришел в голову еще один план. Я тоже хотел написать для Пютмана критику Листа* — к счастью, он мне вовремя сообщил о твоем намерении. Впрочем, так как я хотел подойти к Листу *практически,* развить *практические* выводы его системы, то я разработаю подробнее одну из моих «Эльберфельдских речей», где я сделал это вкратце и мимоходом (отчет о собраниях будет напечатан в журнале П[ютмана])[33]. Кроме того, я предполагаю — на основании письма Бюргерса к Гессу, да и зная твои личные наклонности, — что ты обратишь большее внимание на *теоретические предпосылки* Листа, чем на его выводы.

Я веду тут поистине собачью жизнь. История с собраниями и «беспутство» некоторых наших здешних коммунистов, с которыми я, разумеется, встречаюсь, снова вызвали у моего старика** взрыв религиозного фанатизма. Мое заявление, что я окончательно отказываюсь заниматься торгашеством, еще более рассердило его, а мое открытое выступление в качестве коммуниста пробудило у него к тому же и настоящий буржуазный фанатизм. Ты можешь себе представить теперь мое положение. Так как недели через две я уезжаю, то не хочу начинать скандала и все покорно сношу. Они к этому не привыкли и потому становятся храбрее. Когда я получаю письмо, то его обнюхивают со всех сторон, прежде чем передают мне. А так как они знают, что все эти письма от коммунистов, то строят при этом такую горестно благочестивую мину, что хоть с ума сходи. Выхожу я, — все та же мина. Сижу я у себя в комнате и работаю, — конечно, над коммунизмом, это известно, — все та же мина. Я не могу ни есть, ни пить, ни спать, не могу звука издать без того, чтобы перед моим носом не торчала все та же несносная физиономия святоши. Что бы я ни делал — ухожу ли я или остаюсь дома, молчу или разговариваю, читаю или пишу, смеюсь или нет — мой старик строит все ту же отвратительную гримасу. К тому же старик мой так глуп, что для него все едино — он считает одинаково «революционным» коммунизм и либерализм и, несмотря на все мои возражения, постоянно вменяет мне в вину, например, все гнусности английской *буржуазии* в парламенте! А тут еще у нас в доме сезон благочестия. Неделю назад конфирмировались мой брат

* См. настоящий том, стр. 11. *Ред.*

** — Фридриха Энгельса-старшего, отца Энгельса. *Ред.*

и сестра*, сегодня вся родня собирается причащаться — тело господне оказало свое действие, и сегодня утром меня окружают еще более горестные лица, чем всегда.

А в довершение несчастья, вчера вечером я был вместе с Гессом в Эльберфельде, где мы до двух часов проповедовали коммунизм. Сегодня, конечно, опять недовольные физиономии из-за моего позднего возвращения, намеки, что я, вероятно, был в публичном доме. Наконец, они собрались с духом и спросили, где я был. — «У Гесса». — «У Гесса! О, боже!» — Пауза, на лице — выражение неописуемого христианского отчаяния. — «Что за общество ты выбираешь себе!» — Вздохи и т. п. Просто с ума сойти можно. Ты не представляешь себе, сколько коварства в этой христианской охоте на мою «душу». А если мой старик еще обнаружит, что существует «Критическая критика», он способен выгнать меня из дому. Кроме того, постоянно раздражает сознание того, что с этими людьми ничего не поделаешь — ведь им просто-напросто *хочется* терзать и мучать себя всякими фантазиями об аде, и в то же время им нельзя втолковать даже самые примитивные понятия о справедливости.

Если бы не мать, которую я очень люблю, — она прекрасный человек и только по отношению к отцу совершенно несамостоятельна, — то я никогда бы не сделал моему фанатическому и деспотическому старику ни малейшей уступки. А теперь моя мать постоянно расстраивается и всякий раз, когда она сердится на меня, потом целую неделю страдает головными болями. Я не могу больше этого переносить, я должен уехать и с трудом представляю себе, как я выдержу здесь пару недель, остающиеся до отъезда. Но, так или иначе, придется выдержать.

В остальном здесь нет ничего нового. Буржуазия политиканствует и ходит в церковь, а что делает пролетариат — мы не знаем, да и вряд ли можем знать. Адрес, по которому вы отправили последнее письмо, пока еще надежен. Сегодня вечером я надеюсь получить деньги, — Кётген только что уверял меня, что через пару дней, как только у него будет время, он достанет еще некоторую сумму. Я ему, однако, не особенно верю: К[ётгена] видно только там, где он может выдвинуться на первый план, в общем же он ни на что не годен и ничего не делает. До свидания.

Твой **Э.**

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

* — Рудольф и Хедвига Энгельс. *Ред.*

Дом в Бармене, где родился Энгельс

Руге у берлинских «Свободных»
Карикатура Ф. Энгельса (1842 г.)[34]

1846 год

6
ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

В БРЮССЕЛЬ

Остенде, 27 июля 1846 г.
11, rue St. Thomas

Дорогой Маркс!

Я несколько дней потратил на поиски квартиры для тебя, но почти ничего не нашел. Квартиры либо слишком велики, либо слишком малы. Редко бывают *две* жилые комнаты вместе, спальни большей частью ужасно малы. Наконец, вчера я нашел две квартиры на выбор: 1) две большие комнаты, одна на втором, другая на третьем этаже; в каждой комнате кровать, за 95 фр. в месяц; за третью кровать дополнительная плата в 30 франков; завтрак — $^1/_2$ фр. в день с головы или с желудка; 2) небольшой дом, принадлежащий тому же самому хозяину: одна комната внизу, наверху две смежные спальни, одна из которых довольно велика, и маленькая комнатка, за 150 фр. в месяц, завтрак за ту же цену. Тот, кто снимает дом, получает также и прислугу. Вышеупомянутые две комнаты находятся в ресторане «О дюк де Брабан», улица Лэ баттю, где при желании можно и столоваться. Но вы там в этом отношении будете совершенно независимы. Во всяком случае, при выборе одной из этих квартир ты хорошо сделаешь, если остановишься в «Дюк де Брабан», — там дешевле, чем в гостинице; если же комнаты тебе не понравятся, ты можешь попросить хозяйку показать тебе дом — он находится на улице Сёр бланш, № 5. Если и это тебе не подойдет, то ты найдешь другой дом. Вообще квартиры чертовски вздорожали в сравнении с прошлым годом, как и все остальное, или, вернее, «и так во всем». Обед ты сможешь получить за 5 фр. для всей семьи, бифштекс стоит 1 фр., котлеты столько же, вино — 2—3 франка. Пиво здесь плохое, сигары плохие и дорогие; ты хорошо сделаешь, если привезешь

с собой несколько сот штук из Брюсселя. Поступив так, ты, пожалуй, сведешь свои расходы к следующей сумме:

в месяц	Квартира	125—150	фр.	
	Завтрак	45—45	»	
	Обед	150—175	»	(если ты иногда будешь есть на берегу моря)
	Ужин, 2—3 бифштекса	60— 90	»	(здесь много жрут)
	Кофе после обеда на берегу, крайне необходимо, 2 чашки	18— 18	»	
	Стирка белья стоит очень дорого, минимум	20— 30	»	К тому же ванны по 1,30— 1,50 фр. — около 40 фр.
		418—508	фр.	

Кроме того, желательно иметь еще 100 фр. на непредвиденные расходы, так как иначе здесь очень скучно. Больше одного месяца тебе здесь незачем оставаться. Только хромые или совершенные калеки остаются дольше. Но при найме ты должен условиться так, чтобы сверх месяца тебе считали по стольку-то *в день,* в противном случае они зачтут тебе всю половину месяца, если ты останешься еще на два дня.

Вообще здесь живется очень скучно. В первые дни, если не считать моей родни, я не встречался ни с кем, кроме скучного берлинского филистера, набитого дурака, общество которого было навязано мне моей семьей. Вчера приехал из Лондона Бланк (которого ты знаешь), и мне удалось, наконец, познакомиться через него с одним французом, очень остроумным и вообще дельным малым, хотя он провел 15 лет в Эльберфельде и, следовательно, говорит по-немецки.

«В заключение упомяну еще» историю с г-жей Гесс. Это очень неприятно, но нельзя же заставить ее отвечать за глупости означенного Гесса. Я постараюсь переправить ее через границу, если достану у своего старика[*] необходимые для поездки в Париж деньги, в чем я еще не уверен. Прилагаемую записку пошли в утешение божьему человеку[**] в Кёльн. Итак, эта женщина уже в Брюсселе?

Из великих мужей здесь никого нет. Они приезжают только в августе. Еще неизвестны имена тех немецких знаменитостей, которые приедут сюда. Пока я должен, следовательно, удовлет-

[*] — Фридриха Энгельса-старшего, отца Энгельса. *Ред.*
[**] — Гессу (см. настоящий том, стр. 396). *Ред.*

вериться прусским банковским проектом[35]. Поразительно, что эти господа воображают, будто смогут получить таким способом много денег. Пожалуй, на это дело можно склонить нескольких крупных банкиров, которые захотят стать «главными пайщиками» и заключить тайные договоры с бюрократами, о том, например, чтобы их акции не могли быть обратно выкуплены, чтобы их протащили в состав правления и т. д. Но кроме них, никто не пойдет на это. Замечательно, «что ни *имена подписавшихся,* ни *суммы, на которые они подписались,* не подлежат огласке». Значит, ожидают чертовски мало денег и хотят каким-то образом оградить себя от позора; поистине бюрократический способ.

Напиши мне сразу же, приедешь ли ты и когда.

Твой **Э.**

[В тексте письма карикатура с припиской Энгельса:]

Эти картины могли вчера наблюдать в море как мужчины, так и женщины.

Впервые опубликовано в Marx-Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 1, 1929 и на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXI, 1929 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

7

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

В БРЮССЕЛЬ

[Париж], 19 августа 1846 г.
Cercle Valois, Palais Royal

Дорогой Маркс!

После утомительного и скучного путешествия я наконец в субботу вечером прибыл сюда[36]. С Эвербеком встретился сейчас же. Он — парень очень живой, весьма покладистый, более восприимчивый, чем когда-либо, одним словом, я надеюсь — при некотором терпении — во всех отношениях хорошо поладить с ним. Плакаться по поводу партийных раздоров он перестал — по той простой причине, что сам вынужден здесь вышвырнуть нескольких вейтлингианцев[*]. Что, собственно, произошло между ним и Грюном, что вызвало разрыв между ними, об этом до сих пор мало известно. Несомненно только, что своим порой раболепным, порой высокомерным отношением Грюн сумел сохранить в какой-то степени его привязанность

[*] См. настоящий том, стр. 35. *Ред.*

и уважение. Эв[ербек] прекрасно понимает, что собой представляет Гесс; он не чувствует ни малейшей симпатии к этому человеку. Он и прежде питал к нему личную ненависть еще с тех пор, как они жили вместе. По поводу вестфальцев[37] я устроил ему порядочную головомойку. Вейд[емейер], этот негодяй, написал по-вестфальски слезливое письмо Б[ернай]су, изображая благородных М[ейера] и Р[емпеля] мучениками, которые охотно пожертвовали всем для правого дела, но которых мы, будто бы, с презрением оттолкнули и т. д.; и оба легковерных германца, Эв[ербек] и Б[ернай]с, в один голос принимаются вопить, что мы-де бессердечные люди и скандалисты, и верят на слово этому лейтенанту. Можно только удивляться подобному легковерию.

Грюн надул рабочих франков на 300 под тем предлогом, что отпечатает на эти деньги в Швейцарии брошюру в полтора листа*. Теперь поступают деньги за нее, но рабочие из них не получают ни гроша. Они начинают по этому поводу наседать на него. Эв[ербек] теперь сам видит, какую глупость он сделал, что ввел этого Гр[юна] в среду ремесленников. Он боится теперь открыто выступить с обвинением против Грюна перед ремесленниками, потому что считает его способным обо всем донести полиции. Но как же легковерен этот Э[вербек]! Негодяй Грюн *сам* рассказал Эв[ербеку] обо всех своих гнусных проделках — конечно, как о геройских самоотверженных поступках, а Эв[ербек] верит ему во всем на слово. О прежних свинских поступках этого молодца он ничего не знал, кроме того, что сам преступник счел возможным рассказать ему. Эв[ербек], впрочем, предостерегал Прудона относительно Гр[юна]. Гр[юн] опять здесь, живет на окраине, на Менильмонтане и сочиняет отвратительнейшие статьи в «Trier'sche Zeitung». Мёйрер перевел для Кабе соответствующие места из книги Грюна[38]. Можешь себе представить ярость Кабе. В «National» Грюн также не пользуется никаким доверием.

Я был у Кабе. Старик был очень приветлив. Я выслушал все его разглагольствования, рассказывал ему о всякой всячине и т. д. Я собираюсь часто бывать у него. Но от участия в корреспонденции[39] мы должны его избавить. Во-первых, у него много дел, а во-вторых, он слишком недоверчив. Он увидел бы в этом ловушку с целью злоупотребить его именем.

В «Epigonen» я просмотрел «Сущность религии» Фейербаха. За исключением нескольких удачных мест, эта вещь написана совершенно в прежнем духе. Вначале, когда он говорит только

* См. настоящий том, стр. 37. *Ред.*

о естественной религии, он вынужден больше придерживаться эмпирической почвы, но зато дальше начинается полная неразбериха. Опять только сущность, человек и т. д. Я прочту эту вещь внимательнее и в ближайшее время пришлю тебе выписки важнейших мест, если они окажутся достаточно интересными, чтобы ты мог их использовать для Фейербаха[40]. Пока же приведу только два места. Вся работа — около шестидесяти страниц — начинается следующим определением природы, в отличие от человеческой сущности:

«Существо, отличное и независимое от человеческой сущности» (1), *«или бога»* (!!), «о которой трактует «Сущность христианства», существо *без* человеческой сущности» (2), «человеческих свойств» (3), «человеческой индивидуальности» (4), *«есть* ***в действительности не что иное,*** как — природа».

Это — шедевр тавтологии, провозглашенной громовым голосом. К тому же в этом положении Фейербах целиком и полностью отождествляет религиозный, воображаемый *призрак* природы с действительной природой. Как всегда. — Затем немного дальше он говорит:

«Религия есть приятие и признание того, что я есмь» (!)... «Возвыситься до сознания зависимости от природы, представить себе эту зависимость, проникнуться ею, признать ее — значит *подняться до религии».*

Министр Дюмон на этих днях был застигнут в рубашке у жены некоего председателя. «Corsaire-Satan» рассказывает: Одна дама, которая подавала прошение Гизо, сказала: «Жаль, что такой прекрасный человек, как Гизо, всегда так строг и застегнут на все пуговицы». Жена одного чиновника из министерства общественных работ говорит: «Этого нельзя сказать о г-не Дюмоне; все считают, что для министра он, пожалуй, слишком нараспашку». —

Продолжаю спустя несколько часов, после того как я в угоду Вейльхену* напрасно пробежался в кафе «Кардиналь». Вейльхен немного зол, потому что «Democratie pacifique» не платит ему гонорара, около 1000 франков; для газеты, по-видимому, наступило нечто вроде серьезного кризиса и прекращения платежей наличными, а Вейльхен слишком еврей, чтобы удовлетвориться векселями, выданными на первый фаланстер будущего. Впрочем, эти господа фурьеристы с каждым днем становятся все скучнее. «Phalange» не содержит ничего, кроме бессмыслицы. Все публикации из наследства Фурье ограничиваются аромальным движением и совокуплением планет,

* — Вейлю. *Ред.*

которое более или менее часто происходит, по-видимому, сзади. Из совокупления Сатурна и Урана происходят навозные ?куки, каковыми во всяком случае являются сами фурьеристы. Но главным навозным жуком является г-н Хью Дохерти, ирландец, который, собственно, даже еще не навозный жук, а личинка, куколка навозного жука, — несчастное животное уже десятый раз (10-я статья) путается в «религиозном вопросе»[41] и все еще не может решить, как бы ему достойным образом уйти со сцены.

Бернайса я еще не видел. Но, по словам Эв[ербека], его дела не так уж плохи и больше всего он страдает от скуки. Говорят, он стал очень крепким и здоровым человеком. При его хандре огородничество, являющееся его главным занятием, очевидно, помогло ему одержать победу над своими горестями. Кроме того, он, говорят, держит коз за рога, когда его — ?супруга? — которую можно представить себе только между двумя вопросительными знаками, доит их. Бедняга, конечно, плохо себя чувствует в своем окружении. Кроме Эвербека, который каждую неделю приезжает к нему, он не видит ни души, ходит в крестьянской куртке, никогда не выходит за пределы Сарселя, самой жалкой деревушки в мире, где нет даже кабачка; одним словом — он смертельно скучает. Мы должны постараться опять перетащить его в Париж, тогда он через месяц снова станет прежним человеком. Так как Бёрнштейн, будучи шпиком, не должен знать, что я здесь, то мы сперва написали Б[ернайсу] о свидании в Монморанси или где-нибудь поблизости, затем мы увезем его в Париж и потратим несколько франков, чтобы порядком его развлечь. Тогда он станет другим человеком. Впрочем, не проговорись ему, что я написал тебе все это о нем; при его крайне возбужденном романтическом настроении бедняга мог бы почувствовать себя морально оскорбленным.

Самое замечательное, что в этом доме в Сарселе две жены, два мужа, несколько детей, среди которых один ребенок неизвестного происхождения, и, несмотря на все это, там никаких трагедий не происходит. Даже педерастией там не занимаются. Это — роман в немецком духе.

Г-жа Гесс ищет мужа. На Гесса ей наплевать. Если найдется что-нибудь подходящее, обращаться к г-же Гзель, Сент-Антуанское предместье. Дело не к спеху, так как конкуренция невелика.

Отвечай немедленно.

Твой ***Э.***

Мой адрес: 11, Rue de l'arbre sec.

Само собой разумеется, что то, что я пишу тебе здесь об Эв[ербеке], Б[ернай]се и других знакомых, строго конфиденциально.

Я не оплачиваю писем, так как у меня мало денег и до 1 октября нет надежды их получить. Но в тот же день я пришлю вексель для покрытия моей доли почтовых расходов.

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

8

ЭНГЕЛЬС — БРЮССЕЛЬСКОМУ КОММУНИСТИЧЕСКОМУ КОРРЕСПОНДЕНТСКОМУ КОМИТЕТУ [42]

Париж, 19 августа 1846 г.
11, Rue de l'arbre sec

Комитету

Carissimi![*]

Наше предприятие имеет здесь все шансы на успех. Эв[ербек] в восторге от него и желает только, чтобы мы не торопились с официальной организацией комитета, так как в ближайшем будущем предстоит раскол. Остаток вейтлингианцев, маленькая группа портных[43], будет, вероятно, скоро вышвырнута из здешней организации, и Эв[ербек] считает, что лучше подождать, пока это произойдет. Он, однако, думает, что вряд ли можно будет привлечь к участию в корреспондентском комитете более четырех или пяти человек, но этого вполне достаточно. Надеюсь, что в следующем письме я извещу вас об организации комитета.

Эти портные, право, удивительные парни. Недавно они совершенно серьезно обсуждали вопрос о том, не лучше ли прикреплять ножи и вилки посредством цепочек. Их, однако, немного.

Что касается самого Вейтлинга, то на последнее, очень грубое письмо парижан, которое мы ему переслали, он не ответил. Он потребовал, чтобы ему выслали 300 франков для практических экспериментов с его изобретением, но одновременно сообщил, что, по всей вероятности, это будут выброшенные деньги. Вы можете себе представить, что они ему ответили.

[*] — Дорогие! *Ред.*

О столярах и кожевниках, наоборот, говорят, что они славные ребята. Я еще не видел их, так как Эв[ербек] обставляет все это со своей обычной осторожностью.

Теперь я сообщу вам кое-что из французских журналов — понятно, из таких, которые не получаются в Брюсселе.

Ежемесячный журнал П. Леру почти всецело заполнен статьями самого П. Леру о Сен-Симоне и Фурье[44]. Он превозносит там Сен-Симона до небес и всячески старается очернить Фурье, изображая его фальсификатором и эпигоном Сен-Симона. Так, он изо всех сил старается доказать, что «Четыре движения» представляют собой всего лишь составленный в материалистическом духе плагиат «Писем женевского обитателя»[45]. Этот субъект прямо с ума сошел. Так как там сказано, что система, энциклопедически охватывающая все науки, лучше всего может быть обоснована сведением всех явлений и т. д. ко всемирному тяготению, то Фурье-де оттуда почерпнул все свое учение о притяжении. Конечно, всех аргументов, цитат и т. д. недостаточно даже для доказательства того, что Ф[урье] хотя бы прочитал «Письма», когда писал «Четыре движения». Все направление Анфантена, наоборот, характеризуется как фурьеризм, контрабандным путем привнесенный в их школу. Журнал носит название «Revue Sociale, ou Solution pacifique du probleme du proletariat».

«Atelier» сообщает задним числом о съезде представителей прессы в пользу реформы. На съезде не было представителей этого журнала, и потому он был очень удивлен, что оказался в списке представленных там газет и журналов. *Представители народной печати* не допускались туда до тех пор, пока не были установлены основные принципы реформы, а затем, когда открыли двери представителям рабочей прессы для того, чтобы они сказали «да», они сочли ниже своего достоинства пойти туда. «Atelier» далее рассказывает, что 150 рабочих, вероятно, сторонники Бюше, — партия которого, по уверению французов, насчитывает до 1000 человек, — 29 июля устроили по случаю годовщины июльских дней[46] банкет без разрешения полиции. Полиция вмешалась, а так как они отказались дать обещание не произносить политических речей и не петь песен Беранже, то собрание было распущено.

Здесь получены «Epigonen» г-на Виганда. Г-н В[иганд] с шумом и трескотней выступает там в напыщенно-хвастливом тоне. «Арнольду Руге»[47]. Он напоминает ему о несчастьях, которые им обоим пришлось перенести за последние четыре года. Р[уге] — в Париже — не мог «идти рука об руку с *фанатическим коммунизмом».* Коммунизм есть состояние, «вымучен-

ное в собственном невежественном мозгу, *ограниченное* и *невежественное варварство,* которое хотят насильственно навязать человечеству». В заключение он хвастливо перечисляет, чего только он ни сделает, «пока есть еще на свете свинец для шрифта». Вы видите, этот кандидат на виселицу еще не потерял надежды стать кандидатом на фонарный столб.

Обращаю ваше внимание на статью в сегодняшнем «National» (среда, 19-го) о сокращении с 1844 г. числа избирателей в Париже с двадцати с лишком тысяч до семнадцати тысяч.

Ваш ***Э.***

Париж страшно опустился. Дантон продает дрова на бульваре Бурдон, у Барбару мануфактурная лавочка на улице Сент-Оноре, «Reforme» не в силах больше выдвигать требование о Рейне, оппозиция ищет талантов и не находит их, господа буржуа так рано ложатся спать, что в 12 часов все должно быть уже закрыто, и молодая Франция спокойно терпит это. Полиция, наверное, не сумела бы этого добиться, если бы не раннее начало занятий в конторах, установленное господами патронами, которые живут по поговорке: Morgenstunde... и т. д.*

Напечатанная на деньги рабочих брошюра г-на Грюна — та самая, которую я в свое время видел у Зейлера: «Решения короля, адресованные прусским ландтагам; о вопросах современности» (вышла анонимно), — содержит главным образом плагиаты из статей Маркса (в «Deutsch-Franzosische Jahrbucher») и ужасную бессмыслицу. Для Грюна «политико-экономические» и «социалистические» вопросы *тождественны.* Об абсолютной монархии говорится следующим образом:

«Государь создал для себя *абстрактный домен,* и этот духовный домен получил название государства. Государство стало доменом доменов; будучи идеальным доменом, государство в такой же степени уничтожает отдельный домен, как и сохраняет его. Оно уничтожает его всякий раз, когда он хочет стать абсолютным, самостоятельным» и т. д.

Этот «духовный» домен, «Пруссия», вслед за тем тотчас же превращается в домен, «где молятся, в домен *духовенства»*!! Общий результат: либерализм в Пруссии уже *преодолен теоретически,* поэтому сословные представители не будут больше заниматься буржуазными вопросами, а непосредственно социальным вопросом.

«Налог на муку и мясо *поистине вскрывает сущность налога,* а именно он показывает, *что всякий налое есть подушная подать.* Но тот, кто

* Имеется в виду немецкая поговорка: «Morgenstunde hat Gold im Munde» («утро вечера мудренее»). *Ред.*

взимает *подушную подать, тот говорит:* Ваши головы и тела принадлежат мне. вы мои *крепостные...* Налог на муку и мясо *вполне соответствует абсолютизму»* и т. д.

Этот осел в течение двух лет платил octroi* и до сих пор не знает этого; он думает, что подобные вещи существуют только в Пруссии. В общем, эта брошюрка, за исключением нескольких плагиатов и отдельных фраз, насквозь проникнута *либерализмом,* да к тому же еще немецким либерализмом.

Все рабочие здесь убеждены, что Вейтл[инг] *не один* написал «Гарантии»[48]. Кроме С. Шмидта, Беккера** и др., ему, будто бы, давали материал несколько французов; в частности, он получил рукописи некоего Аренса из Риги, который был рабочим в Париже, а теперь находится в Америке; Аренс сочинил и главную часть «Человечества, как оно есть и каким должно быть». Здешняя публика однажды написала об этом Вейтлингу в Лондон, на что он очень рассердился и ответил только, что это — клевета.

[Надпись на обороте письма]

Г-ну Карлу Марксу. 19, Plaine Ste Gudule. Брюссель.

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

9
ЭНГЕЛЬС — БРЮССЕЛЬСКОМУ КОММУНИСТИЧЕСКОМУ КОРРЕСПОНДЕНТСКОМУ КОМИТЕТУ

[Париж], среда, 16 сентября 1846 г.

Комитету. № 2

Дорогие друзья!

Ваши сообщения о Бельгии, Лондоне и Бреславле*** были для меня очень интересны. Я ознакомил Эв[ербека] и Б[ернай]са с тем, что могло их интересовать. Держите меня также по возможности в курсе всего, что касается успеха нашего дела и более или менее деятельного участия в нем различных местностей, чтобы я мог, поскольку это будет уместно, рассказать кое-что здешним рабочим. Что поделывают кёльнцы?

---

* — пошлину на ввозимые в город предметы широкого потребления. *Ред.*

** — Августа Беккера. *Ред.*

*** Польское название: Вроцлав. *Ред.*

Отсюда я могу сообщить самые различные новости:

1) Со здешними рабочими, то есть с вожаками столяров из Сент-Антуанского предместья, я уже несколько раз встречался. У этой публики очень своеобразная организация. Помимо их дел, связанных с Союзом[49], — эти дела приняли весьма запутанный оборот из-за серьезных разногласий с вейтлингианскими портными*, — эти ребята, точнее, 12 — 20 человек из них, устраивают раз в неделю собрания, где до сих пор происходили дискуссии. Когда, однако, по вполне понятным причинам, материал для обсуждения иссяк, Э[вербек] оказался вынужден читать им лекции по немецкой истории, ab ovo**, а также по политической экономии — отчаянная путаница, толкование «Deutsch-Franzosische Jahrbucher» в духе «человечности». Тем временем появился я. Чтобы установить с ними более тесную связь, я им изложил в двух беседах развитие Германии со времени французской революции, взяв за исходный пункт экономические отношения. Все, что они получают на этих еженедельных собраниях, обсуждается по воскресеньям на собраниях у городской заставы, в которых принимает участие самая разнообразная публика и куда приходят с женами и детьми. Здесь, — отбросив в сторону всякую политику, — дискутируют что-то вроде «социальных вопросов». Эти собрания очень удобны, чтобы втягивать новых людей, так как они происходят вполне открыто. Недели две назад нагрянула полиция, хотела наложить свое вето, но в конце концов успокоилась и не приняла никаких мер. Часто собирается свыше 200 человек.

Но дальше в таком положении дело оставаться не может. Среди этих людей замечается известная апатия, вызванная тем, что они сами себе наскучили. Все, что они могут противопоставить портняжному коммунизму, в сущности сводится к фразам Грюна о «человечности»[50] и к грюнизированному Прудону, что им с превеликим трудом вдолбили г-н Грюн собственной персоной и его оруженосец — старый спесивый столяр, папаша Эйзерман, а частью и наш друг Э[вербек]. Все это им, конечно, скоро осточертело. Начались вечные повторения, и, чтобы не дать им *заснуть* (буквально, так как эта эпидемия начала свирепствовать на собраниях), Э[вербек] терзал их хитроумными рассуждениями об «истинной стоимости» (которая лежит отчасти и на моей совести), а также нудной болтовней о германских первобытных лесах, об Арминии-херуске и о ерундовской старонемецкой этимологии — по Аделунгу, у которого сплошное вранье.

* См. настоящий том, стр. 31, 35. *Ред.*

** — буквально: с яйца, то есть с самого начала. *Ред.*

Впрочем, действительным вожаком этих рабочих является не Э[вербек], а Ю[нге], который в свое время был в Брюсселе. Этот парень прекрасно понимает, что следовало бы изменить, и мог бы многое сделать, так как он всех их держит в руках и в десять раз умнее всей этой публики. Но он чересчур непостоянен и каждый раз выдумывает новые проекты. Если до сих пор так мало сделано, то только потому, что в течение почти трех недель мне никак не удавалось его повидать — он не бывал на собраниях и нигде нельзя было его найти. Без него большинство вяло и нерешительно. Но с этой публикой надо набраться терпения; сперва надо изгнать Грюна, который на самом деле прямо или косвенно оказывал на них ужасно расслабляющее влияние, а когда они будут отучены от этих фраз, я надеюсь чего-нибудь добиться, потому что у них у всех огромный интерес к изучению экономических вопросов. Так как я теперь держу в руках Э[вербека], который, несмотря на известную вам невероятную путаницу в голове, полон самых лучших намерений, и Ю[нге] также всецело на моей стороне, то это скоро удастся сделать. Относительно корреспондентского комитета я совещался с шестерыми. План встретил большое сочувствие, особенно у Ю[нге], и будет здесь приведен в исполнение. Но пока не будет устранено личное влияние Гр[юна] и пока они окончательно не отделаются от его фраз, к ним не вернется прежняя энергия; до тех пор, принимая во внимание большие материальные препятствия (особенно то, что почти все вечера заняты), ничего нельзя поделать. Я им предложил в их присутствии выложить Грюну прямо в лицо все его личные подлости; Б[ернай]с также хочет прийти, да и Э[вербек] намерен свести с ним счеты. Это произойдет тогда, когда они покончат свои собственные дела с Г[рюном], то есть получат гарантию возврата денег, ссуженных Г[рюну] для печатания его дрянной книжонки насчет ландтага. Но так как Ю[нге] не пришел, а остальные в большей или меньшей степени вели себя по отношению к Г[рюну], как дети, то и это дело еще не улажено, хотя при некоторой энергии оно могло бы быть закончено в пять минут. Беда в том, что большинство этих парней — швабы.

2) Теперь кое-что забавное. В своей новой, не напечатанной еще книге, которую Грюн переводит, Прудон придумал великолепный способ делать деньги из ничего и приблизить для всех рабочих наступление царства божьего на земле[51]. Никто не знал, в чем дело. Г[рюн] тщательно хранил эту тайну, но отчаянно хвастал, что ему известен новый философский камень. Всеобщее напряженное ожидание. Наконец, на прошлой неделе к столярам, у которых я был, является папаша Эйзерман, и

постепенно старый кривляка наивно выбалтывает великую тайну. Г-н Г[рюн] доверительно сообщил ему весь план. Теперь послушайте, в чем заключается этот величественный план спасения мира: это не больше и не меньше как давно уже известные в Англии и десяток раз обанкротившиеся labour-bazars, или labour-markets[52], ассоциации всех ремесленников различных профессий, большой склад, где все продукты, доставленные членами ассоциаций, оцениваются точно по издержкам на сырье плюс издержки на труд и оплачиваются другими продуктами членов ассоциации, оцениваемыми таким же способом. Та часть доставленных продуктов, которая превышает потребность в них ассоциации, продается на мировом рынке, и выручка выплачивается производителям. Таким образом, философствует хитрый Прудон, он и другие члены его ассоциации упраздняют прибыль, которую получает торговый посредник. Что он таким путем упраздняет и прибыль на *капитал его ассоциации,* что этот капитал и эта прибыль должны быть *точно так же велики,* как капитал и прибыль упраздненных им торговых посредников, что он, следовательно, правой рукой отбрасывает то, что получает левой, — обо всем этом наш мудрец и не подумал. Что его рабочие никогда не будут в состоянии достать необходимый капитал, так как в таком случае они могли бы с тем же успехом основать самостоятельное предприятие, что экономия на издержках, которые могла бы дать ассоциация, ничто по сравнению с колоссальным риском, что вся эта история сводится к желанию при помощи фокуса убрать из этого мира прибыль, оставив производителей прибыли, что все это — настоящая идиллия в духе штраубингеров [Straubingeridylle][53], с самого начала совершенно исключающая крупную промышленность, строительное дело, сельское хозяйство и т. п., что им придется нести только *убытки* буржуа, не участвуя в их прибылях, — все это и сотни других возражений, напрашивающихся сами собой, он совершенно забывает, увлеченный своей иллюзией, кажущейся ему правдоподобной. Преуморительная история! Отец семейства Грюн верит, конечно, в новый спасительный план и мысленно видит себя уже во главе ассоциации из 20000 рабочих (они с самого начала хотят *широко* повести дело), причем, конечно, все его семейство будет получать бесплатно пищу, одежду и квартиру. Но Прудон навсегда скомпрометирует себя и французских социалистов и коммунистов перед буржуазными экономистами, если публично выступит с этим планом. Вот чем объясняются его жалобы и выпады против революции[54] — он таил in petto* мирное средство спасения. Пр[удон] как

* — в душе. *Ред.*

две капли воды похож на Джона Уотса. Этот последний видит свое призвание в том, чтобы, несмотря на свой нереспектабельный атеизм и социализм, оставаться в глазах буржуазии респектабельным человеком; Пр[удон] изо всех сил хлопочет, чтобы, несмотря на свою полемику против экономистов, стать признанным великим экономистом. *Таковы сектанты.* К тому же это такая старая история!

3) А теперь еще одна в высшей степени любопытная вещь. — Аугсбургская «Allgemeine Zeitung» от 21 июля в корреспонденции из Парижа от 16 июля пишет о *русском* посольстве:

«... Это официальное посольство; но вне его или, скорее, *над* ним стоит некий г-н ***Толстой;*** он не занимает определенного поста, но известен как *«доверенное лицо двора».* Раньше он занимал должность в министерстве народного просвещения, потом явился в Париж с *литературной миссией,* написал здесь несколько записок для своего министерства и составил несколько обзоров французской прессы. Затем он перестал писать, но зато стал действовать. Он живет на широкую ногу, бывает всюду, принимает всех, занимается всем, все знает и очень многое устраивает. Мне кажется, что именно он является *действительным русским послом* в Париже... Его заступничество делает чудеса» (все поляки, которые просили о помиловании, обращались к нему), «в посольстве *все склоняется перед ним, и в Петербурге он пользуется большим влиянием».*

Этот Толстой и есть не кто иной, как наш благородный Толстой, навравший нам, будто он хочет продать в России свои имения[55]. Кроме квартиры, где мы у него бывали, он имел еще роскошный дом на улице Матюрен, где он принимал дипломатов. Поляки и *многие* французы давно уже знали это, только немецким радикалам, среди которых он считал более удобным играть роль радикала, ничего не было известно. Цитируемая мною статья написана одним поляком, которого знает Бернайс, и тотчас же была перепечатана в «Corsaire-Satan» и «National». Когда Толстой прочитал статью, он только громко рассмеялся и пошутил над тем, что его наконец раскрыли. Он теперь в Лондоне и, так как роль его тут сыграна, попытает свое счастье там. Жаль, что он не вернется, иначе я попробовал бы сыграть с ним несколько злых шуток, а в конце концов оставил бы свою визитную карточку на улице Матюрен. После всего этого ясно, что рекомендованный им Анненков — тоже русский шпион. Даже Бакунин, который *должен был знать* всю эту историю, так как другие русские знали ее, тоже очень подозрителен. Я, конечно, не дам ему этого заметить, но постараюсь отплатить русским. Как ни мало опасны для нас эти шпионы, им, однако, не следует ничего спускать. Они являются удобными объектами для того, чтобы произво-

дить над ними эксперименты in corpore vili* по части интриги. На это они, пожалуй, годятся.

4) Папаша Гесс. После того как я здесь благополучно предал забвению его супругу, непрестанно его поносящую, то есть сплавил ее на далекую окраину Сент-Антуанского предместья, где не прекращается стон и скрежет зубовный (Грюн и Гзель), я недавно получил от коммунистического папаши, через некоего Рейнхардта, письмо, написанное с целью заново наладить отношения. Читая это письмо, можно умереть со смеху. Конечно, как будто ничего не произошло, совершенно in dulci jubilo**, и притом все тот же старый Гесс. Констатировав, что он опять до некоторой степени примирился с «партией» (еврейская компания, очевидно, обанкротилась) и что у него «опять появилось желание работать» (о каковом событии должно быть возвещено колокольным звоном), он приводит следующую историческую справку (датированную 19 августа):

«Здесь, в Кёльне несколько недель тому назад *чуть не* дошло до *кровавого бунта, очень многие* были уже вооружены» (Мозес, наверное, не был в их числе). «Столкновения не произошло потому, что солдаты *не появились»* (огромное торжество кёльнского трактирного филистера) и т. д. и т. д...

Затем о собраниях граждан, на которых «мы», то есть «партия» и г-н Мозес, сиречь коммунисты, *«одержали такую полную победу,* что мы» и т. д.

«Мы сперва *наголову разбили* денежных аристократов... а затем мелких буржуа» (так как среди них нет талантов). «В конце концов мы *могла бы (!)* на собраниях *все провести»* (например, сделать Мозеса обербургомистром); «прошла программа, отстаивать которую собрание обязало своих кандидатов и которая» (слушайте, слушайте!) *«не могла бы быть составлена более радикально английскими и французскими коммунистами» (!!!)* (и никем не могла бы быть понята более бессмысленно, чем Мозесом).. .***«Справляйся»*** (sic!***) «иногда о моей [жене]****» (обе стороны желают, чтобы я принял на свой страх и риск попечение о женской половине, у меня есть доказательства этого)... «и ознакомь с этим письмом Эв[ербе]ка, *чтобы ободрить его».*

Да благословит вас господь за это «ободрение», за эту манну небесную. Я, конечно, совершенно игнорирую этого глупца — теперь он написал также Э[вербеку] (главным образом, чтобы переслать за его счет письмо своей половине) и угрожает через два месяца приехать сюда. Если он придет ко мне, я думаю, что тоже смогу сообщить ему кое-что «ободряющее».

---

* — буквально: на не имеющем ценности теле (применительно к анатомическим опытам над животными); здесь: эксперименты-над не стоящими внимания объектами. *Ред.*

** — в тихой радости. *Ред.*

*** — так! *Ред.*

**** В этом месте рукопись повреждена. *Ред.*

Так как я уже разошелся, то в заключение еще сообщу вам, что Гейне опять здесь и что третьего дня я был у него вместе с Э[вербеком]. Бедняга в ужасном состоянии. Он исхудал и похож на скелет. Размягчение мозга распространяется дальше, паралич лица также. Э[вербек] говорит, что Гейне может внезапно умереть от отека легких или от удара, но может также протянуть еще года три или четыре, чувствуя себя то лучше, то хуже. Настроение у него, конечно, несколько подавленное, грустное и, что самое характерное, он очень благожелателен (вполне серьезно) в своих суждениях. Только по поводу Мёйрера он непрерывно острит. В общем, он сохранил всю свою духовную энергию, но его облик, еще более странный благодаря седой бородке, которую он отпустил (ему нельзя больше брить подбородок), способен привести в глубочайшее уныние всякого, кто его видит. Страшно мучительно наблюдать, как такой славный малый постепенно умирает.

Я видел также великого Мёйрера. «Человечек, человечек, что вы так мало весите!» На этого человека действительно стоит посмотреть; я был крайне груб по отношению к нему; в

благодарность этот осел стал проявлять ко мне особенную любовь и говорить про меня, что у меня кроткое лицо. Он выглядит, как Карл Моор через шесть недель после своей смерти. Отвечайте скорее!

Ваш **Э.**

Сообщаю вам для развлечения следующее. В «Journal des Economistes» за август этого года помещена рецензия на книгу Бидермана...* коммунизме[56], где сказано следующее. Сперва преподносится вся чепуха Гесса в забавном французском изложении, а затем говорится: теперь о г-не Марксе.

«Г-н Маркс — *сапожник,* подобно тому как другой немецкий коммунист, Вейтлинг, является портным. Первый» (М[арк]с) «невысокого мнения о французском коммунизме» (!), «который ему посчастливилось изучить на месте. Впрочем, М[аркс] также отнюдь не идет дальше абстрактных формул» (разве ты не узнаешь по этой эльзасской фразе г-на Фикса?) «и остерегается затрагивать какой-нибудь действительно практический вопрос. По его мнению» (обрати внимание на эту чепуху), «освобождение немецкого народа послужит сигналом для освобождения человеческого рода; головой этого освобождения является-де философия, а его сердцем — пролетариат. Когда все будет подготовлено, галльский петух возвестит германское возрождение...

Маркс говорит, что *нужно создать* в Германии всемирный пролетариат (!!) для осуществления философской идеи коммунизма».

* В этом месте рукопись повреждена. *Ред.*

Подписано *Т. Ф.* (он уже умер). Это было его последним произведением. В предыдущем томе была помещена такая же забавная критика моей книги[57]. В сентябрьском выпуске есть критика Юлиуса, которую я еще не читал[58].

В редакции «Fraternite» произошел конфликт между материалистами и спиритуалистами. Материалисты, побежденные 23 голосами против 22-х, вышли из состава редакции. Это не помешало, однако, «Fraternite» дать весьма неплохую статью о различных ступенях цивилизации и о ее способности развиваться дальше к коммунизму.

Пишите мне скорее, так как я через две недели отсюда [переезжаю и в][*] таком случае письмо [может] легко залежаться...[*] или его откажутся принять на старой квартире.

[Надпись на обороте письма]

Г-ну Карлу Марксу. Bois Sauvage, Plaine Ste Gudule. Брюссель.

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

10
ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ [59]

В БРЮССЕЛЬ

[Париж], 18 сентября 1846 г.
11, Rue [de l'arbre sec]

Дорогой Маркс!

Масса вещей, о которых я хотел написать тебе лично, попали в мое деловое письмо, так как я его написал раньше. На этот раз не беда, что другие тоже прочтут обо всей этой чепухе.

Я все еще не мог собраться с духом, чтобы сделать выписки из Ф[ейербаха]. Здесь, в Париже эта материя кажется очень скучной. Но теперь эта книга[60] у меня дома, и я очень скоро примусь за нее. Сладкоречивый вздор Вейд[емейера] прямо трогателен. Этот молодец сперва заявляет, что хочет составить манифест, в котором он назовет нас негодяями, а затем выражает надежду, что это не вызовет личных недоразумений. Нечто подобное даже в Германии возможно только на ганноверско-прусской границе. Прямо скандал, что твои денежные дела

[*] В этом месте и ниже рукопись повреждена. *Ред.*

все еще в плохом состоянии. Я не знаю никакого другого издателя для наших рукописей[*], кроме Леске, которого пришлось бы во время переговоров держать в неизвестности о критике его издательства. Лёвент[аль], наверное, их не возьмет, он под различными жалкими предлогами отказал Б[ернай]су в *очень выгодном* деле (жизнеописание здешнего старика, в двух томах, причем первый должен печататься теперь, а со смертью старика тотчас же рассылаться, *после* чего должен сразу последовать и второй том). К тому же он труслив — говорит, что может быть изгнан из Франкфурта, У Б[ернай]са есть надежда пристроить книгу у Брокгауза, который, конечно, думает, что она написана в буржуазном духе.

Послали ли вестфальцы рукописи Д[аниель]су[61]? — Слышал ли ты какие-нибудь подробности о кёльнском проекте, о котором, как ты помнишь, писал Гесс[62]?

Особенно великолепна болтовня Люнинга. Так и видишь перед собой этого добропорядочного простака, который готов наделать в штаны. Если мы критикуем все их подлости, то сей благородный муж заявляет, что это «*само*критика»[63]. Но с этими господами скоро будет так, как написано:

«И если зада не дано, —
На что же сядет рыцарь»?[**]

А Вестфалия, по-видимому, постепенно начинает замечать, что у нее нет задницы или, говоря языком Мозеса[***], «материальной базы» для своего коммунизма.

Пютман по отношению *ко мне* вовсе не был так уж неправ, говоря, что брюссельцы сотрудничали в «Prometheus». Послушай только, как тонко этот негодяй повел дело. Так как я также нуждаюсь в деньгах, то я написал ему, чтобы он, наконец, прислал мне давно полагающийся гонорар. Этот субъект отвечает, что гонорар за одну статью, которую он напечатал в «Burgerbuch»[****], по его поручению должен был уплатить мне Леске (конечно, еще не получено). Что же касается второй статьи, напечатанной во втором выпуске «Rheinische Jahrbucher»[*****], то он-де, правда, уже получил гонорар от издателя, но так как немецкие так называемые коммунисты самым постыдным образом подвели его, великого П., вместе с его другим

[*] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. «Немецкая идеология». *Ред.*
[**] Из эпиграммы Гёте «Целостность». *Ред.*
[***] — Гесса. *Ред.*
[****] *Ф. Энгельс*. «Описание возникших в новейшее время и еще существующих коммунистических колоний». *Ред.*
[*****] *Ф. Энгельс*. «Празднество наций в Лондоне». *Ред.*

великим П. — «Prometheus», — то он, П. № 1, вынужден был употребить все гонорары (в том числе и гонорар Э[вербе]ка и др.) для печатания П. № 2, и потому гонорар сможет быть уплачен нам только через *x* недель!! Ловкие молодцы; если им не даешь рукописи, они накладывают руку на деньги. Таким образом становишься сотрудником и акционером «Prometheus».

Лондонское обращение[64] я вчера вечером прочитал здесь у рабочих уже в напечатанном виде. Ерунда. Обращаются к «народу», то есть к предполагаемым пролетариям в Шлезвиг-Гольштейне, где не увидишь кругом никого, кроме нижнегерманского мужичья и проникнутых цеховым духом штраубингеров. Этот вздор, это полное игнорирование действительно существующих условий, неумение понять историческое развитие, — всему этому они научились у англичан. Вместо прямого ответа на вопрос о Шлезвиг-Гольштейне, они добиваются, чтобы совершенно не существующий там в их смысле «народ» игнорировал этот вопрос, держался мирно и пассивно; они не думают о том, что буржуа все же делают, что хотят. Если не считать излишней и совершенно не связанной с их выводами ругани по адресу буржуа (которая прекрасно может быть заменена фразами о свободе торговли), то эта вещь свободно могла бы быть опубликована лондонской фритредерской прессой, не желающей участия Шлезвиг-Гольштейна в Таможенном союзе.

В немецких газетах уже были намеки на то, что Юлиус состоит на прусской службе и пишет для Ротера. Вот будет радость для Буржуа*, который, как рассказывает Д'Э[стер], был в таком восторге от его благородных произведений!

A propos** Шлезвиг-Гольштейна. Кучер*** написал третьего дня три строчки Э[вербе]ку, что теперь надо быть очень осторожным с письмами, так как датчане вскрывают всю переписку. Он думает, что дело может кончиться войной. Сомневаюсь, но хорошо, что старик-датчанин так грубо нажимает на шлезвиг-гольштейнцев[65]. Читал ты, между прочим, в «Rheinischer Beobachter» знаменитое стихотворение «Омываемый морями Шлезвиг-Гольштейн»? Оно производит примерно следующее впечатление (слов я никак не мог запомнить):

Шлезвиг-Гольштейн, окруженный
Моря пенистой волной!
Шлезвиг-Гольштейн, оглашенный
Нашей речью, нам родной!

---

* — Бюргерса. *Ред.*
** — По поводу. *Ред.*
*** — Вебер. *Ред.*

Шлезвиг-Гольштейн, раскаленный
Жаром страсти огневой!
Шлезвиг-Гольштейн, принужденный
Жить под датскою пятой!

Шлезвиг-Гольштейн, увлеченный
Предстоящею борьбой!
Шлезвиг-Гольштейн, устремленный
На победу, крепко стой!

Шлезвиг-Гольштейн, хоть с луженой
Глоткой, с немощной рукой!
«Шлезвиг-Гольштейн», беспардонный
Обезьяньей клики вой!

Шлезвиг-Гольштейн соплеменный, за отчизну крепко стой! — так заканчивается эта дрянь. Это отвратительная песня, которую подобает *про*петь дитмаршенцам, которые в свою очередь заслужили быть воспетыми Пютманом.

Кёльнские буржуа начинают шевелиться; они выпустили протест против господ министров, который является пределом возможного для немецких бюргеров. Бедный берлинский проповедник[*]! Со всеми муниципалитетами своего государства он в ссоре; сперва берлинский теологический диспут, затем то же самое в Бреславле[**], теперь кёльнская история. Этот болван, впрочем, как две капли воды похож на Якова I английского, которого он действительно, по-видимому, взял себе за образец. Вскоре он, вероятно, так же как и тот, будет сжигать на кострах ведьм.

По отношению к Прудону я в деловом письме[***] был вопиюще несправедлив. Так как там нет места для приписок, то я должен исправить это здесь. Видишь ли, я полагал, что Прудон допустил небольшую нелепость, нелепость в пределах здравого смысла. Вчера этот вопрос снова подробно обсуждался, и мне стало ясно, что эта новая нелепость является на деле *совершенно беспредельной нелепостью.* Представь себе: пролетарии должны *копить* мелкие акции. На эти средства (для начала требуется, конечно, не меньше 10000—20000 рабочих) открываются сначала одна или несколько мастерских в одной или нескольких отраслях ремесла, и часть акционеров начинает там работать. Продукты 1) продаются акционерам по цене сырого материала плюс цена труда (акционеры, таким образом, не должны оплачивать прибыль), а 2) возможный излишек продуктов продается на мировом рынке по рыночной цене. По

[*] — Фридрих-Вильгельм IV. *Ред.*
[**] Польское название: Вроцлав. *Ред.*
[***] См. настоящий том, стр. 40—42. *Ред.*

мере того как капитал общества будет увеличиваться за счет привлечения новых акционеров или новых сбережений старых акционеров, на этот капитал будут создаваться новые мастерские и фабрики и т. д. и т. д., до тех пор, пока — *все* пролетарии не получат работу, *все* имеющиеся в стране производительные силы не будут скуплены, и благодаря этому капиталы, находящиеся в руках буржуа, потеряют свою власть над трудом и не смогут приносить прибыль! Таким образом, капитал будет упразднен потому, что «найдена инстанция, где капитал, то есть источник процента» (понимаемый как старое droit d'aubaine[66], получившее несколько более четкие очертания и грюнизированное) «как бы исчезает». Ты видишь, как в этих, бесчисленное множество раз повторяемых папашей Эйзерманом словах, которые, очевидно, вдолбил ему Грюн, еще ясно проглядывают старые прудоновские бессодержательные фразы. Эти господа собираются, ни много, ни мало, для начала *скупить всю Францию,* а потом, пожалуй, и весь остальной мир, скупить на пролетарские сбережения, путем отказа пролетариев от прибыли и процентов на их капитал. Был ли когда-либо придуман такой великолепный план, и раз уж собираются проделать подобный фокус, то не проще ли сразу начеканить пятифранковых монет из серебра лунного света? А здешние глупцы среди рабочих, я говорю о немцах, *верят* подобной ерунде — люди, у которых не бывает в кармане и шести су, чтобы вечерком после своих собраний посидеть в кабачке, хотят на свои сбережения скупить всю прекрасную Францию. Ротшильд и компания — просто крохоборы по сравнению с этими колоссальными спекулянтами. Есть от чего прийти в ярость. Грюн до такой степени сбил с толку этих людей, что самая бессмысленная фраза кажется им более убедительной, чем самый простой факт, который приводится в качестве экономического аргумента. Просто позор, что приходится всерьез воевать против подобного несусветного вздора. Но надо иметь терпение, и я не оставлю эту публику в покое, пока не разобью Грюна наголову, пока не прочищу их засоренные мозги.

Единственный здравомыслящий человек, который понимает нелепость всего этого, это наш Ю[нге], который был в Брюсселе. Э[вербе]к также забил этим людям голову самыми бессмысленными вещами. У этого парня в голове теперь совершеннейшая каша, и временами он бывает близок к сумасшествию; он не способен сегодня рассказать о том, что вчера видел своими собственными глазами, не говоря уже о том, что он слышал. Но насколько он находился под пятой у Грюна, видно из следующего. Когда трирский Вальтр прошлой зимой жаловался

везде и всюду на цензуру, Грюн изобразил его мучеником цензуры, который-де ведет самую благородную и неустрашимую борьбу и т. д., и использовал Э[вербе]ка и рабочих для составления и подписания в высшей степени напыщенного адреса этому ослу Вальтру с выражением благодарности за его героизм в борьбе за свободу слова!!!! Э[вербеку] до смерти стыдно, и он страшно злится на самого себя. Но глупость уже сделана, и теперь приходится опять выколачивать из него и из рабочих те несколько *пустых слов,* которые он с величайшим трудом вбил себе в голову и с таким же трудом вдолбил их затем рабочим. — Ведь он ничего не поймет до тех пор, пока не выучит этого наизусть, да и выученное он большей частью понимает неправильно. Если бы у него не было столько добрых намерений и если бы он вообще не был таким славным парнем, теперь в особенности, то с ним нельзя было бы иметь дело. Я удивляюсь, как мне еще с ним удается ладить; временами он делает довольно дельные замечания, а вслед за тем опять говорит величайший вздор: так, например, на его приснопамятных лекциях по немецкой истории с трудом можно было удержаться от смеха — столько он допускал в них на каждом шагу ошибок и нелепостей. Но, как я уже сказал, у него огромное рвение, и он с удивительной готовностью соглашается на все. К тому же у него неизменно хорошее настроение и постоянно ироническое отношение к самому себе, Я этого парня люблю больше чем когда-либо, несмотря на его глупости.

О Б[ернай]се рассказывать почти нечего. Я был несколько раз у него, он — один раз здесь. Приедет, вероятно, зимой сюда, остановка только за деньгами. Вестфальцы послали ему 200 франков, хотели подкупить его; деньги он взял, а их, конечно, водит за нос. Вейд[емейер] предлагал ему еще раньше деньги, он написал, что ему нужны *2000* франков, иначе у него ничего не выйдет; я заранее сказал ему: вестфальцы ответят, что у них нет свободных денег и пр. — так оно и вышло. В благодарность за это он оставил себе те 200 франков. Он не унывает. ни от кого не скрывает всей своей печальной истории, по-приятельски обращается с окружающими, живет, как крестьянин, работает в саду, уписывает вовсю; я подозреваю, что у него связь с крестьянской девушкой; он и со своими горестями перестал носиться. Он, наконец, составил себе более ясное и правильное представление о партийных разногласиях, хотя сам всякий раз любит разыгрывать роль Камилла Демулена, когда что-нибудь подобное случается, и вообще в качестве партийного деятеля он никуда не годится. По поводу его правовых взглядов с ним теперь не столкуешься, так как он каждый раз

старается прекратить разговор, заявляя, что политическая экономия, промышленность и т. д. — не его специальность, и при редких, встречах не получается настоящей дискуссии. Однако мне кажется, что я пробил уже небольшую брешь, и когда он приедет сюда, мне, вероятно, удастся, в конце концов, исправить его ошибку. — Как поживает ваша публика?

Твой **Э.**

Вопрос: Разве об истории с Толстым[*], которая *вполне достоверна,* не следует сообщить лондонцам[**]? Если он будет продолжать играть свою роль среди немцев, они могут страшно скомпрометировать некоторых поляков. А что, если этот тип *сошлется на тебя?*

Бернайс написал брошюру по поводу ротшильдовской полемики[67]; она выйдет в Швейцарии на немецком языке и через несколько дней появится здесь на французском языке.

Впервые полностью опубликовано на языке оригинала в Marx—Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 1, 1929 и на русском, языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXI, 1929 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

11
ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ[68]

В БРЮССЕЛЬ

[Париж, сентябрь 1846 г.]

...7). Им следовало бы превратить параграфы о распределении дивидендов в параграфы о распределении убытков, так как *если бы всего этого и не было,* то они обанкротились бы уже из-за прекрасного принципа — убытки нести целиком, а прибыль делить. Таким образом, для того чтобы они смогли выдержать, дела у них должны идти вдвое лучше, чем у *любого другого* издателя. Факт тот, однако, что до сих пор все издатели, которые торговали исключительно или преимущественно запрещенными книгами, — Фрёбель, Виганд, Леске, — *с течением времени* разорялись: 1) вследствие конфискации; 2) вследствие вытеснения их с рынков, что обязательно происходит в той или

[*] См. настоящий том, стр. 42. *Ред.*

[**] — лондонским руководителям Союза справедливых. *Ред.*

иной степени; 3) вследствие подлостей со стороны комиссионеров и комиссионных книготорговцев; 4) вследствие полицейских угроз, судебных процессов и т. д.; 5) вследствие конкуренции тех издателей, которые лишь изредка печатают предосудительные вещи и которых, следовательно, реже посещает полиция, а потому у них больше шансов получить ходкие рукописи, тогда как менее гибким достается всякий хлам и книги, которые не распродаются. Борьба книготорговцев с полицией лишь тогда может вестись с успехом, если в ней участвует много издателей. Это, по существу, партизанская война, и прибыль получает только тот, кто лишь *изредка* идет на такой риск. Рынок недостаточно велик для того, чтобы специализироваться на этом товаре.

Впрочем, совершенно неважно, разорится ли это общество, а оно обязательно разорится, что бы оно ни предпринимало; но при системе гарантий оно разорится слишком скоро; это будет нечто вроде горячки с тремя кризисами, из которых третий наверняка будет иметь смертельный исход. Так как ожидаемое поступление рукописей не может быть очень велико, то легкая форма чахотки была бы более желательна. Скверно только, что капитал общества будет расходоваться намного больше, если оно само станет заниматься печатанием. Ему нужно было бы располагать таким капиталом, чтобы быть в состоянии печатать года полтора. Ибо, предположим, что капитал, который общество затрачивает в течение *первого года,* равен 3000 талеров; подведение баланса после пасхальной ярмарки, если дела пойдут сносно, даст ему около двух третей, то есть по крайней мере 2000 талеров. Следовательно, ему надо иметь еще по крайней мере 1000 талеров на второй год, кроме тех 3000 талеров. Таким образом, $^1/_3$—$^1/_4$ капитала всегда остается связанной в виде непроданных книг, у неаккуратных плательщиков и т. д. Может быть, эту сумму можно было бы добавочно получить от акционеров под видом постепенно выплачиваемого аванса. Впрочем, необходимо сперва посоветоваться с каким-нибудь книготорговцем, чтобы точно знать, какая часть вложенного капитала остается связанной в конце первого года или в течение какого времени весь капитал может обернуться один раз. Я этого как следует не знаю, но у меня есть основания думать, что в вышеприведенных расчетах я скорее преуменьшил, чем преувеличил размер постоянно связанного капитала.

Господин ответственный издатель разбогатеет со своими 20% от извлекаемой прибыли. Если в резервный фонд включить еще 10% возможных убытков, то получится порядочный дефицит.

Нечего и говорить о том, какие последствия будет иметь эта гарантия для *писателей.* Я думаю, что ее надо *отвергнуть,* когда дело коснется более крупных произведений. Раз общество будет основано на таких началах, то мы не сможем предложить что-либо другому издателю, так как он непременно подумает, что общество *отказалось* от издания этой вещи. Я не говорю уж о том, что здесь остаются в силе те же самые причины, по которым мы отказались дать гарантию вестфальцам[69]. Ни наша честь, ни наши интересы не позволяют нам согласиться на это.

Что касается отдельных деталей, то семь членов комитета, определяющего направление издательства [Tendenzkomite], — это слишком много. Достаточно троих, максимум пятерых. В противном случае туда войдут ослы или даже интриганы. К тому же этот комитет должен в основном находиться в Брюсселе. Разве будет возможен *выбор,* если потребуется семь членов? И притом совсем ни к чему такое большое количество членов. Ведь всю работу придется делать нам, и я охотно беру на себя свою долю; зачем же нам все эти заседатели? А если с мнениями комитета будут так же мало считаться, как с мнениями провинциальных ландтагов, что тогда? Собрать все эти письменные мнения — это адский труд, но нам и думать нечего уклониться от него. Повторяю, я охотно беру на себя свою долю работы.

Вопрос: если буржуа назначат административный совет из *«истинных* социалистов», который не будет считаться с нашими мнениями, — что тогда делать?

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd, I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

12

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

В БРЮССЕЛЬ

[Париж, 18 октября 1846 г.]
23, rue de Lille, Faubourg
St. Germain

Дорогой Маркс!

Наконец, после долгого внутреннего сопротивления я заставил себя прочесть фейербаховскую дрянь и нахожу, что в своей критике* мы не можем ее касаться. Причина тебе станет ясна, когда я изложу тебе в главных чертах ее содержание.

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Немецкая идеология». *Ред.*

«Сущность религии», «Epigonen», т. I, стр. 117—178. — *«Чувство зависимости* человека составляет основу религии» (стр. 117). Так как человек прежде всего зависит от природы, то «природа — первоначальный предмет религии» (стр. 118).

(«Природа — лишь общий термин для обозначения тех существ, вещей и т. д., которые человек отличает *от себя и от своих продуктов».)*

Первыми внешними проявлениями религии являются празднества, в которых отображены явления природы, смена времен года и т. д. Специфические условия природы и ее произведения, среди которых живет племя или народ, переходят в его религию.

В своем развитии человек встречал поддержку со стороны других существ, но то были не существа *высшего* типа, ангелы, а существа низшего типа, *животные.* Отсюда культ животных (следует апология язычников и защита их от нападок иудеев и христиан; тривиально).

Природа всегда остается также и у христиан скрытой основой религии. Свойства, на которых основано отличие бога от человека, — это свойства природы (первоначально, как их первооснова). Таковы всемогущество, вечность, вездесущность и т. д. Действительное содержание бога — это только природа, но постольку, поскольку бог изображается лишь творцом природы, а не политическим и моральным законодателем.

Полемика против сотворения природы разумным существом, против сотворения из ничего и т. д. — все это большей частью «очеловеченный», то есть переведенный на благодушный, трогающий сердца бюргеров немецкий язык materialismus vulgaris*. Природа в естественной религии является предметом не как природа, а «как личное, живое, ощущающее существо... существо, наделенное душой, то есть субъективное, человеческое существо» (стр. 138). Поэтому ему молятся, стараются воздействовать на него человеческими доводами и т. д. Это происходит главным образом оттого, что природа изменчива.

«Чувство зависимости от природы в связи с представлением о природе, как о произвольно действующем, личном существе, лежит в основе жертвоприношения, этого самого существенного акта естественной религии» (стр. 140).

Но так как жертвоприношение имеет *своекорыстную* цель, то человек все же является *конечной целью* религии, божественность человека — ее конечным смыслом.

* — вульгарный материализм. *Ред.*

Следуют тривиальные комментарии и напыщенные рассуждения о том, что первобытные народы, у которых еще наблюдается естественная религия, превращают в богов и такие вещи, которые им неприятны, — чуму, лихорадку и т. д.

«Подобно тому как человек из чисто физического существа становится *политическим,* вообще существом, отличающим себя от природы и сосредоточивающимся на самом себе» (!!!), «точно так же и его бог становится политическим, отличным от природы существом». ***«Отсюда*** человек» приходит «к отличению своего существа от природы и, следовательно, к отличному от природы богу сначала только через свое объединение с другими людьми в *сообществе,* в котором отличающиеся от природы, *существующие только в мыслях или в представлении силы» (!!!),* «власть закона, мнения, чести, добродетели, становятся... предметом его чувства зависимости...».

(Эта ужасная по стилю фраза находится на стр. 149.) Власть природы, власть над жизнью и смертью низводится до роли атрибута и орудия политической и моральной власти. Интермеццо на стр. 151 о восточных людях — консерваторах и западных людях — прогрессистах.

«На Востоке человек *не заслоняет* для человека природу... Сам царь является для него предметом поклонения не как земное, а как небесное, божественное существо. Но рядом с богом исчезает человек; только тогда, когда земля перестает быть населена богами... только тогда люди освобождают место и простор для себя».

(Прекрасное объяснение, почему восточные народы неподвижны — из-за множества идолов, которые не дают простора.) Между восточным человеком и западным такое же соотношение, как между сельским жителем и горожанином; первый зависит от *природы,* второй — от *человека* и т. д., «поэтому только горожане делают историю» (единственное место, где чувствуется слабый, но довольно неприятный налет материализма).

«Только тот способен на исторические дела, кто в силах принести в жертву власть *природы* власти *мнения,* свою *жизнь* своему *имени,* свое *телесное* существование своему существованию в устах и мыслях потомства».

Вот как! Все, что не есть природа, есть представление, мнение, пустая болтовня. И вот почему «только человеческое *«тщеславие»* есть принцип истории»!

Стр. 152: «Подобно тому, как человек приходит к сознанию, что ... пороки и глупость имеют своим последствием несчастье и т. д., добродетель же и мудрость, наоборот... имеют последствием счастье, а следовательно, что *определяющими судьбу человека силами* являются разум и воля... природа также становится для него существом, зависящим от разума и воли».

(Переход к монотеизму — Ф[ейербах] отделяет вышеупомянутое иллюзорное «сознание» от силы разума и воли.) Вместе с господством разума и воли над миром появляется супернатурализм, творение из ничего, и монотеизм, который объясняется еще специально «единством человеческого сознания». Фейербах] не нашел нужным сказать о том, что единый бог никогда не мог бы появиться без *единого царя,* что единство бога, контролирующего многочисленные явления природы, объединяющего враждебные друг другу силы природы, есть лишь отражение единого восточного деспота, который по видимости или действительно объединяет людей с враждебными, сталкивающимися интересами.

Нудная болтовня против телеологии повторяет старых материалистов. При этом Ф[ейербах] совершает ту же ошибку по отношению к действительному миру, в совершении которой по отношению к природе он упрекает теологов. Он неудачно острит по поводу утверждения теологов, что без бога природа должна была бы превратиться в анархию (то есть, что без веры в бога она распалась бы на части), что *воля* бога, его *разум, мнение* связывают мир; но ведь сам он считает, что *мнение,* боязнь общественного *мнения, законов* и других *идей* в настоящее время объединяют мир.

В одном аргументе против телеологии Ф[ейербах] выступает как laudator temporis praesentis*: огромная смертность детей в первые годы их жизни происходит, по его мнению, от того, что

«природа при своем богатстве безрассудно жертвует тысячами отдельных членов» ... «это — результат естественных причин, что... например, на первом году жизни умирает *один* ребенок из трех или четырех, на пятом *один* из двадцати пяти и т. д.».

За исключением немногих приведенных здесь положений, больше ничего нельзя отметить. Об историческом развитии различных религий мы ничего не узнаем. В лучшем случае приводятся некоторые примеры из истории религий в доказательство вышеприведенных тривиальностей. Большая часть статьи представляет собой полемику против бога и христиан, совершенно в том же духе, как он делал это до сих пор; но теперь, когда он уже исчерпал себя, несмотря на все повторения старой болтовни, зависимость от материалистов обнаруживается гораздо ярче. Для того чтобы сказать что-нибудь по поводу тривиальностей о естественной религии, политеизме, монотеизме, следовало бы противопоставить действительное развитие этих

* — восхвалитель современности (Гораций. «Наука поэзии»; перефразировано). *Ред.*

форм религии, а для этого сперва необходимо было бы их изучить, Но для нашей работы нас это так же мало может интересовать, как и его объяснение христианства. Статья эта не дает ничего нового для понимания позитивно-философской точки зрения Ф[ейербаха]. Несколько положений, которые я выше привел для критики, только подтверждают то, что мы уже написали. Если тебя еще интересует Фейербах, постарайся прямым или косвенным путем получить от Кислинга первый том собрания его сочинений; Фейербах написал там еще нечто вроде предисловия, в котором, может быть, что-нибудь есть. Я видел выдержки, в которых Ф[ейербах] говорит о «зле, укоренившемся в голове», и о «зле, укоренившемся в желудке», нечто вроде слабого оправдания того, почему он не занимается действительностью. Все то же, что он писал мне полтора года тому назад.

Только что получил твое письмо, которое несколько дней пролежало на старой квартире из-за моего переезда на другую квартиру. Я попытаюсь связаться со швейцарскими издателями. Но я сомневаюсь, чтобы мне удалось пристроить рукопись*. Ни у кого из этой публики нет денег, чтобы напечатать 50 листов. Я придерживаюсь того мнения, что нам не удастся ничего напечатать, если мы не *разделим* этих вещей и не постараемся издать их отдельными книжками — сперва философскую часть, которую надо выпустить прежде всего, а затем остальное. Пятьдесят листов сразу — это огромный объем, и многие издатели не берут рукопись только потому, что не в состоянии осилить такое издание. — Был еще бременский Кютман или как его там звали, которого у нас сманили Мозес** и Вейтлинг. Этот субъект соглашался печатать книги, которые могут быть запрещены, но не хотел много платить; *мы* вполне *можем* обратиться к нему с этой рукописью. Как ты думаешь, что, если разделить эту вещь и предложить первый том одному, а второй том — другому? Фоглер знает адрес К[ютмана] в Бремене. Лист уже почти готов***.

Вещи в «Volks-Tribun»[70] я видел недели три тому назад. Я еще не встречал ничего более смешного и глупого. Низость брата Вейтлинга доходит до крайности в этом письме к Крите. Впрочем, что касается деталей, то я не настолько помню их, чтобы сказать что-нибудь об этом. Но я тоже того мнения, что надо ответить на прокламацию Криге и штраубингеров, показать им наглядно, что они отрицают, будто говорили вещи, в которых мы их упрекаем, между тем как тут же в своем ответе

---

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. «Немецкая идеология». *Ред.*

** — Гесс. *Ред.*

*** См. настоящий том, стр. 11 и 27. *Ред.*

опять повторяют те же самые отрицаемые ими глупости. Я считаю также, что именно Криге со своим высоконравственным пафосом и своим возмущением по поводу наших насмешек заслуживает того, чтобы его порядком проучили. Так как эти номера теперь ходят по рукам среди здешних штраубингеров, то я не смогу их достать раньше, чем через четыре — пять дней.

Здешние штраубингеры подняли ужасный вой против меня, — я имею в виду 3—4 «образованных» рабочих, которых Э[вербе]к и Грюн посвятили в тайны «истинной человечности». Однако мне удалось, благодаря терпению, а отчасти при помощи устрашения, добиться успеха: большинство идет за мной. Грюн отказался от коммунизма, и у этих «образованных» было большое желание пойти за ним. Но тут я как раз ринулся в бой, запугал старого Эйзермана так, что он больше не появляется, и категорически поставил на обсуждение вопрос: *за коммунизм* или *против коммунизма.* Сегодня вечером будет поставлен на голосование вопрос о том, является ли собрание коммунистическим, или оно, как говорят «образованные», стоит «за благо человечества». В большинстве я уверен. Я заявил, что если они не *коммунисты,* то мне нет дела до них, и я больше не приду. Сегодня вечером ученики Грюна будут окончательно разбиты, и тогда мне придется начинать все с азов.

Ты не можешь себе представить, какие требования ставили мне эти «образованные»[*] штраубингеры. «Мягкость», «кротость», «теплые братские чувства». Но я задал им порядочную трепку; каждый вечер я заставлял умолкать всю их оппозицию из пяти, шести, семи человек (так как вначале против меня была вся компания). В следующий раз сообщу подробнее обо всей этой истории, которая во многом характеризует г-на Грюна.

Говорят, что Прудон через две недели приезжает сюда. Вот станет весело!

Здесь затевается что-то вроде журнала[**]. Этот сигарный человечек Мёйрер утверждает, что может достать для него деньги. Но я не поверю этому субъекту до тех пор, пока он не выложит денег. Если из этого что-нибудь выйдет, то все уже устроено таким образом, чтобы это предприятие целиком попало *к нам* в руки. Мёйреру, официальному редактору, я предоставил право печатать там его собственную чепуху, иначе нельзя было. Все остальное будет проходить через мои руки, я получаю право абсолютного вето. То, что я буду писать, появится, конечно, под псевдонимом или без подписи. Во всяком случае,

[*] В оригинале на берлинском диалекте; «jebildeten». *Ред.*
[**] — «Pariser Horen». *Ред.*

если это дело осуществится, журнал не попадет в руки ни Гесса, ни Грюна, ни вообще какого-нибудь путаного направления. Это было бы очень хорошо, чтобы немного *очистить атмосферу*. Только не говори об этом никому, пока это не будет осуществлено. Дело должно быть решено еще на этой неделе, Будь здоров и напиши поскорее.

Э.

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

13
ЭНГЕЛЬС — БРЮССЕЛЬСКОМУ КОММУНИСТИЧЕСКОМУ КОРРЕСПОНДЕНТСКОМУ КОМИТЕТУ

Париж, 23 октября 1846 г.

Третье письмо Комитету

О здешних историях со штраубингерами рассказывать почти нечего. Самое главное состоит в том, что различные спорные вопросы, из-за которых мне до сих пор приходилось воевать с этой публикой, сейчас уже разрешены. Главный сторонник и ученик Грюна, папаша Эйзерман, вышиблен, влияние остальных его приверженцев на массу окончательно подорвано, и я провел наперекор им решение, которое было принято единогласно.

Вот, вкратце, как происходило дело.

Три вечера мы спорили о плане прудоновских ассоциаций. Сначала почти все были против меня, а под конец — только Эйз[ерман] и остальные три грюнианца. Главное, что приходилось мне доказывать, это — необходимость насильственной революции и вообще антипролетарский, мелкобуржуазный, филистерский характер грюновского «истинного социализма», почерпнувшего новые жизненные силы в прудоновской панацее. В конце концов я стал бешеным из-за бесконечного повторения моими противниками одних и тех же доводов и предпринял лобовую атаку на этих штраубингеров, что вызвало сильное возмущение среди грюнианцев. Зато я вынудил благородного Эйзермана *прямо высказаться* против коммунизма. После этого я так его отделал, что он больше не появлялся.

Тогда я ухватился за оружие, данное мне в руки Эйз[ерманом], — нападки на коммунизм, — тем более, что Грюн продолжал интриговать, бегал по мастерским, по воскресеньям приглашал публику к себе и т. д., а в воскресенье после

вышеупомянутого собрания *он сам* совершил безграничную глупость: в присутствии восьми или десяти штраубингеров стал нападать на коммунизм. Поэтому еще до начала обсуждения я потребовал голосования по вопросу о том, коммунисты мы или нет. Если мы коммунисты, то надо прекратить нападки на коммунизм, которые позволил себе Эйз[ерман]. Если же нет, если здесь собрались первые встречные потолковать о том, о сем, то мне нет дела до них, и я больше не приду. Это вызвало величайшее возмущение грюнианцев, которые стали уверять, что они собрались обсуждать «благо человечества», собрались для просвещения, что они люди прогресса, а не односторонние доктринеры и т. д. Как же можно таких добропорядочных людей называть «первыми встречными»? К тому же они *хотели бы прежде всего знать,* что, собственно, есть коммунизм (подлецы! ведь в течение ряда лет они называли себя коммунистами и отреклись только из страха перед Грюном и Эйзерм[аном], после того как те втерлись к ним под предлогом коммунизма!). Я, конечно, не был застигнут врасплох их любезной просьбой рассказать им, неучам, в двух — трех словах, что такое коммунизм. Я дал им тогда самое простенькое определение, которое, не выходя из рамок обсуждавшихся спорных вопросов, заключало в себе требование общности имущества, и тем самым *исключало,* как всякое миролюбие, мягкость и почтение к буржуазии и к штраубингерству, так и прудоновское акционерное общество с его сохранением индивидуального *владения* и всего, что с этим связано. В остальном это определение не содержало ничего такого, что давало бы им повод уклониться от него и увильнуть от предложенного голосования. Итак, я определил намерения коммунистов следующим образом: 1) отстаивать интересы пролетариев в противоположность интересам буржуа; 2) осуществить это посредством уничтожения частной собственности и замены ее общностью имущества; 3) не признавать другого средства осуществления этих целей, кроме насильственной демократической революции.

Об этом спорили два вечера. На второй день лучший из трех грюнианцев, заметив настроение большинства, целиком перешел на мою сторону. Остальные двое, сами того не замечая, все время противоречили друг другу. Многие из присутствующих, до того момента не подававшие голоса, вдруг неожиданно заговорили и решительно заявили, что согласны со мной. Раньше это делал только Юнге. Некоторые из этих homines novi* говорили очень хорошо, хотя и дрожали от страха, боясь запу-

* — новых людей. *Ред.*

Дом в Брюсселе, в котором жил Маркс
(май 1845—май 1846 г.)

Дом в Париже, в котором жил Энгельс
(ноябрь 1846—март 1847 г.)

таться; они, по-видимому, обладают достаточным здравым смыслом. Одним словом, когда дело дошло до голосования, собрание объявило себя коммунистическим, в духе вышеприведенного определения. Решение было принято тринадцатью голосами против двух оставшихся верными грюнианцев; один из них, впрочем, потом заявил, что ему очень хотелось бы самому уверовать в коммунизм.

Таким образом, получилась, наконец, tabula rasa*, и теперь можно попытаться по возможности что-нибудь сделать из этих молодцов. Грюн, которому легко удалось выпутаться из своей денежной истории, потому что главными кредиторами были те же самые грюнианцы, его главные последователи, теперь очень низко пал в глазах большинства и даже в глазах части своих сторонников и, несмотря на все свои интриги и фокусы (например, он приходил в шапке на собрания, которые происходят у заставы), блестяще провалился со своими прудоновскими ассоциациями. Но если бы меня не было здесь, наш друг Э[вербе]к покорно дал бы впутать себя в эту историю. —

Какой хитрый прием придумал Грюн! Сомневаясь в мыслительных способностях своих молодцов, он до тех пор повторяет им свои глупости, пока они не выучат их наизусть. После каждого собрания — разумеется, ничего не могло быть легче, как заставить замолчать такую оппозицию, — вся эта банда, потерпев поражение, бегала к Грюну, рассказывала, что я говорил, конечно, в совершенно искаженном виде, а он их опять вооружал. Когда они после этого открывали рот, то стоило им сказать два слова, как уже можно было каждый раз угадать всю фразу. Конечно, из-за такого наушничанья мне приходилось быть очень осторожным, чтобы не высказать этим молодцам каких-либо общих положений, которые могли бы быть использованы г-ном Грюном, дабы снова приукрасить свой «истинный социализм»; тем не менее этот мерзавец недавно в «Kolnische Zeitung» использовал с различными искажениями то, что я говорил штраубингерам по поводу женевской революции[71], в то время как он здесь вдалбливал им *прямо противоположное.* Он теперь занимается политической экономией, этот молодчик.

Вы, вероятно, видели объявление о книге Прудона**. Я получу ее на днях; она стоит 15 франков, ее невозможно купить — это слишком дорого.

Вышеупомянутая публика, перед которой разыгрывалась эта история, состоит приблизительно из 20 столяров, которые,

* — чистая доска. *Ред.*

** *П. Ж. Прудон.* «Система экономических противоречий или Философия нищеты». *Ред.*

кроме того, встречаются только на собраниях у заставы, где присутствует самый различный народ; кроме певческого клуба, у них нет сколько-нибудь прочной организации, вообще же это частично обломки Союза справедливых[72]. Если бы можно было собираться открыто, у нас скоро было бы больше ста человек одних столяров. Из портных я знаю только нескольких, тех, что приходят на собрания столяров. О кузнецах и кожевниках ничего нельзя узнать во всем Париже, Никто ничего о них не знает.

На днях Криге как член Союза справедливых прислал отчет «палате» (центральному правлению). Конечно, я читал его послание, но так как это было нарушением клятвы, за которое полагается смертная казнь, кинжал, петля и яд, то вы никому не должны об этом писать. Это письмо, так же как и его ответ на наше обвинение, доказывает, что наше обвинение* принесло ему пользу и что теперь он больше заботится о мирских делах. Он подробно рассказал о затруднениях, с которыми они сталкиваются. Первый период истории этих американских штраубингеров заполнен неудачами — очевидно, Криге стоял во главе и вел денежные дела как человек с необъятно широкой натурой. «Tribun» раздавался, а не продавался, источником дохода служили добровольные дары, одним словом, хотели повторить главы III—VI деяний апостолов; не было также недостатка в своих Анании и Сапфире, и в результате оказалась масса долгов. Второй период, — когда Криге становится простым «регистратором» и управление денежными делами, по-видимому, перешло к другим молодцам, — это период подъема. Вместо того чтобы взывать к щедрым душам людей, теперь апеллировали к резвым ногам любителей танцев и вообще к более или менее некоммунистическим источникам дохода; к их удивлению, обнаружилось, что необходимые деньги полностью можно собрать посредством балов, загородных прогулок и т. д. и что в интересах коммунизма можно использовать и человеческую испорченность. Теперь они в денежном отношении вполне обеспечены. Среди «препятствий», которые им пришлось преодолеть, бравый текленбуржец** перечисляет также и всевозможные оскорбления и подозрения, которые им приходилось переносить, «наконец, и со стороны «коммунистических» философов в Брюсселе». Кроме того, он пускается в тривиальные рассуждения против колоний, рекомендует им (то есть самым решительным своим противникам) «брата Вейтлинга», но в общем говорит главным образом о мирских делах, хотя и с некоторым оттен-

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. «Циркуляр против Криге». *Ред.*
** — Криге. *Ред.*

ком елейности, и только временами раздаются стенания о братстве и т. д.

Получаете ли вы в Брюсселе «Reforme»? Если вы ее не читаете, напишите мне, и я буду сообщать вам, если там будет что-нибудь интересное. Вот уже четыре дня она преследует «National» за отказ безоговорочно присоединиться к циркулирующей здесь петиции по поводу избирательной реформы. Она утверждает, что это происходит из одной только приверженности к Тьеру. Некоторое время тому назад здесь прошел слух, что Бастид и Тома вышли из редакции «National», что Марраст остался в одиночестве и что он заключил союз с Тьером. Газета опровергла этот слух. Правда, перемены в ее редакции произошли, но подробностей я не знаю; известно, что уже с год эта газета очень сочувственно относится к Тьеру; «Reforme» доказывает теперь газете «National», как сильно она скомпрометировала себя своими симпатиями к Тьеру. — Впрочем, «National» в последнее время сделала несколько глупостей из одной только оппозиции к «Reforme»; так, например, из простой злобы она отрицала впервые появившиеся в «Reforme» сообщения о португальской контрреволюции[73], до тех пор пока этого уже нельзя было больше отрицать, и так далее. «Reforme» изо всех сил старается теперь вести такую же блестящую полемику, как «National», но это ей не удается. —

Написав все это, я снова пошел к штраубингерам, где выяснилось следующее. Слишком слабый, чтобы чем-нибудь повредить мне, Грюн организует донос на меня у заставы. Эйз[ерман] нападает на коммунизм на открытом собрании у заставы, где бывают шпики и где никто, конечно, не может ему ответить, не подвергаясь опасности быть высланным. Юнге очень яростно отвечал ему, но вчера мы его предупредили. После этого Эйз[ерман] назвал Ю[нге] рупором третьего лица (это, конечно, я), который-де внезапно, как бомба, проник в среду ремесленников, и он-де хорошо знает, как там натаскивают людей для дискуссий на собраниях у заставы и т. д. Одним словом, он рассказывал здесь вещи, которые равносильны *настоящему доносу* полиции; ведь хозяин помещения, где происходила эта история, еще за месяц до этого говорил: среди вас всегда имеются шпионы, и полицейский комиссар однажды тоже как-то присутствовал на собрании. На Ю[нге] Эйзерман напал именно как на «революционера». Г-н Грюн все это время находился тут же и вдалбливал Э[йзерману], что он должен говорить. Эта низость превзошла все. Насколько я знаю положение вещей, Грюн несет полную ответственность за все то, что говорит Эйз[ерман]. Против этого абсолютно ничего

нельзя поделать. На болвана Эйз[ермана] нельзя напасть на собрании у заставы, потому что это опять-таки значило бы донести полиции о еженедельных собраниях; Грюн слишком труслив, чтобы *самому* что-нибудь предпринять от своего собственного имени. Единственное, что можно сделать, это сказать публике у заставы, чтобы они не спорили о коммунизме, потому что это скомпрометирует все собрание в глазах полиции. Напишите же наконец.

Ваш **Э.**

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод о немецкого

14
ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

В БРЮССЕЛЬ

[Париж, около 23 октября 1846 г.]

Дорогой М[аркс]!

Документ, направленный против Кр[иге][74], получил. Он очень хорош. Поскольку подписан он только тобой, то К[риге], конечно, припишет резкий тон первого документа* лично мне, а после второго принесет повинную, но мне это совершенно безразлично. Пускай себе изливает свою злобу и чернит меня, сколько хочет, в глазах американских штраубингеров, раз это доставляет ему удовольствие.

Из письма Комитету** ты видишь, каких успехов я добился у здешних штраубингеров. Я не щадил их, черт возьми, я нападал на их самые худшие предрассудки, я заявил им, что они вовсе не пролетарии. Но и Грюн, в свою очередь, усердно лил воду на мою мельницу.

Ради бога, не оплачивайте писем ко мне. Если бы проклятый Леске, который наконец прислал мне за старую дрянь, посланную для П[ютмана]***, негодный вексель, который я вынужден был вернуть, — если бы эта собака, Леске, не оставил меня без денег, я тотчас же послал бы вам 25 франков для комитетской кассы. Но пока я возьму на себя, по крайней мере, оплату корреспонденции, адресуемой *мне.* Если я не оплатил преды-

---

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Циркуляр против Криге». *Ред.*

** См. настоящий том, стр. 59—64. *Ред.*

*** *Ф. Энгельс.* «Описание возникших в новейшее время и еще существующих коммунистических колоний». *Ред.*

дущего письма, то это произошло из-за того, что было слишком поздно, и я успел его отправить, только бросив в почтовый ящик. Как только Л[еске] пришлет мне деньги, вы получите часть их.

Никому из штраубингеров не будет показан ответ, направленный Кр[иге], так как иначе он стал бы известен Гр[юну]. Мы должны скрывать от этого субъекта все до тех пор, пока он не кончит свою обработку книги Прудона с примечаниями К. Грюна. Тогда он будет в наших руках. Он совершенно отказывается в ней от многих своих прежних взглядов и душой и телом присоединяется к прудоновской спасительной системе. После этого он...* уже не сможет больше спекулировать...* на этом, если он опять не повернет обратно.

Вейтлинг еще в Брюсселе?

Со здешними штраубингерами я надеюсь справиться. Правда, эти парни ужасно невежественны и по условиям своей жизни еще совершенно незрелы. Конкуренции между ними нет никакой. Заработок всегда находится на одном и том же уровне. Борьба с мастером идет вовсе не из-за заработка, а из-за «высокомерия подмастерьев» и т. д. На портных оказывают теперь революционизирующее действие магазины готового платья. Если бы только портняжное дело не было таким гиблым ремеслом!

Грюн страшно навредил. Все, что было определенного в головах этих людей, он превратил в расплывчатые фразы, в «общечеловеческие» стремления и т. д. Под тем предлогом, что он борется с вейтлинговским и прочим доктринерским коммунизмом, он набил им головы самыми неопределенными, пустозвонными мелкобуржуазными фразами, а все остальное объявил доктринерством. Даже столяры, которые *никогда,* за отдельными исключениями, не были вейтлингианцами, даже они проникнуты суеверной боязнью «грубого коммунизма» [«Loffelkommunismus»**] и, по крайней мере *до* принятия решения, охотнее поддерживали самую путаную болтовню, мирные планы осчастливить человечество и т. д., чем этот «грубый коммунизм». Здесь царит безграничная путаница.

Гарни я на днях послал письмо, в котором слегка нападаю на миролюбие «Братских демократов»[75]. Вместе с тем я написал ему, чтобы он продолжал корреспонденцию с вами.

Твой **Э.**

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

* В этом месте рукопись повреждена. *Ред.*

** — «коммунизм ложки» или «коммунизм жратвы». *Ред.*

15

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ [76]

В БРЮССЕЛЬ

[Париж], 2 ноября [1846 г.]
23, rue de Lille

Где же давно обещанное подробное письмо? *Пошли, наконец, Бернайсу его рукопись,* ему нужно только то, что имеется у тебя, печатный текст у него еще есть. В Америку он ничего не посылал; то, что там напечатано, было напечатано без его ведома и желания. Но много экземпляров было...* уже отпечатано...* и Леске мог их раздарить повсюду. Мы расследуем это дело. Может быть, это сделано через Грюна или Бёрнштейна. Я писал в Швейцарию по поводу рукописей**, но похоже, что эта собака не собирается мне отвечать. Кроме него остается еще только Йенни, однако с ним я сыграл шутку и не хочу ему писать. Вложи в твое следующее письмо несколько строк для этого субъекта, я отошлю их ему, но это только *для проформы,* он, наверное, не согласится взять рукопись. Первый, кому я написал, это издатель маленькой брошюры Бернайса; он, может быть, и согласится, однако он банкрот, судя по тому, что пишет Пютман. Так-то. Я потерял надежду на Швейцарию. Время не терпит, надо решать. При...* теперешнем затруднительном положении нам, наверное, не пристроить сразу двух томов. Будет хорошо, если нам удастся издать два тома у совершенно различных издателей. Напиши также и об этом.

Твой **Э.**

Только теперь я прочел то, что этот малый*** написал о своем бегстве из уединения. Хорошо, что нам удалось перетащить его в Париж; постепенно он опять станет молодцом. Привет всей компании.

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

* В этом месте рукопись повреждена. *Ред.*
** См. настоящий том, стр. 57. *Ред.*
*** — Бернайс. *Ред.*

16
ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ [77]

В БРЮССЕЛЬ

[Париж, декабрь 1846 **г.**]

Дорогой Маркс!

Мое недавнее короткое письмо к Жиго[78] было вызвано следующими причинами. Во время следствия в связи с волнениями в Сент-Антуанском предместье в октябре[79] допрошена была также масса арестованных немцев; вся вторая партия состояла из штраубингеров. Некоторые из этих болванов, отправленные теперь через границу, вероятно, наговорили много вздора об Э[вербе]ке и обо мне; в самом деле, при низости этих штраубингеров от них вполне можно было ожидать, что они в превеликом страхе станут рассказывать то, что знают и чего не знают. К этому надо еще прибавить, что знакомые мне штраубингеры, которые сохраняют такую таинственность в своих собственных делишках, подняли страшный шум по поводу моих встреч с ними. Такова эта публика.

На собраниях у заставы, как я вам уже, кажется, писал, благородный Эйзерм[ан] дал полную информацию обо мне шпионам. Ю[н]г[е] также сделал несколько глупостей; у этого молодца до некоторой степени мания величия, ему хочется быть отправленным за счет французского правительства в Кале и в Лондон. Словом, г-н Делессер подсылал ко мне и к Э[вербеку], который уже давно был на подозрении и относительно которого существовал временно приостановленный приказ о высылке, одного шпика за другим; этим шпикам удалось выследить нас вплоть до кабачка, где мы иногда встречались с неотесанными парнями из предместий. Тем самым было доказано, что мы — главари опасной шайки; а вскоре после этого я узнал, что г-н Делессер обратился к г-ну Танеги Дюшателю, чтобы добиться приказа о высылке меня и Э[вербека], и что по этому делу в префектуре, рядом с помещением, где происходит медицинское освидетельствование проституток, имеется целая кипа документов.

У меня, конечно, не было никакого желания быть изгнанным из-за штраубингеров. Я предвидел возможность подобной истории, когда заметил, с какой беспечностью эти штраубингеры поднимали шум и трескотню и обсуждали всюду и везде, кто прав: я или Грюн. Мне надоела вся эта дрянь, к тому же эти ребята были неисправимы, они даже не отстаивали открыто свои взгляды в дискуссии, совсем как лондонцы; но своей

главной цели я достиг — я одержал полную победу над Грюном. Это был прекрасный случай с честью разделаться со штраубингерами, как бы ни была вообще неприятна эта история. Поэтому я дал им понять, что теперь больше не смогу обучать их, вообще же они должны быть осторожны. Э[вербек] тотчас же решил уехать и, кажется, немедленно покинул Париж, по крайней мере я больше его не видел. Куда он девался, я также не знаю.

Малыша (Б[ернайса]) также разыскивала полиция, но он из-за различных приключений снова переехал в свое прежнее жилище (поразительно, в какие невероятные передряги он попадает, как только вступит ногой в цивилизованный мир). Когда он опять вернется в Париж, я не знаю, но он во всяком случае не поселится в том доме, где думал поселиться. *Поэтому данный тебе адрес не годится.* Свою рукопись он благополучно получил.

Вообще я весьма признателен благородной полиции за то, что она вырвала меня из этой штраубингерской среды и напомнила мне о земных радостях. Если подозрительные субъекты, которые вот уже две недели преследуют меня, в самом деле шпики, а о некоторых из них мне это доподлинно известно, то префектура в последнее время раздала массу входных билетов на балы в Монтескьё, Валентино, Прадо и т. д. Я обязан г-ну Делессеру приятными знакомствами с гризетками и многими удовольствиями, так как мне захотелось как можно лучше провести последние дни и ночи, которые мне предстояло оставаться в Париже. Однако поскольку меня до сих пор не трогали, то, очевидно, все успокоилось. Все же впредь адресуйте все письма г-ну А. Ф. Кёрнеру, живописцу, 29, rue Neuve Breda, Paris. Внутрь вложите конверт с моими инициалами, но так, чтобы он не просвечивал.

Ты понимаешь, что при таких обстоятельствах я совершенно не имел возможности заниматься здесь В[ильгельмом] В[ейтлингом]. Я не видел никого из этих людей и даже не знаю, был ли он в Париже или еще находится здесь. Впрочем, это совершенно все равно. Вейтлингианцев я совсем не знаю; у тех же, кого я знаю, он встретил бы не совсем любезный прием. Из-за вечных драк с его друзьями-портными они питают к нему ужасную злобу.

История с лондонцами[80] неприятна именно из-за Гарни, а также потому, что из всех штраубингеров они были единственными, с которыми можно было просто, без всякой задней мысли пытаться завязать сношения. Но если они не хотят, — ну что ж, пусть отправляются на все четыре стороны. Вообще

никогда нельзя быть уверенным, что они опять не выпустят таких жалких обращений, как обращение к Ронге или к шлезвиг-гольштейнцам[81]. А к тому же еще вечная ревность к нам, «ученым». Впрочем, у нас есть два способа освободиться от них, если они начнут бунтовать: или открыто порвать, или постепенно прекратить переписку. Я высказываюсь за второе, если их последнее письмо допускает ответ, который, не задевая их слишком резко, был бы достаточно холодным, чтобы отбить у них охоту скоро на него ответить. Потом следует долго им не отвечать — и, так как они обычно ленятся писать, то после двух—трех писем все благополучно замрет. Собственно, каким образом и с какой целью обрушиваться нам на этих людей? Печатного органа у нас нет, а если бы он и был, то они не литераторы, а только время от времени выпускают прокламации, которых никто не видит и до которых никому нет дела. Если мы выступим с резкой критикой *всех* штраубингеров *вообще,* то мы всегда сможем направить эту критику и против их великолепных документов; если переписка прекратится, то это будет вполне удобно; разрыв произойдет постепенно и не вызовет шума. Мы между тем спокойно договоримся с Гарни обо всем необходимом, позаботимся о том, чтобы *они* нам не ответили на последнее письмо (что они сделают, если их заставят ожидать ответа 6—10 недель), и пусть они потом поднимают шум.

Прямой разрыв с этими людьми не принесет нам ни пользы, ни славы. *Теоретические* разногласия с этой публикой едва ли возможны, так как у них нет теории, и они хотят учиться у нас, несмотря на кое-какие внутренние сомнения; формулировать свои сомнения они также не умеют, поэтому с ними невозможна никакая дискуссия, разве только устная. В случае открытого разрыва они использовали бы против нас эту свою пустую болтовню о жажде коммунистических знаний: они-де охотно поучились бы у этих ученых господ, если у них есть что-нибудь путное и т. д. *Практические* партийные разногласия свелись бы скоро только к личным нападкам и ссорам или производили бы такое впечатление, так как их в комитете немного, да и наших немного. Против литераторов мы можем выступить как партия, против штраубингеров не можем. В конце концов у этих людей все же имеется сотни две человек, благодаря Г[арни] они связаны с англичанами; «Rheinischer Beobachter» и другие газеты раструбили о них в Германии как о боевом и во всяком случае не бессильном коммунистическом обществе; к тому же они самые сносные из штраубингеров и, наверное, это самое лучшее, что можно сделать из штраубингеров, пока в Германии не произойдут какие-либо перемены. Но нам эта история

послужила наукой в том отношении, что из штраубингеров, даже из самых лучших среди них, ничего путного не сделаешь до тех пор, пока в Германии не существует настоящего движения. Во всяком случае лучше спокойно предоставить их самим себе, критиковать их только всех в целом, en bloc, чем вызывать спор, при котором мы можем только увязнуть в грязи. По отношению *к нам* эти молодцы объявляют себя «народом», «пролетариями», а мы можем апеллировать лишь к коммунистическому пролетариату, который еще только должен образоваться в Германии. К тому же в скором времени в Пруссии будет конституция, и, может быть, эту публику можно будет тогда использовать для подписей и т. д.

Впрочем, я, вероятно, уже опоздаю со своими советами, и вы, наверное, уже приняли решение в этом деле и осуществили его. Я бы и раньше написал, но ожидал исхода истории с полицией.

Только что получил ответ от швейцарского издателя*. Письмо, которое я здесь прилагаю, лишний раз подтверждает, что этот субъект — прохвост. Обычно издатель не станет в таком дружеском тоне принимать предложение, после того как он несколько недель заставил ждать ответа. Теперь мы посмотрим, что напишет бременец**, а потом сделаем так, как сочтем нужным. Есть еще один тип в Бельвю у Констанца — может быть, с ним удастся столковаться; если бременец откажется, я попытаюсь еще договориться с этим. Тем временем я еще раз справлюсь об издателе в Херизау; хорошо было бы, если бы у нас был порядочный человек в Швейцарии, которому можно было бы послать рукопись*** с поручением отдать ее только за наличные деньги. Но там только алчущий отец семейства Пютм[ан]!

В виде дополнительного невинного развлечения я в последние тяжелые дни, кроме женщин, занимался также Данией и остальным Севером. Ты представления не имеешь, какое это свинство. Лучше самый плохонький немец, чем самый лучший датчанин! Такой степени нравственного убожества, цеховой и сословной узости больше нигде не существует. Датчанин считает Германию страной, куда ездят, чтобы «завести любовниц и промотать с ними свое состояние» («когда он ездил в Германию, он имел любовницу, которая заставила его растратить большую часть его состояния», — сказано в одном датском учебнике!). Он называет немца «немец-ветрогон» и считает себя истинным пред-

* — Шлепфера. *Ред.*
** — Кютман. *Ред.*
*** *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Немецкая идеология». *Ред.*

ставителем германского духа. Швед же опять-таки презирает датчанина как «онемеченного» и выродившегося, болтливого и изнеженного. Норвежец смотрит на офранцуженного шведа и его дворянство сверху вниз и радуется, что у него в Норвегии еще господствует тот же самый дурацкий крестьянский хозяйственный уклад, как во времена благородного Кнуда. Зато его, в свою очередь, третирует en canaille* исландец, который говорит еще на том же самом языке, на каком изъяснялись грязные викинги 900 года, пьет рыбий жир, живет в землянке и погибает, если не ощущает запаха гнилой рыбы. Несколько раз у меня было искушение возгордиться тем, что я, по крайней мере, не датчанин и тем более не исландец, а всего-навсего немец.

Редактор самой прогрессивной шведской газеты «Aftonbladet» дважды приезжал сюда в Париж, чтобы выяснить вопрос об организации труда; он в течение многих лет выписывал «Bon Sens» и «Democratie pacifique», вел беседы с Л. Бланом и Консидераном, но ничего во всем этом не понял и вернулся не умнее, чем приехал сюда. Теперь он, как и прежде, прославляет свободу конкуренции, или, как это называется по-шведски, свободу *снабжения продуктами,* или также sjalfforsorjningsfrihet, свободу самоснабжения (это, пожалуй, еще лучше, чем свобода *промыслов).* Конечно, они еще по уши увязли в цеховом болоте, а в риксдагах именно буржуа являются самыми закоренелыми консерваторами. Во всей стране всего два приличных города, один с 80000, другой с 40000 жителей, в третьем же, в Норчёпинге, всего 12000 жителей, во всех остальных примерно 1000, 2000, 3000. На всех почтовых станциях живет по одному человеку. В Дании, пожалуй, не лучше; у них есть только один-единственный город, где происходят несусветные цеховые тяжбы, еще более бессмысленные, чем в Базеле или Бремене, и где не пускают на гулянья без входного билета.

Единственное, чем эти страны хороши, это тем, что они показывают, как поступили бы немцы, если бы у них была свобода печати, — именно так, как на самом деле уже поступили датчане: тотчас же основали бы «общество правильного пользования свободой печати» и стали бы печатать христианские душеспасительные календари. Шведская «Aftonbladet» такая же смирная, как «Kolnische Zeitung», но считает себя «демократической в истинном смысле этого слова». Зато у шведов есть романы фрекен Бремер, а у датчан — романы статского

* — без всякого стеснения. *Ред.*

советника Эленшлегера, командора ордена Данеброга. Кроме того, там ужасно много гегельянцев, а язык, в котором каждое третье слово заимствовано из немецкого, как нельзя лучше подходит для спекулятивного мышления.

Отчет уже давно начат и будет выслан на днях. Напиши мне, есть ли у вас книга Прудона*.

Если ты хочешь в работе над своей книгой использовать книгу Прудона, которая никуда не годится, то я могу послать тебе свои очень подробные выписки. Книга не стоит тех 15 франков, которые за нее надо заплатить.

Впервые полностью опубликовано на языке оригинала в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 1, 1929 и на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXI, 1929 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

* *П. Ж. Прудон.* «Система экономических противоречий, или Философия нищеты». *Ред.*

1847 год

17
ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ[82]

В БРЮССЕЛЬ

[Париж], пятница, 15 января 1847 г.

Дорогой Маркс!

Я бы раньше тебе написал, если бы Б[ернай]с не заставил меня так долго ждать. Проклятого Бёрнштейна, у которого я, между прочим, справлялся также о твоем приезде сюда, никак нельзя было застать, и потому я поручил это дело Б[ернай]су, который хотел уже в *понедельник* доставить мне в город письмо для тебя. Вместо этого я вчера поздно вечером получил прилагаемую записку, которую этот лентяй нацарапал третьего дня вечером в Сарселе; содержащиеся в ней разъяснения отнюдь не такого характера, чтобы нужно было обдумывать их в продолжение пяти—шести дней. Но таков уж этот парень. Впрочем, я *сам* поговорю с Бёрнштейном, так как меня решительно не удовлетворяет это разъяснение и, откровенно говоря, я никому не верю меньше на слово, чем Б[ернай]су. Этот человек в течение шести месяцев все уши мне прожужжал, что ты смело мог бы приехать в любой день со всеми своими пожитками, а когда дело уже на мази, тогда он сочиняет длинную историю насчет паспорта. Как будто тебе нужен паспорт! На границе никто его не спрашивает; когда Мозес[*] приехал сюда, у него тоже никто не спрашивал паспорта, как и у меня; а если ты будешь жить у меня, то хотел бы я знать, кто стал бы спрашивать об этом. На худой конец для удостоверения личности годится бельгийский паспорт, действительный внутри страны, или известное послание г-на Леопольда: Cabinet du roi[**] — этого достаточно для всех случаев. Гейне придерживается

[*] — Гесс. *Ред.*
[**] — королевская канцелярия. *Ред.*

такого же мнения, и когда мне удастся поймать Бёршнтейна, я расспрошу его об этом.

Б[ернай]с выдумал также историю с Толстым*, или, вернее, Б[ёрн]штейн навязал ему ее, так как Б[ёрн]шт[ейн] *навязывает ему все, что ему угодно.* Все самые разнообразные сведения, о которых Б[ернай]с прежде нам писал, идут из того же источника, и поскольку я неоднократно был свидетелем того, с какой непогрешимостью Б[ёрн]штейн изрекает Б[ернай]су свои предположения, сплетни и собственные измышления и как Б[ернай]с принимает их за чистую монету, я не верю *ни одному слову* из тех важных известий, о которых он прежде...** сообщал в письмах «из самого надежного источника».

Я...** сам видел, как Б[ёрн]штейн, рисуясь своей полной осведомленностью, заставил Б[ернай]са поверить (а ведь ты знаешь, как восторженно *верит* Бернайс, *если* он уже поверил), что газета «National» целиком и полностью продалась Тьеру, в какой-то мере за наличные деньги. Малыш готов был дать голову на отсечение, что это так, — он в этом отношении неисправим, как и в своем восторженном, смертельно грустном настроении. В течение последних двух недель он шестнадцать раз был на грани отчаяния.

Это — между нами. Значит, относительно твоего приезда сюда я еще раз спрошу Б[ёрн]шт[ейна]; Гейне, как я уже говорил, считает, что ты смело мог бы приехать. Или, может быть, ты пойдешь во французское посольство и попросишь выдать тебе паспорт на основании *твоего прусского эмиграционного свидетельства?*

Хорошо, что ты сообщил мне о приезде Мозеса. Сей благородный муж пришел ко мне, но не застал меня. Я написал ему, чтобы он назначил мне свидание. Вчера оно состоялось. Он очень изменился. Юношеские кудри обрамляют его голову, красивая бородка придает некоторую грацию его острому подбородку, щеки его покрыты девственным румянцем, но утраченное величие отражалось в его красивых глазах, и он проявил поразительную скромность. Здесь, в Париже у меня выработался очень бесцеремонный тон, потому что без шума и брага не киснет, а этим тоном можно многого добиться у женщин. Но поникший вид некогда потрясавшего мир непревзойденного Гесса почти обезоружил меня. Однако геройские поступки «истинных социалистов», его учеников (об этом ниже) и его не изменившийся внутренний облик снова придали мне мужества. Одним словом, я так холодно и насмешливо встретил его,

* См. настоящий том, стр. 42. *Ред.*
** В этом месте рукопись повреждена. *Ред.*

что у него пропадет всякая охота приходить ко мне. Единственное, что я для него сделал, — я дал ему несколько хороших советов по поводу триппера, который он привез с собой из Германии. У нескольких немецких художников, которых он прежде знал в Германии, он тоже потерпел полное фиаско, Один только Густав Адольф Кётген остался ему верен.

Бременцу* надо во всяком случае отдать предпочтение перед швейцарцем**, Я не могу написать швейцарцу: 1) потому что забыл его адрес, 2) потому что я не хочу [предлагать]*** этому типу более низкий гонорар с листа, чем ты предложил бременцу. [Сообщи]*** поэтому твои предложения бременцу и одновременно пришли адрес этого субъекта. Он хорошо заплатил Б[ернай]су за его плохую брошюру о Ротш[ильде], но надул Пют[мана]: печатал для него, но отложил до бесконечности уплату гонорара, под тем предлогом, что не располагает свободными средствами.

Очень хорошо, что ты пишешь по-французски против Прудона. Надо надеяться, что, когда получится это письмо, брошюра**** будет уже закончена. Само собой разумеется, что я *тебе разрешаю* заимствовать из нашей работы***** все, что тебе угодно. Я также думаю, что ассоциация Пр[удона] сводится к плану Брея[83]. Я совершенно забыл доброго Брея.

Ты, может быть, читал в «Trier'sche Zeitung» о новом лейпцигском социалистическом журнале под заглавием «Veilchen», листки *невинной* современной критики!! Г-н Земмиг рычит там, как Зарастро:

«В этих священных покоях
Мести не знает никто,
За этой стеной священной
Предателей нет презренных.
И тогда, опираясь на дру-у-у-у-ужескую руку,
Перейдет он в лучший мир без горести и муки»******.

Но у него, к сожалению, нет необходимого баса, как у блаженной памяти Рейхеля. Зарастро-Земмиг приносит здесь жертвы трем божествам: 1) Гессу — 2) Штирнеру — 3) Руге — всем сразу. Первые двое [проникли]*** в глубины науки.

Этот листок или «фиалка» — самый большой вздор, какой я когда-либо читал. Такое тихое и в то же самое время беззастенчивое сумасшествие возможно только в Саксонии.

---

* — Кютману. *Ред.*
** — Шлепфером. *Ред.*
*** В этом месте рукопись повреждена. *Ред.*
**** *К. Маркс.* «Нищета философии». *Ред.*
***** *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Немецкая идеология». *Ред.*
****** *Моцарт.* Опера «Волшебная флейта», акт 2, ария Зарастро. *Ред.*

Как бы было хорошо, если бы мы могли еще раз написать главу об «истинных социалистах» теперь, когда они развились во всех направлениях, когда выделились вестфальская школа, саксонская школа, берлинская школа и т. д., наряду с одинокими звездами, вроде Пютмана и т. д.[84] Их можно было бы подразделить по небесным созвездиям: Пютман — Большая Медведица и Земмиг — Малая Медведица, или Пютман — Телец, а Плеяды — его восьмеро детей. Рога он все равно заслуживает, если у него их нет. Грюн — Водолей и т. д.

Кстати о Грюне — я переработаю статью о грюновском Гёте, сокращу ее до $^1/_2$—$^3/_4$ листа и подготовлю для нашей работы, *если* ты это одобряешь, о чем ты должен немедленно мне написать[85]. Книга исключительно характерна. Гр[юн] восхваляет всякое *филистерство* Гёте как *человеческое,* он превращает франкфуртца и *чиновника* Гёте в «истинного человека», между тем как все колоссальное и гениальное он обходит или даже оплевывает. Таким образом, эта книга представляет блестящее доказательство того, что *человек — это немецкий мелкий буржуа.* Я это только наметил, но мог бы развить и порядком сократить остальную часть статьи, так как она не подходит для нашей работы. Что ты об этом думаешь?

Твой ***Энгельс***

[Надпись на обороте письма]

Г-ну Карлу Марксу. 42, rue d'Orleans. Faubourg de Namur. Bruxelles.

Впервые полностью опубликовано на языке оригинала в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 1, 1929 и на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXI, 1929 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

18

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ[86]

В БРЮССЕЛЬ

[Париж], вторник, 9 марта [1847 г.]

Дорогой Маркс!

Прилагаемую брошюрку мне сегодня утром принес Юнге; несколько дней тому назад Эв[ербек] принес ее к ним. Я посмотрел эту вещь, заявил, что это написал Мозес*, и разобрал

* — Гесс. *Ред.*

ее Ю[нге] по пунктам. Сегодня вечером я видел Эв[ербека]; он сознался, что принес ее, и когда я порядком разделал эту вещь, то оказалось, что *он* сам, Э[вербек], является автором этой жалкой стряпни. Он уверяет, что написал это в первые месяцы моего пребывания здесь. Его вдохновило первое опьянение от сообщенных мною новостей. Таковы эти ребята. Эвербек смеялся над Гессом за то, что тот украшает себя чужими перьями, которые ему не к лицу, и запретил штраубингерам передавать Грюну содержание моих докладов, чтобы тот не присвоил себе сказанного, а сам при этом садится за стол — как всегда, с самыми лучшими намерениями — и поступает точно так же, ничуть не лучше. Мозес и Грюн испоганили бы все не больше, чем этот народный врачеватель триппера. Я, конечно, сперва немного посмеялся над ним, а затем запретил ему когда-либо заниматься подобной пакостью. Но это, очевидно, уж в натуре таких людей. На прошлой неделе я частью из озорства, частью из нужды в деньгах написал анонимный благодарственный адрес Лоле Монтес[87], полный двусмысленностей. В субботу я прочел ему оттуда несколько мест, а сегодня вечером он рассказал мне со своим обычным добродушием, что это вдохновило его уже на следующий день написать нечто похожее, и он сразу же передал написанное Мёйреру для его журнала-инкогнито* (он действительно выходит совершенно тайно и только для редакции, под цензурой г-жи Мёйрер, которая уже отличилась тем, что вычеркнула стихотворение Гейне). Он-де сообщает мне об этом уже теперь, чтобы показать свою честность и не совершить плагиата! Сей новый шедевр этого писателя, падкого на плоды чужого труда, является, конечно, переделкой моей шутки в торжественно напыщенном стиле. Разумеется, у него кишка тонка, и мне на это наплевать, но этот последний пример показывает, как настоятельно необходимо, чтобы либо твоя книга**, либо наши рукописи*** вышли возможно скорее. Все эти господа постоянно сокрушаются, что такие прекрасные мысли так долго остаются неизвестными народу, и в конце концов не находят другого средства облегчить свое горе, как выжать из себя все то, что они, по их мнению, в достаточной степени переварили. Не выпускай поэтому бременца**** из виду. Если он не ответит, напиши еще раз. В крайнем случае согласись на самое минимальное. Эти рукописи, оставаясь без движения, теряют с каждым месяцем от

---

* — «Pariser Horen». *Ред.*

** *К. Маркс.* «Нищета философии». *Ред.*

*** *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Немецкая идеология». *Ред.*

**** — Кютмана. *Ред.*

5 до 10 франков с листа своей меновой стоимости. Пройдет еще несколько месяцев, начнутся дебаты в прусском ландтаге, в Берлине развернется конфликт, и за Бауэра и Штирнера нельзя будет уже получить и по 10 франков за лист. Когда имеешь дело с подобной злободневной работой, то постепенно попадаешь в такое положение, когда следует отказаться от, высокого гонорара, которого требует писательское самолюбие.

Я провел около недели у Б[ернайса] в Сарселе. Он тоже делает глупости. Пишет в «Berliner Zeitungs-Halle» и как ребенок радуется, что там печатаются его мнимо коммунистические словоизвержения по адресу буржуа. Разумеется, редакция и цензура оставляют то, что направлено только против буржуа, и вычеркивают те немногие намеки, которые могли бы оказаться неприятными для них самих. Он ругает суды присяжных, «буржуазную свободу печати», систему представительных учреждений и т. п. Я разъясняю ему, что это называется работать буквально pour le roi de Prusse* и косвенно — против нашей партии; на это следуют известные порывы пылкой души, ссылки на невозможность чего бы то ни было добиться. Я заявляю, что «Zeitungs-Halle» оплачивается правительством; в ответ — упорное отрицание, ссылка на симптомы, которые в глазах всего мира, за исключением чувствительного населения Сарселя, явились бы именно доказательством правильности моих слов. Результат: добродетельное воодушевление, пылкая душа не может писать вопреки своим убеждениям, отказывается понимать политику, которая щадит тех людей, каких он до сих пор смертельно ненавидел. «Это не мой жанр!» — вечный ultima ratio**. Я прочел немало этих статей, помеченных Парижем; они написаны как нельзя более в интересах правительства и в стиле «истинного социализма». Я готов отказаться от Б[ернай]са и не намерен больше вмешиваться в нарочито великодушную отвратительную семейную неразбериху, в которой он разыгрывает героя преданности и бесконечного самопожертвования. Это надо видеть. Пахнет все это, как пять тысяч непроветренных перин, плюс бесчисленные отрыжки от австрийских вегетарианских блюд. И если этот парень еще десять раз вырвется из тамошней слякоти и переберется в Париж, он все же десять раз сбежит назад. Можешь вообразить, что за. моральные бредни заводятся, у него из-за этого в голове. Семья сложного типа, в которой он живет, окончательно превращает его в ограниченного филистера. Никогда больше ему не заманить

* — «в пользу короля Пруссии»; в переносном смысле: «даром», «ради прекрасных глаз». *Ред.*
** — последний довод. *Ред.*

меня в свою лавочку; впрочем, так скоро он и не стоскуется по мне, этакой бесчувственной личности.

Брошюру о конституционном вопросе[88] ты получишь в самом непродолжительном времени. Я напишу ее на отдельных листах, чтобы ты мог делать вставки или сокращать. Если есть надежда, что Фоглер заплатит что-нибудь, спроси его, не возьмет ли он памфлет о Лоле Монтес — от полутора до двух листов, — но незачем говорить ему, что эту вещь написал я. Ответь мне на это *немедленно,* так как в противном случае я предприму попытку в Бельвю. Ты, вероятно, читал в «Debats» или в «Constitutionnel», что Большой совет запретил негодяю Шлепферу в Херизау печатать революционные вещи из-за вюртембергских жалоб; он сам подтвердил это в письмах сюда и *запретил* ему что-либо присылать. Это — лишнее основание держаться бременца. Если с ним нельзя будет столковаться, то останется только «книгоиздательство» в Бельвю близ Констанца. Впрочем, если издание наших рукописей будет мешать изданию твоей книги, тогда брось к черту рукописи, так как гораздо важнее, чтобы появилась твоя книга. Ведь мы оба извлекаем не особенно много выгоды из наших работ.

Ты, может быть, читал во вчерашнем номере «Kolnische Zeitung» (за понедельник) статью о скандальной истории с Мартеном дю Нор? Это — статья Б[ернай]са; он время от времени пишет корреспонденции вместо Бёрнштейна.

Здешняя полиция теперь свирепствует вовсю. Создается впечатление, что она всеми силами старается спровоцировать мятеж или массовый заговор в связи с голодом. Сперва она распространяла разного рода издания и расклеивала подстрекательские прокламации, а теперь она даже изготовила и разбросала воспламеняющиеся устройства, которые, однако, *не были подожжены,* для того чтобы лавочники могли почувствовать всю зловредность этого дьявольского замысла. К тому же она затеяла историю с коммунистами-материалистами[89], арестовала массу людей, из которых А знает Б, Б — В, В—Г и т. д., и на основании этого знакомства и некоторых свидетельских показаний превратила всю эту массу по большей части незнакомых друг с другом людей в одну «шайку». Процесс этой «шайки» должен скоро слушаться, и если к этой новой системе прибавить еще старое complicite morale*, то можно очень легко осудить любого человека. Это похоже на Эбера. Таким образом нет ничего легче, как осудить без всяких разговоров и отца Кабе.

* — моральное соучастие. *Ред.*

Приезжай сюда в апреле, если есть какая-нибудь возможность. До 7 апреля я перееду — еще не знаю, куда, — и к этому времени у меня будет немного денег. Мы тогда могли бы вместе немного покутить самым веселым образом. Причем, так как полиция теперь ведет себя отвратительно (кроме саксонца, о котором я писал, предложено было уехать также и моему старому противнику Эйзерману — оба остались здесь, сравни К. Грюн в «Kolnische Zeitung»), то лучше всего последовать совету Б[ёрн]шт[ей]на. Попытайся получить у французского посланника паспорт *на основании твоего эмиграционного свидетельства;* если это не удастся, тогда мы попытаемся что-нибудь предпринять здесь — может быть, найдется еще какой-нибудь консервативный депутат, с которым удастся завести сношения через шестые руки. Тебе совершенно необходимо выбраться из скучного Брюсселя и приехать в Париж, да и у меня тоже сильное желание немного покутить с тобой. Здесь можно быть либо беспутным человеком, либо ментором; беспутным человеком среди беспутных забулдыг, — а в этом нет ничего хорошего, когда у тебя нет денег, — или же ментором Эв[ербека], Б[ернай]са и компании. В противном случае приходится принимать мудрые советы главарей французских радикалов, которых потом еще надо защищать против других ослов, чтобы они не слишком задирали нос в своем немецком чванстве. Если бы у меня было 5000 фр. ренты, я бы только работал и весело проводил время с женщинами, пока не наступил бы мой конец. Если бы не было француженок, то вообще не стоило бы жить. Но пока есть на свете гризетки, это другое дело! При этом не мешает время от времени побеседовать о чем-либо стоящем или наслаждаться жизнью с некоторой изысканностью; но ни то, ни другое невозможно с этим сбродом — моими знакомыми. Ты должен приехать сюда.

Видел ли ты «Революцию» Л. Блана[90]? Дикая смесь верных догадок и самых невероятных нелепостей. Я прочел только половину первого тома в Сарселе. Это производит странное впечатление. Он то поражает интересным замечанием, то сразу же ошарашивает самым невероятным абсурдом. Но у Л. Блана хороший нюх, и, несмотря на все свое безрассудство, он совсем не на плохом пути. Однако дальше достигнутого он не пойдет, «он скован чарами» — идеологией.

Известна ли тебе книга Ашиля де Волабеля «Падение Империи, история двух реставраций», вышедшая в прошлом году? Автор — республиканец из «National», принадлежит как историк к старой школе — до Тьерри, Минье и т. д. Полнейшее непонимание самых обыкновенных отношений — даже Капфиг

в своей книге «Сто дней» в этом отношении гораздо лучше. Но эта работа интересна благодаря перечислению подлостей Бурбонов и союзников и по своему довольно точному изложению и критике фактов, поскольку ему не мешают его национальные и политические интересы. В общем, однако, книга написана скучно именно из-за непонимания общего хода событий. «National» плохой историк, а Волабель, говорят, друг Марраста.

Мозес совершенно пропал. У «рабочих», с которыми я *не* «общаюсь», он *обещал* читать лекции, выдает себя за противника Грюна и за моего близкого друга! Богу, а также Мозесу известно, что во время нашего второго и последнего свидания в пассаже Вивьен я оставил его стоять с раскрытым ртом, а сам вместе с художником К[ёрнером] ушел с двумя девушками, которых последний подцепил. С тех пор я встретил его еще на масленице, когда он под сильным дождем с ужасающе унылым видом влачил свое пресыщенное жизнью «я» по направлению к бирже. Мы даже не подали вида, что узнали друг друга.

Письмо Бак[унину] я доставлю, как только у меня будет его верный адрес — до сих пор я в этом не уверен.

Кстати: напиши же Эв[ербеку] по поводу его брошюрки; его надо высмеять; он униженно выставляет свои ягодицы и желает, чтобы его побили, — знакомая история.

Итак, напиши немедленно и постарайся устроить так, чтобы приехать сюда.

Твой ***Ф. Э.***

Впервые полностью опубликовано на языке оригинала в Marx —Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 1, 1939 и на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXI, 1929 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

19

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ[91]

В ПАРИЖ

[Брюссель], 15 мая [1847 г.]

Дорогой Энгельс!

Ты знаешь, что Фоглер уже в начале апреля арестован в Ахене. Из-за этого пока невозможно печатание присланной тобой брошюры[*]. Первая треть ее мне очень понравилась,

[*] *Ф. Энгельс.* «Конституционный вопрос в Германии». *Ред.*

В двух остальных частях надо непременно внести некоторые изменения. Подробнее об этом в следующий раз.

Прилагаю оттиск твоей карикатуры[92], Я послал ее в «Brusseler-Zeitung»[93].

Что касается действительно отвратительной статьи Грюна или К° в «Trier'sche Zeitung», то теперь, пожалуй, уже слишком поздно, но было бы хорошо, если бы ты раньше поместил в той же подлой газете опровержение в несколько строчек.

В Лондон я не могу ехать[94]. Денежные дела не позволяют мне этого. Но Вольфа*, я надеюсь, мы отправим туда. И тогда будет достаточно того, что вы оба будете там.

*Voce*** о *деньгах:*

Ты ведь помнишь, что *Гесс* еще со времени «Gesellschaftsspiegel» остался должен мне и моему шурину Эдгару***. Поэтому я выдаю на него из Брюсселя *вексель, подлежащий уплате* через 30 дней *по предъявлении.*

Бернайс также должен мне с мая прошлого года *150 франков.* Ему точно так же будет предъявлен вексель.

Я прошу тебя, таким образом, о следующем:

1) сообщи мне прежде всего адреса их обоих;

2) сообщи обоим все это и скажи этим ослам,

3) что если они думают, что до 15 июня не в состоянии будут уплатить соответствующие суммы, то пусть они, тем не менее, *акцептируют* вексель. Я тогда позабочусь об *обеспечении* этих векселей в Париже. Конечно, ты этим ослам скажешь *последнее лишь* в том случае, если это будет безусловно необходимо.

Я в данное время так стеснен в деньгах, что вынужден прибегнуть к этим векселям, и к тому же обоим ослам нечего дарить деньги. Конечно, если эти ослы только для *вида* намерены акцептировать векселя, то я должен уже сейчас знать об этом.

Так как дело это *очень спешное,* то я надеюсь, что ты не промедлишь ни одного дня, сделаешь все необходимое и *известишь* меня.

Здесь, в Брюсселе найден дисконтер.

Я не могу тебе больше писать. Дней двенадцать тому назад Брейер пустил мне *кровь,* но, вместо *левой,* на *правой* руке. Так как я продолжал работать, точно ничего не случилось, то рана стала гноиться, вместо того чтобы заживать. История могла стать опасной, и я мог лишиться руки. Теперь она уже почти зажила. Но рука еще слаба, и ее не следует напрягать.

Твой ***Маркс***

---

* — Вильгельма Вольфа. *Ред.*

** — К вопросу. *Ред.*

*** — Эдгару фон Вестфалену. *Ред.*

[Приписка Ф. Жиго]

Дорогой Фрицхен!

Я как раз занят сейчас чтением твоей брошюры — пока что мне это доставляет большое удовольствие, — и я вполне счастлив от сознания, что *я ни в какой степени не* немец.

Бог, или разум, или род да хранят нас от мещанства!!

Засим честь имею пребывать

искренне Вам преданный ***Филипп***

P. S. Напиши мне хоть полсловечка.

Впервые полностью опубликовано на языке оригинала в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 1, 1929 и на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXI, 1929 г.

Печатается по рукописи.

Перевод с немецкого

20

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ [95]

В ГОЛЛАНДИЮ

[Брюссель], вторник 28—
четверг 30 сентября 1847 г.

Дорогой Маркс!

Здесь на этих днях произошла весьма любопытная история. Все те элементы среди здешних немцев, которые недовольны нами и нашими выступлениями, составили коалицию, чтобы низвергнуть тебя, меня и вообще коммунистов и конкурировать с Рабочим обществом[96]. *Борнштедт* в высшей степени недоволен. Заявления Оттерберга, что мы просто использовали Б[орнштедта], повторенные и подтвержденные Зандкулем и использованные, в свою очередь, Крюгером и Морасом, — привели Борнштедта в ярость против нас всех. *Морас* и *Крюгер,* которые всем жалуются, что мы обращаемся с ними высокомерно, подлили еще масла в огонь. *Зейлер* зол из-за того, что им непростительно пренебрегли при основании Рабочего общества, а также из-за успехов, достигнутых Обществом, вопреки всем его пророчествам. *Хейльберг* жаждет сильной, хотя и бескровной мести за выпадающие каждый день на его долю грубости. Борнштедт также пышет злобой за то, что с помощью подаренных книг и географических карт он не смог купить себе положение влиятельного демократа, а также добиться почетного членства и установки его бюста в Обществе, а что, наоборот,

его наборщик завтра вечером будет обсуждать его кандидатуру, как если бы речь шла о самом обыкновенном человеке. Его злит также, что он, аристократический homme d'esprit*, находит гораздо меньше случаев посмеяться над рабочими, чем он надеялся. Что касается Мораса, то он злится потому, что не смог привлечь «Brusseler-Zeitung» на сторону Гейнцена. Наконец, все эти разнородные элементы объединились для того, чтобы нанести удар, который должен отодвинуть нас на второй план в глазах Энбера и бельгийских демократов и создать более импозантное и универсальное общество, чем наше мизерное Рабочее общество. Всем этим господам страстно хотелось хоть один раз найти случай проявить свою инициативу, и эти трусливые канальи решили, что самое подходящее время для этого — момент твоего отсутствия. Но они позорно просчитались.

Они поэтому втихомолку решили устроить космополитически-демократический ужин и там совершенно неожиданно предложить организовать общество вроде «Братских демократов» с устройством рабочих митингов и т. д. и т. п. Они образовали нечто вроде комитета, в который для проформы ввели совершенно безвредного для них Энбера. После разного рода неопределенных слухов я только в воскресенье вечером получил в Обществе от Б[орнштедта] кое-какие сведения об этом, а на понедельник уже был назначен ужин. От Борншт[едта] невозможно было добиться подробностей, кроме того, что будут присутствовать Жотран, генерал Меллине, Адольф Бартельс, Катс и т. д., поляки, итальянцы и т. д. Хотя я ничего не подозревал обо всей этой коалиции (я только в понедельник утром узнал, что Борншт[едт] немного обижен, а Морас и Крюгер жалуются и ведут интриги; о Зейлере и Хейльберге я ничего не знал), дело все же показалось мне подозрительным. Но идти туда надо было ради бельгийцев, а также из тех соображений, чтобы в маленьком Брюсселе не было предпринято какого-либо демократического мероприятия, в котором мы не принимали бы участия. Но нужно было позаботиться о том, чтобы пошла целая группа. Валлау и я изложили дело, энергично отстояли свою точку зрения, и тотчас же нашлось человек тридцать, которые захотели пойти. В понедельник утром Лупус** мне сказал, что, кроме почетного председателя, старика Меллине, и действительного председателя Жотрана, они должны выбрать еще двух вице-председателей, из которых один — Энбер, а другой должен быть немцем, желательно — рабочим. Валлау,

* — умник. *Ред.*
** — Вильгельм Вольф. *Ред.*

к сожалению, не годится, потому что он не говорит по-французски. Так сказал ему Борншт-тедт. Он, Лупус, ответил, что в таком случае я должен быть вице-председателем. Я тогда предложил Лупусу быть этим вице-председателем, но он категорически отказался. Я этого также не хотел, потому что слишком молодо выгляжу, но в конце концов я решил, что, поскольку возможны всякие случайности, будет лучше, если я соглашусь.

Вечером мы пришли туда[97]. Борншт[едт] притворился, будто ничего не знает, будто ничего еще не подготовлено, кроме кандидатур руководящих лиц (по-прежнему за исключением немца) и нескольких записавшихся уже ораторов, имен которых я не мог узнать, кроме Крюгера и Мораса. Он каждую минуту выбегал по поводу устройства помещения, подбегал то к одному, то к другому, плутовал, интриговал, вилял хвостом изо всех сил. Но пока я не видел еще никаких признаков особой интриги, это обнаружилось только позднее. Мы были в кабачке «Льежуа» на площади Пале де жюстис. Когда дело дошло до выбора руководящих лиц, Борншт[едт], вопреки всякому уговору, предложил Валлау. Этот последний был отведен по его просьбе Вольфом (Лупусом), который предложил меня; это прошло блестяще. Таким образом вся интрига была расстроена и потеряла свой смысл. Тогда они совершенно растерялись и выдали себя. После Энбера, провозгласившего тост за мучеников свободы, я предложил по-французски тост в память революции 1792 г. и предстоящей годовщины 1 вандемьера I года Республики. После меня Крюгер произнес смехотворную речь, в которой он запутался и должен был вытащить свои записи. Затем Морас прочел торжественную проповедь, в которой речь шла главным образом о его собственной персоне. Оба говорили по-немецки. Их тосты были такие путаные, что я их совершенно не запомнил. Затем Пеллеринг говорил по-фламандски, адвокат Спильтхорн из Гента по-французски провозгласил тост в честь английского народа, а затем, к моему величайшему удивлению, горбатый паук Хейльберг выступил с длинной, пошлой, назидательной речью по-французски, в которой он, во-первых, с гордостью назвал себя редактором «Atelier Democratique»; во-вторых, заявил, что *он,* великий Хейльберг, в течение многих месяцев преследовал, — но это надо сказать по-французски: L'association des ouvriers belges, voila le but que Je poursuis depuis quelques mois[*] (то есть с того момента, как Я соизволил ознакомиться с последней

[*] — Ассоциация бельгийских рабочих — вот цель, которую Я преследую в течение нескольких месяцев. *Ред.*

главой «Нищеты философии»). Таким образом, Он преследует эту цель, а не Катс и другие бельгийцы. «Мы вступим на это поприще, придя на смену нашим отцам»* и т. д. Он сделает то, чего не смогли сделать Катс и Жотран. В-третьих, он предложил основать нечто вроде общества «Братские демократы» и снова организовать митинги, в-четвертых, поручить избранному бюро организацию и того, и другого.

Подумать только, какая путаница! Во-первых, смешение космополитической затеи с бельгийскими митингами по поводу бельгийских дел, а во-вторых, передача этого предложения существующему бюро, вместо того чтобы совершенно отказаться от него, поскольку у них все проваливается! А если он исходил из того, что я уезжаю, разве ему не следовало бы знать, что нечего и думать вводить в бюро кого-нибудь другого, кроме тебя? Но этот олух уже заготовил и написал свою речь, и его тщеславие не позволяло ему отказаться от чего бы то ни было, в чем он мог бы проявить свою инициативу. Эта затея, конечно, прошла, а так как она была встречена, правда, весьма неискренними, но громкими криками одобрения, то нечего было и думать о лучшем изложении этого неясного предложения. Потом выступал А. Бартельс (Жюля** не было), а затем попросил слова Валлау. Но каково было мое удивление, когда вдруг вскочил Борнштедт и энергично потребовал слова для Зейлера на том основании, что он еще раньше был внесен в список ораторов. З[ейлер] получил слово и произнес бесконечно длинную, трескучую, глупую, до смешного пошлую, просто позорную речь (по-французски), в которой он говорил ужасный вздор о законодательной, административной и исполнительной власти, давал демократам всякого рода мудрые советы (как и Хейльберг, который молол всякий вздор об образовании и вопросах обучения); затем З[ейлер] стал в позу великого человека, говорил о демократических обществах, в которых он-де участвовал и *которыми, быть может, даже руководил* (буквально), и, наконец, рассказал о своём благородном бюро[98] и последних известиях, полученных из Парижа и т. д. Одним словом, это было отвратительно. После этого говорили еще многие — какой-то осел из Швейцарии, Пеллеринг, Катс (очень хорошо) и т. д., а в 10 часов Жотран (которому было очень стыдно за немцев) закрыл заседание. Вдруг Хейльберг потребовал внимания и заявил, что речь Веерта на конгрессе по вопросу свободы торговли[99] появится завтра в приложении к «Atelier», *которое будет продаваться отдельно!!!* Залевский

* «Марсельеза» (начало седьмого куплета). *Ред.*
** — Жюля Бартельса. *Ред.*

также со слезами говорил о союзе между несчастной Польшей и великой, благородной и поэтической Германией — в конце концов все очень спокойно, но с большим недовольством разошлись по домам. —

Четверг, 30 сентября

С тех пор как это было написано, произошло много нового и многое было решено. Во вторник утром, когда мне стала ясна вся эта интрига, я стал бегать повсюду и организовывать противодействие; еще в 2 часа ночи я забежал к Лупусу в бюро, чтобы узнать, нельзя ли забаллотировать Борнштедта в Рабочем обществе. В среду я побывал всюду, но все считали, что нам этого не удастся добиться. В среду вечером я пришел на заседание Общества; Б[орн]ш[тед]т был уже там, он держался двусмысленно; наконец, Томис принес новый номер газеты*; моя статья против Гейнцена**, которую я принес ему еще в понедельник (в 2 часа дня), но, не застав его, отнес в типографию, *не была помещена.* Я спросил его об этом, и он ответил, что не было места. Я напомнил, о чем ты с ним условился[100]. Он отрицал это; я подождал прихода Валлау, который сказал мне, что места было достаточно, но что во вторник Б[орн]ш[тедт] *велел взять* статью из типографии и не прислал ее обратно. Я пошел к Б[орн]ш[тед]ту и сказал ему об этом в довольно грубом тоне. Он пытался выпутаться. Я опять напомнил об уговоре, но он снова все отрицал, отделываясь всякой болтовней. Я сказал ему несколько грубостей — при этом сидели Крюгер, Жиго, Энбер и др. — и спросил его: «Напечатаете вы эту статью в воскресенье, да или нет?» — «Об этом мы должны еще поговорить». — «Я с вами об этом не стану говорить». — На этом я его оставил.

Заседание началось. Б[орн]ш[тед]т оперся головой на руку и с особым торжеством смотрел на меня. Я также посмотрел на него и ждал, что будет. Выступил г-н Томис, который, как тебе известно, потребовал слова. Он вытащил из кармана написанную речь, которая содержала целый ряд нелепейших выпадов по поводу нашего мнимого спора, и зачитал ее по бумажке. Так продолжалось довольно долго, но когда этому не видно было конца, поднялся всеобщий ропот, многие стали требовать слова, и Валлау призвал Т[омиса] к порядку. Тогда Т[омис] произнес по бумажке шесть бессмысленных слов по этому вопросу и сел на место. После этого выступил Гесс и очень хорошо нас защищал. За ним — Юнге. Затем выступил парижский

* — «Deutsche-Brusseler-Zeitung». *Ред.*
** *Ф. Энгельс.* «Коммунисты и Карл Гейнцен». *Ред.*

Вольф*, который, правда, три раза запнулся, но был встречей горячими аплодисментами. Затем говорили еще многие другие. Вольф сознался, что мы возражали только для вида. Поэтому мне пришлось выступить. Я говорил, — к величайшему смущению Б[орн]ш[тед]та, который воображал, что я больше всего занят личными дрязгами, — итак, я говорил о революционной стороне протекционистской системы, совершенно игнорируя вышеупомянутого Томиса, и поставил новый вопрос. Принято. — Пауза. — Б[орн]ш[тед]т, сильно потрясенный моей резкостью по отношению к нему, полным провалом Томиса (в его речи чувствовался Б[орн]ш[тед]т) и особенно резкостью, с которой я закончил свою речь, подошел ко мне: «Но, милое дитя, вы так сильно горячитесь» и т. д. Одним словом, я должен был подписать статью. — «Нет». — «Тогда нам надо, по крайней мере, столковаться относительно краткого введения от редакции». — «Хорошо, завтра в одиннадцать часов в кафе «Сюисс»».

Затем перешли к приему Б[орн]ш[тед]та, Крюгера и Вольфа. Первым встал Гесс и задал Борнштедту два вопроса относительно собрания в понедельник. Б[орн]ш[тед]т отделался ложью, а Гесс был настолько малодушен, что объявил себя удовлетворенным. Юнге напал на Б[орн]ш[тед]та лично по поводу его поведения в Обществе и за то, что он ввел Зандкуля под чужим именем. Фишер очень энергично выступил против Б[орн]ш[тед]та, не сговорившись предварительно с нами, но говорил он очень хорошо. Так же выступали еще многие другие. Одним словом, упоенному победой г-ну фон Борнштедту пришлось форменным образом пройти сквозь строй рабочих. Ему задали изрядную трепку, и он — он, который считал, что, подарив книги, совершенно втерся в доверие, — был так потрясен, что мог отвечать только слабо, уклончиво, сдержанно, несмотря на то, что Валлау фанатически стоял на его стороне, плохо вел собрание и позволял ему каждую минуту прерывать ораторов. Все еще было неопределенно, когда Валл[ау] попросил предложенных кандидатов удалиться и приступил к голосованию. *Крюгер,* предложенный мной как *в высшей степени безобидный человек, который не сможет повредить Обществу,* был безоговорочно поддержан Вольфом и прошел. По поводу Б[орн]ш[тед]та Валл[ау] выступил с длинной резкой речью в его защиту. Тогда выступил я, разоблачил всю интригу, поскольку она касалась Общества, опроверг одну за другой все увертки Б[орн]ш[тед]та и, наконец, заявил: «Б[орнштедт]

* — Фердинанд Вольф. *Ред.*

интриговал против нас, хотел составить нам конкуренцию, но мы победили и поэтому можем теперь допустить его в Общество». Во время этой речи, — это была самая лучшая речь, какую я когда-либо произносил, — меня часто прерывали аплодисментами; особенно когда я сказал: «эти господа думали, что победа уже на их стороне, потому что я, ваш вице-председатель, уезжаю отсюда, но они не подумали о том, что среди нас есть человек, которому это место принадлежит по праву, единственный человек, который может здесь, в Брюсселе быть представителем немецких демократов, — это Маркс», — тут раздались громкие аплодисменты. Одним словом, после меня больше никто не выступал, и, таким образом, Б[орн]ш[тед]т даже не удостоился чести быть выброшенным. Он стоял за дверью и все слышал. Я охотнее сказал бы это в его присутствии, но другого выхода не было, так как я должен был беречь свои силы для последнего удара, а Валл[ау] прекратил дискуссию. Но он, подобно Вольфу и Крюгеру, слышал все до единого слова. В противоположность ему Вольф прошел почти блестяще.

Короче говоря, на вчерашнем заседании Б[орн]ш[тед]т, Крюгер и другие были так посрамлены, что они из приличия не могут показываться в Обществе, и этого с них надолго хватит. Но они, конечно, придут; этот наглец Б[орн]ш[тед]т был совершенно убит тем, что мы оказались еще бесцеремоннее его, что все планы его потерпели полную неудачу и что мы так решительно выступили против него. Он не нашел ничего лучшего, как бегать по Брюсселю и везде жаловаться на свой позор — последняя степень падения. Он в ярости вернулся в зал, но был совершенно бессилен, и когда я попрощался с Обществом и был отпущен с надлежащим почетом, он в ярости ушел. Во время дебатов о нем присутствовал Бюргерс, который приехал сюда третьего дня вечером.

Наши рабочие во всей этой истории вели себя *прекрасно;* ни одним словом не было упомянуто о подаренных 26 книгах и 27 географических картах; они отнеслись к Б[орн]ш[тед]ту с величайшей холодностью и беспощадностью, и когда я заключал свою речь, то в моей власти было провалить его огромным большинством. Это признает даже Валл[ау]. Но мы поступили с ним хуже, мы приняли его, но с позором. На Общество эта история произвела прекрасное впечатление; в первый раз рабочие сыграли решающую роль, овладели собранием, несмотря на все интриги, и призвали к порядку человека, который хотел играть среди них видную роль. Только несколько конторщиков и т. п. остались недовольны, вся масса с энтузиазмом нас поддер-

живает. Они почувствовали, какую силу они представляют, когда они объединены.

Сегодня утром я пошел в кафе «Сюисс», однако Б [орн]ш[тедт], конечно, не явился. — Но меня встретили Веерт и Зейлер, они только что говорили с Б[орн]ш[тед]том, и Зейлер был сама покорность и подобострастие. Я, конечно, не обращал на него никакого внимания. Вчерашнее заседание носило, впрочем, такой драматический характер, протекало и развертывалось так удачно, что парижский Вольф из одного только эстетического чувства по этому поводу сразу взял нашу сторону. Сегодня я был также у А. Бартельса и заявил ему, что Немецкое общество не несет никакой ответственности за все, что произошло в понедельник, что Крюгер, Б[орн]ш[тед]т, Морас, Зейлер, Хейльберг и др. не были даже его членами и что вся эта история, происшедшая без ведома Немецкого общества, имела, по-видимому, целью составить конкуренцию Обществу. Письмо такого же содержания, подписанное всеми членами комитета, завтра будет отправлено также Жотрану. К Энберу я завтра пойду вместе с Лупусом. Затем я написал следующее письмо Жотрану по поводу остающегося, благодаря моему отъезду, вакантного места в организационном комитете брюссельских «Братских демократов»:

«Милостивый государь! Так как я вынужден уехать из Брюсселя на несколько месяцев, я не смогу выполнять те обязанности, которые возложило на меня собрание 27-го сего месяца.

Поэтому я прошу Вас привлечь кого-нибудь из немецких демократов, проживающих в Брюсселе, к участию в работе комитета, которому поручено организовать международное демократическое общество.

Я позволю себе предложить Вам того из немецких демократов Брюсселя, на которого собрание, если бы он мог на нем присутствовать, возложило бы те обязанности, которые ввиду его отсутствия оно доверило мне. Я говорю о г-не Марксе, который, по моему глубокому убеждению, имеет наибольшее право представлять в комитете немецкую демократию. Таким образом, не г-н Маркс заменит меня в комитете, а наоборот, я на собрании заменял г-на Маркса. Примите и пр.»

Дело в том, что я уже раньше условился с Жотраном, что я письменно извещу его о своем отъезде и предложу ввести тебя в комитет. Жотран также в отъезде и вернется через две недели. Если из этой истории ничего не выйдет, что я считаю вероятным, то провалится предложение Хейльберга; если же из этого что-нибудь выйдет, то окажется, что именно мы осуществили это дело. Во всяком случае мы добились того,

что ты, а после тебя я, признаны представителями немецких демократов в Брюсселе, и вообще вся интрига с треском провалилась.

Сегодня вечером было заседание общины[101], Я председательствовал. За исключением Валл[ау], который, впрочем, уже склонился на нашу сторону и вчерашнее поведение которого может быть оправдано различными причинами, основательность которых я признал, — за этим исключением, таким образом, торжество по поводу истории с Б[орн]ш[тед]том было единодушным. Эти люди начинают чувствовать свое значение. Они впервые выступили как организация, как сила по отношению к другим людям, и чрезвычайно гордятся тем, что все сошло так гладко и что они одержали такую блестящую победу. Юнге на седьмом небе. Ридель не знает, что делать от радости, даже маленький Онеманс торжествует, как драчливый петух. Словом, я еще раз должен повторить, что эта история вызвала подъем внутри Общества и рост его влияния вовне и в дальнейшем будет оказывать такое же действие. Люди, которые вообще никогда не выступают, напали на Б[орн]ш[тед]та. И даже интрига нам помогла: с одной стороны, Б[орн]ш[тед]т везде говорил, что демократическое Немецкое рабочее общество устроило это собрание, а с другой стороны, мы все это отрицали, и благодаря и тому, и другому обстоятельству об Обществе заговорили среди бельгийских демократов и его считают очень важной, более или менее таинственной силой, «Немецкая демократия становится большой силой в Брюсселе», — сказал сегодня утром Бартельс.

Между прочим, ты также фигурируешь в письме комитета к Жотрану, Жиго будет подписывать в качестве секретаря, замещающего Маркса.

Устраивай же поскорее твои денежные дела и возвращайся сюда. Я горю от нетерпения уехать, а между тем мне приходится здесь выжидать окончания всех этих интриг. Теперь я никак не могу уехать. Чем скорее, следовательно, ты приедешь, тем лучше. Только урегулируй сперва свои денежные дела. Я во всяком случае останусь на своем посту, пока это будет возможно, если удастся — то до тех пор, пока ты приедешь. Но именно потому желательно, чтобы ты поскорее приехал.

Твой ***Энгельс***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briffwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого и французского

21
ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

В БРЮССЕЛЬ

Париж, [25]—26 октября 1847 г.

Дорогой Варфоломей!

Только сегодня могу тебе написать, потому что только сегодня мне удалось поймать маленького Луи Блана — после отчаянной борьбы с консьержкой. Результат моих долгих переговоров с ним сводится к тому, что маленький человек на все согласен. Он был сама вежливость и любезность и, кажется, ничего так сильно не желал, как вступить с нами в самые тесные сношения. Ему также совершенно чужда свойственная французам покровительственная манера. Я писал ему, что приду к нему с официальными полномочиями от лондонских, брюссельских и рейнских демократов, а также как представитель чартистов. Он подробно справлялся обо всем; я описал ему состояние нашей партии, как весьма блестящее, говорил о Швейцарии, о Якоби, о баденцах как о наших союзниках и т. д.

Сказал, что ты стоишь во главе: «Вы можете считать г-на М[ар]кса главой нашей партии (то есть наиболее передовой фракции немецкой демократии, в качестве представителя которой я перед ним выступал), а его последнюю книгу против г-на Прудона* — нашей программой». На это он обратил большое внимание. В конце концов он мне обещал высказаться в «Reforme» о твоей книге. Он рассказал мне многое о подспудном движении, которое теперь происходит среди рабочих; сказал, что рабочие дешево напечатали 3000 экземпляров его «Организации труда» и что через две недели понадобилось новое издание в 3000 экземпляров; он говорил, что рабочие теперь более революционно настроены, чем когда-либо, но научились выжидать, не устраивать мятежей, а наносить только решительные удары с *уверенностью* в успехе и т. д. Впрочем, он, очевидно, отучился от покровительственной манеры и по отношению к рабочим.

«Когда я вижу такие вещи, как эта новая программа г-на де Ламартина, мне становится смешно! Чтобы правильно судить о современном состоянии французского общества, надо занимать такое положение, которое дает возможность иметь представление обо всем, посещать утром министра, после обеда торговца, а вечером — рабочего. Ближайшая революция будет носить

* *К. Маркс.* «Нищета философии». *Ред.*

совершенно другой характер и будет гораздо более решительной, чем все прежние, и просто глупо постоянно выступать только против королей и т. д.»

В конце концов он был очень любезен и радушен. Как видишь, с этим человеком все в порядке, у него самые лучшие намерения. О тебе он говорил с большой симпатией. Ему очень жаль, что вы расстались несколько холодно и т. д. Он все еще очень склонен к изданию в Париже немецкого *и* французского обозрения. Может быть, впоследствии этим можно будет воспользоваться. — Относительно Руге, о котором он расспрашивал, я сказал ему неприятные вещи: «он стал панегиристом прусского ландтага, даже после того как ландтаг был распущен без всякого результата»[102]. — «Значит, он сделал шаг назад?» — «Конечно».

С отцом Флоконом я также в самых лучших отношениях. К нему я явился вначале в качестве представителя англичан и спросил его по поручению Гарни, почему он так игнорирует «Star». Да, сказал он, ему очень жаль, ему бы очень хотелось написать об этой газете, но в редакции нет никого, кто знал бы английский язык! Я предложил ему каждую неделю писать для него статью, на что он согласился с большой охотой. Когда я сказал ему, что состою корреспондентом «Star», он был очень тронут. Если так будет продолжаться, то мы через месяц привлечем на свою сторону все это направление. Флокон хочет получить у меня записку о чартизме для личного пользования, он не имеет ни малейшего представления о нем. Я сейчас пойду к нему и постараюсь завлечь его дальше в наши сети. Я скажу ему, что «Atelier» делает мне предложения (что в самом деле верно, я еще сегодня вечером пойду туда), но я их отклоню, если он, Флокон, будет подобающим образом вести себя. Это тронет его благородное сердце. — Если я пробуду здесь еще немного и стану лучше писать по-французски, то я закину удочку в «Revue independante». —

Я совершенно забыл спросить Л. Блана, почему он не принял твоей статьи о конгрессе[103]. Я упрекну его в этом в следующий раз, когда он ко мне придет. Между прочим, я сомневаюсь, *получил ли он вообще* твою книгу*. Он совершенно не мог этого вспомнить сегодня. Перед моим отъездом он также *очень неопределенно* говорил об этом. Я выясню это через несколько дней. Если у него нет книги, я дам ему свой экземпляр. —

Представь себе, этот маленький Бернайс, который бегает здесь повсюду и изображает из себя всеми покинутого

* *К. Маркс.* «Нищета философии». *Ред.*

«мученика», «который всем помогал деньгами или добрым советом» (буквально), эта скотина имеет a horse and gig — лошадь и кабриолет! Конечно, это принадлежит Бёрншт[ейн]у, но ведь это все равно. Тот же самый субъект, который сегодня изображает из себя несчастного мученика, нуждающегося в деньгах, завтра хвастается тем, что он единственный человек, *который умеет зарабатывать деньги.* Он написал 21 лист (!) о деле Пралена[104]; книга выйдет в Швейцарии. Суть его книги состоит в том, что мучеником является герцог, а не герцогиня!! На его хвастовство о мученичестве я ответил ему требованием вернуть мне старый долг в 60 франков. Он становится настоящим дельцом и хвастает этим. Впрочем, он сумасшедший. — Даже сам Эвербек злится на него.

Кабе я еще не видел. Он, как видно, рад, что уезжает, так как заметил, что положение здесь начинает становиться шатким и неустойчивым. Флокон хочет начать действовать, а Л. Блан этого не хочет; это совершенно правильно, хотя Л. Бл[ан] также участвует в разных историях и заранее радуется, что буржуазия вдруг лишится своей безопасности, если внезапно вспыхнет революция.

———

Я был у отца Флокона. Этот славный человек отнесся ко мне исключительно сердечно, и честная откровенность, с которой я рассказал ему свою историю с «Atelier», растрогала его почти до слез. От «Atelier» я перешел к разговору о «National»: «Когда мы в Брюсселе обсуждали вопрос, к какой фракции французской демократии следует обратиться, мы все пришли к единодушному мнению, что прежде всего надо завязать сношения с «Reforme», потому что за границей существует сильное и вполне обоснованное предубеждение против «National». Прежде всего национальные предрассудки этой газеты мешают всякому сближению». «Да, да, это верно», — сказал Флокон, — «и это даже послужило причиной основания «Reforme»; мы с первого же дня заявили, что не хотим завоеваний». «И затем», — продолжал я, — «если верить моим предшественникам, так как сам я никогда не был в редакции «National», эти господа всегда делают вид, что желают покровительствовать иностранцам, что, впрочем, вполне согласуется с их национальными предрассудками; но мы не нуждаемся в их покровительстве, нам не нужны покровители, мы хотим иметь союзников». — «О, да, но мы — совсем другое дело, мы об этом и не думаем». — «Это верно, и я могу только с похвалой отозваться о поведении господ из «Reforme»».

Напоминание о наших делах маленькому Блану очень помогло. Твою речь для конгресса он, по-видимому, куда-то далеко засунул; сегодня он тотчас же отыскал ее и послал Флокону с настойчивой просьбой немедленно напечатать. Я объяснил Флокону, в чем дело. Этот человек не понял, сиг, quomodo, quando*, так как Бл[ан] послал ее ему без всяких объяснений. Фл[окон] очень сожалел, что вещь эта уже так устарела; он полностью ее одобряет, но теперь уже слишком поздно. Однако он посмотрит, нельзя ли использовать ее в статье. Он сказал, что сделает все возможное.

Статья в «Reforme» о благих пожеланиях Ламартина написана Л. Бл[аном], как ты, очевидно, понял. Она недурна, во всех отношениях в тысячу раз лучше, чем неизменные статьи Флокона. Он, наверное, более резко напал бы на Ламартина, если бы именно теперь тот не был его конкурентом.

Как видишь, эти люди как нельзя лучше расположены к нам. Я уже теперь в гораздо лучших отношениях с ними, чем был когда-либо Эверб[ек]. Ему я теперь совершенно запрещу писать для «Reforme». Он может, черт его побери, убираться в «National» и там составить конкуренцию Венедею и К°; там он будет безвреден, и его не будут печатать.

Затем я был еще в «Atelier». Я принес поправку к статье об английских рабочих в прошлом номере. Эта поправка также будет напечатана**. Эти господа были очень любезны. Я рассказал им кучу анекдотов об английских рабочих и т. д. Они убедительно приглашали меня сотрудничать, однако я пойду на это лишь в крайнем случае. Подумай только, главный редактор находит, что было бы очень хорошо, если бы английские рабочие послали адрес французским рабочим с предложением выступить против движения в пользу свободы торговли и за организацию труда в национальном масштабе. Какое героическое самопожертвование! Но с этим планом он провалился даже среди своей собственной публики.

Впрочем, мне не пришлось делать никаких уступок этим людям. Л. Блану я сказал, что мы согласны с ними во всех практических и актуальных вопросах и что в чисто теоретических вопросах мы идем к одной цели; что принципы, изложенные в первом томе его книги***, во многих отношениях сходятся с нашими; что же касается остального, то он найдет более подробное изложение в твоей книге. Что касается вопроса о религии, то мы считаем его совершенно второстепенным вопросом,

---

* — почему, как, когда. *Ред.*

** *Ф. Энгельс.* «Хозяева и рабочие в Англии». *Ред.*

*** *Л. Блан.* «История французской революции». *Ред.*

который никогда не должен служить поводом для ссоры между людьми, принадлежащими к одной и той же партии. При всем том дружеская дискуссия по теоретическим вопросам вполне возможна и даже желательна, с чем он был совершенно согласен.

Лупус* был совершенно прав, предполагая, что я очень скоро встречу здесь членов дирекции[105]. Не прошло и трех дней со времени моего приезда сюда, как я на Итальянском бульваре попал прямо в объятия к Зейлеру. Вы, вероятно, уже давно знаете, что он совершенно прогорел и не думает о возвращении. Он бегает по разным французским корреспондентским бюро и ищет заработка. Я его с тех пор больше не встречал и не знаю, в каком положении его дела. Если он вмешается в дела с «Reforme», то придется его дезавуировать.

Спроси у проклятого Борнштедта, что это значит, почему он не присылает мне своей газеты**. Я не могу вечно бегать за ней к штраубингерам. Если он сошлется на то, что не знает моего адреса, то сообщи ему его: 5, rue Neuve Saint-Martin. Я пошлю ему несколько статей, как только будет какая-нибудь возможность. —

У штраубингеров царит невероятная сумятица. За несколько дней до моего приезда были вышвырнуты последние грюнианцы, целая община, из которой половина, однако, вернется обратно. Нас теперь всего-навсего 30 человек. Я сразу же организовал пропагандистскую общину, бегаю целый день и поучаю. Я тотчас же был выбран в окружной комитет, и мне было поручено ведение корреспонденции. Предлагается принять 20—30 кандидатов. Мы скоро будем опять сильнее. С Мозесом*** я, *между нами будь сказано,* сыграл дьявольскую штуку. Ему все же удалось провести божественно исправленный катехизис[106]. И вот в прошлую пятницу я его разобрал на заседании окружного комитета, вопрос за вопросом, и не успел еще дойти до середины, как публика объявила себя удовлетворенной. *Без всяких возражений* мне было поручено составить новый катехизис****, который в следующую пятницу будет обсужден на заседании окружного комитета и отправлен непосредственно в Лондон, *без ведома здешних общин.* Но об этом, конечно, ни один черт не должен знать, иначе нас всех сместят и получится ужасный скандал.

Борн будет у вас в Брюсселе, он едет в Лондон[107]. Может быть, он прибудет еще до получения этого письма. Он настолько

---

* — Вильгельм Вольф. *Ред.*
** — «Deutsche-Brusseler-Zeitung». *Ред.*
*** — Гессом. *Ред.*
**** *Ф. Энгельс.* «Принципы коммунизма». *Ред.*

безрассуден, что проедет вниз по Рейну через Пруссию, если только его не поймают. Когда он придет, накачай его еще немного, этот парень лучше всех усваивает наши взгляды, и он может нам быть очень полезен в Лондоне, если его немного подготовить.

Ах, боже мой, ведь я чуть не забыл обо всем этом потоке грязи, которым облил меня с альпийских высот великий Гейнцен[108]. Просто счастье, что это все напечатано в одном номере прямо подряд, — никто не в состоянии будет добраться до конца, я сам должен был несколько раз передохнуть. Такой болван! Если я прежде говорил, что он не умеет писать, то теперь я должен прибавить, что он не умеет и читать, и в четырех действиях он, по-видимому, также не очень силен. Этому ослу следовало бы прочесть письмо Ф. О'Коннора к радикальным газетам в последнем номере «Star», которое начинается и кончается словами «негодяи вы этакие»[109], и тогда он увидел бы, какой он жалкий неуч по части ругани. Но ты задашь хорошую головомойку этому неотесанному болвану. Очень хорошо, что ты ответишь совсем *кратко*. *Я* лично не смог бы ответить на такие нападки, это абсолютно невозможно — разве только пощечинами.

Вторник

Моя статья помещена в «Reforme»*. Странно, что Флокон не изменил в ней ни одного слова. Это меня очень удивляет.

У отца Гейне я еще не был. Ты можешь себе представить, как я чертовски занят всеми этими делами, мне приходится страшно много бегать и писать.

В Эльберфельд я написал насчет свободы торговли и покровительственных пошлин и каждый день ожидаю ответа. Отвечай поскорее. Привет твоей жене и детям.

Твой ***Энгельс***

Непременно прочти статью О'Коннора против шести радикальных газет в последнем номере «Star» — это шедевр гениальной ругани, часто лучше Коббета, напоминает Шекспира.

Какая муха укусила бедного Мозеса, который беспрестанно помещает в газете свои фантазии о последствиях пролетарской революции[110]?

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого и французского

* *Ф. Энгельс.* «Торговый кризис в Англии. — Чартистское движение. — Ирландия». *Ред.*

22

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

В БРЮССЕЛЬ

Париж, [14—]15 ноября 1847 г.

Дорогой Маркс!

Только вчера я, наконец, неожиданно узнал, после того как я неоднократно посылал вышеупомянутого Рейнхардта к Франку по поводу твоей книги*, что эта собака Франк вначале разослал французам много бесплатных экземпляров, требуя везде по 15 су за расходы, и что он отовсюду получил обратно эти экземпляры. После этого возвращенные экземпляры вместе с остальными, еще не отосланными, *преспокойно лежали у него,* и *только теперь, несколько дней тому назад* он отправил их адресатам, не требуя уже на этот раз 15 су. Заговор молчания устроил, таким образом, г-н Франк! Я тотчас же побежал к Л. Блану, которого я за несколько дней до этого опять не застал, потому что он был в карауле (этот маленький человечек — в медвежьей шапке!); на этот раз я его застал, но *экземпляр еще не был получен!* Свой собственный экземпляр я, наконец, получил обратно, в случае надобности он может пригодиться. Сегодня, в воскресенье, ничего нельзя предпринять. Р[ейн]х[ар]дту я назначил свидание на завтра, он немедленно должен отправиться со мной к Франку, что должно было произойти гораздо раньше, но не было сделано только из-за небрежности этого Р[ейн]х[ар]дта. Он должен познакомить меня с Фр[анком], потому что у меня нет никакой рекомендации к этому субъекту. Я получу экземпляр книги для Л. Бл[ана] и тотчас же отнесу ему. И что за осел этот Флокон! Л. Бл[ан] сказал мне вчера, что Фл[окон] нашел твою статью о свободе торговли[111] *несколько путаной!!!!* Сам он путаник, это животное! Я, конечно, возражал. «О, — сказал этот маленький человечек, — я этого не нахожу, напротив, статья мне очень понравилась, и я в самом деле не знаю, что г-н Флокон... впрочем» (с несколько двусмысленной гримасой по адресу Флокона), «это его слова». Вообще, состав редакции «Reforme» как нельзя более скверный. Статьи об английском кризисе и все экономические статьи вообще пишет какой-то никчемный важничающий penny-a-liner**, который, вероятно, изучал эти вопросы по биржевым статьям какого-нибудь корреспондентского бюро и на все смотрит глазами парижского третьестепенного контор-

* *К. Маркс.* «Нищета философии». *Ред.*
** — строчкогон. *Ред.*

щика, состоящего на службе у банкира четвертого разряда и судящего обо всем с непогрешимостью «empiric»*, как говорят англичане. Флокон ничего в этом не смыслит и с каждым днем представляется мне все более ограниченным. Это человек, имеющий добрые намерения, — вот самое большее, что можно о нем сказать. Л. Блан тоже не скрывает своего презрения к нему.

Понедельник

Проклятого Рейнх[ардта] я не застал. Сегодня вечером я опять пойду к нему. До завтра я должен во что бы то ни стало уладить всю эту историю. Если я не напишу тебе тотчас же, значит, все в порядке.

Вчера вечером были выборы делегатов[112]. После очень беспорядочного заседания я был выбран двумя третями голосов. На этот раз я совершенно не интриговал, к тому же для этого было мало поводов. Оппозиция была только для видимости; для виду был предложен один рабочий, но те, которые его предложили, голосовали за меня.

Деньги прибывают. Напиши, поедешь ли ты и Тедеско. Ведь если вы не сможете туда поехать, то не могу же я отправиться туда один и один участвовать в конгрессе, — это было бы бессмысленно. Если вы оба не сможете приехать, то дело провалится и должно быть отложено на несколько месяцев. В таком случае напиши в Лондон, чтобы об этом можно было еще вовремя сообщить повсюду. —

Флокон сказал также Л. Бл[ану], что в твоей статье придется сделать кое-какие изменения, именно для того, чтобы она стала более «ясной» и могла быть принята. Л. Бл[ан] просил меня еще раз напомнить Фл[окону] о статье от его имени; но при таких обстоятельствах я считаю более правильным отказаться от этого дела. Недоставало еще, чтобы Флокон исправлял эту статью! Не могу понять этой тупой ограниченности; как я уже писал, Бл[ану] в какой-то степени было стыдно передо мной за своего коллегу. Но что тут поделаешь! Я предоставлю Фл[окону] делать, что ему угодно, не буду пускаться с ним в рассуждения и постараюсь иметь дело главным образом с Л. Бл[аном], так как он все же самый разумный из них всех. В «National» абсолютно ничего нельзя сделать, газета с каждым днем становится все ограниченнее и все больше и больше сближается с Барро и Тьером, что доказывает банкет в Лилле[113].

Зейлер, вероятно, писал уже тебе, что твоя книга очень плохо расходится здесь. Это неправда. Франк сказал Р[ейн]-

* — «практика». *Ред.*

х[ар]дту, что он, в общем, доволен продажей. Несмотря на его нелепое поведение, он продал уже, кажется, около 40 экземпляров. В следующем письме напишу об этом подробнее. Зейлер утверждает, — он недавно был у меня и, встретив очень холодный прием, больше не приходил, — что он оставил в Брюсселе постельные принадлежности, мебель и бумагу и т. п. в достаточном количестве, чтобы выручить Вольфа и Хейльберга. Если это так, то смотри, чтобы при этом Хейльберг, по крайней мере, не надул Лупуса*. Но это, по-видимому, просто хвастовство.

На новом займе Ротшильд заработал 10 миллионов франков — 4% чистой прибыли.

По дороге в Лондон я не смогу заехать в Брюссель — у меня слишком мало денег. Нам придется назначить друг другу свидание в Остенде — 27-го (в субботу) вечером, а в воскресенье переехать Ла-Манш, чтобы мы могли в понедельник начать работу. Может быть, в понедельник, 29-го, в польскую годовщину, «Братские демократы» устроят что-нибудь, и нам надо будет присутствовать там[114]. Это было бы очень хорошо. Ты произнесешь в Лондоне речь по-французски, которую мы тогда поместим в «Reforme». Немцы обязательно должны что-нибудь *сделать,* чтобы иметь возможность выступать у французов. Одна речь принесет больше пользы, чем десять статей и сто визитов.

Ты, вероятно, читал в «Northern Star» за 2 октября предложение Гарни и «Братских демократов» о созыве демократического конгресса. Поддержи это предложение. Я поддержу его у французов. Можно попытаться устроить его в будущем году в Лондоне, может быть одновременно с нашим конгрессом. Если демократический конгресс состоится, то это окажет на французов очень хорошее влияние, и они станут немного скромнее. Если же он не состоится, то неудача произойдет из-за французов, и они, по крайней мере, вынуждены будут объясниться. Если бы конгресс мог состояться в Брюсселе, то было бы еще лучше, в Лондоне Фергюс** мог бы наделать глупостей.

Других новостей нет. Отдай прилагаемое Б[орн]ш[те]дту и напиши мне поскорее, едешь ли ты в Лондон.

Твой **Э.**

Пиши по адресу художника***, если он у тебя еще имеется. Так лучше.

---

* — Вильгельма Вольфа. *Ред.*
** — О'Коннор. *Ред.*
*** — А. Ф. Кёрнера, *Ред.*

Гейне просит кланяться. Он очень слаб и выглядит немного вялым. Кто, собственно, послал твою статью Л. Бл[ану]? Он говорит, что письмо было подписано совершенно неизвестным именем. Возможно, это и послужило причиной того, что статья пролежала у него так долго.

[Надпись на обороте письма]

Г-ну Карлу Марксу. 42, rue d'Orleans. Faubourg d'Ixelles. Bruxelles.

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

23

ЭНГЕЛЬС— МАРКСУ

В БРЮССЕЛЬ

[Париж], вторник вечером,
[23—24 ноября 1847 г.]

Дорогой Маркс!

Только сегодня вечером окончательно выяснилось, что я приеду*. Итак, встреча в субботу вечером в Остенде, в гостинице «Корона», у бассейна напротив вокзала, а в воскресенье утром — через Ла-Манш. Если вы выедете поездом, который отходит между четырьмя и пятью, то вы приедете приблизительно в одно время со мной.

Если, вопреки ожиданию, окажется, что в воскресенье нет почтового парохода на Дувр, то сообщи мне об этом немедленно. Это значит, что, поскольку мое письмо ты получишь в четверг утром, ты должен будешь немедленно навести справки и ответить мне, если понадобится, в тот же вечер, сдав письмо на главный почтамт, по-видимому, до 5 часов. Итак, если ты хочешь что-либо изменить в нашей встрече, то время еще есть. Если в пятницу утром письма от тебя не будет» то я буду рассчитывать встретить вас с Тедеско в субботу вечером в «Короне». У нас тогда останется еще достаточно времени, чтобы обо всем договориться. Этот конгресс будет решающим, *так как на этот раз все будет в наших руках*[115].

* См. настоящий том, стр. 100. *Ред.*

Я все никак не могу понять, почему ты не запретишь Мозесу[*] печатать свои сплетни. Здесь это создает ужасную путаницу и вынуждает меня выступать с длиннейшими возражениями перед рабочими. Целый ряд заседаний округа был потрачен на это, а в общинах невозможно было даже решительно выступать против этой «залежалой» чепухи, в особенности перед выборами об этом нельзя было и думать.

Л. Блана я надеюсь еще завтра встретить. Если же это не удастся, то послезавтра я во всяком случае увижу его. Если я не буду иметь возможности что-нибудь сообщить еще в этом же письме, то ты узнаешь новости в субботу.

Между прочим, Рейнхардт говорил мне вздор о количестве проданных экземпляров — не 37, а *96* было продано неделю тому назад. В тот же день я сам отнес Л. Блану твою книгу[**]. Все экземпляры были разосланы по назначению; они не были посланы только Ламартину (его здесь нет), Л. Бл[ану] и Видалю, адреса которого нельзя найти. Я распорядился передать книгу в «Presse». — Надо, впрочем, заметить, что экспедиция у Франка была действительно ужасно плохо поставлена.

Позаботься, по крайней мере, чтобы Мозес во время нашего отсутствия не наделал глупостей! Итак, до свидания!

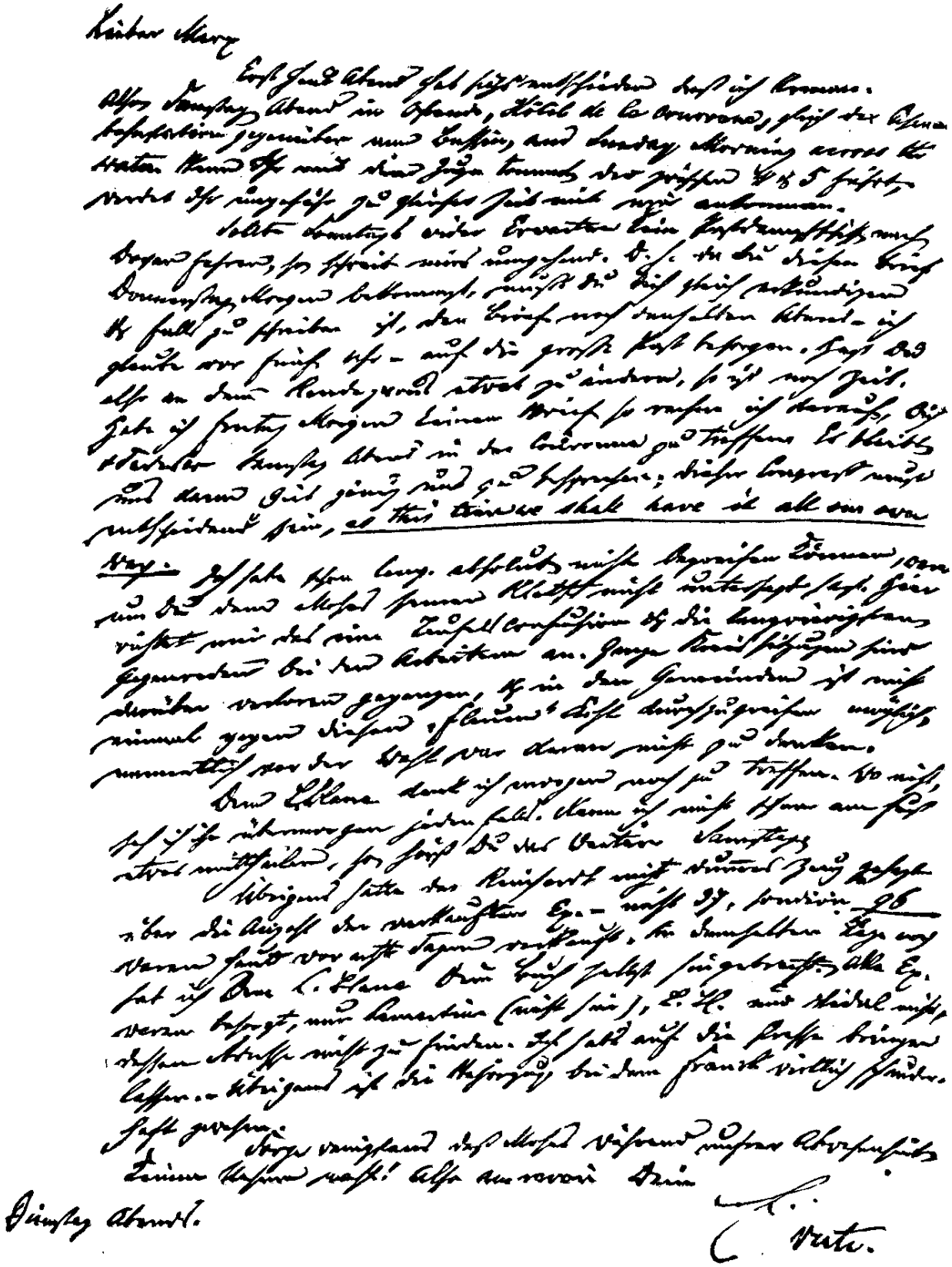
Твой ***Э.***

Verte[***].

Подумай над «Символом веры». Я считаю, что лучше всего было бы отбросить форму катехизиса и назвать эту вещь «Коммунистическим *манифестом».* Ведь в нем придется в той или иной мере осветить историю вопроса, для чего теперешняя форма совершенно не подходит. Я привезу с собой здешний проект, составленный мною[****]. Он написан в простой повествовательной форме, но ужасно плохо, наспех отредактирован. Я начинаю с вопроса, что такое коммунизм, и затем перехожу прямо к пролетариату — история его происхождения, отличие от прежних работников, развитие противоположности пролетариата и буржуазии, кризисы, выводы. Попутно — различные второстепенные вещи, и в конце партийная политика коммунистов, поскольку о ней можно говорить открыто. Здешний проект целиком еще не утверждался, но я надеюсь добиться того, чтобы в него не попало — за исключением некоторых, не имеющих значения мелочей — ничего такого, что противоречило бы нашим взглядам.

---

[*] — Гессу. *Ред.*
[**] *К. Маркс.* «Нищета философии». *Ред.*
[***] — Смотри на обороте. *Ред.*
[****] *Ф. Энгельс.* «Принципы коммунизма». *Ред.*



Первая страница письма Энгельса Марксу,
23—24 ноября 1847 года

Среда утром

Только что получил твое письмо, на которое уже ответил вышесказанным. У Л. Бл[ана] я был. Мне с ним удивительно не везет — он уехал; *может быть,* он сегодня вернется. Завтра, а в случае необходимости послезавтра, я опять пойду к нему.

В пятницу вечером я не смогу еще быть в Остенде, потому что деньги будут собраны только к пятнице.

Твой двоюродный брат Филипс был сегодня утром у меня.

Борн составит очень хорошую речь, если ты его немного накачаешь. Хорошо, что немцы представлены рабочим. Но Лупуса* надо решительно отучить от чрезмерной скромности. Этот славный малый — один из тех немногих, которых приходится *выдвигать* на первый план. Ради бога, только не посылайте Веерта в качестве делегата! Он всегда был слишком ленив, и только успех одного дня на конгрессе[116] заставил его втянуться в работу! И, вдобавок, он хочет еще быть независимым членом. Пусть он остается в своей сфере.

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Ensgels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

* — Вильгельма Вольфа. *Ред.*

1848 год

24
ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ [117]

В БРЮССЕЛЬ

Париж, 14 января 1848 г.

Дорогой Маркс!

Если я не писал тебе, то причина заключалась в том, что до сегодняшнего дня я все никак не мог поймать проклятого Луи Блана. Несомненно, он устраивает это намеренно. Но все-таки я его поймаю — я буду ходить туда ежедневно или подстерегу его в кафе. Напротив, с отцом Флоконом можно иметь дело. Он восхищен тем, как «Brusseler-Zeitung» и «Northern Star» защищали «Reforme» против «National»[*]. Его не смутила даже критика в адрес Л. Бл[ана] и Ледрю-[Роллена], а также мое заявление, что мы в Лондоне решили теперь выступать публично в качестве коммунистов. Разумеется, он выдвигает против этого ряд великолепных доводов: «Вы приведете к деспотизму, вы погубите революцию во Франции; у нас одиннадцать миллионов мелких крестьян, которые в то же время являются самыми рьяными собственниками» и т. д., хотя он ругал также и крестьян, — но «в конце концов, — сказал он, — наши принципы настолько близки друг другу, что мы должны идти вместе; что касается нас, то мы будем вас поддерживать по мере наших сил» и т. п.

История с Мозесом[**] очень забавна, хотя мне и было досадно, что она получила огласку. В Брюсселе, кроме тебя, об этом знали только Жиго и Лупус[***] — и Борн, которому я

---

[*] *Ф. Энгельс.* «Газеты «Reforme» и «National»». ««Удовлетворенное» большинство. — Проект «реформы», выдвинутый Гизо. — Странные взгляды г-на Гарнье-Пажеса. — Демократический банкет в Шалоне. — Речь г-на Ледрю-Роллена. — Демократический конгресс. — Речь г-на Флокона. — Газеты «Reforme» и «National»». *Ред.*

[**] — Гессом. *Ред.*

[***] — Вильгельм Вольф. *Ред.*

однажды навеселе рассказал об этом в Париже. Ну, да все равно. Мозес, угрожающий пистолетом, афиширующий по всему Брюсселю свои рога, и притом еще у Борнштедта!! Это, должно быть, было восхитительно. Выдумка Фердинанда Вольфа насчет протокола заставила меня умирать со смеху, — а Мозес верит этому! Если, впрочем, этот осел будет настаивать на своей пошлой лжи об обольщении, то я могу преподнести ему прежние, настоящие и позднейшие подробности, от которых ему не поздоровится. Ведь эта валаамова ослица еще в июле прошлого года здесь, в Париже, объяснялась мне по всем правилам в любви и преданности и доверила мне самые сокровенные секреты своей семейной жизни! Ее бешенство против меня — это только отвергнутая любовь. Впрочем, я в Валансьене думал о Мозесе только во вторую очередь. В первую очередь я хотел отомстить за те подлости, которые они совершили по отношению к Мери*.

«Обильное количество вина» ограничилось, в сущности, одной третью бутылки бордо. Жаль только, что рогатый, Зигфрид не составил официального протокола в Рабочем обществе о своем несчастном состоянии. Впрочем, я предоставляю ему полную свободу взять реванш с моими прошедшими, настоящими и будущими метрессами и для этого рекомендую ему: 1) великаншу-фламандку, которая живет в моей прежней квартире, 87, Chaussee d'Ixelles, на первом этаже и именуется мадемуазель Жозефина, и 2) француженку мадемуазель Фелиси, которая в воскресенье, 23-го с. м., с первым поездом приедет из Кёльна в Брюссель, чтобы оттуда отправиться в Париж. Было бы очень досадно, если бы он не имел успеха ни у одной из них. Сообщи ему, пожалуйста, эти сведения, дабы он мог убедиться в моей искренности. Я поступаю с ним честно.

Гейне при смерти. Две недели тому назад я был у него, он лежал в постели, с ним случился нервный припадок. Вчера он встал, но находится в крайне жалком состоянии. Он с трудом может сделать три шага, опираясь о стены, пробирается от кресла к постели и vice versa**. К тому же шум в доме сводит его с ума — стук столяров, удары молота и т. д. Умственно он также несколько ослабел. Гейнцен хотел зайти к нему, но не был допущен.

Вчера я был также и у Гервега. Он, вкупе со своей семьей, болен гриппом, какие-то старые бабы наносят ему визиты. Он сказал мне, что исключительный успех второго тома Мишле[118]

* — Мери Бёрнс. *Ред.*
** — обратно. *Ред.*

совершенно затмил второй том Л. Блана*. Я не читал еще ни того, ни другого, так как за отсутствием денег не смог абонироваться в библиотеке. Вообще, успех Мишле можно объяснить только его увольнением и его буржуазным духом.

С Союзом** дело обстоит здесь плачевно. Никогда не встречал я подобной расхлябанности и такой мелочной взаимной зависти. Вейтлингианство и прудонизм действительно являются наиболее совершенным выражением жизненных условий этих ослов, и против этого ничего не поделаешь. Одни из них — настоящие штраубингеры, стареющие обыватели, а другие — будущие мелкие буржуа. Класс, который живет тем, что, подобно ирландцам, сбивает французам заработную плату, никуда не годится. Теперь я сделаю еще одну последнюю попытку, и если она не удастся, то я откажусь от подобного рода пропаганды. Надеюсь, что скоро будут получены лондонские документы***, которые снова несколько оживят это дело; тогда я воспользуюсь моментом. Эти молодцы, не видя до сих пор никаких результатов конгресса****, начинают, конечно, сдавать. Я поддерживаю сношения с несколькими новыми рабочими, с которыми познакомили меня Штумпф и Нёйбек, но еще нельзя сказать, что из этого выйдет.

Передай Борнштедту: 1) По отношению к здешним рабочим он не должен проявлять в подписке такую коммерческую строгость, иначе он потеряет их всех. 2) Агент, которого рекомендовал ему Мозес, — плаксивый и тщеславный слюнтяй, но он — единственный, который еще хочет и может заниматься этим, поэтому его не следует отталкивать; этот парень очень старался, но он не может доплачивать из своего кармана, хотя ему *уже приходилось делать это.* Из денег, получаемых им, он должен покрывать расходы по пересылке корреспонденции и т. д. ...*****. 3) Если он будет посылать сюда отдельные номера******, то, во всяком случае, не больше 10—15 экземпляров...***** каждого номера, и только с *оказией.* Пакеты...***** обыкновенно прибывают в министерство Дюшателя, где для получения их...***** приходится терять много времени и где, с целью подорвать это дело, взимают огромную доплату за пересылку. Подобный пакет стоит от 6 до 8 франков, но что поделаешь, если это необходимо? Эсселлен в Льеже хотел найти

---

* *Л. Блан.* «История французской революции». *Ред.*
** — Союзом коммунистов. *Ред.*
*** *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Манифест Коммунистической партии». *Ред.*
**** — второго конгресса Союза коммунистов. *Ред.*
***** в этом месте рукопись повреждена. *Ред.*
****** — «Deutsche-Brusseler-Zeitung». *Ред.*

железнодорожного проводника, который взял бы это на себя; напиши в Льеж, чтобы это было устроено. 4) Номера, которые еще остались здесь, посланы с оказией в Южную Германию. Если представится оказия, пусть Б[орнштедт] пришлет сюда еще несколько новых номеров для пропаганды в кафе и т. д. 5) На днях Б[орнштедт] получит статью* и исторический очерк о прусских финансах. Но ты должен еще раз посмотреть часть его, касающуюся комиссий 1843 г.[119], и внести нужные поправки, так как он написан на основании очень смутных воспоминаний.

Если история с Мозесом поведет к тому, что ты начнешь против него атаку в «Brusseler-Zeitung», это доставит мне большое удовольствие. Непонятно, каким образом этот субъект до сих пор остается в Брюсселе. Вот еще один повод выслать его в Вервье. О деле с «Reforme» я позабочусь**.

Твой **Э.**

Впервые полностью опубликовано на языке оригинала в Mars. — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 1, 1929 и на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXI, 1929 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

25
ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ
В БРЮССЕЛЬ

Париж, пятница вечером [21 января 1848 г.]

Дорогой Маркс!

Наконец-то я поймал Л. Блана и вместе с тем узнал причину, почему я никак не мог его застать. Подумай — этот маленький литературный вельможа принимает только по четвергам, да и то лишь после обеда! Об этом он никогда не говорил мне ни прямо, ни через своего консьержа. Конечно, у него было много ослов, в числе других Рамон де Ла Сагра; он дал мне брошюру, которую посылаю вместе с этим письмом[120]. Я ее еще не читал. Затем мне удалось еще несколько минут поговорить с Луи Бланом о нашем деле. Он сознался, не без колебаний, что у него не было еще времени прочесть твою книгу***...

---

* *Ф. Энгельс.* «Движения 1847 года». *Ред.*

** См. настоящий том, стр. 110. *Ред.*

*** *К. Маркс*. «Нищета философии». *Ред.*

«Я ее перелистал и заметил, что г-н Прудон подвергается в ней довольно сильным нападкам...» — «Ну и что же, — спросил я, — сможете ли вы теперь написать статью для «Reforme», которую вы мне обещали?» — «Статью? Ах, боже мой, нет, меня так осаждают мои издатели! Но вот что нужно сделать: напишите статью сами, и я помещу ее в «Reforme»». На этом было покончено. В сущности, ты ничего не теряешь при этом. По крайней мере, я правильнее изложу наши взгляды, чем это сделал бы он. Я прямо сопоставлю их с его взглядами — это все, что можно сделать, ведь нельзя же на страницах самой «Reforme» делать выводы, *направленные против* «Reforme». Я сейчас же и напишу статью.

Почему ты не сказал Борншт[едту], чтобы *он не* писал в «Reforme» о твоем деле? Моя статья была уже готова, когда в «Reforme» появилась статья Б[орн]шт[е]дта одновременно со статьями о чартистах[121], появления которых я ждал, чтобы отослать мою статью туда. Она была гораздо больше короткой заметки, к тому же там еще исковеркана твоя фамилия. Я сказал Фл[окону], чтобы он исправил опечатку; вчера он этого не сделал, а сегодня я не видел «Reforme». Но это не важно.

Когда выйдет твоя речь*, пришли мне тотчас же 4—5 экземпляров для «Reforme», Л. Блана, де Ла Сагра (для «Democratie pacifique») и т. д. Я теперь могу сделать из этого большую статью, так как заметка недопустимо коротка.

Что касается Л. Бл[ана], то его следовало бы наказать. Напиши критическую статью о его «Революции» для «Deutsche-Brusseler-Zeitung» и покажи ему на деле, насколько мы выше его — в дружеской форме, но решительно подчеркивая наше превосходство по существу. Ему сообщат об этом. Надо немножко припугнуть этого маленького султана. До сих пор, к сожалению, единственной нашей сильной стороной является теория, но для этих поборников социальной науки, «закона достаточного производства» и т. д. это имеет большое значение. Эти господа великолепны со своей погоней за этим неизвестным законом. Они хотят найти закон, посредством которого можно было бы в десять раз увеличить производство. Они, подобно вознице в басне, ищут того Геркулеса, который вытащил бы вместо них социальную телегу из грязи. Но Геркулес — в их собственных руках. «Закон достаточного производства» состоит в том, чтобы производить «достаточно». Если они этого не могут сделать, то им не помогут никакие заклинания. Изобретатели, получающие...** патент, делают гораздо больше для

* *К. Маркс.* «Речь о свободе торговли». *Ред.*
** В этом месте рукопись повреждена. *Ред.*

достаточного производства, чем весь Л. Блан со своим глубокомысленным стремлением к науке.

Б[ернай]су я в ответ на его последнее письмо написал в весьма ироническом тоне, выражая сожаление, что его беспристрастие лишает меня последнего утешения — утешения быть непризнанной благородной душой, на манер Пралена. Со скорбным взором, обращенным ввысь, возвратил он мне это письмо и заметил, что на этом наша переписка кончается. Sela[*].

Больше нет ничего нового. Пиши поскорее.

Твой **Э.**

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I. Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

26

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ[122]

В ПАРИЖ

Брюссель, [8—]9 марта [1848 г.]
13, rue Neuve Chaussee de Louvain

Дорогой Маркс!

Надеюсь завтра получить от тебя письмо.

Здесь все спокойно. В воскресенье вечером Жотран рассказал в Демократической ассоциации историю, происшедшую с тобой и твоей женой[123]. Я опоздал к его речи и слышал только несколько яростных фламандских реплик Пеллеринга. Жиго тоже выступил и коснулся этого вопроса. В «Emancipation» Люблинер напечатал статью об этом. Адвокаты мечут здесь громы и молнии, Майнц хочет, чтобы было возбуждено судебное дело и чтобы ты выступил в качестве гражданского истца с жалобой о нарушении неприкосновенности жилища и т. д. Жиг[о] должен также подать жалобу. Это было бы очень хорошо, хотя правительство заявило, что виновник будет уволен. Вчера Майнц снабдил Кастио необходимыми документами для интерпелляции по этому делу; полагаю, что она будет внесена завтра или послезавтра. Эта история вызвала большую сенсацию и весьма содействовала ослаблению ненависти к немцам.

Лупус[**] в прошлое воскресенье в 11 часов утра был доставлен на вокзал и отправлен в Валансьенн; он написал оттуда

[*] — Аминь. *Ред.*

[**] — Вильгельм Вольф. *Ред.*

и, по-видимому, еще находится там. Суда над ним не было. Ему даже не разрешили зайти домой, чтобы забрать свои вещи!

Меня не тронули. Судя по некоторым фразам, оброненным этими молодцами, они опасаются выслать меня, так как в свое время выдали мне паспорт, и это можно было бы теперь обратить против них.

В Кёльне — неприятная история: три лучших человека сидят[124]. Я говорил с активным участником событий. Они хотели действовать, но, вместо того чтобы запастись оружием, которое легко было достать, они направились к ратуше невооруженными и дали окружить себя. Утверждают, что большая часть войск была на их стороне. Дело было начато невероятно глупо; если верить сообщению этого человека, они могли спокойно действовать и закончили бы все в течение двух часов. Но все было организовано ужасно глупо.

Наши *старые* кёльнские друзья[125] стояли, по-видимому, совершенно в стороне, хотя ранее было принято совместное решение начать действовать. Маленький Д'Э[стер], Д[аниельс], Б[юргерс] были там всего несколько минут, а затем ушли, хотя присутствие маленького доктора* в магистрате было в тот момент необходимо.

Вообще сведения из Германии превосходные. В Нассау — революция в полном ходу, в Мюнхене — явное восстание студентов, художников и рабочих, Кассель на пороге революции, в Берлине — безграничный страх и нерешительность, во всей Западной Германии провозглашена свобода печати и создание национальной гвардии; пока этого достаточно.

Пусть только Ф[ридрих]-В[ильгельм] IV продолжает упираться! Тогда дело выиграно, и через несколько месяцев произойдет германская революция. Пусть только он крепко держится за свои феодальные формы! Но ни один черт не угадает, как поступит этот взбалмошный сумасброд!

В Кёльне вся мелкая буржуазия — за присоединение к Французской республике; в данный момент там преобладают воспоминания о 1797 годе[126].

Тедеско все еще сидит[127]. Не знаю, когда он предстанет перед судом.

По поводу твоей истории отослана громовая статья в «Northern Star»**.

Заседание Демократической ассоциации в воскресенье вечером прошло удивительно спокойно. Решено представить палатам петицию об их немедленном роспуске и о новых выборах

---

* — Д'Эстера. *Ред.*

** *Ф. Энгельс.* «Письмо редактору газеты «Northern Star»». *Ред.*

на основе нового избирательного ценза. Правительство не хочет распустить палаты, но должно будет сделать это. Завтра вечером петиция будет принята и подписана на самом заседании. На петицию Жотрана к бургомистру и магистрату последовал очень вежливый отрицательный ответ.

Ты не можешь представить себе, какое спокойствие здесь царит. Вчера вечером был карнавал, совсем как всегда; о Французской республике почти не говорят. Французские газеты можно получить в кафе почти без затруднений и без долгого ожидания. Если не знать, что они *должны,* хотят они этого или нет, то можно было бы подумать, что здесь все кончено.

В воскресенье Жотр[ан], разъяренный преследованиями против тебя, произнес очень хорошую речь; насилия Рожье заставили его признать существование классовых противоречий. Он очень ругал крупную буржуазию и пустился...* — правда, в весьма...* плоские и основанные на иллюзиях — но все же экономические детали...*, желая доказать мелкой буржуазии, что...* хорошо оплачиваемый и много потребляющий рабочий класс при наличии республики явился бы для нее лучшим покупателем, чем двор и малочисленная аристократия. Совсем на манер О'Коннора.

Я уже не успею сдать это письмо на почту — закончу завтра.

Четверг

Ничего нового; твою статью в «Reforme»** я видел; в Англии тоже заварилась каша — тем лучше.

Если ты еще не написал мне до получения этого письма, напиши немедленно.

Только что, как бы в насмешку, прибыл мой багаж из Парижа — он стоит мне 50 франков с пошлиной и т. д.!

Прощай! Твой ***Энгельс***

Помощник полицейского комиссара, приходивший к тебе, говорят, уже уволен. Эта история возбудила здесь сильное негодование среди мелких буржуа.

[Надпись на обороте письма]

Г-же Гзель для г-на Карла Маркса. 75, Boulevard Beaumarchais, *Париж.*

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I. Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

* В этом месте рукопись повреждена. *Ред.*
** *К. Маркс.* «Письмо редактору газеты «Reforme»». *Ред.*

27

МАРКС—ЭНГЕЛЬСУ

В БРЮССЕЛЬ

Париж, [около 12 марта 1848 г.]
10, rue neuve Menilmontant
(Boulevard Beaumarchais)

Дорогой Энгельс!

Получи у Брейера *100 франков,* которые он клятвенно обещал вернуть мне через неделю, у Жиго *30,* у Гесса *10.* Надеюсь, что Б[рейер] в данный момент исполнит свое обещание.

Майнц выкупит у Касселя вексель на 114 франков и выплатит тебе. Собери все эти суммы и используй их. В «Reforme» говорили о тебе в дружественном тоне. Флокон болен, я еще не видел его. Слух, распространяемый Зейлером, широко циркулирует среди немцев. Аллар до сих пор еще не отстранен революцией. Советую тебе приехать сюда.

Здесь конституировался Центральный комитет[128], так как Джонс, Гарни, Шаппер, Бауэр*, Молль находятся здесь. Я выбран председателем, а Шаппер — секретарем. Членами состоят Валлау, Лупус**, Молль, Бауэр и Энгельс.

Джонс уехал вчера в Англию. Гарни болен.

Привет.

Твой ***К. М.***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

28

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

В БРЮССЕЛЬ

[Париж], 16 марта 1848 г.

Дорогой Энгельс!

В эти дни у меня нет ни одной свободной минуты, чтобы написать более подробно. Ограничиваюсь самым необходимым. *Флокон* относится к тебе очень хорошо.

* — Генрих Бауэр. *Ред.*
** — Вильгельм Вольф. *Ред.*

Все здешние штраубингеры в большей или меньшей степени озлоблены против тебя (драка с Ш.[*] и т. д.).

Что касается моих вещей, возьми их с собой до Валансьена и пусть там их запломбируют. Я их потом выкуплю. Что касается *серебра,* то таможенный сбор был уже оплачен здесь, в Париже. Но в Валансьене ты должен непременно зайти к человеку, проживающему по прилагаемому адресу. Моя жена по совету Фоглера послала ему ключи от чемоданов (находящихся в Брюсселе), но без сопроводительного письма. Ты должен взять у него эти ключи, ибо в противном случае у нас все взломают здесь на таможне.

Что касается денег, то заяви *Касселю,* что он должен вернуть тебе вексель, если не хочет оплатить его. Может быть, его тогда оплатит Байю.

Пусть Жиго представит счет и отдаст, по крайней мере, остаток.

Что касается Бр[ейера], то ты должен зайти к нему еще раз и заявить ему, что он поступит *подло,* если воспользуется моим затруднительным положением, чтобы не заплатить. По крайней мере, часть денег он должен тебе достать. Ему революция не стоила ни одного су.

Здесь буржуазия становится опять отвратительно наглой и реакционной, но ей еще достанется.

Борнштедт и Гервег ведут себя, как прохвосты. Они основали здесь черно-красно-золотое общество[129] против нас. Первый будет сегодня исключен из Союза[**].

Твой ***М.***

Проездного свидетельства я в настоящую минуту не нахожу, а письмо это должно быть отправлено.

Дай Ж[иго] отставку, если он не проявит большей активности. В настоящий момент ему следовало бы действовать энергичнее. Передай сердечный привет от меня Майнцу, а также Жотрану. Последний номер «Debat Social» я получил.

Привет также Фоглеру.

Майнцу и Жотрану я напишу подробно. Будь здоров.

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx», Bd, I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

[*] По-видимому, имеется в виду Шерцер. *Ред.*

[**] — Союза коммунистов. *Ред.*

29

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

В ПАРИЖ

[Брюссель], суббота, [18 марта 1848 г.]

Дорогой Маркс!

О твоих вещах я позабочусь.

Напиши несколько строк г-ну Виктору Федеру, адвокату, либо непосредственно ему, либо вложи в письмо к Блосу: ты должен выразить ему благодарность за шаги, предпринятые им в интересах твоих и твоей жены, и уполномочить его предпринять дальнейшие шаги. Дело в том, что Федер, неожиданно объявивший себя рьяным республиканцем, принял на себя роль твоего защитника и в качестве такового даст ответ «Moniteur belge»[130] и будет вести дело. Он надеется, что ты не дезавуируешь его; было бы хорошо, если бы он получил от тебя письмецо, чтобы иметь возможность выступать решительно. Лучше, чтобы дело вел бельгиец, а не Майнц, а поскольку он сам предложил свои услуги, то, наверное, хорошо справится с делом.

Пришли непременно проездное свидетельство. Оно очень нужно; Майнц ежедневно спрашивает меня о нем.

Тедеско выпустили, и он немедленно уехал в Льеж, ни с кем не повидавшись. Эсселлен был здесь несколько дней, но не видал его.

Здесь господствует беспримерный финансовый, биржевой, промышленный и торговый кризис. Коммерческий люд слоняется без дела и изливается в жалобах в кафе «Сюисс», гг. Кауверц, Лауф и компания бродят, как мокрые пудели, рабочие устраивают собрания и подают петиции; повсюду большая нужда. Ни у кого нет наличных денег, и при этом принудительный заем в 60 миллионов! Здесь биржа навяжет им республику.

Люнинг по возвращении сюда получил известие, что в Пруссии против него возбуждено судебное преследование; он намерен вызвать сюда свою жену и отправиться в Париж.

Дронке до своего бегства был принят в Союз* Виллихом и компанией. Я подверг его здесь новой проверке, изложил ему наши взгляды и, так как он выразил свое согласие с ними, утвердил его прием. Ничего другого нельзя было сделать, даже при наличии некоторых сомнений. Между тем, он парень

* — Союз коммунистов. *Ред.*

очень скромный, очень молодой и, по-видимому, очень восприимчивый; поэтому я полагаю, что при условии некоторого наблюдения и дальнейших занятий он станет дельным человеком. Он заявил мне, что отрекается от всех своих прежних писаний. К сожалению, он живет у Мозеса*, который за это время постарается его обработать, но это, как известно, еще ни о чем не говорит. В случае с Люнингом, к которому он в свое время страшно привязался, достаточно было двух слов, чтобы выбить его из седла.

Мозес вообще любезнее, чем когда-либо раньше, — кто его разберет!

С Касселем *я* ничего не могу сделать, так как ордер у Майнца, а не у меня. Брейер ссылается на финансовый кризис, на невозможность отсрочить теперь свои старые долги по векселям, на отказ всех его клиентов от платежа. Он даже заявляет, что хочет продать свою единственную лошадь. Однако я постараюсь что-нибудь получить, так как денег Майнца мне едва хватит, а деньги Гесса, уплатившего раньше всех, уже испытали удел всего земного. Жиго тоже в величайшем затруднении. Я сегодня зайду еще раз к Брейеру.

———

В «Debat Social» завтра появится очень подробное опровержение «Moniteur», слово за слово.

В письме к Федеру прибавь: если ему нужна специальная доверенность, ты вышлешь ее ему.

Напиши также несколько строк г-ну Брикуру, члену палаты представителей, который очень хорошо выступал в твою пользу в палате, внес резкую интерпелляцию министру по просьбе Майнца и добился следствия по поводу этой истории. Он депутат от Шарлеруа, и после Кастио он самый лучший. Кастио был в это время в Париже.

Просмотри приложенную безделицу** и отошли ее в «Reforme». Здешнюю публику надо непрестанно злить.

Если будет возможно, я уеду в понедельник[131]. Но денежные затруднения все время стоят мне поперек пути.

Из Англии я не получаю никаких сведений, ни в письмах, ни через «Star».

В Германии дела идут поистине превосходно; повсюду восстания, а пруссаки не уступают. Тем лучше. Надеюсь, что нам недолго придется оставаться в Париже.

---

* — Гесса. *Ред.*

** *Ф. Энгельс.* «Положение в Бельгии». *Ред.*

Очень хорошо, что вы выбрасываете Борншт[едта][*]. Этот субъект оказался таким ненадежным, что его, действительно, необходимо исключить из Союза. Он и Веерт теперь все...[**], и Веерт изображает из себя здесь ярого республиканца...[**].

Ламартин становится с каждым днем все более и более отвратительным...[**]. Во всех своих речах этот человек обращается только к буржуа и старается их успокоить. Прокламация временного правительства по поводу выборов тоже целиком обращена к буржуа, для их успокоения. Неудивительно, что эти подлецы наглеют.

Adios, au revoir[***].

Ф. Э.

Все письма сюда направляй по указанному адресу; Бл[ос] в мое отсутствие передаст их Жи[го].

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

30

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ[132] В БАРМЕН

Кёльн, [ранее 25 апреля 1848 г.]
Apostelnstrase Nr. 7

Дорогой Энгельс!

Здесь подписалось уже изрядно много народу, и мы скоро сможем начинать[133]. Но теперь необходимо, чтобы ты предъявил требования своему старику[****] и вообще *окончательно* определил, что можно сделать в Бармене и Эльберфельде.

Геккеру в Эльберфельд послан отсюда проспект и т. д. (написанный Бюргерсом)[134].

Нет ли у тебя адреса Дронке? Ему необходимо тотчас же написать.

Отвечай немедленно. Я приехал бы, если бы у вас не настроены были так пугливо.

Твой ***М.***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I. Stuttgart. 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

---

[*] См. настоящий том, стр. 115. *Ред.*
[**] В этом месте рукопись повреждена. *Ред.*
[***] — Прощай, до свидания. *Ред.*
[****] — Фридриху Энгельсу-старшему, отцу Энгельса. *Ред.*

31

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

В КЁЛЬН

Б[армен], 25 апреля 1848 г.

Дорогой Маркс!

Только что получил проспект вместе с твоим письмом. На акции здесь приходится, к сожалению, очень мало рассчитывать. Бланк, которому я уже раньше писал об этом и который еще лучше других, на практике превратился в буржуа; остальные стали еще более буржуа, с тех пор как обзавелись собственными предприятиями и вступили в конфликт с рабочими. Эти люди боятся, как чумы, обсуждения общественных вопросов; они называют это подстрекательством. Я затратил немало красноречия, пустил в ход всевозможную дипломатию, и все же ответы неопределенные. Я сделаю теперь еще одну последнюю попытку, и если она не удастся — всему делу конец. Через два-три дня ты получишь определенное сообщение о том, как все это кончилось. Суть дела в том, что даже эти радикальные буржуа в Бармене видят в нас своих главных врагов в будущем и не хотят давать нам в руки оружие, которое мы могли бы очень скоро повернуть против них самих.

От моего старика совершенно ничего нельзя добиться. Для него даже «Kolnische Zeitung» является средоточием всякой крамолы, и вместо тысячи талеров он охотнее послал бы в нас тысячу картечных пуль.

Самые передовые здешние буржуа вполне удовлетворены тем, как «Kolnische Zeitung» представляет их партию. Что прикажешь делать в таком случае?

Агент Мозеса[*], Шнаке, был здесь на прошлой неделе и, кажется, наклеветал также и на нас.

Что касается Дронке, то у меня только такой адрес: купцу Адольфу Доминикусу в Кобленц (это его дядя). Его старик[**] проживает в Фульде, кажется, в должности директора гимназии. Городишко этот маленький. Письма по адресу: д-ру Э. Д[ронке]-младшему в Фульде, наверное, дошли бы до него, если бы он был там. Но как глупо, что он не пишет, по крайней мере, где находится.

От Эверб[ека] я получил письмо; он спрашивает, получили ли мы от него якобы важное письмо, посланное в Майнц по

[*] — Гесса. *Ред.*

[**] — Эрнст Фридрих Иоганн Дронке, отец Дронке. *Ред.*

известному адресу. Если ты не получил письма, напиши об этом в Майнц (кандидату в школьные учителя Фил[иппу] Нёйбеку, Rentengasse (Heiliger Geist), Майнц).

Эв[ербек] заказал в Париже перевод «Манифеста»* на итальянский и испанский языки и просит прислать для этой цели 60 франков, которые он обязался уплатить. Это опять одна из его штучек. Представляю себе, как хороши будут эти переводы.

Я сижу над английским переводом, который оказывается труднее, чем я предполагал. Однако больше половины уже готово, и скоро будет готово все.

Если бы здесь кто-нибудь распространил хоть один экземпляр наших 17 пунктов**, для нас все было бы здесь потеряно. Настроение у буржуа действительно подлое. Рабочие начинают немного шевелиться; движение носит еще очень незрелый характер, но уже становится массовым. Они сразу стали устраивать коалиции. Но *нам-то* это как раз и мешает. Эльберфельдский политический клуб обращается с адресами к итальянцам, высказывается в пользу прямых выборов, но решительно отвергает всякое обсуждение социальных вопросов; правда, с глазу на глаз эти господа признают, что такого рода вопросы *стали* теперь на очередь дня, но тут же заявляют, что мы не должны преждевременно их выдвигать!

До свидания. Напиши поскорее более подробно. Ушло ли письмо в Париж и привело ли оно к каким-нибудь результатам?

Твой **Э.**

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

32
ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ В КЁЛЬН

[Бармен], 9 мая 1848 г.

Дорогой Маркс!

При сем:

1) Список акций, на которые к этому времени произведена подписка, числом 14.

2) Доверенность для тебя[135].

* К. *Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Манифест Коммунистической партии». *Ред.*

** *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Требования Коммунистической партии и Германии». *Ред.*

3) То же для Д'Эстера (Б[онштедт] — его знакомый).

4) То же для Бюргерса.

Нельзя было воспрепятствовать тому, чтобы Бонштедт и Геккер дали доверенности своим личным знакомым. —

Хюнербейн будет там присутствовать лично, выступая от своего имени и от имени двух местных жителей.

Список еще не закрыт. Лаверьера и Бланка я не застал, несмотря на многократные посещения. Цулауф взял на себя обработку первого.

Двух других, от которых я ничего не мог добиться, обработает Геккер.

Сегодня Цул[ауф] едет в Ронсдорф, где у него имеются шансы на успех.

Больше всего затруднений у нас с людьми двух сортов: во-первых, с молодыми republicains en gant jaunes*, которые боятся за свое имущество и опасаются коммунизма, и, во-вторых, с местными знаменитостями, которые считают нас конкурентами. Ни Ноля, ни Брахта нельзя было убедить. Из юристов Бонштедт единственный, с которым можно иметь дело. Вообще нам пришлось затратить немало напрасных усилий.

Завтра я уезжаю на два дня в Энгельскирхен. Известите меня немедленно о результатах собрания акционеров.

Предприняты также шаги для организации общины Союза**.

Твой ***Энгельс***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

33

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ [136]

В ЖЕНЕВУ

[Кёльн, 26 октября 1848 г.]

Дорогой Энгельс!

Так как твое письмо получено только сейчас вечером, мне некогда позаботиться о векселях. Некогда даже сходить к себе домой. Посылаю тебе, сколько есть под рукой, а сверх того перевод на 50 талеров от Шульца на имя одного женевского гражданина, у которого ты вообще сможешь получить помощь.

---

* — республиканцами в лайковых перчатках. *Ред.*

** — Союза коммунистов. *Ред.*

Я уже давно послал тебе и Дронке в Париж 50 талеров и одновременно переслал твой паспорт в Брюссель на имя Жиго.

Газета стала снова выходить с 11 октября в прежнем виде[137]. Теперь не время писать тебе об этом подробнее, так как необходимо торопиться. Как только сможешь, напиши корреспонденции и статьи подлиннее. Теперь, когда все, кроме Веерта, уехали, а Фрейлиграт лишь несколько дней тому назад вошел в состав редакции, у меня дел по горло, и я не могу заняться более серьезными работами; к тому же прокуратура делает все для того, чтобы отнимать у меня время.

Кстати, твой старик* написал Жиго и справлялся, где ты. По его словам, он хочет послать тебе деньги. Я послал ему твой адрес.

Твой ***К. Маркс***

Отвечай немедленно. Отослать ли твое белье и т. д.? Пласман готов немедленно сделать это. Твой отец, впрочем, заплатил ему.

[Приписка Луи Шульца]

P. S. Пожалуйста, распечатайте прилагаемое письмо и передайте его И. Кёлеру (у озера или на Рю-дю-Рон в Женеве), который выплатит Вам 250 франков с переводом на мой счет по предъявлению.

С дружеским приветом ***Луи Шульц***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I. Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

34

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОЗАННУ

[Кёльн, середина ноября 1848 г.]

Дорогой Энгельс!

Я действительно поражен, что ты не получил еще от меня денег. *Я* уже давным-давно (я, а не экспедиция) послал тебе в Женеву в запечатанном пакете по указанному адресу 61 талер — 11 бумажными деньгами и 50 векселем. Поэтому наведи справки и немедленно напиши. У меня есть почтовая квитанция, и я могу потребовать возвращения денег.

* — Фридрих Энгельс-старший, отец Энгельса. *Ред.*

Далее, я послал для вас 20 талеров Жиго, а позднее 50 талеров Дронке, все из моих денег, в общем около 130 талеров.

Завтра я пошлю тебе еще немного. Но узнай насчет денег. Одновременно в вексель было вложено рекомендательное письмо для тебя к одному богатому лозаннскому филистеру.

Денег у меня в обрез. 1850 талеров я привез с собой после моей поездки: 1950 получил от поляков[138], 100 я израсходовал в дороге. 1000 талеров истратил на газету* (считая то, что я выдал авансом тебе и другим эмигрантам); 500 я должен заплатить еще на этой неделе за машину. Остается 350. И притом я еще не получил от газеты ни одного сантима.

Что касается вашего участия в редакции, то я 1) указал немедленно в первом же номере, что состав редакционного комитета остается без изменений**; 2) заявил тупоумным реакционным акционерам, что, если им угодно, они могут считать вас не принадлежащими более к составу редакции, но я вправе *выплачивать гонорар в таком размере, как мне угодно,* и потому они в денежном отношении ничего не выиграют.

Для меня было бы разумнее не вкладывать в газету такую большую сумму, так как на мне висят три-четыре судебных процесса в связи с газетой[139], я каждый день могу быть арестован, и тогда деньги мне будут нужны как воздух. Но задача заключалась в том, чтобы при всех обстоятельствах удержать эту *крепость* за собой и не сдавать политической позиции.

После того как ты устроишь в Лозанне денежные дела, тебе лучше всего отправиться в Берн и выполнить намеченный тобою план. Кроме того, можешь писать, о чем тебе угодно. Твои письма приходят всегда довольно аккуратно.

Как мог ты предположить, что я брошу тебя хотя бы на одну минуту на произвол судьбы! Ты неизменно мой ближайший друг, как и я, надеюсь, твой.

К. Маркс

Старик твой — мерзавец, и мы ему напишем архигрубое письмо.

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart. 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

* — «Neue Rheinische Zeitung». *Ред.*

** *К. Маркс.* «Возобновление выхода «Neue Rheinische Zeitung»». *Ред.*

35

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

В БЕРН

Кёльн, 29 ноября [1848 г.]

Дорогой Энгельс!

Газеты тебе посланы. Если это не было сделано раньше, то только по вине осла Корфа, который, в то время как я был перегружен делами и, кроме того, должен был без конца являться к судебному следователю, до сих пор не выполнил моих поручений. Пока оставайся в Берне. Как только будет возможен твой приезд, я напишу тебе.

Запечатывай лучше свои письма. Одно из них было вскрыто, на что я указал в газете* (конечно, не называя тебя)[140].

Напиши подробно о *Прудоне* и, так как ты хороший географ, о венгерской дряни (этом пчелином рое народов). Разбирая Прудона, не забудь меня[141], так как наши статьи попадают теперь в целый ряд французских газет.

Напиши также против федеративной республики, для чего Швейцария дает лучший повод[142].

К. Гейнцен напечатал свою старую дрянь против нас[143].

Наша газета все время в положении «мятежной», но, несмотря на все приказы явиться к следователю, она все время благополучно лавирует вокруг Уголовного кодекса. Она теперь очень популярна. Мы выпускаем также ежедневно листовки[144]. Революция движется вперед. Пиши аккуратно.

Я составил верный план, как добыть деньги у твоего старика, так как у нас теперь ничего нет. Напиши мне письмо с просьбой о деньгах (в возможно более резкой форме), в котором ты расскажешь обо всех своих злоключениях, но так, чтобы я мог показать его твоей матери. Старик начинает испытывать страх.

Надеюсь скоро опять увидеть тебя.

Твой ***Маркс***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

* — «Neue Rheinische Zeitung». *Ред.*

36

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

В КЁЛЬН

Берн, 28 декабря [1848 г.]

Дорогой Маркс!

В чем дело? Неужели я все еще не могу вернуться в ближайшее время — теперь, после оправдания Г[отшалька] и А[ннеке][145]? Ведь прусские собаки теперь, наверное, скоро потеряют охоту иметь дело с присяжными. Как я уже говорил, я немедленно приеду, если не будет оснований опасаться предварительного заключения. Потом они могут предать меня хотя бы 10000 судов присяжных, но в предварительном заключении запрещается курить, и на это я не пойду.

Во всяком случае, вся сентябрьская история[146] кончается ничем. Один за другим все возвращаются. Итак, напиши.

Кстати, к середине января мне очень понадобится немного денег. К тому времени вы ведь должны получить большую сумму.

Твой **Э.**

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I. Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

1849 год

37
ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

В КЁЛЬН

Берн, 7[—8] января 1849 г.

Дорогой Маркс!

Оправившись теперь, после нескольких недель греховного времяпрепровождения, от своих злоключений и скитаний, я, во-первых, чувствую потребность вновь взяться за работу (неопровержимое доказательство — прилагаемая статья о мадьяро-славянских делах[*]) и, во-вторых, ощущаю нужду в деньгах. Последнее — самое неотложное, и если ко времени получения настоящего письма вы еще мне ничего не выслали, сделайте это немедленно, так как я уже несколько дней сижу без гроша, а в этом дрянном городе не у кого занять.

Хоть бы в этой поганой Швейцарии произошло что-нибудь, о чем можно было бы писать! Так нет же, все местные свары ничтожнейшего свойства. Несколько общих статей о Швейцарии я тебе скоро вышлю[**]. Если мне придется еще долго оставаться за границей, я поеду в Лугано, особенно если в Италии что-нибудь начнется, что вполне возможно.

Но мне все время кажется, что я скоро смогу вернуться. Это бездельное сидение за границей, где ничем путным нельзя заняться и где чувствуешь себя совершенно оторванным от движения, невыносимо до отвращения. Я скоро приду к выводу, что даже предварительное заключение в Кёльне лучше жизни в свободной Швейцарии. Напиши мне, неужели нет никаких

[*] *Ф. Энгельс.* «Борьба в Венгрии»». *Ред.*
[**] *Ф. Энгельс.* «Швейцарская пресса». *Ред.*

шансов на то, чтобы со мной обошлись столь же благосклонно, как с Бюргерсом, Беккером* и др.

Раво прав: даже в октроированной Пруссии[147] чувствуешь себя свободнее, чем в свободной Швейцарии. Каждый обыватель тут одновременно шпион и убийца. Пример этому я видел в новогоднюю ночь.

Какой черт поместил недавно в газете скучную нравственно-религиозную корреспонденцию из Гейдельберга о «Мартовском союзе»[148]? Что Генрикус** время от времени выдавливает из себя статьи, я также с удовольствием заметил по ламентациям о циркуляре Ладенберга, которые растянулись на два номера[149].

Нашу газету*** теперь очень усердно цитируют в Швейцарии; много извлечений делает «Berner-Zeitung», а также «National-Zeitung», а оттуда это перепечатывают все газеты. И в газетах Французской Швейцарии нашу газету цитируют очень часто, меньше, чем «National» и т. п., но больше, чем «Kolnische Zeitung».

Объявление вы, наверное, поместили[150]. Прилагаю перепечатку нашего объявления в «Berner-Zeitung». Привет всей компании.

Твой **Э**.

Вчера не успел отправить письма. Сегодня только добавляю, что с 1 января «Neue Rheinische Zeitung» *перестала сюда поступать.* Узнай, регулярно ли ее отсылают. Я навел справку; с подпиской ничего нельзя устроить. Я должен был бы подписаться на *полгода;* так долго я здесь не останусь, да и денег у меня нет для этого. Как я уже писал, очень важно, чтобы газета сюда приходила не только ради меня, но главным образом потому, что расположенная к нам и редактируемая одним коммунистом**** «Berner-Zeitung» делает все, чтобы наша газета стала здесь популярной.

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

* — Германом Беккером. *Ред.*
** — Бюргерс. *Ред.*
*** — «Neue Rheinische Zeitung». *Ред.*
**** — Штемпфли. *Ред.*

38

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ [151]

В КЁЛЬН

Гамбург, 23 апреля [1849 г.]

Дорогой Энгельс!

Твое письмо я получил только сегодня, так как выехал из Бремена еще в среду утром. В Бремене ничего сделать не удалось. Рёзинг год тому назад обанкротился и живет лишь на проценты с уцелевшего капитала его жены. Таким образом, ничего не получилось.

Здесь я, напротив, наверняка раздобуду деньги.

Что касается подписи, то не может ли подписать *Веррес?* Что касается денежных средств на время моего отсутствия, то я могу сказать следующее: Пласман твердо обещал мне перед моим отъездом любую необходимую ссуду. Возможно, что Ст. Наут из-за своей совестливости не хочет прибегать к этому источнику. Если в этом есть надобность, сделай *это сам.*

Газета* была за эту неделю очень худосочной, что совершенно не содействует успеху моей нынешней миссии. Сердечный привет от меня моей жене и другим. Так или иначе, отвечай немедленно и не унывайте. Дела поправятся.

Твой ***К. Маркс***

Адрес: купцу Роде, Bleichenbrucke (в запечатанном конверте).

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart. 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

* — «Neue Rheinische Zeitung». *Ред.*

39

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

В КЁЛЬН

[вторая половина апреля — начало мая 1849 г.]

Дорогой Энгельс!

Выбрось статью о Б. Дице, пока *факт не будет установлен.* Мы сами напишем об этом в Брюссель.

Кстати, постарайся разузнать имя того ученика-наборщика, который сообщил об этом деле Дицу без чьего бы то ни было поручения.

Твой ***Маркс***

Впервые опубликовано на языке оригинала в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 1, 1929 и на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXI, 1929 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

40

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ[152]

В КАЙЗЕРСЛАУТЕРН

Париж, 7 июня [1849 г.]
45, rue de Lille

Дорогой Энгельс!

Я пишу тебе в этом письме не очень подробно. Прежде всего ты должен мне ответить, пришло ли это письмо *неповрежденным.* Я полагаю, что письма опять любовно вскрываются.

Здесь господствует роялистская реакция, более бесстыдная, чем во времена Гизо; ее можно сравнить лишь с периодом после 1815 года. Париж имеет мрачный вид. К тому же — холера, которая свирепствует необычайно. И несмотря на это, колоссальный взрыв революционного кратера никогда еще не был столь близок, как теперь в Париже. Подробно об этом позже. Я встречаюсь со всей революционной партией и через несколько дней буду иметь в своем распоряжении *все* революционные органы печати.

Что касается здешних пфальцско-баденских посланников, то Блинд, напуганный действительным или мнимым припадком холеры, переехал в деревню в нескольких часах езды от Парижа[153].

Что касается Шюца, то следует заметить следующее:

1) Временное правительство ставит его в ложное положение, не посылая ему никаких сообщений. Французы требуют фактов, а откуда ему их взять, когда ни один черт ему не пишет? Ему необходимо возможно чаще получать депеши. Ясно, что в данный момент он ничего не может сделать. Единственно, чего можно достигнуть, это пустить пыль в глаза прусскому правительству, предоставив Шюцу возможность часто встречаться с вождями монтаньяров[154].

2) Вторая непростительная ошибка временного правительства Пфальца состоит в том, что за спиной официального посланника поручают массе ничтожных немцев ту или другую миссию. Это надо раз навсегда прекратить, для того чтобы Шюц мог, по крайней мере, поддерживать свой престиж перед монтаньярами, а в этом ведь в настоящий момент весь смысл его миссии — по отношению к Пруссии.

Само собой разумеется, что он в общем мало осведомлен, так как он встречается лишь с некоторыми *официальными* монтаньярами. Впрочем, я буду его постоянно держать в курсе дела.

С своей стороны, я настаиваю, чтобы ты мне писал регулярно, не реже двух раз в неделю и, кроме того, немедленно сообщал всякий раз, когда случится что-нибудь серьезное.

В фельетоне «Kolnische Zeitung» о пфальцском движении, помеченном «Дюркгейм на Гардте», между прочим сказано:

«Г-ном Марксом, редактором «Rheinische Zeitung», здесь недовольны. Он будто бы заявил временному правительству, что его время еще не пришло и что он пока отойдет в сторону».

Как связать одно с другим? Жалкие здешние немцы, с которыми я, впрочем, всячески избегаю встречаться, постараются разнести это по всему Парижу. Поэтому я считаю необходимым, чтобы в корреспонденции в «Karlsruher Zeitung» или «Mannheimer Abendzeitung» вы специально заявили, что я нахожусь в Париже в качестве представителя *демократического Центрального комитета*[155]. Я также и потому считаю это полезным, что пока здесь, в данный момент, непосредственно еще нельзя добиться никаких результатов, нужно заставить пруссаков поверить, что здесь разыгрываются ужаснейшие интриги. Надо нагнать страху на аристократов.

Влияние Руге здесь равно нулю.

Что поделывает Дронке?

Ты должен *где-нибудь раздобыть для меня денег;* ты знаешь, что последние текущие поступления я израсходовал, чтобы рассчитаться по обязательствам «Новой Рейнской газеты», а при

нынешних обстоятельствах я не могу жить замкнуто и еще менее могу находиться в затруднительном денежном положении.

Если можешь, пришли мне французскую статью, в которой содержалось бы резюме всех венгерских дел.

Сообщи содержание этого письма Д'Эстеру. Кланяйся ему сердечно. Если я должен писать по другому адресу, то сообщите его.

М.

Пиши мне по адресу: г-ну Рамбо, 45, rue de Lille.

[Надпись на обороте письма]

Г-ну *Фр. Энгельсу,* спросить у д-ра Д'Эстера.

Впервые полностью опубликовано на языке оригинала в Marx— Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 1, 1929 и на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXI, 1929 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

41

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ [156]

В ВЕВЕ

[Париж, около 1 августа 1849 г.]

Дорогой Энгельс!

Я очень беспокоился за тебя и чрезвычайно обрадовался, получив вчера письмо, написанное твоей рукой[*]. Я поручил Дронке (он здесь) написать твоему зятю[**], чтобы получить о тебе сведения. Тот, конечно, ничего не знает.

Вся моя семья здесь. Правительство хотело выслать меня в Морбиан, в Понтийские болота Бретани. До сих пор мне удавалось ускользнуть от исполнения этого приказа. Но если ты хочешь, чтобы я написал тебе подробнее как о моем положении здесь, так и об общем положении дел, ты должен мне прислать более надежный адрес, так как здесь очень тревожно.

У тебя теперь имеется прекрасная возможность написать историю баденско-пфальцской революции или памфлет об этом[157]. Без твоего участия в военных действиях мы не могли

[*] См. настоящий том, стр. 443—444. *Ред.*
[**] — Эмилю Бланку. *Ред.*

бы выступить со своими взглядами по поводу этой дурацкой затеи. Ты можешь при этом великолепно выразить общую позицию «Neue Rheinische Zeitung» по отношению к демократической партии. Я убежден, что эта штука будет иметь успех и принесет тебе деньги.

Я начал переговоры об издании в Берлине периодического (ежемесячного) политико-экономического журнала, для которого должны будем писать главным образом мы оба[158].

Лупус* также в Швейцарии, я полагаю — в Берне. Веерт был вчера здесь, он основывает агентство в Ливерпуле. Красный Вольф** живет здесь у меня. Финансовые дела, естественно, в большом беспорядке.

Фрейлигрmaт продолжает оставаться в Кёльне. Если бы моя жена не была в интересном положении, я с удовольствием покинул бы Париж, как только мои финансы позволили бы это.

Будь здоров. Кланяйся сердечно В[илли]ху и отвечай немедленно по адресу: г-ну Рамбо, rue de Lille, 45.

Твой ***К. М.***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart. 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

42
МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ В ВЕВЕ

Париж, 17 августа [1849 г.]

Дорогой Энгельс!

Я не знаю, получил ли ты мое первое письмо — ответ на твое первое письмо на имя моей жены, — так как твой адрес был очень неточен. Я ответил бы тебе уже и на второе письмо, если бы мне не помешала болезнь всей моей семьи, находящейся здесь. Мне еще раз хочется сказать тебе, что я и моя жена страшно волновались за тебя и очень обрадовались, неожиданно получив о тебе точные сведения.

Из даты на письме ты видишь, что в ответ на мое заявление министерство внутренних дел пока оставило меня в покое в Париже. Департамент Морбиан, куда меня собирались отправить, в это время года убийственен — это Понтийские болота

* — Вильгельм Вольф. *Ред.*
** — Фердинанд Вольф. *Ред.*

Бретани. Писать о деле 13 июня[159] было бы в данный момент неосторожно. Я не думаю, по крайней мере, я не знаю, уважается ли тайна переписки.

Общее положение здесь я могу тебе обрисовать в двух словах: распад большинства на первоначальные, взаимно враждебные элементы, бонапартизм навсегда скомпрометирован, озлобление среди крестьян из-за сохранения 45 сантимов, бешенство виноделов из-за грозящего им сохранения налогов на напитки, в общественном мнении снова антиреакционная струя, в отсроченной палате[160] и в министерстве устанавливается исключительное господство реакции, занятой устранением из кабинета клики Барро — Дюфора. Лишь только это произойдет, можешь надеяться на скорое возрождение революции.

Не знаю, имеешь ли ты в Швейцарии возможность следить за движением в Англии. Англичане возобновили свое движение как раз с того пункта, где его прервала февральская революция. Партия мира, как ты знаешь, только новая маска фритредерской партии. Но на этот раз промышленная буржуазия действует еще революционнее, чем во время агитации Лиги против хлебных законов. Это происходит двояким путем: 1) Аристократию, которой нанесен решительный удар в области внутренней политики благодаря отмене хлебных законов и навигационного акта, буржуазия стремится разбить и в области внешней политики, связанной с европейскими делами. Это — полная противоположность политики Питта. Против России, Австрии, Пруссии, одним словом — за Италию и Венгрию. Кобден всерьез пригрозил отлучением тем банкирам, которые будут предоставлять займы России, и открыл настоящий поход против русских финансов. 2) Агитация за всеобщее избирательное право для того, чтобы политически совершенно оторвать арендаторов от земельной аристократии, предоставить городам абсолютное большинство в парламенте, свести к нулю роль верхней палаты; финансовая реформа, для того чтобы ограничить церковь и урезать политические доходы дворянства.

В обеих видах агитации чартисты и фритредеры выступают заодно. Гарни и Пальмерстон как будто бы в мире. На последнем митинге в Лондоне — полное единодушие между О'Коннором и полковником Томпсоном.

Этот экономический поход против феодализма и Священного союза может иметь самые непредвиденные последствия.

Венгрия великолепна. Но эта поганая Пруссия? Что ты скажешь об этом? Эти «бледные пройдохи»* теперь на убой

* *Гейне.* «Германия. Зимняя сказка», глава VIII. *Ред.*

откармливаются в Саксонии, Бадене, Пфальце. Если они пошлют в помощь австрийцам армию, то это будет сделано таким образом, что они сами останутся в Богемии* и заставят себя там кормить. Но жалкая Пруссия — боюсь только, что она окажется слишком трусливой, — погибнет, лишь только примет участие в венгерском деле, которое во всяком случае превратится во всеобщую войну.

Теперь, мой милый, что нам делать со своей стороны? Нам надо взяться за доходное литературное предприятие. Я жду твоих предложений.

Красный Лупус** живет в одном доме со мной. Дронке также в Париже; это — человечек из школы Э. Мейена. Лупус*** в Цюрихе, его адрес: д-ру Люнингу. Тебе незачем писать отдельно г-ну Рамбо. Это мой псевдоним.

Итак, адрес просто следующий: г-ну Рамбо, 45, rue de Lille.

Привет!

К. М.

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd, I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

43

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

В ЛОЗАННУ

[Париж], 23 августа [1849 г.]

Дорогой Энгельс!

Меня высылают в департамент Морбиан, в Понтийские болота Бретани. Ты понимаешь, что я не соглашусь на эту замаскированную попытку убийства. Поэтому я покидаю Францию.

В Швейцарию мне не дают паспорта, я должен, таким образом, ехать в Лондон, и не позже, чем завтра. Швейцария и без того скоро будет герметически закупорена, и мыши будут пойманы одним ударом.

Кроме того: в Лондоне у меня имеются *положительные* виды на создание немецкого журнала****. Часть денег мне *обеспечена.*

---

* — Чехии. *Ред.*

** — Фердинанд Вольф. *Ред.*

*** — Вильгельм Вольф. *Ред.*

**** — «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue». *Ред.*

Ты должен поэтому немедленно отправиться в Лондон. К тому же этого требует твоя безопасность. Пруссаки тебя дважды расстреляли бы: 1) за Баден; 2) за Эльберфельд[161]. И зачем тебе *эта* Швейцария, где ты ничего не можешь делать?

Тебе ничто не мешает приехать в Лондон, под именем ли Энгельса или под именем Майера. Как только ты заявишь, что хочешь поехать в Англию, ты получишь во французском посольстве пропуск для проезда в Лондон.

Я *положительно* рассчитываю на это. Ты *не можешь* оставаться в Швейцарии. В Лондоне нам предстоят дела.

Моя жена остается пока здесь. Можешь ей писать все по тому же адресу: 45, rue de Lille, г-ну Рамбо.

Еще раз повторяю: я твердо рассчитываю на то, что ты меня не подведешь.

Твой ***К. М.***

Лупус* у д-ра Люнинга, в Цюрихе. Напиши и ему о моем плане.

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

* — Вильгельм Вольф. *Ред.*

1850 год

44

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ [162]

В МАНЧЕСТЕР

[Лондон], 19 ноября 1850 г.

Дорогой Энгельс!

Пишу тебе только несколько строк. Сегодня в 10 часов утра *умер* наш маленький заговорщик Фоксик[163] — внезапно, во время одного из тех припадков конвульсий, которые у него часто бывали. Еще за несколько минут до этого он смеялся и шалил. Все это случилось совершенно неожиданно. Можешь себе представить, что здесь творится. Из-за твоего отсутствия как раз в данный момент мы чувствуем себя очень одинокими.

В ближайшем письме я сообщу тебе кое-что о Гарни, и ты увидишь, в каком ужасном положении он находится.

Твой ***К. Маркс***

Если у тебя будет настроение, напиши несколько строк моей жене. Она совершенно вне себя.

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

45

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ [164]

В МАНЧЕСТЕР

Лондон, 23 ноября 1850 г.

Дорогой Энгельс!

Твое письмо очень благотворно подействовало на мою жену. Она находится в состоянии крайнего возбуждения и изнурения. Она сама кормила ребенка и в самых тяжелых условиях спасала

его жизнь ценой величайших жертв. К тому же ее мучит мысль, что несчастное дитя пало жертвой материальной нужды, хотя именно у него и не было недостатка в уходе.

Г-н Шрамм* всецело подпал под влияние Зейлера и переживает один из своих самых отвратительных периодов. Целых два дня, 19 и 20 ноября, его совсем не было видно у нас, затем он пришел на одну минуту и тотчас же опять исчез после нескольких глупых замечаний. В день похорон он просил взять его с собой, но пришел за минуту до назначенного времени, не говорил ни слова о похоронах, а сказал моей жене, что он торопится, чтобы не опоздать к обеду у брата**. Ты можешь себе представить, как при теперешнем раздраженном состоянии моей жены ее должно было оскорбить поведение этого человека, который пользовался в нашем доме таким дружеским расположением.

Джонс познакомил меня с истинным положением Гарни. Ему угрожает судебное преследование. Его орган по всему своему содержанию подлежал обложению штемпельным сбором[165]. Правительство выжидает только большего его распространения, чтобы наложить на него руку. Процесс против Диккенса затеян только для того, чтобы создать прецедент по отношению к Гарни. Если его арестуют, то, кроме соответствующего наказания, ему придется просидеть лет двадцать в тюрьме вследствие невозможности раздобыть залог.

Бауэр и Пфендер выиграли свой процесс[166]. Робертс был их адвокатом.

Твои ***К. М.***

Впервые полностью опубликовано на языке оригинала в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 1, 1929 и на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXI, 1929 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

46

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ [167]

В ЛОНДОН

[Манчестер], 25 ноября 1850 г.

Дорогой Маркс!

Я пишу тебе сегодня только для того, чтобы сообщить, что сегодня я еще, к сожалению, не могу выслать тебе обещанные мною в последнем письме 2 фунта стерлингов. Эрмен уехал на

* — Конрад Шрамм. *Ред.*
** — Рудольфа Шрамма. *Ред.*

несколько дней, и так как для банкира никто из нас не является доверенным лицом, то мы не можем выписать чек на получение денег и должны удовлетвориться теми небольшими поступлениями, которые случайно к нам попадают. В кассе имеется всего около 4 фунтов, и поэтому ты понимаешь, что я должен немного подождать. Как только Э[рмен] вернется, я немедленно вышлю тебе деньги. Надеюсь, что первый перевод пришел вовремя.

Поведение Шр[амма] — действительно полнейшая низость.

История с Гарни во всяком случае весьма печальна. Если они захотят его арестовать, то не поможет никакое изменение названия журнала[*]. Совершенно прекратить его издание он тоже не может, и если *этот* орган попадет в категорию подлежащих обложению штемпельным сбором, тогда я не знаю, как вообще можно издавать политический еженедельник, не подлежащий обложению штемпельным сбором. Во всяком случае, он поступил бы хорошо, если бы выбросил с восьмой страницы свою рабочую хронику, — это уже относится к отделу новостей и, несомненно, подлежит обложению штемпельным сбором. Но из того, что ты пишешь, видно, что и его редакционные статьи, по мнению Джонса, по своему содержанию также подлежат обложению штемпельным сбором. И тогда уж всему конец.

Возмущенный Шр[амм], как это видно и из письма Зейлера о деньгах, опять в самых лучших отношениях со своим братом[**] и даже начинает проявлять уважение по отношению к нему.

Надеюсь, что жена твоя поправляется. Сердечный привет ей и всей твоей семье от твоего

Ф. Э.

На этой неделе я вышлю твоей жене нитки, которые, надеюсь, ей понравятся.

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I. Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

[*] — «Red Republican». *Ред.*

[**] — Рудольфом Шраммом. *Ред.*

47

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ [168]

В МАНЧЕСТЕР

Лондон, 2 декабря [1850 г.]
64, Deanstreet, Soho

Дорогой Энгельс!

Я был несколько дней серьезно болен, и поэтому ты получишь это письмо, а также извещение о получении обоих почтовых переводов, позже, чем мне этого хотелось. Зейлеру я отослал $7^1/_2$ шиллингов. Что касается «Independance», то мы оба в данный момент ничего не должны Зейлеру, так как он, выбрав подходящее время, позволил своему хозяину себя выселить, оставив ему в качестве компенсации за те 10 фунтов, которые он был ему должен, лишь неоплаченную «Independance», движимое имущество на 18 пенсов и две или три книги, одолженные у меня и других. Он действительно в высокой степени обладает талантом чисто по-американски ликвидировать превышение своих расходов над доходами.

Великий *Хейльберг* прибыл сюда со своей так называемой молодой женой. Я не имел чести видеть сказочного Тука, который, конечно, прибыл сюда из-за океана гораздо более значительным — это опасный конкурент для Зейлера. Он совершенно завладел Бамбергером, называет его «братцем» и старую Амшель «тетенькой».

Номера «Revue» я еще не видел и ничего не слыхал о нем. Веду переговоры с Кёльном об издании трехмесячника.

Частью из-за нездоровья, частью намеренно я встречаюсь с другими в Палтни-сторз лишь в дни официальных заседаний. Так как эти господа много дебатировали вопрос о том, скучное ли это общество или нет, то я, естественно, предоставляю им самим прийти между собой к соглашению относительно приятности их времяпрепровождения. А сам я показываюсь там редко. Мы оба убедились на опыте, что эти люди тем меньше начинают тебя ценить, чем больше ты отдаешь им свое время. Кроме того, они мне надоели, и я хочу использовать свое время возможно более продуктивно. Друг Шрамм, игравший в продолжение нескольких недель роль недовольного и убедившийся, наконец, что решительно никто не намерен чинить препятствия естественным сменам его настроений, все более проникается состоянием духа, характерным для образцовых меблированных комнат.

На Грейт-Уиндмилл[169] царит сильное раздражение по поводу потери 16 ф. ст. по приговору суда. Особенно неистовствует

Леман. Его гнев не уляжется, пока Бауэр* и Пфендер не будут публично заклеймены во всех европейских газетах как воры и преступники. Маленький Бауэр утверждает теперь, конечно, в приливе морального негодования, что уплата хотя бы одного пфеннига в пользу Грейт-Уиндмилл или на общественную благотворительность была бы непростительным оскорблением английского уда и «признанием буржуазии».

Между тем великие мужи с Грейт-Уиндмилл-стрит имели триумф, как явствует из следующего документа:

«*К демократам всех наций*»

«Граждане! Изгнанники-эмигранты в Англии, *и по одному этому* поставленные в более благоприятные условия *для того, чтобы* судить о политических движениях на континенте, мы» (заметь! в этой *единственной* фразе, обходящейся без подлежащего, связки и сказуемого, допущена грубая грамматическая ошибка; надо бы сказать: и потому поставленные в более благоприятные условия, *чем* вы, прочие, *для того чтобы)* «имели возможность следить и активно наблюдать за всеми махинациями союзных держав, готовящихся к новому вторжению *во Францию,* где» (вот здорово!) «северных казаков ждут их сообщники, *для того чтобы»* (опять: для того чтобы) «потушить в самом очаге» (на родине Бартелеми и Потье) «вулкан мировой революции.

Короли и аристократы Европы поняли, что настало время возвести плотину, чтобы сдержать народные волны» (лучше было бы сказать: народный маразм**), «которые грозят поглотить их пошатнувшиеся троны.

В России, Австрии, Пруссии, Баварии, Ганновере, Вюртемберге, Саксонии, словом — во всех немецких государствах уже объединены многочисленные войска» (войска... уже объединены!). «В Италии 130000 человек угрожают границам Швейцарии. Форарльберг занят восьмидесятитысячной армией. Верхний Рейн занят 80000 вюртембержцев, баденцев и пруссаков. Майн охраняют 80000 баварцев и австрийцев. В то время как 370000 человек занимают указанные нами пункты, Пруссия мобилизовала 200000 солдат, которых она держит наготове (sic!***), чтобы бросить их на границы Бельгии и Франции; Голландию и Бельгию участники коалиции вынудят поддержать вторжение с помощью армии численностью в 150000 человек. В Богемии**** стоят в полной готовности 150000 человек и ждут лишь приказа, чтобы соединиться с майнской армией, численность которой тогда будет доходить до 230000 человек. Возле Вены сосредоточено 80000 человек. 300000 русских расположились лагерем в Польше и 80000 — в окрестностях Петербурга. Эти армии вместе образуют военную силу в 1300000 бойцов, ожидающих только сигнала к нападению. Позади этих войск стоят также наготове (!) 180000 австрийцев, 200000 пруссаков, 100000 солдат, поставленных мелкими государствами Германии, и 220000 русских. Все эти армии вместе составляют резерв в 700000 человек, не считая неисчислимых (sic!) орд варваров, которые московский Аттила готов призвать из глубин Азии, чтобы, как некогда (!), обрушить их на европейскую цивилизацию.

---

* — Генрих Бауэр. *Ред.*

** Игра слов: «mar̲e̲e» — «волна», «marasme» — «маразм». *Ред.*

*** — так! *Ред.*

**** — Чехии. *Ред.*

Немецкие газеты[1]» (в примечании специально приводится, в угоду Люнингу, паршивая фраза из «Neue Deutsche Zeitung») «и наши *собственные сведения дают* нам *возможность раскрыть тайные планы держав,* уполномоченные которых собрались 25 октября в Варшаве. В этой (!) конференции *было решено,* что показная война, чорт возьми, вот так дипломаты!) «между, Пруссией и Австрией должна послужить предлогом для действий солдат, которых *воля* царя превращает в слепое орудие и в диких наемных убийц в борьбе против защитников свободы». (Браво!) «Ввиду этих фактов невозможно больше сомневаться: в данный момент организуется уже начатая (!!) кровавая расправа со всеми республиканцами. Ярость наших врагов не могли утолить июньские дни 1848 г. с их кровавыми расправами и последовавшими затем изгнаниями, опустошение и порабощение Венгрии Австрией, предание Италии во власть папы и иезуитов, после того как Римская республика была задушена солдатами французского правительства. Они мечтают о порабощении всех народов, борющихся за торжество всеобщей свободы. Если демократия не будет достаточно бдительна, Польша, Венгрия, Германия, Италия и Франция будут вскоре снова отданы во власть дикой солдатни Николая, который, желая побудить варваров к борьбе, обещает предоставить им Европу на ноток и разграбление.

Вперед же, *вперед!* против этой грозящей нам опасности... французские, немецкие, итальянские, польские и венгерские республиканцы, сбросим с себя это оцепенение» (пьянство Шаппера и Виллиха!), «которое ослабляет наши силы и подготовляет легкую победу нашим угнетателям. *Вперед!*... Пусть за нынешними днями бездействия и позора последуют дни трудов и славы, которые нам готовит священная война за свободу! Когда вы ознакомитесь с опасностями, на которые мы вам указываем, вы поймете, как и мы, что было бы безумием дольше выжидать нападения общего врага; мы должны все подготовить и предупредить окружающую нас опасность». (Попробуйте-ка предупредить опасность, которая вас *окружает!)* «Граждане демократы-социалисты, наше спасение лишь в нас самих, мы должны рассчитывать лишь на свои собственные силы; наученные опытом прошлого, мы должны вооружиться против предстоящего предательства. Будем избегать, будем в особенности избегать ловушек, подготовленных для нас змеями (!) дипломатии. Ученики Меттерниха и Талейрана рассчитывают в этот момент потушить факел революции, вызвав во Франции, при помощи подготовляемого ими нашествия, национальную войну, во время которой народы стали бы истреблять друг друга на пользу врагам их освобождения. Нет, граждане! Не нужно больше национальных войн! Барьеры, которые воздвигнуты деспотами между нациями, разделенными ими на части, должны быть снесены, и смешавшиеся воедино *народы»* (действительно: *смешавшиеся)* «будут впредь иметь лишь одно знамя, на котором мы кровью наших мучеников написали: *«Всемирная демократическая и социальная республика!»*

От имени *своих союзов:* Члены комитета французского эмигрантского общества демократов-социалистов в Лондоне: *Адан* (Камбрер), *Бартелеми* (Эмманюэль), *Каперон* (Полен), *Фанон, Гуте, Тьерри, Видиль* (Жюль). Делегаты постоянной комиссии секции польской демократии в Лондоне: *Завашкевич, Варскироский.* Члены демократически-социалистического комитета немецких эмигрантов[170] и Общества немецких рабочих: *Диц* (Освальд), *Геберт* (А.), *Майер* (Адольф), *Шертнер* (А.), *Шаппер* (Карл), *Виллих* (Август). Делегаты венгерского демократического союза в Лондоне: *Молинари, Шимони.*

Лондон, 16 ноября 1850 г.»

Коль для клопов уж это не годится,
То хуже вряд ли даже и приснится*.

Когда я прочитал манифест Роллена, Мадзини, Руге и др. к немцам[171], где их призывают петь боевую песнь, напоминают им, что их предки назывались «франками», и где говорится, что прусский король уже решился на то, чтобы позволить Австрии разбить себя, — то я полагал, что не может быть ничего глупее этого. Но нет! Появляется манифест Фанона—Капперона— Гуте, — как называет его «Patrie», этих dii minorum gentium**, — того же содержания, как правильно замечает эта газета, но без блеска, без стиля, с самыми жалкими цветами красноречия, вроде выражений: «змеи», «наемные убийцы» и «кровавые бойни»! Приводя несколько строк из этого шедевра, «Independance» сообщает, что его составителями были *«самые безвестные* рядовые демократы» и что эти бедняги послали манифест корреспонденту этой газеты в Лондоне, хотя она и придерживается консервативного направления. Так жаждали они, чтобы оно было напечатано. В наказание газета не приводит *ни одного* имени, а «Patrie» называет только три вышеупомянутых. В довершение всего они пересылают через одного штраубингера (этот же субъект рассказал вчера сию печальную историю Пфендеру) 50 экземпляров для отправки во Францию. Недалеко от Булони он выбросил 49 штук в море, а в Булони, ввиду отсутствия у него паспорта, его вернули в Лондон, и этот штраубингер рассказывает, «что теперь он собирается в Бостон».

Будь здоров и отвечай немедленно.

Твой ***К. Маркс***

Кстати! Напиши же, наконец, достойному Дронке, чтобы он отвечал на письма по делам Союза, а не только обращался с просьбой о деньгах. Господа кёльнцы[172] еще ничего о себе не дали знать. Вейдемейер упоминает о «Хауде», который жестоко поплатился в Германии, а теперь опять находится здесь; он его считает «в общем славным парнем».

Ты должен серьезно подумать, о чем тебе написать. Англия не подходит, так как об этом уже имеются две статьи, а вместе со статьей Эккариуса, пожалуй, и все три. О Франции тоже много не скажешь. Быть может, ты смог бы, в связи с новейшими произведениями Мадзини, взять, наконец, за шиворот этих жалких итальянцев вместе с их революцией? (Его «Республика и монархия» и т. д. и его «Религия, папа» и т. д.)

* Немецкая поговорка, распространенная в Рейнской области. *Ред.*

** — буквально: младших богов; в переносном смысле: второразрядных величин. *Ред.*

[Приписка Женни Маркс]

Дорогой г-н Энгельс!

Ваше дружеское участие в связи с постигшим нас тяжелым ударом — потерей нашего маленького любимца, моего бедного, стоившего мне стольких страданий крошки*, — принесло мне большое облегчение, тем более, что в последние тяжелые дни я имела все основания горько жаловаться на нашего друга Ш[рамма]. Моему мужу и всем нам сильно недоставало Вас, и мы часто тосковали без Вас. Все же я рада, что Вы уехали отсюда и находитесь на верном пути к тому, чтобы стать крупным хлопчатобумажным лордом. Постарайтесь только поосновательнее вклиниться между обоими враждующими братьями; эта борьба сделает Вас необходимым Вашему почтенному папаше, и мысленно я уже вижу Вас в качестве Фридриха Энгельса junior** и компаньона Вашего отца. Но самое лучшее при этом все же то, что Вы, несмотря на торговлю хлопком и прочее, останетесь прежним Фрицем и, говоря языком трех архидемократов, Фридриха-Вильгельма (первого), Кинкеля и Мадзини, «не отойдете от *священного дела свободы*». Карл уже написал Вам кое-что о здешней грязи; я еще прибавлю несколько фактов. Толстый невежа Хауде в своем клеветническом турне по Германии потерял весь свой жир и очень неловко себя чувствует, когда кого-нибудь встречает. У диктатора Гиппопотама***, говорят, появился маленький гиппопотам сомнительного происхождения, и рыцарь Грейт-Уиндмилл Виллих Гогенцоллерн увеличил свою благородную свиту несколькими негодяями и разбойниками с большой дороги. Наша собственная публика перебивается изо дня в день, занимая в долг несколько пенсов. Рингс зарабатывает теперь кое-что в качестве клакера у герцога Брауншвейгского, который опять произносит речи перед судом.

На недавнем польском банкете, который сообща устроили французские, немецкие, венгерские и польские crapauds**** (Виллих, Фиески, Адан и др.), дело дошло до драки. Больше мы ничего не слыхали об этой шайке.

Вчера вечером мы были на первой лекции Эрнеста Джонса по истории папства. Его лекция была очень хороша и для англичанина является прямо выдающейся; для нас, немцев, прошедших муштру Гегеля, Фейербаха и т. д., она была не вполне на высоте. Бедный Гарни был при смерти; у него был нарыв в дыхательном горле. Ему еще нельзя говорить. Английский врач дважды оперировал его и не попадал на больное место. Его «Red Republican» превратился в «Friend of the People». Ну, на сей раз хватит. Дети много говорят о дяде Ангельсе, а маленький Тилль*****, следуя Вашим уважаемым инструкциям, дорогой г-н Энгельс, великолепно поет песню о «старой шубе и лихом венике».

На рождество, я надеюсь, мы Вас увидим.

Ваша ***Женни Маркс***

Впервые полностью опубликовано на языке оригинала в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 1, 1929 и на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXI, 1929 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого и французского

* — Генриха Гвидо Маркса. *Ред.*
** — младшего. *Ред.*
*** — Шаппера. *Ред.*
**** — обыватели. *Ред.*
***** — Эдгар Маркс. *Ред.*

48

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

В ЛОНДОН

Манчестер, 17 декабря 1850 г.

Дорогой Маркс!

Последнее время я, в виде исключения, был очень занят, а кроме того, были и другие препятствия, выбившие меня из моей обычной колеи и помешавшие мне писать. Этим объясняется мой запоздалый ответ.

Манифест Фанона — Каперона — Гуте действительно шедевр и по содержанию, и по форме. Фанфаронство достигло здесь своего наиболее совершенного выражения, и г-н Бартелеми дал, наконец, миру пример того, что значит говорить напрямик. Военные выкладки этого гранитного человека также весьма наивны: этот простак большую часть корпусов австрийской армии посчитал дважды, как легко убедиться даже при самом поверхностном просмотре газет. Впрочем, это уж слишком большое бесстыдство — после всех позорных провалов, начиная с 1848 г., и при нынешнем благодушном настроении всех наций, особенно crapauds*, кричать о народных волнах, которые грозят поглотить троны. Коллекция имен, стоящих под манифестом, является, пожалуй, самой прекрасной чертой этого произведения. Такого европейского конгресса еще никогда не было. Ледрю-Р[оллен], Мадз[ини] и К° приобретают благодаря этому ребячеству некоторое значение. Впрочем, я желал бы знать, чем эта тряпка Завашкевич, подписавшийся под манифестом, отличается от ледрю-ролленовского поляка Дараша и в какой мере обоих подписавшихся венгров можно предпочесть Мадзини. Шаппер и Руге, конечно, стоят друг друга, и если только этот таракан Диц своей тяжестью не склонит чаши весов на сторону нового европейского комитета, то вряд ли эти господа выдержат конкуренцию со своим оригиналом.

Недавно я был у Джона Уотса; парень, кажется, недурно ведет коммерцию; его магазин в Динсгейте, расположенный несколько выше, теперь значительно расширился. Он стал настоящим радикальным мещанином, ничем не интересуется, кроме просветительного движения**, преклоняется перед «моральной силой»[173] и избрал г-на Прудона своим кумиром. Он

* — французских обывателей. *Ред.*

** См. настоящий том, стр. 169—170. *Ред.*

перевел «Экономические противоречия»[*] и другие работы и потерял при этом много денег, так как английские рабочие еще недостаточно хорошо «воспитаны», чтобы понимать эти замечательные книги. Он рассказал мне много разных историй, из которых видно, что он прекрасно умеет развивать свое портняжное предприятие, афишируя свой буржуазный либерализм. В просветительных комитетах он заседает в братском единении со своими прежними ярыми врагами, диссентерскими попами, и время от времени получает от них благодарность «за весьма дельный доклад, прочитанный им этим вечером». Благодаря этой метаморфозе парень потерял, на мой взгляд, всякую привлекательность; с тех пор я у него больше не был. Для людей, проделавших подобное превращение и ставших солидными буржуа, Прудон, естественно, является здесь настоящей находкой: идя как будто весьма далеко, дальше Оуэна, он все же остается вполне респектабельным.

Я ничего не имею против того, чтобы написать о г-не Мадзини и итальянской истории. Мне недостает только, кроме вещи, напечатанной в «Red Republican», всех сочинений Мадзини. До рождества мне, однако, ничего не удастся сделать, так как через неделю я ведь буду в Лондоне. Тогда я и заберу с собой все, что мне нужно. Возможно, что до того времени нам придет в голову еще что-нибудь.

Сердечная благодарность твоей жене за ее дружеские строки[**]. С превращением в хлопчатобумажного лорда дело обстоит не так уж страшно; мой старик[***], кажется, совсем не склонен держать меня здесь дольше, чем это абсолютно необходимо. Впрочем, увидим. Петер Эрмен шмыгает здесь все время, как лиса, у которой хвост застрял в железных тисках, и старается выжить меня путем интриг. Этот болван думает, что *он* может меня разозлить.

Дронке я написал.

Привет твоей жене и детям.

Твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart. 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

[*] *П. Ж. Прудон.* «Система экономических противоречий, или Философия нищеты». *Ред.*
[**] См. настоящий том, стр. 143. *Ред.*
[***] — Фридрих Энгельс-старший, отец Энгельса. *Ред.*

1851 год

49

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

В МАНЧЕСТЕР

[Лондон], 6 января [1851 г.]

Дорогой Энгельс!

Ты очень меня обяжешь, выслав мне, если возможно, деньги немедленно. Моя хозяйка очень бедна; я ей не плачу уже вторую неделю, и она яростно ко мне пристает.

Вчера на заседание округа явился Вольф[*], но не было Либкнехта и Шрамма. После того как новый Устав был принят[174], я отложил эту ерунду на неопределенное время.

Твой ***К. М.***

Наше «Revue», вероятно, скоро вновь появится в Швейцарии. Итак, пиши что-нибудь, для того чтобы в случае надобности у меня была рукопись наготове.

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

50

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

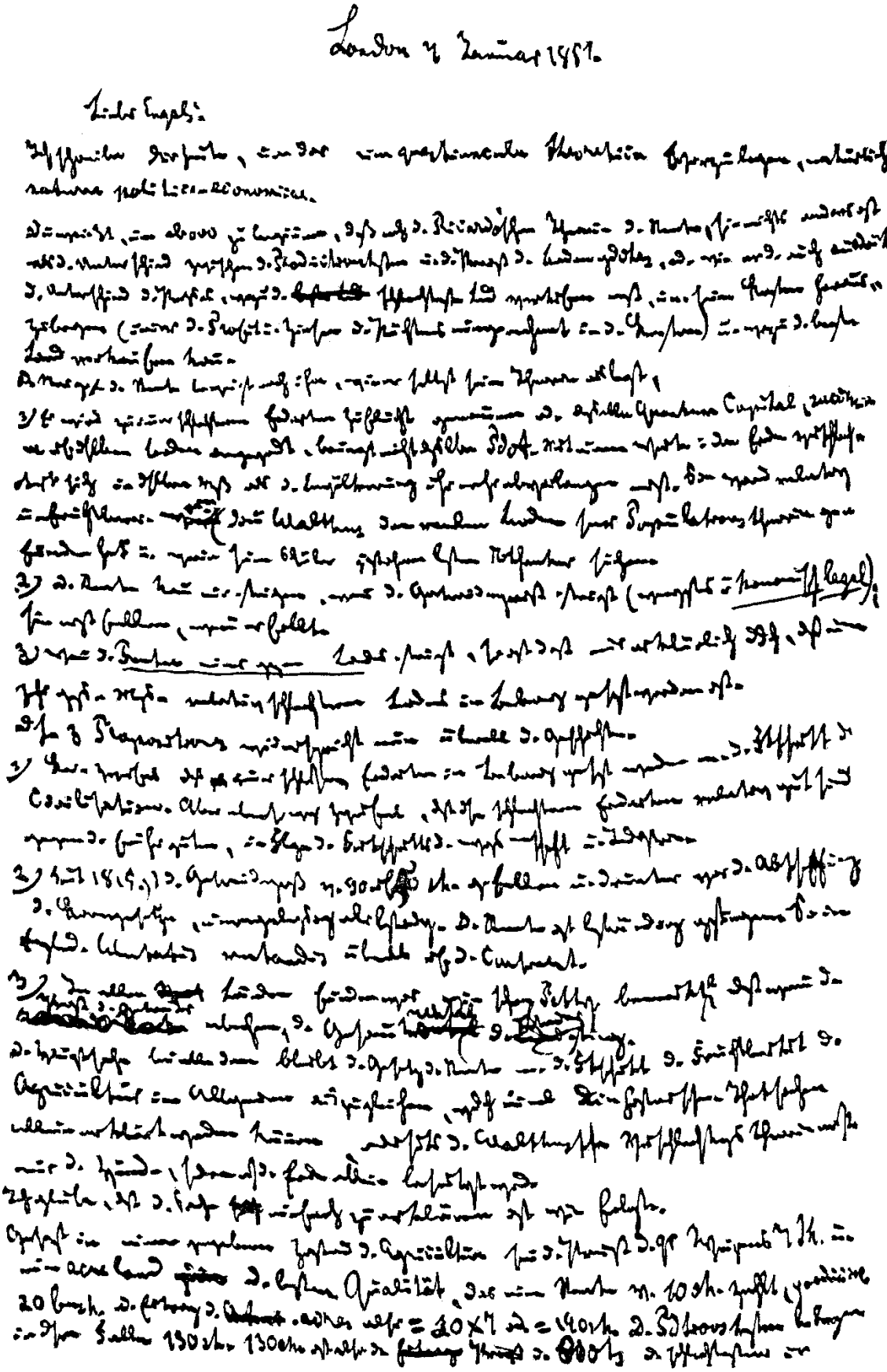
В МАНЧЕСТЕР

Лондон, 7 января 1851 г.

Дорогой Энгельс!

Я пишу сегодня для того, чтобы предложить тебе небольшой questiuncula theoretica[**], разумеется, naturae politico-economicae[***].

[*] — Фердинанд Вольф. *Ред.*
[**] — теоретический вопрос. *Ред.*
[***] — политико-экономического свойства. *Ред.*



Первая страница письма Маркса Энгельсу 7 января 1851 года

Начну ab ovo*. Тебе известно, что, согласно теории ренты Рикардо, рента есть не что иное, как разница между издержками производства и ценой продукта земли или, как он иначе выражает эту мысль, — разница между ценой, по которой надо продавать продукты наихудшей земли, чтобы возместить издержки на этой земле (причем в издержки всегда включаются прибыль арендатора и проценты, которые он уплачивает), и той ценой, по которой могут быть проданы продукты наилучшей земли.

Согласно теории Рикардо, как он сам ее излагает, рост ренты показывает следующее:

1. Прибегают к обработке земель все более худшего качества, или же одинаковое количество капитала, последовательно применяемое к одному и тому же участку земли, дает неодинаковый продукт. Одним словом, земля ухудшается в той же мере, в какой возрастает спрос населения на ее продукты. Она становится относительно все менее плодородной. Именно это и послужило Мальтусу реальным основанием для его теории народонаселения, и именно в этом его ученики ищут теперь свой последний якорь спасения.

2. Повышение ренты (по крайней мере, *экономически закономерное*) возможно только при повышении хлебных цен; она должна падать с их падением.

3. Если *сумма ренты всей страны* возрастает, то это можно объяснить только тем, что в обработку вовлечено очень большое количество относительно худшей земли.

Однако история всюду противоречит этим трем положениям.

1. Несомненно, что с прогрессом цивилизации в обработку вовлекаются все худшие земли. Но столь же несомненно и то, что в силу прогресса науки и промышленности эти худшие земли относительно хороши по сравнению с теми, которые прежде считались хорошими.

2. Начиная с 1815 г., цены на хлеб упали с 90 до 50 шилл. и еще ниже — накануне отмены хлебных законов; они падали неравномерно, но постоянно. Рента же постоянно возрастала. Так было в Англии и, mutatis mutandis**, повсюду на континенте.

3. Во всех странах, как заметил уже Петти, мы встречаемся со следующим явлением: в то время как хлебные цены падают, общая сумма земельной ренты в стране возрастает.

При всем этом главной задачей остается согласовать закон ренты с прогрессом производительности земледелия вообще;

---

* — буквально: с яйца, то есть с самого начала. *Ред.*

** — с соответствующими изменениями. *Ред.*

только таким образом можно будет объяснить исторические факты, а с другой стороны, опрокинуть теорию Мальтуса об ухудшении не только рабочих рук, но также и земли.

Я полагаю, что дело объясняется весьма просто, а именно следующим образом:

Предположим, что при данном состоянии земледелия цена квартера пшеницы составляет 7 шилл. и что акр земли наилучшего качества, приносящий 10 шилл. ренты, производит 20 бушелей. Доход с акра равен, таким образом, 20 × 7, или 140 шиллингам. Издержки производства составляют в данном случае 130 шиллингов. Значит, 130 шилл. есть цена продукта, получаемого с наихудшей из возделываемых земель.

Допустим теперь, что наступает общее улучшение земледелия. Допуская это, мы в то же время предполагаем прогресс науки, промышленности и рост населения. Общее возрастание плодородия земли, являющееся результатом улучшения земледелия, предполагает эти условия в отличие от плодородия, являющегося результатом лишь случайных обстоятельств — благоприятной погоды.

Предположим, что цена пшеницы падает с 7 до 5 шилл. за квартер. Лучшая земля, № 1, которая прежде приносила 20 бушелей, теперь приносит 30 бушелей. Доход с нее, стало быть, не 20 × 7, или 140 шилл., а 30 × 5, или 150 шиллингов. Значит, она приносит ренту в 20 шилл., вместо прежней ренты в 10 шиллингов. Наихудшая земля, не приносящая ренты, должна производить 26 бушелей, так как, согласно нашему предположению, необходимая цена ее продуктов составляет 130 шилл., а 26 × 5 = 130. Если улучшение земледелия, то есть всеобщий прогресс науки, идущий рука об руку с общим прогрессом общества, ростом населения и т. д., не является настолько всеобщим, чтобы самая плохая из подлежащих обработке земель могла приносить 26 бушелей, то цена на хлеб не может упасть до 5 шилл. за квартер.

20 шилл. ренты выражают, как и прежде, разницу между издержками производства и ценой на хлеб с наилучшей земли, или разницу между издержками производства на самой плохой и издержками производства на самой хорошей земле. Относительно одна земля остается такой же неплодородной по сравнению с другой, как и раньше. Но *в общем плодородие* возросло.

Мы предполагаем только, что если цена на хлеб падает с 7 до 5 шилл., то потребление, спрос, соответственно возрастает, иначе говоря, мы предполагаем, что производительность не превысит того спроса, на который можно рассчитывать при цене в 5 шиллингов. Насколько неверным было бы такое пред-

положение, если бы цена упала с 7 до 5 шилл. в результате исключительно благоприятной осени, настолько оно необходимо в случае постепенного повышения плодородия, достигнутого самими производителями. Во всяком случае, здесь речь идет только об экономической вероятности этой гипотезы. Отсюда следует:

1. Рента может возрастать, хотя цена земледельческого продукта падает, и все же *закон Рикардо остается правильным.*

2. Закон ренты, в виде простейшего тезиса, выдвинутого Рикардо, если мы оставим в стороне дальнейшие выводы из него, вовсе не предполагает убывающего плодородия земли, а только то обстоятельство, что, *несмотря на всеобщее возрастание плодородия земли, которым сопровождается развитие общества,* плодородие разных участков земли все же *различно* или что при последовательном применении капитала к одному и тому же участку земли результат получается различный.

3. Чем более всеобщим является улучшение почвы, тем большее количество типов почвы оно будет охватывать, и сумма ренты всей страны может возрастать, хотя цена на хлеб в общем и падает. Если взять для примера вышеприведенный случай, то тут все зависит только от того, как велико число участков земли, производящих больше, чем 26 бушелей по 5 шилл., причем совершенно не обязательно, чтобы они производили 30 бушелей; иными словами, все зависит от того, насколько разнообразно качество различных земель, занимающих промежуточное место между наилучшей и наихудшей землей. Высота ренты с наилучшей земли здесь не имеет значения. Это вообще непосредственно не относится к высоте ренты.

Ты знаешь, что вся соль вопроса о ренте заключается в том, что рента возникает путем выравнивания цен на продукты, произведенные при различных издержках производства, но что этот закон рыночной цены есть не что иное, как закон буржуазной конкуренции. И все-таки даже и после уничтожения буржуазного производства оставалась бы та загвоздка, что земля становится относительно менее плодородной, что одинаковое количество последовательно применяемого труда дает меньшие результаты, хотя тогда, в отличие от буржуазного строя, продукт наилучшей земли не был бы столь же дорогим, как продукт наихудшей. Но это опасение отпадает в результате вышеизложенного.

Прошу тебя высказаться по этому вопросу.

В награду за то, что я заставил тебя поскучать над этой ерундой, посылаю тебе для развлечения пачку писем

д-ра Магнуса Гросса (вдвойне великого Гросса! Самого великого Гросса!)* из Цинциннати[175]. Ты увидишь, что если мосье Гросс не велик [grand], то он во всяком случае толст [gros]. Теллеринг II in nuce**. Впрочем, все кобленцские типы похожи друг на друга[176]. Отошли мне эту вещь обратно, а если у тебя есть время и охота, пришли несколько строк для Дронке.

Твой ***К. М.***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx», Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

51
ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ В ЛОНДОН

Манчестер, 8 января 1851 г.

Дорогой Маркс!

При сем почтовый перевод на один фунт, выполнение формальностей остается прежним. У моего покупателя — нашего приказчика — в последнее время, по-видимому, были большие расходы, и он не хочет брать у фирмы слишком много денег сразу. Он явно не хочет идти на это, — а я не оказываю на него, разумеется, слишком большого давления. Сам я, в связи с расходами на лондонскую поездку[177], сильно поиздержался, иначе я с удовольствием выслал бы тебе всю сумму; таким образом, я вынужден сегодня ограничиться выполнением обязанности обычного консигнатора и выслать тебе половину стоимости в качестве аванса. Вторая половина последует, самое позднее, в первых числах февраля; возможно и раньше, а именно, когда фирма отошлет моему старику*** письмо с сообщением об уплаченных мне суммах.

Джонс был здесь, и выступил против своих врагов на публичном собрании в их собственном помещении[178]. Ему возражали Лич и Донован. Дебаты были не совсем такими, как я ожидал. Мелкие военные хитрости с обеих сторон, много скандальных историй, которые послужили утешением при недостатке некоторых прелестей лондонской жизни. Джонс превосходит своих

* Игра слов: Magnus Gros — имя и фамилия; в то же время «magnus» (по-латыни) и «gros» (по-немецки) означает «большой», «великий». *Ред.*

** — в зародыше. *Ред.*

*** — Фридриху Энгельсу-старшему, отцу Энгельса. *Ред.*

противников декламаторским талантом. Лич, напротив, чрезвычайно невозмутим, но временами ужасно абсурден. Донован — низкий интриган небольшого масштаба. Впрочем, благодаря «Neue Rheinische Zeitung»* и моему присутствию Джонс был вынужден объявить себя красным республиканцем и сторонником национализации земельной собственности. Лич, напротив, выступил в качестве решительного сторонника кооперативных обществ, в частности, также и потому, что они отвергают политическую агитацию. Впрочем, этих обществ в Ланкашире, по-видимому, теперь очень много, и Джонс и его друзья опасаются, что при всяком союзе между ними и чартистами они могут овладеть чартистским движением. Это обстоятельство объясняет некоторые из тех уступок, которые Гарни счел нужным сделать им.

Результат выступления Джонса — максимум того, на что можно было рассчитывать; в качестве решающего пункта спора между ним и манчестерским Советом чартистов он выдвинул вопрос о признании лондонского Исполнительного комитета. Голоса разделились поровну, несмотря на то, что Лич и компания имели в своем распоряжении около трех часов, чтобы привести на собрание своих людей, и их пришло изрядное количество. Вначале, когда состав слушателей был чисто случайным (Лич рассчитал, что Дж[онс] не может быть здесь раньше 9 часов, а тот явился уже в 8, что Л[ичу] пришлось очень не по душе), Дж[онса] встретили с энтузиазмом.

В обществе чартистов, которых он хочет привлечь на свою сторону или крепче привязать к себе, Джонс отнюдь не так наивен, как в нашей среде. Он весьма себе на уме. Пожалуй, даже чересчур; — мы-то во всяком случае его «намерение видим»**.

Из друзей Г[арни] здесь один — скучный шотландец, беспредельно чувствительный и потому бесконечно многоречивый; другой — маленький, решительный и горячий парень; степень его интеллектуальных способностей мне еще не ясна; третий, о котором Гарни мне ничего не говорил, Робертсон, кажется мне наиболее разумным из всех. Я постараюсь организовать с этими парнями маленький клуб или регулярные встречи и буду с ними обсуждать «Манифест»***. У Гарни и Джонса здесь много друзей, а у О'К[оннора] много тайных врагов, но пока он не совершит поступка, который серьезно скомпрометирует

* — «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue». *Ред.*

** Перефразированные слова из драмы Гёте «Торквато Тассо». Действие второе, явление первое. *Ред.*

*** *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Манифест Коммунистической партии». *Ред.*

его публично, его здесь официально свалить не удастся. Впрочем, Д[жонс] выражался на собрании о нем и о Рейнольдсе так непочтительно, как только было возможно.

Хорошее известие, касающееся меня, сообщил мне на днях мой зять*: мой предполагаемый американский компаньон был в Лондоне, и после состоявшейся между ними обоими беседы выяснилось, что я не тот человек, который нужен в его деле. Таким образом, вопрос об Америке отложен на неопределенное время, так как теперь без моего согласия не может быть выработан ни один новый проект.

Сердечный привет твоей жене и детям.

Твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

52

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ [179]

В МАНЧЕСТЕР

[Лондон], 22 января 1851 г.

Дорогой Энгельс!

Ты безмолвен, как смерть. При сем посылаю тебе: 1) заявление Освальда Дица против Пфендера и Бауэра**, напечатанное в базельской «National-Zeitung»[180]; 2) клеветническую статью, состряпанную против нас г-ном А. Руге вместе со Струве и Виллихом[181]. Ты должен не позже, чем через два дня, отослать мне эту дрянь и сказать, что мы должны предпринять против № 2. Если ты составишь нечто вроде заявления, то пришли его также мне.

К. Шрамм сам опубликует свое заявление.

Что ты скажешь по поводу этого образцового произведения Атта Тролля*** и скрывающегося за его спиной «выдающегося решительного мужа Струве», а также и «бравого Виллиха»? Это уж слишком. Газета случайно попала мне в руки у Бамбергера. Кто же еще читает и знает «Bremer Tages-Chronik. Organ der Demokratie»?

---

* — Эмиль Бланк. *Ред.*

** — Генриха Бауэра. *Ред.*

*** — Арнольда Руге (прозвище дано по имени героя одноименной сатирической поэмы Гейне). *Ред.*

Бауэр и Пфендер, конечно, не ответят. Для них в данный момент молчание во всяком случае — самое благоразумное.

Я еще не имею никаких известий ни от Шабелица, который хотел взять на себя продолжение издания нашего «Revue», ни от Беккера, который хотел взяться за издание моих сочинений[182]. Все мои шаги в отношении г-на Шуберта пока ни к чему не привели. Если Хаупт сможет найти адвоката, который возьмет на себя это дело, то он затеет против него процесс[183].

Как поживают Мери и Лиззи? И прежде всего, что делаешь ты сам? Гарни был как-то вечером у меня вместе с Пипером, Эккариусом и др. и был очень весел, пока его «драгоценная супруга» не утащила его почти насильно. «Влекла она его наполовину, наполовину он склонялся к ней»*.

Твой ***К. М.***

Впервые полностью опубликовано на языке оригинала в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 1. 1929 и на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса. 1 изд., т. XXI, 1929 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

53
ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ
В ЛОНДОН

[Манчестер], суббота, [25 января 1851 г.]

Дорогой Маркс!

Очень мило с твоей стороны говорить, что я безмолвен, как смерть, но я все же воздержусь от такого же упрека тебе.

Низкое вероломство померанца Руге в самом деле переходит все границы. Проще всего будет, если ты составишь заявление, которое мы оба подпишем. Отдельные личные замечания, если они крайне необходимы, могут быть прибавлены в виде примечаний и подписаны каждым из нас в отдельности. Я не знаю, нужно ли, чтобы я частным образом еще что-нибудь прибавил, разве только, что я в своем положении коммерсанта сохранил свою полную независимость и что мои «хозяева» не могут приказать мне подписывать трогательные обращения к господу богу, подобно тому как г-ну Руге, несмотря на все его прежнее атеистическое бахвальство, приказывает его начальник Мадзини[184]; далее, что я избрал этот путь, чтобы

* *Гёте.* «Рыбак». *Ред.*

не быть поставленным в необходимость жить демократическим попрошайничеством, что весьма по душе разным филистерам, которых г-н Р[уге] нам противопоставляет — или что-нибудь в этом роде. Скажи мне, считаешь ли ты это необходимым.

Статья, полная нравственного негодования и колоссального вранья, дает, впрочем, прекрасный материал для насмешки. Она вместе с тем наводит на след интриг Руге. Что г-н Р[уге] и Европейский комитет Мад[зини][185] должны были сильно поразить благородного попа Дулона и что среди этих северогерманских и нижнесаксонских плаксивых демократов, подправленных бременским водянистым беллетристическим соусом, могла быть найдена единственно подходящая почва для возвышенных мадзиниевских манифестов в Германии — все это чрезвычайно естественно. Эти господа, как «Друзья света»[186], должны были найти в Ронге—Мадзини и вернувшемся к богу Руге желанных союзников, а честь состоять в официальной переписке с величайшими людьми европейской добропорядочной демократии в качестве «немецкого комитета» должна была, конечно, заставить мягкотелого попа Дулона быть снисходительным к самой низкой клевете против «фривольных» и безбожных господ из «Neue Rheinische Zeitung». Руге также стал храбрым лишь с тех пор, как он вообразил, что «Revue» умерло. Но я думаю, что он ошибается и что над его уродливой головой скоро разразится настоящая гроза.

Может быть, стоило бы, — так как мы ведь не можем поднять большого шума по поводу этой статьи и можем ответить на нее лишь в «Tages-Chronik», — потихоньку обработать Дулона через его друга, Красного Беккера*? После этой низкой клеветы мы даже не уверены в том, что ответ наш будет принят.

Неясно, как день, что глупая манера Шрамма и необдуманное бахвальство, которое он, если судить по этой статье, допустил, будучи у своего брата**, только придали этим ослам смелости разразиться такой грубой руганью против нас, «одиноких и всеми покинутых». Этот человек теперь сам увидит, орудием какой подлости он стал, и он должен будет также понять, что своей глупостью больше вредит себе, чем другим. Великий Р[уге] не оказывает ему даже и наполовину такого внимания, какое оказывает Теллерингу. «К. Шр[амм], не смешивать!»[187] Что поделывает теперь этот молодец? Это дело не имеет большого значения. Лживые и плохо понятые сплетни, тяжеловесные и непонятные инсинуации и чванливое морализирование — мы, слава богу, переносили и не такие атаки!

---

* — Германа Беккера. *Ред.*

** — Рудольфа Шрамма. *Ред.*

Неприятно только, что эта история очень расстроит твою жену, а это весьма нежелательно при ее теперешнем состоянии.

Европейский комитет я основательно проберу на следующей неделе в «Friend of the People»[188]; я уже предупредил об этом Г[арни]. А теперь пора кончать, закрывается контора, а вслед за этим и почта. В следующий раз напишу больше.

Твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано на языке оригинала в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 1. 1929 и на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXI, 1929 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

54

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

В МАНЧЕСТЕР

[Лондон], 27 января 1851 г.

Дорогой Энгельс!

Вместе с этим ты получишь заявление для подписи. Дулону его *посылать никак нельзя,* потому что Руге стал *одним из собственников* «Bremer Chronik». Надо послать его в консервативную газету, в бременскую «Weser-Zeitung»[189]. Когда ты пошлешь заявление, одновременно напиши в эту редакцию. Скажем им, чтобы они послали нам два экземпляра в Лондон по моему адресу, 28, Deanstreet, и вместе с тем сообщили бы, сколько стоит напечатать заявление и как за него надо платить. Не забудь также франкировать письмо.

Так как надо спешить к отходу почты, прибавлю еще следующее:

1. Отослал ли ты мое письмо *Веерту,* отправленное моей женой — там было от нее несколько строк для тебя?[*]

2. Получил ли ты письмо, в котором я тебе послал *мазню д-ра Магнуса Гросса* и т. д. и на которое я хотел бы иметь твой ответ?[**] В случае, если ты его не получил, *я прошу тебя вытребовать его немедленно на почте.* Я послал тебе это письмо на следующий день *после* получения *твоего письма, то есть приблизительно две недели тому назад.*

Отвечай тотчас же и сообщи, одобряешь ли ты заявление.

Твой ***К. М.***

[*] См. настоящий том, стр. 535. *Ред.*
[**] См. настоящий том, стр. 146—152. *Ред.*

Особые примечания к заявлению я считаю излишними. P. S. Не забудь также написать бременской редакции, то есть редакции «Weser-Zeitung», чтобы она соблюдала нужную последовательность и поместила заявление Шрамма *после* нашего, а не *перед* ним. Кстати! Если ты в самом деле не получил тех двух писем, то напиши мне после того, как ты сам наведешь справки в Манчестере, *по-английски,* что я должен писать главному почтмейстеру. В письме, посланном две недели тому назад, я изложил тебе новый взгляд на земельную ренту*, относительно которого я должен знать твое мнение.

Твой ***К. М.***

[Приписка Пипера]

Дорогой Энгельс!

Спешу сообщить тебе, что М[ар]кс ужасно рассержен в связи с твоим полным молчанием относительно его новой теории земельной ренты, о которой он недавно писал тебе. М[ар]кс живет очень уединенно, единственные его друзья — это Джон Стюарт Милль и Лойд. Когда к нему приходишь, то вместо приветствий он встречает тебя экономическими категориями.

В конце концов нельзя жить без тебя; кто хочет жить не экономическими вопросами, как предпочитаю я, тот должен, ввиду того, что здесь больше не с кем общаться, предаваться тихим экстравагантностям. Я, между прочим, стараюсь кое-что переводить, отчасти я сам пытаюсь упражняться в области стилистики, но я еще сильно сомневаюсь, выйдет ли у меня что-либо солидное. Я очень рад, что ты бодр, и скоро напишу тебе более связно.

Сердечно кланяется тебе

В. Пипер

Впервые опубликовано на языке оригинала в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 1, 1929 и на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXI, 1929 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

55

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ В ЛОНДОН

[Манчестер], среда вечером, 29 января [1851 г.]

Дорогой Маркс!

Совершенно неожиданно я понял причину твоего молчания и твоего удивления по поводу моего молчания, после того как моя старая ведьма-домохозяйка после строжайшего дознания извлекла сегодня из кучи книг в моей комнате твое письмо от

* См. настоящий том, стр. 146—152. *Ред.*

7-го с. м., пролежавшее там спокойно с 8 января*. В ту ночь меня не было дома, и сия особа положила это письмо прямо на книги; потом во время уборки она второпях положила другую книгу сверху, а так как эта груда книг оставалась все время нетронутой, то без твоего напоминания это письмо могло бы там пролежать до второго пришествия. Этого не случилось бы, если бы я в этом месяце вместо физиологии занимался русским языком.

Конечно, твои новые соображения о земельной ренте совершенно правильны. Утверждение Рикардо о неуклонно убывающем, с ростом народонаселения, плодородии почвы всегда мне казалось неубедительным, точно так же никогда я не мог найти доказательств в пользу положения Рикардо о постоянном возрастании цен на хлеб. Но при моей обычной медлительности в вопросах теории я ограничился внутренним протестом моего лучшего «я» и никогда не пытался докопаться до сути дела. Не подлежит никакому сомнению, что твое решение вопроса правильно, и это дает тебе лишнее основание на звание экономиста по вопросам земельной ренты. Если бы еще существовали на земле право и справедливость, то вся земельная рента, по крайней мере за год, теперь должна была бы принадлежать тебе, и это — минимум того, на что ты мог бы претендовать.

В моей голове никак не укладывалось то простое положение Рикардо, где он изображает земельную ренту в виде разницы между производительностью различных типов почвы, причем в доказательство этого своего положения он, во-первых, не приводит никаких других доводов, кроме перехода к обработке все худших и худших земель, во-вторых, совершенно не принимает в расчет прогресс земледелия и, в-третьих, кончает тем, что оставляет совершенно в стороне переход к обработке все худших земель, а взамен этого все время оперирует утверждением, что капитал, последовательно вкладываемый в определенный участок земли, все меньше способствует увеличению дохода. Насколько ясно было само положение, подлежащее доказательству, настолько же чужды были этому положению мотивы, приведенные в его доказательство, и ты, вероятно, вспомнишь, что уже в «Deutsch-Franzosische Jahrbucher» я противопоставлял теории убывающего плодородия успехи научного земледелия[190], — правда, я делал это еще начерно, без стройной систематизации. Ты внес в это дело полную ясность, и это еще одна лишняя побудительная причина, чтобы ты поторопился с окончанием и опубликованием труда по политической экономии.

* См. настоящий том, стр. 146—152. *Ред.*

Если бы можно было поместить в каком-нибудь английском журнале твою статью о земельной ренте, это произвело бы огромное впечатление. Подумай об этом. О переводе ее позабочусь я.

Возвращаю письма великого Гросса. В ближайшее время я пошлю тебе несколько строк для милейшего Дронке, сегодня же вечером меня слишком сильно клонит ко сну, чтобы я был в состоянии сделать еще что-нибудь. Отменная банда негодяев — эти Гросс, Вильгельми и издатель «прогрессивных» памфлетов из Цинциннати![*] Эти молодцы, очевидно, действительно убеждены, что мы находимся при последнем издыхании в физическом, моральном и интеллектуальном отношении, иначе они не могли бы делать нам подобные предложения[191]. Это все же забавно. И я искренне смеялся над этими захолустными спасителями общества и их предложениями, с гонораром для Дронке. «Острое и соленое» доктора Зигфрида Вейса[192] превзойдено «красным, пикантным, саркастическим и многогранным» «Адониса давно красавицы забытой». Да благословит его бог!

Заявления вместе с необходимыми инструкциями завтра будут отправлены в Бремен. Г-н Шрамм мог бы переписать свое заявление. Благодаря тому, что оно небрежно написано, вероятно, создастся путаница.

Здешняя о'конноровская конференция свелась к чистому надувательству[193]. В этой конференции, которая якобы представляет весь английский чартизм, участвует *восемь* человек, представляющих четыре города: Манчестер, Брадфорд, Уоррингтон и Сауэрби. Из них Уоррингтон и Брадфорд находятся в оппозиции и согласны с Исполнительным комитетом. Мантл, представляющий Уоррингтон, резко издевается над большинством; он открыл заседание предложением, чтобы конференция ввиду своей крайней малочисленности и неавторитетности постановила немедленно разойтись по домам; завтра он будет добиваться от них вотума доверия Исполнительному комитету, следовательно Гарни л Джонсу, и за этот вотум должен будет голосовать и О'Коннор. Когда был поставлен вопрос: примкнуть ли к сторонникам финансовой реформы[194], 3 голосовали за, 2 против, 3 воздержались, среди них О'Коннор, которого Мантл, к сожалению, запугал своим бесцеремонным выступлением; в противном случае О'Коннор голосовал бы *за* и полностью скомпрометировал бы себя навсегда. Большинство конференции составляют О'К[оннор], Лич, Мак-Грат, Кларк и некий Херст.

[*] — Хине. *Ред.*

Г-н Томас Кларк произнес в понедельник во время обеда, данного в честь О'К[оннора], следующий тост: королеве — ее права, но не больше; народу — его права, но не меньше. Мантл, горячий, вспыльчивый человек и совсем не дипломат, и на этот раз помешал О'К[оннору] подняться и выпить за этот тост.

Письмо к Веерту отправлено и через несколько дней должно быть у него, если он не забрался слишком далеко в глубь Марокко.

«Ограничиваемся на сей раз этим».

Твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart. 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

56

МАРКС —ЭНГЕЛЬСУ

В МАНЧЕСТЕР

[Лондон], 3 февраля 1851 г.

Дорогой Энгельс!

Изучаешь ли ты физиологию на Мери* или как-либо иначе? В первом случае я понимаю, что это не то, что заниматься *древнееврейским* или даже *русским.*

Моя новая теория ренты принесла мне пока только сознание своих достоинств, к которому обязательно стремится каждый добропорядочный человек. Во всяком случае я рад, что ты ею доволен. Обратно пропорциональное отношение плодородия почвы к человеческой плодовитости должно было глубоко смущать такого многодетного отца семейства, как я. Тем более, что мой брак более продуктивен, чем мое ремесло.

Теперь я предлагаю тебе лишь иллюстрацию к теории денежного обращения, изучение которой мною гегельянцы охарактеризовали бы, как изучение «инобытия», «чуждого», словом — «священного».

Теория г-на Лойда и всех прочих, начиная от Рикардо, заключается в следующем:

Положим, что мы имеем чисто металлическое денежное обращение. Если бы денег в обращении здесь было слишком много, цены поднялись бы и, следовательно, вывоз товаров

* — Мери Бёрнс. *Ред.*

сократился бы. Зато их ввоз из-за границы увеличился бы. Ввоз стал бы превышать вывоз. Таким образом, получился бы неблагоприятный торговый баланс и неблагоприятный вексельный курс. Звонкую монету стали бы вывозить, количество денег в обращении сократилось бы, цены товаров стали бы падать, ввоз сокращаться, вывоз увеличиваться, деньги опять стали бы притекать обратно, словом — восстановилось бы прежнее равновесие.

В обратном случае то же самое, mutatis mutandis*.

Отсюда мораль: так как бумажные деньги должны воспроизводить движение металлических и так как в данном случае вместо естественного закона, действующего в первом случае, должно быть введено искусственное регулирование, то Английский банк каждый раз, когда благородные металлы притекают, должен увеличивать выпуск своих банкнот (например, путем скупки государственных ценных бумаг, казначейских векселей и т. д.), а когда металлический запас уменьшается, сокращать выпуск банкнот путем сокращения своих учетных операций или продажи государственных бумаг. Я же утверждаю, что банк должен делать обратное, — то есть *расширять* свои учетные операции, когда металлический запас *уменьшается,* и предоставить им идти своим чередом, когда этот запас возрастает, — чтобы избежать ненужного обострения надвигающегося торгового кризиса. Но об этом в другой раз.

Та мысль, которую я хочу здесь изложить, касается элементарных основ этого вопроса. А именно, я утверждаю, *что и при чисто металлическом обращении количество металлических денег, его увеличение и сокращение не связано с отливом или притоком благородных металлов, с благоприятным или неблагоприятным торговым балансом, с благоприятным или неблагоприятным вексельным курсом,* за исключением самых крайних случаев, которые никогда не встречаются в практике, но теоретически вполне мыслимы. Тук выставляет такое же утверждение, но я не нашел никаких доказательств в его «Истории цен» за 1843—1847 годы.

Как видишь, вопрос этот важный. Во-первых, тем самым в корне опровергается вся теория обращения. Во-вторых, это доказывает, что течение кризисов, хотя *кредитная система* и является одним из их условий, лишь постольку связано с *денежным обращением,* поскольку нелепое вмешательство государственной власти в дело регулирования этого денежного обращения может сделать данный кризис более тяжелым, как это и было в 1847 году.

* — с соответствующими изменениями. *Ред.*

Следует отметить, что в приводимых ниже иллюстрациях я исхожу из того, что *прилив* благородных металлов связан с хорошим состоянием дел, когда цены еще невысоки, но повышаются, когда налицо избыток капиталов, когда имеет место превышение вывоза над ввозом. Отлив золота связан vice versa, mutatis mutandis*. Из этой предпосылки исходят и те, против кого направлена моя полемика. Они ничего не могут против этого возразить. В действительности же можно себе представить тысячу и один случай, когда золото отливает, несмотря на то, что в стране, из которой оно вывозится, цены на остальные товары значительно ниже, чем в странах, куда золото ввозится из данной страны. Так, например, было в Англии в 1809—1811 и 1812 гг. и т. д. Однако *общая предпосылка,* во-первых, in abstracto** правильна, и, во-вторых, приемлется молодцами из школы денежного обращения. Таким образом, здесь пока не приходится спорить.

Итак, допустим, что в *Англии* господствует *чисто металлическое обращение.* Отсюда еще не следует, что *кредитная система* перестала существовать. Более того, Английский банк превратился бы в банк *депозитный* и *ссудный* одновременно, но его ссуды выдавались бы исключительно наличными. Без такой предпосылки все, что в данном случае является *вкладами в Английском банке,* стало бы *сокровищем частных лиц,* точно так же как ссуды банка стали бы ссудами частных лиц. *Таким образом, то, что здесь* будет сказано *о вкладах в Английском банке,* есть только *схема, чтобы представить процесс не в раздробленном виде,* а сконцентрированным в одном фокусе.

Первый случай — *прилив благородных металлов.* Здесь дело очень просто. Много свободных капиталов и, следовательно, происходит рост вкладов. Чтобы пустить их в оборот, банк понизил бы свою *процентную ставку.* Это вызвало бы расширение дел в стране. *Денежное обращение возросло бы лишь в том случае,* если бы дела разрослись настолько, что для их ведения требовалось бы больше средств обращения. В противном случае избыток выпущенных в обращение денег стал бы притекать обратно в банк в виде платежей по векселям и т. д., в качестве вкладов и т. д. Таким образом, *денежное обращение* не является здесь *причиной.* Рост его в конечном счете есть *следствие* увеличения вложенного в дело капитала, а не наоборот. (Таким образом, в данном случае *ближайшим* результатом явился бы *рост вкладов,* то есть свободных капиталов, а не увеличение денежного обращения.)

* — с противоположными условиями, с соответствующими изменениями. *Ред.*
** — взятая абстрактно. *Ред.*

Второй случай. Тут, собственно, дело по существу только начинается. Предпосылка — *вывоз благородных металлов.* Начинается период депрессии. Вексельный курс неблагоприятен. При этом плохой урожай и т. д. (или же вздорожание промышленного сырья) вызывает необходимость все большего ввоза товаров. Предположим, что баланс Английского банка в начале указанного периода представляется в следующем виде:

a

Капитал	14 500 000	ф. ст.
Резерв	3 500 000	» »
Вклады	12 000 000	» »
	30 000 000	ф. ст.
Государственные ценные бумаги	10 000 000	ф. ст.
Векселя	12 000 000	» »
Слитки или монеты	8 000 000	» »
	30 000 000	ф. ст.

Задолженность банка при том *предположении,* что в стране не существует *банкнот,* составляет только 12 миллионов *по вкладам.* Согласно принципу (общему для депозитных и эмиссионных банков и заключающемуся в том, чтобы иметь на покрытие своих обязательств только одну треть наличными), его, банка, металлический запас, составляющий 8 миллионов, оказывается вдвое большим, чем нужно. Чтоб увеличить свою прибыль, банк *понижает процентную ставку* и расширяет свои учетные операции, скажем, на 4 миллиона, которые вывозятся за границу в уплату за хлеб и т. д. Тогда баланс банка можно было бы представить в следующем виде:

b

Капитал	14 500 000	ф. ст.
Резерв	3 500 000	» »
Вклады	12 000 000	» »
	30 000 000	ф. ст.
Государственные ценные бумаги	10 000 000	ф. ст.
Векселя	16 000 000	» »
Слитки или монеты	4 000 000	» »
	30 000 000	ф. ст.

Из этой таблицы следует:

Купцы воздействуют *прежде всего* на *металлический запас банка,* коль скоро им приходится вывозить *золото*. Это вывезенное золото *уменьшает* его (банка) запас, ни в малейшей степени не влияя на само *денежное обращение.* Для последнего *безразлично,* лежат ли эти 4 миллиона в банковских подвалах или они на корабле, плывущем в Гамбург. В конечном счете оказывается, что может произойти значительное *уменьшение металлического запаса,* в данном случае на 4 миллиона ф. ст., не затронув ни в малейшей степени ни денежного обращения, ни деловой жизни страны. Именно это имеет место в продолжение всего того периода, в течение которого *металлический запас, слишком большой* по сравнению с обязательствами, будет сведен к *надлежащей пропорции* по отношению к этим обязательствам.

с

Но допустим, что обстоятельства, сделавшие необходимым уменьшение металлической наличности банка на 4 миллиона, продолжают существовать — недостаток хлеба, повышение цены на хлопок-сырец и т. д. Банк начинает беспокоиться за свое обеспечение. Он *увеличивает процентную ставку* и ограничивает свои *учетные операции.* В связи с этим создается депрессия в торговом мире. Как влияет эта депрессия? Вкладчики требуют от банка свои *вклады,* металлическая наличность банка соответственно уменьшается. Если вклады понизятся до 9 миллионов, то есть если они уменьшатся на 3 миллиона, металлический запас банка должен также уменьшиться на 3 миллиона. Этот запас, таким образом, упал бы до одного миллиона (из 4 миллионов вычесть 3) против 9 миллионов вкладов — соотношение, опасное для банка. Таким образом, если банк захочет удержать запас своей наличности на уровне одной трети вкладов, он должен будет сумму своих учетных операции уменьшить на 2 миллиона.

Тогда баланс банка можно представить в таком виде:

Капитал	14 500 000	ф. ст.
Резерв	3 500 000	» »
Вклады	9 000 000	» »
	27 000 000	ф. ст.
Государственные ценные бумаги	10 000 000	ф. ст.
Учет векселей	14 000 000	» »
Слитки или монеты	3 000 000	» »
	27 000 000	ф. ст.

Отсюда следует: как только уменьшение металлической наличности достигает таких размеров, что металлический запас не превышает надлежащей пропорции по отношению к вкладам, банк повышает процентную ставку и сокращает учетные операции. Но тогда это начинает *отражаться на вкладах,* и вследствие их уменьшения сокращается также металлический запас, но в еще большей пропорции сокращается учет векселей. Однако *денежное обращение* ни в малейшей степени не затронуто. Одна часть ушедшей металлической наличности и вкладов *заполняет* пустоту, которая создается во внутреннем обращении благодаря сокращению банковских ссуд, другая часть уходит за границу.

d

Предположим, что ввоз хлеба и т. д. продолжается и что вклады уменьшились до 4500000; тогда банк, чтобы сохранить металлический запас в надлежащей пропорции к своим обязательствам, уменьшил бы свои учетные операции еще на 3 миллиона, и баланс тогда представился бы в следующем виде:

Капитал	14 500 000	ф. ст.
Резерв	3 500 000	» »
Вклады	4 500 000	» »
	22 500 000	ф. ст.
Государственные ценные бумаги	10 000 000	ф. ст.
Учет векселей	11 000 000	» »
Слитки или монеты	1 500 000	» »
	22 500 000	ф. ст.

При этом предположении банк понизил бы сумму учета векселей с 16 до 11 миллионов, то есть на 5 миллионов. Необходимые нужды денежного обращения обеспечиваются истребованными вкладами. Но в то же время налицо недостаток капитала, высокие цены на сырье, сокращение спроса, а, следовательно, и дел, и, *наконец,* сокращение денежного обращения, то есть необходимых *средств обращения.* Излишняя часть последних пошла бы в форме слитков за границу для оплаты ввоза. Таким образом, количество обращающихся денег было бы затронуто лишь в *последнюю очередь,* и оно *упало* бы ниже требуемого их количества лишь тогда, когда металлический запас упал бы ниже надлежащей пропорции по отношению к депозитам.

К вышеуказанному нужно еще заметить:

1. Вместо того чтобы уменьшить свои учетные операции, банк мог бы распродать имеющиеся у него государственные ценные бумаги. Это при данных условиях было бы невыгодно, но результат был бы тот же. Вместо того чтобы сократить свои собственные резервы и учетные операции, он сократил бы резервы и операции частных лиц, помещающих свои деньги в государственные ценные бумаги.

2. Я предположил здесь уменьшение металлической наличности банка на 6500000 фунтов стерлингов. В 1839 г. имело место уменьшение на сумму в 9—10 миллионов.

3. Предположенный процесс, протекающий при чисто металлическом обращении, может, как и в случае бумажного обращения, привести к прекращению платежей, что дважды случалось в XVIII веке в Гамбурге.

Напиши скорее.

Твой ***К. М.***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

57
ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ
В ЛОНДОН

Манчестер, 5 февраля 1851 г.

Дорогой Маркс!

При сем прилагаю последний фунт стерлингов за атлас; к сожалению, не мог выслать тебе эту сумму раньше.

Когда увидишь Гарни, скажи ему, что в конце недели он получит от меня по крайней мере первую половину серии статей о континентальной демократии[195]; статьи эти так разделены, что каждая из них займет в его «Friend of the People» не более 2—$2^1/_2$ столбцов. Воспользовавшись вышеупомянутым предлогом, я разнесу всю официальную демократию; я скомпрометирую ее в глазах английского пролетариата тем, что поставлю ее, включая Мадзини, Ледрю-Роллена и др., на одну доску со сторонниками финансовой реформы[196]. Европейский комитет получит основательную взбучку. Я проберу этих господ каждого в отдельности: сочинения Мадзини, блестящие героические подвиги Л[едрю]-Роллена в феврале — июне 1848 года;

не будет забыт, конечно, и г-н Руге. Итальянцам, полякам и венграм я скажу достаточно ясно, что во всех современных вопросах им бы следовало молчать. История с неблаговидным поведением Гарни в связи с попрошайническими письмами Мадзини и компании зашла слишком далеко, и так как иным путем Гарни не исправить, то я вынужден буду раскрыть глупость и низость этих молодцов в его собственной газете и разоблачить перед английскими чартистами таинства континентальной демократии. Обстоятельная полемическая статья всегда действует на Г[арни] лучше, чем всякие устные споры. К сожалению, у меня здесь чертовски мало материала.

У меня сейчас здесь книга Саррана-младшего «Лафайет и июльская революция». Если бы мне удалось раздобыть еще несколько других источников, я смог бы составить для нашего «Revue» статью об июльской революции и последующем периоде, вплоть до февральской революции, подвергнув при этом дружественной критике «Историю десяти лет»[197]. Эти «Десять лет» все еще не подвергнуты критике с более радикальной точки зрения и являются как в Германии, так и во Франции признанным пособием для всей революционной партии. Полагаю, что было бы совсем неплохо ограничить влияние этой книги надлежащими рамками; до сих пор ее авторитет не подвергался никаким сомнениям.

Г-н Рассел, эта трусливая собака, опять блестяще опозорился. Сначала он рвет и мечет против папской агрессии[198]; затем он видит, что манчестерцы совершенно не желают вмешиваться в эту грязную историю, и тогда он разрешается героическим предложением запретить католическим епископам носить английские титулы. Наконец он через посредство г-на Пито дает недвусмысленно понять, что хотя было бы и очень желательно еще в эту сессию расширить избирательное право, но так как теперь осуществляется судебная реформа, то вопрос об избирательном праве приходится отложить до будущего года! Настоящий образец логики вигов! Впрочем, члены парламента очень критически и неуверенно настроены, выборы надвигаются, они должны принарядиться в либеральный или протекционистский наряд, и если бы выставка[199] не совпала как раз с самым разгаром обсуждения высокой политики в парламенте, нашему маленькому человечку* не сдобровать бы! Да и так кто знает, что будет!

Политический хлеб насущный вообще становится все более черствым. Чудесное положение, в котором сейчас благополучно

* — Расселу. *Ред.*

пребывает прекрасная Франция, также весьма назидательно. Впрочем, нельзя отрицать, что господа бургграфы[200] все более и более перестают быть представителями буржуазных фракций или, точнее, что буржуа все более и более отходят от своих прежних легитимистских и орлеанистских вождей. Во-первых, значительное меньшинство высказалось за Бароша на том заседании, на котором коалиция его свалила; в состав его входили также многие небонапартисты, бывшие орлеанисты и т. д.; затем настроение консервативной буржуазии в целом явно стало гораздо более благоприятным для Наполеона, чем прежде. Большинство этих людей теперь, безусловно, не хочет ни орлеанистских, ни легитимистских реставрационных интриг. Окончательные решения их не устраивают, а хотят они лишь продолжения волокиты с нынешним президентством. Эти молодцы настроены не роялистски, не республикански, не в пользу империи, а в пользу президентства; но самым замечательным при этом является то, что эта приятная неопределенность возможна лишь для массы; всякий, кто пожелал бы выступить в качестве официального представителя этого направления, должен был бы не позже чем через полгода отказаться от нейтралитета и примкнуть к определенной роялистской фракции или к фракции, выступающей за империю. Впрочем, из французских газет я имею лишь «Debats» и «Charivari», которая, к сожалению, кое-кому здесь снова начинает казаться остроумной, благодаря утонченному юмору жителей здешних мест.

От одного глупого венгерского эмигранта, с которым я здесь как-то на днях столкнулся, я узнал, что эта благородная порода по случаю большой выставки опять носится с заговорщическими планами о покушениях и восстаниях. Мне показалось, что в этом шуме я узнаю героический голос лондонских буянов — Виллиха и Бартелеми. Впрочем, от этой сволочи не ускользнешь: недавно со мной заговорил на улице какой-то молодец; оказывается, это эмигрант с Грейт-Уиндмилл-стрит[201], занимающий должность в Ливерпуле. «Понесусь ли на крыльях зари, долечу ль до конца моря»*, но и там я не скроюсь от этой банды.

Здешние фритредеры используют процветание или полупроцветание, чтобы купить пролетариат, и маклером при этом является Джон Уотс. Тебе знаком новый план Кобдена: Национальная ассоциация свободной школы для проведения закона, на основании которого городские власти имели бы право облагать население местным налогом для постройки школ.

* Библия. Книга псалмов, псалом 139, стих 9 (перефразировано). *Ред.*

Дело это энергично проталкивают. Кроме того, в Солфорде уже созданы свободная библиотека и музей — выдача книг и пользование читальней бесплатно. В Манчестере на деньги, собранные путем публичных сборов (всего около 7000 ф. ст.), один комитет купил Дом науки, который также будет превращен в свободную библиотеку; и здесь, как милостиво признал сам господин мэр Манчестера, роль маклера определенно сыграл Уотс. Библиотеку предполагают открыть в конце июля — для начала в 14000 томов. На всех созываемых с этой целью митингах и собраниях раздаются похвалы в адрес рабочих, в особенности в адрес честного, скромного, полезного Уотса, который находится теперь с манчестерским епископом в самых хороших отношениях. Я уже заранее радуюсь тому взрыву негодования по поводу неблагодарности рабочих, который раздастся со всех сторон при первом столкновении.

Мои старик* прислал мне на днях приятное письмо; он выражает в нем желание, чтобы я оставался здесь на неопределенное время, то есть пока тянется история с Эрменами (а это может продлиться до 1854 г.). Мне это, конечно, очень приятно, в особенности, если он хорошо заплатит мне за мою скуку. Я, конечно, не подаю виду: приношу «делу» эту «жертву» и изъявляю готовность «пока выжидать здесь дальнейшего развития событий». Будущим летом он приезжает сюда, и тогда я постараюсь сделаться для него настолько необходимым, что он должен будет согласиться на все.

Сердечный привет жене и детям.

Твой ***Ф. Э.***

Формальности при получении почтового перевода прежние.

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I. Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

58

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ [202]

В МАНЧЕСТЕР

[Лондон], 10 февраля 1851 г.
28, Deanstreet, Soho

Дорогой Энгельс!

Когда ты писал, что скоро настанет время выступить против Луи Блана, ты был по меньшей мере ясновидцем. Выслушай же следующую историю:

* — Фридрих Энгельс-старший, отец Энгельса. *Ред.*

Несколько дней тому назад, приблизительно с неделю, встречает меня Ландольф, и по тому смущенному виду, с которым он поздоровался со мной и с моей женой, я заметил, что с нашим рыцарским другом, нашим Баяром Горы, «не ладно что-то»*. И что же! *Ландольф и Луи Блан* объединились с комитетом *Виллиха—Шаппера,* из которого вышел г-н Адан! Между тем две недели тому назад Ландольф еще порядком бранил Бартелеми, и я рассказал ему об афере гг. В[иллиха] и Ш[аппера]. Что ты об этом скажешь? Эти филистеры ни единым словом меня не предупредили.

Дело обстоит таким образом.

Чёрч-стрит устраивает банкет 24 февраля[203], на который были приглашены Блан, Ледрю-Роллени, между прочим, также и Ландольф. Луи Блан, чтобы показать Л[едрю]-Р[оллену], что он также имеет за собой космополитический комитет, и чтобы наказать Чёрч-стрит за то, что она считает его и Ледрю «равнозначащими», — набирает свои армии из общества на Грейт-Уиндмилл-стрит и в кабаке, посещаемом опустившимися поляками.

Еще один ход! Что ты об этом скажешь?

Несколько дней тому назад Чёрч-стрит получила печатное циркулярное приглашение (одновременно *манифест)* на устраиваемый 24 февраля банкет-монстр, подписанное, во-первых, Ландольфом и тотчас же вслед за Шаппером — Л. Бланом. Огромное возмущение на Чёрч-стрит! Огромный восторг на Грейт-Уиндмилл-стрит!

Луи Блан в циркулярном манифесте говорит не от имени какой-нибудь нации, а от имени и в духе вечной формулы: liberte, egalite, fraternite!** Для меня лишь неприятно, что я должен Ландольфу $1^1/_2$ ф. ст., которые теперь следовало бы немедленно отослать через Вольфа.

Нетрудно представить себе, в какой мере Виллих и Шаппер выросли в своих собственных глазах и уже считают нас разбитыми!

Но мы их разобьем по-другому. У нас имеется самое верное средство *свести с ума,* буквально свести с ума унтер-офицера и плотника Виллиха[204].

Ты помнишь о письме, которое Шрамм написал Виллиху от имени Беккера*** и в котором он предлагал ему военную диктатуру, уничтожал прессу и набрасывал легкую тень на нравственность Шаппера.

---

* *Шекспир.* «Гамлет», акт I, сцена четвертая. *Ред.*

** — свобода, равенство, братство! *Ред.*

*** — Германа Беккера. *Ред.*

И что же! Виллих, этот необразованный, четырежды рогатый осел, попал в ловушку. Он бомбардировал Беккера письмами, у него уже приготовлен эмиссар для отправки, он смотрит на Шаппера сверху вниз, интригует, игнорирует и всячески оскорбляет этого филистера; он уже усвоил себе властные манеры некоего Кромвеля II, стал вспыльчив, не терпит больше никаких возражений и дал Беккеру поручение произвести в Кёльне революцию, изъявив готовность взять на себя высшее руководство.

Недавно он вдруг вскочил во время заседания и закричал, что его письма из Парижа и Кёльна еще не пришли, — это было в связи с последним французским министерским кризисом, — жаловался, что в его (ослиной) голове сумятица, сумятица, сумятица, бросился на Бонд-стрит и вылил себе ведро воды на голову. Я теперь приготовил для него душ, который подействует в противоположном направлении. Через несколько дней я получу от Беккера письма Виллиха и тогда взорву мину.

Сюда прибыла целая стая нового демократического сброда: французы, изгнанные из Брюсселя, Хейзе из Касселя, Оппенхейм из Брюсселя, Гюнтер из Франкфурта и т. д. К счастью, однако, никого из последних я не видал.

Ты, конечно, получил мое последнее письмо?

Твой ***К. М.***

Впервые полностью опубликовано на языке оригинала в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 1,1929 и на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXI, 1929 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

59

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ В МАНЧЕСТЕР

[Лондон], 11 февраля 1851 г.

Дорогой Энгельс!

Iterum Crispinus![*]

Я только что узнал, что сегодня вечером на Тоттенхем Кортрод состоялся митинг по поводу смерти *Бема.* На трибуне находились: *председатель* — Шаппер и т. д., Луи Блан и остальные члены нового комитета союза народов. В зале в передних рядах сидел Гарни с женой. Основную массу участников соста-

[*] — Ecce iterum Crispinus — вот снова Криспин (начало IV сатиры Ювенала), в переносном смысле: «опять тот же самый персонаж» или «опять то же самое». *Ред.*

вляла Грейт-Уиндмилл-стрит. Шаппер под аплодисменты произнес на английском языке свою неизменную речь: борьба не на живот, а на смерть! Луи Блан говорил не лучше. Да здравствует война! Присутствовал также и *Таузенау,* говорил о Беме. *Гарни* произнес длинную и, как говорят, удачную проповедь, в заключение которой он провозгласил Бланки, Барбеса и напоследок Луи Блана социалистическими мессиями.

Что ты скажешь на это?

Разве друг Гарни счел бы лояльным, если бы ты выступил на собрании под председательством *Т. Кларка,* эсквайра, и, собственно говоря, лишь своим присутствием и своей речью *придал бы* вес этому собранию?

Итак, мало того, что в своем «Friend of the People» он покровительствует Руге, — он находит нужным косвенно покровительствовать также и Шапперу — Виллиху.

В прошлое воскресенье он пригласил меня к себе. Целью было побудить Джонса согласиться с заголовком: «Friend of the People». Я не пошел. Пусть он с этим обращается к Л. Блану, Ландольфу, Шапперу или Виллиху. С меня уже хватит того публичного воскурения фимиама, которым Гарни неутомимо встречает маленьких великих мужей.

Несмотря на этот инцидент, на то, что и ты, Брут (Гарни), если не выступаешь против нас, то во всяком случае разыгрываешь роль беспартийного, в то время как Энгельс работает на тебя в Манчестере, Эккариус* пишет в твоем органе, а я при случае обрабатываю для тебя Джонса, — несмотря на все это, мне очень нравится та общественная, подлинная изоляция, в которой находимся теперь мы оба, ты и я. Она вполне соответствует нашей позиции и нашим принципам. Система взаимных уступок и половинчатости, которую приходится терпеть из приличия, а также необходимость брать на себя перед публикой долю ответственности за смехотворные вещи в компании со всеми этими ослами, — с этим теперь покончено.

На это письмо я тоже прошу тебя тотчас же ответить. Я здесь встречаюсь почти лишь с одним Пипером и живу совершенно замкнуто. Ты поймешь поэтому, что мне тебя здесь особенно не хватает и что у меня есть потребность поговорить с тобой.

Ты увидишь завтра из газет, что дотация отклонена большинством в 102 голоса[205].

Твой ***К. М.***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

* — Иоганн Георг Эккариус. *Ред.*

60

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ [206]

В ЛОНДОН

[Манчестер], среда, [12 февраля 1851 г.]

Дорогой Маркс!

Я только что нашел дома твое письмо и пользуюсь немедленно сегодняшней почтой, чтобы известить тебя, что я в конце этой недели или, самое позднее, в начале будущей постараюсь выслать тебе 1 ф. ст. 10 шилл. для Ландольфа, чтобы скорее покончить с этой историей и не затягивать ее дольше. Наш друг Ландольф еще раз показал себя старой бабой, а нелепое мелкое тщеславие этого сверхумного Л. Бл[ана] принимает такую форму, которая характеризует этого возвышенного карлика как настоящего дурака. Это хорошо. Все более и более убеждаешься в том, что эмиграция — это такой институт, благодаря которому каждый человек неизбежно должен превратиться в дурака, осла или просто мошенника, если он совершенно не порвет с эмиграцией и не удовлетворится положением независимого литератора, которому нет решительно никакого дела до так называемой «революционной партии». Это подлинная школа злословия и подлости, в которой последний осел превращается в первого спасителя отечества. Во всяком случае маленькому искателю популярности придется за это поплатиться, как только у нас снова будет свой орган. Ты знаешь, что здесь я лишен всех своих бумаг, поэтому укажи мне еще несколько известных тебе источников по французской истории 1830— 1848 гг., а я постараюсь хотя бы литературными средствами добиться того, чтобы подложить господину претенденту под зад несколько горячих углей. Кроме того, в своих статьях для «Friend of the People» я думаю потребовать, — если ты ничего не имеешь против, так как эту историю Блан рассказал тебе, — чтобы он опубликовал сообщения, полученные от г-на Мадзини насчет характера Европейского центрального комитета и его позиции по отношению к социалистам и коммунистам, причем я сделаю необходимые намеки, чтобы все было понятно. Зачем нам стесняться?

Гарни сегодня получит три статьи, носящие характер введения, несколько растянутых, с разбросанными в них кое-где легкими намеками. Досадно только то, что перед английскими пролетариями и гарниевской публикой трудно нападать на Ледрю и компанию без того, чтобы хоть отчасти не отожествить себя с кликой Виллиха — Барт[елеми]. В конце концов,

не остается другого выхода, как посвятить этой клике несколько специальных статей. В этих первых трех статьях еще ничего особенного не содержится, они скорее написаны ради Гарни, для того чтобы наставить его на верный путь, а не ради какой-либо иной цели. Зато в №№ 4 — 9 последует удар за ударом атака против Ледрю, Мад[зини], Руге и т. д. в наиболее прямой и личной форме, какая только возможна.

История с Виллихом презабавна. *Позаботься только о том, чтобы получить эти письма*[*]. Хотелось бы мне видеть их нравственное негодование, когда эта бомба взорвется. С некоторых пор у вас, кажется, опять хорошие лазутчики на Грейт-Уиндмилл-стрит, это не так уж плохо и доставляет, по крайней мере, развлечение. Признаюсь, я не считал этого субъекта настолько глупым. Впрочем, он сейчас, наверное, особенно пылко настроен, с тех пор как прусские правительственные газеты говорят о возможности войны со Швейцарией, и гвардейские резервы, как им сообщено было на параде, именно поэтому будут оставлены под ружьем. Правительства Священного союза поистине безответственным образом работают на руку этим фантастическим ослам, и если бы не было Пальмерстона, то ближайшая «эмансипация всеобщей глупости» могла бы действительно появиться на свет на полгода раньше.

Твое новейшее экономическое открытие является в настоящее время предметом моих самых серьезных размышлений. У меня сегодня нет времени останавливаться на этом деле подробнее, но мне оно кажется вполне правильным. Однако с цифрами нельзя шутить, и поэтому я тщательно обдумываю эту вещь.

Что за глупец этот Луи-Наполеон! Продает свои сомнения по поводу «избирательного закона» Собранию, а себя самого — Монталамберу за 1800000 франков, которых он в конце концов так и не получает[207]. Однако с таким авантюристом ничего нельзя сделать. Если в продолжение четырех недель он дает управлять собой ловким интриганам, то на пятой неделе уже, конечно, позволит свести на нет самым идиотским образом все, чего он достиг. Aut Caesar, aut Glichy![**]

Недавно мы основали здесь новую местную чартистскую организацию. Эти англичане в пределах демократических форм гораздо бессовестнее нас, прямодушных робких немцев. Нас было всего тринадцать, и тотчас же было постановлено

[*] См. настоящий том, стр. 171—172. *Ред.*

[**] —«Либо Цезарь, либо Клиши!» (Клиши — долговая тюрьма в Париже). Перефразировка известного изречения: «Aut Caesar, aut nihil» — «Либо Цезарь, либо ничто». *Ред.*

избрать совет из тринадцати членов, то есть из всех присутствующих. Затем каждый предложил одного из присутствующих, а так как я, естественно, отказался, то на мое место кто-то предложил отсутствующего, и меньше чем в пять минут частные джентльмены превратились в совет. И все же каждый был избран, и эта восхитительная процедура протекала с полной серьезностью и как нечто само собой разумеющееся. Что из этого выйдет, покажет ближайшее будущее. На сегодня желаю всего хорошего.

Твой ***Ф. Э.***

Впервые полностью опубликовано на языке оригинала в Marx—Engels Gesumtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 1, 1929 и на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXI, 1929 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

61

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

В ЛОНДОН

[Манчестер], четверг, 13 февраля 1851 г.

Дорогой Маркс!

Я был почти убежден, что с Гарни случится такая история. Я нашел в «Friend of the People» объявление о митинге памяти Бема; в объявлении было сказано, что в нем примут участие немцы, французы, поляки и венгры, а также «Братские демократы»[208], и было ясно, что это дело Уиндмилл-стрит и К°. Я забыл раньше обратить твое внимание на это объявление. Сегодня я уже ничего не смогу предпринять по этому поводу. Но завтра я напишу Гарни письмо, в котором ему будет сказано, чтобы он не печатал рукописи, которую я ему послал, так как я ее не буду продолжать[209]; одновременно я ему разъясню в этом письме подробно всю историю. Если это письмо не поможет, нужно бросить всю эту канитель, пока г-н Гарни сам не вернется, что случится очень скоро. У меня есть все основания думать, что он скоро приедет сюда, и тогда я проберу его как следует. Пусть он, наконец, увидит, что мы и с ним не собираемся шутить. Во всяком случае для того, чтобы не терять времени и не писать дважды, я пошлю это письмо тебе, а ты по прочтении отошли ему как можно скорее.

Лично меня злит эта глупость и бестактность Гарни больше, чем что-либо другое. Но по существу и это не имеет никакого значения.

У нас есть теперь, наконец, опять, — в первый раз за долгое время, — возможность показать, что мы не нуждаемся ни в какой популярности, ни в какой поддержке со стороны какой-либо партии какой бы то ни было страны и что наша позиция совершенно не зависит от подобных пустяков. Отныне мы ответственны только за самих себя, а когда наступит момент и эти господа будут в нас нуждаться, мы сможем диктовать им свои собственные условия. До того времени нас, по крайней мере, оставят в покое. Конечно, будет и некоторое одиночество, но, боже мой, я уже испытал его за три месяца пребывания в Манчестере и привык к нему; при этом я жил настоящим холостяком, что во всяком случае при здешних условиях чрезвычайно тоскливо. Впрочем, по существу мы не можем даже слишком жаловаться, что эти маленькие великие мужи нас боятся; разве мы в продолжение стольких лет не делали вид, будто всякий сброд — это наша партия, между тем как у нас не было никакой партии, и люди, которых мы, по крайней мере официально, считали принадлежащими к нашей партии, сохраняя за собой право называть их между нами неисправимыми болванами, не понимали даже элементарных начал наших теорий? Разве могут подходить для какой-либо «партии» такие люди, как мы, которые, как чумы, избегают официальных постов? Какое значение имеет «партия», то есть банда ослов, слепо верящих нам, потому что они нас считают равными себе, для нас, плюющих на популярность, для нас, перестающих узнавать себя, когда мы начинаем становиться популярными? Воистину мы ничего не потеряем от того, что нас перестанут считать «истинным и адекватным выражением» тех жалких глупцов, с которыми нас свели вместе последние годы.

Революция — это чистое явление природы, совершающееся больше под влиянием физических законов, нежели на основании правил, определяющих развитие общества в обычное время. Или, вернее, эти правила во время революции приобретают гораздо более физический характер, сильнее обнаруживается материальная сила необходимости. И лишь только выступаешь в качестве представителя какой-либо партии, втягиваешься в этот водоворот непреодолимой естественной необходимости. Только держа себя независимо, будучи *по существу* более революционным, чем другие, можно, по крайней мере хоть некоторое время, сохранить свою самостоятельность по отношению к этому водовороту, хотя в конце концов все же окажешься в него втянутым.

Эту позицию мы можем и должны занять при ближайших событиях. Не надо не только никаких *государственных* постов,

но, пока возможно, — и никаких официальных *партийных* постов, никаких мест в комитетах и т. д., никакой ответственности за ослов, беспощадная критика по отношению ко всем, и затем тот юмор, которого нас не смогут лишить все вместе взятые «заговоры» этих тупиц. И это мы можем. По существу мы можем всегда быть более революционными, чем эти фразеры, потому что мы чему-то научились, а они нет, потому что мы знаем, чего хотим, а они нет, потому что после всего того, что мы видели за последние три года, мы будем воспринимать все гораздо более хладнокровно, чем те, которые лично заинтересованы во всем этом деле.

Главное в настоящий момент — это возможность печатать паши вещи; либо в трехмесячнике, на страницах которого мы будем производить непосредственные атаки и отстаивать нашу позицию, выступая против определенных *лиц,* либо же в толстых книгах, где мы будем делать то же самое, не имея даже надобности упоминать о ком-либо из этих пауков. По мне и то, и другое хорошо; на длительный период времени и при усилении реакции первая возможность, как мне кажется, делается все менее вероятной; последняя же, по-видимому, будет все больше и больше становиться единственным ресурсом, к которому нам придется прибегнуть. Что останется от всех тех сплетен и пересудов, которые может о тебе распространять вся эмигрантская чернь, когда ты ответишь на это политической экономией?

Завтра — письмо для Гарни. Пока что привет!

Твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

62

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ [210]

В МАНЧЕСТЕР

Лондон, 23 февраля [1851 г.]

Дорогой Энгельс!

Ты целую неделю не получал от меня никаких известий, во-первых, потому, что я ожидал документов из Кёльна и хотел тебя с ними ознакомить, во-вторых, потому, что я должен был подождать более точных подробностей о нашем «бывшем друге».

Первые еще не пришли, о последних же я теперь информирован более точно.

Гарни получил твое письмо вовремя.

Как мне рассказывал Тессье дю Моте, который теперь здесь, история с Луи Бланом первоначально была такова:

Общество на Чёрч-стрит выдавало себя за филантропическое общество для поддержки французских политических эмигрантов. Ледрю-Роллен, Луи Блан, Адан, одним словом все принимали в нем участие под этим предлогом. Политика по уставу была исключена. Но вот приближалось 24 февраля. Ты знаешь, что подобная возможность придать себе важности обсуждается французами с такой же торжественностью и так же заблаговременно, как беременная женщина обсуждает предстоящие роды. Если даже общество имеет только филантропический характер, говорилось там, то все же члены его, будучи французами, должны праздновать 24 февраля. Для обсуждения этого великого события был назначен определенный вечер. Ледрю и Блан оба присутствовали в этот вечер. Последний произнес задолго до этого приготовленную, искусно составленную иезуитскую речь, в которой он старался доказать, что политический банкет противоречит уставу общества, он только покажет Франции существующие внутри него раздоры и т. д. И, испуская жалобные стоны о братстве, корсиканский гном высказал свою досаду по поводу того, что Ледрю и Мадзини не включили его во временное правительство[211]. Ему ответили. Несмотря на его речь, которой он сам искренне восхищался, решено было устроить банкет.

Что же делает la blanche Louise[*]? Он пишет, что общество этим решением распустило себя, вернуло каждому его индивидуальную свободу, и он воспользуется этим восстановлением своей «свободной воли» и организует банкет без фракционного духа, чистое братство и тому подобные прекрасные вещицы.

Конечно, он обратил свой взор на Бартелеми, так как знал, что немцы, поляки и др. составляют с ним вместе тесную компанию. С другой стороны, красавцу Ландольфу поручено было завладеть «дорогим» Гарни. Л. Блан был даже столь милостив, что пригласил к ужину Гарни, которого он и Ландольф в течение полугода совершенно игнорировали. Какое великодушие!

С другой стороны, Л. Блан набросал манифест, который, как сказал бы наш «дорогой», out and out[**]. Ты, вероятно, читал его в «Friend of the People». Он отвергает даже

[*] — белая Луиза; так Маркс иронически называет Луи Блана (игра слов: Блан—фамилия, «blanc»—«белый»). *Ред.*

[**] — совершенен; не имеет себе равного. *Ред.*

«аристократию духа», чем, с одной стороны, должно быть, мотивируется, что он снизошел до dii mino um gentium*; с другой стороны, Шапперам и К° дается радостная надежда на близкое установление *«аристократии глупости».* Но этот манифест, — конечно, пошлые фразы, — Л. Б[лан] считает «вершиной мудрости», которой может достичь человеческая природа при наиболее благоприятных обстоятельствах. Манифест должен был не только повергнуть в изумление всю Европу, но особенно сразить Ледрю-Роллена, а у бланкистов во Франции создать впечатление, что неподкупный маленький человек расстался с Чёрч-стрит из одной только бесстрашной принципиальности.

Таким образом, бравый Гарни стал орудием обыкновенной интриги и именно интриги против Ледрю-Роллена, к которому он в то же время бегает и банкет которого он завтра тоже почтит своим присутствием. Чтобы еще больше раздразнить этого, несмотря на его приятные и почтенные качества чересчур *впечатлительного плебея,* — особенно впечатлительного в отношении известных имен, перед тенью которых он преклоняется и млеет, — и в то же самое время показать Ледрю — Мадзини, что нельзя безнаказанно противодействовать Наполеону от социализма, малыш принимает поздравления от парижских рабочих. Эти «парижские рабочие», при одной мысли о предстоящем появлении которых кровь ударяет в голову нашему «дорогому», конечно, не кто иные, как пресловутые 25 делегатов Люксембургской комиссии; они никогда никем не были делегированы и во всем Париже служат или предметом ненависти, или посмешищем для других рабочих, — это субъекты, которые имеют такое же значение, как члены Предпарламента и Комиссии 50 в Германии[212]. У них есть потребность в каком-нибудь маленьком божестве, в фетише, а в облике этого малыша есть что-то чудовищное, что всегда могло стать предметом культа. Он, в свою очередь, уверяет их, что они величайшие люди и самые подлинные социалисты во всем мире. Разве он уже не возвел их в *пэры* будущей рабочей республики? Стоит ему пошевелить пальцем, и они поздравляют, а стоит им поздравить, как он публично выражает им свою трогательную благодарность. И на этот раз он шевельнул пальцем, а Гарни видит, конечно, в этих профессиональных поздравителях Париж, весь Париж.

Прежде чем расстаться с гномом, — еще два обстоятельства, о которых я узнал от Тессье и которые очень характерны для этой фальшивой плакальщицы.

* — буквальное младших богов; в переносном смысле: второразрядных величин. *Ред.*

Луиза никогда не импровизирует своих речей. Он от слова до слова пишет свои речи и заучивает их *наизусть* перед зеркалом. Ледрю же, со своей стороны, всегда импровизирует и в важных случаях делает себе некоторые заметки фактического характера. Совершенно независимо от их внешнего различия, Луиза уже по одному этому совершенно неспособен *рядом с* Ледрю произвести малейшее впечатление. Естественно, что он должен был ухватиться за всякий повод, который позволил бы ему избегнуть сравнения с этим опасным соперником!

Что касается его исторических работ, то он создает их, как А. Дюма свои фельетоны. Он всегда изучает материал только для следующей главы. Таким образом, появляются книги вроде «Истории десяти лет». С одной стороны, это придает его изложению известную свежесть, ибо то, что он сообщает, для него так же ново, как и для читателя, а с другой стороны, в целом это слабо.

Это о Л. Блане. А теперь о нашем «дорогом»!

Он отнюдь не хочет удовлетвориться участием в собрании, устраиваемом этими людьми. Нет. Их банкет 24 февраля, который без него полностью провалился бы, он превратил в *лондонское событие.* На банкет, который состоится в Сити, уже продана тысяча билетов. *Большую часть билетов* распространил Гарни, как мне третьего дня рассказал Джонс. Принимают участие О'Коннор, Рейнольдс, сотни чартистов. Их собрал Гарни. Гарни весь день бегает, выполняя поручения Л. Блана. Об этом мне также сообщил Джонс.

Гарни совершил маленькое вероломство по отношению к Джонсу: он поручил ему перевести манифест Л. Блана и К°, а затем спросил его, не имеет ли он что-нибудь против, если будет названо его имя в качестве переводчика? Это было в среду. Таким образом, он уже тогда получил твое письмо, о котором не сказал Джонсу ни слова. Джонс усмотрел в этом вопросе лишь апелляцию к его собственному «социалистическому» образу мыслей — и, конечно, ответил, что ничего не имеет против.

Джонс заявил мне, что после моих объяснений он, вероятно, — с уверенностью он не может этого сказать, — воздержится от участия в банкете. Соображения, вследствие которых он колеблется, весьма основательны. Если он не придет, он потеряет часть популярности, так как благодаря «дорогому» этот банкет превратился в предприятие чартистов. Он боится также, что Рейнольдс может плести интриги за его спиной.

Джонс не одобряет поведения «дорогого», которого я «больше не видел». Он старается извинить его тем, что чартистов

обвиняли бы в политической апатии или антипатии по отношению к иностранным революционерам, если бы они не приняли участия ни в одном из этих банкетов. Я ответил ему: Гарни и др. следовало бы устроить чартистский митинг для чествования жалкого 24 февраля, а не делать из себя пьедестал для карлика или для полдюжины глупцов; для карлика, который называет Гарни не иначе как «славный малый» и который, в случае если бы в Лондоне завтра началось движение, стал бы по прошествии года или двадцати лет документально доказывать, что это он толкнул бедных англичан на путь прогресса и что это произошло между 1688 г. и 24 февраля 1851 г., когда весь Лондон так же приветствовал Луи Блана, как в свое время 50000 рабочих во дворе редакции «Reforme», еле вмещающем 50 человек. И сколько крокодиловых слез он прольет на бумагу по поводу этого, еще не бывалого до сих пор события!

Гарни впутался во всю эту историю прежде всего под влиянием того чувства преклонения перед официальными великими мужами, которое мы уже и прежде часто высмеивали. Затем он любит театральные эффекты. Он безусловно любит успех, однако я не хочу сказать, что он тщеславен. Он сам бесспорно находится во власти фразы и испускает весьма изобильные патетические газы. Он глубже увяз в демократической грязи, нежели это желает показать. У него двойной spirit*: один, который у него выработал Фридрих Энгельс, и другой — его собственный. Первый — это своего рода смирительная рубашка для него. Последний — это он сам in puris naturalibus**. Но надо прибавить еще третий: spiritus familiaris***, и это его достойная супруга. Она питает большое расположение к gants jaunes**** вроде Ландольфа и Луи Блана. Она, например, ненавидит меня как легкомысленного человека, который может быть опасным для ее «собственности, которая должна быть охранена». У меня есть неоспоримые доказательства, что длинные плебейские руки этой женщины замешаны в этой истории. Насколько Гарни одержим этим spiritus familiaris и насколько мелочно пронырлива эта женщина в своих интригах, ты можешь видеть из следующего: ты помнишь, как она вечером под Новый год в присутствии моей жены оскорбляла Макфарлин. Потом она, улыбаясь, рассказывала моей жене, что Гарни весь тот вечер не видел М[акфарлин]. Ему же она, потом рассказывала, что отказалась познакомиться с Макфар-

* — дух, характер. *Ред.*
** — в натуральном виде. *Ред.*
*** — семейный дух. *Ред.*
**** — людям в лайковых перчатках. *Ред.*

лин, потому что все общество, и особенно моя жена, возмущалось и смеялось над этой женщиной-драгуном. А Гарни оказался таким ослом и трусом, что не дал этой Макфарлин никакого удовлетворения за нанесенное ей оскорбление и самым недостойным образом порвал с тем единственным сотрудником в его напыщенном журнальчике, у которого действительно были идеи. Rara avis* в его журнальчике.

Что придает еще этому собранию особенный вес, — это царящее в Лондоне возбуждение вследствие отставки маленького Джонни** и прихода к власти Стэнли — Дизраэли[213].

Французы ничего не боятся так сильно, как всеобщей амнистии. Она лишит ореола всех здешних героев подмостков.

А. Руге сделал попытку вместе со Струве, Кинкелем, Шраммом, Бухером и т. д. осуществить издание «Volksfreund» или, как предлагал наш Густав***, «Deutscher Zuschauer». Дело провалилось отчасти потому, что остальные не желали протектората Винкельрида****, отчасти потому, что кое-кто, например, «простодушный» Кинкель, требовали уплаты чистоганом, а это не входило в расчеты г-на Руге. Его главная задача состояла в выкачивании денег из литературного общества, которое тебе известно. Юлиус этому помешал, так как он тоже хочет издавать здесь газету.

К. Гейнцен является главным редактором обанкротившейся нью-йоркской «Schellpost» и начал ужасную полемику с Вейтлингом.

Ты поступишь очень хорошо, если хоть раз и немедленно напишешь Красному Беккеру***** в Нью-Йорк и оповестишь его о теперешнем положении дел.

При сем письмо от Дронке. Верни мне его немедленно; если ты к тому же сам пожелаешь написать, — тем лучше.

Своим переводом ты оказал мне большую услугу, так как я не мог больше оставаться должен этому красавцу****** хотя бы фартинг.

Кое-что о французской литературе 1830—1848 гг. — в моем ближайшем письме.

Напиши мне также, правильны ли мои расчеты.

Твой ***К. Маркс***

---

* — Редкая птица. *Ред.*

** — Джона Рассела. *Ред.*

*** — Струве. *Ред.*

**** — Руге (иронически назван Винкельридом, полулегендарным швейцарским воином, по аналогии имен — обоих звали Арнольдами). *Ред.*

***** — По-видимому, Максу Йозефу Беккеру. *Ред.*

****** — Ландольфу. *Ред.*

Впрочем, теперь — ибо «дорогой»* постарается вернуться, лишь только покончит с этим лицедейством — с ним нужно будет обращаться пренебрежительно и дать ему почувствовать, что он «потерял» на этом.

Кстати: Гарни устроил так, что его выбрали в чартистскую депутацию, посылаемую на Чёрч-стрит; сначала он появится там, а затем отправится в Сити, где и обоснуется.

Что он поступил так не по наивности, видно, впрочем, уже из того, что все это он проделал *за моей спиной* вкупе с «красавцем», не написав и *тебе ни единого слова*.

Впервые полностью опубликовано на языке оригинала в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 1,1929 и на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXI, 1929 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

63

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

В МАНЧЕСТЕР

[Лондон], 24 февраля 1851 г.

28, Deanstreet, Soho

Дорогой Энгельс!

Теперь час ночи. Приблизительно час тому назад сюда ввалился Пипер, без шляпы, всклокоченный, растерзанный. Дело было так.

Сегодня вечером состоялось собрание или банкет в Сити. *Виллих председательствовал.* Джонс, согласно своему обещанию, не пошел. Наш «дорогой» нацепил красную ленточку. Присутствовало около 700 человек, приблизительно 150 французов, 250 немцев, 200 чартистов, остальные — поляки и венгры. Блан огласил приветствия, полученные им от его собратьев из Парижа, а Виллих — приветствие из Ла-Шо-де-Фон. Из Германии у них не было ни одного адреса. Кроме того, был прочитан один адрес от поляков из Парижа.

Речи, говорят, были плохи до смешного. Вообще, несмотря на всеобщее братство, на всех лицах была печать скуки, и скука же сковывала все языки.

Шрамм и Пипер купили себе билеты, чтобы полюбоваться на эту потеху. К ним с самого начала стали придираться. Шрамм

* — Гарни. *Ред.*

подошел к одному из распорядителей, бравому рыцарственному Ландольфу, и потребовал, чтобы им за их деньги был, по крайней мере, обеспечен покой. Тот ответил, что здесь не место вступать в объяснения.

Вскоре господам с Уиндмилл-стрит[214] это надоело. Они начали кричать: «шпион, шпион, Гайнау, Гайнау», а затем Шрамма и Пипера вышвырнули из зала, сорвали с них шляпы и стали на дворе перед залом топтать ногами, бить по лицу, словом — их чуть не разорвали на куски, вырывали у них волосы и т. д. Подходит Бартелеми и говорит о Шрамме: «Это — гадина! Его нужно раздавить». Шрамм отвечает: «Вы — отпущенный на волю каторжник».

В этом избиении приняло участие до 200 субъектов — немцы, французы и господа «братские»[215], которые оказались не менее «храбрыми» в борьбе против двух безоружных.

Post festum* изволил появиться «дорогой», и вместо того, чтобы энергично вмешаться, как этого требовали обстоятельства дела, он стал лепетать, что знает этих людей, и пытался пуститься в пространные объяснения. Великолепное средство в такой момент!

Наши защищались, как львы.

Господа с Уиндмилл-стрит кричали: он украл из нашей кассы 19 шиллингов.

На сегодня хватит. Что ты скажешь об этом, мой дорогой? Если завтра в Лондоне вспыхнет революция, Виллих — Бартелеми непременно окажутся у власти.

Твой ***К. М.***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart. 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

64

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

В ЛОНДОН

[Манчестер], вторник, 25 февраля [1851 г.]

Дорогой Маркс!

Вчера исполнилась неделя с тех пор, как я послал тебе письмо для Гарни и не получил от тебя никакого ответа; это может меня поставить некоторым образом в затруднительное

* — После праздника, то есть после того, как событие уже произошло, с запозданием. *Ред.*

положение, если письмо от Г[арни], которое может прийти каждый день, потребует быстрого ответа или если переговоры здешней новой чартистской клики о приезде сюда Гарни увенчаются успехом, и он в одно прекрасное утро ввалится ко мне в дом. Я надеюсь, что ты все получил и что не состояние твоего здоровья помешало тебе ответить. Быть может, тебя не удовлетворяет это письмо или не нравится моя манера действовать немедленно, на собственный страх и риск, не посоветовавшись с тобой. Но ведь я именно потому и послал тебе письмо, и если у тебя были какие-либо возражения против него, то проще всего было прямо сказать Гарни, чтобы он пока что не печатал моих статей[*], а мне отослать письмо с замечаниями, которым, как ты знаешь, было бы уделено должное внимание.

Я безусловно уже давно перед тобой в долгу с ответом на письмо по вопросу о денежном обращении[**]. По существу вопрос поставлен, по моему мнению, совершенно правильно и сильно поможет свести запутанную теорию обращения к простым и ясным основным положениям. Что касается изложения дела в твоем письме, то я нахожу нужным заметить лишь следующее:

1. Допустим, что в начале периода депрессии баланс Английского банка включает, согласно твоему допущению, 12 миллионов ф. ст. вкладов и 8 миллионов слитков или монет. Чтобы освободиться от излишних 4 миллионов ф. ст. металла, ты заставляешь банк понизить учетную ставку. По-моему, ему это вовсе незачем делать, и, насколько я могу припомнить, понижение учетной ставки в начале депрессии никогда еще до сих пор не имело места. На мой взгляд, депрессия окажет немедленно свое влияние на вклады и очень скоро не только восстановит равновесие между металлическим запасом и вкладами, но и заставит банк повысить учетную ставку, чтобы металлический запас не опустился ниже трети вкладов. В той же мере, в какой усиливается депрессия, тормозится обращение капитала, товарооборот. Но векселям, в свое время трассированным, истекает срок, и они должны быть оплачены. Поэтому приходится пустить в ход резервный капитал, вклады — ты понимаешь, не в качестве средств обращения, а как капитал, и, таким образом, простая утечка металла наряду с депрессией окажется сама по себе достаточной, чтобы освободить банк от избытка его металлического запаса. При этом банку нет надобности *понижать свою* процентную ставку в таких условиях, которые

[*] См. настоящий том, стр. 157, 167. *Ред.*
[**] См. настоящий том, стр. 161—167. *Ред.*

в то же время приводят к общему *повышению* процентной ставки во всей стране.

2. В период растущей депрессии банк, я полагаю, должен был бы повышать пропорцию металлического запаса по отношению к вкладам (чтобы не оказаться в затруднительном положении) в той же степени, в какой будет возрастать депрессия. Четыре избыточных миллиона оказались бы для банка самой лучшей находкой, и он старался бы расходовать их как можно медленнее. При усиливающейся депрессии отношение металлического запаса к вкладам, равное $^{2}/_{5}$:1, $^{1}/_{2}$:1 и даже $^{3}/_{5}$:1, было бы, если принять твои предпосылки, отнюдь не преувеличенным, и его тем легче было бы осуществить, что с сокращением вкладов и металлический запас стал бы абсолютно сокращаться, даже если бы относительно он и увеличивался. Массовое изъятие вкладов из банка в данном случае столь же возможно, как и при бумажных деньгах, и могло бы быть вызвано самыми обычными торговыми отношениями, так что кредит банка не был бы поколеблен.

3. «Количество обращающихся денег было бы затронуто лишь *в последнюю очередь»,* — говоришь ты. Твоё собственное предположение, что оно будет затронуто вследствие наступающего затишья в делах, при котором, естественно, нужно меньше средств обращения, приводит к заключению, что количество средств обращения уменьшается одновременно с уменьшением интенсивности торговли и часть средств обращения становится излишней по мере усиления депрессии. *Ощутимым* это уменьшение становится, правда, лишь к концу, при сильно» депрессии, но в общем и целом этот процесс развивается с самого начала депрессии, хотя в действительности его и нельзя проиллюстрировать в деталях. Но поскольку это вытеснение части средств обращения является *следствием* всех прочих торговых отношений, депрессии, не зависящей от денежного обращения, а все остальные товарные и торговые отношения охватываются этой депрессией *раньше,* чем сфера денежного обращения, и поскольку во всяком случае это уменьшение количества средств обращения лишь в конце становится *практически* ощутимым, — постольку, конечно, денежное обращение затрагивается кризисом в последнюю очередь.

Эти замечания, как видишь, относятся лишь к твоему modus illustrandi*. По существу же все совершенно правильно.

Твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

* — способу иллюстрации. *Ред.*

65

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

В ЛОНДОН

[Манчестер], среда, 26 февраля [1851 г.]

Дорогой Маркс!

Твое письмо от 23-го со штемпелем от 25-го я получил сегодня утром. В будущем посылай мне письма всегда по адресу: гг. Эрмен и Энгельс, Манчестер. Тогда письма будут доходить ко мне быстрее и вернее, так как я часто не бываю дома, а почтовые чиновники и без того иногда направляют письма, адресованные мне на квартиру, ко мне в контору, где я во всяком случае бываю раз в день. По возможности пользуйся первой лондонской вечерней почтой — до шести часов на Черинг-Кросс или до пяти с половиной в небольших почтовых отделениях: тогда письма наверняка будут на следующий день в 10 часов утра в конторе.

Ты забыл приложить письмо от Дронке. Пришли мне его поскорее, я хотел бы ему написать специально для того, чтобы вновь завязать переписку с Лупусом*, о котором я даже не знаю, где он сейчас, так как на все мои письма не получаю никакого ответа. Если ты предпочитаешь не платить почтового сбора и не нести почтовых расходов за письма, посылаемые за границу, то присылай их мне или скажи, чтоб их адресовали на мое имя, а я подсуну их фирме.

В «Constitutionnel» сказано, что Д'Эстер выслан из Швейцарии и уже покинул ее — известно ли тебе что-нибудь об этом?

Твой атлас спасен. Я в конце концов отказался его продать и пока что оставил его здесь, так как он мне очень нужен; я читаю теперь историю Консульства и Империи в изложении французских и английских историков, специально с военной точки зрения. Лучшее, что я нашел до сих пор в этой области, это «История войны на Пиренейском полуострове» У. П. Нейпира (ныне генерала). У него есть свои причуды, как у всех Нейпиров, но наряду с этим он обнаруживает чрезвычайно много здравого смысла и, что еще важнее, чрезвычайно верный взгляд при оценке военного и административного гения Наполеона. Француз был бы совершенно неспособен написать такую книгу. Тьер в смысле исторической достоверности и даже правильности оценки ни на волос не выше жалкого тори Саути,

* — Вильгельмом Вольфом. *Ред.*

покойного поэта-лауреата, который также написал ругательную и хвастливую историю Испанской войны[216]. Нейпир только чересчур сильно выдвигает на передний план своего главнокомандующего Веллингтона, но я еще недостаточно далеко продвинулся в чтении его книги, чтобы иметь возможность составить себе по этому поводу окончательное суждение.

Твои сообщения о гражданах Блане и Гарни я себе намотаю на ус. От последнего я все еще ничего не получал. Я так и думал, что в этой истории замешан его spiritus familiaris*. Она испытывает безграничное почтение к великим мужам и становится все более и более неприятной. Во всяком случае, когда он снова заявится к нам, надо дать ему это почувствовать. Что касается маленького Блана, то не мешало бы, при первом возможном случае, дать разбор его полного собрания сочинений; ты бы взял на себя «Организацию труда» и «Историю революции», а я «Десять лет»; помимо того мы вместе дали бы критику его идеи производственной ассоциации, осуществленной на практике после февраля, а также «Страниц истории». На пасхе я приеду в Лондон, и тут уже кое-что можно будет сделать. Сами эти вещи можно было бы здесь дешево купить в бельгийском издании. Так как интрига с моим стариком**, по крайней мере пока, мне вполне удалась, то я устроюсь здесь основательно и, кроме того, выпишу свои книги из Брюсселя. Может быть, ты хочешь получить что-нибудь из Кёльна, тогда извести меня об этом; я буду писать на днях Даниельсу о своих вещах, и мы можем тогда попросить его упаковать все вместе. NB. Все, но только не английские книги, перепечатанные на континенте.

О дальнейшей истории с моим стариком и о той новой интриге, которую я должен был затеять, с одной стороны, чтобы продлить мое пребывание здесь под предлогом того, что я незаменим, и, с другой стороны, чтобы не дать чрезмерно загрузить себя работой в конторе, я расскажу тебе устно. Через полтора месяца все равно пасха, а дело требует подробного изложения. Одно во всяком случае ясно: мой старик должен будет мне за все это дорого заплатить, и притом наличными денежками, особенно когда он еще раз побывает здесь, и я его еще больше впутаю во все это дело. Трудность заключается в следующем: нужно занять официальное положение в качестве представителя моего старика по отношению к Э[рменам] и все же внутри здешней фирмы не занимать *никакого* официального поста с обязательством работать и с жалованьем от фирмы.

---

* — семейный дух (имеется в виду жена Гарни). *Ред.*

** — Фридрихом Энгельсом-старшим, отцом Энгельса. *Ред.*

Но я все-таки надеюсь это осуществить; мои деловые письма привели в восхищение моего старика, и мою готовность остаться здесь он расценивает как большую жертву. Для меня это означает или вскоре будет означать пять добавочных фунтов в месяц, не считая позднейших прибавок.

Твой ***Ф. Э.***

Не забудь мне прислать для развлечения в моем одиночестве кёльнские анекдоты, как только ты их получишь и прочтешь*.

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart. 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

66
МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ В МАНЧЕСТЕР

[Лондон, 26 февраля 1851 г.]

Дорогой Энгельс!

Из писем Пипера и Шрамма, которые я тебе посылаю, ты узнаешь факты со слов самих участников. Таким образом ты всего лучше составишь собственное суждение. Непостижима подлость со стороны 200 «братских»[217] разбойников, которые свою жажду революционных подвигов проявили на двух безоружных людях, непостижима подлость «дорогого»**, Ландольфа, Луи Блана и т. д., спокойно смотревших на это и повторявших свои заученные фразы о братстве.

Кое-какие подробности из разговора Шрамма с Гарни: Г[арни] подчеркнул, что Шаппер его «старый знакомый» и что во время нашего пребывания в Брюсселе он был с ним в очень близких отношениях.

Кстати: *весь отчет о* собрании гг. Луи Блан и компания, еще за день до того, как оно состоялось, отослали в одну парижскую газету.

Судебный процесс уничтожил бы Л. Блана. Ты представляешь себе, какая пища для «Times», особенно ввиду того, что Бартелеми, этот «каторжник», «убийца» и т. д., фигурировал бы в качестве обвиняемого и подстрекателя к убийству. Ведь

* См. настоящий том, стр. 171—172. *Ред.*
** — Гарни. *Ред.*

во время этого избиения Бартелеми сказал, указывая на Шрамма: «Это — гадина, его нужно раздавить».

Судебный процесс имел бы только *следующий* скверный результат: проектируемая Гарни и Джонсом газета лопнула бы, Гарни и «Братские демократы» пошли бы прахом, газета «Times» торжествовала бы, Пипер потерял бы свое место (он достаточно благороден, чтобы об этом не спрашивать), а Шрамму и т. д, все чартисты вместе в конце концов все же сломали бы шею. Как поступить? Завтра переговорю об этом с Джонсом. Друг Гарни вместе с Шаппером, кажется, полагают, что все спокойно обойдется. Гарни даже не счел нужным предпринять по отношению к нам необходимые шаги и пойти на соответствующие уступки. Этот осел затрудняет таким образом положение. Нельзя же не реагировать на всю эту мерзость.

Если Гарни тебе напишет, остерегайся только одного. В твоем письме ты слишком подробно остановился на теоретической критике Ледрю и Блана. Парни] изображает теперь дело так, будто бы мы требовали, чтобы он шел в хвосте у нас. Ему прежде всего нужно указать:

1. Что дело идет *единственно лишь о* его отношении к Шапперу и Виллиху, что он оказался на стороне наших явных личных врагов — этих низких людей — и что он перед лицом Германии обратил весь свой авторитет на то, чтобы выступить за них и против нас. И разве он *вместе с нами письменно* не порвал отношений с Видилем, Бартелеми и Виллихом?[218] Как же он мог их возобновить без нас, за нашей *спиной* и *против* нашей воли! Если это честно, то я уже ничего не понимаю.

2. Он *отрекся от нас,* поскольку *после* инцидента со Шраммом и Пипером тотчас же на собрании не дал отпора и немедленно не удалился. Вместо этого он всячески старается изобразить все это дело своим друзьям как незначительный инцидент.

При сем письмо от Дронке. Напиши ему подробно обо всей этой пакости, включая и самое новейшее. Мне нужно очень много писать в Кёльн, Гамбург и т. д.

Извини, что сегодня письмо не оплачено. Уже слишком поздно, чтобы сходить за марками, а необходимо, чтобы это письмо еще сегодня вечером попало на почту.

Твой ***К. Маркс***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

67

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ [219]

В ЛОНДОН

[Манчестер], среда, [26 февраля 1851 г.]

Дорогой Маркс!

Только что нашел твое второе письмо. Я немедленно написал Парни] второе письмо; если ты одобряешь, отправь его ему немедленно. Это свинство слишком далеко зашло, и он должен это почувствовать. Если он вступает в союз с другими, тем хуже для него, пускай убирается к черту.

Прилагаю письмо, которое кажется мне очень странным[220]. В чем тут дело? Я не знаю, насколько Красный Вольф* действовал по своему почину. В этом письме столько безумия, что я не могу ответить на него, не получив подробных сведений. Сообщи мне поэтому, что это за проделка, и отошли мне обратно эту чепуху. Час ночи.

Твой ***Ф. Э.***

У меня нет марок, а так как я тотчас же понесу письмо на почту, я не могу его оплатить.

Впервые полностью опубликовано на языке оригинала в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung. Bd. 1, 1929 и, на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXI, 1929 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

68

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

В ЛОНДОН

[Манчестер], четверг, 27 февраля 1851 г.

Дорогой Маркс!

Вчера в 12 часов ночи, вернувшись домой и найдя твое письмо с рассказом о подлости, учиненной по отношению к Шр[амму] и П[иперу], я тотчас же отправил тебе письмо для Гарни. По этому письму, по неровному почерку, по патетическому негодованию, по беспорядочному и спотыкающемуся ходу мыслей и не очень большой гармонии в целом, ты, навер-

* — Фердинанд Вольф. *Ред.*

ное, сообразил, что оно было написано под действием нескольких стаканов крепкого пунша, которые я, в виде исключения, выпил в тот вечер, и ты, вероятно, поэтому не отослал его. Правда, я был так взбешен, что не мог пойти спать, не отослав его; и вот в час ночи я побежал на почту скорее для того, чтобы самого себя успокоить, чем для того, чтобы срочно сообщить Г[арни] мое мнение. Ты получил это письмо, вероятно, сегодня около полудня, а так как сегодня до вечера нет почты, то у меня не было возможности отправить второе письмо раньше. Я прилагаю при сем исправленное письмо к Г[арни], которое ты ему доставишь, если, как я надеюсь, ты еще не отправил ему первого письма.

В будущем адресуй мне письма следующим образом:

1. Все письма, которые ты будешь отправлять до шести часов вечера в почтовом отделении Черинг-Кросс или до пяти с половиной в небольших почтовых отделениях, адресуй в контору (Э[рмен] и Э[нгельс]). Я буду их тогда получать в 10 часов утра.

2. Все письма, которые ты будешь сдавать *после* 6 часов вечера, адресуй на Грейт-Дьюси-стрит. Тогда я буду их получать на следующий день в 6 часов вечера, между тем как в конторе я их буду получать лишь на третий день утром.

Хюнербейн написал мне на днях. Мирбах благополучно бежал и отправляется из Парижа вслед за своей женой в Афины.

Твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

69

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ [221]

В ЛОНДОН

[Манчестер], пятница, [28 февраля 1851 **г.**]

Дорогой Маркс!

Лишь сегодня утром прибыло твое письмо от третьего дня. Если бы я вчера вечером знал все эти подробности, я бы написал дорогому Г[арни] совсем по-иному. Но он еще попадется мне, и тогда ему влетит.

Я думаю, что всерьез возбуждать в связи с этой историей судебное преследование вряд ли будет полезно. Независимо от Гарни, Джонса и чартистов, эта история свелась бы к ругани и взаимным обвинениям. При помощи первых попавшихся

адвокатов противная сторона стала бы задавать Ш[рамму] и П[иперу] самые бесстыдные вопросы: например, не украл ли Ш[рамм] денег из кассы на Грейт-Уиндмилл-стрит и т. д.; вопросов этих было бы достаточно, чтобы свести на нет всякий эффект, какой бы энергичный отпор им ни давался. Свидетели противной стороны присягнули бы, что Ш[рамм] сказал то-то и то-то; они вспомнили бы о некоторых сценах, устроенных Шр[аммом] на Грейт-Уиндмилл-стрит и раздули бы их до колоссальных размеров, чтобы изобразить Шр[амма] в качестве нарушителя порядка на публичных собраниях и т. д., а судья, довольный тем, что эти демагоги изображают друг друга подлецами, допустил бы все, что может бросить тень на обе стороны. Однако как угрозу Шр[амм] должен это использовать.

Он и без того слывет человеком с дьявольски бесшабашным характером, и они считают его способным довести дело до этого. Ему следовало бы надавать пощечин Ландольфу и практиковаться в стрельбе. Этот человек всегда попадает в подобные истории, и умение стрелять для него более необходимо, чем для кого-либо другого.

Процесс в конце концов кончился бы очень грубым отказом судьи в иске обеим сторонам и больше ничего не дал бы, в особенности потому, что он происходил бы там в Ислингтоне, где судьи бог знает какие старые ослы. И если Ландольф, *народный представитель,* заявит, что Шр[амм] мог прийти только с намерением вызвать скандал и т. д., то не думаешь ли ты, что и публика в конце концов скорее поверила бы этому, чем объяснениям Шр[амма] и П[ипера]. Можно устроить большой скандал из-за этой истории, но в таком случае этот скандал — вследствие инсинуаций — в какой-то степени повредил бы и Шрамму.

И затем несомненным результатом такого скандала было бы введение нового закона об иностранцах в целях охраны добропорядочных реакционеров, прибывающих с континента на выставку[222].

Но почему же, черт возьми, Шр[амм], как только Ландольф отказался поддержать его, не пошел тотчас же к Гарни, чтобы втянуть его в это дело?

Как раз время отправлять почту. До свидания!

Твой ***Ф. Э.***

Впервые полностью опубликовано на языке оригинала в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung,Bd. 1, 1929 г. и на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, l изд., т. XXI, 1929 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

70

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ [223]

В МАНЧЕСТЕР

[Лондон], суббота, 1 марта 1851 г.

Дорогой Энгельс!

У тебя, очевидно, совершенно особенные почтовые клячи, так как все мои письма приходят слишком поздно.

Ты отлично знаешь, если ты внимательно прочел полученные письма, что все, что ты советуешь, уже сделано, за исключением пощечины Ландольфу, которой я не одобряю. Если и следовало бы кого-нибудь оскорбить, то это маленького «Гип-гип-ура», шотландца Джорджа Джулиана Гарни, и никого другого, и тогда в стрельбе пришлось бы упражняться Гарни.

У меня были оба твоих письма к Гарни; я отослал *первое,* так как, по моему мнению, оно лучше написано и больше подходит, чем второе исправленное издание.

Гарни и Ландольфу уже достаточно угрожали судебной процедурой. Твое опасение, что Ландольф будет показывать против Шрамма, не обосновано. Он скорее будет клясться, что Шрамм перед скандалом просил его, как члена комитета, поддерживать порядок в толпе.

Итак, раз «угроза» судебной процедурой не подействовала, то как поступить, если не хочешь спокойно примириться с побоями, обвинениями в шпионаже и торжеством Шаппера — Виллиха?

Все твои опасения относительно скандала правильны. Но и у нашей стороны будет хороший адвокат. Шрамму совершенно безразлично, пострадает ли его репутация немного больше или меньше. Но если он предаст это дело забвению, теперь, после того как в него вмешались французы с Чёрч-стрит[224], тогда он погиб; ему необходимо либо получить от чартистов публичное удовлетворение, либо довести дело до суда, — одно из двух.

Джонс, как я тебе писал, не был в понедельник на собрании. Я условился встретиться с ним у меня дома, но уже во вторник побежал к нему; не застал его, оставил ему записку, чтобы он пришел в среду. Не пришел. Пошел к нему в четверг. Мне сказали, что его нет. Оставил ему записку, в которой приглашал его к себе. Не пришел. В четверг вечером я написал ему подробное письмо, в котором спокойно, просто, ясно изложил всю эту мерзость с самого начала, указал ему на возможные отвратительные последствия, требовал публичного

удовлетворения и в заключение предложил, чтобы он пришел ко мне для обсуждения всего этого. Он не пришел, несмотря на то, что был в городе, и не прислал также ответного письма. Итак, очевидно, Джонс уже обработан маленьким шотландским интриганом*, который боится нашей встречи с ним. Таким образом, ты видишь: нет никаких шансов на публичное удовлетворение со стороны чартистов. Остается только судебная процедура. Будь, что будет. Неприятно только, что Пипер потеряет из-за этого свое место, а мы, вероятно, в большей или меньшей степени восстановим против себя чартистскую массу.

Введение закона об иностранцах было бы *приятнейшим* событием для нас. Что из себя представляли бы эти ослы без ежедневных публичных демонстраций?

Остается еще только одно средство уладить это дело, не доводя его до величайшего скандала, — это если бы ты *тотчас же,* без промедления, *приехал сюда*[225]. Ты мог бы остановиться у меня, так как я теперь снимаю еще две комнаты. Другого средства, — я заявляю это тебе категорически, — нет. Письма запутывают, затягивают дело, не достигают цели.

Твой ***К. М.***

Впервые полностью опубликовано на языке оригинала в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 1, 1929 и на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXI, 1929 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

71

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ В МАНЧЕСТЕР

[Лондон], 8 марта 1851 г.

Дорогой Энгельс!

Сегодня только несколько строк фактического характера.

Как видишь, газета «Times» не поместила этой чепухи[226]. Но нас это больше не касается.

Гарни еще позавчера утром написал Шрамму. Этот болван и шалопай вышел из дому в 9 часов утра и вернулся домой около часу ночи. Поэтому письмо попало в его руки только вчера.

Гарни помещает его заявление[227], он написал к нему удовлетворительное вступление. Он пишет Шрамму «дорогой

* — Гарни. *Ред.*

Шрамм» и напоминает ему, чтобы он тоже выполнил свое обязательство и не обращался в полицейский суд — это документ против французов.

Вчера «Patrie» (сегодня «Constitutionnel») напечатала заявление гг. Блана, Бартелеми, Шаппера, Виллиха и всех остальных членов комитета, в котором эти господа уверяют, что Бланки не посылал тоста ни одному из членов комитета. «Patrie» по этому поводу замечает, что она не хотела напечатать этого, не наведя предварительно справок. И вот г-н Антуан — зять Бланки — прислал ей следующее сообщение: тост был послан на имя Бартелеми, подпись которого также имеется на заявлении, и получение его было им подтверждено. Ты представляешь себе, какой стон стоит в этом лагере!

Но это не все.

Вольф послал вчера утром Вдлофа с чистокровным англичанином к Ландольфу. Этот молодец держал себя, как вышедший из себя шулер: сперва вопил, декламировал, сыпал фразами, важничал, размахивал руками и топал ногами, а затем его снова охватило непреодолимое чувство трусости. Сегодня вечером будет составлен протокол в присутствии этих жалких crapauds* с Чёрч-стрит[228].

В заключение: плохие вести от моей старухи**. Она ставит все в зависимость от Боммеля. Я, вероятно, вынужден буду пойти на этот отчаянный шаг.

Твой ***К. Маркс***

Я получил от Беккера*** письма Виллиха. Ты их получишь во вторник.

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

72

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ В ЛОНДОН

[Манчестер], понедельник, 10 марта 1851 г.

Дорогой Маркс!

Сегодня утром пришло прилагаемое письмо Веерта, которое я тебе тотчас же посылаю. Конфликт между Шр[аммом] и Гарни таким образом теперь ликвидирован. Если ты сможешь

---

* — обывателей. *Ред.*

** — Генриетты Маркс. *Ред.*

*** — Германа Беккера. *Ред.*

уговорить этого шалопая, заставь его послать Г[арни] экземпляр перевода тоста Бланки, это произведет впечатление. Будет вообще хорошо, если он, находясь теперь опять с Г[арни] в самых лучших отношениях, сохранит эту связь. У Гарни как-никак есть журнал*. Экземпляр статьи, отосланный в «Times», можно было бы послать также Бланки в Бель-Иль[229]. Шрамму не следует быть в этом деле слишком небрежным, — он прикрывает себе тем самым тыл с различных сторон. Завтра вышлю деньги.

Твой ***Ф. Э.***

Бартелеми здорово скомпрометирован — *это* утешительно.

Заставь Шр[амма] сообщить Гарни всю эту историю письменно. Тем самым мы бы сделали предупреждение, а это все же обстоятельство, которое потом может иметь значение.

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Ensgels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

73

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

В ЛОНДОН

[Манчестер], 17 марта 1851 г.

Дорогой Маркс!

У меня был чрезвычайно неприятный грипп, сделавший меня неспособным ко всему разумному и неразумному. Этим объясняется мое молчание. Я был только в состоянии послать тебе на прошлой неделе почтовый перевод — ты, наверное, уже получил его. 5 шиллингов предназначаются для Ленхен, которой как раз не было дома, когда я уезжал от тебя. Если только будет возможно, я пошлю тебе на этой неделе или, самое позднее, на будущей 2 фунта для «Гип-гип-ура»**. Шрамм может их ему отнести. Так как я и от тебя до сих пор — с того времени как я послал тебе письмо Веерта — не получил ни одной строки, то я, конечно, больше ни о чем не знаю и все еще жду благородных писем Виллиха. «Friend of the People» с заявлением Шр[амма] я не видал; журнал приходит сюда очень нерегулярно; попроси Шр[амма] прислать мне экземпляр

* — «Friend of the People». *Ред.*

** — Гарни. *Ред.*

бандеролью. Он наверняка легко сможет раздобыть один экземпляр, если у него нет ни одного. Очень приятно узнать, что Ландольф в конце концов оказался настоящим трусом; я все еще жду пресловутого письма от него.

Я страшно злюсь на здешние глупые порядки, которые по существу не дают мне заниматься регулярно, без перерывов. В одну библиотеку мне нельзя ходить, в другой, публичной, лишь иногда находишь то, что меня в данный момент больше всего интересует, да и часы для меня не подходят, так что в моем распоряжении остается лишь жалкий Атеней, в котором никогда ничего нельзя получить и библиотека которого находится в самом ужасном беспорядке. Так, например, я снова тщетно гоняюсь за Нейпиром*, и проходит всегда 2—3 недели, пока добьешься следующего тома. С отчаяния я взялся за письма Цицерона и изучаю по ним правление Луи-Филиппа и коррупцию Директории. Чрезвычайно веселая скандальная хроника. Цицерон действительно неоценим — профессор Круг и Себастьян Зейлер в одном лице. Более низкой канальи, чем он, не найти в среде филистеров с самого сотворения мира. Я как следует проконспектирую эту милую книжечку. Ограничиваемся на сей раз этим.

Твой ***Ф. Энгельс***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

74

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ В МАНЧЕСТЕР

Лондон, 17 марта 1851 г.

Дорогой Энгельс!

Целую неделю не писал. Прежде всего я сам по родству душ с тобой проболел гриппом, а затем по уши погряз в мелочных заботах, которые сразу обрушились на меня в эту роковую неделю.

При сем посылаю тебе веселые письма рыцаря фон Виллиха.

В грязном листке Гейнцена** помещена мнимая корреспонденция из Парижа, сфабрикованная здесь, в Лондоне, в которой,

---

* *У. П. Нейпир,* «История войны на Пиренейском полуострове». *Ред.*

** — «Deutsche Schnellpost». *Ред.*

само собой разумеется, подвергаемся нападкам прежде всего мы оба, затем Рудольф Шрамм, депутат, «потому что он без зазрения совести проживает деньги своей жены», затем «полулюди Таузенау, Юлиус и Бухер» и, наконец, очень ядовито — великий *Кинкель.* Гейнцен никогда и ни за что не простит ему конкуренции в попрошайничестве. Восхваляются лишь великий Руге и Струве. О Руге в этом письме из Парижа сообщается, что он приезжал на один день из Брайтона в Лондон. Эта грязная статья возникла в результате того, что Гейнцен собрал воедино и издал сплетни из частного письма Руге и частного письма Бамбергера, обвинения которых совершенно противоречат друг другу.

На большом банкете, на котором Руге выступил как «безграничный глупец», — Вольф и Лнбкнехт сами присутствовали на нем, — не было ни одного берлинского или франкфуртского депутата[230]. Они не желают гегемонии Руге — Струве. Клика: Р. Шрамм, граф Рейхенбах* (франкфуртский, а не «борода партии»**) и Оппенхейм, Бухер, наконец, Юлиус, действующий самостоятельно, — все они опять интригуют против этих богов глупости. Конечно, тоже из возвышенных мотивов. Говорю тебе, все эти канальи — мерзкая дрянь, настоящая мерзкая дрянь.

Кинкель, помещающий всякую клевету против нас, произнес на банкете в своем обычном «красносафьянном» стиле скорбную речь о примирении всех — «от простого борца за конституцию до красного республиканца».

Все эти ослы, хотя они вздыхают по республике, а Кинкель при случае даже по красной республике, холопски лижут зад английской конституции, — противоречие, по поводу которого даже невинная «Morning Chronicle» изволила сделать им замечание, указав на недостаток у них логики.

О Ландольфе ничего нового. Он носит звание разоблаченного шулера с достоинством «человека чести».

Комедия с Бланки еще не закончена. Бывший капитан Видиль послал в «Patrie» заявление, в котором он пишет, что чувство чести и стремление к истине заставляют его заявить, что Л. Блан, все другие и он сам солгали в своем первоначальном заявлении. Комитет состоял из 13 лиц, а не из 6. Всем им был показан тост Бланки, всеми ими он был обсужден. Он, Видиль, тоже был в числе шести[231]. Благородный Бартелеми, не прочитав этого письма, через несколько дней после этого в свою очередь посылает заявление в «Patrie», в котором говорит, что тост получил *он,* но не сообщил его другим; таким образом,

* — Оскар Рейхенбах. *Ред.*
** — Эдуард Рейхенбах. *Ред.*

он сам признает, что является трижды лжецом. «Patrie», печатая его письмо и заявляя в заключение, что больше она не будет ничего принимать от этих ослов, сопровождает его следующим предварительным замечанием:

«Мы часто задавали себе вопрос, — а на него ответить нелегко, — что у демагогов развито сильнее: бахвальство или глупость? Полученное нами четвертое письмо из Лондона делает ответ для нас еще более затруднительным. Сколько же там этих несчастных созданий, до такой степени снедаемых жаждой писать и видеть свое имя напечатанным в *реакционных* газетах, что их не останавливает даже бесконечный позор и самоунижение! Какое им дело до насмешек и негодования публики, ведь «Journal des Debats», «Assemblee nationale», «Patrie» напечатают их стилистические упражнения. Для достижения такого счастья никакая цена не покажется слишком высокой этой космополитической демократии... Во имя литературного *сострадания* мы помещаем поэтому нижеследующее письмо гражданина Бартелеми... Оно является новым и, мы надеемся, последним доказательством подлинности отныне знаменитого тоста Бланки, существование которого они сначала все отрицали, а теперь готовы вцепиться друг другу в волосы из-за того, кто его удостоверит».

Разве это не великолепно?

Твой почтовый перевод я получил. Если ты и в своей торговле платишь такие проценты, тогда либо твои прибыли, либо твои потери должны быть чрезвычайно велики.

Не забудь написать Дронке. Галер умер. Итак, вложи письмо в конверт на имя Т. Шустера во Франкфурте.

Твой ***К. Маркс***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого и французского

75

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ В ЛОНДОН

[Манчестер], среда, 19 марта 1851 г.

Дорогой Маркс!

История с тостом Бланки развертывается поистине чересчур хорошо. Заявление Видиля в отношении Луи Блана неоценимо; этот молодец выставлен перед всей Францией и Англией простым лгуном. Бартелеми поразительно влопался. — Одного места твоего письма я не понимаю. Видиль заявляет: «Комитет состоял из 13 лиц, а не из 6... Он был в числе шести». Кто эти шесть? Подписавшие первое заявление или, быть может, фракция, голосовавшая за оглашение тоста Бланки?

Шумиха среди немцев — это тоже неплохо. Я видел отчет о банкете в «Daily News». Так как банкет был респектабелен, то на этот раз и г-н Мадзинн не постеснялся прийти. «Председательствовал генерал Хауг!» Этот молодец обещает превратиться в карикатуру на генерала Дюбура в 1830 году. Если судить по объявлению в «Times», то гёрингеровская таверна «Голден Стар» является теперь весьма почтенной. Но так как мне все-таки необходимо собрать весь материал об этой шумихе, то было бы неплохо послать туда для рекогносцировки патруль — ведь найдется же кто-нибудь, кто будет готов сунуть свой нос в эту мерзость, даже с риском быть выставленным за дверь.

Last—but not least*: виллихиана** очень способствовала моему веселому настроению во время сегодняшнего завтрака. Вот болван! В самом деле мне трудно представить себе, как мог он принять письмо Шр[амма] за ответ на свое первое письмо. Но перспектива военной диктатуры в Рейнской провинции, без прессы, которая могла бы ему досаждать, — черт возьми, это действительно могло вскружить голову этому глупому животному. Настоящий каптенармус и фельдфебель! Социальная революция при помощи «нищенской похлебки» семьям ландвера, статистика, сведенная к учету «припасов, скота, транспортных средств и солдат!» Этот проект революции совершенно побивает предшествующий план — с помощью 5000 человек завоевать Германию. Если ландвер на *это* не пойдет, тогда придется разочароваться в человечестве. «Несколько человек я привез бы с собой, других *призвал* бы». Понимаешь ли ты, что этот молодец имел в виду? «Гражданину Карлу Марксу приказывается в течение 48 часов явиться в Кёльн и взять на себя руководство финансовыми делами и общественными реформами под надзором и контролем гражданина Геберта. Неповиновение этому приказу, равно как и всякое противодействие или рассуждения по поводу него, а также неподобающие остроты будут караться смертью. К гражданину Марксу будут приставлены для надзора унтер-офицер и шесть солдат». — А как этот человек говорит о Шаппере! «Мы не желаем больше любителей наслаждений!» Таким образом даже спартанская «pot half and half»*** и покорный трепет этой толстой свиньи перед женщинами представляются пьянствующему за чужой счет и удовлетворяющему самого себя фельдфебелю уже сибаритством. Впрочем, кто знает, не поступила ли бы эта

* — Последнее, но не наименее важное. *Ред.*

** См. настоящий том, стр. 171—172. *Ред.*

*** — «кружка пополам» (половина эля и половина портера). *Ред.*

толстая свинья при какой-нибудь осаде Кёльна так, как благородный Палафокс в Сарагосе; Палафокс во время всей второй (настоящей) осады Сарагосы[232] ни разу не высунул носа потому, что он в компании трех или четырех забулдыг и массы проституток кутил в непроницаемом для бомб погребе монастыря среди бочек с вином и появился лишь тогда, когда должен был подписать условия капитуляции.

Но на какое письмо отвечает Виллих в третьем, торжествующем, полном уверенности в победе письме, в котором он жалуется лишь на затруднения в деньгах? Послал ли ему Шр[амм] второе письмо или же Беккер* ответил на второе письмо В[иллиха]? Объясни мне это и сообщи, нужно ли тебе вернуть сейчас письма; я с удовольствием оставил бы их у себя еще на некоторое время, чтобы при случае сделать некоторые выписки.

Железнодорожная спекуляция снова расцветает — с 1 января курс большинства акций поднялся на 40%, при этом курс самых худших повысился больше всего. Это многообещающе!

Твой ***Ф. Энгельс***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

76

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ [233]

В МАНЧЕСТЕР

[Лондон, 22 марта 1851 г.]

Дорогой Энгельс!

Я поручил Пиперу переписать для тебя этот замечательный документ. Руге, под предлогом того, что он гарантировал заем Мадзини, требует денег, чтобы претворить их в «общественное мнение». Среди здешних «пруссаков» — Бухера, Эльснера, Циммермана и т. д. — царит огромное негодование по поводу этого «сильного временного правительства».

Что касается «шести», которые тебя так смутили, то ими были Ландольф и Блан, Виллих и Шаппер, Бартелеми и Видиль, словом — шесть матадоров; венгры, поляки и тому подобная непривлеченная чернь не фигурировала.

В третьем письме Виллих отвечает лишь собственному ходу мыслей. Он не получил ни от Беккера, ни от Шрамма ни

* — Герман Беккер. *Ред.*

письма, ни чего-либо иного. Сегодня у этого молодца будет приятный день. Около двух недель тому назад Вольф* встретил его в 2 часа ночи в кафе, посещаемом проститутками, и громко воскликнул: «Ах! Добродетельный Виллих здесь!» После этого «добродетельный» улетучился.

Настоящим создателем немецкого Центрального шарлатанского предприятия[234] является неутомимый кожеподобный *оператор мозолей* и травоядное животное Струве. Этот молодец занимается теперь своим старым ремеслом, которое состоит в том, чтобы при помощи краниоскопии, морали и тому подобной ерунды привлекать к себе внимание. Рыночный крикун, да к тому же еще с хриплым гортанным голосом. В продолжение последних 25 лет этот осел составил «демократический словарь политических наук» и «демократическую всемирную историю»[235], обе вещи ничего собой не представляют: одна — лишь перевод Велькера — Роттека[236] на язык Струве, а вторая — это демократически парафразированный Роттек[237]. И Руге так низко пал, что от напечатания этой чепухи в Германии его удержала лишь сострадательная полиция.

Глупый Кинкель хорошо умеет рассеивать иллюзии филистеров. Ничто так основательно не разоблачает этого осла, как тот факт, что он попал в руки таких *испытанных арлекинов,* как Струве и Руге. Во всяком случае он в этой компании потеряет свою львиную шкуру.

Твой ***К. Маркс***

Джонс был у меня несколько дней тому назад и весьма рад, особенно после последних разоблачений, что я спас его от участия в банкете.

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart. 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

77

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ [238]

В МАНЧЕСТЕР

[Лондон], 31 марта 1851 г.
28, Deanstreet, Soho

Дорогой Энгельс!

Пока ты занимаешься военной историей, я веду малую войну, в которой мне вскоре угрожает поражение; это война, из которой не могли бы найти выхода ни Наполеон, ни даже сам коммунистический Кромвель — Виллих.

* — Фердинанд Вольф. *Ред.*

Ты знаешь, что 23 марта я должен был заплатить 31 ф. ст. 10 шилл. старому Бамбергеру, а 16-го — 10 ф. ст. этому еврею Штибелю, все это по пущенным в оборот векселям. Я прежде всего попросил денег у моей тещи* непосредственно через Женни. На это было отвечено, что г-н Эдгар** с остатком *денег Женни* опять послан в Мексику, и я не смог выжать ни *одного* сантима.

Тогда я написал своей матери, грозил трассировать на нее векселя и в случае неуплаты поехать в Пруссию и дать себя арестовать. Последнее я действительно готов был при случае сделать, но к этому средству я, разумеется, не мог прибегнуть после того, как эти ослы стали кричать в газетах об отречении рабочих от меня, о падении моей популярности и пр. Иначе все это выглядело бы как ловкий политический трюк, как более или менее обдуманное подражание Иисусу Христу — Кинкелю. Я сообщил своей старухе, что последний срок — 20 марта.

10 марта она написала мне, что они хотят обратиться к родственникам; 18 марта она пишет, что родственники *не* ответили. Это должно было означать: дело кончено. Я ей тотчас же ответил: остается в силе то, что я писал в моем первом письме.

Штибелю я уплатил 16 марта его 10 ф. ст. с помощью Пипера. 23 марта, после предпринятого мною целого ряда бесплодных шагов, вексель старого Бамбергера был, конечно, опротестован. У меня была отвратительная сцена со стариком, который, кроме того, ужасно ругал меня у достойного Зейлера. Этот осел через своего банкира в Трире наводил обо мне справки у банкира Лауца. Этот субъект, банкир моей старухи и мой личный враг, написал сюда, разумеется, величайшие глупости обо мне и кроме того восстановил еще против меня мою старуху.

По отношению к старому Бамбергеру мне не оставалось ничего иного, как выдать ему два новых векселя — один на его имя в Лондоне, на срок в один месяц, считая с 24 марта, другой сроком на три недели на имя моей старухи в Трире для покрытия первого векселя. Я тотчас же уведомил старуху. Сегодня я получил одновременно с твоим письмом письмо от своей старухи, в высшей степени грубое и преисполненное морального негодования, в котором она решительно заявляет, что будет опротестовывать каждый выданный мной на ее имя вексель.

Таким образом, 21 апреля я могу ожидать самого худшего от пришедшего в ярость старого Симона Бамбергера.

Одновременно моя жена разрешилась от бремени 28 марта. Роды были легкие, но теперь она очень больна, и скорее по

---

* — Каролины фон Вестфален. *Ред.*

** — Эдгар фон Вестфален. *Ред.*

причинам материального, чем физического свойства. При этом у меня в доме буквально нет ни фартинга, зато тем большее количество счетов от мелких торговцев, мясника, булочника и тому подобное.

Копия завещания из Шотландии через 7—8 дней будет у меня здесь. Если это можно как-нибудь использовать, то маленький Бамбергер сделает это, в собственных интересах. Но полагаться на это я не могу.

Ты согласишься, что вся эта дрянь — не очень приятное дело и что я по макушку погряз в этой обывательской грязи. И вдобавок я еще эксплуатировал рабочих! И стремлюсь к диктатуре! Какой ужас!

Но это еще не все. Фабрикант, приславший мне в Брюссель деньги взаймы из Трира, пристает ко мне, требуя их обратно, так как дела на его металлургическом заводе идут плохо. Тем хуже для него. Я никак не могу удовлетворить его требования.

И, наконец, для того, чтобы трагикомически завершить это дело, на сцену является некая тайна, которую я сейчас раскрою тебе в немногих словах. Но только что мне помешали, я должен пойти к жене, так как за ней требуется уход. Поэтому о другом деле, в котором ты тоже играешь роль, напишу в следующий раз.

Твой ***К. М.***

Кстати. Как исчисляют купцы, фабриканты и т. д. ту часть прибыли, которую они сами проживают? Берут ли эти деньги также у банкира, или как это делается? Прошу на это ответить.

Впервые полностью опубликовано на языке оригинала в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung,Bd. 1, 1929 и на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXI, 1929 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

78

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

В МАНЧЕСТЕР

[Лондон], 2 апреля 1851 г.

Дорогой Энгельс!

При сем прилагаю конверт с адресом письма, полученного мной сегодня от тебя. Неужели Питт Эрмен вскрыл твое письмо? Ты должен выяснить это дело.

Твой почтовый перевод пришел для меня весьма кстати. Быстрота и на сей раз удесятерила капитал, как железнодорожные прибыли у синьора Прудона[239].

Ты можешь быть уверен, что я не сижу сложа руки и кроме твоих авансов я надеюсь собрать недостающие деньги из различных стран света.

О «тайне» я тебе не пишу, так как в конце апреля, чего бы это ни стоило, непременно приеду к тебе. Мне необходимо отсюда уехать на неделю[240].

Самое скверное — это то, что мне сейчас внезапно пришлось прервать занятия в библиотеке. Я уже так далеко подвинулся, что недель через пять покончу со всей экономической дрянью. Сделав это, я буду дома разрабатывать политическую экономию, а в Музее* возьмусь за другие науки. Это начинает мне приедаться. В сущности эта наука со времени А. Смита и Д. Рикардо не продвинулась вперед, хотя в области отдельных исследований, часто чрезвычайно тонких, сделано немало.

Ответь мне на вопрос, который я поставил в моем последнем письме.

Так как ты теперь занимаешься военной наукой, то не мог ли бы ты в заново переработанном виде изложить историю венгерских походов с помощью «Neue Rheinische Zeitung», Синих книг Пальмерстона[241] и т. д.? Это было бы очень полезно. Рано или поздно я издам два тома по 60 листов, и тогда это было бы замечательно к месту. Если ты хочешь знать подробности об интригах, битвах, личностях, ты должен только прислать мне письма — открыто — по адресу г-жи баронессы фон Бек. Я завязал с ней сношения. Она была шпионкой Кошута и является настоящей хроникой венгерской грязи. Надо ее поэксплуатировать. Она слишком глупа, чтобы скрывать истину. Я сделал опыты в этом отношении.

Моя жена, к сожалению, родила девочку**, а не мальчика. Но, что еще хуже, она очень нездорова.

Прилагаю письмо Даниельса, которому я подробно писал о его «Физиологии»[242]. То, что наполовину разумно в его письме, является отзвуком моего письма. Во всяком случае, пришли мне обратно эту бумажонку и *напиши, что ты об этом думаешь.*

Твой ***К. М.***

* — библиотеке Британского музея. *Ред.*

** — Франциску Маркс. *Ред.*

Ты вообще меня обяжешь, если при данных обстоятельствах возможно чаще будешь мне писать. Ты знаешь, что мое общество здесь ограничивается почти одними только глупыми парнями.

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

79

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

В ЛОНДОН

[Манчестер], 3 апреля [1851 г.]

Дорогой Маркс!

История с моим вскрытым письмом — очень странная. В конторе оно могло быть вскрыто лишь нашим приказчиком, а я не допускаю у него наличия такой смелости. Кроме того, он мог бы это сделать лишь во время отсутствия старого Хилла, а я не думаю, чтобы тот хоть на один миг оставлял контору. Из Эрменов никого не было в городе. Дело это, конечно, нельзя выяснить, так как, принимая во внимание интерпелляции в парламенте об эмигрантах, вполне можно предполагать, что это произошло на самой почте. У меня уже до этого создалось впечатление, что я в последнее время вызываю подозрения у приказчика, который состоит на службе скорее у «Братьев Эрмен», чем у фирмы «Э[рмен] и Э[нгельс]»; но отсюда до вскрывания писем еще далеко. Во всяком случае в будущем я сумею это предотвратить. Если этот дурак даже и прочел письмо, то это не имеет никакого значения, потому что если бы он вздумал когда-нибудь, например, в случае приезда сюда моего старика*, воспользоваться этой информацией, то он бы себя так скомпрометировал, что был бы немедленно выгнан. Но, повторяю, я не верю, чтобы у него хватило на это смелости.

Вопрос, который ты ставишь в твоем предпоследнем письме, мне не совсем ясен. Тем не менее, я думаю, тебя удовлетворит следующее.

Купец как фирма, как человек, извлекающий прибыль, и тот же купец как потребитель — это в торговле два совершенно различных лица, враждебно противостоящих друг другу. Купец как фирма — это счет капитала или соответственно счет при-

* — Фридриха Энгельса-старшего, отца Энгельса. *Ред.*

былей и убытков. Купец как человек, который жрет, пьянствует, занимает квартиру и производит детей — это счет расходов по домашнему хозяйству. Счет капитала заносит счету расходов по хозяйству в дебет каждый сантим, который перекочевывает из торговой сферы в карман частного лица, и так как счет расходов по хозяйству имеет только «дебет» и не имеет «кредита», являясь, таким образом, одним из самых худших должников фирмы, то в конце года вся сумма дебета на счете расходов по домашнему хозяйству составит чистый убыток и спишется с прибыли. Между тем, при составлении баланса и исчислении процента прибыли, сумма, употребленная на расходы по домашнему хозяйству, обычно считается имеющейся еще налицо и рассматривается как часть прибыли; например, если при капитале в 100000 талеров получено 10000 талеров прибыли, но 5000 растрачено, то считают, что прибыль составляет 10 процентов, и, после того как все правильно разнесено по книгам, счет капитала фигурирует в следующем году с дебетом в 105000 талеров. Сама процедура несколько сложнее, чем я ее здесь изложил, так как счет капитала и счет расходов по домашнему хозяйству приходят в соприкосновение редко или только к концу года, и счет расходов по домашнему хозяйству обычно фигурирует как дебитор «кассового счета», играющего роль «маклера»; но в конце концов дело сводится именно к этому.

При наличии нескольких компаньонов дело обстоит очень просто. Например, А вложил в дело 50000 талеров и Б также 50000; они получают 10000 талеров прибыли и расходуют каждый по 2500 талеров. Таким образом, к концу года — при простой бухгалтерии, без мнимых счетов — получаются следующие счета:

А. Кредит у А & Б — взнос капитала	50 000	талеров
А. Кредит у А & Б — доля прибыли	5 000	»
	55 000	талеров
Дебет у А и Б — наличными	2 500	»
А. Кредит на следующий год	52 500	талеров

Точно такая же картина у Б. Но при этом фирма всегда считает, что она имеет 10 процентов прибыли. Словом, при исчислении процента прибыли купцы игнорируют прожиточные расходы компаньонов, напротив — при исчислении увеличения капитала за счет прибыли они принимают эти расходы во внимание.

О венгерской кампании — или, еще лучше, если бы удалось, о всех кампаниях 1848—1850 гг. — я бы очень охотно написал, если бы только можно было раздобыть источники. «Neue Rheinische Zeitung» могла бы мне послужить лишь для сравнения с австрийскими сводками, а ты ведь знаешь, сколько в них пробелов. Об одной только этой кампании мне необходимо было бы раздобыть по меньшей мере десять — двенадцать книг, и даже тогда мне не хватило бы еще главного: кошутовского «Kozlony» («Вестник»). Ни в какой другой области нельзя так легко оскандалиться, как в военной истории, если попытаться рассуждать, не имея всех данных о силах, снабжении продовольствием и боевыми припасами и т. д. Все это хорошо для газеты, так как все газеты одинаково плохо осведомлены, и там дело сводится к тому, чтобы на основании немногих имеющихся данных сделать правильные выводы. Но для того чтобы иметь возможность во всех решающих случаях сказать post festum*: тут следовало действовать так-то и так-то, а тут действовали правильно, хотя исход дела как будто свидетельствует об обратном, — для этого, как я полагаю, материалов о венгерской войне опубликовано еще недостаточно. Например, кто доставит мне данные о состоянии австрийской и венгерской армий и различных корпусов накануне каждого сражения и каждого серьезного передвижения? Для этого нужно сначала, чтобы были изданы мемуары Кошута и Гёргея и чтобы имелись в подлинном виде выдвинутые Дембинским планы сражений и кампаний. Тем не менее, даже на основании уже существующего материала можно кое-что объяснить и, по-видимому, написать довольно интересную статью. Во всяком случае уже теперь ясно одно: в начале 1849 г. венгерское восстание, подобно польскому восстанию 1830 г. и Российской империи в 1812 г., было спасено лишь благодаря зиме. Венгрия, Польша и Россия — это единственные страны в Европе, где вторжение неприятеля зимой невозможно. Но уж само по себе всегда фатально, когда восстание бывает спасено лишь благодаря той неизмеримо глубокой грязи, которая его окружает. Если бы конфликт между Австрией и Венгрией разразился в мае вместо декабря, то венгерская армия ни в коем случае не была бы организована, и вся эта чепуха кончилась бы тем же, чем и в Бадене, не больше и не меньше. Чем больше я изучаю войны, тем сильнее становится мое презрение к геройской доблести; геройская доблесть —

* — после праздника, то есть после того, как событие уже произошло, задним числом. *Ред.*

это просто пошлая фраза, которую никогда не употребит порядочный солдат. Наполеон в тех случаях, когда он не писал прокламаций и не произносил тирад, а говорил хладнокровно, никогда не употреблял таких слов, как «доблестный» или «беззаветная храбрость» и т. д., а говорил самое большее: «он хорошо сражался».

Впрочем, нет никакого сомнения, что если в будущем году во Франции вспыхнет революция, то Священный союз дойдет *по крайней мере* до стен Парижа. И несмотря на замечательные познания и редкую энергию наших французских революционеров, возникают большие сомнения в отношении того, снабжены ли даже парижские форты и крепостной вал оружием и провиантом. Но лишь только будут взяты два форта, например Сен-Дени и ближайшие к востоку, то Париж и революция погибли впредь до нового сигнала. Я это тебе вскоре как-нибудь подробно изложу с военной точки зрения и укажу вместе с тем на ту единственную меру, которая может быть принята против этого, чтобы по меньшей мере ослабить вторжение: оккупация французами бельгийских крепостей и захват рейнских крепостей путем очень ненадежного повстанческого coup de main*. Тебе, наверное, понравится следующий анекдот, служащий для характеристики прусской военной рутины и для объяснения позднейшего поражения при Йене и т. д. С внешней стороны дерзкие, но по существу чрезвычайно уверенные удары Наполеона в сражении при Маренго привели приверженца школы старого Фрица**, прусского генерала Бюлова, отца или дядю позднейшего Бюлова 1813 г., к следующему убеждению: 1) необходимо установить военную систему, базирующуюся на абсурде, то есть «приводить в смятение» противника путем все новых сумасшедших выходок, и 2) вместо штыков дать пехоте копья, как во время Тридцатилетней войны! Чтобы разбить Наполеона, надо отменить порох! Что ты скажешь на это?

Меня очень радует, что ты, несмотря ни на что, приезжаешь сюда в конце месяца. Но ты должен в этом случае привезти с собой полный комплект «Neue Rheinische Zeitung» — на основании ее я заведу себе досье на всех немецких демократических ослов, а также французских; это — работа, которая во всяком случае должна быть сделана прежде, чем нас опять не запачкают в какой-нибудь грязи. Было бы неплохо, если бы с этой целью достойный Либкнехт — для этого он достаточно хорош —

* — внезапного удара. *Ред.*
** — Фридриха II. *Ред.*

отправился в Музей*, перечитал результаты голосований в берлинском, франкфуртском и венском собраниях, которые там, очевидно, можно найти (в стенографических отчетах), и сделал из них выписки обо всех левых.

Ты знаешь, я не читал окончания рукописи Даниельса**. То, что этот молодец упорно держится за «понятия», как посредствующую связь между людьми и т. д., это вполне объяснимо; ты никогда не заставишь отказаться от этого человека, пишущего о физиологии. Он в конце концов всегда спасается при помощи того аргумента, что всякий реальный факт, воздействующий на человека, вызывает у него понятия и что поэтому реакция на эти факты лишь во второй инстанции является следствием этих фактов, в первой же инстанции представляет собой следствие понятий. Против этой формальной логики, конечно, ничего нельзя возразить, и все зависит от того, каков способ изложения в его рукописи, — я его не знаю. Я думаю, лучше всего было бы ему написать, что он теперь знает, какие ложные толкования может вызвать та или другая часть его работы, и пусть он ее так изменит, чтобы ясно видны были его «подлинные» воззрения. Это все, что ты можешь сделать, иначе тебе пришлось бы самому переработать рукопись в сомнительных местах, что ведь также не годится.

Напиши мне, как себя чувствует твоя жена и кланяйся ей сердечно от меня.

Я рад, что ты, наконец, покончил с политической экономией. Эта история действительно чересчур затянулась, а ведь пока у тебя останется непрочитанной хотя бы одна книга, которую ты считаешь важной, ты не возьмешься за перо.

Как обстоит дело с издателем для двух томов по 60 листов, которые ты собираешься печатать? Если бы это дело наладилось, можно было бы уговорить издателя достать нужные вещи для венгерской статьи — я бы указал, какие; в случае надобности — с позднейшей компенсацией за счет гонорара. Было бы также необходимо иметь *очень хорошую* специальную карту Венгрии и Трансильвании и, по возможности, планы сражений, которых, насколько я знаю, нет в вышедших до сих пор работах, — одна карта могла бы обойтись примерно в 15—20 талеров. Я постарался бы найти такую через Вейдемейера. Кстати, имеется ли у тебя его адрес? Я хотел бы у него разузнать о военных справочниках по организации армий и тактике; как раз

* — библиотеку Британского музея. *Ред.*

** См. настоящий том, стр. 207. *Ред.*

эту чепуху я не могу здесь достать. Узнай также, какие книги о Венгрии можно получить во всяком случае от г-жи Бек или через нее. Мне нужен также Деккер[243], который еще у тебя.

Твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

80
ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ
В ЛОНДОН

[Манчестер], 11 апреля 1851 г.

Дорогой Маркс!

Я полагал, что сегодня покончу, наконец, с моим грандиозным стратегическим трактатом[*]. Но отчасти вследствие задержек, отчасти вследствие необходимости порыться в книгах относительно деталей, отчасти потому, что работа эта получается более обширной, чем я предполагал, — вряд ли я закончу ее сегодня поздно вечером. Впрочем, она совершенно не подходит для печати: она годится только для частной информации, а для меня является некоторого рода упражнением.

Я начинаю также постепенно уяснять себе личность Веллингтона. Упорный, настойчивый, упрямый англичанин, полный здравого смысла и обладающий в высшей мере свойственным его нации талантом использования ресурсов; медлительный в принятии решений, осторожный, никогда не рассчитывающий на счастливую случайность, несмотря на огромное везение; он был бы гением, если бы «здравый смысл» был способен возвыситься до уровня гениальности. Все его дела Образцовы, но ни одно не является мастерским[**]. Такой генерал, как он, как бы создан для английской армии, где каждый солдат, каждый младший лейтенант является маленьким Веллингтоном в своей собственной сфере. К тому же он знает свою армию, ее упорную выдержку в обороне, которую каждый англичанин

[*] *Ф. Энгельс.* «Возможности и перспектгты войиы Священного союза против Франции в 1852 г.». *Ред.*
[**] Игра слов: «musterhaft» — «образцовый», «meisterhaft» — «мастерский». *Ред.*

приносит с собой с боксерского ринга и которая делает ее способной после восьмичасовой напряженной обороны, сломившей бы всякую другую армию, производить еще внушительные атаки, в которых недостаток живости возмещается согласованностью действий и устойчивостью. Обороны при Ватерлоо до того момента, пока не подошли пруссаки, не выдержала бы ни одна армия, не имея у себя ядра в 35000 англичан.

Впрочем, во время Испанской войны Веллингтон лучше уразумел сущность наполеоновского военного искусства, чем те нации, которым Наполеон на спине прописал превосходство этого военного искусства. В то время как австрийцы совершенно растерялись, а пруссаки настолько опешили, что объявили тождественными тупоумие и гениальность, Веллингтон вел себя очень ловко и сумел уберечься от ошибок, которые совершали австрийцы и пруссаки. Он не подражал наполеоновским приемам, но чрезвычайно затруднял французам возможность применять к нему свои приемы. Он не совершал ни одной ошибки, если его не вынуждали к этому политические соображения; зато я не обнаружил пока абсолютно ничего, в чем он проявил бы хоть искру гениальности. Сам Нейпир* отмечает такие случаи, когда он мог нанести гениальные удары решающего значения и не подумал об этом. Поскольку я мог в этом убедиться, он ни разу не сумел использовать таких обстоятельств. Он велик в своем роде, а именно настолько велик, насколько можно быть великим, не переставая быть посредственностью. Он обладает всеми качествами солдата; они все соразмерно и замечательно гармонически развиты; но именно эта-то гармония и мешает каждому отдельному из этих качеств достигнуть истинно гениального развития. Каков солдат, таков и политик. Его закадычный друг на поприще политики Пиль является в некотором роде его копией. Оба они представляют торизм, у которого достаточно здравого смысла, чтобы, сохраняя приличие, сдавать одну позицию за другой и растворяться в буржуазии. Это отступление к Торрес-Ведрас[244]. Таков Веллингтон.

Твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

* *У. П. Нейпир*. «История войны на Пиренейском полуострове». *Ред.*

81

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ [245]

В МАНЧЕСТЕР

[Лондон], 15 апреля 1851 г.

Дорогой Энгельс!

Ты не получил от меня ни одного письма, да и теперь получишь только эти несколько строк, так как я со дня на день ожидаю твоего обещанного письма. Прилагаю письмо Лупуса[*]. Я написал ему еще четыре дня тому назад, но не ответил на вопросы, поставленные им перед тобой.

Посылаю письмо от неизвестного мне Фишера из Америки. Пока что я поручил Либкнехту написать ему.

Письмо Ротаккера я пошлю тебе в следующий раз. И этот осел является редактором в Америке. Из его письма ясно одно, что от самого крайнего Дальнего Запада до Востока повсюду о нас вопят, нас ругают, против нас публикуют статьи. Вейтлинг поместил в своем листке[**] статью из Парижа (говорят, что на самом деле ее автор Виллих) против меня и тебя[246]. С другой стороны, Шнауффер напал на великого Виллиха.

Гарантировав заем в 10 миллионов, *Струве,* для того чтобы выклянчить деньги на переселение в Америку с Амалией[***], тотчас же выпустил подписной лист, который циркулирует в Сити. Это ему удалось. В прошлую пятницу он укатил, — по-прежнему вместе с Амалией.

Виллих занялся всякими плутнями при содействии Гёрингера. Впрочем, у него две недели была желчная лихорадка после получения последнего ответа от псевдо-Беккера и приложенного к нему тоста. Две недели он не выходил из часовни, то есть из казармы, и при своем возвращении на Уиндмилл-стрит он поставил на обсуждение тост и предисловие к нему[****], вероятно, чтобы выдать себе testimonium paupertatis[*****].

Шаппер выработал конституцию для Англии, так как на той же Уйндмилл-стрит после зрелого размышления и пространного обсуждения было решено, что у Англии нет писаной конституции и что она должна ее получить. А дадут ей эту конституцию Шаппер — Геберт. Она уже и написана.

---

[*] — Вильгельма Вольфа. *Ред.*
[**] — «Republik der Arbeiter». *Ред.*
[***] — жена Густава Струве. *Ред.*
[****] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Предисловие к немецкому переводу тоста О. Бланки»). *Ред.*
[*****] — свидетельство о бедности. *Ред.*

Шиммельпфенниг объездил всю Германию и повсюду очень сильно интриговал против нас в общих интересах Виллиха — Шаппера, Руге — Кинкеля, Беккера* — Зигеля. Бесконечные сплетни — главным образом в местах, где относятся восторженно к Кинкелю, и особенно в Вестфалии, Оснабрюке, Билефельде и т. д., — там нас никогда не жаловали.

Твой ***К. М.***

Впервые полностью опубликовано на языке оригинала в Marx—Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 1, 1929 и на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXI, 1929 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

82

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

В ЛОНДОН

Манчестер, вторник, 15 апреля [1851 г.]

Дорогой Маркс!

Прилагаю почтовый перевод на 5 фунтов.

Если состояние здоровья твоей жены и прочие обстоятельства позволяют, то приезжай в Манчестер[247] послезавтра, в четверг. У тебя на выбор три поезда: 1) в половине седьмого утра; прибывает сюда в 2 часа (имеется второй класс). 2) Парламентский поезд[248] в 7 часов утра (второй и третий класс), приходит в половине седьмого вечера. 3) В 12 часов дня; прибывает в 9 вечера (второй класс). Мы сумеем тогда от пятницы до понедельника немного поездить по окрестностям.

Во всяком случае напиши немедленно, приедешь ли ты и каким поездом; тогда я буду на вокзале. Если ты не можешь приехать в четверг, хотя это во многих отношениях предпочтительнее, то приезжай в пятницу. Во всяком случае дай мне тотчас знать, как и что.

Обо всем остальном поговорим при личном свидании, а сейчас лучше пойду на почту сдать перевод.

Привет твоей жене и детям.

Твой ***Ф. Э.***

* — Иоганна Филиппа Беккера. *Ред.*

Почта опять переполнена. Прилагаю половину пятифунтового билета; другую половину — с ближайшей почтой.

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., то. XXII, 1929 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

83

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ [249]

В ЛОНДОН

[Манчестер], 1 мая 1851 г.

Дорогой Маркс!

Через несколько дней, самое позднее через неделю, ты получишь следующие 5 фунтов; я послал бы их тебе уже сегодня, если бы не должен был только что выплатить 10 фунтов сразу.

Вот уже несколько дней я тщетно ищу письма Лупуса* и Дронке. Очевидно, ты забрал оба письма с собой. Если ты их найдешь у себя, отошли мне их с обратной почтой, тогда я немедленно напишу. Я не нахожу также письма Фишера из Нового Орлеана.

Не будем особенно жаловаться на плохих последователей. У меня дома лежат как раз мемуары Савари[250]. У Наполеона тоже были свои последователи, — да еще какие! Этот Савари — великолепный образчик подобного рода последователей. Нет ничего более посредственного, чем этот тип. Если некоторые люди воображают, что стоят на должной высоте, не понимая даже «Коммунистического манифеста», то этот Савари воображает, что Наполеон у него в кармане, что он один из немногих избранных, способных оценить все его величие, и при этом он не понял ни одного плана похода или сражения. В то время, когда он писал свои мемуары, не было написано ни одного приличного изложения этих кампаний, поэтому в этих мемуарах, которые являлись апологией как Наполеона, так и самого автора, он, конечно, хотел бы в этом отношении дать максимум того, на что он способен; но вместо этого мы находим лишь несколько общих фраз и кучу не связанных между собой сбивчивых деталей, сообщенных второстепенным очевидцем. Например, об Аустерлице этот молодчик знает лишь, что враг

* — Вильгельма Вольфа. *Ред.*

был захвачен врасплох в результате флангового марша и разделен на столько частей, сколько наступало французских колонн — буквальная копия наполеоновского бюллетеня. Но каким образом это произошло, об этом он ничего не знает. А в общем чрезвычайно много сплетен из времен Империи и Консульства; настоящий образец crapaud*, хвастливого, лживого, раболепного и с истинным сладострастием отдающегося благородной деятельности полицейского, который наслаждается своей властью при арестах и с радостью занимается шпионажем; при этом он вполне пригоден для всякого рода мелочных дел и интриг, но проявляет всюду такую посредственность, чрезмерное усердие и ограниченность кругозора, что его всегда нужно держать на привязи и давать ему точные распоряжения. Наконец, совершенно не представительный субъект, в сущности не лучше и не хуже, не более пригодный и не более компрометирующий, чем известные «amici»**, и все же Наполеон со временем сделал из него сносную машину, герцога Ровиго и придворного, который его не скомпрометировал перед русским императором***. Но, конечно, таких субъектов нужно уметь покупать, а для этого прежде всего нужны деньги и власть.

Впрочем, благородный Тьер бесстыдно списал свою работу[251] у Савари, мемуары которого были ведь достаточно известны во Франции, списал, ни в чем не уступая в искусстве плагиата английским политико-экономам. При этом он использовал г-на Савари в качестве главного источника не только в области сплетен, но также в вопросах управления и т. д.

Если судить по «Times», то Лондон теперь имеет ужасный вид, так как татары, французы, русские и другие варвары, должно быть, совершенно завладели им. К тому же еще перспектива заполучить отряды шпионов со всех частей света и даже прусских жандармов, не считая немецких демократических друзей вроде Оттерберга, которые прибудут в июне, чтобы увидеть великую выставку[252] и великих людей. Это будет великолепно. Будь осторожен, тебе пришлют людей с рекомендательными письмами и без таковых, которые будут требовать от тебя, чтобы ты показал им Ледрю, Мадзини, Л. Блана и Коссидьера, и которые потом в Германии будут ужасно много судачить о том, что ты не достал им приглашения к обеду от Фергюса О'Коннора. Придут люди, которые ска-

* — обывателя. *Ред.*
** — «друзья». *Ред.*
*** — Александром I. *Ред.*

жут: — Г-н Маркс? — Очень рад, — Вы должны меня знать, я — Нёйхауз, глава тюрингенского движения!

Ты, наверное, уже читал о скандале в кёльнском магистрате по поводу речи заместителя бургомистра Шенка в честь принца Прусского, равно как и бесстыдную речь этого последнего. «Пресса плоха, кёльнская пресса должна исправиться!»[253] Этот бедный Брюггеман, конечно, пользуется случаем для паршивой болтовни, которую обычно осмеливаются помещать в подцензурной печати с соблюдением крайней скромности и благонамеренности. Зато теперь ведь и «наш Штупп» — бургомистр и самый большой человек в Кёльне, а твой шурин* с похвальным усердием конфискует книги. Я боюсь только, что в качестве прусско-бюрократического Брута он скоро возьмется и за твои вещи, а это может самым неприятным образом отразиться на выплате гонорара. А шурин этого благородного господина, Флоренкур, как сообщают немецкие газеты, с барабанным боем и зажженным факелом перешел в лоно католической церкви. Твоя семья, по крайней мере, интересна, в моей же я сам должен проделывать авантюристические штуки.

Кстати, ты окажешь мне очень большую услугу, если добудешь для меня возможно скорее от Даниельса или от кого-либо другого в Кёльне, кого ты сочтешь подходящим для этого, письмо (посланное прямо сюда, то есть с кёльнским почтовым штемпелем), в котором меня извещали бы о получении двух пятифунтовых билетов, а также о ранее полученном билете, что в сумме составляет 15 фунтов стерлингов; при этом надо добавить, что эти деньги по моему указанию были уплачены отдельным лицам в Кёльне и что таким образом мои расчеты с различными людьми в Кёльне полностью урегулированы. Можно еще прибавить несколько безразличных вещей, поклонов и т. д., чтобы письмо не производило впечатления искусственного. Мне необходимо иметь какой-нибудь документ, с помощью которого я в случае надобности мог бы доказать, что я уплатил долги в Кёльне, так как я предвижу разговор о взятых мной деньгах. Чем скорее я получу это письмо, тем лучше. Я полностью предоставляю на твое усмотрение улаживание этого дела, и мне хотелось бы, чтобы именно ты достал мне этот документ, так как наши личные деловые отношения никого не касаются. Ты можешь, если хочешь, написать, что я наделал долги из-за женщин или что я прежде поручился на эту сумму по делам Союза и теперь должен был ее уплатить, или, что тебе угодно, — это все равно. Письмо, впрочем, в июне

* — Фердинанд фон Вестфален. *Ред.*

будет немедленно возвращено автору. Самое важное, чтобы письмо было с почтовым штемпелем Кёльна и датировано первой половиной мая.

Что слышно у тебя дома? Кланяйся своей жене и детям и напиши сейчас же.

Твой ***Ф. Э.***

Только что нашел письма Лупуса[*] и Фишера, а письмо от Дронке не могу найти. Лупусу напишу еще сегодня[**]. Когда будешь писать в Кёльн, хорошо было бы, если бы ты их ругнул по поводу денег на дорогу для Лупуса — ты ведь знаешь кёльнцев[***].

Впервые полностью опубликовано на языке оригинала в Marx—Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 1, 1929 и на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXI, 1929 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

84

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

В МАНЧЕСТЕР

[Лондон], 3 мая 1851 г.

Дорогой Энгельс!

Лупус, как он мне сам пишет, получил из Кёльна английский паспорт и деньги на дорогу для себя и для Дронке. Дронке прислал также кёльнцам статью об итальянской революции.

Но забавнее всего, что под адресом тогдашнему комитету по организации празднования годовщины февральской революции — он напечатан у Луи Блана — определенно стоит подпись Дронке. Мы потребуем у него объяснений по поводу этого странного обстоятельства. В лучшем случае это был не слишком умный поступок со стороны этого гнома.

Беккер[****] перенес свою наборную и типографию в Вервье; создается впечатление, что преследования со стороны правительства ему не повредили. Сюда прибыл один выпуск моей ерунды[254], но только в одном экземпляре.

---

[*] — Вильгельма Вольфа. *Ред.*

[**] См. настоящий том, стр. 480—482. *Ред.*

[***] — членов кёльнского Центрального комитета Союза коммунистов. *Ред.*

[****] — Герман Беккер. *Ред.*

Здешний немецкий центральный демократический комитет[255] распался как раз в тот момент, когда великий Карл Гейнцен провозгласил в отношении к нему «воинское повиновение». Сладчайший Кинкель из-за своих драматических лекций для «респектабельной публики» из Сити не хочет себя, разумеется, компрометировать и поэтому отстранился — он читает 12 лекций за одну гинею: сладчайший рассылает эти билеты через комитет (в который входит Оппенхейм из Берлина) направо и налево, у него приблизительно 300 слушателей. Хауг тоже перессорился со всеми. Руге, финансы которого, кажется, очень расстроились, собирался купить дагерротипное ателье и в качестве дагерротиписта разъезжать по всей стране.

Веерт пишет мне сегодня в чрезвычайно недовольном тоне: длинные носы и копченое мясо надоели ему. Кроме того, говорит он, ему грозит «блестящее положение». — Брак? Но он-де слишком стар, чтобы стать филистером. Ты ведь знаешь нашего друга Веерта. Ему все быстро приедается, и скорее всего тогда, когда он находится в мещански уютной обстановке. Его друг Кампе, указывая с досадой на макулатуру, сказал ему: «Все вызывает интерес, но ничто не пробивает себе дорогу!» И это, дескать, общее состояние в Германии.

Лондон кишит всякого рода народом. Я не думаю, чтобы это меня в какой-либо мере обременило. Ибо все, что среди промышленников имеется либерального, радикального или даже просто любопытствующего,...* тщательно перехватывается Гёрингером или кликой Кинкеля и тут же начиняется скандальными сообщениями о нас обоих. Тем лучше для нас!

Всю эту неделю библиотека была закрыта. От красного дурака** ни слуху, ни духу.

Даниельс пишет мне, что нигде они не представлены лучше, чем в Берлине; в их распоряжении имеются два «таланта» и «джентльмена», весьма деятельных.

Тапман*** страдает очень острым триппером. После бурной сцены с мадам баронессой**** дело опять наполовину улажено, но его положение стало более зависимым благодаря его легкомыслию.

Опыт с маятником Фуко показывают здесь в Политехническом институте.

Письмо Даниельсу, о котором ты просил, отправлю завтра. Шрамм, mirabile dictu*****, добился сезонного входного билета.

---

* В этом месте рукопись повреждена. *Ред.*
** — Германа Беккера. *Ред.*
*** — Пипер. *Ред.*
**** — баронессой Ротшильд. *Ред.*
***** — удивительное дело. *Ред.*

Презренный Гейнцен в своем грязном листке* опять стал кидать в меня своей «природной» грязью. Этот субъект так глуп, что Шрамм за деньги пишет у него под именем «Мюллер» и протаскивает контрабандой в его газетную лавочку совсем не подходящие для нее вещички, как, например, тост Бланки и т. д.

Виллих встретил несколько дней тому назад Бамбергера, которого он видел однажды раньше. Подошел к нему. Пожал ему руку и сказал: «Я был три недели очень болен. Не мог выходить из дому. Революция великолепно двигается вперед. Особенно здесь, в Лондоне, мы очень деятельны. Основали два новых филиальных общества. Шаппер невероятно активен».

В следующий раз напишу больше. На будущей неделе я займусь в библиотеке серьезными поисками материалов, необходимых тебе как источники для критики Л. Блана.

Твой ***К. М.***

Моя жена [просит передать тебе сердечный привет]**. Она была возмущена тем, что Пипер сразу так назойливо насел на нас.

Между прочим, ты всегда даришь почте лишнюю марку. Достаточно одной.

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd, I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

85

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

В МАНЧЕСТЕР

[Лондон], 5 мая [1851 г.]

Дорогой Энгельс!

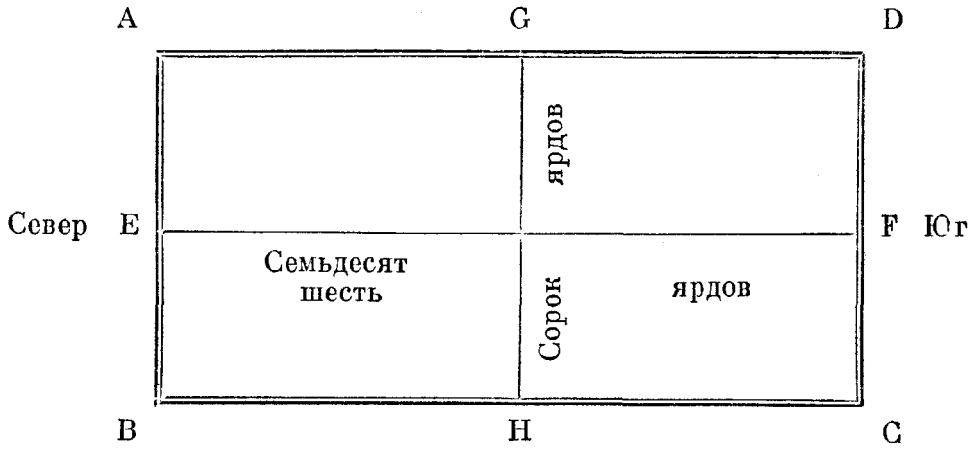
Я посылаю тебе при этом копию статьи о применении электричества в сельском хозяйстве, воспроизвожу ее дословно, по-английски. Будь столь добр и ответь мне сейчас же:

1) каково твое мнение об этой вещи;

2) объясни мне эту историю, так как я не вполне в ней разбираюсь, на обыкновенном немецком языке[256].

* — «Deutsche Schnellpost». *Ред.*

** В этом месте рукопись повреждена. *Ред.*



«Поле разделено на продолговатые четырехугольники по 76 ярдов в длину и 40 ярдов в ширину; каждый из них, таким образом, занимает площадь в один акр. Приведенный выше чертеж является планом такого четырехугольника.

В каждой из точек A, B, C и D вбиты в землю колышки. Наружные линии изображают собой толстые провода из железной проволоки, протянутые от колышка к колышку, закрепленные на каждом из них и связанные между собой таким образом, что они образуют проволочный четырехугольник, закопанный на три дюйма в землю. В точках E и F установлены жерди высотой в 15 футов. У точки E с подземным поперечным проводом соединен другой провод, который тянется вдоль жерди доверху, а затем идет через середину четырехугольника до верхушки жерди F, откуда он спускается к поперечному проводу под землей и закрепляется в точке F. При этом нужно заметить, что четырехугольник должен быть так устроен, чтобы он был вытянут с севера на юг и провод E — F образовывал бы прямой угол с экватором. Известно, что в атмосфере возникает значительное количество электричества, которое в соответствии с движением земли постоянно движется с востока на запад. Это электричество притягивается проволокой, подвешенной от E до F, и передается проводам, образующим четырехугольник под поверхностью земли от точек A, B, C и D... Требуемое количество электричества может быть получено таким путем, что под землей в точке G помещают мешок древесного угля и в точке H — цинковые пластинки, которые соединяют с углем проволокой, проходящей через обе жерди, подобные тем, которые помещаются у E и F. Эта проволока перекрещивается с продольной проволокой, проходящей через точки E и F. Издержки, связанные с таким устройством, составляют 1 ф. ст. на акр, и высчитано, что оно может служить от 10 до 15 лет, если провода каждый год осторожно снимать и снова устанавливать их на месте».

«Жерди делаются из сухого дерева. По мере расширения площади сокращаются издержки... Участок земли готовится следующим способом. С помощью морского компаса и бечевки определенной длины отмеривают место для деревянных колышков, к которым прикрепляется *подъемная* проволока (она проходит по узким накладкам). Нужно проследить за тем, чтобы подземная проволока проходила точно по компасу в продольном направлении с севера на юг, а в поперечном направлении точно с востока на запад. Эта проволока должна быть закопана в землю на глубине 2—3 дюймов. Тогда линия подземных проводов закончена. Подвесной провод должен быть у обоих концов соединен с подземным проводом.

Колышек с накладкой нужно поэтому забить в землю, а обе жерди (одна в 14, другая в 15 футов) должны быть при помощи компаса точно установлены в направлении с севера на юг; через них должен быть протянут провод; его концы прикрепляются к деревянному шесту и одновременно должны соприкасаться в этих местах с подземным проводом. Подвесной провод должен быть туго натянут, чтобы ветер его не разорвал».

Вот и вся история.

Немецкие «центральные мужи» в который раз вновь объединились между собой, и вот появилось извещение генерала Хауга о выходе с 10 мая его журнала «Kosmos», при участии гг. Руге, Кинкеля, Ронге и т. д. Это будет великолепно.

Только что Тапман* принес письмо Микеля, из которого видно, что немецкие демократы — как и некоторые коммунисты — по главе с паршивым бременским листком Руге** неутомимо клевещут на меня, а на подобные вещи, конечно, с жадностью набрасываются немецкие филистеры и штраубингеры. Эти молодцы, очевидно, испытывают передо мной панический ужас, ибо они уже теперь принимают все меры, чтобы сделать для меня невозможным пребывание в Германии.

Твой ***К. М.***

Джонс прочел вчера действительно замечательную лекцию против кооперативного движения, в которой он открыто атаковал свою собственную публику. Он сказал мне, что из попытки издавать газету вместе с Гарни наверное ничего не выйдет, так как с его женой нельзя иметь дела. Он пока что будет собственными силами издавать журнал[257].

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого и английского

86

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ В ЛОНДОН

[Манчестер, 6 или 7 мая 1851 г.]

Дорогой Маркс!

Завтра или послезавтра ты получишь почтовый перевод. У нашего бухгалтера сегодня опять нет наличных денег.

С какого времени ты стал прикладывать к своим письмам эту красивую печать, которую я тебе обратно посылаю, — разве что-нибудь случилось?

---

* — Пипер. *Ред.*

** — «Bremer Tages-Chronik». *Ред.*

Итак, по-видимому, вся редакция «Neue Rheinische Zeitung» соберется этим летом в Лондоне, за исключением, быть может, Фрейлиграта и honorarius* Бюргерса. То, что Лупус** определенно приезжает, меня очень радует. Я, впрочем, определенно знаю, что бюро по въезду иностранцев действует здесь, на границе, теперь гораздо менее строго, чем прежде, и что поэтому весь скандал по поводу запрещения посылать сюда эмигрантов — чистейший вздор.

В высшей степени странно, что гном*** подписался под женевским приветствием**** — какая-то непонятная оплошность, лишний довод за то, что нужно за этими юнцами зорко следить и что их следует держать в ежовых рукавицах. Это может быть только оплошностью, ведь письма этого паренька дышали чрезмерным усердием, и возможно, что он думал таким путем выкинуть замечательно ловкую штуку. Нужно его подвергнуть строгому допросу, отругать и посоветовать ему: «Surtout pas de zele!»*****

Вскоре я изложу тебе экономическое сочинение Веллингтона, написанное в 1811 г., о свободе торговли и монополии в колониальной торговле. Это любопытная штука, а так как речь идет об испанских колониях, а не об английских, то он позволяет себе разыгрывать роль фритредера, хотя уже в самом начале ругает купцов с фанатизмом, присущим военной аристократии. Он не думал тогда, что впоследствии ему придется содействовать применению этих принципов к английским колониям. Но в этом-то и вся соль. За то, что этот старый ирландец незаслуженно победил Наполеона, он впоследствии был разбит Кобденом и должен был «пройти под кавдинским ярмом» свободы торговли в области политической экономии[258]. Мировая история, надо признаться, весьма часто наводит на приятные размышления!

Развал лондонского демократического временного правительства для Германии наполнил меня печалью. Такой великолепный случай для этих ослов подвергнуться общественному осмеянию вторично так скоро не представится. Зато великий Франц Раво опять открывает в «Kolnische Zeitung» свою сектантскую полемику с г-ном Полем Франком и другими ослами. Он опять созрел для того, чтобы быть избранным в какую-нибудь национальную палату дураков и там сказать: «Господа,

---

* — почетного члена [ее]. *Ред.*
** — Вильгельм Вольф. *Ред.*
*** — Дронке. *Ред.*
**** См. настоящий том, стр. 220. *Ред.*
***** — «Главное — не усердствовать!» (Слова, приписываемые Талейрану). *Ред.*

сегодня город Кёльн переживает великий день!»* Эта скотина сидит теперь в Брюсселе. Наш друг, комендант Энгельс, стал генералом и первым комендантом, и филистеры устроили в его честь обед, на котором «наш Штупп» пил за его здоровье. Как видишь, можно еще чего-нибудь достичь, даже если носишь фамилию Энгельс. И старая откормленная свинья, которая прежде была лейтенантом при Наполеоне, в своей благодарственной речи высказывает радость по поводу специфически прусского духа города Кёльна и праздника.

Я, впрочем, внутренне убежден, что Виллих и компания сейчас вынашивают великолепный план революционизирования Англии во время выставки, хотя также несомненно, что они и пальцем не пошевелят. Так будет еще не раз!

Вторая марка на моих письмах — из-за поздней отправки. С помощью второй марки я могу обеспечить отправку письма с тем же поездом, сдав его на полтора часа позже закрытия обычной почты. А платит за это фирма.

Твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

87
ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ В ЛОНДОН

[Манчестер], четверг, 8 мая [1851 г.], 10 часов вечера

Дорогой Маркс!

С сегодняшней первой почтой я послал тебе перевод на 5 ф. ст., которые ты, надеюсь, получил.

С английской почтой определенно что-то случилось. Сперва письмо, полученное тобой, оказалось открытым, затем позавчера твое письмо ко мне пришло со стертой печатью, которую я тебе отослал. Сегодня, в четверг, 8-го, в 7 часов вечера я получаю твое письмо от 5-го, следовательно от понедельника, с историей об электричестве. На письме имеются три лондонских почтовых штемпеля от 6-го (вторник), из которых два свидетельствуют о том, что оно было сдано уже во вторник до 10 часов утра. Затем на нем один *манчестерский* штемпель от 7-го (вчера) и, наконец, два таких же от сегодняшнего числа. Кроме того, стертая, плохо исправленная незнакомая мне

* В оригинале эта фраза на местном диалекте. *Ред.*

печать, которую при сем посылаю тебе для проверки. Я еще сегодня пошлю конверт здешнему почтмейстеру и потребую объяснения, почему письмо доставлено вместо вчерашнего утра только сегодня вечером. Напиши мне немедленно, когда точно письмо было сдано и все ли в порядке с печатью. Мы устроим этим собакам такой скандал, что они долго будут его помнить. Что эти субъекты делают низости, видно из сегодняшнего номера «Daily News», где определенно говорится, что Пальмерстон в Вене и Берлине требовал шпионов для надзора за эмигрантами, и где дается для английской публики надлежащая характеристика гг. Штибера и Гольдхейма из Берлина. Было бы великолепно, если бы мы могли точно так же пригвоздить к позорному столбу Грея, как прежде Мадзини пригвоздил Грехема[259].

Что с письмом случилось что-то особенное, доказывает также знак, который они сделали на нем. Слово «Манчестер» на адресе помечено двумя крестами с обеих сторон следующим образом:

X Manchester X

и еще жирнее, чем я это копирую.

Сохрани печати, которые я тебе возвращаю, может быть, они нам понадобятся.

Завтра я напишу тебе о других затронутых вопросах. Сейчас я отправляюсь сдать это письмо, а также письмо почтмейстеру.

Кланяйся сердечно своей жене.

Твой ***Ф. Э.***

Письмо так неумело вскрыто, что еще ясно видны края прежней большей по размеру печати. Никакой сургуч не помогает, если под ним нет облатки, которая держит все четыре стороны конверта. У меня как раз теперь нет облаток, а так как я хочу, чтобы ты получил это письмо нераспечатанным, то мне не остается ничего другого, как послать его Шрамму, который живет ближе к тебе, чем Пипер, и через которого ты, по крайней мере, имеешь шанс быстро его получить.

Принимая во внимание все это, лучше, пожалуй, послать письмо через Пипера, что я и делаю.

Впервые опубликовано на языке оригинала в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 1, 1929 и на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXI, 1929 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

88

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

В ЛОНДОН

[Манчестер], пятница, 9 мая 1851 г.

Дорогой Маркс!

Я послал тебе вчера два письма; в одном не было ничего, кроме почтового перевода, другое я послал через Тапмана*. Надеюсь, ты оба получил.

Что касается электрического устройства, то по своей конструкции оно просто. В четырех углах A, B, C и D, — я полагаю, что у тебя под рукой имеется чертеж, — в землю вбиваются колышки, и на глубине трех дюймов под поверхностью земли от одного из этих колышков к другому прокладывается толстая проволока, окружающая таким образом все поле. В точках E и F на севере и на юге в землю вколачивают две жерди, верхушки которых на высоте 15 футов над землей также соединяются между собой проволокой. Оба конца этой проволоки спускаются вниз по жердям и соединяются под землей с подземной проволокой ABCD. Точно так же и от G к H идет по двум жердям поперечная проволока, перекрещивающаяся посредине с проволокой EF. Мне не вполне ясно, для чего нужны мешок с древесным углем и цинковые пластинки, так как я забыл, каковы электрические свойства древесного угля; но я полагаю, что при помощи этого древесного угля в точке G и цинка в точке H, также зарытых в землю и соединенных с большой подземной проволокой, этот человек хочет поляризовать электричество, создать положительный полюс (цинк) и отрицательный (уголь).

Остальное относится к техническим вопросам — изоляция проводов и т. д.

Так как ты мне больше ничего не пишешь, то я полагаю, что эта история имеет отношение к какому-нибудь опыту; кажется, ты говорил мне, что об этом было напечатано в «Economist» или где-то еще. Успех этой штуки для меня несколько сомнителен, но, может быть, из этого могло бы что-нибудь выйти, если бы это дело расширить и улучшить. Спрашивается только: 1) сколько электричества можно таким образом уловить из воздуха и 2) как это электричество влияет на прорастание и рост растений. Дай мне во всяком случае знать, произведен ли уже этот опыт, с каким результатом и где об этом напечатано.

* — Пипера. *Ред.*

В этом деле имеются во всяком случае два затруднения.

1) Этот человек хочет, чтобы проволока, которая должна притягивать электричество, проходила как раз с севера к югу, и предписывает фермерам прокладывать ее по компасу. Об отклонении компаса, которое здесь в Англии измеряется 20—23 градусами, он ничего не говорит, а он должен был бы сказать, принято ли оно во внимание или нет. Фермеры во всяком случае ничего не знают об отклонении, и если они будут прокладывать проволоку по магнитной стрелке, то она пройдет не с севера на юг, а с северо — северо-запада на юго — юго-восток.

2) Если электричество оказывает благоприятное действие на прорастание и рост растений, то оно вызовет весной *слишком раннее* их прорастание и подвергнет их опасности ночных заморозков и т. д. Это во всяком случае должно было бы проявиться, и делу можно было бы помочь, лишь разъединяя на зиму проволоки и висячие и подземные. И об этом тоже этот человек ничего не говорит. Полученное таким путем электричество либо не оказывает никакого благоприятного действия, либо же приводит к слишком раннему прорастанию. И это также должно быть выяснено.

Впрочем, об этой вещи нельзя судить, пока она не будет испытана и не будут иметься налицо результаты; поэтому скажи мне, где я могу найти более подробные сведения по этому предмету.

Я благодарю всевышнего за то, что «центральные ослы»[260] опять сошлись между собой, и даже не завидую их журналу «Kosmos». Ведь мы скоро опять будем иметь в нашем распоряжении орган, —по мере необходимости, — и в нем мы сможем отражать все нападки, не выступая непосредственно от нашего имени. В этом преимущество предполагаемого кёльнского ежемесячника перед нашим «Revue»[261]. Мы все это свалим на добродушного Бюргерса, надо же ему хоть чем-нибудь воздать за его глубокомыслие.

Нельзя было и ожидать, что брань по нашему адресу получит в Германии меньшее распространение, чем в Америке и в Лондоне. Ты находишься сейчас в том завидном положении, когда тебя одновременно атакуют оба материка, а этого даже и с Наполеоном ни разу не случилось. Впрочем, наши друзья в Германии — ослы. То, что они не обращают внимания на простую брань и только раз в три месяца сообщают несколько слов о состоянии этого грязного дела, — вполне в порядке вещей. Но когда дело доходит до клеветы, когда демократический филистер перестает довольствоваться простым убеждением, что мы являемся самыми ужасными чудовищами, и начинает

распространять про нас вымышленные и искаженные сведения, тогда, право же, было бы не лишне, если б эти господа прислали кому-либо из нас эти документы для того, чтобы мы могли принять свои меры. Но немец полагает, что он уже достаточно сделал, если просто не *верит* подобной чепухе. Заставь Тапмана написать об этом Микелю. Вовсе не нужно отвечать немедленно; когда накопится несколько дюжин этой дряни, можно разок как следует размахнуться и раздавить этих клопов одним ударом ноги. Что касается того, что они хотят сделать для нас невозможным пребывание в Германии — оставим им это удовольствие! Они не могут вычеркнуть из истории «Neue Rheinische Zeitung», «Манифест»* и тому подобное, и им не поможет весь их вой. Единственные люди, которые могли бы стать для нас опасными в Германии, — это убийцы, а с тех пор как Готшальк умер, ни у кого в Германии не хватит смелости подослать к нам таких людей. И затем, разве и в 1848 г. нам не приходилось сначала завоевывать себе положение в Кёльне? Ну, а *любить* ведь нас демократическая, красная или даже коммунистическая чернь никогда не будет.

Я рад, что господа, приезжающие на выставку, оставляют тебя пока в покое. Меня они уже осаждают. Вчера здесь были два купца из Лекко, один — давнишний знакомый с 1841 года. Австрийцы славно хозяйничают в Ломбардии. После всех контрибуций, повторных принудительных займов, налогов, взыскиваемых трижды в год, вводится, наконец, некоторая система. Купцы средней руки в Лекко должны уплачивать ежегодно 10000—24000 цванцигеров (350—700 ф. ст.) — в виде прямых регулярных налогов, все наличными деньгами. Так как в будущем году там тоже предполагается пустить в обращение австрийские банкноты, то правительство хочет до этого времени извлечь все металлические деньги. При этом *очень щадят* высшее дворянство, i gran ricchi**, и в какой-то мере крестьян; вся тяжесть налогов ложится на il medio liberale, либеральный средний класс городов. Ты видишь, какова политика этих субъектов. При таком гнете само собой понятно, почему жители Лекко подписали заявление и послали его правительству. В заявлении говорилось, что они больше не станут платить, пусть лучше описывают их имущество, но если эта система будет продолжаться, они все эмигрируют; имущество многих уже описано. Понятно также, что эти люди ждут Мадзини и заявляют, что взрыв *должен* произойти, потому что больше они не в состоянии терпеть «так как мы разорены или во

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Манифест Коммунистической партии». *Ред.*
** — крупных богачей. *Ред.*

всяком случае будем разорены». Это несколько объясняет гневное стремление итальянцев выступить. Все находящиеся здесь люди — республиканцы, и к тому же сплошь видные буржуа; один из них — первый купец в Лекко и *сам* ежемесячно платит налог в 2000 цванцигеров. Он во что бы то ни стало хотел знать, когда же начнется выступление; в Лекко — единственном месте, где я популярен, — они решили между собой, что мне это должно быть известно в точности.

Завтра — о Веллингтоне, которым мне помешали заняться эти молодцы.

Твой ***Ф. Э.***

Это письмо запечатано сургучом и печатью нашей фирмы Э[рмен] и Э[нгельс]. Ты, таким образом, увидишь, вскрыто ли оно.

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

89

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

В ЛОНДОН

[Манчестер], четверг, [15 мая 1851 г.]

Дорогой Маркс!

На прошлой неделе я отправил тебе целую уйму писем, в том числе одно с деньгами и одно через Пипера. Затем опять послал письмо в прошедший вторник, на которое, во всяком случае, ждал сегодня ответа. Ни строчки. Приходится допустить, что письма все пропали, так как на письмо, посланное через Пипера, я обязательно ждал ответа, и отсутствие его ставит меня в затруднительное положение перед здешним почтмейстером. Быть может, случилась какая-нибудь беда, по и в этом случае желательно было бы получить несколько слов. Эта история беспокоит меня не на шутку, и если завтра или, самое позднее, послезавтра я не получу от тебя ничего, то не знаю, что и подумать и как наладить доставку писем тебе так, чтобы ничего не пропадало.

Здешний почтмейстер хочет, чтобы впредь ты адресовал свои письма не так, как до сих пор, а следующим образом: вверху — фамилия, под ней — номер дома и улица, а совсем

внизу — Манчестер. Он ссылается на то, что недавно твое письмо пропутешествовало отсюда обратно в Лондон, а потом опять сюда. Итак, жду немедленного ответа.

Твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXII. 1929 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

90

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ [262]

В МАНЧЕСТЕР

Лондон, 16 мая 1851 г.

Дорогой Энгельс!

Твое письмо я получил позавчера слишком поздно, чтобы ответить на него в тот же день. Я ушел в Музей* еще до прихода почтальона и вернулся домой лишь к 7 часам вечера. А вчера я при всем желании не мог написать тебе, так как у меня были такие боли в животе, что чуть голова не треснула, как барабан у фрейлигратовского негра**.

Имевшая место путаница произошла просто из-за того, что ответ на твое первое письмо я дал для немедленной отправки одному из двух шалопаев (Ш[рамму]). Он его, конечно, забыл отправить, и эти несколько строк находились еще вчера в его бумажнике.

Что касается электричества, то заметка об этом находится в «Economist» за 1845 год. Больше там нет ничего, кроме того, что я тебе сообщил, а также указания на то, что этот опыт был с большим успехом проведен в Шотландии. Журнал даже называет имя фермера.

Фрейлиграт на днях приезжает сюда.

Теперь к истории с почтой. Я полагаю, что почта не виновата. Во всяком случае я сам ответственен за плохую форму печати. Единственно, что странно для меня, это: X Манчестер X***.

Видел ли ты в «Kolnische Zeitung», как этот бесстыжий Кинкель при посредстве своей жены отрицает всякое свое участие в составлении манифеста сильного «временного прави-

* — библиотеку Британского музея. *Ред.*
** Намек на стихотворение Фрейлиграта «Негритянский дождь». *Ред.*
*** См. настоящий том, стр. 227. *Ред.*

тельства»[263]? И как он нагло врет о своей «тяжелой болезни», чтобы поднять к себе интерес немецкого филистера?

Благодаря вмешательству моего достойного шурина-министра* печатание моих вещей, как это было и с «Revue», опять прекращено[264]. Беккер**, по-видимому, наткнулся на трудности в Вервье.

Во Франции *Кавеньяк,* кажется, начинает усиленно выдвигаться. Его избрание было бы рациональным выходом из положения, но оно на годы отодвинуло бы революцию. Конгресс Николая, Фридриха-Вильгельма и Габсбурга[265] имеет приблизительно такое же значение, как конгресс генерала Хауга, Руге и Ронге. Подоходное обложение было, впрочем, в данный момент самым умным, что пруссаки могли сделать.

Теперь несколько строк о местной эмиграции.

Под руководством одного парня (немца), имени которого я не знаю, или, скорее, вместе с этим парнем, бессмертный Фаухер, неизбежный Э. Мейен, находящийся теперь также здесь, и др. составили в Лондоне редакцию немецкого выпуска «Illustrated London News» (ежедневного). Так как никто из этих людей не знает английского языка, то они попросили создать еще сверхредакцию в лице немца-англичанина. В качестве шефа им дали одну *старуху,* которая 20 лет тому назад была в Германии и говорит на ломаном немецком языке. Уподобившись старому Доллешаллю, она вычеркнула глубокомысленную статью Э. Мейена «Скульптура». Этот идиот воспроизвел здесь в Лондоне нацарапанные им 10 лет тому назад для бульварной берлинской литературной газеты глупости об искусстве. Фаухер также подвергся безжалостной цензуре. И вот несколько дней тому назад редактор пригласил к себе этих олухов, которые, хотя и неохотно, но все же покорно подчинялись власти старухи, и заявил этим господам, что ему не нужна их собственная мазня и что они должны ограничиться переводом английских статей. А так как эти несчастные не знают английского языка, то это была отставка в вежливой форме. И они приняли свою отставку. И Мейен опять должен будет набраться терпения и ждать десять лет в надежде поместить свою «Скульптуру».

Более того, «Kolnische Zeitung» уже несколько недель тому назад без всяких церемоний выбросила г-на Фаухера, мотивируя это тем, что его статьи наводят скуку на читателей.

Что ты скажешь о португальской революции?[266]

---

* — Фердинанда фон Вестфалена. *Ред.*

** — Герман Беккер. *Ред.*

Г-н А. Гёгг здесь; его тотчас же перехватили Виллих и компания, и он читает лекции на Уиндмилл-стрит. В добрый час!

Теперь, мой дорогой, будь здоров! Отныне переписка снова войдет в колею.

Твой ***К. М.***

Впервые полностью опубликовано на языке оригинала в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 1,1929 и на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXI, 1929 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

91
ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ
В ЛОНДОН

Манчестер, понедельник, 19 мая 1851 г.

Дорогой Маркс!

Я рад, что с письмами ничего не произошло. Так все же лучше. Здешний почтмейстер дал мне также удовлетворительные объяснения по поводу слишком поздней доставки письма. Впредь пиши на адресе улицу и номер дома *над* названием города, так, чтобы слово «Манчестер» стояло совсем внизу; почтовые чиновники привыкли к этому, и однажды, так как название улицы было написано внизу, они проглядели слово «Манчестер» и письмо отослали обратно в Лондон как местное лондонское.

Последняя новость — то, что ты совершенно уничтожен. Ты полагаешь, что ты открыл правильную теорию земельной ренты? Ты полагаешь, что ты первый опроверг теорию Рикардо? О ты, несчастный! Ты обойден, уничтожен, разбит, раздавлен. Все основание твоего «monumentum aere perennius»* рухнуло. Слушай: г-н Родбертус только что выпустил в свет третий том своих «Социальных писем к фон Кирхману» — 18 листов. Этот том содержит в себе «полное опровержение учения Рикардо о земельной ренте и изложение новой теории ренты». Смотри лейпцигскую «Illustrierte Zeitung» за прошлую неделю. Теперь тебе крышка.

Усилия великого Кинкеля выбраться из неприличного общества, называемого Европейским комитетом, не оставляя после себя зловония, очень забавны. В субботнем номере «Sun» ты, вероятно, прочел, что несколько крикливых демократов провели под Эльберфельдом собрание, устроили небольшие

* — «памятника вековечнее меди» (Гораций. «Оды». Книга третья, ода тридцатая). *Ред.*

беспорядки и при этом раздавали эти прокламации, что удалось сделать при помощи немецко-католических связей Ронге. Ни Кинкель, ни кто-либо другой из этого хора там ничего не могли бы поделать.

История с Кавеньяком во всех отношениях фатальна; если *Жирарден* говорит о Кавеньяке, что у него наибольшие шансы, то это, должно быть, верно. Кроме того, эти типы все больше убеждаются в том, что пересмотр конституции[267] невозможен легальным путем. А нелегальный путь — это государственный переворот, но кто первый прибегает к государственному перевороту, тот бывает раздавлен, говорят «Debats». Наполеон уже основательно поизносился. Шангарнье уничтожен, окончательно уволен в отставку, слияние не приводит ни к чему непосредственно практическому, как оно ни великолепно; нет никого, кроме Кавеньяка. Если бы этот субъект отдалил революцию, это было бы в конце концов не так опасно; несколько лет решительного промышленного развития с тем, что будет пережит кризис и новый период процветания — это отнюдь не могло бы повредить, особенно, если бы это сопровождалось буржуазными реформами во Франции и т. д. Но Кавеньяк и буржуазная реформа означают во Франции реформу таможенной системы и союз с Англией, а при первом удобном случае — войну против Священного союза с помощью Англии, с затратой должного времени на вооружение и с тщательно подготовленным вторжением в Германию, что могло бы нам стоить рейнских границ. Это к тому же явилось бы лучшим средством утихомирить мещанский французский социализм [Crapaudsozialismus], заткнув ему глотку славой.

«Debats», впрочем, так низко пали, что спасение общества они видят лишь в сохранении нового избирательного закона.

История с Фаухером и Мейеном великолепна. Так как я видел только первую страницу первого номера *немецкого* выпуска «Illustrated London News» в витрине магазина, то мне было довольно любопытно, кто такие те «первоклассные немецкие писатели», которые писали эту высокопарную чепуху.

«Frankfurter Journal» сообщает в корреспонденции из Кёльна, что эмигрантам в Лондоне живется теперь довольно сносно, за исключением тех, которые находятся в казарме, среди них, мол, и Виллих. Аугсбургская «Allgemeine Zeitung» действительно думает, что закон об иностранцах[268] еще в силе, и видит, как эмигранты — эти вечные жиды девятнадцатого столетия — дрожа, крадутся по Лондону, бледные от страха перед этим законом.

О португальской революции я ничего не могу сказать. Нужно только заметить, что Салданья, в качестве повстанца, действовавшего только *лично,* по принципу: Кошта Кабрал, «ote-toi de la, que je m'y mette»*, абсолютно ничего не добился; однако с того момента, как он был вынужден примкнуть к либеральным буржуа Опорто и принять к себе в лице Жозе Пассоса всемогущего представителя этой буржуазной силы, — с этого момента к нему перешла вся армия. Положение, которое займет Пассос, и весь ближайший ход событий покажут, не попытаются ли Салданья и королева** сразу же опять надуть буржуазию. Лиссабон — ничто, Опорто — это центр конституционной буржуазии, манчестерской школы Португалии.

Будь доволен, что г-н Гёгг не явился к тебе. Черт бы побрал все эти надутые посредственности.

Твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I. Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

92

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

В МАНЧЕСТЕР

Лондон, 21 мая 1851 г.

Дорогой Энгельс!

Фрейлигрaт здесь и кланяется тебе. Он приехал сюда, чтобы подыскать себе какую-нибудь должность. Если он ничего не найдет, то уедет в Америку.

Он привез с собой очень хорошие новости из Германии. Кёльнцы*** очень деятельны. Их агенты разъезжают, начиная с сентября. В Берлине у них два очень хороших представителя, и так как демократы постоянно приезжают в Кёльн за советами, то кёльнцы обычно парализуют действия других господ. Так, брауншвейгцы непременно хотели дать Шиммельпфеннигу 2000 талеров для лондонского комитета (социального). Но сначала они послали д-ра Люциуса в Кельн, и так эта затея провалилась.

* — «прочь отсюда, чтобы я стал на твое место» *(Сен-Симон.* «Катехизис промышленников». Первая тетрадь). *Ред.*

** — Мария II да Глориа. *Ред.*

*** — члены кёльнского Центрального комитета Союза коммунистов. *Ред.*

Кинкель очень дискредитирован в Рейнской провинции, особенно в Бонне. Тамошний комитет послал Иоганне* 200 ф. ст., но уже по прошествии двух недель она снова потребовала денег. Это очень не понравилось филистерам.

Кёльнцы через несколько недель устраивают коммунистический конгресс.

Обер-генерал Зигель здесь и вступил в общество на Уинд-милл-стрит.

Вышел также номер журнала «Kosmos» генерала Хауга. Рекламирует Виллиха, Кинкеля и Гёрингера. Эти различные банды начинают все больше сближаться между собой. Я никогда не видал и не слыхал более надутой и самодовольной безвкусицы. Кроме всего прочего, там помещена буффонада Арнольда Винкельрида-Руге. Это животное сфабриковало себе письмо от одного немецкого «хлебосольного друга», в котором тот удивляется всему, что он читает в газетах об «английском гостеприимстве», выражает опасение, что «перегруженность» Руге «государственными делами» не даст ему возможности надлежащим образом принять участие в этом «гостеприимном сибаритстве», и спрашивает его:

«Значит, не предатель Радовиц, а Мадзини, Ледрю-Роллен, гражданин Виллих, Кинкель и вы сами были приглашены в Виндзор?»

В ответ Руге рассеивает заблуждение своего друга и утешает его, заявляя, что английское гостеприимство не помешает им, размахивая факелами, вернуться в Германию. Идиот!

В целом это написано беллетристически-ученически-идиотски, с глупым самодовольством, не имеющим себе равного в анналах мировой истории, к тому же с неслыханным отсутствием всякого таланта. Однако я постараюсь достать для тебя один экземпляр этого хлама.

Клоп Мейен бегает тут очень деловито и сообщает по секрету каждому, желающему его слушать, что Маркс и Энгельс потеряли в Германии всех сторонников и всякое влияние. Ужасный Мейен!

Впрочем, чтобы дать тебе типичный образец бесстыдной назойливости этих мерзавцев и их жалкого попрошайничества, расскажу тебе следующее:

В прошлое воскресенье я был на Джон-стрит, где старый Оуэн в 80-летнюю годовщину со дня своего рождения читал лекцию. Несмотря на свои навязчивые идеи, старик был остроумен и очень мил. Когда он кончил, один из приверженцев

* — Иоганне Кинкель (жене Готфрида Кинкеля). *Ред.*

журнала «Kosmos» пробрался к нему и сунул ему в руки номер «Kosmos», заявив при этом, что этот орган придерживается его принципов. И старик действительно рекомендовал этот орган публике. Это уже чересчур смешно!

Я в тот вечер, между прочим, не смог избежать разговора с Гарни. Он подошел ко мне слегка подвыпивши и весьма вкрадчиво справился о тебе.

Виллиху вполне удается его попрошайничество. Когда сюда приехали шлезвиг-гольштейнские эмигранты, он выклянчил «для них» (!) свыше 200 ф. ст. у купцов из Сити.

Хотя Жирарден и говорит, что Кавеньяк является теперь единственным серьезным кандидатом партии порядка[269], основной массы буржуазии, но сам-то он яростно нападает на него и на Шангарнье, и его полемика опять напоминает лучшие времена его борьбы против «National». Этот человек ведет во Франции более широкую агитацию, чем вся банда монтаньяров и красных, вместе взятых. О Бонапарте как будто не может быть и речи. Между тем, если роялистское большинство Национального собрания опять нарушит конституцию и *простым* большинством примет решение о пересмотре конституции, то в конце концов оно все же будет вынуждено — так как само потеряет всякую легальную опору — заключить компромисс с Бонапартом, как носителем исполнительной власти. В этом случае дело могло бы дойти до серьезных коллизий, так как вряд ли Кавеньяк еще раз допустит, чтобы у него вырвали добычу из-под носа.

Скоро здесь будет вся редакция «Neue Rheinische Zeitung». Удивляюсь только, почему Лупуса* еще нет. Не приключилось ли с ним какой-нибудь беды?

Я работаю теперь каждый день с 10 утра до 7 вечера в библиотеке; посещение промышленной выставки оставляю до твоего приезда.

Читал ли ты подложное и подлинное послания Мадзини в «Debats»?

Твой ***К. М.***

Муш** кланяется «Фридриху Энгельсу».

Кстати. Виллих и Шиммельпфенниг выпустили очередное воззвание к «своим братьям в прусской армии».

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I. Stuttgart. 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

* — Вильгельма Вольфа. *Ред.*
** — Эдгар Маркс. *Ред.*

93

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ [270]

В ЛОНДОН

Манчестер, 23 мая 1851 г.

Дорогой Маркс!

Я с удовольствием узнал из газет, что «Neue Rheinische Zeitung» была также представлена в твоем лице на банкете всемирной прессы у Сойера. Надеюсь, тебе понравились омары a la Вашингтон и замороженное шампанское. Но для меня остается тайной, каким образом г-н Сойер разыскал твой адрес.

Знаешь, что стало с пьяницей Ларошем с Грейт-Уиндмилл-стрит? Как сообщают немецкие газеты, он арестован и приговорен в Берлине к смертной казни через повешение. Оказывается, этот так называемый бывший прусский гусарский лейтенант — не кто иной, как сапожник Август Фридрих Готлиб Леман из Трибеля у Сорау* в верхнесилезской Польше, ополченец первого призыва, приговоренный 23 марта 1842 г. за дезертирство в мирное время, за подлоги и за недозволенные долги к лишению военных отличий и к шестнадцати месяцам штрафного батальона. Новые факты для характеристики наших немецких революционных героев.

Что великие вояки, Виллих, Шиммельпфенниг и Зигель, все более сближаются между собой, это очень хорошо. Этот солдатский сброд отличается невероятно грязным корпоративным духом. Они смертельно ненавидят друг друга, завидуют друг другу, как школьники, при малейших отличиях, но по отношению к людям «штатским» они все единодушны. Точь-в-точь так же, — только в карликово-карикатурном масштабе, — как в первых французских армиях 1792—1793 годов. Общество на Уиндмилл-стрит они все рассматривают как батальон, который отправится в поход в полной боевой готовности, сплоченными рядами; это все, что осталось после того, как эмигранты были разгромлены в Швейцарии и высланы оттуда. Неудивительно поэтому, что они все примыкают к этому благородному отряду. Очень хорошо, что уже теперь заметен офицерский корпоративный дух старой казармы и офицерского собрания и уже теперь все видят, что в среде эмигрировавшего офицерства система клик господствует в столь же сильной степени, как в «доблестной армии»[271]. Мы в свое время покажем

* Польские названия: Тшебель и Жары. *Ред.*

этим господам, что значат *«эти* штатские». Все подобного рода истории показывают мне, что самое лучшее, что я могу сделать, это продолжать свое изучение военного дела для того, чтобы, по крайней мере, хоть один из «штатских» мог померяться с ними силами в теоретическом отношении. Во всяком случае я хочу довести дело до того, чтобы такого рода ослы не могли меня оглушить своей болтовней. Весьма рад, что их все же надули на 2000 талеров. Известия из Кёльна очень приятны. Пусть только люди там поостерегутся.

В деле попрошайничества благородная Иоганна* поистине превзошла все, что было до нее. Гейнцену остается повеситься; он никогда не умел дойти до такого нахальства, как эта женщина, которая к тому же дурна собой, как смертный грех.

Уже из английских газет было видно, что Жирарден не поддерживает Кавеньяка. Но если *он* констатирует тот факт, что шансы у Кавеньяка отнюдь не плохие, то этого достаточно для характеристики положения. Если бы осуществилась та возможность, о которой ты говоришь, а именно, большинство и Бонапарт пошли бы на соглашение и постарались бы произвести незаконный пересмотр конституции, то, как я полагаю, из этого ничего бы не вышло. Этого они никогда не добьются, пока Тьер, Шангарнье и «Debats» вместе со своими приспешниками против. Шансы Кавеньяка были бы в этом случае слишком хороши; и тогда, я думаю, он мог бы рассчитывать на армию.

Если гроза разразится в ближайшем году, то Германия окажется в отчаянном положении. Франция, Италия и Польша заинтересованы в ее раздроблении. Мадзини, как ты видел, даже обещал чехам восстановление их государственности. За исключением Венгрии, Германия имела бы только одного возможного союзника — Россию, при условии, что там произойдет крестьянская революция. Иначе у нас будет война не на жизнь, а на смерть с нашими благородными друзьями со всех сторон света, и еще большой вопрос, чем вся эта история кончится.

Чем больше я размышляю над историей, тем яснее мне становится, что поляки — une nation foutue**, которая нужна, как средство, лишь до того момента, пока сама Россия не будет вовлечена в аграрную революцию. С этого момента существование Польши теряет всякий смысл. Поляки никогда не совершали в истории ничего иного, кроме смелых драчливых глупо-

* — Иоганна Кинкель (жена Готфрида Кинкеля). *Ред.*

** — пропащая нация, обреченная нация. *Ред.*

стей. И нельзя указать ни одного момента, когда бы Польша, даже только по сравнению с Россией, с успехом представляла бы прогресс или совершила что-либо, имеющее историческое значение. Наоборот, Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку. Несмотря на всю свою подлость и славянскую грязь, господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар; и Россия восприняла гораздо больше элементов просвещения и в особенности элементов промышленного развития, чем, по самой природе своей шляхетски-сонная, Польша. Преимуществом России является уже одно то, что русское дворянство, начиная с императора и князя Демидова и кончая самым последним боярином четырнадцатого класса, у которого только и есть, что его благородное* происхождение, занимается промышленным производством, барышничает, надувает, берет взятки и обделывает всевозможные христианские и еврейские делишки. Поляки никогда не умели ассимилировать чужеродные элементы. Немцы в городах остались и остаются немцами. Между тем каждый русский немец во втором поколении является живым примером того, как Россия умеет русифицировать немцев и евреев. Даже у евреев вырастают там славянские скулы.

Яркие примеры «бессмертия» Польши дают наполеоновские войны 1807 и 1812 годов. Бессмертным является у поляков только их беспредметная драчливость. К тому же большая часть Польши, так называемая Западная Россия, то есть Белосток, Гродно, Вильно, Смоленск, Минск, Могилев, Волынь и Подолия, начиная с 1772 г., за незначительными исключениями, спокойно подчинялась господству русских; они и не шевельнулись, за исключением немногих горожан и дворян в отдельных местах. Четверть Польши говорит по-литовски, четверть по-русински, небольшая часть на полурусском языке, а собственно польская часть на добрую треть германизирована.

К счастью, мы в «Neue Rheinische Zeitung» не взяли на себя по отношению к полякам никаких определенных обязательств, кроме неизбежного обязательства восстановления Польши в соответствующих границах, и то при условии аграрной революции. Я уверен, что в России эта революция осуществится полностью раньше, чем в Польше, как вследствие национального характера русских, так и вследствие большего развития в ней буржуазных элементов. Что

* В оригинале рядом с немецким словом стоит русское, написанное латинскими буквами: blaharodno. *Ред.*

значат Варшава и Краков против Петербурга, Москвы, Одессы и т. д.!

Вывод: взять у поляков на западе псе, что возможно, занять их крепости немцами, особенно Познань, под предлогом защиты, предоставить им хозяйничать, посылать их в огонь, пожирать их продукты, кормить их обещаниями Риги и Одессы, а в случае, если бы удалось вовлечь в движение русских, соединиться с ними и вынудить поляков к уступкам. Каждый дюйм, который мы уступаем полякам на границе от Мемеля* до Кракова, совершенно разрушает в военном отношении эти и без того до крайности слабые границы и обнажает весь берег Балтийского моря до Штеттина**.

Я, впрочем, убежден, что при ближайших волнениях все польское восстание ограничится участием познанских и галицийских дворян вместе с некоторым количеством перебежчиков из Царства Польского, так как Царство Польское до такой степени обескровлено, что больше ни на что не способно, и претензии этих рыцарей, если они не будут поддержаны французами, итальянцами, скандинавами и т. д. и подкреплены чехословацкими восстаниями, потерпят крушение вследствие жалкого характера их усилий. Нация, которая может выставить максимум 20000—30000 человек, не может иметь голоса. А Польша, очевидно, не выставит многим больше.

Передай привет Фрейлигграту, если увидишь его, и твоей семье, включая гражданина Муша***. Я приеду в Лондон приблизительно на неделю позже, чем рассчитывал; это зависит от ряда мелочей.

Кстати, из Кёльна еще ни строчки. Написал ли ты? Если я не получу письма *в ближайшее время,* оно мне уже не поможет****. Не понимаю, почему Д[аниельс] не может сделать для меня этого одолжения. Нельзя ли написать ему вторично? Д[аниельс] мог бы сразу же черкнуть пару строк и прислать их мне. В противном случае я могу очутиться в чертовски неприятном положении.

Твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

---

* Литовское название: Клайпеда. *Ред.*

** Польское название: Щецин. *Ред.*

*** — Эдгара Маркса *Ред.*

**** См. настоящий том, стр. 219—220. *Ред.*

94

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ [272]

В МАНЧЕСТЕР

[Лондон], 28 мая 1851 г.

Дорогой Энгельс!

Даниельс не ответил (я ему, впрочем, завтра опять напишу, если еще сегодня не получу письма) вследствие очень досадных обстоятельств. Нотъюнг арестован в Лейпциге на вокзале. Какие бумаги при нем нашли, я, конечно, не знаю. После этого (или, быть может, одновременно, я этого не знаю) были арестованы в Кёльне Беккер и Рёзер, дома у них был произведен обыск, так же как у Бюргерса. Последний находится в Берлине, имеется приказ об его аресте, но он, вероятно, скоро будет здесь.

Этими полицейскими мерами против эмиссаров и т. д. мы целиком и полностью обязаны жалкому вою лондонских ослов. Эти надутые пузыри хорошо знают, что они вовсе не конспирируют, не преследуют никаких настоящих целей и что у них нет за собой в Германии никакой организации. Им хочется только *казаться* опасными и давать работу газетной мельнице. Таким образом, эти канальи мешают действительному движению, подвергают его опасности и наводят полицию на след. Существовала ли когда-либо такая партия, задачей которой, по ее собственному признанию, являлось бы только хвастовство?

Фрейлигрmaт инстинктивно уехал как раз вовремя, чтобы избежать ареста. Как только он сюда приехал, все эмигрантские клики, филантропические друзья Кинкеля, эстетствующие Хауитты и т. д. стали расставлять ему силки, чтоб перехватить его для своей котерии. На все такие попытки он очень грубо отвечал, что принадлежит к «Rheinische Zeitung»[*], не имеет ничего общего с космополитической компанией и поддерживает общение лишь с «д-ром Марксом и его самыми интимными друзьями».

Сейчас я тебе расскажу о журнале «Kosmos». До этого еще несколько слов о положении во Франции.

Я все более и более убеждаюсь в том, что у Наполеона, несмотря ни на что, пока больше шансов, чем у всех остальных кандидатов. В принципе будет принято решение о пересмотре конституции, на практике пересмотр ограничится статьей, относящейся к президенту[273]. Если меньшинство поднимет слишком большой шум, то будет принято простое [постановление][**] большинства о роспуске Национального собрания

[*] — «Neue Rheinische Zeitung». *Ред.*

[**] В этом месте рукопись повреждена. *Ред.*

и созыве нового; а новые выборы будут происходить под сенью Фоше, телеграфа и закона 31 мая[274]. Буржуа предпочли бы Кавеньяка; но попытка порвать со status quo* при помощи радикально нового выбора кажется им слишком рискованной. Уже теперь многие фабриканты принудили своих рабочих подписывать петиции в пользу пересмотра конституции и продления власти президента. Во всяком случае дело должно скоро разрешиться, и тогда посмотрим!

Итак, «Kosmos» потерпел блестящее фиаско.

Под заголовком *«Лекции Кинкеля»,* за подписью «Рабочий», напечатано следующее:

«Когда я как-то смотрел туманные картины Дёблера, мне пришла и голову курьезная мысль — можно ли создать такие хаотические произведения при помощи «слова», можно ли рассказать туманные картины? Правда, неприятно, когда критик с первых же слов должен признаться, что в таком случае критическая свобода вибрирует в гальванизированных нервах волнующей реминисценции, точно затихающий звук замирающей на трепетных струнах ноты. Поэтому я предпочел отказаться от скучного педантического анализа ученой бесчувственности, нежели от того резонанса, который пленительная муза германского эмигранта родила в игре идей моей чувствительности. Этот основной тон кинкелевских образов, этот резонанс его аккордов составляет звучное, творческое, созидательное, постепенно оформляющееся «слово» — *современная мысль!* Человеческая сила *«суждения»* этой мысли выводит истину из хаоса лживых традиций и ставит ее в качестве неприкосновенной всеобщей собственности под защиту интеллектуально развитых, логически мыслящих меньшинств, которые ведут ее от верующего невежества к неверующей учености. На долю ученого неверия выпадает профанировать мистицизм благочестивого обмана, подрывать всемогущество погрязшей в предрассудках традиции, обезглавливать при помощи скепсиса — этой без устали работающей философской гильотины — авторитеты и выводить посредством революции народы из тумана теократии на цветущие поля демократии» (бессмыслицы). «Настойчивое и усердное изучение летописей человечества, как и самих людей, является величайшей задачей всех участников переворота, и это ясно осознал тот изгнанный мятежный поэт, который в течение трех прошедших понедельников по вечерам развивал перед буржуазной публикой свои «туманные картины», рисуя историю современного театра».

«Рабочий»[275]

Коль для клопов уж это не годится,
То хуже вряд ли даже и приснится**.

Vale faveque!***

Твой ***Карл Маркс***

Впервые полностью опубликовано на языке оригинала в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 1,1929 и на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., то. XXI. 1929 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

* — существующим положением, существующим порядком. *Ред.*
** Немецкая поговорка, распространенная в Рейнской области. *Ред.*
*** — Будь здоров и ко мне благосклонен! *Ред.*

95

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

В ЛОНДОН

[Манчестер], вторник, [3 июня 1851 г.]

Дорогой Маркс!

В субботу я приеду в Лондон, если мне ничто не помешает[276].

Мои опасения относительно кёльнцев, по-видимому, слишком быстро осуществились; арест Красного Б[еккера][*] и Рёзера по обвинению в государственной измене и попытке свержения существующего строя, а также попытка ареста тихого Генриха[**], очевидно, каким-то образом связаны с Союзом[***]. К счастью, как сообщает «Frankfurter Journal», у обоих арестованных не нашли решительно никаких бумаг — нашли ли у Б[юр]г[ер]са, не говорится. Генрих, очевидно, теперь также приедет в Лондон, в дополнение к собравшимся здесь членам редакции «Neue Rheinische Zeitung». История может принять неприятный оборот, если эти люди вели себя глупо.

Твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx», Bd. I, Stuttgart. 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

96

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

В МАНЧЕСТЕР

[Лондон], 16 июня 1851 г.
28, Deanstreet, Soho

Дорогой Энгельс!

У Даниельса был домашний обыск, и он арестован. Я не думаю, чтобы у него что-нибудь нашли.

Сегодня утром я получил письмо, написанное, несомненно, почерком Даниельса, но без подписи; в этом письме мне сообщают об упомянутом факте и одновременно предлагают спрятать *все* письма, так как известно из **«верного»** (так в оригинале) источника, что и здесь, в Англии, должны произойти обыски.

---

[*] — Германа Беккера. *Ред.*
[**] — Бюргерса. *Ред.*
[***] — Союзом коммунистов. *Ред.*

Я не знаю, возможно ли это по закону. Во всяком случае я все спрячу. И ты тоже хорошо сделаешь, если менее важные письма сожжешь, а остальные, заключающие в себе какие-либо данные и тому подобное, поместишь в запечатанном пакете у Мери* или у вашего приказчика.

У Якоби, вероятно, нашли рекомендацию от Даниельса.

Сегодня же я получил через одного купца письмо от Вейдемейера, скрывающегося в окрестностях Франкфурта. Письмо это прилагаю. Нет ли у тебя нужных В[ейдемейеру] точных цифровых данных о соотношении между внутренней и внешней торговлей Англии? В этой области за последнее время произошли значительные изменения. Привет!

Твой ***К. Маркс***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart. 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

97
ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ В ЛОНДОН

[Манчестер], 27 июня 1851 г.

Дорогой Маркс!

Славная саксонская полиция поступает весьма простодушно, когда сама высочайше уведомляет нас о том, о чем мы до сих пор не знали или не могли узнать. Менторски-напыщенное циркулярное письмо Бюргерса с его известными полутемными рассуждениями заставило их, должно быть, основательно поломать себе головы и притом без всякого успеха[277]; они и напечатали жирным шрифтом как раз лишь неправильные места. Весьма забавно, что великие мужи с Уиндмилл-стрит[278] предстали теперь перед всем светом вышвырнутыми из их собственной партии; великий Виллих вкупе с Хауде, Гебертом и другой неизвестной сволочью и с неким «Шоппером» (от слова «Schoppen»)**, редкие заслуги которого так мало известны, что даже в *Кёльне* не могут правильно напечатать его имени! В этом отношении все в порядке. Но первый параграф Устава опасен для арестованных: «Все средства революционной дея-

* — Мери Бёрнс. *Ред.*

** Энгельс обыгрывает опечатку в «Kolnische Zeitung», напечатавшей «Schopper» («Шоппер»), вместо «Schapper» («Шаппер»). Отсюда непереводимая игра слов, так как «Schoppen» по-немецки означает «полуштоф», «кружка». *Ред.*

тельности», или как это там сказано[279]. Благодаря этому все дело из области обыкновенной тайной организации переходит в область государственной измены. Впрочем, поскольку можно судить по намеку «Kolnische Zeitung», оправдывается мое предположение, что они имеют в виду передать всех этих людей берлинскому верховному суду, который собираются специально создать ради этого грандиозного дела.

Хорошим показателем настроения буржуа является то, что правительство так решительно провалилось со своей попыткой использовать великое дрезденское открытие в качестве пугала для публики. Буржуа уже так мало боится красного призрака, что он слышать не хочет о большом коммунистическом заговоре и уже опасается того, что система домашних обысков в ближайшем будущем будет распространена и на него.

Ни одна газета не хочет клюнуть на эту приманку, и отчаянные попытки правительства раскрыть новые заговоры в гимнастических союзах, «Свободных общинах»[280] и среди играющих в демократию ремесленников-портных показывают, с одной стороны, как его злит равнодушие буржуа и как оно старается возбудить их любопытство, а с другой стороны, к каким незначительным дальнейшим открытиям привели Устав и циркулярное письмо. Обыск у Микеля, кажется, тоже был безрезультатным.

Что нового в Лондоне?

Твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd, I, Stuttgart. 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

98

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ [281]

В ЛОНДОН

[Манчестер, около 6 июля 1851 г.]

Дорогой Маркс!

Провозившись целую неделю со своим стариком*, я отправил его благополучно обратно и могу, наконец, послать тебе сегодня прилагаемый перевод на 5 фунтов. В общем, я могу быть доволен результатом моего свидания со стариком. Я ему нужен здесь, по крайней мере, еще года три, а я не взял на себя

* — Фридрихом Энгельсом-старшим, отцом Энгельса. *Ред.*

никаких постоянных обязательств даже на эти три года; их от меня, впрочем, и не потребовали ни в смысле литературной деятельности, ни в смысле необходимости оставаться здесь в случае революции.

О ней он, кажется, и не думает, так уверенно чувствует себя теперь этот народ! Со своей стороны, я с самого начала добился для себя денег на представительство и на жизнь — около 200 ф. ст. ежегодно; на это было получено согласие без больших трудностей. При таком жаловании уже жить можно, и если до ближайшего баланса все останется спокойным и здешнее дело пойдет хорошо, то он должен будет пострадать еще и не так — я уже и в этом году выйду далеко за пределы двухсот фунтов. При этом он познакомил меня с состоянием всех своих дел, как здешних, так и тамошних; а так как дела у него идут очень хорошо, и за время с 1837 г. он более чем удвоил свое состояние, то само собой разумеется, что при этих условиях я не буду стеснять себя больше, чем это нужно.

Впрочем, старик тоже достаточно хитер. Его план, который, правда, можно осуществить лишь очень медленно и с трудом и который вряд ли когда-нибудь будет осуществлен вследствие трений с Эрменами, сводится к тому, чтобы Петеру Э[рмену] дать переехать в Ливерпуль, чего тот сам хочет, а все руководство здешней конторой передать мне — причем Г. Эрмен будет тогда управлять фабрикой. Это меня, конечно, связало бы. Я, разумеется, заявил, что это превосходит мои силы и представился скромником. Если бы мой старик остался здесь еще на несколько дней, то мы бы обязательно подрались. Этот человек совершенно не может переварить свою удачу, зазнается, впадает в прежнее менторство, становится вызывающим; при этом он так глуп и бестактен, что хотел, например, воспользоваться, даже в последний день своего пребывания здесь, присутствием одного из Эрменов, чтобы уязвить меня пением дифирамбов прусским учреждениям. Он полагал при этом, что присутствие Эрмена заставит меня соблюдать чувство приличия и заткнет мне рот. Конечно, нескольких слов и гневного взгляда было достаточно, чтобы осадить его, но этого вместе с тем было довольно, чтобы между нами сразу установились холодные отношения — именно при прощании — и я, разумеется, жду, что он в той или иной форме постарается отомстить за эту неудачу. Посмотрим. Если эта история не будет иметь никаких дурных практических последствий, то есть не отразится на моих денежных делах, то для меня холодные деловые отношения, конечно, гораздо приятнее всякого проявления неискренних чувств.

Это между нами.

«Kolnische Zeitung» здесь уже с начала июля больше не видать, вероятно из-за того, что забыли возобновить подписку. Я поэтому не знаю, не случилось ли еще чего-нибудь. Если ты знаешь что-либо новое, сообщи мне. Я, наконец, опять смогу начать регулярно работать, так как препятствия из-за выставки[282] теперь почти совсем исчезли и каталог Атенея[*] уже готов. Я собираюсь также скоро выехать в деревню, где мне никто не будет мешать. Так как мой старик не приедет сюда в течение целого года, то я могу устроиться целиком по своему усмотрению и большую часть денег, полученных на представительство, употребить совсем иначе.

Кланяйся твоей жене и пиши скорей.

Твой ***Ф. Э.***

Впервые полностью опубликовано на языке оригинала в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung. Bd. 1, 1929 и на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXI, 1929 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

99

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

В МАНЧЕСТЕР

[Лондон], 13 июля 1851 г.
28, Deanstreet, Soho

Дорогой Энгельс!

Я со дня на день откладывал свое письмо, чтоб переслать тебе все документы, о которых говорится ниже. Но так как полностью я смогу их представить лишь через несколько дней, то пишу тебе сегодня, чтобы не заставлять тебя дольше ждать ответа.

Прежде всего. Из твоих писем можно заключить, что за время пребывания твоего старика[**] в Манчестере ты не обнаружил напечатанный в «Kolnische Zeitung» второй документ под названием «Союз коммунистов». Это было составленное нами обоими обращение к Союзу[***] — по существу не что иное, как план кампании против демократии. С одной стороны, хорошо,

[*] См. настоящий том, стр. 199. *Ред.*
[**] — Фридриха Энгельса-старшего, отца Энгельса. *Ред.*
[***] *К. Маркс и Ф.* Энгельс. «Обращение Центрального комитета к Союзу коммунистов. Март 1850». *Ред.*

что этот документ опубликован — в противовес более или менее абсурдному по форме и мало отрадному по содержанию документу Бюргерса[283]. С другой стороны, отдельные места этого документа ухудшают положение арестованных.

Как я узнал через Луи Шульца из Кёльна, Бюргерс пишет из Дрездена очень печальные письма. Напротив, в Кёльне все рассчитывают на освобождение Даниельса, против которого нет никаких улик и за которого в священном городе поднят всеобщий вой «нытиками»[284]. Они считают его, конечно, неспособным на подобного рода «глупости».

Микель написал из Гёттингена. У него дома был ряд обысков. Ничего не нашли. Он не арестован. Из Гёттингена выехали в Берлин и т. д. пять новых эмиссаров-джентльменов. Преследования евреев повышают, конечно, усердие и интерес.

Самым забавным является то, что вздорная аугсбургская «Allgemeine Zeitung» превращает составленный нами документ в детище господ Мадзини — Руге, снова бьет себя по этому поводу в грудь и не может иначе выразить свое собственное умопомрачение, вызванное этим ужасающим документом, как вопя на разные лады; Безумие! Безумие! Безумие!

«Trier'sche Zeitung» — то есть Карл Грюн — разумеется, преисполнилась важности и доказала на основании первого документа материальную, а на основании второго — «духовную» немощь партии. Нет, конечно, недостатка в выражениях в духе «Друзей света»[285] и в наиболее далеко идущих «анархических» фразах. Они, мол, хотят все делать сверху! Полицейское государство! Инакомыслящих они прямо собираются подвергнуть отлучению и исключению! Боже мой! В конце концов, это переходит все границы.

А теперь — о здешних бурях, которые обычно разыгрываются в стакане воды.

Во-первых. Папаша Виллих дал тягу из казармы — закрытие которой было уже, кажется, решенным делом — и основательно поссорился с большей частью своей лейб-гвардии.

Во-вторых. Великий Фиклер изволил прибыть сюда. За несколько дней до приезда в Англию Лупус* был с ним вместе в Страсбурге. Либкнехт находится с ним с давних времен в близких отношениях. Таким образом, оба отправились к нему 5 июля. Фиклер очень дружески болтал, говорил о необходимости примирения партий и т. д. Тут подошел и великий А. Гёгг. Он назвал Виллиха «пустым фантазером», а Шаппера «отвратительным субъектом»; послушав несколько раз на

* — Вильгельм Вольф. *Ред.*

Уиндмилл-стрит крикливые речи этого молодчика, он-де расстался с ними и не ходит больше в это заведение. И Фиклер и Гёгг особенно сильно обрушились на великого Кинкеля, который играет здесь теперь роль удачливого выскочки и этим навлек на себя гнев других великих мужей. На Руге, напротив, они смотрят как на своего рода светило.

Фиклер справился о моем адресе, а Лупус и Либкнехт ушли, обманутые этими стремящимися к «единству» филистерами.

Несколько дней спустя Фрейлигграт прислал мне следующее полученное им письмо:

«4, Brunswickplace, North Brighton,
4 июля 1851 г.

Дорогой Фрейлигграт!

Мы проектируем создание своего рода клуба или общества, которое должно устранить кружковщину и не исключать из своей среды никого из революционной социал-демократической партии, кроме тех, кто желает держаться в стороне или кто своим характером и предшествующим поведением сделал невозможным какое бы то ни было с ним общение.

Этим делом занялись Фиклер, Гёгг, Зигель, Ронге, Руге, а я взялся известить тебя и пригласить тебя, — если, как я надеюсь, ты этим заинтересуешься, — принять участие в созываемом с этой целью собрании 14 июля (в понедельник через неделю) в 11 часов утра на квартире *Фиклера,* 26 Yorkbuildings, составляющей часть Ньюрод на нижнем конце Бекер-стрит. Мы пригласили около 24 человек, которые нам известны как заслуживающие доверия и оставшиеся верными. Других мы в данный момент не нашли.

Я охотно поговорил бы с тобой. Если наш проект увенчается успехом, то наша беседа, во всяком случае, сможет немедленно состояться. Если ты и не остаешься в Лондоне, то все же приходи туда.

Привет. Жму руку.

Твой ***А. Руге»***

Что ты скажешь об этом?

Фрейлигграт совершил большую ошибку, отослав свой ответ только вчера, 12 июля, так что Руге не получит его до своего отъезда из Брайтона в Лондон. Вообще Ф[рейлигграт] отнесся к этому делу как-то слишком пассивно. Но, в конце концов, у каждого своя манера действовать. Лупус, которому я сообщил содержание этого письма, немедленно написал Фиклеру;

«10 июля 1851 г.

Гражданин Фиклер!

5-го текущего месяца я вместе с Либкнехтом был у Вас с визитом. Судя по тому, что Вы тогда нам говорили, я никоим образом не мог заключить, что уже за день до этого Фрейлигграту было послано следующее письмо. (Следует вышеприведенное письмо.)

Если бы 5-го числа текущего месяца у меня могло быть малейшее подозрение, что Вы находитесь в таких отношениях с А. Руге, этим

дурацким бесстыдным негодяем, я бы, конечно, не перешагнул Вашего порога.

Но так как Вы, как я убедился из вышеприведенного письма, идете вместе с человеком, *«который своим характером и предшествующим поведением»* (например, его трусливым бегством из Берлина и т. д.) *«сделал невозможным»* для всякой истинно революционной партии «какое бы то ни было с *ним общение»* и который уже подвергся бойкоту со стороны всей коммунистической партии в Германии, то этими строками я хочу констатировать, что с людьми, столь интимно вращающимися в сфере индивидуумов, подобных Руге, я не желаю и не могу иметь ничего общего.

В. Вольф

3, Broadstreet, Golden Square.

P. S. Вы можете из этих строк сделать любое употребление. Я, со своей стороны, доведу их до сведения своих партийных товарищей.

Тот же.»

На это Лупус получил следующий ответ:

«Лондон, 11 июля 1851 г.

Дорогой гражданин Вольф!

Моя способность предвидения на самом деле настолько слаба, что я был весьма далек от того, чтобы опасаться возможности потери Вашей благосклонности и Вашего знакомства из-за поддерживаемого мной общения с «негодяем» Руге. Да я и не знал, что в этой области состою уже под опекой какой-то партийной секции и под полицейской властью мужей будущего. Этой своей тупости, равно как и приобретенному мной в продолжение двадцатилетней политической деятельности убеждению, что нет ни *одной* политической партии, которая могла бы обойтись без того, чтобы не работать вместе с негодяями, обязан я своим решением протягивать свою руку всякому способному человеку, который хочет идти вместе со мной по революционному пути, все равно, пойдет ли он только до половины пути к намеченной мною цели, или он будет меня сопровождать до конца и пойдет еще дальше.

Политические и религиозные проскрипции являются анахронизмом даже тогда, когда они исходят от императора и папы; но уже совсем смешными они являются тогда, когда их провозглашают маленькие короли и папы партии, которая, как открыто заявлялось, находится в состоянии такого разброда, как ваша, и которая ныне в своей собственной среде превращает в «негодяев» тех, которым она еще вчера воздавала почти божеские почести!

На своем жизненном пути я встречал несравненно больше «негодяев», чем честных людей, и был гораздо реже обманут первыми, чем вторыми. Поэтому я не теряю времени на различение этих сортов и обращаю главным образом внимание на способности людей, которые бывают нужны при самых различных обстоятельствах.

Если после этого Вы вместе с Марксом и Либкнехтом — я прошу Вас передать им об этом — пожелаете принять участие в упомянутом «собрании», то я приглашаю Вас прийти, оговариваясь при этом, что речь идет лишь о предварительном совещании и что вообще самая главная неприятность для Вас, как и для половины собравшихся, будет, вероятно, заключаться в том, что не будет хватать сидений для наименее благород-

ных частей тела, но это существенно будет способствовать ускорению совещания.

С дружеским приветом

Ваш ***Фиклер*** и т. д.»

Самым комичным во всей этой истории являются и остаются бесконечные усилия Руге и его клики навязать себя публике при помощи все новых комбинаций. Если дело не идет, как ABCDEF, то оно определенно пойдет как FEDCBA. Вычисли-ка, сколько вариаций и перестановок этого рода еще возможно. Существовала ли когда-либо более бессильная и комично претенциозная клика ослов?

Твой ***К. М.***

Кстати, 5 фунтов получил. Они явились подобно deus ex machina*, так как обстоятельства — «отвратительны», и трудно сказать, как из них можно выпутаться.

Пиши *прямо* Клозе (6, Upper Ruppertstreet, близ Princesstreet, Soho), так как в противном случае этот дурак решит, что его письмо — ты помнишь о 10 фунтах? — не дошло до тебя.

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

100

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

В МАНЧЕСТЕР

[Лондон, около 17 июля 1851 **г.**]

28, Deanstreet, Soho

Дорогой Энгельс!

Будь столь добр и сдай немедленно на почте в Манчестере прилагаемое письмо к Шульцу.

Ты получишь при сем письмо Фрейлиграта к Руге, которое я прошу вернуть, и письмо Бермбаха ко мне, а также письмо от Микеля.

Некий «Ульмер», сапожник, бежал из Кёльна во время последних обысков. Он дал у «Шертнера» одному штраубингеру письмо для передачи своим родственникам. Этот штраубингер

* — буквально: «богу из машины» (в античном театре актеры, изображавшие богов, появлялись на сцене с помощью особых механизмов); в переносном смысле — неожиданно появляющееся лицо или обстоятельство, которое спасает положение. *Ред.*

был тотчас же задержан с этим письмом на голландской границе. Скомпрометированы этим только те люди, которые его освободили. Так хорошо организована полиция в шертнеровском заведении.

Вейдемейер перебрался через границу. Мы ждем его здесь.

Жалкие Гейнцен — Руге утверждают, что получают письма якобы из Германии — со всякими вздорными сплетнями о кёльнских событиях. Лживость содержания показывает, что они сами являются своими собственными корреспондентами.

Жду от тебя письма.

Твой ***К. М.***

P. S. Мне сейчас пришло в голову, что лучше будет, если ты сам отошлешь письмо Бермбаху; напиши на конверте: Луи Шульцу, 2, Schildergasse, Koln. А внутрь вложи закрытое письмо к Бермбаху. Запечатай его, разумеется, так, чтобы не было видно внутреннего адреса, и придай письму вид коммерческого.

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx», Bd. I. Stuttgart. 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

101

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

В ЛОНДОН

Манчестер, 17 июля 1851 г.

Дорогой Маркс!

Клозе сегодня же будет написано — хорошо, что ты приложил его адрес, так как у меня его не было. Я охотно верю, что ты здорово стеснен, и это тем досаднее, что до начала будущего месяца я не могу больше располагать ни одним сантимом. Если ты не можешь ждать до того времени, нельзя ли было бы устроить, чтобы Веерт раздобыл для тебя что-нибудь до той поры? Я могу отдать 1 августа 5 фунтов и 1 сентября еще 5 фунтов, и это — вполне верные деньги.

Подписка на газеты здесь опять упорядочена, и я, наконец, увидел в «Kolnische Zeitung» наш старый документ*. Между

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. «Обращение Центрального комитета к Союзу коммунистов. Март 1850». *Ред.*

прочим, «Аугсбургская газета»* в корреспонденции из Дрездена, автор которой, по-видимому, довольно хорошо информирован, сообщает, что, в конце концов, при помощи каверзных допросов удалось сломить Нотъюнга, и он сделал самые исчерпывающие признания[286]. Я считаю, во всяком случае, весьма возможным, что ловкие следователи загнали его в тупик и запутали в самых нелепых противоречиях. Туда будто бы отправился прусский чиновник, чтобы выжать из него еще больше. Ганноверский король** якобы отказался начать преследование в своих владениях, по крайней мере в той грубой форме, в какой это имеет место в Пруссии, Гамбурге и т. д. Письмо Микеля как будто бы это подтверждает. Что Мартенс арестован в Гамбурге, ты знаешь. Глупость пруссаков ни в чем, впрочем, не обнаружилась так ярко, как в обыске у «Карла на Рейне», которого также заподозрили в принадлежности к коммунистическому союзу и у которого нашли лишь письма от Раво!

Старый документ может повредить арестованным лишь благодаря одному месту об «эксцессах»[287]; все остальные места направлены против демократов и лишь в том случае ухудшили бы их положение, если бы они предстали перед полудемократическим судом присяжных; но, по-видимому, их будет судить особый чрезвычайный или союзный суд присяжных, если им вообще придется предстать перед таковым. Но и эти вещи имелись уже в захваченном с самого начала бюргерсовском документе[288], большей частью во вновь переработанном виде. С другой стороны, для нас чрезвычайно выгодно, что этот документ опубликован и появился во всех газетах. Для отдельных, действующих втихомолку кружков, вступающих на путь коммунизма, о которых мы ничего не знаем, но которые, судя по прошлому опыту, имеются во всех частях Германии, он послужит великолепной опорой; ведь даже по статье в «Аугсбургской газете» видно, что эта вещь произвела на нее совсем иное впечатление, чем первые открытия. По тому, как она изложила содержание, видно, что она слишком хорошо поняла это «безумие» — да и как было его не понять.

К тому же феодальная реакция с такой слепой яростью идет напролом, что вся эта ложная тревога не производит на буржуазию ни малейшего впечатления. Потешно видеть, как «Kolnische Zeitung» проповедует теперь ежедневно, что «надо пройти через красное море», и признает все ошибки конституционалистов 1848 года. Да и на самом деле, если оберпрезидентом Кобленца назначается Клейст-Ретцов и если

* — «Allgemeine Zeitung». *Ред.*
** — Эрнст-Август. *Ред.*

бесстыдная «Kreuz-Zeitung» становится все наглее в своих плоских шутках и виршах, то что же остается делать образованной и степенной конституционной оппозиции! Жаль, что мы не получаем здесь «Kreuz-Zeitung». Мне попадались разные выдержки из нее. Нельзя даже представить себе, в каком вульгарно-нахальном вонюче-тупо-прусском тоне эта газетенка нападает теперь на приличные, богатые и респектабельные конституционные «величины». Если бы у таких господ, как Беккерат и компания, было хоть немножечко чувства собственного достоинства и способности к сопротивлению, они должны были бы предпочесть оскорбления и брань какого-нибудь простонародно-рейнского «Pere Duchesne» и весь красный террор тому обращению, которому они теперь ежедневно подвергаются со стороны юнкеров и «Kreuz-Zeitung».

И молвил далее осел:
Вот общинный советник фон Везель.
И если бы не был я ослом,
Я хотел бы быть советником фон Везель.

Такими остроумными стихами «Kreuz-Zeitung» теперь оплевала по очереди всех конституционалистских корифеев, а эти молодцы спокойно это терпят. Но так и надо этим собакам — ведь лучшие статьи «Neue Rheinische Zeitung» они нагло называли «подлой руганью»; пусть же они на своей собственной трусливой шкуре почувствуют различие в обращении. Они еще будут с тоской вспоминать бесконечно тонкие насмешки «Neue Rheinische Zeitung».

История с Виллихом* является утешением в мрачные минуты. Итак, «самый популярный человек» уже достиг вершин своей популярности и может, как непризнанный спаситель человечества, разочарованный неблагодарностью всего мира, искать утешения в кружке пива и дружбе Шаппера. Я могу себе представить его огорчение, так как теперь уничтожена армия будущего, «ядро», вокруг которого должна была собраться вся Европа. Где этот благородный человек найдет новых «людей принципа»!

История с Фиклером** мне не совсем понятна. Почему Лупус*** тотчас же побежал к Фиклеру, а не поручил сперва Либкнехту позондировать почву, — ведь последний скомпрометировал бы лишь самого себя? Это выглядит так, будто Фиклера хотели заполучить. И затем, раз Лупус там уже был, его письмо было слишком грубым. Одно из двух: или на Фиклера

* См. настоящий том, стр. 250. *Ред.*
** См. настоящий том, стр. 250—253. *Ред.*
*** — Вильгельм Вольф. *Ред.*

вообще не стоило тратить труда, или, после того как во время самой беседы Руге был представлен Фиклером и Гёггом как своего рода светило, достаточно было просто порвать с ним, не прибегая непременно к такому полному и грубому разрыву. Что это была подлость со стороны Фиклера, это ясно. Но разве не следовало уже наперед ожидать чего-либо подобного со стороны южногерманского филистера? Ведь он и не скрывал, что с почтением относится к Руге. Назойливость Руге в самом деле не имеет границ. Но как раз эти вечно новые вариации являются достаточным доказательством, что ни одна из них не имеет даже минимального успеха и что «германский комитет», которому Мадзини пишет свои «послания к римлянам», все еще существует лишь в голове Руге[289].

Позаботься о том, чтобы Веерт сюда приехал, и напиши скорей.

Твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd, I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

102
ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ
В ЛОНДОН

[Манчестер, около 20 июля 1851 г.]

Дорогой Маркс!

Возвращаю документы. Письмо Микеля мне понравилось. По крайней мере, это парень с головой; он стал бы, вероятно, совсем дельным, если бы побыл некоторое время за границей. Его опасения, что наш опубликованный теперь документ* произведет неблагоприятное впечатление на демократов, совершенно справедливы, поскольку дело идет о его краях. Эта нижнесаксонская самобытная среднекрестьянская демократия, у которой «Kolnische Zeitung» еще недавно лизала зад, предлагая ей союз, лишь этого и заслуживает и стоит гораздо ниже мещанской демократии сравнительно крупных городов, которая ведь верховодит ею. А эта типичная мелкобуржуазная демократия, хотя, по-видимому, и сильно оскорбленная нашим документом, сама слишком ущемлена и придавлена, так что она тем более готова признать вместе с крупной буржуазией

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. «Обращение Центрального комитета к Союзу коммунистов. Март 1850». *Ред.*

необходимость «пройти через красное море». Эта публика все больше и больше будет примиряться с необходимостью кратковременного террористического господства пролетариата, уверив себя, что долго оно продолжаться не сможет, потому что положительное содержание документа настолько, мол, нелепо, что о постоянном господстве подобных людей и об окончательном осуществлении подобных принципов не может быть и речи! Наоборот, ганноверский крупный и средний крестьянин, ничего не имеющий, кроме своего участка земли, чей дом, усадьба и амбары подвергаются всевозможным опасностям ввиду вероятного банкротства всех страховых обществ, отведавший, к тому же, со времени Эрнста-Августа всю сладость законного сопротивления, — этот немецкий sturdy yeoman* трижды подумает, прежде чем решится вступить в красное море.

Судя по письму Б[ермбаха], предателем является Хаупт; не могу этому поверить. Во всяком случае, эту историю надо расследовать. Подозрительно, правда, что Х[ау]пт, насколько мне известно, все еще на свободе. О поездке в Гамбург из Кёльна или Гёттингена нечего и думать. Трудно сказать, найдем ли мы когда-нибудь какие-либо указания по этому поводу в судебных документах или протоколах. Если этот человек изменник, то этого не следует забывать, и при первом удобном случае он должен быть примерно наказан.

Я надеюсь, что Даниельса скоро выпустят. Ведь это единственная политическая фигура в Кёльне. Он, наверное, сумел бы, несмотря на полицейскую слежку, продолжать вести дело как следует.

Возвращаюсь снова к вопросу о действии нашего документа на демократов. М[икелю] следовало бы помнить, что мы непрестанно и систематически преследовали этих господ, нападая на них во всех документах, которые в той или иной мере являлись партийными манифестами. Почему же вдруг такой шум по поводу программы, которая в весьма спокойной форме, а, главное, совершенно не затрагивая личностей, только резюмирует то, что уже давно было напечатано? Может быть, наши ученики на континенте отреклись от нас, может быть, они вступили в более тесные сношения с демократами, чем это допустимо с точки зрения партийной политики и партийной чести? Если революционная трескотня демократов объясняется именно отсутствием серьезных разногласий, то спрашивается, кто же виноват в этом отсутствии разногласий? Во всяком

* — крепкий йомен. *Ред.*

случае не мы, а скорее всего немецкие коммунисты в самой Германии. В этом-то, кажется, и заключается вся суть дела. Всякий сколько-нибудь понимающий демократ должен был наперед знать, чего ему ждать от нашей партии; этот документ не мог дать ему ничего особенно нового. Если они заключили временный союз с коммунистами, то они были полностью осведомлены об условиях и продолжительности этого союза. Только ганноверские средние крестьяне и адвокаты могли вдруг поверить, что коммунисты с 1850 г. отреклись от принципов и политики «Neue Rheinische Zeitung». Вальдеку и Якоби ничего подобного, наверное, и не снилось. Во всяком случае такого рода публикации не вызовут никаких продолжительных изменений ни в «природе вещей», ни в «понятии отношения», выражаясь языком Штирнера[290]. Демократическая трескотня и тайная агитация скоро снова будут процветать, и демократы пойдут рука об руку с коммунистами. А что эти господа на другой день после революции будут нам делать всякие пакости, — это мы знаем давно, и этого никакой дипломатией не предотвратишь.

Зато меня очень обрадовало, что, как я и предвидел, повсюду на основе «Манифеста»* возникают небольшие коммунистические группы. Это как раз то, чего нам не хватало при слабости существовавшего до сих пор генерального штаба. Когда условия для этого созреют, солдаты найдутся сами собой, но очень приятна перспектива иметь такой генеральный штаб, который не состоит из штраубингеров и допускает возможность более свободного выбора, чем теперь, когда в нем всего 25 человек, имеющих хоть какое-нибудь образование. Хорошо бы рекомендовать вести повсюду пропаганду среди конторских служащих. На случай, если бы пришлось организовать управление, без подобного рода людей не обойтись. Они привыкли к усидчивой работе и к толковому ведению книг. Коммерция — единственная практическая школа для хороших канцеляристов. Наши юристы и т. п. для этого не годятся. Конторщики для ведения книг и отчетности, талантливые образованные люди для составления депеш, писем, документов — вот что нам надо. С шестью конторщиками я берусь организовать любую отрасль управления в тысячу раз проще, толковее и практичнее, чем с шестьюдесятью высокопоставленными чиновниками и камералистами. Последние не умеют даже разборчиво писать и так испакостят книги, что сам черт в них не разберется. Ввиду того, что обстоятельства все более и более вынуждают нас готовиться

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. «Манифест Коммунистической партии». *Ред.*

к такой возможности, дело это не лишено значения. Кроме того, эти конторские служащие привыкли к усидчивой механической работе, менее прихотливы, их легче отучить от безделья, а в случае непригодности легче устранить.

Письмо в Кёльн уже отправлено — ему придан подходящий вид. Если и оно не дойдет, то не знаю, как быть. А вообще адрес Шульца не очень хорош — бывший соиздатель!

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

103

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

В ЛОНДОН

[Манчестер], 30 июля 1851 г.

Дорогой Маркс!

Меня удивляет, что в продолжение двух недель я ничего от тебя не получаю.

Наши предположения в последнем «Обзоре», что океанское пароходство чрезвычайно расширяется, уже оправдались[291]. Помимо ряда отдельных малых линий, теперь существуют уже две новые очень важные большие линии: 1) винтовые пароходы из Ливерпуля в Филадельфию: каждые две недели отправляются четыре парохода; 2) пароходы между Ливерпулем, Рио-де-Жанейро и Вальпараисо и т. д.: каждые семь недель отправляются четыре парохода. Через один-два месяца сюда еще присоединятся регулярные рейсы в Калифорнию с пересечением суши: Нью-Йорк, Сан-Хуан, оттуда пароходом к озеру Никарагуа, сушей в Леон, оттуда прямо в Сан-Франциско. Эти рейсы сократят продолжительность поездки в Калифорнию, по крайней мере, на неделю.

В будущем месяце начнет курсировать поезд между Лондоном и Абердином: 550 английских миль, или 8 градусов широты в один день.

Из Лидса в Лондон и обратно можно съездить теперь за 5 шилл. по одной железной дороге и за 4 шилл. 6 пенсов — по другой. В будущую субботу предполагается и у нас понизить проездную плату. Если она станет столь же низкой, я, по меньшей мере, каждые две недели буду ездить в Лондон.

Если в ближайшие шесть недель не случится ничего особенного, то урожай хлопка в этом году составит 3000000 кип

или от 1200 до 1350 миллионов фунтов. Никогда еще не было такого урожая. А к этому еще присоединяются симптомы сокращения дел: Ост-Индия завалена товарами и вопит о приостановке ввоза хлопчатобумажных тканей; здешний рынок пряжи и тканей все еще в состоянии расстройства из-за колебания цен на хлопок. Если крах на рынке совпадет с таким колоссальным урожаем, то будет весело. Петер Эрмен уже теперь наделал в штаны при одной мысли об этом, а эта маленькая зеленая лягушка достаточно хороший барометр. Вот тебе на сей раз промышленное попурри.

Твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart. 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

104
МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ [292]
В МАНЧЕСТЕР

[Лондон], 31 июля 1851 г.
28, Soho, Deanstreet

Дорогой Энгельс!

Только что получил твое письмо, которое открывает очень приятные перспективы торгового кризиса.

Я почти две недели ничего не писал, ибо в то время, когда я не бывал в библиотеке, меня травили, как собаку, и я, несмотря на самые лучшие намерения, никак не мог собраться написать.

После того как Бамбергеры, отец и сын, с недели на неделю, — а прежде из месяца в месяц, — все тянули со своим обещанием учесть мне вексель; после того как я, наконец, ради этого в прошлый понедельник был приглашен в еврейскую лавочку и уже принес с собой гербовую бумагу, молодой Бамбергер заявляет мне, что старик, который тут же присутствовал, не может и т. д., и т. д.

Ужасно жаль, что я не мог побить этих двух евреев за подлую проволочку, за трату времени, за то, что они поставили меня в ложное положение по отношению к другим лицам.

Впрочем, если не *фактически,* то *в принципе* я обязан г-ну Конраду Шрамму тем, что меня в самом деле a la Санчо надували сначала в течение месяцев, а затем опять в течение последних шести недель.

Ты знаешь, что этот субъект 4—5 недель тому назад уехал в Париж. Как и всегда, когда имеешь дело с нашими благородными друзьями, я узнал только теперь от них, — например, от этого олуха Хайна, — то, что они давно уже знали об этом негодяе. Но я запрещаю им сейчас «поднимать крик», так как это может только повредить, а уже не поможет. Итак, я не знаю, писал ли я тебе уже об этом — однажды вечером я узнал от г-на Шрамма, что он хочет уехать через двое суток. Я поэтому решил принять необходимые меры в отношении бумаг Союза* и других документов, которые все еще находились у г-на Конрада. В этот же вечер я узнаю от Либкнехта, что г-н Конрад не хочет выдать эти бумаги, а передал их в запечатанном виде г-ну Луи Бамбергеру. Но вот что потребовало еще более быстрых действий: когда я на *следующий* день вернулся из Музея**, оказалось, что этот подлец уезжает не через двое суток, а уже через сутки, а именно в 2 часа ночи текущего дня. Благородный Конрад просил меня о личном свидании в этот вечер, но я расстроил его план, взяв с собой Лупуса***, Либкнехта, Пипера. Как только мы уселись в уединенной пивной, я потребовал от г-на Конрада объяснений по поводу его махинаций с бумагами и т. д. Как обычно, когда он делал ложный шаг, этот субъект пришел в бешенство, заявил, что не хочет выдать этих бумаг, так как они *ему* нужны для его оправдания, и болтал еще разные глупости. Он так же-де представляет Союз, как я и ты, и он так же может совершать акты для его спасения. Он даже не знает, являюсь ли я руководителем лондонского округа. Затем последовала штирнериана о том, что он — единственный в партии[293]. Другие, в особенности Лупус, вскипели; он угрожает уйти, кричит, бушует, словом, — проделывает все, как полагается. Я прекратил этот шум; а так как я знаю, как надо обращаться с этим субъектом, и так как весь этот скандал не мог принести пользы, а бумаги надо было получить, и именно сейчас, то я угрозами и просьбами заставил г-на Конрада дать мне записку к Бамбергеру, в которой он поручает ему передать мне запечатанный пакет.

И на следующий день я его получил. Там было все. Между прочим также наше с тобой заявление против А. Руге****, которое благородный Конрад не послал, значит, в «Staatszeitung», — вероятно потому, что, наговорив столько вранья своему брату*****, он боялся всякого публичного разъяснения.

---

* — Союза коммунистов. *Ред.*

** — библиотеки Британского музея. *Ред.*

*** — Вильгельма Вольфа. *Ред.*

**** *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. «Заявление против А. Руге». *Ред.*

***** — Рудольфу Шрамму. *Ред.*

Этот негодяй вместе с тем предостерегал Бамбергеров против меня — он думал этим поправить свои дела; он сказал им, что я исчерпал уже свой последний кредит, чтобы заплатить по последним векселям и т. д., и т. д. Вообще он самым подлым образом интриговал и врал против нас и т. д.

Теперь, когда это уже совершившийся факт, не нужно, следуя желаниям здешних олухов и идя по их стопам, поднимать шума и по-мещански возмущаться, а надо дать возможность этому подлецу продолжать верить в его связь с нами до тех пор, пока мы в подходящий момент не будем в состоянии устранить его тем или иным способом. В данный момент этот субъект мог бы стать чрезвычайно опасным для наших немецких товарищей, если бы кто-нибудь выступил против него с угрозой разоблачить все его подлости.

Впрочем, ты и без дальнейших уверений поверишь мне, что я чертовски устал от этого моего положения. Я написал в Америку, нельзя ли вместе с Лупусом посылать отсюда корреспонденции для пары дюжин газет, так как дальше так жить невозможно.

Что касается переговоров с Эбнером во Франкфурте, то он пишет мне, что Котта, вероятно, возьмет мою политическую экономию, — ее план я ему послал, — а если нет, то он раздобудет какого-нибудь другого издателя. Я давно закончил бы работу в библиотеке. Но перерывы и препятствия слишком велики, а дома, где все находится на осадном положении и меня целыми ночами терзают и приводят в бешенство потоками слез, я, конечно, немного могу сделать. Мне жаль мою жену. На нее падает главное бремя, и в сущности она права. Нужно, чтобы промысел был более производителен, чем брак. Но несмотря на все это, ты ведь знаешь, что я по натуре своей очень мало терпелив и даже немного суров, так что время от времени я теряю душевное равновесие.

Юлиуса похоронили приблизительно неделю тому назад. Я был на похоронах. Благородный Кинкель произнес над могилой жалкую речь. Юлиус был единственным в среде эмиграции, который учился и все более и более переходил от идеализма на нашу позицию.

Благородный Дулон здесь.

Гейнцен и Руге продолжают шуметь в нью-йоркской «Schnellpost» против коммунистов и специально против нас. Но делается это так бесконечно глупо, что на это невозможно иначе ответить, как составлением в подходящий момент коллекции наиболее комичных мест из стряпни Руге, чтоб показать немцам, кто теперь, помимо их воли, ими управляет.

Быть может, ты читал последнее сочинение Прудона?[294] Вейдемейер написал мне из Цюриха. Карстенс* сидит в Майнце. Он сделал неудачную попытку побега.

Vale faveque**.

Твой ***К. М.***

Было бы очень хорошо, если бы ты, желательно за своей подписью, написал статью для Джонса. Он идет вперед в своем органе, он учится. Это не какой-нибудь Гарни. Журнал «Notes to the People» растет, между тем как «Friend of the People» погибает.

Впервые полностью опубликовано на языке оригинала в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 1,1929 и на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXI, 1929 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

105

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ [295]

В ЛОНДОН

[Манчестер, около 1 августа 1851 г.]

Дорогой Маркс!

При сем — вторая половина пятифунтового билета.

Я не знал, что Шр[амм] уехал в Париж. Ты ничего мне об этом не писал. Поэтому я с величайшим удивлением прочитал в «Kolnische Zeitung», что он утонул; к сожалению, это, вероятно, окажется неправдой. Этот негодяй очень опасен — мы его слишком приблизили, а ведь он подлый человек, насквозь подлый. Но ты, впрочем, прав: крик и шумиха ничему не помогут, надо предоставить этому типу спокойно идти своей дорогой до тех пор, пока мы не будем иметь власти над ним. Как я сказал, было бы очень хорошо, если бы он действительно утонул в Ла-Манше, но, вероятно, он сам распространил этот слух — это тоже способ заставить о себе говорить.

Итак, Вейдемейер хочет поехать в Америку и постарается заполучить в свои руки нью-йоркскую «Arbeiterzeitung», которая сейчас находится в распоряжении Феннера фон Феннеберга. Если он сумеет устроиться в Нью-Йорке, то он там во

* — Лесснер. *Ред.*

** — Будь здоров и ко мне благосклонен. *Ред.*

всяком случае будет полезнее для нас, чем в Лондоне, где только прибавилось бы хлопот. Нам как раз не хватает в Нью-Йорке такого солидного парня, как он, и, в конце концов, Нью-Йорк тоже не находится на том свете, а относительно В[ейдемейера] можно быть уверенным, что он в случае необходимости явится тотчас же.

Проект относительно литографированных бюллетеней* очень хорош. Но вы должны были бы все это хранить в полной тайне; раз будет подана такая мысль, то маленький Бамбергер и другие постараются вас тотчас же опередить. На твоем месте я бы сейчас же после первых приготовлений поместил объявление в немецко-американских газетах и подписался бы даже сам в качестве директора для того, чтобы обеспечить успех дела. Если ты будешь ответственным за это дело и если ты думаешь, что упоминание моего имени в качестве сотрудника могло бы принести какую-нибудь пользу, то ты, конечно, можешь меня назвать. Но если ты хочешь, чтобы твое имя не фигурировало в этой истории, для чего я не вижу решительно никакого основания, так как в конце концов почему бы и тебе не иметь права основать промышленную фирму и продолжать в литографированном виде «Neue Rheinische Zeitung», — тогда эту фирму должен организовать Лупус**. Вейд[емейер] мог бы вам быть в этом отношении чрезвычайно полезным в Нью-Йорке, особенно при изыскании денежных средств, что является главным. Я убежден, что это дело будет иметь большой успех и что многочисленные американские корреспонденты в Лондоне и т. д. это сейчас же почувствуют.

Если ты себя назовешь директором, то не подлежит сомнению, что дело пойдет лучше, а именно сразу же будет иметь успех. Если же ты возложишь это на Лупуса, то отпадет моральная ответственность и можно будет предоставить полный простор и свободу его силезским грозным обличениям a la Лютер[296], а это очень хорошо подойдет для американских немцев, лучше, чем твой стиль, над которым им придется думать[297]. Во всяком случае, ты должен взять себе за правило писать как можно хуже и нескладнее, так как иначе ты скоро лишишься благосклонности этой публики.

Что это за новое сочинение Прудона, о котором ты пишешь?***

Я напишу для Джонса статью за своей подписью; я хотел бы только, чтобы Джонс выслал мне возможно более полный

---

* Ср. настоящий том, стр. 486. *Ред.*

** — Вильгельм Вольф. *Ред.*

*** *П. Ж. Прудон.* «Общая идея революции в XIX веке». *Ред.*

комплект своих «Notes»*, так как здесь этого журнала нельзя достать. Каков его адрес? Я забыл.

Из Америки также приходят дурные вести о состоянии торговли хлопчатобумажными товарами. Рынки переполнены, и сами янки производят слишком много для теперешнего состояния рынка.

Напиши мне поскорей опять. Я здесь смертельно скучаю.

Твой ***Ф. Э.***

N. B. Храни свои бумаги в надежном месте вне дома; с некоторого времени за мной здесь усиленно следят, и я не могу и шагу ступить без того, чтобы два или три шпика не следовали за мной по пятам. Г-н Бунзен не упустит случая представить английскому правительству новые и важные объяснения об опасности нашего пребывания здесь.

Впервые полностью опубликовано на языке оригинала в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 1, 19 29 и на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXI. 1929 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

106

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

В МАНЧЕСТЕР

[Лондон], 8 августа 1851 г.
28, Deanstreet, Soho

Дорогой Энгельс!

Ты извинишь меня, что я не написал тебе раньше и не известил тебя одновременно о получении 5 фунтов. Гнет внешних обстоятельств был на этой неделе настолько силен, что я не мог взяться за письмо. От опасности быть выброшенным из квартиры я пока что застраховал себя тем, что выдал вексель домохозяину.

Вместе с этим письмом я посылаю тебе номер «Schnellpost», из которого ты узнаешь о низких и глупых интригах и сплетнях клеветников Руге и К°. По прочтении пришли мне эту дрянь обратно. Чтобы объяснить тебе одно из этих писем, — принадлежащее несомненно Фиклеру, — из которого этот хам

* — «Notes to the People». *Ред.*

Гейнцен дает выдержки, скажу вкратце следующее: уже в течение 2—3 недель эти ослы — эмиграция — устраивают собрания, meetings, чтобы «столковаться», конституироваться до полной «дюжины» и «организоваться» в качестве великих мужей будущего. Сегодня происходило их решающее заседание; я узнаю результат и сообщу тебе. Но семена раздора дали уже такие обильные плоды, что г-н Зигель сообщил мне через Шабелица, который приехал сюда на выставку, что он собирается меня посетить.

«New-York Tribune» пригласила меня и Фрейлиграта в платные сотрудники[298]. Это самая распространенная газета в Северной Америке. Если бы ты смог доставить мне до *пятницы утром* (15 августа) написанную по-английски статью о *немецких* делах, это было бы великолепным началом.

О Шрамме мы знаем, что он состоит в постоянной переписке со своим братом[*]. Он писал Бамбергеру, чтобы тот не сообщал нам его адреса. Ежедневно приходят новые сообщения о его недостойном поведении здесь.

Красный Вольф[**] опять стал «ирландцем».

А теперь перейдем к «Общей идее революции в XIX веко» П. Ж. Прудона. Когда я в первый раз писал тебе об этой книге, я читал лишь извлечения из нее — да часто еще искаженные. Теперь я могу тебе послать σκελετον[***], предварительные замечания. Хороши в этой книге выпады против Руссо, Робеспьера, «Горы» и т. д. Сила истинного развития, говоря словами бессмертного Руге, развивается следующим образом:

I этюд. Лишь реакция привела к развитию революции.

II этюд. Существуют ли достаточные основания для революции в XIX веке?

Революция 1789 г. свергла старый режим, но она забыла создать новое общество или сделать общество новым. Она думала только о политике, вместо того чтобы думать о политической экономии. В настоящее время господствует «анархия экономических сил», отсюда «тенденция общества к нищете». Это проявляется в разделении труда, в машинах, в конкуренции, в системе кредита. Рост пауперизма и преступности. Далее: *Государство* (l'etat) все больше и больше росло; оно наделялось всеми атрибутами абсолюта; его самостоятельность и мощь все более возрастали. Рост государственного долга. Государство защищает богатство против бедности. Коррупция. Государство подчиняет себе общество. Налицо необходимость

[*] — Рудольфом Шраммом. *Ред.*
[**] — Фердинанд Вольф. *Ред.*
[***] — остов. *Ред.*

новой революции. Задача революции заключается в том, чтобы изменить дурную тенденцию общества, выправить ее. Самого общества не нужно затрагивать. О произвольном преобразовании его не может быть и речи.

III этюд. О принципе ассоциации.

Ассоциация — это догма, а не экономическая сила. В отличие от разделения труда, торговли, обмена и т. д., ассоциация не есть нечто органическое и производительное. Не нужно смешивать ассоциацию с коллективной силой. Коллективная сила — это безличный акт, ассоциация — добровольное обязательство. Ассоциация по своей природе бесплодна, даже вредна, так как она сковывает свободу работника. *Договору товарищества* приписали действенность, присущую лишь разделению труда, обмену, коллективной силе. Когда основывают ассоциации, чтобы осуществить крупные предприятия, то успех объясняется не *принципом* ассоциации, а ее *средствами.* Ассоциации подчиняются лишь тогда, когда она дает достаточное возмещение. Лишь слабому или ленивому участнику производительная ассоциация приносит выгоду. Она является солидарностью и круговой порукой по отношению к третьим лицам. Ассоциация вообще применима лишь при особых условиях, зависящих от ее средств. Ассоциация, образованная специально ради семейных связей и в силу закона самопожертвования, независимо от каких-либо внешних экономических соображений, — ассоциация как самоцель является актом чистой религиозности, сверхъестественным, лишенным положительной ценности союзом, мифом. Не нужно смешивать ассоциацию с теми новыми отношениями, которые должны будут развиваться на основе взаимности [reciprocite] между производителями и потребителями. Ассоциация нивелирует договаривающиеся стороны, подчиняет их свободу социальному обязательству, обезличивает их.

IV этюд. О принципе власти.

Идея гувернаментализма имеет свои корни в семейных нравах и опыте домохозяйства. Демократия — последнее звено в эволюции правительства. Идее правительства противостоит идея договора. Истинно революционным лозунгом является: никакого правительства! *Абсолютная власть* вскоре оказывается вынужденной сама себя отрицать и ограничивать *законами* и *учреждениями.* Законы, являющиеся внешним выражением интересов, так же неисчислимы, как и сами эти интересы. У них тенденция к дурной бесконечности. Закон — это оковы, которые на нас налагаются извне. *Конституционная монархия.* Межеумочная бессмыслица. *Всеобщее избирательное право.*

Пророческая интуиция масс — нелепость. Мне так же мало нужны уполномоченные, как и представители! Выборы, голосование, даже единодушное, ничего не решают. Если судить по всеобщей подаче голосов, Бонапарт — самый подходящий человек, и т. д. *Чистая демократия или прямое народоправство* — эта выдумка Риттингхаузена, Консидерана, Ледрю-Роллена — приводит к невозможному и к абсурду. В этой доведенной до крайности идее государственности проявляется вся ее бессмыслица.

V этюд. Социальная ликвидация.

1) *Национальный банк.* Декретируется ликвидация Французского банка. Он объявляется не государственным банком, отнюдь нет, а «учреждением общественной пользы». Процент будет понижен до $^1/_2$% или $^1/_4$%.

2) *Государственный долг.* Благодаря указанной мере частные капиталы лишаются возможности заниматься учетными операциями; они устремляются на биржу, государство платит лишь $^1/_2$% или $^1/_4$% и тем самым прекращается интерес к процентам*. Вместо процентов государство платит аннуитеты, то есть выплачивает годичными долями данный ему взаймы капитал. Или, иными словами, издается декрет о том, что проценты, которые государство платит кредиторам за долг, зачисляются им как вычет из основного долга, в качестве аннуитетов.

3) *Ипотечные долги. Простые долговые обязательства.* «Проценты по всем долговым документам, ипотечным обязательствам, простым долговым распискам и командитным акциям устанавливаются в размере $^1/_4$% или $^1/_2$%. Выплаты можно требовать лишь в форме аннуитетов. Аннуитеты для всех сумм ниже 2000 франков должны составлять 10%. Для всех сумм свыше 2000 франков — 5%. Для облегчения оплаты долговых обязательств и для выполнения функций бывших заимодавцев одно из отделений Национального учетного банка превращается в Земельный банк; максимум выдаваемых им ежегодно ссуд будет составлять 500 миллионов».

4) *Недвижимая собственность: здания.* Декрет: «Всякий платеж, внесенный за наем помещения, будет *отнесен в счет выкупа собственности,* цена которой устанавливается в размере двадцатикратной квартирной платы. С каждым взносом, уплачиваемым в срок, съемщик приобретает пропорциональную нераздельную долю собственности на дом, в котором он живет, а также на совокупность построек, сдаваемых в наем и служащих жилищем для граждан. Выкупленная таким

* Игра слов: «Interesse» означает «процент», а также «интерес». *Ред.*

образом собственность будет постепенно передаваться в ведение коммунальной администрации, к которой, в силу самого факта выкупа, переходит от имени массы съемщиков право ипотеки и преимущественное право и которая гарантирует всем съемщикам на вечные времена жилище по цене, равной себестоимости здания. Коммуны смогут вступать в соглашение с собственниками относительно немедленной ликвидации и выкупа их собственности на сдаваемые в наем помещения. В этом случае, для того чтобы и современное поколение могло воспользоваться снижением платы за наем помещения, указанные коммуны могут немедленно понизить арендную плату в тех домах, относительно которых уже состоялась сделка, с таким расчетом, чтобы погашение состоялось лишь в течение 30 лет. Для ремонта, управления, сохранения зданий, равно как и для постройки новых зданий, коммуны заключают соглашение с товариществами каменщиков или с ассоциациями строительных рабочих на основе принципов и правил нового общественного договора. Собственники, живущие одни в своих домах, сохраняют право собственности на них до тех пор, пока они сочтут это нужным».

5) *Земельная собственность.* «Всякий взнос арендной платы за пользование недвижимостью доставит фермеру долю собственности на эту недвижимость и будет означать для него ипотеку. Целиком оплаченная земельная собственность немедленно поступит в ведение коммуны, которая займет место прежнего собственника и разделит с фермером как формальное право собственности, так и чистый продукт. Коммуны могут вступать в соглашение с теми собственниками, которые этого пожелают, относительно выкупа рент и немедленной уплаты вознаграждения за уступку собственности. В этом случае старанием коммун будет обеспечено переселение земледельцев и размежевание их владений, причем будут приняты меры к тому, чтобы по возможности компенсировать различие в размерах участков качеством почвы и устанавливать размер арендной платы в соответствии с доходностью. Как только вся земельная собственность будет полностью выкуплена, все коммуны республики должны будут договориться между собой об уравнении различий в качестве земельных участков и особенностей их обработки. Та часть арендной платы за участки, лежащие на их территории, на которую они имеют право, будет употреблена на эту компенсацию и на общее страхование. С этого же момента те из прежних собственников, которые сохранят владельческие права, поскольку они собственноручно извлекают пользу из своих земель, будут ассимилированы

с новыми владельцами, подчинены такому же тарифу арендной платы и наделены такими же правами, так чтобы никакие случайности, связанные с местностью и наследованием, никому бы не давали привилегии перед другими, и условия обработки земли стали бы одинаковыми для всех. Земельный налог будет отменен. Функции сельской полиции переходят к муниципальным советам».

VI этюд. Организация экономических сил.

1) *Кредит.* Вышеупомянутый Национальный банк с его отделениями. Постепенное изъятие из обращения золота и серебра. Замена их бумажными деньгами. Что касается *личного кредита,* то он должен найти применение в рабочих товариществах и в земледельческих и промышленных обществах.

2). *Собственность.* См. выше выписки о «земельной собственности». При вышеупомянутых условиях можно без малейших опасений позволить собственнику продавать, передавать, отчуждать и пускать собственность в оборот по своему усмотрению... Благодаря облегчению, которое дает выплата аннуитетами, стоимость недвижимости можно бесконечно делить, обменивать, подвергать всевозможным изменениям, не затрагивая самой недвижимости. Земледельческий труд отвергает коллективную форму.

3) *Разделение труда, коллективные силы, машины. Рабочие товарищества.* Всякая промышленность, предприятие или заведение, которые по самой своей природе требуют комбинированного применения большого числа рабочих различных специальностей, предназначены стать очагами рабочего общества или рабочего товарищества. Но там, где продукт может получиться без совместных усилий лиц различных специальностей, действиями одного индивидуума или одной семьи, нет места для ассоциации. Итак, никаких ассоциаций в небольших мастерских, в ремесле, в сапожном производстве, в портняжном деле и т. д., в торговле и т. д. Ассоциация в *крупной промышленности.* Здесь, таким образом, *рабочие товарищества.* Каждый участник ассоциации имеет нераздельное право на собственность товарищества; он имеет право занимать в ней последовательно все должности; его воспитанием, его образованием и его обучением надлежит руководить таким образом, чтобы, заставив его выполнить свою долю неприятных и тяжелых повинностей, они дали бы ему возможность изучить ряд работ и специальностей и обеспечили бы ему к моменту зрелости универсальные навыки и достаточный доход; должности замещаются путем выборов, и правила устава утверждаются всеми участниками ассоциации; вознаграждение устанавливается

в соответствии с характером должности, величиной дарования и степенью ответственности; каждый член товарищества участвует в барышах и в обязательствах товарищества пропорционально своей доле участия; каждый имеет право уйти из ассоциации, если он этого пожелает, произвести расчет и отказаться от своих прав; в свою очередь, товарищество вправе принимать во всякое время новых членов... Таково разрешение двух проблем: коллективной силы и разделения труда... В переходный период руководителями этих предприятий являются фабриканты и т. д.

4) *Конституирование стоимости: организация дешевой торговли.* Принятие мер против дороговизны товара и произвольного определения цены. *Справедливая цена* представляет с точностью: а) величину издержек производства согласно официальной средней норме свободных производителей; б) вознаграждение торговца или возмещение той выгоды, которой продавец себя лишает, отказываясь от владения соответствующей вещью. Для того, чтобы побудить к этому торговца, ему должна быть дана гарантия. Она может выразиться различным способом: либо потребители, желающие пользоваться справедливой ценой и являющиеся вместе с тем производителями, с своей стороны обязуются предоставлять торговцу свои собственные продукты на равных условиях, — как это уже и сейчас практикуется различными ассоциациями парижских рабочих; либо же вышеуказанные потребители ограничиваются тем, что обеспечивают продавцу премию, либо, еще лучше, достаточно большой сбыт для того, чтобы гарантировать ему доход. Например, государство, во имя временно представляемых им интересов, департаменты и коммуны — каждая от имени своих жителей, желая обеспечить всем справедливую цену и хорошее качество продуктов и услуг, предлагают гарантировать предпринимателям, которые готовы предоставить наиболее выгодные условия, либо процент на капитал и материалы, затраченные в их предприятиях, либо твердо фиксированное вознаграждение, либо же — там, где это уместно, — достаточное количество заказов. Подрядившиеся лица, со своей стороны, обязуются поставлять продукты и выполнять взятые на себя обязательства по обслуживанию потребителей, удовлетворяя все их требования. Впрочем, сохраняется полный простор для конкуренции. Они должны указать составные элементы их цен, способ поставки, продолжительность контракта и имеющиеся у них средства для его выполнения. Предложения подаются в запечатанных конвертах в течение установленного срока, а затем вскрываются и публикуются, —

в зависимости от важности договоров, — за неделю, за две недели, за месяц, за три месяца до выдачи подряда. По истечении срока каждого контракта назначаются новые публичные торги.

5) *Внешняя торговля.* Как только будет понижен процент, нужно снизить тарифы, а когда процент будет уничтожен или понижен до $^1/_4$% или $^1/_2$%, нужно отменить таможенные пошлины.

VII этюд. Растворение правительства в экономическом организме.

Общество без власти. Упразднение культов, правосудия, администрации, полиции, народного образования, войны, флота и прочего — все в соответствующих штирнеровских фразах.

Напиши мне подробнее, что ты думаешь об этом рецепте.

Привет!

Твой ***К. М.***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart. 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого и французского

107
ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ
В ЛОНДОН

[Манчестер, около 10 августа 1851 г.]

Дорогой Маркс!

Газета «Schnellpost» меня чрезвычайно позабавила. Уже давно я не читал такой законченной шарлатанской стряпни, как писание «А. Руге к К. Гейнцену»[*]. Я бы никогда не поверил, что даже два таких осла, как Р[уге] и Г[ейнцен], смогут вынырнуть из трехлетнего революционного водоворота настолько не изменившимися, со всеми старыми фразами, смешными манерами, оборотами и т. д. Они как клоун из цирка, который, проделав самые головоломные прыжки, кланяется публике и заявляет: «А вот мы снова здесь!», с тем чтобы после этого заново завести свою бесконечную волынку и безжалостно повторять всем приевшиеся остроты. Я вижу перед собой, как живого, страдающего литературным поносом Руге, который серьезно заявляет, что «основательным ответом на тиранию, анархию и государственную измену... является именно та радикальная мера, которая сейчас необходима», и затем сам же осуществляет эту радикальную меру, делая открытие,

[*] См. настоящий том, стр. 263. *Ред.*

что современная классовая борьба является secessio plebis*, отсюда делается непринужденный переход к римскому наставнику, имя которого я забыл, к его басне о желудке и руках и тому подобной милой премудрости третьеклассников и школьных менторов[299]. Но наш молодец неоценим, когда он вдруг начинает говорить об «условиях», а затем тотчас успокоительно добавляет: «Ты знаешь ... что под условиями я понимаю не что иное, как те мысли, которые теперь господствуют в человеческих головах». Неуклюжие попытки делать остроумно-злобные намеки ему совершенно не удались. Этот господин так ловок, что каждый сейчас же замечает, что он питает против кого-то злобу, но против кого и за что, этого никто не может понять, равно как и всех остальных «как» и «почему». Но если великий Руге проявил себя настоящим шутом, то и великий Гейнцен не менее блестящ в своем, объявленном перманентным, хамстве. Трудно выразить словами бесстыдство, с которым этот тип в своей заметке от 23 июля 1851 г. снова пытается навязать публике ту же свою старую чепуху о коммунизме и совсем в тех же выражениях, что и летом 1847 г. в «Deutsche-Brusseler-Zeitung»[300].

И однако эти субъекты вынуждены признать превосходство наших произведений, потому что непрерывно занимаются ими, а тем более благодаря тому влиянию, которое эти произведения оказывают на них незаметно для них самих, несмотря на все их упорство и бешенство. Есть ли хоть одна фраза во всей их пачкотне, которая не заключала бы в себе плагиата наших идей, искажения их из-за непонимания, не была бы внушена нашими идеями!

О лондонской попытке соглашения г-н Мейен или Фаухер послал в полуофициальную мантейфелевскую «Lithographische Correspondenz» в Берлине нелепую статью, — дескать, лишь мы двое еще продолжаем действовать совместно и т. д., все остальные уже объединились и все они против нас. О Фрейлиграте и Вольфе ни слова. Великий Виллих после роспуска армии будущего, по-видимому, снова считает нужным создать себе у великих мужей всех партий репутацию «характера»** — говорят, что он присутствовал на их собраниях. К чему привели все эти вызванные отчаянием попытки? Был ли у тебя великий Зигель?

Как меня только что уверял некий, направленный ко мне Юлиусом немецкий социалистический осел из Дессау, эти

* — уходом плебеев. *Ред.*

** Намек на строку из XXIV главы сатирической поэмы Гейне «Атта Тролль» — «не талант, зато характер». *Ред.*

господа распространяют там слух, будто ты сам признался, что пишешь в «Neue Preusische Zeitung», ты якобы сам сказал об этом г-ну Луи Друккеру (!). Ловко, не правда ли?

Что касается Прудона*, то, кажется, он делает успехи. Фазы, через которые проходит его бессмыслица, принимают, во всяком случае, более сносный вид, и г-ну Луи Блану придется поломать себе зубы над этими «ересями». Итак, в конце концов и г-н Прудон приходит к тому, что подлинный смысл права собственности заключается в замаскированной конфискации всякой собственности более или менее замаскированным государством и что подлинный смысл уничтожения государства — это усиленная централизация государства. Ибо чем иным являются «все коммуны республики, которые договариваются между собой об уравнении различий в качестве земельных участков и особенностей их обработки» с их неизбежными атрибутами и последствиями?

Если у меня завтра будет время, продолжу об этом чудаке. На этой неделе к пятнице статью никоим образом не смогу доставить. Но сообщи мне, и притом поскорее, в каком роде ее писать — должна ли это быть отдельная статья на просимую тему, или ты желаешь иметь серию, и, во-вторых, как ее подать, так как о политическом лице «New-York Tribune» я знаю лишь, что она представляет взгляды американских вигов. Сообщи вообще все, что можешь, чтобы помочь мне справиться с этим.

Твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

108

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

В ЛОНДОН

[Манчестер, около 11 августа 1851 г.]

Дорогой Маркс!

Вчера должен был прервать свои замечания о Пр[удоне], продолжаю сегодня. Я пока что оставляю в стороне многие пробелы в его рецепте; так, например, у него не видно, каким образом фабрики перейдут из рук фабрикантов к товариществам

* *П. Ж. Прудон.* «Общая идея революции в XIX веке». *Ред.*

рабочих, ибо уничтожаются процент и земельная рента, но не прибыль (ведь конкуренция остается в силе); далее, не сказано, как быть с крупными земельными владениями, в которых земля обрабатывается при помощи наемных рабочих; есть и другие недостатки подобного же рода. Для того чтобы судить обо всем этом как о теоретическом целом, мне нужно было бы иметь под рукой самое книгу. Я поэтому лишь в той мере могу высказать свое мнение, в какой я рассматриваю отдельные мероприятия с точки зрения их осуществимости, если это потребуется, и заодно исследую, в какой степени эти мероприятия пригодны для централизации всех производительных сил. И для этого, собственно говоря, следовало бы иметь самое книгу, чтобы проследить весь ход рассуждений.

То, что г-н Прудон пришел, наконец, к убеждению о необходимости более или менее скрытой конфискации, это, как уже сказано, представляет собой прогресс. Спрашивается лишь, является ли на практике пригодным тот повод для конфискации, который он выдвигает, ибо у всех этих ограниченных субъектов, которые самих себя обманывают тем, что подобного рода насильственные меры будто бы не являются конфискацией, именно повод является основой всего. «Процент будет понижен до $^1/_2$% или $^1/_4$%». Каким образом? — об этом твои выписки говорят лишь то, что государство, — или скрытно и под другим названием слившийся с государством банк, — должно ежегодно выдавать взаймы под ипотеки, из этого процента, 500 миллионов франков. Я к этому добавлю, что понижение должно происходить постепенно. Раз уже процент столь низок, то ежегодное выплачивание всех долгов и т. д. путем 5-или 10-процентных взносов per annum*, конечно, становится легким делом. Но г-н П[рудон] не указывает, каким образом можно прийти к этому. При этом мне вспоминаются наши недавние дебаты о понижении процентной ставки с помощью твоего плана, состоящего в том, чтобы учредить исключительно привилегированный Национальный банк с монополией бумажного обращения и с изъятием из обращения золота и серебра. Мне кажется, что всякая попытка быстро и раз навсегда понизить процентную ставку должна потерпеть неудачу вследствие того, что во время каждой революции и застоя в делах усиливается потребность в ростовщичестве, в предоставлении кредита временно стесненным, находящимся в затруднительном положении, следовательно, для данного момента несолидным людям. Если даже та часть процентной ставки, которая считается дей-

* — в год. *Ред.*

ствительным вознаграждением за заем, может быть уменьшена при помощи массы капитала, то остается та часть, которая представляет собой обеспечение возврата ссуды и которая как раз во время кризиса чрезвычайно повышается. Во время всякой революции купцы благодарны правительству, если оно дает им деньги взаймы не то что из $^1/_4$ или $^1/_2$ процента, а из *5* процентов. Сравни 1848 год, ссудные кассы и т. д. Но государство и всякий большой централизованный государственный банк, пока он не организовал повсюду своих отделений, вплоть до самых глухих уголков, и пока его служащие не приобрели большего коммерческого опыта, может ссужать деньгами лишь крупные коммерческие предприятия, иначе ему пришлось бы раздавать деньги впустую. И мелкий торговец не может отдать банку в заклад свои товары, как это делает крупный. Таким образом, ближайшим результатом всякого понижения процента на правительственные ссуды явится увеличение прибыли крупных коммерсантов и общий подъем этого класса.

Мелкая торговля была бы вынуждена, как и прежде, обращаться к посредникам, которые получали бы у правительства деньги из $^1/_2$ процента, а сами давали бы ссуды из 5—10 процентов. Это неизбежно, так как мелкая торговля не дает обеспечения, не может представить залога. Таким образом, и в этом направлении результатом будет подъем крупной буржуазии — создание косвенным путем класса крупных ростовщиков, банкиров второй степени.

Это вечное стремление социалистов и Прудона к понижению процента является, на мой взгляд, преображенным выражением благих пожеланий буржуа и мелких буржуа. До тех пор, пока процент и прибыль находятся между собой в обратно пропорциональном отношении, понижение процента может вести лишь к повышению прибыли. И до тех пор, пока имеются несолидные, не имеющие обеспечения и именно вследствие этого как раз сильно нуждающиеся в деньгах люди, государственные ссуды не могут уничтожить частного кредита, и, таким образом, не могут понизить процентную ставку для всех сделок. Государство, дающее из $^1/_2$ процента, оказалось бы по отношению к ростовщику, которого оно снабжает деньгами, в таком же положении, в каком оказалось французское правительство 1795 г., взыскавшее в виде налога 500 миллионов ассигнациями и отдавшее их потом за три миллиона; исключительно для сохранения своего, все равно уже ничего не стоившего «кредита» оно принимало при уплате налогов ассигнации по номинальной цене, то есть по цене, в 200 раз превышавшей их действительную ценность, — итак, государство оказалось бы в таком же

положении, в каком это правительство оказалось по отношению к тогдашним земельным и денежным спекулянтам.

Прудон слишком наивен. «Личный кредит находит или должен найти применение в рабочих товариществах». Это означает следующую дилемму: либо надзор, управление и регламентирование этих товариществ государством, чего Пр[удон] ведь не хочет, либо организация самого замечательного мошенничества с товариществами, мошенничества 1825 и 1845 гг., воспроизведенного теперь на базе пролетариата, люмпен-пролетариата и мелкой буржуазии.

Стремление сделать главным делом такое постепенное понижение процентной ставки путем коммерческих и принудительных мер, чтобы превратить уплату процентов в погашение долга и таким образом ликвидировать все долги и т. д. и сконцентрировать в руках государства или коммун все реальное имущество, — кажется мне совершенно неосуществимым; во-первых, по вышеприведенным основаниям; во-вторых, так как это продолжалось бы слишком долго; в-третьих, так как при сохранении кредита в форме государственных бумаг единственным результатом явилась бы задолженность страны иностранцам, ибо все обратно выплаченные деньги уплыли бы за границу; в-четвертых, так как, даже допуская возможность этого в принципе, было бы бессмыслицей думать, что *Франция,* республика, может это осуществить против Англии и Америки; в-пятых, так как внешние войны и давление текущих обстоятельств делают, в общем, совершенно невозможными подобного рода систематические, медленные, рассчитанные на 20—30 лет мероприятия и тем более денежные выплаты.

Практически эта история имеет, как мне кажется, лишь то значение, что в известный момент революционного развития можно с помощью монопольного Государственного банка декретировать, во всяком случае, следующее: статья 1: Проценты отменяются или ограничиваются ставкой в $^1/_4$ процента; статья 2: Уплата процентов продолжается, как и прежде, и имеет значение взносов в счет погашения долга; статья 3: Государство имеет право приобрести всю недвижимость и т. д. по установившимся ценам и оплатить их 5-процентными взносами в 20 лет. В подобном декрете *может* когда-нибудь появиться надобность, в качестве меры, непосредственно предшествующей открытой конфискации; но умствовать над тем, когда, как и где — это уже чистая спекуляция.

Во всяком случае, эта книга Пр[удона], по-видимому, гораздо более земная, чем его прежние книги; — конституирование стоимости также принимает у него более телесную форму —

форму «справедливой цены лавочников». «Четыре франка, сударь, это самая справедливая цена!» Неясно, какое отношение имеет уничтожение таможенных пошлин к уничтожению процента. То, что Пр[удон] за время с 1847 г. совершил такой полный переход от Гегеля к Штирнеру, — все же признак прогресса. Попробуй после этого говорить, что он не понимает немецкой философии, когда он изучает ее на своем собственном трупе вплоть до последней фазы гниения!

Напиши сейчас же и сообщи, что ты думаешь о вышесказанном.

Твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart. 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

109

МАРКС—ЭНГЕЛЬСУ

В МАНЧЕСТЕР

[Лондон], 14 августа 1851 г.
28, Deanstreet, Soho

Дорогой Энгельс!

Через день—два пошлю тебе самого Прудона* с тем, чтобы ты по прочтении немедленно мне его вернул. Я собираюсь — по денежным соображениям — дать для печати два—три листа об этой книге. Поэтому поделись своими суждениями о ней подробнее, чем ты имеешь обыкновение это делать, когда пишешь второпях[301].

Суть прудоновщины, — а вся она в целом в первую голову полемика против коммунизма, сколько бы он у коммунизма ни крал и ни рассматривал его через кабе-блановскую призму, — резюмируется, на мой взгляд, в следующем рассуждении:

Настоящий враг, которого нужно побороть, — это капитал. Чисто экономическим проявлением капитала служит процент. Так называемая прибыль есть не что иное, как особая форма заработной платы. Процент уничтожается превращением его в аннуитет, то есть в годичные платежи по погашению капитала. Таким образом, рабочему классу — читай *промышленному* классу — будет навсегда обеспечено преимущество, а собственно капиталистический класс обречен на постепенное исчезновение. Различными формами процента являются проценты

* *П. Ж. Прудон.* «Общая идея революции в XIX веке». *Ред.*

по денежным ссудам, квартирная плата, земельная арендная плата. Таким образом, буржуазное общество сохраняется, его существование получает свое оправдание, у него отнимают лишь его плохую тенденцию.

Социальная ликвидация есть лишь средство, чтобы строить заново «здоровое» буржуазное общество. Быстро или медленно, это для нас несущественно. Я хочу узнать прежде твое мнение о противоречиях, нечеткостях и неясностях самой этой ликвидации. Но подлинно целительным бальзамом заново строящегося общества служит отмена процента, то есть превращение ежегодной уплаты процента в аннуитеты. Эта мера, фигурирующая не в качестве средства, а как *экономический закон* реформированного буржуазного общества, приводит, естественно, к двум результатам:

1. К превращению мелких непромышленных капиталистов в промышленных. 2. К увековечению класса крупных капиталистов, так как, по существу, если взять в среднем, общество — за вычетом промышленной прибыли — в *общем и целом* всегда платит лишь аннуитеты. Если бы было верно противоположное, тогда сложные проценты, исчисляемые д-ром Прайсом[302], были бы реальностью, и богатств всего земного шара не хватило бы для *уплаты процентов* по самому маленькому капиталу, пущенному в оборот со времен Христа. В действительности же, взяв для примера Англию, — то есть наиболее устойчивую буржуазную страну, — можно с уверенностью сказать, что за последние 50 или 100 лет капитал, вложенный в землю или во что-либо иное, еще ни разу не принес процентов, по крайней мере, если судить по цене, а здесь именно об этом и идет речь. Возьмем, например, самую высокую оценку национального богатства Англии, примерно, в 5 миллиардов. Пусть Англия производит ежегодно 500 миллионов. Все богатство Англии равняется, таким образом, лишь продукту годового труда Англии, помноженному на 10. Значит, капитал не только не приносит процентов, он даже не *воспроизводит* себя по стоимости. И это в силу простого закона. Стоимость первоначально определяется первоначальными издержками производства, тем рабочим временем, которое первоначально было необходимо, чтобы произвести данную вещь. Но раз уж предмет произведен, то цена продукта определяется теми издержками, которые необходимы, чтобы его *воспроизвести.* А издержки воспроизводства постоянно уменьшаются, и тем скорее, чем более развита эпоха в промышленном отношении. Следовательно, закон непрерывного обесценения самой стоимости капитала парализует закон ренты и процента, приводящий

иначе к абсурду. В этом также объяснение выдвинутого тобой положения, что ни одна фабрика не покрывает своих издержек производства. Таким образом, Прудон не может преобразовать общество путем введения закона, которому оно, по существу, следует и без его совета.

Средство, при помощи которого Прудон всего хочет добиться, это — банк. Тут имеется qui pro quo*. Банковское дело можно подразделить на две части: 1. *Превращение* капитала *в звонкую монету.* В этом случае я даю лишь *деньги* взамен *капитала,* и это можно, конечно, делать с учетом лишь издержек производства, следовательно, из $^1/_2$ или $^1/_4$ процента. 2. *Ссуда капитала* в денежной форме; тут процент будет определяться количеством капитала. В этом случае кредит может лишь превращать наличное, но не производительное богатство путем концентрации и т. д., и т. д. в действительный, активный капитал. Прудон считает номер 2 столь же легким, как и номер 1, но в конечном счете окажется, что он, оперируя иллюзорной массой капитала в форме денег, в лучшем случае снизит *процент* на капитал только для того, чтобы в той же пропорции поднять его *цену.* А этим достигается лишь одно — дискредитирование его бумаг.

Логикой связи таможенных пошлин с процентом предоставляю тебе упиваться в оригинале. Такую прелесть нельзя было портить сокращением. Г-н П[рудон] не дает точных указаний ни относительно того, как обстоит дело с участием коммун во владении домами и землей, — а это он непременно должен был бы сделать, опровергая коммунистов, — ни относительно того, каким образом рабочие завладеют фабриками. Хотя он и хочет «мощных рабочих товариществ», но испытывает такую боязнь перед этими промышленными «цехами», что предоставляет, правда, не государству, но обществу право их *распускать.* Как истый француз, он ограничивает ассоциацию фабрикой, так как не знает ни фирмы «Мозес и сын», ни мидлотианских фермеров. Французский крестьянин, французский сапожник, портной, купец кажутся ему чем-то испокон веков данным, чье существование надо принять. Но чем больше я занимаюсь этой дрянью, тем больше убеждаюсь, что преобразование земледелия, а, следовательно, и основанного на нем собственнического свинства, должно стать альфой и омегой будущего переворота. Иначе — прав окажется папаша Мальтус.

По сравнению с Луи Бланом и т. д. это сочинение ценно, особенно благодаря дерзким выпадам против Руссо, Робеспьера, бога, братства и тому подобных благоглупостей.

* — смешение одного с другим. *Ред.*

Что касается «New-York Tribune», то ты должен мне теперь помочь, так как я по горло занят политической экономией. Напиши ряд статей о Германии, начиная с 1848 года[303]. Остроумно и непринужденно. Эти господа в иностранном отделе очень *дерзки.*

Через несколько дней я пошлю тебе два тома о Риме, а именно «Политическую экономию римлян» Дюро де Ла Маля. Я выписал себе эту книгу (весьма основательную) из Парижа. Там для тебя многое выяснится и относительно экономической основы римского способа ведения войны, основы, которая являлась не чем иным, как *кадастром.* Как тебе это послать наиболее дешевым способом? Оба тома толстые. Статью из «Lithographische Correspondenz»* ты должен где-нибудь стянуть или раздобыть в переписанном виде. Как только Вейдемейер приедет сюда, нужно будет задать трепку этим ослам в Нью-Йорке. Для этого нужны все документы. Фаухер *является* корреспондентом «Neue Preusische Zeitung». Зигель еще не появлялся. Виллих, конечно, член *братства эмигрантов,* выполняющий роль объединителя. В пятницу у них было первое общее собрание. Там был наш шпион. Заседание началось с чтения (*генералом* Хаугом) статьи против нас из «Lithographische Correspondenz». Ведь все их существование, намерения и помыслы вертятся вокруг нас. Затем они приняли решение прочесть ряд дрянных докладов о всяких склочных делах. Вызвались: о Пруссии — г-н Мейен, об Англии — Оппенхейм, о Франции — Руге, а Кинкель — об Америке и будущем. Я, впрочем, очень рад буду услышать твое мнение обо всем этом.

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx», Bd, I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

110

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

В МАНЧЕСТЕР

[Лондон, около 20 августа 1851 г.]

Дорогой Энгельс!

Прочти сперва лучше Прудона**, ибо он мне скоро будет нужен. Из Дюро*** я сделал все те выписки, которые мне были нужны.

Кстати: *Напиши же, наконец, Фишеру в Новый Орлеан.* (Либкнехт теперь его постоянный корреспондент.) Это тем более важно, что как раз из Нового Орлеана Кинкели, Руге и т. д.

* См. настоящий том, стр. 274. *Ред.*
** *П. Ж. Прудон.* «Общая идея революции в XIX веке». *Ред.*
*** *Дюро де Ла Маль.* «Политическая экономия римлян». *Ред.*

думают получать денежную помощь. Так не забудь же написать этому человеку, который в письме к Либкнехту жалуется на твое молчание.

Твой ***К. М.***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

111

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

В ЛОНДОН

Манчестер, 21 августа 1851 г.

Дорогой Маркс!

Посылаю тебе при сем статью[*], о которой ты просил. Стечение различных обстоятельств способствовало тому, что она оказалась плохой. Прежде всего я с субботы был, для разнообразия, нездоров. Затем у меня не было никакого материала — пришлось высасывать все из пальца при помощи одной только памяти. Затем — короткий срок и работа на заказ, почти полное незнакомство с газетой[**] и с кругом ее читателей и вследствие этого отсутствие какого-либо правильного плана. Наконец, невозможность иметь под рукой рукопись всей серии для согласования, необходимость, таким образом, более или менее педантично-систематического начала для того, чтобы избегнуть повторений в следующих статьях. Все это, а также то, что я совершенно отвык писать, сделали эту статью очень сухой; и если ее за что-либо можно похвалить, то лишь за гладкий английский язык, которым я обязан привычке в течение восьми месяцев говорить и читать почти исключительно по-английски. Словом, ты сделаешь с ней все, что захочешь.

Пр[удона] я уже наполовину прочел[***] и нахожу твое мнение совершенно правильным. Его апелляция к буржуазии, его возврат к Сен-Симону и сотня других вещей еще в критической

[*] *Ф. Энгельс.* «Революция и контрреволюция в Германии». Статья I. *Ред.*
[**] — «New-York Daily Tribune». *Ред.*
[***] *П. Ж. Прудон.* «Общая идея революции в XIX веке». *Ред.*

части подтверждают, что он считает промышленный класс, буржуазию и пролетариат, по существу, идентичными и полагает, что антагонизм между ними существует лишь благодаря незавершенности революции. Псевдо-философская конструкция истории совершенно ясна: до революции промышленный класс существовал «в себе», с 1789 до 1848 — в состоянии антагонизма: отрицание; прудоновский синтез разрешает все это одним махом. Все вместе кажется мне последней попыткой теоретически спасти буржуазию; наши положения о материальном производстве как решающей исторической первопричине, о классовой борьбе и т. д. в значительной части приняты им, хотя в большинстве случаев и в искаженном виде, и на этом построена попытка — при помощи псевдогегельянского трюка — создать видимость включения пролетариата обратно в буржуазию, Синтетической части я еще не читал. В полемике против Л. Блана, Робеспьера, Руссо кое-где попадаются недурные места, но в общем нет ничего более претенциозно-плоского, чем его критика политики, например в том месте, где он говорит о демократии и где он, совсем в духе «Neue Preusische Zeitung» и всей старой исторической школы[304], разглагольствует по поводу счета по числу голов и не стыдится создавать целые системы на основе мелких практических соображений, достойных школьника. И что это за великая идея, будто «власть» и «свобода» — несовместимые противоположности и будто ни одна форма правления не дает ему достаточного морального основания для того, чтобы *он* должен был ей подчиняться! Черт возьми, зачем же тогда нужна власть?

Впрочем, я убежден, что г-н Эвербек дал ему свой перевод «Манифеста»[*], а, быть может, заодно и переводы твоих статей в «Revue»[**]. Ряд важных мыслей, несомненно, украден оттуда — например, что правительство есть не что иное, как власть одного класса для подчинения другого класса и что оно исчезнет вместе с исчезновением классовых противоположностей. Затем много важных мыслей о французском движении, начиная с 1848 года. Я не думаю, чтобы он все это нашел в твоей книге против него[***].

Я на днях напишу подробнее об этой штуке, когда всю ее прочитаю. Между прочим, сюда на днях должен приехать Веерт, который, по своему обыкновению, неожиданно вынырнул в Брадфорде; возможно, что вследствие этого я буду вынужден задержать Пр[удона] на два или три дня дольше.

[*] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. «Манифест Коммунистической партии». *Ред.*
[**] *К. Маркс*. «Классовая борьба во Франции». *Ред*.
[***] *К. Маркс*. «Нищета философии». *Ред.*

Скажи Лупусу*, что я говорил с Уотсом и что тот приложит все усилия, чтобы подыскать здесь для него должность, причем имеется твердая надежда на успех. Уотс думает, что его звание бывшего депутата рейхстага[305] будет здесь совершенно достаточно. Он знаком со всей компанией учителей и священников либерального оттенка, и раз он возьмется за дело, то, несомненно, что-либо устроит. Я буду его в этом направлении подогревать; как только что-либо узнаю еще, так дам знать Лупусу. Впрочем, этот Уотс, несмотря ни на что, все же не хуже прочих категорий филистеров. Так как он живет, как англичанин, социалист, доктор и отец семейства, то нужно ему поставить в заслугу, что он в продолжение семи лет является трезвенником и даже ощущает стремление стать травоедом в духе Струве. Зато его жена пьет и жрет за двоих. Печально, но факт: здесь в Манчестере в общем-то самые обходительные люди — это обыкновенные мещане. Они пьют, сквернословят, являются республиканцами (как Мартенс) и над ними можно посмеяться.

Что слышно у тебя нового из Германии? В Гамбурге трое выпущены, один вновь арестован. Итак, признания портновского подмастерья Нотъюнга сводятся всего-навсего к тому, что он был эмиссаром тайного пропагандистского общества! Какое открытие!

Твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

112

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

В МАНЧЕСТЕР

[Лондон], 25 августа 1851 г.
28, Deanstreet, Soho

Дорогой Энгельс!

Прежде всего благодарю тебя за твою статью**. Вопреки всем ужасам, которые ты о ней наговорил, она великолепна и в неизмененном виде поплыла в Америку. Ты замечательно попал в тон для «Tribune». Как только я получу ее первые номера,

* — Вильгельму Вольфу. *Ред.*
** *Ф. Энгельс*. «Революция и контрреволюция в Германии». Статья I. *Ред.*

я тебе их пришлю и с этого момента буду посылать уже регулярно.

Теперь я могу отослать тебе весь груз эмигрантского навоза — и если у тебя в окрестностях имеется знакомый фермер, который нуждается в гуано этих милых птиц для удобрения, то ты можешь устроить выгодное дельце.

Итак, как тебе уже известно, в пятницу, 8 августа, состоялось первое *официальное* собрание побратавшейся эмиграции, на котором особенно блистали: *пресловутый* «Дамм» в роли председателя, Шурц, в качестве секретаря, Гёгг, оба Зигеля*, Фиклер, Таузенау, Франк (австрийский филистер), Виллих, Боркхейм, Шиммельпфенниг, Иоганн Ронге, Мейен, граф Рейхенбах, Оппенхейм, Бауэр из Штольпе**, грубиян Людерс, Хауг, А. Руге, Техов, Шмольце (баварский лейтенант), Пецлер, Бёлер, Герке, Шертнер, Гёрингер и т. д.; Кинкель и Штродтман, конечно, тоже. Итак: главные клики: 1. Руге — Фиклер, 2. Кинкель, 3. Таузенау. Между ними независимые литературные бездельники и соглашатели[306]. Основное содержание всего этого лицедейства состояло в следующем: Руге — Фиклер — Таузенау — Гёгг — Зигель — Хауг и т. д. предлагали избрать официальный комитет частью для разоблачения преступлений реакции, частью для представительства эмиграции, а частью для *«действия»* — агитационного воздействия на Германию. Идиот Руге имел еще при этом заднюю мысль, чтобы признали его полномочия держать связь с Ледрю — Мадзини и чтобы он, таким образом, кроме своего собственного имени, мог предоставить в их распоряжение в качестве армии весь корпус немецких эмигрантов. Напротив, г-н Кинкель (и вместе с ним, кроме его спасителя Шурца и его вонючего биографа***, в особенности Виллих, Техов, Шмольце, Шиммельпфенниг) был против подобного официального учреждения, отчасти, чтобы не повредить своей позиции по отношению к здешней лондонской буржуазии — так как гульдены имеют решающее значение, — отчасти, чтобы не быть вынужденным в большей или меньшей степени признать Руге перед лицом Мадзини — Ледрю. Уже с самого начала клика Руге — Фиклер была возмущена, увидев зал собрания чересчур переполненным. На тайном собрании они пришли к соглашению пригласить одних лишь «именитых». Но клика Кинкеля привела с собой мелкий люд, чтобы обеспечить за собой большинство голосов.

* — Альберт Зигель и Франц Зигель. *Ред*.
** — Луи Бауэр. *Ред.*
*** — Штродтмана. *Ред.*

Заседание открыл генерал Хауг, который прочитал грязную статью из «Lithographische Correspondenz». Одновременно он заявил, что на собрании, наверное, имеются шпионы, что документом могут злоупотребить и т. д. Виллих поддержал это с неослабленным тогда еще пафосом и потребовал от преступников, чтоб они лучше сами назвали себя. В ответ на это поднялся Бауэр из Штольпе (которого я, впрочем, считаю подлинным шпионом) и заявил, что он не понимает добродетельного негодования Виллиха, так как он привел на первое подготовительное заседание редактора «Lithographische Correspondenz» г-на Шейдлера, не встретив возражений. После того как этот инцидент был улажен, Таузенау вносит свое предложение об избрании комиссии, сопровождая это многочисленными патетически-добродушными охами и вздохами — он воображал, будто находится перед венской публикой. Г-н Мейен возражает ему, что он не хочет никаких действий, а лишь добровольных докладов. Тотчас же такие доклады, предварительно сговорившись, вызываются прочесть: Кинкель — об Америке и ее будущем, Оппенхейм — об Англии, Шурц — о Франции, Мейен — о Пруссии. Предложение Таузенау проваливается с треском, и он трогательно заявляет, что, несмотря на свой провал, пожертвует своим справедливым гневом, принеся его на алтарь отечества, и останется в лоне побратавшихся. Но клика Фиклера — Руге тотчас же угрожающе и раздраженно становится в позу обманутых прекрасных душ.

В конце заседания Кинкель подходит к Шабелицу (последний действовал там полностью как наш агент и как очень полезный агент, так как он пользовался доверием всех этих филистеров), называет его честным демократом, объявляет базельскую «National-Zeitung» отличным демократическим органом и, между прочим, справляется о ее финансовом положении. Шабелиц: Плохое. Кинкель: Но разве рабочие ничего не делают? *Шабелиц:* Они делают все, что мы от них требуем, — они читают газету. *Кинкель:* Рабочие должны были бы делать больше. Они и нас не поддерживают в той мере, как следовало бы. А Вы ведь знаете, сколько мы делаем для рабочих. Мы делаем все для того, чтобы они стали «респектабельными», Вы ведь понимаете меня, — для того, чтобы они стали «почтенными гражданами». Вот это здорово!

Заседание соглашателей, состоявшееся 15-го, было малолюдным и, как англичане говорят, индифферентным.

А между тем 17-го произошли великие события. Истинное развитие событий развивалось, как сказал бы наш великий Арнольд Руге, следующим образом:

Г-н Кинкель пригласил к себе Виллиха, Техова, Гёгга, Зигеля и еще некоторых и открыл им, что он получил 160 ф. ст. через Фишера из Нового Орлеана и уполномочен распорядиться этими деньгами совместно с вышеназванными лицами и г-ном *«Фр. Энгельсом»*. Вместо последнего он пригласил Фиклера, но тот заявил, что он не желает иметь никакого дела с «негодяями». Г-н Кинкель был вынужден показать письмо, и тут-то обнаружилось, что эти деньги уже в продолжение трех недель пребывают анонимно и инкогнито в его квартире, не зная, раскрыть ли им свое великое сердце непосвященному миру или нет. Кинкель говорил, как ангел, но это ему не помогло. Клика Фиклера убедилась, что клика Кинкеля с успехом забрасывает втихомолку удочку, с целью использовать общее эмигрантское столпотворение для того, чтобы половить золотую рыбку в мутной воде. Таким образом, великий Гейнцен напрасно так любовно и красноречиво строил глазки присланным из Нового Орлеана фунтам! Гёгг и Зигель вышли из конклава. Состоялось отдельное заседание клики Фиклера — Руге — Таузенау. Южные немцы пришли, между прочим, к убеждению, что А. Руге — дурак. Он им нужен потому, что он служит связью с Ледрю — Мадзини, а эта протекция очень важна для южных немцев. Таузенау, очевидно, открыл им глаза, и теперь он наряду с Фиклером является их настоящим лидером. Таузенау вообще обладает даром мелкоеврейской расчетливости и является дипломатничающим и очень умно действующим интриганом, который верит в приближение революции. Поэтому он теперь участвует в этом союзе.

В глубоком гневе по поводу потерянных 160 ф. ст. Руге открыл теперь друзьям, что более года тому назад Виллих — Кинкель послали Шиммельпфеннига к Мадзини, представили его в качестве эмиссара и обратились к Мадзини за деньгами для агитационной поездки в Германию. Мадзини дал ему 1000 франков наличными и на 5000 франков своих итальянских облигаций, с условием по истечении года вернуть ему 1000 франков и $^{2}/_{3}$ размещенных им итальянских облигаций. На эти деньги Шиммельпфенниг совершил свою поездку по Франции и Германии. Прошел год, но ни о Кинкеле — Шиммельпфенниге, ни о 1000 франков, ни об итальянских облигациях нет ни слуху, ни духу. Теперь, когда прибыли деньги из Нового Орлеана, Кинкель снова отправил своих посланцев к Мадзини, но не для того, чтобы уплатить долг, а для того, чтобы похвастаться и вступить с ним в союз. Мадзини был слишком деликатен, чтобы напоминать об их долге, но заявил им, что у него имеются свои связи в Германии и что поэтому он не может за-

вязывать новых. Эти господа, рассказывал дальше А. Руге, обратились также к Ледрю-Роллену. Но тут их опередил Руге, и так как Ледрю-Роллен рассматривает уже себя как президента французской республики и готов немедленно повести внешнюю войну, то Руге представил ему Зигеля как главнокомандующего немецкой революционной армией, с которым Ледрю-Роллен завязал стратегическую беседу. Таким образом, и тут Кинкелю — Виллиху опять не повезло. После этих разоблачений Руге низость клики Кинкеля — Виллиха предстала в неприкрытом виде пред очами одураченных прекрасных душ. Необходимо было что-нибудь предпринять, а что иного может предпринять Руге, кроме новых комбинаций и перестановок в своем заплесневевшем старом Центральном комитете? Было, таким образом, решено образовать *Агитационный клуб* — не для дискуссии, а *«преимущественно для действий»;* заниматься он будет не словами, а делами, и прежде всего предложит единомышленникам вносить денежные средства. Состав: Фиклер, Таузенау, Франк, Гёгг, Зигель, Хертле, И. Ронге, Хауг, Руге. Ты, конечно, сразу узнал измененную группировку: Руге — Ронге — Хауг. Но при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что существенную составную часть клуба представляют: 1) филистеры из Юго-Западной Германии Фиклер, Гёгг, Зигель, Хертле; 2) из Юго-Восточной Германии — Таузенау, Хауг и Франк; что, таким образом, по существу, клуб создан как *южногерманский* в противовес *«пруссакам»,* и Руге является лишь пуповиной, осуществляющей связь с Европейским центральным комитетом[307]. Они и называют теперь другое общество просто *«пруссаками».* Этот Агитационный клуб назначил Таузенау своей исполнительной властью и вместе с тем своим министром иностранных дел. Это означало, таким образом, *полную отставку* Руге как центральной фигуры. Но для того чтобы подсластить эту пилюлю, ему в утешение заявили, что признается его положение в Центральном комитете, его прежняя деятельность и то, что он представляет немецкий народ в истинно германском духе. Это testimonium paupertatis* ты, очевидно, прочел в заметке, помещенной почти во всех английских газетах, в которой Агитационный союз всепокорнейше извещает европейскую публику о своем рождении и зазывает почтенную публику. Но и это удовольствие было для несчастного Руге отравлено: Бауэр — Фиклер выставили неприемлемое conditio sine qua non**, чтобы Руге перестал «писать и распространять по свету свою чепуху».

* — свидетельство о бедности. *Ред.*
** — обязательное условие. *Ред.*

Прежде чем продолжать рассказ, я должен заметить, что мы представлены в этом общедемократическом союзе, *без ведома других,* одним бежавшим из Кёльна рабочим, принадлежащим к нашему Союзу*, по имени *Ульмер;* это — человек, который у нас ведет себя очень спокойно и молчаливо, и мы никогда не поверили бы, что он сможет держать в страхе всю объединенную демократию. Но indignatio facit poetam**, и этот тихий Ульмер обладает, как он мне говорил, «дарованием» легко приходить в бешенство: он дрожит тогда всем телом и кидается вперед, как одержимый. Несмотря на свою тщедушную фигурку портного, он, в качестве лучшего гимнаста в Майнце, проникнут сознанием физической силы и ловкости и, кроме того, — коммунистической верой в свою непогрешимость.

Итак, 22 августа состоялось третье заседание. Собрание было очень многолюдное, так как публика ожидала большого скандала по поводу виновного в государственной измене Агитационного союза. Председательствует Мейен. Присутствуют также Р. Шрамм и Бухер. Клика Кинкеля вносит предложение об образовании эмигрантского комитета. Дело в том, что г-ну Кинкелю как общественному деятелю не хочется уходить со сцены. С другой стороны, ему не хотелось бы также скомпрометировать себя в глазах эстетически-либеральных буржуа Англии. Эмигрантский же комитет, это — политически-филантропическое учреждение, которое, кроме того, предоставляет в распоряжение некоторые денежные средства, соединяя таким образом в себе все желательные условия. В противовес этому неким Холлингером и Ульмером было внесено предложение избрать эмигрантский комитет на общем собрании эмигрантов; в ответ на это клика Кинкеля указывала на опасность скандала, который будет устроен людьми, действующими за спиной собрания (имелись в виду, конечно, мы, хотя нас и не называли). Но у них были враги и в *своей среде.* Из членов Агитационного клуба присутствовали лишь Гёгг, Зигель и его брат. Гёгг был избран в эмигрантский комитет; это дало повод: 1) объявить о выходе Таузенау; 2) отклонить заявление Агитационного союза; 3) наконец, по окончании дебатов объявить о выходе всех членов Агитационного союза. Большая буря. *Техов и Шрамм отчаянно обругали А. Руге.* Вообще была сильная *ругань.* Гёгг отвечал своим противникам с сознанием собственного превосходства, резко напал на лицемерного Кинкеля,

* — Союзу коммунистов. *Ред.*

** — гнев делает поэтом (перефразированные слова из первой сатиры Ювенала). *Ред.*

который выпускал для ответа своих оруженосцев, поглаживая бороду, как Великий Могол, и писал через посредство все время увивавшегося вокруг него Шурца записки, которые тот, как «соглашатели» в Берлине, пускал среди его приверженцев; когда записка заканчивала свой круг, он писал свой окончательный приговор. Лишь после того как Гёгг сказал, что Агитационный союз поместит свое заявление в английских газетах, *Кинкель* ответил *величественно, что он уже и сейчас господствует над всей американской прессой и что уже приняты меры к тому, чтобы в кратчайший срок подчинить его влиянию также и французскую прессу.*

Кроме этой, чреватой скандалами, темы разбирались еще и другие вопросы, которые даже в лоне самих побратавшихся демократов вызвали ужаснейшую бурю, так что дело доходило до угроз кулаками, страшного шума и крика, пока в 2 часа ночи хозяин не потушил лампы и не погрузил жаждущих объединения в непроницаемую тьму. Главными возбудителями скандала были Шрамм и Ульмер. В частности, Шрамм в своих выпадах против Руге дал одновременно выход своему гневу против коммунистов, — что было встречено с большим одобрением, — самым враждебным образом напал на Виллиха и объявил рабочих трусами. На это отвечал Ульмер; но он, со своей стороны, вместе с Холлингером, другом Зигеля, требовал созыва общего собрания эмигрантов для выбора комитета помощи. Он прямо обвинял Виллиха и т. д. в том, что тот прокутил и растратил эмигрантские деньги. Невообразимый шум. Таракан Диц выскакивает вперед, заявляет, что он кассир Эмигрантского комитета[308] Грейт-Уиндмилл-стрит, и требует отказа от этих слов. Ульмер заявил, что если эти господа этого требуют, то он готов представить доказательства. Он не возьмет своих слов обратно. Виллих старается его укротить, прибегая к своему обычному приему, и приглашает его для частного объяснения в свою комнату. Но Катон-Ульмер непоколебим и не желает разговаривать без свидетелей. Кстати, Шиммельпфенниг, сидя позади Ульмера, в продолжение речи Гёгга все время хрюкал и производил шум; тогда Ульмер, одержимый вдруг своим «дарованием», поворачивается, потрясая кулаками, и рычит Ш[иммельпфеннигу]: «Если вы, жалкий побирушка, не замолчите, наконец, то я вас выброшу в окно». Ш[иммельпфенниг] побледнел, как мел, но, призвав на помощь свою прусско-офицерскую храбрость, ушел в дальний угол.

Во время этого замечательного представления на Виллиха несколько раз и со всех сторон так грубо нападали, — Гёгг, Шрамм, Холлингер, Ульмер и т. д., — что он шесть раз

заявлял, что должен будет уйти, если его достойную персону не оставят в покое.

Теперь создается новый элемент скандала, подготовленный специально нами. Дело в том, что господа «эмигрантские верхи», как они себя называют, совершенно игнорировали «эмигрантские низы». Этим «эмигрантским низам», которым приходится очень плохо, мы, после взбудоражившей их подготовки, сообщили через Ульмера, Румпфа и Либкнехта тот факт, что Эмигрантский комитет на Грейт-Уиндмилл-стрит получил 800 гульденов из Вюртемберга и что их прекраснейшим образом надувают. Вчера поэтому на заседании комитета на Грейт-Уиндмилл-стрит, под председательством Шаппера, произошла скандальная сцена. Эмигранты требуют, чтобы им были показаны письма, счета и т. д. Виллих, который в свое время выдвигал против нас требования, подобные требованиям этих ослов, грубо объясняет им, что он и компания ответственны только перед Обществом рабочих[309]. Одного эмигранта, который слишком близко подошел к нему, он попросил убраться подальше, чтобы тот не наградил его вшами. Тот обзывает его «пустоголовым болваном». У Шаппера требуют объяснения по поводу его живота, как у гиппопотама, называют его Шнаппером*. Виллих призывает хозяина и хочет выбросить за дверь одного из эмигрантов. Тот говорит, что он готов уйти, если позовут полицейского. Эти господа-де все негодяи. Этим дело кончается. Виллих и Шаппер заявляют, что при таких обстоятельствах они выйдут из комитета.

Этим «эмигрантским низам» Румпф и Ульмер объявили, что в ближайшую пятницу на общем собрании эмигрантов будут обсуждаться их интересы. Они отправятся туда все вместе, вооружившись дубинками, чтоб отстоять свои притязания. Я дал им теперь знать через Ульмера, что Кинкель получил для них 160 ф. ст., которые он в продолжение ряда недель скрывал и которые он хочет теперь поделить с Виллихом. Их вообще-де использовали лишь как фирму — и это верно, — чтобы улучшить финансы этих-государственных мужей. Ульмер будет держать речь, а так как Шрамм и др. ничего не знают об этом приятном сюрпризе, то скандал получится хороший со всех сторон.

Как только я тебе сообщу о заседании в пятницу, ты можешь написать — впоследствии необходимое — письмо к Кинкелю. Но что ты должен сделать немедленно, это написать *Фишеру* в Новый Орлеан, рассказать ему обо всей этой грязной истории и дать знать, чтобы он собирал деньги лишь под фирмой *«Фрей-*

* Игра слов: «Schnapper» («шнаппер») — «жадный человек», «обжора»; Schapper (Шаппер) — фамилия. *Ред.*

лиграт», которая очень популярна. Наша партия крайне в них нуждается. Она единственно активная партия, непосредственно борющаяся с Союзным сеймом, с богом и с чертом, а у нас нет денег для агитации. С другой стороны, необходимо раздобыть деньги для наших арестованных, которые большей частью не имеют никаких средств. Мне кажется, что этому человеку легко будет разъяснить эти два момента. Впрочем, если он может, то пусть производит эти сборы *втайне,* так как наша деятельность может лишь пострадать от всякого газетного шума. Vale faveque![*]

Твой ***К. Маркс***

Я должен еще заметить, что правоверный бык Шаппер отнюдь не связывается с «неверными»; напротив, он заявил Виллиху, что пусть они лучше оторвут ему голову, но он не пойдет к «этим собакам». Если я теперь иногда не пишу несколько дней, то я поступаю так для того, чтобы делать более полные сообщения.

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

113
ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ [310]
В ЛОНДОН

[Манчестер, около 27 августа 1851 **г.**]

Дорогой Маркс!

Гомеровские сражения великих мужей, стремящихся к единству, меня весьма позабавили. Что за «Илиада»!

Фишеру написал. Но действительно ли я назван в письме к Кинкелю? А то, как бы мне не осрамиться перед Ф[ишером]. Идея относительно Фрейлиграта великолепна; это, наверное, твоя жена придумала. Потребовать от Ф[ишера], чтобы он собирал деньги специально для *наших* партийных целей, никоим образом нельзя; но если еще что-нибудь будет получено — а я сомневаюсь в этом после того опыта, который проделали американцы, — тогда, я думаю, моего письма будет достаточно для того, чтобы деньги посылались Фр[ейлиграту], а этого довольно.

Напиши мне сразу же, чем кончилась сцена в пятницу, чтобы я мог предпринять необходимые меры против К[инкеля], Вначале я не смогу ничего другого сделать, как потребовать подробных сведений и присылки документов, а затем, в случае

[*] — Будь здоров и ко мне благосклонен! *Ред.*

получения или неполучения их, сделать дальнейшее. Но известен ли тебе адрес Шинкеля]?

Было бы хорошо, если бы ты прислал мне также адрес Фрейлиграта, чтобы его можно было сразу же сообщить Фишеру. Теперь, к отплытию этого парохода, мы уже не успеем этого сделать, а пока получим от него ответ, пройдет месяц, в течение которого не очень-то следует бомбардировать его письмами.

Кинкелю и Виллиху я подставил ножку своим письмом в Америку, так что они этого не забудут.

О Прудоне* — завтра или послезавтра. Присутствие Веерта, затем эта пачкотня, в сочетании с конторской дрянью, — все это помешало мне серьезно взяться за книгу. Во всяком случае, шарлатанство там великолепное. Вторая часть, начиная с «ликвидации», бесподобна своим сочетанием жирарденовской рекламы со штирнеровским хвастовством. К тому же некоторые места представляют собой — грамматически и логически — чистейшую галиматью, которая, как он сам понимает, не имеет абсолютно никакого смысла. Об этой второй части, право же, совершенно не стоит серьезно говорить, при всем желании это невозможно.

Для «Tribune» я, конечно, тоже ничего не мог написать, продолжение** будет на будущей неделе. Очень спешу.

Твой ***Ф. Э.***

Впервые полностью опубликовано на языке оригинала в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritle Abteilung, Bd. 1, 1929 и на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXI, 1929 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

114
МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ [311]
В МАНЧЕСТЕР

[Лондон], 31 августа 1851 г.
28, Deanstreet, Soho

Дорогой Энгельс!

Всегда рискуешь сильно ошибиться, рассчитывая на решительный кризис среди демократических героев. После такого скандала, какой произошел две недели тому назад, эти актеры нуждаются в многонедельном отдыхе. И, таким образом, позавчера, в пятницу 29-го, не произошло ничего значительного.

---

* *П. Ж. Прудон.* «Общая идея революции в XIX веке». *Ред.*

** Речь идет о продолжении серии статей Энгельса «Революция и контрреволюция в Германии». *Ред.*

Во-первых. В понедельник, 25 августа, как я уже тебе писал, Виллих и Шаппер грозили своим выходом из Эмигрантского комитета на Грейт-Уиндмилл. Во вторник они действительно на официальном заседании заявили о своем выходе, и комитет вообще благополучно распался. При этой оказии не обошлось без горьких слов. Виллих морализировал и читал проповеди о нравственности, в ответ на что ему были перечислены все его грехи. Но главным пунктом обвинения против него было то, что, когда пришло время давать отчет о двадцати фунтах, вложенных в щеточную мастерскую, то опять, подобно тому как это уже однажды было сделано, позаботились о том, чтобы г-н Люссель, ответственный поручитель за эту мастерскую, смог улизнуть.

В пятницу на общем заседании жаждущих соглашения находился и генерал Зигель[*]. Он рассчитывал на появление «эмигрантских низов», из-за которых ему пришлось выдержать несколько сильных схваток с Виллихом, давшим волю своему негодованию против безнравственного сброда, который он, в борьбе против нас, сам прежде восхвалял. Но этот люмпен-пролетариат как раз и не пришел на собрание. Те, которые собрались пред дверьми ареопага, были слишком малочисленны, чтоб иметь возможность рассчитывать на успех, и потому удалились. Ты ведь знаешь, что это за трусливые канальи. И у каждого из этих негодяев совесть слишком нечиста, чтобы выступать изолированно перед большим собранием в качестве публичного обвинителя.

В «общедемократический» эмигрантский комитет было избрано несколько сторонников Руге, как, например, Ронге, — числом четыре. Они заявили о своем выходе. Комитет был, таким образом, распущен. Был избран новый *временный* комитет, состоящий из гг. Кинкеля, графа Рейхенбаха[**], Бухера и саксонца Земпера.

Отсюда ты видишь, что они вступили в новую фазу. Они бросились в объятия респектабельных «государственных мужей», так как прежние «вожди» скомпрометированы как мошенники в гражданских делах. К этим «государственным мужам» — их основному ядру — принадлежат «доблестные демократы» *Бухер* (берлинский соглашатель[312]), *граф Рейхенбах* (рыцарь духа и франкфуртский деятель, скомпрометировавший себя в имперском масштабе, а не берлинская борода партии[***]) и важничающий заика *«Рудольф Шрамм»* (известен).

[*] — Франц Зигель. *Ред.*
[**] — Оскара Рейхенбаха. *Ред.*
[***] — Эдуард Рейхенбах. *Ред.*

Лупус*, который, в силу давнишней дружбы с графиней Рейхенбах и с ее братом, находящимся тоже здесь, время от времени бывает в доме Рейхенбаха, встретил там вчера г-на Техова, с которым он знаком еще по Швейцарии. Вскоре после этого появился Виллих собственной персоной в обществе глубокомысленного Эдуарда Мейена. Когда эти персоны появились, Лупус удалился.

Вот все, что я могу сообщить в данный момент. Благодаря 160 американским фунтам Кинкелю удалось, очевидно, частью непосредственно, частью при помощи своих сторонников, создать у «респектабельных» и «государственных мужей» чрезвычайно высокое мнение о своем могуществе и своих связях. Но благородный Виллих роспуском комитета на Уиндмилл-стрит разорвал самую прочную связь, соединявшую его с «чернью».

Теперь, что касается тебя, то *Фишер* положительно и определенно назвал тебя, как одного из тех, в чье распоряжение должны были поступить 160 фунтов стерлингов. Генерал Зигель и Гёгг сообщили это, якобы под секретом, своему другу Шабелицу, а в действительности, как я думаю, для того, чтобы довести это до твоего сведения. По-моему, тебе остается лишь написать г-ну Кинкелю, что ты получил известие из Нового Орлеана об отправке денег и о том, что тебя привлекают к обсуждению способа их использования. Ты просто спрашиваешь его, как обстоит дело с деньгами или что предполагается с ними сделать. Адрес Кинкеля: Д-ру фил. (так пишет он на своих визитных карточках) Кинкелю, 1, Henstridge Villas, St. Johns Wood. Я тебе как-нибудь, шутки ради, пришлю такую визитную карточку, она и по содержанию и по форме весьма похожа на лондонскую рекламу об излечении мозолей и т. д.

Да, не забыть бы о великом событии. В номере** от 13 августа несчастный Гейнцен объявляет, что Отто взял обратно свои капиталы и он остался один со своим духовным капиталом, с помощью которого в промышленной Америке газета не может издаваться. Он поэтому пишет элегию о преждевременной гибели Гектора. И в том же номере Хофф и Капп призывают подписываться на акции новой газеты, которая должна появиться вместо «Schnellpost». И в это самое время — о, превратности судьбы! — «Staatszeitung» возбуждает против благородного Гейнцена процесс о клевете, разоблачая мимоходом ряд его денежных пакостей, процесс, который, как он предвидит, приведет его в «исправительный дом». Бедный Гейнцен! И этот великий муж теперь полон морального негодования против Америки, «бедных чувствами янки», а также «немецких американцев»,

* — Вильгельм Вольф. *Ред.*
** — «Deutsche Schnellpost». *Ред.*

которые им подражают, вместо того чтобы работать над «гуманизацией общества» и вдохновляться великими социально-политическими открытиями А. Руге.

Так, например, в упомянутом номере сказано:

«Тот свободный немецкий дух, который должен наполнить мир... тот живительный источник, который уже почти две тысячи лет орошает землю, становясь все обильнее».

«Для чего же существуют немцы на земле? Для чего немецкие сердца, для чего немецкий язык? Для чего, например, это средство развивать и просвещать ум, изобретенное немцем Гутенбергом? Все это имеется здесь, даже земля, на которой это происходит или должно было бы происходить, — эта Америка **открыта немцем».**

«Свободные общины, здоровая, бодрая немецкая философия, блестящая немецкая литература, перенесенная сюда, в духовном взаимодействии со всем тем, что страна и ее жители дали дельного и прочного, — все эти факторы должны создать *американизм всемирно-исторического значения,* всесильно гуманную, духовную и моральную величину, сердце которой составляет беспрерывно увеличивающее свое влияние тевтонство, голову — облагороженный дух янки, руки же постоянно приводятся в движение соединенными усилиями обоих».

«В самом деле, я утверждаю, что немецкий народ более созрел для демократической республики, чем американский... В самом деле, если бы Германия освободилась от своих кровопийц и своих оков, то она была бы в состоянии «установить», как говорят американцы, чисто демократическую республику раньше, чем янки, и могла бы осуществить ее с большим успехом, чем они, ибо даже политически образованная часть американцев еще так проникнута предрассудками, еще так несвободна в умственном отношении и настолько еще далека от всякого гуманистического образования, что там не может осуществиться конечная цель демократии, истинная гуманность, гармоническое развитие человечества в политическом, социальном, моральном или духовном отношении».

Это пишет, или позволяет себе писать, тевтонский грубиян* как раз в такое время, когда американцы благополучно обеспечили себе путь через перешеек. Этот хам в том же номере осмеливается писать:

«Вы так метко бичуете положение в Америке, в особенности немецких американцев, что всякий компетентный беспристрастный человек должен с Вами согласиться. Было бы действительно похвальным делом, если бы Вы, при посредстве Вашей газеты, могли бы содействовать облагораживанию и просвещению немцев в Америке; и если бы даже Ваш голос не нашел отклика в грубой массе, все же Вы сделаете достаточно, если освободите отдельных немцев от обезьяньего и гибельного стремления подражать американцам».

А вслед затем этот грубиян выкрикивает жалобным голосом свои нелепые иеремиады по поводу отсутствия денег.

Ты уже, наверное, давно заметил по газетам, что Жирарден объединяется с Ледрю-Ролленом. Последний мнил уже себя будущим французским Великим Моголом. Но вот в Париже

* — Гейнцен. *Ред.*

образовался конкурирующий комитет Ламенне — Мишель (из Буржа) — Шёльше, который хочет создать «Соединенные штаты Европы» при помощи *романских* народов — французов, испанцев, итальянцев, — куда затем присоединятся немцы и т. д. Таким образом, испанцы (!) должны нас цивилизовать! Боже мой, это превосходит даже К. Гейнцена, который хочет распространить среди янки учения Фейербаха и Арнольда Руге, дабы «гуманизировать» их. Журнал Ледрю «Proscrit» резко нападает на этот конкурирующий комитет. Те отвечают ему той же монетой. Но вот что еще горше для Великого Могола in partibus*: в Париже состоялся конклав всей прессы. «Proscrit» также был представлен одним делегатом. Цель: соглашение относительно общей кандидатуры в президенты. «Proscrit» провалился со всеми своими предложениями, и было ясно сказано, что лондонские господа пусть себе болтают, а то, что для Франции нужно, должно прийти из самой Франции; Ледрю-де весьма ошибается, считая себя «той важной персоной», за которую его выдает Мадзини.

Впрочем, конклав закончился скандалом и безрезультатно. Жаждущая объединения демократия всюду похожа одна на другую, как две капли воды.

До свидания! Твой ***К. М.***

Впервые полностью опубликовано на языке оригинала в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung. Bd. 1, 1929 и на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXI, 1929 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

115
ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ [313]
В ЛОНДОН

[Манчестер], понедельник, 1 сентября [1851 г.]

Дорогой Маркс!

Ты должен меня опять извинить.

Во-первых, я все еще не мог приступить к работе над Прудоном, так как меня четыре дня подряд мучила ужаснейшая зубная боль, которая совершенно лишила меня всякой работоспособности. К тому же еще сегодня вечером приезжает из Лондона мой брат** (которого ты знаешь) и будет, не знаю как долго, мешать мне работать. Черт бы побрал выставку!

* — in partibus infidelium — вне реальной действительности, за границей (буквально: «в стране неверных» — добавление к титулу католических епископов, назначавшихся на чисто номинальные должности епископов нехристианских стран). *Ред.*

** По-видимому, Герман Энгельс. *Ред.*

Во-вторых, обещанные на сегодня 5 фунтов я смогу выслать лишь завтра, так как в кассе конторы сейчас абсолютно нет денег, и я смогу их получить лишь завтра.

Торжествующая статья «Lithographische Correspondenz» о достигнутом, наконец, единении благородной эмиграции опровергается уже новыми жалобами и выпадами «пруссаков» против «южных немцев» и «померанца» Руге в той же газете. Sic transit gloria* — радость недолго длилась. Хорошо, что в каждом из двух новых союзов[314] у нас столько друзей, что ни один из этих союзов не будет нам надоедать.

Читал ли ты в сегодняшней «Daily News» поучительную статью о фактической проститутке и мнимой баронессе Бек, которая умерла на руках английской полиции в Бирмингаме во время своего вранья? Это — замечательная история, и она еще тем замечательнее, что одновременно уличает назойливого нищего — «д-ра» Хейнемана, как явного шпиона, состоящего на жалованье «недавно организованного иностранного отдела английской полиции». Ты помнишь, как подозрителен был нам этот низкий субъект с давних пор. Передача документов о «существующей в Лондоне немецкой коммунистической ассоциации» объясняет также полицейские придирки прошедшего лета, и я хотел бы знать, сколько получил г-н Христиан Йозеф Эссер за свое участие в этой истории. Знаешь ли ты «барона Содена», который подтверждает эти истории и предлагает привести доказательства? Было бы очень хорошо, если бы можно было незаметно выведать кое-что у этого человека. Предлог для этого можно было бы легко найти, а при этом можно было бы получить материал о негодяях среди эмигрантов, что впоследствии может пригодиться. Я добуду себе этот номер «Daily News» и сохраню его; в случае надобности можно воспользоваться этим документом.

Банкротства в Ливерпуле и Лондоне уже начались, и «Economist», несмотря на свои старания доказать, что экономика страны в высшей степени здорова, то есть, что большая часть избыточного капитала помещена в солидные предприятия, все же должен признать, что Ост-Индия опять переполнена товарами и в ост-индской торговле с неизменной регулярностью стали вновь повторяться старые истории с консигнацией и ссудами. На будущей неделе он собирается нам показать, каким образом можно устраивать консигнационные операции на солидной основе — я жду этого с любопытством. Пока что владельцы прядильных и ткацких предприятий зарабатывают здесь массу денег — большая часть их обеспечена заказами до Нового года,

* — Sic transit gloria mundi — так проходит слава мира (слова из ритуала избрания папы). *Ред.*

и в деревне повсюду работают, по крайней мере, до 8 часов вечера, то есть по 12 — $12^1/_2$ часов, и даже больше. Из хлопка по $3^3/_4$ — $4^1/_2$ пенса за фунт они прядут пряжу по 7—8 пенсов за фунт; издержки производства при этих грубых сортах составляют едва $1^1/_2$ — 2 пенса за фунт; таким образом, при еженедельной производительности в 12 миллионов фунтов (при ввозе 600000000 фунтов хлопка-сырца) все предприниматели-прядильщики вместе зарабатывают в Англии, если принять грубые сорта за норму, еженедельно 75000 ф. ст., то есть ежегодно чистых $3^3/_4$ миллиона фунтов. То же самое будет, если вместо №№ 6—12 взять средние номера пряжи, 18—24, а те, кто в состоянии благодаря хорошим машинам употреблять худший хлопок, зарабатывают на фунте пряжи не $1^1/_2$, а $2^1/_2$ пенса. Все это началось с апреля и мая, со времени падения цен на хлопок; больше всего пряжи по сравнению с другими покупают немцы. Когда начнется свистопляска, — а нынешнее положение продлится, наверное, не дольше, чем до марта, — и если в то же время пойдет потеха и во Франции, то немцам придется туго, поскольку у них останется на шее вся эта, не находящая сбыта пряжа, и в результате эта страна тоже окажется хорошо подготовленной.

Оброним тихую слезу в память о Брюггемане![315] Более незаслуженное несчастье никогда еще, очевидно, не постигало филистера — sit illi terra levis*.

Впервые полностью опубликовано на языке оригинала в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 1, 1929 и на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXI, 1929 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

116

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

В ЛОНДОН

[Манчестер], понедельник, 8 сентября [1851 г.]

Дорогой Маркс!

Завтра уезжает мой брат**, и я опять, наконец, обрету покой. Все это время я ни одной минуты не оставался один и никак не мог выслать тебе банковый билет раньше субботы; при этом пришлось отправить обе половинки с одной и той же по-

* — да будет ему земля пуком. *Ред.*

** По-видимому, Герман Энгельс. *Ред.*

чтой, ибо в воскресенье бывает только доставка почты. Поскольку при таком способе имеется опасность, что билет стащат, сообщаю тебе данные о билете; его номер E/X 01780, помечен — Лидс, 15 июля 1850 года. Таким образом, если ты его не получишь, пойди сейчас же в банк и задержи выплату, что будет еще вполне своевременно. Это был пятифунтовый билет.

В пятницу вечером я получил неожиданно письмо от моего старика*; он пишет, что я расходую слишком много денег и что я должен довольствоваться 150 фунтами. Само собой разумеется, я не подчинюсь этому смешному требованию, тем более, что оно сопровождается угрозой — в случае надобности указать Эрменам, чтобы они не выдавали мне денег сверх этой суммы. Я, конечно, тотчас же напишу ему, что моей ноги больше не будет в конторе и что я сейчас же уеду в Лондон, если он попытается сделать эту подлость. Он, в самом деле, сошел с ума. Все это тем более смешно и пошло, что мы давно здесь устно столковались по этому пункту, и я не дал ему абсолютно никакого повода для этого. Я надеюсь с помощью моего брата и моей старухи** уладить это дело, но все же на ближайшее время должен буду себя немного ограничить, так как, в общей сложности, я уже израсходовал здесь 230 фунтов, и до ноября, когда исполнится год моего пребывания здесь, эта сумма не должна чересчур повыситься. Во всяком случае, эта новая выходка очень неприятна и сильно злит меня, и в особенности тот низкий способ, который мой старик при этом применил. Правда, он в этом году заработал здесь далеко не так много, как в прошлом, но это зависит исключительно от скверного хозяйничанья его компаньонов, над которыми я не имею никакого контроля.

Что это за новая история в Париже?[316] На этот раз клика «Гиппопотама»***, кажется, попала в беду; те арестованные немцы, имена которых мне известны, это все старые вейтлингианцы эпохи 1847 г. и более ранней. Кажется, тут перекрещивается несколько интриг. Швабский спаситель, видимо, тоже находится среди счастливцев. Тем лучше для него. Если узнаешь что-нибудь, напиши.

Как сообщают немецкие газеты, кёльнцы *не* предстанут пред ближайшей сессией суда присяжных — октябрьской.

Завтра или послезавтра напишу больше.

Твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

* — Фридриха Энгельса-старшего, отца Энгельса. *Ред.*
** — Элизы Франциски Энгельс, матери Энгельса. *Ред.*
*** — Шаппера. *Ред.*

117
ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ
В ЛОНДОН

[Манчестер], четверг,
11 сентября [1851 г.]

Дорогой Маркс!

Я надеялся приготовить тебе сегодня статью для Америки*. Но у меня не хватает еще около 3—4 страниц. Я поэтому должен отказаться от завтрашней почты, но, если я не ошибаюсь, в среду отправляется пароход компании Коллинза, и с ним может пойти эта статья, а в пятницу за ней последует третья. Я справлюсь об этом. В данный момент это американское дело, приносящее подлинные деньги, я считаю более спешным, чем Прудона; ведь неизвестно, принесет ли он их нам столь же верно и быстро, как американские статьи, и поэтому я прежде всего за них и взялся. Если ты на этот счет другого мнения, напиши.

Мое письмо, отправленное в понедельник, ты, наверное, получил.

В ожидании известий от тебя

Твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано в книге:
«Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart. 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

118
МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ
В МАНЧЕСТЕР

[Лондон], суббота, 13 сентября 1851 г.
28, Deanstreet, Soho

Дорогой Энгельс!

Ты, наверное, получил мое письмо во время пребывания у тебя твоего брата**? Я спрашиваю потому, что ты не упоминаешь ни о письме, ни о его содержании. В нем имеются только сплетни, хотя его и следует сохранить для архива. Но я не хотел бы, чтоб оно попало в чужие руки.

Различные твои письма, включая и письмо с пятью фунтами, получены вовремя.

Кинкель совершает теперь свое турне по северной Англии. Он еще не был в Манчестере?

---

* *Ф. Энгельс.* «Революция и контрреволюция в Германии». Статья II. *Ред.*

** По-видимому, Германа Энгельса. *Ред.*

После того, что я рассказал тебе в своем последнем письме, здесь мало что произошло. Неделю тому назад (в пятницу) граф Рейхенбах* заявил о своем выходе из общего союза эмигрантов. И ты, Брут? Зигель** и др., которые до этого еще окончательно не выходили из союза, теперь также вышли. А Виллих устраивает поход против «люмпен-пролетариата» среди эмигрантов. О заседании, состоявшемся вчера вечером, я еще не получил никакого сообщения.

Итальянский комитет тоже раскололся[317]. Из него вышло значительное меньшинство. Мадзини с горечью рассказывает об этом событии в «Voix du Peuple»***. Главные мотивы будто бы таковы. Во-первых, бог. Они не желают бога. Затем, — и это важнее, — они упрекают мэтра Мадзини в том, что, проповедуя восстание, то есть вызывая его преждевременно, он действует в интересах Австрии. Наконец, они настаивают на прямой защите материальных интересов итальянских крестьян. Но этого нельзя сделать, не задев, с другой стороны, материальных интересов буржуа и либерального дворянства, из которых состоит великая фаланга Мадзини. Последнее обстоятельство чрезвычайно важно. Если Мадзини или кто-либо иной, кто станет во главе итальянской агитации, не превратит на сей раз крестьян, смело и немедленно, из испольщиков в свободных земельных собственников — положение итальянских крестьян ужасно, я теперь основательно изучил эту гнусность, — то австрийское правительство прибегнет, в случае революции, к галицийским средствам[318]. Оно уже угрожало в «Lloyd» «полным переворотом в формах владения» и «уничтожением беспокойного дворянства». Если у Мадзини и теперь не откроются глаза, то он болван. Правда, тут замешаны интересы агитации. Откуда взять 10 миллионов франков, если оттолкнуть от себя буржуа? Как сохранить поддержку дворянства, если объявить ему, что дело идет прежде всего о его экспроприации? Все это представляет трудности для подобных демагогов старой школы.

Среди арестованных в Париже, к сожалению, находится и никчемный Шрамм. Третьего дня от этого повесы было получено письмо на имя Либкнехта, и у нас есть приятная перспектива снова увидеть в своей среде этого разложившегося субъекта. Но его ждут неожиданности, этого господина. Ты очень обяжешь меня, если *пришлешь* мне не позднее, чем *во вторник утром статью для Дана.* При сем письмо от Дронке. Кстати,

---

* — Оскар Рейхенбах. *Ред.*

** — Франц Зигель. *Ред.*

*** Возможно, описка; по-видимому, речь идет о журнале «Vois du Proscrit». *Ред.*

писать ему нужно непосредственно по его собственному адресу. Адрес Шустера совершенно ненадежен. Через несколько дней я пошлю тебе для него письмецо, ты, со своей стороны, сделаешь приписку и отправишь его этому карлику.

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого и итальянского

119
ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ
В ЛОНДОН

[Манчестер], пятница, 19 сентября [1851 г.]

Дорогой Маркс!

Я еще вчера с величайшей поспешностью кое-как закончил американскую статью*, часто прерывал ее в течение трех недель и в последний момент второпях нацарапал конец. Делай с ней все, что хочешь. Во всяком случае, ты, наверное, уже получил ее сегодня с первой почтой.

Единственное письмо, которое я получил за все время пребывания здесь моего брата**, было твое письмо от 31 августа, которое пришло лишь 2 сентября и в котором ты приводишь выдержки из Гейнцена (из «Schnellpost» об облагораживании янки).

Моя лень объясняется:

1) деловой поездкой в Брадфорд;

2) отъездом нашего конторщика в Лондон, откуда он вернется лишь в понедельник;

3) внезапным увольнением нашего кладовщика и его помощника, в результате чего я теперь перегружен работой.

Завтра или в понедельник я возьмусь за третью американскую статью, которая, безусловно, будет в твоих руках к отплытию ближайшего парохода — не позднее вторника, если он отплывает в среду, в противном случае не позднее пятницы. Завтра напишу больше — контору закрывают, а газа у нас нет, так что я пишу почти впотьмах.

Твой ***Ф. Э.***

Документ Виллиха в «Debats» бесподобен![319]

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

---

* *Ф. Энгельс.* «Революция и контрреволюция в Германии». Статья II. *Ред.*

** По-видимому, Германа Энгельса. *Ред.*

120
ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ [320]

В ЛОНДОН

Манчестер, 23 сентября 1851 г.

Дорогой Маркс!

Наконец, после всех этих злосчастных препятствий, у меня вновь появилась возможность регулярно заниматься. Статья № 3 для Америки будет сегодня вечером готова и немедленно тебе отослана*, и тогда я возьмусь тотчас же за Прудона.

О турне Кинкеля я больше ничего не слышал. Раскол между итальянцами превосходен. Замечательно, что завзятый фантазер Мадзини натолкнулся, наконец, на своем пути на преграду материальных интересов и притом в своей собственной стране. Достижением итальянской революции является то, что она и в Италии втянула в движение наиболее отсталые классы и что теперь, в противовес старо-мадзинистской эмиграции, возникает новая, более радикальная партия, которая постепенно оттесняет г-на Мадзини. По газетным сведениям тоже создается впечатление, что «мадзинизм» начинает пользоваться дурной славой даже среди людей, не являющихся ни конституционалистами, ни реакционерами, и что эти люди используют последние остатки свободы печати в Пьемонте для нападок на Мадзини, а правительство не понимает значения этих нападок. В общем же итальянская революция далеко превосходит немецкую бедностью мыслей и богатством фраз. Счастье, что в этой стране, где вместо пролетариев почти одни только лаццарони, имеются, по крайней мере, хоть ипольщики. Остальные мотивы, выдвигаемые итальянскими раскольниками, также очень хороши, и в конце концов прекрасно, что единственная, по крайней мере, до сих пор официально нерасколотая эмиграция теперь тоже затеяла драку.

Отчет малыша** сильно меня позабавил. Чванная болтовня, дуэль, сумма денег, которую он должен получить в Гамбурге, пьемонтские планы — ерунда, ерунда и еще раз ерунда![321] У этого человечка никогда не поймешь двух вещей: во-первых, чем он занимается, и, во-вторых, на какие средства он живет. При сем возвращаю это письмо, пришли мне ответ, и я отправлю его ему неоплаченным. Его непосредственный адрес я записал —

---

* *Ф. Энгельс.* «Революция и контрреволюция в Германии». Статья III. *ред.*

** — Дронке. *Ред.*

вот уж нечего сказать, подошел бы адрес Шустера, после того как у него был произведен обыск!

Что благородный Шрамм одним из первых попадет в когти парижской полиции, этого можно было ожидать. Он, верно, много шумел в разных кафе и поэтому был схвачен; но так как с заговором Виллиха — Шаппера Шрамм совершенно не связан, то вы скоро опять увидите его в Лондоне. Выдержки из документа Виллиха в «Kolnische Zeitung» гораздо эффектнее, чем во французских газетах, так как в ней воспроизведен немецкий оригинальный текст, и сильные выражения великого универсального человека выступают здесь во всей своей чистоте[322]. Например, там, где говорится, что «Союз» и четвертое «сословие» (не следует смешивать с поддельным товаром, который под этикеткой «пролетариат» выбросила на рынок фабрика Маркса и Энгельса) в следующей революции «должны привести историческое развитие экономического вопроса к окончательному концу»!! Плохой французский полицейский перевод испортил все в этом бесценном документе. Старые навязчивые идеи сумасшедшего солдафона, старая, как мир, пошлость о социальной революции через общину, хитроумные планы, которые были рассчитаны на то, чтобы уже в прошлом ноябре перевернуть мир при помощи рейнского ландвера, — все это только слегка проглядывает. Но досаднее всего то, что из-за этого плохого перевода почти совершенно лишаешься удовольствия видеть, как в этой путаной голове вдолбленные нами идеи постепенно, после 12-месячной самостоятельной переработки, в конечном счете превратились в высокопарную чепуху. В переводе всюду видна зависимость от наших идей, но как раз все, что было привнесено в них оригинально-сумасбродного, искажение их, выступает неясно. И разве это не лишает нас удовольствия прочитать, наконец, настоящий виллиховский документ на том языке, на котором он первоначально был написан, документ, над которым благородный рыцарь, наверное, долго корпел? Здесь видна только ужасающая скудость мысли и попытка скрыть ее за массой благих революционных советов, высиженных г-ном Виллихом и г-ном Бартелеми в мрачные вечера у камина. Бесподобны также финансовые меры: во-первых, выпускают бумажные деньги, неважно сколько; во-вторых, проводят конфискацию и, в-третьих, реквизируют. А затем социальные мероприятия, которые так же просты: во-первых, кое-как занимаются организацией, во-вторых, жрут, жрут очень много, пока, в-третьих, не доходят до того, что больше уже нечего жрать, и это — счастье, ибо тогда мы приходим к тому, что мы, в-четвертых, опять должны начинать сначала, так как самая радикальная

tabula rasa*, во всяком случае, состоит в том, что все столы опустошены начисто; и тогда наступает время, когда должны исполниться слова пророка Виллиха: «Мы должны войти в Германию, как в пустыню, которую мы должны колонизировать и обработать». У этого типа никогда не было другой идеи, как с «5000» избранных людей из избранного «народа божия» завоевать коммунистический Ханаан, истребив там первоначальных жителей. Моисей и Иисус Навин в одном лице. К сожалению, сыны Израиля разбежались уже во время египетского пленения.

Пакость с австралийским золотом, нужно полагать, не остановит торгового кризиса. Во всяком случае, в данный момент из-за этого создается новый, большей частью фиктивный, рынок и поднимаются цены на шерсть, так как стада овец остаются без присмотра. В общем эта история замечательна. Кругосветное пароходное сообщение получит через полгода широкое развитие, и наши предсказания о доминирующей роли Тихого океана осуществляются еще быстрее, чем мы могли этого ожидать[323]. При этом англичане вылетят в трубу, а соединенные штаты сосланных убийц, взломщиков, насильников и карманных воров[324] представят всему свету поразительный пример того, какие чудеса может совершать государство явных негодяев. Они далеко превзойдут Калифорнию. В то время как в Калифорнии все же еще линчуют негодяев, в Австралии будут линчевать порядочных людей, и Карлейль увидит в полном блеске свою «аристократию мошенников».

Вызванные последними банкротствами и, в частности, царящей в Ливерпуле депрессией многочисленные торжественные заверения газет о том, что, несмотря на все это, никогда еще экономика страны не находилась в более здоровом состоянии, очень подозрительны. Ост-Индия определенно переполнена товарами, и уже несколько месяцев там продают в убыток. Куда идет та масса продуктов, которая производится теперь в Манчестере и окрестностях, мне не ясно; дело, вероятно, не обходится без крупной, очень крупной спекуляции, ибо как только цены на хлопок достигли в июле самого низкого уровня и владельцы прядилен начали запасаться сырьем, местные комиссионные фирмы тотчас же стали заключать контракты со всеми владельцами прядильных и ткацких предприятий, хотя эти фирмы долгое время не имели заказов на все то количество товаров, которые они заказывали у фабрикантов. У ост-индских фирм, очевидно, опять в полном ходу старая система авансирования; у некоторых это уже обнаружилось, у других это рано или поздно

* — чистая доска. *Ред.*

приведет к основательному краху. Так как фабриканты работают здесь на всех парах, и с 1847 г. мощность здешних предприятий, особенно в радиусе 5—20 миль от Манчестера, возросла, по меньшей мере, на 30 процентов (в 1842 г. в Ланкашире равнялась 30000 лошадиных сил, в 1845 г. — 40000, а теперь, наверное, 55000 — 60000), то достаточно, чтобы столь бойкая деятельность продлилась еще только до марта или апреля, и тогда у нас произойдет такое перепроизводство, которое тебя определенно порадует.

Ливерпульским союзом хлопковых маклеров опубликованы приводимые ниже данные; такие точные данные тебе, вероятно, еще не попадались. Замечу сначала, что урожай хлопка за каждый год до 1 сентября следующего года целиком доставляется в гавани, так что хлопковым годом считается период с 1 сентября по 1 сентября. Поэтому понятно, что то, что здесь фигурирует, например, в качестве урожая 1851 г., составляет хлопок, выросший летом и собранный осенью 1850 г. и свезенный в гавани между сентябрем 1850 и 1851 года. Созревающий теперь урожай, который, впрочем, будет хуже вследствие засухи и ураганов и достигнет приблизительно $2^1/_2$ миллионов кип, будет, следовательно, фигурировать как урожай 1852 года.

	Урожай хлопка		Потреблено в самой Америке	
1846	2 110 537	кип	не приведено данных	
1847	1 778 651	»	427 967	кип
1848	2 347 634	»	531 772	»
1849	2 728 596	»	518 039	»
1850	2 096 706	»	487 769	»
1851	2 355 257	»	404 108	»

Американцы, таким образом, сами потребили приблизительно около $^1/_5$ или $^1/_4$ всего своего урожая. Относительно экспорта и импорта других сортов хлопка, не из Соединенных Штатов, у меня нет данных. Экспорт Соединенных Штатов в Англию составлял приблизительно от 55 до 60 процентов урожая, во Францию — $^1/_8$. Но обе страны опять-таки вывозят довольно много: Англия во Францию, Германию и Россию, Франция — в Швейцарию.

Русские теперь уже не получают из Англии почти ни одного фунта пряжи, они ввозят оттуда очень мало готовых хлопчатобумажных изделий и очень много хлопка-сырца: 2000—3000 кип в неделю. Несмотря на понижение пошлины на пряжу с 7 до 5 пенсов за фунт, ежедневно все еще возникают

новые прядильни. Николай, очевидно, начинает бояться этой промышленности и хочет еще больше понизить пошлину. Но так как в этом деле заинтересованы все его богатое дворянство и вся буржуазия, то если он на этом будет настаивать, дело может принять серьезный оборот.

Твой ***Ф. Э.***

Впервые полностью опубликовано на языке оригинала в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 1, 1929 и на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXI, 1929 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

121

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

В МАНЧЕСТЕР

[Лондон], 23 сентября 1851 г.
28, Deanstreet, Soho

Дорогой Энгельс!

С парижским документом[325] вышло очень глупо. Немецкие газеты, кёльнская и аугсбургская*, как и следовало ожидать от этих лишенных всякого критического чутья собак, приписывают его нам. С другой стороны, жалкий Виллих и К° распускают слух, будто бы мы через посредство наших знакомых в Париже выдали полиции эту дрянь. Что ты на это скажешь?

К. Шрамм тоже арестован. Habeat sibi**. В следующий раз — по получении еще некоторых сведений — я напишу тебе опять о здешней дряни. Сегодня я угощу тебя следующим резюме пространного манифеста гражданина Техова, напечатанного в «New-Yorker Staatszeitung» и озаглавленного: *«Контуры грядущей войны. Лондон, 7 августа»*[326]. (Плохо, доктринерски написано, всевозможные старые мотивы из нашего «Revue»; по форме как будто бы понятно, но плоско по содержанию; никакой живости в изложении, ничего меткого.) Считаю лишним излагать то, что Техов сначала напыщенно заявляет о революции 1849 года. Он делает из этого прежде всего следующие практические выводы:

1. Против насилия нет иного способа сопротивления, кроме насилия.

* — «Kolnische Zeitung» и «Allgemeine Zeitung». *Ред.*
** — Так ему и надо. *Ред.*

2. Революция может победить лишь тогда, когда она становится всеобщей, то есть когда она разгорается в больших центрах движения (баварский Пфальц, Баден), и когда, далее, она не является выражением одной *какой-нибудь оппозиционной фракции.* (Пример: июньское восстание 1848 года.)

3. Национальная борьба не может иметь решающего значения, так как она раздробляет.

4. Баррикадная борьба не имеет никакого иного значения, кроме того, что она сигнализирует о сопротивлении населения и подвергает испытанию силы правительств, то есть настроение войск по отношению к этому сопротивлению. Каковы бы ни были результаты этого испытания, первой и важнейшей мерой революции остаются всегда организация для войны и создание дисциплинированных войск. Ибо только благодаря этому возможно наступление, и только наступление дает победу.

5. Национальные учредительные собрания не в состоянии организовать дело войны. *Они теряют все свое время на вопросы внутренней политики,* для *разрешения* которых *время* наступит лишь *после победы*.

6. Чтобы осуществить организацию для войны, революция должна выиграть пространство и время. Она должна поэтому политически нападать, то есть втягивать в сферу своего влияния возможно большие пространства земли, так как в военном отношении она вначале всегда вынуждена ограничиваться обороной.

7. Организация для войны как в республиканском, так и в роялистском лагере может основываться лишь на принуждении. При помощи политического воодушевления и с фантастически разукрашенными повстанческими отрядами еще никто никогда не выиграл ни одного открытого сражения в борьбе против дисциплинированных и хорошо руководимых солдат. Военное воодушевление появляется лишь после ряда успехов.— Для этих успехов нет вначале лучшей основы, чем железная строгость дисциплины. Еще в большей степени, чем во внутренней организации страны, демократические принципы могут быть применены в армиях лишь после победы революции.

8. Грядущая война, это по природе своей война на уничтожение — народов или государей. Отсюда вытекает признание политической и военной солидарности всех народов, то есть интервенции.

9. Территория грядущей революции совпадает пространственно с границами побежденной революции — Франция, Германия, Италия, Венгрия, Польша.

Из всего этого вытекает следующее: Вопрос о будущей революции равнозначен вопросу о грядущей европейской войне.

Основной вопрос войны: быть ли Европе казацкой или республиканской? Арена войны — старая: Верхняя Италия и Германия.

Затем г-н Техов подсчитывает: 1) боевые силы контрреволюции; 2) боевые силы революции.

I. Боевые силы контрреволюции

1. *Россия.* Допустим, что она могла бы довести свои вооруженные силы до 300000, это было бы очень много. Через сколько времени и с какими силами она сможет тогда появиться на Рейне или в Италии? В лучшем случае через два месяца. Не меньше трети она потеряет больными и при занятии военных дорог. Остаются 200000 человек, которые смогут появиться в решающих пунктах театра войны через два месяца после начала движения.

2. *Австрия.* Состав ее армии исчисляется в 600000 человек. В 1848 и 1849 гг. ей понадобились в Италии 150000 человек. Такого же количества Радецкий требует сейчас и для мирного времени. В Венгрии она теперь в мирное время нуждается в 90000 человек. В последней войне 200000 человек оказалось недостаточно. Треть этой армии состоит из венгров и итальянцев, которые перейдут на сторону противника, В лучшем случае, если восстание в Венгрии и в Италии вспыхнет не одновременно, Австрия сможет — задерживаемая различными баррикадным» боями — появиться на Рейне через 6 недель с армией в 50000 человек.

3. *Пруссия.* Насчитывает 500000 человек, включая резервные батальоны и ландвер первого призыва, не идущие на фронт. Для боевых операций — 300000 человек: половина линейных, половина ландвера. Продолжительность мобилизации: от двух до трех недель. Офицерский корпус в прусской армии аристократичен, унтер-офицеры бюрократичны, масса «насквозь демократична». Дальнейшие шансы революция приобретает с мобилизацией ландвера. Дезорганизация прусской армии благодаря революции, которую король сможет подавить лишь при помощи русской армии, для того чтобы вместе с русскими повести остатки своей армии против повстанцев. Рейнская провинция, Вестфалия, Саксония потеряны для него, то есть важнейшие линии крепостей и, по меньшей мере, треть его армии; треть понадобится ему против восстаний в Берлине, Бреславле*, Познанской провинции и Западной Пруссии. Остается, самое

* Польское название: Вроцлав. *Ред.*

большее, 100000, которые смогут появиться на поле битвы не раньше самих русских.

4. *Германская союзная армия.* Баденские, шлезвиг-гольштейнские, кургессенские и пфальцские полки принадлежат революции. Лишь обломки союзной германской армии, следуя мольбам государей, усилят собой войска реакции. Не имеет военного значения.

5. *Италия.* Единственная военная сила Италии, сардинское войско, принадлежит революции.

Итак, общий итог:

Германский театр войны

150000 русских
100000 пруссаков
50000 австрийцев: 300000 человек

Итальянский театр войны

150000 австрийцев
50000 русских: 200000 человек

Всего..... 500000 человек

II. Боевые силы революции

1. *Франция.* В распоряжении революции 500000 человек уже в первый момент. Из них 200000 на Рейне, 100000 в Италии (Верхней) обеспечивают итальянской и германской революциям пространство и время для их организации.

2. *Пруссия.* 50000 } а именно, организованная половина
3. *Австрия.* 100000 } отпавшей армии.

4. Небольшие немецкие армии: 100 000.

Затем он делает следующий подсчет:

Действующая французская армия	300 000	человек
Немецкая революционная армия	150 000	»
Италия и Венгрия	200 000	»
	650 000	человек

Таким образом: революция ведет за собой 650000 человек против 500000 человек абсолютизма. Кончает он следующим образом:

«Какие бы национальные, какие бы принципиальные различия ни раскалывали постоянно великую партию революции, — все мы поняли, что для борьбы всех этих различных взглядов между собой время настанет лишь после победы» и т. д., и т. д.

Что ты думаешь об этом подсчете? Техов исходит из предположения, что дезорганизация будет в рядах регулярной армии, а организованность в рядах революционных боевых сил. Это составляет основу его подсчета. Но ты лучше сможешь судить об этой статистике, чем я.

Однако собственно политическая тенденция этой статьи, которая еще яснее видна в оригинале, сводится к следующему: не будет никакого революционного взрыва, то есть никакой борьбы партий, никакой гражданской войны, никаких классовых раздоров до *окончания войны* и поражения России. Но чтобы организовать эти армии для этой войны, нужно *насилие.* А от кого это *насилие будет исходить?* От генерала Кавеньяка или подобного ему военного диктатора во Франции, который имеет своих генералов в Германии и в Верхней Италии. Вот решение вопроса, которое недалеко уходит от идей Виллиха. Мировая война, то есть, согласно теории революционного прусского лейтенанта, господство, хотя бы временное, военщины над штатскими. Но каким образом какой-нибудь генерал, — даже если бы восстал из гроба сам старый Наполеон, — сможет получить не только эти средства, но и это влияние без предшествующей и одновременной *внутренней* борьбы, без проклятой «внутренней политики», — об этом оракул молчит. По крайней мере, здесь ясно высказано «благое пожелание» будущего мирового вояки, которое находит свое соответствующее политическое выражение как раз во внеклассовых политиках и демократах как таковых.

Будь здоров!

Твой ***К. М.***

Только что получил твое письмо, что и подтверждаю.

N. B. Ты ведь знаешь, что Штехан или Штекхан, был арестован в Ганновере и что, прежде чем он установил связь с нами, он вел переписку с комитетом Шаппера и т. д. И вот оказывается, что два письма, написанные им секретарю этого комитета Дицу и полученные этим тараканом, находятся теперь в бюро полицейского инспектора в Ганновере. Ульмер был нами уполномочен запросить по этому поводу г-на Дица и К° в ближайшую пятницу на публичном заседании «Союза изгнанников», или «Эмигрантского союза». Но мы затем отменили наше указание. Штехан бежал. Значит, он, вероятно, на пути в Лондон или уже здесь. А кто нам поручится, что Шт[ехан] не отправится к нашим врагам, вместо того чтобы явиться к нам?

Эти штраубингеры способны на все. Новое доказательство: г-н Пауль Штумпф за свое короткое пребывание в Лондоне

не заглянул ни ко мне, ни к Лупусу[*], а имел дело исключительно с этими негодяями.

Твои сообщения о торговле меня чрезвычайно заинтересовали.

Что касается К. Шрамма, то он получил от меня небольшое письменное удостоверение, которое вложил в бумажник. Эти строчки могли оказаться для него чем-то вроде письма Урии[327]. Они были даны ему тогда как поручительство, для того чтобы у него создалось впечатление, что мы ему доверяем, так как этот человек мог нам сильно повредить. В то же самое время Рейнхардту написали, чтобы он был осторожен — если Шрамм к нему явится с письмом *общего* характера. Самое фатальное в этом деле, что там стоит моя подпись. Шрамм из-за этого может получить шесть месяцев.

Прощай!

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

122

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

В ЛОНДОН

[Манчестер], [25][**] сентября 1851 г.

Дорогой Маркс!

Твое письмо получил. Об учености Техова завтра. Кинкелевское попрошайническое письмо в Новый Орлеан очень мило; к сожалению, я лицезрел его только на французском языке. Г-н Штехан, должно быть, тоже уже в Лондоне; ты поступаешь правильно, оставляя этого молодца в покое, пока он сам не явится, и выжидая событий, прежде чем позволить кому-нибудь взять его под защиту. Среди освобожденных в Париже, о которых сообщили сегодняшние газеты, наверное, имеется и г-н Конрад[***]. Глупость немецких газет, приписавших нам этот вздорный виллиховский документ, меня тоже очень разозлила. Впрочем, очень скоро выяснится, что мы не имеем ничего общего с этой жалкой пачкотней. Клянусь богом, с нас довольно документов, написанных другими людьми и чуждых нам по

[*] — Вильгельму Вольфу. *Ред.*
[**] В этом месте рукопись повреждена. *Ред.*
[***] — Конрад Шрамм. *Ред.*

стилю и по содержанию. При сем — статья № 3* для Нью-Йорка, во всяком случае не такая дрянь, как № 2, За №. 4 скоро возьмусь.

Ты мог бы мне время от времени присылать бандеролью американские газеты. Иногда хочется посмотреть эту пакость in natura**. Я тебе скоро снова вышлю марки для этой цели.

Прощай!

Твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart. 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

123

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

В ЛОНДОН

[Манчестер, 26 сентября 1851 г.]

Дорогой Маркс!

Что касается теховской военной истории***, то она и с военной точки зрения чрезвычайно плоска и местами прямо неверна. Оставляя в стороне глубокие истины, что на насилие надо отвечать насилием, и нелепые открытия, что революция может победить лишь тогда, когда она является всеобщей (то есть, если понимать буквально, — когда она не встречает никакого сопротивления, а по смыслу, — когда она является буржуазной революцией); оставляя в стороне благонамеренный замысел подавить фатальную «внутреннюю политику», то есть подлинную революцию, при помощи какого-то, до сих пор еще не найденного, несмотря на Кавеньяка и Виллиха, военного диктатора; иными словами, оставляя в стороне эту весьма знаменательную политическую формулировку взглядов подобных господ на революцию, — с военной точки зрения нужно заметить следующее:

Железная дисциплина, которая одна может обеспечить победу, является как раз обратной стороной «откладывания внутренней политики» и военной диктатуры. Откуда может взяться эта дисциплина? Должны же были эти господа извлечь какие-то уроки в Бадене и Пфальце[328]. Ведь несомненный

---

* *Ф. Энгельс.* «Революция и контрреволюция в Германии». Статья III. *Ред.*

** — в натуре. *Ред.*

*** См. настоящий том, стр. 309—313. *Ред.*

факт, что дезорганизация армий и полное ослабление дисциплины были одновременно условием и результатом всех происходивших до сих пор победоносных революций. Франции понадобилось время с 1789 до 1792 г., чтобы заново организовать только одну армию Дюмурье, численностью приблизительно в 60000—80000 человек, но и эта армия вновь распалась, и во Франции не было, можно сказать, никакой организованной армии до конца 1793 года. Венгрии потребовалось время с марта 1848 до середины 1849 г., прежде чем у нее оказалась правильно организованная армия. А кто установил дисциплину в армии во время первой французской революции? Отнюдь не генералы, которые лишь после нескольких побед начинают пользоваться влиянием и авторитетом у импровизированных армий во время революции, а террор, проводившийся во внутренней политике гражданской властью. Боевые силы коалиции:

1. Россия. Предположение о 300000 человек, составляющих пригодные войска, из которых 200000 под ружьем на театре войны, преувеличено. Но это еще можно допустить. Однако через два месяца они не могут быть ни на Рейне (во всяком случае авангард не сможет быть на Нижнем Рейне, у Кёльна), ни в Верхней Италии. Для того, чтобы иметь возможность действовать одновременно и как следует организовать дислокацию вместе с Пруссией, Австрией и т. д., на это потребуется три месяца — русская армия не делает больше 2—$2^1/_2$ немецких миль в день и отдыхает каждый третий день. Прошло почти два месяца, пока русская армия появилась на театре военных действий в Венгрии.

2. Пруссия. Мобилизация: по меньшей мере, от четырех до шести недель. Расчеты на переход солдат на сторону противника, на восстания и т. д. очень рискованны. Но в лучшем случае Пруссия сможет располагать 150000 человек, а в худшем не будет иметь, очевидно, и 50000. Рассчитывать на треть и четверть — чистое шарлатанство; все зависит от случайностей.

3. Австрия. Столь же проблематично и необосновано. Здесь совершенно невозможен какой бы то ни был учет вероятностей a la Техов. В лучшем случае Австрия, может быть, выставит, согласно данным Т[ехова], 200000 человек против Франции, в худшем случае не сможет дать ни одного человека и будет в состоянии противопоставить французам, *самое большее,* 100000 у Триеста.

4. Союзная армия — две трети баварской армии пойдет, безусловно, против революции, а кое-где и еще кое-кто. В продолжение трех месяцев можно будет, во всяком случае, сформи-

ровать корпус в 30000—50000 человек, и вначале они будут достаточно хороши против революционных солдат.

5. Дания сможет сразу послать на фронт 40000—50000 хороших солдат. Шведы и норвежцы должны будут, как и в 1813 г., тоже принять участие в великом крестовом походе. Т[ехов] этого не предусматривает, равно как и Бельгию и Голландию.

Боевые силы революции:

1. Франция. Насчитывает под ружьем 430000 человек. Из них 100000 в Алжире. 90000, то есть четверть остатка, фактически не находятся под ружьем. Остаются 240000, из которых, несмотря на значительно усовершенствованные теперь железные дороги, через 4—6 недель смогут появиться не более 100000 человек на бельгийско-немецкой границе и 80000 на савойско-пьемонтской. Сардиния на этот раз попытается, как Бельгия в 1848 г., сыграть роль скалы в море; будет ли поэтому пьемонтское войско, в рядах которого и без того множество сардинских ханжески-набожных крестьянских сыновей, — по крайней мере, в его теперешнем виде, с аристократическими офицерами, — соблюдать верность революции, как это воображает Т[ехов], — это еще большой вопрос. Виктор-Эммануил взял себе за образец Леопольда, это опасно.

2. Пруссия — ? 3. Австрия — ? Это — в отношении регулярных, организованных войск. Что касается партизанских отрядов, то их явится легион, конечно, ни к чему не пригодных. Если в течение первых месяцев удастся составить из перешедших на сторону революции войск 50000—60000 боеспособных солдат, то это много. А откуда за такое короткое время взять офицеров?

Ввиду всего этого представляется более вероятным, что революция, если она разразится в ближайшем году, должна будет в первое время, — за неимением того, что дало Наполеону возможность быстро сформировать исполинскую армию, а именно хороших кадров, неизбежно отсутствующих во всякой революции (даже во Франции), — либо оставаться в состоянии обороны, либо ограничиться словесным провозглашением революции из Парижа и очень неудовлетворительными, заслуживающими порицания, вредными экспедициями типа Рискон-Ту[329] в более широком масштабе. Разве только рейнские крепости падут после первого штурма, и пьемонтское войско последует призыву гражданина Техова; или дезорганизация прусских и австрийских войск даст возможность немедленно овладеть Берлином и Веной, как центрами, и тем самым принудить Россию перейти к обороне; или вообще произойдут события, которых

заранее нельзя предвидеть. Строить на этом свои расчеты a la Техов и заниматься исчислением вероятностей — дело праздное и произвольное, как я уже в этом давно убедился на своем собственном опыте. Можно лишь сказать одно, что чрезвычайно много зависит от Рейнской провинции.

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart. 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

124
МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ В МАНЧЕСТЕР

[Лондон], 13 октября 1851 г.
28, Deanstreet, Soho

Дорогой Энгельс!

Ты, вероятно, видел в «Kolnische Zeitung» написанное мною заявление по поводу сплетен, распространяемых аугсбургской «Allgemeine Zeitung»[330]. Болтовня стала прямо невыносимой. Цель, которую эти олухи в последнее время преследовали своими непрерывными атаками во всех немецких газетах, как мне достоверно известно, состояла в том, чтобы поставить меня перед такой дилеммой: либо я должен был публично осудить заговор, а, таким образом, и наших партийных друзей, либо публично признать его и, таким образом, совершить «юридическое» предательство. Но эти господа слишком неотесаны, чтобы поймать нас.

Вейдемейер 29 сентября отплыл из Гавра в Нью-Йорк. Он встретил там Рейха, который тоже поехал за океан. Рейх был арестован вместе со Шраммом; он сообщает, что полиция нашла у Шрамма копию протокола, в котором содержится запись дебатов, вызвавших его дуэль с Виллихом, протокола от того самого вечернего заседания, когда он обрушился на Виллиха и ушел с заседания[331]. Этот документ написан его рукой, но не подписан. Таким образом, полиция обнаружила, что он — Ш[рамм], а не «Бамбергер», по паспорту которого он жил в Париже. С другой стороны, этот протокол еще больше запутал г-на начальника полиции Вейса и компанию тем, что наши имена оказались замешанными в эту грязную историю. Раз уж Шрамм совершил эту глупость, то утешением является хоть то, что этот «честный человек» будет наказан как раз за это.

Итак, Кинкель употребил присланные из Америки 160 ф. ст. на то, чтобы самолично отправиться вместе со своим спасителем

Шурцем в Америку и производить там сборы*. Удачно ли он выбрал для своего отъезда туда как раз момент депрессии на американском денежном рынке, — это большой вопрос. Он избрал этот момент для того, чтобы попасть туда *раньше* Кошута, и льстит себя надеждой при какой-нибудь оказии публично обнять Кошута в этой стране будущего и прочесть во всех газетах: Кошут и Кинкель!

Пользуясь поднятым им шумом об освобождении рабов, г-н Гейнцен создал в Нью-Йорке новое акционерное общество и продолжает издание своей газеты под несколько измененным названием.

Штехан — не доверяй ни одному штраубингеру! — уже в продолжение нескольких недель находится здесь в свите Виллиха — Шаппера. Когда обнаружился факт, что его письма к таракану Дицу попали в руки ганноверской полиции, Ш[техан] написал корреспонденцию в «Norddeutsche Zeitung», в которой сообщает, будто у Дица был взломан письменный стол (какая ерунда!) и похищены письма. Шпионом-де оказался, как теперь установлено, находящийся давно на службе у полиции Хаупт из Гамбурга. Какое счастье, что я не допустил несколько недель тому назад никакого публичного вмешательства в дело Дица — Штехана. Что касается Хаупта, то я о нем больше ничего не слыхал и напрасно ломаю себе голову над тем, как передать ему письмо, так как он должен объясниться. Через Веерта я уже раз сделал такую попытку, но домашние Х[аупта] отказались принять Веерта под предлогом, что того нет дома, Что ты думаешь о Хаупте? Я убежден, что он не шпион и никогда шпионом не был.

Эдгар Бауэр будто бы тоже здесь. Я еще его не видел. Неделю тому назад сюда приезжал Блинд с супругой (мадам Коген) для посещения выставки; в воскресенье он снова уехал. С прошлого понедельника я его больше не видал, и именно из-за следующего нелепого случая, который покажет тебе, до какой степени этот несчастный находится под башмаком своей жены. Сегодня я получил местное письмо, в котором он извещает меня о своем отъезде. Итак, в прошлый понедельник он был у меня с женой. Кроме них были Фрейлиграт, Красный Вольф** (который, к слову сказать, без всякого шума опять появился у нас и к тому же недавно *женился* на англичанке; она — синий чулок), Либкнехт и несчастный Пипер. Жена Блинда — живая еврейка, и мы очень весело смеялись и болтали, пока «всякой лжи

* См. настоящий том, стр. 326. *Ред.*
** — Фердинанд Вольф. *Ред.*

отец»[*] не перевел разговор на вопросы религии. Она хвастала атеизмом, Фейербахом и т. д. Тогда я стал нападать на Ф[ейербаха], но, конечно, весьма учтиво и дружески. Вначале мне казалось, что еврейке дискуссия доставляет удовольствие, и это, конечно, было единственным основанием, почему я пустился в рассуждения на эту скучную для меня тему. А в это время мое нескромное доктринерствующее эхо, г-н Пипер, вмешался в разговор, прорицая, как оракул, и, признаться, не весьма тактично. Вдруг я вижу, что наша дама утопает в слезах. Блинд меланхолически бросает на меня взгляды, полные укоризны, она откланивается — «и след навек пропал»[**], и Блинд тоже исчез. Такого приключения у меня еще никогда не было за всю мою долгую практику.

Пипер отбыл вместе с Ротшильдами во Франкфурт-на-Майне. Он усвоил себе очень неприятную манеру: когда я с кем-нибудь дискутирую, он вмешивается в разговор с весьма глупым превосходством ментора.

То, что узнали вчера, о том поучают сегодня:
Видно, у этих господ быстро кишечник варит[***].

Почтеннейший Гёрингер прислал мне вызов в суд на 22-ое сего месяца по поводу старого долга. Одновременно этот великий человек выехал в Саутгемптон, чтоб принять Кошута. Очевидно, это я должен оплатить расходы по торжественному приему.

Я получил из Парижа два письма: одно от Эвербека, а другое от Сазонова. Г-н Эвербек издает бессмертное произведение: «Германия и немцы». Охватывает период от Арминия-херуска (так он мне пишет буквально) до 1850 г. от рождества Христова. Он просит у меня биографических литературно-исторических заметок о трех мужах: Фридрихе Энгельсе, Карле Марксе и Бруно Бауэре. Эта дрянь уже начала печататься. Что делать? Я боюсь, что если этому молодцу совсем не ответить, то он пустит о нас в свет величайшую бессмыслицу. Напиши мне, что ты об этом думаешь.

В письме Сазонова во всяком случае самым интересным является пометка: «Париж». Каким образом С[азонов] в этот трудный момент попал в Париж? Я попрошу у него объяснений по поводу этой тайны. Он, со своей стороны, весьма жалуется на Дронке, который будто бы бездельничает и позволяет себя околпачивать некоторым буржуа. Сазонов перевел одну поло-

[*] *Данте*. «Божественная комедия», «Ад», песнь XXIII (этими словами в поэме характеризуется бес). *Ред.*
[**] *Гёте*. «Рыбак». *Ред.*
[***] *Шиллер*. «Баловни счастья» («Die Sonntagskinder»). *Ред.*

вину «Манифеста»*, а Д[ронке] обязался перевести вторую. Из-за обычной небрежности и лени последнего из всего этого ничего не вышло. Это, признаться, весьма похоже на нашего Д[ронке].

После того как г-н Кампе отверг мое предложение о брошюре против Прудона, а г-н Котта, и позднее Лёвенталь (через посредство Эбнера во Франкфурте) — мое предложение об издании политической экономии, для последней, кажется, наконец, открываются некоторые виды. Через неделю я узнаю, реализуются ли они. Дело идет об издателе в Дессау, переговоры с которым ведутся тоже через Эбнера. Эбнер — друг Фрейлиграта.

От «Tribune» я еще не получил ни одного письма и не видал ее ни разу, но не сомневаюсь, что дело подвигается вперед[332]. Во всяком случае, это должно выясниться через несколько дней.

Ты должен мне сообщить, наконец, твое мнение о Прудоне**, хотя бы вкратце. Это меня тем более интересует, что я теперь занят разработкой политической экономии. Впрочем, в последнее время, работая в библиотеке, которую я продолжаю посещать, я усиленно изучал главным образом технологию, ее историю, а также агрономию, чтобы получить хоть некоторое представление об этой пакости.

Что слышно о торговом кризисе? В «Economist» печатаются утешения, торжественные заверения и обращения, которые, как правило, предшествуют кризисам. Журнал не может скрыть своего собственного страха перед кризисом, несмотря на то, что он старается у других этот страх рассеять болтовней. Если тебе попадется в руки книга Джонстона «Заметки о Северной Америке», 2 тома, 1851 г., то ты найдешь там всевозможные интересные заметки. Ведь Д[жонстон] — это английский Либих. Атлас физической географии «Джонстона» — не смешивать с вышеупомянутым, — быть может, можно получить в одной из манчестерских библиотек. В нем собраны все новейшие и более ранние изыскания в этой области. Стоит 10 гиней, то есть не рассчитан на частных лиц. О дорогом Гарни ничего не слышно. По-видимому, он все еще пребывает в Шотландии.

Англичане признают, что американцы получили первый приз на промышленной выставке и победили их во всем. 1. Гуттаперча. Новое сырье и новые виды производства. 2. Оружие. Револьверы. 3. Машины. Косилки, сеялки и швейные машины. 4. Дагерротипия применена впервые в большом масштабе.

---

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. «Манифест Коммунистической партии». *Ред.*

** *П. Ж. Прудон*. «Общая идея революции в XIX веке». *Ред.*

5. Судоходство, яхты. Наконец, чтобы показать, что они умеют поставлять и предметы роскоши, они выставили колоссальную глыбу калифорнийской золотой руды и рядом сервиз, сделанный из чистого золота.

Привет!

Твой ***К. Маркс***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

125
ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ [333]

В ЛОНДОН

[Манчестер], среда, 15 октября 1851 г.

Дорогой Маркс!

При сем почтовый перевод на 2 фунта. Формальности прежние. История с Гёрингером весьма печальна, тебе придется платить. У джентльменов из суда графства короткая расправа, а расписка у них имеется. Я, на твоем месте, возможно скорее раздобыл бы деньги для уплаты долга, а также для издержек в связи с вызовом в суд и отослал бы этому субъекту; тут уж ничего не поделаешь, а пойти в суд и дать себя осудить — это приведет к еще большим расходам и не очень приятно. О какой сумме идет речь и сколько ты можешь раздобыть? Напиши мне об этом возможно точнее, я, разумеется, сделаю все от меня зависящее, — как я ни стеснен теперь сам, — лишь бы дело не дошло до описи твоего имущества.

История с Шр[аммом] не особенно приятна[*]. Лучше было бы, если бы мы оказались совсем в стороне от всего этого свинства. То, что протокол с милыми дрязгами по поводу вверенных Б[ауэру][**] и Пф[ендеру] сумм[334] находится в руках этих господ, далеко не приятная история. А Шр[амма] следует выдрать за то, что он таскает с собой такие вещи. Во всяком случае, ему поделом, пусть посидит за это некоторое время и получит 6 месяцев за фальшивый паспорт.

Что касается Хаупта, то я соглашусь считать его шпионом не раньше, чем у меня в руках будут доказательства этого.

---

[*] См. настоящий том, стр. 318. *Ред.*

[**] — Генриху Бауэру. *Ред.*

Он мог наделать в тюрьме глупостей, да и история с Даниельсом, который будто бы был арестован по его доносу, во всяком случае, возбуждает подозрения. Но болтовня о нем мужланов с Уиндмилл-стрит тем нелепее, что она была начата одновременно с сообщением о взломе письменного стола у Дица. Хаупт, вероятно, из Гамбурга умудрился взломать письменный стол этого таракана. Почему же благородный Диц не жалуется английской полиции? Впрочем, было бы, конечно, очень хорошо, если бы удалось заставить Хаупта объясниться. Если ты пошлешь Веерту письмо для него, то мне кажется, что В[еерт] в течение двух недель сможет найти случай сам передать ему письмо и, в крайнем случае, зайти к нему в контору. Купца всегда можно разыскать.

История с Бл[индом] и его женой действительно из ряда вон выходящая. Разреветься и сбежать из-за того, что г-н Пипер плохо отозвался о Фейербахе, это уж чересчур.

Употребляешь ли ты слово *«женат»* в применении к Красному Вольфу[*] в английском, солидно-буржуазном смысле? Приходится этому почти верить, так как ты это подчеркиваешь. Однако это все же невероятно. Г-н Вольф — добродетельный супруг, быть может, даже почтенный отец семейства!

Я думаю, что лучше всего будет, если ты отделаешься от Эвербека несколькими тощими заметками, поддерживая в нем сносное настроение; совершенно незачем, чтобы этот молодчик распространял о нас по Франции слишком большой вздор. Впрочем, в своих попытках стать большим человеком он обладает настойчивостью, которая непонятна, ибо она побеждает даже его алчность; ведь новое «бессмертное» произведение[**], несомненно, опять издается за его счет, с перспективой на сбыт 50 экземпляров.

Если узнаешь еще что-либо о Сазонове, сообщи мне. Это приключение весьма пикантно, и г-н Сазонов начинает вызывать серьезные подозрения.

Я как раз занят конспектированием необходимых мест из Прудона[***]. Обожди до конца этой недели, и ты получишь его обратно с моими замечаниями. Подсчеты этого молодца снова великолепны. Что ни цифра, то ошибка.

Как здесь будет развиваться кризис, еще нельзя сказать. На прошлой неделе ничего не было предпринято из-за королевы[335], На этой неделе тоже немного сделано. Но рынок

[*] — Фердинанду Вольфу. *Ред.*
[**] *Г. Эвербек.* «Германия и немцы». *Ред.*
[***] *Ф. Энгельс.* «Критический разбор книги Прудона «Общая идея революции в XIX веке»». *Ред.*

обнаруживает тенденцию к понижению цен на промышленные изделия при устойчивых пока ценах на сырье. Через несколько педель значительно упадут цены на то и на другое, причем, судя по теперешним перспективам, цены на промышленные изделия, вероятно, упадут относительно больше, чем на сырье, так что прядильным, ткацким и набивным предприятиям придется работать с меньшей выгодой. Это уже очень подозрительно. Но со стороны американского рынка существует угроза, что доступ на него будет закрыт, сведения из Германии не слишком благоприятны, и если рынки будут продолжать свертываться, то через несколько недель мы переживем начало конца. Относительно Америки трудно сказать, являются ли там депрессия и банкротства (долгов в целом на 16 миллионов долларов) уже подлинным началом или только буревестниками. Во всяком случае, в Англии уже обнаруживаются весьма значительные симптомы бури. Железоделательная промышленность совершенно парализована, и находящиеся в Ньюпорте два банка, которые специально обеспечивают ее деньгами, лопнули; кроме недавних банкротств в Лондоне и Ливерпуле, теперь обанкротился спекулянт салом в Глазго, а на лондонской бирже г-н Томас Олсоп, друг О'Коннора и Гарни. Я не видел сегодня отчетов по шерстяной, шелковой и металлообрабатывающей промышленности, там тоже дело обстоит, наверное, не очень блестяще. Во всяком случае, наличие признаков теперь больше не вызывает сомнения, и можно уже предвидеть, — больше того, есть уже уверенность, — что потрясения на континенте ближайшей весной совпадут с весьма серьезным кризисом. Даже Австралия, по-видимому, сможет мало помочь, золотоискательство со времени Калифорнии — дело не новое, и мир этим пресыщен. Оно начинает становиться нормальной отраслью промышленности, а окружающие рынки сами так завалены товарами, что, не уменьшив сколько-нибудь ощутимо своих собственных излишков, они могут создать дополнительное переполнение рынка для Нового Южного Уэльса с его 150000 жителей.

Итак, наконец, г-н Луи-Наполеон решился дать отставку г-ну Фоше. Можно было ожидать, что он на этот раз не преминет воспользоваться своей прерогативой, чтобы повторить прошлогоднюю историю с Шангарнье — с таким же ли успехом, будет видно. Он, выражаясь по-охотничьи, наконец загнан роялистами, поворачивается и показывает рога. Скоро ли он опять подожмет хвост, — это мы увидим. Позиции злосчастного авантюриста, во всяком случае, весьма сильно ослаблены, и что бы он ни делал, он пропал; однако история теперь начинает становиться интересной. В некотором отношении жаль, что

знаменитая репрессия против Фоше — Карлье, все шире вводимое осадное положение, жандармская тирания и т. д. грозят слишком быстро прекратиться, и если у трусливого Наполеона действительно хватит мужества повести серьезную атаку на избирательный закон, то он сможет добиться его отмены; и это тоже было бы жаль, так как это опять дало бы ослам 13 июня[336], сторонникам легального прогресса, законную почву — но кто знает, что у этих французов хорошо и что плохо? Что ты думаешь обо всей этой дряни? Ты ведь в Лондоне имеешь больше возможности знакомиться с газетами.

Твой ***Ф. Э.***

Джонс прислал мне циркуляр, где сообщается, что он должен иметь еще 600 подписчиков, иначе он прогорит[337], но что я могу сделать?

Впервые полностью опубликовано на языке оригинала в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung,Bd. 1, 1929 и на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXI, 1929 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

126

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ [338]

В МАНЧЕСТЕР

[Лондон], 19 октября 1851 г.

28, Deanstreet, Soho

Дорогой Энгельс!

Несколько дней тому назад я получил письмо от Дронке, в котором он извещает о своем приезде в Лондон — очевидно, вследствие высылки — 23 или 24 текущего месяца. Вопрос о средствах к существованию встанет здесь перед ним с гораздо большей остротой, чем когда-либо раньше.

Вот еще более неприятное известие. Последнее время я вел с Кёльном переписку таким образом, что письма ко мне доставлялись в Льеж железнодорожным кондуктором Шмидтом; я, со своей стороны, переслал ему в Льеж письмо в конверте через третье лицо. И вот этого Ш[мидта] арестовали, затем освободили, но следствие продолжается. Тут мы, по-видимому, имеем дело с прямым предательством. Кроме того, согласно договоренности, Пипер должен был давно прислать весточку из Кёльна, где Ротшильды останавливались на день, и из Франкфурта.

Вместо этого я узнаю из письма Эбнера (из Франкфурта) к Фрейлиграту, что хотя Пипер уже неделю находится во Франкфурте, он не был еще у Эбнера, которому он должен был передать от меня письмо. Беда наша в том, что наши агенты выполняют поручения в высшей степени небрежно и всегда как нечто второстепенное. Других, бесспорно, лучше обслуживают.

В Нью-Йорке Кинкель не созывал митинга и не размещал «приносящих проценты облигаций» в пользу будущей немецкой республики[339], потому что, как ему казалось, грубиян Гейнцен подкопался под него, и вообще он умеет выступать только там, где его бесспорно считают спасителем. В Филадельфии же, наоборот, как он пишет Эмигрантскому клубу, он разместил облигации на 4000 долларов. В Пенсильвании он вообще найдет внушительное число «друзей света» — немецких католиков[340]. Все деяния Кинкеля свелись к тому, что он вступил во владение наследством Иоганна Ронге, Последний был Иоанном. Он же является Христом.

С Гёрингером я сегодня вечером увижусь., Все это дело затеяли Виллих и К°. Гёрингер, по-видимому, подарил этим негодяям, по их настойчивой просьбе, причитающиеся с меня деньги. Я выдам ему вексель на месяц. Я думаю, что он на это согласится. Если же нет, то пусть доводит дело до суда. У меня есть все шансы в течение этого времени заключить контракт с издателем из Дессау, который, конечно, должен уплатить известную сумму в виде аванса*.

Веерт опять в Брадфорде. Необходимо, чтобы ты ему написал, не может ли он доставить письмо Хаупту *лично.* Вся эта клевета, кажется мне, имеет два источника: с одной стороны — Штехан — Диц, с другой стороны — попечитель всякого сброда Виллих, который впервые вызвал здесь у посетителей Шертнера подозрение к Хаупту, как шпиону. Ведь Виллих был постоянно связан с бывшим прусским унтер-офицером Бертольдом. Хаупт устроил эту скотину в Гамбурге у одного купца, Б[ертольд] обокрал этого купца и подвергся тогда полицейскому преследованию. Хаупт, конечно, свидетельствовал против этого негодяя, который, может быть, разделил выручку со своим другом Виллихом. И вот последний поднял шум о предательстве по отношению к «бедному бежавшему патриоту». Если огласить эту историю, то у «благородного» Виллиха глаза полезут на лоб. Важно не только потребовать у Хаупта разъяснений по поводу тайных и явных подозрений против него; если он не виновен, то он должен выступить с публичным заявлением, рассказать,

* См. настоящий том, стр. 321. *Ред.*

что вся история основана на клевете Виллиха, и указать одновременно на связи последнего, может быть, в качестве партнера, с негодяем Бертольдом. Ведь Хаупт еще ничего не знает об этой низости В[иллиха], о первоначальном источнике подозрений против него. Если Веерт согласится, ты можешь передать ему письмо к Хаупту, составленное в таком духе. Дело не терпит. В своем объяснении Хаупт должен также указать на Дица и на подозрительный характер вскрытия его письменного стола.

Что касается Эвербека, то ты должен сообщить мне в нескольких строках все касающиеся тебя сведения, по крайней мере, до 1845 года*.

Внезапный поворот г-на Луи Бонапарта, какие бы последствия он ни имел, это — результат ловких шагов Жирардена. Ты знаешь, что этот господин связался в Лондоне с Ледрю-Ролленом, и его газета** действительно некоторое время была настолько глупа, насколько этого и следовало ожидать от союзника Ледрю-[Роллена] и Мадзини. И вдруг он делает этот ход с всеобщим избирательным правом, склонив к этому Бонапарта при помощи своих статей, д-ра Верона и личных свиданий. Таким образом роялистский заговор был сломлен. Об этом лучше всего свидетельствует бешенство обычно столь дипломатического «Journal des Debats». Все это была одна компания: Фоше, Карлье, Шангарнье и даже благородный Берье и Брольи, которые, казалось, были связаны с Бонапартом. Во всяком случае, с «революцией» — в смысле взрыва — теперь с помощью этого ловкого трюка покончено. При всеобщем избирательном праве о ней нечего и думать. Но г-н Жирарден не любит революционных инсценировок. Он одинаково надул и роялистов, и профессионалов революции, и еще вопрос, не надувает ли он сознательно и Луи Бонапарта. Ибо, если вновь будет восстановлено всеобщее избирательное право, кто гарантирует Бонапарту пересмотр конституции? А если и будет пересмотр, то кто поручится ему за то, что он будет сделан в желательном ему духе? Тем не менее, принимая во внимание природную глупость французских крестьян, еще вопрос, не будет ли этот человек, избранный на основе всеобщего избирательного права, вновь переизбран, из благодарности за восстановление этого права, особенно, если он постепенно назначит либеральных министров и при помощи ловких памфлетов свалит всю ответственность на заговорщиков-роялистов, которые держали-де его в заточении в продолжение трех лет. Это будет зависеть от его ловкости.

---

* См. настоящий том, стр. 320, 323. *Ред.*

** — «La Presse». *Ред.*

Бонапарт теперь, во всяком случае, знает, что ему нечего ждать от партии порядка.

Одним из самых комических интермеццо в этой игре интриг является меланхолическое поведение газет «National» и «Siecle», которые, как известно, обе долгое время распинались в пользу всеобщего избирательного права. Теперь, когда Франции грозит опасность быть вновь облагодетельствованной им, эти газеты не в состоянии скрыть своей досады. Ведь подобно тому как роялисты при помощи ограниченного избирательного права рассчитывали на избрание Шангарнье, так и эти газеты при помощи такого права рассчитывали на избрание Кавеньяка. Жирарден им прямо заявил: он знает-де, что под республиканским отвращением к пересмотру конституции — открывающему Бонапарту виды на переизбрание — они скрывают лишь свою ненависть к всеобщему избирательному праву, которое не может принести победы ни Кавеньяку, ни всей его клике. А бедная газета «National» уже успела утешиться по поводу утраты всеобщего избирательного права.

Одно бесспорно: этим ударом расстроено восстание, предполагавшееся в мае 1852 года*. В крайнем случае оно могло бы теперь вспыхнуть раньше срока, если бы одна из господствующих клик попыталась совершить coup d'etat**.

Твой ***К. М.***

Впервые полностью опубликовано на языке оригинала в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 1, 1929 и на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXI, 1929 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

127

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

В МАНЧЕСТЕР

[Лондон], 25 октября 1851 г.

Дорогой Энгельс!

Мое письмо, посланное в прошлый понедельник, ты, вероятно, получил? При твоей большой аккуратности в переписке меня беспокоит твое молчание.

От Пипера я до настоящего момента еще не получил известий. Если с ним ничего не случилось, то он непростительно легкомыслен. Дронке еще не приехал. Из Кёльна ничего не слышно.

---

* См. настоящий том, стр. 519. *Ред.*

** — государственный переворот. *Ред.*

При сем — письмо от Фишера, который пишет, как настоящий демократический филистер. Пока что ему нужно предоставить свободу действий, так как теперь уже ничего не поделаешь. Лишь бы он только не наделал глупостей по отношению к Кинкелю. В его письме, кажется, имеются намеки на это.

Итак, как мы теперь узнали, Кинкель распорядился следующим образом. На деньги из этих 160 ф. ст. с тайным поручением в Бельгию, Францию и Швейцарию был послан Шурц. Он должен там добиться полномочий для К[инкеля] от всех великих мужей, вплоть до членов имперского собрания* (не исключая и блаженной памяти Раво), и вместе с тем предложить им гарантировать заем, заключаемый от имени будущей германской республики. Таким образом, «большая масса» отныне объединена, и Э. Мейен смог обнародовать в «New-Yorker Staatszeitung» великую тайну, что теперь найден смысл будущего движения в Германии, а именно — принцип народности. Так глупо, как этот человек пишет сейчас, он не писал даже во времена своего наибольшего расцвета. Эти молодцы духовно совершенно обанкротились. Прощай!

Твой ***К. М.***

Дело с Гёрингером я пока уладил. К сожалению, этот осел 1 ноября уезжает в Испанию и продал свое здешнее хозяйство. Но мне теперь нечего больше бояться враждебных действий с его стороны.

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

128

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

В ЛОНДОН

[Манчестер, около 27 октября 1851 г.]

Дорогой Маркс!

Если я не сразу ответил на твое письмо от 19-го этого месяца, то это произошло потому, что я ожидал приезда сюда через несколько дней Веерта и хотел договориться с ним о деле Хаупта, а также потому, что хотел закончить пр[удоновскую] ерунду**.

* — то есть депутатов франкфуртского Национального собрания 1848— 1849 гг. *Ред.*

** *Ф. Энгельс.* «Критический разбор книги Прудона «Общая идея революции в XIX веке»». *Ред.*

Последнее будет сделано сегодня и завтра вечером, а Веерт был здесь в субботу и в воскресенье; он еще пробудет некоторое время в Брадфорде, а потому не может взять с собой никакого письма; между прочим, он отказывается это сделать и при более удобном случае ввиду того, что условия в Германии сейчас так блестящи, что по малейшему поводу рискуешь быть арестованным без всяких церемоний, а у него нет никакой охоты оказаться замешанным каким-либо образом в эту историю с Союзом*. В сущности, за это на него нельзя обижаться. Он все же берется обеспечить мне доставку письма к Х[аупту] при условии, что сам он останется совершенно в стороне от всего этого дела. Кроме того, он рассказал мне, что в последнее время несколько раз встречал Х[аупта] и заговаривал с ним, но тот каждый раз в большом смущении внезапно ускользал от него и исчезал. По его словам, возможно, что Х[аупт] в тюрьме несколько поддался уговорам своей семьи и т. д. и сделал некоторые признания, отчего ему теперь самому очень тяжело. Но вообще В[еерт] тоже думает, что всякие другие версии Виллиха — Штехана являются чистой клеветой, так как у Х[аупта] не могло быть никаких оснований продаваться.

Я напишу теперь Х[аупту] не подписываясь, так как он знает мой почерк, и предоставлю Веерту позаботиться о передаче письма. Я потребую, чтобы он публично объяснился, и укажу ему на историю с Б[ер]т[ольдом] как вероятную причину всех этих толков. Но я не буду добавлять, что Виллих, возможно, поделился с Б[ертольдом], потому что, во-первых, Хаупт поостережется подписывать своим именем подобные инсинуации, во-вторых, история слишком невероятна, так как г-н Б[ертольд] не такой человек, чтобы делиться с неблизкими друзьями, тем более с В[иллихом], которого он, в сущности, ненавидит, а в-третьих, через неделю это было бы разглашено другими лицами во всех газетах как новая клевета, которую распространил г-н Маркс; они спекулировали бы на сочувствии филистеров оскорбленному честному Виллиху. Этот субъект — достаточный негодяй, и незачем изображать его в еще более скверном виде или распространять о нем слухи, которые он мог бы опровергнуть.

Письмо Фишера, безусловно, самое глупое из всего того, что мне попадалось в продолжение долгого времени. Но я ожидал чего-нибудь в этом роде и думаю также, что из его денежных *обещаний* также ничего не выйдет. Нельзя требовать от демократических ослов, чтобы они посылали *нам* деньги, когда их соб-

* — Союзом коммунистов. *Ред.*

ственные люди лично у них клянчат; самое большее, на что они могут согласиться, это, как говорит сам Ф[ишер], предоставить нам голос в вопросе об употреблении этих денег, и то лишь, если мы согласимся заседать со всем этим сбродом в одном конклаве, к тому же еще в меньшинстве. План займа a la Мадзини с имперской гарантией* (германская империя гарантирует республике!) не так уж плох, и во всяком случае для его создания требовалась совместная деятельность всех этих образцовых попрошаек. После осуществления такого изобретения нашей партии ничего не остается как полностью уйти с демократического денежного рынка. Это бесстыдство наносит нам сильный удар. Деньги, которые мы вообще получили от демократов на политические цели, и без того попали к нам per abusum**, а с тех пор как эти великие мужи сами появились на рынке в качестве объединенной акционерной компании, эта иллюзия поддержки совершенно исчезает. На все наши просьбы последуют лишь отказы и оскорбления, разве только Вейдемейеру удастся что-либо устроить в Нью-Йорке, и то лишь среди рабочих.

Веерт напишет тебе на днях. Он не может решить, что ему делать. У него имеются блестящие предложения, но все они ему не подходят.

Г-н Кошут, как апостол Павел, все для всех. В Марселе он кричит: «Да здравствует республика», а в Саутгемптоне: «Боже, храни королеву». Какой замечательной сверхконституционной умеренностью щеголяет этот молодец теперь! Но г-ну Петти и господам из клики Гарни на руку, что он отказался явиться на их банкет. Даже г-н Мадзини был бы очень холодно встречен, по крайней мере публикой. Вот тоже человек, в котором мы не ошиблись. Впрочем, если в ближайшем году не будет никаких потрясений, то много ли времени потребуется, чтобы и г-н Кошут также опустился до мадзиниевской пошлой и шумной демагогии.

Завтра или послезавтра пришлю Прудона. Я, по возможности, пошлю Фишеру «Revue», но у меня имеется только несколько экземпляров последнего выпуска. Не можешь ли ты еще раздобыть для меня №№ 1—4?

Твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

* См. настоящий том, стр. 329. *Ред.*
** — с натяжкой. *Ред.*

129

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

В МАНЧЕСТЕР

[Лондон], 24 ноября 1851 г.

Дорогой Фредерик!

Ты понимаешь, что из-за сложного домашнего положения я лишь теперь собрался написать тебе несколько строк.

Как ты помнишь, в своем последнем письме Пипер писал, что скоро можно будет заключить контракт на моего анти-Прудона*. Из его письма, при сем прилагаемого, ты увидишь, что об *этой рукописи* больше даже не упоминается. Это тот образ действий, который мне уже в течение шести месяцев приходится переносить со стороны наших милых друзей. С другой стороны, Эбнер писал мне, что Лёвенталь хочет попытаться издать один том, но не упомянул о том, что я должен начать с *«истории* политической экономии». Это опрокинуло бы весь мой план. Дальше, Эбнер писал, что Лёвенталь может платить лишь «мало». На это я бы согласился, если бы он издал сначала то, что я прежде всего хочу издать. Но если он вынудит меня испортить весь мой план, то и платить он должен будет мне так, как если бы я писал непосредственно по его заказу. Все же я предоставляю пока Эбнеру свободу действия. Он написал мне, что не заключит контракта без моего согласия. Что ты думаешь об этом?

Хорошо, что наша публика в Кёльне, наконец, предстанет перед судом присяжных[341]; как меня вчера уверял издатель Шюллер из Дюссельдорфа, это произойдет еще в декабре, когда состоится чрезвычайная сессия суда присяжных.

Кстати, не забудь отослать мне *немедленно* нью-йоркскую «Schnellpost». Бамбергер торопит, и это единственное средство раздобыть у него следующие номера, в которых должны быть всякие любопытные вещи.

Я знаю, что ты и сам теперь в стесненных обстоятельствах и что мое внезапное появление и ограбление тебя в Манчестере[342] еще более ухудшили твои дела, по крайней мере, в этом месяце. Тем не менее, я вынужден попросить тебя, не можешь ли ты в крайнем случае достать еще 2 фунта стерлингов. Перед моим отъездом из Лондона я занял 2 ф. ст. и дал *письменное* обязательство вернуть их *до* декабря. Во всяком случае прошу тебя написать мне сразу же, возможно ли это или нет.

---

* *К. Маркс.* «Нищета философии» (речь идет о предполагавшемся издании в переводе на немецкий язык). *Ред.*

Сюда приехал брат Эккариуса*. Он и все остальные арестованные в Гамбурге штраубингеры освобождены с отпускными свидетельствами, Что у Хаупта первоначально не было намерения предавать, видно из следующего: письмо к нему Бюргерса попало в руки его старика, который потребовал у него по этому поводу объяснений и хотел его выдать полиции. Он помешал этому, разорвал письмо и принес потом его обрывки Эккариусу и другим, в присутствии которых он их собрал, прочел и сжег. Этот факт важен. Этого *злополучного* парня *погубило* давление со стороны семьи.

Несколько дней тому назад я прочел в библиотеке упражнения г-на Прудона о безвозмездности кредита, направленные против Бастиа[343]. По своему шарлатанству, трусости, крикливости и слабости это превосходит все, что этот человек до сих пор написал. Exempli gratia**: французы думают, что они в среднем уплачивают 5—6 процентов. А на самом деле они платят 160 процентов. Каким же образом? А вот каким. Проценты на ипотечные долги, деньги, взятые под векселя, государственный долг и т. д. составляют 1600 миллионов. А во Франции всего имеется капитал лишь в один миллиард — золотом и серебром. Таким образом — q. e. d.*** Другой пример: когда был учрежден Французский банк, капитал его равнялся 90 миллионам. Тогда закон позволял ему взимать 5 процентов от этой суммы. Теперь этот банк оперирует (включая вклады и т. д.) капиталом в 450— 460 миллионов, из которых три четверти принадлежат не ему, а публике. Таким образом, если бы банк взимал (90:450 = 1:5) вместо 5 только 1 процент, он получил бы законную прибыль. И так как Французский банк (то есть *акционеры)* мог бы в случае нужды (2) довольствоваться 1 процентом, то для *Франции* процентная ставка может быть понижена до 1 процента. А 1 процент — это почти безвозмездность кредита.

При этом ты должен был бы видеть, как этот тип щеголяет перед Бастиа своей гегелевской диалектикой.

Я прочел здесь еще раз твою критику****. Жаль, что нет возможности ее напечатать. Если бы я еще добавил туда свою горчицу, она могла бы появиться под нашим общим именем, при том условии, что это не причинило бы никаких неприятностей твоей торговой фирме.

Кошут, как ты знаешь, уехал 20-го, но, — чего ты еще не знаешь, — в сопровождении Лолы Монтес и кавалера Гёрингера.

---

* — Иоганн Фридрих Эккариус. *Ред.*

** — Например. *Ред.*

*** — quod erat demonstrandum — что и требовалось доказать. *Ред.*

**** *Ф. Энгельс.* «Критический разбор книги Прудона «Общая идея революции в XIX веке»». *Ред.*

Шрамм с беспримерным упорством и настойчивостью пытается опять сблизиться со мной. Это ему не удастся. Как обстоит дело с «трактирными историями»[344] К. Шнаппера?*

Твой ***К. М.***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

130

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

В ЛОНДОН

[Манчестер], 27 ноября 1851 г.

Дорогой Маркс!

Несколько моих строк от третьего дня ты, вероятно, получил. Если Веерт не сможет немедленно раздобыть денег, то я постараюсь уладить это дело послезавтра или, самое позднее, в понедельник. В случае нужды ты, во всяком случае, сможешь оттянуть до вторника.

При сем возвращаю письмо маэстро Пипера. Гейне, очевидно, пришелся ему весьма кстати, дав ему возможность заполнить требуемые приличием четыре страницы[345]. Я надеюсь, что относительно Пр[удона]** ты напишешь ему письмо, которое заставит его действовать энергичнее, так как если он вернется сюда, то ты первое время ничего не будешь знать о рукописи. Насчет Лёвенталя П[ипер] и Эбнер сильно друг другу противоречат, но версия последнего, во всяком случае, кажется более правдоподобной. По поводу того, стоит ли начинать с истории политической экономии, — о чем пишет П[ипер], — я думаю, что если Л[ёвенталь] это действительно имеет в виду, то лучше, чтобы Эбнер ему помешал, заявив, что не надо, мол, опрокидывать весь твой план, ведь ты уже начал разрабатывать критику и т. д. Но если придется на это пойти, то Л[ёвенталь] должен взять обязательство выпустить два тома; да тебе и понадобится такой объем, частью для предварительной критики, частью для того, чтобы сделать это дело для тебя несколько более доходным; ведь ожидаемый гонорар, в конце концов, никоим образом не рассчитан на лондонские цены. Тогда в качестве третьего тома пошли бы «Социалисты», а в четвертом

* Игра слов: «Schnapper» («шнаппер») — «жадный человек», «обжора», Schapper (Шаппер) — фамилия. *Ред.*

** См. настоящий том, стр. 332. *Ред.*

«Критика» — то, что еще осталось бы от нее — и прославленная «положительная часть», то, чего ты «собственно» хочешь. Эта форма связана со своими трудностями, но зато у нее то преимущество, что столь ожидаемая тайна будет раскрыта лишь в самом конце, и лишь после того как любопытство буржуа будет возрастать на протяжении трех томов, ему будет сообщено, что мы не собираемся фабриковать никаких моррисоновских пилюль. Для людей, сколько-нибудь мыслящих, будет достаточно намеков первых томов, анти-Прудона*, «Манифеста»**, чтобы направить их по правильному пути; что же касается покупающей и читающей черни, то она перестанет интересоваться историей и т. д., если получит раскрытие великой тайны уже в первом томе; ведь она, как Гегель говорит в «Феноменологии», читала «предисловие»[346], а в нем уже содержатся общие положения.

Ты, конечно, лучше всего сделаешь, если, соблюдая приличия, но при сколько-нибудь приемлемых условиях заключишь сделку с Л[ёвенталем]: нужно ковать железо, пока оно горячо. При этом ты поступишь лучше всего, действуя в противоположность Сивилле. За каждый луидор, который он у тебя отнимает с листа, ты заставишь его взять столько лишних листов, сколько необходимо, чтобы опять-таки получилась та же общая сумма, и заполнишь эти добавочные листы цитатами и т. д., которые тебе ничего не стоят. 20 листов по 3 ф. ст. или 30 листов по 2 ф. ст. все равно составляют 60 фунтов стерлингов. А заполнить 10 листов цитатами из Петти, Стюарта, Калпепера и еще других авторов, бесплатно и без потери времени, в самом деле легко, между тем книга твоя станет более «поучительной»...

Важнее всего, чтобы ты снова мог дебютировать перед публикой, выпустив толстую книгу, и лучше всего, чтобы это была самая невинная материя, история. Посредственные и паршивые литераторы Германии знают очень хорошо, что они погибли бы, если бы не выступали перед публикой два-три раза в год с какой-нибудь дрянью. Их спасает цепкость; их книги расходятся плохо или лишь весьма посредственно, но издателям кажется, что это все же великие люди, раз их имена встречаются пару раз во всяком ярмарочном каталоге. И затем также непременно нужно, чтобы было снято то заклятие, которое оказалось наложенным на тебя благодаря твоему продолжительному отсутствию на немецком книжном рынке, а затем вследствие трусости издателей. Пусть только появятся один или два тома твоих

* *К. Маркс.* «Нищета философии». *Ред.*
** *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Манифест Коммунистической партии». *Ред.*

научных, содержательных, основательных и вместе с тем интересных произведений, тогда положение совершенно изменится и ты сможешь наплевать на издателей, если они тебе предложат слишком низкий гонорар.

К этому еще надо добавить, что эту *«историю»* ты можешь написать только в Лондоне, между тем как «Социалистов» и «Критику» ты можешь написать где угодно. Поэтому было бы хорошо, если бы ты сейчас использовал благоприятные обстоятельства, прежде чем crapauds* выкинут какое-нибудь коленце и выведут нас опять на мировую арену.

Нью-йоркскую «Schnellpost» ты получишь завтра.

За Лёвенталя, как уже сказано, держись крепко при всех обстоятельствах. Если с ним ничего не выйдет, то, как пишет П[ипер], возможности Эбнера будут исчерпаны. От Лёвент[аля], кроме того, можно будет впоследствии добиться большего, чем от всех остальных, так как имеется Эбнер, который наседает на него во Франкфурте. Если он ничего не добьется от Лёвенталя, которого каждый день может торопить, то возможность договориться с другими людьми, не находящимися во Франкфурте, является еще более сомнительной. Тебе следует написать Эбнеру, что ты даешь ему самые широкие полномочия и что он тотчас же может заключить договор. Чем дольше дело будет тянуться, тем больше Л[ёвенталь] будет колебаться, а тут прибавляются еще политические опасения за 1852 год. Если в Париже разыграется хоть малейший пролог, пропадет всякая надежда на издателей, а если Союзный сейм издаст законы о печати раньше, чем у тебя черным по белому будет подписан контракт, то и в этом случае у тебя ничего не выйдет. Тебе придется гнаться за журавлем в небе или покориться обстоятельствам, что не особенно приятно.

Чем больше я раздумываю над этим, тем практичнее мне кажется начать с исторической части. Будь же хоть на этот раз немного коммерсантом.

Что касается моих комментариев к Прудону**, то они слишком незначительны, чтобы с ними можно было бы что-либо сделать. Это была бы опять та же история, что и с «Критической критикой»***, где я написал два-три листа, рассчитывая на брошюру, а ты сделал из этого основательную книгу в двадцать листов, в которой твой покорный слуга выглядел очень забавно. Ведь ты опять написал бы так много, что моя доля, и без того

---

* — французские обыватели. *Ред.*

** *Ф. Энгельс.* «Критический разбор книги Прудона «Общая идея революции в XIX веке»». *Ред.*

*** К. *Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Святое семейство». *Ред.*

не заслуживающая внимания, была бы совершенно сведена на нет твоей тяжелой артиллерией. А вообще-то я не имел бы ничего против, кроме того, что твоя история с Лёвент[алем] гораздо важнее и неотложнее.

Твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart. 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

131
МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ [347]
В МАНЧЕСТЕР

[Лондон], 1 декабря 1851 г.
28, Deanstreet, Soho

Дорогой Энгельс!

Я прилагаю тебе при сем: 1) выписку из письма Клусса (из Вашингтона) к Вольфу; 2) письмо от Пипера из Брюсселя.

По поводу № 1: Лупус забыл привести еще два факта, которые будут для тебя небезынтересны. *Первое:* Статья «Революция и контрреволюция в Германии» появилась *по-немецки* в «New-Yorker Abendzeitung», обошла ряд других газет и произвела фурор. Клусс не пишет, является ли это переводом из «Tribune» или нет. Я написал по этому поводу прямо Дана. *Второе:* Г-н Висс, главное орудие Кинкеля, публично заявил, что в «экономической области» он разделяет наши воззрения. Ты видишь, как эти собаки действуют.

Что касается г-на Тапмана*, то он не упоминает ни о нашем письме из Манчестера, ни о позднейшем письме из Лондона, которое по моему поручению было написано моей женой.

Что касается *кёльнцев***, то у подлых эмигрантских свиней, связанных со всей газетной клоакой, уж такая система: соблюдать по отношению к этому делу заговор молчания, чтобы только не нанести какого-нибудь ущерба своей собственной важной персоне. С этим нужно теперь бороться. Я послал сегодня в Париж письма против прусской юстиции, чтобы поднять этот вопрос в тамошней прессе. Лупус*** взял на себя статьи для Америки и Швейцарии. Теперь ты должен мне смастерить статью для Англии вместе с частным письмом к редактору «Times», куда

* — Пипера. *Ред.*
** — арестованных членов Союза коммунистов в Кёльне. *Ред.*
*** — Вильгельм Вольф. *Ред.*

нужно попытаться послать эту вещь[348]. Если бы газета «Times», которая старается теперь опять подновить свою популярность и, наверное, будет считать себя польщенной, если ее будут считать единственным влиятельным органом на континенте, и которая и без того пруссофобски настроена, — если бы «Times» взялась за это дело, то через нее можно было бы воздействовать на Германию. Нужно было бы специально остановиться вообще на положении правосудия в Пруссии.

Если эта попытка, которая ни в коем случае не может повредить, не удастся, тогда ты напишешь из Манчестера прямо в «Sun». Если «Sun» получит это *раньше* «Times», то «Times» этого ни в коем случае не поместит[349].

Тебе едва ли известно, что почти из всех городов Англии О'Коннор получил адреса, напечатанные в «Northern Star» и «Reynolds's Paper», в которых Торнтон Хант объявляется «бесчестным» и сильно осуждается сцена на Копенхагенфилдс[350]. Кроме того, состоялось собрание всех чартистских секций Лондона, на котором Т. Хант, присутствовавший там, был осыпан оскорблениями. При предстоящих перевыборах Исполнительного комитета его просто выбросят. В отчаянии этот союзник великого Руге теперь открыто объявил себя *«коммунистом»*. Э. Джонс, воспользовавшись моим письмом, беспощадно атаковал Кошута.

«Я заявляю ему, что революции в Европе означают крестовый поход труда против капитала, я заявляю также, что они не могут быть низведены до духовного и социального уровня темного полуварварского народа, вроде мадьяр, которые еще пребывают в полуцивилизованном состоянии шестнадцатого столетия и серьезно претендуют на то, чтобы диктовать свою волю великим очагам просвещения — Германии и Франции и добиваться от легковерной Англии путем надувательства признания своих заслуг»[351].

Как видишь, Кинкель просто собирается устроиться здесь по примеру временного правительства во Франции. Я, со своей стороны, считал бы нужным, чтобы ты, когда мы узнаем, что Вейдемейер состоит редактором «Abendzeitung», посылал туда в виде фельетонов отрывки из К. Шнаппера*, первых признаний которого я жду с нетерпением (продолжение см. под письмом Пипера[352]).

Кстати, я чуть было не забыл одного важного события из области скандальной хроники. Штехан, Гирш, Гюмпель и т. д., словом, приехавшие из Германии рабочие заявили, что желают ко мне прийти. Я их сегодня приму; они уже порядком поссори-

* Игра слов: «Schnapper» («шнаппер») — «жадный человек», «обжора»; Schapper (Шаппер) — фамилия. *Ред.*

лись с Шаппером и Виллихом. Штехан на собрании Общества рабочих[353] открыто объявил Дица шпионом, и хотя некоторые кричали, что он — агент Маркса, он все же добился назначения комиссии; но в ней друзья и покровители Дица — Шаппера и Виллиха играют главную роль. С помощью этих штраубингеров я, во всяком случае, вызову новые кризисы в этой жалкой корчме портных и бродяг.

Одновременно извещаю тебя о получении трех фунтов.

Привет!

Твой ***К. М.***

Впервые полностью опубликовано на языке оригинала в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 1, 1929 и на русском, языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXI, 1929 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого и английского

132

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ [354]

В ЛОНДОН

[Манчестер], 3 декабря 1851 г.

«Представители Франции, заседайте с миром!»[355] В самом деле, где же эти господа могут более мирно заседать, как не в казарме Орсе под охраной батальона венсеннских стрелков!

История Франции вступила в стадию совершеннейшего комизма. Что может быть смешнее, чем эта пародия на 18 брюмера, устроенная в мирное время при помощи недовольных солдат самым ничтожным человеком в мире и не встретившая, насколько можно пока судить, никакого сопротивления. А как ловко были пойманы все эти старые ослы! Самая хитрая лиса во всей Франции — старый Тьер, самый тертый калач из всего адвокатского сословия — г-н Дюпен попались в западню, которую им расставил самый отъявленный болван нынешнего столетия; они попались так же легко, как генерал Кавеньяк со своей глупой республиканской добродетелью и как хвастун Шангарнье! А в довершение картины — охвостье парламента с Одилоном Барро в роли «Лёве фон Кальбе», и этот самый Одилон требует, чтобы его, ввиду такого нарушения конституции, арестовали, и никак не может добиться, чтобы его отправили в Венсеннскую тюрьму! Вся эта история как будто нарочно придумана для Красного Вольфа*; отныне только он может писать

* — Фердинанда Вольфа. *Ред.*

историю Франции. Был ли когда-нибудь в мире совершен переворот, который сопровождался бы такими вздорными заявлениями, как этот? А смехотворный наполеоновский церемониал, годовщина коронования и Аустерлица, спекуляция конституцией Консульства и т. п. Одно то, что все это могло удаться хотя бы на один день, свидетельствует о такой деградации господ французов, о таком их ребячестве, которое не имеет себе равного.

Великолепен захват великих говорунов «порядка», в особенности маленького Тьера, а также храброго Шангарнье. Великолепно заседание охвостья парламента в 10-м округе с г-ном Берье, который до тех пор кричал в окно: «Да здравствует республика», пока вся эта компания не была захвачена и заперта под охраной солдат во дворе казармы. А этот глупый Наполеон, который сразу же начал укладываться, чтобы перебраться в Тюильри. Хоть целый год промучайся, не выдумаешь комедии лучше этой.

А вечером, когда глупец Наполеон наконец-то бросился в давно желанную постель в Тюильри, этот умник все еще, наверное, не сознавал, каково, в сущности, его положение. Консульство без первого консула! Никаких особо серьезных внутренних трудностей — не больше, чем вообще за последние три года, — никаких особых финансовых затруднений, даже в его собственном кармане, никакой угрозы границам со стороны коалиции, никакой необходимости переходить через Сен-Бернар или одерживать победу при Маренго! Есть от чего прийти в отчаяние. Нет больше даже Национального собрания, которое расстраивало бы великие планы непризнанного героя. Сейчас, по крайней мере, этот осел так же свободен, так же ничем не связан, обладает такой же абсолютной властью, как старый Наполеон вечером 18 брюмера, и он чувствует себя настолько непринужденно, что не может не выдавать на каждом шагу свою ослиную природу. Ужасная перспектива отсутствия противоречий!

Но народ, народ! Народу наплевать на всю эту лавочку, он радуется как ребенок дарованному ему избирательному праву и, вероятно, использует его также по-ребячески. Чего можно ожидать от этих смехотворных выборов в воскресенье на той неделе, если они вообще состоятся! Ни печати, ни митингов, осадное положение в полной силе, и к тому же еще приказ избрать депутатов в течение двух недель.

Что же может получиться из всей этой чепухи? «Встанем на всемирно-историческую точку зрения»[356], и у нас будет великолепная тема для декламации. Так, например: теперь должно выясниться, возможен ли преторианский режим эпохи

Римской империи, предпосылками которого являлись совершенно по-военному организованное обширное государство, обезлюдевшая Италия и отсутствие современного пролетариата, — возможен ли подобный режим в такой географически компактной, густонаселенной стране, как Франция, где имеется многочисленный промышленный пролетариат. Или: у Луи-Наполеона нет собственной партии; он попирал ногами легитимистов и орлеанистов, теперь ему придется сделать поворот налево. Поворот налево означает амнистию, амнистия означает столкновение и т. д. Или еще: всеобщее избирательное право — основа власти Луи-Наполеона, он не может его нарушить, но существование всеобщего избирательного права в *настоящее время* несовместимо с существованием Луи-Наполеона. И другие тому подобные отвлеченные темы, на которые так легко рассуждать. Но после того, что мы вчера наблюдали, нечего рассчитывать на народ. Кажется, право, будто историей в роли мирового духа руководит из гроба старый Гегель, с величайшей добросовестностью заставляя все события повторяться дважды: первый раз в виде великой трагедии и второй раз — в виде жалкого фарса. Коссидьер вместо Дантона, Л. Блан вместо Робеспьера, Бартелеми вместо Сен-Жюста, Флокон вместо Карно и этот ублюдок* с дюжиной первых встречных погрязших в долгах офицеров вместо маленького капрала** с его плеядой маршалов. До 18-го брюмера мы, стало быть, уже добрались.

Ребячески глупо вел себя парижский народ: «Нас это не касается, пусть президент и Собрание перегрызут друг другу горло, не все ли нам равно!» Но то, что армия осмелилась навязать Франции правительство, да еще такое правительство, — это уже, несомненно, касается народа, и толпа еще подивится тому всеобщему «свободному» избирательному праву, которое ей предстоит осуществлять «впервые с 1804 года»!

Как далеко мировой дух, видимо, очень раздосадованный на человечество, заведет этот фарс, придется ли нам в течение одного года пережить Консульство, Империю, Реставрацию и т. д., необходимо ли, чтобы наполеоновскую династию поколотили на улицах Парижа, прежде чем она станет невозможной во Франции, — этого и сам черт не знает. Мне кажется, однако, что дела принимают исключительно нелепый оборот и что crapauds*** ждут неслыханные унижения.

Допустим даже, что Л[уи]-Н[аполеон] временно укрепит свою власть, но ведь не может же такая ерунда затянуться

---

* — Луи Бонапарт. *Ред.*

** — Наполеона I. *Ред.*

*** — французских обывателей. *Ред.*

надолго, как бы низко ни пали французы. Что же делать? Одно ясно, что перспектив на революцию чертовски мало, и если гг. Блан и Ледрю еще вчера днем укладывали свои пожитки, то сегодня они спокойно могут снова их распаковывать. Громовой голос народа еще не призывает их на родину.

Здесь и в Ливерпуле эта история сразу же застопорила торговлю. Но сегодня в Ливерпуле спекуляция уже снова в полном разгаре. А французские фондовые бумаги упали лишь на 2 процента.

При нынешних обстоятельствах придется, конечно, отложить попытки выступить в английской печати в защиту кёльнцев*. О статьях для «Tribune»** — они, очевидно, в ней уже появились — напиши *по-английски* редактору. Возможно, что Дана отсутствует, но на деловое письмо, наверное, последует ответ. Скажи ему, чтобы он прислал с обратным пароходом точные сведения о том, что он сделал с этими рукописями. Если они были использованы в «Tribune», то пусть он пришлет с той же оказией номера газеты, в которых они были напечатаны; скажи ему, что копий у нас нет, а не имея перед глазами уже отосланных статей, мы не можем после такого долгого перерыва писать продолжение серии.

Вероятно, было очень забавно наблюдать, какой эффект произвели известия из Франции на европейскую эмигрантскую чернь. Хотелось бы мне это видеть. В ожидании известий от тебя,

твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

133
МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ В МАНЧЕСТЕР

[Лондон], 9 декабря 1851 г.
28, Deanstreet, Soho

Дорогой Фредерик!

Я заставил тебя долго ждать ответа, так как был страшно поражен этими трагикомическими событиями в Париже. Я не мог сказать, подобно Виллиху: «Странно, нам не прислали из Па-

* — арестованных членов Союза коммунистов в Кёльне. *Ред.*
** *Ф. Энгельс.* «Революция и контрреволюция в Германии». *Ред.*

рижа никакого уведомления!» И не мог я, подобно Шапперу, разглагольствовать без конца за кружкой пива у Шертнера. Для спасения отечества Ш[аппер] с несколькими оруженосцами, под предлогом необходимости быть на страже, проспал две ночи у Шертнера. Эти господа, как Лёве фон Кальбе и К°, упаковали свои чемоданы, но так как благоразумие — лучшее проявление храбрости*, то они решили перебраться туда лишь тогда, когда дело окончательно «разрешится».

Читал ли ты плаксивые излияния Луи Блана? На следующий день Бернар-клубист опроверг сообщение, будто он тоже присоединился к этим жалобным воплям.

При сем письмо от Рейнхардта из Парижа и те «трактирные истории», о которых я тебе говорил во время моего пребывания в Манчестере.

Пипер опять здесь, чрезвычайно доволен собой. Он уходит от Ротшильдов, но продолжает давать у них в доме уроки немецкого языка. Мадам отказала ему от должности постоянного домашнего учителя. Что касается моих планов в отношении Прудона, то со времени своего последнего письма Пипер ничего не делал, не слышал и не видел**. Мне кажется, что он смотрит на перевод как на *свое* творчество, чего нет на самом деле.

Итак, что же можно сказать о положении вещей? Ясно одно, что пролетариат берег свои силы, Бонапарт пока что победил, так как за ночь превратил открытое голосование в тайное. С помощью миллиона фунтов стерлингов, действительно украденных из банка, вопреки всем последующим заявлениям д'Аргу, он купил армию. Удастся ли ему вторично совершить такой переворот, если результаты выборов будут против него? Примет ли вообще большинство участие в выборах? Орлеаны уехали во Францию. Трудно, даже невозможно предвидеть исход драмы, героем которой является Крапюлинский[357]. Во всяком случае, мне кажется, что государственный переворот скорее улучшил, чем ухудшил положение. С Бонапартом легче справиться, чем с Национальным собранием и его генералами. А диктатура Национального собрания «стояла уже у порога»***.

Великолепно разочарование Техова и К°, видевших во французской армии прямо-таки апостола демократической триединой формулы: свобода, равенство и братство. Бедняги! Господа

---

* *Шекспир.* «Король Генрих IV». Часть I, акт V, сцена четвертая (слова Фальстафа). *Ред.*

** См. настоящий том, стр. 332, 334. *Ред.*

*** Перефразированная строка из стихотворения Гейне «Рыцарь Олаф». *Ред.*

Мадзини и Ледрю тоже могут теперь спокойно ложиться спать. Эта катастрофа означает полный крах эмиграции. Обнаружилось, что эмиграция не играет никакой роли в революции. А ведь эти господа *решили* приостановить мировую историю до возвращения Кошута. Кстати: подписка, проведенная в пользу последнего, дала в Лондоне ровно 100 пенсов, так и читай — пенсов.

Привет. Твой ***К. М.***

Кстати. Не послал ли я тебе как-то письмо Пипера, написанное ко мне *по-французски.* Если да, то отошли мне его немедленно.

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd, I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

134
ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ
В ЛОНДОН

Манчестер, 10 декабря 1851 г.

Дорогой Маркс!

Что делают великие мужи во время этого богатого событиями кризиса? Говорят, будто Л. Блан был арестован во Франции, но это, к сожалению, вряд ли верно, мы знаем нашего маленького человечка. Впрочем, с того времени как из парижского восстания ничего не вышло, я рад, что первая буря миновала. Как наши чувства ни притуплены, нас все же в такие моменты до некоторой степени охватывает старая политическая лихорадка, и все же до некоторой степени заинтересовываешься исходом подобной истории. Я могу теперь, по крайней мере, снова взяться за человеческие расы, исследованием которых я был занят в тот момент, когда совершился этот великий переворот.

Впрочем, несмотря на все это, ни здесь, ни в Ливерпуле не восстанавливается прежняя уверенность, и лишь П. Эрмен теперь в такой же мере полон жизнерадостности и веры в Наполеона, в какой четыре дня тому назад он был убит и подавлен. Здешние буржуа все же, в общем, слишком умны, чтобы уверовать в более чем эфемерное существование этого наполеонов-

ского фарса. Но что же получится из всей этой дряни? Избран будет Наполеон, в этом нет сомнения; у буржуазии нет иного выбора, да и кто будет проверять избирательные бюллетени? Арифметические ошибки при подсчете в пользу авантюриста слишком соблазнительны, и вся низость французских имущих классов, их холопское преклонение перед малейшим успехом, пресмыкание перед всякой властью выступили на этот раз наружу более ярко, чем когда-либо раньше. Но каким образом этот осел хочет править? Он получит меньше голосов, чем в 1848 г., это ясно, — быть может, всего от 3 до $3^1/_2$ миллионов; для кредита это уже опасное поражение. Никакая финансовая и налоговая реформа невозможна, во-первых, из-за отсутствия денег, во-вторых, потому, что военный диктатор может ее провести лишь при удачных внешних войнах, когда война оплачивает войну, а в мирное время не только не бывает никаких излишков, но еще приходится гораздо больше тратить на армию; в-третьих, потому, что Наполеон слишком глуп. Что ему остается? Война? Против кого, не против Англии ли? Или, может быть, обыкновенный военный деспотизм, который в мирное время должен неизбежно повести к новому военному перевороту и вызвать в армии образование партий Национального собрания? Нет никакого выхода, этот фарс должен сам по себе закончиться крахом. А что будет, если к тому же еще наступит торговый кризис!

Что Луи-Наполеон вынашивает нечто «великое», в этом я ни на минуту не сомневаюсь, но хотелось бы знать, что это будет за нелепость. Развитие наполеоновских идей достигнет очень большой высоты, но, встретив самые будничные препятствия, потерпит полную неудачу.

Что совершенно ясно обнаруживается во всей этой эпопее, это то, что красные отстранились, целиком отстранились. Было бы бессмысленно теперь подыскивать извиняющие обстоятельства тому, что они в своей массе не сопротивлялись. Ближайшие месяцы покажут, наступила ли во Франции такая апатия, что потребуется несколько спокойных лет, чтобы сделать для красных возможным новый сорок восьмой год. Но, с другой стороны, откуда взяться этому спокойствию?

Я вижу лишь два выхода из этого свинства:

Или фракции «партии порядка», представленные в армии, займут теперь место «анархистов», то есть создадут такую анархию, что, в конце концов, красные и Ледрю-Р[оллен] явятся в роли таких же спасителей, как теперь Л[уи]-Наполеон; или Л[уи]-Н[аполеон] отменит налог на напитки и даст себя убедить провести некоторые буржуазные реформы; трудно только

сказать, откуда он возьмет на это деньги и власть. В последнем, весьма мало вероятном случае он смог бы удержаться. Что ты думаешь об этом?

Твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод в немецкого

135
ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ
В ЛОНДОН

Манчестер, 11 декабря 1851 г.

Дорогой Маркс!

Возвращаю тебе письма Р[ейнхар]дта и П[ипе]ра, последнее я временно задерживал у себя из-за кёльнских дел.

Из грандиозной экспедиции 700 бродяг в Париж, о которой торжественно возвестили газеты, кажется, ничего не выходит; маленький Л. Блан, судя по его новым жалобным воплям в сегодняшней «Daily News», пока тоже находится в безопасном месте, хотя, по-видимому, и не в Лондоне. Его первые плаксивые излияния были просто божественны по сравнению с сегодняшними. «Французский народ... благородная гордость... неукротимое мужество... бесконечная любовь к свободе... слава побежденным храбрецам»... — затем этот человечек делает полуоборот направо и проповедует взаимное доверие и единение между народом и буржуазией. Сравни Прудона, призыв к буржуазии, стр. 2[*]. А эти рассуждения! Если повстанцы были разбиты, то потому, что они не были «настоящим народом», «настоящий народ» не может быть разбит; а если «настоящий народ» не сражался, то это объясняется тем, что он не хотел сражаться за Национальное собрание. Тут можно было бы, конечно, возразить, что если бы «настоящий народ» одержал победу, он сам сделался бы диктатором, но, застигнутый врасплох, он не мог думать об этом, да к тому же его так часто обманывали!

Это старая пошлая логика демократов, широко применявшаяся после каждого поражения революционной партии. На деле, по-моему, если на этот раз пролетариат в массе своей не дрался, то это произошло потому, что он вполне отдавал себе отчет в своей собственной апатии и бессилии, и он до тех пор будет с фаталистической покорностью соглашаться на повторе-

[*] *П. Ж. Прудон.* «Общая идея революции в XIX веке». *Ред.*

ние кругооборота: республика, империя, реставрация и новая революция, пока, — пройдя через ряд бедствий за несколько лет господства сравнительного спокойствия, — он снова не накопит свежие силы. Я не утверждаю, что это так и будет, но мне кажется, что таково было инстинктивное убеждение, преобладавшее у парижского народа во вторник[*] и в среду, а также после установления тайного голосования и отступления буржуазии, которое последовало за этим в пятницу. Нелепо говорить, что момент был неподходящим для народа. Если пролетариат станет дожидаться, пока его вопрос не будет выдвинут самим правительством, пока не наступит коллизия, в которой конфликт выльется в еще более резкую и четкую форму, чем это было в июне 1848 г., — то ему придется долго ждать. Последний раз вопрос о пролетариате и буржуазии встал в достаточной мере резко в связи с избирательным законом 1850 г., но тогда народ предпочел уклониться от драки. Это обстоятельство, как и постоянные ссылки на 1852 г., уже сами по себе служили доказательством апатии и давали нам достаточное основание для довольно плохих прогнозов и на 1852 г., исключая случай торгового кризиса. Трудно требовать от официальных партий, чтобы после отмены всеобщего избирательного права и вытеснения пролетариата с официальной арены они стали ставить вопрос так, чтобы это удовлетворило пролетариат. А как обстояло дело в феврале?[**] Тогда народ, так же как и теперь, стоял в стороне от событий. А ведь нельзя отрицать, что если революционная партия начинает упускать решающие поворотные моменты в революционном развитии, оставаясь в стороне, или если она вмешивается, но не одерживает победы, то ее можно с полной уверенностью считать на некоторое время похороненной. Доказательство — восстания после термидора и после 1830 года[358]. А господа, так громко провозглашающие теперь, что «настоящий народ» выжидает подходящего момента, рискуют со временем очутиться в таком же положении, как бессильные якобинцы 1795—1799 гг. и республиканцы 1831—1839 гг., и здорово оскандалиться.

Нельзя также отрицать, что сильное впечатление, произведенное восстановлением тайного голосования на буржуазию, мелкую буржуазию, да, наконец, *также и на многих пролетариев* (об этом говорят все сообщения) рисует в странном свете мужество и проницательность парижан. Многие, очевидно, даже не подумали о том, до чего нелепо поставлен Л[уи]-Н[аполеоном] вопрос и где же гарантии правильного подсчета

[*] — то есть 2 декабря 1851 года. *Ред.*
[**] — в феврале 1848 года. *Ред.*

голосов, но большинство, наверное, раскусило это надувательство и все же постаралось убедить себя, что теперь все в порядке, *лишь бы найти повод увильнуть от драки.*

Судя по письму Р[ейнхар]дта, по ежедневным новым разоблачениям о бесчинствах солдат и особенно об их эксцессах на бульварах против всех штатских, независимо от того, кто они — рабочие или буржуа, красные или бонапартисты, — судя по все вновь поступающим сведениям о местных восстаниях даже в самых отдаленных углах, где никто не ожидал сопротивления, судя, наконец, по письму бывшего французского депутата и промышленника во вчерашнем номере «Daily News», — судя по всему этому, апелляция к народу, по-видимому, принимает неприятный для Бонапарта оборот. Широким кругам парижской буржуазии, по-видимому, не очень-то по вкусу этот новый режим с его дарованными законами о ссылке. Система военного террора развивается слишком быстро и слишком бесстыдно. Две трети Франции на осадном положении. Я думаю, что после всего этого широкие круги буржуазии совсем не будут участвовать в голосовании, что весь фарс с голосованием кончится ничем, так как во всех ненадежных пунктах, где в голосовании примут массовое участие противники Л[уи]-Н[аполеона], жандармы будут нарочно затевать стычки с избирателями, чтобы добиться затем полной кассации выборов в этих местностях. В таком случае Л[уи]-Н[аполеон] объявит Францию в невменяемом состоянии и провозгласит армию единственной спасительницей общества. Тогда эта грязная история станет совершенно ясна, а вместе с тем станет ясна и фигура Л[уи]-Н[аполеона]. Но как раз во время этой избирательной кутерьмы дело могло бы принять очень неприятный оборот, если бы и *тогда* можно было еще ожидать серьезного сопротивления против уже упрочившегося правительства.

Миллион голосов этому человеку обеспечен среди чиновников и солдат. Полмиллиона голосов, если не больше, он получит среди имеющихся в стране бонапартистов. Полмиллиона, если не больше, трусливых горожан будут также голосовать за него. Полмиллиона глупцов-крестьян и миллион приписанных голосов при подсчете — это составляет уже $3^1/_2$ миллиона; больше этого не имел и старый Наполеон в своей Империи, которая включала весь левый берег Рейна и Бельгию, то есть насчитывала, по меньшей мере, 32 миллиона жителей. Почему бы ему не удовольствоваться этим на первых порах? Если бы он получил это количество, имея против себя, скажем, даже миллион голосов, то буржуа очень скоро перешли бы на его сторону. Но возможно, что он не получит этих $2^1/_2$ миллионов и возможно, — хотя это

значило бы предъявлять слишком высокие требования к честности французских чиновников, — что ему не удастся добиться того, чтобы ему накинули миллион приписанных голосов при подсчете. Во всяком случае, очень много зависит от тех мер, которые он вынужден будет предпринять за это время. Впрочем, кто может помешать чиновникам до начала голосования бросить в избирательные урны несколько сот «да»? Печати больше не существует — проверять будет некому.

Во всяком случае, скверно для Крапюлинского*, что фонды опять начинают падать, а для Л. Блана — что он должен теперь признать Англию свободной страной.

Через несколько месяцев красным опять, наверное, представится случай показать себя, может быть, уже при голосовании; но если они и тогда станут выжидать, они — пропащие люди; в таком случае они и в момент сильнейшего торгового кризиса добьются только того, что получат хорошую трепку, которая на несколько лет устранит их со сцены. Какая польза от этого сброда, если он разучился даже драться?

Разве Пипер опять в Лондоне? Я хотел бы дать ему поручение во Франкфурт относительно книг, но не знаю, в Брайтоне он еще или нет.

Хуже всего то, что у тебя теперь будут затруднения с Лёвенталем. Было бы лучше, если бы контракт был уже подписан.

На ливерпульской товарной бирже спокойно, цены вчерашние; на товарной бирже в Манчестере положение прочное; часть излишков уходит на Ближний Восток. Немецкие покупатели все еще отсутствуют на рынке.

Твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

136
ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ
В ЛОНДОН

[Манчестер], 16 декабря 1851 г.

Дорогой Маркс!

При сем — письмо от Вейдемейера, которое я получил сегодня днем. Известия пока что очень хорошие, газета Гейнцена** при последнем издыхании, и В[ейдемейер] уже теперь

* — Луи Бонапарта. *Ред.*

** — «Deutsche Schnellpost». *Ред.*

в состоянии выступить с еженедельником[359]. Но его требование — отослать ему не позднее, чем в пятницу вечером статью — несколько преувеличенно, особенно при теперешних обстоятельствах. И все же как раз теперь люди жаждут там анализа и разъяснения французских событий, и если бы можно было сказать что-нибудь особенно интересное по поводу ситуации, то этим можно было бы обеспечить успех предприятия, начиная с первого номера. Но в этом-то как раз и трудность, и мне, как всегда, опять приходится взваливать на тебя всю тяжесть; что касается меня, то я готов писать о чем угодно, только не о coup de tete* Крапюлинского**. Ты сумеешь, во всяком случае, написать для него об этом дипломатичную, допускающую возможность переоценки, но эпохальную статью. Что я сделаю, я еще не знаю, во всяком случае что-нибудь попытаюсь. Шнаппера я не могу послать***: во-первых, первая глава вышла слабой, а во-вторых, я совершенно оставил эту вещь с тех пор, как история начала писать комические романы — слишком опасная конкуренция. Я пока что включу в свой план еще несколько комических сцен и потом опять возьмусь за это дело,— но Вейдемейеру это совершенно не подходит, и, кроме того, он хочет иметь статьи за нашей подписью. Напиши мне немедленно, что ты думаешь делать, время не ждет; субботний пароход не может прийти в Нью-Йорк раньше Нового года, а это скверно; еще хуже то, что нам дан такой короткий срок.

Пусть только В[ейдемейер] не вмешивается в американские дела до тех пор, пока он не научится грамотно писать американские термины. Жаль, что у него нет теперь времени немного осмотреться и подучиться английскому языку. «Аболюционисты»**** были бы для Гейнцена ценной находкой. Что касается Веерта, то я увижусь с ним здесь завтра или послезавтра и выясню, что он может сделать. На следующей неделе, а может быть уже в субботу вечером, я буду в Лондоне, и мы сможем тогда обсудить дальнейшее; пока остается лишь вопрос, что дать для первого номера; с этим нельзя ждать, напиши мне поэтому немедленно, что ты думаешь делать.

В коммерческом отношении, судя по письму, Вейд[емейер] еще, кажется, несколько «зелен»; я дам ему по этому поводу нужные указания. Он еще совсем не знает своей публики.

---

* — опрометчивом поступке, наглом действии. *Ред.*

** — Луи Бонапарта. *Ред.*

*** — то есть статью о Шаппере (см. настоящий том, стр. 334). *Ред.*

**** Намек на ошибку Вейдемейера: «аболюционисты» вместо правильного «аболиционисты». *Ред.*

Лупус* также должен немедленно приступить к делу и выяснить, что он может написать для первого номера; у В[ейдемейера] будут большие затруднения с материалом.

Что ты скажешь о французских ценных бумагах, которые вчера стоили 101,50 франков — на $1^1/_2$ процента выше паритета; — это доставит Л[уи]-Н[аполеону] больше голосов, чем все вранье купленных газет. Помогут ему также эксцессы крестьян на юге и в центре. Частично эти сообщения, несомненно, верны, ничего иного и нельзя было ожидать от этого варварского племени. Их нисколько не интересует правительство и т. д.; прежде всего они стремятся разрушить дом сборщика податей и нотариуса, изнасиловать его жену, а его самого избить до смерти, если он попадет им в руки. В сущности, это не имеет особого значения, и указанные господа вполне заслужили такое обращение, но это гонит в объятия Наполеона всех тех, кто может что-либо потерять. В самом деле, нашествие внутренних варваров, когда оно, наконец, произойдет, обещает превратиться в весьма веселое зрелище, особенно для тех, при чьем правлении подобного рода приятные истории будут иметь место. Повышение курса ценных бумаг является *теперь,* без сомнения, уже не правительственным маневром, а выражением принявшего форму доверия к Луи-Наполеону страха финансовой аристократии перед перспективой быть разорванной живьем, которую в таких ярких красках рисует правдивый «Conslitutionnel».

Итак, напиши мне сейчас же по поводу В[ейдемейера].

Твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

* — Вильгельм Вольф. *Ред.*

Часть вторая

ПИСЬМА К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА К РАЗНЫМ ЛИЦАМ

ФЕВРАЛЬ 1842 — ДЕКАБРЬ 1851

1842 год

1

МАРКС — АРНОЛЬДУ РУГЕ [360]

В ДРЕЗДЕН

Трир, 10 февраля [1842 г.]

Дорогой Друг!

Я позволю себе предложить Вам небольшую статью для «Deutsche Jahrbucher» в виде прилагаемой критики цензурной инструкции*.

Если статья подходит для Вашего журнала, то я прошу Вас не называть пока *моего имени никому, за исключением Виганда,* а также переслать мне *тотчас же почтой* номера «Deutsche Jahrbucher» с моей статьей, ибо, *пока я* в Трире, я совершенно оторван от литературного мира.

Понятно, что в интересах дела ускорить печатание, если цензура не наложит цензурного запрета на мою цензуру.

Если у Вас нет еще критика для сверхумной книги Фатке «о грехе»[361], — не будь она так чертовски умна, можно было бы поддаться искушению назвать ее глупой, — то мое критическое рвение к Вашим услугам.

Равным образом стоило бы, пожалуй, еще раз взяться за сочинение Байера о «нравственном духе»[362]. Критика Фейербаха была дружеской услугой[363]. Насколько почтенны моральные убеждения Байера, настолько же слабым и даже безнравственным является его сочинение.

Я был бы очень рад, если бы Вы сообщили *Виганду,* что моя рукопись будет прислана через несколько дней. Письмо *Бауэра***, где он требует, чтобы рукопись была, *наконец,* отослана, застало меня тяжело больным, в постели, и поэтому было передано мне только несколько дней назад. Занятый работой над прилагаемой статьей, я не смог сделать необходимых исправлений.

---

* *К. Маркс.* «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции». *Ред.*

** — Бруно Бауэра. *Ред.*

Так как я теперь покончил с объемистыми работами, то, само собой разумеется, все, что я в состоянии сделать, находится в распоряжении «Deutsche Jahrbucher».

С искренним уважением

Маркс

Мой адрес: Д-ру Марксу, *Трир;* вручить тайному правительственному советнику фон Вестфалену.

Впервые опубликовано в журнале «Documents des Socialismus», Bd. I, 1902 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

2

МАРКС — АРНОЛЬДУ РУГЕ

В ДРЕЗДЕН

Трир, 5 марта [1842 г.]

Дорогой Друг!

Я совершенно согласен с планом «Anekdota philosophica»[364] и считаю также, что было бы лучше назвать в числе сотрудников и *мое имя.* Подобного рода демонстративные действия по самому своему характеру *исключают* всякую анонимность. Эти господа должны убедиться, что наша совесть чиста.

При внезапном возрождении саксонской цензуры совершенно невозможно будет, очевидно, напечатать мой «Трактат о *христианском искусстве»,* который должен был бы появиться в качестве второй части «Трубного гласа»[365]. А что, если поместить его — в измененной редакции — в «Anekdota»? Масса противоцензурных мыслей, накопившихся теперь в умах людей, даст, пожалуй, возможность выпускать «Anekdota», по мере накопления материала, в виде ряда отдельных выпусков. Другая статья, предназначавшаяся мной также для «Deutsche Jahrbucher», представляет собой критику гегелевского естественного права, поскольку дело касается *внутреннего государственного строя*[366]. Основное в ней — борьба против *конституционной монархии,* этого ублюдка, который от начала до конца сам себе противоречит и сам себя уничтожает. Выражение res publica* совершенно невозможно перевести на немецкий язык. Я послал бы тотчас же для пробы обе эти

* — государство, республика (первоначальное значение: общественное дело). *Ред.*

Карл Маркс в студенческие годы
(Бонн, 1836 г.)

вещи, если бы они не нуждались в переписке начисто, а местами — в исправлениях. Дело в том, что мой будущий тесть, г-н фон Вестфален, пролежал на смертном одре три месяца и позавчера скончался. Поэтому за все это время невозможно было сделать что-нибудь путное.

Об остальном в следующий раз.

С искренним уважением

преданный Вам ***Маркс***

Кстати. В рукописи о цензуре[*] по недосмотру написано: «цензура тенденции и тенденциозная цензура». На самом деле должно быть: «цензура тенденции и тенденция цензуры». Благоволите послать мне ответ прямо почтой в Трир. Бауэр отрешен от должности, как он пишет в только что полученном письме[367], в силу постановления lit de justice[**].

Впервые опубликовано в журнале «Documente des Socialismus», Bd. I, 1902 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

3

МАРКС — АРНОЛЬДУ РУГЕ

В ДРЕЗДЕН

Трир, 20 марта [1842 г.]

Дорогой друг!

Послушники — наиблагочестивейший народ, как это ad oculos[***] доказывает Саксония.

У Бауэра была однажды в Берлине такая же сцена с Эйххорном, как у Вас с министром внутренних дел. Ораторские приемы этих господ похожи друг на друга, как две капли воды. Чем-то исключительным является, однако, то, что философия ведет вразумительный разговор с государственной мудростью этих напыщенных мерзавцев, и даже некоторый фанатизм здесь нисколько не вредит делу. Нет ничего труднее, как заставить этих земных богов поверить, что существуют вера в истину и духовные убеждения. Эти государственные денди в такой степени являются скептиками, это настолько закоренелые хлыщи, что они не верят уже в истинную, бескорыстную любовь. Как же подступиться к этим roues[****], как не с помощью того, что

[*] *К. Маркс.* «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции». *Ред.*
[**] — верховного суда под председательством короля. *Ред.*
[***] — воочию. *Ред.*
[****] — пройдохам. *Ред.*

в высших кругах называют фанатизмом? Гвардейский лейтенант считает всякого влюбленного, имеющего честные намерения, фанатиком. Что же, из-за этого больше не вступать в брак? Удивительно, что низведение людей до уровня животных стало правительственной верой и правительственным принципом. Но это не противоречит религиозности, так как обожествление животных — это, пожалуй, наиболее последовательная форма религии, и скоро, быть может, придется говорить уже не о религиозной антропологии, а о религиозной зоологии.

Когда я был еще молод и наивен, я уже знал, что яйца, которые кладут в Берлине, это не яйца Леды, а гусиные яйца. Несколько позже я понял, что это крокодиловы яйца; так, например, самоновейшим крокодиловым яйцом является мнимая отмена — по предложению рейнского сословного собрания — тех незаконных ограничений, которым подвергалось французское законодательство в делах о государственной измене и т. д., а также в делах о преступлениях должностных лиц[368]. Но на этот раз, когда речь идет об объективных, установленных законом определениях, этот фокус-покус так глуп, что даже глупейшие рейнские юристы его тотчас же разглядели. К тому же Пруссия с полной наивностью заявила, что гласность судебного процесса поставила бы на карту престиж прусских чиновников и доверие к ним. Это — весьма откровенное признание. Все наши рейнские писания о публичности и гласности страдают одним коренным пороком. Честные простаки продолжают без устали доказывать, что это отнюдь не политические, а чисто правовые институты, что они являются правом, а не бесправием. Как будто в этом дело! Как будто все зло этих институтов не в том именно заключается, что они являются правом! Мне бы очень хотелось доказать обратное, а именно, что Пруссия не может ввести публичность и гласность, ибо свободные суды и несвободное государство несовместимы. Точно так же следовало бы воздать должное Пруссии за ее благочестие, ибо трансцендентное государство не может обойтись без положительной религии, как русский мошенник — без образка.

Бюлов-Куммеров, как Вы можете увидеть из китайских газет, заставляет свое перо кокетничать со своим плугом[369]. О, эта деревенская кокетка, украшающая себя искусственными цветами! Я думаю, что следовало бы радоваться появлению писателей, занимающих такое земное положение, — положение на пашне, что и говорить, является земным, — особенно, если бы впредь плуг думал и писал вместо пера, а перо, в отплату за это, выполняло бы барщину. Может быть, при теперешнем однообразии немецких правительств дело дойдет до этого, но

чем однообразнее правительства, тем многообразнее ныне философы, и, надо надеяться, многообразное воинство победит однообразное.

Ad rem[*], ибо politica[**] у нас, добропорядочных, высоконравственных немцев, относятся к formalia[***], на основании чего уже Вольтер заключил, что у нас самые солидные учебники публичного права.

Итак, что касается дела, то я нашел, что статья «О христианском искусстве», превратившаяся теперь в статью «О религии и искусстве, в особенности о христианском искусстве», должна быть совершенно переделана, ибо тон «Трубного гласа», которому я добросовестно следовал, —

«Твое слово есть светоч моим стопам и свет на моем пути. Своей заповедью ты делаешь меня более мудрым, чем мои враги, ибо свидетельствует о тебе моя речь, и он, господь, будет вещать громовым голосом с Сиона»,

— этот тон «Трубного гласа», тяжеловесность и скованность гегелевской формой изложения должны быть теперь заменены более свободной, а потому и более основательной формой изложения. Через несколько дней я еду в Кёльн, который я избрал моим новым местопребыванием[370], ибо близость боннских профессоров для меня невыносима. Кто захочет иметь дело с духовными вонючками, с людьми, которые учатся только для того, чтобы находить в каждом уголке мира все больше и больше тупиков!

Итак, из-за этих обстоятельств я и не сумел прислать критику гегелевской философии права для ближайшего выпуска «Anekdota» (так как она писалась также для «Трубного гласа»); статью о религиозном искусстве я обещаю прислать к середине апреля, если Вы можете ждать так долго. Мне это было бы тем приятнее, что я рассматриваю вопрос с новой point de vue[****] и даю также, в виде приложения, эпилог о романтиках. Пока что я буду действеннейшим образом, по выражению Гёте, продолжать работу над этой вещью и ждать Вашего решения. Соблаговолите написать мне об этом в Кёльн, где я буду в начале следующего месяца. Так как у меня нет еще там определенного местожительства, то прошу направить мне письмо на адрес *Юнга.*

В самой работе мне неизбежно пришлось говорить об общей сущности религии; при этом я вступаю некоторым образом

[*] — К делу. *Ред.*
[**] — политические предметы. *Ред.*
[***] — формальным предметам. *Ред.*
[****] — точки зрения. *Ред.*

в коллизию с Фейербахом — коллизию, касающуюся не принципа, а его понимания. Во всяком случае, религия от этого не выигрывает.

Я давно ничего не слышал о Кёппене. Не приходилось ли Вам обращаться к Христиансену в Киле? Я его знаю только по его истории римского права[371], в которой, однако, есть кое-что о религии и философии вообще. Это, кажется, отличная голова, хотя, когда он доходит до настоящего философствования, то пишет ужасающе непонятно и формально. Может быть, теперь он начал уже писать человеческим языком. Но вообще он, кажется, a la hauteur des principes[*].

Я буду очень рад увидеть Вас здесь, на Рейне.

Ваш ***Маркс***

От Бауэра только что получил письмо — он пишет, что хочет ехать снова на север, полагая по глупости, что там он сумеет лучше вести свой процесс против прусского правительства. Берлин находится слишком близко от Шпандау. Во всяком случае хорошо, что Бауэр не предоставляет дело его собственному ходу. Как я узнал здесь от моего будущего шурина[**], настоящего аристократа, в Берлине особенно злятся на bonne foi[***] Бауэра.

Впервые опубликовано в журнале «Documente des Socialismus», Bd. I, 1902 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

4

МАРКС — АРНОЛЬДУ РУГЕ

В ДРЕЗДЕН

Бонн, 27 апреля [1842 г.]
У механика Кремера

Дорогой...[****]

Вам не следует терять терпение, если мои статьи запоздают еще на несколько дней, — но действительно *только на несколько* дней. Бауэр, вероятно, передаст Вам на словах, что я в этом месяце, из-за всякого рода внешней сутолоки, почти совершенно не мог работать.

[*] — на высоте принципов. *Ред.*
[**] — Фердинанда фон Вестфалена. *Ред.*
[***] — чистосердечие. *Ред.*
[****] В рукописи одно слово вымарано. *Ред.*

Однако у меня почти все готово. Я пошлю Вам четыре статьи: 1) «О религиозном искусстве», 2) «О романтиках», 3) «Философский манифест исторической школы права», 4) *«Позитивные философы»*[372], которых я немного пощекотал. Статьи эти по содержанию связаны между собой.

Статью о религиозном искусстве Вы получите в весьма сокращенном виде, ибо она незаметно выросла чуть ли не до размеров книги, и я втянулся в разного рода исследования, которые потребуют еще довольно продолжительного времени.

Я отказался от своего плана поселиться в Кёльне, так как жизнь там представляется мне слишком шумной, а обилие добрых приятелей не ведет к усовершенствованию в философии.

В «Rheinische Zeitung» я послал большую статью о нашем последнем рейнском ландтаге* с ироническим введением о «Preusische Staats-Zeitung». В связи с дебатами о печати я снова возвращаюсь к вопросу о цензуре и свободе печати, рассматривая его с иных точек зрения.

Таким образом, Бонн остается пока моим местопребыванием, — да и жаль было бы, если бы здесь никого не оставалось, на кого могли бы злиться святоши.

Вчера из Грейфсвальда прибыл *Хассе,* который всегда приводил меня в удивление только своими большими сапогами, как у деревенского священника. Он и говорил, совсем как сапог деревенского священника. Не обладая никакими знаниями, он готовится издать многотомное сочинение о скучном Ансельме Кентерберийском, над которым корпел целых десять лет[373]. Он полагает, что теперешнее критическое направление представляет собой временное явление, которое должно быть преодолено, толкует о религиозности как продукте жизненного опыта, под которым, вероятно, понимает свое успешное разведение потомства и свой толстый живот, ибо толстые животы могут свидетельствовать о различных свойствах и, как Кант говорит: если все идет вниз, то получается непристойность, если же вверх — религиозное вдохновение. Ох, уж этот благочестивый Хассе с его религиозными запорами!

Нас здесь очень позабавило то, что Вы писали в своих письмах о Фатке — о недостаточной «полноте сердца» у него. У этого сверхумного дипломатичного Фатке, который так охотно стал бы величайшим критиком и величайшим верующим, который всегда все знает лучше всех, — у этого Фатке к одной партии не лежит сердце, а к другой — голова. Hic jacet** Фатке —

---

* *К. Маркс.* «Дебаты шестого рейнского ландтага (статья первая). Дебаты о свобода печати и об опубликовании протоколов сословного собрания». *Ред.*

** — Здесь покоится. *Ред.*

весьма примечательный пример того, до чего может довести страсть к картам и к религиозной музыке.

Пресловутый Фихте, который облекся здесь в мантию своей непопулярности, распустил слух, наполовину двусмысленный, будто его приглашают в Тюбинген. Факультет не идет навстречу его желанию — удержать его с помощью прибавки к жалованью.

Зак с благочестивейшими намерениями отправляется в Берлин, чтобы спекулировать на помешательстве своего брата и добиваться назначения на его место.

Всюду только война и беспутство, говорит Терсит, и если здешний университет нельзя упрекать в войнах, то, по крайней мере, в беспутстве у него нет недостатка.

Не собираетесь ли Вы осуществить свою поездку на Рейн?

Ваш ***Маркс***

Впервые опубликовано в журнале «Documente des Socialismus», Bd. I, 1902 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

5

ЭНГЕЛЬС — АРНОЛЬДУ РУГЕ

В ДРЕЗДЕН

Берлин, 15 июня 1842 г.
Dorotheenstrase, 56

Уважаемый г-н доктор!

Посылаю Вам статью для «Jahrbucher»[374]. Работу о Данте я пока отложил в сторону. Я бы прислал свою статью раньше, если бы у меня было хоть сколько-нибудь свободного времени.

Ваше письмо я получил после того, как оно проделало немало странствований. Вы спрашиваете, почему я не послал статью «Шеллинг и откровение» в «Jahrbucher». 1) Потому что я рассчитывал написать книгу в 5—6 листов и только в процессе переговоров с издателем вынужден был ограничиться объемом в $3^1/_2$ листа; 2) потому что журнал «Jahrbucher» до того времени занимал все еще несколько сдержанную позицию по отношению к Шеллингу; 3) потому что здесь мне посоветовали не нападать больше на Шеллинга в журнале, а лучше сразу выпустить против него брошюру. «Шеллинг — философ во Христе» тоже написано мной.

Кстати, я вовсе не доктор и никогда не смогу им стать; я всего только купец и королевско-прусский артиллерист[375]. Поэтому избавьте меня, пожалуйста, от такого титула.

Я надеюсь скоро послать Вам снова рукопись, а пока остаюсь с совершенным почтением

Ф. Энгельс (Освальд)

Впервые опубликовано в сборнике: «Archiv fur die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung». Jg. 11, 1925

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

6
МАРКС — АРНОЛЬДУ РУГЕ В ДРЕЗДЕН

Трир, 9 июля [1842 г.]

Дорогой друг!

Если бы меня не оправдывали обстоятельства, то я бы и не пытался оправдываться. Само собой разумеется, что я считаю для себя честью сотрудничество в «Anekdota», и только неприятные посторонние обстоятельства помешали мне прислать статьи.

С апреля до сегодняшнего дня мне, в общей сложности, удалось поработать, самое большее, пожалуй, четыре недели, да и то с перерывами. Шесть недель я должен был провести в Трире в связи с новым случаем смерти. Остальное время было распылено и отравлено самыми неприятными домашними дрязгами. Моя семья поставила передо мной ряд препятствий, из-за которых я, несмотря на ее благосостояние, оказался на время в самом тяжелом положении. Я отнюдь не собираюсь обременять Вас рассказом обо всех гадостях, с которыми мне пришлось столкнуться; истинное счастье еще, что пакости общественной жизни совершенно лишают человека с характером возможности раздражаться из-за личных неприятностей. В течение этого времени я писал для «Rheinische Zeitung», которой я уже давно должен был отослать свои статьи и т. д. и т. д. Я бы давно известил Вас об этих интермеццо, если бы не надеялся со дня на день закончить свои работы. Через несколько дней я еду в Бонн и не притронусь ни к чему, пока не кончу работ для «Anekdota». Понятно, что в такой обстановке я не сумел обработать в особенности статью «Об искусстве и религии» с той тщательностью, какой требует этот предмет.

Не думайте, впрочем, что мы здесь, на Рейне, живем в каком-то политическом Эльдорадо. Нужна самая непреклонная

настойчивость, чтобы вести такую газету, как «Rheinische Zeitung». Моя вторая статья о ландтаге, касающаяся вопроса о церковной смуте, вычеркнута цензурой[376]. Я показал в этой статье, как защитники государства стали на церковную точку зрения, а защитники церкви — на государственную. Эта история тем неприятнее для «Rheinische Zeitung», что глупые кёльнские католики попали в ловушку, и выступление в защиту архиепископа могло бы привлечь подписчиков. Впрочем, Вы не можете себе представить, до чего подлы эти насильники и как глупо в то же время они поступили с ортодоксальным болваном. Но дело увенчалось успехом: Пруссия на глазах у целого мира поцеловала у папы туфлю, а наши правительственные автоматы расхаживают по улицам не краснея. «Rheinische Zeitung» сейчас подала жалобу по поводу этой статьи. Вообще для газеты начинается теперь борьба. Автор передовых статей в «Kolnische Zeitung», Гермес, экс-редактор прежней политической «Hannoversche Zeitung», стал на сторону христианства против философских газет в Кенигсберге и Кёльне. Если цензор опять не выкинет штуки, то в следующем приложении появится написанный мною ответ*. Религиозная партия на Рейне — самая опасная. Оппозиция за последнее время слишком привыкла к тому, чтобы выступать оппозиционно в рамках церкви.

Не знаете ли Вы каких-нибудь подробностей о так называемых «Свободных»[377]? Статья в «Konigsberger Zeitung»[378] была, по меньшей мере, не дипломатичной. Одно дело объявить себя приверженцем эмансипации — это честно; другое дело — заранее раструбить о своей пропаганде, это отдает бахвальством и раздражает филистера. А затем подумайте об этих «Свободных», где подвизается какой-то Мейен и т. д. Но, разумеется, если уж есть подходящий город для подобных затей, то это Берлин.

С кёльнским Гермесом мне придется, пожалуй, втянуться в длительную полемику. Как ни велики невежество, пошлость и тривиальность этого субъекта, — благодаря этим-то именно качествам он и является настоящим глашатаем филистерства, — я намерен положить конец его болтовне. Посредственность не должна больше пользоваться привилегией неприкосновенности. Гермес привяжется ко мне также и по поводу «Свободных», относительно которых я, к сожалению, ничего достоверно не знаю. Счастье, что Бауэр в Берлине. Он, по крайней мере, не допустит «глупостей», и единственное, что меня беспокоит в этой истории (если она соответствует действительности и не является умышленной газетной выдумкой), так это возмож-

* *К. Маркс.* «Передовица в № 179 «Kolnische Zeitung»». *Ред.*

Фридрих Энгельс в мундире артиллериста
(Берлин, 1841 г.)

ность того, что берлинская пошлость каким-нибудь образом сделает предпринятое ими хорошее дело смешным и что в серьезном начинании они не обойдутся без разных «глупостей». Кто провел среди этих людей столько времени, сколько я, тот найдет, что эти опасения не лишены основания.

Как обстоят у Вас дела с «Jahrbucher»?

Так как Вы находитесь в центре философских и теологических новостей, то я очень хотел бы узнать от Вас кое-что о теперешнем положении. Здесь, правда, видно движение часовой стрелки, но не видно движение минутной.

Старый Мархейнеке счел, по-видимому, необходимым подтвердить документально перед всем миром всю импотентность старогегельянства[379]. Его вотум — это позорный вотум.

Неужели саксонцы не поднимут в этом ландтаге вопроса о цензуре? Хорош же их конституционализм!

В надежде скоро получить от Вас весточку

Ваш ***Маркс***

Рутенберг лежит камнем на моей совести. Я ввел его в редакцию «Rheinische Zeitung», но он совершенно импотентен. Рано или поздно ему укажут на дверь.

Что вы посоветуете сделать, если статья об архиепископе не будет разрешена к печатанию высшей цензурной полицией? Ее появление в печати необходимо из-за: 1) нашего ландтага, 2) правительства, 3) христианского государства. Может быть, переслать ее Гофману и Кампе? Для «Anekdota» она, по-моему, не подходит.

Впервые опубликовано в журнале «Documente des Socialismus», Bd. I, 1902 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

7

ЭНГЕЛЬС — АРНОЛЬДУ РУГЕ В ДРЕЗДЕН

Берлин, 26 июля 1842 г.

Милостивый государь!

На этот раз я пишу Вам, чтобы сообщить, что ничего не пришлю Вам.

Я принял решение на некоторое время совершенно отказаться от литературной деятельности и вместо этого побольше учиться. Причины этого решения очевидны. Я молод и самоучка в философии. У меня достаточно знаний для того, чтобы

составить себе определенное убеждение и, в случае надобности, отстаивать его, но недостаточно, чтобы делать это действительно с успехом. Ко мне будут предъявлять тем большие требования, что я — «философский коммивояжер» и не приобрел благодаря докторскому диплому права на философствование. Когда я опять напишу что-либо, на этот раз под своим именем[380], я надеюсь удовлетворить этим требованиям. К тому же я теперь не могу слишком разбрасываться, потому что вскоре мне, вероятно, опять придется уделять больше времени торговым делам. До сих пор моя литературная деятельность, взятая субъективно, сводилась исключительно к попыткам, результат которых должен был показать мне, позволяют ли мне мои природные способности плодотворно содействовать прогрессу и принимать живое участие в современном движении. Я могу быть доволен результатом и считаю теперь своим долгом путем научных занятий, которые я продолжаю с еще большим наслаждением, все более усваивать и то, что человеку не дается от рождения. —

Когда в октябре я буду возвращаться в свои родные места, на Рейн[381], я предполагаю встретиться с Вами в Дрездене и подробнее рассказать Вам об этом. А пока я желаю Вам всего хорошего и прошу Вас время от времени вспоминать обо мне.

Ваш ***Ф. Энгельс***

Читали Вы возражение Юнга[382]? Я утверждаю, что это самое лучшее из всего того, что он до сих пор написал. Впрочем, теперь здесь находится другой Юнг*, из выходящей в Кёльне «Rheinische Zeitung», — он посетит Вас через несколько недель на обратном пути.

Впервые опубликовано в журнале «Die Internationale», H. 26, 1920 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

8

МАРКС — ДАГОБЕРТУ ОППЕНХЕЙМУ В КЁЛЬН

[Бонн, около 25 августа 1842 г.]

Дорогой Оппенхейм!

Прилагаю рукопись Руге. № 1 не подойдет; № 2, о саксонских делах, Вы, вероятно, сможете использовать[383].

Пришлите мне напечатанную в «Rheinische Zeitung» статью Майера о *муниципальном устройстве* и, если возможно, все

* — Георг Юнг. *Ред.*

статьи Гермеса *против еврейства*[384]. Тогда я постараюсь как можно скорее прислать Вам статью, которая, если и не даст окончательного решения этого вопроса, то все же направит его по другому руслу.

Пройдет ли статья о Ганновере[385]? Попытайтесь, по крайней мере, дать вскоре хоть небольшое начало. Дело не столько в самой этой статье, сколько в целом ряде написанных ганноверцами дельных работ, которые я мог бы в этом случае Вам обещать. Автор статьи писал мне вчера:

«Я не думаю, чтобы моя борьба против оппозиции могла повредить распространению газеты в Ганновере; наоборот, там, как будто, все уже понимают, что высказанные мной взгляды следует признать правильными».

Если Ваши взгляды сходятся в этом вопросе с моими, пришлите мне также для критики статью «Juste-Milieu»[386]. Вопрос этот надо обсудить спокойно. Прежде всего, совершенно общие теоретические рассуждения о государственном строе подходят скорее для чисто научных журналов, чем для газет. Правильная теория должна быть разъяснена и развита применительно к конкретным условиям и на материале существующего положения вещей.

Но если уж так случилось, то надо иметь в виду две вещи. Всякий раз, когда мы будем вступать в полемику с другими газетами, нам могут, рано или поздно, поставить на вид эту историю. Такая явная демонстрация против основ теперешнего государственного строя может вызвать усиление цензуры и даже закрытие газеты. Именно так погибла южногерманская «Tribune». Во всяком случае, мы тем самым восстанавливаем против себя многих, пожалуй, даже большинство, свободомыслящих практических деятелей, которые взяли на себя трудную задачу — завоевывать свободу ступень за ступенью, внутри конституционных рамок, в то время как мы, усевшись в удобное кресло абстракции, указываем им на их противоречия. Правда, автор статьи «Juste-Milieu» призывает к критике; но 1) все мы знаем, как правительства отвечают на подобные призывы; 2) недостаточно, чтобы кто-нибудь выразил готовность подвергнуться критике, которая и без того не будет спрашивать у него позволения; вопрос в том, выбрал ли он соответствующую арену. Газеты лишь тогда начинают становиться подходящей ареной для подобных вопросов, когда последние стали вопросами реального государства, практическими вопросами.

Я считаю необходимым, чтобы не столько сотрудники руководили «Rheinische Zeitung», сколько, наоборот, она руководила ими. Статьи вроде указанной дают прекраснейший случай

наметить перед сотрудниками определенный план действий. Отдельный автор не в состоянии так охватить целое, как это может сделать газета.

Если мои взгляды не сходятся с Вашими, то я, — если Вы это найдете уместным, — готов поместить эту критику в «Anekdota», в виде приложения к моей статье против гегелевского учения о конституционной монархии*. Но я думаю, что было бы лучше, если б,ы газета сама была своим собственным врачом.

В ожидании скорого ответа от Вас

Ваш ***Маркс***

Впервые опубликовано в книге: Hansen. «Rheinische Briefe und Akten», Bd. I, Essen, 1919

Печатается по рукописи

Перевод о немецкого

9

МАРКС — АРНОЛЬДУ РУГЕ [387] В ДРЕЗДЕН

Кёльн, 30 ноября [1842 г.]

Дорогой друг!

Мое сегодняшнее письмо ограничится «смутой», связанной со «Свободными».

Как Вы уже знаете, цензура нас ежедневно беспощадно уродует, и нередко газета едва-едва может выйти. Из-за этого погибла масса статей «Свободных». Но и я сам позволил себе забраковать не меньше статей, чем цензор, ибо Мейен и компания посылали нам кучу вздора, лишенного всякого смысла и претендующего на то, чтобы перевернуть мир; все это написано весьма неряшливо и слегка приправлено атеизмом и коммунизмом (которого эти господа никогда не изучали). При Рутенберге, с его полнейшей некритичностью, отсутствием самостоятельности и способностей, эта публика привыкла рассматривать «Rheinische Zeitung» как *свой,* послушный им орган, я же решил не допускать больше подобных словоизвержений на старый манер. Эта потеря нескольких бесценных творений «свободы», — свободы, которая стремится преимущественно «быть свободной от всякой мысли», — была, таким образом, первой причиной омрачения берлинского небосклона.

Рутенберг, у которого уже отняли ведение германского отдела (где деятельность его состояла главным образом в расстановке знаков препинания) и которому только *по моему хода-*

* См. настоящий том, стр. 356. *Ред.*

тайству передали на время французский отдел, — этот Рутенберг, благодаря чудовищной глупости нашего государственного провидения, имел счастье прослыть опасным, хотя ни для кого, кроме «Rheinische Zeitung» и себя самого, он опасен не был. Нам было предъявлено категорическое требование удалить Рут[енберга]. Прусское провидение — этот прусский деспотизм, самый лицемерный, самый мошеннический, — избавило ответственных издателей от неприятного шага, а новый мученик, Рутенберг, научившийся уже изображать с некоторой виртуозностью мученическое сознание — соответствующим выражением лица, манерой держать себя и манерой речи, — использовал этот подвернувшийся случай. Он пишет во все концы, пишет в Берлин, что является *изгнанным принципом* «Rheinische Zeitung», которая начинает становиться на *иную позицию* по отношению к правительству. Все это понятно без объяснений. Однако и это обстоятельство также повлекло за собой демонстрации со стороны героев свободы на берегах Шпре, «грязные воды которой моют души и чай разжижают»[*].

К этому, наконец, присоединилось Ваше и Г[ервега] отношение к «Свободным», переполнившее чашу терпения этих разгневанных олимпийцев[388].

Несколько дней тому назад я получил письмо от маленького Мейена, излюбленной категорией которого поистине является — *долженствование.* В этом письме он ставит мне вопросы о моем отношении: 1) к Вам и Г[ервегу], 2) к «Свободным», 3) к новому принципу редакции, а также об отношении к правительству. Я тотчас же ответил и откровенно высказал свое мнение о недостатках их работ, которые скорее усматривают свободу в необузданной, санкюлотской — и притом удобной — форме, чем в *свободном,* то есть самостоятельном и глубоком содержании. Я призвал их к тому, чтобы было поменьше расплывчатых рассуждений, громких фраз, самодовольства и самолюбования и побольше определенности, побольше внимания к конкретной действительности, побольше знания дела. Я заявил, что считаю неуместным, даже безнравственным вводить контрабандой коммунистические и социалистические положения, то есть новое мировоззрение, в случайные театральные рецензии и пр.; я потребовал совершенно иного и более основательного обсуждения коммунизма, раз уж речь идет об его обсуждении. Я выдвинул, далее, требование, чтобы религию критиковали больше в связи с критикой политических порядков, чем политические порядки — в связи с религией, ибо это более соответствует основным

[*] Перефразированные строки из стихотворения Гейне «Мир» («Северное море», цикл первый). *Ред.*

задачам газеты и уровню читающей публики; ведь религия сама по себе лишена содержания, ее истоки находятся не на небе, а на земле, и с уничтожением той извращенной реальности, *теоретическим выражением* которой она является, она гибнет сама собой. Наконец, я предложил им, если уж хотят говорить о философии, поменьше щеголять *вывеской* «атеизма» (что напоминает детей, уверяющих всякого, кто только желает их слушать, что они не боятся буки) и лучше пропагандировать содержание философии среди народа. Вот и все.

Вчера я получил наглое письмо от Мейена, до которого мое письмо еще не дошло и который забрасывает меня вопросами о всевозможных вещах: 1) я должен заявить, чью сторону я принимаю в Вашем споре с Бауэром, о чем я ровно ничего не знаю; 2) почему я не пропустил того-то и того-то; причем он угрожает обвинением в консерватизме; 3) газета не должна проявлять сдержанность, она обязана действовать *самым крайним образом,* то есть должна спокойно уступить поле сражения полиции и цензуре, вместо того чтобы удерживать свои позиции в незаметной для публики, но тем не менее упорной, проникнутой сознанием долга борьбе. Под конец в оскорбительных выражениях сообщается о помолвке Гервега и т. д. и т. д.

От всего этого разит невероятным тщеславием человека, не понимающего, как это для спасения политического органа можно пожертвовать несколькими берлинскими вертопрахами, и думающего вообще только о делах своей клики. К тому же этот человечек выступал с важностью павлина, бил себя торжественно в грудь, хватался за шпагу, что-то болтал относительно «своей» партии, угрожал мне немилостью, декламировал на манер маркиза Позы, только немного похуже и т. п.

Так как нам теперь приходится выдерживать с утра до вечера ужаснейшие цензурные мучительства, переписку с министерством, обер-президентские жалобы[389], обвинения в ландтаге, вопли акционеров и т. д. и т. д., а я остаюсь на посту только потому, что считаю своим долгом, насколько в моих силах, не дать насилию осуществить свои планы, — то Вы можете себе представить, что я несколько раздражен и потому ответил М[ейену] довольно резко. Возможно, таким образом, что «Свободные» на время уйдут. Поэтому я Вас убедительно прошу помочь нам своими собственными статьями, а также привлечь к этому делу Ваших друзей.

Ваш ***Маркс***

Впервые опубликовано в журнале «Documente des Socialismus», Bd. I, 1902 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

1843 год

10

МАРКС — АРНОЛЬДУ РУГЕ

В ДРЕЗДЕН

Кёльн, 25 января [1843 г.]

Дорогой...*

Вы, вероятно, уже знаете, что «Rheinische Zeitung» запрещена, осуждена, получила смертный приговор. Предел ее жизни — конец марта. В течение этого времени, до казни, газета подвергается двойной цензуре. Наш цензор**, порядочный человек, поставлен под цензуру здешнего регирунгспрезидента фон Герлаха, рабски послушного дуралея. Готовые номера нашей газеты должны представляться в полицию, где их обнюхивают, и если только полицейский нос почует что-либо нехристианское, непрусское, — номер газеты не может выйти в свет.

Запрещение газеты вызвано совпадением ряда особых обстоятельств: ее распространенностью; *моим* «Оправданием мозельского корреспондента», где здорово досталось некоторым весьма высокопоставленным государственным деятелям; нашим упорным отказом назвать лицо, приславшее нам законопроект о браке[390]; созывом ландтага, на который мы могли бы оказать влияние своей агитацией; наконец, нашей критикой запрещения «Leipziger Allgemeine Zeitung»*** и «Deutsche Jahrbucher».

Министерский рескрипт, который появится на днях в газетах, еще слабее, — если только это возможно, — чем предыдущие. В качестве мотивов приводятся:

1) *Лживое утверждение,* что мы *не имели* якобы разрешения, как будто в Пруссии, где ни одна собака не может жить без

---

* В рукописи одно слово вымарано. *Ред.*

** — Витхауз. *Ред.*

*** *К. Маркс.* «Запрещение «Leipziger Allgemeine Zeitung»». *Ред.*

своего полицейского номерка, «Rheinische Zeitung» могла бы выходить хотя бы один день, не имея на то официального основания.

2) Цензурная инструкция от 24 декабря имела целью установить цензуру *тенденции.* Под тенденцией понимали *воображение,* романтическую веру в обладание свободой, обладать которой realiter* люди не могли бы себе позволить. Если рассудительное иезуитство, царившее при прежнем правительстве, имело суровую рассудочную физиономию, то это романтическое иезуитство требует главным образом *силы воображения.* Подцензурная печать должна научиться жить иллюзией свободы, а также иллюзией о том великолепном муже**, который высочайше эту иллюзию дозволил. Но если цензурная инструкция стремилась к цензуре тенденции, то теперь министерский рескрипт разъясняет, что *запрещение, закрытие* и было изобретено во Франкфурте для насквозь дурной тенденции. Цензура существует-де лишь для того, чтобы пресекать отклонения от хорошей тенденции, хотя инструкция утверждает как раз обратное — именно, что хорошей тенденции разрешаются отклонения.

3) Старая галиматья о дурном образе мыслей, о пустой теории и прочая трескотня.

Меня все это не удивило. Вы знаете, каково с самого начала было мое мнение относительно цензурной инструкции. Я вижу в этом только последовательность; в закрытии «Rheinische Zeitung» я вижу некоторый *прогресс* политического сознания и потому я оставляю это дело. К тому же я стал задыхаться в этой атмосфере. Противно быть под ярмом — даже во имя свободы; противно действовать булавочными уколами, вместо того чтобы драться дубинами. Мне надоели лицемерие, глупость, грубый произвол, мне надоело приспособляться, изворачиваться, покоряться, считаться с каждой мелочной придиркой. Словом, правительство вернуло мне свободу.

Как я уже однажды писал Вам, у меня произошел разлад с семьей***, и, пока моя мать жива, я не имею права на свое имущество. Кроме того, я обручился и не могу, не должен и не хочу покинуть Германию без своей невесты****. Поэтому, если бы, например, мне представилась возможность редактировать в Цюрихе, вместе с Гервегом, «Deutscher Bote»[391], то это было бы очень кстати. В Германии я не могу больше ничего предпринять. Здесь люди сами портятся. Поэтому я был бы Вам очень благо-

---

* — реально, в действительности. *Ред.*
** — Фридрихе-Вильгельме IV. *Ред.*
*** См. настоящий том, стр. 363. *Ред.*
**** — Женни фон Вестфален. *Ред.*

дарен, если бы Вы дали мне совет и высказали свои соображения по этому вопросу.

Я работаю над несколькими вещами, которые здесь, в Германии, не найдут ни цензора, ни издателя, ни вообще какой бы то ни было возможности существования. Жду вскоре ответа от Вас.

Ваш ***Маркс***

Впервые опубликовано в журнале «Documente des Socialismus», Bd. I, 1902 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

11
МАРКС — АРНОЛЬДУ РУГЕ

В ДРЕЗДЕН

Кёльн, 13 марта [1843 г.]

Дорогой друг!

Как только представится хоть какая-то возможность, я отчалю прямо в Лейпциг. Я только что беседовал со Штукке, которому государственные мужи в Берлине, по-видимому, в большинстве своем сильно импонировали. Д-р Штукке — весьма добродушный человек.

Что касается нашего плана[392], то я Вам предварительно выскажу свое убеждение. Когда был взят Париж, то одни предлагали в государи сына Наполеона*, с назначением регентства, другие — Бернадота, третьи, наконец, — Луи-Филиппа. Но Талейран ответил: «Либо Людовик XVIII, либо Наполеон. Это — принцип, все остальное — интрига».

Точно так же и я готов назвать почти все прочее, кроме Страсбурга (или, в крайнем случае, Швейцарии), не принципом, а интригой. Книги объемом больше двадцати листов — это не книги для народа. Самое большее, на что здесь можно решиться, это — ежемесячный журнал.

Даже если бы выпуск «Deutsche Jahrbucher» снова был разрешен, то в лучшем случае мы бы добились слабой копии почившего журнала, а теперь этого уже недостаточно. Наоборот, «Deutsch-Franzosische Jahrbucher» — вот это было бы принципом, событием, чреватым последствиями, делом, которое может вызвать энтузиазм. Разумеется, я высказываю только свое необязательное мнение, полагаясь в остальном на вечную силу судеб.

* — герцога Рейхштадтского. *Ред.*

Наконец, — газетные дела заставляют меня кончать письмо, — я хочу Вам сообщить еще о моих *личных планах.* Как только мы заключим контракт, я поеду в Крёйцнах, женюсь и проведу там месяц или больше у матери моей невесты[*], так как, прежде чем взяться за дело, мы должны во всяком случае иметь несколько готовых работ. Тем более я мог бы, если это необходимо, провести несколько недель в Дрездене, так как всякие предварительные процедуры, объявление о браке и т. п., требуют изрядного количества времени.

Могу Вас уверить без тени романтики, что я по уши влюблен, и притом — серьезнейшим образом. Я обручен уже более семи лет, и моя невеста выдержала из-за меня самую ожесточенную, почти подточившую ее здоровье борьбу, отчасти с ее пиетистски-аристократическими родственниками, для которых «владыка на небе» и «владыка в Берлине» в одинаковой степени являются предметами культа, отчасти с моей собственной семьей, где засело несколько попов и других моих врагов. Поэтому я и моя невеста выдержали в течение ряда лет больше ненужных и тяжелых столкновений, чем многие лица, которые втрое старше и постоянно говорят о своем «житейском опыте» (излюбленное словечко нашего «Juste-Milieu»[**]).

Кстати! Мы получили анонимный ответ на статью Пруца против нового тюбингенского ежегодника[393]. По почерку я узнал *Швеглера.* Вас там характеризуют как сумасбродного подстрекателя, Фейербаха — как легкомысленного насмешника, Бауэра — как совершенно некритический ум! Ах, швабы, швабы! Хороша же будет их стряпня!

О Вашей прекрасной, вполне популярно написанной жалобе мы, за недостатком лучшей критики и собственного свободного времени, поместили поверхностную статью Пфюцнера, из которой я вычеркнул половину[394]. Имярек не углубляется достаточно в вопрос, а его ужимки и прыжки скорее делают смешным его самого, а не его врага.

Ваш ***Маркс***

О книгах для Флейшера я позаботился. Ваша переписка, помещенная в начале сборника, интересна[395]. То, что пишет Бауэр об Аммоне, превосходно[396]. Статья «Горе и радость теологического сознания»[397] кажется мне не очень удачным переложением отдела «Феноменологии» — «Несчастное сознание». Афоризмы Фейербаха не удовлетворяют меня лишь в том

[*] — Каролины фон Вестфален, матери Женни фон Вестфален. *Ред.*
[**] — Эдгара Бауэра. *Ред.*

отношении, что он слишком много напирает на природу и слишком мало — на политику. Между тем, это — единственный союз, благодаря которому теперешняя философия может стать истиной. Но выйдет, пожалуй, так, как это было в XVI столетии, когда наряду с энтузиастами природы существовали и энтузиасты государства. Больше всего мне понравилась критика, которой подверглась добрая «Literarische Zeitung»[398].

Вы, вероятно, прочли уже самозащиту Бауэра[399]. На мой взгляд, он никогда еще не писал так хорошо.

Что касается «Rheinische Zeitung», то *ни при каких условиях* я не останусь. Я не могу ни писать под прусской цензурой, ни дышать прусским воздухом.

Только что пришел ко мне старшина местной еврейской общины и попросил составить петицию ландтагу в пользу евреев, — я это сделаю. Как мне ни противна израильская вера, но взгляд Бауэра кажется мне все же слишком абстрактным. Надо пробить в христианском государстве столько брешей, сколько возможно, и провести туда контрабандой столько рационального, сколько это в наших силах. По крайней мере, это надо попытаться сделать, — а *ожесточение* растет с каждой петицией, которую грубо отклоняют.

Впервые опубликовано в журнале «Documente des Socialismus», Bd. I, 1902 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

12

МАРКС — ЛЮДВИГУ ФЕЙЕРБАХУ [400] В БРУКБЕРГ

Крёйцнах, 3 октября 1843 г.

Милостивый государь!

Доктор Руге несколько месяцев тому назад, проездом, сообщил Вам наш план издания «Deutsch-Franzosische Jahrbucher» и одновременно получил от Вас обещание сотрудничества. Дело теперь настолько налажено, что местом печатания и издания выбран *Париж,* и первый месячный выпуск должен появиться до конца ноября.

До моей поездки в Париж, которая состоится через несколько дней, я не мог не совершить небольшую *эпистолярную* прогулку к Вам, поскольку я не имел возможности лично познакомиться с Вами.

Вы — один из первых писателей, провозгласивших необходимость французско-немецкого научного союза. Поэтому Вы,

несомненно, одним из первых поддержите предприятие, которое имеет целью претворить в действительность этот союз. Дело в том, что существует план опубликовать promiscue* произведения немецких и французских авторов. Лучшие авторы в Париже дали свое согласие. Мы были бы очень рады получить от Вас какую-нибудь статью, а у Вас, вероятно, лежит что-нибудь наготове.

Из Вашего предисловия ко второму изданию «Сущности христианства» я почти с уверенностью могу сделать заключение, что Вы заняты обстоятельной работой о *Шеллинге* или хотя бы предполагаете написать еще что-нибудь об этом хвастуне[401]. В самом деле, это был бы славный дебют!

Шеллинг, как Вы знаете, — 38-ой член Германского союза. Вся немецкая полиция находится в его распоряжении, в чем я однажды сам имел возможность убедиться как редактор «Rheinische Zeitung». Дело в том, что цензурная инструкция не пропускает ничего, что направлено против святого Шеллинга. Поэтому в Германии можно критиковать Шеллинга только в книгах объемом больше 21 листа, а книги больше 21 листа — это не книги для народа. Книга *Каппа* заслуживает всяческого одобрения, но она слишком обстоятельна и в ней выводы неудачно оторваны от фактов. К тому же наши. правительства нашли способ обезвредить подобные произведения. О них нельзя писать. Их либо замалчивают, либо разделываются с ними с помощью нескольких презрительных реплик в немногочисленных официозных изданиях, где помещаются рецензии. Сам великий Шеллинг делает вид, что ничего не знает об этой критике, и ему удалось, устроив *фискальный* шум по поводу стряпни старого Паулюса[402], отвлечь внимание от книги Каппа. Это был мастерский дипломатический прием!

А теперь представьте себе, что Шеллинг будет развенчан в Париже перед лицом всех французских писателей! Его тщеславие будет задето, прусское правительство будет уязвлено самым неприятным образом; это будет удар по внешнему суверенитету Шеллинга, а *тщеславный* монарх больше дорожит своим *внешним суверенитетом,* чем внутренним.

Как ловко г-н Шеллинг поймал на удочку французов — сперва слабого эклектика *Кузена,* позднее даже талантливого *Леру!* Ведь Пьеру Леру и ему подобным Шеллинг все еще представляется тем человеком, который на место трансцендентного идеализма поставил разумный реализм, на место абстрактной мысли — мысль, облеченную в плоть и кровь, на место цеховой

* — вперемежку. *Ред.*

философии — мировую философию! Французским романтикам и мистикам Шеллинг говорит: я — соединение философии и теологии; французским материалистам: я — соединение плоти и идеи; французским скептикам: я — разрушитель догматики, одним словом: я... Шеллинг! Шеллинг сумел объединить не только философию и теологию, но также философию и дипломатию. Он сделал философию всеобщей дипломатической наукой, дипломатией на все случаи жизни. Критика Шеллинга является поэтому косвенным образом критикой всей нашей политики и, в особенности, прусской политики. Философия Шеллинга — это прусская политика sub specie philosophiae*.

Вы бы поэтому оказали предпринятому нам делу, а еще больше истине, большую услугу, если бы сейчас же, для первого выпуска, дали характеристику Шеллинга. Вы как раз самый подходящий человек для этого, так как Вы — *прямая противоположность Шеллингу. Искренняя юношеская мысль* Шеллинга, — мы должны признавать все хорошее и в нашем противнике, — для осуществления которой у него не было, однако, никаких способностей, кроме воображения, никакой энергии, кроме тщеславия, никакого возбуждающего средства, кроме опиума, никакого органа, кроме легко возбудимой женственной восприимчивости, — эта искренняя юношеская мысль Шеллинга, которая у него осталась фантастической юношеской мечтой, для Вас стала истиной, действительностью, серьезным, мужественным делом. Шеллинг есть поэтому Ваша *предвосхищенная карикатура,* а как только действительность выступает против карикатуры, последняя должна рассеяться, как туман. Я считаю Вас поэтому необходимым, естественным, призванным их величествами природой и историей противником Шеллинга. Ваша борьба с ним — это борьба подлинной философии против философии мнимой.

Надеясь, что Вы сочтете это удобным, я твердо рассчитываю получить от Вас статью[403]. Мой адрес: «Г-ну Мёйреру. Rue Vanneau № 23 в Париже для д-ра Маркса». Моя жена, которая с Вами не знакома, шлет Вам привет. Вы не представляете себе, сколько приверженцев у Вас среди прекрасного пола.

Ваш доктор ***Маркс***

Впервые опубликовано в сокращенном виде в книге К. Грюна: «Ludwig Feuerbach in seinem Briefwechsel und Nachlass, sowie in seiner Philosophischen Charahterentwicklung». Bd. I, Leipzig und Heidelberg, 1874

Полностью публикуется впервые

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

* — под видом философии. *Ред.*

13

МАРКС — ЮЛИУСУ ФРЕБЕЛЮ [404]

В ЦЮРИХ

Париж, 21 ноября 1843 г.
Rue Vanneau Nr. 31, Faubourg St. Germain

Дорогой друг!

Только что получил Ваше письмо, однако оно выглядит весьма своеобразно.

1) Отсутствует *все,* что Вы, по Вашим словам, приложили, за исключением *статьи Энгельса.* Но она разрознена и, следовательно, ее нельзя использовать. Она начинается с № 5.

2) Письма Мёйреру и мне были вложены в прилагаемый мною конверт с почтовым штемпелем «Сен-Луи». В тот же самый конверт были вложены несколько страниц Энгельса.

3) Письмо Мёйреру, лежавшее, как и мое, открытым в прилагаемом конверте, также надписано чужой рукой. Прилагаю листок с пометкой.

Итак, возможно лишь одно из двух.

Может быть, *французское* правительство перехватило и вскрыло Ваши письма и Ваш пакет. Тогда верните прилагаемые адреса. В таком случае мы не только возбудим *процесс* против *французской почты,* но и одновременно сообщим об этом факте во всех оппозиционных газетах. Во всяком случае, будет лучше, если Вы все пакеты будете посылать в адрес одного из *французских издательств.* Впрочем, мы не думаем, что французское правительство совершило *гнусность,* которую до сих пор разрешало себе лишь австрийское правительство.

Остается, следовательно, *вторая возможность,* а именно, что ваш *Блюнчли* и его присные учинили эту шпионскую выходку. Если это так, то 1) Вы должны возбудить процесс против швейцарцев и 2) Мёйрер, как *французский гражданин,* должен заявить протест министерству.

Что же касается самого дела, то теперь необходимо:

α) Запретить до поры до времени Шюлеру издание указанного материала, так как он должен послужить украшением нашего первого номера[*];

β) Пришлите все содержимое по адресу Луи Блана; Rue Taitbout, № 2 или № 3.

γ) Руге здесь еще нет. Я не могу, конечно, приступить к печатанию, пока он не приедет. Статьи, присланные мне до сих

[*] — «Deutsch-Franzosische Jahrbucher». *Ред.*

пор здешними людьми (Гессом, Вейлем и т. д.), я вынужден был — после длительных препирательств — отвергнуть. Но Руге приедет, вероятно, в конце этого месяца. Если мы к тому времени получим также обещанный Вами материал, то можно начать печатание. Я написал Фейербаху*, Каппу и Хагену. Фейербах уже ответил.

8) Голландия кажется мне наиболее подходящим местом, если только ваши шпионы не известили уже теперь правительство.

Если ваши швейцарцы совершили эту гнусность, то я выступлю против них не только в «Reforme», «National», «Democratie pacifique», «Siecle», «Courrier», «Presse», «Charivari», «Commerce» и «Revue independante», но и в *«Times»* и, если хотите, с брошюрой, написанной по-французски.

Пусть эти псевдореспубликанцы почувствуют, что они имеют дело не с пастухами и портновскими подмастерьями.

Что касается *помещения для редакции,* то так как я собираюсь переехать на новую квартиру, я постараюсь отыскать такую, чтобы это помещение было при квартире. В деловом и денежном отношении это будет самое подходящее.

Извините за бессвязность этого письма. От возмущения я не могу писать.

Ваш ***Маркс***

Во всяком случае, от кого бы ни исходила эта выходка, от парижских ли доктринеров или от швейцарской деревенщины, мы уговорим *Араго*** и *Ламартина* выступить в палате с интерпелляцией. Если эти господа хотят устроить скандал, ut scandalum fiat***. Ответьте мне поскорее, ибо дело не терпит. Так как Мёйрер *французский гражданин,* то со стороны цюрихцев эта выходка была бы нарушением международного права, что не должно пройти даром этим пастухам.

Впервые опубликовано в журнале «Вопросы истории КПСС» № 4, 1958 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

* См. настоящий том, стр. 375—377. *Ред.*
** — Доминика Франсуа Араго. *Ред.*
*** — пусть будет скандал. *Ред.*

1844 год

14

МАРКС—РЕДАКЦИИ «ALLGEMEINE ZEITUNG»

В АУГСБУРГ

Париж, 14 апреля 1844 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Появившиеся в немецких газетах различные слухи о прекращении выхода «Deutsch-Franzosische Jahrbucher» заставляют меня заявить, что швейцарское издательство из экономических соображений внезапно отказалось от этого предприятия, что сделало невозможным продолжение издания журнала в ближайшее время[405].

Карл Маркс

Напечатано в экстренном приложении к «Allgemeine Zeitung», 20 апреля 1844 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

15

МАРКС — ЛЮДВИГУ ФЕЙЕРБАХУ

В БРУКБЕРГ

Париж, 11 августа [1844 г.]
Rue Vanneau, 38

Милостивый государь!

Пользуясь удобным случаем, беру на себя смелость послать Вам мою статью, в которой намечены некоторые элементы моей критической философии права[*]. Эту работу я уже однажды закончил, но затем опять подверг новой переработке,

[*] *К. Маркс.* «К критике гегелевской философии права. Введение». *Ред.*

чтобы сделать ее общепонятной. Я не придаю особого значения этой статье, но я рад случаю засвидетельствовать Вам исключительно высокое уважение и — позвольте мне употребить это слово — любовь, испытываемые мною по отношению к Вам. Ваши книги «Философия будущего» и «Сущность веры»[406], несмотря на их небольшой размер, имеют во всяком случае большее значение, чем вся теперешняя немецкая литература, вместе взятая.

В этих сочинениях Вы — я не знаю, намеренно ли — дали социализму философскую основу, и коммунисты сразу так и поняли эти Ваши работы. Единение людей с людьми, основанное на реальном различии между людьми, понятие человеческого рода, перенесенное с неба абстракции на реальную землю, — что это такое, как не понятие *общества!*

Готовятся два перевода Вашей книги «Сущность христианства»: один на английский язык, другой на французский; оба почти подготовлены к печати. Первый выйдет в Манчестере (он просмотрен Энгельсом), второй — в Париже[407] (француз д-р Герье и немецкий коммунист *Эвербек* выполнили этот перевод с помощью одного французского стилиста)*.

В настоящий момент французы сразу же набросятся на эту книгу, ибо обе партии — попы, с одной стороны, и вольтерьянцы и материалисты, с другой — жаждут помощи извне. Примечательно, что, в противоположность XVIII столетию, религиозность распространилась теперь в рядах среднего сословия и высшего класса, а нерелигиозность — но такая нерелигиозность, которая свойственна человеку, ощущающему себя человеком — спустилась в ряды французского пролетариата. Вам бы следовало присутствовать на одном из собраний французских рабочих, чтобы убедиться в девственной свежести и благородстве этих изнуренных трудом людей. Английский пролетарий тоже делает гигантские успехи, но ему недостает культуры, присущей французам. Я не могу также не отметить теоретических заслуг немецких ремесленников в Швейцарии, Лондоне и Париже. Только немецкий ремесленник все еще чересчур является ремесленником.

Но, во всяком случае, история готовит из этих «варваров» нашего цивилизованного общества практический элемент для эмансипации человека.

Противоположность между французским характером и характером, свойственным нам, немцам, никогда не выступала передо мной в такой острой и разительной форме, как в одном

* Этот абзац в рукописи заключен в квадратные скобки. *Ред.*

фурьеристском сочинении, которое начинается следующими словами:

«Человек целиком проявляется в своих *страстях».* «Встречали ли вы когда-нибудь такого человека, который *мыслил бы ради мышления,* который *вспоминал бы ради воспоминания,* который *воображал бы ради воображения,* который *хотел бы ради хотения?* Случалось ли с вами когда-либо нечто подобное?.. Нет, конечно, нет!»[408]

Поэтому главной движущей силой природы и общества является *магическое, страстное, нврефлектирующее притяжение,* и

«все существующее — человек, растения, животные или земной шар в целом — получило такую сумму сил, которая соответствует его миссии в мировом порядке».

Отсюда следует: *«притяжения* пропорциональны *судьбам».*

Разве все эти положения не выглядят так, как если бы француз намеренно противопоставил свою страстность actus purus* немецкого мышления? Люди мыслят не ради мышления и т. д.

Как трудно немцу выбраться из противоположной односторонности, — это снова доказал в своей критической берлинской «Literatur-Zeitung» мой многолетний друг, — но теперь все более от меня отдаляющийся, — *Бруно Бауэр.* Не знаю, читали ли Вы эту газету. Там много скрытой полемики против Вас.

Основной характер этой «Literatur-Zeitung» сводится к тому, что «критика» превращается в некое трансцендентное существо. Эти берлинцы считают себя не *людьми,* занимающимися *критикой,* а *критиками,* которые только *между прочим* имеют несчастье быть людьми. Поэтому они признают только одну *действительную* потребность — потребность в *теоретической* критике. Поэтому таким людям, как Прудон, бросают упрек в том, что они исходят из той или иной *«практической» «потребности».* Поэтому эта критика выливается в унылый и важничающий спиритуализм. *Сознание* или *самосознание* рассматривается как *единственное* человеческое качество. Любовь, например, отвергается потому, что возлюбленная является, мол, лишь *«предметом».* Долой предмет! Поэтому эта критика считает себя единственным *активным* элементом истории. Все человечество противостоит ей как *масса,* как инертная масса, которая имеет значение только как антипод духа. Поэтому величайшим преступлением считается для критика обладать

* — чистой деятельности. *Ред.*

чувством или *страстью* — критик должен быть исполненным *иронии, холодным как лед* σοφοζ*.

Поэтому Бауэр заявляет буквально следующее:

«Критик не участвует ни в страданиях, ни в радостях общества; он не знает ни дружбы, ни любви, ни ненависти, ни неприязни; он восседает на троне в одиночестве, и лишь изредка из его уст раздается смех олимпийских богов над превратностью мира»[409].

Поэтому весь тон бауэровской «Literatur-Zeitung» есть тон бесстрастной *пренебрежительности,* и это Бауэру удается тем легче, что он использует результаты, достигнутые Вами и вообще нашей эпохой, чтобы швырять их в головы других людей. Бауэр занимается лишь вскрыванием противоречий и, довольствуясь этим занятием, он ретируется с пренебрежительным «гм». Он заявляет, что критика ничего *не дает* — для этого она слишком спиритуалистична. Более того, он прямо-таки высказывает надежду, что

«недалеко то время, когда все вырождающееся человечество сплотится против критики», а *критика,* это есть *он* и *компания;* «тогда-то они рассортируют эту массу на различные группы и выдадут им всем testimonium paupertatis**».

Похоже на то, что Бауэр воевал против *Христа* из *соперничества* с ним. Я выпущу небольшую брошюру против этого извращения критики. Для меня было бы *в высшей степени* ценно, если бы *Вы* до этого сообщили мне *Ваше* мнение, да и вообще я был бы счастлив получить от Вас вскоре весточку.

Здешние немецкие ремесленники, то есть коммунистическая часть их, насчитывающая несколько сот человек, слушали в течение всего этого лета, два раза в неделю, лекции о Вашей книге «Сущность христианства», которые читались руководителями их тайного общества***, причем слушатели показали себя на редкость восприимчивыми.

Небольшая выдержка из письма одной немецкой дамы в фельетоне № 64 газеты «Vorwarts!» перепечатана из письма моей жены, гостящей сейчас в Трире у своей матери****, без ведома автора письма[410].

С наилучшими пожеланиями

Ваш ***Карл Маркс***

Впервые опубликовано на русском языке в журнале «Проблемы мира и социализма» № 2, 1958 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого и французского

---

* — мудрецом. *Ред.*

** — свидетельство о бедности. *Ред.*

*** — Союза справедливых. *Ред.*

**** — Каролины фон Вестфален. *Ред.*

16

МАРКС — ЮЛИУСУ КАМПЕ [411]

В ГАМБУРГ

[Париж], 7 октября 1844 г.

... Если Гейне еще в Гамбурге, то, пожалуйста, поблагодарите его за пересланные стихи. Я еще до сих пор не поместил сообщения о них, так как хочу одновременно сообщить также о получении первой части — баллад...

Впервые опубликовано в журнале «Das Goldene Tor», Jg. 2, Nr. 11/12, 1947 г.

Печатается по тексту журнала

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

17

МАРКС — ГЕНРИХУ БЁРНШТЕЙНУ В ПАРИЖЕ

[Париж, осень 1844 г.]

Милостивый государь!

Я был бы Вам очень обязан, если бы Вы узнали не позже вторника, согласен ли Франк взять на себя *издание* брошюры против Бауэра* или нет.

Мне совершенно *безразлично,* как он решит. Я в любой день могу найти издателя за границей. Но как раз в отношении этой брошюры, где имеет значение *каждое* слово, было бы приятно, чтобы она печаталась поблизости и можно было самому вести корректуры.

Во всяком случае прошу Вас ответить немедленно.

Готовый к взаимным услугам

преданный Вам д-р ***Маркс***

P. S. Так как брошюра направлена *против Бауэра* и в общем заключает в себе мало неприемлемого для цензуры, то я не думаю, чтобы распространение ее в Германии представило большие трудности.

Впервые опубликовано в журнале «Der Kampf», Jg. XXI. 1928 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

* *К. Маркс и Ф. Энгельс.* «Святое семейство». *Ред.*

18

МАРКС — ГЕНРИХУ БЁРНШТЕЙНУ

В ПАРИЖЕ

[Париж, осень 1844 г.]

Милостивый государь!

Пришлите мне обратно листы Фейербаха немедленно по их напечатании[412].

Преданный Вам ***Маркс***

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXV, 1934 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

19

МАРКС — ГЕНРИХУ БЁРНШТЕЙНУ

В ПАРИЖЕ

[Копия]

[Париж, декабрь 1844 г.]

Милостивый государь!

Я не смогу прислать Вам критику Штирнера раньше следующей недели. Поэтому сдайте пробный номер в набор без моей рукописи; зато Бюргерс пришлет Вам статью.

Мою статью Вы получите на следующей неделе.

Преданный Вам ***Маркс***

Впервые опубликовано в книге: «Katalog des Antiquariats L. Liepmanssohn». Berlin, 1924

Печатается по копии

Перевод с немецкого

1845 год

20

МАРКС — АРНОЛЬДУ РУГЕ

В ПАРИЖЕ

[Париж, январь] 1845 г.

Г-ну доктору Руге.

Я узнал из достоверных источников, что в полицейской префектуре имеются распоряжения, предписывающие Вам, мне и некоторым другим покинуть Париж в 24 часа, а Францию — в самый короткий срок[413]. Дальнейшие подробности Вам может сообщить Бёрнштейн. Я счел уместным, на тот случай, если Вы еще не знаете эту новость, сообщить Вам об этом.

К. Маркс

Впервые опубликовано в журнале «Periodikum fur wissenschaftlichen Sozialismus», H. 3, 1959 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

21

МАРКС — ГЕНРИХУ ГЕЙНЕ

В ПАРИЖЕ

Париж, 12 января 1845 г.

Дорогой друг!

Я надеюсь, что завтра у меня еще будет время увидеться с Вами. Я уезжаю в понедельник[*].

Только что у меня был издатель Леске. Он издает в Дармштадте выходящий без цензуры трехмесячный журнал[**].

[*] — 15 января. *Ред.*

[**] — «Rheinische Jahrbucher». *Ред.*

Я, Энгельс, Гесс, Гервег, Юнг* и другие сотрудничаем. Он просил меня переговорить с Вами о Вашем сотрудничестве в области поэзии или прозы. Я уверен, что Вы от этого не откажетесь, нам ведь нужно использовать каждый случай, чтобы обосноваться в самой Германии.

Из всех людей, с которыми мне здесь приходится расставаться, разлука с Гейне для меня тяжелее всего. Мне очень хотелось бы взять Вас с собой. Передайте привет Вашей супруге от меня и моей жены.

Ваш ***К. Маркс***

Впервые опубликовано в сборнике: «Archiv fur die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung». Jg. 9, 1921

Печатается по тексту сборника

Перевод с немецкого

22

МАРКС — ГЕНРИХУ ГЕЙНЕ В ПАРИЖ

Брюссель, [24 марта 1845 г.]
Rue Pachecho vis-a-vis de l'hopital St. Jean, № 35

Дорогой Гейне!

Если я пишу Вам сегодня только несколько строк, то оправдание этому — бесчисленные таможенные мытарства.

Пютман из Кёльна поручил мне попросить Вас прислать все же несколько стихотворений (может быть, также и Ваш «Германский флот»[414]) для ежегодника, выходящего в Дармштадте *без цензуры*. Вы можете прислать их на мой адрес. Крайний срок — три недели, но у Вас, конечно, уже сейчас есть что-нибудь наготове.

Моя жена посылает сердечный привет Вам и Вашей супруге. Третьего дня я ходил в здешнее полицейское управление, где должен был дать письменное обязательство не печатать в Бельгии ничего, относящегося к текущей политике.

Ренуар и Бёрнштейн напечатали в Париже Вашу «Зимнюю сказку», указав Нью-Йорк как место издания, и направили ее для продажи сюда, в Брюссель. Это переиздание к тому же, говорят, полно опечаток.

В следующий раз напишу больше.

Ваш ***Маркс***

Впервые опубликовано в сборнике: «Archiv fur die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung». Jg. 9, 1921

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

* — Георг Юнг. *Ред.*

23

МАРКС — ЛЁВЕНТАЛЮ

ВО ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Брюссель, 9 мая [1845 г.]
Rue de l'Alliance, 5, hors de la porte de Louvain
Адресовать г-ну Рейнхарду

Милостивый государь!

Прошу Вас *немедленно* от моего имени и за мой счет (Вы можете снова выдать на меня вексель, включив в него и почтовые расходы по этому письму) выслать в Париж 3 экземпляра «Святого семейства» г-ну *Гервегу,* rue Barbet-Jouy, Faubourg Saint-Germain; г-ну Гейне, rue du Faubourg Poissonniere, 46 и г-ну Бернайсу, rue de Navarin, 12. Ко мне поступают со всех сторон письма с жалобами, что в *Париже* нельзя достать ни одного экземпляра.

Преданный Вам

д-р ***Маркс***

Вы можете сейчас же выписать на меня вексель, но я еще раз прошу Вас *немедленно* отправить соответствующие экземпляры.

[Пометка Энгельса:]

г-ну Гервегу, rue Barbet-Jouy, Faubourg St. Germain, г-ну Гейне, rue du Faubourg Poissonniere, 46; оба в Париже; а также г-ну Бернайсу, 12, rue de Navarin, Париж.

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXV, 1934 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

24

ЭНГЕЛЬС — МАРИИ ЭНГЕЛЬС

В БАРМЕН

Брюссель, суббота, 31 мая 1845 г.

Дорогая Мария!

Я должен, к сожалению, сообщить тебе сегодня, что не смогу присутствовать на твоей свадьбе из-за затруднений с паспортом. В прошлую среду я направился в полицейское управление и потребовал, чтобы мне выдали паспорт в Пруссию. После

Женни Маркс в юности

Дом в Трире, где родился Маркс

некоторого ожидания и долгих переговоров по поводу моей эмиграции и того, что от прусского посланника я паспорта получить не могу, мне в конце концов было сказано, что я только что приехал и потому не могу получить паспорта. Если бы я прожил здесь несколько дольше, то он, г-н Оди, начальник, охранной полиции, имел бы право выдать мне паспорт, а при данных условиях он этого сделать не может, тем более, что иностранцы, которые здесь поселяются, обычно приезжают с паспортами, которые действительны по крайней мере еще на год или полгода. Согласно инструкции он может, правда, визировать паспорта, но не может выдавать паспорта вновь прибывшим иностранцам. Впрочем, если бы у меня были кое-какие связи, я, несомненно, получил бы паспорт в министерстве иностранных дел. Правда, такие связи у меня есть: здесь находится один немецкий врач, который пообещал мне добыть паспорт, если мне будут чинить какие-либо затруднения. Но этот доктор сам только две недели тому назад женился и уехал в свадебное путешествие по валлонским курортам. Вернулся он в четверг, и мне только вчера вечером удалось повидаться с ним. Он проявил полную готовность помочь мне, но при этом сразу заявил, что в министерство он сможет пойти только сегодня утром, так что раньше, чем послезавтра, в понедельник, я не смогу получить паспорт, и, следовательно, свое путешествие я должен отложить до понедельника вечером или до вторника утром. Я сказал ему, что не могу так долго ждать, но он еще раз повторил, что раньше он не сможет устроить мне этого; впрочем, он пообещал попытаться еще раз. Сегодня утром он присылает мне записку о том, что сам наводил справки и что паспорт он сможет достать не раньше понедельника, может быть даже только в понедельник вечером. Я сейчас же ответил, что пусть он в таком случае больше не беспокоится, ибо мне придется вообще отказаться от своего путешествия.

И ты, и остальные прекрасно понимаете, что ввиду всех прочих обстоятельств я лишь навлек бы на себя неприятности, если бы попытался переехать границу без паспорта. Не советовал мне делать это и г-н Оди, так как мое эмиграционное свидетельство действительно для выезда из Пруссии, но не для возвращения туда. Итак, как мне ни жаль, я вынужден оставаться здесь и отпраздновать твою свадьбу в одиночестве и мысленно. Но ты можешь быть уверена в том, что я весь день буду думать о тебе и Эмиле* и что во время вашей свадьбы и вашего путешествия вас будут сопровождать мои наилучшие

* — Эмиле Бланке. *Ред.*

пожелания, хотя мне и не пришлось выразить их лично. Больше всего я желаю вам, чтобы любовь, которая соединила вас и сделала ваши отношения такими на редкость прекрасными, человечными и нравственными, сопровождала вас в течение всей вашей жизни, помогала вам легко переносить все превратности судьбы, содействовала вашему счастью. Вашему браку я радуюсь от всего сердца, так как знаю, что ваша совместная жизнь будет счастливой и что после того, как вас соединят узы брака, вы не разочаруетесь друг в друге. Будь уверена, что из тех многочисленных пожеланий, которые вам будут приносить, ни одно не будет искреннее, сердечнее и теплее моего! Ты знаешь, что я всегда любил тебя больше всех братьев и сестер, что я доверял тебе больше всех, — и поэтому ты мне поверишь без дальнейших заверений. Еще раз желаю, чтобы ваша любовь всегда оставалась неизменной, желаю еще многого другого; чего? — ты сама догадаешься. Будьте счастливы!

Я надеюсь скоро получить письмо от миссис Бланк, ибо рассчитываю на то, что миссис Бланк будет интересоваться мною так же, как фрейлейн Энгельс. Во всяком случае, я надеюсь повидать вас обоих этим летом в Остенде или в Англии — после счастливой свадьбы и счастливого путешествия. А пока — еще раз прощайте!

Передай всем сердечный привет.

Твой верный ***Фридрих***

Впервые опубликовано в журнале «Deutsche Revue», Jg. 45. Bd. 4, 1920 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

25

ЭНГЕЛЬС — ЮЛИУСУ КАМПЕ

В ГАМБУРГ

Брюссель, 14 октября 1845 г.
7, Rue de l'Alliance

Милостивый государь!

Из Вашего письма я вижу, что у Вас сложилось неверное представление о направлении той работы, которую мы предложили Вам для издания. Мы отнюдь не намереваемся защищать ни покровительственные пошлины, ни свободу торговли, а хотим дать критику обеих этих систем с нашей точки зрения. Наша точка зрения — коммунистическая; ее мы отстаивали в «Deutsch-

Franzosische Jahrbucher», в «Святом семействе», в «Rheinische Jahrbucher» и т. д.; с этой же точки зрения написана моя книга «Положение рабочего класса в Англии». Как Вы сами понимаете, эта точка зрения не допускает никакого вмешательства цензуры, и поэтому мы не можем согласиться на такое вмешательство. Если Вы не будете настаивать на том, чтобы предъявить книгу цензуре и склонны взять на себя это издание, то мы просим Вас прислать нам соответствующее извещение, пока мы не взяли на себя других обязательств.

С совершенным почтением преданный Вам

Ф. Энгельс

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXV, 1934 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

1846 год

26

ЭНГЕЛЬС—ЭМИЛЮ БЛАНКУ

В ЛОНДОН

Брюссель, 3 апреля 1846 г.
7, Rue de l'Alliance, St. Josse-ten-Noode

Дорогой Эмиль!

Сделай одолжение, пришли мне *немедленно* 6 ф. ст., или около 150 франков. Я верну их тебе через неделю или две. Дело в том, что старик[*] не присылает мне денег, которые я должен был получить к 1 апреля, — по-видимому, он хочет захватить их с собой, когда поедет на крестины твоего ребенка. А между тем я заложил в ломбарде вещи на сумму в 150 фр. и должен их выкупить, прежде чем сюда приедут родные. Поэтому-то я и должен иметь сейчас эту сумму. Вся эта мерзость объясняется тем, что в течение всей зимы я своей литературной работой не заработал почти ни гроша и вместе с женой[**] должен был жить почти исключительно на деньги, получаемые мною из дому, а их было не так уж много. Теперь у меня накопилось порядочно рукописей, полностью или наполовину готовых, так что со мной вряд ли повторятся подобные вещи. Итак, пришли мне денег. Я возвращу их тебе, как только получу деньги из дому.

На этих днях здесь был твой брат Фриц. Вчера утром он уехал домой. В заключение еще раз прошу тебя ничего не говорить о содержании этого письма. Привет.

Твой ***Ф.***

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXV, 1934 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

[*] — Фридрих Энгельс-старший, отец Энгельса. *Ред.*
[**] — Мери Бёрнс. *Ред.*

27

МАРКС — ГЕНРИХУ ГЕЙНЕ

В ПАРИЖ

Брюссель, [около 5 апреля 1846 г.]
Rue de l'Alliance, 5, hors de la porte de Louvain

Дорогой Гейне!

Я пользуюсь проездом подателя этих строк, г-на Анненкова, очень любезного и образованного русского, чтобы послать Вам сердечный привет.

Несколько дней тому назад мне случайно попался небольшой пасквиль против Вас — посмертное издание писем Бёрне[415]. Я бы никогда не поверил, что Бёрне так безвкусен, мелочен и пошл, если бы не эти черным по белому написанные строки. А послесловие Гуцкова и т. д. — что за жалкая мазня! В одном из немецких журналов я дам подробный разбор Вашей книги о Бёрне[416]. Вряд ли в какой-либо период истории литературы какая-нибудь книга встречала более тупоумный прием, чем тот, какой оказали Вашей книге христианско-германские ослы, а между тем ни в какой исторический период в Германии не ощущалось недостатка в тупоумии.

Может быть, вы хотели бы сообщить мне еще что-нибудь «специальное» относительно Вашей книги, — в таком случае сделайте это поскорее.

Ваш ***К. Маркс***

Впервые опубликовано в сборнике: «Archiv fur die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung». Jg. 9, 1921

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

28

МАРКС — ПЬЕРУ ЖОЗЕФУ ПРУДОНУ

В ПАРИЖ

Брюссель, 5 мая 1846 г.

Дорогой Прудон!

С тех пор, как я покинул Париж, я неоднократно собирался написать Вам, но не зависящие от моей воли обстоятельства мешали мне до сих пор это сделать. Поверьте, что единственной причиной моего молчания была перегруженность делами, затруднения, связанные с переменой местожительства, и т. д.

А теперь перейдем *in medias res*[*]*!* — Вместе с двумя моими друзьями, Фридрихом Энгельсом и Филиппом Жиго (оба находятся в Брюсселе), я организовал постоянную корреспонденцию с немецкими коммунистами и социалистами, в которой будут обсуждаться научные проблемы, а также вопросы, связанные с изданием популярной литературы и с социалистической пропагандой, которую можно вести в Германии этим путем[417]. Однако главная цель нашей корреспонденции будет заключаться в том, чтобы установить связь между немецкими социалистами и социалистами французскими и английскими, сообщать иностранцам о ходе социалистического движения в Германии и осведомлять немцев в Германии о развитии социализма во Франции и в Англии. Таким путем смогут обнаружиться различия мнений, при этом будет возможен обмен мнениями и беспристрастная критика. Это тот шаг, который должно сделать общественное движение в его *литературном* выражении, чтобы освободиться от *национальной* ограниченности. А в момент действия каждый, конечно, чрезвычайно заинтересован в том, чтобы знать положение вещей за границей так же хорошо, как и в своей стране.

Кроме коммунистов в Германии, наша корреспонденция будет охватывать также и немецких социалистов, проживающих в Париже и Лондоне. Связи с Англией у нас уже налажены. Что касается Франции, то мы все уверены, что не сможем найти там лучшего корреспондента, чем Вы[418]. Вы ведь знаете, что до сих пор англичане и немцы лучше оценили Вас, чем Ваши собственные соотечественники.

Итак, Вы видите, что дело идет лишь о том, чтобы установить регулярную корреспонденцию и обеспечить возможность следить за общественным движением в различных странах, что приведет к важным и разнообразным результатам, которых никогда не добиться силами одного человека.

Если Вы согласитесь на наше предложение, то почтовые издержки, которые связаны с письмами, адресованными Вам, так же, как и с письмами, которые Вы нам пошлете, будут оплачиваться отсюда. Проведенные в Германии сборы предназначаются на покрытие издержек корреспонденции.

Вам надо будет писать сюда по адресу г-на Филиппа Жиго, 8, rue de Bodenbroek. Он же будет подписывать письма, посылаемые из Брюсселя.

Излишне добавлять, что вся эта корреспонденция требует соблюдения строжайшей конспирации с Вашей стороны. В Гер-

[*] — прямо к делу. *Ред.*

мании нашим друзьям приходится действовать с величайшей осторожностью, чтобы не скомпрометировать себя.

Отвечайте нам поскорее и примите уверения в искренней дружбе преданного Вам

Карла Маркса

P. S. Я должен разоблачить перед Вами живущего в Париже г-на Грюна. Этот человек — литературный авантюрист, своего рода шарлатан, который намерен торговать новыми идеями. Он пытается скрыть свое невежество под личиной напыщенных и высокомерных фраз, но он достиг только того, что выставил себя на посмешище своей *галиматьей.* Кроме того, этот человек *опасен.* Он *злоупотребляет* знакомствами, которые он, благодаря своему нахальству, завязал с известными авторами, чтобы создать себе из них пьедестал и таким образом скомпрометировать их в глазах немецкой публики. В своей книге о «французских социалистах»[*] он осмеливается именовать себя учителем (Privatdozent — академическое звание в Германии) Прудона, претендует на то, что он растолковал ему важнейшие аксиомы немецкой науки, и высмеивает его сочинения. Остерегайтесь этого паразита. Впоследствии я, может быть, еще раз вернусь к вопросу об этом субъекте.

[Приписка Ф. Жиго]

Я с удовольствием пользуюсь случаем, который представляется мне благодаря этому письму, чтобы заверить Вас, как мне приятно вступить в переписку с таким выдающимся человеком как Вы. В ожидании остаюсь

преданный Вам ***Филипп Жиго***

[Приписка Энгельса]

Что касается меня, то я могу лишь выразить надежду, что Вы, г-н Прудон, одобрите предложение, которое мы Вам сделали, и любезно согласитесь оказать нам содействие.

Заверяя Вас в глубоком уважении к Вам, которое внушили мне Ваши сочинения,

остаюсь преданный Вам *Фридрих Энгельс*

Впервые опубликовано на языке оригинала в журнале «Die Gesellschaft», Jg. IV, 1927 г.

Печатается по рукописи, написанной Жиго и Энгельсом

Перевод с французского

[*] *К. Грюн*. «Социальное движение во Франции и Бельгии». *Ред.*

29

ЭНГЕЛЬС И МАРКС — МОЗЕСУ ГЕССУ В КЁЛЬН

Остенде, 27 июля 1846 г.
Rue St. Thomas, 11

Дорогой Гесс!

Как видишь, я пишу тебе уже не из Брюсселя. До 10 августа я остаюсь здесь, а 11-го, по всей вероятности, уеду из Брюсселя в Париж. Твое письмо Маркс переслал мне сюда. Я охотно сделаю все возможное, чтобы переправить твою жену* тайком через границу, но все-таки плохо, что у нее нет паспорта. Так как я уехал из Брюсселя за несколько дней до ее приезда, то обо всей этой истории я знаю только то, что ты сообщаешь в письме. Повторяю, я сделаю все возможное.

Твой ***Энгельс***

[Брюссель, около 28 июля 1846 г.]

Дорогой Гесс!

Пересылая тебе эти строки Энгельса, я должен еще добавить, что жена твоя *весела и здорова.* Зейлер служит ей как верный рыцарь и познакомил ее с Фоглером и его женой, с которыми она почти ежедневно проводит время. Моя жена не в силах что-либо сделать, так как она очень больна и большей частью лежит в постели.

Твой ***М.***

Я уже собирался отправить письмо, как вдруг прочел объявление насчет твоей статьи о Руге в «Kolnische Zeitung». Так как печатание нашего сочинения** может еще очень задержаться, то я советую тебе взять обратно свою главу о Руге[419]. Ты сможешь использовать ее почти целиком.

Я написал вестфальцам, чтобы они послали рукопись Даниельсу. Если ее у него еще нет, попроси, чтобы они послали главу о Руге прямо тебе.

Что это за книга Гейнцена[420]? И что пишет о тебе Dottore Graziano[421]? Напиши мне об этом.

Впервые опубликовано в книге: «40 Jahre «Rheinische Zeitung»», Koln, 1911

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

* — Сибиллу Гесс. *Ред.*
** *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Немецкая идеология». *Ред.*

30

МАРКС — КАРЛУ ВИЛЬГЕЛЬМУ ЛЕСКЕ

В ДАРМШТАДТ

[Черновик]

[Брюссель], 1 августа [1846 г.]

Милостивый государь!

На Ваше письмо, в котором Вы изложили мне свои сомнения относительно издания[422], я Вам ответил *немедленно*. Что касается Вашего вопроса о «научности», то я ответил Вам следующее: книга научна, но она научна не в том смысле, как это понимает прусское правительство и т. д. В Вашем первом письме, как Вы помните, Вы очень тревожились относительно прусского предостережения и допроса, которому подвергла Вас полиция. Я тогда же написал Вам, что буду искать другое издательство.

Я получил от Вас еще второе письмо, где Вы, с одной стороны, отказывались от издания, а с другой стороны, предлагали вернуть Вам аванс в форме векселя на предполагаемого нового издателя.

На это письмо Вы не получили никакого ответа, потому что я рассчитывал, что вскоре смогу дать Вам ответ *по существу,* то есть сообщить о другом издателе. Почему произошла задержка, Вы сейчас узнаете. Что Ваше предложение о возврате *аванса* я принял как *само собой разумеющееся,* Вы можете видеть из того, что в единственном месте, где я предпринял шаги относительно издания, я сразу же заявил о необходимости уплатить Вам 1500 фр. в случае принятия рукописи. *Доказательство* этого я могу привести *в любой момент.* Кроме того, подтвердить это могут *Энгельс* и *Гесс.*

С другой стороны, как Вы помните, во время парижских переговоров, а также в письменном договоре[423], *никакой* договоренности о том, насколько революционной может быть форма моей работы, не было, — наоборот, я считал в то время необходимым издать одновременно оба тома, так как появление *первого* тома повлекло бы за собой запрещение или конфискацию второго. *Генрих Бюргерс* из Кёльна при этом присутствовал и может это засвидетельствовать. Поэтому с *юридической* точки зрения Вы не имели *права* ставить новые условия или отказываться от издания, а я, со своей стороны, с *юридической* точки зрения не обязан ни возвращать аванс, ни соглашаться на Ваши новые предложения, ни вносить изменения в мою работу. Но *нечего и говорить,* что я ни на минуту не думал руководство-

ваться в отношениях с Вами *юридическими соображениями,* тем более, что договор не обязывал и Вас давать мне аванс и что эту выплату я должен был рассматривать и рассматривал как *чисто дружескую.* Так же, как до сих пор, несмотря на большие денежные потери, я часто освобождал *издателей* от их договорных и имеющих юридическую силу обязательств (например, Виганда и Фрёбеля, в связи с изданием «Deutsch-Franzosische Jahrbucher», а равно и других издателей, в чем Вы сможете сейчас убедиться), — так и теперь мне *никогда* не приходило в голову причинить какому-либо издателю убыток хотя бы на один пфенниг, даже и имея на это *юридическое право.* Абсолютно непонятно, почему я стал бы делать исключение *как раз* в *отношении Вас,* в то время как Вы оказали мне большую любезность.

Относительно задержки ответа я должен сказать следующее.

Несколько капиталистов в Германии согласились издать ряд работ, написанных мною, Энгельсом и Гессом[424]. При этом имелось даже в виду образовать настоящее крупное издательство, не считающееся ни с какими полицейскими соображениями. Кроме того, через одного друга этих господ[*] мне было обещано издание моей *«Критики политической экономии»* и т. д. Этот друг оставался до мая в Брюсселе, чтобы в полной сохранности перевезти через границу рукопись первого тома работы, издаваемой под моей редакцией и при сотрудничестве Энгельса и других[**]. Из Германии он должен был также сообщить окончательный ответ, принята ли к печати «Политическая экономия». Я не получал никаких известий или получал лишь очень неопределенные, и только совсем недавно, после того, как большая часть рукописи второго тома упомянутой работы[**] была уже переслана в Германию, эти господа в конце концов написали мне, что из всей этой истории *ничего* не выйдет, так как их капитал вложен в другое дело. Поэтому-то я и задержал окончательный ответ Вам. После того как вопрос разрешился, я условился с находящимся здесь г-ном *Пиршером* из Дармштадта, что он передаст Вам мое письмо.

Из-за издания, о котором я сговорился с немецкими капиталистами, я отложил обработку «Политической экономии». Дело в том, что мне казалось крайне важным *предпослать* моему *положительному* изложению предмета полемическую работу, направленную против немецкой философии и против возникшего за это время *немецкого социализма.* Это

[*] — Вейдемейера. *Ред.*
[**] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Немецкая идеология». *Ред.*

необходимо для того, чтобы подготовить публику к моей точке зрения в области политической экономии, которая прямо противопоставляет себя существовавшей до сих пор немецкой науке. Между прочим, это то самое полемическое сочинение, о котором я уже писал Вам в одном из моих писем, что оно должно быть окончено до издания «Политической экономии».

Вот и все по этому поводу.

На Ваше последнее письмо отвечаю следующее:

I) Я считаю *само собой разумеющимся,* что если Вы не издадите работу, то Вы получите обратно аванс *указанным Вами способом.*

Но в то же время само собой разумеется, что если *гонорар,* полученный от другого издателя, будет меньше гонорара, о котором я договорился с Вами, то Вы должны будете взять на себя такую же часть убытков, как и я, так как обращение к другому издателю произошло не по моей, а по Вашей вине.

II) Есть надежда, что мою книгу удастся издать. Третьего дня я получил из Германии письмо, в котором меня извещают, что там хотят учредить *на акционерных началах издательство* коммунистических сочинений, и это издательство охотно начнет дело с публикации моей работы. Но я считаю вопрос еще настолько невыясненным, что, если понадобится, обращусь также и к другим издателям.

III) Так как почти законченная рукопись первого тома моей работы пролежала здесь уже долгое время, то я не выпущу ее, не переработав еще раз как по существу, так и стилистически. Само собой разумеется, что автор, если он продолжает свою работу, не может спустя полгода издавать *без всяких изменений* то, что он написал полгода назад.

Кроме того, «Физиократы» в двух томах in folio[425] вышли в свет лишь *в конце июля* и только через несколько дней будут получены здесь, хотя о выходе этой книги было объявлено еще во время моего пребывания в Париже. А ее необходимо теперь принять во внимание во всех отношениях.

Моя книга будет теперь настолько переработана, что она сможет появиться даже под *Вашей* фирмой. Но, конечно, Вы имели бы полную возможность, просмотрев рукопись, выпустить ее под чужой фирмой.

IV) Что касается срока, то дело в следующем: плохое состояние здоровья вынуждает меня поехать в августе на морские купания в Остенде. Кроме того, я занят изданием двух томов вышеупомянутой работы[*]. Поэтому в августе много

[*] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Немецкая идеология». *Ред.*

сделать мне не удастся. Переработка первого тома будет готова для печати *в конце ноября.* Второй том, носящий преимущественно исторический характер, сможет быстро последовать за первым.

V) В одном из предыдущих писем я уже писал Вам, что, отчасти благодаря полученному в Англии новому материалу[426], отчасти благодаря обнаружившейся при обработке необходимости новых дополнений, рукопись более чем на 20 печатных листов превысит условленный объем. Но ввиду того, что договор был уже заключен, я решил, как Вы помните из моего предыдущего «письма, удовлетвориться *условленной* суммой гонорара, несмотря на то, что число листов увеличилось почти на одну треть. Если бы я издал новый материал отдельно, то это повредило бы книге. Я, ни минуту не колеблясь, готов понести коммерческий ущерб ради успеха книги. Я не хотел ни разрывать *договор,* ни *вредить* успеху книги.

Но так как, согласно Вашему прежнему письму, мне предоставляется возможность возобновить договор, то я должен включить в него одно новое условие. А именно: за все печатные листы, добавленные сверх условленного количества, мне должно быть уплачено по той же самой расценке. Мне кажется, требование это тем более справедливо, что моя выручка от книги будет очень незначительна, если принять во внимание, что для работы над ней я ездил в Англию, жил там и купил большое количество дорогостоящих книг.

В заключение я выражаю пожелание, чтобы моя работа, — если только это может быть сделано на сколько-нибудь разумных условиях, — была выпущена Вашим издательством, так как Вы выказали по отношению ко мне много предупредительности и дружеского расположения.

Если бы в этом была необходимость, то на основании многочисленных писем, присланных мне из Германии и Франции, я мог бы доказать Вам, что публика ждет этой работы с большим нетерпением.

Преданный Вам д-р ***Маркс***

Прошу Вас *немедленно* написать мне[427] по адресу: *г-ну Ланнуа.* Au Bois Sauvage, Plaine St. Gudule Nr. 12, Брюссель.

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXV, 1934 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

31

МАРКС — ПАВЛУ ВАСИЛЬЕВИЧУ АННЕНКОВУ

В ПАРИЖ

Брюссель, 28 декабря [1846 **г.**]
Rue d'Orleans, 42, Faubourg Namur

Дорогой г-н Анненков!

Вы уже давно получили бы ответ на Ваше письмо от 1 ноября, если бы мой книгопродавец не задержал присылку мне книги г-на Прудона «Философия нищеты» до прошлой недели. Я пробежал ее в два дня, для того чтобы иметь возможность сейчас же сообщить Вам свое мнение. Так как я прочел книгу очень бегло, то я не могу останавливаться на деталях. Я могу говорить только об общем впечатлении, произведенном ею на меня. Если хотите, я могу написать о ней подробнее в следующем письме.

Признаюсь откровенно, что я нахожу в общем книгу плохой, очень плохой. Вы сами шутите в своем письме по поводу «уголка немецкой философии», которым щеголяет г-н Прудон в этом бесформенном и претенциозном произведении[428], но Вы полагаете, что философский яд не отравил его экономических исследований. Я тоже далек от того, чтобы причиной ошибок экономических исследований г-на Прудона считать его философию. Г-н Прудон не потому дает ложную критику политической экономии, что является обладателем смехотворной философии, — он преподносит нам смехотворную философию потому, что не понял современного общественного строя в его сцеплении [engrenement], если употребить слово, которое г-н Прудон, как и многое другое, заимствует у Фурье.

Почему г-н Прудон говорит о боге, о всеобщем разуме, о безличном разуме человечества, который никогда не ошибается, который был всегда равен самому себе, о котором достав точно составить себе правильное представление, чтобы обладать истиной? Зачем он прибегает к поверхностно усвоенному гегельянству, чтобы изображать из себя глубокого мыслителя?

Он сам дает нам ключ к разрешению загадки. Г-н Прудон видит в истории известный ряд общественных эволюции. Он находит в истории осуществление прогресса. Он находит, наконец, что люди, взятые как отдельные личности, не знали, что они делали, что они ошибочно представляли себе свое собственное движение, то есть, что, на первый взгляд, их общественное развитие кажется вещью отличной, отдельной, не зависимой от их индивидуального развития. Он не в состоянии

объяснить этих фактов, и тут-то и появляется гипотеза о проявляющем себя всеобщем разуме. Нет ничего легче, как изобретать мистические причины, то есть фразы, в тех случаях, когда не хватает здравого смысла.

Но г-н Прудон, признаваясь в своем полном непонимании исторического развития человечества, — а он признается в этом, когда прибегает к громким словам о всеобщем разуме, о боге и т. п., — не признается ли тем самым неизбежно и в том, что он не способен понять и *экономического развития?*

Что же такое общество, какова бы ни была его форма? Продукт взаимодействия людей. Свободны ли люди в выборе той или иной общественной формы? Отнюдь нет. Возьмите определенную ступень развития производительных сил людей, и вы получите определенную форму обмена [commerce] и потребления. Возьмите определенную ступень развития производства, обмена и потребления, и вы получите определенный общественный строй, определенную организацию семьи, сословий или классов, — словом, определенное гражданское общество. Возьмите определенное гражданское общество, и вы получите определенный политический строй, который является лишь официальным выражением гражданского общества. Вот чего никогда не поймет г-н Прудон, потому что он воображает, будто совершает что-то великое, когда апеллирует от государства к гражданскому обществу, то есть от официального резюме общества к официальному обществу.

Излишне добавлять к этому, что люди не свободны в выборе *своих производительных сил,* которые образуют основу всей их истории, потому что всякая производительная сила есть приобретенная сила, продукт предшествующей деятельности. Таким образом, производительные силы — это результат практической энергии людей, но сама эта энергия определена теми условиями, в которых люди находятся, производительными силами, уже приобретенными раньше, общественной формой, существовавшей до них, которую создали не эти люди, а предыдущее поколение. Благодаря тому простому факту, что каждое последующее поколение находит производительные силы, приобретенные предыдущим поколением, и эти производительные силы служат ему сырым материалом для нового производства, — благодаря этому факту образуется связь в человеческой истории, образуется история человечества, которая тем больше становится историей человечества, чем больше выросли производительные силы людей, а следовательно, и их общественные отношения. Отсюда необходимый вывод: общественная история людей есть всегда лишь история их индивидуального

развития, сознают ли они это, или нет. Их материальные отношения образуют основу всех их отношений. Эти материальные отношения суть лишь необходимые формы, в которых осуществляется их материальная и индивидуальная деятельность.

Г-н Прудон путает идеи и вещи. Люди никогда не отказываются от того, что они приобрели, но это не значит, что они не откажутся от той общественной формы, в которой они приобрели определенные производительные силы. Наоборот. Для того чтобы не лишиться достигнутого результата, для того чтобы не потерять плодов цивилизации, люди вынуждены изменять все унаследованные общественные формы в тот момент, когда способ их сношений [commerce] более уже не соответствует приобретенным производительным силам. — Я употребляю здесь слово «commerce» в самом широком смысле, в каком по-немецки употребляется слово «Verkehr». — Пример: привилегии, учреждение цехов и корпораций, весь режим средневековой регламентации были общественными отношениями, единственно соответствовавшими приобретенным производительным силам и ранее существовавшему общественному строю, из которого эти учреждения вышли. Под защитой режима цеховой регламентации накоплялись капиталы, развивалась морская торговля, были основаны колонии, и люди лишились бы плодов всего этого, если бы они захотели сохранить формы, под защитой которых созрели эти плоды. Поэтому разразились два громовых удара — революции 1640 и 1688 годов. Все старые экономические формы, соответствующие им общественные отношения, политический строй, бывший официальным выражением старого гражданского общества, — все это в Англии было разрушено. Таким образом, экономические формы, при которых люди производят, потребляют, совершают обмен, являются формами *преходящими и историческими. С* приобретением новых производительных сил люди меняют свой способ производства, а вместе со способом производства они меняют все экономические отношения, которые были необходимыми отношениями лишь данного, определенного способа производства.

Этого г-н Прудон не понял и тем более не показал. Не будучи в состоянии проследить действительный ход истории, г-н Прудон вместо этого преподносит нам фантасмагорию, которая претендует на то, чтобы быть диалектической фантасмагорией. Он не чувствует потребности говорить о XVII, XVIII и XIX веках, потому что его история совершается в заоблачных высях воображения и витает высоко за пределами времени и пространства. Словом, это — гегелевский хлам; это не история,

не обыденная история — история людей, а священная история — история идей. С его точки зрения человек — только орудие, которым идея или вечный разум пользуются для своего развития. *Эволюции, о* которых говорит г-н Прудон, — это, в его трактовке, эволюции, совершающиеся в мистическом лоне абсолютной идеи. Если вы сорвете покров с этой мистической фразеологии, то вы увидите, что г-н Прудон описывает вам тот порядок, в котором экономические категории располагаются в его голове. Мне не потребуется большого труда, чтобы доказать Вам, что это — порядок очень путаной головы.

Г-н Прудон начинает свою книгу с рассуждения о *стоимости,* его излюбленном коньке. Я на сей раз не буду разбирать этих рассуждений.

Ряд экономических эволюции вечного разума начинается с *разделения труда.* Для г-на Пруд она разделение труда — вещь совершенно простая. Но разве кастовый строй не был определенным видом разделения труда? Разве цеховой строи не был другим видом разделения труда? И разве разделение труда в мануфактурный период, который начинается в середине XVII века и заканчивается в Англии во второй половине XVIII века, не отличается самым решительным образом от разделения труда в крупной промышленности, в современной промышленности?

Г-н Прудон так плохо понимает сущность дела, что упускает из виду даже то, чего не забывают обыкновенные экономисты. Говоря о разделении труда, он вовсе не чувствует потребности говорить о мировом *рынке.* Вот как! Но разве разделение труда в XIV и XV веках, когда еще не было колоний, когда Америка еще не существовала для Европы, а с Восточной Азией поддерживалась связь лишь через посредство Константинополя, не должно было коренным образом отличаться от разделения труда в XVII веке, когда имелись уже вполне развитые колонии?

Но это еще не все. Разве вся внутренняя организация народов, все их международные отношения не являются выражением определенного вида разделения труда? Разве все это не должно изменяться вместе с изменением разделения труда?

Г-н Прудон так далек от понимания вопроса о разделении труда, что даже не упоминает об отделении города от деревни, которое в Германии, например, происходило в IX—XII столетиях. Поэтому для г-на Прудона это отделение есть вечный закон, ибо он не знает ни его происхождения, ни его развития. На протяжении всей своей книги он рассуждает так, будто бы этот продукт определенного способа производства будет продолжать существовать до скончания века. Все, что г-н Прудон

говорит о разделении труда, есть не больше как резюме, и к тому же очень поверхностное, неполное резюме того, что до него было сказано Адамом Смитом и множеством других.

Вторая эволюция — это *машины.* Связь между разделением труда и машинами у г-на Прудона совершенно мистическая. При каждом виде разделения труда имелись свои специфические орудия производства. С середины XVII до середины XVIII века, например, люди не все делали руками. У них были инструменты, и даже очень сложные, как станки, корабли, рычаги и т. д. и т. п.

Таким образом, совершенно нелепо рассматривать появление машин как следствие разделения труда вообще.

Замечу мимоходом, что г-н Прудон так же мало понял историю развития машин, как и историю их происхождения. Можно сказать, что до 1825 г. — эпохи первого всеобщего кризиса — нужды потребления вообще росли быстрее, чем производство, и развитие машин было неизбежным следствием потребностей рынка. Начиная с 1825 г., изобретение и применение машин было только результатом войны между предпринимателями и рабочими. Но это правильно только для Англии. Что же касается европейских наций, то применять машины их заставила конкуренция Англии как на их собственном, так и на мировом рынке. Наконец, в Северной Америке введение машин было вызвано как конкуренцией с другими народами, так и недостатком рабочих рук, то есть несоответствием между промышленными потребностями Северной Америки и ее населением. Из этих фактов Вы можете заключить, какую проницательность проявляет г-н Прудон, вызывая призрак конкуренции как третью эволюцию, как антитезу машин!

Наконец, вообще бессмысленно превращать *машины* в экономическую категорию наряду с разделением труда, конкуренцией, кредитом и т. д.

Машина так же мало является экономической категорией, как бык, который тащит плуг. Современное *применение* машин есть одно из отношений нашего современного экономического строя, но способ эксплуатации машин — это совсем не то, что сами машины. Порох остается порохом, употребляется ли он для того, чтобы нанести рану человеку, или для того, чтобы залечить раны того же самого человека.

Г-н Прудон превосходит самого себя, создавая в своей голове конкуренцию, монополию, налог или полицию, торговый баланс, кредит и собственность в том порядке, в каком я их сейчас перечисляю. Почти все кредитные учреждения получили свое развитие в Англии в начале XVIII века, еще до изобретения

машин. Государственный кредит был только новым способом повышения налогов и удовлетворения новых потребностей, созданных приходом к власти класса буржуазии.

Наконец, *собственность* образует последнюю категорию в системе г-на Прудона. В действительном мире, наоборот, разделение труда и все прочие категории г-на Прудона суть общественные отношения, которые в совокупности образуют то, что в настоящее время называют *собственностью;* вне этих отношений буржуазная собственность есть не что иное как метафизическая и юридическая иллюзия. Собственность другой эпохи, феодальная собственность, развивается при совершенно иных общественных отношениях. Определяя собственность как независимое отношение, г-н Прудон совершает нечто худшее, чем методологическую ошибку: он обнаруживает непонимание той связи, которая соединяет все формы *буржуазного* производства; он обнаруживает непонимание *исторического* и *преходящего* характера форм производства определенной эпохи. Не видя, что наши общественные институты являются продуктами исторического развития, не понимая ни их происхождения, ни их развития, г-н Прудон может подвергнуть их только догматической критике.

Чтобы объяснить развитие, г-н Прудон вынужден прибегнуть к *фикции.* Он воображает, что разделение труда, кредит, машины и т. д. — все это изобретено для того, чтобы служить его навязчивой идее — идее равенства. Его объяснение крайне наивно. Все эти вещи придуманы во имя равенства, но, к несчастью, они обратились против равенства. В этом и состоит все его рассуждение, то есть он берет произвольную гипотезу, но так как действительное развитие на каждом шагу противоречит его фикции, то он делает из этого вывод, что налицо противоречие. Он скрывает, что противоречие-то существует только между его навязчивыми идеями и действительным движением.

Таким образом, г-н Прудон, прежде всего из-за отсутствия у него исторических знаний, не понял, что люди, развивая свои производительные силы, то есть живя, развивают определенные отношения друг к другу, и что характер этих отношений неизбежно меняется вместе с преобразованием и ростом этих производительных сил. Он не понял, что *экономические категории* суть лишь *абстракции* этих действительных отношений и являются истинами лишь постольку, поскольку существуют эти отношения. Таким образом, он впадает в ошибку буржуазных экономистов, которые видят в этих экономических категориях вечные, а не исторические законы — законы, действительные

лишь для определенной стадии исторического развития, для определенной стадии развития производительных сил. Вместо того, следовательно, чтобы рассматривать политико-экономические категории как абстракции действительных, преходящих исторических общественных отношений, г-н Прудон, мистически извращая вопрос, видит в действительных отношениях лишь воплощение этих абстракций. Сами эти абстракции являются формулами, дремавшими в лоне бога-отца с самого сотворения мира.

Здесь у нашего доброго г-на Прудона начинаются тяжелые умственные потуги. Если все эти экономические категории суть эманации божественного сердца, если они являются скрытой и вечной жизнью людей, то каким образом получается, во-первых, что существует развитие, и, во-вторых, что г-н Прудон не является консерватором? Эти явные противоречия он объясняет целой системой антагонизмов.

Чтобы осветить эту систему антагонизмов, возьмем пример.

Монополия хороша, потому что это — экономическая категория и, стало быть, эманация бога. Конкуренция хороша, потому что и она тоже экономическая категория. Но вот что нехорошо, так это действительность монополии и действительность конкуренции. Еще хуже, что монополия и конкуренция взаимно пожирают друг друга. Что же делать? Так как эти две вечные мысли бога противоречат друг другу, г-ну Прудону кажется очевидным, что в лоне бога имеется равным образом и синтез обеих мыслей, в котором зло монополии уравновешивается конкуренцией, и vice versa*. Борьба между обеими идеями будет иметь то последствие, что наружу выступит только их хорошая сторона. Надо вырвать у бога эту тайную мысль, а затем применить ее, и все будет прекрасно. Надо найти синтетическую формулу, скрытую во мраке безличного разума человечества. Г-н Прудон, ни минуты не колеблясь, выступает в качестве лица, открывающего эту тайну.

Но бросим на миг взгляд на действительную жизнь. В современной экономической жизни вы найдете не только конкуренцию и монополию, но также и их синтез, являющийся не *формулой,* а *движением.* Монополия рождает конкуренцию, конкуренция рождает монополию. И, однако, это уравнение, не устраняя трудностей современного положения, как это воображают буржуазные экономисты, создает в результате еще более трудное и еще более запутанное положение. Таким образом, изменяя основу, на которой покоятся современные экономические

* — наоборот. *Ред.*

отношения, уничтожая современный *способ* производства, вы уничтожаете не только конкуренцию, монополию и их антагонизм, но также и их единство, их синтез — движение, в котором и происходит действительное уравновешивание конкуренции и монополии.

Теперь я приведу Вам образец диалектики г-на Прудона.

Свобода и рабство образуют антагонизм. Мне нет нужды говорить ни о хороших, ни о дурных сторонах свободы. Что касается рабства, нечего говорить о его дурных сторонах. Единственно, что надо объяснить, — это хорошую сторону рабства. Речь идет не о косвенном рабстве, не о рабстве пролетария. Речь идет о прямом рабстве, о рабстве чернокожих в Суринаме, в Бразилии, в южных областях Северной Америки.

Прямое рабство является такой же основой нашей современной промышленности, как машины, кредит и т. д. Без рабства нет хлопка, без хлопка нет современной промышленности. Рабство придало ценность колониям, колонии создали мировую торговлю, а мировая торговля — необходимое условие крупной машинной промышленности. До установления торговли неграми колонии давали Старому свету очень мало продуктов и не изменяли сколько-нибудь заметно лицо мира. Таким образом, рабство — это экономическая категория огромного значения. Без рабства Северная Америка — самая прогрессивная страна — превратилась бы в страну патриархальную. Сотрите только Северную Америку с карты мира, и вы получите анархию, полный упадок торговли и современной цивилизации. Но уничтожение рабства означало бы, что Америка стирается с карты мира. Таким образом, рабство, именно вследствие того, что оно является экономической категорией, встречается с сотворения мира у всех народов. Современные народы сумели лишь замаскировать рабство у самих себя и ввести его открыто в Новом свете. Что же предпримет добрейший г-н Прудон после этих размышлений о рабстве? Он будет искать синтез свободы и рабства, истинную золотую середину, иначе говоря — равновесие между рабством и свободой.

Г-н Прудон очень хорошо понял, что люди производят сукно, холст, шелковые ткани, и не велика заслуга понять так мало! Но чего г-н Прудон не понял, так это того, что люди сообразно своим производительным силам производят также *общественные отношения,* при которых они производят сукно и холст. Еще меньше понял г-н Прудон, что люди, производящие общественные отношения соответственно своему материальному производству, создают также и *идеи* и *категории,* то есть отвлеченные, идеаль-

ные выражения этих самых общественных отношений. Таким образом, категории так же мало являются вечными, как и те отношения, выражением которых они являются. Это — продукты исторические и преходящие. Для г-на Прудона же. совсем наоборот, первоначальной причиной являются абстракции, категории. По его мнению, это они, а не люди, творят историю. *Абстракция, категория, взятая как таковая,* то есть оторванная от людей и их материальной деятельности, является, конечно, бессмертной, неизменной, неподвижной. Она представляет собой лишь порождение чистого разума, что означает просто-напросто, что абстракция как таковая абстрактна. Восхитительная *тавтология!*

Таким образом, экономические отношения, рассматриваемые в форме категорий, являются для г-на Прудона вечными формулами, не имеющими ни происхождения, ни развития.

Другими словами: г-н Прудон не утверждает прямо, что *буржуазная жизнь* является для него *вечной истиной.* Он утверждает это косвенно, обожествляя категории, которые в форме идей выражают буржуазные отношения. Коль скоро продукты буржуазного общества представляются ему в форме категорий, идей, он принимает их за возникающие самопроизвольно, одаренные собственной жизнью вечные существа. Таким образом, он не выходит за пределы буржуазного горизонта. Так как он имеет дело с буржуазными идеями, считая их вечными истинами, он ищет синтез этих идей, их равновесие и не видит, что современный способ их уравновешивания есть единственно возможный.

В сущности он делает то, что делают все добрые буржуа. Все они говорят вам, что конкуренция, монополия и т. д. являются в принципе, то есть если их взять как отвлеченные понятия, единственными основами жизни, но что на практике они оставляют желать многого. Все они хотят конкуренции без пагубных последствий конкуренции. Все они хотят невозможного, то есть условий буржуазной жизни без необходимых последствий этих условий. Все они не понимают, что буржуазный способ производства есть историческая и преходящая форма, подобно тому как исторической и преходящей была форма феодальная. Эта ошибка происходит оттого, что для них человек-буржуа является единственной основой всякого общества, оттого, что они не представляют себе такого общественного строя, в котором человек перестал бы быть буржуа.

Г-н Прудон неизбежно является поэтому *доктринером.* Историческое движение, совершающее переворот в современном мире, сводится для него к задаче открыть правильное

равновесие, синтез двух буржуазных мыслей. Таким образом, при помощи ухищрений этот ловкий малый открывает скрытую мысль бога, единство двух отдельных мыслей, которые только потому являются отдельными, что г-н Прудон их отделил от практической жизни, от современного производства, являющегося сочетанием тех реальностей, которые этими мыслями выражены. На место великого исторического движения, рождающегося из конфликта между уже приобретенными производительными силами людей и их общественными отношениями, которые не соответствуют больше этим производительным силам; на место страшных войн, которые готовятся между различными классами одной нации и между различными нациями; на место практической и революционной деятельности масс, которая одна будет в силах разрешить эти коллизии, — на место этого обширного, продолжительного и сложного движения г-н Прудон ставит примитивное движение [mouvement cacadauphin], происходящее в его голове. Итак, историю делают ученые, люди, способные похитить у бога его сокровенную мысль. А простой народ должен лишь применять на практике их откровения. |

Вы теперь понимаете, почему г-н Прудон является отъявленным врагом всякого политического движения. Разрешение современных проблем заключается для него не в общественном действии, а в диалектических круговоротах, совершающихся в его голове. Так как для него категории являются движущими силами, то незачем изменять практическую жизнь для того, чтобы изменить категории. Совсем наоборот. Надо изменить категории, и последствием этого явится изменение существующего общества.

Желая примирить противоречия, г-н Прудон совершенно обходит вопрос: а не надо ли ниспровергнуть самую основу этих противоречий? Он во всем походит на политического доктринера, который желает сохранить и короля, и палату депутатов, и палату пэров, в качестве составных частей общественной жизни, как вечные категории. Он лишь ищет новую формулу для того, чтобы уравновесить эти силы, равновесие которых как раз и состоит в современном движении, где одна из этих сил является то победительницей, то рабыней другой. Так, в XVIII веке множество посредственных голов старалось найти истинную формулу, чтобы уравновесить общественные сословия, дворянство, короля, парламенты и т. д., а на другой день не оказалось ни короля, ни парламентов, ни дворянства. Истинным способом уравновесить этот антагонизм было ниспровержение всех общественных отношений, служивших

основой этим феодальным установлениям и основой антагонизма этих феодальных установлений.

Так как г-н Прудон по одну сторону ставит вечные идеи, категории чистого разума, а по другую сторону — людей и их практическую жизнь, являющуюся, по его мнению, применением этих категорий, то вы встретите у него с самого начала *дуализм* между жизнью и идеями, между душой и телом — дуализм, повторяющийся в различных формах. Вы теперь видите, что этот антагонизм — это только лишь неспособность г-на Прудона понять происхождение и обыденную историю категорий, которые он обожествляет.

Мое письмо слишком затянулось, и я не смогу уже остановиться на смехотворных выпадах г-на Прудона против коммунизма. Пока Вы согласитесь со мной, что человек, не понявший современного состояния общества, еще менее способен понять то движение, которое стремится разрушить это общество, и литературные выражения этого революционного движения.

Единственный пункт, в котором я вполне согласен с г-ном Прудоном, — это его отвращение к социалистической сентиментальности. До него я вызвал против себя много вражды своими насмешками над социализмом бараньим, сентиментальным, утопическим. Но разве сам г-н Прудон не создает себе странных иллюзий, противопоставляя свою сентиментальность мелкого буржуа, — я имею в виду его декламации о семье, о супружеской любви и все его банальности, — социалистической сентиментальности, которая у Фурье, например, гораздо более глубока, чем претенциозные пошлости нашего доброго Прудона? Он сам настолько хорошо чувствует всю ничтожность своих доводов, свою полную неспособность говорить обо всех этих вещах, что вдруг, не помня себя, приходит в ярость, в irae hominis probi*, начинает вопить, беснуется, ругается, обличает, обвиняет, проклинает, бьет себя в грудь и бахвалится перед богом и людьми, что он чист от социалистических мерзостей! Он не подвергает критике социалистическую сентиментальность или то, что он считает сентиментальностью. Он, как святой, как папа, предает анафеме бедных грешников и славословит мелкую буржуазию и жалкие любовные и патриархальные иллюзии домашнего очага. И это не случайно. Г-н Прудон — с головы до ног философ, экономист мелкой буржуазии. *Мелкий буржуа* в развитом обществе, в силу самого своего положения, с одной стороны, делается социалистом, а с другой— экономистом, то есть он ослеплен великолепием крупной

* — благородное негодование. *Ред.*

буржуазии и сочувствует страданиям народа. Он в одно и то же время и буржуа и народ. В глубине души он гордится тем, что он беспристрастен, что он нашел истинное равновесие, которое имеет претензию отличаться от золотой середины. Такой мелкий буржуа обожествляет *противоречие,* потому что противоречие есть основа его существа. Он сам — не что иное как воплощенное общественное противоречие. Он должен оправдать в теории то, чем он является на практике, и г-ну Прудону принадлежит заслуга быть научным выразителем французской мелкой буржуазии; это — действительная заслуга, потому что мелкая буржуазия явится составной частью всех грядущих социальных революций.

Я хотел бы иметь возможность послать Вам вместе с этим письмом мою книгу о политической экономии[429], но до сих пор мне не удалось издать ни этой работы, ни критики германских философов и социалистов[*], о которой я Вам рассказывал в Брюсселе. Вы не можете себе представить, какие затруднения такое издание встречает в Германии, во-первых, со стороны полиции, во-вторых, со стороны издателей, которые сами являются заинтересованными представителями всех тех направлений, на которые я нападаю. А что касается нашей собственной партии, то она не только бедна, но, кроме того, значительная часть членов немецкой коммунистической партии сердиты на меня за то, что я выступаю против их утопий и декламаций.

Преданный Вам ***Карл Маркс***

P. S. Вы, пожалуй, спросите меня, почему я Вам пишу на плохом французском языке, а не на хорошем немецком. Это потому, что речь идет о французском авторе.

Вы меня очень обяжете, если не слишком задержите свой ответ, — я хочу знать, поняли ли Вы меня под этой оболочкой варварского французского языка.

Впервые опубликовано на языке оригинала в книге: «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке». Т. III, СПБ. 1912

Печатается по тексту книги

Перевод с французского

[*] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. «Немецкая идеология». *Ред.*

1847 год

32

МАРКС — РОЛАНДУ ДАНИЕЛЬСУ

В КЁЛЬН

[Брюссель], 7 марта [1847 г.]

Дорогой Даниельс!

Возможно, что *ты* или *кто-либо другой из вас, кёльнцев,* получит письмо от Гесса относительно коммунистических дел. Убедительно прошу тебя, чтобы *никто* из *вас* не отвечал, пока я не пришлю вам через В.[*] документы и письма. Во всяком случае, я снова *настаиваю* на том, чтобы ты *приехал сюда.* Мне надо сообщить тебе важные вещи, о которых нельзя писать по почте. Если *ты* не можешь приехать, то пусть приедет на несколько дней Г. Бюргерс. Ты или твой заместитель остановитесь у меня...[**]

Итак, нужно, чтобы ты или Г. Б[юргерс] возможно скорее приехали в *Мехелен.*

Передай прилагаемое письмо *Цулауфу* в Эльберфельде, Грюнштрассе.

Приезжай не в *Брюссель,* а в *Мехелен,* и предупреди за день, когда приедешь ты или Бюргерс.

Ты можешь на несколько дней пренебречь своими житейскими делами[***].

Твой ***Маркс***

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., то- XXV, 1934 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

[*] По-видимому, Веерта. *Ред.*

[**] Продолжение письма отсутствует. Последующие строки добавлены на полях письма сверху. После слов «у меня» Марксом сделана пометка: «Смотри наверху». *Ред.*

[***] Последняя фраза и подпись добавлены на полях сбоку. *Ред.*

33

МАРКС — ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

В ПАРИЖ

Брюссель, 27 июля [1847 г.]
Faubourg d'Ixelles, rue d'Orleans, 42

Дорогой Гервег!

Сюда только что приехал из Парижа Энгельс, чтобы провести здесь несколько недель. Он передает следующий анекдот, по поводу которого я прошу тебя дать мне немедленно объяснение.

Бернайс рассказывает Эвербеку: ко мне заходил Гервег и заявил, будто Маркс принял его так дружески, что, очевидно, ему *нужно было* что-то от него. Бернайс разрешил также Э[вербеку] передавать дальше эту остроту.

Я бы, конечно, не стал браться за перо из-за этой сплетни, если бы она не получила известное распространение среди моих знакомых в Париже.

Поэтому я прошу тебя дать мне немедленно категорический ответ — правда это или неправда.

Твой ***Маркс***

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXV, 1934 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

34

МАРКС — ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ [430]

В ПАРИЖ

Брюссель, 8 августа [1847 г.]

Дорогой Гервег!

Спешу известить тебя о получении твоего письма. Я узнал из него только то, что мне было уже раньше известно, — что все это жалкая сплетня. Мне нужно было получить от тебя эти несколько строк для того, чтобы показать Энгельсу черным по белому, что представляет собой парижская болтовня немецких мелких буржуа. Уверяю тебя, что со времени моего отъезда из Парижа и несмотря на все принятые мною меры предосторожности, направленные к тому, чтобы стать неуловимым и недоступным, эти старые бабы не переставали преследовать меня

подобным вздором. От таких дураков можно отделаться только крайней грубостью.

Я сожалею лишь, что надоедаю тебе в твоем уединении подобным вздором. — Для этих старых баб характерно то, что они стремятся замазать и подсластить всякую действительную партийную борьбу, а старую немецкую привычку сплетничать и подстрекательство выдают за революционную деятельность, Жалкие людишки!

Здесь, в Брюсселе, у нас нет, по крайней мере, этой мрази. —

Здешнее прусское посольство внимательно следило и наблюдало за Борнштедтом, стараясь уличить его в каком-нибудь проступке. Наконец, это ему удалось. Посольство послало на него *донос* и навязало ему три процесса: 1) фискальный процесс за нарушение закона о штемпельном сборе, 2) политический процесс — за то, что он заявил в своей газете*, что Луи-Филиппа следует убить, 3) процесс о клевете, возбужденный одним бельгийским аристократом, г-ном *Ози,* которого Б[орнштедт] обвинил, и справедливо, в хлебных спекуляциях.

Все эти три процесса не имеют под собой никаких оснований, и их несомненным исходом будет то, что прусское посольство, и без того мало уважаемое, станет посмешищем. Какое ему дело до Луи-Филиппа, Ози и бельгийского закона о штемпельном сборе?

Сам следователь заявил, что все эти процессы затеяны pour le roi de Prusse**. Но, с другой стороны, «Brusseler-Zeitung», — которая, несмотря на свои многочисленные недостатки, все же имеет некоторые заслуги и как раз теперь, когда Б[орнштедт] изъявил готовность во всех отношениях идти нам навстречу, могла бы стать еще лучше, — грозит внезапный денежный крах. Как вели себя благородные тевтоны в этой истории? Издатели *обманывали* Б[орнштедта], так как он не может преследовать их в судебном порядке. Оппозиция всех оттенков, вместо того чтобы оказать хотя бы малейшую литературную или денежную помощь, сочла более удобным заявить, что препятствием для них является имя Борнштедта. Эти люди всегда ведь найдут предлог, чтобы ничего не делать! То им не нравится сам человек, то его жена, то тенденция, то стиль, то формат, то распространение связано с некоторой опасностью и т. д. и т. п. Эти господа ждут, чтобы жареные голуби сами летели им в рот. Когда есть только одна выходящая без цензуры

* — «Deutsche-Brusseler-Zeitung». *Ред.*

** — буквально: «в пользу короля Пруссии»; в переносном смысле: «даром», «ради прекрасных глаз». *Ред.*

оппозиционная газета, которой правительство чинит большие препятствия и редактор которой, по самой сути своего предприятия, расположен ко всему прогрессивному, — разве не следовало бы прежде всего использовать этот случай и постараться улучшить газету, если ее находят недостаточно хорошей! Но нет, наши немцы всегда имеют наготове тысячу мудрых изречений для объяснения того, почему они должны оставить эту возможность неиспользованной. Любая возможность что-либо сделать только приводит их в смущение.

С моими рукописями дело обстоит приблизительно так же, как с «Brusseler-Zeitung», а эти ослы изо дня в день продолжают писать мне, спрашивая, почему я ничего не печатаю, и даже упрекают меня в том, что я предпочитаю писать по-французски, чем ничего не писать. Еще долго придется расплачиваться за то, что родился тевтоном.

Прощай. Сердечный привет твоей жене и тебе от нас с женой.

В Париже ты еще получишь список опечаток, приложенный к моей французской мазне*. Без этого списка некоторые места непонятны.

Как только у тебя будет свободное время и не окажется лучшего занятия, напиши твоему

Марксу

Впервые опубликовано в книге: «Briefe von und an Georg Herwegh». 1896

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

35

МАРКС — МОЗЕСУ ГЕССУ

В БРЮССЕЛЕ

[Брюссель], 2 сентября [1847 г.]

Дорогой Гесс!

Загляни сегодня в Гран-Салон на *Шоссе д'Этербек,* именуемый также Пале-Рояль.

Маркс

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXV. 1934 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

* *К. Маркс.* «Нищета философии». *Ред.*

36

ЭНГЕЛЬС — ЛЮСЬЕНУ ЖОТРАНУ*

В БРЮССЕЛЕ

[Брюссель, 30 сентября 1847 г.]

Милостивый государь!

Так как я вынужден уехать из Брюсселя на несколько месяцев, я не смогу выполнять те обязанности, которые возложило на меня собрание 27 сентября[431].

Поэтому я прошу Вас привлечь кого-нибудь из немецких демократов, проживающих в Брюсселе, к участию в работе комитета, которому поручено организовать международное демократическое общество.

Я позволю себе предложить Вам того из немецких демократов Брюсселя, на кого собрание, если бы он мог на нем присутствовать, возложило бы те обязанности, которые ввиду его отсутствия оно доверило мне. Я говорю о г-не Марксе, который, по моему глубокому убеждению, имеет наибольшее право представлять в комитете немецкую демократию. Таким образом, не г-н Маркс заменит меня, а наоборот, я на собрании заменял г-на Маркса.

Примите уверения в моем глубоком уважении.

Остаюсь преданный Вам ***Фридрих Энгельс***

Г-н Маркс, который во время собрания не был в Брюсселе, живет 42, rue d'Orleans, Faubourg Namur.

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I. Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с французского

37

МАРКС — ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

В ПАРИЖ

Брюссель, 26 октября [1847 г.]
Rue d'Orleans, 42, Faubourg Namur

Дорогой Гервег!

Я хотел дать Энгельсу письмо для тебя, но в день его отъезда скопилось так много дел, что мы упустили из виду и забыли об этом.

* Ср. настоящий том, стр. 90. *Ред.*

Далее, графиня Гацфельдт просила меня написать тебе несколько рекомендательных слов о ней. Я думаю, что теперь ты уже успел с ней познакомиться. В единоборстве со своим мужем эта женщина обнаружила большую энергию, необычную для *немки.*

Здесь, в Брюсселе мы основали два открытых демократических общества:

1) Общество немецких рабочих[432], которое уже насчитывает около 100 членов. В этом обществе ведутся дискуссии совсем на парламентский манер, а наряду с этим устраиваются и общие развлечения — пение, декламация, театральные представления и т. д.;

2) менее многочисленное космополитически-демократическое общество, в котором принимают участие бельгийцы, французы, поляки, швейцарцы и немцы[433].

Если ты когда-нибудь снова приедешь сюда, то увидишь, что в маленькой Бельгии даже для непосредственной пропаганды можно больше сделать, чем в великой Франции. К тому же я считаю, что общественная деятельность, какой бы скромный характер она ни носила, оказывает на каждого необычайно освежающее действие.

Так как у кормила правления стоит теперь *либеральное* министерство, то вполне возможно, что нас ожидают полицейские подвохи, ибо либералы остаются верны себе. Но мы с ними справимся. Здесь не то, что в Париже, где иностранцы изолированно противостоят правительству.

Так как при теперешних обстоятельствах в Германии совершенно невозможно использовать существующие издательства, то, по уговору с немцами, живущими в Германии, я решил основать ежемесячный журнал на паях. В Рейнской провинции и Бадене мы уже распространили некоторое количество акций. Мы приступим к делу, как только наберется достаточно денег для издания журнала в течение трех месяцев.

Если бы нам удалось собрать достаточно средств, можно было бы устроить здесь собственную типографию, использовав ее также и для печатания отдельных самостоятельных работ.

От тебя я хотел бы сейчас узнать следующее:

1) Не подпишешься ли и ты на несколько акций (каждая акция по 25 талеров).

2) Желаешь ли ты сотрудничать, а стало быть, и фигурировать в качестве сотрудника на титульном листе.

Так как ты и без того давно уже должен был написать мне, то я очень прошу тебя преодолеть на этот раз свое нерасположение к писанию писем и ответить мне *поскорее.* Кроме того,

я попросил бы тебя узнать у *Бакунина,* каким путем, по какому адресу и каким образом я могу переправить письмо *Толстому?*

Моя жена просит передать сердечный привет тебе и твоей жене.

Приключение с прусским посольством в Париже поистине свидетельствует о росте бессильной ярости нашего «отца народа».

Прощай.

Твой ***Маркс***[*]

Впервые опубликовано в книге: «Briefe von und an Georg Herwegh». 1896

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

38

МАРКС — ПАВЛУ ВАСИЛЬЕВИЧУ АННЕНКОВУ В ПАРИЖ

Лондон, 9 декабря [1847 г.]

Дорогой Анненков!

Партийные соображения, о которых я не могу здесь писать подробно, побудили меня поехать в Лондон[434]. Я использовал это путешествие также для того, чтобы установить связь между брюссельской Демократической ассоциацией и английскими чартистами и обратиться к этим последним с речью на публичном митинге[435]. Вы уже, возможно, читали отдельные сообщения по этому поводу в английских и французских газетах.

Но, предприняв это путешествие, — а я вынужден остаться здесь еще на несколько дней, — я оставил свою семью в чрезвычайно тяжелом и совершенно безнадежном положении. Дело не только в том, что моя жена и дети больны. Мое материальное положение в данный момент является настолько критическим, что мою жену буквально осаждают кредиторы, и она испытывает отчаянные денежные затруднения.

Как дело дошло до такого кризиса, — объяснить легко. Мои немецкие рукописи[**] в целом не печатаются, а то, что публикуется из них, я отдаю даром, чтобы только выпустить их в свет. Моя брошюра против Прудона[***] разошлась очень хорошо. Но я получу часть денег за нее только лишь к пасхе.

---

[*] На письме рукой Женни Маркс написан адрес: «Г-ну доктору Готшальку, практикующему врачу в Кёльне». Под ним рукой Маркса написано: «Дорогой Гервег, по ошибке мы чуть не поставили на письме этот неверный адрес». *Ред.*

** *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Немецкая идеология». *Ред.*

*** *К. Маркс*. «Нищета философии». *Ред.*

Одного того, что получает моя жена, недостаточно, а со своей матерью я уже довольно давно веду переговоры о том, чтобы получить хотя бы часть моего состояния. Теперь как будто появились шансы на это. Но в данный момент это мне ничего не дает.

При таком положении, о котором я без стеснения, откровенно рассказываю Вам, Вы поистине спасли бы меня от величайших неприятностей, если бы смогли переслать моей жене 100 — 200 франков. Уплатить этот долг я, конечно, смогу только после того, как мне удастся урегулировать свои денежные отношения с моими родными.

Если Вы можете исполнить мою просьбу, то я прошу Вас послать деньги по моему старому адресу: г-ну Карлу Марксу, Брюссель, Faubourg Namur, rue d'Orleans, 42. Однако моя жена не должна догадаться по содержанию письма о том, что я писал Вам из Лондона. Позднее я объясню Вам причину.

Я надеюсь, что в следующий раз смогу написать Вам о чем-нибудь более приятном.

Ваш ***К. Маркс***

Впервые опубликовано на русском языке в журнале «Летописи марксизма», кн. 6, 1928 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

1848 год

39

ЭНГЕЛЬС — ЭМИЛЮ БЛАНКУ

В ЛОНДОН

Париж, 26 марта 1848 г.

Дорогой Эмиль!

После славной февральской революции и после так и не начавшейся бельгийской мартовской революции я на прошлой неделе снова приехал сюда. Я написал матери относительно денег, для того чтобы через несколько дней вернуться отсюда в Германию, где мы собираемся снова издавать «Rheinische Zeitung»[*]. Мать очень торопит меня скорее вернуться в Германию, отчасти из-за того, что, по ее мнению, здесь снова дело дойдет до перестрелки и мне при этом тоже может достаться, а отчасти потому, что она вообще хочет, чтобы я вернулся. Но при этом она пишет мне:

«Как мне прислать тебе денег, я, право, не знаю, потому что Фульд несколько дней тому назад известил отца, что он больше не производит операций, и несколько вполне солидных векселей, посланных ему отцом, были возвращены и опротестованы. Итак, напиши мне, как переслать тебе деньги».

Проще всего было бы, если бы ты прислал мне банкнотами 20 фунтов, которые ценятся здесь очень высоко, а мой старик[**] немедленно возместил бы их тебе. Тогда я быстро смогу получить деньги и уехать. В противном случае мне придется просидеть здесь еще с неделю, пока я не получу денег из Бармена или из Энгельскирхена. Итак, я сегодня же напишу в Бармен, чтобы тебе возместили 20 ф. ст., и прошу тебя устроить дело так, как я только что сказал, ибо векселя уже ничего не стоят.

[*] — «Neue Rheinische Zeitung». *Ред.*

[**] — Фридрих Энгельс-старший, отец Энгельса. *Ред.*

Банкноты ты можешь разрезать пополам и одну половину их послать в тот же день по моему адресу — 19-ter, rue de la Victoire, Париж, а другую на следующий день на имя мадемуазель Фелисите Андре, та же улица и тот же номер. Это — во избежание воровства на почте.

Дела идут здесь очень хорошо: буржуа, разбитые 24 февраля и 17 марта, снова подымают голову и страшно ругают республику. Но это приведет только к тому, что вскоре над ними разразится уже совсем иного рода гроза, чем до сих пор. Если эти господа будут продолжать вести себя так нагло, то в скором времени народ повесит кое-кого из них. У них есть сторонники во временном правительстве, в частности за них стоит пустомеля Ламартин, которого тоже скоро схватят за горло. Здешние рабочие — 200—300 тысяч человек — не признают никого, кроме Ледрю-Роллена, и они правы. Он решительнее и радикальнее всех. Флокон тоже очень хорош. Я был несколько раз у него и сейчас опять к нему иду. Это честнейший малый.

С великим крестовым походом для завоевания германской республики, который здесь подготовляется[436], мы не имеем ничего общего.

Передай мой сердечный привет Марии* и малышам и отвечай немедленно.

Тороплюсь.

Твой ***Фридрих***

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т, XXV, 1934 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

40

ЭНГЕЛЬС — ЭМИЛЮ БЛАНКУ

В ЛОНДОН

Париж, 28 марта 1848 г.

Дорогой Эмиль!

Сегодня я получил первые четыре половинки четырех пятифунтовых банкнот и прошу *немедленно* прислать вторые половинки, так как я должен уехать как можно скорее. Очень благодарен тебе за твою готовность быстро помочь мне

* — Марии Бланк. *Ред.*

в нужде. Твоя подписка на «Rheinische Zeitung»* зарегистрирована.

Что касается здешних партий, то здесь имеются, собственно, три крупные партии, не считая мелких партий (легитимистов и бонапартистов, которые занимаются только интригами и являются простыми сектами, не имеющими влияния в народе; часть из них богата, но они никоим образом не могут надеяться на победу). Три эти партии — это, во-первых, побежденные 24 февраля, то есть крупные буржуа, биржевые спекулянты, банкиры, фабриканты и крупные купцы, прежние консерваторы и либералы. Во-вторых, мелкие буржуа, среднее сословие, основная масса национальной гвардии, перешедшая 23 и 24 февраля на сторону народа, «благоразумные радикалы», идущие за Ламартином и газетой «National». В-третьих, народ, парижские рабочие, которые держат теперь в своих руках Париж с помощью вооруженной силы.

Крупные буржуа и рабочие прямо противостоят друг другу. Мелкие буржуа играют посредническую, но очень жалкую роль. Однако во временном правительстве они имеют большинство (Ламартин, Марраст, Дюпон де л'Эр, Мари, Гарнье-Пажес и до некоторой степени Кремьё). Они, а вместе с ними и временное правительство, сильно колеблются. Чем спокойнее обстановка, тем больше правительство и мелкобуржуазная партия склоняются на сторону крупной буржуазии. Чем тревожнее обстановка, тем больше они стараются снова сблизиться с рабочими. Недавно, например, когда буржуа опять настолько обнаглели, что даже затеяли шествие к ратуше отряда национальной гвардии в 8000 человек с протестом против декрета временного правительства, а именно против энергичных мероприятий Ледрю-Роллена, им действительно удалось запугать большинство правительства, и в особенности бесхарактерного Ламартина, так что он публично отмежевался от Ледрю. Но на следующий день, 17 марта, 200000 рабочих отправились к ратуше, выразили Ледрю-Роллену свое безусловное доверие и принудили Ламартина и большинство правительства взять свое решение обратно. Таким образом, в данный момент перевес снова на стороне приверженцев «Reforme» (Ледрю-Роллен, Флокон, Л. Блан, Альбер, Араго). Из всех членов правительства они больше, чем кто-либо другой, представляют интересы рабочих и являются коммунистами, сами того не подозревая. К сожалению, маленький Луи Блан очень компрометирует себя своим тщеславием и своими сумасбродными

* — «Neue Rheinische Zeitung». *Ред.*

планами. Он скоро здорово оскандалится. Зато Ледрю-Роллен ведет себя очень хорошо.

Хуже всего то, что правительство, с одной стороны, вынуждено давать рабочим обещания, а с другой — не может сдержать ни одного из них, так как оно не имеет мужества обеспечить себе необходимые для этого денежные средства с помощью революционных мероприятий, направленных против буржуазии: высоких прогрессивных налогов, налогов на наследство, конфискации собственности всех эмигрантов, запрещения вывоза денег, учреждения государственного банка и т. д. Людям из «Reforme» предоставляют давать обещания, а затем, путем нелепейших консервативных решений, их ставят в такое положение, когда они оказываются не в состоянии выполнить обещанное.

В Национальном собрании прибавился только один новый элемент: крестьяне, составляющие $^{5}/_{7}$ французской нации и стоящие за мелкобуржуазную партию, за «National». Очень вероятно, что эта партия победит, что сторонники «Reforme» падут, и тогда снова произойдет революция. Возможно также, что депутаты, очутившись в Париже, увидят, как обстоят здесь дела, и поймут, что у власти долгое время могут удержаться только сторонники «Reforme». Но это мало вероятно.

Отсрочка выборов на две недели также является победой парижских рабочих над буржуазной партией.

Сторонники «National» — Марраст и компания — очень плохо зарекомендовали себя и в других отношениях. Они живут на широкую ногу и раздобывают для своих друзей дворцы и теплые местечки. Сторонники «Reforme» совсем другие люди. Я раза два был у старика Флокона. Этот человек по-прежнему живет в скверной квартире на пятом этаже, курит обыкновенный дешевый табак из старой глиняной трубки и только купил себе новый халат. Его образ жизни остался таким же республиканским, как и в то время, когда он еще был редактором «Reforme»; он по-прежнему радушен, сердечен и искренен. Это один из самых честных людей, каких я только знаю.

Недавно я обедал в Тюильри, в комнатах принца Жуанвиля со стариком Энбером, который был эмигрантом в Брюсселе, а сейчас — комендант Тюильри. В покоях Луи-Филиппа лежат теперь на коврах раненые и покуривают короткие трубочки. В тронном зале портреты Сульта и Бюжо сорваны со стен и разодраны, а портрет Груши изрезан на куски.

Сейчас мимо нас проходит похоронная процессия, провожающая под звуки «Марсельезы» гроб с телом умершего от ран рабочего. Его сопровождают по крайней мере 10000 национальных гвардейцев и вооруженных граждан, а в качестве

конных национальных гвардейцев за процессией вынуждены следовать молодые щеголи с Шоссе д'Антен. Буржуа вне себя от того, что какому-то рабочему в такой форме отдают последние почести.

Твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXV, 1934 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

41

МАРКС И ЭНГЕЛЬС — АДАЛЬБЕРТУ БОРНШТЕДТУ И ДРУГИМ В ПАРИЖЕ

Г-ну Борнштедту и другим

Париж, 1 апреля 1848 г.
22, rue Neuve Saint Augustin

Копия

В ответ на доставленную сегодня утром Марксу записку гг. Борнштедта и др.[437] заявляется следующее:

1) Маркс совершенно не намерен давать объяснения кому бы то ни было по поводу какой бы то ни было статьи в немецкой газете.

2) Маркс совершенно не намерен давать объяснения комитету или депутации Немецкого демократического общества, с которым он не имеет ничего общего.

3) Если же гг. Борнштедт и Гервег требуют объяснений *лично от своего имени,* а не в качестве членов какого-либо комитета или какого-либо общества, то г-ну Борнштедту уже было сказано — один раз в частной беседе, а другой раз публично, — к кому им следует обратиться.

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXV, 1934 г.

Печатается по копии, написанной рукой Энгельса

Перевод с немецкого

42

МАРКС И ЭНГЕЛЬС — ЭТЬЕННУ КАБЕ В ПАРИЖЕ

Париж, 5 апреля 1848 г.

Дорогой гражданин!

В последние два дня нашего пребывания в Париже мы несколько раз заходили к Вам, но в Вашей редакции всегда было так много народа, что недостаток времени не позволил

нам дождаться нашей очереди. Итак, мы, к сожалению, вынуждены уехать, не повидавшись с Вами последний раз.

Г-н *Эвербек,* который передаст Вам настоящее письмо, взялся доставить нам адрес, по которому мы Вам напишем.

Мы ни минуты не сомневаемся, что скоро сможем сообщить Вам хорошие новости о развитии коммунистического движения в Германии.

Тем временем просим Вас принять уверения в нашем уважении.

Искренне преданные Вам

К. Маркс Ф. Энгельс

Впервые опубликовано на английском языке в журнале «Science and Society», v. IV, № 2, 1940 г.

Печатается по рукописи, написанной Энгельсом

Перевод с французского

На русском языке публикуется впервые

43

ЭНГЕЛЬС — ЭМИЛЮ БЛАНКУ

В ЛОНДОН

Бармен, 15 апреля 1848 г.

Дорогой Эмиль!

Я благополучно добрался сюда. Весь Бармен ждет, что я буду делать. Думают, что я сейчас же провозглашу республику. Филистеры дрожат в безотчетном страхе, сами не зная, чего они боятся. Во всяком случае, полагают, что с моим приездом многое быстро разрешится. К. и А. Э[рменов] явно в дрожь бросило, когда я сегодня появился в их конторе. Конечно, я ни во что не вмешиваюсь, а спокойно выжидаю событий.

Паника здесь неописуемая. Буржуа требуют доверия, но доверия больше нет и в помине. Большинство, по их собственным словам, борется за существование. Но от этого рабочие сыты не будут, и время от времени они понемногу бунтуют. Здесь господствует всеобщее разложение, разорение, анархия, отчаяние, страх, ярость, конституционный энтузиазм, ненависть к республике и т. д., и поистине в данный момент самые богатые измучены и запуганы больше всех. При этом все преувеличивают, лгут, бранятся, неистовствуют до такой степени,

что можно с ума сойти. Самый спокойный бюргер впал в настоящее бешенство.

Но по-настоящему они удивятся, когда примутся за дело чартисты. Демонстрация[438] — это еще пустяки. Мой друг *Дж. Джулиан Гарни* (перешли ему прилагаемое письмо по адресу 9, *Queenstreet, Бромптон)* через два месяца будет на месте Пальмерстона. Об этом я готов побиться с тобой об заклад на два пенса и вообще на любую сумму.

У твоей и моей матери все благополучно. Ждут твоего брата Герм[ана], Анна находится в Хамме. Передай привет Марии* и детям. До свидания.

Твой ***Ф.***

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXV, 1934 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

44

ЭНГЕЛЬС — ЭМИЛЮ БЛАНКУ

В ЛОНДОН

Кёльн, 24 мая 1848 г.
14, Hohle

Дорогой Эмиль!

В прошлую субботу я приехал сюда, в Кёльн. «Rheinische Zeitung»** начнет выходить с 1 июня. Но для того, чтобы не наткнуться сразу же на затруднения, мы должны предварительно сделать в Лондоне кое-какие приготовления, которые мы намерены возложить на тебя, так как у нас нет там никого другого.

1) Устрой нам у какого-нибудь газетного агента подписку — со дня получения настоящего письма до 1 июля — на «Telegraph» (ежедневную газету) и еженедельник «Economist». Пусть газетный агент (адрес его ты можешь сообщить нам, чтобы мы впоследствии больше тебя не беспокоили) посылает нам эти издания ежедневно в одном пакете или бандеролью, как обычно пересылают газеты, и адресует их: г-ну В. Клоуту, St.-Agatha, 12, Кёльн, через Остенде.

* — Марии Бланк. *Ред.*
** — «Neue Rheinische Zeitung». *Ред.*

2) Отправь, пожалуйста, по назначению прилагаемые письма.

3) Уплати за подписку на обе газеты, пересылку этого письма и т. д.; счет за расходы немедленно пошли в экспедицию «Neue Rheinische Zeitung», St.-Agatha, 12, Кёльн, и укажи, кому уплатить эту сумму. Это будет немедленно сделано. —

Капитал, необходимый для издания газеты, собран. Все идет хорошо, остановка только за газетами, и тогда мы сможем начать. «Times» мы уже получаем, и на первый месяц из английских органов печати нам нужны только два вышеупомянутых. Если ты случайно наткнешься в какой-нибудь другой газете на что-либо, заслуживающее внимания, и пришлешь нам это,мы будем очень рады. Все расходы, разумеется, будут немедленно возмещены. Желательно получать также газеты, дающие подробные сведения о торговле, экономическом положении и т. д. Напиши мне, какие газеты сейчас выходят в Лондоне, чтобы мы были в курсе дела.

Марию я, конечно, не видел, так как мне пришлось уехать до ее приезда. Но я как-нибудь съезжу туда, после того как дело наладится. Между прочим, Бармен скучнее, чем когда-либо, и охвачен всеобщей ненавистью к той жалкой свободе, которой там пользуются. Эти ослы считают, что весь мир существует только для того, чтобы они могли выколачивать хорошие прибыли, а так как сейчас это не выходит, то они и кричат во всю глотку. Если они хотят свободы, то должны заплатить за нее. Ведь французам и англичанам также пришлось расплачиваться, но в Бармене думают, что они все должны получить даром. Здесь дело обстоит несколько лучше, но не на много. Пруссаки все еще ведут себя по-старому, поляков клеймят ляписом, и в тот момент, когда я пишу эти строки, *пруссаки бомбардируют Майнц* из-за того, что гражданская гвардия арестовала нескольких пьяных бесчинствовавших солдат. Суверенное Национальное собрание во Франкфурте слышит стрельбу, но его это, по-видимому, нисколько не трогает. В Берлине Кампгаузен бездействует, а реакция, чиновничество и дворянская клика наглеют с каждым днем, раздражают народ; народ бунтует, и бессилие и трусость Кампгаузена прямым путем ведут нас к новым революциям. Так выглядит сейчас Германия!

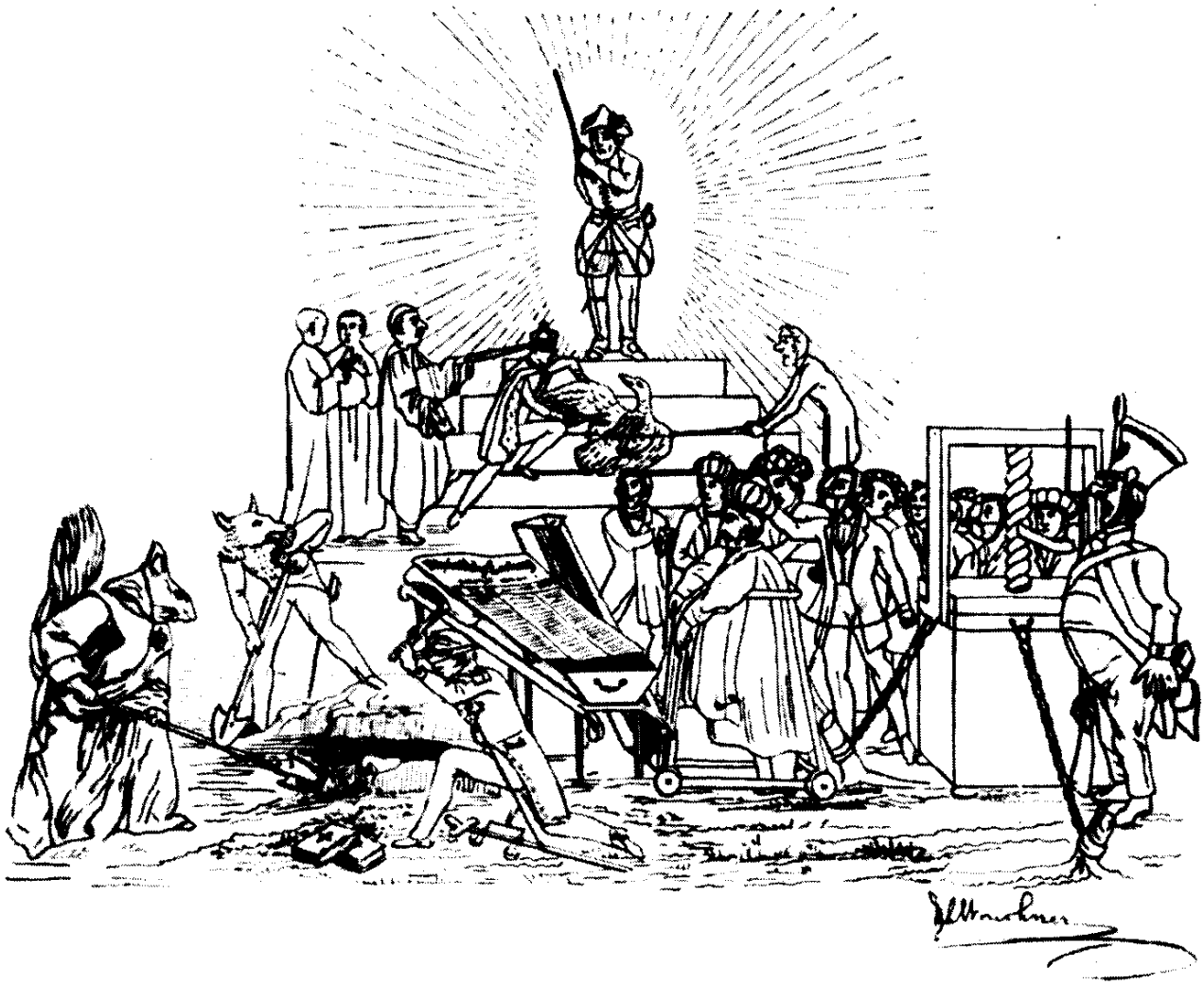
Прощай.

Твой ***Ф. Э.***

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXV, 1934 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого



Похороны «Rheinische Zeitung»

(Современная карикатура)[439]

Карикатура Ф. Энгельса
на прусского короля Фридриха-Вильгельма IV
1848 г.

45

ЭНГЕЛЬС — КАРЛУ ФРИДРИХУ КЁППЕНУ

В БЕРЛИН

Кёльн, 1 сентября 1848 г.

Дорогой Кёппен!

Возвращаю при сем обратно Вашу статью. Я послал бы ее и раньше, но Ваш адрес затерялся в суматохе переезда[440] и благодаря множеству связанных с этим дел.

Маркс, вероятно, уже говорил Вам, что во время «бессонной ночи изгнания» мы очень часто вспоминали о Вас. Уверяю Вас, что из берлинцев Вы единственный, о котором мы вспоминали с удовольствием. А все-таки она была хороша, эта «бессонная ночь изгнания», и я с тоской вспоминаю о ней на фоне этою скучного филистерского фарса, который называется немецкой революцией! Но надо уметь приносить жертвы дорогому отечеству, и самая большая жертва заключается в том, что приходится возвратиться в это отечество и писать передовицы для этой тупоголовой публики. Будьте здоровы!

Ваш ***Ф. Энгельс***

Впервые опубликовано на французском языке в газете «L'Humanite» № 6093, 28 августа 1920 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

46

МАРКС — ЭДУАРДУ МЮЛЛЕРУ-ТЕЛЛЕРИНГУ

В ВЕНУ

[Кёльн, 5 декабря 1848 г.]

Дорогой Теллеринг!

Вы бы уже получили номера*, которых Вам не хватает, но большинства из них у нас нет. Я все еще стараюсь поэтому раздобыть для Вас недостающие экземпляры.

Что касается Вашего фельетона, то я прошу извинить меня за то, что вследствие чрезмерной перегруженности работой до сих пор не прочел его. Если он не подойдет для нашей газеты, Вы получите его обратно.

* — «Neue Rheinische Zeitung». *Ред.*

Что касается *адресов,* то все Ваши письма дошли. Осторожности ради пишите на имя *г-на Верреса, Unter Huthmacher, 17.* Этот адрес не внушает никаких подозрений.

Наша газета в настоящее время не имеет ни гроша. Но подписчики...* Эти ослы наконец поняли, что наши предсказания всегда правильны; если правительство не прихлопнет нас, то в начале января мы выберемся из нынешнего положения, и я сделаю тогда все возможное, чтобы оплатить Вашу работу. Ваши корреспонденции, бесспорно, лучшие из всех, какие мы получаем; они вполне соответствуют нашему направлению, и так как из нашей газеты они попадают во французские, итальянские и английские газеты, то Вы немало сделали для просвещения европейской публики.

Я не могу Вам описать, какие денежные жертвы я должен был приносить и какое терпение мне пришлось проявить, чтобы сохранить газету. Немцы — безмозглые дураки.

Передайте от меня сердечный привет Вашей жене и примите уверение в моей неизменной дружбе.

Ваш

Впервые опубликовано в газете «Volksstimme» № 247, 22 октября 1897 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

47

ЭНГЕЛЬС — СОЮЗУ В ВЕВЕ

ОТ ИМЕНИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОМИССИИ РАБОЧИХ СОЮЗОВ ШВЕЙЦАРИИ [441]

Берн, [около 25] декабря 1848 г.

Союзу в Веве

Друзья, братья!

От имени избранной конгрессом Центральной комиссии мы отвечаем на ваше письмо от 7 декабря[442]. Так как конгресс уже наметил основные принципы объединения различных союзов, то мы не станем останавливаться на ваших упреках цюрихскому союзу[443] и прямо перейдем к ответу на различные пункты вашего письма, которые касаются создаваемого централизованного объединения.

Прежде всего вы требуете, чтобы голосование отдельных союзов, осуществленное только в письменной форме, также при-

* Одно слово текста не расшифровано. В газете «Volksstimme» здесь стоит в скобках и с вопросительным знаком слово «traumen» [мечтают). *Ред.*

нималось во внимание конгрессом; при этом вы ссылаетесь на демократический принцип. Конгресс обсудил этот вопрос и взвесил приведенные вами доводы, но решил, что с ними нельзя согласиться, ибо в таком случае вообще не нужен никакой конгресс, и союзам достаточно лишь посылать письма в Центральную комиссию, которая затем могла бы подсчитать голоса и объявить результаты. В этом, приблизительно, и заключался оказавшийся никуда не годным способ связи между союзами, существовавший до сих пор. Между тем конгрессу без труда удалось упорядочить это дело в течение нескольких дней, и именно потому, что за несколько часов устного обсуждения можно добиться большего и легче прийти к соглашению, чем в результате многолетней переписки. Те союзы, которые не посылают делегатов, не могут принять участия в *работе* конгресса, они не могут услышать, какие доводы приводятся за и против, а так как именно эти доводы в конце концов определяют исход голосования, то они, разумеется, не могут и голосовать. В противном случае невозможно было бы когда-либо добиться большинства. Хотя вы и думаете, что это не демократично, однако мы считаем, что ни в одном демократическом государстве на свете не согласились бы с вашим мнением по этому вопросу, а поддержали бы нас: в Америке, в Швейцарии, во Франции, а также и во всех других ранее существовавших демократиях всегда придерживались того принципа, что те, кто не посылают делегатов, не могут и принимать участия в голосовании. Впрочем, конгресс, взяв на себя все расходы, связанные с присылкой делегатов, позаботился о том, чтобы впредь каждый союз смог посылать своего представителя. И на этом конгрессе вы, пожалуй, могли бы быть представлены; лозаннский союз, у которого тоже не было средств на посылку делегата, назначил своим представителем гражданина, находящегося в Берне, и послал ему инструкции[444].

Конечно, прискорбно, что в Швейцарии до сих пор наблюдалось так мало единства между союзами; достойно сожаления также и то, что было выдвинуто так много противоречивых предложений относительно центрального союза. Именно поэтому предложение цюрихского союза о созыве конгресса и было очень хорошей мыслью. Предварительный устав, выработанный этим союзом, разумеется, являлся только проектом, который должен был быть утвержден конгрессом и который, как вы увидите из прилагаемой копии протоколов, претерпел значительные изменения. Однако теперь, когда в результате совещания представителей 10 различных союзов по крайней мере положено начало, — теперь очень желательно, чтобы

союзы, не представленные на конгрессе, присоединились к создающемуся централизованному объединению и пошли на уступки, подобно тому как почти все союзы, пославшие своих представителей, в том или ином пункте отступили от своей точки зрения и подчинились решениям большинства. Без взаимных уступок мы никогда ничего не добьемся.

Ваше предложение объявить центральным союзом Военный союз «Помогай себе сам»[445] подверглось очень серьезному обсуждению, но было отклонено. Военный союз «Помогай себе сам» является организацией, запрещенной по здешним законам (закон о волонтерах), и поэтому, если бы другие *союзы* присоединились к нему *как таковые,* им также угрожал бы роспуск с конфискацией имущества. Далее, Военный союз намерен взять на себя только военную сторону организации и не считает своей обязанностью представлять союзы в вопросах социально-демократической пропаганды и переписки с Германией. Берлинский Центральный комитет и Рабочий комитет в Лейпциге[446] не рискнули бы вступить в переписку с Военным союзом даже по безобидным вопросам, так как это означало бы подвергнуться опасности роспуска и ареста; и, в свою очередь, Военный союз не мог бы вести регулярную переписку с этими комитетами, ибо тем самым он навлек бы на себя самые ожесточенные преследования со стороны швейцарских властей. Мы же прежде всего стремимся к централизованному объединению, которое не давало бы властям никакого предлога для новых преследований эмигрантов, к которому нельзя было бы придраться и которое именно поэтому в состоянии выполнить стоящие перед ним задачи. Да и депутат от Биля* был того же мнения и высказался против передачи функций центрального союза правлению Военного союза. Однако за всеми, разумеется, сохраняется право присоединиться к Военному союзу. Желательно лишь, чтобы не присоединялись *союзы как таковые,* дабы в случае новых преследований пострадали не союзы, а лишь отдельные лица.

Ответив таким образом по порядку на затронутые в вашем письме вопросы, мы отсылаем вас в отношении всех остальных решений конгресса к прилагаемым протоколам и призываем вас от имени и по поручению конгресса присоединиться к основанному объединению немецких союзов и сообщить нам как можно быстрее об этом вашем решении.

Мы еще раз советуем вам: уступите во второстепенных вопросах, дабы спасти главное, так же как это сделали и будут

* — Штандау. *Ред.*

делать другие. Присоединяйтесь к ядру объединения, основанного рядом союзов ценой немалой затраты средств и времени. Из этого может выйти что-нибудь путное только в том случае, если все мы будем держаться сплоченно, забудем о том, что произошло, и не допустим разрыва из-за незначительных расхождений!

Привет и братство.

По поручению конгресса

Центральная комиссия

Наш адрес:

г-ну Н. Бергеру.

Берн, Kafichgaslein Nr. 109.

Впервые опубликовано в журнале «Beitrage zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», H. 4, 1960 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке впервые опубликовано в журнале «Новая и новейшая история» № 6, 1960 г.

48

МАРКС — ПОЛИЦЕЙСКОМУ СОВЕТНИКУ ВИЛЬГЕЛЬМУ ШТИБЕРУ В БЕРЛИН

[Черновик]

[Кёльн, около 29 декабря 1848 г.]

Редакция получила Ваше письмо[447] и помещает присланную из Франкфурта поправку. Что касается Вашей угрозы возбудить иск о клевете, то она свидетельствует лишь о Вашем незнании Code penal[448], ибо заключающийся в нем параграф о клевете не подходит к помещенной в номере 177 корреспонденции. Для Вашего успокоения сообщаем, что эта корреспонденция была послана нам одним из франкфуртских депутатов* прежде, чем «Neue Preussische Zeitung» поместила аналогичное сообщение. Мы считали, что Ваша прежняя деятельность в Силезии не опровергает содержания вышеуказанной корреспонденции, хотя, с другой стороны, нам казалось странным, что Вы променяли Ваше более доходное и более почетное положение в Берлине на другое, ненадежное и двусмысленное, хотя и *легальное.*

Что касается Ваших заверений относительно Вашей деятельности в Силезии, то мы постараемся предоставить в Ваше

* По-видимому, Шлёффелем. *Ред.*

распоряжение соответствующий материал — publice или privatim*, как Вам будет угодно.

Содержащиеся в Вашем письме нравоучения относительно демократии и демократических органов печати мы извиняем ввиду новизны для Вас этих вещей.

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXV, 1934 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

49

ЭНГЕЛЬС — ПРАВЛЕНИЮ МАРТОВСКОГО СОЮЗА ВО ФРАНКФУРТЕ-НА-МАЙНЕ [449]

ОТ ИМЕНИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОМИССИИ РАБОЧИХ СОЮЗОВ ШВЕЙЦАРИИ

Берн, декабрь 1848 г.

Правлению Мартовского союза во Франкфурте-на-Майне

Граждане!

Здесь, в Берне 9-го, 10-го и 11-го с. м. состоялся конгресс немецких союзов в Швейцарии, на котором было создано постоянное объединение этих союзов и решено считать бернский союз[450] окружным союзом.

Нижеподписавшаяся Центральная комиссия настоящим ставит вас в известность о создании этого объединения.

Далее, комиссия сообщает вам, что конгресс постановил вступить в переписку с Мартовским союзом. Более тесное сотрудничество с последним представляется невозможным в силу статьи 1 нашего общего устава, согласно которой швейцарские союзы решительно высказываются в пользу демократической социальной республики[451].

Нам поручено, далее, сообщить вам, что конгресс решительно осудил меры, принятые имперской центральной властью Против Швейцарии[452]. Эти столь же несправедливые, сколь смехотворные меры не только компрометируют Германию в глазах всей Европы, — они представляют особенный вред для нас, немецких рабочих в Швейцарии, так как подвергают опасности наше материальное положение и ставят нас, немецких демократов, в ложное положение по отношению к нашим друзьям, демократам Швейцарии.

* — публично или в частном порядке. *Ред.*

Мы надеемся, что кто-либо из депутатов — членов Мартовского союза при ближайшем удобном случае сообщит так называемому Национальному собранию[453] эту официальную точку зрения немецких рабочих в Швейцарии. Ждем от вас материалов и писем. Привет и братство.

Центральная комиссия
немецких рабочих союзов Швейцарии

[Надпись на обороте письма]

Г-ну Трюцшлеру, депутату во Франкфурте-на-Майне.

Впервые опубликовано в журнале «Beitrage zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung». H. 4, 1960 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке впервые опубликовано в журнале «Новая и новейшая история» № 6, 1960 г.

1849 год

50

МАРКС — ЭДУАРДУ МЮЛЛЕРУ-ТЕЛЛЕРИНГУ

В РАТИБОР

Кёльн, 15 января [1849 г.]

Дорогой Теллеринг!

Вы всегда неправильно рассчитываете дни доставки почты, так как предполагаете, что почта из Австрии и Берлина приходит сюда аккуратно, а она всегда запаздывает на один — два дня и приходит весьма неаккуратно. Ваше первое письмо из Вены я получил 10-го вечером. 11-го я немедленно написал в *Одерберг* до востребования со вложением 50 талеров банковыми билетами. Следовательно, Вам во всяком случае придется вернуться в Одерберг, чтобы получить эти деньги.

Газеты Вы получите, если, по возвращении из Одерберга, немедленно сообщите мне, где Вы решили искать временный приют.

Я надеюсь, что, вопреки злой воле Гейгера, Ваши паспортные дела удастся, наконец, уладить в два — три дня. Но Вы должны мне также сообщить, куда берлинский друг должен отправить Вам паспорт.

Если Вам необходимо избегать пребывания, в Вене, что принесло бы газете[*] *невозместимый урон,* — и в таком случае Вы должны найти себе заместителя для ежедневных корреспонденций, — то Бреславль[**] представляется мне наиболее подходящим для Вас местом пребывания. Я очень часто с грустью думаю о Вашей жене, которая заслуживает более спокойной участи.

[*] — «Neue Rheinische Zeitung». *Ред.*

[**] Польское название: Вроцлав. *Ред.*

Посылаю Вам при сем один номер «Neue Rheinische Zeitung», который — из-за передовой статьи о мадьярах[*], — надеюсь, представит для Вас интерес.

Напишите как можно скорее. Во Франции весной снова начнется свистопляска. Бесчестная буржуазная республика слишком быстро дошла до «расцвета своих грехов».

Ваш ***К. Маркс***

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXIX, 1946 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

51
МАРКС — ЭРНСТУ ДРОНКЕ
В ПАРИЖ

Кёльн, 3 февраля [1849 г.]

Дорогой Дронке!

На твое письмо, о котором сообщил мне Энгельс, отвечаю вкратце следующее:

1) Относительно твоего приезда. Я тебе написал: «не приезжай в Германию до тех пор, пока я тебе не напишу», — когда *Кратц* заявил мне, что твое дело еще не выяснилось.

2) Позднее я писал Каппу, а не тебе, потому что Капп осаждал меня угрожающими письмами. Распоряжения, данного мною Каппу, Корф не выполнил. Еще до этого на собрании акционеров я заявил, что либо Корф, либо я должны уйти из газеты[**]. Кроме того, *Пласман* как раз *в это время* наложил новый арест на переводимые по почте деньги, и газета ежедневно была на волосок от банкротства, что признал и сам Энгельс, когда он прибыл сюда[454].

3) Что касается истории с Мейербером, то о ней я *решительно ничего* не знаю. Ты понимаешь, что при таком положении, когда наборщики ежедневно устраивали нам бунты из-за нескольких талеров, я не пренебрег бы 150 талерами.

4) Что касается моего письма по поводу Каппа, то я был прав. В самый тяжелый момент Капп грозил выступить с публичными нападками. Если ты представишь себя в *нашем* тогдашнем положении, ты поймешь мой гнев. Что касается комментариев Веерта (которые, впрочем, относились *не к тебе,*

[*] *Ф. Энгельс.* «Борьба в Венгрии». *Ред.*
[**] — «Neue Rheinische Zeitung». *Ред.*

а к *Имандту,* который сюда беспрерывно писал), то они стали мне известны только теперь.

5) Что касается 25 талеров, посланных *14 января,* то они в присутствии свидетелей были тебе посланы по адресу Эвербека. Здешняя почта завтра представит по этому поводу объяснения. Обрати внимание на то, что *Капп* в это же время получил от меня 15 талеров.

6) Что касается неполучения от меня ответов, то Лупус* может подтвердить, что я писал тебе очень часто.

7) Если я однажды написал тебе в раздраженном тоне, то это произошло по следующим причинам: а) потому что у меня были величайшие затруднения с газетой и на меня набрасывались все ее корреспонденты и кредиторы, б) потому что *Имандт* в письме к Фрейлигграту уверял, что ты, Капп и пр. без конца ругаете меня, а благородный Бёйст, — если я не ошибаюсь, *Бёйст* (в точности я не знаю), — посылал такие же письма.

Через несколько дней газета либо *погибнет,* либо *укрепится,* и тогда мы немедленно пошлем тебе еще денег. Сейчас у нас их *совершенно* нет. Историю же с 25 талерами необходимо выяснить.

Что я все время считал тебя одним из редакторов газеты, видно как из нового объявления, появившегося в различных газетах, так и из того, что я поместил твою статью о высылке франкфуртского эмигранта с пометкой «Кёльн»[455].

Твой ***Маркс***

[Приписка В. Вольфа]

Со всем сказанным вполне согласен.

Твой ***Лупус***

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXV, 1934 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

52

ЭНГЕЛЬС — ДАНИЕЛЮ ФЕННЕРУ ФОН ФЕННЕБЕРГУ

Кёльн, 1 марта 1849 г.

Милостивый государь!

Я ответил бы Вам гораздо раньше, если бы мне не пришлось предварительно опросить в связи с Вашим делом различных лиц. Я считаю, что Вам здесь не стоит выступать публично:

* — Вильгельм Вольф. *Ред.*

здешний полицейдиректор из желания выслужиться способен на все, в чем мы убедились еще сегодня на примере одного польского эмигранта, высланного отсюда без всяких оснований. Я бы посоветовал Вам, далее, так как Ваш паспорт не *совсем безупречен,* выбрать лучше любую другую дорогу на Париж, только не ту, которая проходит через Кёльн и Брюссель. Через Кёльн Вы проедете, но на бельгийской границе Вы, без сомнения, будете арестованы и в арестантской карете препровождены, возможно лишь после многодневного тюремного заключения, к французской границе. Мне самому пришлось испытать подобное 5 месяцев тому назад[456], и ежедневно мы получаем новые сообщения о таких позорных поступках бельгийцев по отношению к эмигрантам. Вы даже рискуете, что эти канальи отнимут у Вас, как у эмигранта фон Хохштеттера, все деньги, и Вы не получите назад ни гроша.

Если я могу быть Вам полезен в чем-нибудь другом, то сделаю это с удовольствием.

Преданный Вам ***Ф. Энгельс***

Публикуется впервые *Печатается по рукописи.*
Перевод с немецкого

53
МАРКС — ПОЛКОВНИКУ ЭНГЕЛЬСУ В КЁЛЬНЕ

[Черновик]

Кёльн, 3 марта [1849 г.]

Г-ну полковнику и второму коменданту Энгельсу

Милостивый государь!

Третьего дня ко мне на квартиру явились два унтер-офицера 8-й роты 16-го пехотного полка, чтобы поговорить со мной лично. Я был в Дюссельдорфе, поэтому их не приняли. Вчера во второй половине дня оба эти господина снова явились и потребовали личной беседы со мной.

Я попросил их войти в комнату и тотчас же последовал за ними. Я предложил этим господам сесть и спросил, что им угодно. Они заявили, что хотят знать имя автора заметки в № 233 «Neue Rheinische Zeitung» от 28 февраля против г-на капитана фон Уттенхофена[457]. Я ответил этим господам: 1) что упомянутая заметка меня не касается, потому что она помещена под чертой и, таким образом, считается объявлением; 2) что они

могут бесплатно поместить возражение; 3) что они могут подать в суд на газету. В ответ на их замечание, что вся 8-я рота чувствует себя оскорбленной этим объявлением, я возразил, что только подписи всех членов 8-й роты могут меня убедить в правильности этого заявления, которое, впрочем, не имеет никакого значения.

Тогда господа унтер-офицеры заявили мне, что если я не назову имени «этого человека», не «выдам» им его, то они «больше не смогут сдерживать своих людей», и дело может «кончиться плохо».

Я ответил этим господам, что угрозами и запугиванием они меньше всего смогут добиться от меня чего-нибудь. После этого они удалились, бормоча что-то сквозь зубы.

Далеко же зашло ослабление дисциплины и совсем, должно быть, исчезло понимание законного порядка, если роты, подобно шайкам разбойников, отправляют делегатов к отдельным гражданам, чтобы посредством угроз вынудить у них то или другое признание! В особенности мне непонятно значение фразы: «Мы больше не сможем сдерживать своих людей». Разве эти «люди» имеют свою собственную юрисдикцию, разве у этих «людей» есть еще и другие способы защиты, кроме законных?

Прошу Вас, г-н полковник, произвести расследование этого происшествия и разъяснить мне это странное требование. Мне бы не хотелось быть вынужденным прибегнуть к гласности.

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXV. 1934 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

54

МАРКС — ПОЛКОВНИКУ ЭНГЕЛЬСУ В КЁЛЬНЕ

[Черновик]

[Кёльн, около 5 марта 1849 г.]

Г-ну полковнику и коменданту Энгельсу

Милостивый государь!

Уверенный в том, что королевско-прусские унтер-офицеры не станут отрицать слов, сказанных ими без свидетелей, я не привлек *никаких свидетелей* к упомянутой беседе[*]. Что касается

[*] В рукописи далее зачеркнуто: «хотя случайно как раз в это время в моей квартире находился один из редакторов «Neue Rheinische Zeitung»». *Ред.*

моего мнимого заявления, будто *«суды ничего не могут поделать со мной, в чем не так давно можно было убедиться»,* то даже мои политические противники согласятся, что если бы у меня и возникла такая глупая мысль, то я бы не высказал ее третьим лицам. И затем, ведь я им разъяснил, — разве господа унтер-офицеры сами не признают этого, — что напечатанное *под чертой* меня совершенно не касается, что я вообще отвечаю лишь за ту часть газеты, которую подписываю? Стало быть, не было даже повода говорить о *моем* положении по отношению к судам.

Я тем охотнее отказываюсь от требования дальнейшего расследования, что меня интересовал не вопрос о наказании господ унтер-офицеров, а только то, чтобы они услышали из уст своих командиров напоминание о пределах их функций.

Что касается Вашего любезного заключительного замечания, то «Neue Rheinische Zeitung» своим молчанием об имевших место в последнее время трениях среди самих военных показала, насколько она считается с нынешним возбужденным состоянием умов.

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXV, 1934 г.

Печатается т рукописи

Перевод с немецкого

55

МАРКС — ИОСИФУ ВЕЙДЕМЕЙЕРУ [458] ВО ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

[Бинген, 1 июня 1849 г.]

Дорогой Вейдемейер!

От *своего* имени и от имени *Фрейлиграта* я прошу тебя привлечь к суду издателя, перепечатавшего стихотворение Фрейлиграта, и потребовать возмещения убытков.

Моим главным поверенным в делах является *Ст. А. Наут* в Кёльне, которому прошу тебя написать об этом деле.

Vale faveque*.

К. Маркс

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXV, 1934 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

* — Будь здоров и ко мне благосклонен. *Ред.*

56

МАРКС — ИОСИФУ ВЕЙДЕМЕЙЕРУ

ВО ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Париж, 13 июля [1849 г.]
45, Rue de Lille
Адресовать г-ну Рамбо

Дорогой Вейдемейер!

Дронке, надо полагать, уже написал тебе, что ты должен сбыть красные экземпляры газеты[459] за любую цену.

Я сижу здесь со своей семьей без гроша. И все же мне представился случай, благодаря которому я за несколько недель мог бы заработать 3000— 4000 франков. Дело в том, что моя брошюра против Прудона*, которой последний старался всяческими средствами не дать хода, начинает иметь здесь успех, и от меня зависит протащить рецензии о ней в важнейшие газеты, так, чтобы оказалось необходимым второе издание. Но для того чтобы это принесло мне выгоду, следовало бы скупить все имеющиеся еще в Брюсселе и Париже экземпляры, чтобы сделаться их единственным владельцем.

Имея 300 — 400 талеров, я мог бы произвести эту операцию и в то же время продержаться здесь первое время. Ты мог бы, пожалуй, оказать мне в этом содействие следующим образом.

Одна дама в Реда, с которой связан также и Люнинг, послала в свое время 1000 талеров Карлу Посту для «Neue Rheinische Zeitung», однако взяла их обратно, когда эта газета погибла. Нельзя ли было бы побудить ее через твое посредство выдать эту ссуду? Я считаю себя тем более вправе на такую помощь, что я вложил в «Neue Rheinische Zeitung», которая ведь была партийным предприятием, свыше 7000 талеров.

Если можешь, займись этим делом, не сообщая о нем, однако, другим. Скажу тебе одно: если я не получу откуда-нибудь помощи, я погиб, так как здесь находится и моя семья, и последняя драгоценность моей жены уже отправилась в ломбард.

Ожидаю немедленного ответа.

Твой ***К. Маркс***

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., то. XXV, 1934 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

* *К. Маркс.* «Нищета философии». *Ред.*

57

ЭНГЕЛЬС — ЖЕННИ МАРКС

В ПАРИЖ

Веве, кантон Во, 25 июля 1849 г.

Дорогая г-жа Маркс!

И Вы и Маркс, вероятно, удивляетесь, что я так долго не подавал о себе вестей. Вот причины этого. В тот самый день, когда я написал Марксу (из Кайзерслаутерна), пришло известие, что Хомбург занят пруссаками и, таким образом, сообщение с Парижем прервано. Отослать письмо было уже невозможно, и я отправился к Виллиху. В Кайзерслаутерне я держался в стороне от всякого участия в так называемой революции[460]; но когда явились пруссаки, я не смог воспротивиться соблазну принять участие в военных действиях. Единственным офицером, который чего-либо стоил, был Виллих, — поэтому я пошел к нему и сделался его адъютантом. Я участвовал в четырех сражениях, из которых два — особенно при Раштатте[461] — были довольно серьезными. Я убедился, что хваленое мужество в атаке — самое заурядное качество, которым может обладать человек. Свист пуль — сущие пустяки, и, хотя мне пришлось наблюдать немало трусости, я за всю кампанию не видел и дюжины людей, которые держали бы себя трусливо *в бою*. Зато сколько «храброй глупости»! Так или иначе, я счастливо миновал все опасности, и в конце концов хорошо, что один из сотрудников «Neue Rheinische Zeitung» принимал участие в боях, потому что вся демократическая сволочь была в Бадене и в Пфальце и теперь хвастается подвигами, которых она не совершала. Опять поднялся бы крик, что господа из «Neue Rheinische Zeitung» чересчур трусливы, чтобы сражаться. Однако из всех господ демократов никто не принимал участия в боях, кроме меня и Кинкеля. Последний записался в наш отряд стрелком и держался неплохо. В первом же бою, в котором ему пришлось участвовать, он был легко ранен в голову и попал в плен.

После того как наш отряд прикрыл отступление баденской армии, мы перешли в Швейцарию на сутки позже всех остальных и вчера прибыли сюда, в Веве[462]. Во время кампании и пока мы шли по Швейцарии, у меня не было никакой возможности написать ни строчки. Зато теперь я спешу подать весть о себе и скорее написать Вам, тем более, что где-то в Бадене я слышал, будто Маркс арестован в Париже. Мы совершенно не видели газет и потому ничего не смогли узнать. Я так

и не смог проверить, правда это или нет. Вы представляете себе поэтому, как я встревожен; я очень прошу Вас как можно скорее успокоить меня, сообщив о судьбе Маркса. Я не слышал, чтобы слух об аресте Маркса подтвердился, а потому все еще надеюсь, что это неправда. Однако я почти не сомневаюсь в том, что Дронке и Шаппер сидят. Итак, если Маркс еще на свободе, перешлите ему, пожалуйста, это письмо и попросите его немедленно мне ответить. Если в Париже он не чувствует себя в безопасности, то здесь, в кантоне Во, он мог бы жить вполне спокойно. Само правительство называет себя красным и объявляет себя сторонником непрерывной революции. То же самое в Женеве. Там находится Шили из Трира, который был одним из командиров в майнцском отряде.

Как только я получу из дома немного денег, я направлюсь, вероятно, в Лозанну или в Женеву и там решу, как дальше быть. Наш отряд, который храбро сражался, надоел мне, и делать мне здесь нечего. Виллих в бою храбр, хладнокровен, он действует умело, быстро и правильно ориентируется в обстановке, но вне сражения это — более или менее скучный идеолог[463] и «истинный социалист». Большая часть людей из отряда, с которыми можно было поговорить, разбрелась в разные стороны.

Если бы только у меня была уверенность, что Маркс на свободе! Я часто думал о том, что под прусскими пулями я подвергался гораздо меньшей опасности, чем наши в Германии и, в особенности, Маркс в Париже. Избавьте же меня скорее от этой неизвестности.

Ваш ***Энгельс***

Адрес: Ф. Энгельсу, немецкому эмигранту, Веве, Швейцария. (Если можно — в конверте до Тионвиля или Меца.)

Впервые опубликовано в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

58

МАРКС — ФЕРДИНАНДУ ФРЕЙЛИГРАТУ [464]

В КЁЛЬН

[Париж], 31 июля [1849 г.]

Дорогой Фрейлиграт!

Должен тебе признаться, что поведение Л[ассаля] очень меня удивляет. Я обратился лично к нему, а так как я когда-то

сам одолжил графине* деньги, и с другой стороны, знаю, как Л[ассаль] ко мне расположен, то я никак не мог ожидать, что буду так скомпрометирован. Наоборот, я просил его всячески избегать огласки. Я предпочитаю жесточайшую нужду публичному попрошайничеству. Я ему написал по этому поводу.

Вся эта история злит меня невыразимо.

Поговорим о политике — это отвлекает от всяких личных дрязг. В Швейцарии положение все осложняется, а теперь со стороны Италии прибавляется еще вопрос о Савойе. По-видимому, Австрия, в крайнем случае, намерена вознаградить себя за свои неудачи в Венгрии за счет Италии. Между тем, включение Савойи в состав Австрии сломило бы шею нынешнему французскому правительству, если бы оно это допустило. Большинство во французской палате находится в процессе явного разложения. Правые распадаются на чистых филиппистов**, легитимистов, голосующих с филиппистами, и чистых легитимистов, которые за последние дни голосовали с левыми. План Тьера и К° состоит в том, чтобы сделать Луи-Наполеона консулом на десять лет, до совершеннолетия графа Парижского, который тогда его сменит. Если Собрание — что почти несомненно — снова введет налог на напитки, оно восстановит против себя всех виноделов. Каждое из его реакционных мероприятий будет отталкивать от него новую часть населения.

Но основное в настоящий момент — это Англия. Не надо обманываться насчет так называемой партии мира, признанным вождем которой является Кобден. Не надо обманываться также и насчет «бескорыстного энтузиазма» по отношению к венграм, с которым англичане организовали митинги по всей стране.

Партия мира — это лишь *замаскированная фритредерская партия:* то же содержание, та же цель, те же вожди. Подобно тому как фритредеры атаковали аристократию внутри страны, разрушая ее материальную основу отменой хлебных законов и навигационного акта, так теперь они атакуют ее по линии ее внешней политики, ее европейских связей, пытаясь разрушить Священный союз. Английские фритредеры — это радикальные буржуа, которые хотят радикально порвать с аристократией, чтобы неограниченно властвовать. Они только упускают из виду, что таким образом они, против своей воли, выводят на сцену народ и приводят его к власти. Эксплуатация

* — Софье Гацфельдт. *Ред.*
** — сторонников Луи-Филиппа. *Ред.*

народов не посредством средневековых войн, а лишь путем торговой войны — таков лозунг партии мира. Поведение Кобдена в венгерском вопросе было вызвано непосредственно практическими соображениями. Россия в настоящий момент пытается получить заем. Кобден, представитель промышленной буржуазии, запрещает финансовой буржуазии заключать эту сделку, а в Англии промышленность господствует над банком, в то время как во Франции банк господствует над промышленностью.

Кобден дал русским более страшный бой, чем Дембинский и Гёргей. Он разоблачил жалкое состояние их финансов. Русские, — говорит он, — это самая бедная нация. Сибирские рудники дают государству ежегодно лишь 700000 фунтов стерлингов; питейный сбор дает ему в десять раз больше. Правда, золотой и серебряный запас в подвалах Петербургского банка достигает 14000000 фунтов стерлингов; но он служит металлическим резервом бумажного обращения в 80000000 фунтов стерлингов. Поэтому, если царь посягнет на подвалы банка, то он обесценит бумажные деньги и вызовет революцию в самой России. Значит, абсолютистский колосс не может двинуться, не получив у нас займа, — восклицает надменный английский буржуа, — а мы ничего ему не дадим. Мы снова поведем чисто буржуазным путем борьбу буржуазии против феодального абсолютизма. Золотой телец сильнее всех остальных тельцов, сидящих на тронах мира. Разумеется, в вопросе о Венгрии у английских фритредеров имеется и прямая заинтересованность. Вместо проводившейся до сих пор австрийской запретительной политики — торговый договор и своего рода свобода торговли с Венгрией. Они уверены, что деньги, которыми они теперь тайком бесспорно снабжают венгров, вернутся к ним обратно с прибылью и процентами путем торговли.

Эта позиция английской буржуазии по отношению к континентальному деспотизму является противоположностью борьбы, которую она с 1793 до 1815 г. вела против Франции. Этот процесс развития заслуживает сугубого внимания.

Сердечный привет тебе и твоей супруге от меня и жены.

Твой ***К. Маркс***

Впервые полностью опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т, XXV, 1934 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

59

МАРКС — ИОСИФУ ВЕЙДЕМЕЙЕРУ

ВО ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

[Париж, около 1 августа 1849 г.]

Дорогой Вейдемейер!

Я узнал от Дронке, что с вестфальской дамой* ничего не вышло. Ну, не беда.

Теперь скажи мне, каким путем, по-твоему, можно издавать брошюры?

Я хотел бы начать с брошюры о *заработной плате* — в «Neue Rheinische Zeitung» было напечатано только ее начало**. К этой брошюре я написал бы небольшое политическое предисловие о теперешнем положении вещей. Думаешь ли ты, что на это согласился бы, например, Леске? Но в таком случае он должен был бы немедленно по получении рукописи заплатить, и притом хорошо заплатить, так как я знаю, что брошюра эта разойдется и что уже и сейчас очень многие готовы на нее подписаться. Мое теперешнее финансовое положение не дает мне возможности рассчитаться с Леске за старое.

Если Леске убедится впоследствии, что это дело имело успех, то мы сможем продолжать в том же духе.

От Энгельса я получил вчера письмо***, Он находится в Швейцарии и в качестве адъютанта Виллиха принимал участие в четырех сражениях.

Над моей головой все еще висит дамоклов меч. Моя высылка**** и не отменена, и не приводится пока в исполнение.

Как ни плохо в данный момент нынешнее положение вещей для нас лично, я все же принадлежу к числу довольных людей. Дела идут очень хорошо, и Ватерлоо, которое потерпела официальная демократия, нужно рассматривать как победу. Правительства божьей милостью берут на себя задачу отомстить за нас буржуазии и наказать ее.

На этих днях я, может быть, пришлю для твоей газеты***** небольшую статью о положении в Англии. В данный момент тема эта мне слишком надоела, так как я уже развивал ее в нескольких частных письмах.

Пиши *непосредственно* мне и по *моему* адресу: 45, Rue de Lille, г-ну Рамбо.

---

* См. настоящий том, стр. 442. *Ред.*

** *К. Маркс.* «Наемный труд и капитал». *Ред.*

*** См. настоящий том, стр. 443—444. *Ред.*

**** См. настоящий том, стр. 131, 132—133, 134. *Ред.*

***** — «Neue Deutsche Zeitung». *Ред.*

Сердечный привет тебе и твоей жене от меня и жены. Жена моя чувствует себя очень скверно — естественное последствие ее «интересного положения». Прощай, мой дорогой, и отвечай мне поскорее.

Твой ***К. М.***

Впервые опубликовано в журнале «Die Gesellschaft», Jg. VII, 1930 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

60

МАРКС — ИОСИФУ ВЕЙДЕМЕЙЕРУ

ВО ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

[Париж, середина августа 1849 г.]

Дорогой Вейдемейер!

Я охотно соглашусь на предложение Рюля[465], если он возьмет на себя всю деловую сторону, для которой я не пригоден, за что он получит комиссионное вознаграждение.

Но, во-первых, у меня нет под рукой владельца типографии, который авансировал бы необходимые средства.

Во-вторых, подписные листы кажутся мне излишними. Объявления в «Westdeutsche» и других рейнских и прочих газетах достигли бы той же цели. В особенности необходимо было бы объявить об этом в берлинских, гамбургских, лейпцигских и бреславльских газетах.

Известие о твоей газете* очень печально. Я в ближайшее время напишу по этому поводу старому славному Науту, который вел дела «Neue Rheinische Zeitung», и сообщу тебе о результатах.

Статья моя** была бы уже давно у тебя, но болезнь моей жены и всех детей превратила меня на неделю в своего рода больничную сиделку.

Сердечный привет твоей жене.

Твой ***К. М.***

Отвечай возможно скорее.

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXV. 1934 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

---

* — «Neue Deutsche Zeitung». *Ред.*

** См. настоящий том, стр. 447. *Ред.*

61

ЭНГЕЛЬС — ЯКОБУ ШАБЕЛИЦУ

В БАЗЕЛЬ

Лозанна, 24 августа 1849 г.
8, Place de la Palud

Дорогой Шабелиц!

Я очень благодарен тебе за быструю пересылку адресованного мне письма. Так как нельзя посылать письма прямо ко мне, а другого адреса у меня не было, то мне пришлось побеспокоить тебя. Возможно, что ты получишь для меня еще одно или два письма и, надеюсь, будешь так добр и их переслать мне.

Я сижу теперь в Лозанне и пишу мемуары о пфальцско-баденском революционном фарсе[*]. Ты слишком хорошо меня знаешь, чтобы допустить, что я участвовал политически в этой затее, с самого начала обреченной на неудачу. В Карлсруэ и Кайзерслаутерне я преспокойно потешался над ошибками и нерешительностью временных правительств, отказывался от всех назначений, и лишь тогда, когда явились пруссаки, отправился в Оффенбах к Виллиху и в качестве его адъютанта проделал всю кампанию. Находясь то в главном штабе, то перед лицом неприятеля, все время ведя переписку с верховным командованием, в постоянном контакте с Д'Эстером, который, в качестве «красной камарильи», толкал правительство вперед, участвуя в различных схватках и, в конце концов, в сражении при Раштатте, — я имел возможность многое видеть и многое узнать. Ты знаешь, что у меня достаточно критического чутья, чтобы не разделять иллюзий заурядных ура-республиканцев и чтобы разглядеть прикрытое громкими фразами малодушие вождей.

Моя работа, как и подобает «Neue Rheinische Zeitung», даст иное понимание этой истории, нежели другие повествования на эту тему, выход которых ожидается. Она разоблачит кое-какие грязные делишки и будет содержать особенно много нового о почти неизвестных доныне событиях в Пфальце. Размер ее невелик, каких-нибудь 4—6 листов.

До сих пор у меня не было спокойной минуты, чтобы подумать об издателе. Посылать рукопись в Германию мне не хотелось бы; есть риск, что ее выкрадут на почте. Плохо зная издательское дело в Швейцарии, я решил запросить тебя, не принадлежит ли твой старик[**] к числу подходящих издателей

---

[*] *Ф. Энгельс.* «Германская кампания за имперскую конституцию». *Ред.*

[**] — Шабелиц-старший, отец Якоба Шабелица. *Ред.*

для подобных произведений и — заметь хорошенько — к числу таких, которые *платят*. Деньги я должен получить непременно, так как ведь надо жить. Что эта вещь будет легко читаться, об этом едва ли надо тебе говорить, а что в Германии ее будут покупать (ей не грозит конфискация, тема не дает для этого повода), в этом тебе порукой мое имя. Итак, если можно заключить сделку с твоим папашей, то я надеюсь на тебя; если же нет — тоже не беда. В таком случае не откажи посоветовать мне иную комбинацию, в том числе укажи и возможных немецких издателей, так как с издательским делом в Германии я также совершенно не знаком.

Итак, напиши мне об этом по возможности немедленно и прими сердечный привет

от твоего ***Ф. Энгельса***

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., то. XXV, 1934 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

62

ЭНГЕЛЬС — ИОСИФУ ВЕЙДЕМЕЙЕРУ

ВО ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Лозанна, 25 августа 1849 г.
8, Place de la Palud

Дорогой Вейдемейер!

Post tot discrimina rerum[*], после стольких арестов в Гессене и Пфальце[466], после трех недель праздной жизни в Кайзерслаутерне, после месяца славной кампании, во время которой я, разнообразия ради, прицепил саблю и стал адъютантом Виллиха, после месяца скучной лагерной стоянки вместе с отрядом эмигрантов в кантоне Во, я, наконец, добрался сюда, в Лозанну, и стою на своих собственных ногах. Прежде всего я сяду и напишу комическую историю всей этой нелепой пфальцско-баденской затеи[**]. Но так как я уже не имею никакой связи с Германией и мне неизвестно, какие города находятся на осадном положении, а какие нет, то я не знаю, к какому

[*] — После стольких превратностей судьбы *(Вергилий.* «Энеида». Песнь первая). *Ред.*
[**] *Ф. Энгельс.* «Германская кампания за имперскую конституцию»). *Ред.*

издателю следует обратиться. Я никого из них теперь не знаю. Там, на месте тебе виднее, какие издатели были бы склонны начать переговоры об издании подобной вещи, которая, конечно, совершенно безопасна и не грозит ни конфискацией, ни судебным процессом. Может быть, во Франкфурте найдется такой издатель. Но у него должны быть деньги. Будь добр, напиши мне об этом возможно скорее, чтобы я мог сейчас же предпринять соответствующие шаги.

Вашего Красного Беккера* я недавно видел в самом веселом настроении в Женеве. Он проводит время в загородных кабаках с народным деятелем Эсселленом и другими добродушными diis minorum gentium**.

Сердечный привет твоей жене и всем знакомым

от твоего ***Энгельса***

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., то. XXV, 1934 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

63

МАРКС — ФЕРДИНАНДУ ФРЕЙЛИГРАТУ

В КЁЛЬН

Лондон, 5 сентября [1849 г.]

Дорогой Фрейлиграт!

Адрес: Карлу Блинду, 18, Robertsstreet, Peterson's Coffee-house, Grosvenorsquare; письмо для меня вложи в особый конверт***.

Пишу тебе только несколько строк, так как уже дня четыре — пять страдаю своего рода холериной и чувствую страшную слабость.

Жена моя писала мне, чтобы я известил тебя о получении твоего письма, куда были вложены 100 франков. Вообрази подлость парижской полиции: стали притеснять и мою жену; ей с трудом удалось добиться разрешения остаться в Париже до 15 сентября — до этого числа у нас снята там квартира.

---

* — Германа Беккера. *Ред.*

** — буквально: младшими богами; в переносном смысле: второразрядными величинами. *Ред.*

*** Эта фраза отчеркнута в рукописи с двух сторон. *Ред.*

Я нахожусь в самом затруднительном положении. Моя жена должна скоро родить, 15-го она должна выехать из Парижа, и я не знаю, откуда мне взять денег на ее отъезд и на устройство здесь.

С другой стороны, я имею все основания рассчитывать на то, что мне удастся основать здесь ежемесячный журнал, но время не терпит, и первые недели представляют особые трудности.

Лассаль, очевидно, обижен моим письмом к тебе*, а также моим письмом к нему. Я, во всяком случае, был далек от подобного намерения и написал бы ему за это время, но при моем теперешнем состоянии мне очень трудно писать.

Как только я снова буду в силах, я напишу тебе подробнее о политическом положении. Надеюсь получить от тебя вскоре несколько строк. Сердечный привет от меня твоей жене, Даниельсу и прочим.

Твой ***К. Маркс***

Впервые опубликовано в журнале «Die Neue Zeit», Erganzungshefte, № 12, 1911—1912 гг.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

64

ЭНГЕЛЬС — ДЖОРДЖУ ДЖУЛИАНУ ГАРНИ

В ЛОНДОН

Генуя, 5 октября 1849 г.

Дорогой Гарни!

Ты, должно быть, получил несколько строк, которые я послал тебе через полковника Виллиха. Пишу, чтобы известить тебя, а через тебя и Маркса, что сегодня утром я прибыл в Геную, и если ветер и погода будут благоприятствовать, я завтра утром отплыву в *Лондон* на английской шхуне «Корниш Даймонд», капитаном которой является *Стивенс*. Мое путешествие продлится около 4 или 5 недель, так что к середине ноября я буду в Лондоне.

Я очень счастлив, что мне так быстро удалось вырваться из этой проклятой полицейской атмосферы. Я, право, никогда

* См. настоящий том, стр. 444—445. *Ред.*

не видел столь хорошо организованной полиции, как здесь, в Пьемонте.

Всегда преданный тебе ***Ф. Энгельс***

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд.. т. XXV, 1934 г.

Печатается по рукописи

Перевод с английского

65

МАРКС — ЛУИ БАУЭРУ В ЛОНДОНЕ

[Черновик]

Лондон, 30 ноября [1849 г.]

Господин доктор!

В связи с враждебными отношениями, установившимися между двумя обществами, к которым мы принадлежим, и после Ваших прямых нападок на здешний Эмигрантский комитет[467] (во всяком случае, на моих коллег и друзей, входящих в него) мы с Вами должны порвать наши личные отношения, если не хотим, чтобы наше поведение истолковывалось обеими сторонами как двусмысленное. Вчера вечером в присутствии моей жены я счел неудобным высказывать свое мнение по поводу этого конфликта.

Изъявляя Вам мою глубочайшую благодарность за Ваши врачебные услуги, прошу прислать мне Ваш счет.

Преданный Вам д-р ***К. Маркс***

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд.. т. XXV, 1934 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

66

МАРКС — ИОСИФУ ВЕЙДЕМЕЙЕРУ ВО ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Лондон, 19 декабря [1849 г.]
4, Andersonstreet, Kingsroad, Chelsea

Дорогой Вейдемейер!

Я уж не помню, когда писал тебе. Это долгое молчание объясняется всякого рода житейскими мытарствами, обилием всяческих дел и, наконец, тем, что я вообще тяжел на подъем

по части писания писем. Наконец, post tot discrimina rerum*, мне удалось наладить мой журнал**: я нашел в Гамбурге типографа*** и экспедитора. Вообще же все дело будет вестись на частные средства. Плохо то, что в Германии всегда проходит уйма времени, прежде чем оказывается возможным приступить к печатанию. Я почти не сомневаюсь, что не успеют выйти в свет три, а может быть, и два номера ежемесячника, как разгорится мировой пожар и отпадет возможность хотя бы начерно разделаться с «Политической экономией».

Так как ты живешь в самой Германии и лучше нас знаешь все подробности, то, может быть, ты найдешь время для того, чтобы сжато и кратко, в основных чертах описать для нашего журнала положение в Южной Германии и все там происходящее.

Далее, я прошу тебя поместить в вашей газете**** прилагаемое объявление*****, — но *только после того,* как в «Kolnische Zeitung» появится объявление, исходящее от книготоргового агента в Гамбурге. Копию ты мог бы отослать в *Вестфалию.* Как ты увидишь из объявления, наряду с распространением через книготорговцев мы хотим наладить и другой способ распространения: наши товарищи по партии будут проводить подписку и посылать нам списки абонентов. Пока мы вынуждены были назначить довольно высокую цену и определить для каждого номера небольшое количество листов. Если, благодаря более широкому распространению, наши средства увеличатся, эти недостатки можно будет устранить.

Что ты скажешь относительно склоки между Прудоном, Бланом и Пьером Леру?

Тебе посылает привет Виллих, а также Энгельс, Красный Вольф****** и Веерт.

Здесь, в Англии, в данный момент развертывается чрезвычайно важное движение. С одной стороны, происходит агитация протекционистов, опирающаяся на фанатичное сельское население, — последствия беспошлинной торговли хлебом начинают сказываться именно так, как я это предсказывал еще несколько лет тому назад*******. С другой стороны, фритредеры делают из своей системы дальнейшие политические и экономи-

---

* — после стольких превратностей судьбы *(Вергилий.* «Энеида». Песнь первая). *Ред.*

** — «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue». *Ред.*

*** — Кёлера. *Ред.*

**** — «Neue Deutsche Zeitung». *Ред.*

***** *К. Маркс* и *Ф.* Энгельс. «Извещение о выходе «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-Okonomische Revue»». *Ред.*

****** — Фердинанд Вольф. *Ред.*

******* *К. Маркс.* «Речь о свободе торговли». *Ред.*

ческие выводы, выступая в области внутренней политики в качестве сторонников финансовой и парламентской реформы, а во внешней политике — в качестве партии мира. И, наконец, чартисты, которые действуют вместе с буржуазией против аристократии, но в то же время с усиленной энергией снова развернули борьбу своей собственной партии против буржуа. Если, как я надеюсь — не без веских оснований, — вместо вигов в министерстве окажутся тори, то конфликт между этими партиями примет огромные размеры, а внешняя форма агитации станет более бурной и революционной.

Другое событие, еще не заметное на континенте, это — приближение сильнейшего промышленного, сельскохозяйственного и торгового кризиса. Если на континенте революция будет отсрочена до того момента, когда разразится этот кризис, то Англия, быть может, с самого начала окажется, хотя и против своей воли, союзником революционного континента. Более ранняя вспышка революции, — если только она не будет вызвана непосредственно русской интервенцией, — по-моему, была бы несчастьем, ибо как раз теперь, когда торговля все более и более расширяется, рабочие массы во Франции, Германии и т. д., а равно и все мелкие лавочники и т. п., может быть, и настроены революционно на словах, но, конечно, не на деле.

Ты, должно быть, знаешь, что моя жена подарила миру нового гражданина[*]. Она просит передать сердечный привет тебе и твоей жене. Передай твоей жене сердечный привет и от меня.

Напиши поскорее.

Твой ***К. Маркс***

Между прочим, не можешь ли ты достать мне адрес гражданина *Хенце?*[**]

По газетам тебе известны дурацкие выходки пресловутого Гейнцена. Этого субъекта погубила революция в Германии. Ведь *до* германской революции его произведения были до некоторой степени в моде, так как мелкому буржуа и коммивояжеру нравилось читать напечатанные черным по белому глупости и хвастливые речи, которые они сами вели с таинственным видом, сидя в винном погребке и закусывая сыром и бисквитами. Теперь он хочет реабилитировать себя, компрометируя

[*] — Генриха Гвидо Маркса. *Ред.*

[**] Дальнейшая часть письма сохранилась только в копии, написанной неизвестной рукой. *Ред.*

в глазах правительств других эмигрантов, живущих в Швейцарии и Англии и активно участвовавших в революции. Он устраивает скандалы и старается создать себе прибыльный ореол мученика, угрожая, что в самом скором времени проглотит за легким завтраком сто тысяч миллионов человек.

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXV, 1934 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

67

ЭНГЕЛЬС — ЯКОБУ ШАБЕЛИЦУ В БАЗЕЛЬ

Лондон, 22 декабря 1849 г.
6, Macclesfieldstreet, Deanstreet, Soho

Дорогой Шабелиц!

Письмо твое я получил, и если я не ответил на него из Лозанны, то это объясняется различными причинами, главным же образом моим кругосветным плаванием из Генуи в Лондон, продержавшим меня 5 недель на море. Я не передал тогда свою рукопись* Бамбергеру потому, что хотел напечатать ее или в виде отдельной брошюры, или, если бы это не удалось, в нашем журнале**, издание которого тогда уже намечалось. В настоящее время журнал этот создан, и в январе в Германии выйдет его первый выпуск, о чем ты уже, вероятно, знаешь по несколько преждевременному объявлению, появившемуся в «Berner-Zeitung». Мы были бы очень рады, если бы ты или твой старик*** занялись распространением журнала в Швейцарии и вели дела непосредственно с нами. Наш гамбургский комиссионер посылал бы вам экземпляры журнала, и вы могли бы взять на себя своего рода главную агентуру по Швейцарии. Мы, во всяком случае, предпочитаем иметь дело только с солидными фирмами, а человека, который дал объявление в Берне, я не знаю. Сообщи мне при случае, можно ли на него положиться. Обдумай, как все это можно устроить, и сообщи мне об условиях. Но, во всяком случае, расчеты и оплата, по крайней мере в отношении постоянных подписчиков, должны производиться через каждые три месяца. На таких условиях работает и наш гамбургский комиссионер.

---

* *Ф. Энгельс.* «Германская кампания за имперскую конституцию». *Ред.*

** — «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue». *Ред.*

*** — Шабелиц-старший, отец Якоба Шабелица. *Ред.*

Прилагаемое объявление[*] помести, пожалуйста, в «National-Zeitung», и если тебе время от времени нужно будет объявление, чтобы заполнить пустое место, то используй в первую очередь его.

В первый выпуск, кроме общего введения (написанного Марксом), войдет первая из моих статей по поводу кампании за имперскую конституцию, статья маленького Вольфа[**] о последних днях франкфуртского и штутгартского парламентов, обзор событий, написанный Марксом и мной, и, если удастся, также и первая из тех лекций по политической экономии, которые Маркс читает здесь, в Обществе рабочих[468]. Кроме того — разная мелочь и, может быть, еще что-нибудь, написанное Красным Вольфом[***]. Вольф, Маркс, Веерт и я находимся сейчас здесь; если окажется возможным, то скоро сюда приедет и Лупус.

В общем, все здесь идет хорошо. Струве и Гейнцен интригуют против Общества рабочих и против нас всюду и везде, но без успеха. Вместе с несколькими умеренными нытиками[469], выброшенными из нашего Общества, они устроили отдельны» клуб, где Гейнцен изливает свой гнев по поводу пагубного учения коммунистов[470].

Напиши мне поскорее по поводу деловых вопросов.

Твой ***Ф. Энгельс***

Заранее поздравляю с Новым годом.

Будь добр, пришли мне *немедленно* посылкой *Мирославского* «Отчет о баденской кампании», «Дневник и т. д.» *Дауля,* писания Беккера и Эсселлена[471] и другие появившиеся в Бадене вещи, которые *имеют значение* для истории кампании, то есть вещи, содержащие не декламации, а *факты.* Израсходованную сумму ты можешь засчитать или мне, или в счет будущих сделок с «Neue Rheinische Zeitung»[****].

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXV, 1934 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

[*] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Извещение о выходе «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue»». *Ред.*
[**] — Вильгельма Вольфа (Лупуса). *Ред.*
[***] — Фердинандом Вольфом. *Ред.*
[****] — «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue». *Ред.*

1850 год

68
МАРКС — ЭДУАРДУ МЮЛЛЕРУ-ТЕЛЛЕРИНГУ [472]

В ЛОНДОНЕ

[Копия]

[Лондон], 1 января 1850 г.

Дорогой Теллеринг!

Энгельс, Зейлер, Веерт, Виллих и я не будем присутствовать на собрании, назначенном на 3 января, а именно по следующим причинам:

1) Список приглашенных политических эмигрантов составлен произвольно. Так, например, в нем нет К. Шрамма и Ф. Вольфа.

2) Не привлечен ни один из рабочих, которые в течение ряда лет стояли во главе немецкой демократии в Лондоне.

Твой ***К. Маркс***

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., от. XXV, 1934 г.

Печатается по копии, написанной рукой Энгельса

Перевод с немецкого

69
МАРКС — ФЕРДИНАНДУ ФРЕЙЛИГРАТУ

В КЁЛЬН

Лондон, 10 января [1850 г.]

Дорогой Фрейлиграт!

Пишу тебе сегодня лишь несколько строк по очень спешному делу.

Для нашего «Revue» и для его постепенного превращения в двухнедельный и в еженедельный журнал, а затем, в зависи-

мости от обстоятельств, снова в ежедневную газету, — а также для других наших *пропагандистских* целей, — нам нужны деньги. Деньги можно достать только в Америке, где все эти полуреволюционеры, — например, какой-нибудь Аннеке, который в Пфальце позорно бежал и показал, что он даже не солдат, — теперь срывают золотые яблоки.

Поэтому мы решили немедленно послать в Америку в качестве эмиссара *К. Шрамма.* На поездку такой продолжительности, как мы предполагаем, нам нужно не менее 150 талеров. Мы просим тебя как можно скорее собрать для этой цели деньги и, кроме того, немедленно прислать нам рекомендательные письма для Шрамма, как ответственного издателя «Neue Rheinische Zeitung». (Отважный побег из Везельской крепости вернул его нашей партии.)

О деньгах я написал также и Г. Юнгу.

С нетерпением жду ответа.

Твой ***К. Маркс***

Здешние чартисты и французские эмигранты также снабдят мандатами нашего эмиссара.

Это — дело, касающееся всего Союза*.

Необходимо, дорогой Фрейлиграт, чтобы ты в своем рекомендательном письме ясно сказал о положении «Neue Rheinische Zeitung» в Германии и о ее революционном значении.

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., то. XXV, 1934 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

70

МАРКС — ИОСИФУ ВЕЙДЕМЕЙЕРУ [473]

ВО ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Лондон, 4 февраля 1850 г.

Дорогой Вейдемейер!

Я запоздал с ответом на твое письмо, потому что был в течение двух недель серьезно болен.

Журнал** выйдет на будущей неделе. В нем помещена твоя статья. Мы ждем продолжения. Выход журнала задержался

* — Союза коммунистов. *Ред.*

** — «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue». *Ред.*

из-за моей болезни. Дело в том, что мы намеревались выпустить два номера вместе, но издатель возражал против этого по вполне основательным коммерческим соображениям. Потребовалось снова внести изменения, что как раз совпало с моей болезнью.

Тебе пришлют из Кёльна двести экземпляров. Два из них отправь, пожалуйста, К. Бирингеру в Хёхст под Франкфуртом. Он сделал здесь этот заказ. Позаботься также и о получении платы за них.

Твое поручение к Теллерингу я выполнил. Он совершенно не годится в качестве английского корреспондента. В Вене еще можно было обходиться трескотней, но здесь надо изучить дело. В другой раз напишу подробнее.

Твой ***К. Маркс***

Сердечный привет твоей жене от меня и жены. В Гамбурге уже заказано около 1500 экземпляров.

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXV, 1934 г.

Печатается по тексту т. XXV

71

ЭНГЕЛЬС — ЭДУАРДУ МЮЛЛЕРУ-ТЕЛЛЕРИНГУ В ЛОНДОНЕ

[Копия]

[Лондон, 7 февраля 1850 г.]
Четверг утром

Дорогой Теллеринг!

Я получил Вашу записку[474] с таким опозданием, что при всем желании мне было бы трудно достать Вам билет на сегодняшний бал. А так как, кроме того, Вы, хотя и были приняты в члены Общества, не получили свой членский билет, а также не присутствовали ни на одном заседании, а еще позавчера один индивидуум при аналогичных обстоятельствах был выкинут из Общества, то я и из этих соображений совершенно лишен возможности исполнить Ваше желание.

Готовый к услугам

Энгельс

Впервые опубликовано в брошюре: Tellering. «Vorgeschmack in die kunftige deutsche Diktatur von Marx und Engels». Coln, 1850

Печатается по копии, написанной рукой Теллеринга; сверено с текстом брошюры

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

72

ЭНГЕЛЬС — КОМИТЕТУ ВЕНГЕРСКИХ ЭМИГРАНТОВ

В ЛОНДОНЕ

[Набросок]

[Лондон, конец февраля 1850 г.]

Комитету венгерских эмигрантов в Лондоне.

Граждане Килинский и Ришка обратились к Комитету немецких эмигрантов[475] с просьбой о пособии. Когда их спросили о документах, они предъявили два удостоверения, выданные г-ном Фр. Пульским, копия которых при сем прилагается[476]. Судя по этим удостоверениям, они являются не немецкими, а венгерскими эмигрантами, так как были здесь зачислены имеющими на то полномочия властями на венгерскую военную службу; поэтому они подлежат ведению не немецкого, а венгерского комитета. Между тем они утверждают, что получили от этого комитета 10 шилл., причем их предупредили, что в дальнейшем пособие им выдаваться не будет. Так как совершенно недопустимо, чтобы эти люди оказались на улице без всякой помощи, то мы позволяем себе запросить вас, правильно ли их сообщение и не имеет ли венгерский комитет особых причин для отказа в пособии двум вышеупомянутым гражданам.

(Прилагается копия удостоверений)

Впервые опубликовано на русском, языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXV. 1934 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

73

ЭНГЕЛЬС — ЮЛИУСУ ШУБЕРТУ, ТЕОДОРУ ХАГЕНУ И СТЕФАНУ АДОЛЬФУ НАУТУ [477]

В ГАМБУРГ И КЁЛЬН

[Набросок писем]

[Лондон], 4 марта 1850 г.

1) Шуберт. На письмо отвечено. Второй выпуск*, как обещано, не должен быть дороже первого. Что касается 452 экземпляров, то сейчас на первый квартал ничего нельзя изменить. Относительно второго квартала пусть дает предложения.

* — «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue». *Ред.*

Соглашение относительно оплаты Кёлера не имеет к этому никакого отношения,

Сообщения Ш[уберта] об успехе противоречат его прежним сообщениям и полученным нами отчетам.

В будущем ничего не выбрасывать, не запросив нас. Для третьего выпуска может остаться: «Умереть за республику»[*].

50 экземпляров должны быть посланы сюда. Корреспонденцию из Южной Германии уже нельзя поместить.

2) Хаген. То же, что и Шуберту. Пусть установит постоянный контроль за типографом[**] и получит от него письменную справку относительно тиража. Корреспонденцию из Южной Германии уже нельзя поместить.

Он должен энергично выступать против требований цензуры и поставить на титульном листе свое имя как ответственного издателя. Если возникнут какие-либо затруднения с четвертым разделом «Германской кампании за имперскую конституцию», то о них немедленно нужно сообщить.

3) Наут. За типографские работы — такую же цену, как в Гамбурге; для Эйзена: 25% для Кёльна и 50% на все прочие экземпляры, включая и все прочие издержки, за исключением расходов на почтовые отправления из Лондона и на заказанные нами объявления.

Обязать типографа доставлять 5 листов в течение 10 дней и установить неустойку за нарушение договора.

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXV, 1934 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

74

МАРКС — ЭДУАРДУ МЮЛЛЕРУ-ТЕЛЛЕРИНГУ В ЛОНДОНЕ

[Черновик]

Лондон, 12 марта 1850 г.

Я вызвал бы Вас на дуэль за Ваше вчерашнее письмо Обществу рабочих, если бы Вы были еще достойны этого после Ваших бесчестных клеветнических выпадов против Энгельса и после того, как правление Общества рабочих вынесло мотиви-

[*] *Ф. Энгельс.* «Германская кампания за имперскую конституцию». Раздел 4. *Ред.*

[**] — Кёлером. *Ред.*

рованное постановление о Вашем исключении[478]. Я жду встречи с Вами на ином поле, чтобы сорвать с Вас лицемерную маску революционного фанатизма, под которой Вам до сих пор удавалось ловко скрывать свои мелочные интересы, свою зависть, свое ущемленное самолюбие, свое недовольство и досаду на то, что мир не признает величие Вашего гения (это непризнание началось с Вашего провала на экзамене).

Если бы Вы хоть сколько-нибудь поразмыслили, Вы бы поняли, что если я и был вынужден, в качестве *свидетеля,* сообщить отягчающий Вашу вину факт, то с моей стороны было сделано все возможное, чтобы избежать скандала. Ведь этот скандал скомпрометировал бы меня вдвойне: в глазах Общества рабочих, которому Вы были рекомендованы *мною,* и в глазах публики, для которой Вы существуете только благодаря Вашему сотрудничеству в *моей газете*[*].

Ваши письма ко мне, — а они в любой момент могут быть опубликованы, — доказывают, что Вы всячески пытались навязать мне роль «демократического далай-ламы и властителя будущего». Но чем Вы докажете, что я когда-либо соглашался на эту нелепую роль?

Единственно, в чем Вы могли бы меня упрекнуть, это в том, что я не порвал с Вами сразу же и не разоблачил Вас перед другими после истории с Клапкой, о компрометирующем характере которой я Вам тотчас же откровенно сказал в присутствии свидетелей. Я признаю, что проявил слабость. Только заявление Беккера[**], опирающееся на свидетельства Фрейлиграта и Хагена, о том, что Вы за месяц до появления Вашей готовой брошюры против «Westdeutsche Zeitung»[479] снова предлагали свое сотрудничество в этой газете, и в особенности Ваши ни на чем не основанные клеветнические выпады против Энгельса — убедили меня, что факт, который казался мне отдельным необдуманным поступком, был одним из звеньев целой системы. Во всяком случае Вы правильно сделали, не явившись вчера по последнему вызову Виллиха, хотя он вызвал Вас по Вашему же желанию. Вы знали, что Вам сулит очная ставка со мной.

К. Маркс

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXV. 1934. г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

[*] — «Neue Rheinische Zeitung». *Ред.*
[**] — Германа Беккера. *Ред.*

75

МАРКС — ИОСИФУ ВЕЙДЕМЕЙЕРУ ВО ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Лондон, 9 апреля [1850 г.]
4, Andersonstreet, Kingsroad, Chelsea

Дорогой Вейдемейер!

Буду очень тебе благодарен, если ты *немедленно* напишешь мне, как обстоит дело со сбытом «Neue Rheinische Zeitung»[*] и не сможем ли мы в скором времени получить деньги. Вы, живущие в немецком захолустье [Kleindeutschland], не имеете никакого представления о здешних условиях жизни.

Третий выпуск появится 10-го числа этого месяца. Этот субъект в Гамбурге[**] — мы еще не знаем точно, из каких соображений — страшно затянул дело. Теперь мы положим этому конец.

Эмигрантский комитет также поручил мне обратиться с призывом к вашему комитету. У нас теперь на шее 60 эмигрантов и ожидается еще несколько сот высланных из Швейцарии. Поэтому эмигрантскую кассу мы скоро исчерпаем до последнего гроша, и тогда люди снова окажутся на улице.

Сердечный привет твоей жене.

Твой ***К. Маркс***

Впервые опубликовано в журнале «Die Gesellschaft», Jg. VII, 1930 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

76

ЭНГЕЛЬС — ЮЛИУСУ ШУБЕРТУ В ГАМБУРГ

[Набросок]

[Лондон, около 11 апреля 1850 г.]

Шуберту:

1) Что теперь, после рассылки третьего выпуска[*], мы ждем в ближайшее время окончательного расчета по проданным экземплярам трех выпусков и исправления сальдо. Если этого

[*] — «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue». *Ред.*
[**] — По-видимому, Хаген. *Ред.*

нельзя сделать до 15 апреля, пусть он об этом напишет. Во всяком случае, пусть немедленно сообщит, сколько экземпляров третьего выпуска отпечатано и скольким из них твердо обеспечен сбыт. Печатать только несколько сот экземпляров сверх твердо обеспеченного количества. —

2) Так как Ш[уберт] не считает нужным, чтобы г-н Хаген фигурировал в качестве ответственного издателя, то он *ни при каких условиях* не должен *изменять в рукописи ни единого слова.* Настоящим мы сообщаем ему, что если это произойдет, то мы немедленно прервем с ним всякие сношения. Хагену поручено следить за тем, чтобы ничего не менялось.

3) Так как ППуберт], *вопреки* нашему указанию, послал Науту не 450, а 300 экземпляров, то Наут должен взять недостающие ему экземпляры из тех 150, которые Ш[уберт] послал Эйзену. Далее, мы надеемся, что впредь отсылка экземпляров Науту будет происходить всегда *одновременно* с отсылкой их Эйзену. Если к нам снова будут обращаться с жалобами, то нам придется принять другие меры. Мы рассчитываем также, что в дальнейшем 50 экземпляров номера немедленно по его напечатании будут с первым же пароходом отсылаться в Лондон.

(Написать письмо Хагену и приложить его к письму, которое посылается Шуб[ерту].)

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXV. 1934 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

77

ЭНГЕЛЬС — ИОСИФУ ВЕЙДЕМЕЙЕРУ

ВО ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Лондон, 22 апреля 1850 г.
6, Macclesfieldstreet, Soho

Дорогой Вейдемейер!

Помести, пожалуйста, в «Neue Deutsche Zeitung» прилагаемое заявление*. Попытки здешних «великих мужей» снова завоевать себе положение, используя эмигрантов, а также маневры, которые они предпринимают в связи с этим во всех газетах, препятствуют присылке сюда денег. Мы получили уже около 120 — 130 ф. ст. для эмигрантов и распределили их. Все прочно

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Заявление Эмигрантского комитета». *Ред.*

собрали всего-навсего 2 ф. 15 шилл., а теперь они хотят играть роль защитников «беспомощных» эмигрантов. Если мы не получим денег теперь же, то через неделю наши 50— 60 эмигрантов окажутся на улице без единого пенса.

Сегодня вечером эти великие мужи хотят устроить собрание эмигрантов и поговорить о том, что можно сделать. Мы предоставляем им полную свободу. Там, конечно, опять будут произноситься громкие речи и строиться грандиозные планы, но денег для эмигрантов не будет. Впрочем, они, по всей вероятности, провалятся, хотя никого из нас на собрании не будет.

Маркс с нетерпением ждет ответа на свое последнее письмо, посланное тебе около двух недель назад*.

Передай сердечный привет твоей жене и супруге Люнинга

от твоего ***Ф. Энгельса***

Впервые опубликовано в журнале «Die Gesellschaft», Jg. VII, 1930 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

78

ЭНГЕЛЬС — ИОСИФУ ВЕЙДЕМЕЙЕРУ

ВО ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Лондон, 25 апреля 1850 г.

Дорогой Вейдемейер!

Сегодня пришло твое письмо к Марксу вместе с 5 ф. ст. в эмигрантский фонд и запиской для меня. А ты тем временем получил, по всей вероятности, два письма с заявлениями, воззванием и отчетом Эмигрантского комитета[480]. Напечатай их как можно скорее и сделай в своем округе все, что можешь, чтобы собрать деньги в пользу эмигрантов. Остальное ты узнаешь из прилагаемого письма к Др[онке]. Может быть, можно что-нибудь собрать во Франконии, в Нюрнберге, Байрейте и т. д. Ведь «Neue Rheinische Zeitung» расходилась там довольно хорошо. Если у тебя есть кому написать в Мюнхен, напиши и туда. Ты понимаешь, что сейчас, когда этот осел Струве и компания стараются накануне революции снова попасть в газеты, используя для этого эмигрантов, для нас ста-

* См. настоящий том, стр. 464. *Ред.*

новится вопросом чести продолжать поддерживать хотя бы наших эмигрантов и не допускать того, чтобы лучшие из вновь прибывающих попадали в лапы этих ослов.

Мы думали, что оба последующие выпуска «Revue» уже попали в твои руки: второй выпуск — недель пять тому назад, а третий — по крайней мере несколько дней тому назад. Оказывается, этот осел Наут не посылал их тебе! Сегодня же мы написали ему резкое письмо, требуя, чтобы он немедленно их тебе выслал. Третий выпуск находится у него, по всей вероятности, уже в течение недели. Пока не получишь третьего выпуска, в котором полностью заканчивается первая серия статей[*], не подвергай ее критике.

Прощай. Твой ***Ф. Э.***

Мы только что узнали, что мерзавцы Струве, Теллеринг, Шрамм[**], Бауэр[***] (из Штольпе) и др. распространяют в различных немецких газетах слух, будто наш Комитет[****] сам проедает эмигрантские деньги. Эта клевета распространяется также и в письмах. Ты, должно быть, нигде об этом не читал, иначе ты давно уже выступил бы в нашу защиту. Ты знаешь, что все мы тратили деньги на революцию и что она не принесла нам ни одного сантима. Даже «Neue Preusische Zeitung» и др. никогда не осмеливались упрекать нас в подобных вещах. Только паршивые демократы, импотентные «великие мужи» мещанства, оказались настолько подлыми, чтобы распространять подобные гнусности. Наш Комитет уже три раза представлял отчеты, и каждый раз мы просили посылавших деньги назначить уполномоченных для проверки книг и расписок. Разве какой-нибудь другой комитет это делал? На каждый сантим у нас имеется расписка. *Ни один* член Комитета не получал никогда ни одного сантима из присылаемых денег и никогда не потребует этого, в каком бы трудном положении он ни находился. Ни один из наших близких друзей никогда не получал больше, чем любой эмигрант, и никто из имевших хотя бы какой-нибудь источник дохода не получал ни одного су.

Если Др[онке] уже нет во Франкфурте, то вскрой письмо, прочти его и перешли ему.

Впервые опубликовано в журнале «Die Gesellschaft», Jg. VII. 1930 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

[*] *Ф. Энгельс.* «Германская кампания за имперскую конституцию». *Ред.*
[**] — Рудольф Шрамм. *Ред.*
[***] — Луи Бауэр. *Ред.*
[****] — Социал-демократический эмигрантский комитет. *Ред.*

79

ЭНГЕЛЬС И МАРКС — Ф. ПАРДИГОНУ

В ЛОНДОНЕ

[Черновик]

Лондон, 6 мая 1850 г.

Дорогой Пардигон!

Мы только что узнали, что Ваше общество намерено предложить свою программу на рассмотрение немецкого общества на Грик-стрит[481] и поставить перед ним вопрос, присоединяется ли оно к этой программе или нет.

После нашей субботней беседы мы не верим этому; ведь если бы Вы или Ваше общество указали нам, что такой-то субъект или такая-то группа субъектов — самые обыкновенные негодяи, то мы просто-напросто вышвырнули бы их за дверь, не спрашивая, согласны ли они с нашей программой.

Мы уже указывали Вам, что руководители этого общества — шарлатаны или мошенники. Мошенники и шарлатаны подпишут все, что угодно. Они подписали бы и наш манифест, если бы мы приняли их неоднократные предложения о единении и согласии.

Вы понимаете, что если бы подобное предложение было принято Вашим обществом, то мы обязаны были бы по долгу чести немедленно порвать всякую связь с членами общества на Ратбон-плейс.

Привет и братство.

Ф. Энгельс К. Маркс

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXV, 1934 г.

Печатается по рукописи Энгельса

Перевод с французского

80

ЭНГЕЛЬС — ТЕОДОРУ ШУСТЕРУ ВО ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Лондон, 13 мая 1850 г.

Г-ну Т. Шустеру во Франкфурт-на-Майне

Через г-на Вейдемейера из Франкфурта мы получили от имени эмигрантского комитета во Франкфурте *10 ф. ст.,* посланных на имя живущего здесь г-на Штибеля, о получении и оприходовании которых мы с благодарностью Вам сообщаем.

Мы были бы Вам очень признательны, если бы Вы могли наладить дальнейшую посылку денег для здешних эмигрантов из Франкфурта или его окрестностей. Число эмигрантов все еще увеличивается с каждым днем, и вышеупомянутых 10 ф. ст. едва хватит на то, чтобы покрыть самые настоятельные текущие потребности в течение одной недели. Деньги стали поступать более скудно, между тем как нуждающиеся теперь в пособиях эмигранты принадлежат почти исключительно к таким профессиям, на которые здесь мало или совсем нет спроса.

Привет и братство.

Социал-демократический эмигрантский комитет.

Заграничное отделение.

Ф. Энгельс,
секретарь

Просьба пересылать все взносы через г-на Вейдемейера г-ну Марксу или г-ну К. Пфендеру по адресу 21, Kingstreet, Soho square, Лондон.

Впервые опубликовано в журнале «Die Gesellschaft», Jg. VII. 1930 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

81

МАРКС — ИОСИФУ ВЕЙДЕМЕЙЕРУ

ВО ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

[Лондон], 8 июня [1850 г.]
64, Deanstreet, Soho

Дорогой Вейдемейер!

Как обстоит дело с нашим «Revue»? В частности, как обстоит дело с деньгами? Вопрос этот приобретает тем большую остроту, что прусские власти предпринимают в Лондоне всевозможные шаги перед английским правительством, чтобы добиться моего изгнания также из Англии. Если бы я не сидел здесь без гроша, я бы уже перебрался в глубь Англии, и правительство потеряло бы меня из виду.

Как обстоит дело с «красным номером»[482]? Из Америки уже получены на него заказы. Сколько экземпляров его продано? Сколько экземпляров у тебя осталось?

Ваша газета участвует, по-видимому, наравне с другими в заговоре молчания по отношению к нашему «Revue»? Я, конечно, понимаю, что для читателей «Neue Deutsche» Раво представляет больше интереса.

Привет Дронке и твоей жене.

Твой ***К. М.***

Впервые опубликовано в журнале «Die Gesellschaft», Jg. VII, 1930 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

82

МАРКС — ИОСИФУ ВЕЙДЕМЕЙЕРУ

ВО ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Лондон, 27 июня [1850 г.]
64, Deanstreet, Soho square

Дорогой Вейдемейер!

Пошли деньги Науту. Этот парень — честный осел. Я все объясню тебе как-нибудь в другой раз. Не сердись на возбужденные письма моей жены[*]. Она кормит ребенка, а наше положение здесь настолько тяжелое, что простительно, если терпение истощается.

Критика Л[юнинга], — я видел первую и вторую статьи[483], — доказывает, что он не понимает того, что взялся критиковать. Я дам ему, может быть, некоторые разъяснения в нашем «Revue».

Сегодняшний день имеет большое значение. Возможно, что сегодня произойдет падение министерства. Тогда здесь начнется настоящее революционное движение. Весьма вероятно, что мы лично окажемся первыми жертвами тори. Пожалуй, тогда состоится давно уже намечавшаяся высылка.

Твой ***К. Маркс***

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд.. т. XXV, 1934 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

[*] Ср. настоящий том, стр. 529—533. *Ред.*

83

МАРКС — ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОБРАНИЯ ЭМИГРАНТОВ В ЛОНДОНЕ

[Черновик]

[Лондон], 30 июня [1850 г.]

Гражданин председатель!

В то время, как на июньскую революцию[484] нападали все гончие псы буржуазии, я открыто защищал эти ужасные дни, которые я считаю самым великим проявлением борьбы рабочего класса против класса капиталистов.

Если сегодня меня не будет на этом празднике эмигрантов, то потому, что нездоровье лишает меня всякой возможности быть среди вас; однако мое сердце с вами.

Привет и братство.

Карл Маркс

Публикуется впервые *Печатается по рукописи*

Перевод с французского

84

МАРКС — КАРЛУ БЛИНДУ В ПАРИЖ

[Черновик]

Лондон, 17 июля 1850 г.
64, Deanstreet, Soho

Дорогой Блинд!

Наше долгое молчание покоится на недоразумении. Дело в том, что мы думали, что второе обращение Центрального комитета* было передано тебе полтора или два месяца тому назад...** нашим эмиссаром Клейном, и ждали твоего ответа...** оказывается, что Клейн ничего такого не [оставлял]** в Брюсселе.

Напиши мне возможно скорее и в отдельном конверте на имя...** Мы собираемся через несколько (8) недель созвать здесь конгресс[485]. Что ты [думаешь]** о гольштейнской истории? Мы сначала посылаем эмиссара...** работал там два года и знает...** всех людей и обстановку.

О моих личных делах и многочисленных приключениях, которые со мной...** в другой раз.

---

* *К. Маркс,* и *Ф. Энгельс.* «Обращение Центрального комитета к Союзу коммунистов. Июнь 1850». *Ред.*

** В рукописи кусок листа оторван. *Ред.*

На этот раз я обращаюсь к тебе по личному делу...* что если ты сможешь, ты не откажешься помочь мне. Я договорился со своими родственниками, что улажу мои денежные дела...* недель в Голландии с моим дядей Филипсом. [С этой]* целью я должен был лично поехать в Голландию...* болезнь моей жены все время [препятствовала]* моему отъезду. А теперь я смогу лишь через несколько недель поехать туда, так как обе дочери моего дяди празднуют у него две свадьбы подряд, и деловые вопросы могут быть обсуждены лишь через несколько недель.

Между тем я, имея в виду эту сделку, выдал вексель на 20 ф. ст. (500 фр.) здесь, в Лондоне, одной торговой фирме, ссылаясь на это соглашение. Срок векселя истекает в понедельник или в среду. Если я не смогу его выкупить, то мне угрожает публичный...*, что при теперешних отношениях партий здесь, а также ввиду моих отношений с прусским посольством и английским министерством [могло бы]* иметь очень неприятные последствия.

Так вот, я слышал, что *Гёгг* в Париже в настоящий момент располагает значительным капиталом. Напиши ему, пожалуйста, *немедленно* и, не вдаваясь в подробности, спроси его, не может ли он одолжить мне денег под долговое обязательство или вексель. Periculum in mora**.

До тех пор, пока я не улажу свои дела в Голландии, у меня буквально нет ни шиллинга.

Я надеюсь, что ты сделаешь все возможное.

Твой ***К. Маркс***

Впервые опубликовано на языке оригинала в журнале «International Review for Social History», vol. IV, 1939 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

85

МАРКС — ИОСИФУ ВЕЙДЕМЕЙЕРУ ВО ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Лондон, 29 октября 1850 г.
64, Deanstreet, Soho

Дорогой Вейдемейер!

Сделай, пожалуйста, для меня следующее:

Займи у Шустера или у кого-либо другого деньги, необходимые для выкупа моего серебра, заложенного во франкфурт-

* В рукописи кусок листа оторван. *Ред.*
** — Промедление смерти подобно. *Ред.*

ском ломбарде. Затем *продай* серебро ювелиру или кому-либо другому во Франкфурте, расплатись с человеком, у которого ты займешь деньги для выкупа, и пришли мне сюда остаток.

Ты и этот человек в данном случае ничем не рискуете: если тебе не удастся продать вещи за более высокую цену, то ты сможешь отнести их обратно в ломбард.

С другой стороны, мое положение сейчас таково, что я должен во что бы то ни стало достать денег, чтобы вообще быть в состоянии продолжать работу.

Единственные вещи, которые я прошу тебя снова отнести в ломбард, — для продажи они все равно не представляют ценности — это следующие: 1) маленький серебряный бокал; 2) серебряная тарелка; 3) хранящиеся в футляре ножик и вилочка; все это — имущество маленькой Женни*.

Твое намерение написать популярную политическую экономию я очень одобряю и высказываю лишь пожелание, чтобы ты поскорее принялся за его осуществление. Передай твоей жене сердечный привет от меня и моей жены.

Твой ***К. Маркс***

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXV. 1934 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

86
МАРКС — ГЕРМАНУ БЕККЕРУ В КЁЛЬН

Лондон, 2 декабря [1850 г.]
64, Deanstreet, Soho

Дорогой Беккер!

Я знаю, что ты почувствовал себя очень обиженным одним моим письмом к Бюргерсу. Однако в этом письме, написанном в весьма напряженной обстановке, я так же мало хотел обидеть тебя, как и других моих кёльнских друзей. Я полагаю, что это объяснение тебя удовлетворит и что я могу, не возвращаясь к прошлому, прямо перейти к предложениям, которые хочу тебе сделать.

1. Ты знаешь, каким жалким образом г-н Шуберт вел наше «Revue». Я думаю, что в ближайшие дни у него выйдут из печати последние два выпуска. Я хотел бы продолжать это издание

* — Женни Маркс, старшей дочери Маркса. *Ред.*

в виде квартальных выпусков (начиная с февраля), по 20 печатных листов каждые три месяца. Больший объем дал бы возможность помещать более разнообразный материал. Можешь ли ты взять на себя издание и на каких условиях?

2. Один из моих друзей* перевел с французского на немецкий мою книгу против Прудона** и написал к ней предисловие. По этому поводу ставлю тебе тот же вопрос, что и выше.

3. Я наметил план, по которому можно было бы предложить читателям серию выпусков современной социалистической литературы, состоящую из ряда небольших брошюр. Раньше марта этого нельзя было бы начать. Если ты согласен взять на себя такое дело, то можно было бы пока подготовить отдельные работы. Мне кажется, что немецкая публика после своего недавнего утешительного опыта в области высокой политики постепенно вынуждена будет обратить свое благосклонное внимание на истинное содержание современной борьбы.

Прошу ответить поскорее.

Твой ***К. Маркс***

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXIX, 1946 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

87

ЭНГЕЛЬС — ЭМИЛЮ БЛАНКУ

В БАРМЕН

Манчестер, 3 декабря 1850 г.

Дорогой Эмиль!

Посылку получил. Спасибо за быструю доставку сигар. Они вызвали всеобщее одобрение. Кальсоны также хороши.

Несколько дней тому назад я получил письмо от отца. Он больше склоняется к Готфр[иду] Эрмену и в случае разрыва намерен продолжать дела с ним; с П[етером] он ни при каких условиях не хочет продолжать дела дольше, чем это необходимо. Относительно фирмы братьев Эрмен я соберу все сведения, какие сумею. Не подлежит сомнению, что они делали большие дела; Г[отфрид] Э[рмен] утверждает, что они получали в сред-

* — Пипер. *Ред.*
** *К. Маркс.* «Нищета философии». *Ред.*

нем 600 ф. ст. прибыли в год, а в последние годы еще больше. В подобном деле трудно терпеть убыток в средние годы. Им нужен небольшой капитал, и они располагают им; их товар (низкосортные нитки для шитья и вязанья) расходится гораздо лучше, чем товары хорошего качества, сбыт которых сильно сокращается.

Баланс за 1849—1850 год еще не составлен, и дебет и кредит все еще в полном беспорядке. По-видимому, отец опять настаивал на том, чтобы привести баланс в порядок. Как я слышал, за это примутся завтра.

Г-н Петер прибыл сюда вчера вечером или сегодня утром. Он велел позвать старика Хилла, — он живет в отеле через два дома от нашей конторы, — был очень вежлив, говорил о посторонних вещах, но в конторе — по крайней мере до сих пор — еще не показывался. Если он попробует ко мне придираться, то из этого ничего не выйдет. Отец не хочет вмешиваться в ссоры братьев, да и я этого делать не буду. Но Готф[рид] находится теперь между молотом и наковальней и вынужден быть со мной заодно; он сам мне все расскажет, мне не придется его расспрашивать.

Если П[етер] Э[рмен] возьмет на себя управление конторой, — а в конце концов, вероятно, так оно и будет, — то это очень помешает мне проверять книги. До сих пор я мог производить проверку только 4 дня в неделю в обеденные часы, когда я оставался один; но он имеет обыкновение как раз в часы обеда шмыгать по конторе. Все наиболее важное из книг я, однако, уже извлек, и мне остается только произвести весьма сложное сравнение тех цен, по которым нам продают товары братья Э[рмен], с соответствующими рыночными ценами, а также проверить старые счета и т. д., чтобы посмотреть, не наткнусь ли я там на что-либо. Дня через два я пошлю отцу все счета братьев Э[рмен] за 1849—1850 гг., приведенные в должный порядок, а также счета белильни Эрменов, чтобы он видел, как эти джентльмены обделывают дела с его капиталом.

Счет за сигары запиши на отца — это будет проще всего.

Сердечный привет Марии, Герману и детям.

Твой ***Фридрих***

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXV, 1934 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

1851 год

88

МАРКС — ГЕРМАНУ БЕККЕРУ [486]

В КЁЛЬН

[Лондон, около 1 февраля 1851 г.]

... Ты меня чрезвычайно обяжешь, если пришлешь мне письма Виллиха[*]. С одной стороны, и нам здесь при реках Вавилона[**] нужно дать возможность принять участие в вашем гомерическом хохоте. А с другой стороны, этот человек пользуется «мнимой» связью с тобой, чтобы хвастаться ею перед иностранцами и одновременно обвинять нас. Наконец, я считаю необходимым, чтобы ты или через меня или сам непосредственно послал ему записку, в которой ты вежливо откажешься от дальнейшей переписки с ним, учитывая, что для него в Лондоне юмор вполне безопасен, между тем как вы в Кёльне можете жестоко поплатиться за него, и не только вы, но и наши партийные товарищи в Германии, на которых это может плохо отразиться. Что может быть более роковым и вместе с тем более смешным, чем быть распятым на кресте из-за фантазии, которая взбрела на ум «плотнику»[487]...

Впервые опубликовано в книге: «Anklageschrift gegen P. G. Roeser, J. H. G. Burgers, P. Nothjung, W. J. Reiff, H. H. Becher, R. Daniels, C. W. Otto, A. Jacobi, J. J. Klein, F. Freiligrath». Koln, 1852

Печатается по тексту книги

Перевод с немецкого

[*] См. настоящий том, стр. 171—172. *Ред.*

[**] Библия. Книга псалмов, псалом 137, стих 1. *Ред.*

89

МАРКС — ГЕРМАНУ БЕККЕРУ [488]

В КЁЛЬН

[Лондон], 8 февраля 1851 г.

... *Кстати!* Виллиху и Шапперу вкупе с Бартелеми и т. д. благодаря невероятному хвастовству относительно их влияния в Германии и неслыханной клевете на нас удалось, наконец, настолько одурачить Луи Блана, что он объединился с этой «чернью» для устройства банкета в честь февральской революции и выпустил вместе с ними программу празднества и что-то вроде манифеста. Малыш попал в ловушку из-за своего тщеславия, желая показать Ледрю-Роллену, что и у него есть немецко-французско-польско-венгерская свита. Теперь дело опять совершенно расстроилось. Малыш опасается, что он напрасно скомпрометировал себя и зря изменил нам, ведь у него с 1843 г. было что-то вроде союза с нами, хотя и не особенно сердечного.

А знаешь ли ты, чем Виллих прежде всего импонирует друзьям? Своим *огромным влиянием в Кёльне.* Тем более необходимо, чтобы ты послал мне письма; надо поставить преграду действиям «плотника». *Прощай!*

Впервые опубликовано в книге: «Anklageschrift gegen P. G. Roeser, J. H. G. Burgers, P. Nothjung, W. J. Reiff, H. H. Becker, R. Daniels, C. W. Otto, A. Jacobi, J. J Klein, F. Freiligrath». Koln. 1852

Печатается по текста книги

Перевод с немецкого

90

МАРКС — ГЕРМАНУ БЕККЕРУ [489]

В КЁЛЬН

[Лондон], 28 февраля [1851 г.]

Дорогой Беккер!

Надеюсь, что «Rheinische Zeitung» ты получил. Я не понимаю твоего молчания. Если бы ты прислал мне *письма Виллиха,* которые я у тебя просил, то мне не пришлось бы сообщать о нижеследующих гнусностях. Я все же вынужден просить тебя *немедленно прислать мне эти письма...* Нижеследующее сообщение посылаю тебе, дабы ты дал прочитать его всем нашим друзьям. Пусть они разнесут весть об этом по всей Германии.

Речь идет о лондонском банкете 24 февраля под председательством доблестного рыцаря *Виллиха,* на котором с возгласами «Гайнау!» были публично избиты двое наших друзей и партийных товарищей[*]. Для понимания изложенных ниже фактов необходимы следующие предварительные пояснения:

Французская эмиграция, как и все прочие, была расколота на различные группировки. Затем она основала объединенное общество на Чёрч-стрит, которое должно было носить *филантропический* характер — оказывать помощь эмигрантам. Политика была изгнана из него. Таким образом создавалась нейтральная почва для всех оттенков французской эмиграции. Здесь очутились одновременно — Ледрю-Роллен и Луи Блан. монтаньяры и кабетисты, бланкисты и т. д.

Приближалось 24 февраля. Вы знаете, что к такой возможности поважничать французы так же долго готовятся, обсуждая ее и рассматривая ее со всех сторон, как женщина к предстоящим родам. Общество на Чёрч-стрит созвало поэтому общее собрание, чтобы подготовиться к празднованию этого «славного» дня. На нем присутствовали Луи Блан и Ледрю-Роллен. Маленький Блан — nota bene[**], он не может импровизировать, он пишет свои речи и заучивает их наизусть перед зеркалом — встал и произнес искусно составленную, тщательно отделанную иезуитскую речь, в которой он старался доказать, что это общество, которое носит филантропический характер, не может устраивать *политического* банкета, а следовательно, и празднества в честь февральской революции. Ледрю-Роллен возражал ему. Маленький Блан в пылу полемики проговорился, что так как *Ледрю и Мадзини не включили его в Европейский центральный комитет*[490], то и он не будет участвовать вместе с ними ни в каком банкете. Ему ответили, что банкет устраивает не Европейский центральный комитет, а общество на Чёрч-стрит, в котором представлены все оттенки французской эмиграции.

На следующий день это общество получило письмо от Л. Блана с извещением, что он намеревается устроить грандиозный контрбанкет...[491]

Таким образом Луи Блан привлек к участию в своем банкете Гарни и с ним часть его сторонников. Английский фундамент был заложен. Но не хватало еще континентального фона, который играл бы всеми цветами радуги, подобно Европейскому центральному комитету. С этой целью Луи Блан устремил свои взоры знатока на карикатуру мадзинистского комитета, на *комитет Виллиха — Шаппера — Бартелеми — Видиля и К°*.

[*] — Конрад Шрамм и Вильгельм Пипер. *Ред.*
[**] — заметь себе. *Ред.*

Несколько слов о возникновении и характере этого комитета и об его охвостьях в соответствующих различных обществах.

Когда Виллих и Шаппер вместе с их сторонниками были исключены из Союза*, они объединились с Видилем и Бартелеми и с подонками польской, венгерской и итальянской эмиграции и заставили весь этот сброд признать их европейским центральным комитетом. Шаппер и Виллих, которые, конечно, надеялись, что издали эта грязная, безвкусная и жалкая мозаика покажется произведением искусства, преследовали еще особую цель. Они хотели показать коммунистам в Германии, что европейская эмиграция идет за ними, а не за нами, и что они — хочет ли этого Германия или нет — полны решимости при первой возможности захватить там власть...

Чтобы провести свою интригу против Чёрч-стрит, Л. Блан не погнушался связаться с этой презираемой им шайкой. Они, конечно, были в восторге. Наконец-то они завоевали себе *положение.* Хотя эти господа и стремятся исключить из своего общества всех литераторов, но стоит только какому-нибудь известному писателю предложить им свои услуги, как они обеими руками ухватываются за него. Шаппер и Виллих предвкушали уже приближение своего триумфа... тогда ведь германские коммунисты не выдержат и с раскаянием вернутся под их защиту и покровительство...

Банкет состоялся в Ислингтоне 24 февраля. На нем присутствовали двое наших друзей, Шрамм и Пипер... Были зачитаны приветствия. Л. Блан прочел приветствие своих делегатов. Ландольф — приветствие депутата Греппо (второго приветствия в Париже раздобыть не удалось), один из поляков огласил приветствие от нескольких своих единомышленников в Париже, а великий Виллих, который *председательствовал,* прочел приветствие из Ла-Шо-де-Фон. Из Германии им ничего не удалось получить...[492]

Теперь вы должны сделать все, что в ваших силах, чтобы заклеймить этих трусливых клеветников и гнусных бандитов перед германским пролетариатом и вообще всюду, где это только возможно.

Для этого необходимо, чтобы вы тотчас же прислали письма Виллиха.

Впервые опубликовано в книге: «Anklageschrift gegen P. G. Roeser, J. H. G. Burgers, P. Nothjung, W. J. Reiff, H. H. Becker, R. Daniels, C. W. Otto, A. Jacobi, J. J. Klein, F. Freiligrath». Koln, 1852

Печатается по тексту книги

Перевод с немецкого

* — Союза коммунистов. *Ред.*

91

МАРКС — ГЕРМАНУ БЕККЕРУ [493]

В КЁЛЬН

[Лондон], 9 апреля 1851 г.

Дорогой Беккер!

Прилагаю забавное сочиненьице из школы Кинкеля. Для Союза* здесь собрано 15 шиллингов. Недостает еще 10 шилл., на эту сумму уже произведена подписка, но деньги еще не получены. Я буду действовать так, как ты предлагаешь. Считай за мной один фунт. Дело в том, что 5 шилл. получить не удастся, ввиду ухудшившегося материального положения того члена, который должен их уплатить...

Впервые опубликовано в книге: «Anklageschrift gegen P. G. Roeser, J. H. G. Burgers, P. Nothjung, W. J. Reiff, H. H. Becker, R. Daniels, C. W. Otto, A. Jacobi, J. J. Klein, F. Freiligrath». Koln, 1852

Печатается по тексту книги

Перевод с немецкого

92

ЭНГЕЛЬС — ВИЛЬГЕЛЬМУ ВОЛЬФУ

В ЦЮРИХ

[Манчестер, 1 мая 1851 г.]

Дорогой Лупус!

Из даты твоего письма, которое мне привез Маркс (он был у меня в Манчестере несколько дней назад[494]), я с ужасом вижу, что оно было отправлено почти месяц тому назад. Впрочем, Маркс сказал мне, что он сейчас же написал тебе.

Что касается твоих американских планов, то выбрось их из головы. Ехать туда не к чему, так как, зная английский язык, ты сможешь сейчас устроиться и в Лондоне. На людей, знающих древние языки так основательно, как ты, там большой спрос, в особенности, если у тебя есть аттестаты. Ведь даже совершенно незначительным личностям удавалось получить прекрасные должности. История с американской газетой — шарлатанство. Если бы это было дело серьезное, то неужели

* — Союза коммунистов. *Ред.*

ты думаешь, что этот малый стал бы выписывать себе редактора из Европы и ждать столько времени? Кто знает, как там обстоит дело и что с тех пор из всего этого вышло! Аванса на путевые издержки тебе пришлось бы ждать до второго пришествия. Да и в лучшем случае не такое это дело, чтобы из-за него стоило ехать в Чикаго; самые обыкновенные дровосеки получают 4 доллара в неделю, и при этом их должны уведомлять об увольнении за неделю вперед — правило, которое там очень широко распространено.

...* Надеюсь, ты их уже получил; как только ты их получишь, собери вещи, возьми паспорт для поездки в Лондон — и пускайся в плавание. Континентальные газеты пишут, будто английское правительство не пускает сюда больше эмигрантов. Глупости! Не давай вводить себя в заблуждение и не верь, если даже полиция скажет, что ты должен получить визу английского посланника в Берне. Ничего подобного тебе не нужно. Тебе нужна только виза для проезда через Францию, следовательно, виза французского посланника, которую тебе достанут швейцарцы. Ты спокойно проедешь через Францию и приедешь сюда. Даже в том случае, если французы направят тебя в Гавр, а оттуда захотят отправить в Америку, — а от них этого можно ожидать, — тебе просто надо будет в Гавре сесть на пароход, отправляющийся в Саутгемптон или Лондон. Ты же знаешь, что здесь никого не задерживают на границе; несмотря на всю эту болтовню реакционной прессы, я рассчитываю увидеть тебя в Лондоне во время выставки[495]. Повторяю, не давай вводить себя в заблуждение и при всех обстоятельствах настаивай на том, что ты хочешь ехать в Лондон. Если французское правительство будет чинить тебе препятствия по части проезда и если твои средства это позволяют, то было бы даже лучше ехать тем путем, который избрал я...**. Напиши Лоренцо Кьоцца...** чрезвычайно учтивое письмо, скажи, что ты узнал его адрес от одного из его земляков, и попроси оказать тебе любезность и сообщить, есть ли там сейчас суда, отправляющиеся в Англию, и какие именно (парусные суда или пароходы), а также когда приблизительно они отплывают. Попроси также сообщить тебе фамилии капитанов. Тогда ты сможешь или письменно связаться с этими капитанами (письма адресуй на суда) или поехать прямо туда. Мое путешествие, включая питание, стоило мне 6 фунтов (150 французских франков). Тебе оно, может быть, обойдется даже дешевле. Путешествие до Генуи будет стоить

* В этом месте рукопись повреждена. Начала абзаца не хватает. *Ред.*
** В этом месте рукопись повреждена. *Ред.*

недорого, если большую часть пути до Турина, — а до этого пункта местность поразительно красива, — ты пройдешь пешком через Женеву и Монсени или еще короче — через большой Сен-Бернар (Мартиньи — Ивреа). От Турина почти до самого подножия Апеннин к твоим услугам будет железная дорога. Или еще более короткий пешеходный путь: через долину Рейса, Фурку, Симплон и оттуда прямо на Алессандрию. Все эти дороги очень хороши. Для морской поездки погода сейчас великолепная (преобладают восточные ветры), и плавание по Средиземному морю будет очень интересно. Путешествуй, по возможности, на английских кораблях. По-моему, все это обойдется в 250 франков, а уж 300 хватит наверное. Вопрос в том, достанут ли тебе кёльнцы* эти деньги. Но в Англию ты во всяком случае должен приехать. Я сейчас же напишу Марксу, чтобы он еще раз написал в Кёльн по поводу денег. Если денег еще нет, то не повредит, если и ты тоже еще раз напишешь Даниельсу или Бюргерсу.

Что касается билетов из Англии в Нью-Йорк, то они дьявольски дороги; пассажирам третьего класса часто приходится очень плохо; подобный случай как раз обсуждается сейчас в парламенте. Каюта I класса стоит обычно 15—20 фунтов стерлингов. Все это мы выясняли, когда сами намеревались тронуться дальше. II класс на саутгемптонских пароходах хорош и дешев. Совершают рейсы также отдельные винтовые пароходы; если бы удалось попасть как раз на один из них, то можно дешево и скоро проехать II классом. Во всяком случае, я твердо надеюсь, что ты приедешь сюда и здесь останешься. Здесь у тебя больше шансов, чем в Америке, да и кроме того, раз попав туда, не так-то легко вернуться обратно. В Америке отвратительно: Гейнцен считается там самым великим человеком, а нахальный Струве будет сейчас объезжать всю страну, поливая ее своими испражнениями. Черт побери тамошнюю публику! Лучше быть рабом на турецкой галере, чем газетным сотрудником в Америке.

Дай поскорее о себе знать и приезжай скорее.

Твой ***Ф. Э.***

Адрес: Эрмен и Энгельс, Манчестер.

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXV. 1934 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

* — члены Центрального комитета Союза коммунистов в Кёльне. *Ред.*

93

МАРКС — РОЛАНДУ ДАНИЕЛЬСУ [496]

В КЁЛЬН

[Лондон, май 1851 г.]

... Коммунистам предстоит показать, что только при коммунистических отношениях уже достигнутые технологические истины могут быть осуществлены на практике...

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXV, 1034 г.

Печатается по рукописи письма Даниельса Марксу от 1 июня 1851 г.

Перевод с немецкого

94

ЭНГЕЛЬС — ИОСИФУ ВЕЙДЕМЕЙЕРУ [497]

ВО ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Манчестер, 19 июня 1851 г.

Дорогой Ганс!

Маркс только что передал мне твое письмо, из которого я, наконец, узнал твой точный адрес. Я уже довольно давно его разыскиваю, так как хочу спросить тебя о следующем.

С тех пор как я переселился в Манчестер[498], я начал зубрить военные науки, по которым здесь нашелся довольно порядочный материал, — по крайней мере для начала. Огромное значение, которое получит военная сторона дела в ближайшем движении, мои старые наклонности, мои венгерские военные корреспонденции в газете*, наконец, мои доблестные похождения в Бадене[499] — все это побудило меня работать в этом направлении, и я хочу достигнуть в этой области того, чтобы я мог высказывать известные теоретические суждения и не очень осрамиться при этом. Имеющийся здесь материал относительно наполеоновских и отчасти революционных войн предполагает знание множества деталей, которых я не знаю или знаю очень поверхностно и относительно которых либо совсем не удается получить разъяснений, либо получаешь лишь очень поверхностные; при этом приходится отыскивать их с большим трудом. Быть самоучкой вообще чепуха, и если не приняться за дело

* — «Neue Rheinische Zeitung». *Ред.*

систематически, то не достигнешь никаких серьезных результатов. Чтобы тебе было понятнее, что мне, собственно, нужно, я напомню тебе, что, — не говоря, конечно, о моем повышении в чине в баденских войсках, — я не пошел дальше королевско-прусского бомбардира ландвера[500], поэтому для понимания деталей военных кампаний мне не хватает промежуточного звена, которое дается в Пруссии экзаменом на чин лейтенанта, и притом в различных родах войск. Конечно, дело идет не о деталях муштры и т. д., которые мне совершенно не нужны, так как моя слепота, как я теперь окончательно убедился, делает меня неспособным к активной службе. Дело идет об общем ознакомлении с элементарными знаниями, необходимыми в различных отраслях военного дела. Детали нужны постольку, поскольку они необходимы для понимания и правильной оценки военно-исторических фактов. Так, например, нужно знание элементарной тактики, теории фортификации в более или менее историческом разрезе, охватывающей различные системы, начиная с системы Вобана и кончая современными системами отдельных фортов, знакомство с полевыми укреплениями и иными вопросами, относящимися к военно-инженерному делу, как, например, различные виды мостов и т. п.; далее — всеобщая история военной науки и тех ее изменений, которые были вызваны развитием и усовершенствованием оружия и методов его применения. Затем необходимо основательное знакомство с артиллерией, так как я многое забыл, а многого и совсем не знаю; требуются и некоторые другие материалы, о которых сейчас я не могу вспомнить, но которые тебе, конечно, известны.

Укажи мне, пожалуйста, источники по всем этим элементарным вопросам, так, чтобы я мог их немедленно достать. Всего нужнее мне такие книги, из которых я, с одной стороны, мог бы составить себе представление о современном общем положении отдельных отраслей военного дела, а с другой стороны, о различиях между разными современными армиями. Так, например, я хотел бы знать о различных конструкциях лафетов полевых орудий и т. п., о различной структуре и организации дивизий, армейских корпусов и т. п. Особенно мне хотелось бы получить всевозможную информацию об организации армий, о снабжении, о лазаретах и о необходимом для любой армии снаряжении.

Ты видишь теперь приблизительно, что именно мне нужно и какие книги ты должен мне указать. Мне кажется, что как раз по части таких руководств в немецкой военной литературе есть более подходящие сочинения, чем во французской или английской. Само собой разумеется, что мне важно знание практических, в действительности существующих вещей, а

не систем или выдумок непризнанных гениев. Что касается артиллерии, то лучше всего, пожалуй, взять руководство Бема[501].

По военной истории нового времени, — история более ранних эпох меня мало интересует и, кроме того, для этого у меня есть старик Монтекукули, — я располагаю здесь, конечно, французскими и английскими источниками. Среди этих последних особенно выделяется история Испанской войны генерал-лейтенанта Уильяма Нейпира; это лучшее из всего того, что я до сих пор читал из области военно-исторической литературы. Если ты не знаком с этой книгой и можешь ее там достать, то ее стоит прочесть («История войны на Пиренейском полуострове и на юге Франции», 6 томов). Из немецких сочинений у меня нет ничего, между тем кое-какие из них мне необходимо достать; прежде всего, я полагаю, — Виллизена и Клаузевица. Что представляют собой они оба и что у них заслуживает внимания по части теории или истории? Как только я несколько продвинусь вперед, я примусь по-настоящему за историю кампаний 1848—1849 гг., особенно за итальянскую и венгерскую. Не знаешь ли ты какого-либо более или менее официального или же вообще сколько-нибудь дельного отчета о баденской кампании, изданного прусской стороной?

Далее, я хотел бы, чтобы ты указал мне хорошие, не слишком дорогие, но вполне пригодные для изучения кампаний, начиная с 1792 г., специальные карты Германии (особенно Вюртемберга, Баварии, Австрии 1801—1809 гг., Саксонии, Тюрингии, Пруссии 1806—1807 и 1813 гг., Северо-Восточной Франции 1814 г., Ломбардии, Венгрии, Шлезвиг-Гольштейна, Бельгии). У меня есть большой атлас Штилера, но он совершенно недостаточен. Планы сражений за время с 1792 по 1814 г. у меня есть; они приведены в атласе, приложенном к алисоновской «Истории Европы со времен французской революции», но я обнаружил, что многие из этих планов не верны. Нет ли в Германии подобных атласов, не слишком дорогих, но надежных?

Знаешь ли ты Жомини, которого так превозносят французы? Я знаю его только со слов г-на Тьера, который, как известно, бессовестно списывал у него. Этот маленький Тьер — один из самых бесстыдных лжецов, какие только существуют, и нет ни одного сражения, относительно которого он привел бы верные цифры. Так как г-н Жомини впоследствии перебежал к русским, то он, конечно, имел основания для того, чтобы изображать подвиги французской доблести в менее сверхчеловеческих масштабах, чем это делает г-н Тьер, у которого один француз всегда побеждает двух неприятелей.

Вот тебе целая куча вопросов. Помимо всего прочего, надеюсь, что преследования евреев, которые сейчас имеют место в Германии, не получат дальнейшего распространения. Однако арест Д[ание]льса наводит на размышления. Здесь, по-видимому, собираются произвести обыски, чтобы притянуть к этому делу и нас, но это не так-то просто и по всей вероятности ни к чему не приведет, так как у нас ничего не найдут.

По поводу плана создания в Лондоне литографического бюро для Америки* тебе, очевидно, напишет Маркс. Подобная затея обойдется здесь очень дорого, если все как следует организовать, а американские газеты в большинстве своем очень несолидны. Лупус** и Фрейлиграт находятся в Лондоне. Я также пробыл там в начале этого месяца две недели.

Поскольку, судя по всему, ты скоро тоже прибудешь туда, то лучше всего было бы, если бы ты заключил с одной или несколькими газетами или журналами соглашение относительно корреспондирования и т. п. В Лондоне это очень выгодно, но, конечно, места в наиболее платежеспособных газетах уже заняты. Кроме того, еще вопрос — что за пресса теперь в Германии.

Полководец Виллих по-прежнему живет в своей казарме за счет казармы и при помощи казармы. Как ты думаешь, не соорудить ли в противовес нечто подобное в грандиозных размерах?

Напиши поскорее твоему

Ф. Э.

Адрес: Эрмен и Энгельс, Манчестер.

Впервые полностью опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXV, 1934 г.

Печатается т рукописи

Перевод с немецкого

95

МАРКС — ИОСИФУ ВЕЙДЕМЕЙЕРУ ВО ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

[Лондон], 27 июня 1851 г.

Дорогой Ганс!

Я не знаю, правильно ли я поступаю, посылая тебе письмо через Фабрициуса. Кто поручится, что этот человек не будет схвачен на границе, — ведь он набрал здесь целый чемодан писем.

---

* Ср. настоящий том, стр. 265. *Ред.*

** — Вильгельм Вольф. *Ред.*

Хотя из американского плана, который ты задумал, ничего не выходит, — Энгельс, вероятно, уже писал тебе об этом*, — тебе все же не остается ничего иного, как приехать сюда нам на подмогу. Может быть, найдется какая-нибудь совместная работа, — конечно, просто для заработка, так как нужно жить.

Я знаю теперь из *достоверного* источника, что в арестах наших друзей сыграли роль измена и доносы. Я *внутренне* убежден, что в этой подлости участвовали гг. Виллих и Шаппер и их гнусная банда негодяев. Ты понимаешь, насколько важно для этих «великих мужей» in partibus** устранить в Германии тех, кто, по их мнению, преграждает им путь к трону. Эти ослы не понимают, что их считают ослами и что в лучшем случае их дарят только презрением.

Несмотря на свою филистерски-честную, спартански-постную, унтер-офицерски лицемерную мораль, Виллих является совершенно обыкновенным, — заметь, *совершенно обыкновенным* — пройдохой и кабацким завсегдатаем и кроме того, — за последнее я не ручаюсь, хотя это сообщил мне один респектабельный филистер, — он *шулер.* Этот малый целый день проводит в кабаках, но, конечно, в *демократических,* где он угощается даром и вместо платы приводит с собой гостей, развлекая их своими стереотипными фразами о грядущей революции, которым этот рыцарь сам перестал верить, постоянно повторяя их при самых различных обстоятельствах и всегда с одинаковым успехом. Этот субъект — самый низкий *блюдолиз.* Но все это, конечно, проделывается под патриотическими предлогами.

Весь коммунизм этого субъекта сводится к тому, что он решил вести привольную жизнь на общественный счет вкупе с прочими странствующими рыцарями. Вся деятельность этого человека заключается в том, что он сплетничает и лжет о нас в кабаках и хвастается своими связями в Германии, которых у него нет, но в которые верят его сотоварищи: «центральный паяц»[502] А. Руге, чурбан Гейнцен и лживый комедиант, жеманный богословствующий беллетрист Кинкель. Этими связями он хвастается также и перед французами.

Между прочим, вышеупомянутый поповский Адонис обивает пороги всех буржуазных домов, где его кормят и ласкают и т. д. и т. д., и в то же время продолжает тайком поддерживать

* См. настоящий том, стр. 486. *Ред.*

** — in partibus infidelium—вне реальной действительности, за границей (буквально: «в стране неверных» — добавление к титулу католических епископов, назначавшихся на чисто номинальные должности епископов нехристианских стран). *Ред.*

запретную связь с Шаппером и Виллихом, желая оставаться в контакте также и с «рабочей партией». Этот малый хотел бы быть всем для всех. Он во всем поразительно похож на Ф[ридриха]-В[ильгельма] IV, который является не чем иным, как Кинкелем на троне, и отличается таким же бесцветным краснобайством.

Если ты спросишь меня, откуда взять тебе здесь средства к жизни, то я отвечу: следуй по стопам храброго Виллиха. Он не сеет, не жнет, а отец небесный все же питает его.

Но серьезно: если тебе опасно оставаться в Германии, то тебе следует приехать сюда. Если же ты спокойно можешь жить в Германии, то, конечно, лучше оставаться там. Ибо силы там нужнее, чем здесь.

Твой ***К. М.***

Между прочим, внешняя торговля Англии составляет по меньшей мере $^{1}/_{3}$ всей ее торговли, а после отмены хлебных пошлин даже больше. Но весь довод г-на Криста ничего не стоит. Уже Пинто разъяснил[503], что если для известной вещи необходимо $^{10}/_{10}$, то последняя $^{1}/_{10}$ столь же важна, как и предыдущие $^{9}/_{10}$. Если даже предположить, что внешняя торговля Англии составляет только $^{1}/_{4}$ (что не верно), то несомненно, что без этой $^{1}/_{4}$ остальные $^{3}/_{4}$ не могут существовать, а тем более $^{4}/_{4}$, составляющие цифру 1.

Демократы уже давно привыкли не упускать ни одного случая, чтобы не скомпрометировать себя, не выставить себя на посмешище и не поплатиться собственным горбом. Но бессилие этих «бесконечно малых» никогда еще не проявлялось с такой поразительной силой, как в том органе, который издают здешние «центральные» демократы — Руге, Хаупт, Ронге и др. Под крикливым заголовком «Der Kosmos» (Фрейлигрaт правильно называет его «Das Kosmos») здесь выходит дрянной еженедельник, подобного которому по бесстыдной Пошлости и ничтожеству, пожалуй, еще никогда не создавал немецкий язык, — а ведь это что-нибудь да значит. Даже ни одна из демократических газеток, издающихся в захолустных немецких церковных приходах, не испускала такого зловония.

Было бы хорошо, пожалуй, чтобы спокойные времена продолжались еще несколько лет, надо дать время сгнить всей этой демократии 1848 года. Как ни бесталанны наши правительства, они все же являются настоящими lumina mundi* по сравнению с этими важничающими посредственными ослами.

* — светилами. *Ред.*

Прощай!

С 9 часов утра до 7 часов вечера я бываю обычно в Британском музее[*]. Материал, над которым я работаю, так дьявольски обширен, что, несмотря на все напряжение, мне не удастся закончить работу раньше, чем через 6—8 недель. К тому же, постоянно возникают всевозможные практические помехи, неизбежные при тех нищенских условиях, в которых здесь приходится прозябать. Но «вопреки всему, всему»[**] дело быстро двигается к концу. Надо же когда-нибудь во что бы то ни стало кончить. Демократическим «простакам», которым приходит наитие «свыше», таких усилий, конечно, не нужно. Зачем этим счастливчикам мучить себя изучением экономического и исторического материала? Ведь все это *так просто,* как говорил мне бывало достойный Виллих. Все так просто! Да, — в этих пустых башках! Вот уж действительно простаки!

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXV, 1934 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

96
ЭНГЕЛЬС—ЭРНСТУ ДРОНКЕ В ЖЕНЕВУ

Манчестер, 9 июля 1851 г.

Дорогой Дронке!

Ты долгое время не получал от нас никаких известий, потому что После смерти Галера у нас не было твоего адреса, а потом, когда ты дал нам адрес Шустера, до нас дошли сведения, что ты скоро сам приедешь в Англию. Но так как Лупус[***] вот уже целый месяц живет в Лондоне, а о тебе ничего не слышно, то нам остается предположить, что ты еще некоторое время останешься там.

О лондонских событиях прошлой осени ты знаешь[504]. То, о чем тебе не сообщали отсюда, ты должен был узнать из опубликованных за это время документов. Поэтому, чтобы ознакомить тебя с положением вещей, мне придется сообщить тебе только о некоторых происшествиях за последующий период.

Так как я с ноября 1850 г. сижу в Манчестере, а Марксу трудно говорить по-английски, то связи с Гарни и чартистами несколько ослабли. Этим воспользовались Шаппер, Виллих,

[*] — библиотеке Британского музея. *Ред.*
[**] Слова из стихотворения Фрейлиграта «Вопреки всему!» *Ред.*
[***] — Вильгельм Вольф. *Ред.*

Л. Блан, Бартелеми и др., — словом, вся немецко-французская орава, недовольная, с одной стороны, нами, с другой стороны — ледрю-мадзиниевским комитетом[505], — для того, чтобы впутать Гарни в организацию банкета для празднования 24 февраля. Это им удалось. На этом банкете произошли следующие курьезы:

1) Двое присутствовавших там наших друзей[*], в том числе Шрамм, были выброшены немецким эмигрантским сбродом. Дело приняло серьезный оборот и чуть не дошло до суда, но было нами улажено, после того как обиженные получили достаточное удовлетворение. Этот инцидент привел к несколько натянутым отношениям с Гарни, который неважно себя вел при этом. Зато Джонс, который вообще совсем другой человек, чем Гарни, — целиком на нашей стороне и в настоящее время пропагандирует среди англичан «Манифест»[**].

2) Г-н Виллих, за неимением приветствий из Германии, огласил одно из Швейцарии. Под ним была и *твоя* подпись. Конечно, мы здесь не можем знать, путем какого обмана или подделки твое имя попало в подобный документ; во всяком случае, после того как ты сам надлежащим образом расследуешь это дело, ты должен сообщить нам все необходимые сведения. В отчете о банкете напечатано, между прочим, и это приветствие с твоей подписью под ним. Можешь себе представить, каково было ликование, когда в числе подписавшихся оказался один из редакторов «Neue Rheinische Zeitung».

3) Инцидент с тостом Бланки. Бартелеми, прикидываясь бланкистом, уговорил Бланки прислать на банкет тост, и Бланки прислал великолепную атаку на все временное правительство, в том числе на Блана и К°. Пораженный, как громом, Бартелеми доложил об этом документе, и было решено его не оглашать. Но Бланки знал, с кем он имеет дело, и одновременно с банкетом текст тоста появился в парижских газетах и испортил весь эффект. Маленький сентиментальный враль Л. Блан заявил в «Times», а весь комитет — Виллих, Шаппер, Л, Блан, Бартелеми, Видиль и др. — в «Patrie», что они ничего не знали о тосте. Но «Patrie» к этому сообщению добавила, что зять Бланки, Антуан, у которого газета навела справки, послал тост подписавшему заявление г-ну Бартелеми и имеет на руках его расписку. После этого Бартелеми заявил, что все это верно, что всю вину он принимает на себя, что он солгал — тост он получил, но не огласил его, чтобы не нарушать гармонии. Однако, к несчастью, одновременно с этим бывший драгунский

[*] — Вильгельм Пипер и Конрад Шрамм. *Ред.*

[**] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Манифест Коммунистической партии». *Ред.*

капитан Видиль заявил, что он признается во всем: Бартелеми доложил комитету текст тоста, и комитет решил его не оглашать. Какой конфуз для всей этой банды! Мы перевели тост на немецкий язык и распространили его в 30000 экземпляров в Германии и Англии[506].

Во время ноябрьской мобилизации[507] подложные письма привели Виллиха в такой восторг, что он захотел революционизировать мир с помощью прусского ландвера. В наших руках находятся чрезвычайно комичные документы и революционные прожекты на этот счет. В свое время они будут использованы, Прежде всего предполагалось истребить «писательские элементы» и должна была быть объявлена диктатура мобилизованных эйфельских крестьян. К несчастью, из этого ничего не вышло.

С тех пор эти великие мужи, заключившие между собой союз и гарантировавшие друг другу право на господство и бессмертие, тщетно выбиваются из сил, стараясь завоевать себе хоть какое-нибудь положение. Все напрасно. Им пришлось удовлетвориться тем, что среди всех произведенных в Германии обысков и арестов нет ни одного, который был бы вызван связями с ними.

Но зато мы довольны тем, что отделались от всей этой болтливой, путаной и бессильной лондонской эмигрантщины — и снова можем, наконец, беспрепятственно работать. К бесчисленным личным подлостям, совершаемым этой сворой, мы сможем теперь относиться с полным безразличием. Мы всегда стояли выше этого сброда и при каждом серьезном движении обуздывали его; практические уроки после 1848 г. нас очень многому с тех пор научили, а спокойное время после 1850 г. мы должным образом использовали для дальнейшей зубрежки. Когда опять что-либо произойдет, у нас будет еще значительно больше преимуществ перед ними, и притом в таких областях, о которых они и не думают. Помимо всего прочего, у нас еще то огромное преимущество, что все они карьеристы, а мы нет. Непонятно, как после всего пережитого существуют еще такие ослы, высшие устремления которых не идут дальше того, чтобы на другой же день после первого победоносного восстания, — которое они называют революцией, — вступить в какое-нибудь правительство, а потом через какой-нибудь месяц оказаться растоптанными или скомпрометированными и отброшенными в сторону, как это случилось с Бланом и Флоконом в 1848 году. Представь себе правительство Шаппера — Геберта — Мейена— Хауде — Виллиха! К сожалению, эти бедняги никогда не получат такого удовольствия; они опять очутятся в хвосте и потому смогут лишь вызвать кое-какую сумятицу в мелких городах и среди крестьянства.

Что ты, собственно, делаешь в Женеве? Рассказывают, что ты стал супругом и отцом и в то же время состоишь в очень дружеских отношениях с Мозесом* — из-за внимания к его супруге. Другие говорят, что все это чистая клевета, но, находясь от тебя на расстоянии десяти градусов широты, об этом трудно судить. Фрейлигрaт также в Лондоне и издает новый том стихотворений. Веерт живет в Гамбурге и, подобно мне, до ближайшей потасовки ведет коммерческую корреспонденцию. Из своего испанского путешествия он ничего не привез с собой, — даже триппера. Впрочем, в этом месяце он приезжает в Лондон. Красный Вольф** прошел через различные фазы ирландофильства, буржуазных...***, сумасшествия и других интересных состояний и окончательно променял водку на смесь портера с элем. Отец Маркс ежедневно ходит в библиотеку и поразительным образом увеличивает как свои познания, так и свою семью. А я пью ром и воду, зубрю, вожусь с пряжей и скучаю. Вот тебе резюме наших личных дел.

Так как аресты в Германии заставляют нас снов,а всячески позаботиться об установлении связей и опять приняться за кое-какую порученную было другим работу, то ты непременно должен как можно скорее написать нам, как обстоит дело в Швейцарии. Итак, отвечай немедленно. Если тебе нужны еще какие-нибудь разъяснения, то укажи, по какому пункту. Письма адресуй на мое имя — гг. Эрмену и Энгельсу, Манчестер, через Кале.

Твой ***Ф. Энгельс***

Рпервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXV, 1934 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

97

МАРКС — ИОСИФУ ВЕЙДЕМЕЙЕРУ [508]

В ЦЮРИХ

[Лондон], 2 августа 1851 г.
28, Deanstreet, Soho

Дорогой Вейдемейер!

Я только что получил от Энгельса твое письмо и спешу ответить тебе. Если уже невозможно удержать тебя здесь, то я,

* — Гессом. *Ред.*
** — Фердинанд Вольф. *Ред.*
*** Здесь в оригинале неразборчиво. *Ред.*

конечно, очень хотел бы, по крайней мере, повидаться и поговорить с тобой до твоего отъезда.

Но если уж ты решил ехать в Америку, то сейчас как раз наиболее благоприятный момент как для того, чтобы найти там средства к существованию, так и для того, чтобы принести пользу нашей партии.

Ты почти наверняка получишь место редактора в «New-Yorker Staatszeitung». Раньше это место предлагали Лупусу*. Он прилагает здесь письмо к Рейххельму, одному из собственников газеты. Вот и все о практических делах. Но не теряй времени.

Теперь другое. Г-н Гейнцен вместе с достойным Руге каждую неделю громит в нью-йоркской «Schnellpost» коммунистов, в особенности меня, Энгельса и др: Вся здешняя демократическая сволочь использует эту газету как яму для сбрасывания туда своих отбросов, на которых не произрастает, правда, ни злаков, ни плодов, но зато пышно расцветает чертополох. И, наконец, Гейнцен травит «Staatszeitung», а она не может справиться даже с этим противником.

Какую бы американскую политику ни вела «Staatszeitung», в области европейской политики у тебя будут руки развязаны. Гейнцен вообще выдает себя там за великого писателя. Американская пресса будет довольна, если туда приедет человек, который даст по рукам этому хвастливому крикуну.

Если ты станешь редактором, мы окажем тебе в твоей работе всяческую поддержку. К сожалению, лондонским корреспондентом «Staatszeitung» состоит проходимец и осел Зейлер. Необходимо заткнуть глотку также и члену европейского правительства, Руге.

Твоя статья, направленная против Криста, хороша. Мне нечего в ней изменять, замечу только, что в фабричных районах рабочие действительно женятся для того, чтобы выколачивать *деньги* из своих детей. Это прискорбно, но это факт.

Ты, конечно, понимаешь, что я нахожусь в очень печальном положении. Моя жена погибнет, если так будет долго продолжаться. Постоянные заботы, самая мелочная житейская борьба подтачивают ее силы. К этому еще присоединяется подлость моих врагов; они *еще ни разу* даже не попытались напасть на меня по существу и, мстя за свое собственное бессилие, распространяют обо мне невыразимые гадости и набрасывают тень на мою репутацию. Виллих, Шаппер, Руге и множество другой демократической сволочи специализировались на этом. Стоит

* — Вильгельму Вольфу. *Ред.*

только приехать кому-нибудь с континента, как сейчас же принимаются его обрабатывать, чтобы он, в свою очередь, занялся этим же делом.

Несколько дней тому назад «знаменитый» референдарий Шрамм* встречает на улице знакомого и сейчас же начинает ему нашептывать: «каков бы ни был исход революции, все согласны, что Маркс погиб. Родбертус, у которого больше всего шансов на успех, сейчас же велит его расстрелять». И так ведут себя все. Я, конечно, посмеялся бы над всей этой мерзостью, и она ни на минуту не отвлекает меня от моей работы, но ты понимаешь, что на мою жену, которая хворает и с утра до вечера занята самыми безрадостными житейскими заботами и нервная система которой издергана, не очень-то благотворно действует, когда изо дня в день через глупых сплетников до нее доходят зловонные испарения чумной демократической клоаки. Бестактность, проявляемая в этом отношении некоторыми людьми, бывает прямо невероятна.

Впрочем, здесь и речи нет о партиях. Великие мужи, несмотря на свои *мнимые* разногласия, занимаются здесь только тем, что взаимно подтверждают друг другу свою значительность. Ни одна революция не выбрасывала на поверхность подобного пустоголового сброда.

Если ты будешь в Нью-Йорке, то зайди к А. Дана из «New-York Tribune» и передай ему привет от меня и Фрейлиграта. Может быть, он окажется тебе полезным. Как только ты туда приедешь, немедленно напиши мне, но, как всегда, на адрес Энгельса, которому легче оплачивать почтовые расходы. Во всяком случае я жду, что ты мне еще напишешь несколько строчек, прежде чем отправиться за море. Когда приедет твоя жена, передай ей сердечный привет от меня и жены.

Если ты сможешь остаться в Нью-Йорке, ты будешь не так уже далеко от Европы, а поскольку в Германии печать совершенно подавлена, борьбу в печати можно вести только там.

Твой ***К. Маркс***

P. S. Только что я узнал, что великие мужи, Руге и его клика, Кинкель и его клика, Шаппер, Виллих и их клика, а также посредники между этими великими мужами, Фиклер, Гёгг и их клика, создали некое губкообразное объединение. Ты знаешь историю про крестьянина, который каждую дюжину четвертей зерна продавал ниже своей цены. Однако, сказал он, количество свое возьмет. Так же рассуждают и эти слабосильные людишки:

* — Рудольф Шрамм. *Ред.*

«масса, мол, свое возьмет». Впрочем, цементирующим веществом, которое связывает это тесто, является ненависть против «клики «Neue Rheinische Zeitung»», особенно против меня. Когда их дюжина, они-де настоящая сила.

Если ты не сможешь получить в Нью-Йорке в свои руки «Arbeiterzeitung», — что, разумеется, было бы лучше всего, — а потому будешь вынужден вести переговоры со «Staatszeitung», то остерегайся своего друга *Kanna,* который там подвизается. В наших руках имеются доказательства, что этот субъект — не знаю, по каким причинам — является главным интриганом, выступающим против нас.

Прощай, мой дорогой.

Впервые полностью опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXV, 1934 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

98

ЭНГЕЛЬС — ВИЛЬГЕЛЬМУ ВОЛЬФУ

В ЛОНДОН

Манчестер, 6 августа 1851 г.

Дорогой Лупус!

Я сегодня же наведу здесь справки относительно г-на Кендала и завтра сообщу тебе, что я о нем узнал. Если я к нему отправлюсь немедленно, до того как он пришлет тебе ответ и даст понять, что он на тебя рассчитывает, то это приведет лишь к тому, что он примет меня очень холодно и не скажет мне всего, что нужно. Эти джентльмены большие формалисты. Недавно Хайн просил места у этого же Кендала и сослался на меня, тем не менее Кендал не счел даже нужным навести у меня о нем справки. Если *после* этого эпизода я проявлю перед Кендалом слишком большую настойчивость, то это только повредит тебе. Как только получишь ответ от Кендала, сообщи мне, что он пишет, — я сейчас же пойду к нему, разузнаю для тебя все и всячески постараюсь настроить этого человека в твою пользу. Конечно, если бы приказы Хассенпфлуга о твоем аресте отпали, тебе тотчас же предоставили бы работу. Но обойдется и без этого. Если бы я мог добыть для тебя здесь какое-нибудь место, это было бы превосходно, но, к сожалению, у меня слишком мало знакомых в этой области, и, кроме того, частных учителей

берут здесь только для изучения новых языков, а лиц, знающих их, достаточно. Впрочем, я посмотрю, нельзя ли будет пустить в ход Уотса — он принимает участие в просветительном движении и имеет теперь множество знакомств.

Твой ***Ф. Э.***

На будущее время получше заклеивай конверты — твое письмо пришло ко мне более или менее открытым.

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXV, 1934 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

99

ЭНГЕЛЬС — ИОСИФУ ВЕЙДЕМЕЙЕРУ [509]

В ЦЮРИХ

Манчестер, 7 августа 1851 г.

Дорогой Вейдемейер!

Очень благодарен за твои сообщения. Я буду тебе очень обязан, если ты добудешь у Хофштеттера[510] дальнейшие сведения. Но мне казалось, что у тебя должны были остаться в памяти заглавия некоторых руководств и разных военных пособий; мне особенно нужны самые обычные и распространенные сведения, — то, о чем спрашивают на экзаменах прапорщиков и лейтенантов и что поэтому во всех книгах предполагается заранее известным. Деккера[511] я достал еще в Швейцарии в плохом французском переводе и без планов, но Маркс затерял эту книгу, и ее вряд ли удастся найти. Атлас я себе достану, но мне нужна еще карта Венгрии. Я знаю, что австрийский генеральный штаб опубликовал несколько изданий такого рода. Сообщи, такого ли характера твоя карта и сколько она стоит. На худой конец она все же скорее может пригодиться, чем большой атлас Штилера. Что касается Бадена и в особенности баденско-швейцарской границы по Рейну, то у меня сохранились достаточно хорошие карты их еще со времен кампании[512]. Через Веерта, который сейчас снова живет в Гамбурге, я разузнаю цены и решу тогда, что купить. Но, повторяю, я буду очень рад, если ты доставишь мне еще какие-нибудь сведения.

Очень плохо, что ты уезжаешь в Америку. Но, по правде сказать, я не знаю, что иное можно тебе посоветовать, если в Швейцарии нет ничего подходящего. В Лондоне нелегко устроиться, и Лупус* еще ничего не нашел. Он сам ищет места, и я стараюсь достать ему здесь что-нибудь, но пока безуспешно. По части музыки здесь огромная конкуренция. В конце концов от Англии, и особенно от Манчестера, Нью-Йорк не так уже далек: ведь пароходы регулярно совершают рейсы, находясь в пути от среды одной недели до субботы следующей; путешествие редко продолжается полные десять дней. В Нью-Йорке ты встретишь и маленького Красного Беккера**. Он был последнее время экспедитором «Arbeiterzeitung», но там ли он еще, я не знаю, так как давно уже ничего о нем не слышал. Его последний адрес был: 24 North Williamstreet, верхний этаж; если ты не знаешь его теперешнего адреса, то его наверное можно узнать у Льевра, отель «Шекспир», или в «Staatszeitung». Вообще в Нью-Йорке очень много работы, и там очень не хватает постоянного представителя нашей партии, который был бы и теоретически подготовлен. Ты встретишь там весьма различные элементы; наибольшей трудностью, с которой ты столкнешься, будет то, что немцы, которых можно использовать и которые чего-либо стоят, легко американизируются и теряют всякое желание вернуться на родину. Кроме того, приходится учитывать особенность американских условий — легкость отлива избыточного населения в сельскую местность, неизбежно быстрый и все ускоряющийся рост процветания страны, благодаря которому буржуазный строй кажется им прекрасным идеалом и т. д. Те из тамошних немцев, которые думают о возвращении, это — по большей части опустившиеся субъекты, извлекающие из революции выгоду a la Меттерних и Гейнцен. Наименее значительные из них наиболее жалки. Впрочем, ты найдешь в Нью-Йорке всю отечественную имперскую чернь[513]. Я не сомневаюсь, что ты там сможешь остаться. Кроме Нью-Йорка сносным местом является только Сент-Луис; Филадельфия же и Бостон — ужасные городишки. Было бы превосходно, если бы ты смог завоевать себе газету, в противном случае постарайся устроиться в «New-Yorker Staatszeitung», которая относится к нам очень хорошо и европейские корреспонденции которой все время находились под нашим контролем.

Письма оттуда лучше всего посылать через меня. В таком случае почтовые расходы будут оплачиваться фирмой.

---

* — Вильгельм Вольф. *Ред.*

** По-видимому, Макса Йозефа Беккера. *Ред.*

О казарме я мало что слышал, кроме того что Виллих поссорился с этой бандой и вышел из казармы. Как пишет мне Маркс, остов армии будущего уничтожен*, и Виллих очутился без Безансона. Какой ужас! Но этот Виллих не только дурак, но и подлый, вероломный, злобный человек; его злоба, поставленная на службу его колоссальнейшему и совершенно невероятному тщеславию и самопреклонению, не знает никаких границ. Я никогда еще не встречал такого изолгавшегося субъекта,, Уверяю тебя, что я буквально ни разу не слышал от него ни одного правдивого слова. Ты не можешь себе представить, во что превратила этого субъекта навязчивая идея о том, что он именно и есть тот человек, военный, политический и общественно-организаторский гений которого должен привести революцию к победе и полному завершению. Конечно, эта мания развивалась у него постепенно. Я считаю его способным решительно на всякую подлость, но все же не думаю, что он на этот раз совершил прямое предательство. Гамбургская история объясняется иначе; предателем оказался не Брун — единственный тамошний агент Виллиха и Шаппера; говорят, что проболтался Хаупт, но я не могу этому поверить.

Этой шайке мы предоставляем, разумеется, делать все, что ей угодно, и вся ее деятельность ограничивается, конечно, хвастовством, измышлением сумасбродных планов и бранью по нашему адресу. Все это нам совершенно безразлично. Нам нет надобности следить за этой публикой, — это делает за нас прусская полиция. В кабачке Шертнера, где они заседают, не произносится ни одного слова, о котором бы не доносили полиции.

Во всяком случае напиши мне еще раз до своего отъезда. Сообщи мне название судна, на котором ты уезжаешь, тогда я смогу узнать по здешним газетам, когда оно прибудет в Нью-Йорк. Из Нью-Йорка немедленно сообщи свой адрес. Адрес Маркса — 28, Deanstreet, Soho square, Лондон.

Сердечный привет.

Твой ***Ф. Энгельс***

Слышал ли ты что-нибудь о Дронке? Он все еще сидит в Женеве, и адрес его ты можешь узнать от Шустера.

Впервые полностью опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXV, 1934 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

* См. настоящий том, стр. 256. *Ред.*

100

МАРКС — ГЕРМАНУ ЭБНЕРУ [514]

ВО ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

[Копия]

[Лондон, вторая половина августа 1851 г.]

... Вы, вероятно, читали в различных немецких газетах статью из *полуправительственной* «Lithographische Correspondenz», в которой официальная немецкая эмиграция в Лондоне объявляет публике о своем братском сплочении, о своем конституировании в целостную организацию. Вся жаждущая соглашения демократия распадается на три клики: клику Руге, клику Кинкеля и неописуемую клику Виллиха. Между всеми тремя парят занимающие промежуточное положение боги: мелкие литераторы, такие как Мейен, Фаухер, Оппенхейм и др., бывшие берлинские соглашатели[515], наконец, Таузенау с несколькими австрийцами.

Как и подобает, мы начнем с А. Руге, этой пятой спицы в колеснице европейской центральной демократии[516]. А. Руге прибыл в Лондон, право же, не как муж, увенчанный лаврами, О нем было известно только то, что в критический момент он удрал из Берлина и позднее тщетно выпрашивал у Брентано пост посланника в Париже; что на протяжении всего периода революции он всякий раз, когда распространялись иллюзии, постоянно с той же самой непоколебимостью подхватывал их и однажды в момент вдохновения даже сделал открытие, что современные конфликты легче всего разрешаются по *«дессаускому* образцу». Именно так он назвал фарс с маленьким образцовым роялистски-конституционно-демократическим государством. Однако он твердо решил стать в Лондоне великим мужем. Как всегда, он принял меры по установлению связей с одной из провинциальных демократических газет в Германии, дабы иметь возможность бесцеремонно занимать немецкую публику болтовней о своей важной особе. На этот раз жребий выпал на долю «Bremer Tages-Chronik». Теперь Руге мог начать свои дальнейшие операции. Так как он изъясняется на весьма ломаном французском языке, никто не мог ему помешать представиться иностранцам в качестве значительнейшего мужа Германии, но Мадзини сразу же совершенно верно оценил его как заурядного человека, которому он без церемоний сможет поручать подписывать свои манифесты от имени немцев. Таким образом, А. Руге стал пятой спицей в колеснице временного

правительства Европы и ставленником Мадзини, как о нем однажды выразился Ледрю-Роллен. А. Руге почувствовал, что он превзошел собственный идеал. Однако теперь дело шло о том, чтобы придать себе видимость власти также и в глазах Мадзини и Ледрю-Роллена и доказать, что на чашу весов предстоит бросить больше, чем сомнительное имя. Поэтому А. Руге решил совершить три великих деяния. Он образовал вместе с гг. Хаугом, Ронге, Струве и Кинкелем так называемый немецкий центральный комитет[517]. Он основал журнал со скромным названием «Kosmos» и, наконец, выпустил заем на десять миллионов франков для размещения среди немецкого народа, которому он в качестве компенсации гарантировал завоевание свободы. Десять миллионов не поступали, но зато «Kosmos» скончался, а центральный комитет распался на свои первоначальные составные части. «Kosmos» вышел лишь три раза. Классический стиль Руге обратил в бегство непосвященных читателей. Тем не менее с помощью журнала «Kosmos» было сделано чрезвычайно много, поскольку А. Руге смог выразить на бумаге свое удивление тем, что королева пригласила к себе в Виндзорский замок не его, а г-на фон Радовица, и поскольку он сам изготовил письма, в которых приветствовал себя из Германии «в качестве временного правительства» и от имени своих легковерных друзей заранее выражал сожаление о том, что по возвращении в отечество «государственные дела» не позволят ему поддерживать всякого рода более интимные частные отношения.

Не успело появиться обращение о десятимиллионном займе, подписанное гг. Руге, Ронге, Хаугом, Струве и Кинкелем[518], как неожиданно распространился слух, будто в Сити собирают денежные пожертвования по подписному листу для отправки Струве в Америку, а с другой стороны, «Kolnische Zeitung» поместила заявление г-жи Иоганны Кинкель о том, что муж ее вовсе не подписывал этого воззвания и успел уже выйти из только что образовавшегося центрального комитета.

Вся политическая мудрость г-на Струве до и после мартовской революции ограничивалась, как известно, тем, что он проповедовал «ненависть к государям». Тем не менее в Лондоне ему пришлось за наличную плату поставлять статьи в немецкую газету* герцога Карла Брауншвейгского и даже подвергаться высочайшей собственноручной цензуре господина герцога. Мадзини было донесено об этом, и когда г-н Струве захотел увидеть свое имя красующимся под европейским циркуляром, Мадзини наложил на это свой запрет. Струве отряс прах со

* — «Deutsche Londoner Zeitung». *Ред.*

своих ног и, охваченный сильным гневом на центральный комитет, отплыл в Нью-Йорк, дабы пересадить на тамошнюю почву свою навязчивую идею, свой неизбежный «Deutscher Zuschauer».

Что же касается Кинкеля, то он, как об этом насплетничал А. Руге в нью-йоркской «Schnellpost», правда, не подписал этого обращения, но одобрил его; план обращения был составлен в его собственной комнате, сам же он взялся переправить часть экземпляров в Германию, а из центрального комитета вышел только потому, что комитет избрал своим председателем не его, а генерала Хауга. Это заявление А. Руге сопроводил резкими выпадами против «тщеславия» Кинкеля, которого он назвал *демократическим Беккератом,* а также подозрениями по адресу г-жи Иоганны Кинкель, поскольку к услугам ее были такие запретные газеты, как «Kolnische Zeitung».

Демократический центральный комитет свелся, следовательно, к гг. Руге, Ронге и Хаугу; даже А. Руге понял, что с подобной троицей не только нельзя создать нового мира, но и вообще ничего нельзя создать. Но неугомонный Руге все еще не хотел признать, что его карта бита. Для этого великого мужа все дело было только в том, чтобы вообще делалось и предпринималось что-либо такое, что придавало бы ему вид человека, занятого глубокими политическими комбинациями, и прежде всего давало бы основание с важным видом судить обо всем, бегать туда и сюда, вести переговоры и предаваться самодовольной болтовне и газетным сплетням. На его счастье в Лондон только что прибыл Фиклер. На него, как и на других южных германцев, Гёгга и Зигеля, произвели отталкивающее впечатление претенциозные манеры г-на Кинкеля; в то же время Зигель отнюдь не был склонен встать под главное командование Виллиха, а Гёгг — принять планы Виллиха по улучшению мира. Наконец, все трое были слишком мало знакомы с историей немецкой философии, чтобы не считать Руге значительным мыслителем, слишком наивны, чтобы не позволить обмануть себя его фальшивым простодушием, и слишком филистерски добродетельны, чтобы не принять всерьез всю возню этой так называемой эмиграции. Как сообщает один из них* в своем письме в редакцию нью-йоркской «Schnellpost», они решили попытаться объединиться с остальными кликами, чтобы восстановить престиж умирающего центрального комитета. Однако, жалуется тот же корреспондент, мало надежды на осуществление этого благого намерения; Кинкель продолжает интриговать; вместе

* — Гёгг. *Ред.*

со своим избавителем*, своим биографом** и несколькими прусскими лейтенантами он образовал комитет, который должен действовать за кулисами, постепенно тайно расширяться, завладевать по возможности денежными средствами демократии и затем внезапно выступить открыто уже в качестве могущественной партии Кинкеля. А это-де и нечестно, и несправедливо, и неразумно. Руге не преминул нанести в том же номере газеты несколько ударов в бок «абсолютному мученику». В тот же день, когда нью-йоркская «Schnellpost» доставила эту сплетню в Лондон, состоялся первый официальный праздник братства враждебных клик. Но это еще не все! А. Руге вербует через нью-йоркскую «Schnellpost» подписчиков на злосчастный европейский заем в Америке. Кинкель, который дезавуировал в «Kolnische Zeitung» это смехотворное предприятие, теперь на собственный страх и риск призывает в заокеанских газетах к займу, добавляя при этом, что деньги надлежит посылать человеку, пользующемуся наибольшим доверием; само собой разумеется, что он и есть этот человек.

Для начала он требовал взноса в 500 ф. ст., чтобы изготовить революционные бумажные деньги. Руге, не мешкая ни минуты, объявил в «Schnellpost», что он, А. Руге, является казначеем демократического центрального комитета и что у него можно приобретать уже готовые облигации; таким образом тот, кому придется потерять 500 ф. ст., поступит разумнее, приобретая на них уже готовые облигации, нежели покупая еще несуществующие. И редакция «Schnellpost» довольно откровенно заявила, что если г-н Кинкель не бросит своих проделок, его объявят врагом революции. Наконец, в то время как Руге выкладывал в «Schnellpost» свою недельную порцию сплетен, паясничал на ее столбцах, строя из себя мужа будущего и чествуя себя присвоением всех санов, подобающих пятой спице в колеснице, Кинкель писал в «New-Yorker Staatszeitung», прямой сопернице «Schnellpost»:

«Вы видите, что по ту сторону Атлантического океана ведут войну по всем правилам искусства, в то время как по сю сторону обмениваются поцелуями Иуды».

Если Вы спросите меня, как это некий А. Руге, человек, который практически всегда был совершенно непригоден, а теоретически давно почил в бозе и отличается лишь классически путаным стилем, — как это он все еще может играть какую-то роль, то я замечу прежде всего, что его роль есть сплошная га-

* — Шурцем (способствовавшим побегу Кинкеля из тюрьмы в 1850 г.). *Ред.*
** — Штродтманом. *Ред.*

зетная ложь, которую он старается распространять и в правдивости которой он пытается убедить себя самого и других со свойственным ему величайшим усердием и при помощи всяческих самых мелочных средств. Что же касается его положения в среде здешней так называемой эмиграции, то это как раз то, что ему приличествует, хотя он и являет собой лишь сточный желоб, в который стекают все противоречия, непоследовательность и ограниченность всей этой демократии. Как классический представитель всеобщей идейной неясности и путаницы, свойственной эмиграции, как ее Конфуций*, он по праву утверждает за собой видное положение в ее среде.

Из вышеизложенного Вы видели, как Кинкель то выступает вперед, то прячется на задний план, то берется за какое-либо предприятие, то отрекается от него — в зависимости от того, куда, по его мнению, дует ветер народных чувств. В одной статье для недолговечного «Kosmos» он особенно восхищался огромным зеркалом, выставленным в Хрустальном дворце[519]. Здесь перед Вами весь этот человек: зеркало — его жизненный элемент. Он прежде всего и по самому своему существу актер. Играя по преимуществу роль мученика германской революции, он удостоился здесь, в Лондоне, почестей, предназначенных для остальных жертв борьбы. Но позволяя либерально-эстетствующей буржуазии официально оплачивать и чествовать его, — он в то же время за спиной этой буржуазии находится в запретных сношениях с представляемой Виллихом крайней фракцией жаждущих соглашения эмигрантов, полагая, что таким путем он равно обеспечивает себе как наслаждение буржуазным настоящим, так и право на революционное будущее. Живя здесь в условиях, которые, по сравнению с его прежним скромным положением в Бонне, могут считаться блестящими, он в то же время пишет в Сент-Луис, что живет, как подобает представителю бедноты. Итак, он соблюдает установленный этикет по отношению к буржуазии и в то же время почтительно расшаркивается перед пролетариатом. Но будучи человеком, у которого сила воображения значительно преобладает над голосом рассудка, он не может избежать грубости и высокомерия выскочки, что отталкивает от него не одного чопорного добродетельного мужа эмиграции. Говорят, что в настоящий момент он намеревается совершить турне по Англии, чтобы в разных городах читать лекции перед немецкими купцами, принимать знаки почитания и пересаживать на северную почву Англии привилегию сборов двух урожаев, процветающую обычно только

* Игра слов: имя китайского философа Конфуция (Konfuzius) созвучно слову «Konfusius» («путаник»). *Ред.*

на почве южных стран. Кинкель заблуждается, если сам себя считает честолюбивым. Он всего лишь до крайности тщеславный человек, и судьба не могла бы сыграть с этим впрочем безобидным расточителем красивых фраз более скверную шутку, чем приведя его к цели его желаний и поставив его в серьезное положение. В этом случае он потерпел бы непоправимое и полное фиаско.

Наконец, относительно Виллиха я ограничусь тем, что сообщу Вам мнение его знакомых. Все они считают его ограниченным фантазером. Они оспаривают его «талант», но именно поэтому объявляют его «характером»[*]. Он нравится самому себе в этом положении и пользуется им с большей прусской хитростью, чем можно было ожидать. Теперь Вы знаете великих мужей будущего.

Общая масса официальной эмиграции за очень немногими исключениями состоит из нулей, каждый из которых полагает, что он станет единицей, в том случае если вместе с другими составит дюжину. Отсюда проистекают их постоянные попытки объединения и слияния, которые неизменно терпят неудачу из-за мелких дрязг, интриг, низостей и соперничества в среде этих маленьких великих людей, но столь же постоянно предпринимаются вновь. Обоюдно забрасывая друг друга грязью в североамериканских газетах, они полагают, что должны выступать единым фронтом перед Германией, а скапливаясь в один большой, источающий из себя сплетни конгломерат, считают, что тем самым создают эффект силы и corpus venerabile[**]. Они постоянно сами себя убеждают в том, что им все еще чего-то недостает, чтобы импонировать публике; поэтому они и занимаются организованной вербовкой на свою сторону каждого вновь прибывшего эмигранта. Их старания оторвать от Маркса и перетянуть на свою сторону Фрейлиграта были столь же назойливы, сколь, конечно, и бесплодны; за это они теперь наказывают его замалчиванием. Чтобы добиться его присоединения к их союзу справедливых, Кинкель испробовал все средства, а А. Руге обращался к нему даже в письменной форме. Теперь он, разумеется, так же как и В. Вольф и другие эмигранты, держащиеся подальше от этой возни, не принадлежит к «эмиграции *как таковой*». Еще *одно* имя! Если бы этим капуцинам революции, этим нищенствующим монахам ее было что отдавать, то они отдали бы королевство за одно новое имя и особенно за столь популярное имя, как имя Фрейлиграта.

[*] Намек на строку из XXIV главы сатирической поэмы Гейне «Атта Тролль» — «не талант, зато характер». *Ред.*

[**] — солидной организации. *Ред.*

Карьеристы и искатели популярности — вот из кого состоит вся масса эмиграции. Эти господа полагают, что революция надвигается, и они должны, естественно, приготовиться к ней. Так, члены имперского собрания образовали в Швейцарии подобную же коалицию, в которой будущие посты уже распределены по иерархическому принципу в порядке номеров. И это происходило в жестокой борьбе по вопросу о том, кто должен представительствовать под № 17 или 18.

Вы удивляетесь, что эти господа делают полуправительственную «Lithographische Correspondenz» своим «Moniteur»*. Вы перестанете удивляться, если я скажу Вам, что один из их писак регулярно строчит в «Neue Preusische Zeitung», другой исполняет подручные работы при русофильской «Morning Chronicle» и т. д. и т. д. Но это происходит отнюдь не за спиной официальной эмиграции. Более того, их первое общее собрание началось с зачитывания статьи из «Lithographische Correspondenz». Они располагали примерно пятью — десятью человеками, причем это число на втором заседании уменьшилось более чем наполовину. Семя раздора уже взошло пышным цветом среди этих жаждущих соглашения людей, которые, впрочем, состояли только из *«эмигрантских верхов»,* как конфиденциально выразился один из них. Из непосвященной массы эмигрантов-рабочих никого не было видно.

Если побратавшаяся эмиграция едина в каком-нибудь пункте, то этим пунктом является ее общая фанатическая ненависть к Марксу, ненависть, из-за которой они готовы пойти на любую глупость, любую низость, любую интригу, чтобы только удовлетворить свое чувство досады и раздражения против этого bete noire**. Ведь эти господа не погнушались даже тем, что вошли в связь с Бетой, или Бетцихом, бывшим сотрудником «Gesellschafter» Губица, и, при посредничестве этого великого писателя и патриота, в органе веселого трактирщика Луи Друккера заподозрили Маркса в шпионаже на том основании, что он является шурином прусского министра фон Вестфалена. Г-н фон Вестфален имел дело с Марксом лишь единственный раз, а именно, когда путем конфискации беккеровской типографии и заключения в тюрьму Г. Беккера в Кёльне он сорвал издание собрания Сочинений Маркса, которое начал выпускать Беккер и первый выпуск которого уже вышел в свет, а также когда он воспрепятствовал изданию журнала, который уже находился в печати. Ненависть к Марксу еще более усилилась вследствие опубликования саксонским правительством коммунистического

* — официальным вестником. *Ред.*

** — жупела (буквально: черного зверя). *Ред.*

обращения, поскольку он слывет автором этого обращения[520]. Впрочем, у Маркса, уже в течение ряда лет всецело поглощенного разработкой критики и истории политической экономии, так же как у Фрейлиграта и их общих друзей, нет ни желания, ни времени отвечать на сплетни побратавшейся эмиграции.

Но чем больше их игнорируют, тем яростнее тявкают эти моськи будущего. Безвременно умершему Густаву Юлиусу, человеку вполне критически мыслившему и научно образованному, которого эмиграция теперь также объявляет своим сторонником, так надоела ее пустая и нелепая возня, что за несколько недель до своей смерти он послал подробное описание эмиграции в одну северогерманскую газету, которая, однако, отказалась это опубликовать...

Впервые опубликовано в книге: «Mitteilungen des osterreichischen Staatsarchivs». Bd. 9, Wien, 1956

Печатается по копии письма, написанной неизвестным почерком

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

101
МАРКС — ИОСИФУ ВЕЙДЕМЕЙЕРУ [521]
В ЦЮРИХ

[Лондон], 11 сентября [1851 г.]
28, Deanstreet, Soho

Дорогой Вейдемейер!

Лупус* написал по поводу тебя своему знакомому в «Staatszeitung». Скверно только то, что с недавнего времени там свил себе гнездышко г-н Кинкель. Но произошла и приятная вещь: газета г-на Гейнцена, нью-йоркская «Schnellpost», была вынуждена объявить о своем банкротстве. Гг. Хофф и Капп пытаются сейчас основать новую газету на акционерных началах. Во всяком случае, сейчас наступил момент, благоприятный для газетных комбинаций.

Здешние великие мужи окончательно рассорились. Эти субъекты ведут себя так, как будто они являются преемниками Александра и должны поделить между собой македонско-азиатскую империю. Что за чудаки!

Если бы у меня было здесь побольше знакомых, я постарался бы достать тебе место инженера-путейца или что-нибудь в этом роде. К сожалению, у меня нет никаких связей. А между тем, я убежден, что в этой области здесь можно найти работу.

* — Вильгельм Вольф. *Ред.*

Плохо то, что все мы так нуждаемся в деньгах и что у тебя нет средств, чтобы подождать здесь некоторое время и осмотреться. Но если тебе действительно удастся выполнить свой план насчет Нью-Йорка, то в случае революции ты, конечно, легче найдешь там средства для возвращения в Европу, чем мы для переезда отсюда.

И все-таки я ломаю себе голову над тем, как бы тебе устроиться здесь. Ведь если ты окажешься по ту сторону океана, кто поручится, что ты не затеряешься где-нибудь на Дальнем Западе? А у нас так мало сил, и мы должны очень бережно относиться к имеющимся у нас способным людям.

Кроме того, для путешествия ты выбрал плохое, неудобное время. Впрочем, раз это необходимо, то ничего не поделаешь. Я убежден, по крайней мере, в том, что, перебравшись туда, ты не будешь жить в такой нищете, в какой мы все здесь живем. А это ведь тоже надо принять в расчет.

Г-ну Мадзини также пришлось убедиться в том, что наше время — время распада «демократических» временных правительств. После ожесточенной борьбы меньшинство вышло из Итальянского комитета*. Это, вероятно, наиболее передовая часть.

Политику Мадзини я считаю в корне ложной. Побуждая Италию немедленно порвать с Австрией, он действует только в интересах Австрии. С другой стороны, он забывает, что ему следовало бы обратиться к крестьянам, к этой веками угнетаемой части Италии, и, забывая об этом, он подготовляет новую опору для контрреволюции. Г-н Мадзини знает только города с их либеральным дворянством и «просвещенными гражданами». Материальные потребности итальянского сельского населения, из которого выжаты все соки и которое так же, как и ирландское крестьянство, систематически доводилось до полного истощения и отупения, конечно, слишком низменны для выспренней фразеологии его космополитически-неокатолически-идеологических манифестов. Но, несомненно, нужно много мужества, чтобы заявить буржуазии и дворянству, что первый шаг к независимости Италии состоит в полном освобождении крестьян и в превращении испольной системы аренды в свободную буржуазную собственность. Мадзини, по-видимому, считает, что заем в десять миллионов франков имеет более революционное значение, чем привлечение на свою сторону десяти миллионов людей. Я очень опасаюсь, что в критический момент австрийское правительство *само* изменит форму землевладения в Италии и проведет реформу «по-галицийски»[522].

* Ср. настоящий том, стр. 303. *Ред.*

Передай Дронке, что я напишу ему через несколько дней. Сердечный привет тебе и твоей жене от меня и жены. Подумай еще раз, не попытаться ли тебе устроиться здесь.

Твой ***К. Маркс***

Впервые полностью опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXV, 1934 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

102

МАРКС — АМАЛИИ ДАНИЕЛЬС [523]

В КЁЛЬН

[Лондон, между 4 и 8 октября 1851 г.]

Дорогая г-жа Даниельс!

Очевидно, мне нет необходимости говорить Вам, что я глубоко сочувствую Вам по поводу ареста Вашего мужа и Вашей разлуки с ним. Что меня успокаивает, это — убеждение, что судебные органы не могут долго тянуть с арестом, не передав дело суду присяжных. Я уверен, что Вы и Ваш муж обладаете достаточно сильным характером, чтобы сопротивляться превратностям судьбы. Я Вам буду очень благодарен, если Вы передадите для меня подателю этих строк следующие книги...

Впервые опубликовано в «Kolnische Zeitung» № 275, 27 октября 1852 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

103

МАРКС — ИОСИФУ ВЕЙДЕМЕЙЕРУ

В НЬЮ-ЙОРК

Лондон, 16 октября 1851 г.
28, Deanstreet, Soho

Дорогой Вейдемейер!

А. Чарлзу Дана, одному из редакторов «New-York Tribune», я написал сам и, кроме того, послал ему письмо Фрейлиграта, в котором он тебя рекомендует. Поэтому тебе остается только пойти к нему и сослаться на нас.

Ты спрашиваешь меня о статистическом справочнике. Рекомендую тебе «Коммерческий словарь» Мак-Куллоха, 1845 г., так как в нем даются также и экономические объяснения. Есть и

более новые книги, как, например, Мак-Грегора, работы которого по статистике[524], пожалуй, самые лучшие во всей Европе. Но они очень дороги. Ты, несомненно, найдешь их в одной из нью-йоркских библиотек. Мак-Куллох же — это такое руководство, которое должен иметь у себя всякий пишущий в газетах человек.

Специально об Англии можно порекомендовать еще: Портер, «Прогресс нации», новое издание 1851 года.

Об истории торговли вообще:

Тук, «История цен», 3 тома, доведено до 1848 года. О Северной Америке особенно рекомендую Мак-Грегора, который составил особую статистику Соединенных Штатов.

О Германии: барон фон Реден, «Сравнительная статистика культуры». О Франции — Моро[525].

У меня есть для тебя еще одно поручение. Бывшему немецкому католическому священнику Коху, о котором ты можешь справиться в «Staatszeitung», где он время от времени пишет, я послал по его просьбе 20 экземпляров «Манифеста»* (на немецком языке) и один экземпляр английского перевода, поручив ему напечатать этот перевод в виде брошюры вместе с вводным замечанием Гарни[526]. После этого г-н Кох ни разу не дал о себе знать. Попроси его, во-первых, объяснить это весьма подозрительное молчание после его столь настоятельной просьбы ко мне, во-вторых — возьми у него английский перевод и посмотри, нельзя ли выпустить его в виде брошюры, — иными словами, напечатать, распространить и продать. Само собой разумеется, что выручка, если таковая будет, достанется тебе, мы же претендуем для себя на 20—50 экземпляров.

Дронке приезжает сюда 23-го сего месяца.

Напиши поскорее. Привет от меня, моей жены и всех друзей тебе и твоей жене.

Надеюсь, что ты хорошо перенесешь морское путешествие и что твои дела в Соединенных Штатах пойдут хорошо.

Твой ***К. М.***

*[Приписка Женни Маркс]***

Передайте Вашей дорогой супруге, что я в это время беспокоюсь о ней и высказываю ей самое горячее участие. Как много, наверное, ей пришлось вынести во время этого длительного морского путешествия с двумя маленькими детьми! Надеюсь, что эти строки придут не намного раньше Вашего приезда в Нью-Йорк, где Вам, конечно, удастся обрести временную родину.

---

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. «Манифест Коммунистической партии». *Ред.*

** На русском языке публикуется впервые. *Ред.*

Об Эдгаре* со времени его отъезда в апреле у нас все еще нет никаких известий. Он отплыл из Бремена на парусном судне «Реформ», капитаном которого является Аммерман, хотел высадиться в Галвестоне и сначала поселиться в Нью-Браунфельсе. Может быть, дорогой г-н Вейдемейер, Вы смогли бы из Нью-Йорка как-нибудь напасть на его след. Его молчание тем более непонятно, так как он знает, что наша бедная одинокая матушка** из-за паралича правой руки лишилась теперь последнего утешения, которое ей было оставлено судьбой — письменного общения с дорогими ее сердцу людьми.

Всего Вам хорошего. Сердечно Вас приветствует

Женни Маркс

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., то. XXV, 1934 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

104

МАРКС — ИОСИФУ ВЕЙДЕМЕЙЕРУ

В НЬЮ-ЙОРК

Лондон, 31 октября 1851 г.
28, Deanstreet, Soho

Дорогой Вейдемейер!

Посылаю вдогонку тебе второе письмо в Америку. После зрелого обсуждения этого вопроса с Лупусом*** я решил, что мы можем совместно осуществить одно дело.

Во-первых. Прежняя «Neue Rheinische Zeitung» была мало распространена в Америке. Если бы тебе удалось раздобыть какого-нибудь буржуа или хотя бы получить необходимый кредит у какого-нибудь владельца типографии и торговца бумагой, то, мне кажется, было бы выгодно издать, — в форме маленьких книжечек, какие Беккер**** издавал в Кёльне, — своего рода карманную библиотеку из статей «Neue Rheinische Zeitung»; например, «Силезский миллиард» В. Вольфа, статьи Энгельса о Венгрии[527], мои статьи о прусской буржуазии*****, некоторые из фельетонов Веерта и т. д. Если ты не можешь достать их там, то я пошлю тебе эти статьи отсюда, указав одновременно, что я считаю наиболее подходящим; тебе нужно было бы написать небольшое общее предисловие для этой «Карманной библиотеки «Neue Rheinische Zeitung»», а также примечания или послесловие к отдельным томикам, в тех случаях, когда ты сочтешь это нужным.

---

* — Эдгаре фон Вестфалене. *Ред.*
** — Каролина фон Вестфален. *Ред.*
*** — Вильгельмом Вольфом. *Ред.*
**** — Герман Беккер. *Ред.*
***** *К. Маркс.* «Буржуазия и контрреволюция». *Ред.*

Во-вторых. В такой же форме и с пояснениями ты мог бы издать мои и Энгельса статьи против К. Гейнцена, напечатанные в «Deutsche-Brusseler-Zeitung»*. Я думаю, что они очень хорошо разойдутся.

Прибыль, оставшуюся за вычетом издержек производства, мы поделим.

В-третьих. Из Америки я получил ряд запросов и поручений относительно вышедших 6 выпусков моего «Revue», но ни на какие сделки не пошел, не доверяя тамошним мошенникам. Ты мог бы дать объявление, что эти выпуски можно получить у тебя, но, разумеется, необходимо иметь приличное число заказов, прежде чем отправлять их отсюда.

В-четвертых. В карманную библиотеку, о которой я говорил выше, ты мог бы, да и мы тоже, включать в подходящий момент написанные нами злободневные памфлеты. С коммерческой точки зрения надежнее и удобнее, однако, начать с готового, уже имеющегося налицо материала. В своих маленьких предисловиях и послесловиях ты мог бы вести необходимую полемику с противниками справа и слева.

Итак, я предлагаю тебе сделаться книгоиздателем. Для этого требуется меньше средств, чем для газеты, а между тем, в политическом отношении ты достиг бы той же цели. Ты будешь избавлен от долгих, требующих массы времени подготовительных работ, связанных с газетой. Я думаю, что если ты должным образом изложишь этот план Рейху, у которого есть деньги, то он согласится вести это дело вместе с тобой.

Моя семья, а также Фрейлигрaт, Лупус и др. шлют сердечный привет твоей семье.

Твой ***К. Маркс***

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXV, 1934 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

105

МАРКС — АДОЛЬФУ КЛУССУ [528]

В ВАШИНГТОН

[Лондон, начало декабря 1851 г.]

... Один из наших лучших друзей, Иосиф Вейдемейер, прибыл теперь в Нью-Йорк. Тотчас же свяжись с ним. Я еще не знаю его адреса, но если ты пошлешь письмо в «Staatszeitung» или

* *Ф. Энгельс.* «Коммунисты и Карл Гейнцен»; *К. Маркс.* «Морализирующая критика и критизирующая мораль». *Ред.*

«Abendzeitung», он его, наверное, получит. Он может сообщить тебе обо всех партийных делах. Среди нью-йоркской компании[529] он будет тебе полезен, а ты сможешь помочь ему устроиться в Америке. Напиши ему, что это я предложил тебе связаться с ним...

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXV, 1934 г.

Печатается по рукописи письма Клусса Вейдемейеру от 20 декабря 1851 г.

Перевод с немецкого

106
МАРКС — ГЕРМАНУ ЭБНЕРУ [530]

ВО ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Лондон, 2 декабря 1851 г.

... Г-н Кинкель, как Вы знаете, продолжает свое турне по Соединенным Штатам[531]. До сих пор он собрал примерно 12000 долларов, но весьма благоразумно остерегался высказываться о действительном отношении к этому делу различных фракций эмиграции; это видно уже из того, что он обращался даже к моим личным друзьям и фактически добился хитростью их содействия. Он послал в газеты следующую нелепую программу:

«К друзьям народа.

Позорная тирания и несправедливость германских деспотов достигла самых крайних пределов. Все свободные учреждения, завоеванные во время революционной борьбы 1848 г., разрушены грубой силой монархов. Пришло время, когда для угнетенного народа стало как правом, так и обязанностью обнажить свой меч и сразиться за самые священные права, которыми верховное существо в равной мере наделило всех людей. Ненависть к деспотам, трусливо убивающим или бросающим в тюрьмы всякого, кто поднял руку или возвысил голос за республиканскую реформу и за свободу угнетенных людей, дошла до такого предела, за которым последует колоссальной силы взрыв, и весьма вероятно, что грядущей весной солнце взойдет, озаряя зрелище самой отчаянной борьбы, которую люди когда-либо вели против своих угнетателей. Италия будет бороться до тех нор, пока тирания не будет сметена с лица земли и пока свобода не будет провозглашена во всех провинциях Старого света. Если Америка подала благородный пример в 1776 г., то Европа готова последовать по стопам своей молодой и благородной сестры с берегов страны Колумба. Чтобы осуществить эту, столь желанную цель — и особенно в Германии — видные немецкие республиканцы (?), ныне являющиеся эмигрантами в Лондоне, объединились для осуществления национального займа, обещая употребить все усилия к тому, чтобы после установления республики погасить заем и полностью уплатить проценты по нему. Все друзья свободы в этой стране ныне призываются оказать добровольную

помощь в деле достижения этой цели. Без денег нельзя совершить ничего. Поэтому от сочувствующих республиканизму в высокой степени зависит решение вопроса о том, суждено ли этому проекту осуществиться.

Балтимора, октябрь 1851 года.

Д-р ***Г. Кинкель,*** по поручению лондонского комитета».

Г-н Готфрид нашел в Соединенных Штатах только одного ревностного противника в лице К. Гейнцена, который представляет клику Руге — Фиклера. Но вражда со стороны такого вульгарного крикуна, как Гейнцен, может только способствовать успеху каждого, против кого она направлена. Среди гарантов кинкелевского займа *публично* фигурируют три прусских экс-лейтенанта — Шиммельпфенниг, Виллих и Техов, студиозус Шурц, граф О. Рейхенбах и посредственный берлинский литератор Мейен. Но *конфиденциально* Кинкель заполучил еще подписи *Лёве фон Кальбе* (было бы точнее, если бы он назывался Кальб фон Лёве[*]), экс-председателя охвостья имперского парламента в Штутгарте[532]. Этот Лёве является обладателем принятого в Штутгарте документа, который дает ему полномочие созвать имперский парламент, когда и где он того захочет. Поэтому для Кинкеля, который намеревается вступить в Германию в качестве временного правительства, было важно заполучить этого мужа, чтобы поставить свое «господство» на «правовую почву».

Вторым тайным гарантом является д-р *Д'Эстер.* Его многочисленные *кредиторы* в Германии, наверное, с удовлетворением узнают, что он гарантирует уплату процентов по кинкелевскому двухмиллионному займу и одновременно в качестве министра финансов будет заведовать только что поступившими 20000 долларов. Г-н Д'Эстер хочет без помехи обирать крестьян в качестве сельского врача в Швейцарии (говорят, он находится там в лучшем положении, нежели это было в Кёльне, где его осаждали кредиторы, а не пациенты) и одновременно держать для себя открытыми большие врата, ведущие на революционные правительственные небеса. Поэтому он предоставил свою гарантию только под печатью тайны. Но если он окажется вынужден *публично* отстаивать то, что им на старый лад «тайком прядется»[**], — то это не повредит.

Из того сообщения, которое однажды направил Вам Фрейлигрaт. Вы достаточно ознакомились с характером г-на Готфрида Кинкеля. Таким образом, Вас не удивит, если Вы узнаете, что в Соединенных Штатах «ложь» была его «великим» и, в последнем

[*] Игра слов; «Lowe» —«лев»; «Kalb» —«теленок». *Ред.*

[**] Из баллады Гёте «Пряха». *Ред.*

счете, единственным средством. Так, один друг пишет мне между прочим:

«Кинкель весьма усиленно кокетничает с Ледрю-Ролленом, который обещал авторитетным друзьям из Германии, как только Кинкель, а также Лёве придут к кормилу правления, послать через границу армии для ведения войны в целях пропаганды. С Мадзини, как говорит Кинкель, он установит связь, как только будет иметь полные руки денег и таким образом (!) станет *равноценен* (!) ему».

Но, как Вы знаете, Ледрю связан с *враждебным* Кинкелю комитетом и *указал на дверь* эмиссару К[инкеля]. Что же касается Мадзини, то для освещения этого вопроса достаточно сказать следующее. Примерно четырнадцать — пятнадцать месяцев тому назад великий Готфрид Кинкель послал к Мадзини весьма незначительного прусского экс-лейтенанта Шиммельпфеннига, который заявил, что он, Ш[иммельпфенниг], по поручению Шинкеля] предпримет поездку с особой миссией в Германию. Для этого больше всего-де не хватает, между прочим, денег. Мадзини дал ему 1000 франков наличными и на 4000 франков облигаций мадзиниевского «государственного» займа при условии, что 1000 франков будут возвращены в течение года и в такой же срок будет возмещена половина стоимости размещенных облигаций. Шиммельпфенниг возвратился из Германии, где он уничтожил очень много бутылок вина, но ни одного «тирана». Прошел год. Но ни Кинкель, ни эмиссар Шинкеля], так и не явились к Мадзини. Несколькими неделями позже тот же самый Ш[иммельпфенниг] опять появился у Мадзини, но не для того чтобы уплатить долг, а для того чтобы снова предложить Мадзини союз с Готфридом. Дело в том, что Готфрид только что получил из Нового Орлеана 160 ф. ст., и поскольку, по его мнению, чтобы стать «великим мужем», ему не хватало всего лишь каких-нибудь пяти фунтов, он считал себя *теперь* равноценным Мадзини. Мадзини же был иного мнения и заявил, что у него в Германии есть *свои* люди (Руге и К°) и что он отказывается от союза с г-ном Готфридом. Но Кинкель невозмутим и глубоко убежден, что если 160 ф. ст. еще не сделали его «равноценным» М[адзини], то это чудо наверняка свершится с помощью 20000 долларов. Блаженны верующие.

Успех К[инкеля] в Соединенных Штатах объясняется отчасти тем, что сам он имел столь же неясное представление о развитии событий, как и тамошняя масса, которая почувствовала в нем родственную душу, а отчасти его лживыми уверениями и стараниями скрыть, в защиту чего он выступает *в действительности.* Г-н Кинкель и К° намереваются избрать революционный комитет из семи членов, каждый из которых получит особое мини-

стерство, например, Д'Эстер — министерство финансов, Кинкель— министерство красноречия и высокой политики, Техов — военное министерство, Виллих — министерство *по части реквизиций,* в которых он знает толк, Мейен — министерство народного образования и т. д. Каждый из семи будет восседать в одном из этих комитетов, чтобы постоянно информировать обо всем верховный комитет, септархию. Как Вы видите, эта организация построена совершенно по тому же плану, что и французское временное правительство, разве что септархия имеет свою резиденцию вне Германии, а ее народ состоит из клуба, насчитывающего 50—100 членов.

Г-н Кинкель категорически заявил, что он использует раздобытые в Америке деньги *не* для оказания помощи эмигрантам. Он даже взял на себя такого рода обязательство. Вы понимаете, что это только уловка, чтобы *не* быть обязанным допустить к участию в пользовании фунтами эмигрантские *низы,* а проесть их единолично. Это совершается уже теперь, а с увеличением сокровища будет совершаться в еще больших размерах следующим способом:

1) Семи септархам и семи их министерствам нужно получать жалованье, то есть все креатуры Кинкеля, Виллиха и т. д. и сами эти господа обеспечивают за собой таким образом под предлогом деятельности во имя революции львиную долю этих денег. Г-н Виллих, например, теперь вот уже два года живет здесь публичным попрошайничеством.

2) Эти господа издают литографированные бюллетени, которые они *бесплатно* рассылают в газеты. Жалкие литераторы Мейен, Оппенхейм, студиозус Шурц и т. д. тянут еще одну часть денег на писательские гонорары.

3) Прочие из великих мужей, такие как Шиммельпфенниг, Шурц и т. д., в свою очередь получают жалованье как «эмиссары».

Вы видите, таким образом, что весь план преследует двоякого рода цель: устранить массу живущих в сильной нищете эмигрантов (рабочих и т. д.) от участия в пользовании этими деньгами, а с другой стороны, доставить г-ну Кинкелю и его креатурам надежные и притом приносящие также и политический капитал *синекуры,* — и все это под предлогом использования денег *только* для революционных целей. Было бы, безусловно, весьма уместно довести *до сведения широкой публики* об этих финансовых спекуляциях, которые измыслил *студиозус* Шурц.

Прежде чем закончить, я должен сделать еще несколько кратких замечаний о *Кошуте.* Кошут в своих выступлениях обнаружил большой талант и в общем проявил такт в своем

подходе к английской публике. Однако обстановка была не так проста, как ее представлял себе этот человек с Востока. С одной стороны, он перестарался в своей лести по адресу буржуазии и восхвалял на пышный восточный манер такие учреждения — например, лондонский Сити с его *муниципальным устройством,* — на которые сам «Times» ежедневно нападает как на общественное зло. С другой стороны, он восстановил против себя чартистскую партию, которая, в лице своего талантливейшего представителя Эрнеста Джонса, нападает на него с таким ожесточением, с каким она могла бы нападать на какого-нибудь Гайнау. И Кошут поступил во всяком случае бестактно, когда он, запретив себе всякие выступления в пользу какой-либо *партии,* теперь сам стал на сторону одной *партии.* Наконец, Кошут убедился, что энтузиазм и наличные деньги находятся в обратном отношении друг к другу. До сих пор весь энтузиазм по поводу *его* займа не принес ему еще и 800 фунтов стерлингов.

Наша демократическая эмиграция по этому случаю снова осрамилась, как это ей и пристало. Кошут не соблаговолил ответить на ее приветствия. Тщеславный щеголь и назойливый карлик Л. Блан удостоился счастья получить ответ на свое приветствие, но это был ответ, в котором Кошут прямо дезавуирует социализм.

Остаюсь всецело преданный Вам

К. Маркс

Впервые опубликовано в книге: «Mitteilungen des osterreichischen Staatsarchivs». Bd. 9, Wien, 1956

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

107

ЭНГЕЛЬС — МАРИИ БЛАНК

В ЛОНДОН

Манчестер, понедельник, 15 декабря 1851 г.

Дорогая Мария!

Я получил твое письмо в субботу — единственный день недели, в который мне никогда не удается написать ни одного частного письма, так как мы в этот день закрываем контору уже в полдень; в противном случае ты получила бы ответ еще гораздо раньше.

Меня очень огорчает, что у тебя дома за последнее время было так много больных, однако я рад услышать, что дело пошло на выздоровление; я надеюсь, что к моему приезду и Герман и маленькая Тити будут вполне здоровы. Ты могла бы мне обо всем этом написать, ибо если я не получаю писем, то считаю, что все обстоит благополучно; кроме того, за тобой долг в виде одного письма, — ты не ответила мне на то письмо, в котором я переслал тебе прошлым летом ключ от твоего дома.

Я все время пребывал, как обычно, в добром здравии и только несколько приуныл с тех пор, как наступила плохая погода, и я не могу больше выезжать за город, что является здесь в Манчестере насущной необходимостью. В течение нескольких дней я ощущаю знакомые предостерегающие симптомы, которые предвещают возобновление зубной боли, мучившей меня прошлой зимой, и которые являются для меня тем более неприятными, что мешают мне принимать мои обычные ванны и т. д. Тем не менее я надеюсь, что все это пройдет без больших неприятностей — во всяком случае я не хочу заранее слишком сокрушаться по поводу будущих болей, которых у меня еще нет.

К концу этой недели я думаю привести в порядок свои текущие дела, и так как у нас и без того сейчас наступило затишье, я постараюсь выехать отсюда в субботу вечером. Однако все поезда прибывают в Лондон либо так поздно вечером, либо так рано утром, что я не смогу сразу же отправиться в Кемберуэл, а попаду к вам лишь в воскресенье перед обедом после небольшого отдыха в отеле «Юстон». Во всяком случае вы можете ждать меня на Гров в воскресенье к обеду, если в субботу утром ты не получишь от меня письмо с указанием других сроков.

Что касается французов, то эти ослы могут делать, что им угодно, мне это безразлично.

Передай сердечный привет Эмилю и Герману и твоим детям. Любопытные особы твои новые служанки, судя по твоему описанию.

Nota bene[*]: если в воскресенье у тебя дома будет еще слишком много хлопот, так что мой приезд и связанные с ним дополнительные заботы тебе нежелательны, то тебе только следует написать и прислать мне строгий приказ, когда я должен прибыть. Я буду безупречно точен.

Всегда твой ***Фридрих***

Публикуется впервые *Печатается по рукописи*

Перевод с немецкого

[*] — Заметь себе. *Ред.*

108

ЭНГЕЛЬС — ЖЕННИ МАРКС

В ЛОНДОН

[Манчестер], четверг вечером,
[18 декабря 1851 г.]

Дорогая г-жа Маркс!

Я получил оба Ваши письма* и спешу в ответ на них тотчас же сообщить, что каждый из нас, само собой разумеется, будет отдельно отсылать свои статьи, так как в противном случае есть все шансы, что ни одна из них не попадет на пароход[533]. Письма должны быть в Лондоне на почте до 5 или 6 часов вечера в пятницу. Я посмотрю, что я успею сделать — отечество мне за последнее время так надоело, что я ничего больше о нем не знаю. Во всяком случае я кое-что пошлю. Английский «Манифест»**, а также находящиеся здесь номера нью-йоркской «Schnellpost» я привезу с собой. Напомните Марксу, чтобы он написал Вейдемейеру и попросил его немедленно взять у Дана соответствующие номера «Tribune» и прислать их сюда, чтобы я мог продолжать свою работу***.

Я еще точно не знаю, когда я смогу выехать, может быть, только в субботу утром. Но я надеюсь приехать, самое позднее, в субботу в 6 часов вечера, а может быть уже в 11 часов утра. Пока сердечный привет Вам и всему Вашему семейству

от Вашего ***Ф. Энгельса***

Впервые опубликовано на языке оригинала в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 1, 1929 и на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXI, 1929 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

109

МАРКС — ИОСИФУ ВЕЙДЕМЕЙЕРУ [534]

В НЬЮ-ЙОРК

[Лондон], 19 декабря 1851 г.
28, Deanstreet, Soho

Дорогой Вейдемейер!

Третьего дня я получил через Энгельса твое письмо.

---

* См. настоящий том, стр. 535—536 (второе письмо до нас не дошло). *Ред.*

** *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Манифест Коммунистической партии» (английский перевод). *Ред.*

*** Речь идет о работе Энгельса над серией статей «Революция и контрреволюция в Германии». *Ред.*

Прежде всего наилучшие новогодние пожелания тебе и твоей жене. Такие же пожелания и от моей жены.

Сейчас я сижу и работаю над статьей для тебя. Твой заказ пришел слишком поздно и потому я не могу сегодня же выполнить его. Во вторник *(23 декабря)* тебе будет послано отсюда: 1. *«18 брюмера Луи Бонапарта»* К. Маркса, 2. *«Государственный переворот во Франции»* Ф. Вольфа, 3. *«Немезида»* Вильгельма Вольфа. *Энгельс* пришлет тебе свою статью — кажется, о Пруссии — может быть, уже с сегодняшней почтой. У *Фрейлиграта* еще ничего не готово, но он разрешает тебе указать его имя в качестве одного из твоих сотрудников. С *Веертом* ведутся переговоры. С *Эккариусом* тоже.

Ты можешь теперь обосноваться в Соединенных Штатах по крайней мере на год. Во второе воскресенье мая 1852 г.[535] *«это»* не начнется.

Я думаю, что тебе следует подождать с выпуском первого номера[*] до прибытия вышеуказанных статей. Разница ведь всего в 5 дней. Ты можешь объявить, что в дальнейших номерах будет печататься непрерывно отдельными статьями моя работа: «Новейшие откровения социализма, или «Общая идея революции в XIX веке» П. Ж. Прудона. Критика Карла Маркса»[536].

Сейчас же напиши Адольфу Клуссу, M. S. Navy Yard, Вашингтон D. C. Мы ему уже писали о тебе. Это один из наших лучших и талантливейших людей; он может быть вообще тебе очень полезен, и в особенности в деле основания и распространения твоего журнала.

Не забудь сделать следующее:

Пойди к Дана; возьми те номера «Tribune», в которых появились мои статьи[**], и *немедленно* пошли их мне. Я не получал от него никаких известий и потому перестал писать. Работа была прервана так давно, что я должен просмотреть газету, прежде чем продолжать писать, а писать я должен хотя бы из-за денежных соображений.

Как только появится твой журнал, ты должен не только регулярно посылать его нам, но и присылать достаточное число экземпляров для рассылки в виде пробных номеров.

Всецело твой ***К. Маркс***

Если ты еще не связал себя договором, не покупай у злосчастного Вейтлинга его «Republik der Arbeiter». Сделав это,

[*] — журнала «Revolution». *Ред.*

[**] Речь идет о серии статей Энгельса «Революция и контрреволюция в Германии», печатавшихся в газете «New-York Daily Tribune» за подписью Маркса. *Ред.*

ты, может быть, приобретешь двести штраубингеров, но зато потеряешь широкие круги читателей. Никогда не следует выступать под старым названием. Это — общее правило.

Впервые полностью опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXV, 1934 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

110
МАРКС — ФЕРДИНАНДУ ФРЕЙЛИГРАТУ [537]

В ЛОНДОНЕ

[Лондон], 27 декабря 1851 г.
28, Deanstreet, Soho

Мавританский князь*!

При сем — письмо Эбнера.

Сегодня я снова получил также письмо от Вейдемейера. Он, между прочим, пишет:

«На этих днях сюда прибыл посланец лондонского «Агитационного союза», чтобы противодействовать займам Кинкеля. Эти господа, вероятно, воображают, на том основании, что кучка беженцев наделала много шума из ничего, что здесь в Америке все делятся на кинкельянцев и антикинкельянцев. Кошутовская сенсация давно заставила забыть о Кинкеле, и несколько тысяч долларов, которые ему удастся собрать, право, не стоят стольких разговоров».

«Продажу «Revue» я тебе здесь, во всяком случае, могу устроить. Некоторое количество новых стихов Фрейлиграта здесь также можно было бы поместить».

После того как В[ейдемейер] еще раз нажал на нас, он пишет:

«Но прежде всего пришли какое-нибудь стихотворение Фрейлиграта: они больше всего привлекают».

Прими это близко к сердцу и создай новогоднюю песнь в честь Нового света. При нынешних обстоятельствах, мне кажется, действительно легче писать в стихах, чем в прозе, будь то в патетическом или в юмористическом духе. Если бы ты когда-нибудь вздумал претворить в художественную форму юмор, свойственный твоему африканскому величеству в частной жизни, то я уверен, что ты добился бы успеха также и в этом жанре. Твоя жена правильно заметила, что в тебе очень много скрытого лукавства.

* Намек на стихотворение Фрейлиграта «Мавританский князь». *Ред.*

Я переслал бы тебе письмо В[ейдемейера], но мне надо было прежде показать его Энгельсу, который, вероятно, пробудет здесь до четверга; он надеялся в прошлый вторник найти тебя в лоне «синагоги».

Общество переехало на Farringtonstreet, City, Market House, винная торговля У. Дж. Мастерс. Заседания будут происходить отныне по четвергам, в 9 часов. Общество считает, — и не без основания, — что его новое помещение находится в твоем районе[538].

Рассел дал отставку Пальмерстону[539], 1) чтобы перед лицом Бонапарта разыграть роль конституционного героя и 2) чтобы сделать уступку России и Австрии. Я не разделяю того мнения, что этот факт может прежде всего оказать влияние на судьбу эмигрантов вообще и на нашу судьбу в частности; однако я вижу в нем предвестника очень беспокойного в политическом отношении года для Англии. По словам Энгельса, торговцы из Сити также разделяют наш взгляд на то, что кризис, задержавшийся благодаря различного рода событиям (между прочим и благодаря политическим опасениям, прошлогодним высоким ценам на хлопок и т. д.), разразится не позднее ближайшей осени. А после недавних событий я более, чем когда-либо, убежден, что без торгового кризиса не будет и серьезной революции.

Я и моя семья шлем тебе и твоим привет.

С благоговением

Мавр

Впервые полностью опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXV, 1934 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

ПРИЛОЖЕНИЯ

1

МАРКС — БЕЛЬГИЙСКОМУ КОРОЛЮ ЛЕОПОЛЬДУ I В БРЮССЕЛЕ

Брюссель, 7 февраля 1845 г.
24, Place du petit sablon

Нижеподписавшийся Карл Маркс, доктор философии, двадцати шести лет от роду, из Трира в Прусском королевстве, имея намерение поселиться с женой и ребенком во владениях Вашего величества, осмеливается покорнейше просить Вас разрешить ему проживание в Бельгии[540].

Имеет честь быть с самым глубоким уважением покорнейшим слугой Вашего величества

д-р ***Карл Маркс***

Впервые опубликовано в журнале «L'Europe Nouvelle» № 346, 1924 г.

Печатается по рукописи

Перевод с французского

На русском языке публикуется впервые

2

МАРКС—ОБЕР-БУРГОМИСТРУ ТРИРА ГЁРЦУ

Брюссель, 17 октября [1845 г.]
Rue de l'Alliance, 5, hors de
la Porte du Louvain

Ваше высокоблагородие!

Покорнейше прошу почтеннейшее королевское окружное управление Трира оказать мне содействие в предоставлении разрешения эмигрировать в Соединенные Штаты Северной Америки. Мое свидетельство об освобождении от королевско-прусской военной службы[541] должно находиться или в канцелярии обер-бургомистра Трира или в королевском окружном управлении.

Преданный Вашему высокоблагородию Д-р ***Карл Маркс***

Впервые опубликовано в брошюре: H. Schiel. «Die Umwelt des jungen Karl Marx». Trier. 1954

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

3

МАРКС—ОБЕР-БУРГОМИСТРУ ТРИРА ГЁРЦУ

Брюссель, 10 ноября 1845 г.

Его высокоблагородию королевско-прусскому ландрату
и обер-бургомистру г-ну Гёрцу

Ваше высокоблагородие!

На Ваше высокочтимое послание от 8-го сего месяца я отвечаю, что мое прошение от 17-го прошлого месяца о выходе из королевско-прусского подданства в связи с эмиграцией в Соединенные Штаты Северной Америки касалось только меня лично, но что я прошу распространить его также и на мою семью, *если это необходимо для получения разрешения.*

Преданный Вашему высокоблагородию д-р ***Карл Маркс***

Впервые опубликовано в брошюре:
H. Schiel. «Die Umwelt des jungen
Karl Marx». Trier, 1954

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

4

ЖЕННИ МАРКС — ИОСИФУ ВЕЙДЕМЕЙЕРУ В ХАММ

Париж, четверг*, [17 марта 1848 **г.**]
Отель «Манчестер», rue Grammont № 1

Дорогой г-н Вейдемейер!

Мой муж опять так занят в этом гигантском городе множеством дел и беготней, что поручил мне обратиться к Вам с просьбой поместить в «Westphalisches Dampfboot» следующее сообщение: здесь, — о чем подробно осведомлен г-н Люнинг, — образовалось несколько немецких обществ, но *Немецкий* рабочий клуб, во главе которого стоят немцы из Лондона — Шаппер, Бауэр, Молль — и немцы из Брюсселя — Маркс, Вольф, Энгельс, Валлау, Борн (непосредственно связанные через Гарни и Джонса также с английскими чартистами), — не имеет ничего общего с Немецким демократическим обществом во главе с Бёрнштейном, Борнштедтом, Гервегом, Фольком, Деккером

* По-видимому, в рукописи описка: судя по содержанию письма, оно было написано в пятницу 17 марта. *Ред.*

и др.[542], — с обществом, которое подняло черно-красно-золотое знамя (в этом его, впрочем, уже опередил Союзный сейм), заводит речь об отце Блюхере и проводит под командой прусских отставных офицеров военную муштровку по секциям. Перед лицом *Франции* и Германии совершенно необходимо решительно отмежеваться от этого общества, потому что оно опозорит немцев. Если «Dampfboot» выйдет еще не скоро, то составьте на основании этих данных небольшую статью для каких-нибудь немецких газет, с которыми Вы теперь на юге больше связаны. Постарайтесь распространить это возможно шире в немецких газетах.

Мне хотелось бы еще многое написать Вам о происходящем здесь интересном движении, которое нарастает с минуты на минуту (сегодня вечером перед городской ратушей прошло 400000 рабочих). Массы демонстрантов все растут и растут. Но я так перегружена домашним хозяйством и заботами о трех моих крошках[*], что у меня остается время только на то, чтобы послать издалека сердечный привет Вам и Вашей милой жене.

Привет и братство.

Ваша скитающаяся гражданка ***Женни Маркс***

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXV, 1934 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

5

КОНРАД ШРАММ — ИОСИФУ ВЕЙДЕМЕЙЕРУ

ВО ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Лондон, 8 января 1850 г.

Дорогой Вейдемейер!

Я пишу Вам по поручению Маркса, который по горло занят работой, чтобы обеспечить первый выпуск «Revue». «Revue» будут распространять издатели, а кроме того, в более крупных городах этим будут заниматься агенты. Печатание и пр. происходит в Гамбурге, а оттуда журнал будет рассылаться агентам. Первый выпуск выходит с некоторым опозданием; другие быстро последуют за ним, так что мартовский выпуск, пожалуй, выйдет в начале месяца. Когда издание «Revue» до какой-то степени наладится, оно будет выходить два раза в месяц. Прошу Вас *немедленно* поместить объявление, даже если «Kolnische Zeitung» его еще не получит. Что касается Ваших южногерманских

[*] — Женни, Лауре и Эдгаре Маркс. *Ред.*

статей, то Маркс хотел бы как можно скорее получить их для февральского выпуска; не так уж важно, чтобы там были приведены самые новые факты, это все равно не удастся сделать; мне кажется, лучше всего, чтобы корреспонденции заканчивались 15-го числа каждого месяца и рукопись отсылалась своевременно, с таким расчетом, чтобы она могла быть получена здесь 19-го или 20-го каждого месяца. Еще одно — измените, пожалуйста, в объявлении цену с 24 на 25 или на 20 зильбергрошей; последняя цена является более подходящей, потому ее и предлагал книготорговец. Во Франкфурте Вы, вероятно, возглавите движение в поддержку «Revue», а расходы на вспомогательных агентов, на беготню и т. п. Вы нам тогда засчитаете. Сколько экземпляров мне Вам прислать?

Здесь пока мало нового. Струве и Гейнцен скандалят, сколько могут, и компрометируют себя и всю немецкую эмиграцию, насколько это в их силах. Вообще же эти два диктатора вцепились друг другу в волосы — Струве якобы украл у Гейнцена какую-то идею (?!) Б рун, которому прошу передать привет, я вскоре напишу и тогда подробно расскажу о здешних делах.

Не нужно ли Вам корреспондента из Лондона? Я мог бы сразу же посылать Вам самые важные сообщения из парламента, которые, вероятно, будут представлять интерес. Я постоянно слежу за английским движением в пользу финансовой реформы[543] и мог бы держать Вас в этом отношении в курсе событий. На днях я пришлю Вам для пробы одну корреспонденцию, и тогда Вы сможете мне сказать при случае, хотите ли Вы получать мои статьи и сколько будете за них платить. Здесь, в Англии нужны деньги, чтобы платить за бифштексы и пиво.

Молодого коммуниста, который появился на свет у Маркса, зовут Генрих Эдуард Гай Фокс. Он родился 5 ноября, и поэтому его назвали Гаем Фоксом[544]. Пока этот малыш надоедает всем своим криком, но со временем он, несомненно, образумится.

Привет от всех знакомых. Сердечный привет.

Ваш ***Шрамм***

[Приписка Маркса]

[Доро][*] гой Вейдемейер!

[Посылаю][*] тебе залоговую квитанцию[545]. Будь добр возобновить ее, а издержки за это взять [из][*] подписной платы. Сердечный привет твоей жене и тебе от меня и мо[ей][*] жены.

К. Маркс

Публикуется впервые *Печатается по рукописи*

Перевод с немецкого

[*] В этом месте рукопись повреждена. *Ред.*

6

ЖЕННИ МАРКС — ИОСИФУ ВЕЙДЕМЕЙЕРУ

ВО ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Лондон, 20 мая [1850 г.]

Дорогой г-н Вейдемейер!

Почти год прошел с тех пор, как я встретила у Вас и Вашей милой жены такой дружеский, радушный прием, когда, живя у Вас, я чувствовала себя так же хорошо, как дома. И все это долгое время я не подавала никаких признаков жизни. Я не ответила, когда Ваша жена написала мне такое приветливое письмо. Я промолчала даже тогда, когда мы получили известие о рождении Вашего ребенка. Это молчание часто очень удручало меня, но в большинстве случаев я не в состоянии была писать; да и сегодня это дается мне с большим трудом.

Однако обстоятельства заставляют меня взяться за перо — прошу Вас, *пришлите нам как можно скорее деньги, которые поступили или поступят* за «Revue». Мы в них *очень, очень нуждаемся.* Никто, конечно, не может упрекнуть нас в том, что мы когда-либо подчеркивали, сколько жертв нам пришлось принести и что мы пережили за эти годы. Публика мало, вернее почти совсем не осведомлена о наших личных делах — мой муж очень щепетилен в этом отношении и скорее пожертвует последним, чем согласится на демократическое попрошайничество, которым занимаются «великие мужи». Но чего он мог бы, казалось, ожидать от своих друзей, в особенности от кёльнцев, так это деятельной, энергичной поддержки его «Revue». На эту поддержку он прежде всего мог рассчитывать там, где было известно, какие жертвы он принес для «Neue Rheinische Zeitung». Вместо этого дело было совершенно загублено из-за небрежного и беспорядочного его ведения; трудно сказать, что причинило больше вреда — то ли затяжка по вине издателя или по вине тех, кто стоит во главе дела, а также кёльнских знакомых, то ли вообще все поведение демократов.

Моего мужа здесь совсем замучили самые мелочные житейские заботы. И все это принимало такую возмутительную форму, что потребовалась вся его энергия, все его спокойное, твердое, молчаливое сознание собственного достоинства, чтобы выстоять в этой ежедневной, ежечасной борьбе. Вы знаете, дорогой г-н Вейдемейер, какие жертвы в свое время принес мой муж ради газеты[*]. Он вложил в нее тысячи наличными, он стал

[*] — «Neue Rheinische Zeitung». *Ред.*

собственником газеты — его толкнули на это добродетельные демократы, которым иначе пришлось бы самим отвечать за долги — и это в такое время, когда уже почти не оставалось надежды на успех. Чтобы спасти политическую честь газеты, чтобы спасти гражданскую честь кёльнских знакомых, он взял на себя все тяготы, продал свою печатную машину, отдал все поступившие деньги, а перед уходом взял взаймы 300 талеров, чтобы заплатить за наем нового помещения, выплатить гонорары редакторам и т. д., — а ведь он подлежал насильственной высылке.

Вы знаете, что себе мы ничего не оставили. Я поехала во Франкфурт, чтобы заложить свои серебряные вещи, последнее, что у нас было. В Кёльне я поручила продать мою мебель, так как существовала опасность, что белье и все остальное будет описано за долги. Когда наступил злосчастный период контрреволюции, мой муж отправился в Париж. Я последовала за ним со своими тремя детьми[*]. Не успел он обосноваться в Париже, как его опять выслали, мне самой и моим детям было воспрещено дальнейшее пребывание там. Я снова последовала за ним через Ла-Манш. Через месяц родился наш четвертый ребенок[**]. Надо знать Лондон и здешние условия жизни, чтобы понять, что значит трое детей и рождение четвертого. За одну только квартиру мы должны были платить 42 талера в месяц. Все это нам удавалось оплачивать из собственных денег, которыми мы располагали. Но наши небольшие средства иссякли с выходом «Revue». Несмотря на соглашение, деньги не поступали, а если и поступали, то лишь отдельными мелкими суммами, поэтому мы очутились здесь в самом ужасном положении.

Я опишу Вам без прикрас только *один* день нашей жизни, и Вы увидите, что, пожалуй, немногие эмигранты испытали нечто подобное. Так как кормилицы здесь слишком дороги, я решила сама кормить ребенка, несмотря на постоянные ужасные боли в груди и спине. Но мой бедный малютка высасывал у меня с молоком столько забот и скрытого горя, что сам постоянно хворал, днем и ночью страдая от сильных болей. С тех пор как он родился, он еще ни одну ночь не спал больше двух — трех часов. В последнее время к этому прибавились еще сильные судороги, и ребенок все время был между жизнью и смертью. Из-за этих мучений он так сильно сосал, что у меня заболела грудь, появились трещины; часто кровь текла в его открытый, дрожащий ротик. Так сидела я с ним однажды, как

[*] — Женни, Лаурой и Эдгаром Маркс. *Ред.*
[**] — Генрих Гвидо Маркс. *Ред.*

вдруг появилась наша домохозяйка. Мы заплатили ей в течение зимы свыше 250 талеров, а остальные деньги, по контракту, должны были уплатить не ей, а ее лендлорду, который еще раньше описал ее имущество. Она отказывается от контракта и требует 5 фунтов, которые мы ей были должны. Так как денег у нас не оказалось (письмо Наута пришло слишком поздно), являются два судебных пристава и описывают все мое небольшое имущество — кровати, белье, платье — все, даже колыбель моего бедного ребенка и лучшие игрушки девочек, которые стояли тут же, обливаясь слезами. Судебные пристава угрожали через два часа забрать все имущество. Я, с больной грудью, осталась бы тогда на голом полу с моими дрожащими от холода детьми. Наш друг Шрамм поспешил в город за помощью. Но едва он сел в кабриолет, как лошади понесли, он на ходу выскочил из экипажа, и его, окровавленного, принесли к нам в дом, где я сидела в слезах с моими бедными дрожащими детьми.

На следующий день нам пришлось оставить квартиру. Было холодно, пасмурно и дождливо. Мой муж ищет для нас помещение, но с четырьмя детьми никто не хочет нас пускать. Наконец нам оказывает помощь один друг, мы уплачиваем за квартиру, и я быстро продаю все свои кровати, чтобы заплатить аптекарю, булочнику, мяснику и молочнику, напуганным скандалом с описью имущества и внезапно набросившимся на меня со своими счетами. Проданные кровати выносят из дома, погружают на тележку — и что же происходит? Было уже поздно, после захода солнца; вывозить вещи в такое время запрещается английским законом, и вот появляется домохозяин в сопровождении полицейских и заявляет, что здесь могут быть и его вещи и что мы хотим сбежать за границу. Не прошло и пяти минут, как перед нашей квартирой собралось не менее двухсот — трехсот зевак, весь сброд из Челси. Кровати вносят обратно; отдать их покупателю можно было лишь на следующее утро; после восхода солнца. Когда, наконец, продав все наши пожитки, мы оказались в состоянии уплатить все до последнего гроша, я переехала с моими милыми малышами в наши теперешние две комнатки в немецкой гостинице по адресу: 1, Leicesterstreet, Leicester Square, где мы более или менее сносно устроились за $5^1/_2$ ф. ст. в неделю.

Простите, дорогой друг, что я так подробно и обстоятельно описала один лишь день нашей здешней жизни. Я знаю, это нескромно, но сегодня вечером сердце мое переполнено, руки мои дрожат и мне захотелось хоть раз излить душу одному из наших старейших, лучших и вернейших друзей. Не думайте,

что эти страдания из-за мелочей меня сломили. Я слишком хорошо знаю, что мы далеко не одиноки в нашей борьбе и что ко мне судьба еще милостива, — я принадлежу к немногим счастливицам, потому что рядом со мной мой дорогой муж, опора моей жизни. Что меня действительно мучает до глубины души, из-за чего мое сердце обливается кровью, так это то, что мой муж должен претерпевать столько мелочных невзгод, в то время как ему можно было бы помочь столь малым, и что он, с такой охотой и радостью помогавший многим людям, оказался здесь без всякой помощи. Но не подумайте, дорогой г-н Вейдемейер, что мы к кому-нибудь предъявляем претензии. Если мы и получали от кого-либо *помощь, то мой муж еще в состоянии возместить ее из своих средств.* Единственное, чего мой муж вправе был требовать от тех, с кем он делился своими мыслями, кому он оказывал поддержку, служил опорой, так это проявления большей деловой энергии, большего участия к его «Revue». Я могу с гордостью и смелостью это утверждать. Это немногое они обязаны были сделать для него. Не знаю, — неужели мой муж не заработал своими трудами 10 зильбергрошей? *Я полагаю, что от этого никто бы не пострадал.* Вот это-то и огорчает меня. Но мой муж думает иначе. Никогда, даже в самые ужасные минуты, он не терял веры в будущее, всегда сохранял самый живой юмор и был вполне доволен, когда видел веселой меня и наших милых детей, с нежностью ласкающихся к своей мамочке. Он не знает, что я так обстоятельно написала Вам о нашем положении, дорогой г-н Вейдемейер, поэтому не ссылайтесь на эти строки. Он знает только, что я Вас просила от его имени по возможности ускорить получение и пересылку денег. Я уверена, что Вы используете эти строки только как наш *чуткий и внимательный* друг.

До свидания, дорогой друг! Передайте самый сердечный привет Вашей милой жене и поцелуйте Вашего крошку от имени матери, уронившей не одну слезу на своего младенца. Если Ваша жена сама кормит ребенка, то не сообщайте ей ничего об этом письме. Я знаю, как влияет всякое волнение и как оно вредно сказывается на малышах. Наши трое старших детей прекрасно себя чувствуют, вопреки всему. Девочки красивые, цветущие, веселые, жизнерадостные, а наш толстый мальчуган полон юмора и самых забавных затей. Этот бесенок целые дни самым громким голосом распевает с необычайным пафосом забавные песни. Весь дом дрожит, когда он во весь голос поет слова из фрейлигратовской марсельезы:

Приди ж, июнь, пора свершений!
Мы жаждем подвигов и дел.

Быть может, всемирно-историческое призвание этого месяца, как и двух его несчастливых предшественников, состоит в том, чтобы начать гигантскую борьбу, в которой мы все снова будем сражаться рука об руку.

Будьте здоровы!

Напечатано в журнале «Die Neue Zeit», Bd. 2, № 27, 1906—1907 гг.

Печатается по рукописи, сверенной с текстом журнала

Перевод с немецкого

7

ЖЕННИ МАРКС — ИОСИФУ ВЕЙДЕМЕЙЕРУ ВО ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

[Лондон, около 20 июня 1850 г.]

Дорогой г-н Вейдемейер!

Мой муж чрезвычайно удивлен тем, что Вы послали деньги Науту и что выручку за экземпляры красного номера* Вы также послали не ему, а кому-то другому.

Всю систему распространения «Revue», безусловно, необходимо изменить. А пока муж просил меня написать Вам, чтобы Вы ничего не посылали г-ну Н[ауту], а все, даже самые мелкие суммы (в прусских талерах), посылали сюда. Условия здесь иные, чем в Германии. Все мы — 6 человек — занимаем одну комнатку и каморку и платим больше, чем за огромный дом в Германии, и притом платить приходится каждую неделю. Вы можете себе представить поэтому, в каком положении оказываешься, когда хотя бы 1 рейхсталер запаздывает на один день. Здесь речь идет теперь для всех нас о хлебе насущном. Итак, не ждите распоряжений г-на Н[аута] и прочих. Кроме того, мой муж просит передать Вам, что он считает нежелательным, чтобы с критикой его выступал Люнинг**, — уж лучше резкие нападки, но только не признание. Мой муж и не ждал глубокой критики, а только простых отзывов, какие помещают все газеты о журналах и брошюрах. Это делает и Ваша газета, когда она хочет ознакомить публику с теми или иными сочинениями и содействовать их распространению, — она дает в таких случаях соответствующие небольшие извлечения. Это не требует большого труда.

Сердечный привет Вашей милой жене и Вам.

Ваша ***Женни Маркс***

Впервые опубликовано на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXV, 1934 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

---

* — последний номер «Neue Rheinische Zeitung» от 19 мая 1849 года. *Ред.*

** См. настоящий том, стр. 470. *Ред.*

8

ЖЕННИ МАРКС — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ

В МАНЧЕСТЕР

Лондон, 19 декабря [1850 г.]

Дорогой г-н Энгельс!

По поручению Карла посылаю Вам сегодня 6 экземпляров «Neue Rheinische Zeitung»*. Гарни, которому немного лучше, просит Вас послать один экземпляр Элен Макфарлин. Подумайте, подлец Шуберт отдает 300 экземпляров Эйзену только за наличные, и осел Наут совсем вне себя. Карлу поэтому приходится писать массу писем, а Вы знаете, как ему это трудно. Кёльнская булла против Виллиха и К° прибыла вчера вместе с новым Уставом[546], циркулярами и т. д. Кёльнцы действовали на сей раз исключительно энергично и активно и очень решительно выступили против этой подлой шайки. Подумайте только, Виллиху мало было его позора с первым манифестом Фанона-Каперона** — эти великие мужи выпустили второе послание, и Виллих дошел до того, что послал Красному Беккеру*** три декрета для передачи кёльнскому ландверу, в которых он отсюда приказывает им восстать, провозгласить в каждой роте временное правительство, сместить все гражданские и военные власти и в случае необходимости расстреливать их. А кёльнский ландвер снова уютно восседает в граде отцов своих и на хладных берегах Рейна устраивает попойки и разглагольствует. Если В[иллиху] не место в сумасшедшем доме, то я уж не знаю, кому там место. Шаппер достал паспорт из Гамбурга, чтобы взять на себя эмиссарские обязанности Хауде. На здоровье, Гиппопотам!

Дронке тоже написал. Жена Мозеса**** снова убедила своего мужа, что он является главой коммунистов. Но Вы ведь скоро здесь будете и сами увидите и услышите про все события. Каперонисты напали ночью на Красного Вольфа***** и избили его. Красный Вольф подал в суд на Венглера. На следующий день, после приговора, Виллих внес за него залог в 20 шиллингов.

Мы все радуемся, что скоро увидим Вас здесь.

Ваша ***Женни Маркс***

---

* — «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue». *Ред.*
** См. настоящий том, стр. 140—141. *Ред.*
*** — Герману Беккеру. *Ред.*
**** — Гесса. *Ред.*
***** — Фердинанда Вольфа. *Ред.*

[Надпись на обороте письма]

Фридриху Энгельсу, эсквайру. 70, Great Ducie street.

Впервые опубликовано на языке оригинала в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung, Bd. 1, 1929 и на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXI, 1929 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

9

ЖЕННИ МАРКС — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ

В МАНЧЕСТЕР

[Лондон, 11] января 1851 г.

Дорогой г-н Энгельс!

Посылаю Вам, по поручению моего мужа, письмо для Веерта. Отправьте его, пожалуйста, вместе с Вашим письмом. Красный Вольф смастерил несколько новых пар сапог с машинками, гражданин Либкнехт становится с каждым днем все серьезнее и добродетельнее. Шрамм предается унынию, и его больше не видно. Дети кланяются Энгельсу, а муж мой в библиотеке, где он убивает свое время.

Сердечно кланяюсь Вам.

Женни Маркс

Впервые опубликовано на языке оригинала в Marx — Engels Gesamtausgabe. Dritte Abteilung. Bd. 1, 1929 и на русском языке в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, 1 изд., т. XXI, 1929 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

10

ЖЕННИ МАРКС — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ

В МАНЧЕСТЕР

Лондон, 17 декабря 1851 г.

Дорогой г-н Энгельс!

Мавр поручил мне очень срочно написать Вам несколько слов по поводу только что полученного от Вас письма Вейдемейера[*]. Сам он хочет послать Вам до пятницы статью о французских

[*] См. настоящий том, стр. 349. *Ред.*

гнусностях[*] и спрашивает, не сможете ли Вы послать в Америку юмористическую статью о немецкой дряни, в особенности о Пруссии, одураченной Австрией, и т. д. По приказу начальства обращаюсь также с настоятельным требованием к Фрейлигграту. Все мы очень радуемся тому, что скоро увидим Вас у себя. Полковник Муш и его сестры[**] шлют Вам сердечный привет, я тоже.

Женни Маркс

Публикуется впервые *Печатается по рукописи*

Перевод с немецкого

[*] *К. Маркс.* «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». *Ред.*
[**] — Эдгар, Женни и Лаура Маркс. *Ред.*

ПРИМЕЧАНИЯ
УКАЗАТЕЛИ

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Данное письмо является самым ранним из известных нам писем Энгельса Марксу. Оно написано вскоре по. возвращении Энгельса в Германию из Англии. По пути в Германию он в конце августа 1844 г. заехал в Париж, где пробыл десять дней. В это время произошла его историческая встреча с Марксом, положившая начало их совместной научной деятельности и революционной борьбе за дело пролетариата. Выяснив свое полное согласие во всех теоретических областях, основоположники марксизма приступили к работе над своим первым совместным трудом, направленным против младогегельянцев. Первоначально это произведение предполагалось назвать «Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании». В процессе печатания Маркс добавил в заголовок книги слова «Святое семейство». — *5.*

[2] Бернайс, один из редакторов издававшейся в Париже немецкой газеты «Vorwarts!» («Вперед!»), по требованию прусского правительства был привлечен к суду французскими властями осенью 1844 г. и приговорен к тюремному заключению и штрафу за критику реакционных порядков в Пруссии. — *6.*

[3] Имеется в виду *«Deutsch-Franzosische Jahrbucher»* («Немецко-французский ежегодник»), который издавался в Париже под редакцией К. Маркса и А. Руге на немецком языке. Вышел в свет только первый, двойной выпуск в феврале 1844 года. В нем были опубликованы произведения К. Маркса «К еврейскому вопросу» и «К критике гегелевской философии права», а также произведения Ф. Энгельса: «Наброски к критике политической экономии» и «Положение Англии. Томас Карлейль. «Прошлое и настоящее»» (см. настоящее издание, т. 1, стр. 382—413, 414—429, 544—571, 572—597). Эти работы знаменуют окончательный переход Маркса и Энгельса к материализму и коммунизму. Главной причиной прекращения выхода журнала были принципиальные разногласия Маркса с буржуазным радикалом Руге. — *6*.

[4] Энгельс уехал из Германии в ноябре 1842 года. Почти два года он находился в Англии, работая на бумагопрядильной фабрике

в Манчестере, одним из владельцев которой был его отец. Одновременно Энгельс изучал социальные и политические отношения в Англии, условия жизни и труда английских рабочих, знакомился с чартистским движением. В начале Сентября 1844 г. Энгельс возвратился в Германию. — *6.*

[5] *«Vorwarts!»* («Вперед!») — немецкая газета, выходила в Париже с января по декабрь 1844 года. В газете печатались статьи Маркса и Энгельса. Под влиянием Маркса, который с лета 1844 г. стал принимать непосредственное участие в редактировании газеты, она начала приобретать коммунистический характер; газета развернула острую критику реакционных порядков в Пруссии. По требованию прусского правительства министерство Гизо в январе 1845 г. издало распоряжение о высылке Маркса и некоторых других сотрудников газеты из Франции; издание «Vorwarts!» прекратилось. — *7.*

[6] Энгельс пишет здесь о задуманной К. Марксом работе «Критика политики и политической экономии». Занявшись с конца 1843 г. изучением политической экономии, Маркс уже весной 1844 г. поставил себе задачу дать в печати критику буржуазной политической экономии с позиций материализма и коммунизма; из написанных им тогда рукописей до нас дошла лишь часть, известная под названием «Экономическо-философские рукописи 1844 года» (см. сборник: К. Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних произведений», стр. 517—642). В связи с работой над книгой «Святое семейство» Маркс временно отложил занятия политической экономией и вернулся к ним лишь в декабре 1844 года. Сохранились многочисленные конспекты, выписки и заметки, сделанные Марксом в 1845—1846 гг. в связи с изучением работ английских, французских и других экономистов. Однако и на этот раз Марксу не удалось осуществить свой замысел. Договор с издателем Леске на издание двухтомного произведения «Критика политики и политической экономии», подписанный Марксом 1 февраля 1845 г. (см. примечание 423), был расторгнут издателем в феврале 1847 года. — *8.*

[7] В декабре 1844 г. в ежегоднике «Deutsches Burgerbuch» («Книга для немецких граждан») Энгельс опубликовал «Описание возникших в новейшее время и еще существующих коммунистических колоний» (Marx — Engels Gesamtausgabe. Erste Abteilung, Bd. 4, S. 351—366). Это сообщение об основанных в США Оуэном и его последователями колониях в духе идей утопического коммунизма представляло собой перевод на немецкий язык материалов, опубликованных в английских органах печати «The New Moral World» («Новый нравственный мир»), «The Northern Star» («Северная звезда») и «The Morning Chronicle» («Утренняя хроника»). — *8.*

[8] Разногласия Маркса и Энгельса с буржуазным радикалом А. Руге ведут свое начало со времени издания журнала «Deutsch-Franzosische Jahrbucher», выходившего под редакцией Маркса и Руге. Причиной этих разногласий являлось отрицательное отношение Руге к коммунизму как революционному мировоззрению, глубокое расхождение во взглядах Маркса и младогегельянца Руге, сторонника философского идеализма. Окончательный разрыв Маркса с Руге произошел в марте 1844 года. Враждебное отношение Руге к революционной борьбе масс особенно наглядно проявилось во время восстания силезских ткачей летом 1844 года. Маркс на страницах газеты «Vorwarts!» заклеймил

буржуазно-филистерскую позицию Руге в статье «Критические заметки к статье «Пруссака» «Король Прусский и социальная реформа»» (см. настоящее издание, т. 1, стр. 430—448). — *9.*

[9] *Союзы для улучшения положения рабочего класса* создавались в ряде городов Пруссии в 1844—1845 гг. по инициативе немецкой либеральной буржуазии, напуганной восстанием силезских ткачей летом 1844 г., с целью отвлечь немецких рабочих от борьбы за свои классовые интересы. Несмотря на старания буржуазии и правящих кругов придать этим союзам безобидный филантропический характер, их создание послужило толчком для роста политической активности городских народных масс и привлекло внимание широких общественных кругов Германии к социальному вопросу. Особенный размах приобрело движение за создание Союзов для улучшения положения рабочего класса в городах промышленной Рейнской провинции, где противоречия между буржуазией и пролетариатом достигли значительной остроты и уже существовала радикально-демократическая оппозиция прусскому абсолютизму.

Представители революционно-демократической интеллигенции широко использовали собрания, посвященные созданию союзов и обсуждению их устава, для пропаганды и распространения передовых идей, для противодействия влиянию духовенства и либеральной буржуазии. Эти собрания и сами союзы становились, таким образом, ареной борьбы противоположных социальных и классовых интересов, которая отражала оживление политической жизни в Германии накануне буржуазной революции. Прусское правительство, напуганное нежелательным для него направлением деятельности союзов, поспешило пресечь ее весной 1845 г., не утвердив их уставы и запретив дальнейшие собрания. Деятельность союзов, несмотря на их недолговременное существование, способствовала размежеванию социальных и политических сил в Германии и политическому просвещению народных масс. — *10.*

[10] В создании Союзов для улучшения положения рабочего класса в *Кёльне* в ноябре 1844 г. активное участие принимали бывшие издатели и сотрудники «Rheinische Zeitung» («Рейнской газеты») Юнг, Д'Эстер, Компес, а также другие представители радикально-демократической и социалистической интеллигенции. На собрании в Кёльне 10 ноября 1844 г. был создан Всеобщий союз для вспомоществования и просвещения, который поставил своей целью «организацию труда, защиту интересов труда от власти капитала» и т. п. Вопреки противодействию буржуазных либералов, был принят демократический устав, предусматривавший активное участие рабочих в деятельности союза. В дальнейшем произошло окончательное размежевание между радикально-демократическими элементами и либеральными буржуа; последние во главе с Кампгаузеном вышли из состава союза и приложили все усилия, чтобы ускорить его запрещение властями.

В *Эльберфельде* на многолюдном собрании 17 ноября 1844 г. был создан Союз для народного просвещения, организаторам которого с самого начала пришлось выдержать борьбу против попыток местного духовенства подчинить союз своему влиянию и придать его деятельности религиозную окраску. Энгельс и его друзья стремились использовать собрания союза и его комитет для пропаганды коммунистических взглядов; в своих выступлениях они разоблачали происки церковников и лживый характер буржуазной философии (см. «Эльбер-

фельдские речи» Энгельса, настоящее издание, т. 2, стр. 532—554). Устав союза не был утвержден властями, а сам союз прекратил свое существование весной 1845 года. — *10.*

[11] Энгельс имеет в виду задуманную им работу по социальной истории Англии, материал для которой он собирал во время своего пребывания в этой стране (ноябрь 1842 — август 1844). Первоначально Энгельс намеревался отвести в этом труде специальную главу положению английских рабочих; однако уяснение особой роли пролетариата в буржуазном обществе побудило Энгельса посвятить исследованию положения английского рабочего класса самостоятельный труд — «Положение рабочего класса в Англии», который и был им написан по возвращении в Германию в сентябре 1844 — марте 1845 года. Как явствует из выписок Энгельса за июль — август 1845 г., а также из писем издателя Леске Марксу 14 мая и 7 июля 1845 г., Энгельс весной и летом 1845 г. продолжал работу над книгой о социальной истории Англии. Он не оставлял этого замысла до конца 1847 г., о чем говорит заметка в № 91 «Deutsche-Brusseler-Zeitung» («Немецкой брюссельской газеты») от 14 ноября 1847 года. Однако по ряду причин Энгельсу не удалось завершить работу над книгой. — *10.*

[12] Брошюры о Листе Энгельс не написал, но критика взглядов немецких сторонников протекционизма, в первую очередь Листа, содержится в одной из «Эльберфельдских речей» Энгельса, произнесенной 15 февраля 1845 г. (см. настоящее издание, т. 2, стр. 546—554). — *11.*

[13] Подробный анализ названной работы Штирнера и критику реакционной сущности его философских, экономических и социологических взглядов Маркс и Энгельс дали в своем произведении «Немецкая идеология» (см. настоящее издание, т. 3, стр. 103—452). — *11.*

[14] Имеется в виду *«Berliner Monatsschrift»* («Берлинский ежемесячник»), где помещена рецензия К. Шмидта (настоящая фамилия М. Штирнера) на роман французского писателя Эжена Сю «Парижские тайны»; вышедший в Париже в 1842 — 1843 гг., этот роман был написан в духе сентиментально-мещанской социальной фантазии. — *11.*

[15] *«Свободные»* — название существовавшего в первой половине 40-х годов XIX в. младогегельянского кружка берлинских литераторов, ядро которого составляли Б. Бауэр, Э. Бауэр, Э. Мейен, Л. Буль, М. Штирнер и другие. Критику «Свободных» Марксом в 1842 г. см. в настоящем томе, стр. 364, 369—370. «Свободные», оторванные от действительной жизни и поглощенные абстрактными философскими спорами, в 1843 — 1844 гг. отреклись от радикализма и скатились к пошлому, вульгарному субъективному идеализму — к пропаганде теории, согласно которой лишь избранные личности, носители «духа», «чистой критики» являются творцами истории, а масса, народ служит якобы лишь косным материалом, балластом в историческом процессе. Разоблачению вредных реакционных идей младогегельянцев, именовавших свои взгляды «критической критикой», Маркс и Энгельс посвятили свой первый совместный труд «Святое семейство, или Критика критической критики» (см. настоящее издание, т. 2, стр. 3—230). — *13.*

[16] Говоря о «democratie pacifique» («мирной демократии»), Энгельс имеет в виду взгляды издававших газету *«La Democratie pacifique»* («Мирная

демократия») эпигонов школы Фурье, которые придавали его учению ярко выраженный сектантски-догматический характер. Маркс и Энгельс неоднократно критиковали «разбавленный водой фурьеризм», который проповедовался на страницах этой газеты и по существу выражал настроения филантропической буржуазии. — *13.*

[17] Отрывок из этого письма впервые был опубликован Ф. Рингом в статье «Из писем Энгельса Марксу» («Die Neue Zeit», Bd. 2, № 44, 1900—1901). — *15.*

[18] Речь идет о направленной против книги Штирнера «Единственный и его собственность» брошюре Гесса «Последние философы», которая вышла в Дармштадте в 1845 году. В этой брошюре Гесс критиковал философские взгляды Штирнера с позиций «истинного социализма» (см. примечание 50). — *15.*

[19] Имеется в виду ежегодник *«Deutsches Burgerbuch fur 1845»* («Книга для немецких граждан на 1845 год»), изданный в Дармштадте Г. Пютманом в декабре 1844 года. Общее направление ежегодника определялось участием в нем представителей немецкого «истинного социализма»; однако в ежегоднике были опубликованы и работы таких деятелей революционно-демократического движения, как В. Вольф и поэт Г. Веерт, а также составленное Энгельсом сообщение о коммунистических колониях в Англии и Америке (см. примечание 7). — *15.*

[20] *«Gesellschaftsspiegel»* («Зеркало общества») — ежемесячный журнал, который издавался под редакцией М. Гесса в Эльберфельде в 1844—1845 годах. Энгельс на первых порах принял участие в организации этого издания, но в редакцию не вошел. В журнале печатались статьи «истинных социалистов». — *16.*

[21] Под таким псевдонимом в газете «Vorvarts!» во второй половине 1844 г. печатались цикл стихов «Песни о жизни» и заметка «Об обучении ремесленников». — *16.*

[22] *«Rheinische Jahrbucher zur gesellschaftlichen Reform»* («Рейнский ежегодник по вопросам социальной реформы») — немецкий журнал, издавался Г. Пютманом; вначале был задуман как трехмесячный журнал, но вышло всего два тома, первый в Дармштадте в августе 1845 г., второй в местечке Бель-Вю на немецко-швейцарской границе в конце 1846 года. В первом томе был опубликован текст выступлений Энгельса на собраниях в Эльберфельде 8 и 15 апреля 1845 г. («Эльберфельдские речи»), во втором — его статья «Празднество наций в Лондоне» (см. настоящее издание, т. 2, стр. 532—554 и 587—599). Однако общее направление ежегодника определялось участием в нем представителей «истинного социализма»; в связи с этим Маркс и Энгельс подвергли журнал резкой критике в своей работе «Немецкая идеология» (см. настоящее издание, т. 3, стр. 460—544).

По существовавшему в ряде германских государств законодательству о печати, от предварительной цензуры освобождались только издания, превышавшие по своему объему 20 печатных листов. Объем «Rheinische Jahrbucher» освобождал его от цензуры, тем не менее полиция великого герцогства Гессенского, придравшись к «крамольному» содержанию журнала, конфисковала первый том и запретила дальнейшее издание. — *16.*

[23] О намерении Энгельса написать книгу о социальной истории Англии см. примечание 11. — *16.*

[24] *«Rheinische Zeitung fur Politik, Handel und Gewerbe»* («Рейнская газета по вопросам политики, торговли и промышленности») — ежедневная газета, выходила в Кёльне с 1 января 1842 по 31 марта 1843 года. Газета была основана представителями рейнской буржуазии, оппозиционно настроенной по отношению к прусскому абсолютизму. К сотрудничеству в газете были привлечены и некоторые младогегельянцы. С апреля 1842 г. Маркс стал сотрудником «Rheinische Zeitung», а с октября того же года — одним из ее редакторов. В «Rheinische Zeitung» был опубликован также ряд статей Энгельса. При редакторстве Маркса газета стала принимать все более определенный революционно-демократический характер. Правительство ввело для «Rheinische Zeitung» особо строгую цензуру, а затем закрыло ее. — *17.*

[25] О задуманной Марксом работе «Критика политики и политической экономии» см. примечание 6. — *17.*

[26] Имеется в виду *«Telegraph fur Deutschland»* («Германский телеграф») — литературный журнал, в котором с марта 1839 по 1841 г. сотрудничал Энгельс. В №№ 203 и 204 этого журнала за декабрь 1844 г. была опубликована статья Руге «An einen Patrioten» («К патриоту»). — *18.*

[27] Это письмо впервые опубликовано с сокращениями Ф. Мерингом в статье «Из писем Энгельса Марксу» («Die Neue Zeit», Bd. 2, № 44, 1900—1901). — *20.*

[28] Маркс был выслан из Франции за участие в редактировании газеты «Vorwarts!». Распоряжение о высылке было издано французским правительством под давлением Пруссии в январе 1845 года. 3 февраля 1845 г. Маркс переехал из Парижа в Брюссель. — *20.*

[29] Речь идет о созданном в Кёльне в ноябре 1844 г. Всеобщем союзе для вспомоществования и просвещения (см. примечание 10). — *23.*

[30] *«Черный кабинет»* — тайное учреждение при почтовых ведомствах Франции, Пруссии, Австрии и ряда других государств, занимавшееся перлюстрацией писем. Существовал со времен абсолютистских монархий в Европе. — *23.*

[31] Энгельс имел в виду перевод незаконченной работы Ш. Фурье «О трех внешних единствах», опубликованной посмертно в журнале фурьеристов «La Phalange» («Фаланга») за 1845 год. В том же журнале были напечатаны и рукописи Фурье по космогонии. — *24.*

[32] W. Godwin. «An Enquiry Concerning Political Justice, and its Influence on General Virtue and Happiness». Vol. I—II, London, 1793 (У. Год-вин. «Исследование относительно политической справедливости и ее влияния на общую добродетель и благоденствие». Тт. I—II, Лондон, 1793). — *25.*

[33] Отчет о собраниях в Эльберфельде 8 и 15 февраля 1845 г., на которых выступал Энгельс, был опубликован в первом томе издававшегося

Пютманом журнала «Rheinische Jahrbucher» в 1845 году. Критика взглядов Листа содержится во второй из «Эльберфельдских речей» Энгельса (см. настоящее издание, т. 2, стр. 546—554). — *27.*

[34] На карикатуре Энгельса слева направо изображены: Руге, Буль, Науверк, Бруно Бауэр, Виганд, Эдгар Бауэр, Штирнер, Мейен, два неизвестных лица и Кёппен (в форме лейтенанта). Бруно Бауэр попирает ногой «Rheinische Zeitung». На стене изображение гильотины, а в левом углу — белка (намек на игру слов: Eichhorn — фамилия прусского министра по делам культа, просвещения и медицины Эйххорна и «Eichhornchen»—«белка»).— *между 28—29.*

[35] Речь идет о предпринятой правительством Фридриха-Вильгельма IV в 1846 г. реорганизации Прусского банка; он был преобразован в акционерное общество, однако управление им по-прежнему оставалось в руках правительства. Смысл этой реформы, закрепленной указом от 5 октября 1846 г., сводился к созданию условий, благоприятствовавших привлечению частных капиталов для покрытия прусского государственного долга (см. статью Энгельса «Вопрос о прусском банке», настоящее издание, т. 4, стр. 22—23). — *31.*

[36] Энгельс приехал в Париж 15 августа 1846 г. по поручению Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета с целью пропаганды коммунизма среди рабочих — в первую очередь среди членов парижских общин Союза справедливых (см. примечания 39 и 49) — организации корреспондентского комитета и борьбы против вейтлингианства, прудонизма и «истинного социализма». В то время среди части немецких ремесленников, живших в Париже, было распространено учение уравнительного коммунизма Вейтлинга. Значительным влиянием среди них пользовался и К. Грюн, который использовал собрания рабочих для пропаганды идей «истинного социализма» и мелкобуржуазных утопий Прудона. Деятельность Энгельса немало способствовала тому, что большинство членов парижских общин Союза справедливых отошло от вейтлингианства, «истинного социализма» и прудонизма. — *31.*

[37] Имеется в виду попытка издания рукописи Маркса и Энгельса «Немецкая идеология» в Вестфалии с помощью местных предпринимателей — «истинных социалистов» Ю. Мейера и Р. Ремпеля. Переговоры, которые вел И. Вейдемейер, начались в мае 1846 года. В недошедшем до нас письме Ремпелю от 2 июля 1846 г. Маркс и Энгельс резко осудили проволочки, увертки и отговорки вестфальских капиталистов. В ответ последовал окончательный отказ Ремпеля и Мейера финансировать печатание «Немецкой идеологии», а также издание другой социалистической литературы под предлогом отсутствия денежных средств. Однако настоящей причиной отказа было то, что сами издатели являлись заинтересованными представителями того направления, против которого выступали в своей работе Маркс и Энгельс. — *22.*

[38] K. Grun. «Die soziale Bewegung in Frankreich und Belgien. Briefe und Studien». Darmstadt, 1845 (К. Грюн. «Социальное движение во Франции и Бельгии. Письма и исследования». Дармштадт, 1845). — *32.*

[39] Речь идет о созданном Марксом и Энгельсом в Брюсселе в начале 1846 г. Коммунистическом корреспондентском комитете, по образцу которого должны были быть образованы социалистические группы

в Германии, Франции, Англии и других странах. Целью корреспондентских комитетов, которые, по мысли Маркса и Энгельса, должны были подготовить почву для создания международной пролетарской партии, являлось идейное и организационное сплочение социалистов и передовых рабочих различных стран и борьба против чуждых пролетариату направлений в рабочем движении. Принимая меры для организации корреспондентских комитетов в Лондоне, Париже и в различных областях Германии, Маркс и Энгельс стремились привлечь к участию в этих комитетах видных социалистов и коммунистов европейских стран. Как явствует из письма Гарни Энгельсу от 30 марта 1846 г. и писем Шаппера Марксу от 6 июня и 17 июля 1846 г., в Лондоне был организован корреспондентский комитет, в котором приняли участие руководители левого крыла чартистов, а также члены лондонского Просветительного общества немецких рабочих во главе с Шаппером. Маркс и Энгельс пытались также привлечь к участию в корреспондентских комитетах Кабе, Прудона и других французских социалистов (см. настоящий том, стр. 393—395). Однако эта попытка не увенчалась успехом, о чем свидетельствует письмо Прудона Марксу от 17 мая 1846 года. В Германии связь с силезскими рабочими поддерживал Вильгельм Вольф; из Киля писал в Брюссель Георг Вебер, из Вестфалии — Иосиф Вейдемейер; в Рейнской провинции формально не был создан корреспондентский комитет, однако с эльберфельдскими социалистами велась переписка через Наута и Кётгена, а кёльнские коммунисты Даниельс, Бюргерс и Д'Эстер регулярно переписывались с Марксом и Энгельсом. — *32.*

[40] Энгельс имеет в виду первую главу I тома совместного труда Маркса и Энгельса «Немецкая идеология», посвященную критике взглядов Л. Фейербаха (см. настоящее издание, т. 3, стр. 15—78). Работа над этой главой, вероятно, продолжалась еще во второй половине 1846 г., но так и не была завершена. — *33.*

[41] Речь идет о статье Хью Дохерти «Религиозный вопрос» — десятой из серии статей этого автора; статья была опубликована в журнале «La Phalange», т. IV, 1846 г., стр. 136—163. — *34.*

[42] В состав созданного основоположниками марксизма в Брюсселе в начале 1846 г. Коммунистического корреспондентского комитета (см. примечание 39), помимо Маркса и Энгельса, входили В. Вольф и бельгийский социалист Ф. Жиго.

Энгельс, отправившийся в середине августа 1846 г. в Париж по поручению Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета, регулярно сообщал Комитету о своей деятельности в письмах, посылавшихся на имя Маркса. Настоящее письмо Энгельса является первым из этой серии. — *35.*

[43] Речь идет о парижских общинах Союза справедливых (см. примечание 49), которые возглавлял Г. Эвербек. В них входили жившие в Париже немецкие ремесленники, главным образом портные, составлявшие отдельную общину, а также кожевники и столяры-мебельщики.

Вейтлингианцы — сторонники проповедовавшегося В. Вейтлингом учения уравнительного утопического коммунизма, которое получило в 40-х годах XIX в. значительное распространение среди немецких ремесленников, главным образом портных, живших в Париже.

Сыграв в начале 40-х годов, до возникновения научного коммунизма, известную прогрессивную роль, вейтлингианство, с его отрицанием необходимости активной политической борьбы пролетариата и отстаиванием сектантских, заговорщических методов борьбы, вскоре стало тормозить развитие классового сознания немецких рабочих. Все резче обнаруживались реакционные черты учения Вейтлинга, постепенно приобретавшего религиозно-христианскую окраску. Вейтлингианцы, которым было свойственно подозрительное отношение к «ученым», то есть к революционной интеллигенции, в своей практической деятельности стали ограничиваться проектами создания коммун, частично заимствованными у фурьеристов, и мелкими экспериментами, вроде организации коллективных столовых и т. п. В мае 1846 г. произошел разрыв Маркса и Энгельса и их сторонников с Вейтлингом. Энгельсу во время его пребывания в Париже в 1846—1847 гг. пришлось в систематических упорных дискуссиях разъяснять рабочим ошибочность и вредность взглядов Вейтлинга и доказывать, что только научный коммунизм является подлинным выражением классовых интересов пролетариата. — *35.*

[44] В 1846—1847 гг. в журнале «Revue Sociale» («Социальное обозрение») печаталась серия статей П. Леру «Письма о фурьеризме». Энгельс имеет в виду третью и четвертую статьи из этой серии — «Сен-Симон и Фурье», «Плагиат Фурье», опубликованные в августовском и сентябрьском номерах журнала за 1846 год. — *36.*

[45] Имеются в виду работы: Ch. Fourier. «Theorie des quatro mouvements et des destinees generales»; Oeuvres completes, 2 ed., t. 1, Paris, 1841 (Ш. Фурье. «Теория четырех движений и всеобщих судеб»; полное собрание сочинений, 2 изд., т. 1, Париж, 1841). Первое издание книги вышло анонимно в Лионе в 1808 году.

«Lettres d'un habitant de Geneve a ses contemporains» («Письма женевского обитателя к современникам») — произведение Сен-Симона, написанное в 1802 г. и анонимно изданное в Париже в 1803 году. — *36.*

[46] Речь идет об июльской революции 1830 года во Франции. — *36.*

[47] Энгельс имеет в виду обращение О. Виганда «Арнольду Руге», предпосланное первому тому журнала «Die Epigonen» («Эпигоны»). — *36.*

[48] W. Weitling. «Garantien der Harmonie und Freiheit». Vivis, 1842 (В. Вейтлинг. «Гарантии гармонии и свободы». Веве, 1842). — *38.*

[49] Имеется в виду *Союз справедливых* — тайная организация немецких рабочих и ремесленников, возникшая во второй половине 30-х годов XIX в. в результате раскола демократически-республиканского Союза отверженных; позднее приобрела интернациональный характер. На взгляды членов Союза справедливых, отражавшие полуремесленный характер германского пролетариата того времени, оказывали влияние грубоуравнительный коммунизм Вейтлинга, а позднее «истинный социализм» и мелкобуржуазные утопии Прудона. Устав Союза, принятый в 1838 г. под влиянием французских тайных обществ, носил полузаговорщический характер. Известное число членов Союза составляло общину, общины объединялись в округа, а руководство всем Союзом осуществляла Народная палата. Местопребыванием Народной палаты

вначале служил Париж, а затем Лондон. Общины Союза имелись в Германии, Франции, Швейцарии и Англии. При вступлении в члены Союза справедливых требовалось принести клятву о сохранении тайны Союза. Нарушившему эту клятву грозила суровая кара. История Союза справедливых с 1839 по 1846 г. заполнена внутренней идейной борьбой. Его руководители, преодолевая воззрения утопического и мелкобуржуазного социализма, в середине 40-х годов все больше испытывали на себе влияние научного коммунизма Маркса и Энгельса. Постепенное сближение руководителей Союза с основоположниками научного коммунизма привело к вступлению Маркса и Энгельса в Союз справедливых. В начале июня 1847 г. в Лондоне состоялся конгресс Союза справедливых, на котором он был реорганизован и получил название Союза коммунистов. Об истории Союза справедливых см. также работу Маркса «Господин Фогт» и статью Энгельса «К истории Союза коммунистов» (см. настоящее издание, т. 14, стр. 450—452 и т. 21, стр. 214—232). —*39.*

[50] Говоря о «портняжном коммунизме», Энгельс имеет в виду вейтлингианство (см. примечание 43).

К. Грюн, находившийся в 1846—1847 гг. в Париже, проповедовал среди немецких рабочих мещанско-сентиментальные взгляды «истинного социализма», а также усиленно рекламировал мелкобуржуазно-реформаторские идеи Пру дона. «Истинный социализм», получивший распространение в Германии с 1844 г., являлся выражением реакционной идеологии немецкой мелкой буржуазии. Псевдосоциалистические идеи «истинных социалистов», с их отказом от политической деятельности, от борьбы за демократию, культом любви и абстрактной «человечности», в сочетании с шовинизмом, филистерством и политической трусостью, приносили особенный вред в Германии 40-х годов XIX в., когда главными задачами являлось объединение демократических сил в борьбе против абсолютизма и феодальных порядков и одновременно формирование самостоятельного пролетарского движения на основе революционной классовой борьбы. Маркс и Энгельс в 1846— 1847 гг. выступили с решительной критикой «истинного социализма». — *39.*

[51] Имеется в виду, книга: P. J. Proudhon. «Systeme des contradictions economiques, ou Philosophie de la misere». T. I—II, Paris, 1846 (П. Ж. Прудон. «Система экономических противоречий, или Философия нищеты». Тт. I—II, Париж, 1846). В 1847 г. Грюн выпустил в Дармштадте немецкий перевод первого тома этой книги: «Philosophie der Staatsokonomie oder Nothwendigkeit des Elends» («Философия политической экономии, или Необходимость нищеты»). — *40.*

[52] Говоря о *labour-bazars* или *labour-markets* — рабочих базарах, Энгельс имеет в виду Labour Exchange Bazars (базары для обмена продуктов труда), которые были основаны кооперативными обществами рабочих в различных городах Англии; в 1832 г. это движение было возглавлено Р. Оуэном, основавшим такой базар в Лондоне; на этих базарах продукты труда обменивались при помощи бумажных «рабочих денег», единицей которых служил час рабочего времени. Эти предприятия, представлявшие собой утопическую попытку организовать безденежный обмен в условиях товарно-капиталистических отношений, вскоре обанкротились. — *41.*

[53] *Штраубингеры* (Straubinger) — странствующие подмастерья-ремесленники в Германии. Маркс и Энгельс называли так немецких ремесленников, в значительной степени находившихся еще во власти отсталых цеховых представлений и предрассудков и питавших реакционные мелкобуржуазные иллюзии о возможности возврата от капиталистической крупной промышленности к мелкому ремеслу. — *41.*

[54] Энгельс имеет в виду письмо Прудона Марксу 17 мая 1846 г. в ответ на предложение участвовать в деятельности корреспондентских комитетов. См. «Correspondance de P. J. Proudhon». T. II. Paris, 1875, p. 198—202 («Переписка П. *Ж.* Прудона». Т. II. Париж, 1875, стр. 198—202). — *41.*

[55] Энгельс был введен в заблуждение по вине К. Бернайса и Г. Бёрнштейна, на что он сам позднее указывал в письме Марксу 15 января 1847 года (см. настоящий том, стр. 74). В заметке, напечатанной в «Allgemeine Zeitung» («Всеобщая газета»), речь шла о царском шпионе Я. Н. Толстом, а не о либеральном русском помещике Г. М. Толстом, с которым Маркс и Энгельс познакомились в Париже. — *42.*

[56] В № 57 «Journal des Economistes» («Экономического журнала») за август 1846 г. была напечатана рецензия Т. Фикса на тт. I и II книги К. Бидермана «Unsre Gegenwart und Zukunft» («Наше настоящее и будущее»). — *44.*

[57] Рецензия на книгу Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» была напечатана без подписи в № 56 «Journal des Economistes» за июль 1846 года. — *45.*

[58] Имеется в виду рецензия Т. Фикса на брошюру Г. Юлиуса: «Bankwesen. Ein neues Gespenst in Deutschland». Leipzig, 1846 («Банковское дело. Новый призрак в Германии». Лейпциг, 1846); рецензия была опубликована в «Journal des Economistes» № 58 за сентябрь 1846 года. — *45.*

[59] Данное письмо было впервые опубликовано со значительными сокращениями в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913 («Переписка между Ф. Энгельсом и К. Марксом». Т. I, Штутгарт, 1913). — *45.*

[60] Энгельс имеет в виду работу Л. Фейербаха «Das Wesen der Religion» («Сущность религии»), опубликованную в первом томе журнала «Die Epigonen» за 1846 год. — *45.*

[61] После неудачной попытки Маркса и Энгельса и их друзей издать «Немецкую идеологию» в Вестфалии с помощью Ремпеля и Мейера (см. примечание 37) Маркс потребовал через Вейдемейера, чтобы рукопись была переслана из Вестфалии в Кёльн, Даниельсу. — *46.*

[62] Речь идет о выдвинутом группой участников социалистического движения в Кёльне (Бюргерс, Д'Эстер, Гесс) проекте создания издательства для публикации и распространения социалистической и коммунистической литературы. Этот проект возник в июле — августе 1846 г., после того как потерпела неудачу попытка издания «Немецкой идеологии». К финансированию этого издательства, которое должно было

быть основано на паях, предполагалось привлечь некоторых представителей немецкой буржуазии, сочувствующих социалистическим идеям. Об этом проекте, который так и не удалось осуществить, см. также настоящий том, стр. 51—53. — *46.*

[63] В июле 1846 г. в журнале «Das Westphalische Dampfboot» («Вестфальский пароход») был опубликован составленный Марксом и Энгельсом «Циркуляр против Криге» (см. настоящее издание, т. 4, стр. 1—16). Однако редактор этого журнала О. Люнинг, один из представителей немецкого «истинного социализма», подверг этот циркуляр тенденциозной обработке, сделав вставки от себя и в ряде случаев произвольно изменив текст. Всячески стараясь сгладить остроту принципиальной партийной борьбы с помощью сентиментальных фраз, Люнинг в то же время вынужден был признать в примечании, что публикация «Циркуляра против Криге» является и самокритикой журнала. — *46.*

[64] Энгельс имеет в виду обращение лондонского Просветительного общества к немецким пролетариям, выпущенное в сентябре 1846 года.

Лондонское Просветительное общество немецких рабочих было основано в феврале 1840 г. К. Шаппером, И. Моллем и другими деятелями Союза справедливых (см. примечание 49) с целью политического просвещения рабочих и пропаганды среди них социалистических идей. Руководящая роль в этом открытом Обществе принадлежала членам тайного Союза справедливых, а позднее местным общинам Союза коммунистов. Во второй половине 40-х годов XIX в. Просветительное общество приобрело интернациональный характер. В его среде прошли школу политического воспитания многие члены Союза коммунистов, ставшие впоследствии видными деятелями коммунистического и рабочего движения. Активное участие в деятельности Общества в 1847 и 1849—1850 гг. принимали Маркс и Энгельс. 17 сентября 1850 г. Маркс, Энгельс и ряд их сторонников вышли из Общества в связи с тем, что в борьбе между руководимым Марксом и Энгельсом большинством Центрального комитета Союза коммунистов и сектантско-авантюристским меньшинством (фракцией Виллиха — Шаппера) Общество стало на сторону меньшинства. С конца 50-х годов Маркс и Энгельс вновь приняли участие в деятельности Просветительного общества. Общество продолжало существовать до 1918 г., когда оно было закрыто английским правительством. В XX в. Общество посещалось многими русскими политическими эмигрантами. — *47.*

[65] Речь идет о датском короле Кристиане VIII, правительство которого всячески подавляло национальное движение в Шлезвиг-Гольштейне. До революции 1848 г. национальное движение среди немецкого населения герцогств Шлезвига и Гольштейна не выходило за рамки умеренно-либеральной оппозиции. По своему характеру оно было сепаратистским, так как стремилось к созданию на севере Германии еще одного мелкого немецкого государства. Во время революции 1848— 1849 гг. положение изменилось. Под влиянием революционных событий в Германии национальное движение в Шлезвиге и Гольштейне приобрело освободительный характер. Борьба за отделение Шлезвига и Гольштейна от Дании сделалась составной частью борьбы всех прогрессивных сил Германии за национальное объединение страны и была решительно поддержана Марксом и Энгельсом. — *47.*

[66] *Droit d'aubaine* (право государства на выморочное имущество) — распространенный в средневековой Франции и других странах феодальный обычай, согласно которому король присваивал имущество умершего иностранца в случае отсутствия наследников. — *49.*

[67] Имеется в виду появление во Франции ряда анонимных памфлетов против Ротшильда (автором одного из них являлся рабочий Ж. Дернвель). Выступление против одного из крупнейших финансовых магнатов Франции свидетельствовало о росте широкой политической оппозиции режиму Июльской монархии. Что касается упомянутой Энгельсом брошюры Бернайса против Ротшильда, написанной в 1846 г. на немецком языке и напечатанной в Швейцарии, то ее разыскать не удалось. — *51.*

[68] Данное письмо Энгельса сохранилось только в виде отрывка. Энгельс критикует здесь проект создания издательства для публикации социалистической и коммунистической литературы (см. примечание 62). — *51.*

[69] Энгельс имеет в виду переговоры относительно издания «Немецкой идеологии» (см. примечание 37). — *53.*

[70] В №№ 26, 27 и 29 нью-йоркской газеты «Der Volks-Tribun» («Народный трибун») за 27 июня, 4 и 18 июля 1846 г. был опубликован отрывок из письма Вейтлинга к Криге, а также ряд заявлений сторонников Криге: «Bescheidene Erwiederung» («Скромный ответ»), «An unsere Freunde» («К нашим друзьям») и «Adresse der deutschen Socialreformer» («Обращение немецких национал-реформистов»); эти документы содержали враждебные выпады против Маркса и Энгельса и других членов Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета. — *57.*

[71] Речь идет о восстании в Женеве, которое началось в октябре 1846 года; в результате пришли к власти представители радикальной буржуазии, что способствовало сплочению передовых швейцарских кантонов в борьбе против объединения реакционных католических кантонов — Зондербунда. — *61.*

[72] О Союзе справедливых см. примечание 49. — *62.*

[73] Речь идет о народном восстании в Португалии в 1846—1847 гг., направленном против реакционного режима в стране. Восстание было беспощадно подавлено царствовавшей в Португалии ветвью династии Кобургов при поддержке английских и испанских интервентов. — *63.*

[74] Энгельс имеет в виду второй циркуляр против Криге, написанный Марксом. Текст этого документа до сих пор не удалось обнаружить. — *64.*

[75] *«Братские демократы»* — международное демократическое общество, основанное в Лондоне в 1845 г. представителями левого крыла чартизма (Гарни и Джонс) и революционными эмигрантами (членами Союза справедливых и др.) с целью установления тесных связей между демократическим движением разных стран. Маркс и Энгельс приняли участие в подготовке собрания демократов различных наций 22 сентября 1845 г., на котором фактически было основано это общество. Они поддерживали постоянный контакт с обществом «Братские демократы», стремясь воспитать его членов — особенно пролетарское

ядро общества, вошедшее в 1847 г. в Союз коммунистов, — в духе пролетарского интернационализма и научного коммунизма, а также оказать через общество идейное воздействие на чартизм. Теоретически незрелые взгляды членов общества подвергались критике со стороны Маркса и Энгельса. После поражения чартистов в 1848 г. общество значительно ослабило свою деятельность и в 1853 г. окончательно распалось.

Упоминаемое письмо Энгельса к Гарни обнаружить не удалось. — *65.*

[76] Это письмо Энгельса было послано Марксу вместе с письмом Бернайса от 2 ноября 1846 года. — *66.*

[77] Данное письмо было впервые опубликовано с большими сокращениями в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913. — *67.*

[78] Упоминаемое Энгельсом письмо к Жиго обнаружить не удалось. — *67.*

[79] 30 сентября — 2 октября 1846 г. в Сент-Антуанском предместье Парижа происходили волнения рабочих в связи с предстоявшим вздорожанием хлеба. Рабочие нападали на хлебные лавки, были построены баррикады. Произошли столкновения рабочих с воинскими частями. — *67.*

[80] Имеются в виду взаимоотношения Маркса и Энгельса с руководителями Союза справедливых в Лондоне (К. Шаппер, И. Молль, Г. Бауэр), которые в ноябре 1846 г. выпустили обращение ко всем членам Союза. В этом документе, наряду с рядом правильных положений, нашли свое выражение незрелые и ошибочные взгляды руководителей Союза справедливых, в частности усвоенное под влиянием Вейтлинга недоверчивое отношение к «ученым» — теоретикам, революционной интеллигенции. Авторы этого документа считали единственным средством прекращения идейной борьбы и разногласий в коммунистическом движении международный конгресс коммунистов, который они предлагали созвать в мае 1847 года. Выдвигая такой проект без ведома Маркса и Энгельса, лондонские деятели Союза справедливых действовали вразрез с Брюссельским коммунистическим корреспондентским комитетом — организацией, вокруг которой в то время группировались сторонники научного коммунизма. Маркс и Энгельс считали, что созыву такого конгресса должна предшествовать консолидация существующих организаций немецких коммунистов и укрепление их международных связей, в первую очередь с английскими чартистами и их левым крылом во главе с Гарни, который организовал корреспондентский комитет в Англии. Вместе с тем Маркс и Энгельс неустанно разъясняли принципы научного коммунизма и подвергали беспощадной критике различные системы утопического и мелкобуржуазного социализма. Лондонское руководство Союза справедливых, убедившись в правильности взглядов Маркса и Энгельса, предложило им в конце января 1847 г. вступить в Союз, принять участие в его реорганизации, а также разработать программу Союза, основанную на принципах научного коммунизма. Маркс и Энгельс дали на это свое согласие. — *68.*

[81] Обращение лондонского Просветительного общества немецких рабочих к главе буржуазного направления «немецкого католицизма»

И. Ронге, составленное в марте 1845 г., свидетельствовало о теоретической незрелости руководителей Общества и Союза справедливых, находившихся в то время под влиянием идей Вейтлинга и «христианского социализма». В этом документе проводилась мысль о том, что христианская религия в «очищенном», реформированном виде может служить делу коммунизма.

Об обращении лондонского Просветительного общества по поводу Шлезвиг-Гольштейна см. настоящий том, стр. 47. — *69.*

[82] Данное письмо было впервые опубликовано с пропуском в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913. — *73.*

[83] Энгельс имеет в виду теорию английского социалиста-утописта Брея о безденежном обмене продуктами труда. Критику взглядов Брея см. в работе Маркса «Нищета философии» (настоящее издание, т. 4, стр. 102—109). — *75.*

[84] Имеется в виду том II «Немецкой идеологии», посвященный критике немецкого «истинного социализма» (см. настоящее издание, т. 3, стр. 455—544). Дальнейшая работа Энгельса над разделами этого тома продолжалась до апреля 1847 г., и результаты ее дошли до нас в виде рукописи «Истинные социалисты» (см. настоящее издание, т. 3, стр. 545—586). Судя по концу этой рукописи, можно предположить, что работа осталась незаконченной. — *76.*

[85] Статья Энгельса о книге К. Грюна «Uber Goethe vom menschlichen Standpunkte» («О Гёте с человеческой точки зрения»), написанная к началу 1847 г., легла в основу второго очерка из серии критических очерков Энгельса «Немецкий социализм в стихах и прозе» (см. настоящее издание, т. 4, стр. 223—248). Эту статью Энгельс первоначально намеревался переработать для второго тома «Немецкой идеологии», в дополнение к разделам, посвященным критике «истинного социализма». — *76.*

[86] Данное письмо было впервые опубликовано с большими сокращениями в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913. — *76.*

[87] Упоминаемое произведение Энгельса до сих пор обнаружить не удалось. — *77.*

[88] Речь идет о работе Энгельса о конституционном вопросе в Германии (см. настоящее издание, т. 4, стр. 42—60), которая была им написана в марте — апреле 1847 года. Энгельс предполагал издать ее в Германии в виде отдельной брошюры. Однако брошюра не была напечатана в связи с арестом издателя (см. также настоящий том, стр. 81 — 83). — *79.*

[89] *Коммунисты-материалисты* — члены тайного заговорщического Общества коммунистов-материалистов, основанного в 40-х годах XIX в. французскими рабочими. Находились под влиянием идей Теодора Дезами — представителя революционного и материалистического направления во французском утопическом коммунизме. Процесс членов Общества коммунистов-материалистов происходил в июле 1847 г. и закончился осуждением их на длительные сроки тюремного заключения. — *79.*

[90] Речь идет о вышедшем в 1846 г. первом томе работы Л. Блана «Histoire de la Revolution francaise» («История французской революции»). — *80.*

[91] Отрывок из данного письма был впервые опубликован в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913. — *81.*

[92] Речь идет о карикатуре Энгельса в связи с тронной речью прусского короля Фридриха-Вильгельма IV при открытии Соединенного ландтага в Берлине 11 апреля 1847 года (см. настоящее издание, т. 4, стр. 33). Эта карикатура была напечатана в виде специального приложения к «Deutsche-Brusseler-Zeitung» от 6 мая 1847 года. — *82.*

[93] Имеется в виду *«Deutsche-Brusseler-Zeitung»* («Немецкая брюссельская газета»), основанная немецкими политическими эмигрантами в Брюсселе и выходившая с января 1847 по февраль 1848 года. Первоначально направление газеты определялось стремлением ее редактора, мелкобуржуазного демократа Борнштедта, примирить различные течения радикального и демократического лагеря. Однако уже с лета 1847 г. газета, благодаря выступлениям на ее страницах Маркса и Энгельса и их соратников, все больше становилась рупором революционно-демократических и коммунистических идей. С сентября 1847 г. Маркс и Энгельс сделались постоянными сотрудниками газеты и стали оказывать непосредственное влияние на ее направление, фактически сосредоточив в своих руках в последние месяцы 1847 г. ее редакционные дела. Под руководством Маркса и Энгельса газета стала органом формировавшейся революционной партии пролетариата — Союза коммунистов. — *82.*

[94] Речь идет о предполагавшейся поездке Маркса на первый конгресс Союза коммунистов.

Союз коммунистов — первая международная коммунистическая организация пролетариата. Созданию Союза коммунистов предшествовала большая работа Маркса и Энгельса, направленная на идейное и организационное сплочение социалистов и передовых рабочих различных стран и на преодоление влияния идей сектантского мелкобуржуазного социализма на членов Союза справедливых — предшественника Союза коммунистов (см. примечание 49). Лондонское руководство Союза справедливых, убедившись в правильности взглядов Маркса и Энгельса, предложило им в конце января 1847 г. вступить в Союз, принять участие в его реорганизации, а также разработать программу Союза, основанную на провозглашенных ими принципах. Маркс и Энгельс дали на это свое согласие.

В начале июня 1847 г. в Лондоне состоялся конгресс Союза справедливых, вошедший в историю как первый конгресс Союза коммунистов. В работе конгресса приняли участие Энгельс как делегат от парижских общин и В. Вольф — от брюссельских коммунистов. На конгрессе организация была переименована в Союз коммунистов, прежний расплывчатый лозунг — «Все люди — братья!» — был заменен боевым интернационалистским лозунгом пролетарской партии — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Конгресс исключил из Союза вейтлингианцев. Конгресс рассмотрел также Устав Союза коммунистов, в разработке которого принял деятельное участие Энгельс. В новом уставе были четко определены конечные цели коммунистического движения, устранены пункты, придававшие организации заговорщический характер, в основу организации Союза были поло-

жены демократические принципы. Окончательно устав был утвержден на втором конгрессе Союза коммунистов (см. настоящее издание, т. 4, стр. 524—529).

Деятельность Союза коммунистов продолжалась до ноября 1852 года. Союз коммунистов сыграл большую историческую роль как школа пролетарских революционеров, как зародыш пролетарской партии, предшественник Международного Товарищества Рабочих (Первого Интернационала). — *82.*

[95] В конце июля 1847 г. Энгельс приехал из Парижа в Брюссель, где оставался до середины октября этого года, проводя вместе с Марксом большую работу по пропаганде идей научного коммунизма в местной общине и округе Союза коммунистов, а также в рабочих и демократических организациях. Данное письмо Энгельса написано во время поездки Маркса к родственникам в Голландию для улаживания своих денежных дел. — *83.*

[96] Имеется в виду Немецкое рабочее общество, основанное Марксом и Энгельсом в Брюсселе в конце августа 1847 г. с целью политического просвещения немецких рабочих, проживавших в Бельгии, и пропаганды среди них идей научного коммунизма. Под руководством Маркса и Энгельса и их соратников Общество сделалось легальным центром объединения революционных пролетарских сил в Бельгии. Лучшие элементы Общества входили в брюссельскую общину Союза коммунистов. Видную роль Общество сыграло в основании брюссельской Демократической ассоциации (см. примечание 97). Деятельность Немецкого рабочего общества в Брюсселе прекратилась вскоре после февральской революции 1848 г. во Франции в связи с арестами и высылкой его членов бельгийской полицией. — *83.*

[97] На интернациональном банкете демократов в Брюсселе 27 сентября 1847 г., о котором идет речь в письме Энгельса, было принято решение об основании Демократической ассоциации. Энгельс был избран в состав организационного комитета.

Демократическая ассоциация, основанная в Брюсселе осенью 1847 г., объединяла в своих рядах пролетарских революционеров, преимущественно из числа немецких революционных эмигрантов, и передовые элементы буржуазной и мелкобуржуазной демократии. Активную роль в создании Ассоциации играли Маркс и Энгельс. 15 ноября 1847 г. Маркс был избран ее вице-председателем, на пост председателя был выдвинут бельгийский демократ Л. Жотран. Благодаря влиянию Маркса брюссельская Демократическая ассоциация сделалась одним из крупных центров международного демократического движения. Однако после высылки Маркса из Брюсселя в начале марта 1848 г. и расправы бельгийских властей с наиболее революционными элементами деятельность Ассоциации приобрела более узкий, чисто местный характер и уже в 1849 г. фактически прекратилась. — *85.*

[98] Речь идет о корреспондентском бюро, созданном С. Зейлером в Брюсселе. В этом бюро работал и В. Вольф. — *86.*

[99] Имеется в виду выступление Г. Веерта, друга и соратника Маркса и Энгельса, на международном конгрессе экономистов по вопросу свободы торговли в Брюсселе 16—18 сентября 1847 года. Выступление Г. Веерта состоялось 18 сентября. Подробный отчет о заседаниях конгресса содержится в статье Энгельса «Брюссельский

конгресс по вопросу свободы торговли» (см. настоящее издание, т. 4, стр. 257—267). —*86.*

[100] Речь идет о договоренности с Борнштедтом в сентябре 1847 г. относительно постоянного сотрудничества Маркса и Энгельса в «Deutsche-Brusseler-Zeitung». В последние месяцы 1847 г. газета фактически стала органом Союза коммунистов. — *87.*

[101] Энгельс пишет о заседании брюссельской общины Союза коммунистов, которая была создана 5 августа 1847 г. на базе Коммунистического корреспондентского комитета. Председателем общины был избран Маркс. — *91.*

[102] Имеется в виду прусский Соединенный ландтаг, который открылся в Берлине 11 апреля 1847 года. Ландтаг, отказавший прусскому правительству в займе, был распущен королем Фридрихом-Вильгельмом IV в июне того же года. — *93.*

[103] Энгельс имеет в виду изложение речи, которую Маркс намеревался произнести на международном конгрессе экономистов по вопросу свободы торговли, состоявшемся в Брюсселе 16—18 сентября 1847 года. Маркс и Энгельс присутствовали на заседаниях конгресса. Маркс готовился к выступлению, но устроители конгресса, опасаясь революционного содержания речи Маркса, поспешили закрыть прения. Изложение речи, которую намеревался произнести Маркс, было опубликовано 29 сентября в брюссельской газете «Atelier Democratique» («Демократическая мастерская»). Текст речи Маркса был частично опубликован в немецком переводе И. Вейдемейером в 1848 г. под названием «Протекционисты, фритредеры и рабочий класс» (см. настоящее издание, т. 4, стр. 254—256). — *93.*

[104] Энгельс подразумевает нашумевшее дело об убийстве маршалом Франции герцогом Праленом своей жены в августе 1847 года. Это преступление высокопоставленного лица вызвало возмущение широких кругов французского общества. — *94.*

[105] Речь идет о корреспондентском бюро (см. примечание 98). — *96.*

[106] После первого конгресса Союза коммунистов (см. примечание 94), на котором обсуждался вопрос о принятии программы Союза, лондонский Центральный комитет Союза коммунистов (Шаппер, Бауэр, Молль) разослал округам и общинам Союза проект «Коммунистического катехизиса» (в виде вопросов и ответов). Этот документ, носивший следы влияния утопического социализма, не удовлетворил Маркса и Энгельса, так же как и «исправленный» проект, составленный в Париже «истинным социалистом» М. Гессом. В противовес этому проекту Энгельс составил собственный набросок программы — «Принципы коммунизма» (см. настоящее издание, т. 4, стр. 322—339 и настоящий том, стр. 102). — *96.*

[107] Маркс имеет в виду поездку Борна на второй конгресс Союза коммунистов (см. также настоящий том, стр. 105). — *96.*

[108] Речь идет о статье К. Гейнцена «Ein «Reprasentant» des Kommunismus» (««Представитель» коммунизма»), напечатанной в «Deutsche-Brusseler-

Zeitung» № 84, 21 октября 1847 года. Эта статья явилась ответом на опубликованную в той же газете полемическую работу Энгельса «Коммунисты и Карл Гейнцен». В конце октября 1847 г. Маркс ответил Гейнцену в статье «Морализирующая критика и критизирующая мораль». — *97.*

[109] Энгельс имеет в виду ответ лидера чартистов О'Коннора шести английским радикальным газетам, которые вели против него клеветническую кампанию. Ответ был опубликован в газете «The Northern Star» 23 октября 1847 года. См. об этом подробнее статью Энгельса «Аграрная программа чартистов», настоящее издание, т. 4, стр. 341— 342. — *97.*

[110] В «Deutsche-Brusseler-Zeitung» в октябре — ноябре 1847 г. была напечатана серия статей М. Гесса «Последствия революции пролетариата». — *97.*

[111] Имеются в виду попытки Энгельса добиться опубликования в газете «La Reforme» («Реформа») текста предполагавшегося выступления Маркса на международном конгрессе экономистов в Брюсселе (см. настоящее издание, т. 4, стр. 254—256 и 263—267). — *98.*

[112] Речь идет о выборах делегатов на второй конгресс Союза коммунистов от Парижского округа Союза. — *99.*

[113] О банкете в Лилле и об антидемократической позиции представителей либеральной партии «National» на этом банкете см. статью Энгельса «Раскол в лагере сторонников реформы. — «Reforme» и «National». — Успехи демократии» (настоящее издание, т. 4, стр. 367—370). — *99.*

[114] 29 ноября 1847 г. в Лондоне состоялся международный митинг, организованный обществом «Братские демократы» (см. примечание 75) в честь годовщины польского восстания 1830 года. Маркс передал обращение брюссельской Демократической ассоциации к обществу «Братские демократы» об установлении более тесных связей между обеими организациями. На митинге Маркс и Энгельс выступили с речами о Польше (см. настоящее издание, т. 4, стр. 371—376). — *100.*

[115] Имеется в виду второй конгресс Союза коммунистов, состоявшийся в Лондоне 29 ноября — 8 декабря 1847 года; в его работе приняли участие Маркс и Энгельс. В многодневных дискуссиях они отстаивали принципы научного коммунизма, которые были приняты конгрессом единогласно. По поручению второго конгресса Марксом и Энгельсом был написан программный документ — «Манифест Коммунистической партии» (см. настоящее издание, т. 4, стр. 419—459), опубликованный в феврале 1848 года. — *101.*

[116] Энгельс имеет в виду конгресс экономистов в Брюсселе, на котором выступал Г. Веерт (см. примечание 99). — *105.*

[117] Данное письмо было впервые опубликовано с большим пропуском в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. 1, Stuttgart, 1913.

Иронический тон начальной части письма Энгельса вызван неприглядным поведением «истинного социалиста» Гесса. В отместку за борьбу Энгельса против влияния «истинных социалистов» на немецких

рабочих в Париже Гесс начал клеветническую кампанию против Энгельса, стремясь привлечь на свою сторону мелкобуржуазные круги в Брюсселе и не останавливаясь перед инсинуациями по адресу Энгельса, якобы разрушившего его семейную жизнь. — *106.*

[118] Энгельс имеет в виду второй том работы Ж. Мишле «Histoire de la Revolution francaise» («История французской революции»), который вышел в Париже в 1847 году. — *107.*

[119] Речь идет о Соединенных комиссиях — совещательном сословном органе в Пруссии, избиравшемся провинциальными ландтагами из своего состава. Упомянутая в письме статья Энгельса не обнаружена. — *109.*

[120] La Sagra, Ramon de. «Organisation du travail. Questions preliminaires a l'examen de ce probleme». Paris, 1848 (Ла Сагра, Рамон де. «Организация труда. Предварительные вопросы к изучению этой проблемы». Париж, 1848), — *109.*

[121] Речь идет о заметке, напечатанной без подписи в газете «La Reforme» 19 января 1848 г.; в ней сообщалось о выступлении Маркса на заседании брюссельской Демократической ассоциации 9 января с речью о свободе торговли (см. настоящее издание, т. 4, стр. 404—418).

Энгельс имеет в виду две свои корреспонденции под названием «Чартистское движение» в газете «La Reforme» 10 и 19 января 1848 г. (см. Marx — Engels Gesamtausgabe. Erste Abteilung, Bd. 6, S. 576—582), в которых он воспроизводит обращение общества «Братские демократы» и отчет о чартистском митинге, опубликованные в газете «The Northern Star». — *110.*

[122] В конце января 1848 г. Энгельс, высланный из Франции за революционную деятельность среди рабочих Парижа, переехал в Брюссель. — *111.*

[123] 3 марта 1848 г. Маркс получил королевский приказ с предписанием покинуть Бельгию в течение 24 часов. В ночь на 4 марта, во время приготовлений Маркса к отъезду, в его квартиру в Брюсселе ворвалась полиция и арестовала его. 4 марта была подвергнута аресту также и жена Маркса. После 18-часового заключения Маркс с семьей вынужден был немедленно покинуть Бельгию; по приглашению Флокона, члена временного правительства Французской республики, Маркс направился во Францию. — *111.*

[124] 3 марта 1848 г. в Кёльне произошла массовая демонстрация, подготовленная местной общиной Союза коммунистов (см. примечание 125). От имени участников демонстрации Готшальк передал городскому магистрату петицию, содержавшую требования демократических свобод, а также охраны прав рабочих. Демонстрация была разогнана войсками. Руководители демонстрации Готшальк, Виллих и Аннеке были арестованы и преданы суду; в связи с королевской амнистией все трое были освобождены 21 марта 1848 года. События 3 марта в Кёльне явились предвестником мартовской буржуазно-демократической революции в Пруссии и других германских государствах. — *112.*

[125] В Кёльне еще до мартовской революции 1848 г. существовала община Союза коммунистов, в которую входили Д'Эстер, Даниельс, Бюргерс («старые друзья» Маркса и Энгельса), а также Аннеке, Готшальк,

Виллих и другие. Значительная часть из них находилась под влиянием «истинных социалистов». — *112.*

[126] В 1797 г. в землях по левому берегу Рейна, завоеванных армиями Французской республики, возникло движение за создание рейнской республики. Участники этого движения, республиканцы ряда рейнских городов (в том числе и Кёльна), стремились к окончательному отделению земель по левому берегу Рейна от Германской империи, ликвидации там феодально-сословных отношений и проведению на этой территории буржуазно-демократических реформ. С одобрения главнокомандующего французской армией генерала Гоша в сентябре 1797 г. был составлен проект создания левобережной Рейнской республики (Cisrhenanische Republik) по образцу Батавской и Цизальпинской республик. Однако усилившееся агрессивное направление во внешней политике французского буржуазного правительства Директории помешало осуществлению этих планов. Уже в октябре 1797 г. по Кампоформийскому мирному договору, заключенному между Францией и Австрийской империей, территории по левому берегу Рейна были закреплены за Францией. — *112.*

[127] Член Союза коммунистов Тедеско, а также ряд других бельгийских демократов были арестованы в конце февраля 1848 г. как участники республиканского движения в Бельгии, развернувшегося под влиянием февральской буржуазно-демократической революции во Франции. — *112.*

[128] Речь идет об образовании Центрального комитета Союза коммунистов в Париже. С началом революции во Франции Центральный комитет Союза в Лондоне передал в конце февраля 1848 г. руководство Союзом Брюссельскому окружному комитету во главе с Марксом. После высылки Маркса из Брюсселя местопребыванием нового Центрального комитета в начале марта становится Париж, куда переезжает Маркс. Во второй половине марта — начале апреля 1848 г. Центральный комитет организует возвращение на родину нескольких сотен немецких рабочих, в большинстве членов Союза коммунистов, для участия в начавшейся германской революции. Политической платформой Союза коммунистов в этой революции явились сформулированные Марксом и Энгельсом в конце марта «Требования Коммунистической партии в Германии» (см. настоящее издание, т. 5, стр. 1—3). — *114.*

[129] Имеется в виду Немецкое демократическое общество, которое было основано в Париже после февральской революции 1848 года. Возглавлявшие это общество мелкобуржуазные демократы Гервег, Борнштедт и другие вели агитацию за создание добровольческого легиона из немецких эмигрантов. Путем вторжения в Германию они рассчитывали вызвать там революцию и установить республиканский строй. Маркс и Энгельс решительно выступили против этой авантюристической затеи. После перехода границы легион Гервега в апреле 1848 г. был разгромлен на территории Бадена войсками южногерманских государств.

Черный, красный и *золотой* — цвета, являвшиеся символом единства Германии; лозунг единства истолковывался мелкобуржуазными демократами как призыв к установлению в Германии федерации автономных земель наподобие Швейцарского союза. — *115.*

[130] В официозной брюссельской газете «Le Moniteur belge» («Бельгийский вестник») от 12 марта 1848 г. была опубликована тенденциозная заметка о высылке Маркса из Бельгии (см. примечание 123), где злостно искажались факты и оправдывались незаконные действия бельгийских властей. Опровержение этой заметки было напечатано в органе буржуазных радикалов и демократов, бельгийской газете «Le Debat Social» («Социальные дебаты») 19 марта 1848 года. — *116.*

[131] Энгельс приехал из Брюсселя в Париж около 21 марта 1848 года. — *117.*

[132] В начале апреля 1848 г. Маркс и Энгельс вернулись из эмиграции в Германию, чтобы принять участие в начавшейся революции. Ознакомившись с обстановкой в Германии, Маркс и Энгельс и их сторонники убедились в том, что ввиду отсталости Германии, разобщенности и недостаточной политической сознательности немецких рабочих две— три сотни членов Союза коммунистов, рассеянных по всей стране, не в состоянии оказать заметное воздействие на широкие народные массы. В связи с этим Маркс и Энгельс признали необходимым выступить на крайнем левом, фактически пролетарском, фланге демократического движения. Они рекомендовали своим сторонникам вступать в демократические организации, чтобы отстаивать в них позиции революционного пролетариата, критиковать непоследовательность и колебания мелкобуржуазных демократов, толкать их на решительные действия. Вместе с тем Маркс и Энгельс направляли внимание своих сторонников на организацию рабочих обществ, на политическое воспитание пролетариата, на создание предпосылок для образования массовой пролетарской партии. 11 апреля Маркс и Энгельс приехали в Кёльн и сразу же приступили к подготовке издания большой ежедневной политической газеты — «Neue Rheinische Zeitung» («Новой Рейнской газеты»), которая явилась руководящим и направляющим центром для членов Союза коммунистов. Около 15 апреля Энгельс выехал в Бармен, Эльберфельд и другие города Рейнской провинции для распространения акций газеты, а также для организации общин Союза коммунистов. — *118.*

[133] Маркс имеет в виду подписку на акции «Neue Rheinische Zeitung», которую Маркс и Энгельс и их сторонники проводили в апреле — мае 1848 г. в разных городах Германии.

«Neue Rheinische Zeitung. Organ der Demokratie» («Новая Рейнская газета. Орган демократии») выходила ежедневно в Кёльне под редакцией Маркса с 1 июня 1848 по 19 мая 1849 года. В состав редакции входил Энгельс, а также В. Вольф, Г. Веерт, Ф. Вольф, Э. Дронке, Ф. Фрейлигрmaт и Г. Бюргерс.

Боевой орган пролетарского крыла демократии, «Neue Rheinische Zeitung», играла роль воспитателя народных масс, поднимала их на борьбу с контрреволюцией. Передовые статьи, определявшие позицию газеты по важнейшим вопросам германской и европейской революции, писались, как правило, Марксом и Энгельсом.

Решительная и непримиримая позиция газеты, ее боевой интернационализм, появление на ее страницах политических обличений, направленных против прусского правительства и против местных кёльнских властей, — все это уже с первых месяцев существования «Neue Rheinische Zeitung» повлекло за собой травлю газеты со стороны феодально-монархической и либерально-буржуазной печати,

а также преследования со стороны правительства. После сентябрьских событий в Кёльне военные власти 26 сентября 1848 г. ввели в городе осадное положение и приостановили выход ряда демократических газет, в том числе «Neue Rheinische Zeitung». В сентябре 1848 г. члены редакции Энгельс, Дронке и Фердинанд Вольф, которым угрожал арест, вынуждены были временно покинуть Кёльн; Вильгельму Вольфу приходилось скрываться от преследований полиции. После снятия осадного положения в Кёльне «Neue Rheinische Zeitung» снова начала выходить с 12 октября. Фердинанд Фрейлигрaт вступил в редакцию в октябре 1848 года.

Несмотря на все преследования со стороны властей, особенно усилившиеся после контрреволюционного переворота в Пруссии в ноябре — декабре 1848 г., «Neue Rheinische Zeitung» мужественно отстаивала интересы революционной демократии, интересы пролетариата. В мае 1849 г., в обстановке всеобщего наступления контрреволюции, прусское правительство, воспользовавшись тем, что Маркс не получил прусского подданства, отдало приказ о высылке его из пределов Пруссии. Высылка Маркса и репрессии против других редакторов «Neue Rheinische Zeitung» послужили причиной прекращения выхода газеты. Последний, 301-й, номер «Neue Rheinische Zeitung», напечатанный красной краской, вышел 19 мая 1849 года. В прощальном обращении к рабочим редакторы газеты заявили, что «их последним словом всегда и всюду будет освобождение рабочего класса!». — *118.*

[134] Речь идет о проспекте «Neue Rheinische Zeitung», который до сих пор не удалось обнаружить. — *118.*

[135] Имеется в виду собрание акционеров «Neue Rheinische Zeitung», которое должно было состояться в Кёльне в мае 1848 г., до начала издания газеты. Акционеры из других городов, которые не могли присутствовать лично на этом собрании, присылали доверенности на имя редакторов газеты или других лиц в Кёльне. — *120.*

[136] В конце сентября 1848 г. Энгельс был вынужден уехать из Кёльна, где ему угрожали арест и судебные преследования со стороны прусских властей за революционную деятельность (см. настоящее издание, т. 5, стр. 547). После кратковременного пребывания в Бельгии, откуда он был выслан полицией во Францию, и пешеходного путешествия из Парижа по юго-западу Франции Энгельс в конце октября 1848 г. прибыл в Швейцарию. Пробыв несколько дней в Женеве, он в начале ноября направился в Лозанну, а затем перебрался в Берн, где и находился вплоть до своего возвращения в Германию в середине января 1849 года. — *121.*

[137] Выход «Neue Rheinische Zeitung» и ряда других демократических газет был приостановлен 26 сентября 1848 г., когда местные власти, напуганные подъемом революционно-демократического движения в Кёльне, ввели там осадное положение. Против Маркса, Энгельса и других редакторов «Neue Rheinische Zeitung» было возбуждено судебное следствие в связи с их участием в народных собраниях в Кёльне. После снятия осадного положения Маркс, преодолевая большие финансовые и организационные трудности, добился возобновления издания газеты в октябре 1848 года. Он вложил все свои наличные

средства, чтобы расплатиться с долгами и покрыть издержки газеты (ср. настоящий том, стр. 529—530). — *122.*

[138] В августе — сентябре 1848 г. Маркс предпринял поездку в Берлин и Вену с целью получить средства для дальнейшего издания «Neue Rheinische Zeitung». После переговоров с польскими демократами Маркс получил от В. Косцельского 2 тысячи талеров. — *123.*

[139] В начале июля 1848 г. против Маркса было возбуждено судебное преследование в связи с опубликованием в «Neue Rheinische Zeitung» статьи «Аресты» (см. настоящее издание, т. 5, стр. 172—174), разоблачавшей репрессии прусских властей против демократических деятелей. В начале октября 1848 г. кёльнская прокуратура начала судебное следствие против Маркса и других редакторов «Neue Rheinische Zeitung» в связи с публикацией газетой анонимных фельетонов «Жизнь и подвиги знаменитого рыцаря Шнапганского», написанных Г. Веертом. В конце октября 1848 г. кёльнская прокуратура возбудила еще одно дело против Маркса как главного редактора газеты, в связи с публикацией воззвания мелкобуржуазного демократа Ф. Геккера. Судебный процесс против Маркса, Энгельса и ответственного издателя «Neue Rheinische Zeitung» Корфа, состоявшийся 7 февраля 1849 г., закончился их оправданием. — *123.*

[140] Маркс имеет в виду редакционную заметку, опубликованную в экстренном выпуске «Neue Rheinische Zeitung» № 155 от 29 ноября 1848 года. — *124.*

[141] В статье «Прудон», написанной для «Neue Rheinische Zeitung», но оставшейся в свое время не опубликованной (см. настоящее издание, т. 6, стр. 609—612), Энгельс упоминает о работе Маркса «Нищета философии». — *124.*

[142] В начале декабря 1848 г. Энгельс написал статью «Национальный совет» (см. настоящее издание, т. 6, стр. 91—107), где подчеркивается местнический, ограниченный характер политической жизни тогдашней Швейцарии, которая слыла в то время образцовой буржуазной федеративной республикой. — *124.*

[143] K. Heinzen. «Die Helden des deutschen Kommunismus». Bern, 1848 (К. Гейнцен. «Герои немецкого коммунизма». Берн, 1848). — *124.*

[144] Стремясь немедленно осведомлять своих читателей обо всех важнейших событиях германской и европейской революции, редакция «Neue Rheinische Zeitung» часто прибегала к изданию приложений к основному номеру или второго выпуска газеты, а при получении новых важных известий выпускала экстренные приложения и экстренные выпуски, печатавшиеся в виде листовок. — *124.*

[145] А. Готшальк и Ф. Аннеке, освобожденные из тюрьмы в конце марта 1848 г. (см. примечание 124), были вновь арестованы 3 июля 1848 г. в связи с их выступлением 25 июня на собрании кёльнского Рабочего союза, руководителями которого они являлись; 23 декабря 1848 г. они были оправданы кёльнским судом присяжных. — *125.*

[146] 25 сентября 1848 г. кёльнская прокуратура возбудила судебное следствие против Энгельса, В. Вольфа и Бюргерса как редакторов «Neue Rheinische Zeitung» по обвинению в заговоре против существующего

строя в связи с их выступлениями на народных собраниях в Кёльне. После введения в Кёльне осадного положения (см. примечание 137) Энгельс был вынужден уехать из Кёльна. 3 октября, несмотря на то, что осадное положение в Кёльне было снято, государственный прокурор издал приказ о принятии мер к розыску и аресту Энгельса. Энгельс возвратился в Кёльн только в середине января 1849 года. — *125.*

[147] *«Октроированной Пруссией»* Энгельс иронически называет Пруссию после контрреволюционного государственного переворота 5 декабря 1848 г., когда было разогнано прусское Национальное собрание и опубликована так называемая октроированная («дарованная» королем) конституция. — *127.*

[148] Имеется в виду корреспонденция под заглавием «Документ Мартовского союза», напечатанная в № 181 «Neue Rheinische Zeitung» от 29 декабря 1848 года.

Мартовские союзы в различных городах Германии являлись филиалами Центрального мартовского союза, организованного во Франкфурте-на-Майне в конце ноября 1848 г. представителями левого крыла франкфуртского Национального собрания. Руководители Мартовских союзов, названных так в честь мартовской революции 1848 г. в Германии, — мелкобуржуазные демократы Фрёбель, Симон, Руге, Фогт и др. — подменяли революционное действие фразой, проявляли трусливую половинчатость и нерешительность, неспособность вести борьбу с контрреволюцией. В ряде своих работ Маркс и Энгельс подвергли резкой критике деятельность Мартовских союзов и их мелкобуржуазных руководителей. — *127.*

[149] Речь идет о статье «Г-н фон Ладенберг и учителя народных школ», опубликованной в «Neue Rheinische Zeitung» № 182 от 30 декабря 1848 года. Продолжение статьи, обещанное редакцией, так и не было опубликовано в газете. — *127.*

[150] По-видимому, Энгельс имеет в виду «Извещение о подписке на «Neue Rheinische Zeitung» на первый квартал 1849 г.» (см. настоящее издание, т. 6, стр. 625— 626). — *127.*

[151] С середины апреля до начала мая 1849 г. Маркс предпринял поездку по городам Северо-Западной Германии и Вестфалии. Он встречается с членами Союза коммунистов и демократами, знакомится с революционной обстановкой на местах и принимает меры к тому, чтобы достать средства для продолжения издания «Neue Rheinische Zeitung». Во время отсутствия Маркса газетой руководит Энгельс. — *128.*

[152] После прекращения издания «Neue Rheinische Zeitung» Маркс и Энгельс направились во второй половине мая 1849 г. во Франкфурт-на-Майне, где пытались побудить мелкобуржуазных депутатов общегерманского Национального собрания к решительным действиям в защиту завоеваний революции, а оттуда в Юго-Западную Германию, где в то время происходили восстания в защиту имперской конституции. Затем Маркс в начале июня направился в Париж с мандатом Центрального комитета демократов, а Энгельс пробыл непродолжительное время в Кайзерслаутерне, где в тот момент находилась резиденция пфальцского временного правительства, а оттуда отправился в Оффенбах, чтобы вступить в баденско-пфальцскую революционную армию

(см. подробнее об этом работу Энгельса «Германская кампания за имперскую конституцию», настоящее издание, т. 7, стр. 151—168).

Данное письмо впервые было опубликовано с сокращениями в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913. — *129.*

[153] Маркс имеет в виду дипломатических представителей временных правительств Пфальца и Бадена, созданных весной 1849 г., во время восстания в защиту имперской конституции в Юго-Западной Германии. Конституция, принятая франкфуртским Национальным собранием 28 марта 1849 г., была отвергнута рядом германских государств, в том числе и Пруссией. В мае 1849 г. вспыхнули восстания в Саксонии, Рейнской Пруссии, Бадене и Пфальце под лозунгом защиты конституции. Однако франкфуртское Национальное собрание не оказало восставшим никакой поддержки. В июле 1849 г. движение было окончательно подавлено. Характеристика кампании за имперскую конституцию дана в работах Энгельса «Германская кампания за имперскую конституцию» и «Революция и контрреволюция в Германии» (см. настоящее издание, т. 7, стр. 111—207, т. 8, стр. 89—113). О дипломатической миссии Блинда в Париже и ее провале см. статью Маркса и Энгельса «О Карле Блинде» (настоящее издание, т. 17, стр. 269— 270). — *129.*

[154] *Монтаньяры,* или Гора — партия мелкобуржуазных демократов-республиканцев во главе с Ледрю-Ролленом, которые группировались вокруг газеты «La Reforme»; представители этой партии составляли в 1849 г. значительную фракцию в Законодательном собрании. — *130.*

[155] Имеется в виду Центральный комитет демократов Германии, избранный на втором демократическом конгрессе в Берлине в конце октября 1848 года. В начале июня 1849 г. Маркс, ожидая наступления решающих революционных событий во Франции, отправился в Париж с мандатом Центрального комитета демократов, чтобы представлять германскую революционную партию перед французскими демократами и социалистами. — *130.*

[156] После поражения баденско-пфальцского восстания Энгельс вместе с отрядом добровольцев, в рядах которого он участвовал в боевых действиях против прусских войск, 12 июля 1849 г. перешел границу Швейцарии и 24 июля приехал в Веве (кантон Во), где находился в течение месяца (см. также настоящий том, стр. 443—444). — *131.*

[157] В конце августа 1849 г. Энгельс приступил к написанию своей работы «Германская кампания за имперскую конституцию» (см. настоящий том, стр. 449—450 и настоящее издание, т. 7, стр. 111—207). — *131.*

[158] Упомянутые в письме переговоры завершились в декабре 1849 г. основанием журнала *«Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue»* («Новая Рейнская газета. Политико-экономическое обозрение»), издававшегося Марксом и Энгельсом до ноября 1850 года. Журнал являлся теоретическим и политическим органом Союза коммунистов, продолжением издававшейся Марксом и Энгельсом во время революции 1848—1849 гг. «Neue Rheinische Zeitung». Всего с марта по ноябрь 1850 г. вышло в свет 6 выпусков журнала, в том числе один сдвоенный выпуск (5—6). Редактировался журнал в Лондоне, печатался в Гамбурге. Подавляющая часть материалов (статьи, обзоры, рецензии)

писались Марксом и Энгельсом, которые также привлекали к сотрудничеству своих сторонников — В. Вольфа, И. Вейдемейера, Г. Эккариуса. Из крупных произведений основоположников марксизма в журнале были опубликованы «Классовая борьба во Франции» Маркса, «Германская кампания за имперскую конституцию» и «Крестьянская война в Германии» Энгельса. В работах, опубликованных в журнале, подводился итог революции 1848—1849 гг., содержалась дальнейшая разработка теории и тактики революционной пролетарской партии. Журнал прекратил свое существование вследствие полицейских притеснений в Германии и отсутствия материальных средств. В данном письме Маркс имеет в виду последний, 5—6 выпуск журнала. — *132.*

[159] *13 июня* 1849 г. в Париже мелкобуржуазная партия Горы организовала мирную демонстрацию протеста против нарушения президентом и большинством Законодательного собрания конституции Французской республики. Эта демонстрация была почти без труда разогнана войсками и подтвердила банкротство мелкобуржуазной демократии во Франции (см. об этом подробнее статью Маркса «13 июня» и его работу «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.», настоящее издание, т. 6, стр. 571—573, т. 7, стр. 62—70). После разгона демонстрации 13 июня начались репрессии против демократов, в том числе и против иностранцев. — *133.*

[160] Маркс имеет в виду распад большинства французского Законодательного собрания, партии порядка, на соперничающие монархические фракции.

Надбавка в *45 сантимов* на каждый франк всех прямых налогов, принятая французским временным правительством 16 марта 1848 г., вызвала особое недовольство со стороны крестьян — основной массы налогоплательщиков. В результате этой политики буржуазных республиканцев значительная часть крестьянства отшатнулась от революции и на президентских выборах 10 декабря 1848 г. отдала свои голоса Луи Бонапарту.

В середине августа 1849 г. под давлением монархистских депутатов был декретирован двухмесячный перерыв в работе французского Законодательного собрания. Собрание возобновило свою работу в середине октября 1849 года. — *133.*

[161] В июне — июле 1849 г. Энгельс принимал участие в революционных боях, развернувшихся в Пфальце и Бадене (ср. настоящий том, стр. 443—444). Подробнее об этом см. также настоящее издание, т. 7, стр. 111—207.

В мае 1849 г. Энгельс руководил подготовкой к восстанию в Эльберфельде (см. его статью «Эльберфельд», настоящее издание, т. 6, стр. 543— 545). — *135.*

[162] Маркс в конце августа 1849 г. приехал в Лондон, где остался жить до конца своих дней. Осенью 1849 г. в Лондоне собралось большинство руководящих деятелей Союза коммунистов и был реорганизован его Центральный комитет. В ноябре 1849 г. в Лондон приехал Энгельс. Основные усилия Маркса и Энгельса в этот период были направлены на восстановление прежней организации Союза и оживление его деятельности. В написанном Марксом и Энгельсом в марте 1850 г. «Обращении Центрального комитета к Союзу коммунистов» (см. настоя-

щее издание, т. 7, стр. 257—267) подводились итоги революции 1848— 1849 гг. и выдвигалась задача создания самостоятельной, независимой от мелкой буржуазии партии пролетариата.

В середине ноября 1850 г. Энгельс переехал из Лондона в Манчестер и снова приступил к работе в фирме «Эрмен и Энгельс», что было вызвано главным образом желанием оказать материальную поддержку Марксу и предоставить ему возможность продолжить разработку экономической теории. С этого времени переписка между Марксом и Энгельсом приобретает регулярный характер и ведется изо дня в день. — *136.*

[163] *Фоксик* — сын Маркса, Генрих Гвидо, родившийся 5 ноября 1849 года. Его назвали по имени Гая Фокса, героя «порохового заговора» 5 ноября 1605 года; заговорщики — английские католики — намеревались взорвать здание парламента вместе с членами обеих палат и королем Яковом I. — *136.*

[164] Отрывок из данного письма был впервые опубликован в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913.— *136.*

[165] Речь идет об издававшемся Гарни чартистском еженедельнике *«The Red Republican»* («Красный республиканец»), где был напечатан первый английский перевод «Манифеста Коммунистической партии».

Штемпельный сбор — один из налогов на газеты в Англии, введенный в 1712 г. с целью увеличения государственных доходов и борьбы с оппозиционной печатью. Штемпельный сбор чрезвычайно удорожал стоимость газет, ограничивал их распространение и делал их недоступными для широких масс. В 1836 г. парламент был вынужден снизить штемпельный сбор, а в 1855 г. отменить его. — *137.*

[166] Имеется в виду судебный процесс, затеянный после раскола Союза коммунистов большинством лондонского Просветительного общества немецких рабочих против сторонников Маркса — Г. Бауэра и К. Пфендера. Обстоятельства этого дела изложены в следующем заявлении для печати, принадлежащем перу Пфендера:

«Председателю Просветительного общества рабочих в Лондоне

17 сентября мы (Г. Бауэр и я в качестве двух доверенных лиц, ведавших частью денег Общества) послали, вместе с нашим заявлением о выходе из Общества, письмо в адрес Общества на Грейт-Уиндмилл-стрит, в котором потребовали, чтобы к нам на следующий день был послан Франц Бауэр, третье доверенное лицо, для урегулирования денежных дел. Дни шли, а ответа не было. Позднее Г. Бауэр получил письмо, в котором нам *предлагали явиться* в помещение на Грейт-Уиндмилл-стрит. Мы, конечно, оставили без внимания это дерзкое требование. Через две недели Общество повторило свое требование, сопровождая его угрозами о том, что это может плохо кончиться, и т. п. В ответ на это новое наглое требование Г. Бауэр и я решили, что в таком случае мы будем выплачивать деньги в рассрочку. Наши политические друзья одобрили это решение, тем более, что, как стало известно, эти деньги должны были быть употреблены на посылку эмиссаров в Германию, чтобы там распространять нелепую клевету против тех, кто вышел из Общества, — то есть в нарушение Устава и лишь в интересах отдельных интриганов. В конце концов тот, кто был третьим доверенным лицом, явился к нам, и совместно с ним было

решено, что выплата будет производиться в рассрочку и 1 декабря 1850 г. будет первым сроком уплаты. Однако несмотря на то, что было условлено относительно этого срока, мы получили повестку о том, что 20 ноября должны явиться в суд. Мы явились, и, само собой разумеется, Обществу было отказано в требовании о переводе денег. 1 декабря никто не явился от имени Общества за получением очередной суммы, о которой было условлено в частном порядке. Напротив, в швейцарских, немецких и американских газетах были опубликованы заявления Общества, в которых нас пытались обвинить в растрате денег. Несколько недель тому назад один из председателей Общества явился ко мне и сказал, что, как он слышал, я согласен уплатить деньги. Я ответил, что всегда готов был сделать это и что он сам виноват в том, что они подали в суд и выступали с клеветой в печати, вместо того чтобы соблюдать законные сроки получения денег. Однако я должен был обсудить это с Г. Бауэром. Последний заявил мне, что, поскольку Общество проиграло процесс, он по закону ничего больше не должен платить этой организации и, ввиду провокационной клеветы Общества на нас, намерен использовать свои законные права. Что касается меня, то Общество может в любой момент получить с меня 5 ф. ст. в обмен на расписку, подписанную председателем, казначеем и кассиром; что касается 18 шилл. 4 пенсов судебных издержек, а также гонорара за изготовленный мною для Общества портрет Молля, то я от них отказываюсь.

Лондон, 21 января 1852 г.

К. Пфендер

На следующий день вышеупомянутые три представителя Общества на Уиндмилл-стрит явились ко мне, получили деньги в обмен на расписку, но сочли за благо не упоминать ни об одном из фактов, указанных в моем письме, в частности и о том, что Общество виновато передо мной.

К. Пфендер»

Как явствует из письма Шабелица Марксу от 6 марта 1852 **г.**, этот документ был опубликован в «Schweizerische National-Zeitung» («Швейцарской национальной газете»). — *137.*

[167] Данное письмо было впервые опубликовано с сокращениями в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913. — *137.*

[168] Данное письмо было впервые опубликовано с сокращениями в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913. — *139.*

[169] На *Грейт-Уиндмилл-стрит* помещалось лондонское Просветительное общество немецких рабочих (см. примечание 64), где после раскола Союза коммунистов группировались сторонники Виллиха—-Шаппера. Летом 1850 г. в Центральном комитете Союза коммунистов обострились принципиальные разногласия по вопросу о тактике. К августу 1850 г. Маркс и Энгельс пришли к выводу, что при начавшемся всеобщем экономическом подъеме в ближайшее время нельзя ожидать новой революции. Отсюда основоположники марксизма делали вывод, что важнейшей задачей Союза коммунистов в обстановке наступления реакции является пропаганда идей научного коммунизма и подготовка

кадров пролетарских революционеров для будущих революционных боев. Против этого трезвого анализа и научно обоснованной тактики выступили члены Центрального комитета Союза коммунистов Виллих и Шаппер. Виллих, Шаппер и их сторонники отстаивали сектантскую, авантюристическую тактику немедленного развязывания революции без учета реальной обстановки в Европе. Возникшие на этой почве разногласия в Центральном комитете Союза резко обнаружились уже в августе и первой половине сентября и приняли наиболее острый характер на заседании 15 сентября 1850 г., на котором произошел раскол Союза (см. настоящее издание, т. 8, стр. 581—585). Большинство Центрального комитета во главе с Марксом и Энгельсом решительно осудило раскольническую фракцию Виллиха—Шаппера. На этом заседании по предложению Маркса полномочия Центрального комитета были переданы Кёльнскому окружному комитету. Общины Союза коммунистов в Германии повсеместно одобрили решение большинства лондонского Центрального комитета. 17 сентября 1850 г. Маркс и Энгельс вместе со своими сторонниками вышли из лондонского Просветительного общества, так как большинство его членов встало на сторону фракции Виллиха—Шаппера. По указанию Маркса и Энгельса новый Центральный комитет в Кёльне составил в декабре 1850 г. новый устав Союза (текст его с пометками Маркса см. в настоящем издании, т. 7, стр. 565—568). Полицейские преследования и аресты членов Союза привели в мае 1851 г. к фактическому прекращению деятельности Союза коммунистов в Германии. 17 ноября 1852 г., вскоре после кёльнского процесса коммунистов, Союз по предложению Маркса объявил о своем роспуске. — *139.*

[170] Речь идет о Социал-демократическом эмигрантском комитете при лондонском Просветительном обществе немецких рабочих; первоначально создан в сентябре 1849 г. под названием Комитета помощи немецким эмигрантам в Лондоне, в состав которого входил Маркс. С целью размежевания между пролетарскими и мелкобуржуазными элементами лондонской эмиграции Комитет, по предложению Маркса и других руководителей Союза коммунистов, был преобразован 3 декабря 1849 г. в Социал-демократический эмигрантский комитет, в руководство которого входили Маркс и Энгельс. Комитет сыграл значительную роль в восстановлении связей между членами Союза коммунистов, в сплочении сторонников Маркса и Энгельса в Лондоне и в реорганизации Союза коммунистов в 1849—1850 годах. В середине сентября 1850 г., после раскола Союза коммунистов, когда большинство членов Эмигрантского комитета подпало под влияние фракции Виллиха—Шаппера, Маркс и Энгельс и их сторонники заявили о своем выходе из этой организации (см. настоящее издание, т. 7, стр. 438). —*141.*

[171] Маркс имеет в виду манифест Центрального комитета европейской демократии «К немцам», опубликованный в печатном органе этого комитета — «La Voix du Proscrit» («Голос изгнанника») от 17 ноября 1850 года.

Центральный комитет европейской демократии был создан в июне 1850 г. в Лондоне по инициативе Мадзини. В него входили также Ледрю-Роллен, Дараш и Руге. Комитет представлял собой организацию, объединявшую буржуазных и мелкобуржуазных эмигрантов из разных стран. Крайне неоднородная как по своему составу, так и по идейным позициям, эта организация просуществовала недолго; из-за обострившихся отношений между итальянскими и французскими эми-

грантами-демократами Центральный комитет европейской демократии уже к марту 1852 г. фактически распался. — *142.*

[172] Речь идет о членах Центрального комитета Союза коммунистов в Кёльне, образовавшегося в октябре 1850 г., после раскола Союза коммунистов. — *142.*

[173] Энгельс имеет в виду сторонников антиреволюционных, реформистских методов достижения демократических и социалистических целей. В Англии 30—50-х годов сторонниками «моральной силы» называли также приверженцев правого крыла чартистского движения, стремившихся к соглашению с буржуазией. — *144.*

[174] 5 января 1851 г. Маркс принял участие в заседании лондонского округа Союза коммунистов, на котором был утвержден новый Устав. Устав был составлен по указанию Маркса и Энгельса кёльнским Центральным комитетом Союза после происшедшего в сентябре 1850 г. раскола Союза коммунистов. Текст Устава см. в настоящем издании, т. 7, стр. 565—568. — *146.*

[175] Немецкие эмигранты-демократы Гросс, Хине и Вильгельми обратились из Цинциннати в конце 1850 г. к Марксу и Энгельсу с предложением безвозмездно сотрудничать в издании так называемых «прогрессивных памфлетов» и в проектируемых этими демократами органах печати «Sozial-Demokrat» («Социал-Демократ») и «Republik der Bauern» («Республика крестьян»). Маркс и Энгельс отрицательно отнеслись к этому предложению, видя в нем со стороны некоторых эмигрантов попытку воспользоваться их трудным положением ради своего собственного обогащения. — *152.*

[176] Очевидно, Маркс намекает на то, что Мюллер-Теллеринг происходил из Кобленца. — *152.*

[177] В конце декабря 1850 г. Энгельс приехал на несколько дней из Манчестера в Лондон, где вместе с Марксом и его женой принимал участие в новогоднем вечере, устроенном обществом «Братские демократы» (см. примечание 75). В своем выступлении на этом вечере Энгельс подробно остановился на причинах поражения революции на континенте. — *152.*

[178] 5 января 1851 г. в Манчестере в помещении Народного института состоялось публичное собрание, организованное манчестерским Советом чартистов, в котором преобладали реформистские элементы (Дж. Лич, Д. Донован), сторонники ставшего с 1848 г. на путь соглашения с буржуазными радикалами О'Коннора. Инициаторы созыва собрания стремились противодействовать влиянию представителей революционного крыла чартистов Э. Джонсу и Дж. Гарни, игравших руководящую роль в лондонском Исполнительном комитете Национальной чартистской ассоциации. Джонс и Гарни, поддерживаемые Марксом и Энгельсом, развернули в это время энергичную деятельность по реорганизации чартистской партии на основе признания самостоятельной классовой позиции пролетариата и открытого провозглашения социалистических целей движения. Узнав об организации собрания, Э. Джонс прибыл в Манчестер. В то же время Гарни сообщил Энгельсу о намерении Джонса вступить на собрании в дискуссию

со своими противниками (поборниками соглашательской тактики и подмены революционной борьбы пролетариата кооперативной деятельностью) и просил Энгельса присутствовать на митинге и поддержать Джонса. Энгельс, как это видно из данного письма, исполнил эту просьбу Гарни.

Выступление Э. Джонса на собрании 5 января 1851 г. с резкой критикой реформистской линии руководителей манчестерского Совета во многом способствовало последовавшему вскоре после этого расколу в чартистской организации Манчестера и открытому переходу значительной части рядовых ее членов на сторону революционного крыла чартизма.

Большую остроту на собрании приобрел вопрос о взаимоотношениях между манчестерским Советом и лондонским Исполнительным комитетом. Действуя через Совет, О'Коннор еще в ноябре 1850 г. предложил созвать в Манчестере чартистскую конференцию, для того чтобы противопоставить свои взгляды линии Исполнительного комитета. Исполнительный комитет возражал против сепаратно созываемой конференции и для того, чтобы выяснить отношение к своей позиции рядовых чартистов, осуществил в декабре 1850 г. перевыборы своего состава, показавшие, что большинство чартистских организаций, за исключением манчестерского Совета, поддерживали Гарни и Джонса, вновь избранных в Исполнительный комитет. На собрании в Манчестере 5 января 1850 г. половина участников, несмотря на сопротивление реформистских лидеров, высказалась за признание нового Исполнительного комитета. — *152.*

[179] Данное письмо впервые было опубликовано с большим пропуском в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913. — *154.*

[180] Маркс имеет в виду клеветническое заявление Освальда Дица, принадлежавшего к сектантско-авантюристской фракции Виллиха — Шаппера, которое было напечатано в «Schweizerische National-Zeitung» 7 января 1851 года. В этом заявлении Диц обвиняет сторонников Маркса Г. Бауэра и К. Пфендера в присвоении денег, принадлежавших лондонскому Просветительному обществу немецких рабочих (см. об этом подробнее примечание 166). — *154.*

[181] Речь идет о клеветнической статье А. Руге, напечатанной в газете «Bremer Tages-Chronik» («Бременская ежедневная хроника») 17 января 1851 года. Статья содержала злобные выпады против «Neue Rheinische Zeitung» и, в частности, против Маркса и Энгельса (см. об этом подробнее настоящее издание, т. 7, стр. 491—492). — *154.*

[182] Имеются в виду переговоры Маркса с Г. Беккером по поводу издания сочинений Маркса, начатые еще в декабре 1850 года. В результате этих переговоров в конце апреля 1851 г. вышел первый выпуск — «Gesammelte Aufsatze von Karl Marx». I. Heft, Koln, 1851 («Собрание Сочинений Карла Маркса». Выпуск I, Кёльн, 1851). Выпуск содержал статью «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции» и часть первой статьи «Дебаты шестого рейнского ландтага», написанные Марксом в 1842 году. Из-за ареста Г. Беккера издание прекратилось после выхода первого выпуска. — *155.*

[183] речь идет о процессе, который Маркс собирался возбудить против гамбургского издателя Юлиуса Шуберта с целью заставить его продолжать издание журнала «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue». — *155.*

[184] Имеется в виду манифест Центрального комитета европейской демократии (см. примечание 171) «К народам! Организация демократии», опубликованный в августе 1850 г. за подписью Мадзини, Ледрю-Роллена, Дараша и Руге. Несмотря на то, что в манифесте содержались религиозные лозунги, Руге, изображавший себя прежде атеистом, подписал его. Критику манифеста см. в статье К. Маркса и Ф. Энгельса «Третий международный обзор», настоящее издание, т. 7. стр. 486—490. — *155.*

[185] Речь идет о Центральном комитете европейской демократии (см. примечание 171). — *156.*

[186] *«Друзья света»* — оформившееся в 1841 г. религиозное течение, направленное против господствовавшего в официальной протестантской церкви пиетизма и свойственного ему крайнего мистицизма и ханжества. Эта религиозная оппозиция была одной из форм проявления недовольства немецкой буржуазии 40-х годов XIX в. реакционными порядками в Германии. В 1846 г. движение «Друзей света» привело к образованию так называемых «Свободных общин», выделившихся из официальной протестантской церкви. — *156.*

[187] Слова из упомянутой выше статьи Руге в «Bremer Tages-Chronik» от 17 января 1851 г., где говорится: «Конрад Шрамм (не смешивать с берлинским депутатом Рудольфом Шраммом)». — *156.*

[188] Речь идет о замысле Энгельса опубликовать в возглавляемом Гарни чартистском органе «The Friend of the People» («Друг народа») серию статей с критикой мелкобуржуазных лидеров различных эмигрантских групп — Мадзини, Ледрю-Роллена, Руге и других. Однако в связи с поддержкой Гарни мелкобуржуазных вульгарных демократов, Энгельс в феврале 1851 г. отказывается от этого намерения. План Энгельса о создании сатирической работы, направленной против мелкобуржуазной эмиграции, был в значительной степени воплощен в написанном им в 1852 г. вместе с Марксом памфлете «Великие мужи эмиграции» (см. настоящее издание, т. 8, стр. 247—352). — *157.*

[189] Ответ Маркса и Энгельса на клеветническую статью Руге газетой «Weser-Zeitung» («Везерская газета») опубликован не был. Текст заявления см. в настоящем издании, т. 7, стр. 491—492. — *157.*

[190] См. статью Энгельса «Наброски к критике политической экономии» (настоящее издание, т. 1, стр. 563—568). — *159.*

[191] См. примечание 175. — *160.*

[192] Энгельс иронически намекает на слова мелкобуржуазного демократа Зигфрида Вейса, содержавшиеся в его письме к Марксу от 2 апреля 1850 года. Предлагая Марксу свое сотрудничество в журнале «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue», Вейс писал: «Мое перо острое и соленое». — *160.*

[193] Речь идет о чартистской конференции в Манчестере, созванной сторонниками О'Коннора вопреки отрицательному отношению к этому Исполнительного комитета Национальной чартистской ассоциации (см. примечание 178). Конференция продолжалась с 26 по 30 января 1851 г. и была посвящена в основном вопросам о взаимоотношениях чартистов с другими партиями и об организации кооперативных обществ. Позиция, занятая большинством конференции по этим вопросам, соответствовала реформистской линии ее организаторов. На конференции по просьбе Гарни присутствовал Ф. Энгельс, для того чтобы информировать представителей революционного крыла чартизма о ее ходе и результатах.

На конференции решался также вопрос о посылке делегатов на чартистский конвент, созываемый Исполнительным комитетом. Большинство реформистских руководителей конференции (Лич, Мак-Грат, Кларк и др.) высказалось против посылки делегатов, однако под влиянием О'Коннора, надеявшегося добиться торжества своих принципов также и на конвенте, конференция решила выделить делегатов на конвент.

Чартистский конвент, происходивший с 31 марта по 10 апреля 1851 г. в Лондоне, не пошел, однако, на поводу у реформистов, как на это рассчитывал О'Коннор. На конвенте преобладание получили сторонники революционной пролетарской линии Гарни и Джонса. Главным результатом работы конвента было принятие программы Национальной чартистской ассоциации. Несмотря на некоторые слабости и незрелые формулировки, программа отражала идейный рост чартизма под влиянием теории научного коммунизма. В ней открыто провозглашались социалистические цели чартистского движения. — *160.*

[194] *Сторонники парламентской и финансовой реформы* — буржуазные радикалы, входившие в Национальную ассоциацию парламентской и финансовой реформы, которая была создана ими в 1849 г. с целью проведения избирательной реформы (так называемой Малой хартии) и реформы налогового обложения. Противопоставляя свою программу требованиям чартистов, буржуазные радикалы рассчитывали в условиях спада политической активности английского рабочего класса после неудачи демонстрации чартистов 10 апреля 1848 г. расколоть чартистское движение и подчинить своему влиянию рабочие массы. Агитация буржуазных радикалов, которую поддерживали Кобден, Брайт, а также реформистские элементы чартистов во главе с О'Коннором, не имела успеха. Большинство чартистов и в 50-х годах осталось верным Народной хартии. В 1855 г. Национальная ассоциация парламентской и финансовой реформы распалась. — *160.*

[195] См. примечание 188. — *167.*

[196] О *сторонниках финансовой реформы* см. примечание 194. — *167.*

[197] Имеется в виду книга: L. Blanc. «Histoire de dix ans. 1830—1840». Первое издание в пяти томах вышло в Париже в 1841—1844 годах. — *168.*

[198] *«Папской агрессией»* в Англии называли стремление папы Пия IX активно вмешаться в дела английских католиков. 30 сентября 1850 г. папа издал буллу о создании в Англии ряда католических епископств и о назначении английского католического священника Уайзмена

архиепископом Вестминстерским и кардиналом. Демагогически изображая себя защитником национальных интересов Англии от посягательства папы, глава вигской олигархии Рассел провел в 1851 г. в парламенте закон, запрещающий носить титул епископа духовным лицам, не принадлежавшим к англиканской церкви. Однако этот закон остался на бумаге. — *168.*

[199] Имеется в виду Лондонская промышленная выставка — первая всемирная торгово-промышленная выставка, происходившая в мае — октябре 1851 года. — *168.*

[200] *Бургграфами* называли 17 главарей орлеанистов и легитимистов, входивших в комиссию Законодательного собрания по составлению проекта нового избирательного закона, за их неоправданные притязания на власть и реакционные устремления. Прозвище заимствовано из одноименной исторической драмы Виктора Гюго из жизни средневековой Германии. Бургграфами назывались в Германии назначенные императором правители городов и округов. — *169.*

[201] Об обществе на Грейт-Уиндмилл-стрит см. примечание 169. — *169.*

[202] Данное письмо впервые было опубликовано со значительными сокращениями в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und R. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913. — *170.*

[203] На *Чёрч-стрит* в Лондоне находилось Братское общество французских демократов-социалистов, куда входили весьма различные элементы французской эмиграции в Лондоне; в числе членов этого общества были Ледрю-Роллен и Луи Блан. Общество было основано осенью 1850 г. и ставило своей целью оказание материальной помощи французским политическим эмигрантам (см. также настоящий том, стр. 478).

24 февраля — годовщина февральской революции 1848 г. во Франции. — *171.*

[204] Накануне революции 1848 г. Виллих, будучи прусским офицером, ушел в отставку и работал плотником в Кёльне. — *171.*

[205] В феврале 1851 г. партия порядка (блок монархических партий — легитимистов и орлеанистов) в коалиции с Горой отвергла в Законодательном собрании большинством в 102 голоса предложение о предоставлении президенту Луи-Наполеону на представительство дотации в 1800000 франков. — *173.*

[206] Данное письмо впервые было опубликовано со значительными сокращениями в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913. — *174.*

[207] Энгельс намекает на то, что представитель партии порядка Монталамбер в феврале 1851 г. выступал в Законодательном собрании за предоставление президенту Луи-Наполеону дотации в 1800000 франков (см. также примечание 205). — *175.*

[208] Об обществе «Братские демократы» см. примечание 75. — *176.*

[209] См. примечание 188. — *176.*

[210] Данное письмо впервые было опубликовано с большими сокращениями в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913. — *178.*

[211] Имеется в виду Центральный комитет европейской демократии (см. примечание 171). — *179.*

[212] *Люксембургская комиссия* — правительственная комиссия по рабочему вопросу, заседавшая в Люксембургском дворце в Париже под председательством Луи Блана с 28 февраля 1848 г. по 16 мая 1848 года. Деятельность комиссии, состоявшей из представителей рабочих и предпринимателей, свелась к посредничеству в трудовых конфликтах, зачастую к выгоде хозяев, нему способствовала соглашательская тактика Луи Блана. После выступления народных масс 15 мая 1848 г. правительство ликвидировало Люксембургскую комиссию.

Предпарламент — собрание общественных деятелей германских государств, которое происходило во Франкфурте-на-Майне с 31 марта по 4 апреля 1848 года. Подавляющее большинство делегатов Предпарламента, принадлежавших к конституционно-монархическому направлению, отклонило предложение республиканско-демократического меньшинства об установлении в Германии федеративно-республиканского строя и превращении Предпарламента в учредительный орган. По предложению Предпарламента была образована *Комиссия пятидесяти,* которая должна была по согласованию с Союзным сеймом (контрреволюционным органом старого Германского союза) обеспечить созыв общегерманского Национального собрания. Предпарламент разработал также проект «Основных прав и требований германского народа» — документ, который провозглашал на словах некоторые буржуазные свободы, но не затрагивал основ полуфеодального абсолютистского строя тогдашней Германии. — *180.*

[213] Маркс имеет в виду правительственный кризис в Англии. В феврале 1851 г. глава кабинета вигов Джон Рассел подал в отставку, потерпев поражение в своих попытках противодействовать предложению члена парламента Лока Кинга распространить избирательное право в графствах на владельцев участков, приносящих ежегодный доход в 10 фунтов стерлингов. Так как лидер тори Стэнли не смог сформировать кабинет, Рассел в марте вновь занял пост премьер-министра. — *183.*

[214] Об обществе на Грейт-Уиндмилл-стрит см. примечание 169. — *185.*

[215] О «Братских демократах» см. примечание 75. — *185.*

[216] Энгельс имеет в виду книги: A. Thiers. «Histoire du Consulat et de l'Empire» (А. Тьер. «История Консульства и Империи»); издание этой многотомной работы, первый том которой вышел в Париже в 1845 г., было завершено в 1862 году; R. Southey. «History of the Peninsular War». 3 vol., London, 1823—1832 (Р. Саути. «История войны на Пиренейском полуострове». 3 тома, Лондон, 1823—1832). — *189.*

[217] См. примечание 75. — *190.*

[218] В середине апреля 1850 г. Маркс и Энгельс от имени Союза коммунистов заключили соглашение с проживавшими в Лондоне французскими эмигрантами-бланкистами и с представителями революционного крыла

чартистов о создании «Всемирного общества коммунистов-революционеров». Был составлен договор (написанный рукой А. Виллиха и подписанный Марксом, Энгельсом, Гарни, Виллихом, Видилем, Аданом), состоящий из 6 статей (см. настоящее издание, т. 7, стр. 551—552). После раскола Центрального комитета Союза коммунистов французские бланкисты-эмигранты стали на сторону сектантско-авантюристского меньшинства, возглавляемого Виллихом и Шаппером, и вместе с ними пошли на тесный союз с мелкобуржуазной демократической эмиграцией. В этих условиях Маркс и Энгельс вместе с Гарни сочли целесообразным в начале октября 1850 г. разорвать договор с бланкистами (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. «Письмо Адану, Бартелеми и Видилю», настоящее издание, т. 7, стр. 439). — *191.*

[219] Данное письмо впервые было опубликовано с большим пропуском в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913. — *192.*

[220] Имеется в виду письмо Фердинанда Вольфа от 25 февраля 1851 г., посланное им Энгельсу из Лондона. В письме Вольф сообщает Энгельсу о своем явно нереальном проекте издания, ради заработка, путеводителя на русском языке для посетителей Всемирной выставки и просит у него совета. — *192.*

[221] Данное письмо впервые было опубликовано со значительными сокращениями в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913. — *193.*

[222] *Закон об иностранцах* был принят английским парламентом в 1848 г. в связи с революционными событиями на континенте и чартистской демонстрацией 10 апреля 1848 года. По этому закону иностранец в любой момент мог быть выслан из Англии по распоряжению правительства. Срок действия закона устанавливался на один год. О Всемирной выставке в Лондоне см. примечание 199. — *194.*

[223] Данное письмо впервые было опубликовано с большими сокращениями в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913. — *195.*

[224] Об обществе на Чёрч-стрит см. примечание 203. — *195.*

[225] В начале марта 1851 г. Энгельс на несколько дней приезжал из Манчестера к Марксу в Лондон, чтобы совместно предпринять меры по разоблачению мелкобуржуазных демократов — организаторов собрания 24 февраля. — *196.*

[226] Маркс имеет в виду посланное в газету «The Times» («Времена») заявление Энгельса от 5 марта 1851 г. по поводу клеветнического письма Луи Блана о тосте Бланки, напечатанного в «Times». Заявление Энгельса опубликовано не было. Текст заявления см. в настоящем издании, т. 7, стр. 493—494 (Ф. Энгельс. «Письмо редактору газеты «Times»»).

Тост Бланки «Avis au peuple» («Предостережение народу») — тост, который находившийся в заключении в тюрьме Бель-Иль Огюст Бланки прислал для «банкета равных» — международного собрания,

состоявшегося в Лондоне 24 февраля 1851 года. В своем тосте Бланки заклеймил бывших членов временного правительства Франции 1848 г. — Ледрю-Роллена, Луи Блана, Ламартина и др. как предателей народа. Текст тоста О. Бланки, намеренно скрытый организаторами банкета от его участников, был опубликован в ряде французских газет. Маркс и Энгельс перевели этот тост на немецкий и английский языки, снабдив его предисловием (см. настоящее издание, т. 7, стр. 569—570). — *196.*

[227] В № 14 «Friend of the People» от 15 марта 1851 г. было помещено заявление Шрамма, в котором он выражает протест против оскорблений, нанесенных ему и Пиперу на собрании 24 февраля. — *196.*

[228] Об обществе на Чёрч-стрит см. примечание 203. Говоря в следующем абзаце о Боммеле — в связи с расчетами на денежную помощь, — Маркс имеет в виду голландский город Боммель, где проживал его дядя Филипс. — *197.*

[229] См. примечание 226. — *198.*

[230] Речь идет о депутатах прусского Национального собрания в Берлине и общегерманского Национального собрания во Франкфурте-на-Майне в период революции 1848—1849 гг. в Германии. — *200.*

[231] Видиль был в числе шести членов комитета по организации собрания 24 февраля, голосовавших за оглашение тоста Бланки. Против оглашения голосовало 7 остальных членов комитета. — *200.*

[232] Имеется в виду осада Сарагосы французскими войсками в декабре 1808 — феврале 1809 г., в период освободительной войны испанского народа против наполеоновского владычества. После двухмесячной героической обороны Сарагоса пала. — *203.*

[233] Начало настоящего письма Маркса написано на последней странице письма Вильгельма Пипера Энгельсу от 22 марта 1851 г., в котором Пипер по поручению Маркса приводит полностью текст воззвания «К немцам», выпущенного Руге, Струве, Хаугом, Ронге и Кинкелем в марте 1851 г. от имени созданного ими в это же время так называемого «Комитета по германским делам». Сокращенный текст воззвания Маркс и Энгельс поместили в своем памфлете «Великие мужи эмиграции» (см. настоящее издание, т. 8, стр. 320—321). — *203.*

[234] Имеется в виду так называемый «Комитет по германским делам» (см. примечание 233). — *204.*

[235] Имеется в виду книга: G. Struve. «Grundzuge der Staatswissenschaft». Bd. 1—4 (Г. Струве. «Основы политических наук». Тт. 1—4). Первые два тома книги вышли в 1847 г. в Мангейме, тома 3—4 в 1848 г. во Франкфурте-на-Майне. Кроме того, Марксу было известно, что Струве пишет «Всемирную историю», которую он впоследствии выпустил в Нью-Йорке под названием «Weltgeschichte in neun Buchern» («Всемирная история в девяти книгах»). — *204.*

[236] Имеется в виду книга: K. Rotteck und K. Welcker. «Das Staats-Lexikon. Encyclopadie der sammtlichen Staatswissenschaften fur alle Stande».

Bd. l—12, Altona, 1845—1848 (К. Роттек и К. Велькер. «Политический словарь. Общая энциклопедия политических наук для всех сословий». Тт. 1—12, Альтона, 1845—1848). — *204.*

[237] K. Rotteck. «Allgemeine Weltgeschichte fur alle Stande, von den fruhesten Zeiten bis zum Jahre 1831». Bd. 1—4, Stuttgart, 1831—1833 (К. Роттек. «Всеобщая история для всех сословий, с древнейших времен до 1831 года». Тт. 1—4, Штутгарт, 1831—1833). — *204.*

[238] Данное письмо впервые было опубликовано с большими сокращениями в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913. — *204.*

[239] Маркс высмеивает здесь утверждение Прудона о том, что «время есть сама стоимость». Критику этого положения Прудона Маркс дает в своей книге «Нищета философии» (см. настоящее издание, т. 4, стр. 119—122). — *207.*

[240] Маркс находился у Энгельса в Манчестере в течение нескольких дней, приблизительно с 17 апреля 1851 года. — *207.*

[241] *Синие книги* (Blue Books) — общее название публикаций материалов английского парламента и дипломатических документов министерства иностранных дел. Синие книги, получившие свое название из-за синей обложки, издаются в Англии с XVII в. и являются основным официальным источником экономической и дипломатической истории этой страны. В данном письме Маркс имеет в виду книгу: «Correspondence relative to the Affairs of Hungary. 1847—1849. Presented to both Houses of Parliament by Command of Her Majesty. August 15, 1850». London («Переписка, касающаяся венгерских событий. 1847— 1849 годы. Представлена обеим палатам парламента по распоряжению ее величества 15 августа 1850 года». Лондон). — *207.*

[242] Имеется в виду рукопись Р. Даниельса «Микрокосмос. Набросок физиологической антропологии». Даниельс, находившийся в Кёльне, послал свою рукопись Марксу на просмотр. — *207.*

[243] Речь идет о французском переводе книги: C. v. Decker. «Der kleine Krieg, im Geiste der neueren Kriegfuhrung. Oder: Abhandlung uber die Verwendung und den Gebrauch aller drei Waffen im kleinen Kriege». Berlin und Posen, 1822 (К. фон Деккер. «Малая война, в свете новейшего ведения войны. Или: Трактат о применении и использовании всех трех родов войск в малой войне». Берлин и Познань, 1822). См. также настоящий том, стр. 496. — *213.*

[244] Энгельс сравнивает политическую тактику некоторых лидеров консервативно-аристократической партии, партии тори, делавших после упорного сопротивления отдельные уступки буржуазии, с военной тактикой Веллингтона в войне 1808—1814 гг. на Пиренейском полуострове во время отступления английской армии под командованием Веллингтона к укрепленным позициям у Торрес-Ведрас (город близ Лиссабона) в 1810 году. — *214.*

[245] Данное письмо впервые было опубликовано с большим пропуском в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I. Stuttgart. 1913. — *215.*

[246] Маркс имеет в виду заметку, помещенную в феврале 1851 г. в органе Вейтлинга «Republik der Arbeiter» («Республика рабочих»). Заметка содержала грязные клеветнические выпады против Маркса и Энгельса. — *215.*

[247] См. примечание 240. — *216.*

[248] *Парламентскими поездами* в Англии в XIX в. иронически называли особые поезда третьего класса, введенные законом в 1844 году; согласно этому закону, каждая железнодорожная компания была обязана отправлять ежедневно один такой поезд по всем своим дорогам со скоростью не менее 12 миль в час при плате за проезд не более 1 пенни за милю. — *216.*

[249] Данное письмо впервые было опубликовано с большими пропусками в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913. — *217.*

[250] Имеется в виду книга: «Memoires du duc de Rovigo, pour servir a l'histoire de l'empereur Napoleon». T. 1—8, Paris, 1828 («Мемуары герцога Ровиго, освещающие историю правления императора Наполеона». Тт. 1—8, Париж, 1828). Герцог Ровиго — титул, полученный Савари в 1807 году. — *217.*

[251] См. примечание 216. — *218.*

[252] О Всемирной выставке в Лондоне см. примечание 199. — *218.*

[253] Заместитель кёльнского бургомистра Шенк, приветствуя 25 апреля 1851 г. прибывшего в Кёльн принца Прусского, выразил ему от имени членов магистрата признательность за подавление революции. Принц Прусский в ответной речи заявил, что всякое революционное выступление будет подавлено армией, и потребовал, чтобы кёльнская пресса «исправилась», то есть полностью перешла на реакционные позиции. Речь Шенка вызвала большое недовольство среди многих членов магистрата. — *219.*

[254] О первом выпуске «Собрания Сочинений Карла Маркса» см. примечание 182. — *220.*

[255] По-видимому, имеется в виду так называемый «Комитет по германским делам» (см. примечание 233). — *221.*

[256] Ниже Маркс приводит выдержки из статьи «Электричество и сельское хозяйство», напечатанной в №№ 17 и 18 журнала «The Economist» («Экономист») за 26 апреля и 3 мая 1845 года. — *222.*

[257] Имеется в виду еженедельник *«Notes to the People»* («Заметки для народа»), орган чартистов, выходивший в Лондоне в 1851—1852 гг. под редакцией Э. Джонса. В связи с переходом Гарни в лагерь мелкобуржуазной демократии издание этого органа — рупора революционно-пролетарского крыла чартизма — приобрело особое значение. Маркс и Энгельс оказывали поддержку журналу, принимая участие в его редактировании и издании, и опубликовали в нем с июня 1851 по апрель 1852 г. ряд статей. — *224.*

[258] Энгельс намекает на то, что Веллингтон, будучи принципиальным противником ликвидации хлебных законов, вынужден был в качестве министра без портфеля в правительстве Пиля содействовать их отмене в 1846 году. Энгельс иронически сравнивает это поражение Веллингтона с поражением римлян в Кавдинском ущелье (близ города Кавдия) в 321 г. до н. э. во время второй Самнитской войны. Самниты нанесли поражение римским легионам и вынудили их пройти под «ярмом», что считалось наивысшим позором для побежденной армии. Отсюда выражение «пройти под кавдинским ярмом», то есть подвергнуться крайнему унижению. — *225.*

[259] Энгельс имеет в виду разоблачение находившимся в Англии Мадзини английского министра внутренних дел Джемса Грехема в связи с тем, что тот отдал в 1844 г. приказ почтовому ведомству о выдаче полиции для перлюстрации писем итальянских революционеров-эмигрантов. Действия Грехема повлекли за собой раскрытие планов сторонников Мадзини в Италии братьев Бандьера и казнь этих революционеров. — *227.*

[260] По-видимому, речь идет о членах «Комитета по германским делам» (см. примечание 233). — *229.*

[261] Предполагаемое издание осуществить не удалось. — *229.*

[262] Данное письмо впервые было опубликовано с большим пропуском в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913.

В начале этого письма Маркс упоминает о получении письма Энгельса, которое до нас не дошло. — *232.*

[263] См. примечание 233. — *233.*

[264] См. примечание 182. — *233.*

[265] Имеется в виду встреча Николая I с прусским принцем Вильгельмом и австрийским императором Францем-Иосифом I, а также с их министрами в октябре 1850 г. в Варшаве. На этой встрече Николай I выступил посредником между Пруссией и Австрией с целью урегулирования отношений между обеими странами, борьба которых за гегемонию в Германии обострилась после революции 1848—1849 гг., особенно в связи с конфликтом из-за Кургессена и из-за Шлезвиг-Гольштейна. Несмотря на заключение в июле 1850 г. между Пруссией и Данией Берлинского мирного договора, восстанавливавшего в Шлезвиг-Гольштейне дореволюционное положение, Пруссия продолжала оказывать герцогствам помощь в их борьбе с Данией. Австрийский премьер-министр Шварценберг потребовал допущения австрийских войск в Шлезвиг-Гольштейн с целью полного усмирения обоих герцогств, но прусское правительство противилось этому. Император Николай I, не желавший усиления Пруссии и стремившийся к сохранению феодальной раздробленности Германии, дал понять в Варшаве, что он решительно поддерживает Австрию. — *233.*

[266] Имеется в виду начавшееся в апреле 1851 г. восстание против реакционного диктаторского режима, который был установлен в Португалии правительством Кошта Кабраля, представителя крайне монархических буржуазно-помещичьих кругов. Восстание закончилось

в мае 1851 г. бегством Кошта Кабраля и приходом к власти ставленника либерально-конституционных кругов крупной буржуазии маршала Салданьи. — *233.*

[267] В 1851 г. бонапартистские круги Франции усиленно выдвигали вопрос о пересмотре конституции Французской республики, принятой 4 ноября 1848 г., в частности тех ее статей, согласно которым президент избирался сроком на 4 года и мог быть избран вновь не раньше, чем через четыре года после истечения срока его полномочий. Бонапартисты, выдвигая идею отмены этих статей конституции, рассчитывали тем самым продлить пребывание Луи-Наполеона у власти и обеспечить в дальнейшем восстановление империи. См. об этом подробнее статью К. Маркса «Конституция Французской республики, принятая 4 ноября 1848 г.», настоящее издание, т. 7, стр. 536—538. — *235.*

[268] См. примечание 222. — *235.*

[269] *Партия порядка* — коалиция двух монархических фракций Франции: легитимистов (сторонников династии Бурбонов) и орлеанистов (сторонников династии Орлеанов). Эта партия крупной консервативной буржуазии, возникшая в 1848 г., занимала с 1849 г. вплоть до государственного переворота 2 декабря 1851 г. руководящее положение в Законодательном собрании Второй республики. Банкротство ее антинародной политики было использовано кликой Луи Бонапарта в бонапартистских целях. — *238.*

[270] В настоящем письме Энгельс разбирает политику Германии по отношению к Польше не отвлеченно, а рассматривает строго определенную историческую ситуацию, которая могла бы сложиться, если бы в Германии в то время возникло и одержало верх революционное демократическое движение. При этом Энгельс имеет в виду также возможность одновременного развертывания народной революции против царизма в России. Из письма явствует также, что рекомендуемая здесь Энгельсом политическая линия для будущих революционных правительств Германии и России, в случае победы революции в этих странах, может проводиться лишь при условии, если национальное движение в самой Польше не выйдет за узкие рамки дворянско-шляхетских требований и, как это нередко бывало в прошлом, будет игнорировать задачу освобождения крестьянства Польши от феодального гнета. В. И. Ленин в статье «О праве наций на самоопределение» писал, касаясь данного письма Энгельса, что «к национальному вопросу вообще Маркс и Энгельс относились строго критически, оценивая условно-историческое значение его» (В. И. Ленин. Соч., 4 изд., т. 20, стр. 406).

Когда, спустя несколько лет, Маркс и Энгельс убедились в том, что в Центральной и Восточной Европе сохраняется прежняя ситуация и что в Германии и России продолжают господствовать контрреволюционные режимы, в то время как в польском национальном движении усиливается влияние революционно-демократических элементов, сыгравших видную роль в освободительном восстании 1863— 1864 гг., основоположники марксизма отнеслись, говоря словами В. И. Ленина, «с самым глубоким и горячим сочувствием к польскому движению» (В. И. Ленин. Соч., 4 изд., т. 20, стр. 406). — *239.*

[271] Иронический намек на новогоднее обращение короля Фридриха-Вильгельма IV к прусской армии в 1849 году. — *239.*

[272] Данное письмо впервые было опубликовано с большими сокращениями в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913. — *243.*

[273] См. примечание 267. — *243.*

[274] Маркс намекает на то, что во время выборов в Законодательное собрание в мае 1849 г. министр внутренних дел Леон Фоше разослал префектам ложное телеграфное сообщение, в котором запугивал избирателей повторением июньских дней с целью оказать на них давление и побудить отдавать голоса за правых кандидатов.

31 мая 1850 г. французское Законодательное собрание приняло реакционный избирательный закон, отменяющий всеобщее избирательное право. По этому закону вводился трехлетний ценз оседлости и ряд других ограничений. В результате закона от 31 мая около 3 млн. человек лишились права голоса. — *244.*

[275] В памфлете Маркса и Энгельса «Великие мужи эмиграции», где также приводится эта статья из журнала «Der Kosmos» («Космос»), отмечается, что автором статьи была жена Кинкеля Иоганна Моккель (см. настоящее издание, т. 8, стр. 280). — *244.*

[276] Как это видно из письма Энгельса Вейдемейеру от 19 июня 1851 г. (см. настоящий том, стр. 486), Энгельс находился в Лондоне примерно в течение двух недель в первой половине июня 1851 года. — *245.*

[277] Речь идет об Обращении кёльнского Центрального комитета Союза коммунистов от 1 декабря 1850 г. («Die Centralbehorde an den Bund»), составленном сторонниками Маркса и Энгельса, главным образом Бюргерсом. Авторы Обращения в целом солидаризируются с Марксом и Энгельсом, осуждая раскольническую деятельность фракции Виллиха — Шаппера и отмечая значение теории для развития коммунистического движения. В Обращении говорится, что кёльнский Центральный комитет, основываясь на предложении возглавляемого Марксом и Энгельсом Лондонского округа Союза коммунистов, исключает всех членов созданного Виллихом и Шаппером сепаратного союза из Союза коммунистов. Однако этот документ не вскрывает подлинных причин раскола Союза коммунистов, возлагая вину за раскол частично также на Маркса и его сторонников. Отдельные положения Обращения носят туманный, неопределенный характер. Говоря о «полутемных рассуждениях» Бюргерса, Энгельс как раз и имеет в виду неопределенность и половинчатость некоторых положений Обращения. Попав в руки полиции при аресте членов Союза коммунистов, Обращение в июне 1851 г. было напечатано в «Dresdner Journal und Anzeiger» («Дрезденской газете и вестнике») и в «Kolnische Zeitung» («Кёльнской газете»). —*246.*

[278] Об обществе да Грейт-Уиндмилл-стрит см. примечание 169. — *246.*

[279] Речь идет о новом Уставе Союза коммунистов, составленном кёльнским Центральным комитетом Союза в декабре 1850 года (см. примечание 174). — *247.*

[280] *«Свободные общины»* — общины, выделившиеся из официальной протестантской церкви в 1846 г. под влиянием движения «Друзей света» (см. примечание 186). — *247.*

[281] Данное письмо впервые было опубликовано с большим пропуском в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913. — *247.*

[282] О Всемирной выставке в Лондоне см. примечание 199. — *249.*

[283] См. примечание 277. — *250.*

[284] Имеется в виду реакция буржуазных кругов на аресты членов Союза коммунистов в Кёльне. Представителей этих кругов Маркс иронически называет «нытиками» («Heuler»), по аналогии с прозвищем, которое в период революции 1848—1849 гг. в Германии демократы-республиканцы дали буржуазным конституционалистам. — *250.*

[285] См. примечание 186. — *250.*

[286] Энгельс имеет в виду корреспонденцию из Лейпцига от 6 июля, напечатанную в № 189 «Allgemeine Zeitung» от 8 июля 1851 года. В корреспонденции содержится ссылка на «Dresdner Journal und Anzeiger». — *255.*

[287] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. «Обращение Центрального комитета к Союзу коммунистов. Март 1850» (настоящее издание, т. 7, стр. 262— 263). — *255.*

[288] См. примечание 277. — *255.*

[289] Энгельс иронически сравнивает обращения Мадзини к «Комитету по германским делам» с евангельскими «посланиями к римлянам» апостола Павла. — *257.*

[290] См. M. Stirner. «Der Einzige und sein Eigenthum». Leipzig, 1845, S. 126 (М. Штирнер. «Единственный и его собственность». Лейпциг, 1845, стр. 126). —*259.*

[291] См. работу К. Маркса и Ф. Энгельса «Третий международный обзор» (настоящее издание, т. 7, стр. 461—464). — *260.*

[292] Данное письмо впервые было опубликовано с большим пропуском в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913. — *261.*

[293] Намек на книгу Штирнера «Единственный и его собственность». — *262.*

[294] Имеется в виду книга: P. J. Proudhon. «Idee generale de la Revolution au XIX siecle». Paris 1851 (П. Ж. Прудон. «Общая идея революции в XIX веке». Париж, 1851). — *264.*

[295] Данное письмо впервые было опубликовано с большими сокращениями в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913. — *264.*

[296] Энгельс намекает на яркие статьи и выступления В. Вольфа, в которых он бичевал врагов революции 1848—1849 гг. в Германии, а также на его серию статей «Силезский миллиард», показывающих крайне тяжелое положение силезского крестьянства и разоблачающих грабеж

крестьян силезским юнкерством. Вольф происходил из Силезии и от Силезии же был избран депутатом франкфуртского Национального собрания. — *265.*

[297] План издания литографированных бюллетеней Марксу и Энгельсу осуществить не удалось. — *265.*

[298] Около 8 августа 1851 г. Маркс получил от Чарлза Дана, редактора прогрессивной в то время буржуазной газеты *«New-York Daily Tribune»* («Нью-йоркская ежедневная трибуна»), предложение сотрудничать в газете. Маркс ответил согласием на предложение Дана. Сотрудничество Маркса в газете началось в августе 1851 г. и продолжалось свыше 10 лет, по март 1862 года; большое число статей для «New-York Daily Tribune» было по просьбе Маркса написано Энгельсом. Статьи Маркса и Энгельса в «New-York Daily Tribune» охватывали важнейшие вопросы международной и внутренней политики, рабочего движения, экономического развития европейских стран, колониальной экспансии, национально-освободительного движения в угнетенных и зависимых странах и др. В период наступившей в Европе реакции Маркс и Энгельс использовали широко распространенную американскую газету для обличения на конкретных материалах пороков капиталистического общества, свойственных ему непримиримых противоречий, а также показа ограниченного характера буржуазной демократии.

Редакция «New-York Daily Tribune» в ряде случаев допускала вольное обращение со статьями Маркса и Энгельса, печатая многие статьи без подписи автора в виде редакционных передовых; в некоторых случаях редакция допускала вторжение в текст статей. Эти действия редакции вызывали неоднократные протесты Маркса. С осени 1857 г. в связи с экономическим кризисом в США, отразившимся также на финансовом положении газеты, Маркс был вынужден сократить число своих корреспонденций в «New-York Daily Tribune». Окончательно прекратилось сотрудничество Маркса в газете в начале Гражданской войны в США; значительную роль в разрыве «New-York Daily Tribune» с Марксом сыграло усиление в редакции сторонников компромисса с рабовладельческими штатами и отход газеты от прогрессивных позиций. — *267.*

[299] Согласно преданию, римский патриций Менений Агриппа уговаривал плебеев, восставших в 494 г. до н. э. и ушедших на Священную гору в знак протеста против притеснений патрициев, смириться, рассказав им басню о частях человеческого тела, возмутившихся против желудка. Современное ему общество Менений Агриппа уподоблял живому организму, руками которого были плебеи, питавшие желудок этого организма — патрициев. А так как отделение рук от желудка влечет за собой неизбежную смерть живого организма, то, по аналогии, и отказ плебеев от исполнения ими своих повинностей был бы равносилен гибели государства Древнего Рима. — *274.*

[300] Имеется в виду полемическое выступление К. Гейнцена на страницах «Deutsche-Brusseler-Zeitung» (№ 77 от 26 сентября 1847 г.) против представителей научного коммунизма, побудившее Энгельса опубликовать в ответ свою статью «Коммунисты и Карл Гейнцен» (см. настоящее издание, т. 4, стр. 268—285). — *274.*

[301] Выполняя просьбу Маркса, Энгельс сделал для него критический комментарий к книге Прудона, который отослал Марксу в конце

октября 1851 г. (опубликован в «Архиве Маркса и Энгельса», т. X, 1948 г. под редакционным заглавием «Критический разбор книги Прудона «Общая идея революции в XIX веке»»). — *279*.

[302] R. Price. «An Appeal to the Public, on the Subject of the National Debt». London, 1772 (Р. Прайс. «Обращение к публике по вопросу о государственном долге». Лондон, 1772); R. Price. «Observations on Reversionary Payments; on Schemes for providing Annuities for Widows, and for Persons in Old Age; on the Method of Calculating the Values of Assurances on Lives; and on the National Debt». London, 1772 (Р. Прайс. «Замечания о преемственных платежах, о проектах обеспечения ежегодных рент для вдов и стариков, о методе подсчета стоимости страхования жизни и о государственном долге». Лондон, 1772). — *280*.

[303] Энгельс откликнулся на просьбу Маркса и написал в период с августа 1851 г. по сентябрь 1852 г. серию статей «Революция и контрреволюция в Германии» (см. настоящее издание, т. 8, стр. 3—113). Таким образом, из данного письма видно, что идея работы «Революция и контрреволюция в Германии» была Энгельсу подсказана Марксом. Серия статей «Революция и контрреволюция в Германии» печаталась в «New-York Daily Tribune» с 25 октября 1851 по 23 октября 1852 г. за подписью Маркса; только в 1913 г., в связи с опубликованием переписки между Марксом и Энгельсом, стало известно, что эта работа написана Энгельсом. — *282*.

[304] *Историческая школа права* — реакционное направление в исторической и правовой науке, возникшее в Германии в конце XVIII века. — *284*.

[305] Речь идет о франкфуртском Национальном собрании 1848—1849 гг., депутатом которого был Вильгельм Вольф. — *285*.

[306] Маркс имеет в виду бывших депутатов прусского Национального собрания, созванного в Берлине в период революции в мае 1848 г. для выработки конституции «по соглашению с короной». — *286*.

[307] О Центральном комитете европейской демократии см. примечание 171. — *289*.

[308] Об Эмигрантском комитете см. примечание 170. — *291*.

[309] Имеется в виду Просветительное общество немецких рабочих в Лондоне (см. примечания 64 и 169). — *292*.

[310] Данное письмо впервые было опубликовано со значительными сокращениями в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913. — *293*.

[311] Данное письмо впервые было опубликовано с большими пропусками в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart. 1913. — *294*.

[312] О *соглашателях* см. примечание 306. — *295*.

[313] Данное письмо впервые было опубликовано со значительным пропуском в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913. — *298*.

[314] Имеются в виду две соперничающие мелкобуржуазные эмигрантские организации: Агитационный союз во главе с Руге и Эмигрантский клуб во главе с Кинкелем. — *299.*

[315] В конце августа 1851 г. в газетах на основании слухов появились сообщения о высылке редактора «Kolnische Zeitung» Брюггемана из Кёльна за оппозиционные выступления газеты. Слухи оказались не верны. — *300.*

[316] В сентябре 1851 г. во Франции были произведены аресты среди членов местных общин, принадлежавших к фракции Виллиха — Шаппера, которая откололась от Союза коммунистов в сентябре 1850 г. и образовала сепаратный союз (Маркс и Энгельс иронически называли его «Зондербундом» по аналогии с швейцарским зондербундом — сепаратистским союзом католических кантонов, распущенным в 1847 году). Принятая этой фракцией мелкобуржуазная заговорщическая тактика, игнорирующая реальную обстановку и рассчитанная на немедленную организацию восстаний, позволила французской и прусской полиции, с помощью провокатора Шерваля (настоящая фамилия Кремер), возглавлявшего одну из парижских общин, сфабриковать дело о так называемом немецко-французском заговоре. В феврале 1852 г. арестованные были осуждены по обвинению в подготовке государственного переворота. Провокатору Шервалю был устроен побег из тюрьмы. Попытки прусской полиции приписать участие в немецко-французском заговоре Союзу коммунистов, руководимому Марксом и Энгельсом, полностью провалились. Член Союза коммунистов Конрад Шрамм, также арестованный в сентябре 1851 г. в Париже, был вскоре освобожден за отсутствием улик. См. работы Маркса «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов» (настоящее издание, т. 8, стр. 436—449) и «Господин Фогт» (настоящее издание, т. 14, стр. 428—437). — *301.*

[317] После падения Римской республики в июле 1849 г. значительное число депутатов Учредительного собрания эмигрировало в Англию, где образовало из своей среды временный Итальянский национальный комитет; в него вошли Мадзини и его сторонники. Комитет был уполномочен избравшими его производить займы в интересах национального дела и заниматься всеми вопросами, касающимися итальянских граждан. — *302.*

[318] Маркс имеет в виду политику австрийского правительства, направленную на использование классовых и национальных противоречий между украинским крестьянством Галиции и польским дворянством с целью подавления польского национально-освободительного движения. Зимой 1846 г., когда была предпринята попытка поднять восстание в польских землях с целью национального освобождения Польши и одновременно вспыхнуло восстание в Галиции, австрийским властям в ряде случаев удалось направить восставших крестьян против польских повстанческих отрядов. После подавления восстания в Кракове было жестоко подавлено и движение галицийских крестьян. Пытаясь заручиться поддержкой галицийского крестьянства в борьбе с польским национально-освободительным движением также и в период революционных событий 1848 г., австрийское правительство объявило весной этого года об отмене в Галиции барщины и некоторых других феодальных повинностей крестьян. Однако это была половинчатая реформа, оставившая нерушимым помещичье землевладение и взва-

ливавшая на плечи крестьян громадный выкуп, выплата которого растянулась на несколько десятков лет. — *303.*

[319] Энгельс имеет в виду принятое летом 1851 г. на конгрессе сепаратного союза («Зондербунда»), созданного фракцией Виллиха — Шаппера после раскола Союза коммунистов, обращение к его членам. Документ отражает авантюристические планы руководителей «Зондербунда» и их сектантско-волюнтаристские идеи искусственного устройства революций, без учета объективных условий. В сентябре 1851 г., в связи с арестами во Франции ряда членов местных общин «Зондербунда», обращение попало в руки полиции и было опубликовано во французской печати под названием «Instructions pour la Ligue, avant, pendant et apres la revolution» («Инструкции Союзу накануне, во время и после революции»). Выдержки из обращения были приведены также в № 225 «Kolnische Zeitung» от 19 сентября 1851 года. — *304.*

[320] Данное письмо впервые было опубликовано с большими пропусками в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913. — *305.*

[321] Энгельс имеет в виду письмо Дронке Марксу из Женевы, написанное в августе 1851 г. В этом письме Дронке, в частности, сообщал Марксу о своей дуэли с русским журналистом-эмигрантом Н. И. Сазоновым, о своих планах переселиться в Пьемонт в связи со стремлением швейцарских властей выслать Дронке за границу и о намерении с помощью находившегося в Гамбурге Веерта получить там с должников долги. — *305.*

[322] См. примечание 319. — *306.*

[323] См. работу К. Маркса и Ф. Энгельса «Первый международный обзор» (настоящее издание, т. 7, стр. 232—233). — *307.*

[324] Намек на то, что Австралия служила местом ссылки для преступников. — *307.*

[325] См. примечание 319. — *309.*

[326] Статья Техова «Контуры грядущей войны» была напечатана в «New-Yorker Staatszeitung» («Нью-йоркской государственной газете») 6 сентября 1851 года. — *309.*

[327] Согласно библейской легенде, царь Давид послал хеттеянина Урию с письмом к своему полководцу Иоаву, в котором приказывал ему поставить Урию во время сражения на самое опасное место. Царь Давид добивался гибели Урии, чтобы завладеть его женой Вирсавией. —*314.*

[328] Намек на баденско-пфальцское восстание, происходившее в мае — июле 1849 г. в период революции 1848—1849 гг. в Германии. — *315.*

[329] У бельгийской деревни *Рискон-Ту,* близ французской границы, 29 марта 1848 г. произошло столкновение бельгийского республиканского легиона, направляющегося из Франции на родину, с отрядом бельгийских солдат. Победа оказалась на стороне последних. Провал попытки бельгийских республиканцев осуществить посредством вторжения на территорию Бельгии республиканский переворот был обусловлен в первую очередь порочной авантюристическо-сектантской

тактикой, лежавшей в основе их предприятия (см. об этом подробнее статью Энгельса «Смертные приговоры в Антверпене», настоящее издание, т. 5, стр. 403—406). —*317.*

[330] Маркс имеет в виду свое Заявление от 4 октября 1851 г., напечатанное в № 242 «Kolnische Zeitung» от 9 октября 1851 года (см. настоящее издание, т. 8, стр. 114). В этом Заявлении Маркс опровергает клеветнические измышления реакционной аугсбургской «Allgemeine Zeitung» о том, что он будто бы доверил баронессе фон Бек сведения о деятельности Союза коммунистов, которые дошли до правительства и послужили основанием для арестов членов Союза. — *318.*

[331] На заседании Центрального комитета Союза коммунистов в конце августа 1850г., во время острой полемики между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и Виллихом, с другой, сторонник Маркса и Энгельса Конрад Шрамм вызвал Виллиха на дуэль, которая состоялась близ Остенде в сентябре и окончилась легким ранением Шрамма. — *318.*

[332] Имеется в виду печатание газетой «New-York Daily Tribune» серии статей Энгельса «Революция и контрреволюция в Германии». — *321.*

[333] Данное письмо впервые было опубликовано с большими пропусками в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913. — *322.*

[334] См. примечание 166. — *322.*

[335] Энгельс имеет в виду посещение королевой Викторией Манчестера в середине октября 1851 года. — *323.*

[336] Так Энгельс иронически называет мелкобуржуазных демократов Франции, принадлежавших в Законодательном собрании к партии Горы, намекая на неудачную попытку руководителей Горы организовать в Париже 13 июня 1849 г. массовую демонстрацию. Демонстрация была разогнана правительственными войсками. Во время событий 13 июня лидеры Горы проявили полную неспособность возглавить революционное движение народных масс. — *325.*

[337] Речь идет о журнале «Notes to the People». — *325.*

[338] Данное письмо впервые было опубликовано с большим пропуском в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913. — *325.*

[339] Здесь речь идет о так называемом «немецко-американском революционном займе», который Кинкель и другие лидеры мелкобуржуазной эмиграции пытались в 1851—1852 гг. распространить среди немецких эмигрантов и американцев немецкого происхождения с целью мобилизации денежных средств для того, чтобы немедленно вызвать революцию в Германии. Для распространения займа Кинкель в сентябре 1851 г. приехал в США. Попытка распространения «революционного займа» потерпела провал. Маркс и Энгельс в ряде своих произведений резко высмеяли авантюризм этой затеи Кинкеля, рассматривая ее как одну из вредных и бесплодных попыток искусственно вызвать революцию в обстановке спада революционного движения. — *326.*

[340] Слияние «Друзей света» (см. примечание 186) с другим оппозиционным религиозным течением «немецкий католицизм» произошло в 1850 году. — *326.*

[341] Прусское правительство всячески старалось затянуть предварительное заключение арестованных в мае 1851 г. членов Союза коммунистов. Поэтому Маркс и Энгельс хотели, чтобы дело о заключенных членах Союза коммунистов было как можно скорее передано гласному рассмотрению. — *332.*

[342] Около 5—15 ноября 1851 г. Маркс находился у Энгельса в Манчестере. — *332.*

[343] Имеется в виду книга: «Gratuite du credit. Discussion entre M. Fr. Bastiat et M. Proudhon». Paris, 1850 («Безвозмездность кредита. Дискуссия между г-ном Фр. Бастиа и г-ном Прудоном». Париж, 1850). — *333.*

[344] Как видно из писем Маркса Энгельсу от 1 и 9 декабря 1851 г. и Энгельса Марксу от 16 декабря, Энгельс в то время писал сатирический памфлет, обличающий нравы лондонской мелкобуржуазной эмиграции. Одним из героев этого произведения должен был быть К. Шаппер, в то время один из вожаков сектантско-авантюристической группы и один из инициаторов раскола Союза коммунистов в сентябре 1850 г. (см. примечание 169). Этот памфлет Маркс и Энгельс предполагали опубликовать анонимно. В связи с издательскими планами Вейдемейера, который в это время переехал в США, у Маркса возникла мысль поместить это произведение Энгельса в журнале «Die Revolution» («Революция»), который в то время готовился издавать Вейдемейер. Однако этот замысел не был осуществлен по ряду причин, прежде всего потому, что с начала 1852 г. Маркс и Энгельс вели работу над большими произведениями — «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» и «Революция и контрреволюция в Германии». Кроме того, к весне 1852 г. все более обозначились расхождения между Шаппером и Виллихом и стремление Шаппера к примирению с Марксом. В связи с этим в памфлете «Великие мужи эмиграции», написанном в мае — июне 1852 г. (см. настоящее издание, т. 8, стр. 247—352), Шаппер уже не фигурирует в качестве действующего лица, а саркастические стрелы направлены против Руге, Кинкеля, Виллиха. — *334.*

[345] Энгельс намекает на то, что в письме к Марксу от 17 ноября 1851 г. Пипер приводит стихотворения Генриха Гейне. — *334.*

[346] G. W. F. Hegel. «Phanomenologie des Geistes». Werke, Bd. II, 2. Aufl., Berlin, 1841, S. 54 (Г. В. Ф. Гегель. «Феноменология духа». Сочинения, т. II, 2 изд., Берлин, 1841, стр. 54). — *335.*

[347] Данное письмо впервые было опубликовано со значительными сокращениями в книге: «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx». Bd. I, Stuttgart, 1913. — *337.*

[348] Стремясь организовать кампанию протеста против ареста видных деятелей Союза коммунистов и подготовляемого прусской полицией в Кёльне судебного процесса над ними, а также для того, чтобы заставить прессу отказаться от замалчивания дела кёльнских заключенных, Маркс написал ряд заявлений, разоблачающих провокационные действия прусских властей и варварское обращение с заключенными

и послал их в Париж для опубликования во французской печати. Одновременно он просил В. Вольфа написать подобные письма для Америки и Швейцарии и Энгельса для Англии. Однако организовать широкую кампанию протеста в печати не удалось из-за отказа мелкобуржуазных и буржуазных газет напечатать заявления в защиту кёльнских заключенных. — *338.*

[349] Направленные Марксом и Энгельсом в редакции газеты «Times» и других английских газет заявления, в которых разоблачался произвол прусского правительства по отношению к кёльнским обвиняемым, напечатаны не были. Черновик заявления К. Маркса и Ф. Энгельса в «Times» см. в настоящем издании, т. 8, стр. 231—233. — *338.*

[350] В связи с приездом Кошута в Англию в октябре 1851 г. чартисты собирались устроить в его честь торжественный митинг в Лондоне в Копенхагенхаус на площади Копенхагенфилдс. Председатель чартистского комитета по организации встречи Кошута, реформист Торнтон Хант, пытался не допустить на этот митинг О'Коннора, ссылаясь на признаки проявляющегося у него помешательства. Это действие Ханта вызвало бурные протесты со стороны чартистов, с состраданием и сочувствием относившихся к бывшему чартистскому лидеру. О'Коннор был допущен на митинг в честь Кошута, состоявшийся 2 ноября 1851 года. Стараясь оправдать себя перед чартистскими массами, Хант выступил 29 ноября 1851 г. на страницах газеты «Northern Star» с демагогическим заявлением, в котором изображал себя ревностным защитником интересов народа, называя себя коммунистом. Как и предвидел Маркс, в новый состав Исполнительного комитета Национальной чартистской ассоциации Хант избран не был. — *338.*

[351] «Notes to the People». Vol. II, 1851, p. 606. — *338.*

[352] Окончание письма Маркса Энгельсу написано на 3-ей странице письма Пипера Марксу из Брюсселя от 27 ноября 1851 г., непосредственно вслед за текстом письма Пипера. — *338.*

[353] Имеется в виду Просветительное общество немецких рабочих в Лондоне (см. примечания 64 и 169). — *339.*

[354] Данное письмо Энгельса написано по поводу бонапартистского государственного переворота 2 декабря 1851 г., приведшего к установлению во Франции контрреволюционного режима Второй империи во главе с Наполеоном III. Некоторые идеи этого письма были развиты Марксом в его работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (см. настоящее издание, т. 8, стр. 115—217), в частности, ироническое сравнение переворота 2 декабря 1851 г. с переворотом 9 ноября 1799 г. (18 брюмера по республиканскому календарю), в результате которого была установлена военная диктатура Наполеона Бонапарта. — *339.*

[355] Слова из речи Шангарнье, произнесенной во французском Национальном собрании 3 июня 1851 г. в ответ на речь Луи Бонапарта в Дижоне 1 июня 1851 г., которая содержала скрытые угрозы по адресу Собрания. — *339.*

[356] Энгельс с иронией приводит слова из выступления Вильгельма Йордана, депутата левого крыла франкфуртского Национального собрания, на одном из заседаний Собрания в августе 1848 года. — *340.*

[357] *Крапюлинский* — герой стихотворения Гейне «Два рыцаря», промотавшийся шляхтич; фамилия Крапюлинский образована от французского слова crapule — чревоугодие, обжорство, пьянство, а также — бездельник, подонок.

Именем Крапюлинского Маркс называет здесь Луи Бонапарта. — *343.*

[358] Имеются в виду восстания рабочих масс в Париже 1 апреля (12 жерминаля по республиканскому календарю) 1795 г. и 20—23 мая (1—4 прериаля) этого же года против установленного в 1794 г. режима термидорианской реакции, а также пролетарские восстания в Лионе в 1831 и 1834 гг., после июльской революции 1830 г. во Франции. — *347.*

[359] Речь идет о намерении Вейдемейера издавать в Нью-Йорке еженедельный коммунистический орган *«Die Revolution»* («Революция»). Маркс и Энгельс дали согласие регулярно сотрудничать в журнале. Вейдемейеру удалось выпустить только 2 номера еженедельного журнала в январе 1852 г., после чего издание пришлось прекратить из-за материальных затруднений. В мае и июне 1852 г. Вейдемейеру при поддержке А. Клусса удалось выпустить еще два выпуска «непериодического журнала» «Revolution»; в первом из них была опубликована работа Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», а во втором стихотворения Ф. Фрейлиграта против Кинкеля. — *350.*

[360] В июле 1841 г. Маркс, после получения диплома доктора философии, переехал в Бонн, первоначально намереваясь занять в Боннском университете место доцента. Однако в связи с реакционной политикой прусского правительства, отстранившего ряд прогрессивных ученых от преподавания в университетах, Марксу пришлось отказаться от мысли об университетской кафедре; он обратился к публицистической деятельности, ставя своей целью пропаганду революционно-демократических воззрений в печати.

С января по март 1842 г. Маркс находился в Трире, в семье своей невесты Женни фон Вестфален.

Переписка Маркса с А. Руге в 1842 г. связана с намерением Маркса сотрудничать в оппозиционных изданиях того времени — журнале «Deutsche Jahrbucher» («Немецкий ежегодник»), в сборнике «Anekdota zur neuesten deutschen Philosophie und Publicistik» («Неизданное из области новейшей немецкой философии и публицистики»), а затем в «Rheinische Zeitung». — *355.*

[361] Маркс имеет в виду книгу В. Фатке «Die menschliche Freiheit in ihrem Verhaltnis zur Sunde und gottlichen Gnade» («Человеческая свобода в ее отношении к греху и божественной благодати»), вышедшую в Берлине в 1841 году. —*355.*

[362] Речь идет о книге К. Байера «Betrachtungen uber den Begriff des sittlichen Geistes und uber das Wesen der Tugend» («Размышления о понятии нравственного духа и о сущности добродетели»), которая вышла в Эрлангене в 1839 году. — *355.*

[363] Имеется в виду рецензия Л. Фейербаха в журнале «Hallische Jahrbucher» («Галлеский ежегодник») за 1840 г. на книгу К. Байера «Размышления о понятии нравственного духа и о сущности добродетели». — *355.*

[364] Так Маркс сокращенно называет двухтомный сборник «Anekdota zur neuesten deutschen Philosophie und Publicistik», изданный А. Руге в Швейцарии. В этот сборник входили статьи К. Маркса: «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции» и «Лютер как третейский судья между Штраусом и Фейербахом» (см. настоящее издание, т. 1, стр. 3—27, 28—29), а также статьи Б. Бауэра, Л. Фейербаха, Ф. Кёппена, А. Руге и других. — *356.*

[365] Имеется в виду вышедшая анонимно книга Б. Бауэра: «Die Posaune des jungsten Gerichts uber Hegel den Atheisten und Antichristen. Ein Ultimatum». Leipzig, 1841 («Трубный глас страшного суда над Гегелем, атеистом и антихристом. Ультиматум». Лейпциг, 1841). — *356.*

[366] Эта критика дана Марксом в работе «К критике гегелевской философии права. Введение» (см. настоящее издание, т. 1, стр. 219—368), которая была написана им летом 1843 года. — *356.*

[367] Бруно Бауэр в марте 1842 г. был удален прусским правительством из Боннского университета, где он читал лекции в качестве доцента теологии, в связи с его атеистическими взглядами и либерально-оппозиционными выступлениями. Упомянутое Марксом письмо Б. Бауэра не сохранилось. — *357.*

[368] Имеется в виду кабинетский указ от 18 февраля 1842 г. о пересмотре предыдущих распоряжений прусского правительства (кабинетских указов от 6 марта 1821 г. и от 2 августа 1834 г.), заменявших, для судебных дел определенной категории, действовавшие в Рейнской провинции французский Уголовный кодекс и суд присяжных — прусским правом и тайным судопроизводством. Под влиянием буржуазии Рейнской провинции прусское правительство пошло на пересмотр этих указов. Однако в кабинетском указе от 18 февраля 1842 г. содержался ряд оговорок, означавших фактическое сохранение действия прусского права по делам о государственной измене, о должностных преступлениях чиновников и т. д. — *358.*

[369] Bulow-Cummerow. «Preusen, seine Verfassung, seine Verwaltung, sein Verhaltnis zu Deutschland». I, Theil. Berlin, 1842 (Бюлов-Куммеров. «Пруссия, ее государственное устройство, ее управление, ее отношение к Германии». Часть I, Берлин, 1842).

Китайскими Маркс иносказательно называет здесь официальные газеты тогдашней Германии. — *358.*

[370] Марксу не удалось осуществить свое намерение переехать в Кёльн (см. настоящий том, стр. 363). В апреле 1842 г. он возвратился из Трира в Бонн, где находился с перерывами до середины октября того же года. — *359.*

[371] Речь идет о книге: J. Christiansen. «Die Wissenschaft der romischen Rechtsgeschichte im Grundrisse». T. I. Altona, 1838 (И. Христиансен. «Очерк научной истории римского права». Т. I. Альтона, 1838). — *360.*

[372] Из указываемых здесь Марксом статей в печати появилась только одна — «Философский манифест исторической школы права», опубликованная в «Rheinische Zeitung» (см. настоящее издание, т. 1, стр. 85—92). Статья «Позитивные философы», по-видимому, представляла

собой разбор и критику одного из направлений немецкой философии конца 30-х — начала 40-х годов XIX в., известного как «позитивная философия» (Х. Г. Вейсе, И. Г. Фихте-младший, А. Гюнтер, Ф. Баадер, поздний Шеллинг). Это направление, религиозно-мистическое по своему характеру, выступило с критикой философии Гегеля справа. «Позитивные философы» пытались подчинить философию религии, выступали против рационального познания и считали божественное откровение единственным источником «позитивного» знания. Всякую философию, объявлявшую своим источником рациональное познание, они называли «негативной». — *361.*

[373] Первая часть книги Ф. Р. Хасse «Anselm von Canterbury» («Ансельм Кентерберийский») вышла в 1843 г., а вторая — в 1852 году. — *361.*

[374] В данном письме Энгельс упоминает о своей статье «Александр Юнг. «Лекции о современной литературе немцев»» (см. настоящее издание, т. 1, стр. 473—486), опубликованной в левогегельянском журнале «Deutsche Jahrbucher». — *362.*

[375] С сентября 1841 по октябрь 1842 г. Энгельс находился в Берлине, где отбывал воинскую повинность в артиллерийской бригаде. В свободное от военной службы время Энгельс посещал в качестве вольнослушателя лекции в Берлинском университете. — *363.*

[376] Упомянутая в письме статья Маркса не сохранилась.

Под названием «церковной смуты», или «кёльнской смуты», в Германии получил известность конфликт, который возник между прусским правительством и католической церковью в связи с вопросом о вероисповедании детей при смешанных браках (между католиками и протестантами). Начавшись с 1837 г. арестом архиепископа кёльнского, обвиненного в государственной измене за отказ подчиниться требованиям прусского короля Фридриха-Вильгельма III, этот конфликт закончился при Фридрихе-Вильгельме IV капитуляцией прусского правительства перед Ватиканом. — *364.*

[377] О *«Свободных»* см. примечание 15. — *364.*

[378] Маркс имеет в виду статью в «Konigsberger Zeitung» («Кёнигсбергской газете») № 138 от 17 июня 1842 г., в которой сообщалось о целях и задачах кружка «Свободных». Эта статья была перепечатана в «Rheinische Zeitung» № 176 от 25 июня 1842 г. с пометкой «Из Берлина»). — *364.*

[379] Речь идет о книге: Ph. K. Marheineke. «Einleitung in die offentlichen Vorlesungen uber die Bedeutung der Hegelschen Philosophie in der christlichen Theologie». Berlin, 1842 (Ф. К. Мархейнеке. «Введение в публичные лекции о значении гегелевской философии для христианской теологии». Берлин, 1842). — *365.*

[380] До этого времени Энгельс подписывал свои произведения псевдонимом «Освальд» (ср. настоящий том, стр. 363). — *366.*

[381] В октябре 1842 г., после отбытия воинской повинности, Энгельс вернулся из Берлина в Бармен, а в ноябре того же года отправился оттуда в Англию, где пробыл до августа 1844 года. — *366.*

[382] Имеется в виду напечатанный в № 42 «Konigsberger Literaturblatt» («Кёнигсбергской литературной газеты») за 20 июля 1842 г. ответ А. Юнга на статью Ф. Энгельса «Александр Юнг. «Лекции о современной литературе немцев»». — *366.*

[383] Упомянутая в письме статья Руге была опубликована в приложении к «Rheinische Zeitung» от 25 сентября 1842 г. под названием «Положение дел в Саксонии». — *366.*

[384] Имеется в виду анонимно появившаяся в приложении к «Rheinische Zeitung» № 226 от 14 августа 1842 г. статья «Несколько вводных слов к рассмотрению вопроса: соответствует ли рейнское муниципальное устройство требованиям современности?»

Речь идет о статьях К. Г. Гермеса, напечатанных в «Kolnische Zeitung» в 1842 г. (в №№ 187, 211 и в приложении к № 235). — *367.*

[385] По-видимому, имеется в виду статья «Из ганноверской жизни», появившаяся анонимно в «Rheinische Zeitung» № 241 от 29 августа 1842 года. — *367.*

[386] Речь идет о серии статей под названием «Juste-Milieu» («Золотая середина»), напечатанных без подписи в приложениях к «Rheinische Zeitung» №№ 156, 228, 230, 233 и 235 от 5 июня, 16, 18, 21 и 23 августа 1842 года. Автором этих статей был младогегельянец Эдгар Бауэр. — 367.

[387] В первой половине октября 1842 г. Маркс переехал в Кёльн и с 15 октября стал редактором «Rheinische Zeitung». Под его руководством газета начала приобретать все более определенное революционно-демократическое направление. — *368.*

[388] В «Rheinische Zeitung» № 333 от 29 ноября 1842 г. было напечатано сообщение с пометкой «Из Берлина», в котором говорилось: *«Гервег* и *Руге* заявили, что «Свободные» своей политической романтикой, гениальничанием и бахвальством компрометируют дело свободы и ее партию». — *369.*

[389] В середине ноября 1842 г. возник острый конфликт между прусскими властями и редакцией «Rheinische Zeitung». Маркс как редактор газеты приложил немало усилий, чтобы отвести возникшую угрозу, запрещения газеты. 12 ноября ответственному редактору газеты Ре-нарду был предъявлен ряд требований от имени прусских властей. В частности, газете предлагалось принять направление, более угодное правительству. 17 ноября Маркс написал от имени Ренарда письмо обер-президенту Рейнской провинции фон Шаперу, в котором протестовал против новых цензурных рогаток и намерения запретить газету. Отстаивая оппозиционное направление «Rheinische Zeitung», Маркс писал, что эта газета «не является просто беспринципной амальгамой сухих рефератов и низкопоклонства, а освещает государственные дела и отечественные учреждения в духе сознающей свою благородную цель критики», что в ее лице был создан «орган, который с достоинством и бесстрашием будет говорить языком свободных людей». «Беспримерно быстрое распространение этой газеты показывает, — отмечал Маркс, — как хорошо она поняла пожелания народа». 19 января прусское правительство приняло решение о запрещении с 1 апреля «Rheinische Zeitung»; на оставшееся время для нее была введена особо строгая цензура (см. также настоящий том, стр. 371). — *370.*

[390] Маркс имеет в виду проект закона о разводе, составленный в 1842 году. Подготовка и обсуждение в правительственных сферах этого законопроекта были окружены глубочайшей тайной. Тем не менее 20 октября 1842 г. «Rheinische Zeitung» опубликовала проект закона и тем самым положила начало широкой публичной дискуссии о нем на страницах оппозиционных газет. Маркс подверг критике этот законопроект в статье «Проект закона о разводе» (см. настоящее издание, т. 1, стр. 161— 164). — *371.*

[391] Имеется в виду проектировавшееся Гервегом в 1842 г. издание в Цюрихе ежемесячного радикального журнала «Der Deutsche Bote aus der Schweiz» («Немецкий вестник из Швейцарии»), участвовать в котором Гервег предложил Марксу. Однако план издания журнала не осуществился; статьи различных авторов, предназначенные для него, были изданы летом 1843 г. в виде сборника под названием «Einundzwanzig Bogen aus der Schweiz» («Двадцать один лист из Швейцарии»). — *372.*

[392] Речь идет о намечавшемся плане издания журнала «Deutsch-Franzsische Jahrbucher». — *373.*

[393] Статья Р. Пруца, озаглавленная «Журналы «Jahrbucher der Gegenwart» и «Deutsche Jahrbucher»», была опубликована в приложении к «Rheinische Zeitung» № 43 от 12 февраля 1843 года. Автор статьи доказывал, что журнал «Jahrbucher der Gegenwart» («Современный ежегодник»), о предстоящем издании которого было сообщено в газетах, по своему идейному направлению отнюдь не может рассматриваться как продолжение журнала «Deutsche Jahrbucher». — *374.*

[394] Маркс имеет в виду опубликованную Руге брошюру (Брауншвейг, начало 1843 г.), содержащую жалобу на запрещение саксонским правительством журнала «Deutsche Jahrbucher». Жалоба была обращена к саксонскому ландтагу. На брошюре, кроме имени Руге, стоит еще и имя О. Виганда, лейпцигского книготорговца, издававшего произведения радикальных писателей.

Рецензия Пфюцнера на брошюру Руге и Виганда была напечатана в приложениях к «Rheinische Zeitung» №№ 71 и 73 от 12 и 14 марта 1843 года. — *374.*

[395] Речь идет о переписке Руге с немецкими цензорами, опубликованной в первом томе «Anekdota». — *374.*

[396] Имеется в виду рецензия Б. Бауэра на книгу Аммона «Die Geschichte des Lebens Jesu» («История жизни Иисуса»), помещенную во втором томе «Anekdota». — *374.*

[397] Статья Б. Бауэра «Leiden und Freuden des theologischen Bewustseins» была опубликована во втором томе «Anekdota». — *374.*

[398] Маркс имеет в виду опубликованную во втором томе «Anekdota» критическую статью Руге ««Христианско-германская» золотая середина. Берлинская «Literarische Zeitung»; 1842 г., январь и февраль». — *375.*

[399] Имеется в виду книга: B. Bauer. «Die gute Sache der Freiheit und meine eigene Angelegenheit». Zurich und Winterthur, 1842 (Б. Бауэр. «Правое дело свободы и мое собственное дело». Цюрих и Винтертур, 1842). — *375.*

[400] Летом 1843 г. Маркс уехал из Кёльна в Крёйцнах, где 19 июня состоялась его женитьба на Женни фон Вестфален. С марта по сентябрь 1843 г. Маркс вел переговоры с Руге об издании за границей журнала «Deutsch-Franzosische Jahrbucher». Настоящее письмо Фейербаху связано с намерением Маркса привлечь к сотрудничеству в журнале передовых представителей немецкой и французской интеллигенции. В конце октября 1843 г. Маркс переехал в Париж, где должен был издаваться журнал. — *375.*

[401] Маркс имеет в виду предисловие к книге: Ludwig Feuerbach. «Das Wesen des Christenthums». Zweite, vermehrte Auflage. Leipzig, 1843, S. XXIII (Людвиг Фейербах. «Сущность христианства». Второе, дополненное издание, Лейпциг, 1843, стр. XXIII). Однако Фейербах, как явствует из его ответного письма Марксу 25 октября 1843 г., упоминая о выходящей вскоре книге с критикой Шеллинга, имел в виду не свою работу, а книгу своего друга и последователя Каппа: «Friedrich Wilhelm Joseph von Schelling». Leipzig, 1843 («Фридрих Вильгельм Йозеф фон Шеллинг». Лейпциг, 1843). — *376.*

[402] Речь идет о книге: H. E. G. Paulus. «Die endlich offenbar gewordene positive Philosophie der Offenbarung». Darmstadt, 1843 (Г. Э. Г. Паулюс. «Наконец-то обнародованная позитивная философия откровения». Дармштадт, 1843). — *376.*

[403] В ответном письме от 25 октября 1843 г. Фейербах, полностью соглашаясь с политической оценкой философии Шеллинга, которая содержится в письме Маркса, тем не менее отказался прислать статью о Шеллинге для «Deutsch-Franzosische Jahrbucher», ссылаясь на то, что занят иными творческими планами. — *377.*

[404] Данное письмо касается обстоятельств издания журнала «Deutsch-Franzosische Jahrbucher». — *378.*

[405] Журнал «Deutsch-Franzosische Jahrbucher» печатался в Цюрихе в типографии издательства Фрёбеля (см. настоящий том, стр. 378—379). Наряду с указанной Марксом в данном письме причиной, в прекращении издания журнала значительную роль сыграли разногласия между Марксом и Руге (см. примечание 8). — *380.*

[406] Маркс имеет в виду книги Л. Фейербаха: «Grundsatze der Philosophie der Zukunft». Zurich und Winterthur, 1843 («Основные положения философии будущего». Цюрих и Винтертур, 1843) и «Das Wesen des Glaubens im Sinne Luthers. Ein Beitrag zum «Wesen des Christenthums»». Leipzig, 1844 («Сущность веры в смысле Лютера. Дополнение к «Сущности христианства»». Лейпциг, 1844). — *381.*

[407] Издание английского перевода, по-видимому, не осуществилось. Французский перевод был издан в книге: H. Ewerbeck. «Qu'est ce que la religion d'apres la nouvelle philosophie allemande». Paris, 1850 (Г. Эвербек. «Что такое религия согласно новейшей немецкой философии». Париж. 1850). — *381.*

[408] Имеется в виду книга: E. de Pompery. «Exposition de la science sociale, constituee par C. Fourier». 2 me ed., Paris, 1840, pp. 13, 29 (Э. де Помпери. «Изложение социальной науки, созданной Ш. Фурье». 2-е изд., Париж, 1840, стр. 13, 29). — *382.*

[409] Приведенные Марксом высказывания взяты им из статей, опубликованных в 5 и 6 выпусках «Allgemeine Literatur-Zeitung» («Всеобщей литературной газеты») за 1844 год. Эти высказывания Маркс подверг критике в седьмой и девятой главах «Святого семейства» (см. настоящее издание, т. 2, стр. 159—178 и 229—230). — *383.*

[410] Маркс имеет в виду заметку под названием «Из письма одной немецкой дамы», опубликованную без подписи в № 64 газеты «Vorwarts!» от 10 августа 1844 года. Эта заметка представляет собой отрывок из письма Женни Маркс к К. Марксу. — *383.*

[411] Оригиналом данного письма Маркса Институт марксизма-ленинизма не располагает. Приводимый отрывок опубликован Ф. Хиртом в статье «Генрих Гейне и Карл Маркс» (журнал «Das Goldene Tor», *3s.* 2, № 11/12, 1947 г.). — *384.*

[412] Речь идет о выдержках из книги Фейербаха «Сущность веры в смысле Лютера», которые печатались в газете «Vorwarts!» в августе — октябре 1844 года. — *385.*

[413] О высылке Маркса из Франции см. примечание 28. — *386.*

[414] По-видимому, Маркс имеет в виду стихотворение Гейне «Наш флот». — *387.*

[415] Имеется в виду книга: L. Borne. «Gesammelte Schriften». 2-te Auflage, Bd. XVIII. Hamburg, 1840 (Л. Бёрне. «Собрание сочинений». 2-е изд., т. XVIII. Гамбург, 1840). — *393.*

[416] Речь идет о книге: «Heinrich Heine uber Ludwig Borne». Hamburg, 1840 («Генрих Гейне о Людвиге Берне». Гамбург, 1840). — *393.*

[417] Речь идет о создании коммунистических корреспондентских комитетов (см. примечание 39). — *394.*

[418] В ответном письме Марксу от 17 мая 1846 г. Прудон отказался от сотрудничества, заявив при этом, что он является противником революционных методов борьбы и коммунизма. См. «Correspondance de P. J. Proudhon». T. II. Paris, 1875, p. 198—202 («Переписка П. Ж. Прудона». Т. II. Париж, 1875, стр. 198—202). — *394.*

[419] Речь идет о написанной М. Гессом в первой половине 1846 г. для «Немецкой идеологии» главе о Руге под названием «Dottore Graziano, паяц немецкой философии». В связи с затруднениями, которые встретило в 1846 г. издание «Немецкой идеологии», Гесс в письме Марксу во второй половине июля 1846 г. говорит о своем намерении издать эту главу отдельной брошюрой и просит, в случае согласия на это Маркса, дать распоряжение о высылке Гессу рукописи. Настоящее письмо Маркса является ответом на эту просьбу. Глава Гесса была опубликована в «Deutsche-Brusseler-Zeitung» №№ 62 и 63 от 5 и 8 августа 1847 г. под заглавием «Сочинения Dottore Graziano». — *396.*

[420] Имеется в виду сборник «Die Opposition» («Оппозиция»), изданный К. Гейнценом в Мангейме в 1846 году. — *396.*

[421] Речь идет о Руге и его книге: «Zwei Jahre in Paris. Studien und Erinnerungen». Erster und zweiter Theil. Leipzig, 1846 («Два года в Париже. Очерки и воспоминания». Первая и вторая часть. Лейпциг, 1846). — *396.*

[422] Имеется в виду письмо издателя К. В. Леске Марксу от 31 марта 1846 г. относительно издания задуманной Марксом работы «Критика политики и политической экономии» (см. примечание 6). Данное письмо является ответом на письмо Леске Марксу от 29 июля 1846 года. — *397.*

[423] Речь идет о следующем договоре Маркса с Леске:

«Между г-ном д-ром Марксом, проживающим в настоящее время в Париже, с одной стороны, и издательством К. В. Леске в Дармштадте — с другой, сего числа заключен нижеследующий договор.

§ 1. Г-н д-р Маркс предоставляет издательству К. В. Леске исключительное право на издание своего сочинения под заглавием «Критика политики и политической экономии», которое будет состоять из двух томов формата фолио, каждый объемом свыше двадцати печатных листов.

§ 2. Автор, г-н Маркс, обязуется не выпускать в другом издательстве сочинение, которое могло бы конкурировать с вышеназванным.

§ 3. Со своей стороны, издательство Леске обязуется уплатить г-ну д-ру Марксу, в качестве гонорара за все сочинение, сумму в 3000 (три тысячи) франков, причем первую половину названной суммы оно уплачивает при представлении всей рукописи, вторую же — по окончании печатания. Сверх того оно обязуется предоставить г-ну автору двенадцать экземпляров книги бесплатно.

§ 4. Издательство приступает к печатанию сочинения немедленно по представлении рукописи и прилагает старания к тому, чтобы оно вышло в свет в надлежащем оформлении.

§ 5. Тираж книги «Критика политики и политической экономии» определяется в количестве 2000 экземпляров.

§ 6. Настоящий договор имеет, однако, силу только для первого издания этого сочинения. В случае, если окажется необходимым второе издание, должен быть заключен новый договор. Само собой разумеется, однако, что при втором издании преимущественное право сохраняется за издательством Леске.

Настоящий договор изготовлен в двух экземплярах и подписывается обеими сторонами.

Париж, 1 февраля 1845 г.

Д-р Карл Маркс

К. Леске».— *397.*

[424] Маркс имеет в виду переговоры с вестфальскими предпринимателями Ремпелем и Мейером об издании «Немецкой идеологии», а также проект создания коммунистического издательства на паях. См. об этом примечания 37 и 62. — *398.*

[425] «Physiocrates» («Физиократы») — сборник произведений Кенэ, Дюпона де Немура и других физиократов, выпущенный Э. Дэром в 1846 году. — *399.*

[426] Во время своей поездки в Англию совместно с Энгельсом в июле— августе 1845 г. Маркс изучал в публичной библиотеке Манчестера произведения английских экономистов. — *400.*

[427] В ответном письме от 19 сентября 1846 г. Леске сообщил Марксу, что, ввиду цензурных строгостей и полицейских преследований со стороны прусского, правительства, он отказывается от издания его работы. — *400.*

[428] Анненков писал Марксу 1 ноября 1846 г. о книге Прудона: «Признаюсь, что сам план работы представляется мне скорее плодом фантазии человека, которому удалось обозреть уголок немецкой философии, нежели необходимым результатом разработки определенной темы и ее логического развития». — *401.*

[429] О задуманной Марксом работе «Критика политики и политической экономии» см. примечание 6. — *412.*

[430] К этому письму есть приписка Женни Маркс, адресованная жене Гервега. — *414.*

[431] О собрании 27 сентября 1847 г. см. примечание 97. — *417.*

[432] Имеется в виду Немецкое рабочее общество в Брюсселе (см. примечание 96). — *418.*

[433] Имеется в виду Демократическая ассоциация в Брюсселе (см. примечание 97). — *418.*

[434] В конце ноября 1847 г. Маркс вместе с Энгельсом приехал в Лондон для участия во втором конгрессе Союза коммунистов (см. примечание 115). — *419.*

[435] 29 ноября 1847 г. Маркс и Энгельс выступили на международном митинге в Лондоне, организованном обществом «Братские демократы» в честь годовщины польского восстания 1830 г. (см. примечание 114). — *419.*

[436] Энгельс имеет в виду авантюристический план вторжения из Франции в Германию республиканского легиона добровольцев (см. примечание 129). — *422.*

[437] Авторы записки, помеченной 1 апреля, — Борнштедт, Лёвенфельс, Бёрнштейн, Фольк и Майер — требовали, чтобы Маркс сообщил фамилию автора статьи в «Trier'sche Zeitung» о Немецком демократическом обществе (см. примечание 129). — *425.*

[438] Имеется в виду организованная чартистами массовая демонстрация 10 апреля 1848 г. в Лондоне с целью подачи петиции о принятии Народной хартии. Правительство запретило демонстрацию, войска и полиция были стянуты в Лондон, чтобы воспрепятствовать ее проведению. Руководители чартистов, среди которых многие проявили колебания, решили отказаться от проведения демонстрации и уговорили демонстрантов разойтись. — *427.*

[439] Карикатура нарисована после правительственного распоряжения-о запрещении «Rheinische Zeitung». Три могильщика, изображенные на переднем плане, — это три министра, ведавшие делами цензуры: министр по делам культа, просвещения и медицины Эйххорн, изображенный в виде белки (см. примечание 377) в монашеском облачении,

министр юстиции Мюлер с атрибутами правосудия — весами, мечом и повязкой на глазах — и министр внутренних дел фон Арним. «Rheinische Zeitung», лежащая в гробу, окружена аллегорическими фигурами в намордниках и кандалах, символизирующими оппозиционную печать. — *между 428—429.*

[440] С начала своего выхода в июне 1848 г. «Neue Rheinische Zeitung» печаталась в типографии В. Клоута по адресу: St. Agatha № 12, а с № 88 и 89 (конец августа 1848 г.) печатание газеты происходило в типографии Дица по адресу: Unter Hutmacher № 17. — *429.*

[441] Вынужденный временно уехать из Германии вследствие полицейских преследований, Энгельс за время своего пребывания в различных городах Швейцарии, особенно в Лозанне и Берне, установил тесные связи с местными рабочими и демократическими союзами. Он принял участие в состоявшемся в Берне в декабре 1848 г. первом конгрессе немецких союзов Швейцарии в качестве делегата Лозаннского союза (см. примечание 444). — *430.*

[442] Речь идет о первом конгрессе немецких союзов Швейцарии, состоявшемся в Берне 9—11 декабря 1848 года. На этом конгрессе были представлены демократические и рабочие союзы ряда швейцарских городов, Конгресс принял устав объединения немецких союзов Швейцарии, согласно которому во главе объединения должен был стоять центральный союз (в качестве такового был избран рабочий союз в Берне), а текущее руководство осуществляла Центральная комиссия из пяти человек. В состав Центральной комиссии, избранной 14 декабря, вошел Ф. Энгельс, на которого были возложены обязанности секретаря.

В своем письме от 7 декабря союз в Веве возражал против ряда предложений, выдвинутых демократическим Немецким национальным союзом в Цюрихе, и, в частности, предлагал, чтобы руководство новым объединением осуществлял Военный союз в Биле (см. примечание 445). Письмо союза в Веве на имя конгресса обсуждалось на заседании последнего 10 декабря 1848 года. Центральной комиссии было поручено составить ответ на это письмо и убедить союз в Веве отказаться от своих требований и принять участие во вновь созданном объединении. — *430.*

[443] Речь идет о Немецком национальном союзе в Цюрихе, образовавшемся в апреле 1848 г., — демократической организации, в состав которой входили представители буржуазной интеллигенции, а также немецкие рабочие, проживавшие в Швейцарии. Союз находился под влиянием мелкобуржуазных демократов (Фрёбель, Руге). Летом 1848 г. Национальный союз присоединился к организации демократических союзов Германии, созданной по решению первого демократического конгресса во Франкфурте-на-Майне. В августе 1848 г. Национальный союз обратился ко всем немецким союзам в Швейцарии с призывом о создании объединенной организации и о созыве конгресса. — *430.*

[444] Имеется в виду Энгельс, находившийся в Берне с ноября 1848 года. Лозаннский рабочий союз 8 декабря 1848 г. послал Энгельсу мандат об избрании его делегатом конгресса, а также инструкции (см. настоящее издание, т. 6, стр. 623—624). Руководители Лозаннского союза Г. Шнебергер, Х. Хааф и Бангерт писали по этому поводу бернскому

рабочему союзу 8 декабря 1848 года: «Мы не можем послать делегата из-за бездействия союза в Веве (который признает центральным органом только союз в *Биле).* Поэтому мы решили снабдить полномочиями нашего друга *Энгельса.* Если же он не будет присутствовать, то его полномочия перейдут к другу Фросту». — *431.*

[445] *Военный союз* (Wehrbund) *«Помогай себе сам»* был основан осенью 1848 г. видным деятелем демократического и рабочего движения Иоганном Филиппом Беккером. Центральный комитет союза находился в Биле (кантон Берн); к нему примыкали союзы, возникшие в различных городах Швейцарии и состоявшие главным образом из ремесленников. Военный союз, придерживавшийся мелкобуржуазно-демократического направления, ставил своей задачей объединение всех немецких добровольческих отрядов в Швейцарии с целью установления республики в Германии. Его организация, сложившаяся, как на это указывает само название, под влиянием тайных обществ во Франции и Италии, носила конспиративно-заговорщический характер. Швейцарские власти под давлением германского Союзного сейма возбудили судебное преследование против Беккера и других организаторов Военного союза. В результате Беккер был приговорен к высылке из кантона Берн сроком на один год. — *432.*

[446] Имеется в виду Центральный комитет демократов Германии, который был избран на втором демократическом конгрессе, происходившем в Берлине с 26 по 30 октября 1848 года. В его состав входили Д'Эстер, Рейхенбах и Хекзамер.

Речь идет о находившемся в Лейпциге и возглавлявшемся Стефаном Борном Центральном комитете немецких рабочих. Избран на рабочем конгрессе, состоявшемся в Берлине 23 августа — 3 сентября 1848 года. Составленная под влиянием Ст. Борна программа конгресса ставила перед рабочими задачу добиваться осуществления ряда узкопрофессиональных требований, отвлекая их тем самым от революционной борьбы. — *432.*

[447] Имеется в виду письмо полицейского советника Штибера в редакцию «Neue Rheinische Zeitung» от 26 декабря 1848 г. в связи с корреспонденцией из Франкфурта-на-Майне под заголовком «Д-р Штибер», помещенной в № 177 этой газеты от 24 декабря. В заметке сообщалось, что Штибер ездил во Франкфурт-на-Майне для расследования в связи с народным восстанием во Франкфурте в сентябре 1848 года. В приложении к № 182 от 30 декабря 1848 г. редакция поместила поправку к этой заметке, где указывалось, что Штибер совершил поездку во Франкфурт для устройства своих личных дел. — *433.*

[448] *Code penal* — Уголовный кодекс, принятый во Франции в 1810 г. и введенный в завоеванных французской армией областях Западной и Юго-Западной Германии; наряду с Гражданским кодексом действовал в Рейнской провинции и после присоединения ее к Пруссии в 1815 году. — *433.*

[449] Данное обращение Энгельса к Мартовскому союзу было написано им как членом Центральной комиссии по поручению бернского конгресса немецких союзов Швейцарии (см. примечание 442). На заседании конгресса от 10 декабря 1848 г. при обсуждении вопроса об установлении связи с мелкобуржуазным Мартовским союзом (см. приме-

чание 148) разгорелась борьба. Несмотря на выступление делегата бернского рабочего союза, возражавшего против переписки с Мартовским союзом по той причине, что эта организация не стояла на республиканских позициях, было принято решение составить обращение к Мартовскому союзу. Текст этого документа был утвержден на заседании 11 декабря. При составлении обращения Энгельсу пришлось считаться с постановлением конгресса. Однако он добился того, что в этом официальном документе нашла свое выражение позиция пролетарских революционеров и «Neue Rheinische Zeitung» по отношению к Мартовскому союзу. Так, сообщая о решениях конгресса в Берне, он подчеркивал, что республиканская программа вновь созданного объединения немецких союзов Швейцарии делает невозможным тесное сотрудничество этой организации с Мартовским союзом. — *434.*

[450] Рабочий союз в Берне к 1848 г. стал одним из самых крупных и влиятельных немецких рабочих союзов Швейцарии и играл руководящую роль по отношению к ряду более мелких рабочих союзов в кантоне Берн. Он придерживался республиканско-демократической программы, однако в значительной степени находился под влиянием Вейтлинга и Борна. Рабочий союз распался весной 1849 года. — *434.*

[451] Согласно статье 1 принятого на конгрессе в Берне устава объединения немецких союзов Швейцарии, целью новой организации являлось «воспитывать членов объединения в социально-демократическом и республиканском духе и любыми законными средствами добиваться того, чтобы социально-демократические и республиканские принципы и учреждения получили признание со стороны немцев и были претворены в жизнь». — *434.*

[452] Временная *центральная власть* в составе имперского правителя (австрийского эрцгерцога Иоганна) и имперского министерства была создана по решению франкфуртского Национального собрания 28 июня 1848 года. Временная центральная власть, не располагавшая собственным бюджетом и армией и лишенная какой бы то ни было реальной силы, тем не менее способствовала проведению контрреволюционной политики немецких государей. О претензиях центральной власти к швейцарскому правительству в связи с деятельностью немецких эмигрантов-республиканцев в Швейцарии см. статью Ф. Энгельса «Германская центральная власть и Швейцария» (настоящее издание, т. 6,стр. 47—56). — *434.*

[453] Имеется в виду Национальное собрание, созванное после мартовской революции в Германии и начавшее свои заседания 18 мая 1848 г. во Франкфурте-на-Майне. Главная задача Национального собрания состояла в ликвидации политической раздробленности Германии и выработке общегерманской конституции. Однако из-за трусости и колебаний его либерального большинства, нерешительности и непоследовательности мелкобуржуазного левого крыла Собрание побоялось взять в свои руки верховную власть в стране и не сумело занять решительной позиции в основных вопросах германской революции 1848—1849 годов. Собрание не решилось мобилизовать силы народа для отпора наступлению контрреволюции и для защиты выработанной им имперской конституции; 18 июня 1849 г, оно прекратило свое существование. — *435.*

[454] Энгельс, покинувший Кёльн в конце сентября 1848 г. (см. примечание 136), возвратился туда в середине января 1849 года. — *437.*

[455] «Извещение о подписке на «Neue Rheinische Zeitung» на первый квартал 1849 г.» (см. настоящее издание, т. 6, стр. 625—626).

Маркс имеет в виду корреспонденцию «Альянс европейской полиции» о высылке из Лондона франкфуртского эмигранта Видеккера, опубликованную с пометкой «Кёльн, 8 января» под корреспондентским значком Дронке в «Neue Rheinische Zeitung» № 192 от 11 января 1849 года. — *438.*

[456] В начале октября 1848 г. Энгельс вместе с Дронке, бежавшим из Кёльна после сентябрьских событий (см. примечания 136 и 146), приехал в Брюссель; 4 октября оба они были арестованы бельгийской полицией и препровождены в тюрьму, а затем по этапу доставлены на французскую границу, откуда они направились в Париж. — *439.*

[457] Речь идет о помещенной в приложении к № 233 «Neue Rheinische Zeitung» от 28 февраля 1849 г. заметке без подписи, где капитан 8-ой роты 16-го пехотного полка фон Уттенхофен, известный своими реакционными взглядами, обвинялся в злоупотреблениях и спекуляции казенным топливом. — *439.*

[458] в конце мая 1849 г. Маркс и Энгельс, совершавшие поездку по Юго-Западной Германии после прекращения издания «Neue Rheinische Zeitung», направились из Пфальца в Бинген. Отсюда Маркс в первых числах июня отправился в Париж (см. примечание 152). — *441.*

[459] Речь идет о последнем, 301-м номере «Neue Rheinische Zeitung» от 19 мая 1849 г., напечатанном красной краской. — *442.*

[460] Энгельс имеет в виду германскую кампанию за имперскую конституцию (см. примечание 153). — *443.*

[461] Речь идет о последнем сражении баденской революционной армии с прусскими войсками, происходившем 29—30 июня 1849 г. при Раштатте. Остатки баденской армии, осажденные в крепости Раштатт, капитулировали только 23 июля. — *443.*

[462] После поражения баденско-пфальцского восстания отряд, в котором сражался Энгельс, 12 июля 1849 г. перешел границу Швейцарии. — *443.*

[463] *Идеологами* Маркс и Энгельс называли философов, социологов, историков, которым было свойственно идеалистическое представление о самостоятельной роли идей, непонимание зависимости мышления, сознания от материальной действительности. — *444.*

[464] Отрывок из этого письма впервые был опубликован Ф. Рингом в статье «Фрейлиграт и Маркс в их переписке» («Die Neue Zeit», Erganzungshefte, № 12, 1911—1912). — *444.*

[465] Речь идет о поисках издателя для серии брошюр Маркса (см. настоящий том, стр. 447). — *448.*

[466] В конце мая 1849 г. Маркс и Энгельс были арестованы гессенскими солдатами, которые заподозрили их участие в восстании в защиту

имперской конституции, и отправлены в Дармштадт, а оттуда во Франкфурт-на-Майне. Во Франкфурте-на-Майне Маркс и Энгельс были освобождены.

В начале июня 1849 г. Энгельс был арестован временным правительством Пфальца в Кирхгеймболандене по обвинению в пропаганде против правительства. На следующий день Энгельс был освобожден по настоянию члена временного правительства Д'Эстера. — *450.*

[467] Имеется в виду лондонское Просветительное общество немецких рабочих (см. примечание 64) и мелкобуржуазный Демократический союз, созданный в Лондоне в конце апреля 1850 года. Организаторы Демократического союза — мелкобуржуазные демократы Струве, Бобцин, Бауэр (из Штольпе) и другие, — стремясь воспрепятствовать самостоятельной организации пролетариата, завели интриги против лондонского Просветительного общества немецких рабочих.

«Эмигрантским комитетом» Маркс называет Комитет помощи немецким эмигрантам в Лондоне (см. примечание 170). — *453.*

[468] Упомянутая в письме Энгельса статья В. Вольфа не была напечатана в первом выпуске журнала «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue». В извещении от редакции сообщалось, что работа В. Вольфа «Последние дни германского парламента» будет опубликована во втором выпуске журнала. Однако только в четвертом выпуске появилась статья В. Вольфа «Добавление к очеркам «По стране»», посвященная штутгартскому «охвостью» Национального собрания и имперскому регентству.

Имеется в виду «Первый международный обзор», написанный Марксом и Энгельсом и опубликованный во втором выпуске журнала (см. настоящее издание, т. 7, стр. 224—237).

Лекции по политической экономии, которые Маркс читал в лондонском Просветительном обществе немецких рабочих, не были опубликованы в «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue». — *457.*

[469] *Нытики* — см. примечание 284. — *457.*

[470] Речь идет об эмигрантском Демократическом союзе (см. примечание 467). — *457.*

[471] «Rapports du General Mieroslawski sur la campagne de Bade». Berne, 1849 («Отчеты генерала Мерославского о баденской кампании». Берн, 1849). A. Daul. «Tagebuch eines politischen Fluchtlings wahrend des Freiheitskampfes in der Rheinpfalz und Baden». St. Gallen, 1849 (А. Дауль. «Дневник политического эмигранта во время освободительной борьбы в Рейнском Пфальце и Бадене». Санкт-Галлен, 1849). Joh. Phil. Becker und Chr. Esselen. «Geschichte der suddeutschen Mai-Revolution des Jahres 1849». Genf, 1849 (Иог. Фил. Беккер и Хр. Эсселлен. «История южногерманской майской революции 1849 года». Женева, 1849). — *457.*

[472] Данное письмо Маркса написано в ответ на письмо Бамбергера, Мюллера-Теллеринга и Рудольфа Шрамма от 30 декабря 1849 г. с приглашением посетить собрание немецких эмигрантов. — *458.*

[473] Оригиналом этого письма Институт марксизма-ленинизма в данное время не располагает. Оно воспроизводится в настоящем томе по тексту

русского перевода, опубликованного в т. XXV первого издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. — *459.*

[474] Данное письмо Энгельса является ответом на записку Мюллера-Теллеринга от 5 февраля 1850 г., в которой содержалась просьба достать ему билет на бал, устраиваемый лондонским Просветительным обществом. Отказ Энгельса удовлетворить эту просьбу послужил поводом для склоки, затеянной Теллерингом против Маркса и Энгельса и поддерживавшего их лондонского Просветительного общества. См. также настоящий том, стр. 462—463. — *460.*

[475] Имеется в виду Комитет помощи немецким эмигрантам в Лондоне (см. примечание 170). — *461.*

[476] К данному письму Энгельса приложены копии следующих документов:

«Настоящим подтверждаю, что г-н Карл Килинский в июле месяце 1849 г., вместе с прибывшими из Сардинии венгерскими гусарами, был направлен в Константинополь, а так как он не имел больше возможности вступить в армию, то оттуда в феврале 1850 г. вернулся в Лондон.

Лондон, 22 февраля 1850 г.

Франциишек Пульский

Настоящим подтверждаю, что г-н Мартин Ришка в июле месяце 1849 г. вместе с прибывшими из Сардинии венгерскими гусарами был направлен в Константинополь и намеревался вступить в венгерскую армию. Но окончание военных действий помешало ему в этом, и в феврале 1850 г. он вернулся в Лондон.

Лондон, 22 февраля 1850 г.

Франциишек Пульский». — 461.

[477] Данный документ, написанный на одном листке бумаги, представляет собой набросок писем Энгельса трем адресатам — Шуберту и Хагену в Гамбург и Науту в Кёльн. — *461.*

[478] Письмо Маркса написано в связи с интригами мелкобуржуазного демократа Э. Мюллера-Теллеринга против Маркса и Энгельса (см. примечание 474).

3 марта суд чести исключил Теллеринга из Общества, против чего тот протестовал в новом письме, полном грязных инсинуаций и клеветнических выпадов против Энгельса. Данное письмо Маркса написано в ответ на все эти интриги и кляузы Мюллера-Теллеринга. — *463.*

[479] Речь идет о брошюре: Tellering. «Westdeutscher Zeitungsjammer». Dusseldorf, 1850 (Теллеринг. «Скверная газетка «Westdeutsche Zeitung»». Дюссельдорф, 1850). — *463.*

[480] По-видимому, Энгельс упоминает здесь следующие документы: К. Маркс и Ф. Энгельс. «Заявление Эмигрантского комитета», К. Маркс и Ф. Энгельс. «Обращение Центрального комитета к Союзу коммунистов. Март 1850» и «Отчет Социал-демократического эмигрантского комитета в Лондоне» (см. настоящее издание, т. 7, стр. 318—320, 257— 267, 553—555). — *466.*

[481] Имеется в виду организация проживавших в Лондоне французских эмигрантов-бланкистов, с которыми Маркс и Энгельс от имени Союза коммунистов, а также представители революционного крыла чартистов заключили в середине апреля 1850 г. соглашение о создании Всемирного общества коммунистов-революционеров (см. примечание 218).

Под обществом на Грик-стрит подразумевается Демократический союз (см. примечание 467). — *468.*

[482] О «красном номере» «Neue Rheinische Zeitung» см. примечание 459. — *469.*

[483] Маркс имеет в виду рецензию Люнинга на вышедшие четыре номера «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue», помещенную в «Neue Deutsche Zeitung» №№ 148—151 за 22, 23, 25, 26 июня 1850 года. Особое внимание в рецензии было уделено работам К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» и Ф. Энгельса «Германская кампания за имперскую конституцию», причем в искаженном виде излагались взгляды Маркса на диктатуру пролетариата и уничтожение классовых различий. Маркс ответил на эту критику в «Заявлении редактору «Neue Deutsche Zeitung»» (см. настоящее издание, т. 7, стр. 339). — *470.*

[484] Речь идет о восстании парижского пролетариата 23—26 июня 1848 г. — этой, по определению В. И. Ленина, первой великой гражданской войне между пролетариатом и буржуазией. — *471.*

[485] Имеется в виду намечавшийся созыв конгресса Союза коммунистов (см. также настоящее издание, т. 7, стр. 327). Созыв конгресса не удалось осуществить из-за происшедшего в сентябре 1850 г. раскола Союза коммунистов, а затем — ввиду дезорганизаторской деятельности сектантской группы Виллиха — Шаппера (см. примечание 169). — *471.*

[486] Оригиналом письма Институт марксизма-ленинизма не располагает. Перевод сделан с отрывка, цитируемого в обвинительном акте кёльнского процесса коммунистов. — *476.*

[487] См. примечание 204. — *476.*

[488] Оригиналом письма Институт марксизма-ленинизма не располагает. Перевод сделан с отрывка, цитируемого в обвинительном акте кёльнского процесса коммунистов. — *477.*

[489] Оригиналом письма Институт марксизма-ленинизма не располагает. Письмо дошло в отрывках, цитируемых в обвинительном акте кёльнского процесса коммунистов, с которых и сделан данный перевод. — *477.*

[490] См. примечание 171. — *478.*

[491] Об имеющемся здесь пропуске в обвинительном акте сказано, что «далее описывается, как Л. Блану удалось привлечь к участию в своем банкете их друга Гарни вместе с самой радикальной фракцией чартистов». — *478.*

[492] Об имеющемся здесь пропуске в обвинительном акте сказано, что далее «подробно описываются издевательства, которым подверглись

при этих обстоятельствах двое их друзей, принадлежавших, согласно вышеописанному, к Союзу». — *479.*

[493] Оригиналом письма Институт марксизма-ленинизма не располагает. Перевод сделан с отрывка, цитируемого в обвинительном акте кёльнского процесса коммунистов. — *480.*

[494] О пребывании Маркса в Манчестере см. примечание 240. — *480.*

[495] О Всемирной выставке в Лондоне см. примечание 199. — *481.*

[496] Оригиналом письма Институт марксизма-ленинизма не располагает. Цитата приведена по ответному письму Даниельса Марксу от 1 июня 1851 года. — *483.*

[497] Данное письмо впервые было опубликовано с большими сокращениями в журнале «Die Neue Zeit», Bd. 2, Nr. 28, 1906—1907. — *483.*

[498] О переселении Энгельса в Манчестер см. примечание 162. — *483.*

[499] Об участии Энгельса в баденско-пфальцском восстании 1849 г. см. примечание 161. —*483.*

[500] См. примечание 374. — *484.*

[501] J. Bem. «Erfahrungen uber die Congrevschen Brand-Raketen, bis zum Jahre 1819 in der konigl. poln. Artillerie gesammelt». Weimar, 1820 (Ю. Бем. «Опыт применения зажигательных ракет Конгрива, накопленный в артиллерии Царства Польского до 1819 года». Веймар, 1820). — *485.*

[502] Маркс намекает на то, что Руге входил в Центральный комитет европейской демократии (см. примечание 171). — *487.*

[503] Имеются в виду книги: A. Christ. «Ueber den gegenwartigen Stand der Frage der Schutzzolle». Frankfurt am Main, 1851 (А. Крист. «О современном состоянии вопроса о покровительственных пошлинах». Франкфурт-на-Майне, 1851).

[I. Pinto]. «Traite de la Circulation et du Credit». Amsterdam, 1771 (И. Пинто. «Трактат об обращении и кредите». Амстердам, 1771). — *488.*

[504] Энгельс имеет в виду раскол в Союзе коммунистов и выход Маркса, Энгельса и их сторонников из лондонского Просветительного общества немецких рабочих (см. примечание 169). — *489.*

[505] Имеется в виду Центральный комитет европейской демократии (см. примечание 171). — *490.*

[506] См. примечание 226. — *491.*

[507] После разгрома революции 1848—1849 гг. между Пруссией и Австрией разгорелась борьба за гегемонию в Германии. Австрия стремилась к восстановлению Германского союза, фактически распавшегося в период революции; Пруссия надеялась закрепить свое главенство путем образования союза германских государств под своей эгидой. Осенью 1850 г. борьба между Австрией и Пруссией обострилась в ре-

зультате конфликта, возникшего между ними из-за Кургессена. Революционные выступления в Кургессене дали повод Австрии и Пруссии для вмешательства в его внутренние дела, причем каждая из сторон претендовала на роль усмирителя движения. В ответ на вступление австрийских войск в Кургессен прусское правительство в ноябре 1850 г. объявило мобилизацию и послало в свою очередь туда свои войска. Однако под давлением царя Николая I Пруссия уступила Австрии, не оказав серьезного сопротивления. — *491.*

[508] Данное письмо впервые было опубликовано с большими сокращениями в журнале «Die Neue Zeit», Bd. 2, Nr. 28, 1906—1907. — *492.*

[509] Отрывок из этого письма впервые был опубликован в журнале «Die Neue Zeit», Bd. 2, Nr. 28, 1906—1907. — *496.*

[510] С швейцарским офицером Густавом Хофштеттером, автором военной книги «Tagebuch aus Italien 1849» («Итальянский дневник 1849 года»), Вейдемейер встречался в это время в Цюрихе. — *496.*

[511] См. примечание 243. — *496.*

[512] Речь идет о восстании в Юго-Западной Германии в защиту имперской конституции (см. примечание 153). — *496.*

[513] Так Энгельс иронически называл членов франкфуртского Национального собрания в связи с тем, что они занимались выработкой имперской конституции. — *497.*

[514] Данное письмо Маркса журналисту во Франкфурте-на-Майне Эбнеру, так же как и публикуемое в настоящем томе письмо Маркса Эбнеру от 2 декабря 1851 г. (см. стр. 512—516) были впервые напечатаны в 1956 г. в «Mitteilungen des osterreichischen Staatsarchivs». Bd. 9 («Ведомостях австрийского государственного архива». Том 9). Как явствует из других материалов, публикуемых «Ведомостями», эти письма сразу же по получении передавались Эбнером в руки австрийской полиции, тайным осведомителем которой, как позднее выяснилось, Эбнер в то время был. Маркс и Энгельс, естественно, не могли знать о связях Эбнера с полицией. Документы, отправленные Эбнером австрийской полиции, попали затем в министерство внутренних дел, а позднее в министерство иностранных дел Австрии, откуда и были переданы в австрийский государственный архив. Первое письмо в австрийском архиве сохранилось в виде копии, переписанной неизвестной рукой; второе письмо написано почерком Маркса. В первом письме отсутствуют как начало, так и конец, во втором письме недостает начала. Эти места были, очевидно, опущены Эбнером при отправке в полицию.

Данные письма, разоблачающие интриги и склоки мелкобуржуазной эмиграции в Лондоне, Маркс направил Эбнеру с целью опубликования их содержания в каком-либо печатном органе, так как Эбнер был связан со многими газетами и журналами. Маркс стремился также публично опровергнуть клеветнические измышления, распространяемые о пролетарских революционерах различными мелкобуржуазными эмигрантскими кликами. Материалы этих писем Маркс и Энгельс широко использовали в написанном ими в 1852 г. памфлете «Великие мужи эмиграции» (см. настоящее издание, т. 8, стр. 247—352). — *499.*

[515] См. примечание 306. — *499.*

[516] Имеется в виду Центральный комитет европейской демократии (см. примечание 171). — *499.*

[517] Имеется в виду так называемый «Комитет по германским делам» (см. примечание 233). — *500.*

[518] Речь идет о воззвании «К немцам», выпущенном так называемым «Комитетом по германским делам» (см. примечание 233). —*600.*

[519] *Хрустальный дворец* — здание, сооруженное из металла и стекла для первой всемирной торгово-промышленной выставки в Лондоне в 1851 году. — *503.*

[520] По-видимому, имеется в виду: К. Маркс и Ф. Энгельс. «Обращение Центрального комитета к Союзу коммунистов. Март 1850» (см. па-стоящее издание, т. 7, стр. 257—267). — *506.*

[521] Данное письмо с сокращениями впервые было опубликовано в журнале «Die Neue Zeit», Bd. 2, Nr. 28, 1906—1907. — *506.*

[522] См. примечание 318. — *507.*

[523] Данное письмо Маркса является припиской к письму жены Маркса Женни Маркс к Амалии Даниельс. Конец письма, где Маркс перечисляет нужные ему книги, в «Kolnische Zeitung», по тексту которой печатается письмо, отсутствует. — *508.*

[524] Имеются в виду книги: Mac Gregor. «The Resources and Statistics of Nations». London, 1835 (Мак-Грегор. «Ресурсы и статистика наций». Лондон, 1835); «Commercial Tariffs and Regulations, Resources, and Trade, of the Several States of Europe and America». London, 1841— 1850 («Торговые тарифы и правила, ресурсы и торговля отдельных государств Европы и Америки». Лондон, 1841—1850). — *509.*

[525] По-видимому, имеется в виду выпущенная Моро официальная публикация «Statistique generale de la France» («Общий статистический обзор Франции»). — *509.*

[526] Вводное замечание Гарни было предпослано переводу на английский язык «Манифеста Коммунистической партии», опубликованному в №№ 21—24 журнала «Red Republican» за 9, 16, 23 и 30 ноября 1850 года. — *509.*

[527] Маркс имеет в виду ряд статей Энгельса о Венгрии (см. настоящее издание, т. 6, стр. 175—186, 208—209, 324—329, 550—560). — *510.*

[528] Оригиналом письма Маркса Клуссу Институт марксизма-ленинизма не располагает. Данный отрывок публикуется по письму Клусса Вейдемейеру от 20 декабря 1851 года. — *511.*

[529] К этому месту Клусс в своем письме Вейдемейеру сделал следующее примечание: «Речь идет о кинкелевском займе, в который я из-за недостаточного знакомства с обстоятельствами дела дал себя втянуть. Маркс считает, что мне пока не следует устраняться от этого дела».

О кинкелевском займе (так называемом немецко-американском революционном займе) — см. примечание 339. — *512.*

[530] Об этом письме Маркса Эбнеру см. примечание 514. — *512.*

[531] См. примечание 339. — *512.*

[532] *Охвостьем имперского парламента* Маркс иронически называет франкфуртское Национальное собрание после перенесения его местопребывания в начале июня 1849 г. в Штутгарт. Собрание переехало в Штутгарт в связи с угрозой его разгона, после того как консервативные депутаты и значительное число либеральных депутатов покинуло его. 18 июня охвостье парламента было разогнано войсками Вюртемберга. — *513.*

[533] Речь идет о намерении Маркса и Энгельса сотрудничать в журнале «Die Revolution» (см. примечание 359). — *518.*

[534] Данное письмо впервые было опубликовано с сокращениями в журнале «Die Neue Zeit», Bd. 2, Nr. 29, 1906—1907. — *518.*

[535] В мае 1852 г. истекал срок президентских полномочий Луи Бонапарта. Согласно французской конституции 1848 г., выборы нового президента должны были проводиться каждые четыре года во второе воскресенье месяца мая. — *519.*

[536] Журнал «Die Revolution» напечатал объявление о предстоящем опубликовании работы Маркса о Прудоне. Однако ввиду прекращения выхода журнала и отсутствия других возможностей публикации эта работа не была Марксом написана. — *519.*

[537] Небольшой отрывок из данного письма впервые был опубликован в журнале «Die Neue Zeit», Erganzungshefte, Nr. 12,12 апреля 1912. — *520.*

[538] Речь идет об изменении места собраний членов Лондонского округа Союза коммунистов. В начале 1852 г. место собраний было перенесено еще раз в другое место — на Crown Street (см. настоящее издание, т. 8, стр. 457). — *521.*

[539] После бонапартистского государственного переворота 2 декабря 1851 г. во Франции Пальмерстон, бывший в то время министром иностранных дел Англии, одобрил в беседе с послом Франции в Лондоне узурпаторские действия Луи Бонапарта. Этот шаг Пальмерстон не согласовал с другими членами вигского кабинета, что привело к его отставке в декабре 1851 г., хотя в принципе английское правительство не расходилось с точкой зрения Пальмерстона и первым в Европе признало бонапартистский режим во Франции. — *521.*

[540] Прошение Маркса осталось без ответа. 22 марта 1845 г. Маркс вынужден был подписать обязательство не публиковать в Бельгии ничего, относящегося к текущей политике (см. настоящий том, стр. 387). — *525.*

[541] В 1838 г. Маркс был освобожден от явки на военную службу в Берлине из-за болезни легких, а в 1841 г. он был признан негодным к несению военной службы. — *525.*

[542] Имеется в виду Клуб немецких рабочих, основанный в Париже в начале марта 1848 г. по инициативе руководителей Союза коммунистов. Устав Клуба был составлен Марксом. С помощью этой организации Маркс и Энгельс стремились сплотить немецких рабочих-эмигрантов в Париже, разъяснить тактику пролетариата в буржуазно-демократической революции и противодействовать авантюристической затее мелкобуржуазных демократов с вторжением добровольческих легионов в Германию. Клуб проделал большую работу по организации возвращения немецких рабочих на родину поодиночке для участия там в революционной борьбе.

О Немецком демократическом обществе см. примечание 129. — 527.

[543] Об агитации за финансовую реформу см. примечание 194. — *527.*

[544] О «пороховом заговоре» 5 ноября 1605 г. см. примечание 163. — *528.*

[545] Речь идет о залоговой квитанции на серебряную посуду семьи Маркса, сданную во франкфуртский ломбард летом 1849 г., когда жена Маркса с детьми последовала за ним в эмиграцию (см. настоящий том, стр. 530). — *528.*

[546] Имеется в виду обращение Центрального комитета Союза коммунистов в Кёльне к Союзу от 1 декабря 1850 г. (см. примечание 277). В этом документе осуждаются раскольнические действия фракции Виллиха — Шаппера. Вместе с обращением и другими документами Центральный комитет прислал Лондонскому округу Устав Союза (см. настоящее издание, т. 7, стр. 565—568). — *534.*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

А

Адан (Adam) — французский рабочий-кожевник, бланкист, участник тайных революционных обществ в период Июльской монархии, в 1850 г. член комитета французского общества эмигрантов-бланкистов в Лондоне. — 141, 143, 171, 179.

Аделунг (Adelung), Иоганн Христоф (1732—1806) — немецкий филолог, автор ряда работ по этимологии и грамматике немецкого языка. — 39.

Александр I (1777—1825) — русский император (1801—1825). — 218.

Александр Македонский (356—323 до н. э.) — знаменитый полководец и государственный деятель древнего мира. — 506.

Алисон (Alison), Арчибалд (1792— 1867) — английский историк и экономист, тори. — 485.

Аллар (Allard) — французский демократ. — 114.

Альбер (Albert) (настоящее имя Александр *Мартен)* (1815— 1895) — французский рабочий, социалист, один из руководителей тайных революционных обществ в период Июльской монархии, в 1848 г. член временного правительства. — 423.

Аммон (Ammon), Христоф Фридрих (1766—1850) — немецкий теолог, протестант. — 374.

Андре (Andre), Фелисите — знакомая Энгельса в Париже в 40-х годах XIX века. — 107, 422.

Аннеке (Anneke), Фридрих (1818— 1872) — прусский артиллерийский офицер, уволенный в 1846 г. из армии за политические убеждения; член кёльнской общины Союза коммунистов, в 1848 г. один из основателей кёльнского Рабочего союза, редактор «Neue Kolnische Zeitung», член Рейнского окружного комитета демократов; в 1849 г. подполковник баденско-пфальцской революционной армии; впоследствии участник Гражданской войны в США на стороне северян. — 112, 125, 459.

**Анненков,* Павел Васильевич (1812— 1887) — русский либеральный помещик, литератор. — 42, 393, 401—412, 419—420.

Ансельм Кентерберийский (1033— 1109) — средневековый богослов,

* Звездочкой отмечены фамилии адресатов Маркса и Энгельса в настоящем томе.

представитель ранней схоластики. — 361.

Антуан (Antoine), Гюстав — в начале 50-х годов XIX в. французский эмигрант в Лондоне; зять Огюста Бланки. — 197, 490.

Анфантен (Enfantin), Бартелеми Проспер (1796—1864) — французский социалист-утопист, один из ближайших учеников Сен-Симона; вместе с Базаром возглавлял сен-симонистскую школу. — 36.

Араго (Arago), Доминик Франсуа (1786—1853) — известный французский астроном, физик и математик; буржуазный политический деятель; в период Июльской монархии член палаты депутатов, республиканец; в 1848 г. член временного правительства, активно поддерживал усмирителей июньского восстания парижского пролетариата. — 379, 423.

Аргу (Argout), Антуан Морис Аполлинер, граф *д'* (1782—1858) — французский государственный деятель, в 1830—1834 гг. занимал ряд министерских постов, главный директор Французского банка (1834—1857). — 343.

Аренс (Ahrens), Генрих — немецкий рабочий, вейтлингианец, один из активных деятелей Союза справедливых в Париже. — 38.

Арминий или *Армин* (17 до н. э. — 21 н. э.) — вождь германского племени херусков, возглавивший борьбу германских племен против римлян и нанесший им поражение в 9 г. н. э. в Тевтобургском лесу. — 39, 320.

Аттила (ум. в 453 г.) — вождь гуннов (433—453). — 140.

Б

Байер (Bayer), Карл (1806—1883) — немецкий философ-идеалист. — 355.

Байю (Baillut) — бельгийский демократ, в 1848 г. казначей брюссельской Демократической ассоциации. — 115.

Бакунин, Михаил Александрович (1814—1876) — русский революционер и публицист, участник революции 1848—1849 гг. в Германии; впоследствии один из идеологов народничества и анархизма, в I Интернационале выступал как ярый враг марксизма, на Гаагском конгрессе в 1872 г. исключен из I Интернационала за раскольническую деятельность. — 8, 18, 42. 81, 419.

Бамбергер (Bamberger), Луи — немецкий эмигрант в Лондоне в 50-х годах XIX в., редактор «Deutsche Londoner Zeitung». — 139, 154, 200, 206, 222, 261—263, 265, 267, 318, 332, 456.

Бамбергер (Bamberger), Симон — лондонский банкир, отец Луи Бамбергера. — 205, 261, 263.

Барбару (Barbaroux), Шарль Жан (1767—1794) — деятель французской буржуазной революции конца XVIII в., жирондист. — 37.

Барбес (Barbes), Арман (1809— 1870) — французский революционер, мелкобуржуазный демократ; один из руководителей тайных революционных обществ в период Июльской монархии; активный деятель революции 1848 г., депутат Учредительного собрания, за участие в событиях 15 мая 1848 г. приговорен к пожизненному тюремному заключению, амнистирован в 1854 году; после амнистии эмигрировал и вскоре отошел от политической деятельности. — 173.

Барош (Baroche), Пьер Жюль (1802—1870) — французский политический деятель, юрист, бонапартист, входил в состав ряда кабинетов до и после государственного переворота 2 декабря 1851 года. — 169.

Барро (Barrot), Одилон (1791— 1873) — французский буржуазный политический деятель, до февраля 1848 г. глава либеральной династической оппозиции; в декабре 1848 — октябре 1849 г. возглавлял министерство, опи-

равшееся на контрреволюционный блок монархических фракций. — 99, 133, 339.

Бартелеми (Barthelemy), Эмманюэль (ок. 1820—1855) — французский рабочий, бланкист, участник тайных революционных обществ в период Июльской монархии и июньского восстания 1848 г. в Париже, затем эмигрант в Англии, один из руководителей французского общества эмигрантов-бланкистов в Лондоне; примыкал к сектантско-авантюристской фракции Виллиха— Шаппера; казнен в 1855 г. по обвинению в уголовном преступлении. — 140, 141, 144, 169, 171, 174—175, 179, 185, 190, 191, 197, 198, 200—201, 203, 306, 341, 477—479, 490, 491.

Бартельс (Bartels), Адольф (1801— 1862) — бельгийский мелкобуржуазный публицист, с 1844 по 1846 г. редактор газеты «Debat Social». — 84, 86, 90, 91.

Бартельс (Bartels), Жюль — бельгийский адвокат, мелкобуржуазный демократ; брат Адольфа Бартельса. — 86.

Бастиа (Bastiat), Фредерик (1801— 1850) — французский вульгарный экономист, ярый апологет капитализма. — 333.

Бастид (Bastide), Жюль (1800— 1879) — французский буржуазный политический деятель и публицист; один из редакторов буржуазно-республиканской газеты «National» (1836—1846); министр иностранных дел (май — декабрь 1848). — 63.

Бауэр (Bauer), Бруно (1809— 1882) — немецкий философ-идеалист, один из виднейших младогегельянцев, буржуазный радикал; после 1866 г. национал-либерал. — 6, 18, 26, 78, 320, 355, 357, 360, 364, 370, 374, 375, 382—384.

Бауэр (Bauer), Генрих — видный деятель немецкого рабочего движения, один из руководителей Союза справедливых, член Центрального комитета Союза коммунистов, по профессии сапожник; в 1851 г. эмигрировал в Австралию. — 114, 137, 140, 154, 155, 322, 526.

**Бауэр* (Bauer), Луи — немецкий врач, в 1848 г. депутат прусского Национального собрания от округа Штольце, принадлежал к левому крылу; в 1849 г. переехал в Лондон, где примыкал к буржуазным кругам немецкой эмиграции. — 286, 287, 289, 453, 467.

Бауэр (Bauer), Эдгар (1820—1886) — немецкий публицист, младогегельянец; после революции 1848—1849 гг. эмигрировал в Англию; после амнистии 1861 г. прусский чиновник; брат Бруно Бауэра. — 6, 18, 26, 319, 367, 374.

Баяр (Bayard), Пьер (ок. 1475— 1524) — французский рыцарь, прославлен современниками как образец мужества и благородства, как «рыцарь без страха и упрека». — 171.

Бедекер (Baedeker), Юлиус Теодор (1814—1880) — немецкий прогрессивный издатель и книготорговец, в 1845—1846 гг. издавал журнал «Gesellschaftsspiegel». — 8, 22, 24.

Бёйст (Beust), Фридрих (1817— 1899) — прусский офицер, вышедший в отставку из-за политических убеждений, в 1848 г. член комитета кёльнского Рабочего союза, один из редакторов «Neue Kolnische Zeitung» (сентябрь 1848 — февраль 1849), в октябре 1848 г. делегат второго демократического конгресса в Берлине от кёльнского Рабочего союза, где отстаивал программу, почти целиком совпадающую с «Требованиями Коммунистической партии в Германии»; в 1849 г. участник баденско-пфальцского восстания; после революции эмигрировал в Швейцарию. — 438.

Бек (Beck), Вильгельмина (ум. в 1851 г.) — австрийская авантюристка, выдававшая себя за баронессу и политического осведоми-

теля Кошута; агент австрийской и английской полиции. — 207, 213, 299.

Беккер (Becker), Август (1814— 1871) — немецкий публицист, член Союза справедливых в Швейцарии, сторонник Вейтлинга; участник революции 1848—1849 гг. в Германии; в начале 50-х годов эмигрировал в США, где сотрудничал в демократических газетах. — 38.

**Беккер* (Becker), Герман Генрих («Красный Беккер») (1820— 1885) — немецкий юрист и публицист, один из руководителей Союза рабочих и работодателей в Кёльне, член Рейнского окружного комитета демократов; издатель «Westdeutsche Zeitung» (май 1849 — июль 1850); член Союза коммунистов с 1850 г., один из подсудимых на кёльнском процессе коммунистов (1852); впоследствии национал-либерал. — 127, 155, 156, 171, 172, 197, 203, 220, 221, 233, 243, 245, 451, 463, 473—474, 476—480, 505, 510, 534.

Беккер (Becker), Иоганн Филипп (1809—1886) — рабочий-щеточник, участник демократического движения 30—40-х годов в Германии и Швейцарии; в качестве офицера швейцарской армии участвовал в войне против Зондербунда; активный деятель революции 1848—1849 годов; во время баденско-пфальцского восстания командовал баденским народным ополчением; после революции 1848—1849 гг. переходит на позиции пролетарского коммунизма, в 60-х годах активный деятель I Интернационала, участник всех его конгрессов; друг и соратник Маркса и Энгельса. — 216, 457.

Беккер (Becker), Макс Йозеф (ум. в 1896 г.) — инженер из Рейнской области, мелкобуржуазный демократ, участник баденско-пфальцского восстания 1849 г., после его поражения эмигрировал в Швейцарию, затем в США. — 183, 497.

Беккерат (Beckerath), Герман (1801—1870) — немецкий банкир, один из лидеров рейнской буржуазии; депутат франкфуртского Национального собрания, принадлежал к правому центру, в августе — сентябре 1848 г. министр финансов имперского правительства. — 256, 501.

Бёлер (Bohler) — немецкий эмигрант в Лондоне в 50-х годах XIX века. — 286.

Бем (Bem), Юзеф (1795—1850) — польский генерал, деятель национально-освободительного движения, участник восстания 1830—1831 годов; в 1848 г. участвовал в революционной борьбе в Вене; один из руководителей революционной армии в Венгрии; затем служил в турецкой армии. — 172, 173, 176, 485.

Бентам (Bentham), Иеремия (1748—1832) — английский буржуазный социолог, теоретик утилитаризма. — 11, 26.

Беранже (Beranger), Пьер Жан (1780—1857) — крупнейший французский поэт-демократ, автор политических сатир. — 36.

Бергенрот (Bergenroth), Густав Адольф (1813—1869) — немецкий историк и публицист, мелкобуржуазный демократ, участник революции 1848—1849 гг., в 1850 г. эмигрировал из Германии. — 22, 23.

Бермбах (Bermbach), Адольф (1821—1875) — юрист в Кёльне, демократ, депутат франкфуртского Национального собрания; свидетель защиты на кёльнском процессе коммунистов (1852), корреспондент Маркса; впоследствии либерал. — 253, 254, 258.

Бернадот (Bernadotte), Жан Батист Жюль (1763—1844) — французский маршал; позднее король Швеции и Норвегии (1818—1844) под именем Карла XIV Иоанна. — 373.

Бернайс (Bernays), Карл Людвиг (1815—1879) — немецкий радикальный публицист, в 1844 г. входил в редакцию газеты немец-

ких эмигрантов в Париже «Vorwarts!», издававшейся при непосредственном участии Маркса; после революции 1848—1849 гг. эмигрировал в США. — 6, 9, 17, 18, 24, 32, 34, 35, 38, 40, 42, 46, 50—51, 66, 68, 73—75, 78—80, 82, 93—94, 111, 388, 414.

Бернар (Bernard), Симон Франсуа («Бернар-клубист») (1817— 1862) — французский политический деятель, республиканец; после поражения революции 1848 г. эмигрировал в Англию; в 1858 г. был обвинен французским правительством за участие в покушении Орсини на Наполеона III, оправдан английским судом. — 343.

Бёрне (Borne), Людвиг (1786— 1837) — немецкий публицист и критик, один из видных представителей радикальной мелкобуржуазной оппозиции; к концу жизни сторонник христианского социализма. — 393.

Бёрнс (Burns), Лидия (Лиззи) (1827—1878) — ирландская работница, участница ирландского национально-освободительного движения; вторая жена Фридриха Энгельса; сестра Мери Бёрнс. — 155.

Бёрнс (Burns), Мери (ум. в 1863 г.) — ирландская работница, первая жена Фридриха Энгельса. — 107, 155. 161, 246, 392.

Бёрнштейн (Bornstein), Арнольд Бернхард Карл (1808—1849) — немецкий мелкобуржуазный демократ, один из руководителей добровольческого легиона из немецких эмигрантов в Париже, принявшего участие в баденском восстании в апреле 1848 года.— 526.

**Бёрнштейн* (Bornstein), Генрих (1805—1892) — немецкий публицист, буржуазный демократ; с 1842г. жил в Париже, в 1844г. основатель и один из редакторов газеты «Vorwarts!», в 1849 г. эмигрировал в США; брат Арнольда Бернхарда Карла Бёрнштейна. — 34, 66, 73, 74, 79, 80, 94, 384—387.

Бертольд (Berthold), Отто — бывший прусский унтер-офицер, после революции 1848—1849 гг. был связан с Виллихом и Шаппером. — 326, 327, 330.

Берье (Berryer), Пьер Антуан (1790—1868) — французский адвокат и политический деятель, в период Второй республики депутат Учредительного и Законодательного собраний, легитимист. — 327, 340.

Бета (Beta), Генрих (псевдоним *Бетциха)* — немецкий журналист, мелкобуржуазный демократ, эмигрант в Лондоне, сторонник Кинкеля. — 505.

Бидерман (Biedermann), Карл (1812—1901) — немецкий буржуазный историк и публицист, умеренный либерал; в 1848 г. депутат франкфуртского Национального собрания, принадлежал к центру; впоследствии национал-либерал. — 44.

Блан (Blanc), Луи (1811—1882) — французский мелкобуржуазный социалист, историк; в 1848 г. член временного правительства и председатель Люксембургской комиссии; стоял на позициях соглашательства с буржуазией; в августе 1848 г. эмигрировал в Англию, один из руководителей мелкобуржуазной эмиграции в Лондоне. — 71, 80, 92—96, 98, 99, 101, 102, 105, 106, 108—111, 168, 170—174, 179—182, 184, 189—191, 197, 200, 201. 203, 218, 220, 222, 275, 279, 281, 284, 341—344, 346, 349, 378, 423— 424, 454, 477—479, 490, 491, 516.

Бланк (Blank), Вильгельм (1821— 1892) — школьный товарищ Фридриха Энгельса, впоследствии коммерсант. — 7.

**Бланк* (Blank), Карл Эмиль (1817—1893) — немецкий купец, в 40—50-х годах был близок к социалистическим взглядам; зять Фридриха Энгельса. — 5, 19, 30, 119, 121, 131, 154, 389, 390, 392, 421—428, 474—475, 517.

**Бланк* (Blank), Мария (1824— 1901) — сестра Фридриха Энгельса, с 1845 г. жена Карла Эмиля Бланка. — 5, 388—390, 422, 427, 428, 475, 516—517.

Бланки (Blanqui), Луи Огюст (1805—1881) — французский революционер, коммунист-утопист, организатор ряда тайных обществ и заговоров; активный участник революций 1830 и 1848 годов; виднейший руководитель пролетарского движения во Франции; неоднократно приговаривался к тюремному заключению. — 173, 197, 198, 200, 201, 222, 490.

**Блинд* (Blind), Карл (1826— 1907) — немецкий журналист, мелкобуржуазный демократ, участник революционного движения в Бадене в 1848—1849 годах; в 50-х годах один из лидеров немецкой мелкобуржуазной эмиграции в Лондоне; позднее национал-либерал. — 129, 319, 320, 323. 451, 471—472.

Блос (B1os), Рудольф Куно —немецкий ремесленник-гравер, участник демократического движения 40-х годов XIX века. — 116, 118.

Блюнчли (Bluntschli), Иоганн Каспар (1808—1881) — швейцарский юрист и реакционный политический деятель; один из организаторов полицейского преследования участников революционного движения; член созданной в 1843 г. швейцарским правительством комиссии по расследованию деятельности немецких эмигрантов в Швейцарии и составитель опубликованного в 1843 г. отчета этой комиссии. — 378.

Блюхер (Blucher), Гебхард Леберехт (1742—1819) — прусский генерал-фельдмаршал, в 1793— 1794 гг. участвовал в войне против Французской республики, в 1806, 1813—1814 и 1815 гг. командовал войсками в войнах против наполеоновской Франции. — 527.

Бонштедт (Bohnstedt) — немецкий юрист, мелкобуржуазный демократ, в 1848 г. один из акционеров «Neue Rheinische Zeitung». — 121.

Боркхейм (Borkheim), Сигизмунд Людвиг (1825—1885) — немецкий журналист, участник баденско-пфальцского восстания 1849 г., после поражения которого эмигрировал из Германии, с 1851 г. купец в Лондоне; в начале 50-х годов примыкал к лондонской мелкобуржуазной эмиграции; с 1860 г. находился в дружеских отношениях с Марксом и Энгельсом. — 286.

Борн (Born), Стефан (настоящее имя Симон *Буттермильх)* (1824— 1898) — немецкий рабочий-наборщик, член Союза коммунистов, во время революции 1848— 1849 гг. в Германии выступил как один из ранних представителей реформизма в германском рабочем движении; после революции отошел от рабочего движения. — 96—97, 105—107, 526.

**Борнштедт* (Bornstedt), Адальберт (1808—1851) — немецкий публицист, мелкобуржуазный демократ; основатель и редактор «Deutsche-Brusseler-Zeitung» (1847—1848), после февральской революции 1848 г. один из руководителей Немецкого демократического общества в Париже; член Союза коммунистов, исключен из Союза в марте 1848 года; один из организаторов добровольческого легиона немецких эмигрантов в Париже, принявшего участие в баденском восстании в апреле 1848 года; как стало известно впоследствии, был связан с полицией. — 83—91, 96, 100, 107—110, 115, 118, 415, 425, 526.

Брауншвейгский (Braunschweig), Карл-Фридрих-Август-Вильгельм (1804—1873) — герцог Брауншвейгский с 1823 г., свергнут в начале сентября 1830 г., эмигрировал из страны; пытался вернуться к власти с помощью ряда европейских государств; в 40—

50-х годах поддерживал связь с демократическими элементами эмиграции, издавал «Deutsche Londoner Zeitung». — 143, 500.

Брей (Bray), Джон Фрэнсис (1809— 1895) — английский экономист, социалист-утопист, последователь Оуэна; по профессии типографский рабочий. — 75.

Брейер (Breyer), Фридрих Альберт (1812—1876) — немецкий либерал, в 40-х годах врач в Брюсселе, член брюссельской Демократической ассоциации. — 82, 114, 115, 117.

Бремер (Bremer), Фредрика (1801— 1865) — шведская буржуазная писательница, создательница жанра так называемого шведского семейного романа. — 71.

Брентано (Brentano), Лоренц (1813—1891) — баденский мелкобуржуазный демократ, по профессии адвокат; в 1848 г. депутат франкфуртского Национального собрания, принадлежал к левому крылу; в 1849 г. стоял во главе баденского временного правительства, после поражения баденско-пфальцского восстания эмигрировал в Швейцарию, затем в США. — 499.

Брикур (Bricourt), Жан Жозеф (1805—1857) — бельгийский судебный чиновник, буржуазный демократ, в 1847—1848 гг. член палаты представителей. — 117.

Брокгауз (Brockhaus), Генрих (1804—1874) — немецкий издатель, владелец книготорговли и издательства в Лейпциге. — 46.

Брольи (Broglie), Ашиль Шарль Леон Виктор, герцог (1785— 1870) — французский государственный деятель, премьер-министр (1835—1836), депутат Законодательного собрания (1849— 1851), орлеанист. — 327.

Брун (Bruhn), Карл (род. в 1803 г.) — немецкий журналист, член Союза коммунистов, из которого был в 1850 г. исключен; сторонник сектантско-авантюристской фракции Виллиха—Шаппера; впоследствии сторонник Лассаля. — 498, 528.

Брут (Марк Юний Брут) (ок. 85—42 до н. э.) — римский политический деятель, один из инициаторов аристократического республиканского заговора против Юлия Цезаря. — 173, 219, 303.

Брюггеман (Bruggemann), Карл Генрих (1810—1887) — немецкий буржуазный публицист, либерал; в 1845—1855 гг. главный редактор «Kolnische Zeitung». — 219, 300.

Буль (Buhl), Людвиг (1814 — начало 80-х годов) — немецкий публицист, младогегельянец. — 11.

Бунзен (Bunsen), Христиан Карл Йозиас, барон (1791—1860) — прусский дипломат, публицист и теолог, близкий к прусским придворным кругам, посол в Лондоне (1842—1854). — 266.

Бурбоны — королевская династия во Франции (1589—1792, 1814— 1815 и 1815—1830). — 81.

Бухер (Bucher), Лотар (1817— 1892) — прусский чиновник, публицист; в 1848 г. депутат прусского Национального собрания, принадлежал к левому центру; после поражения революции 1848—1849 гг. эмигрант в Лондоне; впоследствии национал-либерал, сторонник Бисмарка. — 183, 200, 203, 290, 295.

Буц (Butz) — немецкий издатель в Хагене в 40-х годах XIX века.—16.

Бюжо де ла Пиконри (Bugeaud de la Piconnerie), Тома Робер (1784—1849) — французский маршал; орлеанист, член палаты депутатов в период Июльской монархии, командовал войсками, подавившими республиканское восстание в Париже в 1834 г., один из организаторов завоевательных войн в Алжире и Марокко, в 1841—1847 гг. генерал-губернатор Алжира, в 1848—1849 гг. главнокомандующий альпийской армией, депутат Законодательного собрания. — 424.

Бюлов (Bulow), Дитрих Генрих (1757—1808) — прусский офицер и военный писатель. — 211.

Бюлов (Bulow), Фридрих Вильгельм, граф *Денневиц* (1755— 1816) — прусский генерал, участник войн против наполеоновской Франции. — 211.

Бюлов-Куммеров (Bulow-Cummerow), Эрнст Готфрид Георг (1775—1851) — немецкий реакционный публицист и политический деятель, выразитель взглядов прусского юнкерства. — 358.

Бюргерс (Burgers), Генрих (1820— 1878) — немецкий радикальный публицист, сотрудник «Rheinische Zeitung» (1842—1843), в 1848 г. член кёльнской общины Союза коммунистов, один из редакторов «Neue Rheinische Zeitung»; с 1850 г. член Центрального комитета Союза коммунистов, на кёльнском процессе коммунистов (1852) приговорен к шести годам тюремного заключения; впоследствии прогрессист. — 9, 24, 26, 27, 47, 89, 112, 118, 121, 127, 225, 229, 243, 245, 246, 250, 255, 333, 385, 397, 413, 473, 482.

Бюше (Buchez), Филипп (1796— 1865) — французский политический деятель и историк, буржуазный республиканец, один из идеологов христианского социализма. — 36.

В

Валлау (Wallau), Карл (1823— 1877) — немецкий эмигрант в Брюсселе, в 1848 г. член Центрального комитета Союза коммунистов, председатель майнцского Рабочего просветительного союза; впоследствии обер-бургомистр Майнца. — 84—89, 91, 114, 526.

Вальдек (Waldeck), Бенедикт Франц Лео (1802—1870) — немецкий политический деятель, буржуазный радикал, по профессии юрист; в 1848 г. один из руководителей левого крыла и заместитель председателя прусского Национального собрания; впоследствии прогрессист. — 259.

Вальтр (Walthr), Фридрих (род. в 1810 г.) — немецкий журналист, мелкобуржуазный демократ, в середине 40-х годов примыкал к «истинным социалистам»; редактор (1846—1851) и издатель «Trier'sche Zeitung». — 49—50.

Варскироский (Warskiroski), Конст. — польский эмигрант, в начале 50-х годов XIX в. член постоянной комиссии секции польской демократии в Лондоне. — 141.

Вебер (Weber), Георг — немецкий врач, деятель демократического движения 40-х годов XIX века; сотрудник газеты «Vorwarts!»; один из организаторов корреспондентского комитета в Киле; в 40-х годах друг Маркса и Энгельса; в 50-х годах эмигрировал в США, затем вернулся в Германию. — 47.

Веерт (Weerth), Георг (1822— 1856) — немецкий пролетарский поэт и публицист, член Союза коммунистов, в 1848—1849 гг. один из редакторов «Neue Rheinische Zeitung»; друг Маркса и Энгельса. — 86, 90, 105, 118, 122, 132, 157, 161, 197, 198, 221, 254, 257, 284, 294, 319, 323, 326, 327, 329—331, 334, 350, 413, 437—438, 454, 457, 458, 492, 496, 510, 519.

**Вейдемейер* (Weydemeyer), Иосиф (1818—1866) — видный деятель немецкого и американского рабочего движения; в 1846—1847 гг. «истинный социалист», под влиянием Маркса и Энгельса перешел на позиции научного коммунизма, член Союза коммунистов; участник революции 1848— 1849 гг. в Германии, один из ответственных редакторов «Neue Deutsche Zeitung» (1849—1850); после поражения революции эмигрировал в США, участник Гражданской войны на стороне северян; положил начало пропаганде марксизма в США; друг и соратник Маркса и Энгельса. — 32, 45,

50, 142, 212, 246, 254, 264, 265, 282, 318, 331, 338, 349—351, 398, 441, 442, 447—448, 450— 451, 453—456, 459—460, 464— 470, 472—473, 483—489, 492—498, 506—512, 518—521, 526—533, 535.

Вейдемейер (Weydemeyer), Луиза — жена Иосифа Вейдемейера. — 448, 451, 455, 460, 464, 466, 470, 473, 494, 508, 509, 519, 527—529, 532, 533.

Вейль (Weill), Александр (1811— 1899) — немецкий журналист, буржуазный демократ, в 40-х годах эмигрант во Франции. — 33, 379.

Вейс (Weiss), Зигфрид (род. в 1822 г.) — немецкий публицист, мелкобуржуазный демократ. — 160.

Вейс (Weis), Теодор (1813—1890) — австрийский чиновник, в 50-х годах полицейдиректор в Вене. — 318.

Вейтлинг (Weitling), Вильгельм (1808—1871) — видный деятель рабочего движения Германии в период его зарождения, один из теоретиков утопического уравнительного коммунизма; по профессии портной. — 35, 38, 44, 57, 62. 65, 68, 183, 215, 519—520.

Веллингтон (Wellington), Артур *Уэлсли,* герцог (1769—1852) —английский полководец и государственный деятель, тори; в 1808— 1814 и 1815 гг. командовал войсками в войнах против наполеоновской Франции; премьер-министр (1828—1830), министр иностранных дел (1834—1835). — 189, 213, 214, 225, 231.

Велькер (Welcker), Карл Теодор (1790—1869) — немецкий юрист, либеральный публицист; в 1848— 1849 гг. депутат франкфуртского Национального собрания, принадлежал к правому центру. — 204.

Венедей (Venedey), Якоб (1805— 1871) — немецкий радикальный публицист, в 1848—1849 гг. депутат франкфуртского Национального собрания, принадлежал к левому крылу; после революции 1848—1849 гг. либерал. — 95.

Верон (Veron), Луи Дезире (1798— 1867) — французский журналист и политический деятель, до 1848 г. орлеанист, затем бонапартист; владелец газеты «Constitutionnel». — 327.

Вестфален (Westphalen), Каролина фон (ум. в 1856 г.) — мать Женни Маркс. — 205, 374, 383, 510.

Вестфален (Westphalen), Людвиг фон (1770—1842) — тайный советник в Трире, отец Женни Маркс. — 356, 357.

Вестфален (Westphalen), Фердинанд фон (1799—1876) — прусский государственный деятель, министр внутренних дел (1850— 1858), реакционер; сводный брат Женни Маркс. — 219, 233, 360, 505.

Вестфален (Westphalen), Эдгар фон (1819 — ок. 1890) — брат Женни Маркс; в 1846 г. входил в Брюссельский коммунистический корреспондентский комитет. — 8, 82, 205, 510.

Виганд (Wigand), Отто (1795— 1870) — немецкий издатель и книготорговец, владелец фирмы в Лейпциге, издававшей произведения радикальных писателей. — 11, 23, 25, 36—37. 51, 355, 398.

Видаль (Vidal), Франсуа (1814— 1872) — французский экономист, мелкобуржуазный социалист, в 1848 г. секретарь Люксембургской комиссии, депутат Законодательного собрания (1850— 1851). — 102.

Видиль (Vidil), Жюль — французский офицер, социалист, член комитета французского общества эмигрантов-бланкистов в Лондоне; после раскола Союза коммунистов в 1850 г. был связан с сектантско-авантюристской фракцией Виллиха—Шаппера. — 141, 191, 200, 201, 203, 478, 479, 490, 491.

Виктор-Эммануил II (1820— 1878) — сардинский король (1849—1861), итальянский король (1861—1878). — 317.

Виктория (1819—1901) — английская королева (1837—1901). — 323.

Виллизен (Willisen), Вильгельм (1790—1879) — прусский генерал и военный теоретик; в 1848 г. королевский комиссар в Познани, в 1850 г. главнокомандующий шлезвиг-гольштейнской армией в войне против Дании. — 485.

Виллих (Willich), Август (1810— 1878) — прусский офицер, вышедший в отставку по политическим убеждениям, член Союза коммунистов, участник баденско-пфальцского восстания 1849 года; один из лидеров сектантско-авантюристской фракции, отколовшейся от Союза коммунистов в 1850 году; в 1853 г. эмигрировал в США, участник Гражданской войны на стороне северян. — 112, 116, 132, 141, 143, 154, 169, 171—175, 184, 185, 191, 195, 197—199, 202—204, 215, 216, 222, 226, 234, 235, 237—239, 246, 250, 256, 274, 282, 286— 289, 291—296, 303, 304, 306—307, 309, 313—315, 318, 319, 326, 327, 330, 339, 342, 443, 444, 447, 449, 450, 452, 454, 458, 463, 476—479, 486—491, 493, 494, 498, 499, 501, 503, 504, 513, 515, 534.

Вильгельм I (1797—1888) — принц Прусский, принц-регент (1858— 1861), прусский король (1861— 1888), германский император (1871—1888). — 219.

Вильгельми (Wilhelmi), Франц — немецкий мелкобуржуазный демократ, участник революции 1848—1849 гг. в Германии, после поражения революции эмигрировал в США, участник Гражданской войны на стороне северян.— 160.

Висс (Wis), Э. — немецкий врач и журналист, младогегельянец, мелкобуржуазный демократ, с начала 50-х годов XIX в. эмигрант в США; сторонник Кинкеля. — 337.

Витхауз (Wiethaus) — прусский чиновник, в конце 1842 — начале 1843 г. цензор «Rheinische Zeitung». — 371.

Вобан (Vauban), Себастьян ле Претр (1633—1707) — французский маршал, военный инженер, автор ряда работ по фортификации и теории осады. — 484.

Волабель (Vaulabelle), Ашиль *де* (1799—1879) — французский историк и политический деятель, умеренный, буржуазный республиканец; в 1848—1849 гг. член Учредительного собрания и министр просвещения в министерстве Кавеньяка. — 80—81.

Вольтер (Voltaire), Франсуа Мари (настоящая фамилия *Аруэ)* (1694—1778) — французский философ-деист, писатель-сатирик, историк, видный представитель буржуазного Просвещения XVIII в., боролся против абсолютизма и католицизма. — 359.

**Вольф* (Wolff), Вильгельм («Лупус») (1809—1864) — немецкий пролетарский революционер и публицист, по профессии учитель, сын силезского крепостного крестьянина; участник студенческого движения, в 1834—1839 гг. находился в заключении в прусских казематах, в 1846—1847 гг. член Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета, с марта 1848 г. член Центрального комитета Союза коммунистов, в 1848—1849 гг. один из редакторов «Neue Rheinische Zeitung», депутат франкфуртского Национального собрания; друг и соратник Маркса и Энгельса. — 82, 84, 85, 87, 90, 96, 100, 105, 106, 111—112, 114, 132, 134, 135, 188, 215, 217, 220, 225, 238, 250—252, 256, 262, 263, 265, 274, 285, 296, 314, 337, 351. 438, 457, 480—482, 486, 489. 493, 495—497, 504, 506, 510, 511, 519, 526.

Вольф (Wolf), Фердинанд («Красный Вольф») (1812—1895) — немецкий публицист, в 1846—1847 гг. член Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета, член Союза коммунистов,

в 1848—1849 гг. один из редакторов «Neue Rheinische Zeitung»; после революции 1848—1849 гг. эмигрировал из Германии; во время раскола Союза коммунистов в 1850 г. сторонник Маркса; впоследствии отошел от политической деятельности. — 87—90, 107, 132, 134, 146, 171, 192, 197, 200, 204, 267, 319, 323, 339, 454, 457, 458, 492, 519, 534, 535.

Вурм (Wurm), Густав (1819—1888) — школьный товарищ Энгельса, впоследствии филолог. — 6.

Г

Габсбург — см. *Франц-Иосиф I.*

Гайнау (Haynau), Юлиус Якоб (1786—1853) — австрийский фельдмаршал, жестоко подавивший революционное движение в Италии и Венгрии в 1848—1849 годах. — 185, 478, 516.

Галер (Galeer), Альберт (1816— 1851) — швейцарский учитель и литератор; мелкобуржуазный демократ, участник войны против Зондербунда в Швейцарии в 1847 г. и баденско-пфальцского восстания 1849 года. — 201, 489.

**Гарни* (Harney), Джордж Джулиан (1817—1897) — видный деятель английского рабочего движения, один из вождей левого крыла чартизма; редактор «Northern Star», «Democratic Review», «Friend of the People», «Red Republican» и других чартистских изданий; был связан с Марксом и Энгельсом. — 65, 68, 69, 93, 100, 114, 133, 136—138, 143, 153, 155, 157, 160, 167, 168, 172—176, 178—186, 189—198, 224, 238, 264, 321, 324, 331, 427, 452—453, 478, 489, 490, 509, 526, 534.

Гарни (Harney), Мери (ум. в 1853 г.) — жена Джорджа Джулиана Гарни. — 155, 172, 182, 189, 224.

Гарнье-Пажес (Garnier-Pages), Луи Антуан (1803—1878) — французский политический деятель, умеренный, буржуазный республиканец, в 1848 г. член временного правительства и мэр Парижа. — 423.

Гацфельдт (Hatzfeldt), Софья, графиня (1805—1881) — друг и сторонница Лассаля. — 418, 445.

Гацфельдт-Вильденбург (Hatzfeldt-Wildenburg), Эдмунд, граф (род. в 1798 г.) — муж Софьи Гацфельдт. — 418.

Геберт. (Gebert), Август — столяр из Мекленбурга, член Союза коммунистов в Швейцарии, переехал затем в Лондон, после раскола Союза в 1850 г. принадлежал к сектантско-авантюристской фракции Виллиха—Шаппера, член ее Центрального комитета. — 141, 202, 215, 246, 491.

Гёгг (Goegg), Амандус (1820— 1897) — немецкий журналист, мелкобуржуазный демократ, в 1849 г. член баденского временного правительства, после поражения революции эмигрировал из Германии; в 70-х годах примкнул к германской социал-демократии. — 234, 236, 250, 251, 257, 286, 288—291, 296, 472, 494, 501.

Гегель (Hegel), Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831) — крупнейший представитель классической немецкой философии, объективный идеалист, наиболее всесторонне разработал идеалистическую диалектику; идеолог немецкой буржуазии. — 12, 13, 143, 279, 333, 335, 341, 356, 359, 368, 403.

Гейгер (Geiger), Вильгельм Арнольд — прусский полицейский чиновник, в 1848 г. судебный следователь, затем полицейдиректор в Кёльне. — 436.

**Гейне* (Heine), Генрих (1797— 1856) — великий немецкий революционный поэт. — 44, 73—74, 77, 97, 101, 107, 133, 154, 274, 334, 343, 349, 350, 369, 384, 386—388, 393, 504.

Гейне (Heine), Матильда (1815— 1883) — жена Генриха Гейне. — 387.

Гейнцен (Heinzen), Карл (1809— 1880) — немецкий публицист

радикального направления, мелкобуржуазный демократ, выступал против Маркса и Энгельса; участвовал в баденско-пфальцском восстании 1849 г., затем эмигрировал в Швейцарию, а потом в Англию; осенью 1850 г. окончательно переселился в США. — 84, 87, 97, 107, 124, 183, 199, 200, 221, 222, 240, 254, 263. 266—267, 273, 274, 288, 296— 298, 304, 319, 326, 349, 350, 396, 455—457, 482, 487, 493, 497, 506, 511, 513, 528.

Геккер (Hecker) — немецкий демократ в Эльберфельде в 1848 году. — 118, 121.

**Гервег* (Herwegh), Георг (1817— 1875) — известный немецкий поэт, мелкобуржуазный демократ; после февральской революции 1848 г. один из руководителей Немецкого демократического общества в Париже, один из организаторов добровольческого легиона из немецких эмигрантов в Париже, принявшего участие в баденском восстании в апреле 1848 года; впоследствии примкнул к Лассалю. — 107, 115, 369, 370, 372, 387, 388, 414— 419, 425, 526.

Гервег (Herwegh), Эмма (1817— 1904) — жена Георга Гервега. — 416, 419.

Гёргей (Gorgey), Артур (1818— 1916) — военный деятель венгерской революции 1848—1849 гг., главнокомандующий венгерской армией (апрель — июнь 1849); опирался на реакционное офицерство и контрреволюционную часть буржуазии, саботировал революционную войну. — 210, 446.

Гёрингер (Goringer), Карл (род. ок. 1808 г.) — баденский трактирщик, участник революционного движения в Бадене в 1848— 1849 гг., после поражения революции эмигрировал в Англию; член Союза коммунистов, после раскола Союза принадлежал к сектантско-авантюристской фракции Виллиха—Шаппера; владелец трактира в Лондоне, где собирались немецкие мелкобуржуазные эмигранты. — 202, 215, 221, 237, 286, 320, 322, 326, 329, 333.

Герке (Gehrke) — немецкий эмигрант в Лондоне в 50-х годах XIX века. — 286.

Герлах (Gerlach), фон — один из представителей прусской реакционной бюрократии; регирунгспрезидент в Кёльне (1839— 1844). — 371.

Гермес (Hermes), Карл Генрих (1800— 1856) — немецкий реакционный публицист, в 1842 г. один из редакторов «Kolnische Zeitung»; тайный агент прусского правительства. — 364, 367.

**Гёрц* (Gortz) — прусский чиновник, обербургомистр Трира в 40-х годах XIX века. — 525, 526.

Герье (Guerrier) — французский социалист, друг Августа Германа Эвербека, в 40-х годах XIX в. был близок к Марксу и Энгельсу. — 8, 18, 381.

**Гесс* (Hes), Мозес (1812—1875) — немецкий мелкобуржуазный публицист, в середине 40-х годов один из главных представителей «истинного социализма»; после раскола Союза коммунистов примыкал к сектантско-авантюристской фракции Виллиха—Шаппера; в 60-х годах лассальянец. — 6, 7, 9, 11, 12, 15, 16, 20—24, 26—28, 30, 32, 34, 43, 44, 46, 57, 59, 73—77, 81, 82, 87, 88, 96, 97, 102, 106—109, 114, 117, 119, 379, 387, 396— 398, 413, 416, 492, 534.

Гесс (Hes), Сибилла, урожденная *Пеш* (1820—1903) — жена Мозеса Гесса. — 30, 34, 43, 396, 492, 534.

Гёте (Goethe), Иоганн Вольфганг (1749— 1832) — великий немецкий писатель и мыслитель. — 46, 76, 153, 155, 320, 359.

Гизо (Guizot), Франсуа Пьер Гийом (1787—1874) — французский буржуазный историк и государственный деятель, с 1840 до февральской революции 1848 г. фактически руководил внутренней

и внешней политикой Франции, выражал интересы крупной финансовой буржуазии. — 33, 129.

Гирш (Hirsch), Вильгельм — приказчик из Гамбурга, в начале 50-х годов XIX в. прусский полицейский агент в Лондоне. — 338.

Годвин (Godwin), Уильям (1756— 1836) — английский мелкобуржуазный писатель и публицист, рационалист, один из родоначальников анархизма. — 25—26.

Гольдхейм (Goldheim) — прусский полицейский офицер, в начале 50-х годов XIX в. один из тайных агентов прусской полиции в Лондоне. — 227.

Гомер — полулегендарный древнегреческий эпический поэт, автор «Илиады» и «Одиссеи». — 293, 362.

Гораций (Квинт Гораций Флакк) (65—8 до н. э.) — выдающийся римский поэт. — 56, 234.

Готшальк (Gottschalk), Андреас (1815— 1849) — немецкий врач, член кёльнской общины Союза коммунистов; в апреле — июне 1848 г. председатель кёльнского Рабочего союза; боролся с мелкобуржуазных, сектантских позиций против стратегии и тактики Маркса и Энгельса в германской революции. — 112, 125, 230, 419.

Грей (Grey), Джордж (1799— 1882) — английский государственный деятель, виг, министр внутренних дел (1846—1852, 1855—1858 и 1861—1866) и министр колоний (1854—1855). — 227.

Греппо (Greppo), Жан Луи (1810— 1888) — французский политический деятель, мелкобуржуазный социалист, участник восстаний в Лионе в 1831 и 1834 гг., в период Второй республики депутат Учредительного и Законодательного собраний. — 479.

Грехем (Graham), Джемс Роберт Джордж (1792—1861) — английский государственный деятель, пилит; в 1841—1846 гг. министр внутренних дел в кабинете Пиля. — 227.

Гросс (Gross), Магнус — немецкий публицист, мелкобуржуазный демократ, в 50-х годах XIX в. эмигрант в США. — 151—152, 157, 160.

Груши (Grouchy), Эмманюэль, маркиз (1766—1847) — маршал и пэр Франции, участник наполеоновских войн. — 424.

Грюн (Grun), Карл (1817—1887) — немецкий мелкобуржуазный публицист, в середине 40-х годов один из главных представителей «истинного социализма»; в период революции 1848—1849 гг. выступал как мелкобуржуазный демократ, депутат прусского Национального собрания. — 9, 31— 32, 37—41, 43, 49, 50, 58—61, 63— 68, 76, 77, 80—82, 250, 395.

Губиц (Gubitz), Фридрих Вильгельм (1786—1870) — немецкий буржуазный писатель и гравер по дереву, с 1817 г. издатель газеты «Gesellschafter». — 505.

Гуте (Goute) — французский эмигрант, в начале 50-х годов XIX в. член комитета французского общества эмигрантов-бланкистов в Лондоне. — 141,142,144.

Гутенберг (Gutenberg), Иоганн (ок. 1400— 1468) — выдающийся немецкий изобретатель, создатель европейского способа книгопечатания. — 297.

Гуцков (Gutzkow), Карл (1811— 1878) — немецкий писатель, один из представителей литературной группы «Молодая Германия»; в 1838—1842 гг. редактор журнала «Telegraph fur Deutschland». — 393.

Гюмпель (Gumpel), Иоганн Генрих — немецкий рабочий, в начале 50-х годов XIX в. эмигрант в Лондоне. — 338.

Гюнтер (Gunther), Георг — немецкий журналист, мелкобуржуазный демократ, в 1849—1850 гг. один из редакторов «Neue Deutsche Zeitung», в 50-х годах XIX в. эмигрант в Лондоне. — 172.

Д

Дамм (Damm) — немецкий мелкобуржуазный демократ; в 1849 г. председатель баденского Учре-

дительного собрания; впоследствии эмигрировал в Англию. — 286.

Дана (Dana), Чарлз Андерсон (1819—1897) — американский прогрессивный журналист, один из редакторов газеты «New-York Daily Tribune» и «Новой американской энциклопедии». — 303, 337, 342, 494, 508, 518, 519.

**Даниельс* (Daniels), Амалия (1820—1895) — жена Роланда Даниельса. — 508.

**Даниельс* (Daniels), Роланд (1819— 1855) — немецкий врач, член кёльнской общины Союза коммунистов, с 1850 г. член кёльнского Центрального комитета Союза, один из подсудимых на кёльнском процессе коммунистов (1852), оправдан судом присяжных; друг Маркса и Энгельса. — 46, 112, 189, 207, 212, 219, 221, 242, 243, 245, 246, 250, 258, 323, 396, 413, 452, 482, 483, 486, 508.

Данте Алигьери (Dante Alighieri) (1265—1321) — великий итальянский поэт. — 319—320, 362.

Дантон (Danton), Жорж Жак (1759—1794) — один из видных деятелей французской буржуазной революции конца XVIII в., вождь правого крыла якобинцев. — 37, 341.

Дараш (Darasz), Альберт (1808— 1852) — деятель польского национально-освободительного движения, участник восстания 1830—1831 гг., активный деятель демократических организаций польской эмиграции, член Центрального комитета европейской демократии. — 144.

Дауль (Daul), А. — немецкий мелкобуржуазный демократ, участник баденско-пфальцского восстания 1849 года. — 457.

Дёблер (Dobler), Людвиг (1801— 1864) — австрийский иллюзионист, демонстрировал «туманные картины». — 244.

Деккер (Decker) — немецкий мелкобуржуазный демократ, после февральской революции 1848 г. член Немецкого демократического общества в Париже. — 526.

Деккер (Decker), Карл (1784— 1844) — немецкий генерал и военный писатель. — 213, 496.

Делессер (Delessert), Габриель (1786—1858) — префект полиции в Париже (1836—1848). — 67, 68.

Дембинский (Dembinski), Генрик (1791—1864) — польский генерал, деятель национально-освободительного движения, участник восстания 1830—1831 гг., один из руководителей революционной армии в Венгрии в период революции 1848—1849 годов. — 210, 446.

Демидов, Анатолий Николаевич (1813—1870) — русский аристократ, владелец ряда горных и металлургических предприятий, меценат и филантроп. — 241.

Демулен (Desmoulins), Камилль (1760—1794) — французский публицист, деятель буржуазной революции конца XVIII в., правый якобинец. — 50.

Демут (Demuth), Елена (1823— 1890) — домашняя работница и верный друг семьи Маркса. — 198.

Дерби (Derby), Эдуард Джордж Джефри Смит *Стэнли,* граф (1799—1869) — английский государственный деятель, лидер тори, во второй половине XIX в. один из лидеров консервативной партии; премьер-министр (1852, 1858—1859, 1866—1868). — 183.

Джонс (Jones), Эрнест Чарлз (1819—1869) — выдающийся деятель английского рабочего движения, пролетарский поэт и публицист, один из вождей левого крыла чартизма, один из редакторов «Northern Star», редактор «Notes to the People» и «People's Paper»; друг Маркса и Энгельса. — 114, 137, 138, 143, 152— 154, 160, 173, 181, 184, 191, 193, 195, 196, 204, 224, .264—266, 325, 338, 490, 516, 526.

Джонстон (Johnston), Александер Кит (1804—1871) — англий-

ский путешественник, географ и картограф. — 321.

Джонстон (Johnston), Джемс Финли Уир (1796—1855) — английский химик, автор ряда работ по агрохимии. — 321.

Дизраэли (Disraeli), Бенджамин, с 1871 г. граф *Биконсфилд* (1804—1881) — английский государственный деятель и писатель, один из лидеров тори, во второй половине XIX в. лидер консервативной партии; канцлер казначейства (министр финансов) (1852, 1858—1859 и 1866—1868), премьер-министр (1868 и 1874—1880). — 183.

Диккенс (Dickens), Чарлз (1812— 1870) — великий английский писатель-реалист. — 137, 221, 224, 228, 337.

Дицъ (Dietz), Бернхард (ум. в 1850 г.) — немецкий журналист, мелкобуржуазный демократ. — 129.

Дицъ (Dietz), Освальд (ок. 1824— 1864) — немецкий архитектор из Висбадена, участник революции 1848—1849 гг., эмигрант в Лондоне, член Центрального комитета Союза коммунистов, после раскола Союза в 1850 г. принадлежал к сектантско-авантюристской фракции Виллиха — Шаппера, впоследствии участник Гражданской войны в США. — 141, 144, 154, 291, 313, 319, 323, 326, 327, 339.

Доллешалль (Dolleschall), Лоренц (род. в 1790 г.) — полицейский чиновник в Кёльне (1819— 1847); цензор «Rheinische Zeitung». — 233.

Доминикус (Dominicus), Адольф — немецкий купец, дядя Эрнста Дронке. — 119.

Доновaн (Donovan), Даниель — английский чартист, в 40—50-х годах XIX в. один из руководителей чартистских организаций в Ланкашире. — 152, 153.

Дохерти (Doherty), Хью — ирландский публицист, издатель фурьеристской газеты «London Phalanx», выходившей в 1841—1843 годах; автор трудов по философии и филологии. — 34.

**Дронке* (Dronke), Эрнст (1822— 1891) — немецкий публицист, вначале «истинный социалист», затем член Союза коммунистов и один из редакторов «Neue Rheinische Zeitung»; после революции 1848—1849 гг. эмигрировал в Англию; во время раскола Союза коммунистов сторонник Маркса и Энгельса; впоследствии отошел от политической деятельности. — 116—119, 122, 123, 130, 131, 134, 142, 145, 152, 160, 183, 188, 191, 201, 217, 220, 225, 303—305, 320, 321, 325, 328, 437—438, 442, 444, 447, 466, 467, 470, 489—492, 498, 508, 509, 534.

Дронке (Dronke), Эрнст Фридрих Иоганн (1797—1849) — немецкий учитель, с 1841 г. директор гимназии в Фульде, автор ряда филологических и исторических работ; отец Эрнста Дронке. — 119.

Друккер (Drucker), Луи — немецкий журналист, мелкобуржуазный демократ, издатель юмористического еженедельника в Лондоне «How do you do?». — 275, 505.

Дулон (Dulon), Рудольф (1807— 1870) — немецкий пастор, сторонник оппозиционного официальной церкви движения «Друзей света»; в 1853 г. эмигрировал в США. — 156, 157, 263.

Д'Эстер (D'Ester), Карл Людвиг Иоганн (1811—1859) — немецкий социалист и демократ, по профессии врач; член кёльнской общины Союза коммунистов, в 1848 г. депутат прусского Национального собрания, принадлежал к левому крылу; с октября 1848 г. член Центрального комитета демократов Германии; в 1849 г. депутат второй палаты, принадлежал к крайнему левому крылу; играл видную роль в баденско-пфальцском восстании 1849 года; впоследствии эмигрировал в Швейцарию. — 8, 17, 47, 112, 121, 131, 188, 449, 513, 515.

Дюбур-Бютлер (Dubourg-Butler), Фредерик, граф (1778—1850) — французский генерал, принял активное участие в баррикадных боях в революции 1830 г., затем отошел от политической жизни. — 202.

Дюма (Dumas), Александр (отец) (1803—1870) — известный французский писатель. — 181.

Дюмон (Dumon), Пьер Сильвен (1797—1870) — французский либеральный адвокат и государственный деятель, министр общественных работ (1843—1847) и министр финансов (1847—1848); после февральской революции 1848 г. отошел от политической деятельности. — 33.

Дюмурье (Dumouriez), Шарль Франсуа (1739—1823) — французский генерал и политический деятель периода буржуазной революции конца XVIII в., жирондист; в 1792—1793 гг. командовал северной революционной армией; в марте 1793 г. изменил Французской республике. — 316.

Дюпен (Dupin), Андре Мари Жан Жак (1783—1865) — французский юрист и политический деятель, орлеанист, депутат Учредительного собрания (1848—1849) и председатель Законодательного собрания (1849—1851); затем бонапартист. — 339.

Дюпон де л'Эр (Dupont de l'Eure), Жак Шарль (1767—1855) — французский политический деятель, либерал; участник буржуазной революции конца XVIII в. и революции 1830 года; в 40-х годах был близок к умеренным, буржуазным республиканцам; в 1848 г. председатель временного правительства. — 423.

Дюро де Ла Маль (Dureau de La Malle), Адольф Жюль Сезар Огюст (1777—1857) — французский ученый, филолог и археолог. — 282.

Дюфор (Dufaure), Жюль Арман Станисла (1798—1881) — французский адвокат и государственный деятель, орлеанист, министр общественных работ (1839— 1840), министр внутренних дел (1848 и 1849); впоследствии один из палачей Парижской Коммуны, в 70-х годах XIX в. министр юстиции, председатель совета министров. — 133.

Дюшатель (Duchatel), Танеги Шарль (1803—1867) — французский государственный деятель, орлеанист, министр внутренних дел (1839—1840, 1840 — февраль 1848). — 67, 108.

Ж

Жиго (Gigot), Филипп (1820— 1860) — участник бельгийского рабочего и демократического движения, член Союза коммунистов; в 40-х годах был близок к Марксу и Энгельсу. — 67, 83, 87, 91, 106, 111, 114, 115, 117, 118, 122, 123, 394, 395.

Жирарден (Girardin), Эмиль *де* (1806—1881) — французский буржуазный публицист и политический деятель, в 30—60-х годах (с перерывами) был редактором газеты «Presse», в политике отличался крайней беспринципностью; перед революцией 1848 г. находился в оппозиции к правительству Гизо, в период революции — буржуазный республиканец, депутат Законодательного собрания (1850—1851); позднее бонапартист. — 235, 238, 240, 294, 297, 327, 328.

Жомини (Jomini), Анри (1779— 1869) — генерал на французской, затем на русской службе, буржуазный военный теоретик, автор ряда работ по стратегии и военной истории; по происхождению швейцарец. — 485.

**Жотран* (Jottrand), Люсьен Леопольд (1804—1877) — бельгийский юрист и публицист, в 40-х годах мелкобуржуазный демократ; председатель брюссельской Демократической ассоциации. — 84, 86, 90, 91, 111, 113, 115, 417.

Жуанвиль (Joinville), Франсуа Фердинан Филипп Луи Мари,

герцог *Орлеанский,* принц (1818— 1900) — сын Луи-Филиппа, после победы февральской революции 1848 г. эмигрировал в Англию. — 424.

З

Завашкевич (Sawaszkiewicz), Леопольд — польский эмигрант, в 40-х годах жил в Париже, в начале 50-х годов XIX в. член постоянной комиссии секции польской демократии в Лондоне. — 141, 144.

Зак (Sack), Карл Генрих (1789— 1875) — немецкий протестантский теолог, профессор в Бонне. — 362.

Залевский (Zalewski), Константы — польский эмигрант, член брюссельской Демократической ассоциации в 1847 году. — 86—87.

Зандкуль (Sandkuhl) — немецкий эмигрант в Брюсселе в 40-х годах XIX века. — 83, 88.

Зеель (Seel) — немецкий художник-карикатурист, знакомый Энгельса в 40-х годах XIX века. — 7.

Зейлер (Seiler), Себастьян — немецкий публицист, в 1846 г. член Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета, член Союза коммунистов, участник революции 1848— 1849 гг. в Германии, в 50-х годах эмигрант в Лондоне. — 37, 83, 84, 86, 90, 96, 99, 100, 114, 137—139, 199, 205, 396, 458, 493.

Земмиг (Semmig), Фридрих Герман (1820—1897) — немецкий писатель, в середине 40-х годов «истинный социалист». — 75, 76.

Земпер (Semper), Готфрид (1803— 1879) — немецкий архитектор, участник майского восстания 1849 г. в Дрездене, после поражения восстания эмигрировал в Париж, в 1851—1855 гг. эмигрант в Лондоне. — 295.

Зигель (Sigel), Альберт (1827— 1884) — баденский офицер, журналист, мелкобуржуазный демократ, участник революционного движения в Бадене в 1848—1849 годах; после поражения революции эмигрировал в Англию, а в 1853 г. в США; участник Гражданской войны на стороне северян. — 286, 290.

Зигель (Sigel), Франц (1824—1902) — баденский офицер, мелкобуржуазный демократ; участник революционного движения в Бадене в 1848—1849 гг., главнокомандующий, затем заместитель главнокомандующего баденской революционной армией во время баденско-пфальцского восстания 1849 года; затем эмигрант в Швейцарии и Англии; в 1852 г. переехал в США, участник Гражданской войны на стороне северян; брат Альберта Зигеля. — 216, 237, 239, 251, 267, 274, 282, 286, 288—291, 295, 296, 303, 501.

И

Имандт (Imandt), Петер — немецкий учитель, демократ, участник революции 1848—1849 гг., после поражения которой эмигрировал в Швейцарию, затем в Лондон; член Союза коммунистов, сторонник Маркса и Энгельса. — 438.

Й

Йенни (Jenni) — швейцарский публицист, радикал, редактор бернской юмористической газеты «Gukkasten». — 66.

К

**Кабе* (Cabet), Этьенн (1788— 1856) — французский публицист, видный представитель мирного утопического коммунизма, автор книги «Путешествие в Икарию»; в 1841—1849 гг. редактор газеты «Populaire». — 32, 79, 94, 279, 425—426.

Кавеньяк (Cavaignac), Луи Эжен (1802—1857) — французский генерал и политический деятель, умеренный, буржуазный республиканец; в 30—40-х годах участвовал в завоевании Алжира, в 1848 г. генерал-губернатор Алжира (с марта), затем военный министр Франции (с мая), с исключительной жестокостью подавил

июньское восстание парижских рабочих, глава исполнительной власти (июнь — декабрь 1848). — 233, 235, 238. 240, 244, 313, 315, 328, 339.

Калпепер (Culpeper), Томас (1578— 1662) — английский буржуазный экономист, сторонник меркантилизма. — 335.

Кампгаузен (Camphausen), Людольф (1803—1890) — немецкий банкир, один из лидеров рейнской либеральной буржуазии; в марте — июне 1848 г. министр-президент Пруссии. — 428.

**Кампе* (Campe), Иоганн Юлиус Вильгельм (1792—1867) — немецкий книготорговец и издатель, с 1823 г. один из владельцев гамбургского книгоиздательства «Гофман и Кампе»; в 30-х годах издавал произведения писателей группы «Молодая Германия». — 221, 321, 365, 384, 390—391.

Кант (Kant), Иммануил (1724— 1804) — родоначальник классической немецкой философии, идеалист, идеолог немецкой буржуазии. — 361.

Каперон (Caperon) — французский эмигрант, в начале 50-х годов XIX в. член комитета французского общества эмигрантов-бланкистов в Лондоне. — 141, 142, 144, 534.

Капп (Kapp), Фридрих (1824— 1884) — немецкий историк и политический деятель, мелкобуржуазный демократ, участник революции 1848—1849 гг., в 1850 г. эмигрировал в США. — 296, 437, 438, 495, 506.

Капп (Kapp), Христиан (1798— 1874) — немецкий философ, младогегельянец, друг Людвига Фейербаха. — 376, 379.

Капфиг (Capefigue), Жан Батист Оноре Ремон (1802—1872) — французский публицист и историк; монархист. — 80—81.

Карлейль (Carlyle), Томас (1795— 1881) — английский писатель, историк, философ-идеалист, проповедовавший культ героев; выражая взгляды, близкие к феодальному социализму 40-х годов, критиковал английскую буржуазию с позиций реакционного романтизма, примыкал к партии тори; после 1848 г. открытый враг рабочего движения. — 6, 307.

Карлье (Carlier), Пьер (1799— 1858) — префект парижской полиции (1849— 1851), бонапартист. — 325, 327.

Карнап (Carnap), Иоганн Адольф — прусский чиновник, обер-бургомистр Эльберфельда в 1837— 1851 годах. — 22.

Карно (Carnot), Лазар Никола (1753— 1823) — французский математик и физик, политический и военный деятель, буржуазный республиканец; в период французской буржуазной революции конца XVIII в. примыкал к якобинцам, один из организаторов обороны Франции против коалиции европейских государств; в 1794 г. участвовал в контрреволюционном перевороте 9 термидора. — 341.

Кастио (Castiau), Адельсон (1804— 1879) — бельгийский адвокат и политический деятель, буржуазный демократ, в 1843— 1848 гг. член палаты представителей. — 111, 117.

Катон (Марк Порций Катон Старший) (234—149 до н. э.) — римский политический деятель и писатель, выступал в защиту аристократических привилегий; в 184 г. до н. э. избран цензором, строгость его цензуры вошла в поговорку. — 291.

Катс (Kats), Якоб (1804—1886) — бельгийский рабочий, литератор, деятель рабочего движения, находился под влиянием утопического социализма. — 84, 86.

Кёлер (Kohler), И. — банкир в Женеве в 40-х годах XIX века. — 121, 122.

Кёлер (Kohler), И. Э. М. — владелец типографии в Гамбурге, в которой в 1850 г. печатались первые выпуски журнала «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue». — 454, 462.

Кендал (Kendall) — директор школы в Манчестере. — 495.

**Кёппен* (Koppen), Карл Фридрих (1808—1863) — немецкий радикальный публицист и историк, младогегельянец. — 360, 429.

Кёрнер (Korner), А. Ф. — немецкий художник, знакомый Энгельса в Париже в 40-х годах XIX века. — 68, 81, 100.

Кётген (Kottgen), Густав Адольф (1805—1882) — немецкий художник и поэт, в 40-х годах принимал участие в рабочем движении, по своим взглядам был близок к «истинному социализму». — 20, 23, 28, 75.

Килинский (Kilinsky), Карл — венгерский эмигрант в Лондоне в начале 50-х годов XIX века. — 461.

Кинкель (Kinkel), Готфрид (1815— 1882) — немецкий поэт и публицист, мелкобуржуазный демократ, участник баденско-пфальцского восстания 1849 года; приговорен прусским судом к пожизненному заключению, в 1850 г. бежал из тюрьмы и эмигрировал в Англию; один из лидеров мелкобуржуазной эмиграции в Лондоне, вел борьбу против Маркса и Энгельса. — 143, 183, 200, 204, 205, 216, 221, 224, 232—235, 237, 243, 244, 251. 263, 282, 283, 286—296, 302, 305, 314, 318, 326, 329, 337, 338, 443, 480, 487, 488, 494, 499—504, 506, 512— 515, 520.

Кинкель (Kinkel), Иоганна, урожденная *Моккель* (1810—1858) — немецкая писательница, жена Готфрида Кинкеля. — 232, 237, 240, 500, 501.

Клапка (Klapka), Дьёрдь (Георг) (1820—1892) — венгерский генерал, в период революции 1848— 1849 гг. командовал одной из венгерских революционных армий; в 1849 г. эмигрировал за границу; в 50-х годах поддерживал связи с бонапартистскими кругами; в 1867 г., после амнистии, вернулся в Венгрию. — 463.

Кларк (Clark), Томас — один из лидеров чартистского движения, после 1848 г. реформист, один из руководителей Национальной чартистской лиги. — 160, 161, 173.

Клаузевиц (Clausewitz), Карл (1780—1831) — прусский генерал и крупнейший буржуазный военный теоретик; в 1812—1814 гг. служил в русской армии. — 485.

Клейн (Klein), Иоганн Якоб (род. ок. 1818 г.) — врач в Кёльне, член Союза коммунистов, один из подсудимых на кёльнском процессе коммунистов (1852); оправдан судом присяжных. — 471.

Клейст-Ретцов (Kleist-Retzow), Ганс Гуго (1814—1892) — прусский политический деятель, стоял во главе крайне правого крыла консервативной партии, один из основателей «Neue Preusische Zeitung». — 255.

Клозе (Klose), Г. — немецкий эмигрант в Лондоне, член Союза коммунистов, в период раскола Союза (1850) сторонник Маркса. — 253, 254.

Клоут (Clouth), Вильгельм — владелец типографии в Кёльне, в которой с 1 июня по 27 августа 1848 г. печаталась «Neue Rheinische Zeitung». — 427.

**Клусс* (Clus), Адольф (ум. после 1889 г.) — немецкий инженер, член Союза коммунистов, в 1848 г. секретарь майнцского Рабочего просветительного союза, в 1849 г. эмигрировал в США; служащий в адмиралтействе в Вашингтоне; в 50-х годах находился в постоянной переписке с Марксом и Энгельсом, сотрудничал в ряде немецких, английских и американских рабочих и демократических газет. — 337, 511—512, 519.

Кнуд Великий (Канут Великий) (ок. 995—1035) — датский король (1014—1035), одновременно был королем Англии (с 1017) и Норвегии (с 1028). — 71.

Коббет (Cobbett), Уильям (1762— 1835) — английский политический деятель и публицист, видный представитель мелкобуржуазного

радикализма, боролся за демократизацию английского политического строя. — 97.

Кобден (Cobden), Ричард (1804— 1865) — английский фабрикант, буржуазный политический деятель, один из лидеров фритредеров и основателей Лиги против хлебных законов; член парламента. — 133, 169, 225, 445, 446.

Коген (Cohen) — жена Карла Блинда. — 319, 320, 323.

Колумб (Colombo), Христофор (1451— 1506) — выдающийся мореплаватель, открывший Америку; состоял на испанской службе; по происхождению генуэзец. — 512.

Консидеран (Considerant), Виктор (1808— 1893) — французский публицист, социалист-утопист, ученик и последователь Фурье. — 71, 269.

Конфуций (551—479 до н. э.) — выдающийся древнекитайский философ, создал прогрессивное для своего времени этико-политическое учение. —503.

Корф (Korff), Герман — прусский офицер, уволенный в 1847 г. из армии за политические убеждения, мелкобуржуазный демократ; в 1848—1849 гг. ответственный издатель «Neue Rheinische Zeitung»: впоследствии эмигрировал в США. — 124, 437.

Коссидьер (Gaussidière), Марк (1808— 1861) — французский мелкобуржуазный демократ, участник лионского восстания 1834 года; один из организаторов тайных революционных обществ в период Июльской монархии; после февральской революции 1848 г. префект полиции в Париже, депутат Учредительного собрания; в июне 1848 г. эмигрировал в Англию. — 218, 341.

Котта (Cotta), Иоганн Георг (1796—1863) — немецкий издатель, в 1832—1863 гг. владелец крупной издательской фирмы. — 263, 321.

Кох (Koch), Эдуард Игнац — немецкий католический священник, участник революции 1848— 1849 гг. в Германии, в 50-х годах эмигрант в США, сотрудничал в «New-Yorker Staatszeitung». — 509.

Кошта Кабрал (Costa Cabral), Антониу Бернарду (1803—1889) — португальский реакционный государственный деятель, лидер буржуазно-монархической партии, глава правительства (1842— 1846, 1849—1851). — 236.

Кошут (Kossuth), Лайош (Людвиг) (1802— 1894) — вождь венгерского национально-освободительного движения, возглавлял буржуазно-демократические элементы в революции 1848—1849 гг., глава венгерского революционного правительства; после поражения революции эмигрировал из Венгрии; в 50-х годах искал поддержки среди бонапартистских кругов. — 207, 210, 319, 320, 331, 333, 338, 344, 515—516, 520.

Кремер (Kramer) — механик в Бонне в начале 40-х годов XIX века. — 360.

Кремьё (Crемieux), Адольф (1796—1880) — французский адвокат и буржуазный политический деятель, в 40-х годах либерал; в период революции 1848 г. член временного правительства, в период Второй республики депутат Учредительного и Законодательного собраний. — 423.

Криге (Kriege), Герман (1820—1850) — немецкий журналист, представитель «истинного социализма», во второй половине 40-х годов возглавлял группу немецких «истинных социалистов» в Нью-Йорке. — 21, 22, 24, 57, 58, 62—65.

Крист (Christ), А. — немецкий публицист, автор брошюры о покровительственных пошлинах. — 488, 493.

Кристиан VIII (1786—1848) — датский король (1839—1848). — 47.

Кромвель (Cromwell), Оливер (1599—1658) — вождь буржуазии и обуржуазившегося дворянства в период английской бур-

жуазной революции XVII века; с 1653 г. лорд-протектор Англии, Шотландии и Ирландии. — 172. 204.

Круг (Krug), Вильгельм Трауготт (1770—1842) — немецкий философ-идеалист. — 199.

Крummахер (Krummacher), Фридрих Вильгельм (1796—1868) — немецкий церковный проповедник, кальвинистский пастор, глава вуппертальских пиетистов. — 6.

Крюгер (Cruger), Герман (1820— 1850) — немецкий эмигрант, член брюссельской Демократической ассоциации в 1847 году. — 83— 85, 87—90.

Кузен (Cousin), Виктор (1792— 1867) — французский философ-идеалист, эклектик. — 376.

Кютман (Kuttmann) — немецкий издатель в 40-х годах XIX века. — 57, 70, 75, 77, 79.

Л

Ладенберг (Ladenberg), Адальберт (1798—1855) — один из представителей прусской реакционной бюрократии; министр по делам культа, просвещения и медицины (ноябрь 1848 — декабрь 1850). — 127.

Ламартин (Lamartine), Альфонс (1790—1869) — французский поэт, историк и политический деятель, в 40-х годах буржуазный республиканец; в 1848 г. министр иностранных дел и фактический глава временного правительства. — 92, 95, 102, 118, 379, 422, 423.

Ламенне (Lamennais), Фелисите (1782—1854) — французский аббат, публицист, один из идеологов христианского социализма. — 298.

Ландольф (Landolphe) — французский мелкобуржуазный социалист, эмигрант в Лондоне; после раскола Союза коммунистов в 1850 г. примыкал к сектантско-авантюристской фракции Виллиха — Шаппера. — 171, 173, 174, 179, 182—185, 190, 194, 195, 197, 199, 200, 203, 479.

Ла Сагра (La Sagra), Рамон *де* (1798—1871) — испанский буржуазный экономист, историк и естествоиспытатель, либерал. — 109, 110.

Лассаль (Lassalle), Фердинанд (1825—1864) — немецкий мелкобуржуазный публицист, адвокат, в 1848—1849 гг. участвовал в демократическом движении Рейнской провинции; в начале 60-х годов примкнул к рабочему движению, один из основателей Всеобщего германского рабочего союза (1863); поддерживал политику объединения Германии «сверху» под гегемонией контрреволюционной Пруссии; положил начало оппортунистическому направлению в германском рабочем движении. — 444, 445, 452.

Лауц (Lautz) — трирский банкир в 50-х годах XIX века. — 205.

Лёве (Lowe), Вильгельм (известный под именем Лёве фон Кальбе, так как был избран во франкфуртское Национальное собрание от прусского округа Кальбе) (1814— 1886) — немецкий политический деятель, мелкобуржуазный демократ, вице-председатель франкфуртского Национального собрания, примыкал к левому крылу, после переезда «охвостья» Собрания в Штутгарт был его председателем, после поражения революции эмигрировал из Германии, после амнистии 1861 г. вернулся в Германию, примыкал к прогрессистам. — 339. 343, 513, 514.

**Лёвенталь* (Lowenthal) — немецкий издатель в 40—50-х годах XIX века. — 17, 46, 321, 332, 334—337, 349, 388.

Ледрю-Роллен (Ledru-Rollin), Александр Огюст (1807—1874) —французский публицист и политический деятель, один из вождей мелкобуржуазных демократов, редактор газеты «Reforme»; в 1848 г. член временного правительства, депутат Учредительного и Законодательного собраний, где возглавлял партию Горы; после демонстрации 13 июня 1849 г.

эмигрировал в Англию, один из руководителей мелкобуржуазной эмиграции в Лондоне. — 106, 142, 144, 167, 171, 174, 175, 179—181, 191, 218, 237, 269, 286, 288, 289, 297, 298, 327, 342, 344, 345, 422— 424, 477, 478, 490, 500, 514.

Лёльхен (Lollchen) —владелец трактира в Кёльне в 40-х годах XIX века. — 8.

Леман (Lehmann), Август Фридрих Готлиб (род. в 1819г.) — немецкий сапожник, мелкобуржуазный демократ, был связан с Виллихом, за участие в революции 1848—1849 гг. был обвинен в государственной измене и в 1851 г. приговорен к смертной казни, замененной пожизненным заключением в крепости. — 239.

Леман (Lehmann), Альберт — немецкий рабочий в Лондоне, активный деятель Союза справедливых и лондонского Просветительного общества немецких рабочих, затем член Союза коммунистов, после его раскола в 1850 г. принадлежал к сектантско-авантюристской фракции Виллиха—Шаппера, член ее Центрального комитета. — 139—140.

Ленхен — см. *Демут,* Елена.

**Леопольд I* (1790—1865) — бельгийский король (1831—1865). — 73 317 525

Леру (Leroux), Пьер (1797—1871) — французский мелкобуржуазный публицист, социалист-утопист, один из представителей христианского социализма. — 36,376,454.

**Леске* (Leske), Карл Вильгельм — немецкий книготорговец и издатель в 40—50-х годах XIX века. — 16, 24, 46, 51, 64—66, 386, 387, 397—400, 447.

Лесснер (Lessner), Фридрих (1825— 1910) — деятель немецкого и международного рабочего движения; по профессии портной; член Союза коммунистов, участник революции 1848—1849 гг., на кёльнском процессе коммунистов (1852) приговорен к 3 годам крепости, с 1856 г. эмигрант в Лондоне; член Генерального Совета I Интернационала, соратник и друг Маркса и Энгельса. — 264.

Либих (Liebig), Юстус (1803— 1873) — выдающийся немецкий ученый, один из основателей агрохимии. — 321.

Либкнехт (Liebknecht), Вильгельм (1826— 1900) — видный деятель немецкого и международного рабочего движения, участник революции 1848—1849 гг., член Союза коммунистов, один из основателей и вождей германской социал-демократии; друг и соратник Маркса и Энгельса. — 146, 200, 211—212, 215, 250—252, 256, 262, 283, 292, 303, 319, 535.

Лист (List), Фридрих (1789— 1846) — немецкий вульгарный буржуазный экономист, проповедник крайнего протекционизма. — 11, 27, 57.

Лич (Leach), Джемс — деятель английского рабочего движения, по профессии ткач, один из руководителей чартистских организаций в Ланкашире, после 1848 г. реформист. — 152, 153, 160.

Лойд (Loyd), Самюэл Джон, барон *Оверстон* (1796—1883) — английский банкир, буржуазный экономист, сторонник школы под названием «принцип денежного обращения». — 158, 161.

Луи-Наполеон — см. *Наполеон III.*

Луи-Филипп (1773—1850) — герцог Орлеанский, французский король (1830—1848). — 199, 373, 415, 424.

Луи-Филипп-Альбер, герцог *Орлеанский,* граф Парижский (1838— 1894) — внук короля Луи-Филиппа, претендент на французский престол. — 445.

Льевр (Lievre), Эжен — французский мелкобуржуазный демократ, эмигрант в США, в 40-х годах XIX в. сторонник Германа Криге. — 497.

Люблинер (Lubliner), Людвик — польский революционер, по профессии адвокат, в 1848 г. эмигрант в Брюсселе. — 111.

Людерс (Luders), Вильгельм — немецкий публицист, мелкобуржу-

азный демократ, в 40-х годах XIX в. сотрудник ряда демократических газет, затем эмигрант в Лондоне. — 286.

Людовик XVIII (1755—1824) — французский король (1814—1815 и 1815—1824). — 373.

Люнинг (Luning), Отто (1818— 1868) — немецкий врач и публицист, в середине 40-х годов — представитель «истинного социализма»; после 1866 г. национал-либерал. — 46, 116, 117, 134, 135, 141, 442, 466, 470, 526, 533.

Лютер (Luther), Мартин (1483— 1546) — видный деятель Реформации, основатель протестантизма (лютеранства) в Германии; идеолог немецкого бюргерства. — 265.

Люциус (Lucius) — немецкий адвокат и публицист, свидетель на кёльнском процессе коммунистов (1852). — 236.

М

Мадзини (Mazzini), Джузеппе (1805—1872) — итальянский революционер, буржуазный демократ, один из вождей национально-освободительного движения в Италии, в 1849 г. глава временного правительства Римской республики, в 1850 г. один из организаторов Центрального комитета европейской демократии в Лондоне; в 50-х годах выступал против вмешательства бонапартистской Франции в национально-освободительную борьбу итальянского народа. — 142—145, 155, 156, 167, 168, 174, 175, 179, 180, 202, 203, 218, 227, 230, 237, 238, 240, 250, 257, 286, 288—289, 298, 303, 305, 327, 331, 344, 478, 490, 499, 500, 507, 514.

Майер (Mayer), Адольф — немецкий эмигрант в Лондоне, в начале 50-х годов XIX в. член Социал-демократического эмигрантского комитета при лондонском Просветительном обществе немецких рабочих. — 141.

Майер (Mayer), Эдуард — адвокат в Кёльне, член наблюдательного совета «Rheinische Zeitung». — 366.

Майнц (Maynz), Карл Густав (1812—1882) — немецкий юрист, профессор Брюссельского университета, член брюссельской Демократической ассоциации. — 111, 114—117.

Мак-Грат (MacGrath), Филип — деятель чартистского движения, в 40-х годах XIX в. член Исполнительного комитета Национальной чартистской ассоциации, после 1848 г. реформист. — 160.

Мак-Грегор (MacGregor), Джон (1797— 1857) — английский статистик, фритредер, учредитель и один из директоров Королевского британского банка (1849— 1856), автор ряда работ по статистике. — 509.

Мак-Куллох (MacCulloch), Джон Рамси (1789—1864) — английский буржуазный экономист, вульгаризатор экономического учения Рикардо, ярый апологет капитализма. — 508, 509.

Макфарлин (Macfarlane), Элен — активная сотрудница «Democratic Review» (1849—1850) и «Red Republican» (1850), издававшихся лидером революционных чартистов Джорджем Джулианом Гарни, переводчица «Манифеста Коммунистической партии» на английский язык. — 182—183, 534.

Мальтус (Malthus), Томас Роберт (1766—1834) — английский священник, экономист, идеолог обуржуазившейся землевладельческой аристократии, апологет капитализма, проповедник человеконенавистнической теории народонаселения. — 149, 150, 281.

Мантёйфель (Manteuffel), Отто Теодор, барон (1805—1882) — прусский государственный деятель, представитель дворянской бюрократии; министр внутренних дел (1848—1850), министр-президент и министр иностранных дел (1850— 1858). — 274.

Мантл (Mantle), Джордж Джозеф — деятель чартистского дви-

жения, в 1851 г. делегат чартистской конференции в Манчестере и чартистского конвента в Лондоне. — 160, 161.

Мари (Marie), Александр (1795— 1870) — французский адвокат и политический деятель, умеренный, буржуазный республиканец; в 1848 г. министр общественных работ во временном правительстве, затем министр юстиции в правительстве Кавеньяка. — 423.

Мария II да Глория (1819—1853) — португальская королева (1826— 1828 и 1834—1853). — 236.

Маркс (Marx), Генриетта (1787— 1863) — мать Карла Маркса. — 197, 205, 372, 420.

Маркс (Marx), Генрих Гвидо («Фоксик») (1849—1850) — сын Карла Маркса. — 136—137, 143, 455, 528, 530—531.

**Маркс* (Marx), Женни, урожденная фон *Вестфален* (1814— 1881) — жена Карла Маркса, его верный друг и помощник. — 8, 9, 20, 97, 111, 115, 116, 128, 132, 135—138, 143, 145, 154, 157, 180, 182—183, 205—207, 212, 216, 220, 222, 227, 249, 263, 293, 337, 372, 374, 377, 383, 387, 396, 416, 419, 420, 442—444, 446, 448, 451—453, 455, 460, 470, 472, 473, 493, 494, 508—510, 518, 519, 535—536.

Маркс (Marx), Женни (1844— 1883) — старшая дочь Карла Маркса, впоследствии журналистка, деятельница международного рабочего движения, сыграла значительную роль в борьбе ирландского народа за свою независимость; с 1872 г. жена Шарля Лонге. — 473, 527, 530—532, 536.

Маркс (Marx), Лаура (1845— 1911) — вторая дочь Карла Маркса, с 1868 г. жена Поля Лафарга; деятельница французского рабочего движения. — 527, 530—532, 536.

Маркс (Marx), Франциска (1853— 1852) — дочь Карла Маркса. — 207.

Маркс (Marx), Эдгар («Муш») (1847—1855) — сын Карла Маркса. — 143, 238, 242, 527, 530, 532, 536.

Марраст (Marrast), Арман (1801— 1852) — французский публицист и политический деятель, один из лидеров умеренных, буржуазных республиканцев, редактор газеты «National»; в 1848 г. член временного правительства и мэр Парижа, председатель Учредительного собрания (1848—1849). — 63, 81, 423, 424.

Мартен дю Нор (Martin du Nord), Никола Фердинан (1790—1847) — французский адвокат и политический деятель; с 1840 г. министр юстиции и культов, представитель финансовой буржуазии. — 79.

Мартенс (Martens), Иоахим Фридрих (ок. 1804—1877) — немецкий столяр, член Союза справедливых, один из руководителей Просветительного общества рабочих в Гамбурге и гамбургской общины Союза коммунистов. — 255, 285.

Мархейнеке (Marheineke), Филипп Конрад (1780—1846) — немецкий протестантский теолог и историк христианства, правый гегельянец. — 365.

Мастерс (Masters), Дж. У. — владелец трактира в Лондоне. — 521.

Мейен (Meyen), Эдуард (1812— 1870) — немецкий публицист, младогегельянец; мелкобуржуазный демократ, после поражения революции 1848—1849 гг. эмигрировал в Англию; впоследствии национал-либерал. — 18, 19, 134, 233, 235, 237, 274, 282, 286, 287, 290, 296, 329, 364, 368—370, 491, 499, 513, 515.

Мейер (Meyer) — владелец трактира в Эльберфельде в 40-х годах XIX века. — 7—8.

Мейер (Meyer), Юлиус (ум. в 1867 г.) — вестфальский предприниматель и публицист, в середине 40-х годов «истинный социалист». — 32.

Мёйрер (Maurer), Герман (1813 — ок. 1882) — немецкий писатель демократического направления, член Союза отверженных, а за-

тем Союза справедливых. — 32, 44, 58, 77, 377—379.

Меллине (Mellinet), Франсуа (1768—1852) — бельгийский генерал; француз по национальности; активный участник бельгийской буржуазной революции 1830 г. и демократического движения в Бельгии, почетный председатель брюссельской Демократической ассоциации, один из подсудимых на процессе Рискон-Ту, приговорен к смертной казни, замененной 30-ю годами заключения; помилован в сентябре 1849 года. — 84.

Менений Агриппа (ум. в 493 г. до н. э.) — римский патриций. — 274.

Мерославский (Mieroslawski), Людвик (1814—1878) — польский политический и военный деятель, участник польского восстания 1830—1831 годов; возглавлял восстание в Познани в 1848 г., затем руководил борьбой повстанцев Сицилии; во время баденско-пфальцского восстания 1849 г. командовал революционной армией; в 50-х годах искал поддержки в бонапартистских кругах; в начале польского восстания 1863 г. командовал отрядом повстанцев, затем эмигрировал во Францию. — 457.

Меттерних (Metternich), Клеменс, князь (1773—1859) — австрийский государственный деятель и дипломат, реакционер; министр иностранных дел (1809—1821) и канцлер (1821—1848), один из организаторов Священного союза. — 141, 497.

Микель (Miquel), Иоганн (1828— 1901) — немецкий политический деятель, в 40-х годах член Союза коммунистов; впоследствии национал-либерал. — 224, 230, 247, 250, 253, 255, 257, 258.

Милль (Mill), Джон Стюарт (1806— 1873) — английский буржуазный экономист и философ-позитивист, эпигон классической школы политической экономии. — 158.

Минье (Mignet), Франсуа Огюст Мари (1796—1884) — французский либерально-буржуазный историк периода Реставрации. — 80.

Мирбах (Mirbach), Отто — прусский артиллерийский офицер в отставке, мелкобуржуазный демократ, участник революции 1848—1849 годов; комендант Эльберфельда во время майского восстания 1849 года; после поражения восстания эмигрировал из Германии. — 193.

Мишель (Michel), Луи Кризостом (1797—1853) — французский адвокат и политический деятель, мелкобуржуазный республиканец, депутат Законодательного собрания (1849—1851), принадлежал к партии Горы. — 298.

Мишле (Michelet), Жюль (1798— 1874) — видный французский мелкобуржуазный историк, автор ряда работ по истории Франции; в 1848 г. был лишен кафедры за свои демократические и антиклерикальные взгляды. — 107, 108.

Моликои (Molikoy), П. (в тексте ошибочно: Молинари) — венгерский эмигрант, в начале 50-х годов XIX в. член венгерского демократического союза в Лондоне. — 141, 144.

Молинари — см. *Моликои,* П.

Молль (Moll), Иосиф (1813—1849) — видный деятель немецкого и международного рабочего движения, по профессии часовщик; один из руководителей Союза справедливых, член Центрального комитета Союза коммунистов, в июле — сентябре 1848 г. председатель кёльнского Рабочего союза, член Рейнского окружного комитета демократов; после сентябрьских событий 1848 г. в Кёльне эмигрировал в Лондон, откуда вскоре вернулся под чужим именем и вел агитацию в различных округах Германии; участник баденско-пфальцского восстания 1849 г., убит в сражении на Мурге. — 114, 526.

Монталамбер (Montalembert), Шарль (1810—1870) — французский политический деятель и пуб-

лицист, в период Второй республики депутат Учредительного и Законодательного собраний, орлеанист, глава католической партии; поддержал Луи Бонапарта во время государственного переворота 2 декабря 1851 г., но вскоре перешел в оппозицию. — 175.

Монтекукули (Montecucculi), Раймунд (1609—1681) — австрийский полководец и военный писатель, автор ряда работ по военным вопросам. — 485.

Монтес (Montez), Лола (1818— 1861) — известная авантюристка, танцовщица, в 1846—1848 гг. фаворитка баварского короля Людвига I; после его отречения от престола эмигрировала в Лондон, а в 1851 г. — в США. — 77, 79, 333.

Морас (Moras) — немецкий эмигрант, член брюссельской Демократической ассоциации в 1847 году. — 83—85, 90.

Морелли (Morelly) (XVIII в.) — выдающийся представитель утопического уравнительного коммунизма во Франции. — 25.

Моро де Жоннес (Moreau de Jonnes), Александр (1778—1870) — французский экономист, автор ряда статистических исследований. — 509.

Моцарт (Mozart), Вольфганг Амадей (1756—1791) — великий австрийский композитор. — 75.

Мюллер (Muller), Вильгельм (литературный псевдоним — Вольфганг *Мюллер* фон *Кёнигсвинтер*) (1816—1873) — немецкий поэт, в 40-х годах врач в Дюссельдорфе. — 8, 21.

Мюллер-Теллеринг (Muller-Tellering), Амалия — немецкая актриса, жена Эдуарда Мюллера-Теллеринга. — 430, 436.

**Мюллер-Теллеринг* (Muller-Tellering), Эдуард (род. ок. 1808 г.) — немецкий юрист и публицист, мелкобуржуазный демократ, в 1848—1849 гг. сотрудничал в «Neue Rheinische Zeitung», после поражения революции эмигрировал в Англию, выступал в печати со злобной клеветой на Маркса и Энгельса; в 1852 г. эмигрировал в США. — 152, 156, 429—430, 436—437, 458, 460, 462—463, 467.

Н

Наполеон I Бонапарт (1769— 1821) — французский император (1804—1814 и 1815). — 188, 204, 211, 214, 217, 218, 225, 226, 229, 313, 317, 340, 341, 373, 483.

Наполеон III (Луи-Наполеон Бонапарт) (1808—1873) — племянник Наполеона I, президент Второй республики (1848—1851), французский император (1852—1870). — 169, 175, 180, 235, 238, 240, 243, 269, 324, 325, 327, 328, 340, 341, 343—351, 445, 521.

Науверк (Nauwerck), Карл (1810— 1891) — немецкий публицист, принадлежал к берлинскому младогегельянскому кружку «Свободных». — 18.

**Наут* (Naut), Стефан Адольф — купец в Кёльне, в 1848—1849 гг. ответственный издатель «Neue Rheinische Zeitung». — 25, 128, 441, 448, 462, 465, 467, 470, 531, 533, 534.

Нёйбек (Neubeck), Филипп — немецкий учитель в Майнце в 40-х годах XIX века. — 108, 120.

Нейпир (Napier), Уильям Фрэнсис Патрик (1785—1860) — английский генерал и военный историк, участник войны на Пиренейском полуострове (1808—1814). — 188, 189, 199, 214, 485.

Нёйхауз (Neuhaus) — врач из Тюрингии, командир отряда в баденско-пфальцской революционной армии в 1849 году. — 219.

Николай I (1796—1855) — русский император (1825—1855). — 140, 141, 233, 309.

Нотъюнг (Nothjung), Петер (ок. 1823—1866) — немецкий портной, член кёльнского Рабочего союза и Союза коммунистов, один из подсудимых на кёльнском процессе коммунистов (1852), при-

говорен к шести годам тюремного заключения. — 243, 255, 285.

О

Обермейер (Obermeyer) — владелица помещения в Эльберфельде, где в 1845 г. происходили коммунистические собрания. — 22.

Оди (Hody), А. В. — начальник охранной полиции в Брюсселе в 40-х годах XIX века. — 389.

Озн (Osy) — бельгийский аристократ, в 40-х годах XIX в. занимался хлебными спекуляциями. — 415.

О'Коннор (O'Connor), Фергюс (1794—1855) — один из лидеров левого крыла чартистского движения, основатель и редактор газеты «Northern Star»; после 1848 г. реформист. — 97, 100, ИЗ, 133, 153, 160, 161, 181, 218, 324, 338.

Олсоп (Allsop), Томас (1795— 1880) — английский биржевой маклер, публицист, примыкал к чартистам; в 1858 г. финансировал покушение Орсини на Наполеона III. — 324.

Онеманс (Ohnemans), Энгельберт (род. в 1817 г.) — немецкий ремесленник, эмигрант в Брюсселе в 40-х годах, член Союза коммунистов. — 91.

Оппенхейм (Oppenheim), Генрих Бернхард (1819—1880) — немецкий политический деятель, экономист и журналист, мелкобуржуазный демократ; в 1848 г. один из редакторов берлинской газеты «Reform», с 1849 по 1861 г. находился в эмиграции в Швейцарии, Франции и Англии; впоследствии национал-либерал. — 172, 200, 221, 282, 286, 287, 499, 515.

**Оппенхейм* (Oppenheim), Дагоберт (1809—1889) — немецкий публицист, младогегельянец, один из ответственных издателей «Rheinische Zeitung»; впоследствии отошел от политической деятельности. — 366—368.

Орлеаны — королевская династия во Франции (1830—1848). — 343.

Оттерберг (Otterberg), В. — немецкий мелкобуржуазный демократ, член Немецкого рабочего общества в Брюсселе в 1847 году. — 83, 218.

Отто (Otto) — немецкий эмигрант в Нью-Йорке, в начале 30-х годов XIX в. один из редакторов газеты «Deutsche Schnellpost». — 296.

Оуэн (Owen), Роберт (1771—1858) — великий английский социалист-утопист. — 25, 145, 237, 238.

П

Палафокс-и-Мельси (Palafox y Melci), Хосе (1776—1847) — испанский генерал, участник войны за независимость (1808—1814), руководил защитой Сарагосы (1808—1809). — 203.

Пальмерстон (Palmerston), Генри Джон *Темпл,* виконт (1784— 1865) — английский государственный деятель, в начале своей деятельности тори, с 1830 г. один из лидеров вигов, опиравшийся на правые элементы этой партии, министр иностранных дел (1830— 1834, 1835—1841 и 1846—1851), министр внутренних дел (1852— 1855) и премьер-министр (1855— 1858 и 1859—1865). — 133, 175, 207, 227, 427, 521.

**Пардигон* (Pardigon), Ф. — французский социалист, участник революции 1848—1849 годов; затем эмигрировал в Англию, в начале 50-х годов один из руководителей французского общества эмигрантов-бланкистов в Лондоне. — 468.

Парижский, граф — см. *Луи-Филипп-Альбер,* герцог *Орлеанский.*

Пассос (Passos), Мануэл (в оригинале ошибочно: Жозе), да Сильва (1801—1862) — португальский политический деятель, один из лидеров левого крыла либеральной буржуазии. — 236.

Паулюс (Paulus), Генрих Эберхард Готлоб (1761—1851) — немецкий протестантский теолог, рационалист. — 376.

Пеллеринг (Pellering), Жан (1817— 1877) — один из активных участников рабочего движения в Бельгии, член брюссельской Демократической ассоциации; по профессии сапожник. — 85, 86, 111.

Петти (Pettie), Джон — английский чартист, член общества «Братские демократы». — 331.

Петти (Petty), Уильям (1623— 1687) — выдающийся английский экономист и статистик, родоначальник классической буржуазной политической экономии в Англии. — 149, 335.

Пецлер (Petzler), Иоганн — немецкий мелкобуржуазный демократ, учитель музыки, в 50-х годах XIX в. эмигрант в Лондоне. — 286.

Пиль (Peel), Роберт (1788—1850) — английский государственный деятель, лидер умеренных тори (пилитов); министр внутренних дел (1822—1827 и 1828—1830), премьер-министр (1834—1835, 1841—1846), при поддержке либералов провел отмену хлебных законов (1846). — 214.

Пинто (Pinto), Исаак (1715— 1787) — крупный голландский биржевой делец, экономист. — 488.

Пипер (Pieper), Вильгельм (род. ок. 1826 г.) — немецкий филолог и журналист, член Союза коммунистов, эмигрант в Лондоне; в 1850—1853 гг. был близок к Марксу и Энгельсу. — 155, 158, 173, 184, 185, 190—192, 194, 196, 203, 205, 221, 222, 224, 227, 228, 230, 231, 262, 319, 320, 323, 325, 326, 328, 332, 334, 336—338, 343, 344, 346, 349, 474, 478, 479, 490.

Пито (Peto), Самюэл Мортон (1809—1889) — английский предприниматель, занимался строительством железных дорог; член парламента, либерал; после краха фирмы в 1866 г. отошел от общественной жизни. — 168.

Питт (Pitt), Уильям, Младший (1759—1806) — английский государственный деятель, один из лидеров тори; премьер-министр (1783—1801 и 1804—1806). — 133.

Пласман (Plasman) — владелец фирмы в Кёльне в 40-х годах XIX века. — 122, 128, 437.

Помпери (Pompery), Эдуар *де* (1812—1895) — французский писатель и публицист, в 30—40-х годах сторонник и пропагандист фурьеризма. — 381—382.

Портер (Porter), Джордж (1792— 1852) — английский буржуазный экономист и статистик. — 509.

Пост (Post), Карл — знакомый Маркса в 40-х годах XIX века. — 442.

Потье (Pottier), Эжен (1816— 1887) — французский пролетарский поэт, в 40-х годах известен как автор ряда революционных песен; член Парижской Коммуны 1871 г., автор пролетарского гимна «Интернационал» (июнь 1871). — 140.

Прайс (Price), Ричард (1723— 1791) — английский радикальный публицист, экономист и философ-моралист. — 280.

Прален (Praslin), Альтарис Розальба Фанни, герцогиня *де Шуазель* (1807—1847) — жена Шарля Пралена, герцога де Шуазель. — 94.

Прален (Praslin), Шарль, герцог *де Шуазель* (1805—1847) — французский аристократ; в 1847 г. состоялся его процесс по делу об убийстве жены. — 94, 111.

**Прудон* (Proudhon), Пьер Жозеф (1809—1865) — французский публицист, экономист и социолог, идеолог мелкой буржуазии, один из родоначальников анархизма, в 1848 г. депутат Учредительного собрания. — 32, 39—42, 48, 49, 58—61, 65, 72, 75, 92, 110, 124, 144, 145, 207, 264, 265, 267— 273, 275—284, 294, 298, 302, 305, 321, 323, 329, 331—336, 343, 346, 382,393—395, 401—412, 419, 442, 454, 474, 519.

Прусский, принц — см. *Вильгельм I.*

Пруц (Prutz), Роберт (1816—1872)— немецкий поэт, публицист и историк литературы, буржуазный либерал; был связан с младогегельянцами. — 374.

Пульский (Pulszky), Франциишек (1814—1897) — венгерский политический деятель, писатель и археолог, по происхождению поляк, участник революции 1848— 1849 гг. в Венгрии; после поражения революции эмигрировал за границу, в 50-х годах сотрудничал в газете «New-York Daily Tribune», в 1867 г. после амнистии вернулся в Венгрию, депутат сейма (1867—1876 и 1884— 1897). — 461.

Пфендер (Pfander), Карл (1818— 1876) — деятель немецкого и международного рабочего движения, художник, с 1845 г. эмигрант в Лондоне, член лондонского Просветительного общества немецких рабочих, Центрального комитета Союза коммунистов, Генерального Совета I Интернационала (1864—1867 и 1870—1872), друг и соратник Маркса и Энгельса. — 137, 140, 142, 154, 155, 322, 469.

Пфюцнер (Pfutzner) — немецкий адвокат, дрезденский корреспондент «Rheinische Zeitung». — 374.

Пютман (Puttmann), Герман (1811—1894) — немецкий радикальный поэт и журналист, в середине 40-х годов один из представителей «истинного социализма». — 15, 16, 21, 22, 26, 27, 46, 48, 64, 66, 70, 75, 76, 387.

Р

Раво (Raveaux), Франц (1810— 1851) — немецкий политический деятель, мелкобуржуазный демократ; в 1848—1849 гг. депутат франкфуртского Национального собрания от Кёльна, принадлежал к левому центру; имперский комиссар в Швейцарии, в июне 1849 г. один из пяти имперских регентов; член баденского временного правительства, после поражения баденско-пфальцского восстания эмигрировал из Германии. — 127, 225-226, 255, 329, 470.

Радецкий (Radetzky), Йозеф, граф (1766—1858) — австрийский фельдмаршал, с 1831 г. командовал австрийскими войсками в Северной Италии, в 1848—1849 гг. жестоко подавлял революционное и национально-освободительное движение в Италии; с 1850 по февраль 1857 г. генерал-губернатор Ломбардо-Венецианского королевства. — 311.

Радовиц (Radowitz), Йозеф (1797— 1853) — прусский генерал и государственный деятель, представитель придворной камарильи, в 1848—1849 гг. один из лидеров правого крыла во франкфуртском Национальном собрании. — 237, 500.

Рассел (Russell), Джон (1792— 1878) — английский государственный деятель, лидер вигов, премьер-министр (1846—1852 и 1865—1866), министр иностранных дел (1852—1853 и 1859—1865). — 168, 183, 521.

Реден (Reden), Фридрих Вильгельм Отто Людвиг, барон (1804— 1857) — немецкий статистик и политический деятель, в 1848— 1849 гг. депутат франкфуртского Национального собрания, принадлежал к левому крылу. — 509.

Рёзер (Roser), Петер Герхард (1814—1865) — деятель немецкого рабочего движения; по профессии рабочий-сигарочник; в 1848—1849 гг. заместитель председателя кёльнского Рабочего союза; член Союза коммунистов, один из подсудимых на кёльнском процессе коммунистов (1852), приговорен к шести годам тюремного заключения; позднее примкнул к лассальянцам. — 243, 245.

Рёзинг (Rosing), Иоганнес (род. в 1791 г.) — бременский купец, активный участник демократического движения 30—40-х годов XIX в. в Германии, с 1848 г. возглавлял демократический союз в Бремене. — 128.

Рейнольдс (Reynolds), Джордж Уильям Макартур (1814—1879) — английский политический деятель

и журналист, мелкобуржуазный демократ, издатель газеты «Reynolds's Newspaper». — 154, 181.

Рейнхардт (Reinhardt), Рихард (1829—1898) — немецкий поэт, эмигрант в Париже, секретарь Генриха Гейне, друг семьи Маркса; впоследствии занялся коммерцией. — 43, 98—100, 102, 314, 343, 346, 348.

Рейх (Reich), Франц Йозеф (род. ок. 1812 г.) — немецкий юрист, мелкобуржуазный демократ, участник революции 1848—1849 гг., после поражения революции эмигрировал во Францию, а в 1851 г. в США. — 318, 511.

Рейхенбах (Reichenbach), Оскар, граф (род. в 1815 г.) — силезский помещик, мелкобуржуазный демократ, в 1848—1849 гг. депутат франкфуртского Национального собрания, с 1850 г. эмигрант в Англии, затем в США. — 200, 286, 295, 296, 303, 513.

Рейхенбах (Reichenbach), Эдуард, граф (1812—1869) — видный силезский демократ, в 1848 г. депутат прусского Национального собрания, принадлежал к левому крылу, с октября 1848 г. член Центрального комитета демократов Германии; впоследствии прогрессист. — 200, 295.

Рейххельм (Reichhelm) — немецкий эмигрант в Нью-Йорке, один из собственников «New-Yorker Staatszeitung». — 493.

Рейхштадтский, Жозеф Франсуа Шарль Бонапарт, герцог (1811— 1832) — сын Наполеона I и Марии-Луизы; выдвигался бонапартистами в качестве претендента на французский престол. — 373.

Ремпель (Rempel), Рудольф (1815— 1868) — немецкий предприниматель, в середине 40-х годов «истинный социалист». — 32.

Ренуар (Renouard), Жюль — французский издатель в 30—40-х годах XIX века. — 387.

Ридель (Riedel), Рихард — немец-кии рабочий-обойщик, эмигрант в Брюсселе, с 1847 г. член Союза коммунистов. — 91.

Рикардо (Ricardo), Давид (1772— 1823) — английский экономист, один из крупнейших представителей классической буржуазной политической экономии. — 149, 151, 159, 161, 207, 234.

Рингс (Rings), Л. В. — член Союза коммунистов, вначале 50-х годов XIX в. эмигрант в Лондоне, сторонник Маркса и Энгельса.—143.

Риттингхаузен (Rittinghausen), Мориц (1814—1890) — немецкий публицист, мелкобуржуазный демократ; в 1848—1849 гг. сотрудничал в «Neue Rheinische Zeitung», член I Интернационала, впоследствии состоял (до 1884 г.) в германской социал-демократической партии. — 269.

Ришка (Ryschka), Мартин — венгерский эмигрант в Лондоне в начале 50-х годов XIX века. — 461.

Робертс (Roberts), Уильям Праутинг (1806—1871) — английский юрист, был связан с чартистским и тред-юнионистским движением. — 137.

Робертсон (Robertson) — английский чартист, друг Джорджа Джулиана Гарни. — 153.

Робеспьер (Robespierre), Максимилиан (1758—1794) — выдающийся деятель французской буржуазной революции конца XVIII в., вождь якобинцев, глава революционного правительства (1793—1794). — 267, 281, 284, 341.

Родбертус (Rodbertus), Иоганн Карл (1805—1875) — немецкий вульгарный экономист и политический деятель, идеолог обуржуазившегося прусского юнкерства, проповедник реакционных идей прусского «государственного социализма». — 234, 494.

Рожье (Rogier), Шарль Латур (1800—1885) — бельгийский буржуазный государственный деятель, умеренный либерал; в 1847—1852 гг. министр внутренних дел. — 113.

Роллен — см. *Ледрю-Роллен,* Александр Огюст.

Ронге (Ronge), Иоганнес (1813— 1887) — немецкий священник,

один из инициаторов движения «немецких католиков», стремившихся приспособить католицизм к нуждам немецкой буржуазии, участник революции 1848—1849 гг., мелкобуржуазный демократ; после поражения революции эмигрант в Англии. — 69, 156. 224, 233, 235, 251, 286, 289, 295, 326, 488, 500, 501.

Рот (Roth), Рихард — знакомый Энгельса в Эльберфельде в 40-х годах XIX века. — 7.

Ротаккер (Rothacker), Вильгельм (1828—1859) — немецкий журналист, мелкобуржуазный демократ, член Союза коммунистов, в начале 50-х годов эмигрант в США; один из редакторов «Turnzeitung». — 215.

Ротер (Rother), Христиан (1778— 1849) — прусский государственный деятель, министр финансов (1836—1848). — 47.

Роттек (Rotteck), Карл (1775— 1840) — немецкий буржуазный историк и политический деятель, либерал. — 204.

Ротшильд (Rothschild), Джемс (1792—1868) — глава банкирского дома Ротшильдов в Париже. — 49, 51, 75, 100.

Ротшильды — династия банкиров, имевшая банки во многих странах Европы. — 320, 325, 343.

**Руге* (Ruge), Арнольд (1802— 1880) — немецкий публицист, младогегельянец, буржуазный радикал; в 1848 г. депутат франкфуртского Национального собрания, принадлежал к левому крылу; в 50-х годах один из лидеров немецкой мелкобуржуазной эмиграции в Англии; после 1866 г. национал-либерал. — 9,18,36, 75, 93, 130, 142, 144, 154—157, 168, 173, 175, 183, 200, 203, 204, 216, 221, 224, 233, 237, 250—254, 257, 262, 263, 266, 267. 273, 274, 282, 283, 286—291, 295, 297—299, 338, 355—366, 368—375, 378, 379, 386, 396, 487, 488, 493, 494, 499— 504, 513, 514.

Румпф (Rumpf), Э. — немецкий портной, член Союза коммунистов, с 1851 г. эмигрант в Лондоне, сторонник Маркса и Энгельса. — 292.

Руссо (Rousseau), Жан Жак (1712— 1778) — выдающийся французский просветитель, демократ,идеолог мелкой буржуазии. — 267, 281, 284.

Рутенберг (Rutenberg), Адольф (1808—1869) — немецкий публицист, младогегельянец; в 1842 г. член редакции «Rheinische Zeitung»; после 1866 г. национал-либерал. — 18, 365, 368—369.

Рюль (Ruhl), И. — немецкий рабочий, член лондонского Просветительного общества немецких рабочих, член Генерального Совета I Интернационала (1870—1872). — 448.

С

Савари (Savary), Анн Жан Мари Рене, герцог *де Ровиго* (1774— 1833) — французский генерал, политический деятель и дипломат, участник войн наполеоновской Франции, министр полиции (1810—1814), генерал-губернатор Алжира (1831—1833). — 217, 218.

Сазонов, Николай Иванович (1815— 1862) — русский журналист, либерал, в начале 40-х годов эмигрировал за границу, где сотрудничал в разных журналах и газетах. — 320, 323.

Салданья (Saldanha), Жуан Карлуш, герцог *де* (1791—1876) — португальский буржуазный политический и государственный деятель, маршал, с 50-х годов лидер партии крупной буржуазии, премьер-министр (1847— 1849, 1851—1856 и 1870). — 236.

Сарран (Sarrans), Бернар (1795— 1874) — французский публицист и политический деятель, умеренный, буржуазный республиканец. — 168.

Саути (Southey), Роберт (1774— 1843) — английский поэт и писатель, тори. — 188—189.

Сен-Жюст (Saint-Just), Луи Антуан (1767—1794) — видный деятель

французской буржуазной революции конца XVIII в., один из вождей якобинцев. — 341.

Сен-Симон (Saint-Simon), Анри (1760—1825) — великий французский социалист-утопист. — 36, 236, 283.

Сервантес де Сааведра (Cervantes do Saavedra), Мигель (1547—1616) — великий испанский писатель-реалист. — 261.

Смит (Smith), Адам (1723—1790) — английский экономист, один из крупнейших представителей классической буржуазной политической экономии. — 207, 405.

Спильтхорн (Spilthoorn), Шарль Луи (1804—1872) — бельгийский адвокат, видный деятель демократического движения, участник бельгийской буржуазной революции 1830 г., член брюссельской Демократической ассоциации, председатель Демократической ассоциации в Генте. — 85.

Стивенс (Stevens) — капитан английской шхуны «Корниш Даймонд», на которой Энгельс совершил плавание из Генуи в Лондон в 1849 году. — 452.

Струве (Struve), Амалия (ум. в 1862 г.) — участница демократического движения в Германии в 1848—1849 годах; жена Густава Струве. — 215.

Струве (Struve), Густав (1805— 1870) — немецкий мелкобуржуазный демократ, по профессии журналист; один из руководителей баденских восстаний в апреле и сентябре 1848 г. и баденско-пфальцского восстания 1849 года; после поражения революции эмигрировал из Германии; один из лидеров немецкой мелкобуржуазной эмиграции в Англии; участник Гражданской войны в США на стороне северян. — 154, 183, 200, 204, 215, 285, 457, 466, 467, 482, 500—501, 528.

Стэнли — см. *Дерби,* Эдуард Джордж Джефри Смит *Стэнли,* граф.

Стюарт (Steuart), Джемс (1712— 1780) — английский буржуазный экономист, один из последних представителей меркантилизма. — 335.

Сульт (Soult), Никола Жан (1769— 1851) — французский маршал и государственный деятель, отличался крайней беспринципностью в политике; премьер-министр (1832—1834, 1839—1840 и 1840— 1847). — 424.

Т

Талейран-Перигор (Talleyrand-Perigord), Шарль Морис, князь (1754—1838) — знаменитый французский дипломат, министр иностранных дел (1797—1799, 1799— 1807, 1814—1815), представитель Франции на Венском конгрессе (1814—1815); отличался крайней беспринципностью в политике и корыстолюбием. — 141, 225, 373.

Таузенау (Tausenau), Карл (1808— 1873) — австрийский политический деятель, видный представитель левого крыла мелкобуржуазной демократии, глава Центрального комитета демократических союзов в Вене в период революции 1848 года; с 1849 г. эмигрант в Лондоне. — 173, 200, 286—290, 499.

Тедеско (Tedesco), Виктор (1821— 1897) — бельгийский адвокат, революционный демократ и социалист, участник рабочего движения, один из основателей брюссельской Демократической ассоциации; в 1847—1848 гг. был близок к Марксу и Энгельсу; подсудимый на процессе Рискон-Ту, приговорен к смертной казня, замененной 30-ю годами заключения; освобожден в 1854 году. — 99, 101, 112, 116.

Теллеринг — см. *Мюллер-Теллеринг,* Эдуард.

Тессье дю Мотe (Tessier du Mothay) — французский социалист, участник революции 1848— 1849 гг., в 50-х годах эмигрант в Лондоне, член французского общества эмигрантов-бланкистов в Лондоне. — 179, 180.

Техов (Techow), Густав Адольф (1813—1893) — прусский офицер, мелкобуржуазный демократ, участник революционных событий 1848 г. в Берлине, начальник генерального штаба пфальцской революционной армии; после поражения баденско-пфальцского восстания 1849 г. эмигрировал в Швейцарию, в 1852 г. переехал в Австралию. — 286, 288, 290. 296, 309—318, 343, 513, 515.

Тиме (Thieme) — немецкий издатель в Хагене в 40-х годах XIX века. — 16.

Толстой, Григорий Михайлович (1808—1871) — русский помещик, либерал, знакомый Маркса и Энгельса в Париже в 40-х годах. — 42, 51, 74, 419.

Толстой, Яков Николаевич (1791— 1867) — русский эмигрант в Париже, с 1837 г. тайный агент царского правительства. — 42, 51.

Тома (Thomas), Клеман (1809— 1871) — французский политический деятель, генерал, умеренный, буржуазный республиканец, один из издателей, а в период революции 1848 г. временно редактор газеты «National»; в период Второй республики депутат Учредительного собрания, участник подавления июньского восстания 1848 г. в Париже; командующий национальной гвардией Парижа (ноябрь 1870 — февраль 1871), предательски саботировал оборону города; 18 марта 1871 г. расстрелян восставшими солдатами. — 63.

Томис (Thomis) — член Немецкого рабочего общества в Брюсселе в 1847 году. — 87, 88.

Томпсон (Thompson), Томас Перронет (1783—1869) — английский буржуазный политический деятель, вульгарный экономист, фритредер. — 133.

**Трюцшлер* (Trutzschler), Вильгельм Адольф (1818—1849) — немецкий политический деятель, мелкобуржуазный демократ, в 1848—1849 гг. депутат франкфуртского Национального собрания, принадлежал к крайнему левому крылу, один из руководителей Центрального мартовского союза; за участие в баденско-пфальцском восстании 1849 г. был расстрелян прусскими войсками. — 435.

Тук (Tooke), Томас (1774—1858) — английский буржуазный экономист, примыкал к классической школе политической экономии; критик теории денег Рикардо. — 162, 509.

Тьер (Thiers), Адольф (1797— 1877) — французский буржуазный историк и государственный деятель, премьер-министр (1836, 1840); в 1848 г. депутат Учредительного собрания, в 1849—1851 гг. депутат Законодательного собрания, орлеанист; президент республики (1871—1873), палач Парижской Коммуны. — 63, 74, 99, 188, 218, 240, 339, 340, 445, 485.

Тьерри (Thierry) — французский эмигрант, в начале 50-х годов XIX в. член комитета французского общества эмигрантов-бланкистов в Лондоне. — 141.

Тьерри (Thierry), Огюстен (1795— 1856) — французский либерально-буржуазный историк периода Реставрации. — 80.

У

Ульмер (Ulmer), Иоганн — немецкий рабочий, член Союза коммунистов, в начале 50-х годов XIX в эмигрант в Лондоне, во время раскола Союза коммунистов сторонник Маркса и Энгельса. — 253, 290—292, 313.

Уотс (Watts), Джон (1818—1887) — английский публицист, сначала социалист-утопист, последователь Оуэна, затем буржуазный либерал, апологет капитализма. — 42, 144—145, 169, 170, 285, 496.

Уттенхофен (Uttenhoven), (ум. в 1849 г.) — прусский офицер,

известный своими реакционными взглядами; убит во время восстания в Эльберфельде в мае 1849 года. — 439.

Ф

Фабрициус (Fabricius), Франц — франкфуртский купец, мелкобуржуазный демократ. — 486.

Фанон (Fanon) — французский эмигрант, в начале 50-х годов XIX в. член комитета французского общества эмигрантов-бланкистов в Лондоне. — 141, 142, 144, 534.

Фатке (Vatke), Вильгельм (1806— 1882) — немецкий протестантский теолог, гегельянец, профессор Берлинского университета. — 355, 361—362.

Фаухер (Faucher), Жюль (Юлиус) (1820— 1878) — немецкий публицист, младогегельянец; сторонник свободы торговли, в начале 50-х годов проповедовал буржуазно-индивидуалистические, анархистские взгляды, в 1850— 1861 гг. эмигрант в Англии; впоследствии прогрессист. — 233, 235, 274, 282, 499.

Федер (Faider), Виктор — бельгийский адвокат и политический цеятель, буржуазный демократ.— 116, 117.

**Фейербах* (Feuerbach), Людвиг (1804— 1872) — крупнейший немецкий философ-материалист домарксовского периода. — 12, 21, 22, 32. 33, 45, 53—57, 143, 298, 320, 323, 355, 360, 374—377, 379—383, 385.

**Феннер фон Фенненберг* (Fenner von Fenneberg), Даниель (1820— 1863) — австрийский офицер, командующий национальной гвардией Вены в 1848 г., затеи главнокомандующий и начальник штаба пфальцской революционной армии, после неудачной попытки захватить крепость Ландау был отстранен от должности; после поражения восстания эмигрировал из Германии. — 264, 438—439.

Фиески (Fieschi) — эмигрант в Лондоне в 50-х годах XIX века. — 143.

Фиклер (Ficlder), Йозеф (1808— 1865) — немецкий журналист, мелкобуржуазный демократ, один из руководителей баденского демократического движения в 1848—1849 годах. — 250—253, 256—257, 266, 286—289, 494, 501, 513.

Фикс (Fix), Теодор (1800—1846) — французский вульгарный буржуазный экономист и публицист, сотрудничал в ряде периодических изданий, в том числе и в «Journal des Economistes». — 44, 45.

Филипс (Philips), Жак — двоюродный брат Карла Маркса. — 105.

Филипс (Philips), Лион (ум. в 1866 г.) — дядя Карла Маркса. — 472.

Фихте (Fichte), Иоганн Готлиб (1762— 1814) — представитель классической немецкой философии, субъективный идеалист. — 362.

Фишер (Fischer) — немецкий журналист, мелкобуржуазный демократ, участник баденско-пфальцского восстания 1849 г., после поражения восстания эмигрировал в США. — 215, 217, 220, 283, 288, 292—294, 296, 329—331.

Фишер (Fischer), Ф. — член Союза коммунистов. — 88.

Флейшер (Fleischer), Карл Мориц (1809— 1876) — немецкий публицист, сотрудник «Rheinische Zeitung». — 374.

Флокон (Flocon), Фердинан (1800— 1866) — французский политический деятель и публицист, мелкобуржуазный демократ, один из редакторов газеты «Reforme»; в 1848 г. член временного правительства. — 93—95, 97—99, 106, 110, 114, 341, 422—424, 491.

Флоренкур (Florencourt), Франц фон (1803—1886) — немецкий публицист, редактор ряда немецких периодических изданий; в начале своей деятельности либерал, впоследствии консерватор.— 219.

Фоглер (Vogler), К. Г. — немецкий издатель в Брюсселе, член Союза коммунистов. — 57, 79, 81, 115, 396.

Фольк (Volk) — немецкий эмигрант, мелкобуржуазный демократ, в 1848 г. член Немецкого демократического общества в Париже. — 526.

Фоше (Faucher), Леон (1803— 1854) — французский буржуазный публицист и политический деятель, орлеанист, экономист-мальтузианец, министр внутренних дел (декабрь 1848 — май 1849, 1851), позднее бонапартист. — 244, 324, 325, 327.

Франк (Frank), А. — издатель в Париже в 40 — первой половине 60-х годов XIX века. — 98, 99, 102, 384.

Франк (Franck), Густав (ум. в 1860 г.) — австрийский мелкобуржуазный демократ, в начале 50-х годов XIX в. эмигрант в Лондоне. — 286, 289.

Франк (Franck), Пауль — немецкий журналист, мелкобуржуазный демократ, с начала 50-х годов XIX в. эмигрант в США, участник Гражданской войны на стороне северян. — 225.

Франц-Иосиф I (1830—1916) — австрийский император (1848— 1916). — 233.

**Фрёбель* (Frobel), Юлиус (1805— 1893) — немецкий публицист и издатель прогрессивной литературы, мелкобуржуазный радикал; участник революции 1848—1849 гг. в Германии, депутат франкфуртского Национального собрания, принадлежал к левому крылу; либерал. — 18, 51, 378— 379, 398.

Фрейлиграт (Freiligrath), Ида — жена Фердинанда Фрейлиграта. — 446, 452, 520.

**Фрейлиграт* (Freiligrath), Фердинанд (1810—1876) — немецкий поэт, в начале своей деятельности романтик, затем революционный поэт, в 1848—1849 гг. один из редакторов «Neue Rheinische Zeitung», член Союза коммунистов; в 50-х годах отошел от революционной борьбы. — 122,132,225, 232, 236, 242, 243, 251, 253, 267, 274, 292—294, 319, 321, 326. 438, 441, 444—446, 451—452, 458— 459, 463, 486, 488, 492, 494, 504, 506, 508, 511, 513, 519—521, 532, 536.

Фридрих II (1712—1786) — прусский король (1740—1786). — 211.

Фридрих-Вильгельм IV (1795— 1861) — прусский король (1840— 1861). — 48, 112, 142, 233, 372, 419, 488.

Фуко (Foucault), Леон (1819— 1868) — выдающийся французский физик. — 221.

Фульд (Fould) — один из совладельцев банкирского дома в Париже. — 421.

Фурье (Fourier), Шарль (1772— 1837) — великий французский социалист-утопист. — 13, 24, 25, 33, 36, 382, 401, 411.

X

Хаген (Hagen), Карл (1810— 1868) — немецкий историк, политический деятель; с 1836 г. приват-доцент университета в Гейдельберге, в 1848—1849 гг. депутат франкфуртского Национального собрания, принадлежал к крайнему левому крылу, с 1855 г. профессор в Берне. — 379.

**Хаген* (Hagen), Теодор (1823— 1871) — член Союза коммунистов в Гамбурге, издатель «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue». — 462—465.

Хайн (Hain), Август — немецкий эмигрант в Лондоне, член Союза коммунистов, в период раскола Союза в 1850 г. сторонник Маркса и Энгельса. — 262, 495.

Хант (Hunt), Торнтон Ли (1810— 1873) — английский журналист, буржуазный радикал, в 40— 50-х годах участвовал в чартистском движении. — 338.

Хассе (Hasse), Фридрих Рудольф (1808—1862) — немецкий теолог, профессор Боннского университета. — 361.

Хассенпфлуг (Hassenpflug), Ганс Даниель (1794—1862) — немецкий реакционный государственный деятель, в 1832 г. министр юстиции и внутренних дел в Кургессене, в 1850 г. глава министерства. — 495.

Хауг (Haug), Эрнст — австрийский офицер, мелкобуржуазный демократ, участник революции 1848— 1849 гг. в Италии; после поражения революции эмигрировал в Англию, один из редакторов еженедельника «Kosmos». — 202, 221, 224, 233, 237, 282, 286, 287, 289, 500, 501.

Хауде (Haude) — участник демократического движения 40-х годов XIX в. в Германии, член Союза коммунистов, в период раскола Союза в 1850г. принадлежал к сектантско-авантюристской фракции Виллиха—Шаппера, в 1850 г. эмиссар фракции в Германии. — 142, 143, 246, 491, 534.

Хауитт (Howitt), Уильям (1792— 1879) — английский писатель, автор книг по истории христианства и по ряду других вопросов. — 243.

Хаупт (Haupt), Герман Вильгельм (род. ок. 1831 г.) — немецкий торговый служащий, член Союза коммунистов, один из арестованных по делу кёльнских коммунистов, дал предательские показания во время следствия, освобожденный полицией до суда, бежал в Бразилию. — 155, 258, 319, 322, 323, 326—327, 329, 330, 333, 498.

Хейзе (Heise), Генрих (ум. в 1860 г.) — немецкий мелкобуржуазный демократ и публицист, один из редакторов газеты «Hornisse» (1848—1850), участник революции 1848—1849 гг. в Германии, затем эмигрант в Англии. —-172.

Хейльберг (Heilberg), Луи (род. в 1818 г.) — немецкий журналист, политический эмигрант в Брюсселе, в 1846 г. член Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета. — 83—86, 90, 100, 139.

Хенце (Hentze), А. — немецкий офицер, член Союза коммунистов; после раскола Союза в 1850 г. принадлежал к сектантско-авантюристской фракции Виллиха — Шаппера, свидетель обвинения на кёльнском процессе коммунистов (1852). — 455.

Херст (Hurst), Амброз — английский чартист, после 1848 г. реформист. — 160.

Хертле (Hertle), Даниель (род. в 1824 г.) — немецкий журналист, мелкобуржуазный демократ, участник баденско-пфальцского восстания 1849 года; в 1850 г. эмигрировал в США. — 289.

Хилл (Hill) — служащий конторы фирмы «Эрмен и Энгельс» в Манчестере в 50—60-х годах XIX века. — 208, 475.

Хине (Hine), Л. А. — немецкий мелкобуржуазный демократ, в 50-х годах XIX в. эмигрант в США. — 160.

Холлингер (Hollinger) — немецкий эмигрант в Лондоне. — 290, 291.

Хофф (Hoff), Генрих — немецкий издатель, участник революции 1848—1849 гг. в Германии, после поражения революции эмигрировал в США. — 296, 506.

Хофштеттер (Hoffstetter), Густав (1818—1874)—швейцарский офицер и военный писатель, участник войны против Зондербунда, в 1849 г. сражался в отряде Гарибальди. — 496.

Христиансен (Christiansen), Иоганнес (1809—1853) — немецкий юрист, историк римского права, профессор Кильского университета. — 360.

Хюнербейн (Huhnerbein), Ф. В. — немецкий коммунист, по профессии портной; член Комитета безопасности во время восстания в Эльберфельде в мае 1849 года. — 121, 193.

Ц

Цезарь (Гай Юлий Цезарь) (ок. 100—44 до н. э.) — знаменитый

римский полководец и государственный деятель. — 175.

Цицерон (Марк Туллий Цицерон) (106—43 до н. э.) — выдающийся римский оратор и государственный деятель, философ-эклектик. — 199.

Цулауф (Zulauff) — немецкий коммунист в 40-х годах XIX века. — 121, 413.

Ш

Шабелиц (Schabelitz) — швейцарский издатель и книготорговец, отец Якоба Шабелица. — 449—450, 456.

**Шабелиц* (Schabelitz), Якоб (1827—1899) — швейцарский издатель и книготорговец, буржуазный радикал; в конце 40 — начале 50-х годов поддерживал связь с Марксом и Энгельсом. — 155, 267, 287, 296, 449—450, 456—457.

Шангарнье (Changarnier), Никола Анн Теодюль (1793—1877) — французский генерал и буржуазный политический деятель, монархист; в период Второй республики депутат Учредительного и Законодательного собраний; после июня 1848 г. командующий гарнизоном и национальной гвардией Парижа, принимал участие в разгоне демонстрации 13 июня 1849 г. в Париже, в 1851 г. был выслан из Франции. — 235, 238, 240, 324, 327, 328, 339, 340.

Шаппер (Schapper), Карл (1812— 1870) — видный деятель немецкого и международного рабочего движения, один из руководителей Союза справедливых, член Центрального комитета Союза коммунистов, участник революции 1848—1849 гг. в Германии; в феврале — мае 1849 г. председатель кёльнского Рабочего союза; в 1850 г. один из лидеров сектантско-авантюристской фракции во время раскола Союза коммунистов; с 1856 г. вновь сблизился с Марксом; член Генерального Совета I Интернационала. — 114, 141, 143, 144,171— 173, 180, 190, 191, 195, 197, 202, 203, 215, 216, 222, 246, 250—251, 256, 292, 293, 295, 301, 306, 313, 319, 334, 338, 339, 343, 350, 444, 477—479, 487—491, 493, 494, 498, 526, 534.

Швеглер (Schwegler), Альберт (1819—1857) — немецкий теолог, философ, филолог и историк. — 374.

Шейдлер (Scheidler) — редактор газеты «Preussische Lithographische Correspondenz» в 50-х годах XIX века. — 287.

Шекспир (Shakespeare), Вильям (1564—1616) — великий английский писатель. — 97, 171, 343.

Шелли (Shelley), Перси Биши (1792—1822) — выдающийся английский поэт, представитель революционного романтизма, атеист. — 21.

Шеллинг (Schelling), Фридрих Вильгельм (1775—1854) — представитель классической немецкой философии, объективный идеалист; позднее ярый враг науки, поборник религии. — 362, 376— 377.

Шёльше (Schoelcher), Виктор (1804—1893) — французский политический деятель и публицист, левый республиканец; в период Второй республики депутат Учредительного и Законодательного собраний. — 298.

Шенк (Schenk) — прусский чиновник, в начале 50-х годов заместитель бургомистра Кёльна. — 219.

Шертнер (Scharttner), Август — бондарь в Ханау, участник революции 1848—1849 гг. и баденско-пфальцского восстания 1849 г., затем эмигрант в Лондоне, владелец кабачка, где собирались немецкие мелкобуржуазные эмигранты, член Союза коммунистов, после его раскола в 1850 г. принадлежал к сектантско-авантюристской фракции Виллиха — Шаппера, член ее Центрального комитета. — 141, 253, 254, 286, 326, 343, 498.

Шерцер (Scherzer), Андреас (1807— 1879) — немецкий портной, член

одной из парижских общин, принадлежавших после раскола Союза коммунистов в 1850 г. к сектантско-авантюристской фракции Виллиха — Шаппера, один из обвиняемых по делу о так называемом немецко-французском заговоре в Париже в феврале 1852 года; впоследствии эмигрировал в Англию, один из руководителей Просветительного общества немецких рабочих в Лондоне, издатель газеты «Neue Zeit» и сотрудник газеты «Volk». — 115.

Шили (Schily), Виктор (1810— 1875) — немецкий мелкобуржуазный демократ, по профессии адвокат, участник баденско-пфальцского восстания 1849 г., затем эмигрировал из Германии, член I Интернационала. — 444.

Шиллер (Schiller), Фридрих (1759— 1805) — великий немецкий писатель. — 44, 320, 370.

Шиммельпфенниг (Schimmelpfennig), Александр (1824—1865) — прусский офицер, мелкобуржуазный демократ, участник баденско-пфальцского восстания 1849 г., затем эмигрант, примыкал к сектантско-авантюристской фракции Виллиха — Шаппера; участник Гражданской войны в США на стороне северян. — 216, 236, 238, 239, 286, 288, 291, 513— 515.

Шимони (Simonyi), Эрнё (1821— 1882) — венгерский политический деятель, участник революции 1848—1849 гг. в Венгрии, после поражения революции эмигрировал за границу, в начале 50-х годов XIX в. член венгерского демократического союза в Лондоне. — 141, 144.

Шлепфер (Schlaepfer), Иоганн Михаэль (1822—1885) — швейцарский издатель. — 70, 75, 79.

Шлёффель (Schloffel), Густав Адольф (1828—1849) — немецкий студент и журналист, революционер, активный участник революций 1848—1849 гг. в Германии и Венгрии; погиб в бою. — 433.

Шмидт (Schmidt) — железнодорожный кондуктор. — 325.

Шмидт (Schmidt), Симон — немецкий рабочий-кожевник, один из организаторов Союза справедливых, сторонник Вейтлинга. — 38.

Шмольце (Schmolze), Карл Генрих (1823—1859) — немецкий художник-карикатурист и поэт; участник революции 1848—1849 гг., затем эмигрировал из Германии. — 286.

Шнаке (Schnake), Фридрих — немецкий журналист, в середине 40-х годов XIX в. «истинный социалист». — 119.

Шнауффер (Schnauffer), Карл Генрих (1823—1854) — немецкий поэт и журналист, мелкобуржуазный демократ; участник революционного движения 1848—1849гг. в Бадене; после поражения баденско-пфальцского восстания 1849 г. эмигрировал из Германии. — 215.

Шрамм (Schramm), Конрад (ок. 1822—1858) — видный участник немецкого рабочего движения, член Союза коммунистов, с 1849 г. эмигрант в Лондоне, ответственный издатель журнала «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue», во время раскола Союза коммунистов в 1850 г. сторонник Маркса; друг и соратник Маркса и Энгельса. — 137—139, 143, 146, 154, 156, 158, 160, 171, 184—185, 190—192, 194—198, 202, 203, 221, 222, 227, 232, 261—264, 267, 303, 306, 309, 314, 318, 322, 334, 458, 459, 478, 479, 490, 527—528, 531, 535.

Шрамм (Schramm), Рудольф (1813— 1882) — немецкий публицист, мелкобуржуазный демократ, в 1848 г. депутат прусского Национального собрания, принадлежал к левому крылу; после революции эмигрировал в Англию; выступал против Маркса; в 60-х годах сторонник Бисмарка; брат Конрада Шрамма. — 137, 138, 156, 183, 200, 262, 267, 290—292, 295, 467. 494.

Штандау (Standau), Юлиус — немецкий учитель, участник демократического движения 30—40-х годов XIX в. в Германии, один из организаторов Военного союза в Биле (Швейцария), после поражения революции эмигрировал в США. — 432.

Штемпфли (Stampfli), Якоб (1820— 1879) — швейцарский буржуазный государственный деятель, радикал; в 40-х и 50-х годах основатель и редактор «Berner-Zeitung»; президент Швейцарского союза (1856, 1859 и 1862). — 127.

Штехан (Stecchan), Готлиб Людвиг (род. ок. 1814 г.) — немецкий рабочий-столяр из Ганновера, член Союза коммунистов, после раскола Союза в 1850 г. принадлежал к сектантско-авантюристской фракции Виллиха — Шаппера; с декабря 1851 г. примкнул к сторонникам Маркса и Энгельса, с января 1852 г. возглавлял рабочее общество в Лондоне. — 313, 314, 319, 326, 330, 338, 339.

Штехели (Stehely) — владелец кондитерской в Берлине, где собирались члены кружка «Свободных». — 18.

Штибель (Stiebel) — кредитор Маркса в Лондоне. — 205, 468.

**Штибер* (Stieber), Вильгельм (1818— 1882) — прусский полицейский чиновник, начальник прусской политической полиции (1850—1860), один из организаторов судебного процесса в Кёльне против членов Союза коммунистов и главный свидетель на этом процессе (1852). — 227, 433—434.

Штилер (Stieler), Адольф (1775— 1836) — известный немецкий картограф. — 485, 496.

Штирнер (Stirner), Макс (литературный псевдоним Каспара *Шмидта*) (1806— 1856) — немецкий философ, младогегельянец, один из идеологов буржуазного индивидуализма и анархизма. — 11—13, 15, 18, 75, 78, 259, 262, 279, 294, 385.

Штродтман (Strodtmann), Адольф (1829—1879) — немецкий писатель, буржуазный демократ, участник революционного движения в Шлезвиг-Гольштейне в 1848 г., в 1850 г. эмигрировал из Германии, автор биографической работы о Кинкеле. — 286, 502.

Штрюккер (Strucker), Ф. В. — товарищ Энгельса в Эльберфельде. — 7, 8, 14.

Штукке (Stucke), Карл Фридрих (1800— 1871) — немецкий врач, член наблюдательного совета «Rheinische Zeitung». — 373.

Штумпф (Stumpf), Пауль (ок. 1827—1913) — деятель немецкою рабочего движения, по профессии механик; в 1847 г. член Немецкого рабочего общества в Брюсселе, член Союза коммунистов, участник революции 1848— 1849 гг. в Германии, член I Интернационала, делегат Лозаннского конгресса I Интернационала (1867), член Социал-демократической партии Германии. — 108, 313—314.

Штупп (Stupp), Генрих Йозеф — прусский чиновник, клерикал; в 1848 г. депутат прусского Национального собрания, принадлежал к правому крылу; в начале 50-х годов обер-бургомистр Кёльна. — 219, 226.

**Шуберт* (Schuberth), Юлиус — немецкий издатель, в 1850 г. издавал в Гамбурге журнал «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue». — 155, 461— 462, 464—465, 473, 534.

Шульц (Schulz), Луи — кёльнский купец, буржуазный демократ, ответственный издатель «Rheinische Zeitung». — 121, 122, 250, 253— 254, 260.

Шурц (Schurz), Карл (1829—1906) — немецкий мелкобуржуазный демократ, участник баденско-пфальцского восстания 1849 года; эмигрировал в Швейцарию; позднее государственный деятель США. — 286, 287, 291, 318—319, 329, 502, 513, 515.

**Шустер* (Schuster), Теодор — немецкий мелкобуржуазный социалист, последователь Сисмонди; в 30-х годах один из руководителей Союза отверженных; в 40-х годах отходит от социализма и становится сторонником «мирного прогресса» в Германии; в 50-х годах оказывал материальную помощь немецким эмигрантам. — 201, 304, 306, 468—469, 472, 489, 498.

Шюллер (Schuller) — немецкий издатель в Дюссельдорфе. — 332.

Шюц (Schutz) — немецкий мелкобуржуазный демократ, участник баденско-пфальцского восстания 1849 г., представитель баденского временного правительства в Париже; впоследствии эмигрировал в Англию. — 129—130.

Э

Эбер (Hebert), Мишель Пьер Алексис (1799—1887) — французский юрист и консервативный государственный деятель, орлеанист, член палаты депутатов (1834—1848), с 1841 г. главный прокурор королевского суда, министр юстиции (1847 — февраль 1848). — 79.

**Эбнер* (Ebner), Герман — немецкий журналист, в 40—50-х годах XIX в. тайный агент австрийской полиции. — 263, 321, 326, 332, 334, 336, 499—506, 512—516, 520.

Эвербек (Ewerbeck), Август Герман (1816—1860) — немецкий врач и литератор, руководитель парижских общин Союза справедливых, позже член Союза коммунистов, из которого вышел в 1850 году. — 5, 8, 18, 31, 32, 34—36, 38—40, 43, 44, 47, 49, 50, 58, 61, 67, 68, 76, 77, 80, 81, 94, 95, 119, 120, 284, 320, 323, 327, 381, 414, 426, 438.

Эйзен (Eisen) — книготорговец в Кёльне в 50-х годах XIX в., занимался распространением журнала «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue». — 462, 465, 534.

Эйзерман (Eisermann) — немецкий рабочий-столяр, сторонник Карла Грюна в 40-х годах XIX века. — 39—41, 49, 58—60, 63, 64, 67, 80.

Эйххорн (Eichhorn), Иоганн Альбрехт Фридрих (1779—1856) — прусский государственный деятель, министр по делам культа, просвещения и медицины в Пруссии (1840—1848). — 357.

Эккариус (Eccarius), Иоганн Георг (1818—1889) — немецкий рабочий-портной, видный деятель международного рабочего движения, член Союза справедливых, затем Союза коммунистов, член Генерального Совета I Интернационала, позднее участник английского тред-юнионистского движения. — 142, 155, 173, 333, 519.

Эккариус (Eccarius), Иоганн Фридрих — немецкий рабочий-портной, член Союза коммунистов; с 1851 г. эмигрант в Лондоне, во время раскола Союза коммунистов сторонник Маркса и Энгельса; брат Иоганна Георга Эккариуса. — 333.

Эленшлегер (Oehlenschlager), Адам Готлоб (1779—1850) — выдающийся датский писатель, представитель демократического романтизма в Дании. — 71—72.

Эльснер (Elsner), Карл Фридрих Мориц (1809—1894) — силезский публицист и политический деятель, радикал, в 1848 г. депутат прусского Национального собрания, принадлежал к левому крылу; в 50-х годах один из редакторов «Neue Oder-Zeitung». — 203.

Энбер (Imbert), Жак (1793—1851) — французский социалист, участник лионского восстания 1834 г., в 40-х годах эмигрант в Бельгии, вице-президент брюссельской Демократической ассоциации,поело февральской революции 1848 г. комендант Тюильри. — 84, 85, 87, 90, 424.

**Энгельс* (Engels) — прусский полковник, с 1851 г. генерал, комендант Кёльна в 40—50-х гг. XIX века. — 226, 439—441.

Энгельс (Engels), Анна (1825— 1853) — сестра Фридриха Энгельса. — 427.

Энгельс (Engels), Герман (1822— 1905) — брат Фридриха Энгельса, фабрикант в Бармене. — 7, 298, 300, 302, 304.

Энгельс, Мария — см. *Бланк,* Мария.

Энгельс (Engels), Рудольф (1831— 1903) — брат Фридриха Энгельса. — 27—28.

Энгельс (Engels), Фридрих (1796— 1860) — отец Фридриха Энгельса. — 19, 20, 23, 27. 28, 30, 118, 119, 122—124, 143, 145, 152, 170, 189, 208, 247—249, 301, 392, 421, 474, 475.

Энгельс (Engels), Хедвига (1830— 1904) — сестра Фридриха Энгельса. — 27—28.

Энгельс (Engels), Элиза Франциска (1797— 1873) — мать Фридриха Энгельса. — 22, 28, 124, 301, 421, 427.

Эрмен (Ermen), Антон — один из компаньонов манчестерской фирмы «Эрмен и Энгельс». — 426.

Эрмен (Ermen), Готфрид — один из компаньонов манчестерской фирмы «Эрмен и Энгельс». — 248, 474, 475.

Эрмен (Ermen), Петер (Питт) — один из компаньонов манчестерской фирмы «Эрмен и Энгельс». — 145, 206, 248, 261, 344, 474, 475.

Эрнст-Август (1771—1851) — ганноверский король (1837—1851).— 255, 258.

Эсселлен (Essellen), Христиан (1823— 1859) — немецкий мелкобуржуазный демократ и публицист, в 1848 г. один из руководителей франкфуртского Рабочего союза, редактор «Allgemeine Arbeiter-Zeitung»; впоследствии эмигрировал в США. — 108—109, 116, 451, 457.

Эссер (Esser), Христиан Йозеф (род. ок. 1809 г.) — немецкий рабочий, член кёльнского Рабочего союза, в 1849 г. редактор газеты «Freiheit, Bruderlichkeit, Arbeit». — 299.

Ю

Ювенал (Децим Юний Ювенал) (род. в 60-х гг. — ум. после 127 г.) — знаменитый римский поэт-сатирик. — 172.

Юлиус (Julius), Густав (1810— 1851) — немецкий публицист, мелкобуржуазный демократ, представитель «истинного социализма». — 45, 47, 183, 200, 263, 274, 506.

Юнг (Jung), Александр (1799— 1884) — немецкий писатель, историк литературы, публицист, был близок к литературной группе «Молодая Германия». — 366.

Юнг (Jung), Георг (1814—1886) — немецкий публицист, младогегельянец, один из ответственных издателей, «Rheinische Zeitung», мелкобуржуазный демократ; в 1848 г. депутат прусского Национального собрания, принадлежал к левому крылу. — 9, 20, 359, 366, 387, 459.

Юнге (Junge), Адольф Фридрих — немецкий рабочий, один из видных деятелей Союза справедливых, с 1847 г. член Союза коммунистов. — 40, 49, 60, 63, 67, 76, 77, 87, 88, 91.

Я

Якоби (Jacobi), Абраам (1830— 1919) — немецкий врач, член Союза коммунистов, один из подсудимых на кёльнском процессе коммунистов (1852), оправдан судом присяжных на этом процессе, но продолжал находиться в заключении по обвинению в «оскорблении величества»; в 1853 г. эмигрировал в Англию, затем в США, где участвовал в пропаганде идей марксизма в печати; участник Гражданской войны на стороне северян, профессор и президент ряда медицинских учреждений в США, автор ряда работ по медицине. — 246.

Якоби (Jacoby), Иоганн (1805— 1877) — немецкий публицист и политический деятель, буржуазный демократ; в 1848 г. один из руководителей левого крыла в

прусском Национальном собрании; в 1849 г. депутат второй палаты, принадлежал к крайнему левому крылу; в 70-х годах примыкал к социал-демократам. — 92, 259.

Яков I (1566—1625) — английский король (1603—1625). — 48.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ

Адонис — в древнегреческой мифологии бог умирающей и воскресающей растительности; изображался прекрасным юношей, возлюбленным богини плодородия. —160, 487.

Анания — по библейскому преданию, продав свое имущество, утаил от апостолов часть денег, за что был поражен смертью. — 62.

Атта Тролль — медведь, главный персонаж одноименной сатирической поэмы Гейне. — 154.

Винкельрид, Арнольд — полулегендарный швейцарский воин, участник освободительной войны против австрийского гнета;согласно преданию, во время сражения швейцарцев с войсками австрийского герцога Леопольда III при Земпахе 9 июня 1386 г. ценой самопожертвования решил исход битвы в пользу швейцарцев. — 183, 237.

Гектор — по древнегреческой мифологии, самоотверженный защитник Трои; погиб в поединке с Ахиллом, мстившим за убитого друга. — 296.

Геркулес — римское имя популярнейшего героя древнегреческой мифологии Геракла, известного своей атлетической мощью и богатырскими подвигами. — 110.

Зарастро — действующее лицо оперы Моцарта «Волшебная флейта». — 75.

Зигфрид — один из главных героев древнегерманского народного эпоса, а также немецкой средневековой поэмы «Песнь о Нибелунгах». — 107.

Иисус Навин (Иегошуа бен Нун) — библейский герой, по преданию разрушил стены города Иерихона звуками священных труб и кличем своих воинов. — 307.

Иоанн Креститель — мифическое лицо, которому приписывается «пророчество» о пришествии мессии — «спасителя мира», которым был объявлен Иисус Христос. — 326.

Иуда Искариот — по библейскому преданию, один из 12 апостолов, предавший своего учителя за 30 сребреников. Имя Иуды стало символом предательства и вероломства. — 502.

Крапюлинский — герой стихотворения Гейне «Два рыцаря», промотавшийся шляхтич; фамилия Крапюлинский образована от французского слова crapule — чревоугодие, обжорство, пьянство, а также — бездельник, подонок. Именем Крапюлинского Маркс называет Луи Бонапарта. — 343, 349, 350.

Криспин — персонаж IV сатиры Ювенала. — 172.

Моисей — по библейскому преданию, пророк, который освободил древних евреев от преследований египетских фараонов («исход из Египта»). — 307.

Моор, Карл — главное действующее лицо драмы Шиллера «Разбойники». — 44.

Павел — по библейскому преданию, один из христианских апостолов. — 331.

Поза, маркиз — одно из действующих лиц трагедии Шиллера «Дон Карлос»; образ благородного и свободомыслящего придворного, пытавшегося оказать влияние на короля-деспота. — 370.

Санчо Панса — персонаж романа Сервантеса «Дон-Кихот», оруженосец Дон-Кихота. — 261.

Сапфира — по библейскому преданию, жена Анании, с ее ведома

утаившего часть денег от апостолов. — 62.

Сивилла — одна из странствующих «прорицательниц» древности; приписывавшиеся ей прорицания, собранные в так называемых «Сивиллиных книгах», играли большую роль в религиозной жизни Древнего Рима. — 335.

Тапман — персонаж романа Диккенса «Записки Пикквикского клуба». — 221, 224, 228, 337.

Терсит — персонаж «Илиады», греческий воин, участник Троянской войны; изображен озлобленным и злоязычным хромоногим горбуном, в одном из эпизодов 2-й песни поэмы был избит Одиссеем за то, что поносил предводителей греческого войска. — 362.

Тук — монах, герой английских баллад о Робине Гуде. — 139.

Урия — библейский персонаж, воин царя Давида, который послал его к своему полководцу Иоаву с приказанием поставить Урию во время сражения на самое опасное место, чтобы избавиться от него и завладеть его женой Вирсавией. — 314.

Христос (Иисус Христос) — мифический основатель христианства. — 205, 280, 326, 383.

УКАЗАТЕЛЬ ЦИТИРУЕМОЙ И УПОМИНАЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА*

Маркс, К. Буржуазия и контрреволюция (настоящее издание, т. 6, стр. 109—134).

— Die Bourgeoisie und die Contrerevolution. In: «Neue Rheinische Zeitung» №№ 165, 169, 170, 183; 10, 15, 16, 31 декабря 1848 г. — 510.

Маркс, К. *Возобновление выхода «Neue Rheinische Zeitung» (настоящее издание, т. 5, стр. 448). In: «Neue Rheinische Zeitung» № 114, 12 октября 1848 г. — 123.

Маркс, К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта (настоящее издание, т. 8, стр. 115—217).

— Der 18te Brumaire des Louis Napoleon. In: «Die Revolution». Ersfces Heft. New-York, 1852. — 519, 535—536.

Маркс, К. Дебаты шестого рейнского ландтага (статья первая). Дебаты о свободе печати и об опубликовании протоколов сословного собрания (настоящее издание, т. 1, стр. 30—84).

— Die Verhandlungen des 6. rheinischen Landtags. Erster Artikel. Debatten uber Pressfreiheit und Publication der Landstandischen Verhandlungen. In: «Rheinische Zeitung» №№ 125, 128, 130, 132, 135, 139, Beiblatter; 5, 8, 10, 12, 15, 19 мая 1842 г. — 361.

Маркс, К. Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции (настоящее издание, т. 1, стр. 3— 27).

— Bemerkungen uber die neueste preusische Censurinstruction. In: «Anekdota zur neuesten deutschen Philosophie und Publicistik». Erster Band. Zurich und Winterthur, 1843. — 355, 357.

Маркс, К. Запрещение «Leipziger Allgemeine Zeitung» (настоящее издание, т. 1, стр. 165—186).

— Das Verbot der Leipziger Allgemeinen Zeitung fur den preussischen Staat. In: «Rheinische Zeitung» №№ 1, 4, 6, 8, 10, 13, 16; 1, 4, 6, 8, 10, 13, 16 января 1843 г. — 371.

Маркс, К. Заявление (настоящее издание, т. 8, стр. 114).

— Erklarung. In: «Kolnische Zeitung» № 242, 9 октября 1851 г. — 318.

* Заглавия работ, данные Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, отмечены звездочкой. Издания на языке оригинала указываются только в случаях прижизненных публикаций, относящихся к данному периоду.

Маркс, К. Заявление редактору «Neue Deutsche Zeitung» (настоящее издание, т. 7, стр. 339).
— Erklarung. An den Redakteur der «Neuen Deutschen Zeitung». In: «Neue Deutsche Zeitung» № 158, 4 июля 1850 г. — 470.
Маркс, К. *К критике гегелевской философии права (настоящее издание, т. 1, стр. 219—368). — 356, 359.
Маркс, К. К критике гегелевской философии права. Введение (настоящее издание, т. 1, стр. 414— 429).
— Zur Kritik der Hegelschen Rechts-Philosophie. Einleitung. In: «Deutsch-Franzosische Jahrbucher». 1-ste und 2-Le Lieferung. Paris, 1844. — 380.
Маркс, К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. (настоящее издание, т. 7, стр. 5— 110).
— 1848 bis 1850.
In: «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue» №№ 1, 2, 3, 5—6, 1850. — 284.
Маркс, К. Морализирующая критика и критизирующая мораль. К истории немецкой культуры. Против Карла Гейнцена (настоящее издание, т. 4, стр. 291—321).
— Die moralisirende Kritik und die kritisirende Moral. Beitrag zur deutschen Kulturgeschichte. Gegen Carl Heinzen. In: «Deutsche-Brusseler-Zeitung» №№ 86, 87, 90, 92, 94; 28, 31 октября, 11, 18, 25 ноября 1847 г. — 97, 511.
Маркс, К. Наемный труд и капитал (настоящее издание, т. 6, стр. 428—459).
— Lohnarbeit und Kapital.
In: «Neue Rheinische Zeitung» №№ 264, 265, 266, 267, 269; 5, 6, 7, 8, 11 апреля 1849 г. — 447.
Маркс, К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона (настоящее издание, т. 4, стр. 65—185).
— Misere de la philosophie. Reponse a la philosophie de la misere de M. Proudhon. Paris — Bruxelles, 1847. — 75, 77, 79, 85— 86, 92, 93, 98—100, 102, 109— 110, 124, 284, 332, 335, 416, 419, 442, 474.
Маркс, К. Оправдание мозельского корреспондента (настоящее издание, т. 1, стр. 187—217).
— Rechtfertigung des Korrespondenten von der Mosel. In: «Rheinische Zeitung» №№ 15, 17, 18, 19, 20; 15, 17, 18, 19, 20 января 1843 г. — 371.
Маркс, К. Передовица в № 179 «Kolnische Zeitung» (настоящее издание, т. 1, стр. 93—113).
— Der leitende Artikel in № 179 der Kolnischen Zeitung. In: «Rheinische Zeitung» №№ 191, 193, 195, Beiblatter; 10, 12, 14 июля 1842 г. — 364.
Маркс, К. Письмо редактору газеты «Reforme» (настоящее издание, т. 4, стр. 507—509). In: «La Reforme», 8 марта 1848 г. — 113.
Маркс, К. Протекционисты, фритредеры и рабочий класс (настоящее издание, т. 4, стр. 254—256).
— Die Schutzzollner, die Freihandelsmanner und die arbeitende Klasse.
In: Zwei Reden uber die Freihandels- und Schutzzollfrage. Hamm, 1848. — 93, 95, 98—99. 101.
Маркс, К. Речь о свободе торговли, произнесенная на публичном собрании брюссельской Демократической ассоциации 9 января 1848 года (настоящее издание, т. 4, стр. 404—418).
— Discours sur la question du libre echange, prononce a l'Association Democratique de Bruxelles, dans la seance publiqua du 9 Janvier 1848. [Bruxelles, 1848]. — 110, 454.
Маркс, К. Философский манифест исторической школы права (настоящее издание, т. 1, стр. 85—92).
— Das philosophische Manifest der historischen Rechtsschule. In: «Rheinische Zeitung» № 221, Beiblatt, 9 августа 1842 г. — 361.

Marx, K. Gesammelte Aufsatze. Heft I. Koln, 1851 *(Маркс, К.* Собрание Сочинений. Выпуск I. Кёльн, 1851). — 155, 220, 233, 505.

Энгельс, Ф. Борьба в Венгрии (настоящее издание, т. 6, стр. 175— 186).
Der magyarische Kampf. In: «Neue Rheinische Zeitung» № 194, 13 января 1849 г. — 124, 126, 437, 510.

Энгельс, Ф. *Венгрия (настоящее издание, т. 6, стр. 550—560). In: «Neue Rheinische Zeitung» № 301, 19 мая 1849 г. — 510.

Энгельс, Ф. Возможности и перспективы войны Священного союза против Франции в 1852 г. (настоящее издание, т. 7, стр. 495—524).

— Die Moglichkeiten und Voraussetzungen eines Krieges der Heiligen Allianz gegen Frankreich im Jahre 1852. — 213.

Энгельс, Ф. Газеты «Reforme» и «National» (настоящее издание, т. 4, стр. 381—383).

— Die Reforme und der National.
In: «Deutsche-Brusseler-Zeitung» № 104, 30 декабря 1847 г. — 106.

Энгельс, Ф. Германская кампания за имперскую конституцию (настоящее издание, т. 7, стр. 111— 207).

— Die deutsche Reichsverfassungs-Campagne.
In: «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue» №№ 1, 2, 3, 1850. — 131, 449, 450, 456, 457, 462, 467.

Энгельс, Ф. Движения 1847 года (настоящее издание, т. 4, стр. 460—470).

— Die Bewegungen von 1847. In: «Deutsche-Brusseler-Zeitung» № 7, 23 января 1848 г. — 109.

Энгельс, Ф. К рабочему классу Великобритании (настоящее издание, т. 2, стр. 235—237).

— To the working classes of Great-Britain.
In: «Die Lage der arbeitenden Klasse in England. Nach eigner Anschauung und authentischen Quellen». Leipzig, 1845. — 10.

Энгельс, Ф. «Kolnische Zeitung» о борьбе мадьяр (настоящее издание, т. 6, стр. 324—329).

— Die «Kolnische Zeitung» uber den magyarischen Kampf. In: «Neue Rheinische Zeitung» № 225, 18 февраля 1849 г. — 510.

Энгельс, Ф. Коммунисты и Карл Гейнцен (настоящее издание, т. 4, стр. 268—285).

— Die Kommunisten und Karl Heinzen.
In: «Deutsche-Brusseler-Zeitung» №№ 79, 80; 3, 7 октября 1847 г. — 87, 511.

Энгельс, Ф. *Конституционный вопрос в Германии (настоящее издание, т. 4, стр. 42—60). — 79, 81—82, 83.

Энгельс, Ф. *Критический разбор книги Прудона «Общая идея революции в XIX веке» (Архив Маркса и Энгельса, т. X, стр. 5— 34). —323, 329, 331, 333, 336.

Энгельс, Ф. Наброски к критике политической экономии (настоящее издание, т. 1, стр. 544—571).

— Umrisse zu einer Kritik der Nationaloekonomie.
In: «Deutsch-Franzosische Jahrbucher». 1-ste und 2-te Lieferung. Paris, 1844. — 6, 159.

Энгельс, Ф. Национальный совет (настоящее издание, т. 6, стр. 91— 107).

— Der Nationalrath.
In: «Neue Rheinische Zeitung» № 165, первый и второй выпуск, 10 декабря 1848 г. — 124.

Энгельс, Ф. Немецкий социализм в стихах и прозе. 2. Карл Грюн. «О Гёте с человеческой точки зрения». Дармштадт, 1846 (настоящее издание, т. 4, стр. 223— 248).

— Deutscher Sozialismus in Versen und in Prosa. 2. Karl Grun. Ueber Goethe vom menschlichen Standpunkte. Darmstadt, 1846.
In: «Deutsche-Brusseler-Zeitung»

№№ 93, 94, 95, 96, 97, 98; 21, 25, 28 ноября, 2, 5, 9 декабря 1847 г. — 76.

Энгельс, Ф. Описание возникших в новейшее время и еще существующих коммунистических колоний. (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 1 изд., т. III, стр. 251—267).

— Beschreibung der in neuerer Zeit entstandenen und noch bestehenden communistischen Ansiedlungen.
In: «Deutsches Burgerbuch fur 1845». Darmstadt, 1845. — 8, 21, 46, 64.

Энгельс, Ф. Письмо редактору газеты «Northern Star» (настоящее издание, т. 4, стр. 502—506).

— To the editor of the «Northern Star».
In: «The Northern Star» № 544, 25 марта 1848 г. — 112.

Энгельс, Ф. Письмо редактору газеты «Times» (настоящее издание, т. 7, стр. 493—494).

— To the editor of the «Times». — 196, 198.

Энгельс, Ф. Положение Англии. Томас Карлейль. «Прошлое и настоящее». Лондон, 1843 (настоящее издание, т. 1, стр. 572—597).

— Die Lage Englands. «Past and Present» by Thomas Carlyle. London, 1843. In: «Deutsch-Franzosische Jahrbucher». 1-ste und 2-te Lieferung. Paris, 1844. — 6.

Энгельс, Ф. *Положение в Бельгии (настоящее издание, т. 4, стр. 513—514). — 117.

Энгельс, Ф. Положение рабочего класса в Англии. По собственным наблюдениям и достоверным источникам (настоящее издание, т. 2, стр. 231—517).

— Die Lage der arbeitenden Klasse in England. Nach eigner Anschauung und authentischen Quellen. Leipzig, 1845. — 10, 16, 20, 23, 25, 391.

Энгельс, Ф. Празднество наций в Лондоне (настоящее издание, т. 2, стр. 587—599).

— Das Fest der Nationen in London.
In: «Rheinische Jahrbucher zur gesellschaftlichen Reform». Zweiter Band. Belle-Vue, 1846. — 46.

Энгельс, Ф. Принципы коммунизма (настоящее издание, т. 4, стр. 322— 339).

— Grundsatze des Kommunismus. — 96, 102.

Энгельс, Ф. *Прудон (настоящее издание, т. 6, стр. 609—612). — 124.

Энгельс, Ф. Прусский приказ об аресте Кошута (настоящее издание, т. 6, стр. 208—209).

— Preusischer Steckbrief gegen Kossuth.
In: «Neue Rheinische Zeitung» №207, 28 января 1849 г. — 510.

Энгельс, Ф. Революция и контрреволюция в Германии (настоящее издание, т. 8, стр. 3—113).

— Germany. Revolution and Counter-Revolution.
In: «New-York Daily Tribune», 25, 28 октября, 6, 7, 12, 28 ноября 1851 г., 27 февраля, 5, 15, 18, 19 марта, 9, 17, 24 апреля, 27 июля, 19 августа, 18 сентября, 2, 23 октября 1852 г. — 282, 283, 285, 294, 302— 305, 315, 337, 342, 518, 519.

Энгельс, Ф. *Торговый кризис в Англии. — Чартистское движение. — Ирландия (настоящее издание, т. 4, стр. 286—288).
In: «La Reforme», 26 октября 1847 г. — 97.

Энгельс, Ф. «Удовлетворенное» большинство. — Проект «реформы», выдвинутый Гизо. — Странные взгляды г-на Гарнье-Пажеса. — Демократический банкет в Шалоне. — Речь г-на Ледрю-Роллена. — Демократический конгресс. — Речь г-на Флокона. — Газеты «Reforme» и «National» (настоящее издание, т. 4, стр. 391—397).

— The «satisfied» majority. Guizot's Scheme of «Reform». Queer notions of M. Garnier-Pages. Democratic Banquet at Chalon. Speech of Mr. Ledru-Rollin. A Democratic Congress. Speech of M. Flocon. The «Reforme» and the «National».
In: «The Northern Star» № 533, 8 января 1848 г. — 106.

Энгельс, Ф. Хозяева и рабочие в Англии (настоящее издание, т. 4, стр. 289—290).
— Les maitres et les ouvriers en Angleterre. In: «L'Atelier» № 2, ноябрь 1847 г. — 95.
Энгельс, Ф. Чартистское движение (Marx — Engels Gesamtausgabe. Erste Abteilung, Band 6, S. 576— 582).
— Mouvement chartiste. In: «La Reforme», 10, 19 января 1848 г. — 110.
Энгельс, Ф. Швейцарская пресса (настоящее издание, т. 6, стр. 187—191).
— Die Schweizer Presse. In: «Neue Rheinische Zeitung» № 197, 17 января 1849 г. — 126.
Энгельс, Ф. Шеллинг и откровение (К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 394—445).
— Schelling und die Offenbarung. Leipzig, 1842. — 362.
Энгельс, Ф. Шеллинг — философ во Христе, или преображение мирской мудрости в мудрость божественную (К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 446—465).
— Schelling, der Philosoph in Christo, oder die Verklarung der Weltweisheit zur Gottesweisheit. Berlin, 1842. — 362.
Энгельс, Ф. *Эльберфельдские речи (настоящее издание, т. 2, стр. 532—554). In: «Rheinische Jahrbucher zur gesellschaftlichen Reform». Erster Band. Darmstadt, 1845, S. 45— 62, 71—81. — 27.
Маркс, К. и *Энгельс, Ф.* Заявление против А. Руге (настоящее издание, т. 7, стр. 491—492).
— Erklarung. — 155, 157—158, 160, 262.
Маркс, К. и *Энгельс, Ф.* Заявление Эмигрантского комитета (настоящее издание, т. 7,стр.318—320).
— Erklarung. In: «Neue Deutsche Zeitung» № 102, 28 апреля 1850 г. — 465, 466.
Маркс, К. и *Энгельс, Ф.* Извещение о выходе «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue» (настоящее издание, т. 7, стр. 1—2). In: «Westdeutsche Zeitung» № 6, 8 января 1850 г. — 454, 457, 527.
Маркс, К. и *Энгельс, Ф.* Манифест Коммунистической партии (настоящее издание, т. 4, стр. 419— 459).
— Manifest der Kommunistischen Partei. London, 1848. — 102, 108, 120, 153, 217, 230, 259, 284, 320—321, 335, 490, 509. In: «The Red Republican» №№ 21, 22, 23, 24; 9, 16, 23, 30 ноября 1850. — 509, 518.
Маркс, К. и *Энгельс, Ф.* Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков (настоящее издание, т. 3, стр. 7— 544).
— Die Deutsche Ideologie. Kritik der neuesten deutschen Philosophie in ihren Reprasentanten, Feuerbach, B. Bauer und Stirner, und des deutschen Sozialismus in seinen verschiedenen Propheten. — 33, 46, 53, 57, 66, 70, 75, 77—79, 396, 398, 399, 412, 416, 419.
Маркс, К. и *Энгельс, Ф.* *О Польше. Речи на международном митинге в Лондоне, посвященном 17-й годовщине польского восстания 1830 г., 29 ноября 1847 года (настоящее издание, т. 4, стр. 371— 373). In: «Deutsche-Brusseler-Zeitung» № 98, 9 декабря 1847 г. — 419.
Маркс, К. и *Энгельс, Ф.* Обращение Центрального комитета к Союзу коммунистов. Март 1850 (настоящее издание, т. 7, стр. 257— 267).
— Die Central-Behorde an den Bund. — 255, 257—259, 466. 505—506. In: «Kolnische Zeitung» № 156, 1 июля 1851 г. — 249, 250, 254.

Маркс, К. и *Энгельс, Ф.* Обращение Центрального комитета к Союзу коммунистов. Июнь 1850 (настоящее издание, т. 7, стр. 322— 328).
— Die Zentralbehorde an den Bund. — 471.
Маркс, К. и *Энгельс, Ф.* Отчет Социал-демократического эмигрантского комитета в Лондоне (настоящее издание, т. 7, стр. 553—555).
In: «Norddeutsche Freie Presse» № 349, 10 мая 1850 г. — 466.
Маркс, К. и *Энгельс, Ф.* Первый международный обзор (настоящее издание, т. 7, стр. 224—237).
— Revue.
In: «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue» № 2, 1850. — 307, 457.
Маркс, К. и *Энгельс, Ф.* Письмо Адану, Бартелеми и Видилю (настоящее издание, т. 7, стр. 439). — 191.
Маркс, К. и *Энгельс, Ф.* Письмо редактору газеты «Times» (настоящее издание, т. 8, стр. 231— 233). — 337—338.
Маркс, К. и *Энгельс, Ф.* Предисловие к немецкому переводу тоста О. Бланки (настоящее издание, т. 7, стр. 569—570).
— Trinkspruch gesandt durch den Burger L. A. Blanqui an die Kommission der Fluchtlinge zu London fur die Jahresfeier des 24. Februar 1851. Bern, 1851. — 198, 215, 491.
Маркс, К. и *Энгельс, Ф.* Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании (настоящее издание, т. 2, стр. 3— 230).
— Die heilige Familie, oder Kritik der kritischen Kritik. Gegen Bruno Bauer und Consorten. Frankfurt am Main, 1845. — 6, 13, 15, 17, 23, 26—28, 336. 384, 388, 391.
Маркс, К. и *Энгельс, Ф.* Требования Коммунистической партии в Германии (настоящее издание, т. 5, стр. 1—3).
— Forderungen der Kommunistischen Partei in Deutschland (листовка). — 120.
Маркс, К. и *Энгельс, Ф.* Третий международный обзор. С мая по октябрь (настоящее издание, т. 7, стр. 446—490).
— Revue. Mai bis Oktober.
In: «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue» № 5—6, 1850. — 260.
Маркс, К. и *Энгельс, Ф.* *Циркуляр против Криге (настоящее издание, т. 4, стр. 1— 16). — 46, 62, 64.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ АВТОРОВ*

Alison, A. History of Europe from the commencement of the French revolution to the restoration of the Bourbons *(Алисон, А.* История Европы со времен французской революции до реставрации Бурбонов). Первое издание в десяти томах вышло в Эдинбурге в 1833—1842 годах. — 485.
Antoine, G. A M. lIe redacteur du journal «La Patrie». In: «La Patrie» № 66, 7 mars 1851 *(Антуан, Г.* Г-ну редактору газеты «La Patrie». В газете: «La Patrie» № 66, 7 марта 1851 г.). — 197, 490.
Darthelemy, E. Au Redacteur en chef du journal «La Patrie». In:

* В тех случаях, когда не удалось установить с достоверностью, каким изданием той или иной работы пользовались Маркс и Энгельс, сообщается дата и место выхода ее первого издания.

В квадратные скобки заключены выявленные имена авторов книг, вышедших анонимно.

«La Patrie» № 71, 12 mars 1851 *(Бартелеми, Э.* Главному редактору газеты «La Patrie». В газете: «La Patrie» № 71, 12 марта 1851 г.). — 200—201, 490.

Bauer, B. Die gute Sache der Freiheit und meine eigene Angelegenheit. Zurich und Winterthur, 1842 *(Бауэр, Б.* Правое дело свободы и мое собственное дело. Цюрих и Винтертур, 1842). — 375.

Bauer, B. Leiden und Freuden des theologischen Bewustseins. In: «Anekdota zur neuesten deutschen Philosophie und Publicistik». Zweiter Band. Zurich und Winterthur, 1843 *(Бауэр, Б.* Горе и радость теологического сознания. В сборнике: «Anekdota zur neuesten deutschen Philosophie und Publicistik». Том второй. Цюрих и Винтертур, 1843). — 374.

[*Bauer, B.*] Die Posaune des jungsten Gerichts uber Hegel den Atheisten und Antichristen. Ein Ultimatum. Leipzig, 1841 *([Бауэр, Б,]* Трубный глас страшного суда над Гегелем, атеистом и антихристом. Ультиматум. Лейпциг, 1841). — 356, 359.

Bauer, B. Рецензия на книгу: Ammon. Die Geschichte des Lebens Jesu. Band I. Leipzig, 1842. In: «Anekdota zur neuesten deutschen Philosophie und Publicistik». Zweiter Band. Zurich und Winterthur, 1843 *(Бауэр, Б.* Рецензия на книгу: Аммон. История жизни Иисуса. Том I. Лейпциг, 1842. В сборнике: «Anekdota zur neuesten deutschen Philosophie und Publicistik». Том второй. Цюрих и Винтертур, 1843). —374.

[Bauer, E.] Das Juste-Milieu. In: «Rheinische Zeitung» №№ 156, 228, 230, 233, 235, Beiblatt; 5. Juni, 16, 18, 21, 23. August 1842 *([Бауэр, Э.]* Золотая середина. В газете: «Rheinische Zeitung» №№ 156, 228, 230, 233, 235, приложение; 5 июня, 16, 18, 21, 23 августа 1842 г.). — 367.

Bayer, K. Betrachtungen uber den Begriff des sittlichen Geistes und uber das Wesen der Tugend. Erlangen, 1839 *(Байер, К.* Размышления о понятии нравственного духа и о сущности добродетели. Эрланген, 1839). — 355.

Becker, J. Ph. und *Essellen, Ch.* Geschichte der suddeutschen Mai-Revolution des Jahres 1849. Genf, 1849 *(Беккер, И. Ф.* и *Эсселлен, Х.* История южногерманской майской революции 1849 года. Женева, 1849). — 457.

Bem, J. Erfahrungen uber die Congrewschen Brand-Raketen, bis zum Jahre 1819 in der konigl. poln. Artillerie gesammelt. Weimar, 1820 *(Бем, Ю.* Опыт применения зажигательных ракет Конгрива, накопленный в артиллерии Царства Польского до 1819 года. Веймар, 1820). — 485.

Blanc, L. Histoire de dix ans. 1830—1840 *(Блан, Л.* История десяти лет. 1830—1840). Первое издание в пяти томах вышло в Париже в 1841—1844 годах. — 168, 181, 189.

Blanc, L. Histoire de la Revolution francaise. Tomes I—II. Paris, 1847 *(Блан, Л.* История французской революции. Тома I—II. Париж, 1847). Все издание в двенадцати томах было завершено в 1862 году. — 80, 95, 108, 110, 189.

Blanc, L. Organisation du travail *(Блан, Л.* Организация труда). Первое издание вышло в Парижа в 1840 году. — 92, 189.

Blanc, L. Pages d'histoire de la Revolution de fevrier 1848 *(Блан, Л.* Страницы истории февральской революции 1848 года). Первое издание вышло в Париже в 1849 году. — 189.

Blanc, L. To the editor of «The Daily News». In: «The Daily News», December 11, 1851 *(Блан, Л.* Редактору газеты «The Daily News». В газете: «The Daily News», 11 декабря 1851 г.). — 346.

Blanc, L. To the editor of «The Times». In: «The Times» №20 741, March 5, 1851 *(Блан, Л.* Редактору газеты «The Times».

В газете: «The Times» № 20741, 5 марта 1851 г.). — 490.

Blanc, L., Barthelemy, Schapper, C., Willich, A. etc. (Блан, Л., Бартелеми, Шаппер, К., Виллих, А. и др.) Заявление. In: «La Patrie» № 66, 7 марта 1851 г. — 197, 490. — «Le Constitutionnel», 8 марта 1851 г. — 197.

Blanc, L., Bernard le Clubiste etc. To the people. In: «The Daily News», December 5, 1851 *(Блан, Л., Бернар-клубист и др.* К народу. В газете: «The Daily News», 5 декабря 1851 г.). — 343.

Blanqui, L. A. Avis au peuple *(Бланки, Л. О.* Предостережение народу). Напечатано в ряде французских газет, в том числе в газете «La Patrie» № 58, 27 февраля 1851 г. — 197, 198, 200—201, 215, 222, 490—491.

Borne, L. Gesammelte Schriften. 2-te Auflage. Band XVIII. Hamburg, 1840 *(Бёрне, Л.* Собрание сочинений. Издание второе. Том XVIII. Гамбург, 1840). — 393.

Bulow-Cummerow. Preusen, seine Verfassung, seine Verwaltung, sein Verhaltnis zu Deutschland. Theil I. Berlin, 1842 *(Бюлов-Куммеров.* Пруссия, ее государственное устройство, ее управление, ее отношение к Германии. Часть I. Берлин, 1842). — 358.

[Burgers, H.] Hr. v. Ladenberg und die Volksschullehrer. In: «Neue Rheinische Zeitung» № 182, 30. Dezember 1848 *([Бюргерс, Г.]* Г-н фон Ладенберг и учителя народных школ. В газете: «Neue Rheinische Zeitung» № 182, 30 декабря 1848 г.). — 127.

Capefigue. Les Cent jours. Tomes I—II. Paris, 1841 *(Капфиг.* Сто дней. Тома I—II. Париж, 1841). — 80—81.

Christ, A. Ueber den gegenwartigen Stand der Frage der Schutzzolle. Frankfurt am Main, 1851 *(Крист, А.* О современном состоянии вопроса о покровительственных пошлинах. Франкфурт-на-Майне, 1851). — 488, 493.

Christiansen, J. Die Wissenschaft der romischen Rechtsgeschichte im Grundrisse. Band I. Altona, 1838 *(Христиансен, И.* Очерк научной истории римского права. Том I. Альтона, 1838). — 360.

Cicero, Marcus Tullius. Epistolae *(Цицерон, Марк Туллий.* Письма). — 199.

Daniels, R. Mikrokosmos. Entwurf der physiologischen Anthropologie *(Даниельс, Р.* Микрокосмос. Набросок физиологической антропологии). Рукопись. — 207, 212.

Daul, A. Tagebuch eines politischen Fluchtlings wahrend des Freiheitskampfes in der Rheinpfalz und Baden. St. Gallon, 1849 *(Дауль, А.* Дневник политического эмигранта во время освободительной борьбы в Рейнском Пфальце и Бадене. Санкт-Галлен, 1849). — 457.

Decker, C. La Petite guerre, ou Traite des operations secondaires de la guerre; Traduit de l'allemand avec des notes par Ravichio de Peretsdorf, suivie de l'instruction secrete de Frederic II *(Деккер, К.* Малая война, или Трактат о второстепенных военных операциях; перевод с немецкого с примечаниями Равихио де Перетсдорфа, с приложением секретной инструкции Фридриха II). Первое издание в трех томах вышло в Париже в 1827 году. — 213, 496.

Dietz, O. An die deutschen Arbeiter-Vereine. In: «Schweizerische National-Zeitung» № 5, 7. Januar 1851 *(Диц, О.* Обществам немецких рабочих. В газете: «Schweizerische National-Zeitung» № 5, 7 января 1851 г.). — 154.

Doherty, H. La Question religieuse. In: «La Phalange». Tome IV. Paris, 1846 *(Дохерти, Х.* Религиозный вопрос. В журнале: «La Phalange». Том IV. Париж 1846). — 34.

[Dronke, E.] Allianz der europaischen Polizei. In: «Neue Rheinische Zeitung» № 192, 11. Januar, 1849 *([Дронке, Э.]* Альянс евро-

пейской полиции. В газете: «Neue Rheinische Zeitung» № 192, 11 января 1849 г.). — 438.

Bureau de La Malle, A. J. Economie politique des Romains. Tomes I—II. Paris, 1840 *(Дюро де Ла Маль, А. Ж.* Политическая экономия римлян. Тома I—II. Париж, 1840). — 282.

Eccarius, J. G. The last stage of bourgeois society. In: «The Friend of the People» №№ 4, 5, 6, 7; January 4, 11, 18, 25, 1851 *(Эккариус, И. Г.* Последняя стадия буржуазного общества. В журнале: «The Friend of the People» №№4, 5,6, 7; 4, 11, 18, 25 января 1851). — 173.

Eccarius, J. G. Die Schneiderei in London oder der Kampf des grosen und des kleinen Capitals. In: «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue» № 5—6, 1850 *(Эккариус, И. Г.* Портняжное дело в Лондоне, или борьба крупного и мелкого капитала. В журнале: «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue» № 5—6, 1850). — 142.

Ewerbeck, H. L'Allemagne et les Allemands. Paris, 1851 *(Эвербек, Г.* Германия и немцы. Париж, 1851). — 320, 323.

Ewerbeck, H. Qu'est ce que la religion d'apres la nouvelle philosophie allemande. Paris, 1850 *(Эвербек, Г.* Что такое религия согласно новейшей немецкой философии. Париж, 1850). — 381.

Feuerbach, L. Grundsatze der Philosophie der Zukunft. Zurich und Winterthur, 1843 *(Фейербах, Л.* Основные положения философии будущего. Цюрих и Винтертур, 1843). — 381.

Feuerbach, L. Das Wesen des Christenthums. Leipzig, 1841 *(Фейербах, Л.* Сущность христианства. Лейпциг, 1841). — 12, 381, 383.

Feuerbach, L. Das Wesen des Christenthums. Zweite, vermehrte Auflage. Leipzig, 1843 *(Фейербах, Л.* Сущность христианства. Второе, дополненное издание. Лейпциг, 1843). — 376.

Feuerbach, L. Das Wesen des Glaubens im Sinne Luthers. Ein Beitrag zum «Wesen des Christenthums». Leipzig, 1844 *(Фейербах, Л.* Сущность веры в смысле Лютера. Дополнение к «Сущности христианства». Лейпциг, 1844). — 381, 385.

Feuerbach, L. Das Wesen der Religion. In: «Die Epigonen». Band I. Leipzig, 1846 *(Фейербах, Л.* Сущность религии. В журнале: «Die Epigonen». Том I. Лейпциг, 1846). — 32—33, 45, 53—57.

Feuerbach, L. Рецензия на книгу: K. Bayer. Betrachtungen uber den Begriff des sittlichen Geistes und uber das Wesen der Tugend. Erlangen, 1839. In: «Hallische Jahrbucher fur deutsche Wissenschaft und Kunst» № 85, 8. April 1840 *(Фейербах, Л.* Рецензия на книгу: К. Байер. Размышления о понятии нравственного духа и о сущности добродетели. Эрланген, 1839. В журнале: «Hallische Jahrbucher fur deutsche Wissenschaft und Kunst» № 85, 8 апреля 1840). — 355.

[Fix, Th.] Рецензия на книгу: Biedermann, K. Unsre Gegenwart und Zukunft. Bande I—II. Leipzig, 1846. In: «Journal des Economistes». Tome XV, aout. Paris, 1846 *([Фикс, Т.]* Рецензия на книгу: Бидерман, К. Наше настоящее и будущее. Тома I—II. Лейпциг, 1846. Напечатано в «Journal des Economistes». Том XV, август. Париж, 1846). — 44—45.

[Fix, Th.] Рецензия на брошюру: Julius, G. Bankwesen. Ein neues Gespenst in Deutschland. Leipzig, 1846. In: «Journal des Economistes». Tome XV, septembre. Paris, 1846 *([Фикс, Т.]* Рецензия на брошюру: Юлиус, Г. Банковское дело. Новый призрак в Германии. Лейпциг, 1846. Напечатано в «Journal des Economistes». Том XV, сентябрь. Париж, 1846). — 45.

Fourier, Ch. Section ebauchee des trois unites externes. In: «La

Phalange». Tome I. Paris, 1845 *(Фурье, Ш.* О трех внешних единствах. В журнале: «La Phalange». Том I. Париж, 1845). — 24.

Fourier, Ch. Theorie des quatre mouvements et des destinees generales. In: Ch. Fourier. Oeuvres completes. Tome I, Paris, 1841 *(Фурье, Ш.* Теория четырех движений и всеобщих судеб. В книге: Ш. Фурье. Полное собрание сочинений. Том I. Париж, 1841). Первое издание вышло анонимно в Лионе в 1808 году. — 36.

Godwin, W. An Enquiry concerning political justice, and its influence on general virtue and happiness. In two volumes. London, 1793 *(Годвин, У.* Исследование относительно политической справедливости и ее влияния на общую добродетель и благоденствие. В двух томах. Лондон, 1793). — 25— 26.

[Grun, K.] Die preussischen Landtags-Abschiede. Ein Wort zur Zeit. Birwinken, 1846 *([Грюн, К.]* Решения короля, адресованные прусским ландтагам; о вопросах современности. Бирвинкен, 1846). — 32, 37—38, 40.

Grun, K. Die soziale Bewegung in Frankreich und Belgien. Briefe und Studien. Darmstadt, 1845 *(Грюн, К.* Социальное движение во Франции и Бельгии. Письма и исследования. Дармштадт, 1845). — 32, 395.

Grun, K. Ober Goethe vom menschlichen Standpunkte. Darmstadt, 1846 *(Грюн, К.* О Гёте с человеческой точки зрения. Дармштадт, 1846). — 76.

Gutzkow, K. Bornes Leben. In: Gesammelte Schriften von Ludwig Borne. 2-te Auflage, 1835— 1840. Band XVIII. Supplement *(Гуцков, К.* Жизнь Бёрне. В книге: Собрание сочинений Людвига Берне. Издание второе, 1835— 1840. том XVIII. Приложение). — 393.

(Harney, J.] ([Гарни, Дж.]). Вводное замечание к английскому переводу «Манифеста Коммунистической партии» Маркса и Энгельса. В журнале: «The Red Republican» № 21, 9 ноября 1850. — 509.

Harney, Jones etc. Manifesto of the Fraternal Democrats. To the democracy of Europe. In: «The Northern Star» № 519, October 2, 1847 *(Гарни, Джонс и др.* Манифест общества «Братские демократы». К европейской демократии. В газете: «The Northern Star» № 519, 2 октября 1847 г.). — 100.

Hasse, F. R. Anselm von Canterbury. Theil I. Leipzig, 1843 *(Хассе, Ф. Р.* Ансельм Кентерберийский. Часть I. Лейпциг, 1843). — 361.

Hegel, G. W. F. Phanomenologie des Geistes. In: G. W. F. Hegel. Werke. Band II. 2-te Auflage. Berlin, 1841 *(Гегель, Г. В. Ф.* Феноменология духа. В издании: Г. В. Ф. Гегель. Сочинения. Том II. Издание второе. Берлин, 1841). — 335, 374.

Heine, H. Heinrich Heine uber Ludwig Borne. Hamburg, 1840 *(Гейне, Г.* Генрих Гейне о Людвиге Бёрне. Гамбург, 1840). — 393.

Heinzen, K. Die Helden des deutschen Kommunismus. Bern, 1848 *(Гейнцен, К.* Герои немецкого коммунизма. Берн, 1848). — 124.

Heinzen, K. В статье: Polemik. Karl Heinzen und die Kommunisten. In: «Deutsche-Brusseler-Zeitung» № 77, 26. September 1847 *(Гейнцен, К.* В статье: «Полемика. Карл Гейнцен и коммунисты». В газете: «Deutsche-Brusseler-Zeitung» № 77, 26 сентября 1847 г.). — 274.

Heinzen, K. Ein «Reprasentant» des Kommunismus. In: «Deutsche-Brusseler-Zeitung» № 84, 21. Oktober 1847 *(Гейнцен, К.* «Представитель» коммунизма. В газете: «Deutsche-Brusseler-Zeitung» № 84, 21 октября 1847 г.). — 97.

[Hermes, K. G.] Koln, 5. Juli; Koln, 29. Juli; Letztes Wort

an Hrn. Philippson zu Magdeburg. In: «Kolnische Zeitung» №№ 187, 211, 235, Beilage; 6, 30. Juli, 23. August 1842 *([Гермес, К. Г.]* Статьи, помеченные: Кёльн, 5 июля; Кёльн, 29 июля; Последнее слово г-ну Филиппсону в Магдебурге. В газете: «Kolnische Zeitung» №№ 187, 211, 235, приложение; 6, 30 июля, 23 августа 1842 г.). — 367.

Hes, M. Dottore Graziano's Werke. Zwei Jahre in Paris. Studien und Erinnerungen von A. Ruge. In: «Deutsche-Brusseler-Zeitung. №№ 62, 63; 5, 8. August 1847 *(Гесс, М.* Сочинения Dottore Graziano. Два года в Париже. Очерки и воспоминания А. Руге. В газете: «Deutsche-Brusseler-Zeitung» №№ 62, 63; 5, 8 августа 1847 г.). — 396.

Hes, M. Erklarung. In: «Kolnische Zeitung» № 209, Beilage; 28. Juli 1846 *(Гесс, М.* Заявление. В газете: «Kolnische Zeitung» № 209, приложение; 28 июля 1846 г.). — 396.

Hes, M. Die Folgen einer Revolution des Proletariats. In: «Deutsche-Brusseler-Zeitung» №№ 82, 87, 89, 90; 14, 31. Oktober, 7, 11. November 1847 *(Гесс, М.* Последствия революции пролетариата. В газете: «Deutsche-Brusseter-Zeitung» №№ 82, 87, 89, 90; 14, 31 октября, 7, 11 ноября 1847 г.). — 97.

Hes, M. Die letzten Philosophen. Darmstadt, 1845 *(Гесс, М.* Последние философы. Дармштадт, 1845). — 15.

Johnston, A. K. The Physical atlas of natural phenomena: a series of maps and illustrations of the geographical distribution of natural phenomena *(Джонстон, А. К.* Атлас физической географии явлений природы: серия карт и иллюстраций географического распределения явлений природы). Первое издание вышло в Эдинбурге и Лондоне в 1848 году. — 321.

Johnston, J. F. W. Notes on North America agricultural, economical, and social. Volumes I—II. Edinburgh and London, 1851 *(Джонстон, Дж. Ф. У.* Заметки о Северной Америке по сельскохозяйственным, экономическим и социальным вопросам. Тома I— II. Эдинбург и Лондон, 1851). — 321.

Jones, E. What is Kossuth? At last he has made his choice. In: «Notes to the People». Volume II, № 31. London, 1851 *(Джонс, Э.* Что представляет собой Кошут? В конце концов он сделал свой выбор. В журнале: «Notes to the People». Том II, № 31. Лондон, 1851). — 338.

Jung, A. Ein Bonbon fur den kleinen Oswald, meinen Gegner in den deutschen Jahrbuchern. In: «Konigsberger Literatur-Blatt» № 42, 20. Juli 1842 *(Юнг, А.* Конфетка для маленького Освальда, моего противника в «Deutsche Jahrbucher». В газете: «Konigsberger Literatur-Blatt» № 42, 20 июля 1842 г.). — 366.

[Kapp, Ch.] Friedrich Wilhelm Joseph von Schelling. Leipzig, 1843 *([Капп, Х.]* Фридрих Вильгельм Йозеф фон Шеллинг. Лейпциг, 1843). — 376.

[Kinkel, J.] Выдержка из письма. In: «Kolnische Zeitung» № 114, 13. Mai 1851 *([Кинкель, И.]* Выдержка из письма. В газете: «Kolnische Zeitung» № 114, 13 мая 1851 г.). — 232—233, 500.

Kriege, H. Die kommunistischen Literaten in Brussel und die kommunistische Politik. In: «Der Volks-Tribun» №№ 25, 26; 20, 27. Juni 1846 *(Криге, Г.* Коммунистические литераторы в Брюсселе и коммунистическая политика. В газете: «Der Volks-Tribun» №№ 25, 26; 20, 27 июня 1846 г.). — 62.

La Sagra, Ramon de. Organisation du travail. Questions preliminaires a l'examen de ce probleme. Paris, 1848 *(Ла Сагра, Рамон де.* Организация труда. Предвари-

тельные вопросы к изучению этой проблемы. Париж, 1848). — 109.

Leroux, P. Lettres sur le fourierisme. III[e] Lettre. Saint-Simon et Fourier. IV[e] Lettre. Le plagiat de Fourier. In: «Revue Sociale» №№ 11, 12, aout, septembre. Boussac, 1846 *(Леру, П.* Письма о фурьеризме. Письмо третье. Сен-Симон и Фурье. Письмо четвертое. Плагиат Фурье. В журнале: «Revue Sociale» №№ 11, 12, август, сентябрь. Буссак, 1846). — 36.

[Lubliner, L.] Заметка в газете: «L'Emancipation» № 67, 7 mars 1848 *([Люблинер, Л.]* Заметка в газете: «L'Emancipation» № 67, 7 марта 1848 г.). — 111.

Luning, O. (Люнинг, О.). Введение и комментарий к составленному Марксом и Энгельсом «Циркуляру против Криге». В журнале: «Das Westphalische Dampfboot», июль. Билефельд, 1846. — 46.

[Luning, O.] Рецензия на №№ 1—4 «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue». In: «Neue Deutsche Zeitung» №№ 148, 149. 150, 151; 22, 23, 25, 26. Juni 1850 *([Люнинг, О.]* Рецензия на №№ 1—4 «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue». В газете: «Neue Deutsche Zeitung» №№ 148, 149, 150. 151; 22, 23. 25, 26 июня 1850 г.). — 470, 533.

MacCulloch, J. R. A Dictionary, practical, theoretical, and historical, of commerce and commercial navigation *(Мак-Куллох, Дж. Р.* Практический, теоретический и исторический словарь — справочник по торговле и торговому судоходству). Первое издание вышло в Лондоне в 1832 году. — 508, 509.

MacGregor, J. Commercial tariffs and regulations, resources, and trade, of the several states of Europe and America. London, 1841— 1850 *(Мак-Грегор, Дж.* Торговые тарифы и правила, ресурсы и торговля отдельных государств Европы и Америки. Лондон, 1841—1850). — 509.

MacGregor, J. The Resources and statistics of nations. London, 1835 *(Мак-Грегор, Дж.* Ресурсы и статистика наций. Лондон, 1835). — 509.

Marheineke, Ph. K. Einleitung in die offentlichen Vorlesungen uber die Bedeutung der Hegelschen Philosophie in der christlichen Theologie. Berlin, 1842 *(Мархейнеке, Ф. К.* Введение в публичные лекции о значении гегелевской философии для христианской теологии. Берлин, 1842). — 365.

[Marx, J.] Aus dem Briefe einer deutschen Dame. In: «Vorwarts!» № 64, 10. August 1844 *([Маркс, Ж.]* Из письма одной немецкой дамы. В газете: «Vorwarts!» № 64, 10 августа 1844 г.). — 383.

[Mayer, E.] Ein Wort als Einleitung zur Frage: entspricht die Rheinische Kommunal-Verfassung den Anforderungen der Gegenwart? In: «Rheinische Zeitung» № 226, Beilage; 14. August 1842 *([Майер, Э.]* Несколько вводных слов к рассмотрению вопроса: соответствует ли рейнское муниципальное устройство требованиям современности? В газете: «Rheinische Zeitung» № 226, приложение; 14 августа 1842 г.). — 366.

Mazzini, J. Au Redacteur. In: «Journal des Debats politiques et litteraires», 18 mai 1851 *(Мадзини, Дж.* Письмо редактору. В газете: «Journal des Debats politiques et litteraires», 18 мая 1851 г.). — 238.

Mazzini, J. Le Pape au dix-neuvieme siecle. Bruxelles, 1850 *(Мадзини, Дж.* Папа в девятнадцатом веке. Брюссель, 1850). — 142.

Mazzini, J. Republic and royalty in Italy. In: «The Red Republican» №№ 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10, 11, 13, 15, 17, 19, 20, 21; June 29, July 6, 13, 20, 27, August 3, 10, 24, 31, September 14, 28, October 12, 26, November 2, 9, 1850 *(Мадзини, Дж.* Республика

и монархия в Италии. В журнале: «The Red Republican» №№ 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10, 11, 13, 15, 17, 19, 20, 21; 29 июня, 6, 13, 20, 27 июля, 3, 10, 24, 31 августа, 14, 28 сентября, 12, 26 октября, 2, 9 ноября 1850). — 142, 145.

Michelet, J. Histoire de la Revolution francaise. Tomes I—II. Paris, 1847 *(Мишле, Ж.* История французской революции. Тома I—II. Париж, 1847). Все издание в семи томах было завершено в 1853 году. — 107—108.

Mieroslawski. Rapports du general Mieroslawski sur la campagne de Bade. Berne, 1849 *(Мерославский.* Отчеты генерала Мерославского о баденской кампании. Берн, 1849). — 457.

Molinari, G. Un nouveau manifeste rouge. In: «La Patrie», 28 novembre 1850 *(Молинари, Ж.* Новый красный манифест. В газете: «La Patrie», 28 ноября 1850 г.). — 142.

Moreau de Jonnes, A. Statistique generale de la France *(Моро де Жоннес, А.* Всеобщая статистика Франции). — 509.

Napier, W. F. P. History of the war in the Peninsula and in the south of France from the year 1807 to the year 1814. Volumes I—VI. London, 1828—1840 *(Нейпир, У. Ф. П.* История войны на Пиренейском полуострове и на юге Франции с 1807 по 1814 год. Тома I—VI. Лондон, 1828— 1840). — 188, 199, 214, 485.

O'Connor, F. To the editors of the «Nottingham Mercury», the «Nonconformist», the «Dispatch», the «Globe», the «Manchester Examiner», and «Lloyds' Trash». In: «The Northern Star» № 522, October 23, 1847 *(О'Коннор, Ф.* Письмо редакторам газет «Nottingham Mercury», «Nonconformist», «Dispatch», «Globe», «Manchester Examiner» и «Lloyds' Trash». В газете: «The Northern Star» № 522,23 октября 1847 г.). — 97.

Die Opposition. Herausgegeben von K. Heinzen. Mannheim, 1846 (Оппозиция. Издание К. Гейнцена. Мангейм, 1846). — 396.

Paulus, H. E. G. Die endlich offenbar gewordene positive Philosophie der Offenbarung. Darmstadt, 1843 *(Паулюс, Г. Э. Г.* Наконец-то обнародованная позитивная философия откровения. Дармштадт, 1843). — 376.

[Pfutzner] Uber die Broschure an die hohe zweite Kammer der sachsischen Standeversammlung. In: «Rheinische Zeitung» №№ 71, 73, Beiblatter; 12, 14. Marz 1843 *([Пфюцнер]* О брошюре, содержащей жалобу, адресованную второй палате саксонского ландтага. В газете: «Rheinische Zeitung» №№ 71, 73, приложения; 12, 14 марта 1843 г.). — 374.

Physiocrates. Avec une introduction sur la doctrine des physiocrates, des commentaires efc des notices historiques, par E. Daire. Premiere partie. Paris, 1846 (Физиократы. С вступительной статьей об учении физиократов, комментариями и историческими справками Э. Дэра. Часть первая. Париж, 1846). — 399.

[Pinto, I.] Traite de la circulation et du credit. Amsterdam, 1771 *([Пинто, И.]* Трактат об обращении и кредите. Амстердам, 1771). — 488.

Pompery, E. Exposition de la science sociale, constituee par C. Fourier. Deuxieme edition, revuee et augmentee. Paris. 1840 *(Помпери, Э.* Изложение социальной науки, созданной Ш. Фурье. Издание второе, исправленное и дополненное. Париж, 1840). — 382.

Porter, G. R. The Progress of the nation, in its various social and economical relations, from the beginning of the nineteenth century. A new edition. London, 1851 *(Портер, Дж. Р.* Прогресс нации в различных социальных и экономических областях с начала девятнадцатого столетия.

Новое издание. Лондон, 1851). — 509.

Price, R. An Appeal to the public, on the subject of the national debt. London, 1772 *(Прайс, Р.* Обращение к публике по вопросу о государственном долге. Лондон, 1772). — 280.

Price, R. Observations on reversionary payments; on schemes for providing annuities for widows, and for persons in old age; on the method of calculating the values of assurances on lives; and on the national debt. London, 1771 *(Прайс, Р.* Замечания о преемственных платежах, о проектах обеспечения ежегодных рент для вдов и стариков, о методе подсчета стоимости страхования жизни и о государственном долге. Лондон, 1771). — 280.

Proudhon, P. J. Gratuite du credit. Discussion entre M. Fr. Bastiat et M. Proudhon. Paris, 1850 *(Прудон, П. Ж.* Безвозмездность кредита. Дискуссия между г-ном Фр. Бастиа и г-ном Прудоном. Париж, 1850). — 333.

Proudhon, P. J. Idee generale de la Revolution au XIX[e] siecle. Paris, 1851 *(Прудон, П. Ж.* Общая идея революции в XIX веке. Париж, 1851). — 264, 265, 267— 273, 275—284, 294, 321, 323, 346.

Proudhon, P. J. Systeme des contradictions economiques, ou Philosophie de la misere. Tomes I—II. Paris, 1846 *(Прудон, П. Ж.* Система экономических противоречий, или Философия нищеты. Тома I—II. Париж, 1846). — 40—42, 48—49, 61, 65, 72, 144— 145, 401—412.

— Philosophie der Staatsokonomie oder Nothwendigkeit des Elends. Deutsch bearbeitet von Karl Grun. Bande I—II. Darmstadt, 1847 (Философия политической экономии, или Необходимость нищеты. Переведено на немецкий язык Карлом Грюном. Тома 1—11. Дармштадт, 1847). — 40, 65.

[Prutz, R.] Die Jahrbucher der Gegenwart und die deutschen Jahrbucher. In: «Rheinische Zeitung» № 43, Beiblatt; 12. Februar 1843 *([Пруц, Р.]* Журналы «Jahrbucher der Gegenwart» и «Deutsche Jahrbucher». В газете: «Rheinische Zeitung» № 43, приложение; 12 февраля 1843 г.). — 374.

Reden. Vergleichende Kultur-Statistik der Gebiets- und Bevolkerungs-verhaltnisse der Gross-Staaten Europa's. Berlin, 1848 *(Реден.* Сравнительная статистика культуры, территории и народонаселения великих держав Европы. Берлин, 1848). — 509.

Rodbertus, J. K. Sociale Briefe an von Kirchmann. Dritter Brief: Widerlegung der Ricardo'schen Lehre von der Grundrente und Begrundung einer neuen Rententheorie. Berlin, 1851 *(Родбертус, И. К.* Социальные письма к фон Кирхману. Письмо третье: Опровержение учения Рикардо о земельной ренте и обоснование новой теории ренты. Берлин, 1851). — 234.

Rotteck, K. Allgemeine Weltgeschichte fur alle Stande, von den fruhesten Zeiten bis zum Jahre 1831. Bande I—IV. Stuttgart, 1831—1833 *(Роттек, К.* Всеобщая история для всех сословий, с древнейших времен до 1831 года. Тома I—IV. Штутгарт, 1831— 1833). — 204.

Rotteck, K. und *Welcker, K.* Das Staats-Lexikon. Encyclopadie der sammtlichen Staatswissenschaften fur alle Stande. Bande I—XII. Altona, 1845—1848 *(Роттек, К.* и *Велькер, К.* Политический словарь. Общая энциклопедия политических наук для всех сословий. Тома I—XII. Альтона, 1845— 1848). — 204.

Ruge, A. Aktenmasige Darlegung der Censurverhaltnisse der Hallischen und Deutschen Jahrbucher in den Jahren 1839, 1841, 1842. In: «Anekdota zur neuesten deutschen Philosophie und Publicistik». Erster Band. Zurich und

Winterthur, 1843 *(Руге, А.* Документальные материалы об отношении цензуры к журналам «Hallische Jahrbucher» и «Deutsche Jahrbucher» в 1839, 1841, 1842 годах. В сборнике: «Anekdota zur neuesten deutschen Philosophie und Publicistik». Том первый. Цюрих и Винтертур, 1843). — 374.

Ruge, A. An einen Patrioten. In: «Telegraph fur Deutschland» №№ 203, 204; December 1844 *(Руге, А.* К патриоту. В журнале: «Telegraph fur Deutschland» №№ 203, 204; декабрь 1844). — 18.

Ruge, A. Das «christlich-germanische» Justemilieu. Die Berliner «Literarische Zeitung». 1842. Januar und Februar. In: «Anekdota zur neuesten deutschen Philosophic und Publicistik». Zweiter Band. Zurich und Winterthur, 1843 *(Руге, А.* «Христианско-германская» золотая середина. Берлинская «Literarische Zeitung», 1842 г., январь и февраль. В сборнике: «Anekdota zur neuesten deutschen Philosophie und Publicistik». Том второй. Цюрих и Винтертур, 1843). — 375.

Ruge, A. Sachsische Zustande. In: «Rheinische Zeitung», Beiblatt, 25. September 1842 *(Руге, А.* Положение дел в Саксонии. В газете: «Rheinische Zeitung», приложение, 25 сентября 1842 г.). — 366.

Ruge, A. Zwei Jahre in Paris. Studien und Erinnerungen. Theil I und II. Leipzig, 1846 *(Руге, А.* Два года в Париже. Очерки и воспоминания. Часть I и II. Лейпциг, 1846). — 396.

Ruge, A. Статья, помеченная: London, 13 Jan. In: «Bremer Tages-Chronik» № 474, 17. Januar 1851 *(Руге, А.* Статья, помеченная: Лондон, 13 января. В газете: «Bremer Tages-Chronik» № 474, 17 января 1851 г.). — 154, 156.

Ruge, A. und *Wigand, O.* An die Hohe Zweite Kammer der Sachsischen Standeversammlung. Beschwerde uber die durch ein Hohes Ministerium des Innern angeordnete und am 3. Januar 1843 ausgefuhrte Unterdruckung der Zeitschrift: «Deutsche Jahrbucher fur Wissenschaft und Kunst». Braunschweig, 1843 *(Руге, А.* и *Виганд, О.* Во вторую палату саксонского ландтага. Жалоба по поводу запрещения журнала «Deutsche Jahrbucher fur Wissenschaft und Kunst», осуществленного 3 января 1843 г. по приказу министерства внутренних дел. Брауншвейг, 1843). — 374.

Saint-Simon. Catechisme des industriels *(Сен-Симон.* Катехизис промышленников). Первое издание вышло в Париже в 1823— 1824 годах. — 236.

Saint-Simon, H. Lettres d'un habitant de Geneve a ses contemporains *(Сен-Симон, А.* Письма женевского обитателя к современникам). Первое издание вышло анонимно в Париже в 1803 году. — 36.

Sarrans, B., jeune. Lafayette et la revolution de 1830, histoire des choses et des hommes de juillet. Tomes I—II. Paris, 1832 *(Сарран, Б.,* младший. Лафайет и революция 1830 года; история событий и деятелей июльской революции. Тома I—II. Париж, 1832). — 168.

[Savary, A. J. M. R.] Memoires du duc de Rovigo, pour servir a l'histoire de l'empereur Napoleon. Tomes I—VIII. Paris, 1828 *([Савари, А. Ж. М. Р.]* Мемуары герцога Ровиго, освещающие историю правления императора Наполеона. Тома I—VIII. Париж, 1828). — 217, 218.

Schmidt, M. Рецензия на книгу: Sue, E. Die Mysterien von Paris. In: «Berliner Monatsschrift». Erstes und einziges Heft. Mannheim, 1844 *(Шмидт, М.* Рецензия на книгу: Сю, Э. Парижские тайны. В журнале: «Berliner Monatsschrift». Первый и единственный выпуск. Мангейм, 1844). — 11.

Schramm, C. To the editor of «The Friend of the People». In: «The

Friend of the People» № 14, March 15, 1851 *(Шрамм, К.* Заявление редактору журнала «The Friend of the People». В журнале: «The Friend of the People» № 14, 15 марта 1851). — 196, 198.

Southey, R. History of the Peninsular war. In three volumes. London, 1823—1832 *(Саути, Р.* История войны на Пиренейском полуострове. В трех томах. Лондон, 1823—1832). — 188—189.

Stechan. Корреспонденция, помеченная: Hannover, 28. September. In: «Zeitung fur Norddeutschland» № 544, 29. September 1851 *(Штехан.* Корреспонденция, помеченная: Ганновер, 28 сентября. В газете: «Zeitung fur Norddeutschland» № 544, 29 сентября 1851 г.). — 319.

Stirner, M. Der Einzige und sein Eigenthum. Leipzig, 1845 *(Штирнер, М.* Единственный и его собственность. Лейпциг, 1845). Книга вышла в свет в конце 1844 года. — 11—13, 15, 259, 262.

Struve, G. Grundzuge der Staatswissenschaft. Bande I—IV. Mannheim, 1847 — Frankfurt am Main, 1848 *(Струве, Г.* Основы политических наук. Тома I—IV. Мангейм, 1847 — Франкфурт-на-Майне, 1848). — 204.

Struve, G. Weltgeschichte in neun Buchern *(Струве, Г.* Всемирная история в девяти книгах). Издание начало выходить в Нью-Йорке в 1856 году. — 204.

Techow, G. Umrisse des kommenden Krieges. In: «New-Yorker Staatszeitung», 6. September 1851 *(Техов, Г.* Контуры грядущей войны. В газете: «New-Yorker Staatszeitung», 6 сентября 1851 г.). — 309—318.

Tellering, E. Westdeutscher Zeitungsjammer. Dusseldorf, 1850 *(Теллеринг, Э.* Скверная газетка «Westdeutsche Zeitung». Дюссельдорф, 1850). — 463.

Thiers, A. Histoire du Consulat et de l'Empire. Tomes I—XI. Paris, 1845—1851 *(Тьер, А.* История Консульства и Империи. Тома I—XI. Париж, 1845— 1851). Все издание в двадцати томах было завершено в 1862 году. — 188, 218.

Tooke, Th. A History of prices, and of the state of the circulation, from 1839 to 1847 inclusive. London, 1848 *(Тук, Т.* История цен и состояние обращения с 1839 по 1847 г. включительно. Лондон, 1848). — 162, 509.

Vatke, W. Die menschliche Freiheit in ihrem Verhaltnis zur Sunde und gottlichen Gnade. Berlin, 1841 *(Фатке, В.* Человеческая свобода в ее отношении к греху и божественной благодати. Берлин, 1841). — 355.

Vaulabelle, A. Histoire des deux restaurations jusqu'a la chute de Charles X, en 1830 *(Волабель, А.* История двух реставраций до свержения Карла X в 1830 году). Первый том этой многотомной работы вышел в Париже в 1844 году. — 80—81.

Vidil, J. Заявление от 8 марта 1851 г. In: «La Patrie» № 69, 10 mars 1851 *(Видиль, Ж.* Заявление от 8 марта 1851 г. В газете: «La Patrie» № 69, 10 марта 1851 г.). — 200, 201, 490—491.

Weerth, G. Schutzzoll und Freihandel — welchen Einflus uben sie auf die arbeitenden Klassen? In: «Die Ameise», 15. Oktober 1847 *(Веерт, Г.* Покровительственные пошлины и свобода торговли — как они влияют на рабочий класс? В газете: «Die Ameise», 15 октября 1847 г.). — 86.

Weitling, W. Aus einem Privatbriefe von Wilhelm Weitling. In: «Der Volks-Tribun» № 26, 27. Juni 1846 *(Вейтлинг, В.* Из частного письма Вильгельма Вейтлинга. В газете: «Der Volks-Tribun» №26, 27 июня 1846 г.). — 57.

Weitling, W. Garantien der Harmonie und Freiheit. Vivis, 1842 *(Вейтлинг, В.* Гарантии гармонии и свободы. Веве, 1842). — 38.

Weitling, W. Die Menschheit, wie sie ist und wie sie sein sollte. 1838 *(Вейтлинг, В.* Человече-

ство, как оно есть и каким оно должно быть. 1838). —38.

Wigand, O. An Arnold Ruge. In: «Die Epigonen». Erster Band. Leipzig, 1846 *(Виганд, О.* Арнольду Руге. В журнале: «Die Epigonen». Том первый. Лейпциг, 1846). — 36.

Wolff, W. Nachtragliches «aus dem Reich». In «Neue Rheinische Zeitung. Politische-okonomische Revue» № 4, 1850 *(Вольф, В.* Добавление к очеркам «По стране». В журнале: «Neue Rheinische Zeitung. Politische-okonomische Revue» № 4, 1850). — 457.

Wolff, W. Die Schlesische Milliarde. In: «Neue Rheinische Zeitung» №№ 252, 255, 256, 258, 264, 270, 271, 272, 281; 22, 25, 27, 29. Marz, 5, 12, 13, 14, 25. April 1849 *(Вольф, В.* Силезский миллиард. В газете: «Neue Rheinische Zeitung» №№ 252, 255, 256, 258, 264, 270, 271, 272, 281; 22, 25, 27, 29 марта. 5, 12, 13, 14, 25 апреля 1849 г.). — 510.

ДОКУМЕНТЫ

Обращение лондонского Просветительного общества к немецким пролетариям — см. Adresse des Bildungs-Vereins in London an die deutschen Proletarier.

Обращение лондонского Просветительного общества немецких рабочих к Ронге — см. An den Apostel Ronge.

Adresse des Bildungs-Vereins in London an die deutschen Proletarier. London, 1846 (Обращение лондонского Просветительного общества к немецким пролетариям. Лондон, 1846). — 47, 69.

Adresse der deutschen Socialreformer zu Philadelphia an Hermann Kriege und die Socialreformer in New-York (Обращение немецких национал-реформистов в Филадельфии к Герману Криге и национал-реформистам в Нью-Йорке). За подписями членов комитета Ассоциации национальной реформы. В газете: «Der Volks-Tribun» №29, 18 июля 1846 г. — 57.

An den Apostel Ronge (К апостолу Ронге). Подписи: Г. Бауэр, Молль, Шаппер, Леман. В журнале: «Telegraph fur Deutschland» № 56, 1845. — 69.

Aux democrates de toutes les nations (К демократам всех наций). Подписи: Адан, Бартелеми, Каперон, Фанон, Гуте, Тьерри, Видиль, Завашкевич, Варскироский, Диц, Геберт, Майер, Шертнер, Шаппер, Виллих, Моликои, Шимони. В газете: «Le Constitutionnel», 18 ноября 1850 г. — 140—142, 144, 534.

Aux Peuples! Organisation de la democratie (К народам! Организация демократии). Подписи: Мадзини, Ледрю-Роллен, Дараш, Руге. В журнале: «Le Proscrit» № 2, август 1850). — 155.

Bescheidene Erwiederung auf die Beschlusse der literarischen Reprasentanten des deutschen Kommunismus in Brussel gegen den Volks-Tribun, Organ des jungen Amerika (Скромный ответ на решение литературных представителей немецкого коммунизма в Брюсселе против газеты «Volks-Tribun, Organ des jungen Amerika»). За подписями членов революционного комитета. В газете: «Der Volks-Tribun» № 26, 27 июня 1846 г. — 57.

Die Centralbehorde an den Bund (Обращение Центрального комитета к Союзу). [Обращение кёльнского Центрального комитета Союза коммунистов от 1 декабря 1850 г.]. В газете: «Dresdner Journal und Anzeiger» № 171, 22 июня 1851 г. — 246, 247, 250, 255, 534.

Code penal (Уголовный кодекс). Принят в 1810 году. — 124, 433.

Le Comite central democratique europeen, aux Allemands (Обращение Центрального комитета европейской демократии. К немцам). Подписи: Ледрю-Роллен, Мадзини, Дараш, Руге. В журнале: «La Voix du Proscrit» № 4, 17 ноября 1850. — 142.

Correspondence relative to the affairs of Hungary. 1847—1849. Presented to both Houses of Parliament by command of Her Majesty. August 15, 1850. London (Переписка, касающаяся венгерских событий. 1847—1849 годы. Представлена обеим палатам парламента по распоряжению ее величества 15 августа 1850 года. Лондон). — 207.

Instructions pour la ligue, avant, pendant et apres la revolution (Инструкции Союзу о мероприятиях накануне, во время и после революции). Перевод с немецкого. В газете: «La Patrie», 17 сентября 1851 г. и в других французских газетах. — 304, 309.

— Masregeln vor, wahrend und nach der Revolution (Мероприятия накануне, во время и после революции). Немецкий оригинал предыдущего документа; выдержки. В газете: «Kolnische Zeitung» № 225, 19 сентября 1851 г. — 306, 309, 314.

Statuten des communistischen Bundes (Устав Союза коммунистов) (настоящее издание, т. 7, стр. 565—567). — 146.

В газете: «Dresdner Journal und Anzeiger» № 171, 22 июня 1851 г. — 246—247. 534.

СТАТЬИ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ В ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ, АВТОРЫ КОТОРЫХ НЕ ИЗВЕСТНЫ

«*Allgemeine Literatur-Zeitung*» («Всеобщая литературная газета»), Шарлоттенбург

— выпуск 5, апрель 1844 г. Correspondenz (Корреспонденция). — 383.

— выпуск 6, май 1844 г. Correspondenz aus der Provinz (Корреспонденция из провинции). — 383.

«Allgemeine Zeitung» («Всеобщая газета»), Аугсбург

— № 202. 21 июля 1846 г. Die russische Allianz und die russische Gesandschaft (Союз с Россией и русское посольство). — 42.

— № 137, 17 мая 1851 г. Корреспонденция, помеченная: Paris, 13. Mai (Париж, 13 мая). — 235.

— № 186, Beilage, 5 июля 1851 г. Der Communistenbund (Союз коммунистов). — 250.

— № 189, 8 июля 1851 г. Noch umfassendere Haussuchungen in Aussicht. Umfassende Gestandnisse des Schneiders Nothjung (Предстоят новые обыски. Подробные показания портного Нотъюнга). — 255.

— № 264, 21 сентября 1851 г. Das revolutionare Actenstuck des Volkerbundes (Революционный документ союза народов). — 309.

«Berner-Zeitung» («Бернская газета») № 361, 27 декабря 1849 г. Объявление о выходе журнала «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue». — 456.

«Le Corsaire-Satan» («Корсар-сатана»), Париж, № 11093, 16 и 17 августа 1846 г. — 33.

«The Daily News» («Ежедневные новости»), Лондон

— 25 февраля 1851 г. Banquet des Egaux (Банкет равных). — 202.

— 8 мая 1851 г. — 227.

— 1 сентября 1851 г. Remarkable case of fraud by an Austrian spy. — Sudden death of the impostor (Интересный случай обмана, совершенного австрийской шпионкой. — Внезапная смерть обманщицы). — 299.

— 10 декабря 1851 г. — 348.

«Le Debat Social» («Социальные дебаты»), Брюссель, 19 марта 1848 г.

Encore et toujours l'expulsion de M. Marx (Еще и еще раз о высылке г-на Маркса). — 117.

«Deutsche Schnellpost» («Немецкие экстренные сообщения»), Нью-Йорк
— 23 июля 1851 г. — 274.
— 13 августа 1851 г. — 296—297.

«The Economist» («Экономист»), Лондон, т. III, №№ 17 и 18; 26 апреля и 3 мая 1845 г. Remarkable discovery — electricity and agriculture (Замечательное открытие — электричество и сельское хозяйство). — 222—224, 228— 229, 232.

«Frankfurter Journal» («Франкфуртская газета»)
— № 111, zweite Beilage, 9 мая 1851 г. Корреспонденция, помеченная: Koln, 8. Mai (Кёльн, 8 мая). — 235.
— № 123, 23 мая 1851 г. Корреспонденция, помеченная: Koln, 20. Mai (Кёльн, 20 мая). — 245.

«La Fraternite» («Братство»), Париж, №№ 8, 11, 12, 16, 18, 20; август, ноябрь, декабрь 1845 г., апрель, июнь, август 1846 г. La civilisation (Цивилизация). — 45.

«The Friend of the People» («Друг народа»), Лондон, № 9, 8 февраля 1851 г. Honour to general Bern, the patriot and hero (Памяти генерала Бема, патриота и героя). — 176.

«Illustrirte Zeitung» («Иллюстрированная газета»), Лейпциг, № 410, 10 мая 1851 г., стр. 306. — 234.

«L'Independance belge» («Независимость Бельгии»), Брюссель, № 323, 19 ноября 1850 г. — 142.

«Journal des Debats politiques et litteraires» («Газета политических и литературных дебатов»), Париж, 15 мая 1851 г. Message de Mazzini au Comite central de Londres (Послание Мадзини Центральному комитету в Лондоне). — 238.

«Journal des Economistes» («Экономический журнал»), Париж, том XIV, июль 1846 г. Рецензия на книгу Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». — 45.

«Kolnische Zeitung» («Кёльнская газета»)
— 8 марта 1847 г. — 79.
— № 136, 6 июня 1849 г. Briefe aus Baden und der Pfalz. IV. Durkheim a. d. Haardt, 1. Juni (Письма из Бадена и Пфальца. IV. Дюркгейм на Гардте, 1 июня). — 130.
— № 150, 24 июня 1851 г. Der communistische Bund (Коммунистический союз). — 247.

«Koniglich-Preusische Staats-Kriegs-und Friedens-Zeitung» («Королевско-прусская газета по государственным, военным и мирным вопросам»), Кёнигсберг, № 138, 17 июня 1842 г. — 364.

«Le Moniteur belge» («Бельгийский вестник»), Брюссель, № 72, 12 марта 1848 г., стр. 643. — 116, 117.

«Le National» («Национальная газета»), Париж, 19 августа 1846 г., стр. 1. — 37.

«Neue Preusische Zeitung» («Новая прусская газета»), Берлин, №137, 17 июня 1851 г. Kreistags-Lieder. II (Песни окружного собрания. II). — 256.

«Neue Rheinische Zeitung. Organ der Demokratie» («Новая Рейнская газета. Орган демократии»), Кёльн
— № 155, Extra-Blatt, 29 ноября 1848 г., стр. 1. — 124.
— №№ 172—195, 19 декабря 1848 г. — 14 января 1849 г. Bestellungen auf die «Neue Rheinische Zeitung» fur das nachste Quartal, Januarbis Marz 1849 (Извещение о подписке на «Neue Rheinische Zeitung» на первый квартал, январь — март 1849 г.) (настоящее издание, т. 6, стр. 625—626). — 127, 438.
— № 177, 24 декабря 1848 г. Dr. Stieber (Др Штибер). — 433.
— № 181, 29 декабря 1848 г. Ein Aktenstuck des Marzvereins. Heidelberg, 26. Dezember (Документ Мартовского союза. Гейдельберг, 26 декабря). — 127.

— № 182, Beilage, 30 декабря 1848 г. Stieber (Штибер). — 433.
— № 233, Beilage, 28 февраля 1849 г. Корреспонденция, помеченная: Koln, 24. Februar (Кёльн, 24 февраля). — 439.
«The Northern Star» («Северная звезда»), Лондон, № 733, 22 ноября 1851 г. Treatment of Mr. O'Connor at the Kossuth metropolitan demonstration (Обращение с г-ном О'Коннором во время демонстрации в столице в честь Кошута). — 338.
«La Patrie» («Отечество»), Париж, 28 ноября 1850 г. (см. Molinari, G. в разделе «Произведения различных авторов»). — 142.
— № 71, 12 марта 1851 г., стр. 1. — 201.
«La Reforme» («Реформа»), Париж, 19 января 1848 г., стр. 3. — 110.
«Republik der Arbeiter» («Республика рабочих»), Нью-Йорк, № 2, февраль 1851 г. Korrespondenzen. Paris, den 2. Januar 1851 (Корреспонденции. Париж, 2 января 1851 г.). — 215.
«Rheinische Zeitung fur Politik, Handel und Gewerbe» («Рейнская газета по вопросам политики, торговли и промышленности»), Кёльн, № 241, 29 августа 1842 г. Aus dem Hannoverschen, 25. August (Из ганноверской жизни, 25 августа). — 366—367.
«The Sun» («Солнце»), Лондон, 17 мая 1851 г. — 234—235.
«Trier'sche Zeitung» («Трирская газета») № 354, 20 декабря 1846 г., стр. 3—4. — 75.
— № 158, 6 июля 1851 г. Eine Polizei-Ente? (Полицейская утка?). — 250.
«Der Volks-Tribun» («Народный трибун»), Нью-Йорк, № 27, 4 июля 1846 г. An unsere Freunde (К нашим друзьям). — 57.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Вергилий. Энеида. — 450, 454.
Гейне. Атта Тролль. — 154, 274, 504.
Гейне. Германия. Зимняя сказка. — 133, 387.
Гейне. Два рыцаря. — 343, 349, 350.
Гейне. Мир. — 369.
Гейне. Наш флот. — 387.
Гейне. Рыцарь Олаф. — 343.
Гёте. Рыбак. — 155, 320.
Гёте. Торквато Тассо. — 153.
Гёте. Целостность. — 46.
Гомер. Илиада. — 293.
Гораций. Наука поэзии. — 56.
Гораций. Оды. Книга третья. — 234.
Данте. Божественная комедия. — 320.
Диккенс. Записки Пикквикского клуба. — 221, 224, 228, 337.
Марсельеза. — 86, 424.
Сервантес. Дон-Кихот. — 261.
Сю. Парижские тайны. — 11, 26.
Фрейлиграт. Мавританский князь. — 520.
Фрейлиграт. Негритянский вождь. — 232.
Шекспир. Гамлет. — 171. *Шекспир.* Король Генрих IV. — 343.
Шиллер. Баловни счастья. — 320.
Шиллер. Дон Карлос. — 370.
Шиллер. Разбойники. — 44.
Ювенал. Сатиры. — 172, 290.

* * *

Библия. — 169, 476.

УКАЗАТЕЛЬ
ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

«Новая Рейнская газета» — см. «*Neue Rheinische Zeitung».*

«Abendzeitung» — см. *«New-Yorker Abend zeitung».*

«Aftonbladet» («Вечерняя газета») — шведская ежедневная газета, издается в Стокгольме с 1830 года; в XIX в. — орган либеральной буржуазии. — 71.

«Allgemeine Literatur-Zeitung» («Всеобщая литературная газета») — немецкий ежемесячник, издававшийся младогегельянцем Б. Бауэром в Шарлоттенбурге с декабря 1843 по октябрь 1844 года. — 26, 382, 383.

«Allgemeine Preusische Staats-Zeitung» («Всеобщая прусская государственная газета») — основана в Берлине в 1819 году; в 40-х годах XIX в. газета являлась полуофициальным органом прусского правительства. — 361.

«Allgemeine Zeitung» («Всеобщая газета») — немецкая ежедневная консервативная газета, основана в 1798 году; с 1810 по 1882 г. выходила в Аугсбурге. — 42,235, 250, 255, 309, 318, 380.

«Anekdota zur neuesten deutschen Philosophie und Publicistik» («Неизданное из области новейшей немецкой философии и публицистики») — двухтомный сборник, изданный А. Руге в 1843 г. в Швейцарии; в сборнике были опубликованы две статьи Маркса. — 356, 359, 363, 365, 368.

«Die Arbeiterzeitung» («Рабочая газета») — газета, издававшаяся в Нью-Йорке немецкими эмигрантами в 1851—1852 годах. — 264, 495, 497.

«L'Assemblee nationale» («Национальное собрание») — ежедневная французская газета монархическо-легитимистского направления, выходила в Париже с 1848 по 1857 год. В 1848— 1851 гг. отражала взгляды сторонников слияния обеих династических партий — легитимистов и орлеанистов. — 201.

«L'Atelier, organe special de la classe laborieuse, redige par des ouvriers exclusivement» («Мастерская, специальный орган трудящегося класса, редактируемый исключительно рабочими») — ежемесячный французский журнал, орган ремесленников и рабочих, находившихся под влиянием идей христианского социализма; издавался в Париже с 1840 по 1850 год; в состав редакции входили переизбираемые каждые три месяца представители рабочих. — 36, 93—95.

«L'Atelier Democratique» («Демократическая мастерская») —

бельгийская еженедельная рабочая газета, выходила с 1846 г. в Брюсселе, редактором ее с 1847 г. был Л. Хейльберг. — 85, 86.

«Berliner Monatsschrift» («Берлинский ежемесячник») — немецкий журнал, который издавался младогегельянцем Л. Булем в Мангейме в 1844 году; вышел один-единственный номер, после чего журнал был запрещен цензурой. — 11.

«Berliner Zeitungs-Halle» («Берлинская читальня») — немецкая ежедневная газета, один из органов мелкобуржуазной демократии; издавалась с 1846 г. в Берлине Г. Юлиусом. — 78.

«Berner-Zeitung» («Бернская газета») — швейцарская газета, выходила на немецком языке в Берне в 1845—1894 гг., в 40-х годах XIX в. — орган радикальной партии. — 127, 456.

«Le *Bon Sens»* («Здравый смысл») — французская ежедневная газета, орган конституционалистов, выходила в 1832—1839 гг. в Париже. — 71.

«Bremer Tages-Chronik. Organ der Demokratie» («Бременская ежедневная хроника. Орган демократии») — немецкая демократическая газета, выходила в 1849—1851 годах; с марта 1850 г. редактором газеты был Р. Дулон; в 1851 г. в газете сотрудничал А. Руге. — 154, 156, 157, 224, 499.

«Brusseler-Zeitung» — см. *«Deutsche-Brusseler-Zeitung».*

«Le Charivari» («Шаривари») — французская сатирическая газета буржуазно-республиканского направления; издавалась в Париже с 1832 года; при Июльской монархии выступала с едкими нападками на правительство; в 1848 г. перешла в лагерь контрреволюции. — 169, 379.

«Chronicle» — см. *«The Morning Chronicle».*

«Le Commerce» («Торговля») — французская ежедневная либеральная газета, под данным названием выходила в Париже в 1837—1848 годах. — 379.

«Le Constitutionnel» («Конституционалистская газета») — французская ежедневная буржуазная газета; выходила в Париже с 1815 по 1870 год; в 40-х годах — орган умеренного крыла орлеанистов; в период революции 1848 г. выражала взгляды контрреволюционной буржуазии, группировавшейся вокруг Тьера; после государственного переворота в декабре 1851 г. — бонапартистская газета. — 79, 188, 197, 351.

«Le Corsaire-Satan» («Корсар-сатана») — французская сатирическая газета, под данным названием выходила в Париже в 1844— 1847 годах. — 33, 42.

«Courrier Suisse» («Швейцарский вестник») — реакционная газета, издавалась в Лозанне с 1840 по 1853 год. — 379.

«The Daily News» («Ежедневные новости») — английская либеральная газета, орган промышленной буржуазии; выходила под данным названием в Лондоне с 1846 по 1930 год. — 202, 227, 299, 346, 348.

«Dampfboot» — см. *«Das Westphalische Dampfboot».*

«Le Debat Social, organe de la democratie» («Социальные дебаты, орган демократии») — бельгийская еженедельная газета, орган буржуазных радикалов и демократов; выходила в Брюсселе с 1844 по 1849 год. — 115, 117.

«Debats» — см. *«Journal des Debats politiques et litteraires».*

«La Democratie pacifique» («Мирная демократия») — ежедневная газета фурьеристов, выходившая в Париже в 1843—1851 гг. под редакцией В. Консидерана. — 13, 33, 71, 110, 379.

«Deutsche-Brusseler-Zeitung» («Немецкая брюссельская газета») — основана немецкими политическими эмигрантами в Брюсселе, выходила с января 1847 по февраль 1848 года. С сентября

1847 г. Маркс и Энгельс сделались постоянными сотрудниками газеты и оказывали непосредственное влияние на ее направление.— 82, 84, 87, 96, 97. 106, 108— 110, 274, 415, 416, 511.

«Deutsche Jahrbucher fur Wissenschaft und Kunst» («Немецкий ежегодник по вопросам науки и искусства») — литературно-философский журнал младогегельянцев; под данным названием издавался в Лейпциге под редакцией А, Руге с июля 1841 года. В январе 1843 г. журнал был закрыт саксонским правительством и запрещен постановлением Союзного сейма на всей территории Германии. — 355, 356, 362, 365, 371, 373.

«Deutsche Londoner Zeitung» («Немецкая лондонская газета») — еженедельная газета немецких эмигрантов в Лондоне, выходила с апреля 1845 по февраль 1851 г. при материальной поддержке отрешенного от престола герцога Карла Брауншвейгского. Редактором был мелкобуржуазный демократ Луи Бамбергер. В 1849—1850 гг. газета главным образом публиковала статьи К. Гейнцена, Г. Струве и других мелкобуржуазных демократов. — 500.

«Deutsche Schnellpost fur Europaische Zustande, offentliches und sociales Leben Deutschlands» («Немецкие экстренные сообщения о положении в Европе, об общественной и социальной жизни Германии») — орган немецких мелкобуржуазных демократов-эмигрантов в США; выходил в Нью-Йорке в 1843—1851 гг. два раза в неделю. В 1848 и 1851 гг. редактором газеты был К. Гейнцен, в 1851 г. в состав редакции входил также А. Руге. — 183, 199, 222, 263, 266, 273, 296, 297, 304, 332, 336, 349, 493, 501, 502, 506, 518.

«Deutsche Tribune» («Немецкая трибуна») — буржуазно-радикальная газета, выходившая сначала в Мюнхене, а затем в Хомбурге в 1831—1832 годах; была закрыта правительством. — 367.

«Deutscher Zuschauer» («Немецкий зритель») — немецкая еженедельная газета радикального направления, издавалась мелкобуржуазным демократом Струве с декабря 1846 по апрель 1848 г. в Мангейме и с июля по сентябрь 1848 г. в Базеле. — 183, 501.

«Deutsches Burgerbuch» («Книга для немецких граждан») — ежегодник на 1845 г., изданный в Дармштадте Г. Пютманом в декабре 1844 г., и на 1846 г. — летом 1846 г. в Мангейме. В ежегодниках были опубликованы две статьи Энгельса. — 15, 21, 46.

«Deutsch-Franzosische Jahrbucher» («Немецко-французский ежегодник») — издавался в Париже под редакцией Маркса и А. Руге на немецком языке. Вышел в свет только первый, двойной выпуск в феврале 1844 года. В нем был опубликован ряд произведений Маркса и Энгельса. — 6, 19, 37, 39, 159, 373, 375, 378, 380, 390—391, 398.

«The Economist» («Экономист») — английский еженедельный журнал по вопросам экономики и политики, основан в Лондоне в 1843 году; орган крупной промышленной буржуазии. — 222—224, 228, 232, 299, 321, 427, 428.

«*L'Emancipation»* («Освобождение») — бельгийская ежедневная газета, орган клерикально-католических кругов; основана в Брюсселе в 1830 году. — 111.

«Die Epigonen» («Эпигоны») — философский журнал младогегельянцев; издавался О. Вигандом в Лейпциге в 1846—1848 годах. — 32, 36, 54—56.

«Frankfurter Journal» («Франкфуртская газета») — немецкая ежедневная буржуазная газета, издавалась во Франкфурте-на-Майне с XVII в. по 1903 год. — 235, 245.

«La Fraternite de 1845. Organe du communisme» («Братство 1845 года.

Орган коммунизма») — ежемесячный рабочий журнал бабувистского направления; выходил в Париже с января 1845 по февраль 1848 года. — 45.

«The Friend of the People» («Друг народа») — чартистский еженедельник, издававшийся Дж. Гарни в Лондоне с декабря 1850 по июль 1851 года. — 143, 157, 167, 168, 173, 174, 176, 179, 198, 264.

«Gemeinnutziges Wochenblatt des Gewerb-Vereins zu Koln» («Общеполезный еженедельник промышленного общества в Кёльне») — немецкий еженедельник, выходил в 1836—1855 гг. в Кёльне, в 1842—1843 гг. являлся приложением к «Rheinische Zeitung». В 1845 г. в его редактировании принимал участие Д'Эстер. — 17.

«Der Gesellschafter oder Blatter fur Geist und Herz» («Собеседник, или Газета для ума и сердца») — немецкая либеральная газета, выходила в Берлине в 1817—1848 годах. — 505.

«Gesellschaftsspiegel. Organ zum Vertretung der besitzlosen Volksklassen und zur Beleuchtung der gesellschaftlichen Zustande der Gegenwart» («Зеркало общества. Орган для защиты интересов неимущих классов народа и для освещения современных общественных отношений») — ежемесячный журнал «истинных социалистов»; издавался под редакцией М. Гесса в Эльберфельде в 1845—1846 годах; всего вышло 12 номеров. — 16, 22—24, 26, 82.

«Hannoversche Zeitung» («Ганноверская газета») — ежедневная газета, орган ганноверского правительства, основана в 1832 году. — 364.

«The Illustrated London News» («Иллюстрированные лондонские новости») — английский иллюстрированный журнал, выходит в Лондоне с 1842 год а; имел выпуски на других языках. — 233, 235.

«Illustrirte Zeitung» («Иллюстрированная газета») — еженедельная немецкая газета, выходила в Лейпциге в 1843—1944 годах. В середине XIX в. имела умеренно-либеральное направление. — 234.

«L'Independance belge» («Независимость Бельгии») — ежедневная буржуазная газета, основана в Брюсселе в 1831 году; орган либералов. — 139, 142.

«Jahrbucher» — см. *«Deutsche Jahrbucher fur Wissenschaft und Kunst».*

«Jahrbucher» — см. *«Deutsch-Franzosische Jahrbucher».*

«Jahrbucher der Gegenwart» («Современный ежегодник») — выходил в Штутгарте и Тюбингене с июля 1843 по 1848 г. под редакцией теолога А. Швеглера. — 374.

«Journal des Debats politiques et litteraires» («Газета политических и литературных дебатов») — французская ежедневная буржуазная газета, основанная в Парижа в 1789 году. В период Июльской монархии — правительственная газета, орган орлеанистской буржуазии. Во время революции 1848 г. газета выражала взгляды контрреволюционной буржуазии. — 79, 169, 201, 235, 238, 240, 304; 327.

«Journal des Economistes. Revue mensuelle d'economie politique et des questions agricoles, manufacturieres et commerciales» («Экономический журнал. Ежемесячный обзор по вопросам политической экономии, сельского хозяйства, промышленности и торговли») — французский ежемесячный буржуазный журнал, выходивший в Париже с 1841 по 1943 год. — 44, 45.

«Journal des Osterreichischen Lloyd» («Журнал Австрийского Ллойда») — австрийская ежедневная официозная газета, издавалась в Вене в 1836—1854 годах. — 303.

«Karlsruher Zeitung» («Газета Карлсруэ») — ежедневная немецкая газета, выходила с 1757 г., официальный орган правительства Бадена в 1849 году. — 130.

«Kolnische Zeitung» («Кёльнская газета») — немецкая ежедневная газета, под данным названием выходила в Кёльне с 1802 года; в 40-х годах XIX в. являлась органом либеральной буржуазии, занимала враждебную позицию по отношению к революционно-демократическому движению; в период революции 1848—1849 гг. и наступившей вслед за тем реакции отражала трусливую и предательскую политику прусской либеральной буржуазии. — 61, 71, 80, 119, 127, 130, 225, 232, 233, 247, 249, 254, 255, 257, 264, 306, 309, 318. 364, 396, 500—502, 527.

«Koniglich-Preusische Staats-Kriegs-und Friedens-Zeitung» («Королевско-прусская газета по государственным, военным и мирным вопросам») — ежедневная немецкая газета, под данным названием выходила в Кенигсберге с 1752 по 1850 год. В 40-х годах XIX в. — прогрессивная буржуазная газета. — 364.

«Konigsberger Zeitung» — см. *«Koniglich-Preusische Staats-Kriegs-und Friedens-Zeitung».*

«Der Kosmos» («Космос») — еженедельный орган немецких мелкобуржуазных демократов-эмигрантов в Англии; издавался в 1851 г. в Лондоне Эрнстом Хаугом; в еженедельнике принимали участие Кинкель, Руге, Ронге, Оппенхейм, Таузенау. Вышло всего 6 номеров. — 224, 229, 237, 238, 243, 244, 488, 500, 503.

«Kozlony, hivatalos lap» («Вестник, официальная газета») — ежедневная газета, орган Кошута; выходила в 1848—1849 гг. в Будапеште, Дебрецене и Сегеде. — 210.

«Kreuz-Zeitung» — см. *«Neue Preusische Zeitung».*

«Leipziger Allgemeine Zeitung» («Лейпцигская всеобщая газета») — немецкая ежедневная газета, выходила с 1837 года. В начале 40-х годов XIX в. — прогрессивная буржуазная газета. Была запрещена в пределах Пруссии кабинетским указом от 28 декабря 1842 г., в Саксонии выходила до 1 апреля 1843 года. — 371.

«Literarische Zeitung» («Литературная газета») — еженедельная литературная газета; издавалась на средства правительства в Берлине с 1834 по 1849 год. — 375.

«Literatur-Zeitung» — см. *«Allgemeine Literatur-Zeitung».*

«Lithographische Correspondenz» — см. *«Preusische Lithographische Correspondenz».*

«Der Lloyd» — см. *«Journal des Osterreichischen Lloyd».*

«The London Telegraph) («Лондонский телеграф») — английская ежедневная буржуазно-либеральная газета, выходила в Лондоне в 1848 году. — 427, 428.

«Mannheimer Abendzeitung» («Мангеймская вечерняя газета») — ежедневная немецкая вечерняя газета радикального направления, основана К. Грюном, выходила в 1842—1849 годах. — 130.

«Le Moniteur belge. Journal officiel» («Бельгийский вестник. Официальная газета») — так называлась по примеру французского правительственного органа ежедневная бельгийская газета, официальный орган, основанный в Брюсселе в 1831 году. — 116, 117.

«The Morning Chronicle» («Утренняя хроника») — ежедневная английская буржуазная газета, выходила в Лондоне с 1770 по 1862 год; орган вигов, в начале 50-х годов орган пилитов, затем консерваторов. — 200, 505.

«Le. National» («Национальная газета») — французская ежедневная газета, выходила в Париже с 1830 по 1851 год; орган умеренных, буржуазных республиканцев. — 32, 37, 42, 63, 74, 80. 81, 94, 95, 99, 106, 127, 238, 328, 379, 423, 424.

«National-Zeitung» — см. *«Schweizerische National-Zeitung».*

«Neue Deutsche Zeitung. Organ der Democratie» («Новая немецкая газета. Орган демократии») — ежедневная демократическая газета,

выходила в 1848—1850 гг., до 1 апреля 1849 г. в Дармштадте, а с 1 апреля во Франкфурте-на-Майне. Ответственным редактором газеты до 1 октября 1849 г. был О. Люнинг, а с 1 октября редакторами стали О. Люнинг, Г. Гюнтер и И. Вейдемейер. — 141, 447, 448, 454, 465, 470, 533.

«Neue Preusische Zeitung» («Новая прусская газета») — немецкая ежедневная газета, начала издаваться в Берлине с июня 1848 года; была органом контрреволюционной придворной камарильи и прусского юнкерства. Эта газета известна также под названием «Kreuz-Zeitung» («Крестовая газета»). — 256, 275, 282, 284, 433, 467, 505.

«Neue Rheinische Zeitung. Organ der Demokratie» («Новая Рейнская газета. Орган демократии») — выходила ежедневно в Кёльне под редакцией Маркса с 1 июня 1848 по 19 мая 1849 года; в состав редакции входил Энгельс. — 122—124, 127—130, 132, 207, 210, 211, 225, 230, 238, 239, 241, 243, 245, 256, 259, 265, 421, 423, 427—430, 433, 436—443, 447— 449, 459, 463, 466, 469, 483, 490, 495, 510, 529, 533.

«Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue» («Новая Рейнская газета. Политико-экономическое обозрение») — журнал, основанный Марксом и Энгельсом в декабре 1849 г. и издававшийся ими до ноября 1850 года.— 132, 134, 139, 146, 153, 155, 156, 168, 229, 233, 284, 309, 331, 452, 454, 456—462, 464,467, 469—470, 473, 474, 511, 520, 527—530, 532, 534.

«New-York Daily Tribune» («Нью-йоркская ежедневная трибуна») — американская газета, выходившая с 1841 по 1924 год. Основанная видным американским журналистом и политическим деятелем Хорасом Грили, газета до середины 50-х годов была органом левого крыла американских вигов, а затем органом республиканской партии. В 40— 50-х годах газета стояла на прогрессивных позициях и выступала против рабовладения. С августа 1851 по март 1862 г. в газете сотрудничали Маркс и Энгельс. — 267, 275, 282. 283, 285, 294, 321, 337, 342, 494, 508, 518, 519.

«New-Yorker Abendzeitung» («Нью-йоркская вечерняя газета») — газета, издававшаяся немецкими эмигрантами в 50-х годах XIX века. — 337, 338, 512.

«New-Yorker Staatszeitung» («Нью-йоркская государственная газета») — ежедневная немецкая демократическая газета, выходившая с 1834 года; впоследствии один из органов демократической партии США. — 262, 296, 309—313, 329, 493, 495, 497, 502, 506, 509, 511.

«Norddeutsche Zeitung» — см. *«Zeitung fur Norddeutschland».*

«The Northern Star» («Северная звезда») — английская еженедельная газета, центральный орган чартистов, основана в 1837 году; выходила до 1852 г., сначала в Лидсе, а с ноября 1844 г. в Лондоне. Основателем и редактором газеты был Ф. О'Коннор, в редакцию входил также Дж. Гарни. С 1843 по 1850 г. в газете печатались статьи и заметки Энгельса. — 93, 97, 100, 106, 112, 117, 338.

«Notes to the People» («Заметки для народа») — еженедельный орган чартистов, выходивший в Лондоне в 1851—1852 гг. под редакцией Э. Джонса. Маркс и Энгельс оказывали поддержку журналу, принимая участие в его редактировании и издании, и опубликовали в нем с июня 1851 по апрель 1852 г. ряд статей. — 224, 264, 266, 338.

«Die Pariser Horen» («Парижские часы») — немецкий буржуазно-демократический ежемесячник, издававшийся в Париже в 1847 г. под редакцией Г. Мёйрера. — 58, 77.

«La Patrie» («Отечество») — французская ежедневная газета, основана в 1841 году; в 1850 г. выражала интересы объединенных монархистов, так называемой партии порядка; после государственного переворота 2 декабря 1851 г. — бонапартистская газета. — 142, 197, 200, 201, 490.

«Le Pere Duchesne» («Папаша Дюшен») — французская газета, издававшаяся в Париже в 1790— 1794 гг. Ж. Эбером; выражала настроения городских полупролетарских масс в период французской буржуазной революции. — 256.

«La Phalange. Revue de la science sociale» («Фаланга. Социально-научное обозрение») — орган фурьеристов, издававшийся в Париже с 1832 по 1849 год; неоднократно менял название, периодичность, объем и формат. — 33.

«La Presse» («Пресса») — ежедневная газета, выходившая в Париже с 1836 года; в период Июльской монархии носила оппозиционный характер; в 1848— 1849 гг. — орган буржуазных республиканцев, позднее бонапартистский орган. В 40-х годах XIX в. редактором газеты был Э. Жирарден. — 102, 327, 379.

«Preusische Lithographische Correspondenz» («Прусская литографированная корреспонденция») — полуофициальный орган прусского министерства иностранных дел, издавался в Берлине. — 274, 282, 287, 299, 499, 505.

«Preusische Staats-Zeitung» — см. *«Allgemeine Preusische Staats-Zeitung».*

«Prometheus» («Прометей») — немецкий социалистический журнал, издавался Г. Пютманом осенью 1846 г. в Херизау (Швейцария). По-видимому, вышел только один номер, большинство экземпляров которого было конфисковано при отправке в Германию, а сам журнал запрещен властями немецких государств. — 46, 47.

«Le Proscrit, Journal de la republique universelle» («Изгнанник, журнал всемирной республики») — ежемесячный орган Центрального комитета европейской демократии, издавался в Париже в 1850 году. Вышло два номера. В редакцию журнала входили Ледрю-Роллен, Мадзини, Хауг, Э. Араго. Дараш, Делеклюз, Ворцель. С конца октября 1850 г. преобразован в еженедельный журнал «La Voix du Proscrit» («Голос изгнанника»), который выходил в Сент-Амане (Франция) до сентября 1851 года. — 298.

«The Red Republican» («Красный республиканец») — чартистский еженедельник, издававшийся Дж. Дж. Гарни в июне — ноябре 1850 года. — 137, 138, 143, 145.

«La Reforme» («Реформа»)— французская ежедневная газета, орган мелкобуржуазных демократов-республиканцев и мелкобуржуазных социалистов; издавалась в Париже с 1843 по 1850 год. С октября 1847 до января 1848 г. Энгельс опубликовал в этой газете ряд статей. — 37, 63, 92, 94—98, 100, 106, 109, 110, 113, 114, 117, 182, 379, 423, 424.

«Republik der Arbeiter» («Республика рабочих») — рабочая газета, издававшаяся В. Вейтлингом в Нью-Йорке в 1850—1855 годах; выражала взгляды представителей сектантского уравнительного коммунизма. — 215, 520.

«Die Revolution» («Революция») — еженедельный коммунистический журнал, издавался в 1852 г. в Нью-Йорке И. Вейдемейером. Удалось выпустить только два номера в январе 1852 г., после чего издание пришлось прекратить из-за материальных затруднений. В мае и июне 1852 г. Вейдемейеру при поддержке А. Клусса удалось выпустить еще два выпуска «непериодического журнала» «Die Revolution». — 519.

«Revue» — см. *«Neue Rheinische Zeitung. Politisch-okonomische Revue».*

«La Revue independante» («Независимое обозрение») — французский

общественно-политический ежемесячный журнал,находился под влиянием утопического социализма; издавался в Париже с ноября 1841 по февраль 1848 г. под редакцией П. Леру, Жорж Санд и Л. Виардо. — 93, 379.

«Revue Sociale, ou Solution pacifique du problеme du proletariat» («Социальное обозрение, или Мирное разрешение проблемы пролетариата») — французский ежемесячный журнал, орган христианских социалистов, издавался П. Леру в Буссаке и Париже в 1845—1850 гг. и его сторонниками в Париже в 1850 году. — 36.

«Reynolds's Newspaper» («Газета Рейнольдса») — английская еженедельная газета радикального направления; издавалась в Лондоне с 1850 г. Рейнольдсом; в начале 50-х годов поддерживала чартистов. — 338.

«Rheinische Jahrbucher zur gesellschaftlichen Reform» («Рейнский ежегодник по вопросам социальной реформы») — немецкий журнал, издавался Г. Пютманом; вышло всего два тома, первый в Дармштадте в августе 1845 г., второй в местечке Бель-Вю на немецко-швейцарской границе в конце 1846 года. — 16, 22, 26, 27, 46, 386, 391.

«Rheinische Zeitung fur Politik, Handel und Gewerbe» («Рейнская газета по вопросам политики, торговли и промышленности») — ежедневная газета, выходила в Кёльне с 1 января 1842 по 31 марта 1843 года. С апреля 1842 г. в газете сотрудничал Маркс, а с октября того же года стал одним из ее редакторов. — 17, 361, 363—372, 375, 376, 477.

«Rheinischer Beobachter» («Рейнский обозреватель») — ежедневная консервативная газета; выходила в Кёльне с 1844 до начала 1848 года. — 47, 69.

«Schnellpost» — см. *«Deutsche Schnellpost fur Europaische Zustande, offentliches und sociales Leben Deutschlands».*

«Schweizerische National-Zeitung» («Швейцарская национальная газета») — ежедневная буржуазная газета, издавалась в Базеле с 1842 года. — 127, 154, 287, 457.

«Le Siecle» («Век») — французская ежедневная газета, выходившая в Париже с 1836 по 1939 год. В 40-х годах XIX в. отражала взгляды той части мелкой буржуазии, которая ограничивалась требованием умеренных конституционных реформ; в 50-х годах — умеренно-республиканская газета. — 328, 379.

«Staatszeitung» — см. *«New-Yorker Staatszeitung».*

«Star» — см. *«The Northern Star».*

«The Sun» («Солнце») — английская ежедневная буржуазно-либеральная газета, выходила в Лондоне с 1798 по 1876 год. — 234, 338.

«Tages-Chronik» — см. *«Bremer Tages-Chronik. Organ der Demokratie».*

«Telegraph fur Deutschland» («Германский телеграф») — литературный журнал; выходил в Гамбурге с 1838 по 1848 год. С марта 1839 по 1841 г. в журнале сотрудничал Энгельс. — 18.

«The Telegraph» — см. *«The London Telegraph».*

«The Times» («Времена») — крупнейшая английская ежедневная газета консервативного направления; основана в Лондоне в 1785 году. — 190, 191, 196, 198, 202, 218, 337, 338, 379, 428, 490, 516.

«Tribun» — см. *«Der Yolks-Tribun».*

«Tribune» — см. *«New-York Daily Tribune».*

«Tribune» — см. *«Deutsche Tribune».*

«Trier'sche Zeitung» («Трирская газета») — основана в Трире в 1757 г., под данным названием выходила с 1815 года; с начала 40-х годов XIX в. — буржуазно-радикальный орган; с середины 40-х годов находилась под влиянием «истинных социалистов». — 32, 75, 82, 250.

«Veilchen. Harmlose Blatter fur die moderne Kritik» («Фиалки. Не-

винные листки современной критики») — еженедельник «истинных социалистов»; издавался под редакцией Г. Шлюсселя в Бауцене (Саксония) в 1846—1847 годах. — 75.

«Der Volks-Tribun» («Народный трибун») — еженедельная газета, основанная немецкими «истинными социалистами» в Нью-Йорке; выходила с 5 января до 31 декабря 1846 года; редактором газеты был Г. Криге. — 57—58, 62.

«Vorwarts!» («Вперед!») — немецкая газета, выходила в Париже с января по декабрь 1844 г. два раза в неделю. В газете принимали участие Маркс и Энгельс. — 7, 14, 15, 17—18, 383.

«Weser-Zeitung» («Везерская газета») — немецкая буржуазно-либеральная газета; издавалась в Бремене с 1844 по 1930 год. — 157, 158.

«Westdeutsche Zeitung» («Западногерманская газета») — немецкая демократическая газета, издававшаяся Г. Беккером в Кёльне с 25 мая 1849 до 21 июля 1850 года. — 448, 463.

«Das Westphalische Dampfboot» («Вестфальский пароход») — ежемесячный журнал «истинных социалистов»; издавался под редакцией О. Люнинга в Билефельде с января 1845 по декабрь 1846 г. и в Падерборне с января 1847 по март 1848 года. — 526, 527.

«Zeitung fur Norddeutschland» («Газета для Северной Германии») — немецкая либеральная газета, выходила в Ганновере в 1848— 1872 годах. — 319.

СПИСОК ПИСЕМ,
ДАТИРОВКА КОТОРЫХ ИЗМЕНЕНА ПО СРАВНЕНИЮ С ПЕРВЫМ ИЗДАНИЕМ СОЧИНЕНИЙ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

Автор и адресат письма	Прежняя дата в 1 изд. Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса	Уточненная дата в т. 27 2 изд. Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса
Энгельс — Марксу	22 февраля 1845 г. (том XXI)	22—26 февраля, 7 марта 1845 г.
Энгельс — Марксу	[середина сентября 1846 г.] (том XXI)	[сентябрь 1846 г.]
Энгельс — Марксу	[середина октября 1846 г.] (том XXI)	[18 октября 1846 г.]
Энгельс — Марксу	[конец декабря 1846 г.] (том XXI)	[декабрь 1846 г.]
Энгельс — Марксу	28 сентября 1847 г. (том XXI)	28—30 сентября 1847 г.
Энгельс — Марксу	26 октября 1847 г. (том XXI)	[25]—26 октября 1847 г.
Энгельс — Марксу	26 ноября 1847 г. (том XXI)	[21 января 1848 г.]
Энгельс — Марксу	9 марта 1848 г. (том XXI)	[8]—9 марта [1848 г.]
Маркс — Энгельсу	[середина апреля 1848 г.] (том XXI)	[ранее 25 апреля 1848 г.]
Энгельс — Марксу	8 января 1849 г. (том XXI)	7—[8] января 1849 г.
Маркс — Энгельсу	[март 1849 г.] (том XXI)	[вторая половина апреля — начало мая 1849 г.]
Маркс — Энгельсу	[первая половина августа 1849 г.] (том XXI)	[около 1 августа 1849 г.]
Энгельс — Марксу	10 апреля 1855 г. (том XXII)	15 апреля 1851 г.

Автор и адресат письма	Прежняя дата в 1 изд. Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса	Уточненная дата в т. 27 2 изд. Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса
Энгельс — Марксу	[6 мая 1851 г.] (том XXI)	[6 или 7 мая 1851 г.]
Энгельс — Марксу	[9 октября 1856 г.] (том XXII)	[15 мая 1851 г.]
Маркс — Энгельсу	[около 16 июля 1851 г.] (том XXI)	[около 17 июля 1851 г.]
Энгельс — Марксу	[около 2 августа 1851 г.] (том XXI)	[около 1 августа 1851 г.]
Маркс — Энгельсу	[около 27 августа 1851 г.] (том XXI)	[около 20 августа 1851 г.]
Маркс — Фейербаху	20 октября 1843 г. (том I)	3 октября 1843 г.
Маркс — Гейне	[1 февраля 1845 г.] (том XXV)	12 января 1845 г.
Энгельс и Маркс — Гессу	27 июля 1846 г. (том XXV)	27 — [около 28] июля 1846 г.
Маркс — Бауэру	30 ноября [1850 г.] (том XXV)	30 ноября [1849 г.]
Энгельс — комитету венгерских эмигрантов	22 февраля 1850 г. (том XXV)	[конец февраля 1850 г.]
Энгельс — Шуберту	[конец марта 1850 г.] (том XXV)	[около 11 апреля 1850 г.]
Маркс — Вейдемейеру	8 мая 1850 г. (том XXV)	8 июня [1850 г.]
Маркс — Вейдемейеру .	27 июля 1850 г. (том XXV)	27 июня [1850 г.]
Женни Маркс— Вейдемейеру	[около 25 июля 1850 г.] (том XXV)	[около 20 июня 1850 г.]
Женни Маркс — Энгельсу	(начало января 1851 г.] (том XXI)	[11] января 1851 г.

СОДЕРЖАНИЕ*

Предисловие к томам писем К. Маркса и Ф. Энгельса ..... V—XI

Предисловие к двадцать седьмому тому ..... XII—XXXVI

Часть первая
ПЕРЕПИСКА МЕЖДУ К. МАРКСОМ и Ф. ЭНГЕЛЬСОМ
(октябрь 1844 — декабрь 1851)

1844 год

1. ЭНГЕЛЬС—МАРКСУ, [НАЧАЛО ОКТЯБРЯ] ..... 5—8
2. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, 19 НОЯБРЯ ..... 9—14

1845 год

3. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, [20 ЯНВАРЯ] ..... 15—20
4. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, 22—26 ФЕВРАЛЯ, 7 МАРТА ..... 20—24
5. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, 17 МАРТА ..... 24—28

1846 год

6. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, 27 ИЮЛЯ ..... 29—31
7. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, 19 АВГУСТА ..... 31—35
8. ЭНГЕЛЬС — БРЮССЕЛЬСКОМУ КОММУНИСТИЧЕСКОМУ КОРРЕСПОНДЕНТСКОМУ КОМИТЕТУ, 19 АВГУСТА ..... 35—38
9. ЭНГЕЛЬС — БРЮССЕЛЬСКОМУ КОММУНИСТИЧЕСКОМУ КОРРЕСПОНДЕНТСКОМУ КОМИТЕТУ, 16 СЕНТЯБРЯ ..... 38—45
10. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, 18 СЕНТЯБРЯ ..... 45—51
11. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, [СЕНТЯБРЬ] ..... 51—53
12. ЭНГЕЛЬС—МАРКСУ, [18 ОКТЯБРЯ] ..... 53—59
13. ЭНГЕЛЬС — БРЮССЕЛЬСКОМУ КОММУНИСТИЧЕСКОМУ КОРРЕСПОНДЕНТСКОМУ КОМИТЕТУ, 23 ОКТЯБРЯ ..... 59—64
14. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, [ОКОЛО 23 ОКТЯБРЯ] ..... 64—65

* Звездочкой отмечены письма, впервые публикуемые в настоящем издании.

15. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, 2 НОЯБРЯ 66
16. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, [ДЕКАБРЬ] ..... 67—72

1847 год

17. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, 15 ЯНВАРЯ ..... 73—76
18. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, 9 МАРТА ..... 76—81
19. МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ, 15 МАЯ ..... 81—83
20. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, 28—30 СЕНТЯБРЯ ..... 83—91
21. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, [25]—26 ОКТЯБРЯ ..... 92—97
22. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, [14]—15 НОЯБРЯ ..... 98—101
23. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, [23—24 НОЯБРЯ] ..... 101—105

1848 год

24. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, 14 ЯНВАРЯ ..... 106—109
25. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, [21 ЯНВАРЯ] ..... 109—111
26. ЭНГЕЛЬС—МАРКСУ, [8]—9 МАРТА ..... 111—113
27. МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ, [ОКОЛО 12 МАРТА] 114
28. МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ, 16 МАРТА ..... 114—115
29. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, [18 МАРТА] ..... 116—118
30. МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ, [РАНЕЕ 25 АПРЕЛЯ] 118
31. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, 25 АПРЕЛЯ ..... 119—120
32. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, 9 МАЯ ..... 120—121
33. МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ, [26 ОКТЯБРЯ] ..... 121—122
34. МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ, [СЕРЕДИНА НОЯБРЯ] ..... 122—123
35. МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ, 29 НОЯБРЯ 124
36. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, 28 ДЕКАБРЯ 125

1849 год

37. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, 7—[8] ЯНВАРЯ ..... 126—127
38. МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ, 23 АПРЕЛЯ 128
39. МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ, [ВТОРАЯ ПОЛОВИНА АПРЕЛЯ — НАЧАЛО МАЯ] 129

40. МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ, 7 ИЮНЯ ..... 129—131
41. МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ, [ОКОЛО 1 АВГУСТА] ..... 131—132
42. МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ, 17 АВГУСТА ..... 132—134
43. МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ, 23 АВГУСТА ..... 134—135

1850 год

44. МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ, 19 НОЯБРЯ 136
45. МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ, 23 НОЯБРЯ ..... 136—137
46. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, 25 НОЯБРЯ ..... 137—138
47. МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ, 2 ДЕКАБРЯ ..... 139—143
48. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, 17 ДЕКАБРЯ ..... 144—145

1851 год

49. МАРКС—ЭНГЕЛЬСУ, 6 ЯНВАРЯ 146
50. МАРКС—ЭНГЕЛЬСУ, 7 ЯНВАРЯ ..... 146—152
51. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, 8 ЯНВАРЯ ..... 152—154
52. МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ, 22 ЯНВАРЯ ..... 154—155
53. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, [25 ЯНВАРЯ] ..... 155—157
54. МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ, 27 ЯНВАРЯ ..... 157—158
55. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, 29 ЯНВАРЯ ..... 158—161
56. МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ, 3 ФЕВРАЛЯ ..... 161—167
57. ЭНГЕЛЬС—МАРКСУ, 5 ФЕВРАЛЯ ..... 167—170
58. МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ, 10 ФЕВРАЛЯ ..... 170—172
59. МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ, 11 ФЕВРАЛЯ ..... 172—173
60. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, [12 ФЕВРАЛЯ] ..... 174—176
61. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, 13 ФЕВРАЛЯ ..... 176—178
62. МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ, 23 ФЕВРАЛЯ ..... 178—184
63. МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ, 24 ФЕВРАЛЯ ..... 184—185
64. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, 25 ФЕВРАЛЯ ..... 185—187
65. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, 26 ФЕВРАЛЯ ..... 188—190
66. МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ, [26 ФЕВРАЛЯ] ..... 190—191

67. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, [26 ФЕВРАЛЯ] 192
68. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, 27 ФЕВРАЛЯ ..... 192—193
69. ЭНГЕЛЬС—МАРКСУ, [28 ФЕВРАЛЯ] ..... 193—194
70. МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ, 1 МАРТА ..... 195—196
71. МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ, 8 МАРТА ..... 196—197
72. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, 10 МАРТА ..... 197—198
73. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, 17 МАРТА ..... 198—199
74. МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ, 17 МАРТА ..... 199—201
75. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, 19 МАРТА ..... 201—203
76. МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ, [22 МАРТА] ..... 203—204
77. МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ, 31 МАРТА ..... 204—206
78. МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ, 2 АПРЕЛЯ ..... 206—208
79. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, 3 АПРЕЛЯ ..... 208—213
80. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, 11 АПРЕЛЯ ..... 213—214
81. МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ, 15 АПРЕЛЯ ..... 215—216
82. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, 15 АПРЕЛЯ ..... 216—217
83. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, 1 МАЯ ..... 217—220
84. МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ, 3 МАЯ ..... 220—222
85. МАРКС —ЭНГЕЛЬСУ, 5 МАЯ ..... 222—224
86. ЭНГЕЛЬС—МАРКСУ, [6 ИЛИ 7 МАЯ] ..... 224—226
87. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, 8 МАЯ ..... 226—227
88. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, 9 МАЯ ..... 228—231
89. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, [15 МАЯ] ..... 231—232
90. МАРКС —ЭНГЕЛЬСУ, 16 МАЯ ..... 232—234
91. ЭНГЕЛЬС —МАРКСУ, 19 МАЯ ..... 234—236
92. МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ, 21 МАЯ ..... 236—238
93. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, 23 МАЯ ..... 239—242
94. МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ, 28 МАЯ ..... 243—244
95. ЭНГЕЛЬС—МАРКСУ, [3 ИЮНЯ] 245
96. МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ, 16 ИЮНЯ ..... 245—246
97. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, 27 ИЮНЯ ..... 246—247

98. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, [ОКОЛО 6 ИЮЛЯ] ..... 247—249
99. МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ, 13 ИЮЛЯ ..... 249—253
100. МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ, [ОКОЛО 17 ИЮЛЯ] ..... 253—254
101. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, 17 ИЮЛЯ ..... 254—257
102. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, [ОКОЛО 20 ИЮЛЯ] ..... 257—260
103. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, 30 ИЮЛЯ ..... 260—261
104. МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ, 31 ИЮЛЯ ..... 261—264
105. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, [ОКОЛО 1 АВГУСТА] ..... 264— 266
106. МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ, 8 АВГУСТА ..... 266—273
107. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, [ОКОЛО 10 АВГУСТА] ..... 273—275
108. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, [ОКОЛО 11 АВГУСТА] ..... 275—279
109. МАРКС—ЭНГЕЛЬСУ, 14 АВГУСТА ..... 279—282
110. МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ, [ОКОЛО 20 АВГУСТА] ..... 282—283
111. ЭНГЕЛЬС—МАРКСУ, 21 АВГУСТА ..... 283—285
112. МАРКС—ЭНГЕЛЬСУ, 25 АВГУСТА ..... 285—293
113. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, [ОКОЛО 27 АВГУСТА] ..... 293—294
114. МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ, 31 АВГУСТА ..... 294—298
115. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, 1 СЕНТЯБРЯ ..... 298—300
116. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, 8 СЕНТЯБРЯ ..... 300—301
117. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, 11 СЕНТЯБРЯ 302
118. МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ, 13 СЕНТЯБРЯ ..... 302—304
119. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, 19 СЕНТЯБРЯ 304
120. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, 23 СЕНТЯБРЯ ..... 305—309
121. МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ, 23 СЕНТЯБРЯ ..... 309—314
122. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, [25 СЕНТЯБРЯ] ..... 314—315
123. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, [26 СЕНТЯБРЯ] ..... 315—318
124. МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ, 13 ОКТЯБРЯ ..... 318—322
125. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, 15 ОКТЯБРЯ ..... 322—325
126. МАРКС—ЭНГЕЛЬСУ, 19 ОКТЯБРЯ ..... 325—328
127. МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ, 25 ОКТЯБРЯ ..... 328—329
128. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, [ОКОЛО 27 ОКТЯБРЯ] ..... 329—331

129. МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ, 24 НОЯБРЯ ..... 332— 334
130. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, 27 НОЯБРЯ ..... 334—337
131. МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ, 1 ДЕКАБРЯ ..... 337—339
132. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, 3 ДЕКАБРЯ ..... 339—342
133. МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ, 9 ДЕКАБРЯ ..... 342—344
134. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, 10 ДЕКАБРЯ ..... 344—346
135. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, 11 ДЕКАБРЯ ..... 346—349
136. ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ, 16 ДЕКАБРЯ ..... 349—351

Часть вторая
ПИСЬМА К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА К РАЗНЫМ ЛИЦАМ
(февраль 1842 — декабрь 1851)

1842 год

1. МАРКС — АРНОЛЬДУ РУГЕ, 10 ФЕВРАЛЯ ..... 355—356
2. МАРКС —АРНОЛЬДУ РУГЕ, 5 МАРТА ..... 356—357
3. МАРКС — АРНОЛЬДУ РУГЕ, 20 МАРТА ..... 357—360
4. МАРКС — АРНОЛЬДУ РУГЕ, 27 АПРЕЛЯ ..... 360—362
5. ЭНГЕЛЬС — АРНОЛЬДУ РУГЕ, 15 ИЮНЯ ..... 362—363
6. МАРКС — АРНОЛЬДУ РУГЕ, 9 ИЮЛЯ ..... 363—365
7. ЭНГЕЛЬС — АРНОЛЬДУ РУГЕ, 26 ИЮЛЯ ..... 365—366
8. МАРКС — ДАГОБЕРТУ ОППЕНХЕЙМУ, [ОКОЛО 25 АВГУСТА] ..... 366—368
9. МАРКС — АРНОЛЬДУ РУГЕ, 30 НОЯБРЯ ..... 368—370

1843 год

10. МАРКС — АРНОЛЬДУ РУГЕ, 25 ЯНВАРЯ ..... 371—373
11. МАРКС — АРНОЛЬДУ РУГЕ, 13 МАРТА ..... 373—375
12. МАРКС — ЛЮДВИГУ ФЕЙЕРБАХУ, 3 ОКТЯБРЯ ..... 375—377
13. *МАРКС — ЮЛИУСУ ФРЁБЕЛЮ, 21 НОЯБРЯ ..... 378—379

1844 год

14. *МАРКС — РЕДАКЦИИ «ALLGEMEINE ZEITUNG», 14 АПРЕЛЯ 380
15.* МАРКС — ЛЮДВИГУ ФЕЙЕРБАХУ, 11 АВГУСТА ..... 380—383
16.* МАРКС — ЮЛИУСУ КАМПЕ, 7 ОКТЯБРЯ 384
17. МАРКС—ГЕНРИХУ БЕРНШТЕЙНУ, [ОСЕНЬ] 384
18. МАРКС—ГЕНРИХУ БЕРНШТЕЙНУ, [ОСЕНЬ] 385
19. МАРКС — ГЕНРИХУ БЕРНШТЕЙНУ, [ДЕКАБРЬ] 385

1845 год

20. * МАРКС — АРНОЛЬДУ РУГЕ, [ЯНВАРЬ] 386
21. МАРКС — ГЕНРИХУ ГЕЙНЕ, 12 ЯНВАРЯ ..... 386—387
22. МАРКС — ГЕНРИХУ ГЕЙНЕ, [24 МАРТА] 387
23. МАРКС — ЛЁВЕНТАЛЮ, 9 МАЯ 388
24. ЭНГЕЛЬС — МАРИИ ЭНГЕЛЬС, 31 МАЯ ..... 388—390
25. ЭНГЕЛЬС — ЮЛИУСУ КАМНЕ, 14 ОКТЯБРЯ ..... 390—391

1846 год

26. ЭНГЕЛЬС — ЭМИЛЮ БЛАНКУ, 3 АПРЕЛЯ 392
27. МАРКС — ГЕНРИХУ ГЕЙНЕ, [ОКОЛО 5 АПРЕЛЯ] 393
28. МАРКС — ПЬЕРУ ЖОЗЕФУ ПРУДОНУ, 5 МАЯ ..... 393—395
29. ЭНГЕЛЬС И МАРКС — МОЗЕСУ ГЕССУ, 27— [ОКОЛО 28] ИЮЛЯ 396
30. МАРКС — КАРЛУ ВИЛЬГЕЛЬМУ ЛЕСКЕ, 1 АВГУСТА ..... 397—400
31. МАРКС — ПАВЛУ ВАСИЛЬЕВИЧУ АННЕНКОВУ, 28 ДЕКАБРЯ ..... 401—412

1847 год

32. МАРКС—РОЛАНДУ ДАНИЕЛЬСУ, 7 МАРТА 413
33. МАРКС — ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ, 27 ИЮЛЯ 414
34. МАРКС — ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ, 8 АВГУСТА ..... 414— 416

35. МАРКС — МОЗЕСУ ГЕССУ, 2 СЕНТЯБРЯ 416
36. ЭНГЕЛЬС — ЛЮСЬЕНУ ЖОТРАНУ, [30 СЕНТЯБРЯ] 417
37. МАРКС — ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ, 26 ОКТЯБРЯ ..... 417— 419
38. МАРКС — ПАВЛУ ВАСИЛЬЕВИЧУ АННЕНКОВУ, 9 ДЕКАБРЯ ..... 419—420

1848 год

39. ЭНГЕЛЬС — ЭМИЛЮ БЛАНКУ, 26 МАРТА ..... 421—422
40. ЭНГЕЛЬС — ЭМИЛЮ БЛАНКУ, 28 МАРТА ..... 422—425
41. МАРКС И ЭНГЕЛЬС — АДАЛЬБЕРТУ БОРНШТЕДТУ И ДРУГИМ, 1 АПРЕЛЯ 425
42.* МАРКС И ЭНГЕЛЬС — ЭТЬЕННУ КАБЕ, 5 АПРЕЛЯ ..... 425—426
43. ЭНГЕЛЬС — ЭМИЛЮ БЛАНКУ, 15 АПРЕЛЯ ..... 426—427
44. ЭНГЕЛЬС—ЭМИЛЮ БЛАНКУ, 24 МАЯ ..... 427— 428
45. ЭНГЕЛЬС — КАРЛУ ФРИДРИХУ КЁППЕНУ, 1 СЕНТЯБРЯ 429
46. МАРКС — ЭДУАРДУ МЮЛЛЕРУ-ТЕЛЛЕРИНГУ, [5 ДЕКАБРЯ] ..... 429—430
47.* ЭНГЕЛЬС—СОЮЗУ В ВЕВЕ, [ОКОЛО 25] ДЕКАБРЯ ..... 430—433
48. МАРКС — ПОЛИЦЕЙСКОМУ СОВЕТНИКУ ВИЛЬГЕЛЬМУ ШТИБЕРУ, [ОКОЛО 29 ДЕКАБРЯ] ..... 433—434
49.* ЭНГЕЛЬС — ПРАВЛЕНИЮ МАРТОВСКОГО СОЮЗА, ДЕКАБРЬ ..... 434—435

1849 год

50. МАРКС — ЭДУАРДУ МЮЛЛЕРУ-ТЕЛЛЕРИНГУ, 15 ЯНВАРЯ ..... 436—437
51. МАРКС — ЭРНСТУ ДРОНКЕ, 3 ФЕВРАЛЯ ..... 437—438
52.* ЭНГЕЛЬС — ДАНИЕЛЮ ФЕННЕРУ ФОН ФЕННЕБЕРГУ, 1 МАРТА ..... 438—439
53. МАРКС — ПОЛКОВНИКУ ЭНГЕЛЬСУ, 3 МАРТА ..... 439—440
54. МАРКС — ПОЛКОВНИКУ ЭНГЕЛЬСУ, [ОКОЛО 5 МАРТА] ..... 440—441
55. МАРКС—ИОСИФУ ВЕЙДЕМЕЙЕРУ, [1 ИЮНЯ] 441
56. МАРКС — ИОСИФУ ВЕЙДЕМЕЙЕРУ, 13 ИЮЛЯ 442

57. ЭНГЕЛЬС — ЖЕННИ МАРКС, 25 ИЮЛЯ ..... 443—444
58. МАРКС — ФЕРДИНАНДУ ФРЕЙЛИГРАТУ, 31 ИЮЛЯ ..... 444—446
59. МАРКС — ИОСИФУ ВЕЙДЕМЕЙЕРУ, [ОКОЛО 1 АВГУСТА] ..... 447—448
60. МАРКС—ИОСИФУ ВЕЙДЕМЕЙЕРУ, [СЕРЕДИНА АВГУСТА] 448
61. ЭНГЕЛЬС — ЯКОБУ ШАБЕЛИЦУ, 24 АВГУСТА ..... 449—450
62. ЭНГЕЛЬС — ИОСИФУ ВЕЙДЕМЕЙЕРУ, 25 АВГУСТА ..... 450—451
63. МАРКС — ФЕРДИНАНДУ ФРЕЙЛИГРАТУ, 5 СЕНТЯБРЯ ..... 451—452
64. ЭНГЕЛЬС — ДЖОРДЖУ ДЖУЛИАНУ ГАРНИ, 5 ОКТЯБРЯ ..... 452—453
65. МАРКС — ЛУИ БАУЭРУ, 30 НОЯБРЯ 453
66. МАРКС — ИОСИФУ ВЕЙДЕМЕЙЕРУ, 19 ДЕКАБРЯ ..... 453—456
67. ЭНГЕЛЬС — ЯКОБУ ШАБЕЛИЦУ, 22 ДЕКАБРЯ ..... 456—457

1850 год

68. МАРКС — ЭДУАРДУ МЮЛЛЕРУ-ТЕЛЛЕРИНГУ, 1 ЯНВАРЯ 458
69. МАРКС — ФЕРДИНАНДУ ФРЕЙЛИГРАТУ, 10 ЯНВАРЯ ..... 458—459
70. МАРКС — ИОСИФУ ВЕЙДЕМЕЙЕРУ, 4 ФЕВРАЛЯ ..... 459—460
71.* ЭНГЕЛЬС—ЭДУАРДУ МЮЛЛЕРУ-ТЕЛЛЕРИНГУ, [7 ФЕВРАЛЯ] 460
72. ЭНГЕЛЬС — КОМИТЕТУ ВЕНГЕРСКИХ ЭМИГРАНТОВ, [КОНЕЦ ФЕВРАЛЯ] 461
73. ЭНГЕЛЬС — ЮЛИУСУ ШУБЕРТУ, ТЕОДОРУ ХАГЕНУ И СТЕФАНУ АДОЛЬФУ НАУТУ, 4 МАРТА ..... 461— 462
74. МАРКС — ЭДУАРДУ МЮЛЛЕРУ-ТЕЛЛЕРИНГУ, 12 МАРТА ..... 462—463
75. МАРКС — ИОСИФУ ВЕЙДЕМЕЙЕРУ, 9 АПРЕЛЯ 464
76. ЭНГЕЛЬС — ЮЛИУСУ ШУБЕРТУ, [ОКОЛО 11 АПРЕЛЯ] ..... 464—465
77. ЭНГЕЛЬС — ИОСИФУ ВЕЙДЕМЕЙЕРУ, 22 АПРЕЛЯ ..... 465—466
78. ЭНГЕЛЬС — ИОСИФУ ВЕЙДЕМЕЙЕРУ, 25 АПРЕЛЯ ..... 466—467
79. ЭНГЕЛЬС И МАРКС — Ф. ПАРДИГОНУ, 6 МАЯ 468
80. ЭНГЕЛЬС—ТЕОДОРУ ШУСТЕРУ, 13 МАЯ ..... 468— 469
81. МАРКС—ИОСИФУ ВЕЙДЕМЕЙЕРУ, 8 ИЮНЯ ..... 469—470
82. МАРКС — ИОСИФУ ВЕЙДЕМЕЙЕРУ, 27 ИЮНЯ 470

83.* МАРКС — ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОБРАНИЯ ЭМИГРАНТОВ, 30 ИЮНЯ 471
84.* МАРКС — КАРЛУ БЛИНДУ, 17 ИЮЛЯ ..... 471—472
85. МАРКС — ИОСИФУ ВЕЙДЕМЕЙЕРУ, 29 ОКТЯБРЯ ..... 472—473
86. МАРКС — ГЕРМАНУ БЕККЕРУ, 2 ДЕКАБРЯ ..... 473—474
87. ЭНГЕЛЬС — ЭМИЛЮ БЛАНКУ, 3 ДЕКАБРЯ ..... 474—475

1851 год

88. МАРКС — ГЕРМАНУ БЕККЕРУ, [ОКОЛО 1 ФЕВРАЛЯ] 476
89. МАРКС — ГЕРМАНУ БЕККЕРУ, 8 ФЕВРАЛЯ 477
90. МАРКС — ГЕРМАНУ БЕККЕРУ, 28 ФЕВРАЛЯ ..... 477— 479
91. МАРКС—ГЕРМАНУ БЕККЕРУ, 9 АПРЕЛЯ 480
92. ЭНГЕЛЬС—ВИЛЬГЕЛЬМУ ВОЛЬФУ, [1 МАЯ] ..... 480—482
93. МАРКС — РОЛАНДУ ДАНИЕЛЬСУ, [МАЙ] 483
94. ЭНГЕЛЬС — ИОСИФУ ВЕЙДЕМЕЙЕРУ, 19 ИЮНЯ ..... 483—486
95. МАРКС — ИОСИФУ ВЕЙДЕМЕЙЕРУ, 27 ИЮНЯ ..... 486—489
96. ЭНГЕЛЬС — ЭРНСТУ ДРОНКЕ, 9 ИЮЛЯ ..... 489—492
97. МАРКС—ИОСИФУ ВЕЙДЕМЕЙЕРУ, 2 АВГУСТА ..... 492—495
98. ЭНГЕЛЬС — ВИЛЬГЕЛЬМУ ВОЛЬФУ, 6 АВГУСТА ..... 495—496
99. ЭНГЕЛЬС — ИОСИФУ ВЕЙДЕМЕЙЕРУ, 7 АВГУСТА ..... 496—498
100.* МАРКС — ГЕРМАНУ ЭБНЕРУ, [ВТОРАЯ ПОЛОВИНА АВГУСТА] ..... 499—506
101. МАРКС — ИОСИФУ ВЕЙДЕМЕЙЕРУ, 11 СЕНТЯБРЯ ..... 506—508
102.* МАРКС — АМАЛИИ ДАНИЕЛЬС, [МЕЖДУ 4 И 8 ОКТЯБРЯ] 508
103. МАРКС — ИОСИФУ ВЕЙДЕМЕЙЕРУ, 16 ОКТЯБРЯ ..... 508—510
104. МАРКС — ИОСИФУ ВЕЙДЕМЕЙЕРУ, 31 ОКТЯБРЯ ..... 510— 511
105. МАРКС — АДОЛЬФУ КЛУССУ, [КОНЕЦ НОЯБРЯ] ..... 511— 512
106.* МАРКС — ГЕРМАНУ ЭБНЕРУ, 2 ДЕКАБРЯ ..... 512—516
107.* ЭНГЕЛЬС — МАРИИ БЛАНК, 15 ДЕКАБРЯ ..... 516—517
10S. ЭНГЕЛЬС — ЖЕННИ МАРКС, [18 ДЕКАБРЯ] 518
109. МАРКС — ИОСИФУ ВЕЙДЕМЕЙЕРУ, 19 ДЕКАБРЯ ..... 518—520
110. МАРКС — ФЕРДИНАНДУ ФРЕЙЛИГРАТУ, 27 ДЕКАБРЯ ..... 520—521

ПРИЛОЖЕНИЯ

1.* Маркс—бельгийскому королю Леопольду 1,7 февраля 1845 г. 525
2.* Маркс — обер-бургомистру Трира Гёрцу, 17 октября [1845 г.] 525
3.* Маркс — обер-бургомистру Трира Гёрцу, 10 ноября 1845 г. 526
4. Женни Маркс — Иосифу Вейдемейеру, [17 марта 1848г.] ..... 526—527
5.* Конрад Шрамм — Иосифу Вейдемейеру, 8 января 1850 г. ..... 527—528
6. Женни Маркс — Иосифу Вейдемейеру, 20 мая [1850 г.] ..... 529—533
7. Женни Маркс — Иосифу Вейдемейеру, [около 20 июня 1850 г.] 533
8. Женни Маркс — Фридриху Энгельсу, 19 декабря [1850 г.] ..... 534—535
9. Женни Маркс —Фридриху Энгельсу, [11] января 1851 г. 535
10.* Женни Маркс — Фридриху Энгельсу, 17 декабря 1851 г. ..... 535—536
Примечания ..... 539—610
Указатель имен ..... 611—653
Указатель цитируемой и упоминаемой литературы ..... 654—673
Указатель периодических изданий ..... 674—682
Список писем, датировка которых изменена по сравнению с первым изданием Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса ..... 683—684

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Дом в Бармене, где родился Энгельс ..... между 28—29
Руге у берлинских «Свободных». Карикатура Ф. Энгельса (1842 г.) ..... » 28—29
Дом в Брюсселе, в котором жил Маркс (май 1845 — май 1846 г.) ..... » 60—61
Дом в Париже, в котором жил Энгельс (ноябрь 1846 — март 1847 г.) ..... » 60—61
Первая страница письма Энгельса Марксу, [23—24 ноября 1847 г.] 103
Первая страница письма Маркса Энгельсу, 7 января 1851г. 147
Карл Маркс в студенческие годы (Бонн, 1836 г.) ..... между 356—357
Фридрих Энгельс в мундире артиллериста (Берлин, 1841 г.) ..... » 364—365
Женни Маркс в юности ..... » 388—389
Дом в Трире, где родился Маркс ..... » 388—389
Похороны «Rheinische Zeitung» (Современная карикатура) ..... » 428—429
Карикатура Ф. Энгельса на прусского короля Фридриха-Вильгельма IV (1848 г.) ..... » 428—429

Том подготовили к печати:
В. А. Крылов (письма за 1851 г.),
С. З. Левиова (письма за 1842—1850 гг.).
Помощники подготовителей
К. И. Коннова и *М. А. Кочеткова*
Редактор *И. А. Арманд*

Технический редактор *Ц. Л. Бейлина*

Корректоры *Г. П. Шалина* и *В. Н. Яковлева*

*

Сдано в набор 11/IX 1961 г. Подписано к печати 15/II 1962 г. Формат 60×92 1/16. Физ. печ. л. 45 3/4 + вклеек (3/4 печ. л.). Условн. печ. л. 46,5. Уч.-изд. л. 44,59. Тираж 125 тыс. экз. *Заказ № 566.*
Цена 1 руб.

*

Государственное издательство политической литературы.

Москва, А-47, Миусская пл., 7.

*

Ленинградский Совет народного хозяйства. Управление полиграфической промышленности.

Типография № 1 «Печатный Двор» им. А. М. Горького.

Ленинград, Гатчинская, 26.